

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

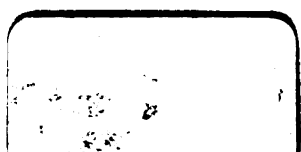
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВЪСТАНОВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.

М А Й, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1872.

- I. — О СТАРОМЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ И ПАЛАТѢ, ВЪ КОЕИ СКОНЧАЛСЯ ГО
СУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ. — Съ двумя рисунками.
Записка 1834 года А. Л. Майера
- II. — КРОИПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА, НЕВѢСТКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО. — 1707-
1715 гг. — По ея неизданнымъ письмамъ. — В. Н. Герье
- III. — МАЛОРОССІЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. — М. О. де-Пуле
- IV. — ДИЛЕТТАНТЫ. — Романъ. — Половина первая. — Строители. — Часть первая. —
IX-XII. — О. Э. Ромера
- V. — ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ, ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕ-
СЯТЫХЪ ГОДОВЪ. — Историческіе очерки. — IX. — А. Н. Пышина
- VI. — СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕЛАНИЯ. — Стих. Евг. Маслова
- VII. — ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ОБРУСЕНІЕ. — X-XII. — Оконча-
ніе. — М. Т-овъ
- VIII. — ЭКСКУРСІЯ НА ОСТРОВЪ ТЕНЕРИФЕ. — Ил. Ил. Мечникова
- IX. — ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА. — Съ 1837-го по 1843-й годъ. — VI. — Окончаніе. — А.
Н. Ломачевского
- X. — ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861-1871 гг. — V. Присяжные засѣдатели. — VI.
Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства. — Заключеніе. — Г.
Н.
- XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Распространеніе судебной реформы на царство
польское. — Цѣли политическія и юридическія. — Основанія русской политики
въ царствѣ. — Национальность, какъ новое орудіе въ «борьбѣ за существова-
ніе». — Земскія сельско-хозяйственныя училища. — Земское училище въ Вяткѣ. —
Циркуляръ г. управляющаго морскимъ министерствомъ. — Письмо г. Громниц-
каго въ редакцію
- XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Международный процессъ С.-А. Шта-
товъ съ Англіею
- XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Поворотъ въ общественномъ
мнѣніи Франціи. — Н.
- XIV. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Точка зрѣнія политико-экономической
критики у К. Маркса. — Капиталь. — Соч. Карла Маркса въ русскомъ пере-
водѣ. — Н. П. К-въ
- XV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Общественное образованіе въ Соединенныхъ-Штатахъ. Сост.
Гиппо. — Швейцарія и швейцарцы. Соч. Диссона. — Станиславъ Августъ Поня-
товскій въ Гроднѣ и Литвѣ. Соч. М. де-Пуле. — Историческіе этюды С. С.
Шашкова.
- XVI. — ЗАМѢТКА. — Мрачный публицистъ женскаго вопроса. — «Нашъ
женскій вопросъ», статьи кн. В. Мещерскаго. — Бар. Марія Корфъ.
- XVII. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ:
Годовое собраніе общества 2 февраля. — II. Подписка на стипендіи Н. А. Ми-
лютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей
- XVIII. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ III.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

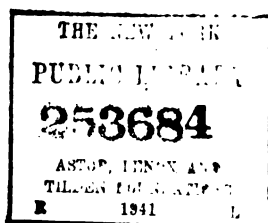
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

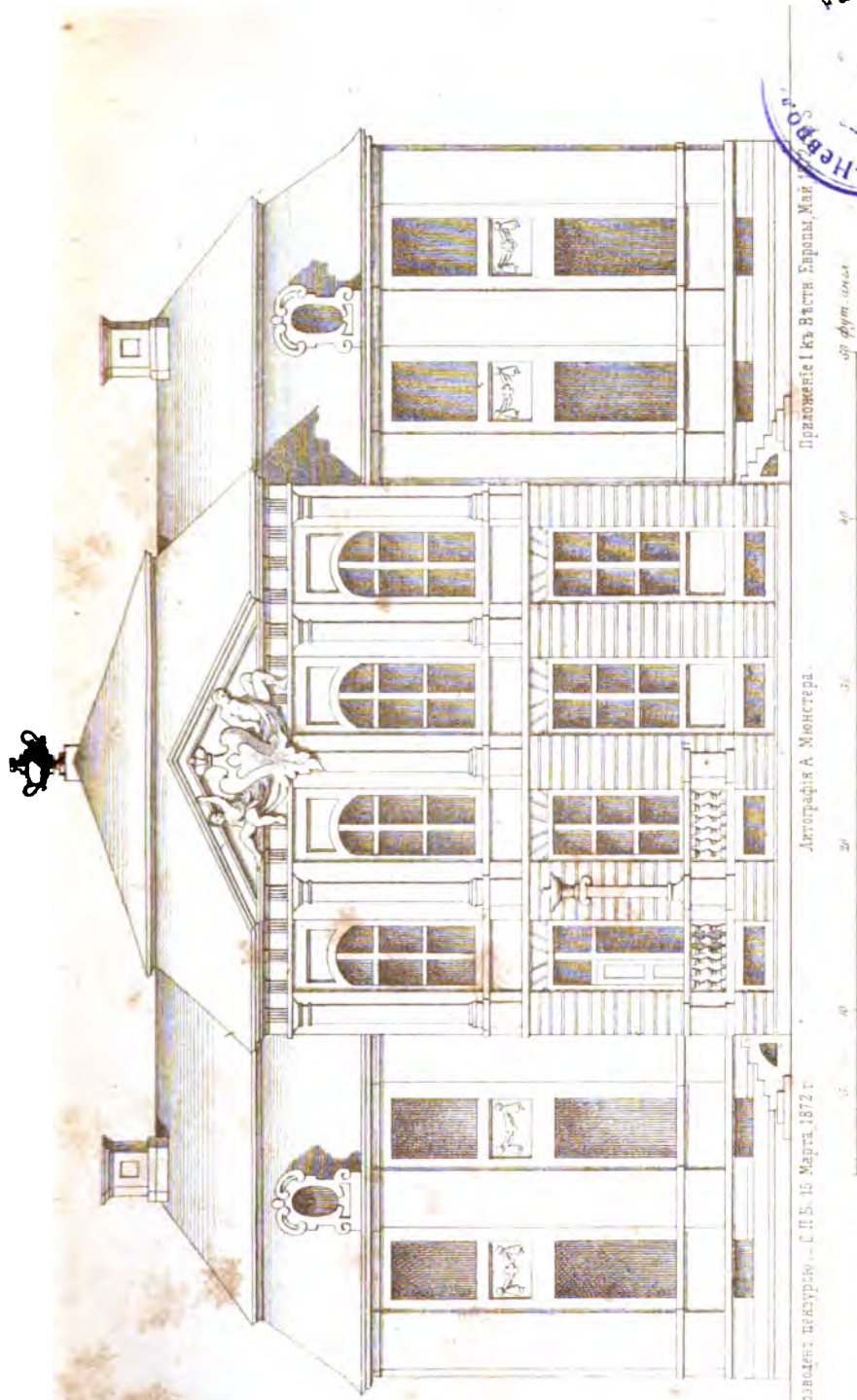
Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ЗИМНІЙ ДОМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
построенный Архитекторомъ Маттарнови въ 1721 году.

а.

7 ЗИМНІЙ ДОМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСК.

8 Часть Дворцовой Канцеляріи.

9. Зимняя канавка.

много Дворца у Зимней канавки.

СТАРОМЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ И ПАЛАТѢ

ВЪ КОЕИ СКОНЧАЛСЯ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ *

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

СОПРАНИИ, ПОКЪЗАНІИ Е. И. В. ГЕН.-ИНСПЕКТОРА ПО ИНЖЕНЕРНОЙ ЧАСТИ, СЪВѢДЕНІЯ
А. Л. МАЙЕРОВЪ
1884 г.

Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько словъ о запискѣ А. Л. Майера и о самой личности автора, въ свое время весьма извѣстной. Записка, вмѣстѣ съ рисунками и чертежами, приобрѣтена нами, чрезъ обязательное посредство М. Ѳ. Поселята, отъ сестры покойнаго, и сохранялась до сихъ поръ въ его семейномъ архивѣ. Судя по многочисленнымъ поправкамъ и дополненіямъ на поляхъ, это — черновая; была ли она переблѣнена и куда-нибудь представлена — намъ неизвѣстно, но изъ словъ автора можно заключить, что гдѣ-нибудь долженъ находиться экземпляръ переписанный начисто: авторъ исполнялъ свою работу по данному ему порученію. Біографія покойнаго объясняетъ намъ, на какомъ именно основаніи такого рода порученіе могло быть ему дано.

Фамилія Майеровъ, какъ то видно изъ краткаго некролога покойнаго, написаннаго А. Н. Струговщиковымъ въ № 185 „Русск. Инв.“

за 1864-й годъ, переселилась въ Россію изъ Ангальтъ-Бернбурга въ концѣ прошлаго столѣтія. Отецъ автора, Леонтій Леонтьевичъ Майеръ, сопровождалъ въ Россію принца Ангальтъ-Бернбургскаго въ качествѣ его секретаря, былъ вмѣстѣ съ нимъ въ дѣйствующей арміи, и при осадѣ Очакова успѣлъ случайно оказать существенную услугу тогда молодому офицеру, впослѣдствіи военному министру и фельдмаршалу князю Барклаю де-Толли: ему, раненому и больному, онъ купилъ теплое платье и тѣмъ спасъ его жизнь. Дружескія отношенія Барклая къ отцу помогли не мало сыну при началѣ его карьеры, которую онъ продолжалъ успѣшно, благодаря уже своимъ личнымъ достоинствамъ, трудолюбію и характеру, снискавшему ему всеобщее уваженіе. Такъ говорили намъ многіе изъ знавшихъ лично автора. Александръ Леонтьевичъ Майеръ родился въ 1792-мъ году¹⁾; въ 1806-мъ году онъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію, а въ 1811-мъ его перевели въ военное министерство, гдѣ онъ выдержалъ экзаменъ на званіе переводчика. Въ 1812-мъ и 1813-мъ годахъ, онъ сдѣлалъ походъ, состоя дипломатическимъ чиновникомъ при главнокомандующемъ 1-й западной арміи, а въ 1814-мъ году его назначили членомъ коммисіи для учебныхъ пособій и вмѣстѣ начальникомъ архива инженернаго департамента. На этомъ-то мѣстѣ онъ и приобрѣлъ себѣ извѣстность своею неутомимою ученою дѣятельностью. Такъ, онъ работалъ по составленію руководства къ русской грамматикѣ вмѣстѣ съ Востоковымъ, Павскимъ и Гречемъ; но главнымъ и любимымъ предметомъ его изслѣдованій, доставившимъ ему почетную извѣстность, былъ вопросъ о топографіи Петербурга и ея видоизмѣненіяхъ, начиная съ самаго года основанія Петербурга и до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Результатомъ обширныхъ топографическихъ трудовъ А. Л. Майера былъ атласъ: „Историческіе планы столичнаго города Санктпетербурга, съ 1714-го по 1839-й годъ, изданные по Высочайшему Государя Императора повелѣнію“, — состоящій изъ большихъ семи листовъ, съ включомъ къ нимъ: „Объясненіе къ историческимъ планамъ“ и т. д. (Спб. 1843, стр. 276). Во время работъ по составленію этого атласа, въ началѣ 30-хъ годовъ, былъ поднятъ вопросъ о точномъ мѣстѣ кончины Петра Великаго. Преданій было мало, несмотря на относительную близость факта, да и тѣ разнорѣчили; вѣстность Дворцовой набережной совершенно измѣнилась съ того времени, и потому А. Л. Майеру предстояла трудная задача, которую однако онъ разрѣшилъ вполне на основаніи открытыхъ имъ источниковъ и преданій въ собственномъ семействѣ. Кромѣ издаваемой нами нынѣ его записки, онъ составилъ 10 чертежей и рисунковъ; изъ нихъ мы прилагаемъ для наглядности два: 1) фасадъ Зимняго Дома

¹⁾ Умеръ въ Карлсбадѣ, 22 іюля 1864 г.

Петра Великаго (см. приложение I), построеннаго архит. Маттарнови въ 1721 году; и 2) видъ нынѣшней Дворцовой набережной вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, въ 1728-мъ году, когда Зимній Домъ (см. подъ цифрою 7 въ приложеніи II) былъ уже передѣланъ и значительно распространенъ вверхъ по теченію Невы. А. Л. Майеръ снялъ свои рисунки на вошеной бумагѣ съ современныхъ изображеній.

Изъ прочихъ чертежей Майера, остающихся у насъ въ портфель, особенно замѣчательна копія съ плана Зимняго Дома, начертаннаго самимъ Петромъ Великимъ съ слѣдующимъ собственноручнымъ распределеніемъ помещений дома:

- А. Старана отъ реки ¹⁾.
- В. Старана отъ кавала (*Зимняя Канавка*).
- С. Гдѣ обѣдать.
- Д. Поварня.
- Е. Сѣни проходныя отъ канала на дворикъ.
- Ф. Дворикъ, которой высланъ кирпичемъ желтымъ.
- Н. Другія сѣни проходныя с реки на дворикъ.
- І. Камары, которые дѣлать ни более ни меньше, но такъ какъ уже начертаны.
- К. Сні перегородки камаръ дѣлать деревянныя, а не каменные, дабы можно было или меньше камары здѣлать.
- Л. Фундаментъ, назначенный тропочками, оной не выводить выше какъ земли, для того, ежели впредѣ захочемъ дѣлать стѣны, чтобъ готово было.
- М. Проходъ между камарою покрытой стекломъ, у котораго въ двухъ жаротахъ; гдѣ Q пумпъ для воды, а гдѣ В отходъ; S Галерея противъ цветниковъ.
- Т. Камары и чуланы для поклажи.
- У. Въ семъ мѣстѣ палаты разделить дастца на волю архитекта.
- Гдѣ литера Р тѣ палаты дѣлать о двухъ жильяхъ, а прочіе объ одномъ.

На рисункѣ А. Л. Майера, гдѣ изображена Дворцовая Набережная того времени, мы для наглядности, съ сохраненіемъ однако масштаба, наложили точками контуръ нынѣшняго зданія, такъ-называемаго, Старо-го Эрмитажа, занимающаго уголь, образуемый Невой и Зимней Канавкой ²⁾. Въ углу Старо-го Эрмитажа, примыкающемъ къ Зимней Канавкѣ, стоялъ Зимній Домъ Петра Великаго, занимая $\frac{1}{3}$ въ длину и $\frac{1}{2}$ въ высоту нынѣшняго Старо-го Эрмитажа, или вѣрнѣе, Театральнаго зданія. Такимъ образомъ, нижній этажъ Старо-го Эрмитажа почти соотвѣтствовалъ чердаку и верхнему жилью Зимняго Дома, а нынѣшній гранитный подвальный этажъ—нижнему жилью, гдѣ и помещался каби-

¹⁾ Ореографія оригинала.

²⁾ См. приложение II. — Подъ «Старымъ Эрмитажемъ» мы разумѣемъ то, что составляетъ собственно продолженіе Старо-го Эрмитажа, за Канавкой, и что называется Театральнымъ зданіемъ.

нетъ Петра Великаго, въ которомъ онъ умеръ 28-го января 1725-го года. Принимая въ соображеніе изслѣдованіе А. Л. Майера, можно утвердительно сказать, что этотъ кабинетъ приходился какъ разъ подъ *это-рымъ окошкомъ* нижняго этажа нынѣшняго Старога Эрмитажа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ угла набережной Зимней Канавки, въ подвальномъ этажѣ. При осмотрѣ этого подвального этажа въ Старомъ Эрмитажѣ оказывается дѣйствительно, что и теперь тамъ видны стѣны какого-то другого дома, который былъ какъ бы накрытъ зданіемъ Эрмитажа, а одинъ изъ старожиловъ рассказывалъ намъ, что въ прежнія времена въ этомъ подвальномъ этажѣ находили часто обломки позолоченныхъ карнизовъ. Впрочемъ, изслѣдованіе А. Л. Майера, какъ въ томъ легко убѣдится читатель, составлено съ такою добросовѣстностію и съ такимъ точнымъ указаніемъ и вмѣстѣ критикою источниковъ, что нѣтъ ничего легче, какъ провѣрить каждое его слово по планамъ и чертежамъ, на которые онъ ссылается. Все затрудненіе можетъ состоять только въ томъ, чтобы отыскать всѣ оригиналы, съ которыхъ Майеръ снималъ копіи. Въ то время, когда онъ работалъ, т.-е. около 1834-го года, оригиналы, какъ то видно изъ цитатъ автора, находились въ „Атласѣ рукописныхъ чертежей времени императора Петра Великаго“, хранившемся въ Эрмитажѣ Зимняго Дворца, „по части оригинальныхъ рисунковъ“. При помощи изслѣдованій Майера, было бы возможно возвратитъ великой памяти Петра В. мѣсто его кончины и дать ему соотвѣтствующее назначеніе: въ верхнемъ этажѣ Зимняго Дома устроить, напримѣръ, Музей Петра Великаго, а въ нижнемъ, гдѣ онъ скончался — часовню, въ которую можно было бы спускаться чрезъ музей, такъ какъ нижній этажъ Зимняго дома Петра В. теперь находится въ уровень съ мостовою и ниже ея.

М. С.

Повелѣніе — изслѣдовать, которыя именно палаты бывшаго императорскаго Зимняго Дворца заключали въ себѣ то священное мѣсто, гдѣ Петръ Великій, воспріявъ отъ Всевышняго вѣнецъ безсмертія, разстался съ созданнымъ имъ градомъ и возвеличенною имъ Россією, гдѣ ближайшіе къ нему изъ вѣрноподанныхъ слезами благодарности обязались за себя и потомство шествовать по стезѣ, проложенной геніемъ Россіи, до столѣтія, являющаго вновь доблести его, — сіе повелѣніе, осчастлививъ исполнителя, не могло быть иначе произведено въ дѣйствіе, какъ разсмотрѣніемъ подлинныхъ доказательствъ.

Первоначально надлежало сообразить все то, что находится въ письменныхъ свѣдѣніяхъ и чертежахъ того времени, а потомъ, истощивъ всѣ средства изысканій по онымъ, пополнить прочее по возможности свидѣтельствомъ современныхъ писателей и изустными преданіями.

Таково общее правило изслѣдованій о предметахъ древности, — и если воинская слава Россіи быстро превзошла славу Греціи и Рима, то иногда столь же скоро и памятники великихъ ея мужей уподоблялись памятникамъ древнихъ героевъ, съ трудомъ и медленно отыскиваемымъ въ классической землѣ или подъ новыми зданіями, изгладившими слѣды бывшихъ нѣкогда на ихъ мѣстѣ.

Первое достовѣрное указаніе о помнатѣ, въ коей скончался государь императоръ Петръ I, найдено въ подлинныхъ журналахъ или подневныхъ замѣчаніяхъ, записанныхъ при высочайшемъ дворѣ въ двухъ разныхъ изданіяхъ календарей съ 1709 по 1727 годъ, гдѣ сказано, что «его императорское величество Петръ Великій, лежа въ болѣзни въ Зимнемъ своемъ домѣ въ верхнемъ апартаментѣ, 28 января 1725 года преставился отъ сего міра въ своей конторѣ», а 29 числа, «вынесенъ въ саду».

Въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся подъ названіемъ: «Архивъ Петра Великаго» всѣ подлинныя рукописи, писанныя собственною рукою сего государя или находившимися при немъ особами, какъ равномѣрно и нѣкоторые планы. Сіе собраніе, драгоцѣнное для исторіи тѣхъ временъ, передано изъ архива Кабинета его императорскаго величества. Въ эрмитажной библіотекѣ я нашелъ полную опись оному, почему вѣроятно, что и самое собраніе тамъ же находилось. Въ

числѣ прочихъ книгъ и дѣлъ находятся въ семъ собраніи двѣ книги подъ № 71 и 72, въ коихъ переплетены печатные календари малаго формата съ 1709 по 1727 годъ и три книги подъ № 27, заключающія въ себѣ печатные же календари, но большаго формата съ 1711 по 1727 годъ, и сверхъ того разныя приложенія въ родѣ журналовъ или подневныхъ записокъ, изъ коихъ нѣкоторыя за время нахождения государя императора на флотѣ написаны собственною его рукою. Симъ подтверждается достовѣрность прочихъ записокъ, веденныхъ безъ сомнѣнія ближайшими при его величествѣ особами.

Слѣдующія обстоятельства выписаны изъ записокъ сихъ двухъ календарей 1725 года, совершенно между собою согласныхъ:

«1725 года.

«Января 15. Его Императорское Величество изволилъ быть у директора надъ строеніями Синявина въ домѣ его.

«Января 17. Его Императорское Величество заболѣлъ, никуда ѣздить не изволилъ.

«Января 18. Тоже.

«Января 19. Его Императорское Величество сегодня исповѣдывался.

«Января 24. И съ того 17 числа по нынѣ Его Императорское Величество немогъ и лежалъ *въ Зимнемъ Своемъ домѣ въ верхнемъ апартamentѣ.*

«Января 26. Его Императорское Величество пополудни въ 6 часу святили масломъ.

«Января 28. Въ 6 часу пополуночи въ 1 четверти Его Императорское Величество Петръ Великій преставился отъ сего міра отъ болѣзни урины запору.

«Января 29. По нынѣ Его Величество въ болѣзни лежалъ и *преставился въ своей конторкѣ*, а сегодня вынесенъ въ салу.

«Февраля 7. Ея Императорское Величество изволили быть у литургіи въ домашней церкви.

Подлинныя книги, изъ коихъ сіе выписано, лично вручилъ мнѣ для временнаго употребленія директоръ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Полѣновъ; первымъ свѣдѣніемъ о томъ, что таковыя календари и записки существуютъ, обязанъ я былъ уже прежде по предмету порученія о проектахъ С.-Петербурга начальнику архива Кабинета его величества, Козлову, но онъ не зналъ тогда, гдѣ именно оныя хранятся.

Всѣ нижеслѣдующія доказательства представляются въ подтвержденіе мнѣнія, что вышеупомянутая «Конторка» была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ (1834 г.), подлѣ самаго обвугленія галлерей

въ Эрмитажѣ, находится первая угловая на Неву комната нижняго этажа театральнаго зданія, примыкающаго къ казармѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Исслѣдованіе начато тѣмъ, чтобы опредѣлить, гдѣ именно стоялъ сей Зимній Домъ, а потомъ по сличеніи отысканныхъ плановъ онаго съ прочими доказательствами, сдѣлано заключеніе о мѣстѣ, гдѣ могъ быть кабинетъ, или по тогдашнему названію «Конторка» Петра Великаго.

Въ числѣ 3000 плановъ о С.-Петербургѣ, разсмотрѣнныхъ мною въ разныхъ хранилищахъ для собранія проектовъ, большая часть генеральныхъ плановъ столицы (каковыхъ до 1740 года не имѣется другихъ, кромѣ изданныхъ въ чужихъ краяхъ) согласны въ томъ, что показываютъ Зимній Домъ Его Величества на самомъ берегу Невы, по правую сторону того мѣста, гдѣ существующій и нынѣ Зимній каналъ соединяется съ сею рѣкою. Сіе подтверждается планомъ участка нынѣшней 1-й Адмиралтейской части, 1734 года, подписаннымъ оберъ-архитекторомъ Растрелли.

Только на одномъ планѣ, изданномъ равномѣрно въ чужихъ краяхъ, мѣсто Зимняго Дома означено нѣсколько подалеже вправо отъ канала, но какъ сей планъ очевидно принадлежитъ къ сочиненію Вебера «*Neuverändertes Russland*», въ переводу онаго подъ заглавіемъ: «*Mémoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russien depuis 1700 jusqu'à 1720*», то сіе положеніе безъ сомнѣнія относится до первоначальнаго Зимняго Дома, о коемъ въ книгѣ Вебера упоминается, что улица, въ которой стоялъ сей домъ по застроеніи набережной линіи, лишилась открытаго вида на рѣку, и потому построенъ былъ новый дворецъ. Согласно съ симъ сказано въ описаніи С.-Петербурга, Богдановымъ и Рубаномъ, 1779 года, что первоначальный Зимній Домъ былъ построенъ въ 1711 году, а потомъ, когда повелѣніемъ Императора въ 1721 году построенъ Новый Зимній Домъ, остался во дворѣ онаго.

Извѣстно, что Петръ Великій съ 1721 по 1725 годъ пребываніе имѣлъ, а слѣдовательно и скончался въ семъ послѣднемъ Зимнемъ Домѣ, который имъ названъ былъ Новымъ и сохранялъ сіе наименованіе послѣ сдѣланныхъ Императрицею Екатериною I большихъ къ нему пристроекъ до назначенія въ послѣдствіе бывшаго генераль-адмиральскаго дома Новымъ Зимнимъ Дворцомъ ¹⁾.

¹⁾ См. фасадъ новаго Зимняго Дома Петра Великаго въ приложеніи I, а видъ его при Екатеринѣ, вмѣстѣ со всею Дворцовою Набережною того времени—въ приложеніи II.

Главное и основное доказательство о дѣйствительномъ положеніи Зимняго Дома, вновь построеннаго по высочайшему повелѣнію въ 1721 году распоряженіемъ князя Меншикова, состоитъ въ первоначальномъ планѣ и фасадѣ, найденныхъ въ Эрмитажѣ Его Императорскаго Величества.

Сіи первоначальные чертежи Зимнему Дому Его Величества находятся именно въ большомъ атласѣ, въ коемъ собраны и разные планы и фасады времени Петра Великаго, относящіяся по большей части къ построеніямъ загородныхъ дворцовъ около С.-Петербурга, изъ коихъ нѣкоторые съ собственноручными замѣчаніями Его Величества. Атласъ сей хранится при Эрмитажѣ, въ числѣ оригинальныхъ рисунковъ, ввѣренныхъ надзору профессора Варнека, подъ № 138.

Планъ подписанъ архитекторомъ Маттарнови, тѣмъ самымъ, который при императорѣ Петрѣ I строилъ первую каменную церковь Св. Исаакія. Нѣмецкія на планѣ надписи доказываютъ, что 1) Новый Зимній Домъ строился тогда у самаго устья канала въ Неву; 2) во время составленія чертежей, фундаментъ и стѣны нижняго этажа (тамъ, гдѣ крыты карминомъ) доведены были до 8 англійскихъ футовъ.

При семъ планѣ и фасадѣ находятся въ томъ атласѣ на слѣдующихъ страницахъ три чертежа; на коихъ начертано въ однѣхъ линіяхъ внутреннее расположеніе комнатъ совершенно одинаковое на всѣхъ трехъ, только разныхъ масштабовъ; два изъ сихъ чертежей безъ всякой надписи, а на одномъ имѣется росписаніе комнатъ собственной руки Государа Императора Петра I, и который весьма достопримѣчателенъ въ разсужденіи опредѣленія мѣста, гдѣ находилась «Конторка» государева, хотя росписаніе сіе по вѣроятности относится къ нижнему этажу, потому что по угловой комнатѣ рукою Государа написано: «*идѣть обѣдать*», а по второй послѣ угловой: «*поварня*». Изъ приписанныхъ имъ же словъ: «Гдѣ лит. Р тамъ палаты дѣлать о двухъ жильяхъ» и проч.,—видно, что по нижнему и верхнему этажамъ предполагалось одинаковое устройство стѣнъ. Расположеніе комнатъ по Невѣ довольно сходно съ планомъ, подписаннымъ архитекторомъ Маттарнови и даже съ частью нижеозначеннаго плана 1749 года, а въ другихъ комнатахъ видна разность, которая могла произойти отъ перемѣнъ, сдѣланныхъ при самой постройкѣ ¹⁾.

Въ краткой повѣсти о смерти Петра Великаго, сочиненной

¹⁾ Разница могла произойти также и вслѣдствіе поимѣтки, сдѣланной Петромъ В. на планѣ: «Въ семъ мѣстѣ (V) палаты раздѣлитъ дается на волю архитекта.»

замѣнитымъ Теофаномъ Прокоповичемъ, присутствовавшемъ лично при кончинѣ его въ званіи архіерея псковскаго (бывшаго потомъ архіепископомъ новгородскимъ и первенствовавшимъ въ Синодѣ членомъ), сказано, что «Государь (27 января 1725 года) въ болѣзни лежалъ въ *малой комнатѣ* и по кончинѣ его (28 января) церковь изъ большой залы въ другую меньшую вынесена и при первой стѣнѣ въ преждерѣченной большой залѣ мѣсто ради положенія тѣла уготовано, и тѣло (29 января) вынесено въ сію залу, въ коей устроенъ былъ траурный катафалкъ». Въ Академіи Художествъ понынѣ еще имѣется картина, изображающая Петра I во гробѣ лежащаго.

Грудной сей портретъ, писанный масляными красками на холстѣ и по роду работы, очевидно, принадлежитъ прошедшему столѣтію. Грудь императора Петра I, лежащаго въ гробѣ, прикрыта горностаевою мантиею. Вѣроятно, что изображеніе сіе снято съ самого Государя живописцемъ Штеринбергомъ, имя коего написано не на картинѣ, но въ описи Академіи Художествъ, которую, какъ равно и картину, по случаю изысканій моихъ, показалъ мнѣ г. профессоръ Ухтомскій.

Въ день погребенія бранныхъ остатковъ безсмертнаго Монарха, для вынесенія широкаго гроба, который не могъ быть вынесенъ изъ обыкновенныхъ дверей, придѣлано къ среднему въ залѣ окну по лицевой сторонѣ къ Невѣ большое крыльцо и лѣстницы. Сіе не опровергаетъ мнѣнія, что Зимній Домъ Его Величества до царствованія императрицы Екатерины I оставался въ первоначальномъ своемъ расположеніи, то-есть сохранялъ изображенный мною фасадъ, длиною въ $75\frac{3}{4}$ футовъ или 10 сажень $5\frac{3}{4}$ ф., вышиною въ 26 футовъ или $3\frac{5}{7}$ сажени, а по среднему выступу до крыши въ 33 фута или $4\frac{5}{7}$ сажени ¹⁾. Но въ 1726 году при семъ же Зимнемъ Домѣ начато каменное строеніе вновь жилыми покаями, вокругъ всего дома съ трехъ сторонъ (Описаніе С.-Петербурга Богдановымъ и Рубаномъ, стр. 59).

Сіе подтверждается имѣющеюся въ дѣлахъ Архива Петра I копіею съ резолюціи императрицы Екатерины I, изъ коей видно, что Высочайше утвержденный Государынею чертежъ Зимнему Дому въ числѣ прочихъ отданъ въ Верховный Тайный Совѣтъ; но нынѣ при всевозможномъ стараніи нигдѣ не удалось отыскать сего плана.

Сія высочайшая резолюція, доказывающая, что Государынею Императрицею Екатериною I утвержденъ былъ чертежъ Зимнему

¹⁾ См. выше, приложение I.

Дому, на коемъ по случаю перестройки по всей вѣроятности могли быть означены подробности прежняго расположенія комнатъ, имѣется въ копіи на 399 страницъ книги № 57 подъ заглавіемъ: «Письма, касающіяся до строеній» (съ 1710 по 1730 годъ). Книга сія также хранится при Архивѣ Петра Великаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

На копіи написано слѣдующее:

«На чертежѣ иконостаса соборной церкви Невскаго монастыря надписано:

«Во имя Господне, дѣлать по сему чертежу.

Екатерина.

«На чертежѣ Зимняго Дома, такая же надпись.

«На чертежѣ Ладожскаго канала: дѣлать по сему чертежу.

«Вышеписанные чертежи за подписаніемъ собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества отданы въ *Верховный Тайный Советъ*.

Кромѣ того, что уже по высочайше возложенному на меня порученію о С.-Петербургѣ я рассмотрѣлъ не только описи, но и самые планы о с.-петербургскихъ зданіяхъ во всѣхъ здѣшнихъ хранилищахъ, г. тайный совѣтникъ Полѣновъ истребовалъ по просьбѣ моей подробную опись и планы С.-Петербурга изъ московскаго Архива, и какъ по сему уже извѣстно было, что вышеозначеннаго плана въ томъ числѣ не имѣется, то я просилъ его объ отысканіи онаго въ дѣлахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, поступившихъ по Сенату въ его вѣдѣніе, но и въ сихъ дѣлахъ, какъ равно при Александро-Невскомъ монастырѣ, въ коемъ я о семъ обратился къ архимандриту Палладію, плана, высочайше утвержденаго Императрицею Екатериною I, не оказалось.

Съ достовѣрностью полагать должно, что на фасадахъ Дворцовой Набережной у сего представляемыхъ ¹⁾ и не имѣющихъ означенія года, Зимній Домъ изображенъ въ томъ видѣ, въ какой приведенъ перестройкою его по повелѣнію Императрицы Екатерины I.

Сіе доказывается тѣмъ, что 1) Домъ, пріобрѣтенный потомъ въ казну и назначенный Новымъ Зимнимъ Дворцомъ, названъ здѣсь еще Генераль-Адмиральскимъ, а занимавшій оный первоначально генераль-адмиралъ Апраксинъ умеръ въ 1728 году; 2) печатная надпись по качеству буквъ совершенно принадлежитъ сему времени, а какъ въ ней сказано о зданіи № 7: *Зимній Домъ Ея Императорскаго Величества*, то и должно

¹⁾ См. выше, приложение II.

фасадъ сей относить къ первымъ годамъ царствованія Государя Императора Петра II, то-есть къ 1727 или 1728 году, ибо на планѣ С.-Петербурга 1740 года дома означены еще на тѣхъ же мѣстахъ и даже нѣкоторые изъ нихъ принадлежали тѣмъ же владѣльцамъ.

За время царствованія Государыни Императрицы Елизаветы Петровны отысканъ только одинъ планъ Зимнему Дому, составленный безъ сомнѣнія вслѣдствіе извѣстнаго по дѣламъ Кабинета повелѣнія сей Государыни, восслѣдовавшаго 3 іюля 1749 года, о исправленіи стараго Зимняго Дворца для помѣщенія въ немъ чиновъ Лейбъ-Компаніи (Преображенскаго полка); но въ собраніи фасадовъ С.-Петербурга, изданныхъ Академіею Наукъ 1753 года, находится гравированный фасадъ стараго Зимняго Дома. Сей высочайшій указъ о помѣщеніи въ старомъ Зимнемъ Домѣ чиновъ Лейбъ-Компаніи выписанъ мною изъ архивныхъ дѣлъ Кабинета Его Императорскаго Величества ¹⁾.

Изъ плана 1749 и фасадовъ 1727 и 1753 года видно, что Зимній Домъ Петра Великаго, построенный 1721 года по проекту архитектора Маттарнови, сохраненъ на правомъ углѣ новаго зданія, которое составлено построеніемъ на противулежащемъ углѣ совершенно подобнаго по плану и фасаду дома и соединеніемъ сихъ двухъ сходныхъ домовъ новымъ же главнымъ корпусомъ, со столбами и большими округленными окнами.

Въ планахъ и дѣлахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы видъ сего Зимняго Дворца измѣняемъ былъ до 1784 года, въ которомъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о построеніи при Эрмитажѣ новаго театра. (Прежній театръ въ Зимнемъ Дворцѣ находился на углѣ противъ Адмиралтейства и Дворцовой площади.) По счетамъ конторы строенія домовъ и садовъ 1784 года извѣстно, что Эрмитажный театръ надстроенъ на строеніе Лейбъ-Компанейскаго корпуса и что стѣны онаго разбирались подъ оный театръ; но по плану и въ натурѣ видно, что многія изъ сихъ стѣнъ остались на прежнемъ мѣстѣ.

Несмотря на множество чертежей Эрмитажнаго театра, составленныхъ знаменитымъ архитекторомъ Гваренги, изъ ко-

¹⁾ «Указъ нашей канцеляріи отъ строеній: Старый Зимній въ С.-Петербургѣ Дворецъ опредѣлили Мы для постановленія чиновъ Лейбъ-Компаніи; того ради надлежитъ оный вычистить и исправить такимъ образомъ, чтобы имъ въ ономъ мѣстѣ было способно; а казенные Лейбъ-Компаніи дома также вычистить и править, чтобы всѣмъ придворнымъ служителямъ жить удобно было, чего ради повелѣваемъ Мы по сему Нашему Указу исполнить не упуская способнаго времени какъ въ заготовленіи матеріаловъ, такъ и въ исправленію надлежащей къ тому починки.»

«3 Іюля 1749 года.»

ихъ нѣкоторые напечатаны, найденъ только одинъ, изображающій наложеніе проекта театра на планъ прежняго зданія, и хотя сей планъ безъ подписи и означенія года, но весьма важенъ тѣмъ, что показываетъ ясно, какимъ образомъ комната на правомъ углу того зданія при построеніи театра назначена къ уничтоженію.

Можно бы полагать, что Конторка Петра Великаго была тамъ, гдѣ находилась сія угловая комната, но, по имѣющемуся въ собственномъ семействѣ моемъ преданіи, Государь Императоръ Петръ Великій скончался и панихиды по немъ совершаемы были не въ сломанной 1784 года угловой комнатѣ Лейбъ-Компанейскаго корпуса или стараго Зимняго Дворца, но во второй отъ угла комнатѣ по Невѣ. Я не могъ сомнѣваться въ истинѣ чистосердечнаго показанія, сообщеннаго мнѣ о семъ преданіи, но развѣ могъ сомнѣваться въ достовѣрности тѣхъ, коими оно (до путешествія въ 1775 году Высочайшаго Двора въ Москву) сообщено было моему семейству.

Сіе преданіе, имѣющееся въ собственномъ моемъ семействѣ, состоитъ въ томъ, что родная мать моя и нынѣ еще помнитъ часто повторенную ей въ юныхъ лѣтахъ ея, какъ ея матерью, такъ и другими лицами, достопримѣчательность, что она родилась въ той самой комнатѣ, въ коей скончался Петръ Великій и гдѣ по немъ отслуживаемы были панихиды. Отецъ ея, выписанный изъ Штутгарда еще Государемъ Императоромъ Петромъ III, но вѣхавшій въ Россію уже по вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, пользовался въ разныя времена двумя различными квартирами въ такъ-называемомъ тогда Лейбъ-Компанейскомъ корпусѣ или старомъ Зимнемъ Дворцѣ. Въ первый разъ, до путешествія Высочайшаго Двора въ Москву, то-есть до 1775 года, онъ занималъ угловыя комнаты верхняго этажа къ Невѣ и Эрмитажу, а во второй разъ (по возвращеніи изъ Москвы) угловую же квартиру по Милліонной улицѣ. Матери моей (служившей въ послѣдствіи подъ высочайшимъ начальствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, удостоившейся неоднократно изустныхъ изъявленій высочайшей милости Ея Величества) было около пяти лѣтъ, когда родители ея жили въ первой квартирѣ, но она и нынѣ твердо помнитъ, что та комната, о коей рассказывали ей вышеупомянутое обстоятельство, была не угловая, но вторая отъ угла.

Сообразивъ чертежъ архитектора Маттарнови и росписаніе комнатъ собственной руки Государя Императора Петра I*), я могъ

*) Это росписаніе приведено нами выше, на стр. 7. — *Ред.*

только видѣть, что во второй комнатѣ (вѣроятно нижняго этажа) назначена имъ поварня.

Казалось бы, что сей предметъ не могъ находиться въ связи съ государевою Конторкою. Всѣ мои соображенія о Конторкѣ по подлиннымъ актамъ и планамъ, о малой комнатѣ, упоминаемой преосвященнымъ Оеофаномъ, и наконецъ о томъ мѣстѣ, гдѣ по изустному преданію скончался Петръ Великій, остались бы нерѣшенными, еслибъ я не открылъ въ оригинальныхъ документахъ слѣдующую записку, писанную не рукою Петра I, но вѣроятно кѣмъ-либо изъ приближенныхъ къ нему особъ ¹⁾:

«У большой палаты перегородить стѣнку по самой погребной сводѣ и въ той перегородкѣ здѣлать *Конторку* въ половинѣ окна къ свѣту или выше, а чтобъ чрезъ нее былъ въ узенькой палатѣ свѣтъ, и наверху конторки здѣлать рѣшотку и подъ рѣшоткою на стѣнѣ кругленькое окошечко, а дверь въ конторку здѣлать изъ маленькой палатки, также здѣлать проходную лѣстницу въ погребъ, отведу пристойно».

На томъ же листѣ ниже написано:

«На зимнемъ гдѣ погребъ, тутъ здѣлать поварню».

Изъ сего можно вывести заключеніе, что первоначально велѣно было Конторку сдѣлать надъ погребомъ, а когда сей назначенъ поварнею, то Конторка и осталась надъ тѣмъ же мѣстомъ въ верхнемъ этажѣ, а не въ угловой комнатѣ, и симъ оправдывается то преданіе, о коемъ я безъ того даже и не осмѣлился бы упомянуть. Въ подтвержденіе сего мнѣнія могло бы служить еще и то обстоятельство, что по первоначальному фасаду большія окна начинаются не съ угла, но во второй комнатѣ отъ угла ²⁾.

На основаніи всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною доказательствъ, я полагаю, что Конторка, въ коей скончался Государь Императоръ Петръ Великій, находилась на томъ мѣстѣ, которое означено лит. Б, П, В на фасадѣ и планѣ ³⁾ нынѣшняго положенія

¹⁾ Записка, приведенная здѣсь въ доказательство о Конторкѣ, находится на 528 страницѣ книги № 57 въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ заглавіемъ: «Письма, касающіяся до строеній съ 1710 по 1730 годъ и принадлежащихъ къ Архиву Петра Великаго.» Сія книга и всѣ прочія вышеупомянутыя письменныя доказательства и планы находятся на время въ моемъ храненіи при Инженерномъ Департаментѣ для употребленія по возложеннымъ на меня порученіямъ.

²⁾ См. выше: Приложение I.

³⁾ Мы имѣемъ у себя этотъ фасадъ и планъ, но на нихъ Майеръ не помѣтилъ буквъ; безъ сомнѣнія, эти буквы помѣщены на оригиналахъ, съ которыхъ Майеръ снималъ копію, но этихъ оригиналовъ мы не успѣли видѣть, и даже пока не знаемъ, существуютъ ли они и гдѣ именно.

Эрмитажнаго театра и примыкающаго къ оному зданію, назначеннаго въ 1798 году казармою перваго баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. На тѣхъ же чертежахъ показаны прежніе фасады 1721 и 1753 годовъ и планы приблизительнымъ образомъ по сходству расположенія стѣнъ и комнатъ, ибо въ старыхъ планахъ большія отступленія отъ масштаба. По всей вѣроятности верхній потолокъ средняго выступа бывшаго Зимняго Дома при построеніи театра оставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ карнизъ сверхъ полукруглыхъ оконъ антресольнаго этажа (то-есть ниже самаго театра), а бывшій потолокъ боковыхъ комнатъ верхняго апартамента Зимняго Дома тамъ, гдѣ нынѣ полъ антресольнаго этажа, изъ чего слѣдуетъ, что полъ прежде бывшихъ верхнихъ апартаментовъ, параллельный по среднему выступу и боковымъ частямъ, при перестройкѣ 1784 года вовсе уничтоженъ и что бывшія верхнія палаты, исключая пространства выше оконъ средняго выступа, вмѣстѣ съ бывшимъ нижнимъ апартаментомъ, поступили въ нынѣшній нижній этажъ, гдѣ полъ ихъ, еслибъ оставленъ былъ, находился бы на 2 сажени, 2 фута отъ земли. Стѣны сего нижняго этажа, какъ въ жилыхъ комнатахъ, такъ и по сводамъ подъ театромъ лично мною осмотрѣны, и я убѣдился, что при постройкѣ театра остались почти всѣ основныя стѣны, означенныя въ планѣ 1749 года.

Возможно, что по постепенному возвышенію мостовыхъ и набережной нельзя было избѣгнуть въ размѣрѣ вышины неизвѣстнаго отступленія на 2 и 3 фута, но по долгу службы и совѣсти, я не могу имѣть другаго мнѣнія о семъ предметѣ, кромѣ того, что священное мѣсто, гдѣ скончался Государь Императоръ Петръ Великій, должно находиться по нижнему этажу въ пространствѣ угла, образуемаго нынѣ существующимъ зданіемъ противъ Невы и Библіотеки Эрмитажа Зимняго Его Императорскаго Величества Дворца.

КРОНПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА.

НЕВѢСТКА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1707 — 1715 гг.

По ея неизданнымъ письмамъ.

Je suis bien en effet une pauvre victime de la maison, sans qu'elle en aye le moindre avantage, et moi je meurs d'une mort lente à force de chagrin.

Отыскивая въ Вольфенбюттельскомъ архивѣ источники для біографіи Лейбница, я узналъ, что тамъ хранятся письма Шарлотты, супруги царевича Алексѣя, къ ея родителямъ. Кромѣ интереса, который имѣетъ всякій источникъ, относящійся къ исторіи великаго преобразователя Россіи, меня побудило познать русскихъ читателей съ содержаніемъ этихъ писемъ также и участіе въ печальной судьбѣ самой принцессы, внушенное чтеніемъ ея писемъ. Какой контрастъ представляетъ судьба первыхъ двухъ иностранныхъ принцессъ, вышедшихъ за русскихъ царевичей — Шарлотты Вольфенбюттельской и Еватерины Ангальтъ-Цербстской! Вторая изъ нихъ сдѣлалась одной изъ самыхъ великихъ государынь въ мірѣ и въ своей долгой блестящей жизни совершенно слилась съ судьбою русскаго народа. Судьба первой была печальна не только при ея жизни, но и послѣ смерти. Единскою сиротой жила она въ

Петербургѣ, пока болѣзнь и горе не положили конца несчастному браку; память ея прошла безслѣдно, и какъ она была чужда при жизни русскому народу, такъ она осталась ему чуждой и послѣ смерти. Историки, писавшіе о петровской эпохѣ, объ ней едва упоминаютъ, а если упоминаютъ, то относятся къ ней съ упреками. Мы считаемъ эти упреки слишкомъ строгими, и намъ кажется, что болѣе близкое знакомство съ ея внутреннею жизнью и съ обстановкой, среди которой ей пришлось жить, заставитъ читателей снисходительнѣе относиться къ ея памяти и смотрѣть на принцессу такъ, какъ она сама себя изобразила въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ ея писемъ.

I.

Сватовство:

28 января 1707 г. въ Вѣнѣ, тогдашней столицѣ Священной Германской Имперіи и средоточіи могущественной въ то время и широко развѣтвленной габсбургской политики, два дипломата вступили другъ съ другомъ въ бесѣду о присканіи невѣсты для царевича Алексѣя, которому тогда еще не было 17-ти лѣтъ. Одинъ изъ бесѣдовавшихъ—человѣкъ уже пожилой и опытный, принадлежалъ къ тому особенному типу дипломатовъ, который былъ созданъ политическими условіями XVII и XVIII вѣковъ. Раздробленность центральной Европы на мелкія государства съ самостоятельной политикой вызвала многочисленный классъ людей, которые предлагали свои услуги этимъ государствамъ, нерѣдко переходили изъ одной службы въ другую, были мало связаны съ мѣстными интересами и постоянно вращались въ кругу общеевропейской политики. Заключение договоровъ и союзовъ, хотя бы и мимолетныхъ или противорѣчащихъ другъ другу, составляло предметъ ихъ неутомимой дѣятельности; особенно же волновались они, когда имъ представлялась возможность посредствомъ удачнаго сватовства произвести политическое «сближеніе» и притомъ доставить самимъ себѣ извѣстность и разныя служебныя выгоды.

Пожилой дипломатъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ баронъ Урбихъ, долго прожившій въ Вѣнѣ въ качествѣ датскаго посланника. Онъ своимъ вліяніемъ много содѣйствовалъ тому, что датскій король не склонился на выгодныя предложенія Людовика XIV въ началѣ войны за испанское наслѣдство и остался вѣ-

решъ своимъ обязательствамъ относительно имперіи, въ которой онъ принадлежалъ въ качествѣ герцога Голштинскаго.

Но не менѣе гордился Урбихъ другимъ подвигомъ своей жизни — бракомъ между эрцгерцогомъ Карломъ, который долженъ былъ вступить на испанскій престолъ, и принцессой Вольфенбюттельской, принадлежавшей къ династіи Вельфовъ. Урбихъ принималъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, которое было не легко устроить, такъ какъ для этого нужно было заставить принцессу принять католицизмъ и склонить ея родственниковъ къ тому, чтобы содѣйствовать ея обращенію.

Собесѣдникъ Урбиха былъ человѣкъ еще молодой и новичекъ въ политическихъ переговорахъ. Онъ былъ хорошо образованъ, имѣлъ склонность къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ и могъ надѣяться, что литература послужитъ ему отличнымъ подспорьемъ для составленія карьеры. Это былъ баронъ Гюйссенъ, біографическія подробности котораго хорошо извѣстны изъ литературной исторіи петровской эпохи ¹⁾.

Гюйссенъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ состоялъ на русской службѣ, куда онъ былъ приглашенъ Паткулемъ. Назначеніе его собственно заключалось въ томъ, чтобы быть литературнымъ агентомъ Россіи по заграничной печати и располагать по возможности общественное мнѣніе западной Европы въ пользу молодого русскаго государства.

Для этой цѣли онъ долженъ былъ переводить и печатать различныя царскія постановленія, склонять иностранныхъ ученыхъ къ тому, чтобы они писали статьи и книги для прославленія Россіи, опровергали клеветы о Россіи, распространенныя за границу; наконецъ, приглашать туда искусныхъ офицеровъ, ремесленниковъ и другихъ полезныхъ людей.

Гюйссену по пріѣздѣ въ Россію вскорѣ пришлось показать на дѣлѣ свое искусство: ему было поручено опровергнуть обвиненія, высказанныя въ одномъ нѣмецкомъ памфлетѣ относительно обращенія въ Россіи съ иностранцами. Памфлетъ этотъ былъ сочиненъ Нейгебауеромъ, бывшимъ наставникомъ царевича Алексѣя и отставленнымъ вслѣдствіе ссоры съ приближенными царевича. Гюйссенъ заступилъ при царевичѣ мѣсто Нейгебауера и лучше своего предшественника сумѣлъ поладить съ русскими учителями и княземъ Меншиковымъ. Въ 1705 году онъ былъ отправленъ въ Германію съ разными литературными и диплома-

¹⁾ См. Пекарскій: «Наука и литература при Петрѣ В.», I, стр. 64;—и В. Герье: «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В.», 1871 г., стр. 50.

тическими порученіями, и тамъ встрѣтился въ Вѣнѣ съ Урбихомъ.

Гюйссенъ, какъ наставникъ царевича, считъ своимъ долгомъ позаботиться заблаговременно о пріисканіи невѣсты для своего царственного ученика. Вмѣстѣ съ Урбихомъ они перебрали всѣхъ извѣстныхъ имъ принцессъ. Особенно останавливались они на двухъ эрцгерцогиняхъ, дочеряхъ императора Іосифа, очень богатыхъ невѣстахъ, такъ какъ у Іосифа не было сыновей.

Бракъ царевича съ старшей эрцгерцогиней тѣсно бы связалъ оба императорскихъ дома, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы повлечь за собой еще болѣе важныя для Европы послѣдствія, чѣмъ соединеніе испанской монархіи съ Габсбургскими владѣніями, совершившееся въ началѣ XVI вѣка. Поэтому было не мало людей, мечтавшихъ объ устройствѣ этого брака и увлекавшихся въ воображеніи его великими послѣдствіями.

Одинъ изъ проектовъ, относящихся къ этому сватовству, сохранился въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авторъ проекта указываетъ на то, что посредствомъ брака съ старшей дочерью императора, царевичъ могъ бы сдѣлаться наследникомъ Габсбургскихъ владѣній и германскимъ императоромъ. Но даже помимо этого предположенія Россія могла бы получить большія выгоды отъ родственнаго союза съ Австріей. Этотъ союзъ могъ бы доставить царю греческую имперію; если же царь пожелалъ бы королевства польскаго, то оно могло бы быть раздѣлено пополамъ между Россіей и Австріей.

Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, написанъ вѣроятно не ранѣе 1709 года, такъ какъ въ немъ упоминается о томъ, что король Августъ сватаетъ за царевича принцессу Вольфенбюттельскую. Но еще гораздо прежде возникали подобныя предложенія. Въ своей бесѣдѣ съ Гюйссеномъ, Урбихъ сообщилъ ему, что *нѣсколько лѣтъ тому назадъ* извѣстные люди довели до свѣдѣнія царя, что цесарскій дворъ желаетъ съ нимъ вступить въ родство. На этомъ основаніи Паткуль поручилъ Урбиху освѣдомиться у имперскаго вице-канцлера графа Кауница, можно ли положиться на достовѣрность этого извѣстія. Вице-канцлеръ, желая соблюсти важность императорскаго Габсбургскаго дома, который въ то время не признавалъ себѣ равнаго, отвѣтилъ очень осторожно. Онъ указалъ сначала на причины, препятствующія такому родственному союзу—различіе вѣроисповѣданія, несходство въ образѣ жизни и понятіяхъ, наконецъ, на то, что брачныя союзы московскихъ царей съ другими европейскими державами еще не въ обычаѣ. Впрочемъ вице-канцлеръ замѣтилъ, что если бы осуществилось то, о чемъ когда-то былъ разговоръ въ Вѣнѣ,—т. е.

если бы царевичъ былъ присланъ туда для воспитанія и император-
ская семья познакомилась съ характеромъ и правами царевича,
то родственныи союзъ съ нимъ былъ бы не невозможенъ.

На другой день послѣ своего разговора съ Гюйссеномъ, Ур-
бихъ прислалъ ему письмо, въ которомъ сообщилъ, что онъ долго
думалъ о предметѣ ихъ вчерашней бесѣды и пришелъ къ убѣж-
денію, что лучше всего остановиться въ выборѣ на вольфен-
бюттельскомъ домѣ. Въ этомъ домѣ, писалъ онъ, остались двѣ
красивыя, отлично воспитанныя принцессы, Шарлотта-Христина-
Софія, рожденная 2 авг. 1694 г., и Антонія-Амалия, родивша-
яся 24-го апрѣля 1696 года.

Высчитывая выгоды, которыя представляло родство съ воль-
фенбюттельскимъ домомъ, Урбихъ указалъ на то, что это са-
мый значительный домъ (vornehmste) въ цѣлой Германіи. Ур-
бихъ могъ бы сказать—въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ бур-
бонскаго дома, ибо еще въ XII-мъ вѣкѣ Вельфы, отъ которыхъ
происходили вольфенбюттельскіе герцоги, были могущественными
владѣтелями въ Италіи и Германіи и оспаривали корону у гер-
манскихъ императоровъ—въ то время, когда предки Гогенцол-
лерновъ и Габсбурговъ были неизвѣстными рыцарями, прожи-
вавшими въ своихъ узкихъ и темныхъ башняхъ на горахъ древ-
ней Швабіи.

Въ настоящее время Вельфы, лишенные престола, скитаются
на чужбинѣ, и одинъ только бездѣтный потомокъ этого гордаго
дома своею ничтожностью успѣлъ сохранить за собой свое ма-
ленькое владѣніе. Но въ началѣ прошлаго вѣка Вельфы своими
владѣніями, а особенно же своими родственными связями, играли
видную роль въ Европѣ, и родство съ ними представляло зна-
чительныя выгоды. Императрица Германіи была изъ ихъ дома,
а также супруга Карла, предназначеннаго для испанскаго пре-
стола; короли Швеціи, Даніи, Польши и Пруссіи состояли въ
родствѣ съ Вельфами, но всего важнѣе было то, что Вельфы,
по смерти бездѣтной королевы Анны, должны были вступить на
англійскій престолъ.

Главное препятствіе относительно родственнаго сближенія меж-
ду царемъ и вельфскимъ домомъ заключалось, по мнѣнію Ур-
биха, въ томъ, что принцесса вѣроятно пожелаетъ сохранить
свое вѣроисповѣданіе. По этому поводу Урбихъ указывалъ на
Карла II-го, короля англійскаго, который дозволил своей су-
пругѣ, португальской принцессѣ, остаться католичкой и на дру-
гіе подобныя примѣры. Поэтому и царь, по мнѣнію Урбиха,
могъ бы въ этомъ случаѣ сдѣлать уступку, тѣмъ болѣе, что лю-
теранское вѣроисповѣданіе ближе въ православному, чѣмъ като-

лическое, и не возбуждаетъ противъ себя въ Россіи такой ненависти, какъ латинство. Особенно желательно бы было для успѣха этого дѣла, чтобы царевичъ былъ отправленъ на годъ или больше для занятій въ вольфенбюттельскій дворянскій лицей (Ritteracademie). Урбихъ уполномочилъ Гюйссена довести его предложеніе до свѣдѣнія царя и съ своей стороны отправилъ въ Вольфенбюттель копію съ письма къ Гюйссену.

Любопытно было бы знать, сдѣлалъ ли Урбихъ свое предложеніе Гюйссену прямо отъ себя, или онъ уже былъ уполномоченъ къ этому со стороны Вольфенбюттеля. Во всякомъ случаѣ дѣло имъ начатое не остановилось. Царь одобрилъ предложеніе. Урбихъ былъ принятъ въ русскую службу и назначенъ посломъ при германской имперіи, вѣроятно для того, чтобы черезъ него завести переговоры о сватовствѣ. Въ письмѣ къ герцогу вольфенбюттельскому изъ Варшавы, отъ 30-го августа 1707-го г., Петръ уже благодарилъ герцога за его согласіе вступить съ нимъ въ родственныя союзы и сообщалъ, что Урбиху поручено уговориться относительно брачныхъ условій.

Не такъ легко уладилось дѣло съ другой стороны, такъ какъ тамъ для этого нужно было согласіе нѣсколькихъ лицъ. Во главѣ вольфенбюттельскаго дома стоялъ въ то время 74-хъ-лѣтній герцогъ Антонъ-Ульрихъ. Этотъ бодрый и предприимчивый старикъ соединялъ съ многими блестящими свойствами нѣкоторыя слабости, уничтожавшія добрые результаты его лучшихъ стремленій. Подобно многимъ другимъ членамъ своего дома онъ не только уважалъ образованіе и науку, но самъ любилъ писать и прозой и стихами; при чемъ онъ не ограничивался духовными стихами и религіозными разсужденіями, но подражая французской свѣтской литературѣ, писалъ безконечныя рыцарскія романы съ запутаннымъ и фантастическимъ содержаніемъ. Если бы мы стали судить о немъ по его завѣщанію, въ которомъ онъ обнаружилъ тонкое пониманіе людей и отличное знакомство съ началами мудраго управленія — мы должны бы были признать его однимъ изъ самыхъ способныхъ государственныхъ людей того времени — и несмотря на это, его маленькое герцогство совершенно обидѣло и разорилось подъ его управленіемъ. Всего болѣе вредило герцогу безпокойное тщеславіе, которое часто увлекало его въ самыя безплодныя и фантастическія предпріятія. Это тщеславіе было постоянно возбуждаемо тѣсными границами, въ которыя была заключена его дѣятельность и зависимымъ положеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ его честолюбію. Будучи младшимъ братомъ, Антонъ-Ульрихъ сначала не былъ владѣтельнымъ княземъ и долго съ раздраженіемъ смо-

трѣмъ на управленіе своего слабаго и безпечнаго старшаго брата, пока ему не удалось сдѣлаться его соправителемъ и забрать всю власть въ свои руки. Но еще болѣе раздражало его другое обстоятельство. Онъ принадлежалъ къ старшей линіи вельфскаго дома. Между тѣмъ младшая линія—ганноверскіе герцоги посредствомъ хорошаго управленія и ловкой политики успѣли достигнуть не только значительнаго могущества, но и курфиршескаго сана. Этого не могъ вывести Антонъ-Ульрихъ. Завистливое чувство заставило его во время войны за испанское наслѣдство заключить безразсудный союзъ съ Людовикомъ XIV, слѣдствіемъ котораго было его изгнаніе и занятіе герцогства ганноверскими войсками. Послѣ этого, честолюбіе увлекло его въ другую сторону. Онъ сталъ искать сближенія съ императоромъ и ради этого принудилъ свою внучку Елисавету-Христину, несмотря на неудовольствіе всей страны и членовъ семьи, принять католицизмъ. Послѣ того онъ самъ задумалъ обратиться въ римскую вѣру, въ надеждѣ получить секуляризованное гильдесгеймское епископство и курфиршескій санъ, котораго лишился кельнскій архіепископъ за свой союзъ съ Франціей.

Среди такихъ плановъ и мечтаній застигло герцога предложеніе Урбиха. Естественнo, что Антонъ-Ульрихъ съ жадностью схватился за мысль породниться съ царемъ, вліяніе котораго, по его мнѣнію, придадо бы его притязаніямъ много вѣса и значительно содѣйствовало къ осуществленію его тайныхъ замысловъ.

Но не съ этой точки зрѣнія посмотрѣла на дѣло мать 13-лѣтней принцессы. У Антона-Ульриха было два сына. Старшій изъ нихъ, наслѣдный принцъ, не входитъ въ рамки нашего разсказа;—второй, Людвигъ-Рудольфъ, впослѣдствіи, когда достигъ престола, оказался твердымъ и мудрымъ государемъ, въ короткое время поднявшимъ благосостояніе своей страны. Онъ былъ женатъ на Христинѣ-Луизѣ изъ княжескаго дома Эттигенъ и имѣлъ отъ нея 3-хъ дочерей. Старшая изъ нихъ въ то время была уже удалена отъ родителей и увезена въ Бамбергъ, гдѣ ее окружили католическими попами и монахами, которые должны были уничтожить въ ней привязанность къ протестантизму и приготовить ее къ принятію католицизма. Вторая дочь также была разлучена съ родителями; она жила и воспитывалась у своей родственницы, жены пресловутаго Августа Саксонскаго. Только третья дочь, 11-ти-лѣтняя Антонія-Амалия оставалась съ родителями. Кстати упомянемъ, что и эта принцесса, которая одно время предназначалась въ невесты царевича Алексѣя, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ русской исторіи—она потомъ вышла замужъ за своего родственника, герцога брауншвейгъ-

бевернского, и старшій сынъ ея былъ тотъ Антонъ-Ульрихъ, котораго выписала императрица Анна Іоанновна, чтобы его женить на своей племянницѣ, и который, по воцареніи Елисаветы Петровны, былъ сосланъ съ семьей на бѣдственное житье въ Холмогоры, гдѣ онъ и оставался узникомъ до самой своей смерти въ теченіи 34 лѣтъ.

Христина-Луиза пролила много слезъ, когда у нея отняли старшую дочь. Но еще болѣе пугала ее теперь судьба второй дочери, которую приходилось отпускать въ страну невѣдомую и чуждую своими нравами и обычаями. Герцогиня стала противиться сватовству. Когда Урбихъ лѣтомъ 1707-го г. пріѣхалъ въ Вольфенбюттель, чтобы уладить дѣло о сватовствѣ, онъ засталъ герцогиню въ тяжкой болѣзни и не могъ съ ней видѣться. Но по возвращеніи въ Вѣну онъ узналъ, что въ Вольфенбюттель дѣлаютъ затрудненія, предлагаютъ третью внучку вмѣсто второй и т. д. Въ большомъ раздраженіи онъ жаловался на это въ письмѣ въ герцогинѣ отъ 24-го августа. Урбихъ довольно безцеремонно указывалъ на то, что если въ Вольфенбюттель поколеблется принять выгодныя условія московскаго брака, то эрцгерцогиня охотно согласится на этотъ бракъ, и грозилъ, что царь самъ откажется отъ предложенія и будетъ принять въ Вѣнѣ съ открытыми объятіями.

Такъ какъ родственныи союзъ съ царемъ былъ вопросомъ политическимъ, то Антонъ-Ульрихъ предложилъ его на обсужденіе членовъ своего тайнаго совѣта. Но онъ не нашелъ поддержки съ этой стороны. До насъ дошло письменное мнѣніе, поданное Шлейницемъ, который впоследствии былъ русскимъ посланникомъ при вельфскихъ дворахъ, и другое—составленное канцлеромъ Пропстомъ фонъ-Вендгаузенемъ. О послѣднемъ Антонъ-Ульрихъ сказалъ, въ своемъ завѣщаніи, что онъ человекъ очень ученый, необыкновенно проницательный и одаренный большимъ терпѣніемъ, который не пощадитъ никакихъ трудовъ ради прославленія герцогскаго дома.

Особенно подробно изложено мнѣніе Шлейница. Онъ указалъ на то, что царь—одинъ изъ могущественнѣйшихъ и богатѣйшихъ государей Европы, что потому его предложеніе вступить съ герцогомъ въ родство могло быть внушено божественнымъ Провидѣніемъ, и что это родство можетъ современемъ доставить герцогскому дому много чести и выгоды. Что же касается до невѣсты, то въ ея брачный договоръ можно было бы внести такія выгодныя условія, какихъ нельзя ожидать ни отъ какого другого императорскаго, королевскаго или княжескаго дома.

Но доводы, приведенные Шлейницемъ противъ заключенія брачнаго союза — были многочисленныѣ. Московскій престолъ, либѣчалъ онъ, въ теченіи двухъ вѣковъ подвергался частымъ и кровавымъ переворотамъ, теперешній же царь можетъ особенно пострадать отъ этой непрочности престола: во-первыхъ, вслѣдствіе своего происхожденія отъ незнатнаго рода, къ которому старинныя московскія роды относятся съ пренебреженіемъ и ненавистью, ибо его дѣдъ былъ возведенъ на престолъ неожиданно для всѣхъ, по капризу слѣпноты счастія; во-вторыхъ, царь увеличилъ эту ненависть измѣненіемъ прежнихъ формъ управленія и введеніемъ иностранныхъ нравовъ и обычаевъ.

Кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ русскіе цари, не было ни одного случая, чтобы какой-нибудь иностранный государь захотѣлъ съ ними породниться, за исключеніемъ попытки Христіана IV, датскаго, которая окончилась оскорбленіемъ этого короля.

Едва ли, продолжалъ Шлейницъ, царю удастся достигнуть значенія въ Европѣ и вліянія на ея дѣла, такъ какъ шведскій король не примирится съ нимъ, пока не возвратитъ балтійскихъ провинцій и не заставитъ его распустить всѣхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что ни король польскій, ни морскія державы не захотятъ допустить владычества Россіи на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ это владычество положило бы конецъ выгодной торговлѣ англійскихъ и голландскихъ кораблей русскими товарами.

Наконецъ, было бы трудно обезпечить соблюденіе условій, выговоренныхъ въ брачномъ договорѣ, по слѣдующимъ причинамъ: теперешній царь, хотя и признается человѣкомъ соблюдающимъ свое слово, однако, какъ говорятъ, такъ раздражителенъ и вспыльчивъ, что не всегда повинуется разсудку, чему разсказываютъ много примѣровъ. Любимецъ же его, кн. Меншиковъ, который имъ совершенно управляетъ — самый ограниченный и самый безчестный человѣкъ въ мірѣ. О царевичѣ говорятъ, что у него отъ природы хорошія свойства, но ему недостаетъ воспитанія, безъ котораго самые лучшіе люди, если не становятся дурными, то утрачиваютъ прирожденные преимущества.

Вслѣдствіе всего этого, по убѣжденію Шлейница, не слѣдовало заключать брачнаго договора до окончанія шведской войны. Онъ совѣтовалъ, кромѣ того, пригласить царевича за границу для знакомства съ невѣстой, и не предоставлять царю выбора между двумя принцессами, но сохранить за собой право предложить младшую изъ нихъ въ невѣсты царевичу, такъ какъ относительно старшей начаты переговоры со шведскимъ посланникомъ. Въ

заключеніе Шлейницъ старался убѣдить герцога, что по многимъ причинамъ ему нечего спѣшить съ сватовствомъ своихъ внучекъ.

Въ такомъ же смыслѣ высказался въ своемъ мнѣніи вольфенбюттельскій канцлеръ: и онъ указывалъ на отдаленность Россіи, на различіе религіи и нравовъ, на политическое состояніе этой страны, на опасность шведской войны, на невозможность для царя въ случаѣ нужды подать помощь Вольфенбюттелю ни прямо, ни черезъ союзниковъ — а потому также совѣтовалъ отложить дѣло до прекращенія войны между царемъ и Карломъ XII-мъ.

Какъ недоброжелательно Антонъ-Ульрихъ ни относился къ своимъ родственникамъ на ганноверскомъ престолѣ, но онъ не могъ не извѣстить ихъ о царскомъ предложеніи. Въ началѣ декабря онъ написалъ курфюрсту Георгу, что намѣренъ выдать за царевича свою третью внучку, Антонію или Антуанетту. Отвѣтъ курфюрста былъ тождественъ съ мнѣніемъ вольфенбюттельскаго тайнаго совѣта — отсрочить дѣло до окончанія войны. На это и рѣшился Антонъ-Ульрихъ. Въ началѣ 1708-го года онъ предложилъ царю отложить заключеніе брачнаго договора до тѣхъ поръ, когда женихъ и невѣста получатъ возможность лично познакомиться другъ съ другомъ. Царь далъ на это свое согласіе, о чемъ и извѣстилъ герцога письмомъ отъ 17/28 сентября 1708-го года изъ лагеря подъ Григорсковомъ.

Такимъ образомъ, дальнѣйшіе переговоры о сватовствѣ были пріостановлены, и только изъ переписки между Лейбницомъ и Урбихомъ мы можемъ почерпнуть нѣкоторые извѣстія о положеніи дѣла. Такъ, напр., 25-го марта 1709-го года, Лейбницъ сообщилъ Урбиху, что повидимому старый герцогъ твердо рѣшился настоять на родственномъ союзѣ съ царемъ. «Кто-то, пишетъ Лейбницъ, сказалъ принцессѣ Христинѣ-Луизѣ, что ему поручено пріискать невѣсту для царевича. Когда герцогъ это узналъ, онъ объявилъ, что этотъ господинъ хвастунъ; затѣмъ онъ объяснилъ, что такъ какъ вторая принцесса, т. е. Шарлотта, до сихъ поръ не изъявила желанія выйти замужъ за царевича, а сестра ея Антонія согласна на этотъ бракъ и между ними только два года разницы, то лучше было бы имѣть въ виду младшую.»

Такъ какъ Антону-Ульриху было извѣстно, что Лейбницъ состоитъ въ перепискѣ съ Урбихомъ, то онъ, можетъ быть съ намѣреніемъ, сдѣлалъ такое заявленіе, чтобы развѣдать черезъ Урбиха, какъ будетъ принято со стороны царя такое предложеніе.

Во всякомъ случаѣ мы можемъ заключить изъ словъ гер-

тогда, что въ 1709-мъ, году расположеніе вольфенбюттельскаго двора измѣнилось и тамъ не особенно желали брака царевича съ принцессой Шарлоттой, а предлагали ея младшую сестру, которой тогда было только 12 лѣтъ. Колебаніе герцога вѣроятно слѣдуетъ объяснить нежеланіемъ принцессы Шарлотты, которой тогда уже шелъ 15-й годъ и которая, по мѣрѣ приближенія срока, все съ бѣльшимъ страхомъ думала о предстоящемъ бракѣ. Мы знаемъ это изъ писемъ самой принцессы къ ея родителямъ. Такъ какъ она воспитывалась въ Саксоніи у королевы польской и рѣдко видѣлась съ родителями, то находилась съ ними въ перепискѣ. Эта переписка начинается съ 1701-го года. Первые письма Шарлотты, писанныя на французскомъ языкѣ и содержащія поздравленія къ праздникамъ и увѣренія въ своей преданности, очевидно еще продиктованы воспитательницей. Съ 1704-го года въ письмахъ встрѣчаются уже нѣкоторыя ошибки языка и орфографіи — признакъ бѣльшей самостоятельности со стороны молодой принцессы: она пишетъ помимо воспитательницы. Между этими краткими и не важными по своему содержанію письмами, наше вниманіе вдругъ останавливается на интересномъ и трогательномъ письмѣ принцессы къ дѣду Аянову-Ульриху, написанномъ на нѣмецкомъ языкѣ, 18-го іюня 1709-го года:

«Этими немногими строками я желаю съ всепокорнѣйшимъ уваженіемъ высказать вамъ мою живѣйшую благодарность за ваше милостивое письмо, которое меня очень обрадовало, такъ какъ оно даетъ мнѣ нѣкоторую возможность думать, что *московское* сватовство меня еще можетъ быть минуешь¹⁾. Я всегда на это надѣялась, такъ какъ я слишкомъ убѣждена въ высокой вашей милости, которую вы мнѣ всегда выказывали и которую всепокорно прошу мнѣ сохранить. Я постараюсь сдѣлаться достойной этой милости и во всѣхъ другихъ случаяхъ буду считать для себя удовольствіемъ выказать вамъ свое послушаніе и содѣйствовать, насколько это отъ меня зависитъ, къ прославленію нашего дома; и такъ какъ вы мнѣ приказываете, чтобы я не отговаривала Антуанетту отъ *московскаго* брака²⁾, то я и не посмѣю этого сдѣлать,» и пр. пр.

Но въ то время, когда принцесса писала это радостное письмо, ея судьба уже была рѣшена иначе, чѣмъ она надѣялась — вслѣдствіе вмѣшательства короля Августа.

Этотъ ненадежный союзникъ Петра Великаго былъ, какъ

1) Dass die Affaire von Moscau noch zu hintertreiben ist.

2) Antoinetten Moscau zuwieder machen.

извѣстно, по Алтранштадтскому миру вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшей войны съ Швеціей. Но въ 1709-мъ году неудача Карла XII-го и его безразсудное вторженіе въ Малороссію подали Августу надежду на восстановленіе его власти въ Польшѣ. Для этого ему прежде всего необходимо было примириться съ царемъ, котораго онъ оскорбилъ выдачею Паткуля Карлу XII-му, и вотъ, въ надеждѣ угодить царю, Августъ взялся довести до конца дѣло о сватовствѣ царевича. Предлогъ къ вѣшательству было легко найти, такъ какъ принцесса воспитывалась у его жены. Принявши на себя свадебныя издержки, Августъ легко склонилъ къ своему желанію Антона-Ульриха, для котораго расходъ на свадьбу былъ очень обременителенъ.

Мы не можемъ въ точности опредѣлить время, когда Августъ вѣшался въ дѣло сватовства, такъ какъ дошедшее до насъ письмо герцога Антона-Ульриха, въ которомъ онъ благодаритъ польскаго короля за его услугу, не помѣчено числомъ. Но въ письмѣ, которое мы относимъ къ 27-му іюня 1709-го года, Лейбницъ извѣстилъ Урбиха, что «какъ онъ слышалъ отъ герцога, дѣло царевича и принцессы устроилось, благодаря посредничеству короля Августа. Шлейницъ и Іорданъ оспариваютъ другъ у друга честь довести его до окончанія». Урбихъ, впрочемъ, въ это время еще не считалъ дѣло оконченнымъ. 7-го августа онъ писалъ Лейбницу: «Я ничего не понимаю въ дѣлѣ принцессы. Я вижу, что интригуютъ какъ въ Вольфенбюттелѣ, такъ и около принцессы. Надо будетъ утѣшиться. Что касается до меня, то я ничего не теряю, развѣ только царь сочтетъ меня дуракомъ, если я ему нынче стану писать, что дѣло уже окончено, а завтра встрѣтились новыя затрудненія».

Въ это время случилось міровое событіе, предъ громомъ котораго смолкли жалобы робкой принцессы. Извѣстно, какъ полтавская побѣда измѣнила положеніе Россіи въ Европѣ. Вопросъ о томъ, за кѣмъ останется преобладаніе на Востокѣ, былъ рѣшенъ окончательно, и тѣ, которыхъ страхъ предъ оружіемъ Карла XII-го держалъ въ отдаленіи, протянули руку царю и стали искать его союза. Въ числѣ послѣднихъ былъ и герцогъ Антонъ-Ульрихъ. Ему теперь нечего было приберегать свою внучку для Карла XII-го, напротивъ, въ его интересахъ было какъ можно скорѣе вступить въ родство съ царемъ, чтобы еще успѣть на закатѣ жизни воспользоваться плодами этого родства.

Какъ скоро извѣстіе о Полтавской битвѣ достигло Вольфенбюттеля, принцесса Шарлотта была вызвана туда подъ предлогомъ посѣтить знаменитую въ то время брауншвейгскую ярмарку. Бѣдная дѣвушка, давно желавшая этой поѣздки, чтобы

повидаться съ семьей и повеселиться, была очень разочарована, когда узнала ради чего за ней прислали. 20-го августа, Лейбницъ писалъ Урбику изъ Брауншвейга: «Принцесса Шарлотта, приѣхавши сюда на ярмарку, была такъ хорошо вразумлена (*esté si bien catéchisée*), что приняла честь, которую ей предназначали, и я узналъ, что генераль Иорданъ повезъ извѣстіе объ этомъ королю Августу. Иорданъ, кажется, желаетъ принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ, но, по моему мнѣнію, честь и выгода должны принадлежать вамъ».

Этотъ Иорданъ былъ генераль, состоявшій на службѣ у короля польскаго и потому, какъ выражался Лейбницъ, было естественно поручить ему переговоры о бракѣ. Но Лейбницъ былъ не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что дѣло приняло такой оборотъ. «Такъ какъ король принялъ на себя издержки по свадьбѣ, писалъ онъ Урбику, а это облегчитъ карманъ герцога, то противъ этого ничего нельзя возразить, но я надѣюсь, что герцогъ съ свойственной ему проницательностью поступитъ такъ, что главная заслуга останется за нимъ, а на долю короля достанутся только почести и внѣшній блескъ. Ибо если герцогъ приобрететъ и сохранить расположеніе, довѣріе и уваженіе царя, то это придастъ ему больше вѣса, чѣмъ все, что имъ было предпринято до сихъ поръ».

Урбихъ конечно былъ очень огорченъ вмѣшательствомъ короля Августа и участіемъ Иордана. Уже въ 1707-мъ году онъ высказалъ опасеніе, что новое затѣянное имъ сватовство принесетъ ему также мало выгоды, какъ и прежнее. Теперь его опасенія повидимому оправдывались. «Я вижу, писалъ онъ Лейбницу, что относительно брака принцессы Шарлотты меня ожидаетъ та же судьба, какая постигла меня въ дѣлѣ ея старшей сестры, и что я получу такую же благодарность. Придется потерпѣть—такъ водится на свѣтѣ. Но я не думаю, чтобы царь допустилъ участіе Иордана, ибо царю извѣстно, что онъ преданъ Франціи и Швеціи. Необходимо внушить въ Вольфенбюттелѣ, чтобы тамъ не слишкомъ впутывали короля Августа».

Въ другомъ письмѣ Урбихъ писалъ: «Иорданъ и Шлейницъ могутъ ошибиться въ своемъ разсчетѣ. Если король Августъ захочетъ взять на себя издержки, то ему нужно вести это дѣло тонко, ибо иначе онъ внушитъ царю подозрѣніе, что такимъ способомъ хочетъ приобрести вліяніе».

Между тѣмъ въ Вольфенбюттелѣ много занимались царемъ, прославляли его храбрость, хвалили другія его качества. И молодая принцесса принимала участіе въ этихъ разговорахъ. Однажды за столомъ она рассказала слѣдующій случай, въ дова-

зательство великодушія царя:—Одинъ офицеръ, дезертировавшій изъ русскаго войска, вскорѣ послѣ этого былъ взятъ въ плѣнъ. Зная что его ожидаетъ, онъ не хотѣлъ сдаваться. Начальникъ отряда спросилъ его о причинѣ, и узнавши ее, сказалъ:—Я дамъ вамъ пощаду и увѣренъ, что царь не нарушитъ даннаго мною обѣщанія. Когда плѣнника привели къ царю, онъ его узналъ и сказалъ ему: «Такъ-то пришлось намъ увидѣться». Тогда начальникъ отряда разсказалъ ему, что плѣнникъ искалъ смерти, но онъ, убѣжденный въ великодушіи государя, даровалъ ему жизнь. Царь одобрилъ его поступокъ и похвалилъ его.

Между тѣмъ принцессу заставили дать письменное заявленіе, что она въ дѣлѣ сватовства совершенно покоряется волѣ короля Августа и своихъ родителей. Отправляя это заявленіе къ королю, Антонъ-Ульрихъ передалъ все дѣло въ его распоряженіе ¹⁾.

Несмотря однако на это, дѣло велось и посредствомъ Урбиха. Въ Вольфенбюттелѣ былъ составленъ проектъ брачнаго договора и отправленъ въ Вѣну къ Имгофу, вольфенбюттельскому министру, принимавшему большое участіе въ сватовствѣ супруги Карла испанскаго и находившемуся при ней въ качествѣ повѣреннаго. Урбихъ пересмотрѣлъ съ нимъ статьи договора и сдѣлалъ свои замѣчанія ²⁾. Въ октябрѣ или ноябрѣ онъ отправился въ Россію къ царю, чтобы между прочими дѣлами представить на его разсмотрѣніе и готовый проектъ договора. Съ своей стороны и король Августъ продолжалъ хлопотать о сватовствѣ. Въ концѣ ноября 1709-го года, Іорданъ обращался по этому дѣлу къ вице-канцлеру Шафирову. Шафировъ отвѣчалъ только 15-го марта ³⁾, оправдываясь тѣмъ, что вопросъ о путешествіи царевича въ Дрезденъ не былъ рѣшенъ царемъ по извѣстнымъ и довольно важнымъ причинамъ. Теперь же царь послалъ объ этомъ указъ сыну, и царевичъ поспѣшитъ отправиться въ Дрезденъ и дальше. Вслѣдствіе этого онъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что царь твердо пребываетъ въ намѣреніи заключить упомянутый бракъ, если только заинтересованныя въ этомъ стороны понравятся другъ другу и если будетъ достигнуто соглашеніе относительно договора.

То же самое порученіе хлопотать о сватовствѣ было между про-

¹⁾ ...dass E. K. M. ich diese gantze Sache in dero Hende und disposition hiemit übergebe.

²⁾ Письмо Урб. къ герцогинѣ Христинѣ-Луизѣ отъ 26-го октября 1709-го года въ вольфенб. архивъ.

³⁾ Письмо Шафирова къ Іордану въ вольф. архивъ.

чимъ дано графу Фицтуму, отправленному изъ Саксоніи къ царю, весною 1710-го года. 14-го апрѣля, молодой дипломатъ доносилъ своему отцу изъ Петербурга, что онъ имѣлъ большой успѣхъ, ибо царь согласился на всѣ предложенія короля. Фицтумъ писалъ, что изъ всѣхъ этихъ порученій, дѣло о сватовствѣ было для него самымъ пріятнымъ и потому онъ съ него началъ. «Царь, продолжалъ Фицтумъ, совершенно расположенъ въ пользу вольфенбюттельскаго дома и очень желаетъ этого брака, но его никакъ нельзя убѣдить, чтобы онъ сказалъ своему сыну: я хочу, чтобы ты на ней женился! Онъ все говоритъ, что желаетъ предоставить сыну свободный выборъ. Царь замѣтилъ мнѣ, что въ настоящее время никто не заграждаетъ намъ пути, такъ какъ объ эрцгерцогинѣ, которую прежде предлагали, теперь нѣтъ рѣчи, и какъ только царевичъ напишетъ, что принцесса ему нравится, царь отправитъ кого-нибудь въ Вольфенбюттель, чтобы установить договоръ». Я нисколько не сомнѣваюсь, прибавляетъ Фицтумъ отъ себя, что принцесса понравится царевичу, ибо онъ человѣкъ со здравымъ смысломъ (*ein Mensch de bon sens*); однако я считалъ бы нужнымъ, чтобы при ихъ свиданіи въ Дрезденѣ за ними слѣдили съ бдительнымъ вниманіемъ (*denn der teufel möchte sein spiel mit hierinnen haben*). Царь былъ очень доволенъ, что е. в. король одобряетъ этотъ бракъ и хотѣлъ тотчасъ писать царевичу, чтобы онъ постарался заслужить расположеніе принцессы и что ему будетъ очень пріятно, если она ему понравится—я могу сказать, безъ лести для себя, что употребилъ все мое краснорѣчіе, чтобы представить царю всѣ преимущества этого брака».

Итакъ, все зависѣло отъ взаимнаго расположенія заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Еще въ концѣ 1709-го года принцесса ожидала встрѣчи съ царевичемъ. 15-го декабря она писала отцу изъ Торгау, что на-дняхъ въ Дрезденѣ ожидаютъ царевича и что къ нему на встрѣчу выслали людей. Королева эстафетой просила короля позволить ей пріѣхать въ Дрезденъ, когда прибудетъ царевичъ. «Это подаетъ мнѣ надежду, прибавила принцесса, что все въ скоромъ времени придетъ къ хорошему концу; я желаю этого для того, чтобы быть въ состояніи доказать вамъ мою преданность и мое послушаніе».

Но царевича напрасно прождали въ Дрезденѣ цѣлую зиму. Наконецъ, весною пришелъ царскій указъ, чтобы Алексѣй переехалъ на житье въ Дрезденъ и оттуда посѣтилъ Карлсбадскія воды. 15-го мая, Шарлотта извѣстила мать, что пріѣхалъ изъ Варшавы камеръ-президентъ и заказалъ для царевича квартиру, какъ въ самомъ Дрезденѣ, такъ и въ Карлсбадѣ. Президентъ

увѣрялъ, что царевичъ въ теченіе 10-ти дней долженъ прибыть изъ Варшавы и непременно поѣдетъ въ Карлсбадъ, куда также собиралась польская королева съ Шарлоттой. Последняя писала матери, что царевичъ проведетъ въ Дрезденѣ два года и въ это время будетъ пользоваться гостепріимствомъ короля (*notre roi le défrayera*), но жить будетъ не въ дворцѣ, а въ городѣ, на частной квартирѣ. «Президентъ, прибавила Шарлотта, его очень хвалитъ и сказалъ, что онъ и умнѣе и красивѣе, чѣмъ его описывали. Онъ говорилъ также, что лица, окружающія его, все люди умные и достойные. Молодой Сейвердицъ¹⁾ особенно пользуется его расположеніемъ».

Принцесса въ это время такъ уже привыкла къ мысли о будущемъ брактѣ, что какъ будто даже опасалась, чтобы онъ не разстроился. Ея дядя, старшій сынъ Антона-Ульриха, былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ ея родителями и часто имѣлъ съ ними столкновенія. Принцесса писала однажды о немъ, что онъ, кажется, во всемъ измѣнился, исключая только своего нерасположенія къ семьѣ брата. «Я думаю, что если бы ему сказали, что царевичъ непременно сюда пріѣдетъ, онъ сталъ бы утверждать, что это чистая ложь, хотя конечно, прибавила принцесса, все можетъ еще легко перемѣниться, ибо чего не бываетъ на свѣтѣ».

Шарлотта заключила свое письмо поспѣшной припиской, свидѣтельствовавшей о ея волненіи: «Я только-что узнала, что царевичъ приближается къ нашей границѣ. Его свита состоитъ изъ 30-ти человекъ. Уже посланы люди, чтобы его встрѣтить на границѣ».

Но царевичъ совершалъ свое путешествіе очень медленно. Нѣсколько дней спустя, королева польская показала Шарлоттѣ письмо Имгофа изъ Вѣны, который писалъ, что Урбихъ получилъ благоприятныя извѣстія отъ царя. «Нужно надѣяться, писала по этому поводу принцесса матери, 23-го мая, что московское дѣло скоро завершится хорошимъ концомъ, ибо царевича каждую минуту ожидаютъ въ Дрезденѣ. Считаютъ достовѣрнымъ, что онъ поѣдетъ въ Карлсбадъ, куда и мы завтра выѣзжаемъ».

Гюйссенъ, сопровождавшій царевича, подробно описалъ въ своемъ журналѣ путь, которымъ Алексѣй слѣдовалъ изъ Варшавы въ Дрезденъ. Относительно пребыванія въ самомъ Дрезденѣ мы узнаемъ изъ этого журнала, что царевичъ пробылъ

¹⁾ Seyverditz—вѣроятно сынъ камергера von Seiffertitz, одного изъ приближенныхъ короля Августа. «Les caractères des ministres de la cour de Pologne». Forster: Friedrich-August, p. 324.

тамъ нѣсколько дней, осмотрѣлъ достопримѣчательности города и видѣлъ начало саксонскаго сейма, «стоя у королевскаго престола въ то время, какъ саксонскіе штаты предлоги свои докладывали»¹⁾. Изъ Дрездена царевичъ отправился въ Карлсбадъ черезъ горные города Фрейбергъ, Хемницъ и Йохимсталь, гдѣ были вычеканены первые серебрянные талеры, получившіе свое названіе отъ этого мѣста Joachimsthaler, потомъ просто Thaler — по-русски ефимки (вмѣсто іоакимки).

Карлсбадскія воды были въ то время мѣстомъ сборища для высшей имперской аристократіи. Особенно блестящее общество должно было собраться тамъ лѣтомъ 1710-го года. Кромѣ польской королевы и царевича, въ Карлсбадъ ожидали «кардинала саксонскаго, кронпринца цербстскаго, герцога мерзебургскаго съ дочерью, принца нейбургскаго съ супругою, почти всю дрезденскую знать и множество графовъ и графинь изъ Бреслава». Къ осени даже ожидали пріѣзда польскаго короля и самого царя. Многихъ влекло туда любопытство — желаніе присутствовать при первомъ знакомствѣ царевича съ принцессой. Особенно сильно было это желаніе у придворныхъ дамъ польской королевы и Шарлотты; гофмейстерина де-Роо умоляла королеву взять ее съ собою, какъ будто отъ этой поѣздки зависѣло счастье всей ея жизни (*croyant que tout son bonheur consiste dans ce voyage*).

Близъ Карлсбада, въ городѣ Шлакенвѣртѣ, гдѣ царевичъ «смотрѣлъ изрядной огородъ и каскады», онъ въ первый разъ видѣлся съ принцессой. Къ сожалѣнію, описанія этой встрѣчи нѣтъ въ письмахъ принцессы къ ея матери, и мы не можемъ судить о взаимномъ впечатлѣніи при первомъ знакомствѣ. Изъ журнала Гюйсена мы узнаемъ только, что царевичъ «часто бесѣдовалъ съ польской королевой и принцессой Шарлоттой», а изъ письма Урбиха въ Вольфенбюттель, что свиданіе обошлось къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ, и что онъ, поэтому, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ рѣшеній царя».

Устряловъ въ своей исторіи говоритъ по поводу карлсбадской встрѣчи, что, «Шарлотта не полюбила царевичу», но въ доказательство приводитъ письмо Антона-Ульриха, въ которомъ нѣтъ ни слова о Шарлоттѣ, а говорится только о нежеланіи русскихъ, чтобы царевичъ женился на иностранкѣ, и о томъ, что царевичъ склоняется къ мнѣнію своихъ приближенныхъ. Извѣстіе, что Шарлотта не понравилась царевичу, Устряловъ

¹⁾ Журналъ Петра I-го, сочин. Гизеномъ, въ Сборникѣ Записокъ Туманскаго. VIII, стр. 204.

объясняетъ ея наружностью: «красотою она не отличалась: при высокомъ ростѣ, была очень худа и изуродована оспою».

Мы не встрѣтили ни одного современнаго свидѣтельства, которое бы могло намъ дать вѣрное понятіе о наружности принцессы¹⁾. Если судить по портрету Шарлотты, который находится въ Вольфенбюттелѣ, ея наружность была довольно красива. На портретѣ, который приложенъ къ 119-му тому европейской Фамы, черты лица ея тонки и правильны, хотя общее выраженіе не особенно привлекательно. На обоихъ портретахъ она изображена съ чрезвычайно тонкой таліей, но нужно вспомнить, что эти портреты сдѣланы, когда Шарлоттѣ еще не было 17-ти лѣтъ и она не вполне сложилась. Что же касается приведеннаго у Устрялова извѣстія, будто лицо ея было «изуродовано оспой», то оно не подтверждается никакими свидѣтельствами и, кромѣ того, не правдоподобно.

Бракъ съ Вольфенбюттельской принцессой не представлялъ уже такихъ политическихъ выгодъ, чтобы можно было изъ-за нихъ забыть всѣ остальные условія. Шарлотта была первая иностранка, выходившая замужъ за наслѣдника русскаго престола, и едва ли бы рѣшились просватать ее за царевича, еслибы у нея былъ такой бросающійся въ глаза недостатокъ. Притомъ Алексѣй былъ совершенно свободенъ въ своемъ выборѣ за границей.

Приведенное извѣстіе объ оспѣ заимствовано Устряловымъ изъ Фезе²⁾, собирателя анекдотовъ и сплетень о разныхъ европейскихъ дворахъ, чрезвычайно неразборчиваго относительно своихъ источниковъ. Какъ плохо Фезе пользовался самыми извѣстными и доступными источниками относительно брака царевича Алексѣя,

¹⁾ Веберъ въ своемъ «Verändertes Russland», хвалитъ только нравственныя качества Шарлотты, напр. II с. 48—die unvergleichliche, wegen ihren ungemeinen Tugenden und grossen Eigenschaften ewig ruhmwürdige Prinzessin. Въ статьѣ: *Mémoire abrégé sur la vie du Ts. Alexei (Büsching III. 195)* упоминается только «la sagesse, l'esprit et la vertu de cette digne Princesse». Въ статьѣ Миллера (у Бюшинга Т. XV с. 235) принцессѣ уже приписывается красивая наружность: die Liebe zu einer reizend schönen, klugen und wohlgesitteten Gemahlin sollte das bewirken, wozu die strengen (?) Befehle des Vaters unkräftig zu werden schienen. Die Wahl hatte auf keine mit besseren Eigenschaften begabte Prinzessin fallen können. Вѣроятно, этимъ отзывомъ руководствовался Halem, который въ своей исторіи Петра В. приписываетъ Шарлоттѣ — alle Eigenschaften des Geistes und Körpers, die das Herz eines vorurtheilfreien Mannes einzunehmen vermögen.

²⁾ Фезе (Vehse: *Gesch. der Höfe des Hauses Braunschweig* Y. 201) говоритъ: Sie war nicht schön wie ihre Schwester (супруга Карла VI), sondern gross und hages und sehr von den Blattern entstellt, и прибавляетъ: aber von ungemein einnehmendem Wesen. Послѣднія слова опущены Устряловымъ въ переводѣ.

видю, напримѣръ, изъ его сообщенія, что Шарлотта передъ свадьбою приняла православную вѣру.

Послѣ карлсбадскаго свиданія, приближенные принцессы стали смотрѣть на нее, какъ на невѣсту царевича. Но Шарлотту ожидало еще много огорченій. Въ июлѣ пріѣхала въ Вольфенбюттель графиня Матвѣева, первая русская женщина, которая своимъ появленіемъ за границею обратила на себя общее вниманіе. Извѣстно, какъ она поражала иностранцевъ своею красотою, своимъ умомъ, своимъ обращеніемъ¹⁾; извѣстна также ея гордость, которая не позволила ей уступить въ Германіи первое мѣсто графинѣ Вартенбергъ, любимицѣ короля Фридриха I.

Въ Вольфенбюттелѣ Матвѣева вступила въ переговоры о сватовствѣ и объ условіяхъ брачнаго договора. Мы не знаемъ, въ чемъ именно заключались ея требованія, но, кажется, она настаивала на томъ, чтобы принцесса приняла православную вѣру и чтобы дворъ ея состоялъ изъ русскихъ.

Какъ бы то ни было, когда Шлейницъ извѣстилъ о ея требованіяхъ принцессу, послѣдняя была очень встревожена. Объ этомъ свидѣлствуетъ письмо ея гофмейстерины де-Роо къ герцогинѣ Христинѣ-Луизѣ: «Заявленія, сдѣланныя московской посланницей, очень взволновали принцессу, но хорошо, что ее предупредили, иначе она при подобномъ предложеніи совершенно бы смутилась и не была бы въ состояніи придти въ себя; впрочемъ, она ни на что не рѣшится, пока не получитъ отъ царя и отъ царевича твердое обѣщаніе относительно свободы исповѣданія и также позволенія взять съ собою нѣмецкихъ придворныхъ. Письмо пришло какъ разъ въ ту минуту, когда принцесса возвратилась отъ причастія; передъ этимъ она исповѣдовалась, и суперинтендентъ ее сильно уговаривалъ относительно этого брака. Теперь однако она собралась съ духомъ и приметъ мѣры, чтобы хорошо встрѣтить посланницу. Шлейницъ писалъ, что вы желаете, чтобы принцесса подарила графинѣ какую-нибудь вещь хорошей работы; но такъ какъ у нея ничего подобнаго нѣтъ,

¹⁾ Въ соч. «Отношенія Лейбница къ Россіи» нами приведены стихи, написанные Лейбницемъ въ честь графини Матвѣевой:

Votre soleil, Madame, est extraordinaire:
S'estant levé d'abord dans le septentrion
Il a de l'occident fait l'admiration.
Au Batave au Français son brillant a scu plaire,
Quoique à l'ordre commun sa course soit contraire.
Votre éclat et beauté s'attirent les regards,
Les encens, les hommes s'offrent de toutes parts;
L'orient prend ici part à votre lumière и т. д.

то я посовѣтовала подарить ей записную дощечку, окаймленную алмазами, которую она получила отъ Имгофа. По моему мнѣнію, принцессѣ неловко давать такой дамѣ цѣнный подарокъ, а нужно только оказать ей вниманіе (*schickt sich kein present anderst als von galanterie*). Посланница, должно быть, очень гордится своимъ близкимъ родствомъ съ царемъ, если имѣла смѣлость безъ его приказанія настаивать на такихъ вещахъ, относительно которыхъ царь давно уже сдѣлалъ уступку.»

Въ это время въ саксонскихъ придворныхъ кругахъ стали ходить слухи, что царевичу сватаютъ другую невѣсту, католическаго вѣроисповѣданія, дочь князя Фюрстенберга, бывшаго въ то время намѣстникомъ Саксоніи¹⁾. Уже въ Карлсбадѣ объ этомъ говорили и указывали на то, что княжна будетъ сговорчивѣе, не станетъ выговаривать въ свою пользу никакихъ условій, если только ей позволятъ сохранить свободу вѣроисповѣданія. Намекая на эти слухи, де-Роо высказала предположеніе, что требованія Матвѣевой не что иное какъ предлогъ, чтобы разстроить сватовство принцессы, что Матвѣева дѣйствуетъ по своимъ личнымъ интересамъ и хочетъ или склонить дѣло въ пользу католиковъ, или, добившись болѣе выгодныхъ условій, выслужиться передъ царемъ. Большія опасенія внушали также увѣренія Матвѣевой, что будто русская нація никогда не допуститъ, чтобы переговоры о брачныхъ условіяхъ были поручены нѣмцу.

Какъ видно изъ письма де-Роо, придворныя дамы принцессы Шарлотты въ Торгау были очень встревожены извѣстіями изъ Вольфенбюттеля. Ихъ волненіе возросло, когда онѣ узнали, что Матвѣева пріѣхала въ Дрезденъ, гдѣ тогда жилъ царевичъ. Де-Роо начала наводить справки у своихъ дрезденскихъ друзей и получила оттуда слѣдующее письмо:

«На ваши вопросы я вамъ долженъ сказать, что царевичъ здѣсь очень прилеженъ, усердно предается всему за что принимается и рѣдко выходитъ изъ дома. Ради него два раза въ недѣлю играютъ французскую комедію; и хотя онъ не знаетъ французскаго языка, она доставляетъ ему большое удовольствіе. Что касается посланницы, то она была здѣсь около 8 дней, и въ продолженіи этого времени князь Фюрстенбергъ и знатныя дамы города оказывали ей всевозможныя любезности. Она была разъ съ царевичемъ во французской комедіи въ ложѣ графини

¹⁾ Извѣстный князь Егонъ фонъ-Фюрстенбергъ, управлявшій Саксоніей вмѣсто короля Августа, принадлежалъ къ мелкимъ владѣтелямъ Германіи и потому, по понятіямъ XVIII-го вѣка, его родъ могъ вступать въ родственныя отношенія съ европейскими государями.

Козель¹⁾; была съ нимъ также въ гостяхъ у кн. Фюрстенберга, у г-жи де-Фицтумъ и де-Гоймъ. Я могу сказать вамъ, что эта женщина необыкновеннаго ума, съ благородными и изящными манерами, и ее никто не приметъ за мосевитянку. Она жила долго при французскомъ дворѣ, у нея сынъ, родившійся въ Парижѣ, и хорошенькая дочь, родившаяся въ Голландіи. Эти два ребенка составляютъ предметъ удивленія для всего города, ибо они выражаются на французскомъ языкѣ съ замѣчательной чистотою и разсуждаютъ какъ взрослые люди (*comme des personnes faites*). Говорятъ, что посланникъ останется при нашемъ королѣ; если это случится, посланница будетъ жить здѣсь; не знаю, вмѣшалась ли она въ какое-нибудь важное дѣло, по крайней мѣрѣ я считаю ее очень къ этому способной. Царевичъ, между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, совершенно равнодушенъ къ женщинамъ, и хотя есть лица, которыя стараются возбудить его вниманіе, но мало въ этомъ успѣваютъ. Будущее все это намъ разяснить».

Отправляя это письмо къ герцогинѣ Бланкенбургской, г-жа де-Роо прибавила, что оно написано лицомъ, которое ежедневно бываетъ у царевича (подпись у этого письма была срѣзана). Затѣмъ она сообщила, что еще другое лицо, ѣздившее въ Дрезденъ, говорило ей, будто со стороны Фюрстенберговъ чрезвычайно хлопочутъ и явно и тайно, но что у царевича совершенно равнодушный видъ, и онъ не выказываетъ никакого расположенія къ княжнамъ. «Хотя многіе начинаютъ сомнѣваться, писала де-Роо, что сватовство принцессы состоится, но такое сомнѣніе, какъ я полагаю, слѣдуетъ считать совершенно неосновательнымъ. Придворные царевича разсказывали, что онъ три раза обѣдалъ у Фюрстенберга и каждый разъ его усаживали рядомъ съ княжнами, но царевичъ все время смотрѣлъ въ свою тарелку и не говорилъ съ ними. Посланница, правда, нѣсколько возбуждаетъ мое подозрѣніе; но если она ничего не испортитъ, то безъ сомнѣнія все увѣнчается хорошимъ концомъ».

Принцесса Шарлотта, находившаяся въ Торгау, повидимому, ничего не знала объ этихъ интригахъ. Она, напротивъ, была успокоена и обрадована тѣмъ, что гр. Матвѣева при свиданіи

¹⁾ Эта знаменитая красавица была замужемъ за министромъ фонъ-Гоймбомъ, о которомъ также упоминается въ нашемъ разказѣ, но по настоянію короля Августа она развелась съ мужемъ, приняла титулъ графини Козель и получила отъ Августа письменное обязательство, что онъ женится на ней вслучаѣ смерти королевы и узаконитъ ея дѣтей. Въ описываемое нами время ея вліяніе на дѣла въ Саксоніи не рѣдко стѣсняло власть самого намістника, но вскорѣ послѣ этого она должна была уступить соперницамъ и оставить дворъ.

съ нею не настаивала на тѣхъ требованіяхъ, которыхъ принцесса такъ боялась. 1-го авг. 1710-го года, Шарлотта писала матери о царевичѣ, объ его уединенной жизни и занятіяхъ въ Дрезденѣ: «Онъ теперь учится танцовать у Потти, а его учитель французскаго языка тотъ же самый, который училъ наслѣднаго принца (саксонскаго) и меня. Онъ учится также географіи и, какъ говорятъ, очень прилеженъ, другого о немъ ничего не слышно. Какъ полагаютъ, онъ пріѣдетъ сюда только во времени Лейпцигской ярмарки; говорятъ также, что къ тому времени пріѣдутъ король и Меншиковъ. Что касается посланницы, то она въ разговорѣ со мною совсѣмъ не упоминала о томъ, что она говорила въ Зальцдалѣ¹⁾; впрочемъ, время было слишкомъ коротко, наше свиданіе продолжалось только четверть часа. Она здѣсь пообедала, но не сѣла за столъ съ королевой. Такъ какъ она не можетъ уступить мнѣ перваго мѣста, то она пожелала обѣдать наединѣ, чтобы насъ не стѣснить (*désobliger*); королева велѣла просить ее нѣсколько разъ придти за столъ съ тѣмъ, чтобы я обѣдала въ своей комнатѣ, и сама ее просила, но невозможно было ее уговорить. Она просила, какъ особенной милости, чтобы королева позволила ей остаться въ своей комнатѣ, и пригласила меня къ столу говоря, что ей оказали въ Вольфенбюттелѣ столько любезностей, что ей слѣдуетъ быть признательной. Г. Гейстъ, который съ ней обѣдалъ, рассказалъ мнѣ, что она стоя пила за здоровье короля и королевы, царевича, здѣшняго наслѣднаго принца и за мое здоровье».

Принцесса, повидимому, въ это время нисколько не опасалась за свое будущее, ее безпокоило только слабое здоровье матери и постоянныя непріятности, которыя послѣднія терпѣла отъ своего зятя. По поводу этихъ непріятностей принцесса писала матери: «Если только по волѣ Господа московское дѣло состоится, то я надѣюсь, что съ его помощью буду въ состояніи успокоить васъ, и что вамъ не нужно будетъ оставаться среди злыхъ людей, которые васъ не стоятъ и черезъ-чуръ злоупотребляютъ вашей добротою и вашимъ терпѣніемъ... Да сохранить Господь вашу жизнь и да не попуститъ, чтобы я васъ пережила, ибо это было бы самымъ большимъ для меня несчастіемъ. Даже мысль объ этомъ меня приводитъ въ отчаяніе. Что касается царевича, то онъ былъ нѣсколько разъ въ гостяхъ у намѣстника, но ни разу не хотѣлъ оставаться тамъ долѣе полудня и, какъ говорятъ, былъ очень сдержанъ. Онъ очень любитъ французскій театръ, но онъ всегда бываетъ одинъ въ ложѣ съ своими при-

¹⁾ Загородный замокъ близъ Вольфенбюттеля.

дурными; въ остальное время, какъ говорятъ, онъ усердно предается своимъ занятіямъ».

Между тѣмъ въ Дрезденѣ продолжались интриги со стороны фюрстенберга. Въ концѣ августа де-Роо писала въ Вольфенбюттель, что съ этою цѣлью была устроена большая охота, на которой долженъ былъ присутствовать царевичъ. Но Алексѣй отказался и, по мнѣнію де-Роо, за то слѣдовало благодарить молодого Сейвердица. «Однако, мнѣ говорили, продолжала она, что, несмотря на это, вольфенбюттельское дѣло можетъ кончиться очень плохо, ибо царевича такъ искусно ловятъ, и столькими различными способами, что если не будетъ на это особенной воли Божіей, то дѣло принцессы разстроится. Кромѣ того, царевичъ сталъ очень ухаживать за женщинами, и находятся люди, которые ему помогаютъ въ этомъ и доставляютъ знакомства. Люди преданные вольфенбюттельскимъ интересамъ жалуются, что съ этой стороны ничего не предпринимаютъ для обезпеченія успѣха. Фюрстенбергъ склонилъ на свою сторону одного лакея, въ которому царевичъ очень расположенъ, надавалъ ему подарковъ, наконецъ спросилъ не можетъ ли ему быть чѣмъ-нибудь полезенъ. Тотъ отвѣтилъ, что у него есть братъ въ Россіи, котораго бы онъ желалъ имѣть при себѣ. Тогда намѣстникъ сказалъ, что онъ ему дастъ письмо въ Россію и заплатитъ за путевыя издержки, пусть онъ привезетъ своего брата, онъ возьметъ его къ себѣ, позаботится объ немъ и дастъ ему возможность учиться, чему тотъ захочетъ. Послѣ того этотъ лакей дѣйствительно отправился съ согласія царевича въ Россію, получивши письмо отъ Фюрстенберга. Кромѣ того царевичъ собирается зимою ѣхать въ Байрейтъ, что также можетъ имѣть дурныя послѣдствія». Де-Роо просила у герцогини извиненія за то, что сообщаетъ все непріятныя новости, и оправдывалась тѣмъ, что герцогиня сама приказывала ей быть откровенной.

Но не одни фюрстенбергскія интриги пугали родственниковъ принцессы. Въ это же время имъ указывали на болѣе серьезную опасность. Препятствіе, говорили имъ, исходитъ отъ самого царевича, который не желаетъ брака съ иностранной принцессой и дѣлаетъ видъ, что колеблется въ выборѣ, чтобы выиграть время. Указывали также на людей, окружавшихъ царевича, которые будто бы поддерживали въ немъ такое расположеніе, не желая видѣть иностранки на русскомъ престолѣ.

Между тѣмъ, люди заинтересованные въ заключеніи вольфенбюттельскаго брака усердно хлопотали объ окончательномъ устройствѣ этого дѣла. Такъ какъ свиданіе въ Карлсбадѣ между царевичемъ и принцессой, въ іюнѣ 1710-го года, имѣло пови-

димому благопріятный результатъ, то герцогъ Антонъ-Ульрихъ считъ себя въ правѣ ускорить заключеніе договора. Для этой цѣли, въ іюлѣ состоялось свиданіе между Шлейницемъ и Урбихомъ въ Эйзенахѣ. Какъ видно изъ письма Урбиха въ Лейбницу, свиданіе это было устроено съ большою поспѣшностью, чтобы не терять времени и не пропустить благопріятной минуты ¹⁾. Письмомъ изъ Эйзенаха Урбихъ увѣрялъ герцогиню Христину-Луизу, что царь продолжаетъ желать вольфенбюттельскаго брака. «Мнѣ еще на дняхъ писали, прибавилъ Урбихъ, со стороны нашего двора въ довольно точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ, что царю этотъ бракъ угоденъ».

Въ Эйзенахѣ Урбихъ и Шлейницъ уже занимались опредѣленіемъ будущаго придворнаго штата принцессы и даже избраніемъ лицъ. Со стороны Вольфенбюттеля не довольствовались назначеніемъ для принцессы чисто нѣмецкаго придворнаго штата. Родственники Шарлотты, какъ бы опасаясь, что она будетъ чувствовать себя одинокой въ новомъ отечествѣ, желали, чтобы кромѣ нужныхъ слугъ при ней находилось близкое лицо, которое могло бы служить ей довѣреннымъ другомъ и совѣтникомъ. Для этого имѣлась въ виду родственница Шарлотты, незамужняя принцесса Остъ-Фрисландская. Но для того, чтобы упрочить положеніе принцессы при русскомъ дворѣ, Шлейницу было поручено хлопотать, нельзя ли ее выдать замужъ за какое-нибудь знатное лицо изъ русскихъ ²⁾. Урбихъ взялся представить и объ этомъ царю, а между тѣмъ самъ указалъ на жениха для принцессы — на близкаго родственника царя, молодого Нарышкина, которому тогда было около 18-ти лѣтъ, и который, по описанію Урбиха, былъ красивъ, очень уменъ, чрезвычайно богатъ и пользовался уваженіемъ царя и всего двора.

Самъ Шлейницъ предназначался вольфенбюттельскимъ дворомъ въ церемоніймейстеры для принцессы. Но Урбихъ, который можетъ быть желалъ для себя этого покойнаго мѣста, былъ недоволенъ притязаніями Шлейница и писалъ объ немъ Лейбницу: «Ce cavalier prétend trop et il ne fait pas bien de faire tant de bruit, on le devoit cacher jusqu'à la maturité».

Вслѣдствіе этой нескромности, на которую жалуется Урбихъ, не только свиданіе въ Эйзенахѣ, но и многія подробности пе-

¹⁾ Ур. къ Лейб. отъ 15 окт. 1710. Ce voyage là se fit tout d'un coup, sans y avoir seulement pensé et pour m-r Schleinitz Son Altesse l'avoit envoyé expressément à Eisennach.

²⁾ Afin que Son Alt. S. Madame la Czarowize ait quelque compagne dans ce pays-là.

решеніе не остались тайной. О нихъ стали говорить въ газетѣ, въ Торгау и Дрезденѣ знали о намѣреніи Шлейница слѣдовать за принцессой въ Москву. Все это должно было дойти до свѣдѣнія царевича и чрезвычайно непріятно на него подѣйствовать. Царевичъ только-что въ первый разъ видѣлъ принцессу, самъ еще ни на что не рѣшился, и вотъ уже всѣ громко говорятъ о его бракѣ, и чужіе люди безъ его вѣдома устанавливаютъ условія брачнаго договора. Какъ человѣкъ нерѣшительный, старавшійся во всякомъ непріятномъ дѣлѣ выиграть время, царевичъ былъ очень раздраженъ этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ; особенно же должно было разсердить его — непривычнаго къ своеволію газетъ — безцеремонное обсужденіе его судьбы неизвѣстными газетчиками.

29-го авг., де-Роо сообщила герцогинѣ, что когда царевичъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что скоро можно будетъ ожидать его бракосочетанія съ принцессой Вольфенбюттельской, то онъ очень разсердился и воскликнулъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, и что отецъ предоставилъ ему свободу выбора въ женитьбѣ.

Еще болѣе тревожныя свѣдѣнія были получены въ Вольфенбюттелѣ изъ самаго Дрездена. На основаніи этихъ свѣдѣній герцогъ Антонъ-Ульрихъ писалъ къ Урбиху: «Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, думая, что вы по указу царя окончательно опредѣлили тамъ условія супружества. Причина тревоги та, что русскій народъ никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобы заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, протягивая время; они поддерживаютъ въ царевичѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Царевичъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельзскою, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя, отца своего, и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ; онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву, и тогда онъ уговоритъ царя, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ; думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу. Царевичъ

очень расположенъ къ графу Головкину, сыну канцлера, который одинъ можетъ все дѣло опять привести въ доброе состояніе. Изъ всѣхъ находящихся при царевичѣ онъ самый благоразумный и честный; но мой корреспондентъ очень не довѣряетъ кн. Трубецкому. Госпожа Матвѣева, въ проѣздѣ своемъ черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣева удовольствована была дворомъ Вольфенбюттельскимъ».

Между тѣмъ, въ Вольфенбюттелѣ пришло письмо отъ де-Роо, которая сообщала, что царь твердо остается при своемъ намѣреніи. Ее увѣряетъ въ этомъ тайный совѣтникъ Гоймъ, получившій это извѣстіе изъ Россіи отъ своего зятя Фицтума, саксонскаго посланника при царѣ. На этомъ основаніи герцогъ писалъ Урбиху: «Относительно намѣренія царскаго я не сомнѣваюсь; но можетъ ли царь принудить сына къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессой, если царевичъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь?»

Урбихъ успѣшилъ отправить герцогскія письма къ царю¹⁾, а самъ, взволнованный и раздраженный до крайности, 13-го сент. написалъ къ герцогинѣ Христинѣ-Луизѣ въ отвѣтъ на ея жалобы: «Я пришелъ въ отчаяніе, когда узналъ объ интригахъ, которыми хотятъ затормозить великое дѣло, такъ успѣшно начатое. Вашей свѣтлости, безъ сомнѣнія, извѣстно, что царевичъ написалъ изъ Карлсбада къ царю письмо, очень благопріятное для принцессы, и что царь далъ свое согласіе на его бракъ. Это-то согласіе безъ сомнѣнія привезено царевичу послѣднимъ курьеромъ, и я не понимаю, что скажутъ при царскомъ дворѣ о его внезапной переменѣ. Я сдѣлалъ его величеству и двумъ канцлерамъ очень энергическія представленія, и я былъ при этомъ такъ возмущенъ, что могу впасть въ немилость: я написалъ всю правду, особенно Шафирову, съ которымъ могу говорить откровеннѣе. Очень вѣроятно, что Фюрстенбергъ участвуетъ въ интригѣ; но онъ съ своею шайкою хлопочетъ напрасно, ибо народъ никогда не допуститъ, чтобы католичка взошла на русскій престолъ. Я больше всего опасаясь злого нрава сумасшедшаго Трубецкаго (два года тому назадъ онъ пробылъ здѣсь три мѣсяца, и каждый день говорилъ мнѣ, хоть бы ему приходилось видѣться со мною десять разъ въ день—*Io son principe* (Я князь), *ma non dica, ch'io son principe* (но не говорите, что я князь)—

¹⁾ Письма А. У. хранятся въ Кабинетѣ, II кн. 12, и переведены С. М. Соловьевымъ въ его Исторіи Россіи т. XVII, стр. 140.

онъ при этомъ забывалъ прибавлять слово *matto*—сумасшедшій). Этотъ Трубецкой ненавидитъ нѣмцевъ, особенно изъ-за царевича, который любилъ сестру этого сумасшедшаго. Но царь прошлою зимою выдалъ ее замужъ за другого князя. Кроме того при царевичѣ находится еще другой сумасбродъ и педантъ — Гюйссенъ, который общалъ вдовствующей императрицѣ черезъ патера Мюллера, что царевичъ женится на эрцгерцогинѣ или на дочери принца Якова Собѣскаго. Этотъ господинъ навѣрное присоединяется къ другимъ, чтобы вредить, такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ быть полезенъ. Я впрочемъ надѣюсь, что царь заставитъ ихъ повиноваться и не позволитъ закусить удила своевольнымъ московскимъ боярамъ, которые, какъ кажется, хотятъ воспользоваться путешествіемъ для такой свободы, какой бы имъ никогда не видать въ отечествѣ¹⁾).

Урбихъ сообщилъ герцогинѣ, что несмотря на покой, въ которомъ онъ нуждается послѣ столькихъ путешествій, онъ считаетъ себя обязаннымъ отправиться въ путь, чтобы повидаться тайно въ окрестностяхъ Дрездена съ графомъ Головкинымъ, котораго онъ называлъ самымъ благоразумнымъ изъ всей шайки. Но еще прежде чѣмъ могло послѣдовать изъ Петербурга какое-нибудь распоряженіе по поводу жалобъ Антона-Ульриха, и вѣроятно прежде, чѣмъ Ульрихъ успѣлъ съѣздить въ Дрезденъ, чтобы переговорить съ Головкинымъ, — царевичъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ къ сближенію съ принцессой Шарлоттой—онъ посѣтилъ ее въ Торгау. Въ Карлсбадѣ они встрѣтились какъ-бы случайно, но поѣздка царевича въ Торгау явно свидѣтельствовала о томъ, что Алексѣй, несмотря на свое неудовольствіе по поводу газетныхъ толковъ, считъ нужнымъ продолжать сватовство. Причину такого поступка слѣдуетъ искать не въ вліяніи людей, окружавшихъ царевича, а въ особенностяхъ его положенія, которое онъ такъ хорошо описалъ въ письмѣ къ своему духовнику Якову Игнатьеву. Ему было извѣстно, что «отецъ не хочетъ его женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу», и ему показалось, что принцесса Шарлотта — «человѣкъ добръ и лучше ему здѣсь не сыскать».

19-го сент., принцесса писала матери изъ Торгау, что «царевича ждутъ послѣ завтра къ вечеру. Онъ пріѣдетъ на баркѣ королевы, но, какъ полагаютъ, остановится въ Торгау не на долго, ибо желаетъ отправиться также въ Лихтенбургъ и Вит-

¹⁾ Въ тотъ же день Урбихъ писалъ Лейбницу: «L'affaire du mariage qui a été si bien négociée semble vouloir se reculer par la malice de certains gens; néanmoins comme le Czar le veut, j'espère que les autres seront obligés d'obéir».

тенбергъ». Принцесса обѣщала слѣдовать приказаніямъ матери относительно царевича: «Я съ удовольствіемъ подчиняюсь въ этомъ дѣлѣ волѣ Божіей, главнымъ образомъ, въ надеждѣ быть вамъ полезной, и если уже суждено совершиться этому дѣлу, то я желала бы, чтобы оно случилось скорѣе, для того, чтобы избавиться отъ безконечныхъ толковъ по этому поводу».

Черезъ недѣлю послѣ этого принцесса оправдывалась передъ матерью въ томъ, что пропустила одну почту «по случаю приѣзда царевича». Шарлотта писала о себѣ, что она все время не выходила изъ комнатъ королевы. О самомъ же царевичѣ принцесса сообщала, что онъ казался довольнымъ и былъ въ хорошемъ расположеніи духа. «Онъ охотился каждый день съ наслѣднымъ принцемъ, и повидимому дружба, соединяющая отцовъ, современемъ перейдетъ къ сыновьямъ, ибо они выказываютъ большое уваженіе другъ къ другу. Царевичъ нѣсколько измѣнился къ лучшему въ своихъ манерахъ, но лицо стало немного худощавѣе и желтѣе. Онъ все время обѣдалъ и ужиналъ съ королевой, исключая одного раза, когда онъ весь день провелъ на охотѣ. Ко мнѣ онъ былъ, какъ и въ Карлсбадѣ, очень вѣжливъ, а также его кавалеры. Но онъ не сказалъ мнѣ ничего особеннаго. Онъ кажется совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ женщинамъ. Еще неизвѣстно, поѣдетъ ли онъ къ намѣстнику или нѣтъ. Я полагаю, что онъ не поѣдетъ, такъ какъ времени до ярмарки осталось не много. Царевичъ возвратится сюда къ рыбной ловлѣ черезъ двѣ недѣли».

По возвращеніи въ Торгау, царевичъ рѣшился сдѣлать окончательный шагъ и просилъ у польской королевы руки принцессы. Къ сожалѣнію, въ собраніи писемъ Шарлотты нѣтъ того письма, въ которомъ она описала свой разговоръ съ царевичемъ и вынесенное ею впечатлѣніе. Но изъ другихъ источниковъ видно, что молодая дѣвушка очень обрадовалась окончанію дѣла, котораго такъ желали всѣ ея родственники. Она была взволнована, тронута оказанною ей честью, была счастлива и готова привязаться въ своему жениху.

Графъ Головкинъ отправился тотчасъ отъ имени царевича въ Вольфенбюттель, чтобы испросить согласіе дѣда и родителей. Тѣ конечно были въ восторгѣ. 9-го ноября герцогиня Христина-Луиза писала Урбиху: «Страхъ, которому мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялся въ такое время, когда всего менѣе можно было этого ожидать, разсѣялся какъ туча, скрывающая солнечные лучи; небо прояснилось, когда мы ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевою и потомъ съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ

образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня, что царевичъ очень перемѣнился въ свою пользу, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ благороденъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честью, какую царевичъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Мнѣ остается только пожелать, чтобы такое хорошее начало увѣнчалось концомъ, и чтобы дѣло не затянулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставить вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой, мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести.»

Въ то же время герцогъ послалъ своей дочери разные совѣты и наставленія. Благодаря за эти наставленія, принцесса писала: «Что касается до царевича, то я увѣрена, что онъ будетъ питать къ вамъ дружбу и уваженіе; еслибы этого не случилось, я бы подумала, что онъ ко мнѣ питаетъ ненависть, а не любовь; я всѣхъ буду считать врагами, кто не расположенъ къ вашей свѣтлости; но царь и всѣ, кто цѣнить заслуги и справедливость, не преминутъ уважать васъ. Еслибы я когда-нибудь имѣла счастье увидать васъ и мою мать въ Россіи, я считала бы себя на вершинѣ блаженства. Графъ Головкинъ такъ доволенъ любезностью, оказанною ему въ Вольфенбюттелѣ, что этого нельзя выразить. Онъ показываетъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ подарокъ, полученный имъ отъ вашей свѣтлости.»

Царевичъ не долго оставался въ Торгау около своей невѣсты, и возвратился къ своей уединенной жизни и своимъ занятіямъ въ Дрезденѣ. И невѣста его въ это время съ большою охотою предавалась занятіямъ, преимущественно языками. Она, какъ видно изъ ея писемъ, порядочно владѣла французскимъ языкомъ, хотя писала довольно неправильно и не рѣдко впадала въ свойственныя нѣмцамъ ошибки. Кромѣ того она училась по-латыни и по-итальянски. Интересныя подробности о ея занятіяхъ мы можемъ почерпнуть изъ ея письма къ матери отъ 24-го ноября. Она проситъ извиненія за сдѣланныя ею орфографическія ошибки и оправдывается поспѣшностью и тѣмъ, что начала писать по-латыни. «Это меня нѣсколько путаетъ; на-дняхъ я собираюсь написать герцогу латинское письмо. По возвращеніи въ Дрезденъ я возобновлю игру на лютнѣ и изученіе итальянскаго языка, который я почти совершенно понимаю, такъ какъ я знаю немного по-латыни. Я общалась князю Трубецкому выучиться по-итальянски, чтобы говорить съ нимъ на этомъ языкѣ. Изученіе латинскаго меня чрезвычайно занимаетъ и доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, что я просиживаю день и ночь за книгой. Какъ жаль, что я не имѣла этой охоты нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я бы уже го-

раздо больше знала, чѣмъ теперь, но я постараюсь по возможности вознаградить себя за потерянное время!»

Родственницы принцессы были заняты въ это время присканіемъ для нея придворнаго штата, который, впрочемъ, какъ мы впоследствии увидимъ, былъ составленъ очень неудачно.

Въ одномъ изъ писемъ, принцесса благодаритъ мать за рекомендацію фрейлины Вицлебень и прибавляетъ, что ей необходимо взять съ собой въ Россію женщину скромнаго характера, такъ какъ тамошнія женщины ведутъ затворническую жизнь, а иностранка легко можетъ сдѣлаться предметомъ сплетень.

Принцесса съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась невѣстой царевича, стала замѣчать нѣкоторую переменѣу въ дамахъ ее окружавшихъ. О своей гофмейстеринѣ де-Роо она писала, что та не выказываетъ болѣе прежняго высокоумія къ ней; иногда она бываетъ еще нѣсколько капризна, но это довольно скоро проходитъ.

Вскорѣ послѣ этого принцесса переѣхала въ Дрезденъ. Письма ея, написанныя зимою 1710—11-го года, не представляютъ ничего интереснаго. Отецъ ея прохворалъ всю зиму, и письма ея наполнены только заявленіями дочерней нѣжности и привязанности. Между тѣмъ было получено официальное согласіе царя на бракъ сына, и 21-го янв. 1711-го года царевичъ собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ объ этомъ родителей своей невѣсты. Съ этого письма началась переписка между царевичемъ и его будущими родственниками, которая впрочемъ заключаетъ въ себѣ только обычныя выраженія вѣжливости. Переписка велась на нѣмецкомъ языкѣ: письма царевича очевидно составлены не имъ, но иногда переписаны его рукой, кривыми и бессвязными буквами на протянутыхъ карандашемъ линейкахъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ царевичъ благодарилъ герцога за то, что онъ оказалъ ему честь и повѣсилъ его портретъ въ своемъ кабинетѣ, «гдѣ навѣрное висятъ лучшія картины»; онъ увѣрялъ своего будущаго тестя, что на свѣтѣ не найдется художника, сумѣвшаго бы изобразить на его лицѣ уваженіе и почтеніе, которыя онъ питаетъ къ герцогу. Затѣмъ онъ обѣщалъ прислать другой лучшій портретъ, болѣе на него похожій, который онъ закажетъ, какъ скоро найдетъ хорошаго художника.

Въ началѣ мая царевичъ прибылъ съ своею свитой въ Вольфенбюттель, и мать обрадовала принцессу извѣстіемъ, что съ его приѣзда отцу стало лучше и что онъ приписываетъ свое выздоровленіе царевичу. Въ отвѣтъ на это, принцесса просила не отпускать жениха изъ Вольфенбюттеля и доставить ей счастье быть

свидѣтельница той радости, которую долженъ былъ испытывать царевичъ.

Поѣздка царевича въ Вольфенбюттель была вызвана не только необходимостью представиться родителямъ своей невѣсты, но и порученіемъ царя содѣйствовать заключенію брачнаго договора. Проектъ договора, установленный во время свиданія Урбиха и Шлейница въ Эйзенахѣ, былъ отправленъ къ царю и утвержденъ имъ 19-го апр. 1711-го года въ мѣстечкѣ Яворовѣ, въ Галиціи, но съ значительными измѣненіями. Кромѣ того, царевичу было поручено лично хлопотать въ Вольфенбюттлѣ, не согласятся ли родственники принцессы уменьшить денежную сумму, которая должна была, по заключеніи брака, ежегодно выдаваться на содержаніе принцессы и ея двора.

Проектъ договора былъ очень обстоятеленъ и состоялъ изъ 17-ти статей. Онъ начинался съ того, что старый герцогъ Вольфенбюттельскій и родители принцессы ручались за нее, что она будетъ относиться въ своему супругу съ подобающимъ уваженіемъ, съ вѣрностью и любовью, а также оказывать самому царю должное почтеніе и т. д. Затѣмъ было постановлено, что Антонъ-Ульрихъ дастъ своей внучкѣ такое же приданое, какое получила ея старшая сестра, королева испанская, т.-е. 20,000 тал. Эту сумму царь зачеркнулъ въ подписанномъ имъ договорѣ.

Съ другой стороны, царь обѣщалъ за себя, за сына и за своихъ преемниковъ на русскомъ престолѣ, что принцесса будетъ пользоваться въ Россіи положеніемъ достойнымъ ея сана, на подобіе другихъ европейскихъ императрицъ и королевъ. Въ этой статьѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что царевичъ будетъ жить съ принцессой въ мирномъ, благословенномъ супружествѣ и царствованіи (*eine gesegnete Ehe und Regierung führen*), Петръ пропустилъ въ своемъ экземплярѣ слово *царство-*
ваніе.

Въ исполненіе и обезпеченіе этой общей статьи въ проектѣ договора были постановлены слѣдующія условія: царь долженъ былъ перевести на свой счетъ принцессу и ея дворъ изъ Вольфенбюттеля въ Россію. Въ виду этого онъ обязывался за 6-ть недѣль передъ выѣздомъ выплатить принцессѣ 10,000 тал. и каждому изъ ея придворныхъ полугодное жалованье впередъ. Это послѣднее условіе было отвергнуто царемъ.

Царь предоставлялъ принцессѣ, а также ея придворнымъ право пребывать въ евангелическомъ законѣ до конца ея жизни. Въ этой статьѣ царь вставилъ слова: «если она того пожелаетъ.» Царь долженъ былъ обѣщать по проекту охранять принцессу

въ отношеніи религіи противъ всякихъ внушеній, не говоря уже о принужденіяхъ, особенно же со стороны греческаго патріарха и зависящаго отъ него духовенства. Послѣднія слова были замѣнены выраженіемъ: «со стороны кого бы то ни было, духовнаго ли или мірскаго чина.»

Особенная, довольно пространная, статья касалась тѣхъ лицъ, которыя должны были войти въ придворный штатъ принцессы, ихъ обязанностей, ихъ поведенія и суда надъ ними. Въ этой статьѣ царемъ было вставлено условіе, чтобы измѣненія въ придворномъ штатѣ совершались съ согласія царевича.

На содержаніе двора, на столъ и конюшни, царь долженъ былъ по проекту, не считая издержекъ на первое обзаведеніе, давать принцессѣ ежегодно 100,000 тал. Сверхъ этого должно было быть назначено извѣстное количество припасовъ натурою: скота, птицы, дичи, рыбы, вина, пряностей, дровъ и т. п. для кухни, овса и сѣна для конюшни. Деньги должны были выдаваться впередъ за три мѣсяца изъ опредѣленнаго царемъ казначейства, безъ особеннаго на то царскаго разрѣшенія, жизненные же припасы по востребованію. По окончаніи войны, какъ сказано было въ проектѣ, царь долженъ былъ увеличить содержаніе своей невѣстки сообразно съ своимъ отеческимъ расположеніемъ.

Эта статья подверглась особенно существеннымъ измѣненіямъ. Царь уменьшилъ ежегодную дачу на 50,000 т. и обѣщалъ сверхъ того давать фуражъ и дрова; жизненные же припасы принцессы должна была получать съ помѣстій, которыя царь ей хотѣлъ назначить для этой цѣли. Статья, заключавшая въ себѣ обѣщаніе по окончаніи войны увеличить содержаніе принцессы, была совершенно уничтожена.

Далѣе въ проектѣ было выговорено, чтобы царевичъ, сообразно съ обычаемъ и по примѣру испанскаго короля, подарилъ принцессѣ по заключеніи брачнаго договора 25,000 тал. въ полную собственность для пріобрѣтенія драгоценныхъ украшеній. Царь замѣнилъ выраженіе: «по заключеніи договора» — словами: «по заключеніи брака».

Одиннадцатая статья касалась содержанія, которое царь долженъ былъ назначить принцессѣ (*dotalitium*) въ случаѣ вдовства. Количество этого содержанія въ проектѣ было опредѣлено въ 100,000 тал. ежегодно. Въ силу обѣщанія, даннаго Петромъ В. еще въ іюнѣ 1707-го года, — обезпечить вдовье содержаніе доходами, получаемыми въ Германіи (*das dotalitium in Teutschland zu constituiren*), въ проектѣ договора было высказано желаніе,

чтобы Петръ приобрѣлъ для принцессы какое-нибудь княжество или другое значительное владѣніе въ Германіи, или же положилъ въ амстердамскій или гамбургскій банкъ соотвѣтствующій капиталъ. Въ случаѣ, еслибы это оказалось невозможнымъ до заключенія мира, Петръ долженъ былъ въ самой Россіи назначить какой-нибудь округъ, напр., Ярославскій, въ видѣ ипотеки для обезпеченія этого дохода, съ тѣмъ чтобы администрація этого округа доставляла принцессѣ выговоренную сумму. Царь не отказывался отъ своего обѣщанія приобрести для принцессы извѣстное владѣніе въ Германіи, но въ утвержденномъ имъ договорѣ не опредѣлилъ суммы дохода. Царевичу же онъ написалъ, что онъ согласенъ назначить 50,000 т., но поручилъ ему хлопотать, не согласатся ли родственники принцессы еще уменьшить эту сумму. Принцессѣ предоставлялось при этомъ остаться въ Россіи или проживать за границей.

Въ случаѣ выѣзда за границу, принцессѣ, а также и ея придворнымъ, дозволялось вывезти съ собою все свое имущество, какъ унаслѣдованное, такъ и приобретенное, безъ всякаго вычета и пошлинъ.

Относительно воспитанія дѣтей, въ проектѣ договора было выговорено, чтобы они оставались подъ надзоромъ и руководствомъ матери до 12-лѣтняго возраста съ условіемъ, чтобы принцесса приставила къ нимъ нѣсколько русскихъ наставниковъ, которые воспитывали бы ихъ въ православномъ законѣ и русскихъ обычаяхъ. Царь замѣнилъ эту статью другою, въ которой онъ требовалъ, чтобы дѣти воспитывались по его усмотрѣнію, съ согласія царевича и принцессы.

Договоръ оканчивался отреченіемъ принцессы отъ права на наслѣдство брауншвейгскихъ земель въ пользу мужескаго колѣна и былъ скрѣпленъ обѣщаніемъ со стороны царя, оказывать вольфенбюттельскому дому всевозможное расположеніе и покровительство, особенно по заключеніи мира, а также распространить это расположеніе на родственныя австрійскія дома, со стороны же вольфенбюттельскаго дома—обѣщаніемъ заслужить это расположеніе и словомъ и дѣломъ. Къ этому договору былъ приложенъ списокъ званій и должностей, изъ которыхъ долженъ былъ состоять придворный штатъ будущей кронпринцессы. Всего въ этомъ спискѣ обозначено 116 человекъ, изъ нихъ 37 лицъ женскаго и 79 мужескаго пола. Во главѣ женскаго штата должна была находиться обер-гофмейстерина; за ней слѣдовала фрейлина, гофмейстерина, затѣмъ 6-ть придворныхъ дамъ или фрейлинь. Девятымъ лицомъ въ спискѣ была назначена бывшая

гофмейстерина Шарлотты, мадамъ де-Роо, безъ особеннаго званія. Всѣ остальные женщины принадлежали уже не къ придворнымъ въ собственномъ смыслѣ, а къ классу служительницъ. Мы встрѣчаемъ между ними одну каммерфрау и 3 каммерюнгферъ, лейбпращку и простую прачку, повивальную бабку, 11 горничныхъ дѣвушекъ (Mädgen) для придворныхъ дамъ, и множество разныхъ другихъ дѣвушекъ подъ особыми названіями: Nebenmädgen, Küchenmädgen, Jungfermädchen, Extramädgen. Мужскій штатъ распадался на 3 разряда: во главѣ перваго стоялъ обергофмейстеръ, за нимъ обершталмейстеръ, два каммергера, 4 каммерюнкера, совѣтникъ, пасторъ съ кистеромъ и капланомъ, медикъ, секретарь, гофмейстеръ и учитель для пажей, кухмистеръ, два каммердинера, мундшенкъ, гоф-фуриръ, аптекаръ, 2 писца, нѣсколько поваровъ, кондитеровъ, хлѣбниковъ и портныхъ.

Во второмъ разрядѣ числилось 6 пажей и 16 лакеевъ для различныхъ придворныхъ; къ третьему разряду принадлежали всѣ лица, служившія при конюшнѣ и экипажахъ: кучера, форрейторы, кузнецы, сѣдельники и пр., а также и курьеры.

Въ Вольфенбюттелѣ были нѣсколько смущены измѣненіями, сдѣланными царемъ въ проектъ договора. 31-го мая 1711-го года, былъ по этому поводу созванъ тайный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Антона-Ульриха. Члены тайнаго совѣта: канцлеръ Пробстъ фонъ-Вендгаузенъ, оберъ-маршалъ и тайные совѣтники фонъ-Людеке и баронъ фонъ-Имгофъ заявили, что такъ какъ измѣненный договоръ уже подписанъ царемъ, то было бы невѣжливо возвратить его царю, и потому было рѣшено подписать договоръ также и съ вольфенбюттельской стороны, отнositельно же измѣненій сдѣлать особенное представленіе и попросить объясненій у царевича.

Царевичъ Алексѣй въ томъ же засѣданіи далъ слѣдующія объясненія: сумма приданого, которую принцесса должна была получить отъ своего дѣда, потому не опредѣлена царемъ, чтобы не стѣснять герцога Вольфенбюттельскаго; впрочемъ царь желалъ бы, чтобы эта сумма была не меньше той, которую получила королева испанская. Десяти тысячъ тал. на пріобрѣтеніе экипажей для поѣздки въ Россію царь потому не хотѣлъ платить, что по обычаю всѣ нужные экипажи даются невѣстѣ въ приданое, издержки же на самое путешествіе царь беретъ на себя.

Сумма ежегодной дачи въ 100,000 т. на содержаніе двора уменьшена на половину въ виду того, что въ Москвѣ жизнь

гораздо дешевле, притомъ принцессѣ предоставляется право сообразно съ этимъ уменьшить свой придворный штатъ. Относительно же помѣстій, царевичъ общалъ, что доходъ съ нихъ будетъ превышать стоимость необходимыхъ жизненныхъ припасовъ для того, чтобы на излишекъ можно было приобретать такіе припасы, которыхъ нельзя получать въ Россіи натурою, какъ-то вино, пряности и т. п.

Общаніе — по заключеніи мира увеличить содержаніе принцессы, потому не включено царемъ въ договоръ, чтобы это не считалось его обязанностью, а было предоставлено его великодушію.

Относительно подарка для приобретенія брилліантовъ, царевичъ заявилъ, что хотя царь и измѣнилъ эту статью, но онъ самъ обѣщаетъ доставить деньги въ возможно скоромъ времени.

Наконецъ, относительно содержанія на случай вдовства царевичъ согласился опредѣлить его въ 50,000 т. ежегодно.

Когда явилась въ засѣданіе мать принцессы, царевичъ повторилъ свои объясненія, заявивъ, что онъ не можетъ переступить данныхъ ему инструкцій, и сказалъ наконецъ, что царь не согласится ни на какія измѣненія, даже еслибы изъ-за этого все дѣло разстроилось. Тогда съ вольфенбюттельской стороны рѣшились подписать договоръ, за что царевичъ поблагодарилъ герцогиню Луизу и герцога Антона-Ульриха. Послѣ этого герцогиня подвела къ нему принцессу и всѣ присутствующіе стали ихъ поздравлять. Все же происшедшее въ засѣданіи было занесено въ протоколъ. Царевичъ съ своей стороны написалъ отцу объ этихъ переговорахъ:

«По указу, государь, твоему, о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили и просили болѣе; только я какъ могъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше 50,000, и я по указу твоему, въ томъ же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли 50,000, и о семъ доволенъ, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачу, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожъ не могъ сдѣлать, и по указу твоему (будетъ они за сіе заупряматься, написать ровную дачу) и въ трактатѣ написалъ ровную дачу, и сіе учиня, подписалъ я, тожде и они сво-

ими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію Божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать и для того послалъ въ Дрезденъ и въ инныя мѣста ¹⁾».

Между тѣмъ Петръ, выступившій въ прутскій походъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о заключеніи договора. 10-го мая ст. ст., онъ сообщилъ герцогу изъ Яворова, что подписанный имъ договоръ отправленъ къ царевичу и выражалъ надежду, что Антонъ-Ульрихъ съ своей стороны подпишетъ договоръ безъ замедленія и отпразднуетъ обрученіе внучки. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, прибылъ къ Петру, находившемуся тогда въ Яворовѣ, баронъ Шлейницъ, присланный Антономъ-Ульрихомъ для того, чтобы выхлопотать у царя нѣсколько уступокъ относительно договора. Но Петръ считалъ дѣло оконченнымъ и въ своемъ отвѣтѣ отъ 30-го мая ограничился предположеніемъ, что до возвращенія Шлейница въ Вольфенбюттель обрученіе уже будетъ совершено. Въ томъ же письмѣ онъ извѣстилъ герцога, что Шлейницъ рѣшился перейти въ русскую службу и что онъ намѣренъ, въ ожиданіи согласія со стороны герцога, назначить его посломъ при дворахъ вельфскихъ князей.

Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно прибылъ изъ Вольфенбюттеля курьеръ съ договоромъ. Шлейницъ, который еще не успѣлъ выѣхать изъ Яворова, описалъ въ своихъ донесеніяхъ герцогу, какимъ образомъ Петръ принялъ извѣстіе о заключеніи договора. Заимствуемъ изъ этихъ донесеній нѣсколько интересныхъ подробностей о Петрѣ и о пребываніи Шлейница въ царскомъ лагерѣ подъ Яворовомъ.

5-го іюня новаго стиля, около полудня, Головкинъ велѣлъ сказать Шлейницу черезъ нѣмецкаго офицера, что царь желаетъ ему дать аудіенцію въ домѣ Головкина. Пришедшій туда Шлейницъ узналъ, что царь заперся въ кабинетъ съ короннымъ гетманомъ; при немъ были Головкинъ и Шафировъ. Черезъ четверть часа царь вышелъ изъ кабинета, и Головкинъ представилъ ему вольфенбюттельскаго посла. Когда Шлейницъ началъ свою рѣчь, Петръ подозвалъ Шафирова, который долженъ былъ служить переводчикомъ, а самъ слушалъ очень внимательно. Комната была не велика и вся наполнена польскими вельможами и знатными иностранцами. «Польское своеволие и любопытство всѣхъ присутствующихъ были такъ велики, пишетъ Шлейницъ, что насъ совсѣмъ стѣснили, и я едва сказалъ нѣсколько словъ, какъ уже стоялъ передъ самымъ лицомъ государя».

¹⁾ Соловьевъ. Т. XVII стр. 143.

«На другой день около 4-хъ часовъ, продолжаетъ Шлейницъ, царь меня опять позвалъ. Я зналъ, что найду его въ комнатѣ царицы и что сдѣлаю ему большое удовольствіе, если поздравлю царицу съ объявленіемъ ея брака. Послѣ заявленій, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи королемъ польскимъ и наслѣднымъ принцемъ, я не считалъ этого неумѣстнымъ, при томъ я зналъ, что польскіе министры дають царицѣ титулъ величества ¹⁾. Поэтому, вошедши въ комнату я, несмотря на присутствіе царя, обратился къ царицѣ и отъ вашего имени поздравилъ ее съ объявленіемъ брака и поручилъ принцессу ея расположенію и дружбѣ». Царица просила Шлейница заявить герцогу ея признательность и сказала, что очень желаетъ поскорѣ увидѣть и обнять принцессу и что она постоянно будетъ оказывать ей дружбу и расположеніе. Затѣмъ царица стала разспрашивать Шлейница о томъ, когда царевичъ пріѣхалъ въ Вольфенбюттель, чѣмъ онъ занимается и нравится ли ему тамъ. Она спросила также, дѣйствительно ли царевичъ такъ влюбленъ въ принцессу, какъ здѣсь говорятъ. Шлейницъ отвѣтилъ, что между ними большое согласіе и сердечное влеченіе; что это главное условіе счастья въ супружествѣ, что впрочемъ это рѣдко встрѣчается у членовъ царствующихъ домовъ, которые большею частью вступаютъ въ бракъ не по собственному выбору, а по политическимъ соображеніямъ. Онъ увѣрялъ, что царевичъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его возвращенія, чтобы завершить свое счастье окончательнымъ утвержденіемъ брачнаго договора.

Пока Шлейницъ говорилъ съ Екатериной, царь разсматривалъ какіе-то математическіе инструменты, которые держалъ въ рукахъ и разные планы осады городовъ, лежавшіе на столѣ. Когда онъ услышалъ, что Екатерина говоритъ о царевичѣ, онъ подошелъ къ нимъ, не вступая впрочемъ въ разговоръ.

«Меня предупредили, пишетъ Шлейницъ, что такъ какъ царь меня недостаточно знаетъ, то мнѣ слѣдовало всегда первому заговаривать съ нимъ. Потому я рѣшился сказать ему, что ея вел-во царица меня спрашивала, очень ли влюбленъ царевичъ въ принцессу. Затѣмъ я заявилъ царю, что, какъ я увѣренъ, царевичъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ согласія отца, чтобы вполнѣ быть счастливымъ. Царь отвѣтилъ черезъ переводчика (то былъ капитанъ его гвардіи, русскій по рожденію, говорившій хорошо

¹⁾ Передъ выступленіемъ въ прутскій походъ Петръ «для безвѣстнаго пути» далъ «пароль» Екатеринѣ Алексѣевнѣ и потому въ Яворовѣ король Августъ и знатныя поляки принимали ее уже какъ царицу. Сол. XVI, стр. 75.

по-нѣмецки, одинъ изъ его любимцевъ) буквально слѣдующее: «Я бы не желалъ отсрочивать удовольствіе моего сына, но также и не хотѣлъ бы совершенно отказаться отъ моего собственнаго. Это мой единственный сынъ, и я охотно доставилъ бы себѣ радость по окончаніи похода лично присутствовать на его свадьбѣ: свадьба же его будетъ въ Брауншвейгѣ».

Шлейницъ замѣтилъ, что герцогъ Антонъ-Ульрихъ былъ бы въ высшей степени счастливъ видѣть е. в. на свадьбѣ, и умолялъ царя не измѣнять своего рѣшенія. Петръ возразилъ, что онъ въ этомъ случаѣ не полный господинъ, что онъ имѣетъ дѣло съ непріателемъ сильнымъ и быстрымъ въ своихъ движеніяхъ; впрочемъ онъ постарается все устроить, и такъ какъ ему позднѣю осенью нужно посѣтить Карлсбадскія воды, то онъ отуда отправится въ Вольфенбюттель. Поблагодаривши царя, Шлейницъ сталъ говорить ему о «великихъ и прекрасныхъ качествахъ царевича». Петръ замѣтилъ послу, что эти слова ему очень пріятны, но что онъ думаетъ, что все это преувеличено. Шлейницъ сталъ увѣрять царя въ противномъ, но Петръ перебилъ разговоръ и сказалъ, что онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ свиданія съ принцессой. Въ это время вошли Головкинъ и Шафировъ. Петръ, увидавши ихъ, пошелъ съ ними въ свой кабинетъ, Шлейницъ же остался съ Еваториной и продолжалъ съ ней бесѣду.

9-го числа, послѣ обѣда царь извѣстилъ Шлейница, что желаетъ съ нимъ говорить и пригласилъ его придти въ домъ графа Головкина, гдѣ онъ его ждетъ. Посолъ нашелъ царя съ Головкинымъ, Шафировымъ и Долгорукимъ. Когда онъ вошелъ, Петръ сказалъ ему по-нѣмецки: «Я имѣю передать вамъ отличную новость», и на вопросъ Шлейница указалъ на стоявшаго тутъ курьера, прибывшаго за полчаса предъ тѣмъ изъ Вольфенбюттеля. «Вотъ курьеръ, сказалъ царь, который мнѣ привезъ брачный договоръ, подписанный герцогомъ, вашимъ государемъ». Когда Шлейницъ сталъ поздравлять царя и поцѣловалъ у него руку, Петръ обнялъ его и поцѣловалъ три раза въ щеки и въ голову, пошелъ въ кабинетъ графа Головкина, взялъ со стола брачный договоръ и сталъ показывать Шлейницу подписи Антона-Ульриха и родителей принцессы. Шлейницъ просилъ царя, чтобы онъ считалъ этотъ подписанный договоръ вѣрнымъ залогомъ вѣчной къ нему дружбы со стороны герцога Антона-Ульриха и всего вольфенбюттельскаго дома до тѣхъ поръ, пока герцогъ не скрѣпитъ эту связь живымъ и самымъ для него драгоцѣннымъ залогомъ. Петръ еще разъ обнялъ посла,

затѣмъ велѣлъ принести бутылку венгерскаго и наполнивъ два небольшихъ стакана, чокнулся съ Шлейницемъ и выпилъ съ нимъ за счастливыя послѣдствія брачнаго договора.

Шлейницъ остался болѣе часа около Петра, который былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, все время говорилъ по-нѣмецки безъ переводчика и при этомъ занимался дѣлами съ своими министрами. Между тѣмъ Шафировъ распечаталъ письмо отъ царевича, доставленное ему тѣмъ же курьеромъ. Царевичъ просилъ въ письмѣ Шафирова похлопотать о томъ, чтобы день свадьбы былъ назначенъ какъ можно скорѣе. Сообщивъ объ этомъ Шлейницу, Шафировъ сказалъ ему, чтобы онъ попытался получить на это согласіе царя, и что онъ его поддержитъ. Но Петръ настаивалъ на томъ, что хочетъ самъ присутствовать на свадьбѣ, и говорилъ, что не можетъ отказаться отъ этого удовольствія. Шафировъ нашелъ случай сказать Шлейницу на ухо, чтобы онъ болѣе не настаивалъ, ибо ясно, что царь рѣшился непремѣнно ѣхать въ Брауншвейгъ. Затѣмъ Петръ сталъ говорить съ Шлейницемъ о предстоящей турецкой войнѣ и о состояніи своего войска: «Я не могу выразить вашей свѣтлости, писалъ Шлейницъ Антону-Ульриху, съ какою ясностью сужденія и съ какимъ смиреніемъ царь объ этомъ говорилъ. Предметъ слишкомъ обширенъ, и я устно передамъ вамъ содержаніе нашего разговора».

На другой день, по случаю рожденія царицы, царь далъ обѣдъ королю Августу и его двору. Вечеромъ онъ угощалъ польскихъ дамъ въ комнатахъ царицы. Король Августъ присутствовалъ при этомъ, и только въ часъ ночи оба государя разстались съ выраженіемъ большой нѣжности и дружбы. Шлейницъ былъ также приглашенъ, и Шафировъ сказалъ ему, чтобы онъ не уходилъ, пока всѣ не разойдутся. Прощаясь съ нимъ, Петръ велѣлъ ему передать поклонъ всѣмъ членамъ вольфенбюттельскаго дома и далъ ему собственноручное письмо къ царевичу. На вопросъ Шлейница, что передать отъ его имени царевичу, Петръ отвѣчалъ: «все что отецъ можетъ сказать своему сыну». Затѣмъ Петръ отправился къ королю Августу, который уже лежалъ въ постелѣ, и долго оставался съ нимъ наединѣ.

Событія шли быстро. Черезъ 6 недѣль послѣ этого ¹⁾ Петръ былъ окруженъ на берегахъ Прута турецкими войсками и благодарилъ судьбу, что ему удалось уже, 12-го іюля, склонить визиря къ заключенію прутскаго мира.

¹⁾ Донесеніе Шлейница отъ 11 іюня н. ст.

Извѣщая герцога, въ началѣ августа, изъ своего лагеря на Днѣстрѣ о заключеніи имъ «вѣчнаго мира», Петръ просилъ его выбрать городъ въ Пруссіи и сыграть тамъ свадьбу безъ него, если ему не удастся пріѣхать въ Германію. Обстоятельства однако сложились благопріятно и царь, отправляясь въ Карлсбадъ, просилъ герцога устроить свадьбу въ Дрезденѣ или Франкфуртѣ на Одерѣ, такъ какъ ему послѣ водъ нужно было спѣшить въ Россію, а оба эти города лежали на его пути. Антонъ-Ульрихъ однако, который въ это время самъ лечился въ Ахенѣ, очень желалъ, чтобы свадьба была въ Вольфенбюттелѣ. Этого требовала по его мнѣнію честь брауншвейгскаго дома, притомъ это избавило бы его отъ длиннаго путешествія, очень затруднительнаго при его старости. Наконецъ согласились отпраздновать свадьбу въ Торгау, гдѣ жила королева польская и гдѣ, какъ уже извѣстно, воспитывалась принцесса Шарлотта. 13-го октября, царь приплылъ рѣкою Эльбою изъ Дрездена въ Торгау, гдѣ его уже ожидалъ царевичъ и семья невесты. Бракосочетаніе было назначено на другой день въ воскресенье ¹⁾. Въ большой залѣ королевскаго замка для этой цѣли были задѣланы всѣ окна и на нихъ повѣшаны зеркала. Посреди залы былъ устроенъ помостъ, убранный коврами и зеркалами. На помостѣ подъ краснымъ бархатнымъ балдахиномъ былъ поставленъ столъ покрытый бархатомъ, на которомъ стоялъ крестъ и два вѣнца. Кругомъ стола были поставлены 4 кресла для царя, королевы, жениха и невесты, и 3 стула для отца, матери и дѣда Шарлотты. Полъ былъ устланъ зеленымъ сукномъ. Въ 3 часа зажгли безчисленные свѣчи по стѣнамъ и передъ зеркалами. Къ 4-мъ часамъ послѣдовалъ торжественный выходъ изъ комнатъ королевы въ верхнемъ этажѣ. Впереди шло много придворныхъ кавалеровъ, чрезвычайно богато одѣтыхъ; за ними 2 маршала съ жезлами, а потомъ царь съ царевичемъ. За ними шли опять кавалеры и маршалы передъ невестой, которую велъ ея дѣдъ герцогъ Антонъ-Ульрихъ. Шлейфъ ея несли три придворныя фрейлины королевы: фонъ-Брандъ, фонъ-Бранденштейнъ и фонъ-Зебахъ. За ними шли подъ музыку всѣ остальные. Вѣнчаніе продолжалось четверть часа и было совершено на русскомъ языкѣ, въ принцессѣ же священникъ обращался по-латыни. Царь самъ надѣлъ вѣнцы на жениха и невесту, а потомъ вѣ-

¹⁾ Описаніе свадьбы можно найти въ черновомъ журн. походовъ Петра (въ Моск. арх. Отрывокъ напечатанъ у Устрякова VI, 313) и въ 123-й части Европейской Фамы.

вѣцъ надъ головой невѣсты держалъ канцлеръ графъ Головкинъ. Въ 4 часа, по совершеніи брака всѣ отправились въ покои королевы, гдѣ былъ накрытъ столъ. По желанію царя за этотъ столъ, кромѣ членовъ царской и герцогской семьи, были приглашены канцлеръ Головкинъ, генералъ Брюсъ, а также князья Василій Долгорукій, Куракинъ и Трубецкой.

Послѣ стола, начались танцы въ большой залѣ, а по окончаніи бала царь, какъ выразилась Европейская Фама, очень трогательнымъ образомъ благословилъ новобрачныхъ и проводивши ихъ въ отведенные имъ покои, самъ отправился спать ¹⁾.

Но Петръ еще не думалъ объ отдыхѣ. Несмотря на позднюю пору, онъ посвѣшилъ написать слѣдующее письмо къ Меншикову: «На письмо ваше буду впредь отвѣтствовать, а нынѣ не успѣлъ за свадьбою сына моего, которая сегодня совершилась, слава Богу, добрымъ порядкомъ и людей было зѣло знатныхъ много. Свадьба была въ домѣ королевы польской, гдѣ и отъ васъ присланный арбузъ поставленъ былъ, который овощъ здѣсь зѣло за диво».

Тѣмъ же числомъ (14 окт.) помѣченъ и царскій рескриптъ къ сенату о бракосочетаніи царевича: «Господа сенатъ! Объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракъ довольно было знатныхъ персонъ. Слава Богу, что сіе счастливо совершилось. Домъ князей Вольфенбюттельскихъ, нашихъ сватовъ, израдной».

На другой день рано утромъ царь пришелъ въ покои новобрачныхъ и «кушалъ тамъ инкогнито» съ царевичемъ и Шарлоттой, которая съ этого дня на официальномъ русскомъ языкѣ стала называться кронпринцессой.

Въ тотъ же день Антонъ-Ульрихъ письменно обратился къ царю съ просьбою отпустить сына съ супругою на зиму въ Вольфенбюттель, такъ какъ для царевича было бы удобно прожить тамъ до весны, если бы онъ имѣлъ намѣреніе весною отправиться въ Голландію или Англію, или къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ дворамъ. «А если бы ваше величество, писалъ герцогъ, рѣшились взять царевича съ собою въ походъ, то кронпринцессѣ можно бы было остаться у насъ до отъѣзда въ Москву» ²⁾. На

¹⁾ Евр. Фама стр. 198: Den Neuverehlichten hat Ihro Gross-Czaarische Majestät mit sehr beweglichen Formalien den väterlichen Seegen erteilt und selbst sich hernach zur Ruhe verfügt.

²⁾ Des Herzogs Anton-Ulrich Vorstellung an den Kaiser Peter I — у Бушннга въ. XV т. с. 231. Въ этой запискѣ, заключающей въ себѣ 10 статей, герцогъ кромѣ

этотъ запросъ царь далъ 16/27 окт. слѣдующій отвѣтъ. Онъ желалъ бы, чтобы царевичъ оставался еще нѣсколько времени за границею для своего образованія (zu seiner besseren qualifikation), но что ему необходимо провести зиму въ Польшѣ или Пруссiи ради приготовленій къ предстоящему походу, весною же онъ долженъ будетъ отправиться съ отцомъ въ походъ. Поэтому царь считаетъ нужнымъ, чтобы кронпринцесса, согласно съ обычаемъ, послѣдовала за супругомъ; весною же ее можно будетъ отпустить въ родственникамъ.

Согласно съ этимъ заявленіемъ, царевичъ на четвертый день послѣ свадьбы получилъ отъ царя приказъ отправиться съ молодой женою въ польскій городъ Торнъ, чтобы устроить тамъ магазины и приготовить продовольствіе для 30,000 русскаго войска, которое должно было пройти въ Померанію.

Но Шарлотта вѣроятно упросила царя отпустить ее съ супругомъ на нѣсколько дней въ Вольфенбюттель. Можетъ быть эта поѣздка была необходима для сборовъ приданого и устройства придворнаго штата. По крайней мѣрѣ въ началѣ ноября мы застаемъ царевича въ Брауншвейгѣ, гдѣ праздновали его бракосочетаніе съ тою пышностью и тѣми затѣями, которыя въ прошломъ вѣкѣ считались принадлежностью самыхъ маленькихъ дворовъ. Какъ подобало, для такого торжественнаго случая чеканили медали съ замысловатыми эмблемами, писались стихотворенія и поздравительныя рѣчи съ еще болѣе высокопарными и вычурными метафорами. На одной медали, выбитой въ память бракосочетанія, съ лицевой стороны были сдѣланы портреты Алексѣя и Шарлотты, а на оборотѣ былъ представленъ алтарь, на которомъ горѣло пламя. Алтарь былъ укрѣпленъ двумя гербами—русскимъ орломъ и брауншвейгскимъ конемъ. Надъ алтаремъ соединялись двѣ руки, а кругомъ была надпись — «Non usquam junxit nobiliora fides».

Знаменитый Лейбницъ съ своей стороны сочинилъ латинскій хроностихъ для другой медали, въ которомъ прославлялъ родство вольфенбюттельскаго дома съ двумя императорскими ди-

того предлагалъ царю свое посредничество для сближенія съ императоромъ Карломъ VI, ходатайствовалъ за плѣннаго генерала Левенгаупта, за освобожденіе Иггофа, находившагося въ заключеніи у короля Августа, за оставленіе Урбиха въ Вѣнѣ, такъ какъ царь хотѣлъ замѣнить его Матвѣевымъ, наконецъ рекомендовалъ Петру Лейбница и просилъ дать ему частную аудіенцію и пр.

Царскій отвѣтъ въ 10-ти статьяхъ: Antwort auf die von d. Hertzogen etc. übergebenen Puncta находится въ вольфенбюттельскомъ архивѣ, черновая же сохранилась въ московскомъ.

настижи. На одной сторонѣ медали онъ предлагалъ изобразить двухъ принцессъ, супругу австрійскаго эрцгерцога и супругу царевича, на другой вельфскаго льва съ двуглавыми орлами Германіи и Россіи и съ надписью, указывавшею мѣсяцъ и годъ совершенія брака:

Dant gemInIs oCtobrIs aqVILIs bIs fata Leones ¹⁾).

Но особенно характеристична для тогдашнихъ нравовъ рѣчь извѣстнаго въ свое время ученаго археолога и профессора гельмштедтскаго университета Эггарта, въ которой онъ доказалъ, что какъ царевичъ такъ и его супруга происходятъ отъ Византійскаго императора Константина Порфиророднаго. Въ этой рѣчи между прочимъ было сказано: «Само небо, казалось, одобряло это сочетаніе и направило полетъ бѣлаго голубя, который нечаянно влетѣлъ въ великовняжескій Вольфенбюттельскій замокъ, сѣлъ на стоявшій тамъ глобусъ и ради знаменія обозначилъ своими шагами Атлантическій океанъ и московскую Тартарію въ то самое, время, когда свѣт. родители кронпринцессы разсуждали о будущей судьбѣ своихъ дочерей» ²⁾.

Между тѣмъ въ Брауншвейгѣ пришелъ новый приказъ отъ царя къ сыну, и вслѣдствіе этого царевичъ выѣхалъ оттуда 7-го ноября (н. ст.) съ большою поспѣшностью. Проводы, устроенные по этому случаю, были самые торжественные. По улицамъ были разставлены герцогскія войска въ новыхъ мундирахъ и милиція бюргеровъ, которыхъ было до 4,000. Когда царевичъ сѣлъ въ карету, начались пушечные залпы. Передъ каретой царевича ѣхала назначенная для него почетная лейбъ-гвардія, министры и придворные, 22 пажъ верхами съ своимъ гофмейстеромъ, герцогская гвардія и т. д. Въ каретѣ рядомъ съ Алексѣемъ сидѣла кронпринцесса, а противъ нихъ родители Шарлотты. Въ слѣдующихъ затѣмъ каретахъ ѣхали Антонъ-Ульрихъ и всѣ остальные члены герцогской семьи. За городомъ царевичъ вышелъ изъ кареты, простился со всѣми и пересѣвши въ до-

¹⁾ Сумма римскихъ цифръ въ этомъ хроностикѣ составляетъ число—1711. См. Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В. 115.

²⁾ См. Halem. Leben Peters d. Gr. На это знаменіе, случившееся въ 1709 г., была сочинена эпиграмма также и Лейбницемъ по приглашенію герцога Антона-Ульриха: Angurium Columbae:

Blankenburgiaci museo in Principis, Orbem
Signat olivi fero laeta columba pede.
Hinc Scythiae in campis, illinc Atlantis in undis.
Scilicet et Natas utraque regna colent.

рожный экипажъ отправился въ путь. По дорогѣ въ честь его зажигались огни, пускались раветы, и какъ выразилась Европейская Фама, возсылались къ небу такія же «огненные пожеланія царевичу счастливаго пути». Кронпринцесса же, простившись съ супругомъ, возвратилась въ Брауншвейгъ и въ тотъ день не принимала участія ни въ торжественномъ обѣдѣ, ни въ вечернемъ балѣ. Она намѣревалась послѣдовать за царевичемъ черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, какъ рассказывала Европейская Фама своимъ читателямъ, въ Брауншвейгѣ денно и нощно работали надъ каретою удивительнаго устройства, которая назначалась въ приданое для Шарлотты. Эта карета разбиралась по частямъ для болѣе удобной укладки, и многія сотни червонцевъ пошли на ея позолоту; даже гвозди въ колесахъ были вызолочены.

Подобные сборы вѣроятно задержали Шарлотту, но въ началѣ декабря и она выѣхала изъ Брауншвейга и отправилась съ своимъ дворомъ въ Торнъ ¹⁾.

В. Герье.

¹⁾ 13 дек. н. ст. Шарлотта писала матери уже изъ Франкфурта на Одерѣ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ПРИ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ

Наступающее двухсотлѣтіе со дня рожденія великаго преобразователя Россіи невольно возбуждаетъ воспоминаніе о его плодотворной дѣятельности, въ полнотѣ всѣхъ ея частныхъ, — о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ его характера, о его трудахъ и подвигахъ, о его сподвижникахъ, о борьбѣ, которую онъ велъ во имя реформы, и о тѣхъ, кто противъ него ратоборствовалъ. Петръ Великій не только преобразователь Московской Россіи, но и творецъ Россіи новой, спаявшій окончательно Россію Малую съ Великой, Московской. Его борьба съ Карломъ XII-мъ, борьба за жизнь или смерть реформы, окончилась въ Малороссіи, на поляхъ полтавскихъ; полтавская же битва безповоротно рѣшила и вопросъ о сліяніи двухъ русскихъ народностей, сѣверной и южной. И на сѣверѣ, и на югѣ русской земли, въ дѣлѣ реформы, и въ вопросѣ о сліяніи, Петръ имѣлъ множество враговъ, — но больше, или, по крайней мѣрѣ, болѣе сильныхъ на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. Русский югъ сталъ рѣшительно за него и присталъ къ свѣжимъ молодымъ силамъ русскаго сѣвера, обезсиливъ, такимъ образомъ, многочисленную партію сѣверныхъ консерваторовъ, непримиримыхъ враговъ реформы. Партія южныхъ консерваторовъ, враговъ сліянія, группировавшаяся вокругъ Мазепы, была немногочисленна и крайне слаба; по этой, конечно, причинѣ о ней очень мало извѣстно. Въ настоящемъ очеркѣ мы познакоимъ читателя съ одною изъ малороссійскихъ семей, противудѣйствовавшихъ, вмѣстѣ съ Мазепою, Петру, —

съ фамиліей *Горленокъ*, неугасшей и теперь, въ лицѣ мирныхъ землевладѣльцевъ Прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи.

Фамилія *Горленокъ* принадлежитъ къ древнимъ аристократическимъ фамиліямъ Малороссіи, къ такъ-называемой полковой старшинѣ, т.-е. полковникамъ, занимающимъ первое мѣсто послѣ генеральныхъ старшинъ, изъ которыхъ обыкновенно выбирались гетманы. Особенная извѣстность этой фамиліи начинается съ *Лазаря Горленка*, бывшаго прилуцкимъ полковникомъ въ гетманство Брюховецкаго. Лазарь Горленко становится извѣстнымъ съ того времени, когда Брюховецкій послалъ его (лѣтомъ 1665-го года) въ Москву, къ царю Алексѣю Михайловичу, съ извѣстіемъ о разбитіи поляковъ подъ Бѣлою-Церковью, русскими и калмыцкими войсками, высланными противъ нихъ изъ Канева. По смерти гетмана Брюховецкаго, Лазарь является горячимъ приверженцемъ Дорошенка, поборникомъ интересовъ войсковою (т.-е. полковой и генеральной) старшины, которая, естественно, не могла тянуть къ Москвѣ, всегдашней защитницѣ посольства, простого, чернаго народа; но въ 1675-мъ году, на Переяславской радѣ онъ, вмѣстѣ со всею малороссійскою старшиною, участвуетъ въ избраніи гетмана Самойловича и увѣряетъ въ своей готовности служить великому государю. Такое непостоянство, обычное въ ту пору въ Малороссіи между старшиною, не имѣло, впрочемъ, никакого вліянія на благосостояніе прилуцкаго полковника.

Лазарь Горленко, вмѣстѣ съ своими товарищами, еще при Брюховецкомъ, воспользовался милостями царя, пожаловавшаго всѣхъ полковниковъ, есауловъ, обознаго и судью въ московскіе дворяне, а первымъ, сверхъ того, по селу. «Его царское величество, говорится въ грамотѣ, пожаловалъ Прилуцкаго полковника, Лазаря Горленка, за его многія службы, въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, въ которомъ 50 дворовъ крестьянскихъ, со всѣми угодіи, oprичъ казачихъ дворовъ и земель, и два вешняка (мельницы весеннія, работающія въ полую воду). И оному полковнику Горленку тѣмъ селомъ Ольшаномъ, со крестьяне и со всѣми угодіи, oprичъ казачихъ дворовъ и земель, и вешняками, владѣть и доходы съ нихъ надлежащіе имать.» Этимъ пожалованнымъ имѣніемъ Лазарь Горленко владѣлъ безспорно до своей смерти, послѣдовавшей въ 1689-мъ году. У Лазаря было четыре сына: Петръ, Степанъ, Дмитрій и неизвѣстный по имени. Старшій, Петръ, женатый два раза, умеръ при жизни отца. У него былъ сынъ Василій, прозванный *Паливодой*, и дочь, выданная замужъ за *Гарнушу*, потомъ вдовѣвшая и поступившая въ черницы. Василій Паливода недолго пережилъ дѣда. Степанъ

былъ женатъ на панни Гамалѣевой (имя неизвѣстно) и кажется не имѣлъ дѣтей. Третій сынъ, Дмитрій, былъ женатъ на Маріи (?) и имѣлъ 6 или 7 дѣтей. Отъ четвертаго (а, можетъ быть, и третьяго) осталось потомство, въ лицѣ сына его Якима. Кромѣ пожалованныхъ имѣній, Лазарь Горленко, въ свое 30-ти-лѣтнее управленіе прилученнымъ полкомъ, нажилъ большое богатство, состоявшее въ хуторахъ, мельницахъ, лѣсахъ, садахъ и поляхъ. Значительная часть этого имѣнія была роздана имъ на «господарство» (на обзаведеніе своимъ хозяйствомъ или приданое) дѣтямъ, внукамъ и падчерицѣ; но Петръ, женатый два раза и два раза получившій «вспоможенье на господарство», и сынъ его Паливода прокутили доставшіяся имъ части; тѣмъ не менѣе, по смерти Лазаря, имѣніе Горленовъ было одно изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи.

Оставшаяся послѣ смерти Лазаря вдова и старшій сынъ Степанъ просили великихъ государей о подтвержденіи правъ на ихъ имѣнія, въ вѣчное владѣніе, жалованною грамотою. «И ихъ царское величество пожаловали, за службы мужа ея, Евфросиніи, а Степанова отца, Лазаря Горленко, — повелѣли имъ вышепомянутымъ селомъ Ольшаномъ и двумя мельницами, вешняками и совсѣми къ нимъ принадлежащими угодья, которыя въ прежней жалованной грамотѣ написаны, тако-жъ и купленными ихъ грунтами и мельницами, въ уѣздѣ Прилуцкомъ обрѣтающимися со всѣми угодья, буде спору не будетъ, владѣть и всякіе порядки употреблять. И быть тому селу и купленнымъ ихъ грунтамъ за ними въ вотчинѣ. А для вѣчнаго владѣнія ей, Евфросиніи, и сыну ея Степану, и женѣ его Степановой, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ и кто по немъ роду его будетъ, сею ихъ царскаго величества жалованною грамотою утвердить повелѣли». Но Степанъ вскорѣ умеръ; тогда мать его, Евфросинія, сказала меньшому сыну (четвертый, отецъ Якима, вѣроятно, умеръ еще ранѣе) Дмитрію:—«Сину! старайся ти своими грошми за душу братнюю по монастырямъ сорокоусти поплатити, а а що мѣю въ грошахъ готовими, на тоей мнѣ для души и за душу будетъ потреба, а вгрунти, якіе на небожчика (покойнаго) брата твоего Стефана спадали, по смерти моей некому иншому, тільки тебѣ и дѣтемъ твоимъ мѣють бути.»

Этому третьему сыну Лазаря Горленка суждено было пріобрѣсти громкую извѣстность, сыграть болѣе важную роль, чѣмъ ту, которую игралъ его отецъ. Дмитрія Горленка мы встрѣчаемъ прилученнымъ полковникомъ при Петрѣ I-мъ, во время гетманства Мазепы. Въ званіи наказнаго атамана, онъ находился при царскомъ войскѣ въ Гродно, командуя своимъ и кіевскимъ полками, и одинъ изъ

первыхъ началъ возбуждать Мазепу противъ Петра и русскихъ; вмѣстѣ съ генеральнымъ обознымъ Ломиковскимъ и полковниками Миргородскимъ и Лубенскимъ, онъ, послѣ казни Кочубея и Искры, настойчиво требовалъ отъ колеблющагося Мазепы принять сторону Карла XII. Быть можетъ, личное оскорбленіе тогдашнихъ великорусскихъ начальныхъ людей, на что жаловался Горленко гетману, всего же вѣроятнѣе страхъ лишиться своихъ богатствъ, сражаясь съ Петромъ противъ Карла XII-го, торжество котораго тогда не одному Горленкѣ казалось неизбѣжнымъ, а тѣмъ болѣе желательнымъ, что съ нимъ соединялась протекція польскаго короля-претендента, Станислава Лещинскаго, и польскія шляхетскія привилегіи, крѣпко соблазнявшіе тогдашнюю малороссійскую аристократію, — только эти причины могутъ объяснить нетерпѣливость Горленка поскорѣе соединиться съ шведскимъ королемъ, приближавшимся къ Полтавѣ; вообще можно сказать, что Ломиковскій и Дмитрій Горленко были главными подстрекателями гетмана Мазепы къ измѣнѣ. Кажется, оба Горленка, Лазарь и Дмитрій, были отличными сподымоами и хозяевами, какъ, объ этомъ можно судить по оставшемуся послѣ нихъ имѣнію, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Подобно отцу своему Лазарю, Дмитрій Горленко, за вѣрность «своего служенія къ маестату монаршему», былъ пожалованъ въ прилуцкомъ же полку селами Сергѣевкою, Бѣлошапками, Яблуновицею, Ярошонкою и Вечорками; но, кромѣ пожалованныхъ царями помѣстій и вотчинъ, они владѣли и другими имѣніями (грунтами) и значительными денежными капиталами. Съ гетманомъ Мазепою Дмитрій Горленко, какъ видно, постоянно находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Въ эпоху измѣны Мазепы и «преславной Полтавской вѣкторіи» фамилію Горленокъ, кромѣ Дмитрія, составляли слѣдующія лица: мать его Евфросинія, сынъ Андрей, женатый на дочери миргородскаго полковника Даніила Апостола, Марьѣ Даниловнѣ, другой сынъ, іеромонахъ Пахомій, и двѣ дочери, Агаѳія, бывшая замужемъ за Бутовичемъ, и Анастасія, монахиня; племянникъ Дмитрія, Акимъ Горленко, и единоутробная сестра его, дочь Евфросиніи отъ перваго брака съ Раковичемъ, также принадлежали къ этой фамиліи. Хотя мать, сестра и племянникъ не раздѣляли воззрѣній Дмитрія, но жена, зять и старшій сынъ Андрей, имѣвшій уже своихъ дѣтей, увлеклись его надеждами.

Дмитрій Горленко, кажется, крѣпко вѣрилъ въ счастливую звѣзду Карла XII-го, потому что не послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей, Апостола и компанейскаго полковника Галагава, возвратившихся къ Петру и получившихъ полное прощенье; при-

мѣръ собственнаго сына, Андрея, вѣроятно, по совѣту тестя его, Апостола, возвратившагося еще до полтавской битвы къ долгу вѣрности, нисколько на него не подѣйствовалъ. До полтавской «бѣталіи» Петръ Великій весьма благодушно относился къ измѣнившей ему малороссійской старшинѣ и даже соглашался даровать прощеніе главному виновнику, Мазепѣ, противъ котораго былъ сильно раздраженъ, когда этотъ послѣдній, видя спойство Малороссіи и преданность народа царю, рѣшился-было, въ концѣ 1708 г., вступить съ нимъ въ сношенія. Еще находясь въ Глуховѣ, въ грамотѣ на имя новаго гетмана, Ивана Скоропадскаго, отъ 7-го ноября 1708-го г., Петръ I обѣщалъ полное прощеніе Дмитрію Горленѣ и его товарищамъ, съ отпущеніемъ ихъ винъ, съ возвращеніемъ имъ прежнихъ ихъ чиновъ и маестностей, ежели только они въ теченіи мѣсяца, т.-е. до 7-го декабря, возвратятся въ войско и явятся къ гетману; въ противномъ же случаѣ велѣно ихъ считать измѣнниками, и «лишить всѣхъ чиновъ и урядовъ при войскѣ нашемъ запорожскомъ, таковыя и маестности ихъ и имѣнія, яко измѣнничье, опредѣляемъ отдавать за службы инымъ вѣрнымъ въ войскѣ нашемъ запорожскомъ, а женъ ихъ и дѣтей брать за караулъ и присылать къ намъ, великому государю, которые сосланы будутъ въ ссылку».

Не воспользовавшись предлагаемой амнистіей, Дмитрій Горленко связалъ свою судьбу съ судьбою Мазепы, съ исходомъ войны Карла XII-го съ Петромъ I-мъ. Но полтавская битва, поразивъ на смерть шляхетскія притязанія малороссійской старшины, разрушила всѣ его надежды, и ему ничего не оставалось болѣе, какъ бѣжать съ своими протекторами сначала въ Молдавію, а потомъ въ Турцію. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти Мазепы и комическаго избранія гетманомъ Орлика, на мѣсто котораго, быть можетъ, рассчитывалъ самъ; онъ видѣлъ какъ съ каждымъ днемъ рѣдѣли ряды малороссійскихъ эмигрантовъ, возвращавшихся на родину, но, несмотря на это, вмѣстѣ съ Ломиковскимъ, старался препятствовать заключенію прутскаго мира и потомъ стремился къ его нарушенію. Малороссійскіе эмигранты начали, наконецъ, сноситься съ своими родственниками и возбуждать ихъ противъ Петра; но все это ни къ чему не приводило.

Мы видѣли, что сынъ Андрей его оставилъ; племянника и матери, умершей въ 1713-мъ г., на рукахъ старшей дочери, Раковичъ, совсѣмъ не было. Вѣрными его спутниками въ изгнаніи были жена, Марія, и зять Бутовичъ. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ увѣряютъ, что жена Дмитрія оставалась дома, а потомъ, вмѣстѣ съ семействами другихъ бѣглецовъ, была от-

правлена въ 1712-мъ г. въ Москву; но что она была съ мужемъ въ первое время изгнанія, объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство ихъ сына Андрея, оставившаго, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ своею женою, отца и мать и возвратившагося къ войску: онъ прямо говоритъ: «я же, низжайшій, устороживши того измѣнника Мазепы хитрости и измѣну, оставилъ ихъ, выше выраженного отца моего, *зѣ маткою* и зѣ прочими свойственными, а самъ только одинъ съ женою, зѣ той непріятельской стороны, заховуючи истинную къ его и. в. вѣрность, увойшолъ оттолъ». Значить, при уходѣ Андрея, мать его жила съ отцомъ, и не было никакой причины этому послѣднему отпускать ее отъ себя; напротивъ,—отпустить было очень опасно, такъ какъ грамота Петра Скоропадскому, цитированная выше, угрожала смертною казнью всѣмъ бѣглецамъ, неявившимся въ 7-му декабря 1708-го г.; кромѣ того, извѣстно, что Мазепа положительно настаивалъ, чтобы его приверженцы брали съ собою женъ. Во всякомъ случаѣ, какъ мы увидимъ ниже, жена Горленка съ 1715-го г.,—со дня возвращенія его на родину изъ Турціи, и по 1731-й г., когда его выпустили изъ московскаго ареста, жила дома, въ Прилукѣ, а не въ ссылкѣ, откуда ее едва ли бы отпустили. Какъ бы то ни было, но сынъ Дмитрія, Андрей Горленко ушелъ, несомнѣнно, вопреки желанію отца; Андрей, какъ молодой человѣкъ, былъ менѣе виновенъ и, наконецъ, имѣлъ сильную поддержку въ своемъ тестѣ, миргородскомъ полковникѣ Апостолѣ, котораго кажется любилъ самъ Петръ.

Положеніе отца, Дмитрія Горленка, было несравненно хуже: онъ, по всей справедливости могъ считаться главнѣйшимъ измѣнникомъ. Въ числѣ свойственниковъ, Андрей Горленко вѣроятно разумѣлъ сестру свою Агаею Бутовичъ съ ея мужемъ и, можетъ быть, кого-нибудь изъ дальнихъ малоизвѣстныхъ родныхъ, но не двоюроднаго своего брата, вышеупомянутаго Авима. Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ теткою, Андрея, Раковичъ, воспользовавшись отсутствіемъ дяди, завладѣлъ большею частію ихъ имѣнія. Старуха Евфросинія, мать Дмитрія, по дряхлости лѣтъ и живя у дочери отъ перваго брака, какъ кажется, неладившей съ Дмитріемъ, немогла возбуждать подозрѣнія, а потому и была оставлена въ покоѣ. Итакъ, отвергая ссылку женщинъ изъ фамиліи Горленокъ, которою однако же могли поплатиться жены другихъ за «преlestныя ухищренія измѣнника Мазепы», ихъ мужей, мы, правда, не знаемъ, подробностей объ ихъ жизни, но несомнѣнно одно, что по возвращеніи мужей своихъ въ Россію онѣ жили на родинѣ, въ Малороссіи, которую жена Дмитрія совсѣмъ не покидала, а

жена Андрея оставила уже послѣ, и притомъ вмѣстѣ съ мужемъ. Но мужьямъ, Дмитрію Горленкѣ и его сыну, пришлось плохо.

Вотъ что рассказываетъ Андрей Горленко о своихъ похожденияхъ: — «Я, низкашій, хочай въ неволѣ и по крайней нуждѣ, принужденъ былъ обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственниковъ, въ сторонѣ противной его императорскаго величества, однакъ устороживши измѣнника Мазепи хитрость и змѣну, оставя отца и мать и свойственниковъ, самъ только зъ женою зъ тоей непріятельской стороны увоишелъ, еще въ масницѣ въ 1709-мъ г., и былъ я тамъ малое время, а не довольное (какъ утверждали его враги). И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику Миргородскому, въ мѣстечко Жовтву, при бытности тамъ же г-на Андрея Ивановича Ушакова и Дмитрія Ивановича Цепелева, то онъ (тесть) заразъ меня оттоля послалъ до его и. в-ства. И я, немогучи въ пути достигнуть, пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его величества и пріятъ милостиво, безъ всякаго пороку, и получилъ жалованья сто рублей. И притомъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу е. и. в., до гетмана Скоропатскаго».

Въ этомъ письмѣ, отъ 22 марта 1709-го г., Меншиковъ писалъ слѣдующее: «Которыя ни есть на Украинѣ отца его (Андрея) и его самого маестности, всѣ отдать ему». Вслѣдствіе этого письма, или приказанія Меншикова, еще до полтавской битвы, именно 29-го мая 1709-го года, гетманъ Скоропадскій издалъ универсалъ, по которому возвращались Андрею отцовскія помѣстья: «хочай (говорится въ универсалѣ) за сообщеніе полковника Прилуцкаго, Дмитрія Горленка къ непріятельской сторонѣ, отдалисмо маестности его отъ него, однакъ, когда сынъ его, мененнаго полковника, панъ Андрей Горленко, отъ стороны измѣнничой отторгнувшись и оставивши отца своего, навернулся къ своимъ добрамъ, гдѣ, освѣдчивши вѣрность свою, обѣщался и умрети за достоинство моваршее, щире и постоянно застановляючись противно непріятельской стороны; того ради, утверждаемъ ему села и грунты». Села эти и грунты были возвращены, но не на долгое время. Они понадобились гетману Скоропадскому, который на основаніи того, что Андрей Горленко былъ человѣкъ «подозрительный», неблагонадежный, отнялъ у него всѣ эти помѣстья, оставивъ ему только одно село Ярошовку. Конечно, вслѣдствіе такой неблагонадежности, молодой Горленко былъ отправленъ имъ въ Москву вмѣстѣ съ женою, гдѣ цѣлыхъ пять лѣтъ онъ содержался подъ арестомъ. Въ какой годъ случился этотъ арестъ, и когда послѣдовало возвращеніе, — наши источники, фамиліныя бумаги

Горленокъ, объ этомъ не говорятъ; несомнѣнно одно, что отецъ и сынъ, Дмитрій и Андрей Горленки, одновременно очутились въ изгнаніи, разрушившемъ, какъ увидимъ, ихъ экономическое благосостояніе. По тогдашнему малороссійскому обычаю, Дмитрій Горленко, женивъ сына («сочетавши въ бракъ малженскій»), кромѣ серебра, движимости, стада овецъ и быдла (рогат. скотъ), надѣлилъ его слѣдующими «грунтами»: 1) дворъ въ Прилукѣ; 2) хуторъ въ селѣ Ярошовкѣ «съ ставомъ, млиномъ и полемъ»; 3) дуброва подъ Ярошовкою «зъ ставкомъ»; 4) млинъ у Жүровки, «о трохъ колахъ, на удаю стоячихъ»; 5) тамъ же два лѣса «ниже млиновъ лѣсовъ два»; 6) «лѣсъ пасковскій», выше Радковщины, лежащій надъ Ичанкою; 7) гай «зъ бцолами» подъ Ичнею; 8) хуторъ подъ Прилукою, на Липинцахъ, называемый Боярщиной; 9) винокурня, называемая литвиновской, съ 4-мя казанами и садомъ. Кажется, эти отцовскіе грунты, данные Андрею на «господарство» (обзаведеніе своимъ хозяйствомъ), были отняты не всѣ. Андрей съ семьею обыкновенно жилъ въ Прилукѣ, въ выше названномъ дворѣ, на которомъ, конечно, находился домъ.

Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ единогласно свидѣтельствуютъ, что долго спустя послѣ прутскаго мира, царскіе послы въ Константинополь, Толстой и Шафировъ, почти цѣлый годъ *уговаривали* малороссійскихъ эмигрантовъ возвратиться на родину, общая имъ прощеніе государя, и что они почти цѣлый годъ колебались. Опасенія и колебанія были несомнѣнно и, притомъ, очень сильныя: одинъ арестъ сына долженъ былъ крѣпко смущать Дмитрія Горленка, который несомнѣнно стосковался по родинѣ, но крѣпко боялся, потому что онъ сталъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, препятствующимъ возвращенію изгнанниковъ; но еще несомнѣннѣе, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, что малороссійскіе эмигранты *сами просили*, и притомъ весьма усердно, о всепрощеніи, объ «амнѣстїи». Что за нихъ были усердными ходатаями царскіе послы въ Турціи, Толстой и Шафировъ, фельдмаршалъ Шереметевъ, кievскій губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ, имъ доброжелательствующіе,—это нисколько не исключаетъ необходимости, со стороны изгнанниковъ, просьбъ о ходатайствѣ передъ великимъ царемъ. Какъ бы то ни было, но въ «амнѣстіяхъ», подписанныхъ чрезвычайными и полномочными послами, подканцлеромъ барономъ Петромъ Шафировымъ и тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Толстымъ, вотъ что написано въ 1-мъ пунктѣ:—«*Просили* бывшіе во время измѣны прелестями его Мазепы заведенные, полковникъ Прилуцкій Дмитрій Горленко, дабы имъ, такоже и другимъ, исходатайствовать

его царскаго величества амнистію и милосердное прощеніе всѣхъ ихъ винъ. Того ради, силою е. ц. в. даннаго имъ именнаго указу, объявляютъ *не токмо* ему, Горленкѣ, но и другимъ (всѣмъ) *безъ изыятія*: въ какомъ бы кто тяжкомъ преступленіи (на) обрѣтались, амнистію, т.-е. забвеніе и прощеніе всѣхъ ихъ винъ, и обнадеживаютъ не только безопасными въ животѣ, но *и отъ укоризны изыятими и свободными*.

Въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ писалъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ. Вотъ что говорится отъ имени кievскаго губерпатора: «Которые прелестію Мазепы, или обманомъ, какъ г-да полковники, такъ генеральная старшина и прочіе. отъ страны его величества отлучены (понеже ихъ совѣсть и вѣрность возбудили подъ протекцію и покровъ е. в. прійти), просили полковникъ Прилуцкій Дмитрій Горленко, чрезъ г-дъ полномочныхъ министровъ, о своей безопасности. Того ради, онъ (кн. Д. М. Голицынъ) е. в. указомъ увѣряетъ, и христіанскимъ сумнѣніемъ обнадеживаетъ, и пріемлетъ ихъ на сумнѣніе христіанское и на свои руки, чтобы ихъ ничѣмъ невреденныхъ сохранить». Таковы были увѣренія и обнадеживанія; но слѣдующее современное извлеченіе изъ письма Шафирова, неизвѣстно къ кому адресованное, должно было крѣпко смутить Дмитрія Горленко, уже начавшаго дѣло о возвращеніи на родину, смирившагося передъ великимъ царемъ, которому было знакомо великодушіе, но не слабость: — «О полковникъ бывшемъ Прилуцкомъ Горленкѣ съ его компаніею инако не возмogli у его царскаго величества исходатайствовать, кромѣ того, что изволилъ указать имъ нынѣ жити въ Москвѣ, а не въ Украинѣ. Но въ томъ ваше сіятельство можете ихъ вѣрно асекуровать, что оныя всесовершенно и весьма отнюдь ни въ чомъ истязаны не будутъ и останутся во здравіяхъ ихъ цѣлы; такожь и съ Москвы никуда не пошлются, но будутъ имѣть пребываніе въ оной; и ѣхалибъ безъ всякаго сумнительства. И тако, могутъ оныя пребываніе свое имѣть свободно. Но что оный Горленко упоминался о маетностяхъ своихъ, чтобы паки ему были возвращены, на то его величество нынѣ не соизволилъ; однакожь и изъ оныхъ могутъ впредъ на пропитаніе что (нибудъ) получить, а нынѣ вдругъ всего сдѣлать не возможно». Письмо это, вѣроятно, было получено передъ самымъ отъѣздомъ изъ Константинополя, а быть можетъ, даже во время пути на родину, и могло быть передано Шереметевымъ или Голицыннымъ.

Какъ бы то ни было, корабли были сожжены, оставаться въ Турціи было не для чего, надѣяться — не на кого: пришлось утѣшаться мыслью, что, дѣйствительно, «всего вдругъ сдѣлать нельзя» и — продолжать путь. Были ли въ это время сношенія меж-

ду отцомъ и сыномъ; — наши источники не говорятъ; но несомнѣнно были, и старый Горленко могъ утѣшаться тѣмъ, что если ему ничего не дають, то обѣщали все отдать, хотя еще и не отдавали, его юному сыну, Андрею. Избавленіе отъ укоризнъ, попрековъ измѣною, прозваніемъ *Мазепинцами*, *Мазепами*, не составляло какой-нибудь особой привилегіи для Дмитрія Горленка: мы встрѣчаемся съ такимъ обѣщаніемъ уже въ другой разъ. 11-го марта 1710-го г., Петръ Великій издалъ манифестъ о запрещеніи дѣлать обиды всякаго рода и называть «людей малороссійскаго народа» *измѣнниками*. Называли, несомнѣнно, не одни «всякихъ чиновъ великороссійскіе люди», но и малороссійское посольство, простые казаки и крестьяне, — такъ было глубоко-антинаціонально дѣло Мазепы и его приверженцевъ, проигранное подъ Полтавою.

Въ числѣ пяти человекъ эти приверженцы, послѣ шестилѣтняго добровольнаго изгнанія, возвращались на родину. То были: Дмитрій Горленко съ своимъ зятемъ Бутовичемъ, Михайлъ Ломиковскій, Иванъ Максимовичъ, писарь Орлика и канцеляристъ Антоновичъ. Они прибыли домой не позже февраля 1715-го года и одновременно являлись въ Глуховъ, новую резиденцію гетмана (а не въ апрѣль, какъ увѣряетъ Бантышъ-Каменскій и вслѣдъ за нимъ Маркевичъ). Какъ знатнѣйшій изъ эмигрантовъ (Орликъ ушелъ съ Карломъ XII-мъ въ Швецію), Дмитрій Горленко привезъ съ собою войсковую печать и котли, которые потомъ вручилъ гетману Скоропадскому. Вопреки ошибочному показанію Бантышъ-Каменскаго о *немедленномъ* отправленіи въ Москву прибывшихъ малороссійскихъ эмигрантовъ, имъ пришлось пробыть дома не менѣе четырехъ мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ главному герою нашего разсказа, которому хотѣлось устроить свои имущественныя дѣла и побывать въ Кіевѣ, помолиться въ св. Кіевопечерской лаврѣ и повидаться съ милымъ своимъ сыномъ Пахоміемъ, смиреннымъ инокомъ этой обители, котораго не касались бури, волновавшія мятежную жизнь отца и брата. Дмитрій Лазаревичъ исполнилъ это желаніе своего сердца и, умиленный, обѣщаль печерскимъ отцамъ оставить тысячу золотыхъ на поминъ за свою грѣшную душу, что онъ «того же часу писаніемъ моимъ превелѣбныхъ отъ Богу отцевъ печерскихъ обладежить». Скоропадскому, понятно, хотѣлось поскорѣе сбыть съ рукъ безпокойнаго гостя: кромѣ своей официальной обязанности представить его въ Москву, согласно высочайшему повелѣнію, гетманъ, какъ увидимъ, былъ неправъ противъ Горленка въ имущественныхъ дѣлахъ; но тяжкая болѣзнь, горячка, долго удерживала его дома. Устроивая свои имущественныя

дѣла, старый Горленко всячески старался оттянуть свой отъѣздъ въ Москву. Сохранились четыре письма къ нему гетмана Скоропадскаго, относящіяся до этой поѣздки, изъ которыхъ одно мы приведемъ въ подлинникѣ:

«Мой ласкавій пріятелю, пане Горленку!

«Повернувшійся зъ Прилуки, посланній до вашей милости капитанъ учипилъ намъ такую реляцію, же в. м. слава Богу, одъ болѣзни горячки получилъ ослабу, тилько на ногу болѣзнуешь, для которой любо зъ трудностю в. м. въ мѣстца заразъ рувтися. Однакъ пилю жадаемъ, абы съ в. м. разсуждаючи, умедленое монаршаго Царскаго пресвѣтлаго величества указу исполненіе, не наволѣхъ на себе въ томъ гнѣву и на насъ пороку. И, якъ возможно положивши въ дальшой своего здоровья поправѣ надежду на Господа Бога, немедленно пріѣзжай къ намъ въ Глуховъ, для поѣзду къ Москвѣ. А мы объявляемъ в. м. же: пановъ Максима Максимовича Ломиковскаго и Антоновича, передомъ сего находящаго 15 числа, виправимъ туда, до Москвы, недожидаячися сюда, въ Глуховъ, прибитія в. м.ина. Прятомъ зичимъ ему жъ добраго отъ Господа Бога здоровья. Зъ Глухова, року 1715 (мѣсяца и числа нѣтъ).

«В. м. зичливій пріятель,

Иванъ Скоропадскій, гетманъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго.

Надпись на конвертъ: «Моему ласкавому пріятелю, пану Дмитрію Горленку, знатному товарищеву войскому. Пилю подати».

— *на той сторонѣ, гдѣ гетманская печать:* «Повторни о выѣзду къ Москвѣ».

Большія перемѣны нашелъ Дмитрій Горленко на родинѣ, послѣ шестилѣтняго изъ нея отсутствія. Появились великорусскіе помѣщики, «москали», какъ, напримѣръ, Меншиковъ и баронъ Шафировъ, которому отданы были имѣнія Ломиковскаго. При боку гетманскомъ (а latere) появились царскіе легаты, резиденты, безъ согласія съ которыми гетманъ ничего не могъ дѣлать; полковники потеряли прежнее свое значеніе: власть ихъ въ полку, надъ полковою старшиною, была ограничена во всемъ и подчинена волѣ гетмана, т.-е. царскаго резидента. Словомъ, старый малороссійскій порядокъ, установившійся вѣками и, по оковчаніи борьбы съ Польшей за племенное и религіозное существованіе, начинавшій выдѣлять сильную, могущественную аристократію, — порядокъ, горячимъ приверженцемъ котораго былъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко, — видимо начиналъ распа-
даться, подъ вліяніемъ новыхъ, московскихъ, правительственныхъ

распоряженій, правда, очень нелегкихъ, не рѣдко деспотическихъ, но всегда и вездѣ нивелирующихъ всякія общественныя неравенности, — всегда и вездѣ облегчавшихъ соціальное положеніе низшихъ народныхъ массъ.

Но Горленку, какъ и всѣмъ малороссамъ его положенія, эмигрантамъ и оставшимся дома, людямъ умѣреннымъ и выжидающимъ, отъ этого не могло быть легче; невыносимо тяжело было положеніе бывшихъ приверженцевъ Мазепы, которыхъ хотя и не казнили, не пытали, но заточили въ ссылки, и отъ которыхъ отбирали имѣнія. Образовался цѣлый фондъ, такъ-называемыхъ, «измѣнничьихъ» имѣній, который раздавался щедрою рукою и былъ вполне зависимъ отъ гетмана, ибо этотъ послѣдній, теряя политически, выигрывалъ какъ русскій помѣщикъ, вельможа, матеріальное положеніе котораго, благодаря царской милости, улучшалось съ каждымъ годомъ.

Хотя имѣнія Дмитрія Горленка, по царскому приказу, возвращались его сыну; но мы уже видѣли, какъ было исполнено это приказаніе. Царскіе приказы плохо исполнялись тогда, когда дѣло касалось наживы, интереса: московскія взятки, соединившись съ хохлацкими, все могли сдѣлать, даже при Петрѣ Великомъ, т.-е. обобрать человѣка до нитки. Судя по разсказу Андрея Горленка, въ 1715-мъ году онъ былъ уже возвращенъ на родину, — неизвѣстно, впрочемъ, по причинѣ ли своей невинности, разъ признанной, и притомъ самимъ царемъ, или же по просьбѣ отца. Какъ бы то ни было, но, по возвращеніи на родину изгнанниковъ, они увидѣли себя обобранными со всѣхъ сторонъ: часть ихъ имѣній захватили родственники, другую часть приписалъ «къ своему двору» гетманъ, третья — попала въ категорію «измѣнничьихъ». Гетманъ Скоропадскій, неуступавшій Меншикову въ жадности пріобрѣтенія чужого добра, умышленно поставилъ вопросъ о «маетностяхъ» Горленокъ въ положеніи «описныхъ измѣнничьихъ», на что, какъ мы видѣли, онъ не имѣлъ права. Горленкамъ, при жизни гетмана, при томъ кредитѣ, которымъ онъ пользовался въ это время у правительства, спорить съ гетманомъ было немыслимо. Но Скоропадскому, тѣмъ не менѣе, хотѣлось сбыть съ рукъ такого человѣка, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ, прошедшій огонь и воды, хотя это желаніе ничѣмъ не обнаруживается въ выше приведенномъ любезномъ письмѣ гетмана.

Лишенный возможности тягаться съ гетманомъ, старшій Горленко хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться своимъ кратковременнымъ пребываніемъ на родинѣ для того, чтобы начать процессъ противъ сестры и племянника, какъ мы уже замѣтили, завладѣвшихъ

значительною частію его отцовскаго наслѣдства. Раковичъ, по смерти матери, воспользовавшись отсутствіемъ брата и племянника Андрея, въ согласіи съ другимъ племянникомъ, Якимомъ, и подстрекаемая «черницей Гаркушихой» и родственниками Паливодами, завладѣла всѣмъ имѣніемъ Лазаря Горленка, кромѣ, впрочемъ, Ольшанаго и нѣкоторыхъ хуторовъ, которые гетманъ Скоропадскій отдалъ въ 1713-мъ году фельдмаршалу Шереметеву. Старуха Евфросинія, по смерти свою, владѣла безспорно имѣніями мужа, которыя «измѣнничьими» считаются уже никакъ не могли. Но, по смерти матери, Раковичъ вошла съ прошеніемъ въ войсковой генеральный судъ, доказывая, что ея вотчимъ, Лазарь Горленко, женился на ея матери, будучи «худымъ пахолкомъ», и что все имѣніе, которымъ распоряжалась по смерти свою ея мать, было родовымъ ея отца, а потому и должно принадлежать нераздѣльно ей, Раковичъ. Якимъ Горленко основывалъ свои претензіи на томъ, что Лазарь Горленко, отпуская его отца, а своего сына, на хозяйство, ничѣмъ ровно его не надѣлилъ. Генеральный судъ, несмотря на существованіе актовъ, купчихъ крѣпостей, дарственныхъ записей и живыхъ еще свидѣтелей между полчанами прилудкими, несомнѣнно подъ вліяніемъ гетмана, руководимый заднею мыслию, чтобы наслѣдство Лазаря не досталось «измѣнничой» вѣтви его фамиліи, утвердилъ эти претензіи. Дмитрію Горленкѣ не трудно было доказать несправедливость захвата. Онъ соглашался предоставить все имѣніе сестрѣ Раковичъ, если она представитъ духовное завѣщаніе матери, котораго не было и не могло быть; онъ доказалъ, что роздалъ 500 золотыхъ «до монастыровъ кievскихъ и иныхъ церквей Божіихъ», по волѣ матери, за душу своего брата Степана, «изъ своихъ власныхъ грошей», и что, сверхъ того, вдовѣ Степановой, также по волѣ матери и изъ своихъ собственныхъ денегъ далъ онъ «въ оправу» (вознаградилъ за часть мужа) такую же сумму; онъ соглашался отказаться отъ части брата Степана, захваченной сестрой и племянникомъ, если эти послѣдніе уплатятъ ему эту тысячу его собственныхъ золотыхъ. Но при этомъ Дмитрій Горленко не отнималъ ни у сестры, ни у племянника тѣхъ «млиновъ» и «млиновъ», которые дѣйствительно имъ принадлежали, а первой, за то, что она похоронила и поминала мать, подарилъ отъ себя «млинокъ», находящійся подъ самой Прилукой. По этому иску, кажется, состоялось соглашеніе, т.-е. что Раковичъ и Якимъ Горленко отказались отъ неправильно захваченныхъ ими маестностей; по крайней мѣрѣ, этого послѣдняго мы видимъ потомъ въ близкихъ отношеніяхъ съ дядей и двоюроднымъ братомъ, Андреемъ Горленко, чего не могло быть, еслибы продолжалась тяжба. Можно

предполагать, что нѣкоторое чувство жалости къ человѣку, такъ много пострадавшему и готовившемуся на новыя страданія, ожидавшія его въ далекой ссылке, склонили его родныхъ къ примиренію. Кажется также, что нѣкоторою частію дѣдовскаго наслѣдства, «дѣдизни», и нѣкоторыми грунтами отца, купленными на его «власніе гроши» и данными ему на «господарство», Андрей Горленко, по возвращеніи на родину, владѣлъ безспорно. По крайней мѣрѣ, старый Горленко, по возвращеніи домой «зъ Волощини», какъ онъ выражается, нашелъ сына своего владѣющаго многочисленными грунтами.

Устроивши кое-какъ свои дѣла, старый Горленко, Дмитрій Лазаревичъ, во исполненіе высочайшей воли, долженъ былъ торопиться поѣздкой въ Москву, гдѣ уже находились товарищи его прежняго изгнанія, Бутовичъ, Ломиковскій, Максимовичъ и Антоновичъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ безвыѣздно 16 лѣтъ, до воцаренія императрицы Анны, получая изъ казны на свое содержаніе по десяти копѣекъ въ день, — ничтожную сумму, далеко недостаточную для удовлетворенія его потребностей. Горленко и его товарищи жили въ Москвѣ, свободно, вѣроятно на Моросѣйскѣ, и только не могли никуда выѣзжать изъ города.

Какъ фамилія опальная, Горленки, оставшіеся безъ главы семейства, не благоденствуютъ у себя на родинѣ. Андрей служитъ въ родномъ прилуцкомъ полку, но не на видномъ мѣстѣ; кредиторы не платятъ долговъ, свои люди, крестьяне, не слушаются. Прилуцкій полкъ находился уже въ третьихъ рукахъ съ 1708-го года. Тотчасъ же послѣ измѣны Дмитрія Горленка, онъ перешелъ въ команду Ивана Носа, а по смерти этого послѣдняго, имъ начальствовалъ Игнатій Галаганъ. Съ женою этого Носа пришлось вести Андрею споръ изъ-за 70 червонцевъ, должныхъ ея мужемъ; дѣло доходило до гетмана. Нельзя сказать, чтобы Скоропадскій оставался глухъ къ мелкимъ просьбамъ Горленковъ, матери и сына: онъ обращалъ на нихъ вниманіе, какъ это доказываютъ нѣкоторые его письма къ Галагану и другимъ лицамъ, которымъ онъ поручалъ разсмотрѣніе или исполненіе ихъ просьбъ. Кажется, не Иванъ Ильичъ Скоропадскій, а его супруга, Анастасія Марковна, преслѣдовала Горленковъ: не даромъ объ этой ясновельможной четѣ сложилась такая поговорка — «Иванъ плахту (юбку), Настя булаву носить».

Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, имя Андрея Горленки совсѣмъ не упоминается въ военныхъ лѣтописяхъ Малороссіи: но, со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины I, мы видимъ его въ качествѣ бунчуковаго товарища, вмѣстѣ съ Лизогубымъ и Ограновичемъ, начальникомъ

надъ казацкимъ отрядомъ, отправлявшимся въ Гилианскій походъ. По ложному доносу какого-то монаха, Горленко и Лизогубъ были вытребованы въ Петербургъ; но, оправдавшись, снова отправившись въ Персію, гдѣ и прослужили два или три года (но не пять лѣтъ, какъ увѣряютъ малороссійскіе историки) подъ начальствомъ бывшаго корсунскаго полковника Кандыбы. Служебное возвышеніе Андрея случилось уже по смерти Скоропадскаго (1722). При этомъ недоброжелательномъ къ нему гетманѣ, находясь въ меньшихъ войсковыхъ чинахъ, онъ не сидѣлъ, конечно, дома, и болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, по всей вѣроятности, назначался къ такимъ дѣламъ, какъ устройство крѣпостей и разнаго рода земляныя работы, которыми гнушались малороссійскіе казаки.

Дѣлаясь съ каждымъ годомъ все болѣе царскимъ слугою, вполне зависимъ отъ «резидующихъ у боку его» стольниковъ и генераловъ, гетманъ Скоропадскій, тѣмъ не менѣе, продолжалъ еще, и притомъ широко, пользоваться правомъ раздачи имѣній на всемъ пространствѣ Малороссіи; въ этой странѣ гетманскій универсалъ, въ имущественномъ отношеніи, равнялся жалованной царской грамотѣ, т.-е. могъ надѣлять людей ничего неимущихъ обширными помѣстьями, хотя такіе дары гетманъ могъ дѣлать только «великороссіянамъ», и притомъ только служилымъ, т.-е. извѣстнымъ царю лицамъ. До 1720-го года Скоропадскій сохранилъ полное расположеніе къ себѣ государя: онъ пользовался во время пріѣзда своего въ столицу, такимъ вѣдшимъ почетомъ, который не оказывался никому; Петръ надѣлилъ его (1718) громадными помѣстьями, мѣстечками, селами, хуторами, мельницами, греблями, лѣсами и полями, почти во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ за «его вѣрныя и усердныя службы» и «радѣтельные труды» противъ шведовъ, «такоежъ и измѣнниковъ». Не ограничиваясь этимъ, Петръ Великій входилъ даже въ совершенно частныя дѣла гетмана, какъ доказываетъ слѣдующая грамота, непосредственно относящаяся до предмета нашего разсказа, въ которой и Настасья Марковна, «носившая булаву», является въ яркомъ свѣтѣ:

«Объявляемъ нашего царскаго величества подданнымъ малороссійскаго народа, духовнаго чина и мірскимъ, а именно: богомольцу нашему, преосвященному Іоасафу Кронавскому, митрополиту Кіевскому и Малыя Россіи, генеральной старшинѣ, полковникомъ и полковой старшинѣ, сотникомъ, атаманомъ и всему посольству. Прошлаго 1713-го года, декабря въ 8-й день къ намъ, в. г., н. ц. в., писалъ подданный нашъ, войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, Иванъ Ильичъ Сео-

ропадскій, что жена его Анастасія Марковна положила въ своемъ намѣреніи, съ общаго въ томъ и его, гетманскаго, согласія, дабы, для умноженія хвалы Божіей, монастырь дѣвическій новосоздати и въ немъ благочестиваго житія иновины, сколько возможно будетъ, населити. Нынѣ къ исполненію того своего намѣренія, изыскавъ къ строенію того монастыря свободное мѣсто, именуемое Харлампіева пустынка, при рѣкѣ Шонцѣ обрѣтающаяся, мельницы и прочія угодья къ той, своею собственною суммою купила, и онъ, гетманъ, по тому жены своей желанію, и для чести и прославленія имени Божія, на сіе также съюнился и къ той новосозданной обители на купленные вгрунты и мельницы, какъ и на маестности, ко двору его гетманскому принадлежащія, далъ свой универсалъ. И просили насъ, в. г. н. ц. в., онъ гетманъ и жена его, въ нашемъ, ц. в., соизволеніи—(на) строеніе той обители, на данныя маестности и купленные мельницы и вгрунты, въ подтвержденіи его гетманскаго универсалу, въ нашей, ц. в., грамотѣ. А въ универсалѣ его, подданнаго нашего, гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, данномъ въ Глуховѣ декабря 1-го дня 1713-го году, какой здѣсь въ нашей государственной посольской канцеляріи присланный отъ него Глуховской сотни Андрей Марковъ объявилъ, написано» и т. д.

Далѣе слѣдуетъ въ грамотѣ дословное изложеніе гетманскаго универсала, съ измѣненіемъ только 1-го лица на 3-е. Вотъ содержаніе этого универсала. Монастырь устроивался не только для «прославленія имени Божія», но и для «принесенія безкровной жертвы о многолѣтнемъ здравіи и царствованіи его царскаго пресвѣтлаго величества». Харлампіева пустынка находится въ нѣжинскомъ полку, въ уѣздѣ воронежскомъ (Воронежъ—мѣстечко), на рѣкѣ Шонцѣ. Настасья Марковна устроила для монастыря двѣ мельницы, винницу, развела садъ, купила на свои деньги лѣсу, земли, сѣнныхъ покосовъ, подарила свой собственный отцовскій хуторъ, называемый *Дубочаевскій*, «въ полку Прилуцкомъ обрѣтающийся, съ людьми, тамъ же, накупленныхъ вгрунтахъ поселенными, и приселками: *Яблуновицею*, *Бѣлошапкою*, *Дейтановкою*, *Сертьевкою*¹⁾ и двѣ *Дывички*, къ нему подлежащими». Настасья Марковна пожелала, чтобы мужъ ея, гетманъ, подтвердилъ своимъ универсаломъ не только всѣ эти пожертвованія новосоздаваемой обители, но и селы, принадлежавшія въ это время къ его гетманскому двору, а именно Марчишина

¹⁾ Напечатанныя курсивомъ послѣднія четыре имѣнія принадлежали Д. Д. Горленкѣ.

Буда и Мутинъ, надъ р. Сеймомъ — въ Воронежскомъ уѣздѣ и Баринъ — въ Новгородскомъ, да въ Прилуцкомъ «хуторъ, называемый *Бубновщина* при степи, съ пахатнымъ полемъ и сѣнокосами, по *измѣнникъ Горленкъ оставшійся*». Это желаніе небожной, мужеподобной Марковны универсалъ подтверждаетъ, прибавляя, въ заключеніи, что самъ гетманъ, «по своему христіанскому къ церквамъ и обителѣмъ святымъ усердію и возвышенію въ нихъ чести Божіей», отдаетъ монастырю принадлежащія двору его маестности «и хуторъ *змѣнника Горленка* именуемый *Бубновщина*». Приведя гетманскій универсалъ въ нѣсколько перефразированномъ изложеніи, царская грамота продолжаетъ:

«И мы, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, видя оное нашего, ц. в., подданнаго, войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, Ивана Ильича Скоропадскаго и жены его, Анастасіи Марковны, прошеніе и желаніе доброе, происходящее къ славѣ и хвалѣ Божіей, построить дѣвичъ монастырь на рѣки Шонцѣ, именуемый *Харлампіева пустыня*, всемилостивѣйше соизволяемъ, и всѣ вышеименованные села, земли, лѣса, мельницы и всякіе угоды, въ универсалѣ его, нашего подданнаго гетмана, изображенныя, къ тому дѣвичему монастырю сею нашею, ц. в., грамотою во вѣчное владѣніе подтверждаемъ и укрѣпляемъ. И видя сію нашу, ц. в., высокую милость, того дѣвичаго монастыря благочестно живущимъ инокинямъ молити всеблагаго Бога о нашемъ, ц. в., и всего нашего высокаго царскаго дому здравіи и благополучномъ состояніи всѣхъ нашихъ государствъ и земель. Данъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ, лѣта отъ Рождества Христа Спасителя, нашего Бога, 1724-мъ году, генваря 25-го дня, нашего царствованія 32-мъ году. Въ подлинной грамотѣ подписано тако: Государственный канцлеръ, графъ Гаврила Головкинъ».

Итакъ, еще за два года до возвращенія старшаго Горленка на родину, почти всѣ его имѣнія были взяты гетманомъ, и, за исключеніемъ одного, хутора Бубновщины, передъ лицомъ самаго правительства стали показываться какъ-бы его собственными, понизившись въ своемъ значеніи изъ сель въ *приселки*. Обласкавъ и простивъ Андрея Горленко, Петръ, читая гетманскій универсалъ, естественно, не могъ себѣ представить, чтобы прощенный, которому онъ приказалъ возвратить отцовскія помѣстья, оставался ни при чемъ; одно же «*измѣнничье*» имѣніе, столь благочестно передаваемое монастырю, могло и не обра-

титъ на себя вниманіе царя, хотя и неблаговолившаго въ монастырямъ, но принявшаго въ сердце семейное и, такъ сказать, душевное дѣло Ивана Ильича и Настасьи Марковны.

Но исторія захвата Скоропадскимъ имѣній Горленовъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности, обнаруженныя уже по смерти гетмана. Отнявши у Андрея отцовскія помѣстья, гетманъ, взявъ ихъ, далъ ему изъ своихъ «двѣ маестности» *Ленки* и *Каможинцы*; но послѣднее, во время ссылки Андрея въ Москву, отнялъ и отдалъ Гадацкому полковнику, Гаврилѣ Милорадовичу ¹⁾. Тутъ же, по близости отцовскихъ, у Андрея Горленка было свое собственное сельцо, Малая Дѣвица; сельцо это было отъ него также отнято и отдано тестю гетмана, Марку, простому казаку, человѣку нигдѣ неслужившему, по смерти котораго оно поступило во владѣніе самой Настасьи Марковны. Братъ этой послѣдней, Иванъ Марковичъ, хотя и былъ «при противной сторонѣ его царскаго величества», но это нисколько не помѣшало ему получить полковое судейство въ прилуцкомъ полку и двѣ маестности, которыми, послѣ его смерти, владѣла его бездѣтная вдова. А зять гетманши (швадерь) Ксендзеровскій, бывшій при Мазепѣ «за упоеваго», чѣмъ-то въ родѣ спальника, и возвратившійся уже послѣ полтавской баталіи (значитъ, послѣ Андрея Горленка), также получилъ отъ гетмана одну маестность, — т.-е., получилъ за частную службу у лица, считавшагося государственнымъ преступникомъ. Но кромѣ названныхъ частей имѣнія Горленовъ, лично принадлежавшихъ Дмитрію и Андрею, измѣннику и «подозрительному», гетманъ Скоропадскій наложилъ свою руку на весьма крупную часть имѣнія Лазаря Горленка, именно на село *Ольшаное*, съ принадлежащими къ нему всякаго рода угодьями; въ этомъ селѣ было 210 дворовъ, двѣ мельницы, пруды, лѣсъ и вокругъ обширныя земли. Село это, по смерти Евфросиніи, въ 1713-мъ году, Скоропадскій отдалъ фельдмаршалу Шереметеву, по смерти котораго оно перешло къ его наслѣдникамъ. Кромѣ Ольшаного, былъ еще у Лазаря хуторъ *Колтуновскій*, съ принадлежавшимъ ему большимъ лѣсомъ, называемымъ *Костенскимъ*; этотъ хуторъ и лѣсъ Скоропадскій отдалъ Харлампіевой пустынѣ, иначе называемой Гамалѣевскимъ монастыремъ. Итакъ, кромѣ одного имѣнія Дмитрія Горленка,

¹⁾ Родою сербу-черногорцу, оказавшему. выѣстъ съ братомъ своимъ Михайломъ, большія услуги Петру въ войнѣ съ Турціей, въ 1711 году. Замѣчательно, что на это село, подаренное прежде Горленкѣ, есть гетманскій универсалъ, данный 2-го сентября 1715 года Милорадовичу, и высочайшая грамота, отъ 7-го іюля 1718 г., подтверждающая этотъ даръ.

отчужденнаго гетманскимъ универсаломъ, именно Калюжинцовъ, отданныхъ Гаврилу Милорадовичу, остальные взяты у нихъ насильственно, безъ вѣдома государя.

Живя въ Москвѣ, Дмитрій Горлепко былъ свидѣтелемъ, хотя и заочнымъ, великихъ перемѣнъ, происходившихъ на его родинѣ; живя въ незнакомомъ городѣ, въ чуждой ему средѣ, онъ долженъ былъ тѣмъ болѣе чувствовать себя отшельникомъ, жильцомъ другого, вымирающаго міра: такъ все измѣнялось въ Малороссіи, такъ «преславная полтавская викторія» верхъ дномъ, перевертывала старый порядокъ этой страны, который долженъ былъ теперь слагаться по другому типу. Въ 1718-мъ году гетманъ Скоропадскій *долженъ* былъ отдать дочь свою Ульяну замужъ за «москаля», П. П. Толстаго, сына царскаго любимца, и — этотъ «москаль» получаетъ Нѣжинскій полекъ. Въ 1720-мъ году, ясновельможный гетманъ, какъ школьникъ, получаетъ строгій выговоръ за то, что не умѣетъ управлять своей собственной канцеляріей, не умѣетъ управлять людьми, — и вотъ является необходимость приставить къ нему не одного дядьку, а многихъ. Учреждается сначала войсковая канцелярія, почти независимая отъ гетмана, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго писаря; въ слѣдующемъ (1721-мъ) году основывается судебная канцелярія, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго судьи; въ малороссійскіе города посылаются комендантѣми офицеры; потомки «лыцарей», дѣйствительно славныхъ, доблестно бившихся за независимость южной Россіи, малороссійскіе казаки посылаются теперь на унизительныя работы, какъ построеніе кievской крѣпости и прорытіе Лажожскаго и Волго-Донскаго канала, гдѣ они гибнутъ тысячами. Наконецъ, въ слѣдующемъ году (1722-мъ) учреждается малороссійская коллегія, состоящая изъ 7 лицъ, т.-е. упраздняется всякое реальное значеніе гетмана, и Малороссія берется изъ вѣдѣнія Иностранной Коллегіи и подчиняется сенату, т.-е. приравливается къ обыкновенной провинціи ново-созданной имперіи. При всемъ этомъ, при этихъ коренныхъ измѣненіяхъ, старымъ гетманскимъ договорамъ придается лишь археологическое значеніе или толкованіе, благопріятствующее задуманнымъ перемѣнамъ. По смерти Скоропадскаго, до вступленія на престолъ императора Петра II, ничего не измѣняется въ этомъ новомъ порядкѣ: онъ развивается прогрессивно, вытѣсняя старую жизнь, прежнія казацкія «вольности» и попытка ихъ восстановленія не какимъ-нибудь подпольнымъ, а совершенно законнымъ путемъ, въ формѣ всеподданнѣйшей просьбы, оканчивается самымъ плачевнымъ образомъ, какъ это обнаружилось

на примѣръ Полуботка, умершаго въ Петропавловской крѣпости.

Учреждая Малороссійскую Коллегію, Петръ Великій мотивировалъ это учрежденіе прежде всего соболѣзнованіемъ къ своимъ подданнымъ, малороссійскому народу, желая, чтобы «каждому, по ихъ дѣламъ, во всемъ судъ былъ праведной и безпродолжительный». Въ инструкціи, данной бригадиру Вельяминову, предсѣдателю этой коллегіи, императоръ говоритъ, что въ генеральныхъ малороссійскихъ судахъ «чинятца, ради взятокъ и великихъ накладовъ, многія неправды, отчего *бѣдные казаки и съ правдою обвинены бывають*»; что полковники грабятъ какъ казаковъ, такъ и посполитыхъ, отнимая у нихъ грунты, лѣса, мельницы, удручая ихъ работами на себя и принуждая ихъ идти къ себѣ въ подданство. Еще рѣзче выражается манифестъ императрицы Екатерины I, отъ 8-го февраля 1725-го года, о положеніи суда и администраціи въ Малороссіи (Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4651, стр. 414 — 417). Въ этомъ манифестѣ, освобождавшемъ изъ крѣпостнаго заключенія товарищей Плуботка, домогавшихся возвращенія старины, императрица рассказываетъ о причинахъ, заставшихъ ея предшественника учредить малороссійскую коллегію. «Генеральная старшина, полковники и прочіе чинятъ малороссійскому *народу подлому* (простому) тяжкія обиды, поборами, работами, въ неправыхъ судахъ долговременною волокитою, и что неудовольствуясь такими тягостями, *подлому народу* чинимыми, дерзали и самыхъ разстрowychъ казаковъ похищать себѣ въ пахатныхъ мужиковъ, раздавая имъ вино и прочія домовныя вещи, а съ нихъ за то «сбирая цѣну по своему произволу». Но, несмотря на вѣнательство коллегіи въ судебную часть, продолжастъ манифестъ, генеральная старшина и нѣкоторые полковники, «не престаѣя отъ прежняго своего обыклаго сквернаго лакомства», посылали отъ себя универсалы, «повелѣвая полковой старшинѣ малороссійскій подлый народъ», ежели онъ сдѣлаетъ что-нибудь противное своимъ владѣльцамъ, «тѣхъ вязать и въ тюрьмы брать и вещадно публично карать». Къ числу такихъ «лакомовъ», по словамъ манифеста, принадлежалъ Полуботокъ и его товарищи (Чернышъ и Савичъ), конечною цѣлію которыхъ было собственное обогащеніе, основанное на обидахъ и разореніи «подлаго» малороссійскаго народа. Само собою разумѣется, что въ этихъ словахъ слышится пристрастный, обвиняющій голосъ, голосъ *одной* стороны, противъ которой являлись жалобы не менѣе справедливыя на нарушеніе *старыхъ* вольностей, на административный произволъ, на московскія взятки и волокиту, на такихъ грубыхъ пра-

вѣтеръ, какимъ былъ Вельяминовъ, и пр. Въ глазахъ однихъ, такіе люди, какъ Полуботокъ, выставляются героями, а съ другой точки зрѣнія, эти же люди являются лишь себялюбцами, прикрасителями народа.

Какъ бы то ни было, но Дмитрію Горленкѣ, проживавшему въ Москвѣ, приходилось много не только видѣть, но и слышать: вмѣсто *старыхъ* «лыцарскихъ», шляхетскихъ вольностей, заговорили о бѣдныхъ казакахъ, о подломъ народѣ, о крестьянахъ. Прежде этого не приходилось слышать... Казацкія вольности погибали, а народная громада, прежде столь чуткая, хотъ бы шевельнулась, видя крушеніе старыхъ порядковъ! Не легко было жить старому человѣку; но судьба приготовила ему нѣкоторое утѣшеніе. Съ паденіемъ Меншикова, смотрѣвшаго на Малороссію глазами Петра, хотя никогда не забывавшаго о собственномъ кармапѣ, обнаруживается рѣзкій поворотъ къ старому: уничтожается малороссійская коллегія, Малороссія попрежнему передается въ вѣдѣніе Иностранной Коллегіи и дозволяется избраніе гетмана. Въ сентябрѣ 1727-го года, въ Глуховѣ, былъ избранъ вольными голосами гетманомъ всей Малороссіи престарѣлый, почти 70-ти-лѣтній миргородскій полковникъ Даниилъ Апостолъ, тестъ Андрея Горленка, отецъ его жены Марьи Давыловны; другая дочь Апостола была за Василиемъ Кочубеемъ, сыномъ пострадавшаго за Мазепу. Но при «боку» новаго гетмана, въ качествѣ его совѣтника и управителя имѣніями, отобранными въ казну, по Петровскому примѣру, опредѣлили резидентомъ тайнаго совѣтника Ѳ. В. Наумова. Ближайшіе родные гетмана, конечно, прежде всего должны были повыситься: братъ его Павелъ сталъ миргородскимъ полковникомъ, зять Кочубей — полтавскимъ, зять, Андрей Горленко, — бунчуковымъ товарищемъ, должность въ родѣ адъютантской, т.-е. состояніе при особѣ гетмана для исполненія разныхъ его порученій.

Тотчасъ же по возвышеніи тестя, Андрей Горленко началъ процессъ съ Настасьей Марковной Скоропадской, еще здравствовавшей и состоявшей ктиторшей Харлампіевского или Гамалѣвскаго монастыря. Просьбы писались на имя тайнаго совѣтника Наумова, и въ нихъ противозаконное отобраніе имѣній приписывалось единственно «гоненію и злобству» панни Скоропадской. Новый гетманъ, естественно, не могъ оставаться младнокровнымъ въ этому дѣлу.

Настасья Марковна встрѣтила искъ Андрея слѣдующими опроверженіями: 1) что имѣнія Горленокъ, какъ «измѣненные», по высочайшему указу, остались въ полной диспозиціи ся мужа, гетмана, что часть ихъ онъ роздалъ многимъ великороссійскимъ

высокимъ персонамъ и малороссійскимъ, за ихъ вѣрныя службы, тотчасъ же послѣ измѣны Мазепы, а остальные оставилъ при своемъ домѣ; 2) что Андрей Горленко привезъ изъ Воронежа не царскій указъ, а «инстальціальное письмо свѣтлѣйшаго князя, т.-е. прошеніе», вслѣдствіе котораго покойный гетманъ, «изъ одной своей милости», а не по приказанію, отдалъ ему всѣ пять селъ на время, «понеже ему тогда зъ домашними своими не было гдѣ дѣтися»; 3) что потомъ, на основаніи новаго высочайшаго указа, запрещавшаго владѣть маестностями всѣмъ «подозрительнымъ» людямъ, гетманъ Скоропадскій, ея мужъ, считая безспорно таковымъ Андрея, поспѣшилъ отобрать отъ него 4 села, «а ему, Андрею Горленку, милосердствуя, для пропитанія», оставилъ во владѣніе село Ярошовку; 4) рассказываетъ уже извѣстное намъ приписаніе Вечорокъ, Бѣлошапокъ, Сергѣевки и Яблуновицы къ Гамалѣвскому монастырю; 5) что въ 1722-мъ году, по высочайшему указу, объявленному правительствующимъ сенатомъ, велѣно было отдать село Вечорки, въ числѣ другихъ измѣнничихъ, генералу фонъ-Вейсбаху, командовавшему войсками, расположенными въ Малороссіи, которымъ онъ и завладѣлъ; 6) что въ 1725-мъ году, вслѣдствіе прошенія Настасьи Марковны, Вечорки, по-высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины, были отобраны отъ Вейсбаха и возвращены, по прежнему, монастырю; 7) что Вечорки, умозаключаетъ бывшая гетманша, не могли бы быть отданы фонъ-Вейсбаху, еслибы это село не было «измѣнничьимъ», а возвращеніе его монастырю служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ правильности и законности распоряженій гетмана Скоропадскаго, по отношенію къ имѣніямъ истца. «Тими вишепрописанными селами, говорить мужеподобная гетманша («вдовствующая гетмановая», — какъ она подписалась), я не владѣю, но только опе, яко ктиторка и создательница того монастыря, въ своемъ имѣію надзираніи, а зъ тихъ онихъ селъ приходомъ якъ стариць пищами, одеждами и протчими ихъ нуждами снабдѣваю; такъ оставшіяся по мужу моему недоконченный помянутій монастырь, таковъ и церковь каменную, неоконченную, по его завѣту, кончу и въ совершенство привожу; ибо онъ, покойный сожителъ мой, въ Харлампіевскомъ монастырѣ положилъ брѣнное свое тѣло».

Этотъ процессъ окончился полнымъ торжествомъ Андрея Горленки: гетманъ Апостолъ отобралъ отъ монастыря не только спорныя имѣнія, но и Марчишину Буду, Мутинь и др., принадлежавшія Скоропадскому, и приписалъ ихъ къ своему дому. По смерти Апостола, отобранныя, собственно Скоропадскія, имѣнія монастырю не возвращались до 1741-го года, до времени

прошенія Гамалѣвскаго архимандрита о помощи у цесаревны Елисаветы. Не знаемъ, были ли въ числѣ этихъ невозвращенныхъ села, оспариваемыя Андреемъ Горленкой; знаемъ только, что въ числѣ оставшихся помѣстій, по смерти его отца, четырехъ, не разъ упоминаемыхъ, сель не было, хотя онъ и могли числиться за его сыномъ, Андреемъ. Но съ другой стороны намъ извѣстно, что даже третье поколѣніе Горленокъ, дѣти Андрея, не перестаютъ хлопотать о возвращеніи своихъ вотчинъ, напр., Ольшанаго, а извѣстная набожность Елизаветы Петровны заставляетъ предполагать, что просьба Гамалѣвскаго архимандрита едва ли могла быть оставлена ею безъ вниманія, тѣмъ болѣе по вступленіи ея на престолъ.

Конечно, нѣтъ надобности распространяться объ отношеніяхъ гетмана Апостола къ своему зятю, но слѣдующее его письмо, тѣмъ не менѣе, не лишено интереса въ нравоописательномъ отношеніи:

«Милій нашъ сынъ, пане Андрей Горленко!

«Въ писмѣ своемъ, отъ 30-го іюня къ намъ писанномъ, просишь, ваша милость, дабы мы папа Чуйкевича, бунчуковаго товарища, послали въ Прилуку, для учипенія розиску о деньгахъ отца вашего на прилучапахъ за селѣтру, ними жъ растраченную, зависающихъ. Пре то объявляемъ, ижь папа Чуйкевича послать нинѣ на розискъ не можемъ; попеже оцъ, по указу пашему, въ дѣла занять, а панове бунчуковіе такожь до походу приготавлиются. И того ради, мѣешъ, в. м., зъ опимъ розискомъ дождать. А Гроту, лѣкарю, по требованію в. м., якъ скоро прїѣдетъ зъ Воронѣжа, поѣхать до васъ прикажемъ. Зъ Глухова, іюля 11-го 1729-го року.

«В. м-ти зичливій отецъ,
его императорскаго величества войска запорожскаго
обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ

Данило Апостолъ.»

Надпись на конвертѣ: «Милому сыновѣ нашему, пану Андрею Горленку, бунчукову товарищевъ».

Насталъ конецъ и страданіямъ Дмитрія Лазаревича: съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны, знаменитый изгнанникъ получилъ свободу и дозволеніе возвратиться на родину, куда онъ прибылъ, кажется, одинъ, ибо въ слѣдующемъ году дочь свою, Агаею Дмитріевну Бутовичъ, онъ называетъ уже вдовою. Древнимъ старикомъ вернулся Горленко на давно покинутую родину. Во время 16-ти-лѣтняго его отсутствія, жена его, которую онъ называетъ въ своемъ завѣщаніи «Марією Голубовною», жила себѣ хуторянкой, одна съ своими

дочерями-дѣвицами въ хуторѣ Чернявщинѣ, при которомъ находился лѣсъ («гай») и сады; Андрей Дмитріевичъ жилъ съ своею семьею особо, на своихъ грунтахъ. Кромѣ этого хутора, она владѣла слѣдующими грунтами: 1) «отеческимъ» хуторомъ Бѣлявиной; 2) млиномъ Ворониковскимъ, у прилудской гребли, о трехъ колахъ; 3) другимъ млиномъ Полонскимъ, на удаю, о трехъ же колахъ; 4) лѣсомъ близъ Полонокъ; 5) гаемъ въ селѣ Петровкѣ; 6) лѣсомъ Мяловскимъ, лежащимъ «за Бчолками»; 7) тремя гаями, лежащими въ разныхъ мѣстахъ; 8) сѣножатю подь Будами; 9) хуторомъ Верхнигорскимъ съ млиномъ, на рѣкѣ Ичанцѣ, о трехъ колахъ, съ винокурней, солодовней, съ садомъ, съ пахатными полями, гаями и сѣнными покосами. Живя на этихъ грунтахъ, старая «малженка» (жена) пана Дмитрія кормила его въ Москвѣ «провіантомъ, зъ дому присилающимъ», такъ какъ казенныхъ 10-ти копѣекъ въ день далеко не хватало, и повывдала въ замужество («видаючи въ станъ мальженскій») своихъ дочерей-дѣвицъ (двухъ или болѣе, — имена ихъ неизвѣстны). Но доходовъ съ грунтовъ не достало на покрытіе всѣхъ этихъ издержекъ; поэтому Марья Голубовна задолжала весьма значительную, по тогдашнему времени, сумму 3,550 золотыхъ, изъ которыхъ тысячу золотыхъ ей далъ въ займы Густыньскій монастырь, — обстоятельство, свидѣтельствующее о близкихъ отношеніяхъ къ этому монастырю Горленокъ. Въ этомъ монастырѣ, конечно, еще до 1708-го года, Дмитрій Лазаревичъ построилъ двѣ церкви, Петра и Павла и св. Николая на воротахъ; здѣсь же онъ завѣщалъ похоронить свое «смрадное тѣло». Душевное его состояніе, по возвращеніи на родину, выразилось вполне въ духовномъ завѣщаніи, проникнутомъ теплымъ религіознымъ чувствомъ и нѣжною заботливостью о своей паннѣ мальжонкѣ, столь много заботившейся во время его «московскаго арешту».

Послѣ обычнаго «Во имя Отца», Д. Л. Горленко пишетъ:

«Неусипное всегда всякому, во временной жизни сущу, челоуѣку подобаетъ имѣти око, если хошетъ, даби непроходимій часъ смерти не постигъ его неготова. Остерегаеть пастъ въ томъ и учить Самъ, рекій о себѣ: «Азъ есмь смерть и животь». Черезъ сокровенныхъ зрителя Тайнъ своихъ, Іоанпа Богослова, Христось Господь глаголя: «Буди бдѣй; аще бо не будеши, приду на тя, яко тать; и не увѣси въ кій часъ приду на тя!» Сего ради и я, не такъ глубокою многихъ лѣтъ старостію, яко тяжкимъ многихъ трудовъ и влопоготовъ претрудненій бременемъ, имѣючи на доброй и свѣжой безвѣстной смерти часъ памяти, и желаючи того, — да смерть, абы тать, спящи ми сномъ»

небреженія, не подкопаетъ хранилища тѣла моего и не похититъ внезапно сокровища живота моего; бодрость мою и безсонное бѣднѣе симъ требующему, вѣдати предъавляю. Егда хотя тѣломъ слабосилень, разомомъ еднакъ и умисломъ всецѣло, по милости Творца моего, здравъ; имѣнію, мнѣ отъ Него данному, таковую, симъ крайней волѣ моей testamentомъ, чиню репартицію:

«Душу мою грѣшную въ руки Его безконечнаго вручаю милосердія, въ несумѣнною моля вѣрою, да, по своей велицей милости и по множеству щедротъ своихъ, помилуешь и царствія своего небеснаго сотворишь наслѣдницею! Тѣло же, яко отъ землѣ составленное, да землѣ предастся, обычнымъ хрестіянскимъ обрядкомъ, въ обители святой Густинской, при гробахъ родителей моихъ,—жена и потомки мои должны имѣти попеченіе. На сорокоуское же мене грѣшнаго поминаніе до церквей Божіихъ и обителей святыхъ имѣть датися мое опредѣленіе, яко въ особливомъ реестру. есть здѣ выражено нижей. Прочее же собранія моего имѣніе такъ диспону ю симъ объявленіемъ».

«Первородному» сыну своему Андрею, Дмитрій Лазаревичъ отдавалъ тѣ грунты, «якіе отъ раздачи разнымъ особамъ остались» и которыми онъ владѣлъ по возвращеніи отца изъ «московскаго арешта». Себѣ до смерти и женѣ своей, послѣ его смерти, завѣщатель оставлялъ тѣ грунты, которыми распоряжалась послѣдняя и «до которыхъ грунтовъ сподъ арешту московскаго милостивымъ указомъ ея и-го в-ва» въ домъ свой онъ былъ отпущенъ. Эти грунты, еще проживая въ Москвѣ, Дмитрій Лазаревичъ думалъ отдать въ полную собственность своей «панѣ мальжопцѣ», разсчитывая доходами съ нихъ уплатить накопившіеся долги. «А хто бы, продолжаетъ завѣщатель, съ потомковъ нашихъ, а хотя и съ постороннихъ людей мѣлъ при ей старости, до кончины житія ей досмотрѣти и достойную материнскую честь, пошاپоване и всякое послушенство отдавати и кости ея хрестіянскимъ обрядкомъ землѣ предати и за души наши имѣти мѣть старане о роздачѣ на сорокоустахъ въ милостиню и проч., также и долги наши, если бы мѣли якіе по смерти нашей останиса, уплатить; тому мѣетъ волю, по смерти своей, у вѣчное отдати владѣніе». На основаніи этого пункта, Андрей и Пахомій могли брать и не брать материнской части, а также имѣли «моцъ и волю» продать ее постороннимъ людямъ и вырученною суммой уплатить родительскіе долги, на монастыри, церкви и разнымъ лицамъ. Движимое имѣніе, «такъ въ бѣдла, яко и иныхъ господарскихъ рѣчній», послѣ смерти Марьи Голубовны, завѣщатель приказываетъ продать, а полученныя деньги подѣлить на четыре части такимъ образомъ: двѣ

части отдать Пахомію, одну—«дщерѣ нашей удивляющей Агафѣи Бутовичевой», и одну—«дщерѣ нашей паннѣ Анастасіи, инокинѣ, въ обитель Ладинской пресбывающей». Остальныя дочери («и»)не пайменьшія дщери наши») должны были довольствоваться тѣмъ приданымъ, которое получили отъ матери. Душеприказчиками завѣщатель оставлялъ слѣдующихъ лицъ: «Его милость пана Якова Лизогуба, обознаго енералнаго, яко коленагата и благодѣтеля нашего, велце прошу, дабы, по мнѣ, жены моей, а своей тютюшки, не изволилъ чуждо оставити, и въ свою протекцію и оборону благоизволилъ принять»; а также: племянниковъ своихъ Якима Горленка, хорунжаго генеральнаго, и Павла Раковича, и прилуцкаго протопопа, о. Игнатія Лисаневича, «дабы доколь панѣ малжонка моя въ живыхъ обрѣтати мѣлася, отъ ненавидящихъ, обидящихъ и укривающихъ ея имѣлы свое заступленіе» и старались бы о точномъ исполненіи завѣщанія и чтобы о всѣхъ нуждахъ жены завѣщателя, совмѣстно съ сыномъ его Андреемъ, доносили ясновельможному пану гетману, «котораго и я о его регментарскую оборону покорственно прошу». По реестру, приложенному къ завѣщанію, требовалось, на поминъ души и на погребеніе, 1,480 золотыхъ, распределенныхъ такихъ образомъ:

1) На св. Печерскую обитель	1000	золот.
2) На Густыньскій монастырь	100	—
3) На Ладинскій дѣвичій монастырь	100	—
4) На 5 церквей, (кажется) прилуцкихъ	100	—
5) На раздачу милостыни нищимъ	50	—
6) На погребеніе	100	—
7) Отцу духовному	30	—

Та же сумма опредѣлялась и на погребеніе вдовы завѣщателя. Все, что остается отъ этихъ 2,960 золотыхъ,—деньги или грунты,—принадлежитъ Андрею и его потомкамъ. Завѣщаніе составлено въ Прилуцѣ, 10-го августа 1731-го года.

Такъ прощался старый казакъ съ жизнью, такъ оканчивалась эта бурная жизнь, вся ушедшая на жертву для старыхъ малороссійскихъ порядковъ, старой казацкой воли. Тяжки были его «претрудненія», но бесплодны и запоздалы. Вѣкомъ раньше,—онъ и Мазепа, могло статься, были бы героями; но въ началѣ XVIII столѣтія и современники, и потомство, называли ихъ «измѣнниками», людьми, своекорыстно нарушившими естественный, историческій ходъ народной малорусской жизни. «Старая казацкая воля», старая казацкая слава, что «по всему степу дыбомъ стала», выражаясь словами народнаго эпоса, могли существовать тогда лишь, когда было для нихъ питаніе, — войны съ невѣр-

ными, турками и татарами, защита и спасеніе русскаго юга отъ погложенія его Польшей. Но затѣмъ, когда удалось отстоять свою самостоятельность, когда стала мельчать борьба съ невѣрными, казачья слава, естественно, должна была становиться анахронизмомъ, переходить въ область эпоса и только въ немъ быть окруженною поэтическимъ ореоломъ, въ дѣйствительности же обращаясь, или долженствуя обратиться, въ разбой, какъ обращалась она вездѣ на русскихъ окраинахъ, гдѣ казачество стояло живою стѣною, защищавшею Русь отъ азіатскихъ кочевниковъ.

Въ Малороссіи, гдѣ задачи казачества были шире и роль несравненно значительнѣе, чѣмъ на Дону, Волгѣ и Уралѣ, въ началѣ прошлаго вѣка, при Петрѣ Великомъ, отъ прежней славной дѣятельности, отъ старой казацкой воли въ дѣйствительности оставалась устарѣлая, на военный ладъ построенная община, въ которой аристократія, «старшина», высшее военное сословіе рѣзко отдѣляется отъ народа и, любя «волю» для себя, не признаетъ ее необходимой для простаго народа, котораго начинаетъ давить и поработать задолго до введенія крѣпостного права. Кромѣ русской народности и православія, въ малороссійской военной общинѣ не выработалось ничего оригинальнаго, своего: всѣ зачатки гражданской жизни, всѣ формы ея были въ ней польскія. Самостоятельное существованіе было немислимо: приходилось быть или Польшей, или Москвою. Но Польшей не захотѣли быть еще отцы и дѣды современниковъ Мазепы и Горленка. Перейти къ Польшѣ значило повторять зады, отказаться отъ славнаго прошлаго, ибо Польша, забравъ себѣ почти $\frac{2}{3}$ русскихъ земель, не перестала быть Польшей, не сдѣлалась западною Россіей, какъ нѣкогда сдѣлалась ею Литва; что же оставалось дѣлать? Правда, дѣло сдѣлано, и давно, еще Хмѣльницкимъ; но Москва, московскіе порядки, московскій деспотизмъ, московская грубость... Несомнѣнно, еще до Мазепы и Горленка съ товарищи, многіе изъ малороссіянъ, безъ всякой мысли объ измѣнѣ, не разъ и серьезно думали и передумывали объ этомъ, вздыхали и поминали прошлое.... Но вотъ появился гениальный человекъ и прошелъ по всей Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, прошелъ своею особою, съ другими «москалями». Только старые, отпѣтые люди, въ родѣ Мазепы, Горленокъ и Ломиковскихъ, не могли въ немъ видѣть *новаго русскаго человека*, ка-кихъ не давала прежняя Москва, но съ какими легко можно было ужиться и малоруссамъ, вкусившимъ, въ высшихъ своихъ слояхъ, черезъ посредство Польши, европейскую гражданственность; вмѣсто Москвы создавалась новая Россія, вмѣсто москалей появлялся новый народъ, русскій, чуждый мѣстной и этно-

графической узкости. Если старый Горленко, 16 лѣтъ проживая въ Москвѣ, понялъ это великое историческое явленіе, совершавшееся передъ его глазами, тѣмъ было для него хуже, тѣмъ скорѣе онъ долженъ былъ желать покоя смерти. Намъ невѣстно, когда онъ сложилъ свои старыя кости въ оградѣ Густынскаго монастыря и пережилъ ли своего свата, гетмана Апостола, умершаго въ 1734 году; несомнѣнно одно, что ему нечего было тревожиться за судьбу сына.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ Дмитрій Горленко, былъ сынъ его Андрей Дмитриевичъ. Онъ участвовалъ въ Полтавской битвѣ; онъ близко видѣлъ Петра В.; онъ хорошо узналъ «москалей», центральную, Великую Россію. Нрава, должно быть, онъ былъ мягкаго, о чемъ можно судить по его официальнымъ жалобамъ на гоненія и обиды гетманши Скоропадской, которая тѣснила его до самаго гетманства Апостола; самую близость своею къ гетману - тестю онъ воспользовался только въ имущественномъ, владѣльческомъ отношеніи, какъ помѣщикъ, а не въ служебномъ, какъ казакъ: далѣе бунчуковаго товарища, должности слишкомъ неопредѣленной и неважной, онъ не пошелъ, потому, конечно, что не желалъ, что его утомили тревоги прежнихъ лѣтъ; словомъ, онъ былъ первообразомъ позднѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ - хуторянъ. Въ послѣдній разъ на служебномъ поприщѣ мы его видимъ въ 1742 г., въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ Малороссіею къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ поздравленіемъ, по случаю вступленія ея на престолъ. Въ это время онъ былъ уже чловѣкъ не молодой: ему было не менѣе 55 ти лѣтъ, или около того; ибо въ 1705 году у него уже былъ сынъ Акимъ; другой сынъ, Андрей, родился въ годъ Полтавской битвы, или нѣсколько ранѣе. Если еще не все было возвращено Андрею изъ отцовскаго и дѣдовскаго наслѣдства, то все же ему было чѣмъ жить и не было надобности волноваться, привыкая къ новому порядку, смиряясь передъ нимъ, какъ передъ совершившимся фактомъ. Время дѣлало свое.

Сближеніе, сліяніе Малой Россіи съ Великою шло быстрыми шагами. Оно пошло тѣмъ быстрѣе, когда простой казакъ Розумъ, подъ именемъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, сдѣлался первымъ лицомъ при императрицѣ Елизаветѣ. Андрей Дмитриевичъ былъ очевидцемъ такой метаморфозы и не совсѣмъ чуждъ ея, по своимъ и сына своего Андрея отношеніямъ къ Разумовскому; Елизавета Петровна, будучи еще цесаревной, знала лично и благоволила къ Андрею Андреевичу, какъ это доказываетъ ея письмо къ нему, приводимое Маркевичемъ въ его «Историю Малороссіи» (Т. II, стр. 631). Старый эмигрантъ, Дмитрій

Горленко не могъ и мечтать о такихъ отношеніяхъ дочери грознаго царя къ его ближайшему потомству, о такихъ быстрыхъ переи́нгахъ, совершавшихся на его родинѣ. Но младшаго эмигранта, его сына, а тѣмъ болѣе внука, какъ очевидцевъ, онѣ мало удивляли: для нихъ, вся эта былая «казацкая воля» и «казацкая слава» стали пахнуть стариною, мельчать и тускнѣть; стало выгоднѣе быть русскимъ помѣщикомъ, чѣмъ казацкимъ старшиною: въ Петербургѣ стало больше свѣта и приманокъ, чѣмъ въ Кіевѣ и въ самой Варшавѣ. И вся эта метаморфоза совершилась въ какой-нибудь человѣческой вѣкъ, еще на вѣку Андрея Дмитріевича Горленка.

Быль іюль 1753-го года. Андрей Дмитріевичъ жилъ въ лѣсу подѣ Прилукой, въ небольшомъ домикѣ, совершенно одинъ; семья его оставалась въ Прилуцкѣ, куда онъ ѣздилъ только по праздникамъ. Сынъ его Андрей Андреевичъ жилъ съ своею семьею въ Полтавѣ, гдѣ онъ былъ полковникомъ (послѣднимъ). Не праздничный день, а ожиданіе важнаго гостя, архіерея, вызвало въ Прилуку Андрея Дмитріевича изъ его лѣсного уединенія. Старикъ (ему было тогда не менѣе, какъ подѣ 70 л.), опершись на трость, со всею семьею ждалъ на крыльцѣ важнаго гостя. Подѣехала карета, отворились дверцы... Долгъ и обычай времени требовали привѣтствовать владыку земнымъ поклономъ. Старый казакъ медлилъ, и, уронивъ, будто нечаянно, трость, нагнулся до земли, ее приподнимая; но пріѣхавшій преосвященный, обливаясь слезами, уже лежалъ у ногъ старца и поспѣшалъ поднять его съ земли: то былъ старшій сынъ Андрея Дмитріевича, Іоасафъ, епископъ Бѣлгородской!

Старшій сынъ Андрея Дмитріевича, Акимъ, отправленъ былъ своими родителями въ Кіевъ «для обученія словеснымъ наукамъ», еще въ раннемъ возрастѣ, должно быть во время возвращенія изъ Турціи его дѣда, или около того, еще лѣтъ десяти отъ роду. Какъ и гдѣ онъ учился, неизвѣстно; но, будучи только 16-ти лѣтъ, обнаружилъ склонность къ монашеской жизни, а 20-ти лѣтъ, т.е. въ 1725-мъ году, вопреки желанію родителей, сталъ монахомъ. Во время составленія завѣщанія дѣда, въ 1731-мъ году, Іоасафъ былъ уже іеродіакономъ въ Братскомъ монастырѣ и учителемъ академіи. Затѣмъ мы его видимъ игуменомъ Лубенскаго монастыря (до 1745-го года), настоятелемъ Троицко-Сергіевской лавры (до 1748) и, наконецъ, съ 1748-го года епископомъ Бѣлгородской епархіи. Странно одно, что дѣдъ, писавшій духовное завѣщаніе подѣ сильнымъ вліяніемъ религіознаго настроя, совсѣмъ о немъ не упоминаетъ, между тѣмъ, какъ съ

особенною любовью относится къ своему «воханому» сыну Пахомію, іеромонаху Печерскаго монастыря.

Итакъ, трое изъ Горленовъ, дѣдъ, сынъ и внукъ (Дмитрій Андрей и Андрей же, сынъ его) громко заявили о своемъ существованіи въ лѣтописяхъ малороссійской исторіи первой половины прошлаго вѣка, а трое другихъ (Пахомій, Іоасафъ и Анастасія) удалились подъ своды монастырскихъ храмовъ, которыми была усѣяна Малороссія и гдѣ они имѣли великое общественное значеніе. Изъ этихъ монастырей, отъ этихъ отшельниковъ-монаховъшло тогда примирающее слово съ событіями быстро текущей жизни, съ перемѣнами, переживаемыми Малороссіей; они уже не являлись представителями старыхъ казачьихъ интересовъ. Насколько встревожилъ современниковъ Дмитрій Горленко съ товарищи, настолько же сынъ, и особенно внукъ заботились объ умиротвореніи. Этотъ внукъ, епископъ въ великорусскомъ городѣ, своими дѣлами, безупречною своею жизнью приобрѣвшій громкую извѣстность по *всей* Россіи, примиряетъ съ суровою тѣнью дѣда; и теперь еще, по прошествіи 116-ти лѣтъ послѣ его смерти, его могила посѣщается ежегодно множествомъ людей, преимущественно изъ простого русскаго народа, между тѣмъ, какъ могила его дѣда остается {совсѣмъ забытая въ оградѣ Густынскаго монастыря.

Полтава.
Мартъ, 1872.

М. де-Пуле.

ДИЛЕТАНТЫ

РОМАНЪ

ПОЛОВИНА ПЕРВАЯ

СТРОИТЕЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

IX*).

Визитъ.

Изгоеву понравились Желѣзновцы. Его тронула ихъ готовность по первому слуху явиться на помощь къ совершенно незнакомому человѣку; они удивили и заинтересовали его своей простотой, веселостью и очевидно искреннимъ дружелюбіемъ взаимныхъ отношеній. «Есть же добрые люди!» повторялъ онъ себѣ нѣсколько разъ — и рѣшился выразить этимъ добрымъ людямъ свою благодарность посредствомъ личнаго появленія въ Желѣзновцы.

Полное одиночество, какъ извѣстно, очень быстро пріѣдается даже самому сердитому нелюдиму; а Евгеній Сергѣичъ — нелюдимъ еще не совсѣмъ сердитый — радъ былъ возможности поболтать съ веселыми и порядочными людьми. Поэтому ему стало даже досадно, когда и на второе утро послѣ посѣщенія Желѣзновцевъ,

*) См. выше: апр. 584 стр.

староста доложилъ, что Вакула еще не успѣлъ привести въ порядокъ какой-то допотопный тарантасъ, который былъ единственнымъ и послѣднимъ въ своемъ родѣ среди владѣній Изгоева.

Пойти пѣшкомъ не представлялось никакой возможности болѣзнь была слишкомъ серьезная, силы возвращались очень по немногу — и Евгенийъ Сергѣичъ долженъ былъ смириться передъ обстоятельствами.

Цѣлый день просидѣлъ онъ дома или въ саду.

Но къ вечеру, часовъ около шести, Изгоевъ почувствовалъ себя такъ хорошо, а вмѣстѣ съ тѣмъ тоскливое желаніе выдти изъ тѣсныхъ предѣловъ Марьинской усадьбы возрасло въ немъ до такой степени, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ рискнулъ отправиться въ сосѣдній Илиховскій лѣсъ.

— Не бѣда! думалось ему. Буду идти нога за ногу, и какъ-нибудь дотащусь.

Вышло однако очень худо.

Разстояніе было менѣе полуверсты. Но на послѣдней сотнѣ шаговъ Евгенийъ Сергѣичъ уже едва-едва волочилъ ноги, въ глазахъ у него позеленѣло и, добравшись до перваго дерева опушки, онъ почти безъ чувствъ рухнулъ на траву.

— Еще слабъ! очень хладнокровно самъ себѣ объяснилъ Изгоевъ; и затѣмъ съ любопытствомъ, даже съ нѣкоторымъ страннымъ удовольствіемъ сталъ наблюдать собственныя ощущенія.

— Какая дрожь въ ногахъ, заговорилъ онъ невольно. По всему тѣлу точно онѣмѣніе.... А въ головѣ-то!... Вотъ глупое чувство! Это презабавно....

И, закрывъ глаза, онъ улыбался съ какимъ-то удовольствіемъ.

— Евгенийъ Сергѣичъ! Что это вы дѣлаете? На сырой землѣ! вдругъ раздался испуганный возгласъ.

Софья Николаевна и Вѣра Александровна, гуляя по лѣсу, набрали на Изгоева и, всплеснувши руками, обѣ точно по командѣ, остановились передъ нимъ въ совершенномъ недоумѣніи.

Изгоевъ хотѣлъ вскочить, но пошатнулся и безъ сомнѣнія ударился бы головою объ дерево, еслибы Вѣра Александровна не успѣла поддержать его быстрымъ и невольнымъ движеніемъ.

— А вы-таки непременно хотите быть моею спасительницей! нашель онъ силу проговорить ей и ей улыбнуться.

— Послушайте, Евгенийъ Сергѣичъ, спросила Соня въ порывѣ досады: — вы парочно хотите умереть?

— Сохрани Богъ! Я обожаю нашъ прекрасный міръ не хуже любой институтки! — отшутился онъ слабымъ голосомъ, и сейчасъ

же прибавилъ серьезно:— Впрочемъ, пожалуйста, не думайте, что я хотя сколько-нибудь рискую: у меня здоровье желѣзное.

Соня только покачала головой.

— Ну, что теперь съ вами дѣлать? Гдѣ вашъ экипажъ?

— Я пѣшкомъ пришелъ.

— Пѣшкомъ!...

Евгеній Сергѣичъ слегка покраснѣлъ: передъ чужими людьми ему какъ-то совѣстно было своего неблагоразумія; его, словно школьника, сконфузило искреннее и глубокое удивленіе дѣвушекъ.

— Я чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, а экипажа не было, поспѣшилъ онъ оправдаться.

Соня только головой качала, а Вѣра Александровна смотрѣла на него во всѣ глаза, такъ что онъ даже принужденъ былъ потупиться передъ нею.

— Ну, какъ теперь быть? еще разъ спросила Софья Николаевна. Вѣра, бѣги скорѣе за дрожками и пріѣзжай сюда. Счастье, что мы сегодня на лошадахъ!

— Сейчасъ.

Изгоевъ, который съ трудомъ сохранялъ равновѣсіе, придерживаясь за дерево, пробормоталъ: — «Извините!» хотѣлъ опять опуститься на траву. Но Соня подбѣжала къ нему.

— Нѣтъ, этого нельзя! объявила она рѣшительнымъ тономъ. Позвольте, я васъ пока поддержу. Обоймите одной рукой березу.

— Софья Николаевна! Ради Бога!... сконфузился онъ.

— Пожалуйста, не церемоньтесь; теперь не до того.

— Можетъ быть, ваши братья...

— Оба въ Сыродольскѣ. Обоймите же березу.

Изгоевъ, видя, что онъ ставитъ дѣвушку еще болѣе въ затруднительное положеніе, принужденъ былъ повиноваться.

— Вы долго здѣсь лежали? спросила Соня.

— Нѣсколько минутъ...

— Позвольте однако, теперь я отдохнулъ и самъ могу держаться на ногахъ. Благодарю васъ!

— Это пустяки! Не церемоньтесь же, сдѣлайте милость. Я, слава Богу, далеко не изъ слабенькихъ.

Въ такомъ положеніи простояли они нѣсколько минутъ, пока Вѣра Александровна прилетѣла на дрожкахъ во весь карьеръ, Впрочемъ довольно скромный у смуровскихъ лошадей. Она еще едва переводила духъ и разгорѣлась послѣ скорого бѣга.

Изгоева усадили и повезли домой.

— Право, я и выразить не умѣю, какъ мнѣ досадно и совѣстно, началъ Изгоевъ.

— Да не извиняйтесь, пожалуйста!

— Тѣмъ болѣе, что мы только квити! Вѣдь и мнѣ было досадно и совѣстно, когда я затруднила васъ урокомъ французскаго языка, весело уязвила Вѣра Александровна.

— Ужъ не вспоминайте!...

Дѣвушки въ Марьянѣ сдали больного голубоглазому старостѣ, и покатали дальше. А Изгоевъ повалился на постель, совершенно измученный.

...У Евгенія Сергѣича было въ самомъ дѣлѣ желѣзное здоровье. Проспавши двѣнадцать часовъ сряду, онъ на другое утро почувствовалъ себя такимъ свѣжимъ и бодрымъ, что хотѣлъ сейчасъ вскочить — и въ поле.

Утреннее солнце, какъ нарочно, цѣлымъ потокомъ свѣта врывалось въ окна; весело начинался яркій, голосистый день... Изгоевъ открылъ глаза, оглянулся, и уже хотѣлъ-было скорѣе подниматься съ постели. Но тутъ вдругъ въ памяти его воскресла вчерашняя сцена въ лѣсу — и онъ съ улыбкой остановился надъ нею.

Живо и ярко представились ему каждое движеніе, каждый взглядъ обѣихъ дѣвушекъ; безъ ошибки могъ онъ повторить каждое ихъ слово... И эти воспоминанія совершенно взволновали Изгоева.

Онъ закрылъ глаза, чтобы яснѣе представить себѣ черты обѣихъ дѣвушекъ, безсвязно и почти безсознательно шепталъ какія-то слова, и съ наслажденіемъ уносился мечтами Богъ вѣсть куда....

— Господи! улыбнулся онъ мысленно. Человѣкъ всегда человѣкъ.... Вѣдь вотъ, такъ и рвется куда-то сердце! Можетъ быть, я и буду счастливъ! Можетъ быть, я опять сдѣлаюсь простымъ, добрымъ человѣкомъ.... Счастье опять вернетъ мнѣ и силу, и надежду, и радость.... Можетъ быть, меня полюбятъ хоть изъ состраданія.... Я буду работать для нея; я буду на лету схватывать ея желанія; я лягу у ея ногъ, какъ вѣрная собака... Почему бы не попробовать? порывисто вскочилъ Изгоевъ.

— Куда! вдругъ осадилъ онъ себя съ нѣкоторой горечью. Куда опять занесся? И на старости лѣтъ все еще не разучился мечтать.... Развѣ я могу быть счастливъ? Развѣ есть у меня сила, чтобы жить и радоваться? Развѣ мертвое оживаетъ?... Еслибъ даже и удалось мнѣ пайти благородное сердце, горячую любовь, даже самоотверженіе — что изъ того? Кто мнѣ поручится, что послѣ первыхъ дней то бѣшеннаго, то робкаго и недоумѣваю-

пато счастья — то-есть, послѣ первыхъ дней горячечнаго забытыя — не появится усталость, тупое уныніе, и даже.... какъ бы сказать?... непріятное *arrière-goût* этого самаго счастья. Душъ, на минуту возбужденный энергическимъ средствомъ, обезсиѣетъ затѣмъ еще болѣе, и, въ состояніи полного изнеможенія, даже воспоминаніе о недавней тревогѣ и дѣятельности будетъ ему противно. А тутъ еще подъ бокомъ существо озадаченное, испуганное, робко пускающее въ ходъ разныя уловки невиннаго кокетства, которое вчера еще такъ хорошо удавалось, наивно спрашивающее у себя, въ чемъ дѣло, чѣмъ оно провинилось, и наконецъ — глубоко несчастное. Конечно, почему не сдѣлать подлость — въ этомъ отношеніи я ужъ давно махнулъ рукой — но погубить беззащитное и, можетъ быть, очень доброе созданіе безъ всякой пользы для себя, такъ себѣ, ради минутной прихоти, да еще потомъ постоянно видѣть его подлѣ себя, видѣть, какъ оно мучается, какъ задыхается подъ гнетомъ нежданной бѣды — это ужъ непріятно, глупо, невыносимо.... И наконецъ, въ сущности, какая женщина была бы мнѣ подъ стать? Къ одной изъ толпы я могу относиться только съ тою же презрительной добротой, съ какою вообще отношусь къ людямъ — съ холодной свисходительностью человѣка, который и самъ-то себя давно презираетъ. Если же мнѣ встрѣтится исключеніе, идеаль, святая, если, чуждая узенькихъ симпатій и антипатій человѣка, презирая клѣточки и подраздѣленія законами предписанной морали, пойдетъ она своей дорогой, равно изливая свѣтъ любви на всѣхъ и на все, равно обнимая своихъ братьевъ, дурныхъ и хорошихъ, чистыхъ и преступныхъ, великихъ и ничтожныхъ, если, однимъ словомъ, осуществится безумный сонъ моего безумнаго воображенія — въ такомъ случаѣ я теперъ столько же способенъ полетѣть за этимъ орломъ, какъ и пѣтухъ со связанными крыльями.

— Глупая идея, но право презабавная! вдругъ криво усмѣхнулся Изгосвъ. Что, еслибы моя подруга жизни оказалась существомъ съ такими же точно понятіями, чувствами и соображеніями, какъ моя собственная особа? Вышло бы нѣчто удивительное — союзъ, какихъ, пожалуй, и не бывало! Съ первыхъ же дней медоваго мѣсяца мы бы, безъ всякаго сомнѣнія, счастливо повѣселись рядкомъ: я — нѣжно обнявши ее за талію, она — съ любовію прижавшись ко мнѣ.... Право, картина живописная! особенно если принять во вниманіе синія лица, высупутые языки и тускло окоченѣвшіе на выкатѣ глаза.

На горько-насмѣшливомъ лицѣ Изгоева появилось выраженіе усталости и скуки.

— Чортъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову! подумалъ онъ съ неудовольствіемъ. И что за глупая привычка: взять какую-нибудь нелѣпость въ основаніе, да потомъ и выводить по ней узоры всевозможныхъ невозможностей. Просто пошлость! И главное, надъ чѣмъ тутъ разсуждать? Нравятся мнѣ пока эти господа, веселѣе мнѣ съ ними, чѣмъ одному — ну, и слава Богу! Пользуйся, покуда можно.... А что тамъ выйдетъ — не все ли равно? *Минь-то* не все ли равно? Кажется, вѣдь только случая, толчка и не достааетъ. Терять нечего, жалѣть не о чемъ.... Глупости! Прочь!

— Марѳа!

Изгоевъ схватился за колокольчикъ.

— Подавай самоваръ. Да скажи Василию, чтобъ въ одиннадцать часамъ лошади были готовы.

...Старики Смуровы приняли Изгоева съ тѣмъ ласковымъ полуневниманіемъ, съ какимъ обыкновенно встрѣчаютъ гостей люди, совершенно вжившіеся въ извѣстный строй занятій и интересовъ. Старость и откровенное добродушіе позволяютъ имъ во многомъ уклоняться отъ требованій обычнаго этикета, а хлопоты по домашнему хозяйству, или раскладываніе пасьянсовъ, или заботливое воспитаніе любимыхъ канареекъ, или вообще что-нибудь подобное—давно уже сдѣлались для нихъ главнымъ интересомъ, вѣрнѣе сказать, главною забавой текущаго дня. Не промѣняють они этой забавы ни на самого любезнаго гостя, который только безъ пользы утомляетъ ихъ своей болтовней о *постороннемъ*, и съ которымъ все-таки приходится еще стѣснять себя до извѣстной степени. Притомъ же они знаютъ, что гость, собственно говоря, пріѣхалъ не къ нимъ. И потому пріемъ ихъ можно резюмировать такимъ образомъ: «А, здравствуйте! Вы къ нашимъ? Очень радъ, очень радъ! Не стѣсняйтесь, пожалуйста—проходите дальше».

Такимъ же образомъ приняли старики Смуровы и Евгенія Сергѣича.

Послѣ нѣсколькихъ ничего незначащихъ вопросовъ и отвѣтовъ въ гостинной, обѣ дѣвушки повели его въ садъ, и ужъ тамъ никто не мѣшалъ ихъ бесѣдѣ.

Бориса Николаича не было дома.

— Ну-съ, рыцарь печальнаго образа, такъ вы еще не умерли? начала Вѣра Александровна, быстро шагая по дорожкѣ.

— Какъ видите. Живъ, и наслаждаюсь жизнью.

— А ты, главное, не лети такъ скоро! замѣтила ей Соня, указывая глазами на Изгоева.

— Съ мыслями о самоубійствѣ простились?

— Извините, не имѣю чести знать ихъ. Я вообще стараюсь бывать только въ порядочномъ обществѣ.

— Худо стараетесь, о рыцарь! засмѣялась Вѣра Александровна. — И въ доказательство я сейчасъ же, одинъ за другимъ, сдѣлаю вамъ нѣсколько самыхъ непорядочныхъ вопросовъ.

— Жду.

— Во-первыхъ: вы, конечно, человѣкъ — глубоко несчастный?

— О, да! вздохнулъ Изгоевъ. — Я ни въ одну лотерею даже дюжины карандашей не выигралъ.

— У васъ высокія, но неудовлетворенныя стремленія?

— Хотѣлъ дослужиться по крайней мѣрѣ до оберъ-офицерства — хотъ до коллежскаго ассесора, что ли, и до ордена въ петлицу; а пришлось ретироваться титулярнымъ совѣтникомъ съ медалью за усмиреніе мятежа. Не удовлетворенъ.

— Вы, можетъ быть, потеряли все, что вамъ было дорого въ жизни?

— Дѣйствительно, потерялъ кошелькъ, данный мнѣ однимъ другомъ на память. Но въ кошелькъ оставалось только пятьдесятъ пять копѣекъ, а про друга я и такъ помню, что онъ — шутъ.

Вѣра Александровна презрительно выдвинула нижнюю губку.

— Какъ же вамъ послѣ этого не стыдно заболѣть такъ опасно и одиноко лежать потомъ безпомощно на сырой травѣ, выказывать сердитое презрѣніе къ жизни, и быть спасеннымъ двумя почти прелестными дѣвками? Ведете себя точно романическій герой — а сами просто титулярный совѣтникъ въ отставкѣ, и только добрыхъ людей понапрасну смущаете... Эхъ, право!

Софья Николаевна бросила строгій взглядъ на подругу.

— Видите! видите! воскликнула та съ торжествомъ. — Какими глазами на меня смотрятъ! А что я сдѣлала? Сошлюсь хоть на весь свѣтъ! Повторила только тѣ же самыя предположенія, о которыхъ Соня вчера цѣлый часъ толковала.... Какъ же лучше поступать: явно или потихоньку? Что нравственнѣе: откровенность или лицемеріе? Ну, рѣшите-ка мнѣ этотъ вопросъ!

— Всего лучше не быть слишкомъ любопытной, спокойнымъ тономъ замѣтила Софья Николаевна, — и подъ предлогомъ шутокъ не допрашивать каждаго новаго знакомаго всѣми правдами и неправдами, — чуть не съ ножомъ къ горлу.

— Вотъ тебѣ и разѣ! воскликнула Вѣра Александровна.

Изгоевъ не могъ воздержаться отъ улыбки, такъ наивно было это восклицаніе.

— Вотъ ловкая эта Сонька, такъ ловкая!... И я же осталась въ дурахъ.

— Со всѣми возырями въ рукахъ, барышня! замѣтилъ ея Изгоевъ.

Соня поспѣшила однако переимѣнить разговоръ, вѣроятно находя почву все еще довольно скользкою для своей особы.

— Позвольте васъ спросить, Евгений Сергѣичъ—начала она очень естественнымъ тономъ, но нѣсколько торопливо впадая въ рѣчь— не знаете ли вы моего другого брата въ Крутогорскѣ, Владиміра, который служитъ штатнымъ доцентомъ въ университетѣ.

— А, это вашъ братъ! Да, я конечно знаю его, какъ профессора, и кромѣ того имѣлъ случай встрѣчаться съ нимъ у знакомыхъ.... Но къ сожалѣнію, у меня вообще такъ мало общаго съ университетомъ, что сойтись поближе не представилось случая.

— А мнѣ казалось, что, какъ бывшій студентъ, и живя постоянно въ Крутогорскѣ, вы должны напротивъ хорошо знать все, что касается университета.

— Да я и дѣйствительно знаю. Только личныхъ знакомствъ съ профессорами или студентами у меня очень мало.

— Какъ же вы не постараетесь сойтись потѣснѣе съ профессорскимъ кружкомъ? вмѣшалась Вѣра Александровна. — Я думаю, для васъ это даже не трудно.

— А за чѣмъ сходиться?

— Вотъ вопросъ!... Какъ зачѣмъ, помилуйте! Да болѣе пріятнаго общества, мнѣ кажется, и быть не можетъ! Вы только, подумайте: общество все сплошь составлено изъ людей, уже извѣстныхъ умомъ или образованіемъ, проникнутыхъ всѣми высшими интересами жизни.... Воображаю себѣ, какое это должно быть наслажденіе!

Вѣра Александровна совсѣмъ одушевилась.

— Если эти люди говорятъ серьезно—продолжала она уже съ разгорѣвшимся лицомъ и блистающими глазами—такъ о вещахъ въ самомъ дѣлѣ серьезныхъ, а не о томъ, что морковь въ этомъ году очень дорога, или полиціймейстерша разважничалась до того, что приступу нѣтъ.... И вѣдь кто говорить? Вы знаете, напримѣръ, что каждое слово вонъ этого невзрачнаго человѣка—чуть не евангельскій текстъ для всѣхъ образованныхъ людей, что тотъ, высокій, въ очкахъ, своимъ изобрѣтеніемъ создалъ цѣлую новую промышленность, новыя занятія, чуть не новыхъ людей; что господинъ съ такими блестящими глазами—какой-нибудь Лапласъ, Гумбольдтъ, Галилей....

— Отлично! едва сдерживая смѣхъ, вставилъ Евгений Сергѣичъ.

— Пусть даже эти люди болтаютъ вздоръ!—ничего не слу-

шал, продолжала дѣвушка—пусть они развлекаются пустячками послѣ своихъ тяжелыхъ занятій.... Но опять-таки, это другой взоръ? А у насъ что? Хоть будь и умный, и не дюжинный человекъ отъ природы, толкнется туда-сюда, позабавить добрыхъ людей своими *глупыми претензіями* — да и заговорить о политической шершѣ. Такая ужъ судьба.

— Вы никогда не писали стиховъ, Вѣра Александровна?

— Смѣйтесь! Вамъ хорошо смѣяться.... Вѣдь вы не знаете, каково жить въ темномъ омутѣ, когда видишь, какъ другіе могутъ гулять на солнышкѣ.

— Я за то знаю, каково летѣть къ «солнышку», рваться, бороться, положить всю свою душу на это дѣло, наконецъ прилетѣть и видѣть — кусокъ промасленной бумаги съ салнымъ огаркомъ позади.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, профессорамъ довольно трудно отдѣлываться отъ навязчивыхъ знакомствъ, вмѣшалась Софья Николаевна. Времени у нихъ мало, а войти въ ихъ общество, вѣроятно, хотѣли бы многіе.

— Не совсѣмъ такъ.

— Почему же?

— По многимъ превосходнымъ причинамъ. А, во-первыхъ, потому, что этого «общества» и нѣтъ совсѣмъ.

— Какъ нѣтъ?!

София и Вѣра Александровна серьезно были удивлены, и даже посмотрѣли на Изгоева, какъ на человека, о которомъ не вѣстно, шутитъ онъ, или не все у него въ порядкѣ.

— Да! продолжалъ тотъ очень хладнокровно. Профессорскаго общества нѣтъ, потому что профессора другъ у друга не бываютъ. У каждаго есть конечно два-три пріятеля между товарищами, но этимъ и ограничивается вся компанія. А болѣе многочисленныя сходки случаются только, благодаря университетскимъ совѣтамъ, куда необходимо собраться уже по обязанности. На этихъ совѣтахъ официально разсуждаютъ о текущихъ дѣлахъ; на примѣръ, даютъ значительное пособіе вліятельному профессору, который, подъ видомъ ученой командировки, желаетъ провести лѣто у себя въ деревнѣ; или топятъ молодого человека, который настолько талантливъ и независимъ, что съ одной стороны грозитъ вытѣснить; со временемъ, какую-нибудь древнюю негодность, а съ другой—не захотѣлъ, посредствомъ низкой лести и угодничества, пріобрѣсти высокое покровительство университетскихъ столповъ. Неофициально, то есть въ разныхъ уголкахъ и полупошопотомъ, идетъ бесѣда о томъ, кто противъ кого интригуетъ; у кого есть шансы быть

выбраннымъ на добавочное пятилѣтіе, и это неминуемо прозвѣтитъ на воронихъ; или отпускають другъ другу колкости, иногда не совсѣмъ тонкія, такъ что попадаютъ и крупныя словы или наконецъ тоже о моркови да о полиціймейстершѣ разговариваютъ.

Дѣвушки, молча, широкими открытыми глазами смотрѣли на Изгоева.

— Напрасно вы себя представляете — улыбнулся онъ съ злобствомъ—какихъ-то Лапласовъ и Галилеевъ, какихъ-то замѣчательно умныхъ и завѣдомо образованныхъ людей. Между профессорами напротивъ, смѣю васъ увѣрить, такъ же какъ и вездѣ очень много бываетъ всякихъ. Полузабытое знаніе староязычныхъ корней и словопроизводствъ, ботаническихъ или зоологическихъ системъ, древнегерманскихъ законодательствъ, и томъ подобнаго — еще не есть ручательство въ истинной образованности. Можно умѣть съ просонковъ, не переводя духу, насчитать триста сорокъ два имени латинскихъ поэтовъ и писателей, но быть совершенно безучастнымъ ко всѣмъ высшимъ интересамъ жизни, какъ вы прекрасно изволили выразиться. А мелочное и раздражительное самолюбіе — то-есть самая пошлая изъ всѣхъ пошлостей—нигдѣ не расцвѣтаетъ такъ пышно, какъ именно въ нашихъ университетахъ. Посмотрите вы на какой-нибудь захолустный уѣздный судъ или городскую полицію: тамъ конечно продають правду, совѣсть и всѣ высшіе интересы жизни — но все-таки продають ихъ хоть на вѣсъ денегъ, то-есть личной выгоды, и притомъ люди, не хорошо понимающіе дѣлу подобнаго товара. А наши университетскіе герои сплошь и рядомъ ставятъ выше истины, науки и уваженія порядочныхъ людей—минутное удовлетвореніе своего очень желчнаго и очень маленькаго самолюбіища. Что же пошлѣе, какъ вы думаете?

На Софью Николаевну слова Изгоева подѣйствовали чрезвычайно непріятно.

— И этотъ рисуется! подумала она. — Ну, можно ли изломаться до такой степени?... И какъ это глупо, невыносимо глупо! Увидаль двухъ дѣвушекъ—давай сейчасъ позировать à la Чайльд-Гарольдъ. И хоть бы это какъ-нибудь половчѣе дѣлалось, а то придравшись къ первому попавшемуся случаю, даже совсѣмъ неподходящему. Молъ, все равно! вѣдь дуры: не разберутъ!

Даже что-то злобное и враждебное къ Изгоеву шевельнулось на душѣ у Софьи Николаевны.

— А я еще считала его умнымъ и не совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ!

Она могла-бы прибавить, если-бъ была искренна передъ собою: *какъ интересовалась имъ!*

— Или, можетъ быть, онъ бранится изъ зависти? Вѣдь Боря разсказывалъ, что его когда-то прочили въ профессора — да не удался. Видно знаніе старорусскихъ корней не такъ-то ужъ легко для разныхъ умниковъ!

Все это молніей промелькнуло въ головѣ у Сони.

— Вы, можетъ быть, не замѣчаете — сказала она Изгоеву съ нескрываемымъ оттѣнкомъ презрѣнія — что ваши обвиненія не совсѣмъ убѣдительны. Вѣдь вы сами университетскій, значить, тоже можете грѣшить самолюбіемъ — и Богъ знаетъ, что торжествуетъ у васъ теперь: любовь къ правдѣ, или минутное удовлетвореніе... Извините, я забыла, какъ вы дальше изволили прекрасно выразиться. Впрочемъ, вы вѣроятно составляете исключеніе?

— Нѣтъ! кротко отвѣчалъ Изгоевъ. Во мнѣ тоже много самолюбивой пошлости, и хотя я всѣми силами старался отъ нея избавиться — она часто беретъ верхъ, если не остережешься.

— Братъ мнѣ говорилъ, будто вы не всегда были такъ строги къ университету, и даже когда-то готовились сами быть профессоромъ...

— Но убоялся премудрости книжной? Это совершенно справедливо.

— Нѣтъ, онъ вѣдь очень умный человѣкъ: онъ бы могъ, я думаю! вдругъ пришло въ голову Софьѣ Николаевнѣ. А неожиданная кротость и грустное спокойствіе Изгоева опять сбили съ толку бѣдную наблюдательницу: совсѣмъ это не ладило съ ея понятіями о русскіихъ Чайльд-Гарольдахъ.

— Ну, какъ же вамъ не стыдно говорить такъ про университеты? неожиданно и по обыкновенію безъ оглядки выѣшались Вѣра Александровна. Зачѣмъ это? Вы такой умный человѣкъ! На что вамъ еще рисоваться? И неужто вы думаете, что всѣ эти эксцентричности, мрачности и тому подобный вздоръ — въ самомъ дѣлѣ очень интересны? Наконецъ подумайте, *надѣ чѣмъ* вы рѣшились ругаться ради краснаго слова!... Стыдно вамъ! стыдно!

Изгоевъ въ свою очередь съ широко открытыми глазами посмотрѣлъ на Вѣру Александровну, озадаченный горячей смѣлостью ея выходки.

— Какая вы добрая! улыбнулся онъ ей потомъ съ невольной нѣжностью — и грустно прибавилъ:

— А я все-таки сказалъ правду.

— Такъ по вашему всѣ университеты только портятъ лю-

дей, а ученые непременно заражены мелочнымъ самолюбіемъ? спросила Софья Николаевна.

Я говорилъ не обо всѣхъ университетахъ, а только объ русскихъ, и не про ученыхъ, а про русскихъ профессоровъ.

— Въ чемъ же разница?

— Во многомъ и большая. Въ доказательство того, что эта разница дѣйствительно существуетъ, я укажу вамъ хоть на одну изъ ея сторонъ. За границей обыкновенно стремится къ профессорству только тотъ, кто вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется — основательно или нѣтъ, это другой вопросъ—сдѣлать великія открытія, подвинуть науку впередъ, приобрести ученую знаменитость, и тому подобное. У насъ — всѣ мечты честолюбиваго студента ограничиваются обыкновенно докторскимъ званіемъ и ординарнымъ профессорствомъ. Слѣдовательно, какой-нибудь узенькій нѣмецъ или практическій англичанинъ смотрятъ на занятіе наукой, какъ на одинъ изъ высшихъ интересовъ жизни, а русскій, со своей широкой натурой—какъ на выгодную аферу, выгодное помѣщеніе труда и капитала (часто казеннаго). Скажите по совѣсти, вашъ братъ—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ людей въ крутогорскомъ университетѣ—говорилъ ли вамъ когда-нибудь о своихъ надеждахъ сдѣлать новое въ наукѣ? Или, если ужъ онъ слишеомъ для этого скромнень, слышали-ль вы по крайней мѣрѣ его планы относительно будущихъ, не казенныхъ работъ? Я не имѣю чести близко знать вашего брата, объ его лекціяхъ доходили до меня только самые лестные отзывы—и все-таки смѣло дѣлаю вопросъ, потому что изъ ста шансовъ девяносто девять на моей сторонѣ. Профессоръ-нѣмецъ, если примется за ученый трудъ, такъ ужъ можно поручиться, что онъ намѣренъ сказать что-нибудь свое—удачно или нѣтъ, это опять-таки другой вопросъ. У насъ кому случилось состряпать обязательную компиляцію помудреніе, тотъ ужъ и чванится передъ другими, и собой доволенъ не хуже римскаго триумфатора: вотъ, молъ, мы каковы!

Софья Николаевна нѣволью вспомнилось послѣднее письмо брата-доцента о докторской диссертациі по англійскимъ книгамъ.

— Впрочемъ довольно. Я только хотѣлъ показать вамъ, Софья Николаевна, что слова мои не совсѣмъ безосновательны, и что вы во всякомъ случаѣ, вспоминая о Лапласахъ и Гумбольдтахъ по поводу русскихъ университетовъ, представляете себѣ университеты слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ. До какой степени въ розовомъ — это невозможно рѣшить въ нѣсколько минутъ, да вы и не повѣрите мнѣ на-слово. Вообще я не хочу

как что-либо доказывать. Но согласитесь, что если вы не знали одной темной стороны, значить, могли не знать и многих. Согласитесь, что могут быть слѣдовательно люди, совершенно извращеніе въ своемъ пессимизмѣ... Конечно, очень вѣроятно, что я и слѣпъ, и несправедливъ; но все-таки не пустыньскій лгунъ, который ищетъ только случая порисоваться... Обыкновенно мнѣ все равно, что бы обо мнѣ ни думали—прибавилъ Изгоевъ съ грустной добротой—но вамъ я не хотѣлъ бы казаться хуже, чѣмъ есть.. Не безпокойтесь—улыбнулся онъ потомъ—и въ настоящемъ видѣ не разорю васъ на восторги!

— Однако—замѣтила Софья Николаевна, нѣсколько сконфуженная и смущенная—люди, очень близко стоящіе къ университету, рисовали мнѣ его совсѣмъ другими красками.

— Я не знаю, кто и какъ. Но, во-первыхъ, эти люди могли ошибаться не хуже меня; а во-вторыхъ—позвольте спросить васъ, кому вы больше довѣряете: тому ли, кто самъ собою не нахвалится, или тому, кто откровенно сознаетъ свою несостоятельность? Мнѣ бы казалось, напримѣръ, что по Гоголю можно составить болѣе вѣрное понятіе о русской жизни, чѣмъ по всѣмъ сентиментальнымъ романистамъ вмѣстѣ, отъ князя Шаликова и до новѣйшихъ включительно.

На минуту всѣ замолчали.

— Въ такихъ вопросахъ я не судья! сказала наконецъ Софья Николаевна. И Богъ съ ними. Но одно для меня совершенно ясно: я сдѣлала непростительную неловкость, грубость и, можетъ быть, даже огорчила васъ, Евгенийъ Сергѣичъ. Простите меня, пожалуйста! Я прямо говорю вамъ, что я виновата, какъ глупая и самонадѣянная дѣвочка.

— И меня тоже! поспѣшила Вѣра Александровна.

— Богъ съ вами! почти испугался Изгоевъ. Какъ могли вы сказать подобную вещь? И въ чемъ вамъ извиняться? Ваши строгія слова, напротивъ, были для меня большой радостью и торжествомъ; я чрезвычайно благодаренъ за нихъ! Вѣдь если моя выходка показалась вамъ непріятной, такъ это только доказываетъ, что вы все-таки принимаете во мнѣ хоть нѣкоторое участіе: мнѣніе человѣка, совершенно чуждаго, и разсердить не можетъ... А мнѣ право дорого даже небольшое расположеніе!

— Это какъ? пошутила Вѣра Александровна. Вѣдь вы не вѣрите ни въ любовь, ни въ дружбу—такъ ужъ на что же вамъ небольшое расположеніе?

— Я не вѣрю золотымъ снамъ, но очень бы желалъ, чтобы

надо мною сбылась хоть сотая ихъ частица. Холодно живетъ на свѣтѣ, Вѣра Александровна, право холодно!

— Безъ приданого въ двѣсти тысячъ?

— Приданого или наслѣдственного — это все равно. Наслѣдственное даже гораздо лучше.

— Потому что не предполагаетъ женитьбы?

— Отчего же? Напротивъ! Но предполагаетъ обманутаго жениха и ловкую невѣсту, а не наоборотъ, какъ въ случаѣ приданого.

— Ну, такъ что же?

— Одной пріятной иллюзіей больше.

— Да вѣдь вы недоступны иллюзіямъ!

— Почему? Имѣя приличный кушъ наслѣдственного, можно позволить себѣ и эту роскошь.

— Я не знала, что иллюзіи покупаются на заказъ.

— Богъ съ вами, какъ этого не знать!

— Научите, пожалуйста!

— И учить нечему: сами видѣли тысячу примѣровъ. Господинъ, который совершенно случайно получилъ важное административное мѣсто—вдругъ замѣчаетъ въ себѣ необыкновенную охоту и призваніе къ административнымъ занятіямъ. Несостоятельная дѣвица, имѣющая возможность поймать посредственно-красиваго и посредственно любезнаго, но очень богатаго жениха—влюбляется въ него совершенно искренно, хотя, можетъ быть, и не на долго. Полуграмотный генералъ-маіоръ, какимъ-то чудомъ содѣлавшійся педагогомъ—усердствуетъ педагогиче во всю силу своего неразумѣнія. Очень свѣтская дама, истрачивающая ежегодно пятнадцать тысячъ на одни наряды, и случайно прославленная за случайный капризъ, который вышелъ какъ-то добрымъ дѣломъ—вдругъ получаетъ необыкновенное влеченіе къ благотворительности, продолжая впрочемъ тратить тѣ же пятнадцать тысячъ на наряды... Все иллюзіи на заказъ. Лѣнь и считать-то ихъ!

— А вы можете заказать себѣ иллюзію благотворительности, или хоть благотворительнаго языка по крайней мѣрѣ?

— Я? Да вы еще не знаете, какой я былъ одно время мастеръ на иллюзіи. Куда той дамѣ!

— Были? А теперь?

— Я уже вамъ говорилъ: безъ наслѣдственного—дорого.

— На какія же вы деньги прежде-то вутили?

— На совѣсть, честь и силу.

— На проценты или на капиталъ? вмѣшалась Софья Никольевна.

— На капиталъ.

— И теперь?

— Банкротъ.

Изгоевъ говорилъ улыбаясь, какъ человѣкъ, который знаетъ, что надо болтать вздоръ, и потому не придаетъ своимъ словамъ ни малѣйшаго значенія. Но тонъ его послѣдняго отвѣта все-таки поразилъ Софью Николаевну.

У него вообще была странная манера разговаривать. Обыкновенно очень односложный, онъ иногда вдругъ становился даже болтливымъ — подъ влияніемъ минуты, или съ людьми, которые ему почему-либо нравились. Въ такихъ случаяхъ онъ охотно поддерживалъ легкую, шутливую бесѣду, любилъ играть словами, сыпалъ парадоксами, забавными глупостями и тому подобнымъ. Это его веселило или, лучше сказать, туманило, хотя не на долго. Расходилась компанія — и веселье исчезало, какъ легкій паръ, безслѣдно тающій въ воздухѣ, вмѣстѣ съ послѣднимъ *прости!* А тоска и пустота сердечная еще тяжелѣе ложились на душу. Но у Изгоева эта тоска всегда краемъ уха проглядывала даже съвозъ веселое настроеніе минуты. Случайное слово, мимолетная мысль вдругъ задѣвали его болѣзненно, и онъ или спѣшилъ пройти мимо, только отгѣнивъ, ему одному понятную, горечью какую-нибудь повидимому незначительную фразу, или доставлялъ себѣ ядкое удовольствіе среди шутливой болтовни дерзко бросить стонъ искренней сердечной боли, высказать задушевную мысль со страстной откровенностью — зная, что у веселыхъ собесѣдниковъ и они сойдутъ за пустую шутку или сумасбродный парадоксъ, которыхъ, кстати, сыплется такъ много. Про Изгоева болѣе близкіе въ нему люди утверждали, будто никогда не узнаешь, шутить онъ, или говорить серьезно. А съ полужнакомыми онъ, разумѣется, стѣснялся еще меньше. Тутъ ужъ онъ былъ совершенно увѣренъ, что нѣтъ возможности проникнуть въ дивную путаницу правды и лжи, которою онъ ихъ угощаетъ.

Такъ же, не стѣнясь, полуоткровенничалъ онъ теперь и съ обѣими дѣвушками.

Но у Софьи Николаевны было очень чуткое ухо. Въ шутиловѣ увѣреніи Изгоева, будто онъ въ свое время былъ великій мастеръ на иллюзіи — вдругъ почудилась ей совсѣмъ не шуточная горечь. А странный тонъ и дерзко вызывающій взглядъ его послѣдняго отвѣта смутили ее совершенно, такъ что на одно мгновеніе даже прекратился разговоръ.

Поднять его поспѣшилъ Изгоевъ.

— Я только злостный банкротъ! сказалъ онъ Вѣрѣ Але-

Александровнѣ съ таинственнымъ видомъ. И еслибъ вы знали—какіе перлы чувства припрятаны у меня въ сердцѣ!

— Къ несчастію, я гораздо больше люблю обыкновенны перлы.

— Обыкновенные? Ну, по этой части я могу служить только тремя записками изъ бургиньона.

— Да что же онъ наконецъ: плачетъ, или паясничаетъ? почти съ сердцемъ подумала Соня.

— Вы, кажется, вообще любите фальшь. Ну, что за удовольствіе носить бургиньоны!

— Не удовольствіе, но долгъ. По законамъ общества бѣдность, такъ же какъ и развратъ, непременно должна быть под маской.

— Хорошенькій законъ! Только, кажется, вы его сами придумали. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ еще нигдѣ не соблюдается.

— Какъ нигдѣ! — А изгнаніе чернаго люда изъ множества общественныхъ мѣстъ и заведеній? А строжайшее внушеніе чиновникамъ, которые удовлетворены жалованьемъ по пяти рублей въ мѣсяцъ, одѣваться прилично? А запрещеніе всенародно голодать и просить милостыню?

— А сотни благотворительныхъ заведеній, явно признающихъ бѣдность?

— Прячутся обыкновенно по городскимъ окраинамъ... Необходимое зло, сударыня!

— Евгенийъ Сергѣичъ! Захотите ли вы мнѣ сдѣлать одно одолженіе? вдругъ спросила Софья Николаевна.

— О, да!... если только могу.

Я васъ попрошу, безъ шутокъ и безъ отводовъ, отвѣтить мнѣ на очень нескромный вопросъ?

Серьезный тонъ Софьи Николаевны нѣсколько смутилъ Изгоя.

— Знаете, это не всегда легко... Впрочемъ извольте! Я отвѣчу вамъ непременно! вдругъ перебилъ онъ самъ себя съ рѣшимостью. — Чего мнѣ стѣсняться? подумалъ онъ въ то же время. Пусть думаютъ что хотятъ... Не прятаться же я стану?

— Bravo! Постой, мамаша! обрадовалась Вѣра Александровна — постой на минутку! Я вамъ тоже кое-что предложу, Евгенийъ Сергѣичъ. Не хотите ли вы побиться со мною объ закладъ, что не рѣшитесь отвѣтить Сонѣ откровенно? Видите—ни вы, ни я, не знаемъ, о чемъ она спроситъ; слѣдовательно, шансы равные. Хотите?

— Извольте. На какихъ же условіяхъ?

— Назначаетъ выигравшій.
 — Ого! А кто будетъ судьей?
 — Я.
 — Гм... Шансы дѣйствительно равны!
 — Что же вы, согласны?
 — Согласенъ.
 — Ну, Соня?...
 — Трепещу! трагически прошепталъ Изгоевъ.
 — Не шутите, Евгенийъ Сергѣичъ! Вопросъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ покажется вамъ непріятнымъ, и ужъ во всякомъ случаѣ—очень нескромный.

— Эге! да ты сама первая струсила! засмѣялась Вѣра Александровна.

— Взявшись за гужь, Софья Николаевна...

— Не говори, что не дюжъ! Это хорошая поговорка: къ намъ обонимъ подходить... Ну-съ, такъ дѣло вотъ въ чемъ: я хотѣла спросить васъ, Евгенийъ Сергѣичъ, что вы на свѣтѣ считаете хорошимъ, достойнымъ уваженія, или даже святымъ? Чему по вашему слѣдуетъ поклониться? Или свѣтъ—только безобразная куча дряни, да ничтожества?

На минуту всѣ замолчали. Изгоевъ былъ блѣденъ.

— Это—тяжелый вопросъ! заговорилъ онъ наконецъ очень тихо. Вы знаете, человѣкъ не всегда бываетъ откровененъ даже передъ самимъ собою. Но выворотить душу на изнанку для другихъ, словно старую перчатку—это... очень тяжело!

Софья Николаевна тоже была недовольна своимъ вопросомъ, особенно той формой, въ которой онъ какъ-то неожиданно казался.

— Извините, Евгенийъ Сергѣичъ! Я сама понимаю всю неумѣлость... и прошу васъ забыть..

— Нѣтъ, нѣтъ! я вамъ отвѣчу... Только простите мнѣ нѣкоторую отвѣченность... Случалось ли вамъ, Софья Николаевна, думать когда-нибудь о томъ, какъ безгранично ничтоженъ человѣкъ, сравнительно съ мірозданіемъ? Вы конечно читывали или слышали о теченіи неисчислимыхъ міровъ, о колоссальныхъ пространствахъ, которыя они проходятъ, о непостижимости начала и конца матеріи... Слѣдовательно, вы должны знать, что случай, который мы называемъ человѣчествомъ—есть только одинъ изъ миллионовъ, изъ безконечности подобныхъ же случаевъ. Отсутствие порошинки, которая попадаетъ вамъ въ глазъ, гораздо болѣе повліяло бы на величину земного шара, чѣмъ отсутствие всего человѣчества на цѣлость мірозданія. Пропажь одной секунды изъ десяти тысячелѣтій была бы гораздо замѣт-

нѣе пропажи всего человѣческаго момента изъ временъ вселенной. Представьте же себѣ весь комизмъ нашихъ стремленій навязать мірамъ свою логику, провѣрить ихъ на свою мѣрку! Крошечныя представленія собственной ограниченности мы преимущественно распространяемъ на все мірозданіе, ставимъ ему въ законъ, и въ великой природѣ хотимъ найти точное повтореніе нашего рабскаго образа мыслей. Рабы физически и умственно мильона создавшихъ насъ условій, не смѣя пошевелинуть мозгомъ безъ повелѣвающей причины, очень сравнительно ограниченной — мы однако смѣло считаемъ дѣятельность своего мозга отраженіемъ вселенной! Съ какого права? На какихъ основаніяхъ?... Вникните, напримѣръ, какъ смѣшонъ хоть знаменитый вопросъ: *Зачѣмъ?* — который мы такъ величественно задаемъ себѣ вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій, и безъ котораго просто обойтись не можемъ. Зачѣмъ мы созданы? Зачѣмъ вскочилъ пузырь на океанѣ? Да природа знать не хочетъ этого *зачѣмъ!* *Зачѣмъ* — это такое же крошечное представленіе нашей крошечной логики, созданной ограниченнымъ кругомъ условій, какъ и пространство, время и многое множество другихъ подобныхъ ограниченій... Смѣшно и горько смотрѣть со стороны на дѣятельность гордаго человѣчества! Земля, этотъ муравейникъ *царей природы*, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается просто огромнымъ домомъ сумасшедшихъ, гдѣ одинъ помѣшался на справедливости, другой на любви, третій на счастья, четвертый на долгѣ, пятый на наслажденіи, и всѣ суетятся, кричатъ, выбиваются изъ силъ, чтобы насыпать соли на хвостъ — собственной галлюцинаціи; строятъ какія-то фантастическія зданія, не замѣчая, какъ безпощадная дѣйствительность каждый разъ хладнокровно сметаётъ рукою и постройку, и строителей. Разладъ истины съ воображеніемъ даетъ самые уморительные результаты, надъ которыми, такъ же какъ и надъ дикими выходками сумасшедшаго, не знаешь, смѣяться или плакать. Фанатикъ свободы, искренно готовый умереть за свою богиню, въ потѣ лица пишетъ для народа новые законы: старья, молъ, веревки, монархическія, слишкомъ грубы, да уже и поистерлись; подождите, возлюбленные братья, мы свяжемъ другъ друга новенькими, республиканскими. Ну, въ штыки! за свободу!... Поборникъ любви лжеть ноги у какой-нибудь сытой, очень обыкновенной бабы — и безглаголиво обходитъ стороною героическаго, но уже разбитаго и грязнаго страдальца. Знаменитый проповѣдникъ равенства, за одну краснорѣчивую страницу своей проповѣди, написанную въ нарядномъ кабинетѣ, спокойно получаетъ отъ издателя столько земныхъ благъ, сколько голодному бѣдняку и въ недѣлю не за-

работать самымъ усиленнымъ трудомъ—да еще приэтомъ наивно считаетъ себя безкорыстнымъ благодѣтелемъ всѣхъ подобныхъ бѣдняковъ, чуть не помазанникомъ свѣше! Ну, чѣмъ это хуже Фердинанда, короля испанскаго, съ бумажной звѣздой на груди и въ смиренномъ халатѣ?... А природа течетъ себѣ да течетъ обычнымъ порядкомъ, и даже не замѣчаетъ, что случая, называемому человѣчествомъ, вздумалось ходить вверху ногами, и что очень многіе почтенные носы поэтому разбиты до крови.

— Значить всѣ гениальные люди, всѣ великія дѣянія — все это вздоръ?

— Или по крайней мѣрѣ буря въ стаканѣ воды... Мы теперь снисходительно улыбаемся на древнихъ, которые, не задумываясь, произвели свою планетку въ центръ вселенной, потому только, что она имѣла счастье быть мѣстопробываніемъ подобныхъ мудрецовъ. Но сами-то мы далеко ли съ тѣхъ поръ уѣхали? Послушайте только наши громкія слова! У насъ есть и всеобъемлющіе гении, и міровыя событія, и бессмертная слава; не хуже грековъ, мы создаемъ себѣ полубоговъ, мы внушаемъ дѣтамъ: «трудно сказать, что произошло бы съ теченіемъ судьбы міра, еслибъ безпощадная смерть не поразила преждевременно такого-то. Но и свершенныхъ имъ дѣлъ достаточно было для того, чтобы окончательно измѣнить...» и пр., и пр. Какъ это все, подумаешь, торжественно! А въ сущности, что такое наши «міровые» гении? Я представляю себѣ дѣло такъ. Вѣчный жадъ, время, съ точностью стараго солдата, плететъ ногами по міровой грязи, и во всѣ стороны, изъ одной лужи въ другую, летать отъ него миллионы брызгъ. Одна изъ нихъ зовется Софьей Николаевной, другая—Вѣрой Александровной, третья—Изгоевымъ, и такъ далѣе. Иныя брызги, покрупнѣе да поувѣсѣстѣй, попадаютъ грязными пятнами солдату на шинель, и нѣкоторое время несетъ онъ ихъ съ собою. Вотъ надъ пятею сидитъ Шекспиръ, а рядомъ пониже Наполеонъ, а дальше Лейбницъ. Но грязь скоро сохнетъ и отпадаетъ... Представьте себѣ, что сегодня всѣ люди превратились въ великихъ ученыхъ. Что ни голова, то Лапласъ или Коперникъ! И что же? Земля, какъ была въ колесѣ, все по той же дорожкѣ будетъ вертѣться вокругъ солнца...

— Къ какому же вы приходите заключенію? спросила Софья Николаевна.

— А вотъ! Какъ человѣкъ, какъ рабъ извѣстныхъ условій, я страстно люблю справедливость, счастье, наслажденіе; я всей душой стремлюсь къ человѣческому идеалу, потому что я такъ

созданъ. Но чѣмъ пристальнѣе вглядываюсь я въ жизнь—тѣмъ яснѣе вижу несостоятельность и невозможность своихъ желаній и представлений, вижу свой разладъ съ дѣйствительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечное свое передъ нею ничтожество. То, что мнѣ кажется логическимъ — въ сущности фантомъ; то, что мнѣ кажется безцѣльною случайностью — есть логика природы. Мой умъ, мое сердце — то-есть, я весь раздавленъ ею, какъ червякъ. *Зачѣмъ?* хотѣлось бы мнѣ спросить по крайней мѣрѣ — и самъ вижу, что вопросъ не имѣетъ смысла: въ природѣ существуетъ только *потому!*

— Но откуда же вы такъ навѣрное узнали, что справедливость, любовь, счастье, свобода и такъ далѣе — только галлюцинаціи человѣческаго мозга? Развѣ не можетъ случиться, что человѣкъ только повторяетъ въ маленькомъ видѣ общій законъ? Это даже всего проще и вѣроятнѣе.

— *«Солнце въ малой каплѣ воды»*... Старое и ненадежное утѣшеніе! Законъ конечно одинъ, да явленія-то очень разнообразны. Въ самомъ человѣчествѣ у одного развита шишка состраданія, а у другого кровожадности... Вы спрашиваете, откуда я узналъ? Да просто вижу! Мы говоримъ о справедливости—а въ природѣ все живое живетъ только грабежемъ или разрушеніемъ живого же! Я ѣмъ корову, корова траву, трава остатки другихъ травъ и животныхъ. Укажите мнѣ на организмъ, который питался бы только неорганическими веществами. Мы бредимъ любовью, единеніемъ и самопожертвованіемъ—а въ природѣ всякій предметъ исключаетъ возможность въ томъ же пространствѣ другого предмета. Мы тоскуемъ о всеобщемъ счастьи; но даже отдѣльный индивидуумъ нашей породы, со всемогуществомъ въ рукахъ, не въ состояніи придумать себѣ такого благополучія, которое современемъ не пресытило бы его или даже не погубило. Мы все несемъ ввысь, летимъ къ небу свободы—а въ сущности, вмѣстѣ со всею природой, по уши завязли въ причинности.

— Какъ же вы не замѣчаете однако, что, допустивъ ложность нашихъ понятій о справедливости, любви, долгѣ и такъ далѣе, вы идете противъ самаго обыкновеннаго здраваго смысла. Начни человѣчество жить по вашему рецепту, черезъ сотню лѣтъ отъ него бы и слѣдовъ не осталось: всѣ бы другъ друга поѣли... Вѣдь это ужъ очень противно логикѣ.

— Человѣческой — да. Но въ природѣ во всемъ, живомъ и мертвомъ, есть задатки разрушенія. Разрушеніе-то именно и есть ея логика.

Изгоевъ вытеръ платкомъ свой мокрый лобъ.

— Ну, вот до чего мы договорились! досказалъ онъ съ тихой улыбкой.

На минуту всё затихли.

— Объясните же мнѣ, пожалуйста, — спросила Софья Николаевна, которая повидимому рѣшилась идти до конца — какихъ же правилъ нравственности слѣдуетъ по вашему держаться?

— Никакихъ. Просто дѣлать то, что нравится и пріятно... Да на практикѣ эта система уже и торжествуетъ давнымъ-давно, хотя официально, на словахъ, подвергается сильнѣйшему гоненію. Я думаю, вамъ не разъ приходилось замѣтить, что люди творятъ только такое добро, которое имъ самимъ почему-либо доставляетъ удовольствіе.

— Ну, а если явится искушеніе поступить дурно, нечестно... даже низко? Вѣдь вы знаете, что это можетъ случиться съ человѣкомъ самымъ добрымъ и великодушнымъ по природѣ?

— Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ сообразить, что минутное удовольствіе какой-нибудь фантазіи повлечетъ за собою много непріятныхъ послѣдствій, или по крайней мѣрѣ непріятныхъ мыслей, чувствъ и воспоминаній, такъ что выгоднѣе не поддаваться искушенію.

— Отчего же? Дурной поступокъ часто имѣетъ самыя пріятныя послѣдствія. А мысли — что онѣ значатъ для человѣка, у котораго долгъ и справедливость — только галлюцинація! Наконецъ, искушеніе можетъ быть такъ сильно, плата за низость такъ обольстительна, что легче вынести нѣкоторыя бѣды, чѣмъ отказать... Тогда какъ?

— Плывъ по теченію, сквозъ зубы вымолвилъ Изгоевъ.

— А вамъ случалось плавать?

— Случалось.

— Вѣра Александровна! Соня! Гдѣ вы? вдругъ послышался крикъ Бориса, и вслѣдъ затѣмъ онъ самъ показался въ концѣ аллеи.

— Меня за вами послали: завтракъ поданъ! закричалъ онъ еще издали.

— Здравствуйте, Евгеній Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье?

— Дурную траву и коса не беретъ.

— Ну, слава Богу!

— А вы давно извоили вернуться? спросила Вѣра Александровна.

— Только-что. Двухъ коростелей вамъ принесъ.

— То-то вы и сіяете!...

...Тотчасъ послѣ завтрака Изгоевъ сталъ прощаться. Ста-

рики Смуровы дружелюбно пригласили его *бывать почаще*. Софья Николаевна поклонилась молча и сухо.

Изгоевъ былъ уже въ дверяхъ, когда Вѣра Александровна закричала ему въ догонку:

— Не забудьте, что у меня за вами пари есть!

— Какъ за мной? Вѣдь я выигралъ!

— Это съ какой стати! Я судья—значить, я и выиграла.

— Хорошая логика!

— Ого! пари было? вмѣшался Борисъ. А на какихъ условіяхъ?

— Безъ условій, à discrétion.

— Соня! Что потребовать съ Евгенія Сергѣича?

— Не знаю. Да это до меня и не касается.

— Заставьте его, Вѣра Александровна, написать вамъ стихи въ альбомъ! предложилъ Борисъ. Да чтобы темою непременно были два взаимно любящія сердца. И не въ каррикатурномъ видѣ, а чтобы сердца были во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныя, и чтобы выходило чувствительно.

— Въ самомъ дѣлѣ, это не дурно! Извольте-ка писать, Евгеній Сергѣичъ! Я вамъ сейчасъ принесу книжку.

— Богъ съ вами! Я не умѣю.

— Тѣмъ лучше!

И Вѣра Александровна убѣжала, ничего не слушая.

Черезъ минуту она вернулась съ красиво переплетенной тетрадкой.

— Я васъ предвараю, что только испорчу альбомъ.

— Ничего!

— Ну, какъ вамъ угодно. Было бы сказано.

Изгоевъ взялъ перо, нѣсколько подумалъ, и сталъ писать довольно быстро. Черезъ пять минутъ онъ возвратилъ тетрадку.

— Извольте-съ. Сердца любящія, прекрасныя, и все вмѣстѣ очень чувствительно; значить, исполнилъ, какъ слѣдуетъ. А затѣмъ имѣю честь кланяться.

Онъ ушелъ.

Борисъ и Вѣра Александровна схватились за альбомъ.

— Ну, посмотримъ, что тамъ такое!

Софья Николаевна тоже подошла, хотя какъ-то неохотно.

Борисъ сталъ читать вслухъ:

Онъ прекрасенъ былъ безспорно,
 Это знаешь ты сама,
 Полонъ вѣры благотворной,
 Полонъ чувства и ума.
 А любить—любилъ до гроба,

Какъ святиню, божество!
Вы прекрасны были оба...
Ну и что же изъ того? ,

Полюбуйся! Надъ могилою
Воетъ вѣтеръ, снѣгъ валить.
Въ бѣломъ саванѣ твой милый,
Ненаглядный твой лежитъ.
Весь источенный червями,
Ротъ оскаливши большой,
Смотритъ сгнившими глазами
На тебя красавецъ твой.

— Глупости! сказалъ Борисъ и бросилъ альбомъ на столъ.

Х.

Пожаръ.

Прошло три дня.

Софья Николаевна было очень недовольна собой. Богъ знаетъ почему, ее преслѣдовалъ неотвязно Изгоевъ со своими теоріями. Она сердилась на себя, старалась отогнать навязчивыя думы, двадцать разъ принимала твердое рѣшеніе не заботиться больше о вещахъ очевидно не касающихся до нея нисколько... Но въ двадцать первый—опять ловила себя на глубокомъ раздумьи, въ которое какъ-то незамѣтно прокрадывался Изгоевъ, и тотчасъ же становился главной фигурой, центромъ всего.

— Это потому—рѣшала она съ негодованіемъ— что не съ кѣмъ поговорить толково. Еслибъ кто-нибудь объяснилъ мнѣ, въ чемъ заводится Изгоевъ—я бы давнымъ-давно и думать о немъ забыла.

А поговорить было дѣйствительно не съ кѣмъ.

Вѣра Александровна на это не годилась. Соня полюбила ее, вслѣдствіе живой потребности любить кого-нибудь, вслѣдствіе полного одиночества въ безконечно-долгіе мѣсяцы, проходившіе между лѣтними наѣздами крутогорскихъ братьевъ, и наконецъ вслѣдствіе глубокаго чувства жалости, которое возбуждала въ ней забитая и измученная дѣвушка, съ дѣтства не видавшая ни удачи, ни привѣта. Когда же эта дѣвушка съ бурнымъ энтузіазмомъ и обычной горячностью своего характера прилѣпилась къ людямъ, случайно ее приласкавшимъ, когда румянецъ веселья показался на ея прежде блѣдныхъ щечкахъ, и счастливая улыбка впервые заиграла на губахъ (дерзкой молодости такъ

мало нужно, чтобы повѣрить въ счастье!) — Софья Николаевна сама привязалась къ ней съ глубокой нѣжностью, радовалась ея радости, нанчилась съ нею, какъ съ милымъ и дорогимъ ребенкомъ. Но равенства между ними не было и быть не могло. Одна — уже довольно пожившая на свѣтѣ, много передумавшая и очень глубокая по характеру — привыкла съ полупокорною тоской смотрѣть въ даль своей будущности, какъ-то не чая отъ нея хорошаго; и съ каждымъ шагомъ впередъ — вглядѣ ея становился серьезнѣй, а улыбка грустнѣй. Другая, подобно красивой бабочкѣ, спѣшила безотчетно насладиться солнечнымъ днемъ, словно предчувствуя по инстинкту, какъ не долго дано ей пользоваться жизнью. Отношенія между ними сами собой сложились такъ, что Вѣра Александровна называла Соню мамашей, а та ея дочкой — разумѣется, въ шутку, но очень удачно. Софья Николаевна охотно дѣлилась съ подругою всѣмъ, что только представляла ихъ будничная, довольно однообразная жизнь: онѣ вмѣстѣ затѣвали разныя шалости, вмѣстѣ любили подмѣчать забавную сторону въ обстоятельствахъ или людяхъ, у нихъ были свои маленькія тайны, и величайшимъ удовольствіемъ считалась возможность вслухъ разговаривать намеками, совершенно неудобопостижимыми для окружающихъ. Но завѣтные думы Софья Николаевна берегла про себя, такъ что не разъ выдерживала цѣлую бурю страстныхъ и даже слезливыхъ упрековъ въ скрытности или недовѣріи; въ подобныхъ случаяхъ она терпѣливо защищалась ласковой шуткой — и обыкновенно черезъ полчаса мимолетная размолвка тонула въ вѣчной рѣкѣ забвенія, которая безслѣдно поглотила уже столько другихъ слезъ и смѣховъ Вѣры Александровны. Соня высоко цѣнила свою подругу: она удивлялась ея воспріимчивости и отзывчивости, приходила въ восторгъ отъ неизмѣннаго благородства ея первыхъ побужденій, но не могла не замѣтить въ ней молодой невыдержанности чувствъ и мыслей, переменчивыхъ какъ волна, и особливо совершенной неспособности вдуматься во что-нибудь до убѣжденія, до серьезнаго вліянія на характеръ и поступки. Однимъ словомъ, Соня не могла не замѣтить собственнаго, слишкомъ очевиднаго превосходства въ умственномъ отношеніи, хотя и объясняла его скромнымъ словомъ: *пока!* «Восемнадцать лѣтъ!» думала она часто: «Въ эти годы еще расти не кончаютъ».

Такимъ образомъ, измученная безплодными усиліями разгадать личность и рѣчи Изгоева, Софья Николаевна стояла въ этомъ отношеніи совершенно одиноко, и предоставлена была собственнымъ своимъ средствамъ. Отъ Вѣры Александровны ей очевидно не приходилось ждать никакой помощи. Однако въ

другой разъ она, можетъ быть, все-таки обратилась бы къ другимъ, хоть для того, чтобы самой высказаться вслухъ. Извѣстность странный, но несомнѣнный феноменъ, въ силу котораго чловѣкъ, даже самый сдержанный по характеру, иногда вдругъ чувствуетъ неодолимую потребность вылить свои горячія думы въ форму слова и—за неимѣніемъ другихъ повѣренныхъ—бросить ихъ хоть вѣтрамъ полей или глухому шопоту лѣсного безлюдья. Нѣчто подобное случилось теперь надъ Софьей Николаевной. Но, какъ нарочно, Вѣра Александровна, обыкновенно очень впечатлительная, на этотъ разъ приняла рѣчи Изгоева такъ легко и поверхностно, такъ наивно удивлялась только *необыкновенной его находчивости* или *занимательности въ спорахъ*, что всякая охота говорить съ нею простывала съ первыхъ же словъ.

Между тѣмъ задачи Изгоева какъ-то совсѣмъ придавили и, главное, обезкуражали Софью Николаевну. Ей пришлось сознаться, что тяжести, которую свалилъ на нее марьинскій соудъ, не поднять ей собственными силами. А необходимаго орудія не было. Хотя, благодаря собственному терпѣнію и великому обилію свободнаго времени, она довольно бѣгло читала по-французски и даже по-нѣмецки, но въ Сыродольскѣ на этихъ языкахъ ничего нельзя достать, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ романовъ, и полное незнакомство съ иностранными литературами дѣлало Софью Николаевну беззащитною при первой встрѣчѣ со страшнымъ демономъ сомнѣнія. Россійская же словесность, какъ извѣстно, еще слишкомъ цензурна, и упорно хранить благонравное молчаніе по части *опасныхъ* вопросовъ—можетъ быть, находя, что слѣдуетъ предоставить имъ чистое поле.

Въ такихъ обстоятельствахъ Софья Николаевна попробовала было подѣлаться со своими сомнѣніями къ брату Борису. Но тотъ принималъ ее такъ свысока, говорилъ такъ скучливо и разсѣкалъ всѣ гордіевы узлы такъ безапелляціонно, хотя самыми общими фразами, выказалъ наконецъ столько непогрѣшимости и милостиваго снисхожденія, что бѣдная философа поспѣшила отступить, какъ можно скорѣе, словно облитая ведромъ холодной воды. Ее только очень удивило, какъ это чловѣкъ, окончившій курсъ въ университетѣ—хотя бы и дѣйствительнымъ студентомъ—не въ состояніи хорошенько взять въ толкъ сущность тѣхъ вопросовъ, которые довольно ясно понимаетъ даже она, ничему не учившаяся, какъ должно? Это ее смутило тѣмъ болѣе, что къ величайшей досадѣ, волей-неволей, опять-таки вспоминался Изгоевъ со своимъ отзывомъ о русскихъ университетахъ.

Трудно себѣ представить тотъ хаосъ напряженныхъ думъ и мучительныхъ сомнѣній, до котораго дошла наконецъ Софья Николаевна, благодаря попыткѣ анализировать Изгоева и его теоріи. Точно скатываясь по склону крутой горы, она уже не въ силахъ была удержать теченіе собственныхъ мыслей, разъ давши имъ волю — и это скромное теченіе скоро превратилось въ бурный потокъ, а затѣмъ въ цѣлый вихрь брызгъ и пѣны... Да! съ брызгами и пѣной всего лучше можно сравнить странные обрывки идей и представлений, которые съ неудержимой быстротой появлялись и исчезали въ головѣ Софьи Николаевны, и въ шумномъ своемъ бесиліи сталкивались, путались, взаимно разбивали другъ друга. И какъ томительно однообразны были они при всемъ своемъ разнообразіи! Софья Николаевна чувствовала, что она вертится въ какомъ-то заколдованномъ кругу, постоянно возвращаясь къ тому же, съ чего только-что начала. И чѣмъ глубже шли ея догадки, чѣмъ далѣе впередъ уносили ее полуфантастическій вихрь собственныхъ думъ — тѣмъ больше странныхъ, насмѣшливыхъ противорѣчій вставало передъ нею; они дразнили ее языкомъ, кривляясь въ безумной пляскѣ, они словно хотѣли сказать: «А ну, ну! Поймай насъ, если можешь!» Даже личность Изгоева была для нея неразрѣшимой загадкой. То ей казалось, что онъ — отпѣтый циникъ, который нагло выставляетъ на показъ собственную мерзость; то она вдругъ не понимала, откуда взялись у него такія высокія, даже слишкомъ высокія требованія отъ жизни. То она готова была признать въ немъ только пошлаго, рисующагося фанфарона; то опять въ ушахъ ея еще, казалось, звучали нѣкоторые изъ его неожиданныхъ, отчаянныхъ выходокъ, старательно прикрытыхъ маскою холодной ироніи. То въ словахъ его слышалось ей возмутительное ругательство надъ святыней; то она спрашивала себя, чтó долженъ былъ выстрадать человѣкъ, которому могло придти въ голову подобное ругательство?

Нравственное смятеніе Софьи Николаевны было такъ сильно, что повліяло даже на ея физическое здоровье. Безъ всякой видимой причины и къ величайшему беспокойству заботливой Настасьи Андреевны, Сонечка ея вдругъ похудѣла съ лица, поблѣднѣла и стала очень задумываться, хотя на всѣ разспросы отвѣчала неизмѣннымъ увѣреніемъ, что чувствуетъ себя какъ нельзя лучше.

— Какъ же это нельзя лучше — жаловалась Настасья Андреевна Борису — если она ничего не ѣстъ и не пьетъ!

— Э, полноте, маменька! Было бы чтó серьезное, такъ, повѣрьте, и сама бы сказала. А то не извольте беспокоиться!

Однако за обѣдомъ тарелка Софьи Николаевна все-таки оставалась почти не тронутой, а за самоваромъ чашка на половину недопитой....

Что тутъ было дѣлать?

Не находя сочувствія въ сынѣ, Настасья Андреевна опять обращалась къ самой виновницѣ своихъ тревогъ.

— Скажи ты мнѣ, ради Бога, что съ тобою дѣлается? упрямилась она чуть не со слезами.

— Да право ничего, маменька. Вѣдь вздумалось же вамъ провзвести меня въ больныя! Смотрите, еще накличете, пожалуй!

И Софья Николаевна смѣялась своимъ прежнимъ веселымъ смѣхомъ, свѣтлые глаза ея по-прежнему сіяли лаской и любовью, такъ что Настасья Андреевна и сама ужъ начинала сомнѣваться: не ошиблась ли она, полно, и въ самомъ дѣлѣ? не показалось ли ей только Богъ-знаетъ что? а Сонечка, слава тебѣ Господи, такая же, какъ и всегда.

Но черезъ полчаса она опять заставляла гдѣ-нибудь Сонечку одну, въ глубокой задумчивости.

И вотъ любящее беспокойство матери внушало ей новый, совершенно ужъ иезуитскій по хитрости маневръ. Своими старыми ногами она съ великимъ трудомъ, на ципочкахъ подкрадывалась къ дочери сзади, неожиданно закрывала ей глаза рукою.

— Ахъ! вскрикивала Софья Николаевна, вся содрогнувшись, хотя обыкновенно была далеко не изъ нервныхъ.

— О чемъ ты у меня все думаешь, головка ты моя милая! шутиливо спрашивала тогда Настасья Андреевна, между двумя поцѣлуями.

Соня въ свою очередь крѣпко-крѣпко цѣловала мать, прижималась личикомъ къ ея груди — и бѣдная Настасья Андреевна все-таки не могла ничего добиться, кромѣ пріѣвшихъ ей *такъ да вамъ* *показалось*.

...Между тѣмъ долгіе лѣтніе дни—со своею ширью, свѣтомъ, гуломъ и движеніемъ — проходили какъ-то особенно быстро, точно движущіяся картины въ безконечной панорамѣ. Борисъ Николаичъ незамѣтно очутился почти наканунѣ своего отъѣзда. Наступило воскресенье той недѣли, конецъ которой предстояло ему провести уже въ дорогѣ; прощаніе нельзя было откладывать далѣе четверга.

Еслибъ Софья Николаевна не такъ исключительно поглощена была своими мыслями и сохранила хоть десятую долю обычной наблюдательности, она безъ всякаго сомнѣнія легко

могла бы замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ обитателей Желѣзновки въ послѣднее время происходятъ весьма многозначительныя перемѣны. Братъ ея и Вѣра Александровна вдругъ стали гораздо серьезнѣе, молчаливѣе, охотно прятались по угламъ, и наконецъ совершенно неожиданно пристрастились къ природѣ до неимовѣрной степени—такъ что прогулкамъ по лѣсу и по полямъ, подъ разными благовидными и неблагоприятными предлогами, просто конца не было. Софья Николаевна въ подобныхъ случаяхъ всегда любила бродить особнякомъ, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ лѣсной тишинѣ, вдыхая запахъ свѣжей зелени и прѣлага листа, всматриваясь въ мягкія тѣни зеленой чащи, и съ радостнымъ чувствомъ или грустью—смотря по минутѣ—уносясь мечтами Богъ-знаетъ куда. Въ настоящемъ же настроеніи духа она, разумѣется, еще охотнѣе сторонилась отъ брата и Вѣры Александровны, предоставляя имъ заниматься собираніемъ грибовъ по собственному усмотрѣнію. Ей даже въ голову не приходило спросить себя, почему эти юные любители природы, которые прежде были такъ щедры на ауканье и приставанье, сдѣлались теперь совершенными невидимками и неслышкками?... Такимъ образомъ, желѣзновская компанія въ пять-шесть дней успѣла обходить не только всѣ мало-мальски значительныя рощи на пять верстъ въ окружности, но даже самыя ничтожныя кустарники. Грибовъ никто ужъ и ѣсть не хотѣлъ. Однако въ упомянутое нами воскресенье все-таки рѣшено было попытаться еще счастья въ Липовомъ Закавказіи, который до тѣхъ поръ славился единственно обиліемъ мухоморовъ.

День выдался горячій, солнечный, великолѣпный — совершенно достойный длиннаго ряда тѣхъ знойно-ясныхъ дней, которыми 1866-й годъ подарилъ Сыродольскую губернію. Легкій вѣтерокъ вѣялъ въ лицо прохладой, не поднимая докучной пыли. Сѣрые жаворонки со звонкой пѣснью кувыркались надъ полями. Пиголицы хлопотливо чивикали надъ болотомъ, которое совсѣмъ почти высохло, благодаря неумолимому солнцу.

— Жарко! Господи, какъ жарко! сказалъ Борисъ Николаевичъ, вытирая лицо платкомъ.

— Уже лѣсъ близко, утѣшила его Соня.

Дѣйствительно, не далѣе сотни шаговъ передъ ними раскинулся небольшой, но роскошно тѣнистый Закавказіи, который зелеными волнами сбѣгалъ по возогору вплоть до самыхъ крайнихъ избъ Марына или, лучше сказать, Семіоновки. Такъ называлась вся восточная половина села, которое нѣкогда всецѣло принадлежало старику Изгоеву, но потомъ, вслѣдствіе проиграннаго процесса, на половину отошло ко враждебной фами-

ли Кривошеинныхъ, и счастливымъ побѣдителемъ немедленно переименовано было въ честь собственной своей особы. Семіонъ Кривошеинъ, человѣкъ довольно состоятельный, выстроилъ посреди новыхъ владѣній, рядомъ съ крестьянскими избами, очень изысканный двухэтажный домъ, сталъ давить сосѣда роскошной жизнью и пирами на весь міръ (конечно уѣздный), публично издѣвался надъ *пустыми шами столичнаго павлина съ обдер-
ианнымъ хвостомъ*, и, по времени, не заслуживъ со стороны этого павлина ничего, кромѣ самаго презрительнаго игнорирования — скончался бездѣтнымъ, завѣщавъ Семіоновку второй женѣ своей, Натальѣ Васильевнѣ.

— Кривошеинка однако, пожалуй, опять сторожей наставила! замѣтила Вѣра Александровна. Еще по лѣсу нельзя будетъ ходить... Вотъ такъ штука!

— Не безпокойтесь! отозвался Борисъ. Сѣно покосили, значить, и стеречь нечего.

— Ну, развѣ! А то вѣдь она очень способна взыскать съ насъ за потраву.

Черезъ нѣсколько минутъ Липовый Заказникъ принималъ измученныхъ пѣшеходовъ подъ свою защиту, ласково обнимая ихъ прокладною, душистою тѣнью, которая такъ благодатно дѣйствуетъ на глазъ послѣ блестящихъ золотомъ полей и наполненной сіяніемъ дали.

Сторожей не было.

Борисъ и Вѣра Александровна по обыкновенію сейчасъ же скрылись, будто бы въ разныя стороны. А Софья Николаевна, оставшись одна, съ удивленіемъ замѣтила, что у нея дрожать ноги, и во всемъ тѣлѣ чувствуется какое-то ей незнакомое и очень непріятное состояніе.

— Ужъ не больна ли я и въ самомъ дѣлѣ? спросила она себя съ нѣкоторымъ испугомъ.

Но болѣзни, собственно говоря, не было. Софья Николаевна просто устала, вслѣдствіе долгой ходьбы по жарѣ, чувствовала слабость — и это ей показалось чѣмъ-то очень необыкновеннымъ, такъ какъ, благодаря вѣчному здоровью и привычкѣ къ утомительнымъ походамъ, ничего подобного никогда не случалось прежде.

Но послѣдніе дни нѣсколько порасшатали Софью Николаевну...

Она поспѣшила отыскать мѣстечко, покрытое мелкой травой и почти со всѣхъ сторонъ отгороженное кустарникомъ или мелкими деревьями, легла, заложивъ руки подъ голову, и принялась...

Что принялась, читатель? Можете ли вы сказать, что вы дѣлали въ подобныхъ случаяхъ?

Лѣтній день, пылающій и шумный, необъятнымъ шатромъ раскинулся надъ землею. Солнце жжетъ отвѣсными лучами.... Довольно пройти нѣсколько шаговъ подъ его невыносимою лаской, чтобы потъ крупными каплями выступилъ на лбу и на шеѣ... А вы лежите себѣ въ зеленоватой тѣни деревьевъ, окруженный шорохомъ листьевъ, сухимъ трескомъ кузнечика, тремя нотками лѣсной синицы и далекимъ воркованіемъ горлинки. Солнце только безсильными пятнами проникаетъ въ ваше убѣжище. Дневной гулъ остался гдѣ-то въ сторонѣ, не смѣя васъ тревожить... Можно ли назвать думами эти неясные, безсвязные образы, мечты и воспоминанія, которые, точно облака въ небѣ, проносятся у васъ въ лѣнивой головѣ? Можно ли сказать, что вы смотрѣли, когда глаза ваши безсознательно остановились на божьей коровкѣ, усиливающейся перелѣзть черезъ засохшій прутикъ, или на муравьѣ, заботливо снующемъ въ разныя стороны между былинками и травою, или на молодой, ярко пунцовой сыровѣжкѣ, которая застѣнчиво приподнимаетъ сухой листъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ полюбоваться на міръ Божій?... Встаньте, придите въ себя — и скажите: о чемъ вы думали? на что смотрѣли?

Отвѣта не будетъ! Истекшій часъ вашей жизни затерялся гдѣ-то въ пространствѣ. Онъ только-что былъ тутъ; но вы его обронили — и больше не найдете... А между тѣмъ этотъ часъ былъ далеко не изъ плохихъ въ вашей жизни!

Софья Николаевна довольно долго пролежала на своемъ мѣстѣ. Мозгъ ея, утомленный послѣдними тревогами, съ особеннымъ наслажденіемъ предавался *dolce far niente*. Въ тѣлѣ чувствовалась пріятная истома, которая бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ физической усталости въ молодыхъ и здоровыхъ организмахъ. О Борисѣ или Вѣрѣ Александровнѣ не было ни слуху, ни духу.

Софья Николаевна сама не знала: спать она или бодрствовать.

Вдругъ по лѣсу раздался отчаянный дѣтскій крикъ:

— Петька! Петька! Бѣги скорѣе сюда!

— Зачѣмъ? чуть слышнымъ эхомъ откликнулась даль.

— Бѣги скорѣе! На селѣ пожаръ!

— Что такое? Гдѣ пожаръ? и съ этими словами вскопчила Софья Николаевна.

— Въ Семеновѣ! на лету отвѣтилъ ей крестьянскій мальчикъ, не хуже дикой козы мелькнувъ между деревьями.

Для сельскаго люда пожаръ имѣетъ все значеніе грандіознѣйшаго событія, а тутъ еще онъ случился такъ близко. Софья Николаевна безъ малѣйшаго колебанія пустилась за мальчикомъ слѣдъ.

— Бѣдные люди! подумала она.—Суть такая, что, пожалуй, половина села выгоритъ!

Однако подобной бѣды въ счастью не могло случиться, потому что горѣло не въ самомъ селѣ, а пострадала какая-то одинокая изба, совершенно выдѣлившаяся за околицу, такъ что между нею и ближайшей постройкой было не менѣе пятидесяти шаговъ разстоянія.

Когда Софья Николаевна, запыхавшись, прибѣжала на пожаръ, тамъ уже успѣла собраться огромная толпа, шумѣвшая неистово. Домъ, деревянный и крытый соломой, горѣлъ какъ свѣча; благодаря совершенному безвѣтрію, пламя поднималось высокимъ и прямымъ столбомъ. Возлѣ небольшой лужки спасеннаго скарба расположилась семья погорѣльцевъ. Мать хозяина, полувыжившая изъ ума старуха, сидя на землѣ, съ какимъ-то тихимъ визгомъ и причитываніемъ качала сѣдой, растрепанной головою. Жена его, пожилая и болѣзненная, упорно глядѣла въ огонь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на все окружающее. Шестеро дѣтей, испуганные или неудомѣвающіе, смотря по возрасту, тѣснились кто къ матери, кто къ бабушкѣ. Самъ хозяинъ, убитый, растерянный и съ опущенной головою, слушалъ полную барыню въ очень большомъ неглиже, которая громко надъ нимъ ругалась.

— Господи! Что это за народъ! кричала она непріятно пронзительнымъ сопрано. — Недосмотрѣлъ! Гдѣ у тебя, чучело, глаза-то были? Въ такой жаръ—на-ка-сь! пожаръ изволилъ затѣять... Да вѣдь тебя за это въ Сибирь упечь мало!

— И такъ, барыня, не лучше Сибири! мрачно отвѣчалъ крестьянинъ.

— Ну, еще счастье, что изба твоя отдѣльно стоитъ! А будь на селѣ—тогда что? Ты только подумай! Вѣдь ты бы и меня, пожалуй, спалилъ, окаянная ты окаянная! Господи прости! отъ слова не станется! вдругъ перемѣнила она тонъ, вкрестясь на церковь. — Да вѣдь я бы тебя, паскуду, просто съ свѣту тогда ссудила!

Въ душѣ крестьянина на минуту мелькнуло что-то въ родѣ возмущенной гордости.

— Меня самъ Богъ съ свѣту ссудилъ, матушка Наталья Васильевна. Такъ ужъ людямъ нечего...

И онъ съ достоинствомъ отошелъ къ своей семьѣ. Но здѣсь,

взглянувъ на дѣтей и жену, бѣднякъ не выдержалъ: махнулъ рукой, и пристально, какимъ-то бессмысленнымъ взглядомъ уставясь въ огонь, заговорилъ тихо, точно про себя:

— Карааетъ Господь... карааетъ Господь... Ну, теперь, значитъ, совсѣмъ уже пропали, вдосталь... Не плачь, старуха... пропали... вдосталь... покаралъ...

У Софьи Николаевны, которая скромно стояла въ сторонкѣ, навернулись слезы...

Въ эту минуту изъ толпы тихонько выдѣлился Изгоевъ, котораго она до тѣхъ поръ не замѣтила, и, вѣжливо снимая шляпу, подошелъ къ Кривошеиной. Лицо у него было спокойное, на губахъ любезная улыбка.

Софья Николаевна испытала тогда странное чувство: несмотря на возбужденное настроеніе духа, въ которомъ она находилась, и на драму, развернувшуюся передъ нею такъ просто, но съ потрясающей силой—Изгоевъ разомъ призывалъ къ себѣ ея вниманіе. Она смотрѣла и слушала; но мысли ея были не съ погорѣвшей семьей и не со злобѣщею красотою пылающаго строенія: они, какъ бабочка на огонь, полетѣли къ загадочному человеку, который стоилъ ей уже столькихъ тревогъ. Софья Николаевна просто оторваться не могла отъ блѣднаго, но спокойнаго и улыбающагося лица Евгенія Сергѣича; искоса, съ жадностью слѣдила она за каждымъ движеніемъ его губъ, за каждымъ взглядомъ или улыбкой, ловила каждый звукъ, подмѣчала каждое слово. Но въ то же самое время все въ немъ было ей антипатично до крайности, поднимало въ душѣ холодную и їдкую злость: самое невинное его движеніе или мина казались ей возмутительными, самое обыкновенное слово пошлымъ или злымъ. У нея, что называется, кипѣло въ груди...

— Напрасно вы изволите беспокоиться! обратился Изгоевъ къ Натальѣ Васильевнѣ. — Развѣ этотъ народъ можетъ понимать? Все равно какъ скоть, безчувственный и неблагодарный.

Кривошеиха подозрительно оглядѣла незнакомаго ей человека съ ногъ до головы, тѣмъ болѣе, что онъ происходилъ изъ враждебной сосѣдской фамилии. Но видя учтивый жестъ и слыша разумныя рѣчи, нѣсколько успокоилась.

— Да, конечно... проворчала она севозъ зубы, полублагосклонно.

Софья Николаевна кипѣла.

— Вѣдь онъ воображаетъ, думала она, что въ правѣ смѣяться надъ Кривошеиной! А самъ-то? Та—глупая старуха, между рабами выросла, съ нея нечего и спрашивать. А вѣдь онъ — умникъ всесвѣтный, всѣ вопросы мірозданія рѣшилъ! И теперь,

изволите видѣть, нашелъ прекрасный случай позабавиться! Какъ же не изощрить своего остроумія надъ Кривошеихой! Пусть, молъ, смотрятъ, что я надъ ней могу сдѣлать... Время и мѣсто, мѣтъ нельзя болѣе, удобны и приличны!

— Что это съ нами будетъ? продолжалъ Изгоевъ. — Къ чему мы наконецъ идемъ, позвольте спросить? Что позволяютъ теперь мужчинамъ!... Вотъ хоть бы и этотъ: благородная дама съ нимъ въ его же бѣдѣ разговариваетъ — а онъ повернулся спиной да и забормоталъ себѣ подъ носъ... Какое это уваженіе, какой порядокъ?

Софья Николаевна чуть не вскрикнула отъ негодованія.

За то Наталья Васильевна совсѣмъ смягчилась.

— И видно, что вы еще недавно въ деревнѣ! сказала она. — Да то ли у насъ дѣлается, коли вамъ угодно знать! Это—фуеъ, шевое дѣло!

Кривошеина дунула себѣ на ладонь для болѣшей выразительности.

— Нѣтъ! Вы посмотрите, какъ поступаютъ наши господа мировые посредники! Волосъ дыбомъ становится! А, кажется, свои же, дворяне... Вѣдь просто удивительно, если мужчины еще васъ по рожѣ не бьютъ!

— Вамъ удивительно?

— Клянусь Богомъ удивительно! Потому что, я думаю, ихъ и за это по голове бы погладили!

Рѣчь Натальи Васильевны прервана была появленіемъ Бориса, который, прибѣжавъ вмѣстѣ съ Вѣрой Александровной, разомъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе громкимъ крикомъ:

— Вещи выносили?

— Что успѣли, вынесли; а больше пропало.

— Почему пропало?

— Видишь, какъ горитъ. Лѣто нынче Господь послалъ сухое, жаркое... Что ни на есть похватали, а тамъ, гляди, ужъ и войти нельзя.

Борисъ Ниволанчъ на минуту приостановился: взглянулъ на домъ, на толпу...

— Пустая! воскликнулъ онъ. — Еще можно!

И ринулся-было въ пламя.

Въ ту же минуту, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ вымолвить слово, съ трескомъ рухнула крыша, на прощанье метнувъ къ небу громадный столпъ огня и цѣлая туча черного, густого дыма.

— Ну, баринъ, помиловалъ тебя Господь! заговорили въ толпѣ.

Грозная опасность, которой готовъ былъ подвергнуться братъ, на минуту заставила Софью забыть обо всемъ на свѣтѣ. Но, успокоившись, она опять невольно оборотилась въ Изгоеву, чтобы посмотреть, какое впечатлѣніе произвела на него готовность Бориса.

Изгоевъ улыбался.

— Ну да, конечно! Это гораздо легче, чѣмъ самому браться въ огонь! подумала она, краснѣя отъ злости и негодованія.—О, я увѣрена, что вы и надъ этимъ сдумаете отлично посмѣяться! Не правда ли?

Тутъ къ Борису подошла Наталья Васильевна.

— Позвольте мнѣ, сударь мой, какъ старухѣ, сказать вамъ, что это стыдно и грѣхъ великій...

Борисъ Николаичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ Кривошеиной прямо въ глаза, потомъ едва замѣтно пожалъ плечами и очень иронически улыбнулся.

— Да-съ, да-съ, сударь мой! Я вамъ все-таки скажу правду. Зачѣмъ было такъ дѣлать? Напугали вотъ эту молодую особу, вѣроятно сестрицу вашу, могли сами пострадать — а для чего? Наконецъ, я не имѣю чести знать васъ, молодой человѣкъ...

Она очень хорошо знала, кто онъ такой.

— ...но, можетъ быть, у васъ и матушка есть. Каково бы ей было узнать, какъ вы думаете? А между тѣмъ, если ужъ вамъ угодно было пособить—ну, дали бы мужику, съ позволенія сказать, двугривенный, а въ десять разъ бы больше пользы вышло, потому что какой-нибудь тамъ горшокъ двухъ копѣекъ не стоитъ.

Софья Николаевна, краснѣя, опять взглянула на Изгоева.

Онъ все улыбался.

— Поворно васъ благодарю за совѣтъ! сказалъ Борисъ Николаичъ и повернулся спиной.

— Какъ же ты теперь будешь жить? обратился онъ къ погорѣльцу.

Тотъ уныло поднялъ голову.

— Какъ Богъ дастъ, извѣстно.... Самъ въ батраки пойду, дѣтей пошлю по міру...

— А ты покуда каждый день присылай ихъ къ намъ въ Желѣзновку, да и самъ приходи. Я распоряжусь, чтобы васъ кормили.

— Да вѣдь и мы, слава Богу, не татаре! Съ голоду умереть не дадимъ, не бойся! заговорили нѣкоторые въ толпѣ.— Или ты, можетъ, Петруха, больше сладкое любишь—господское?

— Приходи непременно! Я постараюсь и работу тебѣ найти, повыгоднѣе.

— На томъ благодаримъ покорно, коли милость ваша будетъ! поклонился мужикъ въ поясъ.—Заставьте Бога молить...
 — Постараюсь, постараюсь, будь спокоенъ. Ну, прощайте!
 — Прощенья просимъ!
 — Пойдемъ прямо домой, шепнулъ Борисъ сестрѣ и Вѣрѣ Александровнѣ.—Въ лѣсъ идти не стоить. А то еще Кривошеиха, пожалуй, вообразить, будто мы ею одолжаемся!

ХІ.

Бессонная ночь.

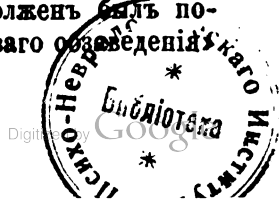
Софья Николаевна очень хотѣлось помочь погорѣвшему крестьянину, тѣмъ болѣе, что старшій его сынъ—смышленный и хорошенькій мальчикъ лѣтъ тринадцати—былъ ей большимъ пріятелемъ по собиранію грибовъ. Встрѣчаясь въ окрестныхъ рощахъ, Софья Николаевна не разъ говорила съ нимъ о разныхъ деревенскихъ новостяхъ, спрашивала о названіи какого-нибудь кустика или травы, поручала достать фіалокъ или ландышей съ юрнями для пересадки въ желѣзновскій цвѣтникъ и т. п.

Все это было очень хорошо. Но на бѣду у Софьи Николаевны никогда не случалось въ распоряженіи болѣе десяти рублей собственныхъ денегъ; да и тѣ отпускались ей только изрѣдка, ради какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ, въ родѣ именинъ или Пасхи, сохранялись не долго, и въ настоящую трудную минуту — увы! изъ послѣднихъ чрезвычайныхъ десяти рублей оставалось не болѣе трехъ гривенниковъ, представляющихъ, какъ извѣстно, сумму весьма неудовлетворительную.

Въ такихъ обстоятельствахъ Софья Николаевна, не долго думая, рѣшилась обратиться къ Борису, если не за дѣйствительной помощью, то по крайней мѣрѣ за совѣтомъ. Послѣдній его поступокъ не оставлялъ въ ней даже тѣни сомнѣнія, что братъ горячо примется за всякое дѣло, представляющее возможность хоть сколько-нибудь пособить бѣдѣ несчастнаго погорѣльца.

— Онъ только нѣжничать не любитъ! съ гордостью думала Софья Николаевна.—А случись съ человѣкомъ настоящее, дѣйствительное горе—такъ онъ первый полѣзетъ за него въ огонь и въ воду!

Наконѣцъ у Бориса Николаича были даже деньги: одна старая тетя и вмѣстѣ крестная мать, умирая, оставила ему по завѣщанію двѣ тысячи рублей, которые онъ долженъ былъ получить, окончивъ курсъ университета, «для перваго образованія»

въ началѣ практической жизни. Эти деньги онъ и дѣйствительно получилъ теперь отъ отца, вмѣстѣ съ накопившимися на нихъ за шесть лѣтъ процентами.

Итакъ, улучивъ удобную минуту вечеромъ, когда Борисъ одиноко ходилъ по липовой аллеѣ надъ прудомъ, Софья Николаевна подошла къ нему съ вопросомъ:

— Какъ же ты думаешь, Боря, помочь погорѣльцу въ Семеновкѣ? Ты ему общалъ...

Борисъ Николаичъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Право и самъ не знаю! Я говорилъ съ отцомъ, но у насъ рѣшительно нѣтъ никакой должности подходящей... Два годовыхъ работника—и тѣ уже наняты. Не гнать же ихъ въ самомъ дѣлѣ въ шею!.. Попробую написать въ Андрюшѣ: не прищетъ ли онъ какого мѣста въ городѣ—хоть дворника, что ли.

— А жена и дѣти?

— Пускай собираютъ на погорѣлое. Вѣдь онъ же говорилъ, что хочетъ ихъ послать...

— Ну, это плохая помощь! повачала головой Софья Николаевна.

— Найди лучше, сдѣлай одолженіе! Что же мнѣ, разорваться, что ли? Я виноватъ, что у насъ рабочіе наняты!

— Да не въ томъ вопросъ, Боря! Подумай ты самъ: какое же это доброе дѣло, если ты помогаешь безъ всякой жертвы или даже неудобства для себя? Это одолженіе, не больше—да и то еще очень сомнительное. Погорѣлецъ и самъ легко можетъ найти въ городѣ дворницкое мѣсто, не зачѣмъ писать въ Андрюшѣ. Нѣтъ! Надо пособить ему, не жалѣя кое-какихъ расходовъ—такъ, чтобы онъ могъ подняться, поправиться; или по крайней мѣрѣ дать ему средства жить вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Вотъ это будетъ доброе дѣло!

— А какъ его сдѣлать? Научи, пожалуйста!

— Надо, чтобы папѣ далъ хорошее мѣсто, хотя бы и съ невыгодой для себя; упроси его! Вѣдь мы не аферу дѣлаемъ, а хотимъ помогать. И потомъ, для первыхъ надобностей, необходимо подарить ему хоть двадцать или тридцать рублей.

Борисъ Николаичъ иронически поклонился.

— Покорно васъ благодарю! Вотъ такъ научили! Вы думаете, мы такъ богаты, что всѣхъ погорѣльцевъ можемъ брать на содержаніе? Увы, сударыня! Этакъ мы и сами прогоримъ очень скоро!... Зачѣмъ вы ужъ встали не посовѣтали еще просто-на-просто выстроить новый дворъ? Это, знаете, еще бы для него лучше!

— Всѣхъ бѣдняковъ конечно никто на свѣтѣ не можетъ

вать на содержаніе, какъ бы онъ ни былъ богатъ... Но слѣдуетъ ли изъ этого, что не надо помогать ни одному?

— И помогаютъ, сколько возможно! А зачѣмъ же себя-то стѣснять? Я что ли виноватъ, что у мужа дворянскіе сгорѣли?

Софья Николаевна задумалась.

— Это право странно! сказала она потомъ, какъ будто не столько въ отвѣтъ Борису, сколько для самой себя. Развѣ это не удивительное противорѣчіе? На пожарѣ ты хотѣлъ рискнуть жизнью, чтобы помочь на гривенникъ; а теперь жалѣешь для того же самаго человѣка нѣсколькихъ рублей, которыми могъ бы въ самомъ дѣлѣ помочь ему на всю жизнь... Какъ это объяснить?

— Ну, ужъ! коли пошло на философію, такъ сдѣлайте милость, философствуйте однѣ, а меня избавьте! разсердился Борисъ. Мнѣ она вотъ гдѣ, эта ваша философія: сытъ! показавъ онъ себѣ на горло.

— Тѣ было на людяхъ, показнѣе; а этого, пожалуй, никто бы и не замѣтилъ! словно шепнулъ кто-то Софьѣ Николаевнѣ.

Бѣдная дѣвушка покраснѣла до ушей и, не говоря ни слова, съ опущенной головой, быстро-быстро ушла назадъ, въ свою комнату...

Въ послѣднее время Софьѣ Николаевнѣ довольно тяжело доставалась ея привычка къ анализу людей и жизненныхъ явленій. Со многими разочарованіями пришлось ей помириться, во многомъ обочалась ея молодая довѣрчивость, много утѣшительныхъ истинъ оказались пустымъ миражемъ, много мнѣческихъ чудовищъ, о которыхъ слышно было, что они водятся тамъ, гдѣ-то далеко, неожиданно оказались самыми близкими сосѣдями...

Каждый изъ насъ по себѣ испыталъ, что въ извѣстномъ возрастѣ два-три лишніе года чрезвычайно много значатъ для человѣка, а иногда совершенно измѣняютъ его внутренній міръ. Для Софьи Николаевны уже наступилъ такой періодъ. Въ одно очень сѣрое, туманное и моросливое утро, проснувшись въ уныломъ настроеніи духа и раздумавшись еще въ постели обо многомъ и многихъ—Софья Николаевна вдругъ сказала себѣ, что она начинаетъ проходить науку дѣйствительной жизни, а прежнія ея понятія—только розовый сонъ.

И она была права. Но бѣдная дѣвушка еще не знала, какъ горька бываетъ наука, и сколько испытаній готовить она ей впереди. Первые шаги на этомъ полѣ—не страшны: нѣсколько грязныхъ мелочей, нѣсколько ничтожныхъ личностей оцѣниваются по достоинству, нѣсколько дѣтскихъ вѣрованій утрачиваются безвозвратно; но чувство сознательнаго перехода къ зрѣ-

лости ума и сужденій, и радость о себѣ самомъ—съ избыткомъ вознаграждаютъ за эти небольшія разочарованія. Человѣкъ съ гордымъ торжествомъ спѣшитъ далѣе, какъ мальчишѣ, которому въ первый разъ дали ружье и который съ перваго же выстрѣла убилъ пару воробьевъ... Но берегись, о будущій Нимродъ! За воробьями пойдутъ зайцы, лисицы, волки—и кто наконецъ поручится, что въ одинъ прекрасный день какой-нибудь невѣжливый медвѣдь не сомнетъ тебя самого?

Софья Николаевна дошла до «медвѣдя». Ея житейская наука встала на заднія ноги и съ ревомъ пошла на нее же. Уже не свѣтлыя сказочки дѣтства, а самыя коренныя, глубокія вѣрованія пошатнулись въ ея душѣ и украсились огромнѣйшимъ вопросительнымъ знакомъ; уже не посторонніе люди, а самыя близкіе, чтимые и дорогіе—ужаснули ее мелочью и пошлостью своихъ побужденій. Умный, много учившійся человѣкъ доказательно и съ горячимъ убѣжденіемъ говорилъ ей, что истина, любовь, справедливость—фантомы, что человѣчество—случайный пузырь на океанѣ. Братъ, который три года тому назадъ, въ послѣдній свой прїѣздъ, казался ей идеаломъ всѣхъ высшихъ стремленій и благородныхъ чувствъ—вдругъ сталъ такимъ жалкимъ, такимъ маленькимъ... жалче и мельче многихъ уже осужденныхъ и осмѣянныхъ мелкихъ.

Объ утѣхѣ гордостью знанія и помину не было! Тутъ выходило совсѣмъ тяжелое, печальное дѣло; тутъ пришлось аналитическимъ скальпелемъ больно порѣзать собственные пальцы.

Для людей съ извѣстнымъ умственнымъ и душевнымъ строеніемъ, съ извѣстной чуткостью ума и чувства, отвлеченное мышленіе можетъ сдѣлаться источникомъ глубокихъ мученій, если оно ставитъ на карту тѣ вѣрованія, которыми до сихъ поръ они жили. А бѣдная Софья Николаевна еще не успѣла раздѣлаться съ бурей, поднятою въ ней Изгоевымъ, какъ уже новый ударъ поразилъ ее очень чувствительно. Она не могла сомнѣваться и оправдывать дальше извѣстныхъ предѣловъ: за ними являлась холодная, тяжелая очевидность—и бывшій идолъ летѣлъ съ пьедестала.

Софья Николаевна промучилась, продумала, проволновалась цѣлую ночь—но Борисъ поступилъ у нея въ разрядъ людей, уже понятыхъ и осужденныхъ, а сама она вышла изъ этой внутренней борьбы еще нѣсколько холоднѣе и тверже...

Она дожила до своего медвѣдя!

Знакомы ли вы съ бессонными ночами? Чего-чего не пере думается за бессонную ночь! Какихъ мыслей и фантазій, анализовъ прошедшаго и рѣшеній для будущаго не найдутъ

въ нихъ возбужденный умъ и взволнованное чувство. Въ ясно и рѣзко, среди давящаго мрака и тишины, выдается передъ нами нравственное значеніе извѣстнаго поступка, нравственная фizioномія личности, и даже собственное наше внутреннее я. Съ какою безошибочной проникающейностью обсуждаемъ мы свое положеніе и силы; какимъ безпопашно глубоко въглядомъ отрываемъ истинные мотивы нашихъ дѣйствій, строго и благородно отказываемся навсегда отъ побужденій нечистыхъ, мелкихъ или недостойныхъ, и какія подъ покровомъ безсонной ночи принимаемъ великія и прекрасныя намѣренія... Увы! большинство изъ нихъ обыкновенно идетъ потокомъ на извѣстную мостовую. Но кое-что и остается. И потому-то я люблю свои безсонныя ночи, читатель! Много краснѣлъ я, ворочаясь съ боку на бокъ въ постели, но много разъ за то не приходилось мнѣ краснѣть среди бѣлаго дня.

Луна осторожно заглядывала въ крошечную спальню Софьи Николаевны, присуя на полу блестящее, косое окно, скользя по бѣлому рукомойнику, играя на стеклянныхъ подвѣскахъ свѣчи, и заглядывая даже конецъ бѣлаго одѣяла. Глубокая, ни съ чѣмъ не сравнимая тишина деревенской ночи охватила землю; можно было подумать, что сказочный волшебникъ махнулъ жезломъ надъ этимъ соннымъ царствомъ, такъ беззвучно и неподвижно было все кругомъ. Спать темное зеркало, повернувшись спиною въ лунѣ, на небольшомъ туалетномъ столикѣ; спать разныя мелочи, поставленныя или разбросанныя на комодѣ; спать гипсовая фигура на этажеркѣ, и темная картина въ золоченой рамѣ, изъ которой вырѣзалась только бѣлая рука въ кольцахъ, прихотливо освѣщенная луною; спать широкая яблоня передъ окномъ, слегка заслонивъ его вѣтвями; спать даже воздухъ, не смѣющій шелохнуться ни листикомъ этой яблони... Все спать, въ комнатѣ и на дворѣ. Только луна со своими длинными лучами, точно огромный паукъ неслышно опутываетъ землю тихо сіяющею сѣтью странныхъ пятенъ.

— Ку-ка-ре-куу! вдругъ слышится гдѣ-то далеко-далеко на деревнѣ.

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! отвѣчаютъ со всѣхъ сторонъ сильные крики.

— Ку-ка-ре-ку! точно подъ самымъ окномъ раздается наконецъ рѣзкая нота домашнего артиста.

Уже вторые пѣтухи пропѣли, ужъ не долго и до разсвѣту, а Софья Николаевна все мечется по своей душной перинѣ, и никакому волшебнику, никакой лунѣ не удалось ее успокоить.

— Господи! думаетъ она, густо и горячо краснѣя даже подъ

защитою ночной темноты, какое это глупое, постыдное, невыносимое положеніе быть въ такой зависимости, какъ я! Не имѣть ни одной своей собственной копѣйки! Быть обязанной за каждый съѣденный кусокъ хлѣба! Не смѣть покойно и съ сознаниемъ подать нищему грошъ, потому что вѣдь это—чужой грошъ! И какъ это мнѣ прежде не приходило въ голову? Какъ я давнымъ-давно не попыталась вырваться изъ подлугаго омута? Неужто такъ-таки и нѣтъ спасенія? Неужто всю жизнь надо пронищенствовать въ кисейныхъ платьяхъ, за барскимъ столомъ и въ рессорной коляскѣ? Да лучше же я буду носить линючій ситецъ, какъ послѣдняя кухарка, лучше ѣсть черный хлѣбъ и наѣдаться только въ полсыта, лучше изсохнуть надъ работой, чѣмъ знать, что каждую минуту, въ каждомъ кускѣ и каждой тряпкѣ я беру милостыню отъ людей, которыхъ я, можетъ быть, даже и уважать-то не имѣю права. Вѣдь это позоръ, ужаснѣйшій позоръ! Господи! Да неужто въ самомъ дѣлѣ нѣтъ спасенія? Нѣтъ никакой дороги? Съ какой стати я обязана брать подаваніе, когда я не хуже и не глупѣе другихъ? Нѣтъ! Такъ жить нельзя, и я не буду такъ жить! Лучше не знаю что—лучше... умереть! Завтра же примусь за работу. Посмотримъ!

Софья Николаевна заснула только къ свѣту, когда на улицѣ ватомъ небѣ уже зачинались первые проблески утренней зари. Но сонъ ея все-таки не былъ крѣпокъ, и ровно въ семь часовъ она вскочила съ постели, съ торопливостью и безпокойствомъ челоуѣка, который прежде всего спрашиваетъ у себя, не проспалъ ли онъ нужное время?

Однако до общаго семейнаго чая оставалось еще добрыхъ два часа, и слѣдовательно все было въ порядкѣ.

Софья Николаевна умылась холодной водой, набросила какую-то кофточку на плечи и сѣла за письменный столъ, доставъ изъ ящика два листа почтовой бумаги.

Эти листы предназначались для писемъ, и одно изъ нихъ было къ Андрею.

«Милый Аня!»—писала Софья Николаевна:—«Я знаю, что хочу просить тебя о такой вещи, которая покажется тебѣ и непріятною, и неблагоприятною. Но, ради Бога, добрый мой, милый, если ты не хочешь огорчить меня самымъ ужаснымъ образомъ—такъ, что я буду плакать недѣлю и никогда тебя не прощу—ради Бога, не спѣши своимъ рѣшеніемъ, или, еще лучше, рѣши сразу сдѣлать по-моему. Ты знаешь, я рѣдко прошу, и даже, кажется, никогда еще не просила, слѣдовательно можешь судить, до какой степени у меня лежитъ на сердцѣ теперешнее дѣло. Если я даже ошибаюсь и дѣлаю глупость—неужто

стоит жестоко огорчить меня изъ-за нѣсколькихъ десятировъ рублѣ, которые все равно лежатъ никому не нужны?

«Я посылаю тебѣ мой золотой браслетъ, и прошу продать его сейчасъ же, а деньги выслать мнѣ. Одинъ крестьянинъ изъ Семеновки, Петръ Сысоевъ (не знаю, видалъ ли ты его?), вчера погорѣлъ. Ты не можешь себѣ представить его отчаяніе! Я присутствовала при пожарѣ, и говорю тебѣ, что это было ужасно! Подумай только: мать, жена, шестеро дѣтей, и все это держится одной паркою рукъ! Такого горя я еще и не видывала. Сильный, здоровый мужикъ былъ безпомощнѣе ребенка. Господи! Всю-то свою жизнь человекъ работалъ, работалъ—и вотъ... Расуди ты самъ, милый мой, добрый, что важнѣе: чтобъ на тебѣ у меня болтался какой-нибудь безтолковый кусокъ золота, и помочь людямъ въ такой бѣдѣ—можетъ быть, спасти цѣлое семейство? Ты только подумай: на что мнѣ этотъ браслетъ? Убудетъ меня, что ли, если я его продамъ? Ты, пожалуй, будешь стѣсняться тѣмъ, что онъ бабушкинъ, что имъ у насъ очень дорожать... Ну, а я тебѣ прямо скажу: хоть бы разбабушкинъ! Я рѣшилась его продать—и продамъ, и кончено! или просто въ воду брошу, если ты не исполнишь моего желанія. Наконецъ, бабушка мнѣ его подарила, слѣдовательно онъ мой, и никто не можетъ быть въ претензіи. А другихъ золотыхъ вещей, ты знаешь, у меня нѣтъ.

«Голубчикъ мой Аня! Не сердись, пожалуйста, на свою бѣдную сестренку. Пусть я себѣ дурю, глупости дѣлаю, сумасшествую! Но если твой отказъ меня жестоко, ужасно огорчить—стоитъ ли этотъ браслетъ того, чтобъ твоя Соня-молодецъ такъ горько-горько плакала?

«Сдѣлай же поскорѣе, и прощай. Цѣлую тебя.

«С. Смурова».

«Р. S. Пришли мнѣ, если тебя не затруднить, самоучитель англійскаго языка по методѣ Робертсона. Что будетъ стоить, я потомъ возвращу тебѣ съ благодарностью. Самоучитель пусть будетъ французско-англійскій».

Черезъ день отъ Андрея Николаевича прибыло слѣдующее извѣщеніе:

«Браслетъ твой проданъ (какъ золото въ ломъ), и деньги, 74 р. 65 к., при семъ высылаю, а равно 26 р. 50 к. (всего 101 р. 15 к.), вырученные за бабушкину булавку, безъ которой мой галстухъ тоже весьма легко можетъ обойтись. Продали мы съ тобой покойную бабушку, какъ жида Христа!

«Петра Сысоева я знаю: онъ—умный и трудолюбивый че-

ловѣкъ, хотя ему, кажется, до сихъ поръ во всемъ неудача. Еще въ прошломъ году у него пала корова, а въ позапрошломъ лошадь сломала ногу. Что будешь дѣлать! Но Сысоевъ все-таки человѣкъ находчивый и даже торговыми оборотами занимается. Поэтому я бы совѣтовалъ обязать его роспискою относительно возвращенія денегъ. Не для того, разумѣется, чтобы стѣснить его: если не въ силахъ будетъ заплатить, то и Богъ съ нимъ; но очень можетъ быть, что дѣла его совсѣмъ поправятся, и тогда тѣ же деньги пригодились бы другому бѣдняку.

«Французско-англійскій самоучитель Робертсона прилагаю. Стоитъ 4 руб. 60 к. за всѣ четыре части.

«Любящій тебя

«А. Смуровъ».

ХІІ.

Разлетѣлись.

Софья Николаевна съ большимъ нетерпѣніемъ и еще болѣе сомнѣніемъ ждала извѣстій отъ брата. Поэтому письмо его не только ее обрадовало, но и очень удивило. Оно какъ-то совершенно не соотвѣтствовало ни ея ожиданіямъ, ни той идѣ, которую она составила себѣ относительно Андрея Николаевича, и потому сдѣлалось для нея источникомъ довольно смѣшанныхъ ощущеній. Съ одной стороны, она радовалась своей удачѣ и будущей радости бѣдняка-погорѣльца; она любовалась даже большой суммой денегъ, какой еще никогда не приходилось ей имѣть въ рукахъ, и которая прельстила ее до того, что, пересматривая деньги въ третій разъ, ей на минуту даже жаль стало разставаться съ ними. За то съ другой стороны Софья Николаевна совѣстно было вспомнить теперь о своемъ письмѣ, о ненужной горячности убѣдительныхъ просьбъ и доводовъ, о лъстивыхъ обращеніяхъ къ любви и добротѣ брата, которые въ сущности выражали только недовѣріе къ нему. Андрей Николаичъ не могъ проглядѣть истинный смыслъ ея краснорѣчія, слишкомъ наивно сквозившій между строками — и Соня краснѣла до ушей! Она не ожидала, никакъ не ожидала подобнаго отвѣта. Она привыкла къ тому, чтобъ всякое событіе или начинаніе, хоть сколько-нибудь выходящее изъ уровня повседневности, обсуждалось и переживалось на тысячу ладовъ разными членами семейства; изъ-за какого-нибудь пустяка часто выходили горячія пренія,

несогласія и даже ссоры. А тутъ вещь, на которую сама она рѣшилась не безъ смущенія и страха, вещь совсѣмъ небывалая — не вызываетъ ни малѣйшаго замѣчанія, дѣлается такъ спокойно и сухо, точно самое естественное дѣло! Она горячилась, молила, доказывала — и въ отвѣтъ ни одного слова, ни одного намека на всѣ ея рѣчи, вообще никакихъ разсужденій по поводу всего дѣла — словомъ ничего, совсѣмъ ничего! Только нѣсколько короткихъ и дѣловыхъ строкъ, хотя очевидно не съ намѣреніемъ короткихъ и въ сущности очень ласковыхъ, да еще такой же короткій и дѣловой совѣтъ насчетъ росписки. Софья Николаевна вспомнила, что Аня вообще не отличается многословіемъ въ дѣлахъ, на семейныхъ совѣтахъ часто держитъ свое мнѣніе про себя, а поступаетъ потомъ совершенно по-своему и противъ всякаго ожиданія, отговариваясь случаемъ, да обстоятельствами, или просто тѣмъ, что онъ *право и самъ хорошенько не знаетъ, какъ это вышло*. Софья Николаевнѣ вдругъ показалось, будто очень можетъ быть, что она совсѣмъ не понимаетъ Аню. И въ самомъ дѣлѣ, чтó это за человекъ, Аня? Давала ли она себѣ трудъ подумать о немъ внимательно и на основаніи точныхъ наблюденій? Софья Николаевна сама себѣ удивилась, такъ неудовлетворительно пришлось ей отвѣчать на подобный вопросъ — ей, любившей разглядывать людей и даже нѣсколько гордившейся своимъ аналитическимъ искусствомъ.

Но теперь было не время заниматься размышленіями. Деньги горѣли въ рукахъ у Софьи Николаевны — и она отправилась къ Борису и Вѣрѣ Александровнѣ съ предложеніемъ сходить въ Илховскій лѣсъ, на прощанье.

Былъ уже вторникъ. Борису предстояло выѣхать въ четвергъ.

Предложеніе Сони, какъ и слѣдовало ожидать, принято было съ нарочитымъ сочувствіемъ, и послѣ немногихъ, весьма торопливыхъ приготовленій вся компанія двинулась въ лѣсъ, разсѣвшись на линейкѣ-дребезжалкѣ.

Расчетъ Софьи Николаевны былъ вѣренъ. Отъ Илховскаго лѣса до Семеновки, Марьина то-жъ, не болѣе полуверсты разстоянія, такъ что даже больному Изгоеву показалось оно когда-то ничтожнымъ. Тѣмъ болѣе ничтожнымъ было оно для дѣвушки, привыкшей въ самымъ утомительнымъ походамъ, передъ которыми очень бы задумалось большинство городскихъ ногъ, принадлежащихъ даже лицамъ сильнаго, хотя и непрекраснаго пола. Ничто, слѣдовательно, не могло быть легче, какъ незамѣтно ускользнуть изъ лѣсу, сбѣгать наскоро въ Семеновку и вернуться

назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Софья Николаевна крайне боялась ненужнаго столкновѣнiя съ Борисомъ, такъ какъ оно могло повести если не къ серьезной помѣхѣ, то во всякомъ случаѣ къ самымъ непрiятнымъ переговорамъ; трусила и объяснений съ отцомъ или матерью, которые очень дорожили браслетомъ; однимъ словомъ, рѣшила не говорить о своемъ подвигѣ ни съ кѣмъ, до самой послѣдней возможности.

Разойдясь въ лѣсу съ братомъ и Вѣрой Александровной въ разныя стороны, она тотчасъ же осторожно вышла на опушку, осмотрѣлась и, не замѣтивъ ничего опаснаго, почти бѣгомъ пустилась къ Семеновѣ. Слава Богу! Наконецъ-то дѣло уладится!

— Еще найду ли я Сысоева? беспокоилась она, торопиво шагая по едва замѣтной тропинкѣ въ травѣ. Вотъ будетъ несчастiе, если онъ куда-нибудь ушелъ изъ деревни.... Опять начинай съ начала!

Но пройдя логомъ и повернувъ направо къ мостикъ, Софья Николаевна вдругъ остановилась въ большомъ недоумѣнiи. И дѣйствительно, зрѣлище, которое представилось ея глазамъ, было хотя обыкновенное, но очень неожиданное. Съ поворота разомъ открывалась Семеновка, и въ авангардѣ деревни, на мѣстѣ недавняго пожара, Софья Николаевна увидѣла тщательно расчищенные остатки погорѣлаго, кучами наваленный лѣсъ, очевидно приготовленный для постройки, и наконецъ самого Сысоева, который заботливо расхаживалъ между новенькими бревнами.

— Ну! подумала Софья Николаевна. Аня, правду пишетъ, что это челоувѣкъ находчивый.

И въ глубинѣ души ей стало досадно, что пособiе ея, можетъ быть, не такъ ужъ необходимо. Роль спасительницы, роль Провидѣнiя для несчастныхъ — очень скользкая роль! Но со своей вѣчной привычкой къ самоанализу, Софья Николаевна тотчасъ же вывела это чувство наружу, разсердилась, выбранила себя безпощадно, и подавила непрошенную досаду до такой степени, что уже съ искренней радостью побѣжала къ Сысоеву.

— Здравствуйте, Лаврентьичъ!

— Ахъ, матушка Софья Николаевна! А я-то васъ и не примѣтилъ! обрадовался крестьянинъ, который до того погруженъ былъ въ разсмотрѣнiе и счетъ своихъ бревенъ, что не видалъ, какъ подошла къ нему дѣвушка. — Ну, здравствуйте! Какъ васъ Богъ милуетъ?

Софью Николаевну всѣ въ околотеѣ любили: у одного она крестила, къ другому заходила при случаѣ въ гости, побол-

тѣ, третьему спина для синищен нарядную рубаху, и такъ далѣ.

— Благодарю васъ! А вы чтб? Я вижу, строитесь?

— Да! Богъ послалъ!

Софью Николаевну поразило торжественный, радостный, исполненный любви и вѣры взглядъ, съ которымъ крестьянинъ при этихъ словахъ перекрестился на небо.

— Что же, вамъ вѣрно удалось занять гдѣ-нибудь?

— А вы развѣ не слышали?

— Чего?

— Что со мной-то было?

— Нѣтъ, не слыхала! А что такое?

— Нѣ слышали?... Какъ же это такъ? Никто и не рассказывалъ!... Вотъ ужъ истинно, барышня, коли Господь захочетъ помиловать, такъ ужъ никакая вражеская сила противъ того челоуѣка совладать не можетъ.... Вотъ извольте послушать! Тѣмъ же вечеромъ, какъ это я погорѣлъ, присылаетъ за мной нашъ батюшка, отецъ Ларивонъ — чай, знаешь?

— Какъ не знать! Ну?

— «Здравствуй, говоритъ, сыне!» — Здравствуйте, говорю, батюшка! и разумѣется сейчасъ подъ благословеніе. «Чтб, говоритъ, испыталъ тебя Господь?» — Да, говорю, видно къ себѣ зоветъ; видно, говорю, не жалецъ я больше на свѣтѣ! А у меня, знаете, такія тогда были мысли — ну! и не вспоминать лучше! «Что ты это надумалъ? говоритъ. А ты знаешь ли, что отчаяніе — грѣхъ, великій грѣхъ?» — Не въ нашей, говорю, это власти, святой отецъ! — «Да ты какъ полагаешь: если Богъ можетъ тебя наказать, развѣ Онъ же не можетъ и помиловать?» — А я молчу себѣ, окаянный, да думаю: видно для нашего брата и у Бога-то милости мало! Только вдругъ какъ возговорить это отецъ Ларивонъ, таково строго да сурьезно. «Услышь-жъ, говоритъ, маловѣрный, что Господу угодно было сотворити для блага твоего! Сегодня къ заходу солнечному изшелъ я въ садъ, посмотрѣть на улья; по нѣкоторомъ времени, минутъ черезъ двадцать, возвращаюся въ убогую храмину свою, и вижу на столѣ бумагу нѣкую, неизвѣстно кѣмъ положенную. Спрашиваю попадью, спрашиваю Василья, спрашиваю Марью — никто не усмотрѣлъ, никто ничего не знаетъ! И взяло меня сомнѣніе великое. Однако вижу я на бумагѣ имя мое написанное. Сотворилъ я молитву, знаменуясь крестно, и съ трепетомъ отпечаталъ. И вижу.... Ну-ка, говоритъ, чтб я вижу? Отгадай!» — Какъ же я могу знать! говорю. — «А вижу я, невѣрный, въ бумагѣ полто-

раста рублей вложено, и надпись сдѣлана такая: *Поручаю вамъ передать эти деньги погорѣвшему крестьянину Петру Сысоеву въ полную собственность отъ неизвестнаго.* Вотъ тебѣ и деньги!» Вынулъ изъ ящика и даетъ мнѣ полтора ста рублей. А я, знаете, и самъ не понимаю, чтò это со мною дѣлается. Стою, какъ каменный, только руки трясутся.... Когда потомъ пришелъ я немножко въ память—упалъ я тутъ передъ иконами и сталъ плакать. Плакалъ, плакалъ—удержу нѣтъ! Хочу остановиться—не могу; хочу слово вымолвить—голосу нѣтъ! И сказать я вамъ не могу, что у меня тутъ на душѣ сдѣлалось.... Такъ какъ-бы я въ рай неся!... И положилъ я безпремѣнно, какъ только, Богъ дастъ, удосушусь—пойду въ Кіевъ пѣшкомъ на богомолье.... А деньги эти, полтора ста рублей, я заслужу—днемъ и ночью буду работать!—и всѣ до копѣечки отдамъ на церковь.

— А я еще ропталъ, окаянный! воскликнулъ онъ.

— Вотъ и бумага! вынулъ онъ потомъ изъ-за пазухи бережно сохраняемый конвертъ, поцѣловалъ его, крестясь, и передалъ Софѣ Николаевнѣ.

Она развернула листикъ простой, сѣровой бумаги. Крупнымъ, крупнымъ и чрезвычайно характернымъ почеркомъ на немъ дѣйствительно были написаны тѣ слова...

Между тѣмъ въ Илховскомъ лѣсу происходила другая сцена.

Евгеній Сергѣевичъ уже болѣе двухъ часовъ валялся на травѣ, надъ берегомъ озера, которое нѣкогда было первою причиною его знакомства съ Вѣрою Александровной. Мѣсто онъ выбралъ себѣ тихое и укромное, со всѣхъ сторонъ защищенное не только отъ солнца, но даже отъ нескромныхъ заглядываній случайнаго проходивца; подъ головою у него была моховая кочка, накрытая чистымъ носовымъ платкомъ; въ рукахъ—послѣдняя книжка какого-то журнала. Однимъ словомъ, долженъ бы онъ былъ по видимому находиться въ самомъ мирномъ и пріятномъ настроеніи—насколько по крайней мѣрѣ этого можно ожидать отъ человѣка его характера. Но въ дѣйствительности Изгоевъ хандрилъ и злился съ утра—на собственную особу, на Марю, опоздавшую съ самоваромъ, на жаркую погоду, на цѣлый свѣтъ.

При такомъ-то расположеніи духа, вдругъ тишина его убожища нарушена была шумомъ шаговъ и звонкимъ женскимъ голосомъ, который говорилъ:

— Сядемъ здѣсь, Борисъ Николаичъ, подъ березой; здѣсь, кажется, хорошо.

— А, нелегкая взяла бы васъ и съ березой! Вотъ еще пришло! сердито проворчалъ Изгоевъ. Совсѣмъ я не желаю вамъ возмываться. Болтайте себѣ вздоръ, сколько вамъ угодно; а я буду здѣсь лежать. Авось скоро уберетесь!

— Сядемъ! послышался мужской голосъ.

Затѣмъ минута молчанія.

— Ну, Вѣрочка моя милая....

— Ого! подумалъ Изгоевъ. Начинается не дурно. Ужъ не лучше ли мнѣ подняться?... А впрочемъ какое же мнѣ дѣло? Вѣдь не я къ нимъ лѣзъ, они ко мнѣ прилѣзали. Пускай впередъ будутъ осторожныѣ. Подобныхъ бесѣдъ не начинаютъ безъ подробнаго осмотра мѣстности.

— Голубчикъ! ангелъ! и такъ далѣе, прервала шутя Вѣра Александровна. Это я ужъ знаю. Что будетъ дальше?

— Ого! торопится барышня! опять комментировалъ Изгоевъ.

— А дальше будетъ то, что вѣдь это вѣроятно наше послѣднее свиданіе наединѣ, что ужъ не придется намъ поговорить откровенно и проститься, какъ слѣдуетъ.

Послышался очень явственный звукъ поцѣлуя.

— Ахъ, чортъ возьми! встревожился Изгоевъ. Если у нихъ доходить дѣло до нѣмыхъ откровенностей, то не лучше ли мнѣ убираться отсюда. Слуга поворный!

— Борисъ Николаичъ! вы никакъ не можете оставить мои руки въ покоѣ! опять послышался голосъ дѣвушки, на этотъ разъ съ выраженіемъ искренняго упрека.

— Полноте, Вѣрочка, какъ вамъ не стыдно! Кажется, мы съ вами въ такихъ отношеніяхъ, и теперь такое грустное время, что хоть ради его вы могли бы на минутку забыть салонные уставы.

— И вспомнить будуарные! Такъ что ли? прошепталъ Изгоевъ. Однако сіи птенцы дѣйствуютъ покуда, какъ я вижу, по рецептамъ Платона. Ну, и прекрасно. Торжествуй же, старый мудрецъ! А мнѣ можно успокоиться.

— Вы видите, я до сихъ поръ ни слова не говорила, заѣтила Вѣра Александровна. Но вѣдь нельзя только и дѣлать, что руки цѣловать!

— Слушайте, Вѣрочка! У меня есть къ вамъ двѣ большія, великія просьбы. Если вы не захотите ихъ исполнить, я буду ужасно несчастливъ.... Неужто вамъ доставить удовольствіе огорчать меня? *Теперь?*

— Чортъ возьми! это недурно сказано; у мальчика талантъ, подумалъ Изгоевъ.

— Ну, въ чемъ же дѣло? Посмотримъ.... Нумеръ первый?

— Нумеръ первый: будемъ съ этой минуты говорить другъ другу *ты*.

— Ну, и въ чему это? Не совершенные ли пустяки?

— Послушайте, Вѣрочка! Развѣ мы не близкіе люди? Развѣ, Богъ дастъ, не будемъ еще ближе? Зачѣмъ же на каждомъ шагѣ стѣснять себя сотнями формальностей и глупыхъ приличій? И такъ право грустно, хоть въ воду! А, кажется, я вѣдь не долго и прошу у васъ такой милости: до отъѣзда, можетъ быть, ужъ и не случится поговорить наединѣ: сегодня послѣдній разъ... Впрочемъ! Богъ съ вами! Принуждать васъ къ непріятному я не хочу.

— Не дурно! еще разъ похвалилъ Изгоевъ. Очень не дурно! Въ голосѣ приличный тонъ покорности, грусти и вообще трогательно. Барышня, пожалуй, не устоитъ.

Дѣвушка отвѣчала не скоро.

— Ну.... начала она нерѣшительно. Ну.... если вы этимъ такъ дорожите....

Борисъ Николаичъ не далъ ей кончить.

— Голубчикъ! Милая! Радость моя!

— Какая еще просьба?

— Другая полегче для тебя, недотрога! хотя гораздо труднѣе для всякой другой. Я прошу тебя каждый день аккуратно вести дневникъ, собственно для моей особы, и въ недѣлю разъ пересылать его ко мнѣ.

— Зачѣмъ это? грустно возразила дѣвушка. Развѣ вы.... Ну, ну! развѣ ты не знаешь моего житья? Однообразное, тоскливое, обидное.... Вѣдь я только и живу лѣтомъ, у васъ въ деревнѣ. А ужъ зима.... Не приведи Богъ! страшно и вспомнить... Чтó же я стану записывать? Только себя да васъ мучить!

— Тебя, а не васъ!

— Ну, тебя — все равно.... Нѣтъ, Боря, слишкомъ мнѣ тяжело живется, чтобъ еще нарочно передумывать наново всякое горе и всякую обиду.

— Голубчикъ мой, Вѣрочка! Жаль мнѣ тебя, и сказать не могу! Ну, да подожди. Богъ дастъ, скоро все устроится.... Знаешь, служба въ Оренбургѣ теперь, говорятъ, очень выгодна, и тамъ легко составить себѣ карьеру.

— Дай вамъ Богъ всякой удачи!

— Опять вамъ!... А моя удача, Вѣрочка, будетъ и твоей тоже. Вѣдь не даромъ же мы друзья! Такъ, что ли? свазалъ онъ полуслушливо.

— Да, друзья!... Помни же, Боря — вдругъ заговорила она, будто въ неудержимомъ порывѣ и со слезами въ голосъ — помни мой *милой, дорогой, единственный* (эти слова подчеркнуты были особымъ удареніемъ) — всегда помни, что у тебя есть искренній, неизмѣнный другъ! что какъ бы ни пошли твои дѣла, какъ бы ни устроилась твоя новая жизнь, худо ли хорошо ли — *этотъ* другъ не перемѣнится къ тебѣ никогда, ни за что на свѣтѣ, потому что все сердце его отдано навѣкъ, потому что и живетъ — онъ только *однимъ* чувств....

Дѣвушка не успѣла кончить.

— Вѣра! Борисъ! Ау! Ау! Ау! раздалось въ эту минуту издали.

— На самомъ интересномъ мѣстѣ! Опять злобно улыбнулся про себя Изгоевъ. Вѣдь надо-жъ именно въ такой торжественный моментъ! Тахта вы совсѣмъ не имѣете, Софья Николаевна!

— Соня идетъ! послышался испуганный полушопотъ Вѣры Александровны.

— Ну, ничего....

— Какъ, ничего!...

— Вѣра! Борисъ! Ау!

— Пустите же, пустите, Борисъ Николаичъ! ради Бога! Ау!

— Ау!

— Ау!

Борисъ и Вѣра Александровна пошли на голосъ.

— *Finita la comedia!* проворчалъ имъ вслѣдъ Изгоевъ.

Нельзя сказать, чтобы вся эта сцена настроила его болѣе миролюбивымъ образомъ, или даже хоть только позабавила. Напротивъ, въ душѣ Изгоева шевельнулось какое-то неясное чувство злости, зависти, или черной скуки жизнью — нельзя опредѣлить хорошенько. Да и самъ онъ едва ли сознавалъ на этотъ разъ, что именно дѣлается у него въ душѣ — чувствовалъ только, какъ по ней еще властивѣ прежняго разливается тяжелый, безвыходный мракъ и холодъ; чувствовалъ что-то ѣдкое и жгучее въ груди.

Евгеній Сергѣичъ не могъ даже продолжать чтеніе: посмотрѣлъ-было въ книгу, перевернулъ одинъ или два листика, но бросилъ съ досадой и всталъ, чтобы идти домой.

— Надо уговориться со старостой насчетъ деревьевъ, подумалъ онъ. Продамъ ихъ хоть какъ-нибудь, только бы поскорѣе, да и побѣду отсюда. Надоѣло!

— И что это, Господи, нигдѣ я не могу ужиться! Онъ повѣсилъ голову и тихо побрелъ между кустами. Тоска, вѣчная тоска!...

Примусь ли я за дѣло, или по цѣлымъ днямъ валяюсь на диванѣ, хочу ли завертѣться въ городской суматохѣ, или затонуть въ деревенской тиши — нигдѣ мнѣ нѣтъ спасенія.... Гони, тоска, гони бѣднаго Изгоева! Гони его за то, что когда-то онъ смѣлъ быть и лучше, и добрѣе другихъ! Рви ему душу на части — вѣдь онъ еще не совсѣмъ потерялъ сознаніе своей мерзости! Бей его безъ жалости, бей за то, что онъ, глупецъ, не въ теоріи только и не для самоуслады, а въ самомъ дѣлѣ мечталъ быть человѣкомъ. Бей его, природа, бей, на то онъ созданъ — да и убей тоже наконецъ... Мочи моей нѣтъ! Душить меня жизни!...

— А! Евгений Сергѣичъ! Здравствуйте!

Изгоевъ, вздрогнувъ, поднялъ голову. Онъ наткнулся на всю желѣзновскую компанію, которая уже успѣла съзвукаться и сойтись.

— Здравствуйте.

— О чемъ это вы такъ замечались? спросила Вѣра Александровна.

— О значеніи перваго поцѣлуя между двумя влюбленными.

Хотя это было сказано самымъ небрежнымъ тономъ и безъ малѣйшаго повидимому поползновенія на намекъ, однако дѣвушка невольно сконфузилась и промолчала.

Борисъ Николаичъ поспѣшилъ переменить тему разговора.

— Вы, кажется, собирались проѣхать въ Москву, спросилъ онъ. Скоро думаете отправиться?

— Навѣрное, не знаю. Но во всякомъ случаѣ какъ можно скорѣе, на-дняхъ!

— А я выѣзжаю послѣ завтра.... Ахъ! вотъ если бы я могъ предложить вамъ.... Можетъ быть, вы согласитесь ѣхать вмѣстѣ. Я вѣдь тоже черезъ Москву. Вдвоемъ все-таки и веселѣе, и дешевле. А у меня встати и тарантасиѣвъ есть довольно удобный.

— Благодарю васъ! Къ несчастію, я совершенно завишу теперь отъ случая. Денегъ у меня нѣтъ ни копѣйки. Я, правда, рѣшилъ продать на срубъ часть своего парка—вы знаете, тамъ у меня есть прекрасныя строевыя деревья — но когда еще это случится. А до тѣхъ поръ приходится сидѣть у моря и ждать погоды.

— Какъ, вы продаете деревья изъ сада! невольно воскликнула Софья Николаевна.

— Да, чтó дѣлать! Такія обстоятельства....

— Ну, ужъ я бы ни ради какихъ обстоятельствъ на это не согласилась!

— Мнѣ самому очень жаль. Видите, все бѣгаю изъ дому,

чтобъ ужъ и не видать обреченныхъ деревьевъ. А все-таки, не сидѣть же здѣсь цѣлый вѣкъ!

— На поѣздку не такъ много нужно! замѣтилъ Борисъ. Вы могли бы отдать мнѣ свою часть путевыхъ издержекъ потомъ, при случаѣ, когда вамъ будетъ удобнѣе.

— Еще разъ благодарю васъ. Но я во всякомъ случаѣ стѣсненъ, и уже рѣшился на продажу.

— Если вамъ угодно — замѣтила Софья Николаевна — я знаю, что мой старшій братъ, Андрей, давно уже ищетъ купить лѣсу для какой-то постройки, и непременно по сосѣдству, чтобъ не тратиться на перевозку.... Такъ вотъ, если бы вы потрудились сообщить мнѣ, сколько вы можете уступить и на какихъ условіяхъ....

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! поспѣшилъ Изгоевъ. И очень вамъ благодаренъ за посредничество. Для меня весьма важно поскорѣе кончить съ этимъ дѣломъ.... Позвольте, я сейчасъ.

Онъ вынулъ записную книжку, и сталъ чертить въ ней что-то карандашомъ.

— Вотъ, въ такомъ случаѣ вамъ еще удобнѣе принять мое предложеніе, настаивалъ Борисъ. Братъ Андрей удержитъ для меня часть денегъ, сколько тамъ причтется за дорогу, а остальные немедленно вышлетъ вамъ въ Москву или куда прикажете, и незачѣмъ сидѣть у моря да ждать погоды.

— Да, конечно, если можно устроить такимъ образомъ, то я буду очень радъ поѣхать съ вами.... Извольте-съ! Онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки и подалъ его Софьѣ Николаевнѣ. Тутъ помѣчено, сколько стволовъ я могу продать. Что же касается до условій, то ужъ по этой части Андрей Николаичъ конечно гораздо опытнѣе меня, и пускай самъ ихъ назначаетъ, какъ ему угодно; я вполнѣ согласенъ заранѣе.

Софья Николаевна взглянула на листокъ.

— Боже мой! вскрикнула она вдругъ, точно испугавшись.

— Что съ тобой? Подбѣжала Вѣра Александровна.

— Укололась.

— Чѣмъ?

— Да вотъ, булавкой.

На листѣхъ Евгенія Сергѣича Соня узнала тотъ же круглый, крупный и необыкновенно характерный почеркъ, который только что видѣла она на сѣровой бумажѣ у Петра Сысоева.

Черезъ день тарантасикъ Бориса выѣзжалъ за ворота желѣзновской усадьбы, увозя съ собою Бориса и нечаяннаго его попутчика. Николай Николаичъ и Настасья Андреевна, Софья Николаевна и Вѣра Александровна провожали ихъ глазами, собравшись на крыльцѣ.

Колоколѣчикъ звенѣлъ все тише; экипажецъ, лошади, сѣдоки казались все мельче.... Вотъ они совсѣмъ исчезли за поворотомъ.

— Разлетѣлись мои голубчики! заплакала Настасья Андреевна, которая до тѣхъ поръ стояла съ неподвижно вытянутой шеей.

— Кто-жъ это голубчики-то? шуткой попробовала ее успокоить Соня. Вѣдь одинъ Боря уѣхалъ.

— А другихъ, ты думаешь, мнѣ не жаль? Гдѣ мой Володя безцѣнный? А Андрюша? Развѣ я часто его вижу? Развѣ не тяжело мнѣ, что онъ такъ трудится?...

И, покачавъ головой, она опять заплакала.

— Разлетѣлись мои голубчики! разлетѣлись!

О. Ромееръ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

IV *).

РАЗВИТІЕ НАУЧНЫХЪ ИСЛѢДОВАНІЙ «НАРОДНОСТИ».

Слѣдую своему плану, мы должны были бы перейти теперь къ двумъ литературнымъ школамъ, въ которыхъ въ особенности выразилось движеніе описываемаго періода, къ—славянофиламъ и къ противникамъ. Дѣйствительно, внѣ точки зрѣнія разсмотрѣнной уже нами системы официальной народности, представлявшей чистую неподвижность,—вся сущность умственныхъ интересовъ, какіе развивались въ тѣ времена, сводится къ двумъ различнымъ и во многихъ отношеніяхъ противоположнымъ взглядамъ этихъ двухъ школъ. Мы указали выше свойство понятій, господствовавшихъ въ большинствѣ и составившихъ официальную народность,—указали и литературу, которая прямо и непосредственно ей служила: это было полное подтвержденіе, положительное теоретическое оправданіе и восхваленіе status quo. Живое развитіе литературныхъ идей начало съ того, что побинуло эту почву;—поставивши себѣ задачей критическое изслѣдованіе, оно

*) См. выше: 1871, май 233, сент. 301, дек. 455 стр.

тѣмъ самымъ стало въ оппозиціонное отношеніе къ принятому образу мыслей литературному, а также и общественному. Первый, рѣзкій примѣръ этого оппозиціоннаго отношенія, мы видѣли, выразился въ скептицизмъ Чаадаева. Дальнѣйшею ступенью развитія были съ одной стороны славянофилы, съ другой—такъ-называемые западники. Та и другая школа опредѣлялись полнѣе только уже въ сороковыхъ годахъ, и образовались не вдругъ, а мало по малу и постепенно. Переходной ступенью къ нимъ, отъ прежняго романтическаго либерализма, послужило то распространеніе нѣмецкой философіи въ тридцатыхъ годахъ, котораго такъ опасался и Пушкинъ для нашихъ молодыхъ умовъ, и въ которомъ эти молодые умы дѣйствительно отделились отъ мнѣній, принятыхъ большинствомъ, и получили подготовку къ новымъ, ими поставленнымъ вопросамъ. Философское увлеченіе тридцатыхъ годовъ забылось или было поглощено въ новыхъ направленіяхъ, которыя, начавъ съ отвлеченной философіи, скоро перешли къ вопросамъ національной жизни, и впервые стремились поставить ихъ новымъ, раціональнымъ образомъ, найти имъ философско-историческое основаніе и вывести практическія послѣдствія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ двумъ школамъ, мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе, и отчасти нарушимъ хронологическую послѣдовательность, — чтобы сдѣлать краткій очеркъ развитія тѣхъ изученій, которыя должны были давать основаніе и матеріалъ для того или другого рѣшенія о нашей «народности», и указать относительное значеніе этихъ изученій сравнительно съ ихъ послѣдующимъ объемомъ.

Новыя литературныя школы отличались отъ прежняго романтизма между прочимъ тѣмъ, что сознавали болѣе ясно тѣсную связь своего теоретическаго образа мыслей съ оцѣнкой практическаго положенія вещей; ихъ идеи не оставались такъ легко одними отвлеченными понятіями, или сантиментальными стремленіями, — напротивъ, имъ нетрудно было переводить ихъ на практическое примѣненіе и требованіе.

Обѣ школы, какъ ни были различны по содержанію, имѣли много общаго въ своемъ внѣшнемъ положеніи, были одинаково связаны господствующими нравами и стѣснены въ своемъ изслѣдованіи. Обѣ онѣ стояли выше этихъ нравовъ, и обѣ становились внѣ системы официальной народности, хотя славянофилы были къ ней во многомъ очень близки и иной разъ даже сливались съ ней. Обѣ онѣ искали, хотя каждая по-своему, большей свободы общественной мысли, и сходство ихъ критическаго отношенія къ господствующимъ нравамъ соединяло ихъ общимъ

испаніемъ умственнаго простора,—хотя, къ сожалѣнію, онѣ и не сумѣли должнымъ образомъ понимать другъ друга (въ особенности славянофилы—понимать своихъ противниковъ). Въ своемъ содержаніи двѣ школы расходились до противоположности: онѣ различно смотрѣли на русскую исторію, слѣдовательно, на все прошедшее и настоящее русскаго общества, но сходились въ томъ, что переживаемую ими минуту считали рѣшительнымъ моментомъ, поворотомъ въ общественной исторіи. Особеннымъ пунктомъ разногласія были взгляды на реформу Петра Великаго, которая для однихъ была великое національное событіе, введеніе Россіи на путь европейской цивилизаціи; для другихъ казалась почти бѣдствіемъ, лишившимъ Россію ея истиннаго національнаго развитія,—но оба направленія сходились въ томъ, что въ настоящую минуту считали дѣло «реформы» конченнымъ, одинаково думали, что для русскаго общества наступилъ періодъ самосознанія и самостоятельности. Этой самостоятельностью каждая сторона считала свою собственную школу, въ особенности славянофилы, которые приписывали своимъ идеямъ специально русское, народное значеніе и видѣли въ нихъ истинное выраженіе народнаго духа. Это была философско-мистическая вѣра. Ихъ противники, болѣе скептическіе и положительные, думали видѣть достиженіе самостоятельности въ собственномъ критическомъ взглядѣ на настоящую дѣйствительность: они видѣли ея недостатки, сознательно понимали возможность лучшаго, и этотъ разрывъ съ господствующими недостатками настоящаго, конечно не безъ основанія, считали новой эпохой русской мысли, если еще не русской жизни.

Мы видѣли, что система официальной народности также высказывала мысль объ окончательной самобытности нашего развитія, которая здѣсь опиралась главнымъ образомъ на военномъ и политическомъ значеніи Россіи. Эта система признавала еще превосходство Европы въ разныхъ научныхъ и практическихъ знаніяхъ, но затѣмъ считала положеніе Россіи и въ этомъ смыслѣ совершенно независимымъ и тѣмъ болѣе выгоднымъ, что, пользуясь этими знаніями, Россія провѣряла ихъ православною вѣрою, могла отвергнуть всѣ ихъ плевелы и всѣ гибельныя политическія умствованія.

Такимъ образомъ, это было болѣе или менѣе общее представленіе. Два направленія, о которыхъ мы теперь говоримъ, конечно меньше придавали значенія аргументу матеріальной силы, и находили свои аргументы въ другихъ соображеніяхъ, но у славянофиловъ и это обстоятельство играло немалую роль, когда они возвеличивали русскій народъ ради его высокихъ и единственныхъ національныхъ принциповъ. По мнѣнію славянофиловъ,

довольно согласному съ тогдашними офіціальными мнѣніями, для Россіи наступало время заявить начала славянской цивилизаціи,—какъ для цивилизаціи западной наступало время паденія.

Съ тѣхъ поръ и донынѣ мы постоянно встрѣчаемся въ нашей литературѣ съ этимъ самолюбіемъ, неизлеченнымъ бывшими опытами, которое высокомерно и хвастливо относится къ Европѣ, не только политической, но и умственной, заявляетъ притязаніе учить заблудившійся Западъ и навязываетъ себя славянскому міру. До сихъ поръ, въ различныхъ оборотахъ повторяется мысль, что мы теперь обратились къ народнымъ источникамъ своей жизни, и что черпая изъ нихъ мы наконецъ не нуждаемся въ руководствѣ, начинаемъ свою собственную цивилизацію и можемъ предоставить Европу ея судьбѣ. Эта судьба и теперь представляется многимъ какъ безысходное заблужденіе, какъ нав�явшееся разложеніе.

Насколько же оправдывается это національное высокомеріе фактами нашей общественной и умственной жизни? И съ другой стороны, насколько можно было бы считать дѣло Петровской реформы законченнымъ?

Мы не будемъ говорить теперь о частностяхъ славянофильскихъ и «западныхъ» мнѣній, и остановимся теперь на тѣхъ фактахъ, которыми могла бы опредѣляться степень общественнаго самосознанія, въ его критическомъ смыслѣ, и въ особенности на фактахъ дѣйствительнаго изученія народной жизни, которое въ ту пору оставалось единственной мѣркой самосознанія, потому что нравы не допускали никакихъ другихъ его проявленій и примѣненій.

При всей исторической заслугѣ передовыхъ людей того времени, должно сказать, что предѣлы «самосознанія» были тогда еще весьма ограниченны.

Противъ него прежде всего и сильнѣе всего говорило внутреннее состояніе самого общества: оно не представляло и тѣни самостоятельной жизни, безъ которой трудно было бы вообразить вообще какую-нибудь сознательную самобытность національнаго принципа, о которой говорили славянофилы.

Правда, тотъ политическій гнѣтъ реакціи, который еще продолжался по прежнему во многихъ государствахъ Европы, могъ нѣсколько объяснять заблужденіе нашихъ политиковъ на счетъ нашего общественнаго положенія, — но они могли бы однако и тогда видѣть въ другихъ странахъ учрежденія и нравы, которые могли бы разубѣждать ихъ. Такимъ образомъ, сопоставленія съ Европой, особенно любимыя славянофилами, съ этой стороны были совершенно неудачны, или собственно говоря, они

были просто забавны. Должно сказать, что противники славянофиловъ въ этомъ отношеніи были совершенно свободны отъ изысканій и понимали вещи гораздо ближе къ истинѣ. Но любопытно, что новѣйшая славянофильская школа продолжаетъ и до сихъ поръ странное заблужденіе своихъ предшественниковъ, — потому что при всѣхъ измѣненіяхъ во внутреннемъ нашемъ бытѣ у насъ все еще нѣтъ никакой политической самостоятельной жизни.

Далѣе, если лучшіе представители тогдашней литературы и науки безъ сомнѣнія представляли примѣры глубокаго пониманія общественнаго интереса, — то кругъ людей, въ которыхъ шло это движеніе, былъ слишкомъ небольшой.

Наконецъ, самосознаніе не было полно и по объему предметовъ, какіе оно тогда въ себѣ заключало. Условія были неблагоприятны; масса общества оставалась въ своемъ стихійномъ состояніи, и на дѣлѣ, наши дѣятели сороковыхъ годовъ имѣли очень скромную цѣль, — въ обѣихъ школахъ одинаково. Чисто политическіе интересы съ двадцатыхъ годовъ были подавлены вѣшними обстоятельствами; они помнились, ожидались въ будущемъ, но въ ту минуту главная задача людей обоеихъ направленій была въ отвлеченномъ развитіи понятій — поэзіи, искусства, человечности, науки, въ нравственномъ воспитаніи общества, въ пробужденіи болѣе широкихъ интересовъ національнаго достоинства и блага.

Люди, стоявшіе во главѣ литературы сороковыхъ годовъ, и считавшіе свои мысли мѣркой тогдашняго русскаго развитія, не ошибались конечно въ необходимости этого нравственнаго воспитанія для общества, но къ сожалѣнію они были слишкомъ немногочисленны, и хотя рядъ этихъ людей, въ обоеихъ направленіяхъ, былъ дѣйствительно рядъ замѣчательныхъ умовъ, дарованій и характеровъ, нужно было еще много времени, чтобы ихъ идеи стали принадлежностью образованнаго круга, чтобы достигнуть былъ тотъ уровень общественнаго сознанія, на которомъ чувствовала себя ихъ личная энергія, и чтобы возвышеніе этого уровня обнаружилось и практическими результатами. Но и самая энергія этихъ людей не могла восполнить того умственнаго процесса, тѣхъ знаній и опыта, которые были необходимы для истиннаго самосознанія въ обществѣ. «Народъ» былъ уже для нихъ той послѣдней цѣлью, которой должны были служить успѣхи общественнаго прогресса, — но они, какъ и все общество, были отдѣлены отъ этого народа всѣми вѣковыми правами и учрежденіями (начиная съ крѣпостного права). Естественно, что однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ трудовъ общественнаго со-

знанія должно было стать изученіе этого народа и то пониманіе его, какимъ въ то время хотѣли похвалиться или убѣждаться въ своихъ идеяхъ обѣ стороны; это пониманіе—за отсутствіемъ прямыхъ связей съ народомъ, тогда почти совершенно невозможныхъ, — предполагало по крайней мѣрѣ его теоретическое изученіе, научное изслѣдованіе его характера и исторіи, вѣрное художественное воспроизведеніе его жизни.

Въ этомъ и поставляли обѣ стороны заслугу своего времени. На этомъ основывалось утвержденіе, что наша жизнь въ своемъ развитіи кончила съ реформой, а по мнѣнію славянофиловъ кончила и съ Европой. Но рассматривая развитіе этого самосознанія, любопытно наблюдать, какъ самыя средства его заимствовались изъ тѣхъ же европейскихъ возбужденій и европейской науки. Потому что въ самомъ дѣлѣ только европейское образованіе могло внушать и славянофиламъ и ихъ противникамъ тотъ просвѣщенный энтузіазмъ, съ которымъ они служили своимъ идеямъ; только это образованіе давало ихъ мысли логическую силу и научную прочность. Пути, которыми они шли къ цѣли, были весьма различны: Хомяковъ, ради скорѣйшаго сліянія съ народомъ, надѣвалъ знаменитые вафтанъ и мурмолку; Герценъ дѣлался социалистомъ, другіе фурьеристами, — но и мурмолка (которая конечно не слила Хомякова съ народомъ, какъ онъ это думалъ) была конечно не непосредственнымъ внушеніемъ народной идеи, а нѣсколько западной выдумкой, такой же романтической демонстраціей¹⁾, какъ древніе костюмы новѣйшихъ нѣмецкихъ «тевтоновъ», и въ сущности была также искусственна, какъ социализмъ и фурьеризмъ. Отношенія къ европейской литературѣ и образованности и въ этомъ періодѣ были такъ тѣсны, и до настоящей минуты играютъ такую роль во всемъ нашемъ образованіи, что ихъ нельзя не принять въ соображеніе, опредѣляя успѣхи нашего общественнаго образованія. Это вліяніе было очень сильное, и тѣмъ самымъ указывало недостаточность умственныхъ средствъ русскаго общества, — и характеръ европейской образованности путемъ этого вліянія наложилъ отпечатокъ и на стремленія самого русскаго общества.

Изученіе народной жизни въ этомъ періодѣ особенно усиливается. Различныя отрасли его или впервые начались въ ту эпоху, — какъ, напр., специальное изученіе народнаго быта и пре-

¹⁾ Мы не скажемъ, чтобы она была излишня. Напротивъ, эта невинная демонстрація была любопытной пробой официальной народности. Этой пробы официальной народности не выдержала: народный костюмъ Хомякова показался неприличнымъ, и ему, если не ошибаемся, приказывали его снять.

даній, или получили тогда болѣе обширный объемъ и новыя направления, какъ, напр., изученіе собственно-историческое. Всего болѣе оказала здѣсь вліянія нѣмецкая литература и наука. Въ общій счетъ можно найти, что самый процессъ «самосознанія», тотъ фактъ, на которомъ у насъ была построена особая новѣйшая теорія національной исключительности, что этотъ фактъ совершался такъ сказать по указаніямъ нѣмецкой науки. Въ избѣжаніе превратныхъ толкованій замѣтимъ, что мы вовсе не отвергаемъ при этомъ большого самостоятельнаго труда русской литературы,—и дѣйствительно, многое въ этомъ процессѣ нашего сознанія было дѣломъ самой русской мысли, и лучшіе представители того періода достигли полной независимости мысли, при европейскомъ уровнѣ идей и образованности, и наконецъ самыя средства, которыми совершалось изученіе народа, было дѣломъ самостоятельнаго выбора;—но мы хотимъ сказать, что тѣмъ не менѣе средства были даны европейскимъ знаніемъ, и «самосознаніе» вовсе не было исключительнымъ дѣломъ одного интуитивнаго созерцанія народности, результатомъ простого «погруженія» и «слиянія» съ народомъ, одного «приюсовленія къ почвѣ», которое само уже давало человѣку силу,—какъ объ этомъ говорили и говорятъ славянофилы. Въ томъ разнообразіи изученій, которыя, въ особенности съ тридцатыхъ годовъ, обращены были на различныя стороны народной исторіи и современнаго быта, и которыя—въ тогдашнихъ условіяхъ—одни могли притовлять къ нравственно-общественному единству съ народомъ, мы постоянно встрѣчаемся съ различными направленіями европейской, и преимущественно нѣмецкой науки; приемы «самосознанія» были ея приѣмами.

Это вліяніе не могло не сказаться и въ получавшихся результатахъ. Конечно, сама наука безразлична, и все равно, откуда бы ни были заимствованы въ нашу литературу ея критическіе приемы; но эта безразличная наука возможна только въ вещахъ совершенно отвлеченныхъ,—а тамъ, гдѣ она прямо соприкасается съ жизнью, въ ней неизбежно отражается время и общество, она окрашивается ихъ колоритомъ и входитъ въ кругъ ихъ стремленій. Та европейская, и по преимуществу нѣмецкая наука, съ помощью которой развивалось у насъ изученіе народности и исторіи, была именно отмѣчена особымъ колоритомъ времени.

Въ сказанномъ нами не трудно убѣдиться, бросивъ взглядъ на направленіе и приемы тѣхъ изученій, которыми у насъ приобро́дилось теоретическое знакомство и сближеніе съ народомъ. Съ восемнадцатаго вѣка исторія тѣхъ понятій, усвоеніемъ ко-

торыхъ обнаруживалось умственное развитіе нашего общества, представляетъ непрерывное и постоянное европейское вліаніе. Это было параллельное движеніе въ литературѣ художественной, гдѣ постепенно усваивались европейскія формы и идеальныя представленія, и въ научномъ образованіи, гдѣ съ первыхъ переводовъ, дѣланныхъ по приказаніямъ Петра, постоянно переносились въ наши школы и въ наши книги свѣдѣнія изъ научнаго запаса Европы. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ нашей литературѣ и образованіи отражались, слабымъ образомъ, многообразныя направленія европейской мысли, теологическія, философскія, нравственно-практическія. Это отраженіе европейскихъ тенденцій было совершенно осязательно въ концѣ прошлаго и первыхъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка. Въ описываемое время, это вліаніе становится еще глубже. Если прежде оно дѣйствовало болѣе или менѣе поверхностно и понятія перенимались, какъ мода, внѣшнимъ образомъ, то теперь оно начинаетъ проникать въ самыя основанія мнѣній, создавать цѣлыя школы, однимъ словомъ, входитъ существеннымъ элементомъ въ цѣлый характеръ общественной образованности.

Съ двадцатыхъ годовъ у насъ начинается особенная наклонность къ изученію нѣмецкой философіи, въ ея послѣднихъ школахъ. Начиная съ Канта и до Гегеля и его учениковъ правой и лѣвой стороны, нѣмецкія системы находили болѣе или менѣе усердныхъ послѣдователей: система Канта еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія излагалась въ нашихъ университетахъ, старыхъ и вновь основанныхъ, непосредственными учениками Канта, приглашенными изъ Германіи профессорами, а также и русскими учеными ¹⁾. Система Шеллинга нашла, кажется, перваго послѣдователя въ Велланскомъ въ началѣ столѣтія, и затѣмъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ находитъ цѣлый рядъ приверженцевъ, которые дѣлали ее основаніемъ своей ученой и литературной дѣятельности ²⁾. Затѣмъ пришла очередь Гегеля. Извѣстно, какъ сильно было увлеченіе этой философіей въ тѣхъ кружкахъ, изъ которыхъ вышли потомъ наиболѣе вліятельные люди литературы сороковыхъ годовъ,

¹⁾ См. Сухомлинова, Матеріалы; Словарь моск. профессоровъ, и Ист. моск. унив. 1855. Кантіанецъ Мельманъ еще при Екатеринѣ, въ 1795 году, былъ даже высланъ обратно за границу за то, по показанію «словаря», что «несмотря на свою ученость и другія хорошія стороны, верѣдко, увлекался новою философіей, слишкомъ свободно и неосторожно высказывалъ одностороннія и ложныя свои убѣжденія относительно предметовъ религіозныхъ».

²⁾ Свѣдѣнія о школахъ нашихъ шеллингистовъ см. въ статьяхъ г. Скабичевскаго, «От. Зап.» 1870—1871.

въ обоихъ ея направленіяхъ. Гегелевская философія была общимъ полемъ, на которомъ сходились и мѣряли свои силы представители обоихъ направлений. Философское несогласіе, различное пониманіе отвлеченныхъ положеній предшествовало и сопутствовало тому раздору, который не замедлилъ обнаружиться въ практическихъ воззрѣніяхъ этихъ партій, въ ихъ понятіяхъ литературныхъ, нравственныхъ и національныхъ.

Нѣмецкая философія, вмѣстѣ съ другими вліяніями новой научной критики, о которыхъ скажемъ дальше, была прекраснымъ подготовленіемъ къ изученію національнаго вопроса. Философія очищала для него путь, устраняя прежнія неясныя представленія; существовавшія по преданію или приобрѣтенныя случайно, и вносила извѣстную систему опредѣленныхъ общихъ представленій; исторія, понимаемая съ новой точки зрѣнія, ставилась изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, объясненіемъ его національной особенности, и въ этомъ широкое смѣслѣ приобрѣтала значеніе и объемъ, о которыхъ не помышляли прежніе историки. Вліяніе философскихъ изученій дало иной характеръ научной любознательности и безъ сомнѣнія облегчило усвоеніе новыхъ методовъ, какіе выработаны были въ то время въ наукахъ нравственныхъ и историческихъ. Вновь образовавшиеся у насъ умственные вкусы и потребности искали раціональныхъ, философскихъ основаній для понятій народности, государства, общества. Эти основанія доставлялъ тогда, кромѣ философіи, цѣлый рядъ другихъ изученій — исторія права, сравнительное языкознаніе и мнѣологія, исторія и этнографія, въ ихъ новой формѣ, наконецъ политическая экономія, — которыя заглазъ нашли мѣсто и въ нашей литературѣ.

Нѣмецкая наука считалась тогда высшимъ пунктомъ, какового достигло развитіе человѣческаго мышленія и знанія; — и какъ бы мы ни смотрѣли теперь на гордыя притязанія тогдашней философіи, вліяніе ея, и вообще европейской науки у насъ было безспорно плодотворно и необходимо, потому что самая наша самостоятельность была немислима безъ усвоенія приемовъ критическаго изслѣдованія. Наши изслѣдователи естественно брались за то, что считалось лучшимъ умственнымъ оружіемъ, какое только существовало въ Европѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ходъ нашихъ изученій и нашего «самосознанія» проникали и тѣ частныя особенности и направленія, которыя образовались въ европейской наукѣ подъ вліяніемъ ея особенныхъ условій и времени. Такъ въ наукѣ нѣмецкой, о которой мы преимущественно говоримъ, именно высказывались тенденціи германскаго общества первыхъ десятилѣтій, — тенденціи, гдѣ чувствовались и ос-

татки освободительнаго движенія конца прошлаго вѣка, и гот подство реакціонно-романтическаго успокоенія и увлеченія стариной, и наконецъ новые зачатки движенія, соотвѣтствовашіе событіямъ 1830-го и 1848-го годовъ. Эти особенныя черты времени, которыя мы встрѣтимъ вообще въ различныхъ областяхъ тогдашней науки, и въ философіи, и въ наукѣ права, и въ исторіи, и въ сравнительномъ языкознаніи и въ политической экономіи, — входили обыкновенно въ науку болѣе или менѣе независимо отъ самыхъ пріемовъ частной критики, и они вліяли на общую постановку вопросовъ, обнаруживались въ личныхъ пристрастіяхъ передовыхъ ученыхъ, въ принятіяхъ теорій. Понятно само собою, что европейская наука переходила къ намъ съ тѣми же чертами, которыя тѣмъ образомъ бросали корень и у насъ. Мы укажемъ дальше нѣкоторые примѣры этого рода, и замѣтимъ теперь вообще, что не только нѣмецкая (по преимуществу) наука оказала великую помощь нашему пониманію своего прошлаго и своей настоящей дѣйствительности, сообщеніемъ общихъ научныхъ положеній и пріемовъ изслѣдованія, — но передавала при этомъ и свои частныя направленія. Такъ что не только самое наше самосознаніе было въ большой степени обязано европейскому знанію, но даже и нѣкоторыя особенныя тенденціи, которыя считались у насъ собственнымъ нашимъ выводомъ, самымъ настоящимъ результатомъ уже достигнутой нами зрѣлости (напр., у славянофиловъ), бывали иногда только повтореніемъ теорій, узанныхъ въ европейской литературѣ.

Переходя къ фактамъ, какіе мы хотѣли бы указать въ объясненіе развитія нашей науки о народѣ, мы сдѣлаемъ прежде всего нѣсколько замѣчаній относительно общаго хода нашей исторіографіи. Исходнымъ пунктомъ ея движенія въ описываемомъ періодѣ, была «Исторія государства Россійскаго»¹⁾, которая завершила собой предыдущій періодъ нашей исторической

¹⁾ Замѣтимъ, по поводу нападеній на высказанныя нами мнѣнія о Карамзинѣ, что имя Карамзина въ последнее время понадобилось для прикрытія живѣйшихъ тенденцій, и по этому случаю имя Карамзина сдѣлалось какою-то фетишемъ. Волнѣвшіе за Карамзина запамятовали, какъ относились къ нему ближайшіе преемники его въ русской исторіографіи, и какъ для нихъ уже, сорокъ лѣтъ тому назадъ, пріемъ великомъ уваженіи къ его имени, были выданы его слабыя стороны и слабости, которыя они много разъ и указывали. Впредь предлагаемъ нашимъ критикамъ освѣдомляться объ этомъ въ старой литературѣ прежде, чѣмъ приходитъ къ умозаключенію отъ вещей, отчасти давнымъ давно уже высказанныхъ.

литературы. Историческія понятія Карамзина образовались на идеѣхъ и вкусахъ XVIII-го вѣка: онъ понималъ исторію какъ искусство и въ этомъ смыслѣ приступилъ къ ней; въ частности онъ доставилъ много замѣчательныхъ изслѣдованій, но, собственно говоря, не далъ никакой исторической системы; преувеличенная идеализація старины и желаніе начать «исторію государства» съ Рюрика дали совершенно фальшивую постановку первыхъ вѣковъ исторіи; желаніе живописать, разцвѣтить и «раскрасить» кончалось весьма часто реторикою.

Слѣдующій рядъ изслѣдователей довольно ясно увидѣлъ эти слабыя стороны Карамзина. Въ этомъ рядѣ выступаетъ прежде всего Каченовскій (ум. 1842), начавшій свои работы съ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, когда Карамзинъ писалъ первые томы своей исторіи. Каченовскій сталъ во главѣ такъ-называемой скептической школы. Въ свое время онъ подвергался жестокимъ нападеніямъ всей фаланги писателей, которые вѣрили именемъ Карамзина; въ послѣдствіи, уже по его смерти, г. Погодинъ считалъ нужнымъ сурово (и не совсѣмъ прилично) обличать основателя скептической школы; но затѣмъ еще новое поколѣніе взяло его подъ свою защиту и вѣрнѣе оцѣнило заслугу Каченовскаго для своего времени ¹⁾. Это не былъ, конечно, большой талантъ; въ его журнальной дѣятельности было много странностей, тяжеловѣсной неловкости; раздраженіе выводило его иногда изъ предѣловъ благоразумія; въ ученыхъ своихъ мнѣніяхъ онъ нерѣдко переступалъ мѣру; во мнѣніяхъ литературныхъ, онъ, угрюмый классикъ и немного старовѣръ, былъ цѣлью остроумія поклонниковъ Карамзина и веселыхъ романтиковъ — но при всемъ томъ, дѣятельность Каченовскаго въ русской исторіографіи по своимъ основнымъ мотивамъ составляетъ явленіе, заслуживающее уваженія и не лишенное своихъ результатовъ. Этихъ результатовъ не закроютъ ни нападки его литературныхъ враговъ на смѣшныя стороны его журнальной дѣятельности, и еще менѣе нападки г. Погодина.

Заслуга Каченовскаго состояла въ постоянной и упорной защитѣ критическаго приѣма и права историческаго сомнѣнія.

¹⁾ См. разные статьи г. Кавелина, въ его Сочин., т. II. Ср. отзывъ г. Рѣдкина въ его автобіографіи: онъ положительно называетъ Каченовскаго «первымъ критикомъ отечественной исторіи», и замѣчаетъ, что «болѣе всѣхъ онъ обязанъ (въ университетѣ) лекціямъ по русской исторіи Каченовскаго, въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько *ученыхъ приѣмовъ*». (Биогр. словарь моск. унив. II, стр. 380). Новую и справедливую оцѣнку Каченовскаго представляетъ еще г. Иконниковъ въ своей книжкѣ: «Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники» (изъ Кіев. унив. извѣстій). Кіевъ, 1871.

У него не было ни увлеченія риторикой, ни малѣйшаго желанія «раскрасить» исторію. Единственнымъ авторитетомъ его была научная критика, какъ онъ тогда понималъ ее, извлекая ея правила изъ примѣра нѣмецкихъ ученыхъ. Первымъ руководителемъ его былъ Шлёцеръ, котораго онъ высоко цѣнилъ. Каченовскому одному изъ первыхъ приходилось бороться въ защиту Шлёцера противъ невѣжественныхъ притязаній людей, которые бросали тѣнь на этого писателя и его мнѣнія изъ-за того, что онъ былъ иностранецъ, и при этомъ самихъ себя выставили защитниками отечества, вѣры и добродѣтели. Защищая въ этомъ смыслѣ Шлёцера, Каченовскій и самъ вообще нисколько не боялся подобныхъ нареканій, и смѣло выступалъ противъ Карамзина, когда послѣдній былъ на верху своей славы и когда статья противъ него значило навлечь на себя ожесточенную вражду его многочисленныхъ поклонниковъ. Написанный Каченовскимъ разборъ Карамзинскаго предисловія, т.-е. общихъ понятій Карамзина объ исторіи, объ основныхъ ея началахъ и требованіяхъ, объ ея моральномъ значеніи, этотъ разбор¹⁾ вовсе не такъ незначителенъ, какъ хотѣли представлять приверженцы Карамзина: въ немъ высказано много вѣрныхъ замѣчаній о самыхъ существенныхъ недостаткахъ Карамзинской манеры, и о настоящихъ требованіяхъ исторіи какъ науки. Вѣрная точка зрѣнія въ этомъ случаѣ дана была Каченовскому именно внимательнымъ изученіемъ критическихъ приѣмовъ у нѣмецкихъ историковъ. Въ разборѣ предисловія, Каченовскій между прочимъ замѣтилъ, что во фразѣ Карамзина: «Знаніе всѣхъ правъ въ свѣтѣ, *ученость нѣмецкая*, остроуміе Вольтерова, и самое глубокомысліе Макиавелево, въ исторіи не замѣняютъ таланта изображать дѣйствіе», — французскіе переводчики «Исторіи» Карамзина вмѣсто «нѣмецкая» поставили «обширнѣйшая». Каченовскій ловитъ ихъ на этомъ: «Французская гордость не разсудила за благо упомянуть объ *учености нѣмецкой!* Нѣтъ, милостивые государи! не *обширнѣйшая*, а именно *нѣмецкая* ученость важна для русскаго историка. Признательный авторъ не скрываетъ, кому онъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, что объяснено въ древней нашей исторіи, онъ очень знаетъ, что не имѣвши такихъ предшественниковъ, каковы, напримѣръ, *Баиеръ, Миллеръ, Тунманнъ, Штриттеръ*, а особливо знаменитый *А. Шлегель*, намъ очень мудро было бы предпринять путешествіе въ храмъ исторіи; и теперь еще путь къ нему безпрестанно углаживается учеными германцами», и проч.

¹⁾ «Вѣстн. Европы», 1818—1819.

Дѣйствительно, безъ названныхъ ученыхъ мудренѣе было бы предпринять путешествіе ко храму русской исторіи. Понятно, что при этомъ важно было не столько количество разрѣшенныхъ имъ вопросовъ, сколько критическій методъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ послѣднемъ много научился отъ нихъ и Карамзинъ, въ своихъ частныхъ изслѣдованіяхъ. Каченовскій ближе держался къ ихъ приемамъ, и потому уже не могъ поддаться той сентиментальной идеализаціи, которая въ Карамзинѣ казалась такъ увлекательна для массы читателей и такъ непріятна для людей съ болѣе строгими требованіями. Уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, много разъ и въ другихъ случаяхъ высказанное Каченовскимъ, было именно уваженіе къ принципу критики.

Новымъ шагомъ въ его ученыхъ мнѣніяхъ было знакомство съ Нибуромъ. Знаменитая книга Нибура о римской исторіи (1811—32) произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ цѣлая система критики, выходящей изъ историческаго скептицизма. Признанное высокое достоинство трудовъ Нибура было для него ручательствомъ, что наука оправдываетъ тѣ скептические приемы, которые были употреблены имъ самимъ. Онъ сталъ пользоваться ими смѣлѣе, и уже вскорѣ началъ съ меньшимъ довѣріемъ относиться къ самому Шлёцеру, который былъ прежде его авторитетомъ. Въ нашей литературѣ Нибуръ былъ, кажется, впервые указанъ Лелевелемъ, въ его статьяхъ объ исторіи Карамзина ¹⁾. Затѣмъ сталъ говорить о новой критикѣ Каченовскій ²⁾. «Мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ въ давно-минувшіе вѣки. Наступитъ время, когда мы удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ. Утѣшимся же, если мысль сія можетъ показаться непріятною для самолюбія нашего! Примѣръ передъ глазами: таковы ли нынѣ первые вѣки Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура?» Онъ думалъ, что можетъ примѣнить тѣ же требованія къ русской старинѣ, и смѣло беретъ на себя отвѣтственность своихъ сомнѣній и отрицаній. «Очень понимаю, — говоритъ онъ, приступая къ изложенію своихъ скептическихъ мнѣній о Русской Правдѣ, противъ послѣдователей Карамзина, — на что отваживается изслѣдователь, держающій отвергать положеніе, принятое всѣми за истину очевидную, несомнительную, не требующую никакихъ доказательствъ, не уязвленную никакими стрѣлами опро-

¹⁾ Сбл. Арх. 1822—23.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1826, и далѣе.

вержений, запечатлѣнную довѣріемъ Татищева, Шлёцера, князя Щербатова, Болтина, Карамзина, Раковецкаго, Эверса, скажу болѣе за истину, освященную благороднымъ патріотизмомъ соотечественниковъ, гордящихся величественною мыслію, что Россія во времена столь отдаленныя уже имѣла систему своихъ писанныхъ законовъ. Можетъ быть, навлеку на себя тучу возраженій; но я самъ нетерпѣливо буду ждать оныхъ... Цицеронъ упоминаетъ о двухъ непреложныхъ законахъ для исторіи: 1) не смѣть говорить ничего ложнаго; 2) смѣло предлагать истинное и проч.

Сомнѣнія Каченовскаго, въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, оказались несостоятельными; но если мы станемъ разсуждать, чѣмъ трудамъ въ особенности слѣдуетъ приписать разоблаченіе сентиментальной идеализаціи, которая покрываетъ у Карамзина древнѣйшій періодъ, эту заслугу надо будетъ въ очень большой степени признать за Каченовскимъ. Онъ первый настаивалъ на необходимости строго наблюдать и проверять общую вѣроятность историческихъ данныхъ о древнемъ періодѣ, на этомъ именно основывая свои отрицанія, и если преувеличилъ ихъ черезъ мѣру, то первый конечно внушилъ болѣе здравый и естественный взглядъ на русскую старину, чѣмъ какою распространяла «Исторія государства Россійскаго». Его положительное отвращеніе къ патріотической риторикѣ, столько сильной еще и до сихъ поръ, внушаетъ особенное уваженіе въ то время, когда эта риторика была всеобщей манерой относиться къ прошедшему (и настоящему). Приведенные нами отзывы его учениковъ и людей, еще заставшихъ конецъ его дѣятельности, удостовѣряютъ, что плодъ подобныхъ взглядовъ въ умахъ порядочныхъ былъ именно таковъ, какого надо было ожидать: Каченовскій казался учителемъ исторической критики людямъ, за которыми должно признать пониманіе дѣла и знаніе старой русской исторіи.

За Каченовскимъ, какъ писатель также весьма характеристическій въ ходѣ развитія нашей исторіографіи, слѣдуетъ Полевой. Это развитіе шло такъ быстро, что Полевой былъ забытъ очень скоро; его сочиненія — мы разумѣемъ здѣсь только сочиненія его перваго періода, въ «Телеграфѣ» и въ «Исторіи Русскаго Народа» — потеряли свое непосредственное значеніе и сохранили только чисто историческое; самые труды были исполнены слишкомъ послѣшно, не представляя вполнѣ развитыхъ мыслей и законченныхъ изслѣдованій, почему и значеніе ихъ было такъ кратковременно, — при всемъ томъ «Исторія Русскаго Народа» была по времени явленіемъ замѣчательнымъ. Какъ было

у Каченовскаго, такъ и у Полеваго господствующей задачей было примѣнить къ русской исторіи тѣ выводы и тѣ методы изслѣдованія, какіе были тогда выработаны европейской наукой. То, къ чему онъ стремился, было дѣйствительной потребностью для русской науки. Въ своемъ журналѣ, который въ первомъ десятилѣтіи описываемаго періода былъ безъ сомнѣнія лучшимъ отголоскомъ тогдашней умственной жизни, онъ постоянно указывалъ новыя явленія европейской науки, которыя, по его мнѣнію, должны были быть восприняты нашей образованностью и примѣнены къ изученію русской жизни. Его раздражало незнаніе нашего общества съ этими успѣхами европейскаго знанія, и онъ съ лихорадочной поспѣшностью стремился усвоить ихъ нашей литературѣ. «У насъ—говорилъ онъ съ досадою въ своемъ журналѣ—переводятъ нѣмецкую дрянъ прошлаго вѣка, подѣ именемъ исторій, географій, юридическихъ книгъ, и въ голову не придетъ переводчикамъ ни Нибуръ, ни Риттеръ, ни Савиньи». Досада была очень справедлива.

Полевой вполне признавалъ заслугу Карамзина. «Онъ создалъ и матеріалы, и сущность, и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и памятниковъ, генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ. Своимъ трудомъ онъ вызвалъ рядъ изслѣдователей и издателей матеріаловъ. Таковы гр. Румянцевъ, Байбидовичъ, Строевъ, Погодинъ, Востоковъ. Самая Академія Наукъ какъ будто ожила» и проч. Но Полевой столько же видѣлъ и недостатки Карамзина. Онъ прекрасный рассказчикъ, его великая заслуга состоитъ въ томъ, что по своему изящному изложенію книга его дѣлаетъ исторію доступной для всякаго читателя: но Карамзину совершенно недостаетъ основной историческо-философской мысли, которая бы давала смыслъ всему историческому развитію народа; недостаетъ истиннаго отношенія къ предмету—почему онъ переноситъ свои понятія на отдаленную древность, гдѣ они были невозможны; изъ дурно понятой любви къ отечеству подкрашиваетъ исторію и т. д. Упреки были опять совершенно справедливы, и въ «Исторіи Русскаго Народа», писанной какъ будто въ антитезѣ «Исторіи государства Россійскаго», найдется не мало замѣчаній, гдѣ Полевой вѣрно исправляетъ ошибки Карамзина, и если самъ не угадываетъ точки зрѣнія, то подходитъ къ ней очень близко.

Главными образцами Полеваго въ исторической критикѣ были, на первомъ планѣ, Нибуръ, «первый историкъ нашего вѣка» (которому онъ нѣсколько простоудшно и вмѣстѣ хвастливо посвятилъ свою книгу), затѣмъ въ особенности Гизо, Тьерри, Герсенъ. Это были дѣйствительно замѣчательнѣйшія имена тог-

дашней исторической науки, и изъ нихъ можно видѣть, къ чему долженъ былъ стремиться Полевой въ своей исторіи. Онъ хотѣлъ писать «философскую» исторію, которая бы не останавливалась на одной внѣшности событій, не рассказывала только единичные факты, наружно связанные хронологіей, но раскрывала бы ихъ внутреннія основанія и развитіе, объясняла бы ихъ естественную и необходимую послѣдовательность и т. д. Поэтому онъ пишетъ исторію не государства, а «народа», старается отыскать въ его исторической жизни общія явленія, управляющія событіями, опредѣлить основныя формы быта, смѣнявшіяся въ различные періоды, и т. д.

Исполненіе не отвѣтило планамъ, но книга Полеваго не лишена отдѣльных весьма вѣрныхъ замѣчаній объ этой «внутренней» жизни и заявила требованія, которыхъ уже не могли обойти послѣдующіе историки. Опровергнуть его теоріи было возможно, но для этого нужно было выработать также теоріи. Послѣ Полеваго, изученіе русской исторіи замѣчательно расширяется именно по теоретическимъ основаніямъ, по объему изслѣдованій, которыя обратились именно къ тому, чтобы освѣтить общимъ принципомъ отдѣльные факты исторической жизни. Это расширеніе изысканій было результатомъ ближайшаго знакомства съ европейской наукой, на необходимости котораго Полевой настаивалъ. Значеніе новой исторіографіи объяснилось, и если примѣненія ея правилъ къ русской исторіи были у Полеваго слишкомъ поспѣшны, то въ послѣдующихъ трудахъ эти правила примѣнялись уже съ большимъ и положительнымъ успѣхомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ въ нашей наукѣ обнаружилось особенное движеніе. Можно сказать, что въ это время начинается въ нашей исторіографіи новый періодъ. Внѣшнее основаніе къ этому дала правительственная инициатива, которая, въ министерство Уварова, открыла возможность новыхъ историческихъ предпріятій. Мы говоримъ, напримѣръ, объ учрежденіи археографической экспедиціи и о мѣрахъ для образованія новыхъ профессоровъ въ наши университеты. Изданіе памятниковъ было до тѣхъ поръ почти исключительно дѣломъ частныхъ лицъ: памятное имя графа Румянцева стоитъ во главѣ людей, которые способствовали трудамъ этого рода. Теперь явилась мысль, что собраніе историческихъ памятниковъ должно быть и дѣломъ правительства, какъ предпріятіе служащее къ національной славѣ. Археографическая экспедиція объѣхала значительную часть Россіи и собрала массы матеріала; начались изданія археограф. комиссіи, которыя стали съ тѣхъ поръ основаніемъ для мно-

горячихъ изслѣдованій о русской древности,—хотя, какъ теперь высказываютъ новѣйшіе археографы, самыя изданія, при изданныхъ ученыхъ силахъ, и не были достаточно удовлетворительны въ критическомъ смыслѣ. Съ другой стороны, приняты были мѣры къ увеличенію и улучшенію ученаго сословія. Основанъ былъ такъ-называемый профессорскій институтъ — въ Дерптѣ, и сами учредители имѣли при этомъ ту мысль, что здѣсь всего удобнѣе можетъ быть почерпнута нѣмецкая наука. Дерптскій университетъ былъ дѣйствительно совершенно нѣмецкій. Образовавшіеся тамъ профессора дѣйствовали до послѣднихъ годовъ, и нельзя не признать, что большинство изъ нихъ сумѣли усвоить правильные научные методы, выработанные ученой Германіей, и дать имъ мѣсто въ русской литературѣ. Затѣмъ много будущихъ профессоровъ отправлено было для довершенія своихъ изученій за-границу; значительную долю между ними составляли люди, выбранные особо для изученія законовѣдѣнія, по мысли Сперанскаго, который, рядомъ съ составленіемъ Полнаго Собранія и Свода Законовъ, хотѣлъ приготовить и школу рациональныхъ юристовъ. Правительственная инициатива имѣла свои ближайшія утилитарныя цѣли, но и по ея живнію единственнымъ средствомъ къ достиженію этихъ цѣлей было обращеніе къ нѣмецкой наукѣ. Въ то время (въ первыхъ тридцатыхъ годахъ) нѣмецкіе университеты и наука не представлялись правительству въ такомъ подозрительномъ свѣтѣ, какъ было прежде и какъ еще случилось послѣ. Господствующія школы и личности тогдашней нѣмецкой науки шли изъ той поры, когда она стремилась успокоиться отъ политическихъ волненій; съ одной стороны господствовала умѣренная школа гегелевской философіи, которая искала примиренія съ дѣйствительностью и стала государственной прусской философіей, а съ другой была на верху своей славы знаменитая историческая школа права, школа, по своимъ принципамъ и идеаламъ, преимущественно консервативная. Сперанскій именно адресовалъ своихъ кліентовъ къ Савиньи, главѣ этой школы, и отдалъ ихъ подъ его непосредственное руководство. Савиньи и другіе знаменитости берлинскаго и другихъ университетовъ Германіи, принадлежавшіе отчасти той же школѣ, стали вообще высшими авторитетами для нашихъ юристовъ и историковъ. Въ біографіяхъ этихъ послѣднихъ и ихъ собственныхъ разсказахъ о томъ времени можно видѣть, какое сильное впечатлѣніе производила на нихъ эта наука, которую они видѣли здѣсь въ-очію въ ея знаменитѣйшихъ представителяхъ, съ авторитетомъ глубокаго знанія и строгой системы; это была умственная сила, которой они готовились

быть участниками и въ которой почерпали сознание своей задачи и своего достоинства ¹⁾).

Эти странствованія русскихъ ученыхъ за-границу и близкое ознакомленіе съ нѣмецкой наукой составили безъ сомнѣнія большую образовательную силу. Мы видѣли изъ примѣровъ Каченовскаго и Полеваго, что запросъ на эту науку ясно высказывался въ литературѣ еще ранѣе, чѣмъ явилась эта внѣшняя возможность непосредственно черпать изъ нѣмецкаго источника: Каченовскій преклонялся передъ Нибуромъ; Полевой кромѣ Нибура зналъ и Савиньи, Риттера и проч. Литература едва ли не была еще слишкомъ слабосильна, чтобы самой усвоить произведенія этихъ и подобныхъ имъ ученыхъ; Риттеръ и Савиньи на русскомъ языкѣ въ то время едва ли бы нашли достаточно читателей. Посланный за-границу контингентъ инымъ образомъ усваивалъ результаты нѣмецкой науки, изъ непосредственнаго знакомства съ замѣчательнѣйшими личностями и ученіями Германіи: отчасти наши ученые еще застали самого Гегеля, а послѣ его ближайшихъ учениковъ; юристы слушали Савиньи, Кленце, Эйхгорна, Рудорфа, Ганса; юристы и историки слушали и изучали Ранке, Риттера, Бѣка, Шлейермахера и т. д. и т. д. Были наконецъ любознательные люди, которые безъ официальныхъ порученій проходили ту же школу, какъ Ив. Кирѣевскій, нѣсколько позднѣе Станкевичъ и многіе другіе. Возвратившіеся ученые заняли кафедры права и исторіи въ университетахъ, и внося новые взгляды и методы своей науки вообще, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтили новый періодъ и въ изученіяхъ собственно русской жизни. Таковы въ ученой разработкѣ права и въ профессорскомъ преподаваніи имена Невольина, Калмыкова, Куницына, Иванничева, Рѣдкина, Крылова, не упоминая людей менѣе замѣчательныхъ. Уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи результаты новыхъ вліяній оказались на изученіи русскаго права и вообще русской исторіи: съ одной стороны впервые примѣнены были къ древнимъ памятникамъ строгіе приемы историко-юридической критики; съ другой, рядомъ съ этимъ, расширилась общая историческая точка зрѣнія. Ближайшее поколѣніе ученыхъ, образовавшихся уже въ Россіи, но подъ вліяніями этой вновь пересаженной науки и усвоившихъ ея средства, ставитъ изученіе русской исторіи совершенно новымъ, оригинальнымъ обра-

¹⁾ См., напр., біографіи Невольина, Рѣдкина, Крылова и проч.; статьи А. Блуженскаго (также одного изъ посланныхъ тогда за-границу), въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1835, ч. VI, Исторія методъ науки законовѣдѣнія; о воспитанникахъ Сперанскаго, въ «Р. Вѣст.» 1871 и друг.

зентъ: это была первая раціональная постановка, съ которой начинается серьезная научная критика основныхъ элементовъ старой исторической жизни. Назовемъ въ этомъ новомъ ряду ученыхъ въ особенности Д. Валуева, Н. Калачова, Кавелина, Павлова, Соловьева.

Въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ продолжались, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, пилигримства русскихъ ученыхъ въ европейскіе, особенно нѣмецкіе университеты. Такія же вліянія, какъ въ правѣ, оказывала нѣмецкая наука въ исторіи и филологіи, съ ихъ различными связями и развѣтвленіями. Наконецъ, для новаго расширенія русской исторіи и изученія притомъ народности отрывался еще одинъ, до того времени почти неизвѣстный путь, — изученіе славянства, получившее первую дѣйствительную поддержку въ учрежденіи 'славянскихъ кафедръ въ университетахъ. Наличныя ученныя средства опять были явнымъ образомъ недостаточны, и для основанія новыхъ кафедръ были опять устроены путешествія будущихъ славистовъ по славянскимъ землямъ. Эти путешественники стали настоящими основателями славянскихъ изученій у насъ: гг. Бодянский, Григоровичъ, Прейсъ, Срезневскій. И на этотъ разъ правительственная мѣра шла за мыслью, которая уже высказывалась въ ученомъ кругу: необходимость изученія стараго славянскаго міра обнаруживалась при первомъ серьезномъ вниманіи къ русской древности; еще раньше указывали эту необходимость Каченовскій, Венелинъ; изслѣдованія древнихъ памятниковъ и языка приводили къ этому изученію Востокова, Калайдовича; случайныя встрѣчи русскихъ съ славянствомъ привлекали любознательность къ изученію этого родственнаго міра, и Пушкинъ черезъ французскіе переводы передавалъ сербскую народную поэзію; наконецъ, къ намъ стали доходить, въ двадцатыхъ годахъ, отголоски славянскаго движенія, особенно въ Чехіи и Сербіи, и въ средѣ собственно литературной, внѣ университетской школы, являются тѣ же славянскія симпатіи, которыя впоследствии развились въ цѣлую теорію, какъ, напр., у Хомякова, Д. Валуева и вообще у первыхъ славянофиловъ. Съ интересомъ научно-литературнымъ связывался, особенно у славянофиловъ, и интересъ національно-политическій, сначала неясный, потомъ болѣе и болѣе опредѣленный, который до извѣстной степени руководилъ, безъ сомнѣнія, и правительственной инициативой. Упомянутые ученые путешественники вернулись изъ своихъ странствій съ первымъ отчетливымъ знаніемъ славянскихъ фактовъ, — съ различной, правда, степенью пониманія общаго историческаго и настоящаго національнаго вопроса, но съ одинаковой ревностью къ распростра-

ненію новаго ученія, которое дѣйствительно бросило жорень съ (необширной, впрочемъ) школы ихъ учениковъ и въ ученой литературѣ.

Подъ всѣми этими вліяніями изученіе русской исторіи (въ еще въ особенности древней) принимаетъ новое направленіе, которое вполне опредѣлилось къ сороковымъ годамъ. Это направленіе, впервые твердо ставшее на научной почвѣ въ объясненіи внутренняго процесса русской исторіи, характеризуется въ особенности трудами г. Соловьева, у котораго новая точка зрѣнія была разработана въ наиболѣе обширномъ размѣрѣ, съ первыхъ его диссертаций и до цѣлой «Исторіи Россіи», приводимой теперь въ концы.

Смыслъ новаго направленія обнаружился уже при самомъ началѣ въ столкновеніи его съ прежней школой. Г. Погодинъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и не могъ простить г. Соловьеву и другимъ ученымъ того же направленія, что они не идутъ подъ его опеку.

О существенной чертѣ дѣятельности г. Погодина мы уже упоминали. Это — одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей въ литературѣ различныхъ взглядовъ, отличавшихъ систему официальной народности. Дѣятельность г. Погодина была весьма разнообразна, и во многихъ отношеніяхъ онъ сдѣлалъ извѣстныя приобрѣтенія для русской исторіи. Онъ приготовлялся къ своимъ работамъ въ то время, когда въ разработкѣ русской исторіи получили право гражданства и утвердились критика Шлёцера, многоразличныя изслѣдованія и указанія Карамзина, точныя изысканія нѣмецкихъ ученыхъ, какъ Кругъ, Лербергъ, Френъ, вообще когда устанавливалась предварительная частная критика отдѣльныхъ фактовъ и происходили przygotowatелныя работы, почти исключительно направлявшіяся на древній періодъ. Г. Погодинъ началъ свои труды, усвоивши это наслѣдіе. Нѣмецкіе ученые, какъ Кругъ, вообще тогда мало расположенные ожидать многого отъ русскихъ ученыхъ въ серьезной научной критикѣ, отдали всякую справедливость и похвалу первымъ изслѣдованіямъ г. Погодина по русской древности. Предметъ этихъ первыхъ изслѣдованій остался навсегда любимымъ предметомъ г. Погодина: это былъ такъ называемый имъ норманскій періодъ; — потому онъ считалъ себя какъ будто исключительно хозяиномъ этого періода. Изслѣдованія г. Погодина главнымъ образомъ направлялись всегда на критику частныхъ, и въ этомъ смыслѣ имъ было разъяснено много отдѣльныхъ вопросовъ нашей древней исторіи. Но критика г. Погодина была чисто внѣшняя; опредѣляя самъ свои приемы, онъ называлъ ихъ «математи-

«честный» методомъ, — иначе говоря, это былъ счетъ по пальцамъ фактовъ, записанныхъ въ лѣтописи, приѣмъ весьма элементарный, при которомъ у него ускользала самая сущность вопроса. Дальше тѣхъ приѣмовъ, съ какихъ онъ началъ, г. Погодинъ не пошелъ. Съ «математическимъ» методомъ весьма естественно соединилась вражда ко всякимъ теоріямъ и обобщеніямъ, которыя бы разъясняли самый смыслъ фактовъ, ихъ связь и послѣдовательность, словомъ, внутреннее развитіе явленій: г. Погодинъ отвергалъ все это какъ «высшіе взгляды», и въ этомъ смыслѣ полемизировалъ съ новой школой, т.-е. съ г. Соловьевымъ и другими. Г. Погодину еще съ тѣхъ поръ вообразилось, что его кто-то поставилъ дядькой надъ русской исторіей; онъ считалъ себя въ правѣ дѣлать выговоры, замѣчанія, даже не совѣмъ благовидно обвинять. Полемика его противъ новыхъ историковъ, нерѣдко совершенно неприличная достоинству оберегаемой имъ науки, кончилась тѣмъ, что на него перестали обращать вниманіе, потомъ стали смѣяться надъ нимъ. Это отношеніе къ себѣ онъ конечно заслужилъ; дядькой онъ считаетъ себя до сихъ поръ и еще недавно читалъ выговоры г. Бостомарову, столько же, если не болѣе неприличные, какъ нѣкогда г. Соловьеву.

Кромѣ изслѣдованій о древнемъ періодѣ, г. Погодинъ и въ другихъ работахъ сдѣлалъ много полезнаго. Онъ издавалъ переводныя книги по всеобщей и русской исторіи, печаталъ историческіе матеріалы, въ своемъ журналѣ давалъ много мѣста разнаго рода историческимъ изслѣдованіямъ. Онъ составилъ наовѣсть большую историческую коллекцію, гдѣ собралъ не мало замѣчательныхъ памятниковъ старой письменности, матеріаловъ для новѣйшей русской исторіи, разнаго рода древностей, — все это составило богатое «древлехранилище», которое г. Погодинъ выгодно потомъ продалъ въ Публичную Библіотеку, въ Петербургѣ. Наконецъ, г. Погодинъ содѣйствовалъ и изученію славянства. вмѣстѣ съ Шевыревымъ, онъ издалъ «Institutiones linguae slavicae» Добровскаго, въ своемъ журналѣ печаталъ свѣдѣнія о славянскихъ земляхъ, оказывалъ матеріальное содѣйствіе Шафарику, завязывалъ личныя сношенія съ славянскими учеными, распространялъ по своему славянскія тенденціи, и т. п.

Но мы напрасно искали бы у г. Погодина какого-нибудь дѣльнаго взгляда на русскую исторію, кромѣ того, какой мы указывали. Какъ противникъ «высшихъ» взглядовъ, онъ и не имѣетъ ихъ; онъ разбираетъ иногда остроумно отдѣльныя явленія, но не понимаетъ внутренняго хода развитія. Поэтому, всякій разъ, когда онъ хочетъ объяснить историческое движе-

ніе, бросить взглядъ на общую судьбу народа, на главные моменты его исторической жизни,—всѣ его размышленія оканчиваются совершенно пустыми фразами о русскомъ величіи, о громадности имперіи, о неисповѣдимыхъ путяхъ и т. п. Русская исторія представляется ему рядомъ чудесъ, передъ которыми онъ изумляется, чувствуетъ благоговѣніе, приходитъ въ священный ужасъ, наконецъ даже прорицаетъ. Его критики-еще въ сороковыхъ годахъ замѣтили эту черту и справедливо называли взглядъ г. Погодина «мистическимъ созерцаіемъ». Въ научномъ смыслѣ оно конечно не стоило ровно ничего; но оно имѣло другія примѣненія.

Мистическое созерцаіе г. Погодина въ исторіи сопровождалось особой публицистической теоріей, о которой мы упомянемъ только нѣсколькими словами. Изъ того, какъ онъ отзывался о прошедшемъ Россіи, можно себѣ представить, что онъ говорилъ объ ея тогдашнемъ настоящемъ. Г. Погодинъ чувствовалъ себя въ лучшемъ изъ міровъ. Сравнивая старую русскую исторію съ западной, онъ постоянно въ этомъ убѣждался: и сколько въ западной исторіи находилъ неразумнаго, несправедливости и угнетенія, столько въ русской—разумности, патриархальной простоты и добродѣтели. Исходный пунктъ развитія указывалъ онъ въ томъ, что на Западѣ государства образовались вслѣдствіе завоеванія, а у насъ вслѣдствіе мирнаго призванія. Это послѣднее протівоположеніе казалось г. Погодину аксіомой, и онъ извлекалъ изъ нея много выгодныхъ для Россіи послѣдствій; но кромѣ того исторія Россіи совершалась еще рядомъ чудесныхъ вмѣшательствъ и неисповѣдимыхъ вожденій, и отсюда процвѣтаніе Россіи. О Западѣ г. Погодинъ былъ невысокаго мнѣнія, и самонадѣянность нашего историка доходила до того, что Германію онъ называлъ нашими «пятидесятью губерніями». Понятно, какіе практическіе выводы слѣдовали отсюда для настоящаго; мораль басни подходила очень близко къ тому, что въ то же время проповѣдовала «Сѣверная Пчела». Это была грубо-высокопарная лесть существующему порядку, и съ другой—засыванье въ новую славянскую политику, которое впрочемъ тогда публикѣ оставалось не вполне извѣстно ¹⁾. Какъ мы замѣтили, современники очень хорошо понимали научную цѣну этого пафоса, равнявшуюся нулю, и справедливо сравнивали «Взглядъ на русскую исторію» г. Погодина съ напечатанными тогда образчиками лекцій профессора прошлаго вѣка, Чеботарева, который приступалъ

¹⁾ Г. Погодинъ только позднѣе напечаталъ нѣкоторые тогдашнія свои записки объ этихъ предметахъ.

къ своему изложенію съ реторическими тирадами, нисколько не уступавшими тирадамъ г. Погодина. Неудивительно, что другіе встрѣчали пафосъ г. Погодина со смѣхомъ, совершенно естественнымъ; и неудивительно также, что это отношеніе къ г. Погодину и его сотоварищу Шевыреву распространялось въ значительной мѣрѣ и на славянофиловъ, которые тогда вовсе не должны строго отдѣляли себя отъ этихъ тенденцій и этого способа выраженія.

Первые труды г. Соловьева старая школа обвинила въ легкомысліи и почти неблагонамѣренности, во всякомъ случаѣ въ непочтительности къ старшимъ, — какъ и слѣдовало ожидать отъ этой школы. Взгляды г. Соловьева были дѣйствительно сильныи ударомъ для нея: на глазахъ у самозваннаго надзирателя русской исторіи, она принимала новый видъ и направленіе. Труды г. Соловьева старая школа желала подвести подъ ту же категорію «высшихъ взглядовъ», которые были ей ненавистны, и противъ которыхъ она имѣла нѣкоторое право возставать по поводу Полеваго. Но школа не видѣла, или не хотѣла видѣть, что теперь это не были уже произвольныя приложенія готовыхъ теорій къ недостаточно изученнымъ и провѣреннымъ фактамъ, а совершенно опредѣленные общія положенія, которыя и выставлялись именно потому, что ихъ подтверждала цѣлая послѣдовательность фактовъ. Г. Погодинъ и другіе историки его стили, замѣчали, правда, извѣстныя общія явленія старой исторіи, напр., господство между князьями родовыхъ отношеній и т. п., но его замѣчанія оставались отрывочными и безсвязными. Самъ г. Погодинъ никогда не умѣлъ собрать своихъ понятій въ что-нибудь цѣльное. Его историческое мышленіе высказывалось всего чаще такими произвольными и реторическими разсужденіями, какъ его фразы о чудесныхъ путяхъ русской исторіи, какъ его сравненія между древней русской и западной исторіей, или восклицанія о томъ, что призваніе Рюрика «безсмертно въ русской исторіи», что «Москва есть корень, зерно, сѣмя русскаго государства» (это даже и странно), что славянскіе народы «составляютъ съ нами одно живое цѣлое, соединены съ нами неразрывными узами крови и языка» (и однако же разорваны отъ насъ?), что своими естественными произведеніями «мы можемъ надѣлать Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ» (смѣлое сужденіе, достойное Ивана Александровича Хлестакова). Новая историческая школа никогда не высказывала подобныхъ смѣлыхъ мыслей и не занималась такою реторикой; г. Погодинъ и не понималъ этой школы.

Защищая свою диссертацию: «Исторія отношеній между рус-

скими князьями Рюрикова дома» (1847), г. Соловьевъ въ своей рѣчи высказалъ мысль, что у насъ заботились до тѣхъ поръ особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію, что теперь надо, напротивъ, стараться соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное; надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ уже самъ укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное. Современные критики справедливо замѣчали, что это былъ приемъ, до тѣхъ поръ невиданный въ русской исторической литературѣ, и результатомъ его былъ новый взглядъ на государственную жизнь древней Россіи. При этомъ взглядѣ отстраняются случайныя, поверхностныя представленія объ эпохахъ русской исторіи и открывается дѣйствительное, органическое ея развитіе. Такъ, по мнѣнію г. Соловьева, удѣлы, которымъ придавалась такая важность, не существовали до XIII-го столѣтія, и послѣ не имѣли большого значенія. Такъ онъ ограничивалъ вліяніе монгольскаго ига, и давалъ ему только второстепенное значеніе. Въ свое изслѣдованіе онъ не допускалъ никакихъ мистическихъ истолкованій и прообразованій, никакой реторики. Отстранивъ такимъ образомъ всѣ случайныя явленія, закрывавшія истинный ходъ развитія, изслѣдователь имѣетъ возможность наблюдать существенное движеніе исторіи и ея настоящія основанія. Положительное содержаніе взглядовъ г. Соловьева составляла извѣстная теорія родового быта, по которой древняя Россія въ своей государственной жизни представляла сначала господство родовыхъ отношеній, которыя постепенно замѣняются государственными и окончательно падаютъ при Иванѣ Грозномъ, въ его борьбѣ съ боярствомъ. Этимъ завершился одинъ періодъ русской исторіи, и съ новой династіей Россія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія.

Разсматривая эту пору нашей исторіографіи теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ новый взглядъ въполнѣ высказался и когда онъ уже до значительной степени определенъ, дополненъ и ограниченъ другими теоріями,—мы все-таки должны признать за идеями г. Соловьева то значеніе, которое было приписано имъ тогдашней критикой. Дѣйствительно, это былъ взглядъ, впервые начинавшій у насъ органическую, внутреннюю исторію. Въ научномъ смыслѣ, труды г. Соловьева и его современниковъ и товарищей стояли безъ сомнѣнія выше всего, что имъ предшествовало; это были изслѣдованія, вообще говоря, стоявшія на уровнѣ европейской науки. Тотъ порывъ къ усвоенію критическаго метода европейской науки, который такъ рѣзко и нѣсколько простодушно высказывается у Каченовскаго и Поле-

вого, — здѣсь уже оканчивается: новый изслѣдователь приступаетъ къ дѣлу уже знакомый съ новыми требованіями исторической критики, понимаетъ и примѣняетъ ихъ не внѣшнимъ образомъ, а вводитъ ихъ въ весь процессъ своего разсужденія.

Направленіе, которое можно характеризовать трудами г. Соловьева, было вообще направленіе, или лучше сказать историческій приѣмъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе замѣчательныхъ изслѣдователей, начавшихъ дѣйствовать въ то время. Это была цѣлая группа ученыхъ, которые были свободны отъ старой рутины, которые вносили въ свое изученіе новыя методы историческаго и юридическаго изслѣдованія національной жизни, какъ цѣлое воззрѣніе; они стояли на уровнѣ исторической науки своего времени, и понимали исторію не какъ мертвую номенклатуру фактовъ, подкрашенную риторикой, а какъ теоретическое объясненіе живого явленія, совершавшагося по извѣстнымъ законамъ: старина для нихъ уже тѣсно связывалась съ настоящимъ, какъ части одного силлогизма. Своими общими стремленіями и взглядомъ на вещи, эта группа не отдѣлялась отъ живыхъ интересовъ лучшей части литературы, и тѣмъ самымъ не лишала себя тѣхъ плодотворныхъ возбужденій, какія вообще наука получаетъ отъ жизни. Оттого историческая школа сороковыхъ годовъ и была такъ плодотворна для изученія русской исторіи и современной народной дѣйствительности: она не обвѣдала предмета со всѣхъ сторонъ, но приступила къ нему съ вѣрными приѣмами. Многія имена изъ этого ученаго круга останутся памятны въ русской исторіографіи; таковы имена гг. Кавелина, Калачова, П. Павлова, Д. Валуева, Афанасьева, г. Буслаева, К. Аксакова и друг.

При этихъ именахъ невольно вспоминается весь литературный кружокъ конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, къ которому нѣкоторые изъ названныхъ лицъ тѣсно примыкали, — кружокъ писателей, которые, не бывши специалистами русской исторіи, немало содѣйствовали ея успѣху распространеніемъ общихъ воззрѣній европейской науки, кружокъ, гдѣ соединялись разнообразныя умственные интересы, проникавшіе въ то время въ нашу литературную среду. Чаадаевъ, Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, наконецъ славянофилы съ своей точки зрѣнія, ставили изслѣдованію совсѣмъ иныя требованія, чѣмъ ставились до того времени; общій уровень понятій возвышался, а вмѣстѣ съ тѣмъ разработка русской исторіи становилась серьезнѣе и многостороннѣе.

Невозможно отвергать того вліянія, какое въ этихъ условіяхъ оказывала европейская наука. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи

о какомъ-нибудь специальномъ вліяніи тѣхъ или другихъ писателей; напротивъ, скорѣе дѣйствовали тутъ весь объемъ новыхъ понятій, принесенныхъ самыми различными изученіями—и нѣмецкой философій Гегеля, и исторіей права, въ смыслѣ Савиньи, и новой національно-бытовой исторіей, въ смыслѣ Гизо и Тьерри, и изученіемъ народной старины, въ смыслѣ Гримма и т. д. Славянофилы имѣли слабость упрекать г. Соловьева и другихъ защитниковъ теоріи родового быта, что они — послѣдователи нѣмца Эверса, что ихъ направленіе—не русское. Приверженцы теоріи и не отвергали, что она впервые дана Эверсомъ, прямо признавали, что «старанія новѣйшихъ ученыхъ уяснить родовыя отношенія, игравшія столь важную роль въ первоначальномъ бытѣ нашихъ предковъ... непосредственно связываются съ основной идеей Эверса», и вообще весьма высоко ставили этого ученаго; но совершенно ясно было изъ всего ихъ отношенія къ Эверсу, что они приписывали ему это значеніе именно потому, что онъ первый сталъ объяснять древній русскій бытъ съ естественной точки зрѣнія, принявши для этого въ основаніе общій ходъ развитія у всѣхъ народовъ государственнаго быта изъ патріархальныхъ отношеній, и первый показалъ самый способъ разработки древнихъ русскихъ памятниковъ съ этой точки зрѣнія. Теорія Эверса была самая вѣрная (т.-е. всего болѣе объяснявшая), какая существовала въ тогдашней наукѣ, и тогда она еще не была опровергнута никакой другой теоріей; эта теорія была принята нашими учеными именно потому, что всего болѣе отвѣчала тѣмъ историческимъ взглядамъ, какіе они пріобрѣтали вообще изъ всего тогдашняго изученія.

Новая точка зрѣнія въ особенности направила свое вниманіе на общія формы быта, на смыслъ учреждений, на постепенное ихъ развитіе, усложнявшіяся отношенія и т. д. Наблюдая такимъ образомъ постепенное развитіе формъ политическихъ, отъ патріархальныхъ отношеній, наши историки съ успѣхомъ внесли тотъ же способъ объясненія и въ другую область народной жизни,—въ область мѣлологіи, обычая и преданія. Въ этомъ отношеніи между прочимъ любопытный примѣръ представляютъ труды г. Кавелина, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны въ этомъ смыслѣ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» (1848) и обширный разборъ книги Терещенки: «Бытъ русскаго народа». Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ представлялъ съ своей стороны теоретическое изслѣдованіе на той же почвѣ, на

¹⁾ Калачовъ, въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній о Россіи; Сочиненія К. Аксакова, т. I, стр. 60—61.

которую сталъ г. Соловьевъ; во второмъ онъ дѣлаетъ для своего времени замѣчательный опытъ объясненія народнаго быта и преданій: примѣняя къ народной миеологiи, преданіямъ и обычаямъ тотъ способъ изслѣдованія, какой исторiя юридическаго быта прилагала къ учрежденіямъ, авторъ не безъ успѣха разяснялъ этотъ предметъ прежде, чѣмъ началось специальное изслѣдованіе его при помощи сравнительнаго языкознанія и сравнительной миеологiи. Историческая критика открывала здѣсь новый предметъ изученія; вступала на новый путь, безъ сомнѣнія чрезвычайно плодотворный для уразумѣнія стараго народнаго быта. Это былъ одинъ изъ любопытныхъ опытовъ той внутренней исторiи, къ которой стала теперь стремиться наука. Впослѣдствіи, этнографическое изученіе у насъ значительно расширилось, но мы и до сихъ поръ не имѣемъ исторической картины народнаго быта по плану, черты котораго были обозначены г. Кавелинымъ. Въ томъ же смыслѣ изученія внутреннихъ процессовъ исторiи народа исполнялись труды г. Калачова, Д. Валуева, Аванасьева и проч. Изслѣдованіе бытовой исторiи народа приобрѣло въ эти годы такой интересъ, какого она нигдѣ еще не представляла для нашихъ изыскателей. И здѣсь мы опять сходимся лицомъ къ лицу съ пѣмецкой наукой.

Эта отрасль науки, изученіе этнографіи, народнои поэзіи и языка, въ тѣ годы соединялась у насъ по преимуществу съ понятіемъ народности, и распространеніе этого научнаго интереса считалось особеннымъ признакомъ народнаго «самосознанія». До извѣстной степени это было справедливо. Въ прежнія времена конечно не было такого интереса къ быту простаго народа; въ восемнадцатомъ вѣкѣ у насъ, почти также какъ вездѣ въ Европѣ, пренебрегали народомъ какъ грубой, невѣжественной толпой; два-три благородные челоѣка поднимали голосъ въ защиту его отъ крѣпостнаго и чиновничьяго угнетенія, начиналось отчасти любопытство къ народнымъ повѣрьямъ, пѣснямъ и быту, но никто не думалъ ввести серьезно народныя интересы въ литературу; во времена карамзинской школы народъ являлся въ литературѣ только подъ видомъ «добрыхъ поселянъ» или «простыхъ, и нѣжныхъ поселяночекъ» въ смыслѣ сентиментальныхъ подражаній мечтамъ Руссо о «природномъ состояніи»; романтизмъ былъ не много ближе къ настоящему народу; наука тѣхъ временъ не видѣла интереса этнографіи. Такъ что въ ту пору, когда послѣ Гоголя народная жизнь была впервые и вполне естественнымъ образомъ введена въ литературу, когда обратилась къ народу самая наука, которая внимательно стала приглядываться къ его быту, правамъ и

обычаямъ, прислушиваться къ его пѣснямъ, сказкамъ, пословицамъ и повѣрьямъ, можно было дѣйствительно подумать, что ключъ къ «самопознанію» найденъ. Но оглядываясь теперь на сдѣланное въ этомъ направленіи, нельзя не увидѣть, что то были только начатки, первыя пробы знанія, которымъ едва ли возможно было приписать столько значенія, сколько имъ приписывалось. Мы скажемъ далѣе, какъ широко раздвинулись уже вскорѣ интересы этого знанія, а также и его пріобрѣтенія. Кромѣ того, настоящіе размѣры тогдашнихъ изученій представятся намъ, кажется, яснѣе, если мы вспомнимъ, какъ много въ немъ мы были обязаны опять научнымъ вліяніямъ преимущественно Германіи. Новая этнографическая наука была наукой по преимуществу германской; то, что было сдѣлано нами по этому направленію для изученія нашей собственной народности, сдѣлано было — всего болѣе — примѣненіемъ методовъ нѣмецкой науки. Это примѣненіе было конечно естественно. Могутъ сказать, что не нужно было, разумѣется, выдумывать новыхъ методовъ, когда раціональные методы были уже извѣстны; мы бы ихъ и не заимствовали, еслибы у насъ самихъ не явилось потребности въ этихъ новыхъ изученіяхъ — слѣдовательно важность состоитъ въ самомъ обращеніи къ этимъ предметамъ, которое и было однимъ изъ признаковъ «самосознанія». Это справедливо, но въ подобномъ положеніи вещей обнаруживалась однако несамостоятельность нашей ученой литературы, и по этому одному трудно было бы ожидать отъ нея непогрѣшимыхъ и положительныхъ выводовъ относительно народности, — на которые однако она часто изъясняла притязанія. Дѣйствительно, не говоря о недостаточности одного специально-этнографическаго изученія для дѣйствительнаго уразумѣнія народной жизни, — нельзя не видѣть, что и здѣсь въ понятія нашихъ ученыхъ проникали не только научные методы, но и частныя тенденціи, составлявшія особенность самой нѣмецкой науки въ ту эпоху.

Первое правильное и раціональное изученіе народной древности и народной современной жизни со стороны ея бытовой поэзіи составляетъ вполнѣ достояніе нынѣшняго столѣтія. Это — сравнительное языковѣдѣніе, мифологія, этнографія, археологія и пр. Начавъ свое развитіе съ разныхъ сторонъ и подъ вліяніемъ различныхъ интересовъ, эти науки все больше и больше расширяли свою область, тѣсно связались другъ съ другомъ, и стремятся стать цѣлой многообъемлющей наукой народной психологіи. Быстрое, въ одно поколѣніе, созданіе науки сравнительнаго языковѣданія, было почти вполнѣ дѣломъ нѣмецкихъ

ученыхъ. Съ одной стороны, послѣ романтическихъ указаній Фр. Шлегеля на Индію и міеологическихъ трудовъ Крейцера, вниманіе ученыхъ обратилось на восточное родство европейскихъ племенъ: послѣ первыхъ англійскихъ изслѣдователей индійской литературы развилось изученіе санскрита, въ которомъ увидѣли первобытный языкъ, по богатству стоявшій выше греческаго и переносившій въ еще болѣе глубокую древность. Геніальные труды Вильгельма Гумбольдта создавали новую науку языка и открывали невѣдомую доселѣ область историческаго изслѣдованія. Уже вскорѣ Францъ Боппъ издалъ знаменитую сравнительную грамматику языковъ арійскаго племени, раздѣленныхъ громадными пространствами и періодами времени, гдѣ исторія языка указала ихъ тѣсную генетическую связь и общее происхожденіе. Въ это сравненіе введены были тогда же и нарѣчія славянскаго языка, и указанъ былъ путь, въ которому должно было пристать и русской науѣ, когда бы она хотѣла слѣдить за древнѣйшими временами народной исторіи.

Съ другой стороны, наука языкознанія исходила изъ преимущественно національнаго мотива, изъ обращенія къ старинѣ, вслѣдствіе патріотическаго увлеченія идеалами народной древности, простотой народнаго быта, богатой однако лучшими движеніями здраваго ума и сердца,—какъ это было у братьевъ Гриммовъ. Между знаменитыми трудами Якова Гримма особенное вліяніе въ тогдашней наукѣ приобрѣли «Нѣмецкая міеологія» и «Древности нѣмецкаго права», гдѣ онъ научно и вмѣстѣ поэтически и съ любовью возстановлялъ германскую древность, еще до-христіанской поры, когда народъ самъ создавалъ свой бытъ, окружалъ его самобытными нравственно-религіозными и юридически-бытовыми представленіями, облекая ихъ въ живые міеѣческіе образы и полные смысла обряды. Гриммъ по справедливости считается основателемъ сравнительной міеологіи, которая—въ союзѣ съ сравнительнымъ языкознаніемъ—разбывала наконецъ непонятный до того времени смыслъ народной религіи міеовъ и преданій, и бытовую философію древнихъ временъ. Ставя эту задачу относительно германской древности, которая, по извѣстному уже племенному родству, должна была представлять много общаго съ древностью славянской, Гриммъ въ своихъ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ нерѣдко касался и этой послѣдней, бросая на нее свѣтъ новаго научнаго взгляда,—и здѣсь опять данъ былъ пунктъ, гдѣ русская наука естественно могла примѣнить къ той же точкѣ зрѣнія и методу. Міеологія, какъ понималъ ее Гриммъ и его школа, была конечно совѣтъ не то, чѣмъ ее считали прежде: становясь въ широкое смѣслѣ

исторіей народныхъ вѣрованій, она обнимала въ своихъ предѣлахъ всю умственную и нравственную жизнь народа въ его древнія времена, и такъ какъ народный бытъ вообще стойко сохраняетъ старину, то міеологія достигала и до настоящаго, въ которомъ сберегались еще старыя пѣсни, повѣрья и суевѣрія. Міеологія дѣлалась исторіей народнаго міровоззрѣнія: отсюда, это изученіе и считало себя истиннымъ объясненіемъ народнаго характера и преимущественной школой изученія «народности».

Таковъ былъ, въ двухъ словахъ, новый научный элементъ, который предстояло воспринять русской наукѣ. Послѣ всего того, что сдѣлано было для русской исторіи въ прежнихъ трудахъ, установлявшихъ въ ней научныя понятія западной историографіи, послѣ трудовъ Шлёцера, Карамзина, Каченовскаго, Полеваго, Эверса, Соловьева, была наконецъ усвоена и еще новая сторона европейской науки, открывавшая перспективу въ еще болѣе глубокіе слои народной жизни¹⁾.

Наши изученія этого рода, вообще говоря, устанавливаются прочно только съ тѣхъ поръ, какъ началось знакомство съ нѣмецкими изслѣдованіями. Нѣкоторое исключеніе можетъ составлять только изслѣдованіе старо-славянскаго языка, гдѣ извѣстная статья Востокова: «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ» (1820 г.), независимымъ и самостоятельнымъ образомъ опредѣлила основныя историческія черты стараго славянскаго языка и его отношеній къ другимъ нарѣчіямъ. До этого времени русская филологія, можно сказать, не существовала, и еще долго послѣ считался авторитетомъ Добровскій, система котораго въ сущности уничтожалась раціональной теоріей Востокова. Свое настоящее примѣненіе эта послѣдняя получила у насъ только около сороковыхъ годовъ, въ той школѣ славистовъ, которая образовалась въ то время за границей и заняла вновь открытыя каѳедры славянскихъ нарѣчій. До этого времени, филологическіе взгляды Востокова были должнымъ образомъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла оцѣнены впервые извѣстнымъ славянскимъ филологомъ Копитаромъ, затѣмъ Шафарикомъ и вообще западными славянскими учеными. Востоковъ нѣсколько разъ примѣнялъ свою систему къ грамматическому объясненію и критикѣ памятниковъ, сдѣлалъ описанія множества подобныхъ памятниковъ,

¹⁾ Къ этимъ же послѣднимъ десятилѣтіямъ нужно отнести и первое раціональное изученіе археологіи памятниковъ; до того времени оно ограничивалось только немногими отдѣльными примѣрами. И здѣсь опять понятіе о древностяхъ каменнаго и прот. вѣковъ, приемы изученія памятниковъ бытовыхъ, даны были готовне европейскими изслѣдованіями, — что конечно не уменьшаетъ заслуги примѣненія этихъ приѣмовъ къ новымъ неизслѣдованнымъ даннымъ.

составилъ богатый словарь старо-славянскаго языка (изданный только недавно),¹—но цѣльныя системы сравнительной грамматики старо-славянскаго языка и другихъ нарѣчій всего болѣе обязаны опять западнымъ ученымъ, послѣ изслѣдованій Боппа и Потта, Миклошичу, ученику Копитара, и Шлейхеру. У насъ однимъ изъ первыхъ опытовъ сравнительнаго изученія языка была диссертация г. Каткова: «Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка» (1845), послѣ которой можно указать еще нѣсколько трудовъ по сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій, и нѣсколько работъ, принадлежащихъ уже послѣднимъ годамъ, въ особенности «Историческую грамматику» г. Бу-слаева.

Сравнительный методъ въ миеологiи и этнографiи, обозначае-мый обыкновенно именемъ Гримма, также былъ примѣненъ у насъ довольно поздно. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣш-няго столѣтiя разсужденiя о древней русской миеологiи были обыкновенно чистой фантазiей; писатели, которые брались за нее, составляли русскiя миеологiи на манеръ старинныхъ французскихъ книжекъ для дѣтей о греческой миеологiи; они брали дѣйстви-тельные или придуманные названiя древнихъ языческихъ «боговъ» и подыскивали имъ, по собственному вкусу, какiе-нибудь атрибуты: кромѣ Перуна, явились «Усадъ», «Лель» и т. п. Позднѣе, послѣ Карамзина, изслѣдователи серьезныя ограничивались лѣтописными данными въ непосредственной формѣ, но произволъ продолжалъ рисовать фантастическiе узоры на этомъ фонѣ, который едва счита-лся принадлежащимъ къ исторiи. Первыми серьезными собирате-лями и истолкователями остатковъ древней миеологiи, народныхъ преданiй, повѣрiй, обычаевъ, произведенiй народной поэзiи, яв-ляются Снегиревъ и Сахаровъ. Первый приступалъ къ предмету съ научнымъ образованiемъ, хотя по другой области и значи-тельно устарѣлымъ: но признаки ученой критики, и особенно большая масса приведеннаго въ извѣстность матеріала долго поддерживали значенiе сборниковъ Снегирева, — въ свое время главнѣйшаго авторитета по этой части. Но кромѣ того, что въ тру-дахъ Снегирева недоставало настоящаго сравнительнаго приѣма, — въ то время, когда въ нѣмецкой литературѣ этотъ приѣмъ былъ уже вполне выработанъ и даны были замѣчательные образцы его, — Снегиревъ сохранилъ еще и упомянутую наклонность къ совершенному произволу и строилъ выводы, для которыхъ не оказывалось основанiя въ источникахъ. У Сахарова не было и этой научной подготовки. Его занятiя народной стариной, по-видимому, вызваны были впервые, съ одной стороны общимъ неяснымъ представлениемъ о научной важности предмета, съ дру-

гой—тѣмъ инстинктивнымъ чувствомъ, которое, дѣйствуя внѣ научныхъ мотивовъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживаетъ стремленія времени. Сахаровъ имѣетъ несомнѣнные заслуги какъ ревностный археологъ-собираатель, какъ библиографъ, издатель матеріаловъ, долго, до очень недавняго времени, составлявшихъ необходимую настольную книгу для изслѣдователей народности;—но какъ истолкователь народныхъ преданій и поэзіи онъ стоитъ совершенно внѣ науки. Онъ говоритъ о старинѣ въ особенномъ мистическомъ тонѣ, подражая мнимо народному складу,—но объясняетъ очень мало, и мистическій тонъ указываетъ на фальшивое пониманіе.

Новый шагъ въ изученіи этой народной старины сдѣланъ былъ тѣми же упомянутыми славистами, внесшими въ намѣ близкое знакомство съ славянскимъ міромъ и его литературой. Изслѣдованіе миеологической и этнографической старины еще не стояло вполнѣ на точкѣ зрѣнія сравнительно-филологическаго метода, но уже знало о немъ, а главное, имѣло въ распоряженіи обширный славянскій матеріалъ для сличеній и соображеній и, въ большинствѣ случаевъ, отличалось здоровой и осторожной критикой. Таковы были труды гг. Срезневскаго, Боданскаго, Костомарова (у котораго, въ его первыхъ работахъ по миеологии и этнографіи справедливо, кажется, находятъ вліяніе Крейцеровской символики, которая въ Германіи послужила только ступенью къ сравнительному методу), Касторскаго, а также и Надеждина. Новые изслѣдователи старались прежде всего исчерпать миеологическія и бытовые извѣстія, записанныя въ старыхъ памятникахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ широко пользовались современными народными преданіями не только русскаго, но въ особенности и славянскаго міра, чтобы реставрировать древнюю славянскую народную религію; въ отдѣльныхъ случаяхъ они прибѣгали и къ средствамъ сравнительнаго метода. Но полное примѣненіе этого метода, въ томъ смыслѣ, какъ онъ уже господствовалъ въ нѣмецкой наукѣ, было предоставлено новымъ силамъ, выступившимъ еще нѣсколько позднѣе. Главнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи сдѣланы были г. Буслаевымъ и А. Н. Афанасьевымъ, который умеръ, не успѣвши докончить своего обширнаго труда,—перваго цѣльнаго труда, какой только представляетъ наша литература въ этой любопытной области¹⁾.

Эта разработка представляла въ совершенно иномъ видѣ миеологическія и поэтическія воззрѣнія русской старины. Пер-

¹⁾ Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнит. изученія слав. преданій и вѣрованій, въ связи съ миеологическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Три тома. М. 1866—1869.

спектива шла несравненно дальше, чѣмъ достигали предыдущія изслѣдованія; она шла до тѣхъ до-историческихъ временъ, когда не только русское племя еще не выдѣлялось отъ цѣлаго славянства, но и само славянское племя еще было близко къ общему аріискому корню,—до тѣхъ временъ, когда совершалась первая формация языка и съ тѣмъ вмѣстѣ мифологіи. Сравнительный методъ указывалъ потомъ дальнѣйшую судьбу мифа, его различныя перерожденія до той поры, когда начинается дѣйствительная исторія народа, когда старое міровоззрѣніе приходитъ въ столкновеніе съ христіанствомъ и отчасти исчезаетъ подъ новымъ сильнымъ вліяніемъ, отчасти сохраняется наперекоръ ему и кладетъ на него свой собственный отпечатокъ. Исторія народнаго преданія впервые стала раскрываться въ ея истинномъ видѣ: новая критика была въ состояніи разъяснить много вещей, до тѣхъ поръ совершенно непонятныхъ, указать тѣсную связь явленій, которыя прежде трактовались какъ совершенно отдѣльныя, указать правильную послѣдовательность тамъ, гдѣ прежде видѣли случайность и т. п. Это и былъ признакъ, что критика становилась на вѣрную дорогу. Какая громадная разница раздѣляла новый взглядъ отъ прежняго, можно наглядно судить по разбору нѣкоторыхъ старыхъ легендъ, сдѣланному г. Буслаевымъ въ противоположность прежнему объясненію ихъ Шевыревымъ. Прежній взглядъ оказывался ничѣмъ инымъ, какъ произвольнымъ риторическимъ повтореніемъ факта, которое ничего не объясняло и служило только лишнимъ украшеніемъ въ мистической теоріи писателя. Новая критика отрывала и объясняла въ легендѣ любопытный фактъ соединенія двухъ различныхъ теченій народнаго мифа, — это была уже дѣйствительная черта внутренней исторіи народнаго быта и сознанія.

Въ настоящую минуту, новая точка зрѣнія прочно вошла въ историческія представленія о древнемъ періодѣ и о современной народной поэзіи и мифологіи. Дѣло идетъ только о послѣдовательномъ проведеніи теоріи, о разработкѣ громаднаго количества фактовъ; то или другое изъ прежнихъ рѣшеній, быть можетъ, будутъ замѣнены болѣе вѣрными и точными; но изслѣдованія уже стоятъ на научной дорогѣ.

Обративъ вниманіе на отношеніе этихъ новыхъ изысканій къ ихъ первымъ источникамъ въ нѣмецкой наукѣ, нельзя не видѣть, что наше изученіе шло совершенно по слѣдамъ Гримма и его школы. И какъ бывало обыкновенно въ исторіи нашей науки, усвоеніе нѣмецкихъ результатовъ и самаго пріема произошли долго спустя послѣ того, какъ эти результаты были получены и пріемъ установленъ въ самой нѣмецкой наукѣ.

Братья Гриммы были настоящими основателями и главнѣйшими представителями этого направленія въ Германіи: ихъ дѣятельность начинается съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и наполняетъ всю первую его половину. Капитальный трудъ Якова Гримма, «Нѣмецкая Мифологія», гдѣ уже собранъ былъ громадный запасъ изслѣдованій, вышла въ 1835 г.; еще ранѣе, 1828, явились «Древности нѣмецкаго Права», гдѣ подобная критика была приложена къ объясненію происхожденія старыхъ народныхъ юридическихъ понятій, обрядности и обычаевъ. Въ нашей ученой литературѣ первые прочные опыты усвоить этотъ методъ являются не ранѣе конца сороковыхъ годовъ или даже начала пятидесятыхъ годовъ, въ то время когда дѣятельность Гриммовъ была уже близка къ своему концу. Однимъ словомъ, методъ былъ усвоенъ только тогда, когда онъ уже давно господствовалъ въ самой нѣмецкой литературѣ.

Какъ выше замѣчено, сравнительный методъ отразился у насъ не только своей чисто научной стороной, но вмѣстѣ и тѣми особенностями, какія соединялись съ нимъ въ дѣятельности его нѣмецкаго основателя, — особенностями личныхъ воззрѣній самого Гримма. Въ этомъ отношеніи названные нами русскіе послѣдователи Гримма представляютъ чувствительную разницу, и указанное вліяніе обнаруживается главнымъ образомъ у г. Буслаева; у Афанасьева оно было гораздо слабѣе. Это вліяніе состояло въ извѣстной идеализаціи патріархальной старины. У Гриммовъ эта идеализація имѣла свои психологическія и общественныя основанія. Условія времени создавали въ умахъ это возвращеніе къ прошедшему: Яковъ Гриммъ началъ свои труды въ первые годы нынѣшняго вѣка (отчасти подъ впечатлѣніями иноземнаго господства) въ непосредственной связи съ романтиками и подъ ближайшимъ вліяніемъ исторической школы права; глубокое изученіе, одушевляемое горячимъ патріотическимъ чувствомъ, такъ привязало его къ этой старинѣ, что онъ самъ жилъ въ ней, находя въ ней свои идеалы, наивную, но глубокую поэзію, простые, но патріархально-разумные нравы; личный характеръ братьевъ Гриммовъ только содѣйствовалъ этой идеализаціи, — которая неизбежно отразилась въ самой сущности ихъ трудовъ, при всей силѣ ихъ критики.

Господствующее значеніе Якова Гримма въ новой наукѣ естественно придало вліяніе и этимъ личнымъ чертамъ его трудовъ. Мы не можемъ лучше характеризовать этой личной особенности, какъ приведемъ слова Гервинуса, его друга и товарища по профессурѣ въ геттингенскомъ университетѣ. Указавъ высокую скромность этого замѣчательнаго человѣка, кротость и свѣ-

жестъ его характера, Гервинусъ продолжаетъ: «Весь исполненный величіемъ нѣмецкой древности, возмущаемый тѣмъ «надменнымъ взглядомъ», который въ жизни прошедшихъ вѣковъ видѣть только темное печальное варварство, Гриммъ рѣзко возставалъ противъ прозаической сухости временъ возрожденія и противъ ихъ непониманія всей прошлой жизни, и отворачивался отъ всего, что пахло новѣйшимъ резонерствомъ, новѣйшими крайностями въ искусствѣ и въ образованіи, отворачивался съ послѣдовательностью, которая кажется невѣроятной въ наши слишкомъ утонченныя времена. Въ своей методѣ, направлявшейся на подробности и не пренебрегавшей самыми мелкими частностями, которыя какъ тонкая чеканка даютъ всѣмъ предметамъ ихъ наибольшую опредѣленность, онъ съ самаго начала былъ противъ всякихъ разборчивыхъ и надменныхъ манеръ и въ наукѣ и въ искусствѣ. Онъ нападалъ на классическія изученія уже изъ одной нелюбви къ той неестественности, что «народъ, любящій свою родину, почерпаетъ свои первыя понятія и свою самую позднюю мудрость изъ сосуда чужого языка»,—но главнымъ образомъ все-таки изъ своего постоянного предпочтенія домашняго научнаго и художественнаго стола передъ классическими лакомствами, изъ предпочтенія ко всему свое-народному и демократически-простому въ литературѣ передъ всякими аристократическими затѣями. Ему приходилось завидовать въ греческой мифологіи ея изящной обработкѣ, но онъ склоненъ былъ предпочитать ей нѣмецкія сказанья объ эльфахъ, великанахъ и карликахъ, изъ-за ихъ родной близости, простодушія и воздержнаго чистосердечія. Для его художественнаго вкуса всякая природная поэзія была выше всякой искусственной поэзіи, народная пѣсня выше пѣсни миннезингеровъ; устное преданіе имѣло для него болѣшую прелесть, чѣмъ писанное эпическое стихотвореніе, гдѣ это преданіе уже мѣшается съ исторіей. Онъ приписывалъ гораздо болѣшую цѣну труверамъ, этимъ изящно образованнымъ, но вмѣстѣ простодушнымъ рассказчикамъ рыцарской поэзіи, чѣмъ прославленнымъ Аріосту и Тассу, которыхъ онъ никогда не могъ дочитать до конца. Такъ и въ блестящихъ мастерахъ итальянской живописи ему недоставало народнаго преданія, мифической точности и достовѣрности. Такъ и его гордость нѣмецкимъ языкомъ коренилась главнымъ образомъ въ его глубокой древности; его благоговѣніе передъ нимъ возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ восходилъ дальше и дальше къ древне-нѣмецкому, англо-саксонскому, древне-сѣверному, готскому (въ которомъ Боппу казалось, будто онъ читаетъ по-санскритски)... При изслѣдованіи паденія старой азыческой народной религіи

въ ея сопровѣсновеніи съ христіанствомъ, у него, по поводу той черты унынія и безнадежности, которую онъ находилъ во многихъ остаткахъ старыхъ представленій, у него, съ его полной искренностью, могло даже являться меланхолическое сочувствіе къ павшему величію, у него могъ вырваться гнѣвный взглядъ на христіанство, которое превратило веселыя божества нѣмецкихъ предковъ въ мрачныя злобныя силы. Но онъ находилъ однако побѣду и распространеніе христіанства необходимыми: потому что и вообще онъ имѣетъ склонность къ естественному и простому не потому, что оно древне, но имѣетъ склонность къ древнему, потому что оно просто и естественно. Гдѣ бываетъ обратный порядокъ, тамъ перемѣняются и его склонности: онъ принадлежитъ новому времени тамъ, гдѣ оно возстановило или сохранило простоту и естественность. Онъ могъ нѣсколько недовольнымъ тономъ сожалѣть, что вслѣдствіе устраненія (въ протестантствѣ) святыхъ, этихъ многочисленныхъ полу-божественныхъ существъ, богослуженіе потеряло «богатство яреихъ представленій»; но тѣмъ не менѣе онъ былъ тѣломъ и душой протестантъ, наивной политикѣ котораго существованіе папства въ наши времена казалось чрезвычайно изишнимъ... Его любовь къ отечеству коренилась въ болѣе тѣсной любви его къ родинѣ, къ его нижнему Гессену; въ своей юности онъ смотрѣлъ свысока на дармштатцевъ, но въ старости онъ публично высказалъ одному земляку желаніе видѣть, чтобы неестественное раздѣленіе обоихъ Гессеновъ пришло къ старому единству... Его нѣмецкія изученія, — замѣчаетъ наконецъ Гервингусъ, — обращаясь постоянно съ вещами, которыя соединяють, а не раздѣляютъ народъ, должны были рѣшительно привлечь этого чело-вѣка къ мысли о нѣмецкомъ единствѣ, какъ только она возникла; но какъ, при его прекрасной двойной любви къ родинѣ, какъ сердился бы онъ на того, кто захотѣлъ бы прикоснуться къ его гессенской народности! Ему было непонятно, каѣмъ образомъ нѣмецъ среднихъ государствъ, отчасти имѣющихъ гораздо болѣе гордую исторію, чѣмъ двѣ большія нѣмецкія державы, могъ бы ради общности и единства (которыя можно спасти въ строгомъ союзномъ устройствѣ) предать свою отдѣльную родину одному большому государству — нелѣпость, немислимая для всякаго гражданина американскихъ штатовъ, для всякаго швейцарца самаго крошечнаго кантона, но беззаботно принимаемая милліонами нѣмцевъ въ ихъ политическомъ неразуміи и упадкѣ!»¹⁾

Таковъ былъ основатель изслѣдованій, которыхъ главными

¹⁾ Gesch. des neunz. Jahrh. 8, Erste Hälfte, 57 и слѣд.

представителями были у насъ г. Буслаевъ и А. Н. Афанасьевъ. Кто знакомъ съ характеромъ сочиненій г. Буслаева, тотъ найдетъ безъ сомнѣнія, что многія черты личныхъ мнѣній и вкусовъ Гримма повторились у нашего изслѣдователя и притомъ повторились такъ близко, что едва ли можетъ быть сомнѣнїе въ источникѣ этихъ мнѣній. Это вліяніе довольно понятно: Гриммъ, по которому г. Буслаевъ изучалъ новый методъ, весь пронизанъ указанными идеями, и если всякое продолжительное специальное изученіе создаетъ извѣстную долю пристрастія къ предмету, которое легко переходитъ въ идеализацію у людей, не уравновѣшивающихъ своего взгляда вниманіемъ къ другимъ сторонамъ дѣла, то здѣсь это пристрастіе подкрѣплялось цѣлой теоріей, идеализировавшей старину. Такъ это и было съ нашимъ изслѣдователемъ. У Афанасьева было конечно не меньше любви къ дѣлу и научнаго увлеченія, но онъ не впадалъ въ тѣ крайности безъ сомнѣнія потому, что его историческіе интересы были разнообразнѣе, что онъ не останавливался на той одной далекой старинѣ, которую такъ легко можетъ закрывать туманъ идеализаціи и сентиментальности; но рядомъ съ своими археологическими трудами, съ тѣмъ же интересомъ вникалъ въ другіе вѣка народной жизни, въ другія стороны развитія, и въ новую исторію русскаго общества.

Эта идеализація старины безъ сомнѣнія выходила наконецъ изъ предѣловъ науки, особенно когда вмѣшивалась въ рѣшеніе практическихъ вопросовъ: въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть односторонность, которая слишкомъ поддается преувеличенію, и въ этомъ случаѣ легко переходитъ въ фальшивую и несимпатичную тенденцію. Эта идеализація была понятна у Гримма: она зарождалась въ тяжелыхъ условіяхъ національной жизни, подъ гнетущимъ сознаніемъ чужого господства; это было поэтическое увлеченіе, оправданіе котораго заключается въ исполнскихъ научныхъ трудахъ, имъ внушенныхъ и поддержанныхъ, — оно оправдывается и тѣмъ, что писатель оставался вѣренъ своимъ народнымъ пристрастіямъ не въ одной археологіи, и въ вопросѣ современной жизни жертвовалъ археологіей, когда жизнь была противъ нея: сожалѣя о томъ, что богослуженіе потеряло свою яркость отъ изгнанія святыхъ, онъ остался однако протестантомъ, — когда другіе изъ подобныхъ побужденій становились католиками, т. е. изъ пристрастія къ старинѣ дѣлали уродливую вещь въ настоящемъ; германская древность представляла для него не только міръ поэзій, но и міръ народной самостоятельности и свободы. Къ сожалѣнію, мы напрасно стали бы искать подобной послѣдовательности у нашихъ сентиментальныхъ ар-

хеологовъ: мудрено даже извлечь у нихъ какое-нибудь ясное представленіе о томъ, какъ представляется имъ идеаль народнои жизни въ современныхъ ея условіяхъ, — кромѣ только стороны піетизма. По крайней мѣрѣ, они ясно объ этомъ не говорили. Идеаль Гримма былъ полный; и потому, несмотря на свою исключительность, онъ оказывалъ нравственное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что прославляемая имъ старина была реставрирована имъ въ памятникахъ научнаго творчества, по истинѣ грандіозныхъ. У нашихъ археологовъ сантиментальной школы къ сожалѣнію не составилось такого дѣльнаго и свободно понятаго идеала народной жизни: въ ихъ мысляхъ всего ярѣиче запомнилась средняя эпоха народной жизни, съ полу-народной легендарной поэзіей, съ бытовымъ застоємъ, съ подавленной народной свободой. «Самосознаніе», которому должна была служить наша наука о народной старинѣ, — въ этомъ случаѣ не получало отъ нея большой услуги.

Впрочемъ, г. Буслаевъ представляетъ только одну сторону идеализаціи старины. Въ началѣ своей дѣятельности, да и послѣ, онъ не принадлежалъ къ такъ-называемому славянофильству; хотя по своимъ послѣднимъ мнѣніямъ часто очень приближается къ его теоріямъ. Выше упомянуто о томъ, какъ онъ расходился въ объясненіяхъ старины съ Шевыревымъ; подобнымъ образомъ онъ расходился и съ славянофилами — ихъ раздѣлялъ, во-первыхъ, методъ изученія, который тогда ясно указывалъ г. Буслаеву произвольность многихъ славянофильскихъ представленій о древнемъ бытѣ; и вообще г. Буслаевъ принадлежалъ къ ученому университетскому кружку, неладившему съ славянофилами. Между славянофилами въ то время не было ученыхъ, которые были бы знакомы съ этой стороной науки; они и вообще склонны были рѣшать вопросъ общими теоретическими разсужденіями, и въ ихъ рядахъ за К. Аксаковымъ являлся г. Безсоновъ съ своими аллегорико-мистическими истолкованіями древней поэзіи (былинъ), противъ которыхъ г. Буслаевъ выставалъ свои болѣе вѣрныя и научныя объясненія. Но въ концѣ концовъ, г. Буслаевъ въ своихъ особенныхъ симпатіяхъ къ средневѣковому типу нашей народности, съ ея преданіями и византийско-легендарнымъ искусствомъ, сошелся съ славянофилами гораздо больше чѣмъ предполагалъ.

Славянофилы заняли свое особое мѣсто въ исторіи изученія русской народности. Въ теченіе описываемаго періода ихъ мнѣнія, хотя и высказались съ рѣзкой исключительностью, давшей имъ въ литературѣ своеобразную роль, но тѣмъ не менѣе далеко не были, или не могли быть ими высказаны съ должной

полнотой. Мы остановимся впоследствии на различных мнѣніяхъ этой школы, въ особенности настаивавшей на необходимости возвращенія къ народности и утверждавшей свои собственные народныя качества, и замѣтимъ здѣсь только, что въ смыслѣ научнаго метода школа мало отдѣлялась отъ «западнаго» направленія, которому себя противопоставляла. Старѣйшіе славянофилы, какъ Ив. Кирѣевскій, Хомяковъ, затѣмъ г. Самаринъ, Б. Аксаковъ, воспитались на той же нѣмецкой философіи. Иванъ Кирѣевскій въ первое время вовсе не становился ни въ какое исключительное положеніе, и такое положеніе было имъ принято только впоследствии. Въ сороковыхъ годахъ обѣ враждебныя стороны представлялись какъ бы различными вѣтвями одной школы, языкъ которой онѣ одинаково понимали. Даже К. Аксаковъ писалъ свою первую диссертацию въ духѣ той же гегелевской философіи. Эта философія послужила и здѣсь подкладкой, на которой развились потомъ другія мнѣнія славянофиловъ; идея историческаго предназначенія народовъ была одинаково знакома обѣимъ сторонамъ, и онѣ расходились только въ ея примѣненіи; въ историческомъ изученіи славянофилы также какъ ихъ противники направили свое вниманіе на формы быта, на характеръ учреждений, въ которыхъ слѣдили внутреннюю исторію народа. Споръ о родовомъ или общинномъ бытѣ древней Руси въ сущности могъ вовсе не быть рѣзкимъ вопросомъ между двумя партіями (какъ это было); многія цѣнныя замѣчанія славянофиловъ по русской исторіи могли составлять скорѣе личную заслугу писателей, чѣмъ заслугу партіи; Д. Валуевъ, какъ изслѣдователь мѣстничества, могъ идти совершенно рядомъ съ г. Кавелинымъ или г. Соловьевымъ, которые, съ своей стороны, могли участвовать въ славянофильскихъ изданіяхъ (какъ и въ самомъ дѣлѣ участвовали); теоретическій, научный интересъ къ славянскому міру также былъ болѣе или менѣе общій ученымъ обѣихъ сторонъ, хотя не одинаково сильный, и т. д. Впоследствии, литературныя отношенія отдалились, и стороны опредѣлились рѣзче. Славянофилы утверждали, что ихъ противники смотрѣли на русскую исторію черезъ очки иностранной науки, и свой взглядъ называли истиннымъ русскимъ¹⁾. Это было конечно заблужденіе: никакой особой новой науки съ ними

¹⁾ Вотъ нѣсколько славянофильскихъ отзывовъ, въ которыхъ любопытно отношеніе къ Карамзину:

«Нѣмцы первые стали объяснять русскимъ ихъ исторію. Байеръ, Миллеръ, Шюперъ, Эверсъ, не принадлежа къ народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принались толковать его жизнь. Русскіе сами, получивъ иностранное воззрѣніе, смотрѣли также не по-русски на свою исторію, какъ и на все свое. Ломоносовъ,

не явилось, и напротивъ теперь, какъ и прежде, во многихъ случаяхъ содѣйствіе очковъ иностранной науки оказывалось дѣйствительнѣе простого глазомѣра. Славянофилы, правда, высказывали извѣстныя, имъ собственно принадлежавшія научныя мнѣнія, но въ этихъ мнѣніяхъ, иногда очень справедливыхъ и новыхъ, не было однако «новой науки»; а иногда эти мнѣнія не были и справедливы. Не были славянофилы и спеціально, преимущественно народными людьми. Впослѣдствіи и выяснилось, что они представляли собой, въ идеѣ, дѣйствительно не русскій народъ — весь, какимъ до настоящей минуты создала его исторія, а только одну (хотя и наибольшую) долю его, и притомъ въ чертахъ — не тѣхъ, какія развила въ немъ исторія до новѣйшаго времени, а въ чертахъ московскаго семнадцатаго вѣка. Существенная особенность славянофильства (о ней мы будемъ говорить дальше), не относившаяся къ наукѣ, заключалась именно въ томъ, что настоящей Русью, настоящимъ русскимъ народомъ они считали Москву и русскій народъ семнадцатаго вѣка, и упорно отвергали «петербургскій періодъ», какъ чужой, нѣмецкій, не народный: такимъ образомъ они отбрасывали цѣлый историческій періодъ, и искали идеала внѣ и отдѣльно отъ него, — какъ будто въ исторіи возможны такіа исключенія того, что намъ лично не нравится. Отсюда складывался ихъ особенный, тѣсно-націо-

въ природѣ котораго, впрочемъ, болѣе другихъ проявлялись русскія движенія, Карамзинъ и другіе изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно. Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, но бытъ простого народа, сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, поддѣйствовали наконецъ на взгляды нашихъ ученыхъ, а желаніе понять русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго возрѣнія — пробудилось. Политическій взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взглядъ шлегеровскій и карамзинскій былъ наконецъ оставленъ, и въ наше время вниманіе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины его жизни». Таково направленіе новыхъ ученыхъ, особенно г. Соловьева. Но — «желаніе не есть достиженіе; и г. Соловьевъ съ послѣдователями — все-таки послѣдователь другого нѣмца, Эверса» (послѣдователемъ перваго нѣмца, Шлегера, оставался еще г. Погодинъ). Поэтому, и оказывалась надобность въ новой, уже чисто русской точкѣ зрѣнія. (Соч. К. Аксакова, I, стр. 59). Аксаковъ не обратилъ вниманія на то, что вопросъ былъ не только въ томъ, что мы учились у нѣмцевъ, но и въ томъ, что таковы были и ходъ цѣлой науки. Нѣмецкая наука, не знавшая въ XVIII-мъ вѣкѣ русской народной жизни, не знала тогда и старой нѣмецкой народной жизни: это была точка зрѣнія, принадлежавшая всей образованности прошлаго столѣтія, а съ возникновеніемъ новыхъ историческихъ взглядовъ, тѣ же нѣмцы, именно Эверсъ, первые указали необходимость новаго пріема: они же «оставили взглядъ шлегеровскій и карамзинскій» и «обратили вниманіе на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины (вѣроятно: пружины) его жизни», какъ авторъ указывалъ это въ г. Соловьевъ — послѣдователь Эверса.

гальний мистицизмъ, съ которымъ естественно соединился и известный мистицизмъ теологическій.

Въ такихъ общихъ чертахъ представлялось научное изученіе народности къ тому времени, когда въ нашей общественной жизни наступилъ новый періодъ. Нельзя не видѣть, что изслѣдованіе народности историческое и этнографическое шло при несомнѣнномъ вліяніи теорій европейскихъ, даже у тѣхъ писателей, которые съ негодованіемъ отвергали все иностранное. Поэтому, сказать, что мы достигли «самосознанія» было въ ту пору — нѣсколько смѣло и по этой одной причинѣ; но были и другія причины по которымъ мудрено было бы говорить о «самосознаніи» хотя бы теоретическомъ. Во-первыхъ, въ изученіи народа оставалось еще слишкомъ много пробѣловъ, вслѣдствіе которыхъ, даже для образованнаго меньшинства, оставались неслышима весьма существенныя стороны народной жизни. Во-вторыхъ, само образованное общество тѣхъ или другихъ тенденцій, — которое, при умственномъ бездѣйствіи, неразвитости или подавленности массъ, одно могло представлять собой дѣятельную часть націи, — это общество обнаруживало такъ мало самостоятельности, было такъ недѣятельно, или даже если хотѣло быть дѣятельнымъ, было такъ стѣснено въ самыхъ первоначальныхъ не только практическихъ, но умственныхъ дѣйствіяхъ, что самостоятельность общества была конечно воображаемая...

На дѣлѣ, эта собственно теоретическая самостоятельность достигалась только немногими лучшими умами, и для того, чтобы она могла быть передана обществу нѣсколько дѣйствительнымъ образомъ, нужно было значительное повышеніе уровня понятій въ массѣ общества, и съ другой стороны нужно было, чтобы самые принципы были болѣе выяснены со стороны ихъ практическаго значенія въ жизни. Къ сожалѣнію, литература была въ этомъ отношеніи совершенно связана. Много разъ было замѣчено, что люди сороковыхъ годовъ (въ обоихъ главныхъ направленіяхъ, о которыхъ здѣсь говорится) сознавали вполне необходимость освобожденія крестьянъ: это справедливо, но понятно, что освобожденіе должно было составлять лишь первую ступень преобразованія; оставался еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ моментовъ развитія, дальнѣйшихъ освобожденій, которыми нужно было бы пройти обществу, чтобы найти свое первое нормальное положеніе. Объ этомъ послѣднемъ масса общества имѣла еще самыя неясныя представленія, а для людей передовыхъ это была чистая, совершенно отвлеченная теорія, для которой связанная общественная жизнь того времени не давала никакой опоры.

Чтобы опредѣлить размѣръ движенія описываемаго времени, нужно сравнить его не только съ тѣмъ, изъ чего оно вышло, но и съ тѣмъ, что за нимъ послѣдовало.

Въ двадцатыхъ годахъ, люди, представлявшіе наибольшую степень общественнаго развитія, бросились на идею политическаго преобразованія. Теперь эта политическая идея была какъ будто забыта, но развитіе ея не остановилось. Интересъ къ народу, въ лучшихъ людяхъ двадцатыхъ годовъ глубоко искренній и благородный, былъ только у немногихъ реально сознательный, а у большей ихъ части это былъ интересъ романтический. Въ томъ періодѣ, о которомъ мы говоримъ, въ понятіяхъ произошла большая перемѣна. Романтическіе взгляды вымираютъ болѣе и болѣе, и вмѣстѣ съ этимъ прежняя политическая идея (именно, насколько она связывалась съ романтизмомъ),—сохранивъ свой смыслъ нравственнаго возбужденія, перестала удовлетворять своимъ тогдашнимъ содержаніемъ. Романтический интересъ къ народу смѣняется болѣе и болѣе положительнымъ, и таково именно было значеніе тѣхъ изученій народной жизни, ходъ которыхъ мы указывали. Историческое и этнографическое изученія стремились понять народную жизнь какъ она есть,—достигали этого конечно не вдругъ, проходили при этомъ разныя предварительныя ступени, дѣлали ошибки, но въ результатѣ эти изученія, какъ они стояли въ сороковыхъ годахъ, были уже, какъ моментъ развитія, гораздо выше романтической точки зрѣнія двадцатыхъ годовъ.

Правда, историческія изслѣдованія сороковыхъ годовъ вращались почти исключительно на древнемъ періодѣ и были слѣдовательно очень далеки отъ жизни. Доводить изслѣдованіе до новѣйшихъ временъ и ихъ учреждений и порядковъ — мѣшало самое положеніе литературы, въ которой сколько-нибудь откровенная исторія новѣйшихъ временъ была невозможна подъ цензурными запрещеніями; но съ другой стороны, ученые, вынужденные къ молчанію здѣсь, нашли болѣе широкій интересъ и въ изслѣдованіяхъ прошедшаго: отыскивая основныя идеи историческаго развитія, они естественно искали ихъ корней въ прошломъ, и позднѣйшія явленія принимались (отчасти по необходимости) какъ подразумеваемый результатъ, къ которому само собой должны были прилагаться послѣдствія рѣшеній, принятыхъ относительно фактовъ основныхъ.

Но вопросы, поставленные въ двадцатыхъ годахъ, т.-е. внутренніе политическіе вопросы — при всѣхъ недостаткахъ въ ихъ тогдашней постановкѣ,—были однако вопросы, естественно возникавшіе въ общественномъ развитіи, и потому, они должны

были возвратиться и выясниться въ послѣдующемъ его ходѣ. Засланные въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ другими, но по сущности съ ними тѣсно связанными вопросами, они дѣйствительно яснѣе выдаются, и ихъ практическія требованія отчасти осуществляются въ послѣдующія десятилѣтія, — въ наше время.

Разсматривая новѣйшія изученія «народности», нельзя не видѣть, что онѣ чрезвычайно расширились противъ сороковыхъ годовъ. Историческія изслѣдованія обращаются къ новымъ предметамъ, и принимаютъ новое направленіе. Главныя ступени, пройденныя ими до нашего времени, были слѣдующія. Карамзинъ понималъ русскую исторію и представлялъ ее вообще какъ апотеозу абсолютизма, понятіе котораго было имъ взято готовое, какъ оно тогда существовало, и перенесено въ древность. Его противники въ либеральномъ общественномъ кругу спорили противъ всей тенденціи; ученые опровергали его взгляды относительно древняго періода. Каченовскій и Полевой, не касаясь цѣлой темы Карамзина, старались поставить древнія событія въ ихъ естественномъ свѣтѣ; предвзятой тенденціи Карамзина у нихъ уже не было; они понимали ясно разницу періодовъ и требованія исторической вѣроятности, и старались найти дѣйствительный характеръ событій и ихъ внутреннее значеніе. Но Полевой слишкомъ внѣшнимъ образомъ прилагалъ результаты европейской исторіографіи, и сдѣлавши не мало вѣрныхъ отдѣльныхъ замѣчаній, ошибся въ цѣлой постройкѣ своего взгляда. Правильное примѣненіе новаго историческаго метода къ изученію внутренней жизни народа начинается съ трудами г. Соловьева и ученыхъ сороковыхъ годовъ; начавъ съ изображенія родового быта, г. Соловьевъ въ послѣдующихъ историческихъ періодахъ сталъ опять по преимуществу историкомъ государства — хотя уже не патріархальнымъ, какъ Карамзинъ, а историкомъ рационалистическимъ, историкомъ государственной централизаціи. Славянофилы, примѣняя тѣ же ученые средства, пришли къ другой постановкѣ вопроса. Вмѣсто родового быта и его явленій, они находили въ древней русской исторіи господство общины, и старое государство понимали какъ особый любовный союзъ цѣлой великой общины, Земли, съ властью; этотъ союзъ существовалъ по ихъ мнѣнію въ теченіе всего древняго періода, разорванъ былъ Петромъ Великимъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ былъ возстановиться, когда русскій народъ возвратится къ истиннымъ началамъ своей жизни, нарушеннымъ реформой: — призва-

наки возвращенія они уже видѣли, между прочимъ въ своемъ собственномъ образѣ мыслей.

Дальнѣйшее развитіе исторіографіи, принадлежащее уже нашему времени, принесло новую точку зрѣнія, которая была одинаково и результатомъ развивавшагося научнаго изслѣдованія и отголоскомъ живыхъ стремленій самой народности. Это была такъ - называемая федеративная теорія. Эта теорія, почувствованная уже давно и теперь только высказанная, прежде всего становилась въ противорѣчіе съ историками въ смыслѣ централизаціи — тѣмъ, что выставяла вромѣ потока государственнаго развитія потокъ народной жизни, который не всегда сливался съ первымъ; она не принимала, что народъ, разъ создавъ государство, уже отказывался совершенно отъ своей автономіи и отдавалъ ее безповоротно въ руки государства; она не считала государства такимъ идеальнымъ учрежденіемъ, которое создается разъ навсегда и остается непогрѣшимымъ авторитетомъ, а напротивъ видѣла въ немъ обыкновенное учрежденіе, съ временными формами, характеръ которыхъ опредѣляется — въ высшей инстанціи — представленіями и потребностями массъ, — и защищала для этихъ массъ право самоопредѣленія. То, что въ народныхъ движеніяхъ прошедшихъ вѣковъ для теоріи централизаціонной казалось только «анти-государственнымъ» элементомъ, въ теоріи федеративной представлялось отраженіемъ естественныхъ инстинктовъ народной жизни, которые, правда, могли принимать ложное направленіе, но тѣмъ не менѣе сами были естественны и законны и становились анти - государственными только потому, что въ существовавшемъ государствѣ не находили себѣ правильнаго удовлетворенія. Народныя движенія стараго времени обозначали не борьбу стараго отживающаго элемента (народной автономіи) съ новымъ (государствомъ), которому одному принадлежитъ будущее; а напротивъ борьбу двухъ элементовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое право; если по обстоятельствамъ времени, по наличнымъ силамъ, фактический исходъ борьбы оканчивался въ пользу государства, то онъ не уничтожалъ въ будущемъ возвращенія народнаго вопроса и новаго его рѣшенія.

Съ другой стороны, федеративная теорія ставилась и съ славянофильской точкой зрѣнія. Между ними было не мало общаго, какъ въ нѣкоторыхъ теоретическихъ положеніяхъ, такъ и въ томъ, что для главнѣйшихъ писателей той и другой школы вопросъ о народѣ былъ не только дѣломъ размышленія, но и дѣломъ чувства, внушенія котораго они часто и предоставляли вести свою мысль. Но между ними была и значительная

разница. Для славянофиловъ та русская Земля, та великая Община, въ которой они видѣли основаніе своего національнаго идеала, была земля и община великорусская; средоточіемъ русской исторіи дѣлалась Москва, которая казалась славянофиламъ священнымъ символическимъ городомъ, которой они давали почти мистическое значеніе. Теорія федеративная также знала это значеніе земли, но какъ въ древней Руси она видѣла федерацію различныхъ земель, отдѣльныхъ и автономическихъ, такъ она не теряла ихъ изъ виду и въ дальнѣйшемъ движеніи исторіи. Съ теченіемъ времени земли теряли свою отдѣльность, сливались въ большія массы, наконецъ въ единое государство, но тѣмъ не менѣе онѣ не уничтожались, и современная русская нація все не есть однородное цѣлое, къ которому удобно было бы примѣнить московскіе идеалы XVII-го вѣка. Русская народность, кромѣ великорусской, имѣетъ другія обширныя вѣтви, каковы Малоруссія и Бѣлоруссія, которыя и старой исторіей, и языкомъ, и бытомъ значительно отличаются отъ великорусской массы, и соединенныя съ послѣдней отчасти при исключительныхъ условіяхъ, отчасти только въ позднѣйшее время, не могутъ принимать московской мѣрки, и, мало того, — по праву народности развивать свои особенныя черты, т.-е. въ сущности, жить въ условіяхъ, данныхъ ей прошедшимъ развитіемъ, — должны въ этомъ отношеніи имѣть извѣстный просторъ и льготы. Въ этихъ условіяхъ московская символика не имѣетъ смысла для *цѣлаго* русскаго народа; она должна ограничиться предѣлами своего племени, и предоставить другимъ племенамъ свойственное имъ развитіе; пунктомъ соединенія цѣлага является не московскій XVII-й вѣкъ, а скорѣе новая Россія.

Таковы были теоретическія соображенія. Въ научномъ смыслѣ всѣ указанныя направленія стояли на одной почвѣ, работали по одному методу, который былъ данъ новѣйшей европейской исторіографіей. Но, какъ мы выше замѣтили, въ образованіе историческихъ и этнографическихъ мнѣній вмѣшивались наконецъ и непосредственныя живыя вліянія — начинавшееся броженіе общественныхъ и народныхъ стихій.

Романтизмъ смѣнился у насъ направленіемъ, обратившимся къ изученію и изображенію народной жизни. Наше обращеніе къ «народности» шло параллельно подобному же явленію, которое возникало тогда въ разныхъ краяхъ Европы: здѣсь оно обнаруживалось или прямо въ видѣ политическаго «принципа національностей», или въ видѣ общественнаго движенія, которое было съ одной стороны реакціей космополитическому началу революціи (и здѣсь имѣло свою консервативную сторону), а съ дру-

гой—реакціей противъ нивелирующаго абсолютизма и стремившагося возродиться феодализма (и здѣсь оно было демократическимъ и прогрессивнымъ). Въ нашей жизни, въ рукахъ авторитета, это же стремленіе создало систему официальной народности. Но рядомъ съ официальной системой возникали народные интересы среди самаго общества. Это были интересы иного рода: свободные отъ предвзятой консервативной тенденціи официальной системы, они скорѣе обращались къ народу для самого народа, исходя отъ непосредственнаго чувства къ родинѣ и отъ неясныхъ мечтаній о благѣ народа, въ которомъ начинала чувствоваться національная сущность государства. Движеніе это въ началѣ было весьма неопредѣленное и стихійное; — мы видѣли, какъ историки, по теоретическимъ указаніямъ науки, искали проникнуть въ смыслъ народнаго бытія, какъ самоучки-этнографы и археологи пытались понять старину и настоящій народный бытъ, и т. д.: но здоровая сила движенія обнаруживалась тѣмъ, что проникнуть — также полусознательно—въ литературу, оно выразилось свѣжими, оригинальными, яркими произведениями, которыя сразу начали новый литературный періодъ,—произведениями Гоголя. Народная жизнь въ первый разъ заняла прочное мѣсто въ литературѣ и для ея изображенія въ первый разъ нашлись настоящія краски въ школѣ Гоголя. Такимъ же явленіемъ было возникновеніе славянофильства, гдѣ интересъ къ народу принялъ указанный нами спеціально-московскій оттѣнокъ. Наконецъ, то же движеніе выразилось возникновеніемъ малорусской литературы: оно было совершенно параллельно славянскому возрожденію, и любопытно тѣмъ болѣе, что если народности западно-славянскія находили особый стимулъ въ томъ, что были окружены и въ практической жизни подавляемы чужой народностью, къ которой принадлежала и государственная власть, то здѣсь народная литература возникала въ государствѣ той же славянской народности очень близкой и по исторіи, и по религіи, и по языку. Ихъ старая исторія была одна, новая—также, но въ промежутокъ ихъ раздѣленія легла сильная разница между сѣверомъ и югомъ, и послѣдній выдѣлился въ такую особность, которая уже чувствовала свое различіе отъ великорусскаго племени и не находила удовлетворенія своимъ народнымъ инстинктамъ въ простомъ сліяніи съ сѣверомъ. Малорусская литература брала своимъ содержаніемъ поэтическіе мотивы народнаго быта и своей южной исторіи—за періодъ отдѣльности отъ сѣвера, собственно и положившій самый яркій отпечатокъ на эту народность. Этнографическое изученіе, даже совершенно свободное отъ всякихъ мѣстныхъ при-

страстіи, встрѣтилось бы здѣсь съ явленіемъ, для котораго нужна была бы совершенно иная мѣрка. Вопросъ малорусской народности и ея отношеній къ сѣверу требовалъ бы разъясненія — тѣмъ болѣе, что одна часть ея, съ тѣмъ же существеннымъ характеромъ, жила въ той Австрійской имперіи, на которую и москвитское славянофильство, ради единоплеменнаго славянства, бросало нѣсколько алчные взгляды. Когда явилась въ литературѣ нѣкоторая возможность высказываться общественнымъ интересамъ, малорусскій вопросъ былъ поставленъ въ довольно ясныхъ, хотя очень скромныхъ, чертахъ. Намъ нѣтъ надобности говорить о подробностяхъ этой постановки ¹⁾; довольно сказать, что она отразилась и въ научной исторіи. Случилось, что одинъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей малорусской литературы былъ вмѣстѣ и замѣчательнымъ историкомъ: въ немъ наша своего главнаго представителя федеративная теорія въ древней русской исторіи. Объясняя внутреннія политическія отношенія въ древней Руси, теорія служила въ то же время и для объясненія основаній малорусской народной исторіи.

Послѣднія событія вызвали еще новое явленіе того же порядка, какъ малорусское возрожденіе: это вопросъ западно-русской народности, явившійся въ послѣдніе годы какъ реакція польскому національному господству. Къ сожалѣнію, и тотъ и другой вопросъ до послѣдняго времени не были доступны свободной критикѣ, и, напротивъ, стали предметомъ реакціонной эксплуатаціи, которая только запутывала ихъ и бросала на нихъ фальшивый свѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что когда кончится эта эксплуатация малорусскаго, бѣлорусскаго, а также и польскаго вопроса, и откроется возможность опредѣлить настоящее положеніе дѣла, то для исторической науки предстоить еще задача правильнѣе объяснить многое и въ прошедшемъ. Теперь эти вопросы оставались пока и остаются нерѣшенными; но для будущаго изслѣдованія ихъ научное содержаніе должно уже стать въ иномъ видѣ — чистая теорія уже начинаетъ получать осязательное значеніе, и является съ болѣе глубокимъ и опредѣленнымъ смысломъ.

Новыя колебанія произошли и въ отношеніяхъ къ западно-славянскому вопросу. Изученіе славянства у насъ развивалось, вкратцѣ, слѣдующимъ образомъ. До упомянутаго выше учрежденія славянскихъ кафедръ въ университетахъ, и до послѣдней

¹⁾ Читатель найдетъ первое въ нашей литературѣ обстоятельное изложеніе этого предмета въ статьяхъ г. М. Т—ова: «Восточная политика Германіи и обрусеніе», В. Евр. 1872.

нѣсколькихъ лицъ для спеціального изученія славянскихъ земель,—знакомство съ славянскимъ міромъ было у насъ весьма ограниченное. Немногіе ученые, какъ Востокوفъ, Кеппенъ, Калайдовичъ, Венелинъ, знали движеніе новѣйшихъ славянскихъ литературъ; еще немногіе другіе имѣли о немъ болѣе или менѣе неопредѣленные представленія. Правильное изученіе началось только со введеніемъ этого предмета въ университетскій курсъ филологій; преподаваніе новыхъ профессоровъ внесло въ научное обращеніе, черезъ (немногочисленные впрочемъ) филологическіе факультеты, точныя понятія о западномъ и южномъ славянскомъ мірѣ. Собственные русскіе труды главнымъ образомъ направились на близкую намъ исторически древность южнаго славянства; въ остальномъ приходилось по крайней мѣрѣ усвоивать то, что сдѣлано было самими западно-славянскими учеными. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, кромѣ книги Добровскаго (устарѣвшей уже въ то время), переведены были «Славянская Этнографія» и «Древности» Шафарика, книжка Коллара о «Литературной взаимности», «Краледворская рукопись», нѣсколько историческихъ отрывковъ,—это почти все, что было усвоено литературой изъ этого источника; собственные труды состояли въ диссертациахъ гг. Бодянскаго, Срезневскаго, въ нѣсколькихъ (весьма замѣчательныхъ) книжкахъ г. Григоровича. Въ сороковыхъ годахъ начинается и славянофильская пропаганда этого вопроса;—возвѣщенная еще задолго раньше поэтическими воззваніями Хомякова, эта пропаганда открылась извѣстнымъ «Сборникомъ» Валуева и продолжалась славянофильскими изданіями, Москвитаниномъ и т. п.

Въ литературѣ вопросъ былъ наконецъ поставленъ между двумя партіями съ самой рѣзкой противоположностью. Въ то время, какъ славянофилы весьма ясно примыкали къ такъ-называемому панславизму, ихъ противники, отчасти мало его знавшіе, не только отвергали эту точку зрѣнія, но подсмѣивались надъ ней. И они не были совсѣмъ неправы: панславизмъ, въ первой порѣ своихъ увлеченій (которые именно повторялись и у насъ), обнаруживалъ такіа притязанія, которые не оправдывались ни историческимъ опытомъ, ни настоящей ролью славянства. Для нашихъ противниковъ панславизма было довольно ясно, что эти мечтанія—какова бы ни была степень ихъ основательности для будущаго, во всякомъ случаѣ не близкаго,—были уже тѣмъ вредны, что мѣшали реальному пониманію настоящаго, что въ нихъ было слишкомъ много фантазіи и похвальбы. Итакъ, въ научномъ смыслѣ у насъ было сдѣлано для славянскаго изученія еще немного; нашъ панславизмъ былъ въ значительной степени

матореніемъ западно-славянскихъ мечтаній, разгорячаемыхъ въ славянскомъ Западѣ ожиданіемъ политическаго столкновенія.

Въ послѣдніе годы и въ этихъ славянскихъ воззрѣніяхъ произошла значительная перемена. Для известной части публики славянский вопросъ нѣсколько выяснился политической дѣятельностью западнаго славянства, — послѣ 1848 года и новѣйшихъ событій; но масса общества и до сихъ поръ остается равнодушною къ этому вопросу, слишкомъ для нея далекому и отвлеченному. Въ славянофильскомъ ученіи появилась особая фракція. Въ послѣднее время путешествія въ славянскія земли стали дѣломъ довольно обыкновеннымъ; слависты второго поколѣнія могли явиться туда болѣе приготовленными или предупрежденными, но новое изученіе въ своихъ результатахъ было не совсѣмъ согласно съ прежнимъ. Они не увидѣли въ славянскомъ мірѣ той могущественной силы, которою нѣкогда грозился панславизмъ; «единая семья» славянскихъ народовъ оказалась все-таки слишкомъ раздроблена и языкомъ, и религіей, и степенью развитія, и политическими интересами; съ тѣхъ поръ какъ заявлена была идея «славянской взаимности», эта взаимность сдѣлала мало успѣховъ. Въ славянскомъ мірѣ очевидно не было единства, и слависты новаго поколѣнія приходили къ убѣжденію, что это единство можетъ быть утверждено только однимъ способомъ — именно господствомъ или гегемоніей (московской) Россіи, или на первый разъ введеніемъ русскаго языка, какъ общаго литературнаго языка для всѣхъ славянскихъ племенъ. Пропагандѣ русскаго языка пришлось доказывать, что никакія другія средства не помогутъ дѣлу, что усилія славянскихъ племенъ создавать и развивать свои литературы въ сущности бесполезны, даже вредны — потому что отдаляютъ время объединенія посредствомъ русскаго языка. Пропагандѣ приходилось не придавать большой цѣны явленіямъ современной западной и южно-славянской литературы; въ каждой отдѣльной народности литература слишкомъ тѣсна, чтобы обнять всеславянский интересъ, чтобы дать средства для широкихъ созданій поэзіи и науки. Такъ, или почти такъ, дѣйствительно говорила пропаганда... Была ли вѣрна или невѣрна новая точка зрѣнія, но любопытна была такая перемена понятій въ средѣ самой партіи, въ короткій промежутокъ болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ вещей. Разница въ основномъ принципѣ была слишкомъ ощутительна. Въ прежнее время, приверженцы славянской идеи радовались возникновенію славянскихъ литературъ, какъ возрожденію народностей, и ихъ разнообразіе казалось тѣмъ разнообразіемъ діалектовъ древней Греціи, которое служило къ большому богатству и красотѣ гре-

ческаго языка. Теперь, это разнообразіе казалось вавилонскимъ столпотвореніемъ, которое чѣмъ скорѣе кончится, тѣмъ лучше—т.-е. казалось почти тѣмъ же, что видѣли въ этомъ прежніе противники славянофильства.

Эта переменѣна отразилась и на домашнемъ «славянскомъ» вопросѣ. Славянофилы колебались въ своихъ отношеніяхъ къ развитію нашихъ мѣстныхъ литературъ, малорусской и бѣлорусской, въ своихъ отношеніяхъ къ польской народности. Они то признавали ихъ право на существованіе, то сомнѣвались... Въ ихъ теоріи и теперь повторялось слово «народъ» и слово «любовь», но обрусительныя наклонности не разъ становились въ противорѣчіе съ этими словами, и въ славянофильскихъ тенденціяхъ народная идея высказывалась въ своемъ спеціально-московскомъ смыслѣ.

Въ 1867-мъ происходилъ славянской сѣздъ на московской этнографической выставкѣ. Есть цѣлая книга, рассказывающая объ этомъ сѣздѣ, о торжественныхъ встрѣчахъ, обѣдахъ, концертахъ, длинныхъ рѣчахъ, заявленіяхъ братскихъ чувствъ, и т. д. Но есть основаніе думать, что вообще говоря, значеніе этого сѣзда осталось нѣсколько двусмысленно: «братья» увидѣли въ своемъ путешествіи не только то одно, что хотѣли имъ показать, и едва ли убѣдились въ томъ, въ чемъ хотѣли убѣдить ихъ славянофилы, старые и новые. Въ людяхъ непредубѣжденныхъ сѣздъ подтвердилъ недовѣріе къ фантастическимъ изображеніямъ славянскаго вопроса, и въ прежней, и въ новой формѣ. Между восточными и западными «братьями» обнаружались недоразумѣнія, которыхъ невозможно было скрыть.

Такъ, и съ этой стороны практическая жизнь освѣщала новымъ свѣтомъ вопросы народные и племенные, и открывала дѣйствительныя отношенія, которыхъ не видно было въ прежней исключительно теоретической и идеальной точкѣ зрѣнія.

Наконецъ, совершенно новыя стороны народной жизни открыты были изученію и сознанію событіями нашей внутренней исторіи послѣдняго времени. Центральнымъ и основнымъ изъ этихъ событій была крестьянская реформа. Нѣтъ сомнѣнія, что источникомъ ея были два побужденія: нравственное — сознаніе общественной несправедливости, низводившей громадную часть господствующей націи въ положеніе крайняго безправія и угнетенія; и затѣмъ, внѣшнее, матеріальное — сознаніе явнаго вреда для государства отъ неправильныхъ экономическихъ отношеній. То и другое сознаніе выросло издавна въ обществѣ — ихъ исторію можно ясно прослѣдить въ теченіе послѣдняго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, оно стало болѣе или менѣе отчетливо только

съ самымъ началомъ реформы, когда въ первый разъ явилась возможность открыто говорить объ этомъ предметѣ. Еще недавно недавнее время, когда предстоявшее рѣшеніе крестьянскаго вопроса наполнило наше полусознательное существованіе неожиданнымъ оживленіемъ, въ которомъ высказались разнообразныя понятія и тенденціи, надежды и досады, вызванныя ожидаемымъ преобразованиемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало возможно и началось серьезное изслѣдованіе. Вопросъ былъ такъ важенъ, касался такъ глубоко народной и государственной жизни, что можно безъ преувеличенія сказать, что наше изученіе этой жизни, наше «самосознаніе» начинается только съ тѣхъ поръ, какъ крестьянскій вопросъ разрѣшался и въ общественныхъ понятіяхъ разъяснилось его истинное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ «самосознаніи» могла быть рѣчь, когда десятки милліоновъ коренного народа имперіи были *юридически*, государственнымъ закономъ, устранены отъ всякой возможности какого-либо образованія, какого-нибудь иного сознанія, кромѣ гнетущаго чувства своей безпомощности и незащитности. Крѣпостная реформа впервые позволяла понимать «народъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ ему могло быть приписано нравственное значеніе, когда слово «народъ», какъ обозначеніе національной идеи, перестало быть странной фикціей, двусмыслиемъ и печальной ироніей.

Признаніе гражданскаго достоинства за крѣпостнымъ «народомъ» не могло не отразиться или не сопровождаться болѣе вниманіемъ къ исторической судьбѣ народныхъ массъ. Такъ федеративная теорія, высказанная именно въ этотъ періодъ освобожденія, исправляла или дополняла въ этомъ смыслѣ прежніе взгляды — историковъ государственности и историковъ славянофильскихъ. Исторія народныхъ движеній, казачества, крестьянскихъ возстаній, до тѣхъ поръ темная, получала свое объясненіе; это была уже не исторія излишнихъ и только вредныхъ броженій «противо-государственнаго начала», напротивъ, историкъ наблюдалъ здѣсь проявленія подлинной народной стихіи, естественныхъ народныхъ влеченій и инстинктовъ, и находилъ для нихъ полное объясненіе, почти оправданіе. Въ такомъ же смыслѣ началось, — опять современно съ крестьянской реформой, — изученіе другого, чисто народнаго явленія, раскола. Прежняя исторія трактовала расколъ исключительно только съ точки зрѣнія системы официальной народности и обличала его: — это былъ своего рода религіозный бунтъ толпы, тѣмъ болѣе упорной, тѣмъ болѣе она была невѣжественна; правительства неизмѣнно преслѣдовали этотъ бунтъ въ теченіе двухъсотъ лѣтъ; къ сожалѣнію, преслѣдованіе болѣею частью было безуспѣшно, хотя не-

обходимо и справедливо, потому что заблужденіе, доходившее до послѣднихъ крайностей, было вредно и для государства и для церкви. Теперь исторія впервые отнеслась къ расколу безпристрастно, по крайней мѣрѣ безъ предвзятаго осужденія. Она старалась возстановить бытъ, понятія и обстоятельства, при которыхъ возникалъ расколъ, и должна была придти къ убѣжденію, что его происхожденіе имѣетъ свои основанія вовсе не въ бунтовскихъ наклонностяхъ невѣжественной массы, а въ условіяхъ времени, — что по всему характеру тогдашняго религіознаго быта и просвѣщенія народъ могъ совершенно естественно придти къ тѣмъ понятіямъ, которыя казались такъ странны новѣйшимъ догматическимъ обличителямъ и вовсе не были странны въ XVII-мъ вѣкѣ. Исслѣдованіе пошло еще далѣе. Разсматривая ближе народное міровоззрѣніе семнадцатаго вѣка, при началѣ раскола, оно находило, что тѣ понятія, которыя потомъ стали считаться особенной принадлежностью раскола, были вообще тѣмъ, что можно назвать тогдашней народной религіей. Корни этой религіи лежали далеко въ предшествующихъ вѣкахъ, когда христіанство впервые установилось прочно въ умахъ народа, но — при бѣдности его образованія — установилось не въ той чистотѣ, какъ требуетъ офиціальная догматика или какъ мы понимаемъ его теперь, а подъ вліяніемъ прежнихъ народныхъ воззрѣній и народнаго склада ума. Исслѣдователи стараго народнаго быта согласно признавали, что народныя религіозныя воззрѣнія тѣхъ временъ вѣрно характеризуются словомъ «двоевѣріе», которымъ упрекали свое время старый благочестивый писатель и гдѣ смѣшались оба источника народныхъ вѣрованій, старыя преданія, уцѣлѣвшія отъ язычества, и новыя предметы поклоненія, которые были принесены христіанствомъ. «Двоевѣріе» было принадлежностью всей народной, некнижной массы, и расколъ, въ началѣ своемъ, былъ только продолженіемъ этой народной религіи и вмѣстѣ храненіемъ всей внѣшней старины; никоновское исправленіе книгъ должно было отвергнуть эту старину, такъ какъ она дѣйствительно отступала отъ правильной церковной практики. До тѣхъ поръ народъ спокойно держался своихъ религіозныхъ преданій; многія его заблужденія раздѣляли даже лица изъ высшей іерархіи. Когда, при Никонѣ, употреблено было принужденіе и сила, народъ естественно бросился на защиту старины, въ которой искренно видѣлъ «истинную вѣру». Дальнѣйшія преслѣдованія вывели расколъ изъ естественнаго развитія; подъ анаемой и правительственнымъ гоненіемъ, онъ, предоставленный собственнымъ средствамъ, рисковалъ на всевозможные религіозные толки, впадая въ самыя раз-

вообразимы заблужденія, но во все продолженіе гоненій твердо стоялъ за то, что считалъ своимъ религіознымъ правомъ.

Подобное объясненіе раскола было совершенно не похоже на прежнія, безъ сомнѣнія было ближе къ истинѣ и обнаруживало больше теплаго участія къ народу. Въ параллель этому въ литературѣ высказалось и новое отношеніе къ современному расколу, — заявлена потребность въ религіозной терпимости, необходимость иного порядка въ церковной администраціи и вообще иныхъ отношеній церкви къ государству. Въ этомъ вопросѣ большая заслуга принадлежитъ различнымъ славянофильскимъ изданіямъ, здѣшнимъ и заграничнымъ, которыя очень вѣрно и энергически указывали равныя слабыя стороны существующихъ отношеній. Собственно говоря, здѣсь было не много новаго, потому что не только вопросъ вѣротерпимости, но и вопросъ о положеніи нашей церкви въ государствѣ давно былъ достаточно ясенъ для людей образованных; но важно было то, что эти мнѣнія, по поводу нашихъ церковныхъ отношеній, были заявлены въ литературѣ: если въ настоящую минуту они еще не могли ни быть высказаны съ должной полнотой, ни получить должнаго къ нимъ вниманія, не говоря уже о практическомъ примѣненіи, то все-таки эта открытая постановка вводила ихъ въ понятія большаго круга общества — и во всякомъ случаѣ заявляла совершенную неизбѣжность этихъ вопросовъ. Должно сказать, что и здѣсь мнѣнія славянофиловъ раскрылись не совсѣмъ въ томъ тонѣ, въ какомъ они говорили объ этомъ прежде. Ихъ новая критика отношеній церкви къ государству повидимому не совсѣмъ соотвѣтствовала тому, какъ они изображали свой церковный идеалъ въ прежнее время, — и не потому, чтобы они тогда не договаривали (по невозможности) своихъ мыслей: намъ кажется, что тогда самый идеалъ былъ исключительнѣе, и критическія мнѣнія не были такъ опредѣленны. И должно сказать, что если ихъ положительный идеалъ нельзя раздѣлять и теперь, то критическая сторона ихъ мнѣній (насколько она теперь высказана г. Ив. Аксаковымъ, въ статьяхъ «Дня», «Москвы» и «Москвича», и г. Самаринымъ, въ его характеристикѣ личности и мнѣній Хомякова) не можетъ не возбуждать сочувствія. Полагаемъ, что въ этой критической сторонѣ совершенно согласились бы съ ними и ихъ прежніе противники.

Предметъ, затронутый здѣсь, имѣетъ безъ сомнѣнія великую важность какъ для историческаго, такъ и для современнаго практическаго уразумѣнія русской жизни. Начало, къ которому сводятся въ послѣднемъ результатѣ новыя мнѣнія о религіозной жизни народа и отношеніяхъ церкви къ государству, есть ко-

точно начало терпимости или свободы совѣсти, и если бы мы стали искать источниковъ этихъ новыхъ мнѣній,—осуществленіе которыхъ могло бы составить высоко важный моментъ нашего «самосознанія»,—едва ли бы мы нашли этотъ источникъ гдѣ-нибудь, кромѣ идей европейской образованности. Къ сожалѣнію, мы не находимъ его въ преданіяхъ нашей исторіи¹⁾, и находимъ долгую, упорную и славную борьбу изъ-за этого начала въ исторіи западной, которая и передаетъ намъ въ этомъ отношеніи свои уроки.

Далѣе. Къ послѣднимъ годамъ принадлежитъ также особенное распространившееся изученіе новѣйшей исторіи. До сихъ поръ, кромѣ исторіи чисто официальной, или военной, другая не существовала. Единственнымъ средствомъ, какимъ пріобрѣталось и передавалось пониманіе нашего повѣйшаго общественнаго развитія, — было изученіе литературы, та литературно-историческая критика, которая возникла у писателей двадцатыхъ годовъ, потомъ особенно въ трудахъ Полеваго, и наконецъ стала большою образовательной силой въ рукахъ Бѣляскаго. Вслѣдствіе теорій, что литература есть выраженіе общества, историческій обзоръ художественной литературы дѣлался рамкой для исторіи самаго общества, — но конечно только въ той степени, насколько послѣдняя въ нее входила. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что рамка была тѣсна, что наша литература, не установившаяся въ сущности и до сихъ поръ, не была полнымъ выраженіемъ общества, и исторія поэтическихъ произведеній не разъясняла достаточно внутреннихъ отношеній общества. Поэтому, начавшееся въ послѣдніе годы изученіе внутренней исторіи, домашней, закулисной, прошлаго и пылшняго вѣка, явилось какъ нѣчто совершенно новое, и, повидимому, возбудило большое вниманіе. Публика не останавливалась тѣмъ, что здѣсь являлось очень мало трудовъ нѣсколько дѣльных и законченныхъ, что большей частью это былъ сырой и все-таки неполный матеріалъ; какъ ни былъ этотъ матеріалъ отрывоченъ и безсвязенъ, онъ все-таки ей давалъ множество любопытныхъ и оригинальныхъ извѣстій,

¹⁾ Находить упомянутый источникъ въ возрѣвѣшихъ «народа» — едва ли возможно: терпимость народа къ расколу, раскольничьихъ сектъ другъ къ другу, объясняется, кажется намъ, тѣмъ долгимъ общимъ угнетеніемъ, крѣпостнымъ, церковнымъ и чиновничьимъ, которое сближало ихъ въ общей антипатіи къ этому гнету, или же объясняется индифферентизмомъ. По крайней мѣрѣ, эти причины играютъ важную роль, и если въ народномъ быту и понятіяхъ наши этнографы указываютъ инстинкты въротерпимости въ болѣе или менѣе интересныхъ примѣрахъ, то мы думаемъ однако, что эти инстинкты еще требуютъ воспитанія, чтобъ вырасти до прочнаго сознательнаго правила.

наступивших ей прежде. Дѣйствительная исторія, т.-е. свободное критическое объясненіе явленій, чрезвычайно затруднительна и до сей минуты, и даже многое изъ упомянутыхъ матеріаловъ могло являться въ печати только ради своей безсвязности и отрывочности. Но при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ разработки матеріала, онъ самъ по себѣ былъ большой и важной новостью: то, что прежде было извѣстно лишь по рассказамъ и преданіямъ, или узнавалось только изъ иностранныхъ книгъ, стало появляться въ нашемъ запасѣ историческаго матеріала. Какъ вообще ни мало удовлетворительно положеніе литературы наименѣе новѣйшей исторіи, оно составляетъ большую и выгодную разницу съ тѣмъ, что было два десятилѣтія, даже одно десятилѣтіе назадъ. Такъ нашему «національному самосознанію» недоставало даже самыхъ существенныхъ свѣдѣній о нашей недавней исторіи...

Наконецъ, новый періодъ нашей общественной жизни, въ особенности заявленіе крестьянской реформы дали мѣсто еще одному обширному и глубокому интересу изученія, который можно сказать завершалъ все то, что дѣлалось до тѣхъ поръ. Это было изученіе экономическое. Оно началось, правда, еще раньше, но, крайне стѣсненное прежде въ прямомъ примѣненіи къ положенію крѣпостного населенія, теперь оно впервые ставилось серьезнымъ образомъ какъ относительно собиранія матеріала, такъ и относительно его разъясненія. Когда работали крестьянскіе комитеты и редакціонныя комиссіи, вопросъ дѣлательно разрабатывался и въ литературѣ. И опять, какъ самое пониманіе ненормальности крѣпостного быта и лучшее отношеніе къ крестьянскому народу были несомнѣнно въ значительной степени воспитаны европейской образованностью, такъ теперь европейская наука давала опору и въ теоретическомъ рѣшеніи. Экономическіе вопросы стали предметомъ, на которомъ больше чѣмъ когда-нибудь сосредоточивались живѣйшіе интересы: споръ двухъ борющихся сторонъ общественнаго мнѣнія дѣлался споромъ экономическимъ. Въ немъ естественно отразились различныя направленія западной экономической науки, повторены были аргументы консервативные и прогрессивные, — насколько возможно разъяснялись общественныя и политическія послѣдствія экономическихъ отношеній; вопросъ объ общинѣ приводилъ къ самому рѣзкому столкновенію экономическихъ теорій, затрогивая вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ народнаго быта. Крестьянскій вопросъ не безъ основанія представлялся какъ видоизмѣненіе западнаго рабочаго вопроса, об-

ставленное, правда, иными условіями, не настолько еще созрѣвшее, но тѣмъ не менѣе требующее настоятельно вниманія.

Этотъ новый предметъ общественнаго изученія былъ едва ли не важнѣйшимъ изъ всѣхъ предшествующихъ изученій «народности», по богатству указаній для уразумѣнія народной дѣятельности. Въ первый разъ въ литературѣ, и въ мнѣніяхъ общества, раскрывалась истинная картина народнаго быта, разоблачаемая отъ чиновническихъ умолчаній и отъ лицемернаго прикрашиванья; слабыя стороны народнаго быта и его бѣдствія въ первый разъ открыто указывались общественной совѣсти и еще болѣе возбуждали сказавшееся сочувствіе къ народнымъ массамъ. Вліяніе этого изученія и вмѣстѣ впечатлѣніе всей крестьянской реформы непосредственно отразились на самыхъ различныхъ сторонахъ общественныхъ понятій. Броженіе политическихъ идей, прошедши съ двадцатыхъ годовъ свои различные ступени романтическаго либерализма, тяжелыхъ сомнѣній, философско-историческихъ изслѣдованій, устанавливалось въ интересъ обще-народнаго развитія, которое понималось теперь болѣе яснымъ и реальнымъ образомъ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Экономическая справедливость, которая становилась исходнымъ идеальнымъ пунктомъ новыхъ понятій, уже заключала въ себѣ рѣшеніе другихъ вопросовъ, на которыхъ останавливались люди, сочувствовавшіе народу. Въ самомъ дѣлѣ, освобожденіе — чтобы быть логически вѣрнымъ — предполагало цѣлый рядъ новыхъ преобразованій, которыя только и дѣлали его дѣйствительнымъ: необходимость общественной равноправности для народа — въ правѣ равнаго суда, равнаго участія въ земскомъ самоуправленіи, въ правѣ на образованіе, — эта необходимость не представляла ни малѣйшаго сомнѣнія для людей, искренно искавшихъ общественнаго улучшенія. Мы видѣли, какъ нравственное вліяніе крестьянской реформы отразилось на оживленіи мѣстныхъ народностей, особенно малорусской, въ основаніи котораго лежало то же стремленіе образованныхъ классовъ сблизиться съ народомъ и служить его нравственнымъ интересамъ. Обществу, которое такъ долго обвиняли въ отдѣленіи отъ народа, открывалась теперь возможность завязать съ нимъ нравственную связь, которой безъ сомнѣнія суждено развиться въ практически — дѣйствительную связь, а эта послѣдняя только и можетъ быть основаніемъ настоящей, а не воображаемой національной образованности.

Мы не будемъ говорить о рядѣ другихъ реформъ, отиѣвшихъ послѣднее десятилѣтіе, — реформъ въ судѣ, администраціи, печати, земствѣ, городахъ. Эти реформы, отчасти задуманныя

подъ очевиднымъ влияніемъ европейскихъ взглядовъ и учрежденій (какъ реформа судебная), тѣсно связаны съ крестьянской реформой, какъ послѣдовательное ея продолженіе, и имѣли подобное же дѣйствіе: будучи результатомъ понятій, созрѣвшихъ въ прежнее время, они — при своемъ первомъ осуществленіи — раскрывали еще разъ народную жизнь съ такой реальной ясностью, какой еще не достигало литературное изученіе. Затѣмъ, до какой степени были необходимы эти преобразованія, какія существенныя отношенія предстояло имъ исправить и улучшить, и насколько эти реформы въ своемъ настоящемъ видѣ выполняютъ эту задачу, или насколько ихъ выполненіе удовлетворило ихъ основной идеѣ и ожиданіямъ общества, — обо всемъ этомъ безпристрастный читатель можетъ найти достаточно указаній въ литературѣ послѣднихъ годовъ.

Во всемъ этомъ движеніи, совершавшемся со времени Крымской войны, проявлялось уже не мало признаковъ дѣйствительнаго самосознанія, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, и сравнивъ то, что было приобрѣтено теперь въ этомъ отношеніи, съ понятіями сороковыхъ годовъ, мы не можемъ не увидѣть большой разницы. Многое, что было тогда однимъ теоретическимъ предположеніемъ, становилось вопросомъ практической жизни; реформы и учрежденія, о которыхъ едва позволялось помышлять литературѣ, совершались на дѣлѣ; изученіе «народности» сдѣлало несомнѣнные успѣхи въ историческихъ, бытовыхъ и экономическихъ изслѣдованіяхъ; началась впервые открытая работа общественнаго мнѣнія и литературы по предметамъ внутренней политики.

Но преобразованія уже вскорѣ начали принимать новое направленіе, и въ ихъ исполненіи (пока еще не оставленномъ) стала, болѣе и болѣе очевидно, брать верхъ реакція консервативныхъ элементовъ. Преобразованія потеряли свой рѣшительный характеръ, который въ первое время возбуждалъ столько ожиданій въ идеалистахъ прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитіи общественнаго мнѣнія является новый поворотъ.

Рядомъ съ тѣми успѣхами, которыми уже начали у насъ гордиться вслѣдствіе начатыхъ преобразованій, въ одной части общества и литературы развивается сильный скептицизмъ, который недовѣрчиво относился къ ходу вещей и прослылъ «отрицаніемъ». Объ этомъ отрицаніи, или противъ него, было наговорено и еще говорится такъ много, и такъ много враждебно-фальшиваго, что, быть можетъ, не излишне сказать нѣсколько словъ объ его истинномъ смыслѣ. Прежде всего, такъ-называемое отрицательное направленіе имѣло различные предметы и уровни;

съ конца пятидесятихъ годовъ въ числѣ его представителей стояли пѣсколько замѣчательнѣйшихъ писателей нашихъ (начиная, напр., съ Добролюбова и кончая новѣйшей сатирой г. Салтыкова), изъ которыхъ не всѣ уже дѣйствуютъ теперь въ литературѣ; затѣмъ отрицаніе получило другой особенный типъ въ младшемъ поколѣніи, послужившій предметомъ обличенія для столькихъ романистовъ и публицистовъ, и подѣ конецъ, должно сказать, изуродованный ими до потери человѣческаго образа. Въ числѣ обличителей «отрицанія», которые теперь такъ размножились, стали въ первомъ ряду даже лучшіе писатели прежняго періода, какъ авторъ «Отцовъ и Дѣтей», который самъ еще незадолго передъ тѣмъ съ сочувствіемъ рисовалъ отрицательные типы прошлаго періода и который теперь въ личности Базарова конечно изображалъ (певѣрно понятыхъ имъ) людей, дѣйствовавшихъ около 1860 го года — такая разница легла между двумя поколѣніями. Дальнѣйшіе противники отрицанія обыкновенно вылавливали изъ современной жизни всякія случавшіяся крайности этого рода, и взваливали ихъ на отрицаніе, какъ его систематическую принадлежность. Этого рода обличители конечно не заслуживаютъ вниманія. Наконецъ, въ послѣднее время вражда въ «отрицанію» доходитъ до того, что въ эту категорію относятъ вообще всякую попытку независимой критики, всякое сомнѣніе въ вѣрности охранительнаго идеала или въ обширности нашихъ гражданскихъ успѣховъ, всякую насмѣшку надъ грубымъ національнымъ самодовольствомъ и самохвальствомъ. Публицисты извѣстнаго свойства не уставали обвинять въ «отрицаніи» и заподозривать огуломъ все, что не принимало изъ реакціоннаго символа, и имъ долго вѣрила не только мало развитая масса, но въ сожалѣнію и люди вліятельныхъ сферъ. Все то, что нѣкогда испугалось начавшихся реформъ, при первомъ признакѣ реакціи поснѣнило стать за охранительные принципы и съ благонамѣреннымъ пегодованіемъ возстать противъ «отрицанія».

Здѣсь не мѣсто указывать всѣ источники и подробности этого направленія, объяснять частныя свойства и увлеченія вѣкоторыхъ его отѣшковъ; но нельзя не видѣть, что вообще, съ конца пятидесятихъ годовъ и донынѣ, въ общественномъ мнѣніи и въ литературѣ проходитъ — съ различной силой — черта сомнѣнія и критики, предметомъ которыхъ служитъ современное состояніе русской жизни.

Болѣе серьезнымъ противникамъ такъ-называемаго отрицательнаго направленія, можно желать больше безпристрастія, чтобы понять это направленіе. Если разсматривать дѣло безъ

пробужденія, этотъ скептицизмъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ не требуетъ большихъ объясненій. Не трудно было бы увидѣть, что въ глубинѣ этого отрицанія лежали самыя ясныя и вразумительныя положенія и идеалы, что желчныя проявленія скептицизма тѣмъ больше говорили о силѣ чувства, съ какимъ ждалось осуществленіе этихъ идеаловъ. Можетъ показаться парадоксомъ, но совершенно справедливо то, что отрицаніе было слѣдствіемъ нравственнаго вліянія крестьянской реформы. Эта давно жданная лучшими людьми реформа, своей основной идеей, производила на нихъ столь сильное впечатлѣніе, что возбужденное чувство не удовлетворялось ни слишкомъ нерѣшительными мѣрами, ни слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ дѣлу даже со стороны такъ-называемаго прогрессивнаго общества. Недовольство было совершенно естественно, если припомнить всѣ обстоятельства дѣла. При первыхъ возникшихъ сомнѣніяхъ естественно представлялся прошедшій долгій застой, который слишкомъ вошелъ въ нравы и грозилъ остановить начавшееся дѣло на пол-дорогѣ... Дѣйствительно, прошло немного лѣтъ, и опасенія стали почти оправдываться.

Скептическая наклонность, какъ извѣстно, вовсе не рѣдка въ русской литературѣ, и ее множество разъ указывали и истолковывали въ нашей сатирѣ. Последнее проявленіе ея было конечно наиболѣе сильное и богатое содержаніемъ. Писателямъ сороковыхъ годовъ, которымъ становилось непонятно современное сомнѣніе, стоило вспомнить, что нѣкогда говорили они сами о тѣхъ проявленіяхъ скептицизма, какія они видѣли въ свое время. Вотъ для примѣра отрывокъ, писанный двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Авторъ, объясняя причины тогдашнихъ проявленій скептицизма, говоритъ:

„Просто, мы возмужали и пришли къ тому возрасту, когда и человекъ и народъ начинаютъ отдавать отчетъ себѣ въ томъ, что дѣлать и дѣлаетъ — оттого мы стали строже и къ себѣ и къ другимъ; стали пытливѣе и недоверчивѣе. Словомъ, наступило время разсудка, анализа, критики. Этотъ поворотъ въ нашей жизни пачался полнымъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ нашихъ юношескихъ силахъ, и очень немногіе поняли настоящій смыслъ этого явленія. Въ литературѣ, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ послышалась тогда (хоть это было и очень недавно) та странная, пестрая разноголосица, то смѣшеніе языковъ, которыя наполнили собою послѣднее десятилѣтіе и которыхъ замирающіе отзвуки слышатся еще и до сихъ поръ. Большинство не вынесло общаго скепсиса, овладѣннаго всѣмъ и всѣми. Оно испугалось той видимой пустоты, которую въ немъ оставляло скептическое направленіе времени, и отъ общаго кораблекрушенія преградъ, готовыхъ убѣжденій, непередуманныхъ вѣрованій, каждый спасался куда могъ и какъ могъ. Отъ дѣйствительности кто бѣжалъ

въ прошедшее и на немъ успокоивался, разумѣется подкрасивъ его по своему крайнему разумію; кто бѣжалъ въ будущее и въ него перенесъ все то, чего не доставало въ настоящемъ. Самое незначительное число осталось при настоящемъ, смотрѣло на него прямо и старалось разгадать его разумныя требованія...

„Скептическое направленіе — необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зарождающемуся будущему, — произвело на насъ благодѣтельное дѣйствіе. Недавно еще высказывалось оно рѣзко, отвлеченно, а теперь мы можемъ уже отчасти провидѣть его результаты сквозь хламъ и соръ, которыми еще завалена наша литература. Такъ мы быстро идемъ впередъ! Оно, какъ медицинскіе яды, съѣло, сожгло въ насъ гнилые соки и очистило кровь. Когда ложныя понятія, взгляды, стремленія, чувства, вся эта формалистика недавняго прошедшаго, въ которыхъ оно силилось увѣковѣчиться, мало по малу были распатаны и разрушены, туманъ исчезъ изъ головы, и прежнія аксіомы сдѣлались по крайней мѣрѣ теоремами, — что оставалось дѣлать? Отбросить всѣ нелѣпыя и узенькіе взгляды, всѣ изношенные чувствійца, служившія теперь лишь для пріятнаго, но совершенно безполезнаго препровожденія времени, отказаться отъ предубѣжденій, предрасположеній къ прошедшему и будущему, и серьезно приняться за дѣло, ища одной истины и ничего больше“...

Эти слова написаны какъ будто вчера, о нашемъ собственномъ времени, и написаны разсудительнымъ человѣкомъ, который умѣетъ понимать сущность дѣла... Мы сказали бы теперь почти то же самое... Разница времени оказалась, разумѣется, въ самыхъ предметахъ скептицизма: тогда, за полнымъ отсутствіемъ въ литературѣ собственно публицистическаго содержанія, ширѣе о вопросахъ, гораздо болѣе отвлеченныхъ и теоретическихъ; въ наше время, такъ или иначе, дѣло идетъ о настоящей дѣйствительной жизни, о понятіяхъ совершенно реальныхъ. Оттого новый скептицизмъ былъ глубже и серьезнѣе, проявленія его рѣзче (и въ извѣстной части общества — грубѣе), мнѣнія, можетъ быть, нетерпимѣе. Но мы и теперь сказали бы точно также, что «скептическое направленіе — необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зарождающемуся будущему», и не сомнѣваемся, что оно будетъ имѣть благодѣтельное дѣйствіе, — что въ понятіяхъ извѣстной доли общества, оно имѣетъ это дѣйствіе уже и теперь. Въ такихъ условіяхъ, каковы наши, скептицизмъ есть обыкновенный запросъ на дальнѣйшее развитіе, и сила «отрицанія» показываетъ только, что ожидаемое развитіе предполагается очень непохожимъ на существующее положеніе вещей. И человѣкъ безпристрастный едва ли скажетъ, чтобы наша общественная дѣйствительность не доставляла слишкомъ много основаній для отрицательнаго направленія, чтобы даже самыя крайности его не были порожденіемъ

других крайностей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни одинъ изъ нынѣшнихъ противниковъ скептическаго направленія не былъ настолько правдивъ или безпристрастенъ, чтобы признать эти основанія; лицемѣріе или боязнь провѣрить и испытать свои собственныя мнѣнія, мѣшали имъ говорить объ этомъ. Но если мы захотимъ безъ предубѣжденія взглянуть на истинныя основанія нынѣшняго скептицизма, не теряясь въ «пестрой разногласящѣ мнѣній» и не смущаясь «видимой пустотой», которую онъ будто бы производитъ, мы найдемъ, что онъ весьма естественно ставить для нашего развитія новыя задачи и требованія. Въ практической жизни, начавшееся преобразование нашего общественнаго быта не удовлетворяло возбужденныхъ желаній, и здѣсь начало «отрипанія», которое идетъ рядомъ съ реакціоннымъ движеніемъ. Будущій историкъ безъ сомнѣнія замѣтитъ, что въ этомъ скептицизмѣ нашего времени и заключался вѣрный инстинктъ развитія, и что ему предстояло смѣниться положительнымъ направленіемъ, но уже новаго, высшаго порядка.

Такимъ образомъ шла, съ двадцатыхъ годовъ и доннынѣ, эта постоянная работа общества надъ опредѣленіемъ своихъ элементовъ и ихъ должнаго устройства. Наиболѣе дѣятельна была эта работа въ два послѣднія десятилѣтія, когда правительственная инициатива въ началѣ приняла открыто прогрессивное направленіе, и когда въ отвѣтъ на это началась оживленная дѣятельность самого общества. Цѣль еще далеко не достигнута: масса, хотя освобожденная, до сихъ поръ остается безъ нравственнаго обезпеченія, безъ образованія, безъ тѣснаго дѣйствія на нее образованныхъ классовъ, и слѣдовательно, почти безъ всякой возможности участвовать сознательно въ высшихъ интересахъ національнаго развитія; общество не имѣетъ свободной инициативы и простора для своей дѣятельности.

Въ такихъ условіяхъ, и до сихъ поръ трудно говорить о самосознаніи общества иначе, какъ разумѣя только разьединенное меньшинство наиболѣе образованныхъ людей, одушевляемыхъ общественнымъ интересомъ,—хотя теоретическія основанія этого самосознанія уже выработались до значительной ясности. Еще труднѣе было говорить объ этомъ въ сороковыхъ годахъ, когда кругъ такихъ людей былъ еще менѣе, когда невозможно было даже говорить объ основной необходимой реформѣ, произведенной теперь, когда гораздо ограниченнѣе былъ самый запасъ свѣдѣній и объ историческомъ развитіи самого общества.

номъ бытъ. Съ другой стороны, относительно способо́въ, какими достигалось это самоопредѣленіе, должно замѣтить, что если въ своей сущности оно исходило отъ внутреннихъ естественныхъ побужденій развитія, то научная и теоретическая его работа шла постоянно по слѣдамъ европейской науки и опыта.

Вотъ обстоятельства, которыя нужно имѣть въ виду, опредѣляя историческое значеніе двухъ главныхъ литературныхъ школъ, которыя въ описываемое время образовались внѣ системы официальной народности. Усилія и стремленія тогдашней литературы имѣютъ такимъ образомъ значеніе именно какъ переходъ отъ романтизма двадцатыхъ годовъ къ нашему времени. Понятія и выводы этой литературы не могутъ конечно не казаться намъ неполными, но все же, нельзя не признать, они были великимъ успѣхомъ противъ старой традиціонной точки зрѣнія: своими критическими требованіями они дѣлали совершенно несостоятельной систему официальной народности, и, слѣдуя въ порядкѣ развитія за либерализмомъ двадцатыхъ годовъ, эти понятія становились выше и его романтической, и его скептической стороны. Однимъ словомъ, литература сороковыхъ годовъ нашла болѣе вѣрную точку зрѣнія на нашу народную и общественную жизнь, и наше время шло тѣмъ самымъ путемъ развитія, который — перѣдко замѣчательнымъ образомъ — предчувствовали и указывали лучшіе люди тогдашней литературы.

А. Пыпинъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕЛАНЬЯ

Кабы Богъ намъ помогъ,
Да не всякъ былъ бы плохъ

Въ дѣлѣ;

Кабы мы все росли
И на радость земли

Спѣли.

Кабы край свой родной
Всякъ любилъ бы душой

Страстно,—

Да и всякъ сознавалъ,
Свой родной идеалъ

Ясно.

Кабы споры племёнъ
За плечами временъ

Скрылись,—

Чтобы съ Русью края,
Какъ съ рѣкой зыбь ручья,

Слились.

Кабы пастырь-отецъ
Пасъ своихъ бы овецъ

Словомъ:

Не о хлѣбѣ простомъ
Говорилъ о другомъ—

Новомъ.

Кабы этотъ глаголь
Просвѣтилъ нашъ расколъ

Въ вѣрѣ,

И чтобъ власти мірской
Не нуждаться въ другой

Мѣрѣ.

Кабы русской-то людъ
 Былъ немилостивъ крутъ
 Къ вору,—
 Кабы онъ, да притомъ,
 Шелъ своимъ бы умомъ
 Въ гору.
 Кабы земство вездѣ
 Помогало въ бѣдѣ
 Трудной,—
 Кабы то, что народъ
 Изъ мощны отдаетъ
 Скудной,
 Возвращалось, потомъ,
 Въ поле, въ школу и въ домъ
 Благомъ.
 Кабы немочь и лѣнь
 Разлетѣлись, какъ тѣнь,
 Прахомъ,
 Чтобы намъ въ городахъ
 Успѣвать въ промыслахъ
 Быстро,
 Всѣ удобства добыть,
 Всѣ прибрать, освѣтить,
 Часто.
 — Кабы личный расчетъ
 Не губилъ бы хлопотъ
 Общихъ;
 Городской бы совѣтъ
 Не разсматривалъ смѣтъ
 Тощихъ.
 Кабы рельсовый путь
 Искрестилъ Руси грудь
 Много,
 Кабы эти пути,
 Да въ порядкѣ блюсти
 Строго.
 Кабы намъ привыкать
 Что придуть забирать
 Въ службу;
 Кабы въ ней приобрѣсть
 Отъ сосѣдей не месть—
 Дружбу.

Кабы русская рѣчь,
Какъ рѣка, могла течь
Больно.

Кабы наша печать
Не должна отвѣчать
Больно.

Кабы намъ поровнѣй
Раздѣлять податей
Время;

Кабы намъ меньше пить
Да трезвѣй проводить
Время.

Кабы намъ разрѣшить,
Чему дѣтокъ учить
Надо!..

Кабы всё то сбылось,
Русь была бы, не бось,
Рада!

Ев. Масловъ.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

ОБРУСЕНІЕ

Окончаніа

Х*).

Въ виду мѣръ, изданныхъ нашимъ правительствомъ для Польши въ 1864-мъ году и поставившихъ русское общество въ совершенно новыя отношенія и къ западному краю, и къ Польшѣ, — органъ «московскихъ» славянофиловъ «День» ¹⁾ выразилъ всего энергичнѣе чувства лучшей части нашего общества и выѣстъ далъ оцѣнку историческаго значенія главнѣйшей изъ тѣхъ мѣръ, а именно по устройству крестьянъ.

«Развитію *польской* народности, говорилъ «День», положено на дняхъ *Россіи* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши... Если Россія въ 1815-мъ году, по собственному сознанію поляковъ, воскресила имя Польши, уже обреченное забвенію, уже исчезнувшее съ географическихъ картъ Европы; если 50 лѣтъ тому назадъ знаменитый Костюшко съ горячею благодарностью привѣтствовалъ императора Александра I названіемъ воскресителя, то Россія въ настоящее время имѣетъ не менѣе права на признательность польскихъ «патріотовъ», хотя

*) См. выше: февр. 640; мартъ 183; апр. 644 стр.

¹⁾ 1864, № 9.

теперь и отказывается ей въ этомъ правѣ недалновидность современнаго польскаго патріотизма, — хотя признательность «патристовъ» вовсе, вѣроятно, и не входила въ соображенія русскаго правительства при изданіи извѣстныхъ указовъ. Не только имя польскаго народа воскрешаетъ теперь Россія, но растиндая отъ наносныхъ слоевъ непочатые, глубоко сокрытые въ почвѣ сѣжіе родники польскаго народнаго духа, упрочиваетъ самое бытіе польской народности, которому безумная, выродившаяся польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибелью и смертью, не одною вещественною, но и духовною».... «Мы надѣемся, что новыя дѣйствія правительства русскаго, несмотря даже на возможные ошибки, не только не сдѣлаютъ Россію солидарною съ Австріей и Пруссіей, но современемъ, въ отдаленныхъ своихъ послѣдствіяхъ, освободятъ ее отъ всякой солидарности въ польскомъ дѣлѣ, съ нашими нѣмецкими сосѣдями. Мы вѣримъ, что намъ никогда не удастся тотъ способъ политики, которымъ такъ послѣдовательно руководилась Пруссія въ опѣшеніи Познани, и что окончательнымъ результатомъ мѣръ, принимаемыхъ Россією въ Польшѣ будетъ не уничтоженіе въ Польшѣ польской народности, какъ хотятъ думать нѣкоторые, — но возрожденіе польской народности въ правильномъ и стройномъ развитіи черезъ призваніе къ жизни трехъ съ половиною милліоновъ польскихъ вѣрстанъ — польскою шляхтою заживо погребенныхъ, но къ счастью Польши еще не задохнувшихся въ своемъ политическомъ гробѣ».

Увлекаясь мыслью въ будущее, славянофильскій журналъ говоритъ: «Крестыанское освобожденіе 19-го февраля — это наша всенародная, всемірно-историческая проповѣдь, это наше знамя, то знамя, которое мы можемъ высоко предносить передъ всѣми племенными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія къ намъ и по преимуществу славянскія страны»...

Мѣры, принятія для большинства населенія въ западномъ краѣ и въ Польшѣ и разложеніе старой Польши, Польши 1772 года, посредствомъ послѣдовательно проведеннаго принципа народности, произвели огромное впечатлѣніе и за границей. Польская эмиграціонная литература и враждебная Россіи журналистика западно-европейская испустила кривъ отчаянія: они чувствовали, что почва уходила изъ-подъ ногъ ихъ, что мѣрами своими въ духѣ народа и народности Россія становится въ положеніе, которое уже не допускаетъ возможности толковать объ обветшалыхъ трактатахъ и писать депешы, въ родѣ тѣхъ, какія сочиняли въ началѣ 1863-го года дипломаты всѣхъ европей-

скихъ дворовъ и на которыя нашъ канцлеръ, стоя на почвѣ трактатовъ и дипломатическихъ преданій, отвѣчалъ все же не такъ отрицательно, какъ могъ бы отвѣтить теперь. И дѣйствительно, теперь ни одно дипломатическое перо не пошевелилось написать что-либо подобное тому, что такъ еще недавно писалось съ полнымъ апломбомъ. И польская, и европейская, враждебная Россіи, печать закричала о томъ, что наше правительство само— «первый революціонеръ»; нѣмецкая печать, которая прежде, опасаясь за Познань, поощряла насъ къ строгимъ мѣрамъ и упрекала за слабость къ повстанцамъ, съ тѣхъ-то поръ и начала съ видимымъ удовольствіемъ говорить противъ «варварства Муравьева» и вмѣстѣ противъ «русскаго социализма». Не скажемъ, чтобы въ крикахъ не было страховъ за Галицію и даже за Познань. Но брать подъ свое покровительство поляковъ нѣмецкая печать еще не очень рѣшалась,—да и не для чего было,—такъ какъ наше правительство признаю польскую народность неприкосновенною въ Польшѣ, въ ея реальныхъ этнографическихъ границахъ. Изъ общаго крика неудовольствія польской журналистики противъ новыхъ мѣропріятій нашего правительства въ западномъ краѣ и въ Польшѣ, въ 1863-мъ и 1864-мъ году выдавались два голоса съ большею оригинальностью: первый говорилъ, что правительство наше вырвало изъ рукъ самихъ поляковъ полезныя и справедливыя мѣры, что оно дѣлаетъ только то, что обѣщалъ самъ революціонный комитетъ польскій; другой— что правительство наше принимаетъ мѣры въ пользу польскаго и литовскаго народа для того, чтобы отвести его отъ польскихъ традицій, разорвать съ аристократіей и тѣмъ положить начало обезнароживанію поляковъ и литовцевъ, за которыми послѣдуетъ и обрусеніе ихъ. «День» возразилъ на обѣ мысли довольно резонно: на первую тѣмъ, что для дѣла все равно, кто дѣлаетъ, лишь бы было сдѣлано; на вторую, — что только дальнѣйшій ходъ исторіи покажетъ послѣдствія поднятія коренного польскаго народа, который, по всей вѣроятности, поведутъ къ новому, болѣе совершенному поднятію и польской народности, хотя бы временно сдѣланы были попытки достигнуть и другихъ цѣлей.

Для того, чтобъ судить, дѣйствительно ли поляки сами были бы въ состояніи такъ примѣнить къ Польшѣ принципъ народности и такъ устроить крестьянство въ странѣ отъ Днѣпра до Просны, какъ это сдѣлано распоряженіями нашего правительства,—нужно имѣть нѣсколько больше данныхъ о внутреннемъ мірѣ, понятіяхъ и степени искренности ихъ у польскихъ патріотовъ и польскаго общества вообще. Судя впрочемъ по тому, что писалось и пишется польскою печатью, и что дѣлалось и

дѣлается въ Галиціи, гдѣ полякамъ досталось въ руки правительство края,—мы имѣемъ больше основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, чѣмъ положительно. Впрочемъ, предположеніе, что въ польскомъ обществѣ есть элементы, способные, если не дать силу государственнаго закона, то искренно усвоить идею народности и устройства страны на началахъ равноправія и на прочномъ фундаментѣ экономической и общинной независимости массъ,—это предположеніе мы не считаемъ вовсе обиднымъ для русскаго правительства и общества, ни существованіе такихъ поляковъ опаснымъ для государства нашего. Существованіе такихъ людей являлось бы совершенно естественно-возникшимъ фактомъ.

Мы видѣли, какъ естественно у самихъ поляковъ развился бѣло-руско-литовскій и украинскій патриотизмъ, и видѣли, что какъ ни опасенъ могъ быть для насъ исходъ этихъ новыхъ направлений, все-таки это было началомъ раскола въ польскомъ обществѣ, въ XVIII-мъ вѣкѣ совершенно однотонномъ. Возникновеніе въ польскомъ обществѣ демократическаго направленія, хотя выражающагося и до сихъ поръ или въ довольно дикой формѣ, близкой къ старопольской шляхетской демократіи, или въ совершенно непригодной для Польши и Россіи формѣ парижскаго коммунизма и «столбничества по образцамъ 1793-го года», все-таки было вторымъ шагомъ впередъ къ разложенію старыхъ католическихъ и шляхетскихъ идеаловъ Польши. Возникновеніе русскаго украинофильства, бѣлоруссофильства, славянофильства заставило поляковъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, провозгласить права народности и въ западномъ краѣ, хотя и со всевозможными ограниченіями. Мы видимъ послѣдствія этого признанія, наприимѣръ, въ Галиціи, гдѣ все-таки теперь не то говорятъ поляки, что говорили еще въ 1861—62-мъ годахъ. Возникновеніе въ Россіи сильнаго народнаго направленія, которое не только говорило о «народности», какъ основѣ русскаго государства (оставляя народъ вѣрнопостнымъ), но и пожелало экономического и социальнаго прогресса огромнаго большинства народа,—народа по преимуществу, на началахъ поземельной и общинной самостоятельности, побудило по крайней мѣрѣ часть и по крайней мѣрѣ въ прокламаціяхъ, и демократовъ польскихъ выдти изъ той фразеологіи, которой они предавались въ эмиграціи, на реальную почву — надѣла крестьянъ землею. Такимъ образомъ, исторія еще разъ дала перевѣсъ тому, для кого важнѣе было примѣненіе принципа народности и народа, и кому оно легче было сдѣлать, кто способнѣе былъ стать на почву реальныхъ интересовъ. Намъ легче усвоить принципъ народности, чѣмъ

полямъ, ибо при самомъ крайнемъ его примѣненіи, мы теряемъ ничтожную область за Вислой, гдѣ мы и не живемъ иначе, какъ въ видѣ войска и чиновниковъ, тогда какъ поляки теряютъ огромную полосу почти отъ Вислы до Днѣпра, гдѣ они, хотя какъ землевладѣльцы только, но все-таки живутъ; намъ легче стать и на народную почву, ибо въ западномъ краѣ въ нашей національности принадлежитъ почти только сельское населеніе; наконецъ, у насъ удобнѣе было выработаться болѣе реальному, социально-экономическому направленію политической мысли, потому что мы члены крѣпкаго и единого національнаго государства, и задача наша только устроить его получше изнутри.

Все это только можетъ прибавить вѣру нашу въ себя и еще разъ доказываетъ, что за насъ сила естественная и что мы можемъ, съ полною вѣрой въ успѣхъ, ожидать еще новаго движенія поляковъ въ сторону идеи народности и народа и совместной съ нами работы надъ устройствомъ земли и народа на пространствѣ отъ Днѣпра до Вислы. И если точно среди поляковъ есть люди, которые искренно провозглашали начала, легшія въ основу мѣръ по устройству сельскаго состоянія и народнаго образованія, принятыхъ въ 1863—64 гг., — тѣмъ болѣе прочно можетъ быть положеніе наше въ западномъ краѣ и Польшѣ, если мы привлечемъ этихъ людей на общую работу съ нами. Судя по всему, такихъ людей не должно было быть много, — но за то мы должны помочь имъ сформироваться и собраться.

Врядъ ли возможно сомнѣніе, чтобъ послѣдовательное и неуклонное проведеніе и развитіе началъ рескриптовъ и указовъ 1864-го года не повело къ образованію «новой породы» поляковъ въ Польшѣ, «русской партіи», — не такой русской, какая была устраиваема въ XVIII-мъ в. деньгами и раздачей земель между польскими магнатами, а такой, которая соединила бы любовь къ своему краю и народу съ твердымъ убѣжденіемъ, что для этого края и народа наиболѣе выгоденъ союзъ съ Россіей и съ народомъ. Вѣря въ могучесть естественныхъ законовъ исторіи, мы вполне убѣждены, что такая партія и образуется раньше или позже, если, конечно, не воспослѣдуетъ международная катастрофа, которая оторветъ у насъ царство польское къ ущербу интересовъ Россіи, славянства и самихъ поляковъ. Невѣроятнаго въ возможности этой катастрофы нѣтъ: настоящая статья, по крайности, можетъ убѣдить читателя, что о возможности его въ Германіи говорить, — хотя, конечно, *авось* дѣло обойдется и счастливо!

Нельзя впрочемъ не видѣть, что послѣ 1864-го года со сто-

рою нашего общества сдѣлано было много, что должно было поминать образованію среди поляковъ такой «русской» партіи, о какой мы говорили, и черезъ то, между прочимъ, въ значительной степени облегчена и возможность той катастрофы, о коей мечтаютъ многіе нѣмецкіе ученые, публицисты и политики, и вторая, если бы удалась, то, конечно, не могла бы быть непріятна и нѣмецкимъ правительствамъ. А случилось это оттого, что постепенно съ 1865-го года наше отношеніе къ Польшѣ стало измѣняться: вмѣсто разложенія старой Польши посредствомъ принципа народности и возстановленія коренного польскаго народа въ его этнографическихъ предѣлахъ, мы стали желать сначала административнаго объединенія Польши съ имперіей, обращенія Польши въ привислянскій край, а затѣмъ обрусенія ея. Какъ время 1863—65 гг. знаменуется въ исторіи западнаго края и Польши мѣрами по устройству крестьянъ и общинъ, учрежденіемъ училищъ по національностямъ, хотя и съ достаточнымъ преобладаваніемъ русскаго языка, — такъ время съ 1865-го года знаменуется соединеніемъ разныхъ административныхъ и правительственныхъ учреждений царства польскаго съ министерствами и учрежденіями Россіи, введеніемъ русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ въ Польшѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ до самыхъ элементарныхъ, открытіемъ университета съ полнымъ исключеніемъ польскаго языка изъ преподаванія. Очень можетъ быть, что правительству наше и не имѣетъ въ виду «обрусенія» поляковъ, но мѣры эти самими поляками, и что еще важнѣе, самими русскими истолковываются въ такомъ смыслѣ. Не только въ заграничной печати, польской и другихъ языковъ, — но въ самихъ вліятельныхъ русскіхъ изданіяхъ говорится, что Россія должна принять цѣлью и образцемъ политики къ Польшѣ ту, которую имѣло французское правительство въ отношеніи къ Эльзасу, нѣмецкое — къ Познани; а что цѣль русскаго политика въ Познани состоитъ въ германизации ея, въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться.

Вѣрнее цѣли всей нашей статьи — говорить не о правительствахъ, а объ обществахъ, не столько о мѣропріятіяхъ, сколько объ общественномъ настроеніи, которое, если не упреждаетъ мѣропріятій, указывая имъ цѣль и вызывая ихъ, то вліяетъ на ихъ исполненіе и накладываетъ на нихъ свой характеръ, мы и на этотъ разъ не будемъ говорить много о мѣропріятіяхъ въ Польшѣ съ 1865-го года, а обратимся къ общественному настроенію, которое несомнѣнно вліяло на установленіе характера нашихъ отношеній къ Польшѣ. Собственно мѣропріятія сами по себѣ могутъ и не имѣть въ виду уничтоженія народности

польской. Что касается до такъ-называемаго административнаго объединенія Польши съ Россіей, то нужно быть особеннымъ специалистомъ по административнымъ вопросамъ, чтобъ оцѣнить въ подробностяхъ удобства его или неудобства. Если разсматривать его съ политической стороны, то оно можетъ имѣть обоюдное значеніе. У насъ очень часто принимаютъ это соединеніе за коррективъ системы такъ-называемой автономіи Польши при маркизѣ Велепольскомъ. Говорятъ, что система м. Велепольскаго, наполнивъ польскія присутственныя мѣста польскими чиновниками, подчиненными польскимъ министерствамъ и учреждениямъ, сдѣлала государственную власть безсильною въ виду возстанія. Насколько возможность повторенія возстанія можетъ быть предупреждена исключительно русскими чиновниками въ Польшѣ, само по себѣ составляетъ еще вопросъ. Къ тому же и до сихъ поръ большинство и большинство значительное чиновниковъ въ Польшѣ — поляки, и иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ чиновникахъ, и особенно въ хорошихъ, нуждается и сама Россія. Если эти чиновники подчинены центральной власти, сидящей не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ, — то они также удобно, или еще удобнѣе, если бы захотѣли, могутъ парализовать распоряженія и дѣйствія правительственной власти, какъ еслибъ органы ея находились и въ Варшавѣ. Въ послѣднее время въ газетѣ, которая стоитъ за обрусеніе Польши, уже нѣсколько разъ говорилось откровенно, что съ упраздненіемъ центральныхъ правительственныхъ учреждений въ Варшавѣ, число русскихъ дѣятелей въ царствѣ уменьшается и оно все больше отдается въ вѣдѣніе мѣстнаго чиновничества.

Со стороны благоустройство административной сосредоточеніе управленія дѣлами Польши въ Петербургѣ можетъ повести за собою общезвѣстныя невыгоды централизаціи, — хотя невыгоды эти могутъ существовать и при централизаціи не около Петербурга, а около Варшавы. Вообще сущность вопроса о централизаціи, бюрократизмѣ и децентрализаціи и самоуправленіи заключается не въ томъ, гдѣ будетъ центръ и какъ великъ территоріально округъ, ему подчиненный, а въ томъ, какъ великъ кругъ дѣйствій общинныхъ, городскихъ и областныхъ земскихъ учреждений и ихъ самостоятельность въ виду центрально-административныхъ лицъ и вѣдомствъ, гдѣ бы они ни помѣщались. Излишняя же централизація и бюрократизмъ съ ихъ вредными послѣдствіями могутъ также удобно развиваться и существовать въ маленькомъ, какъ и большомъ государствѣ, при близкомъ, какъ и далекомъ центрѣ. И наоборотъ, дѣйствительное самоуправленіе можетъ существовать и развиваться и при

отъ, если область не будетъ имѣть видиматаго признака общей или нѣкѣхъ ея частей автономіи въ формѣ центральныхъ въ ней учреждений. Очевидно, что вопросъ объ автономическомъ, или прократическомъ управленіи Польшею зависить болѣе отъ веденія, напр., земскихъ учреждений, выборнаго суда и т. п., чѣмъ отъ превращенія варшавскихъ административныхъ учреждений въ подчиненныя петербургскимъ.

Но такъ какъ въ Польшѣ не было еще введено ничего похожаго на нашъ выборный мировой судъ, ни на земскія учреждения, то вопросъ о дѣйствительной автономіи края или централизациі оставался открытымъ. Судя по всему, у насъ придаютъ административному подчиненію Польши петербургскимъ министерствамъ болѣе теоретическое, тенденціозное значеніе, нежели практическое: въ немъ болѣе видятъ напоминаніе полякамъ, что Польша какъ же составная часть русскаго государства, какъ и владимирская или херсонская губернія, «такое же царство, какъ и казанское и астраханское», — не больше. Въ свою очередь и мы придають большое значеніе всякаго рода видимостямъ, которыя связаны съ теоретическимъ представленіемъ о царствѣ (оролевствѣ) польскомъ, — чѣмъ и объясняется, почему и въ замѣтной и въ нашей печати иногда поднимаются толки объ уничтоженіи намѣстничества въ Варшавѣ, о выключеніи изъ русскаго титула словъ «царь польскій» и т. п. Отъ такого теоретическаго отношенія къ дѣлу административнаго устройства Польши, и русскими и поляками не обращается вниманія на изработку практическихъ сторонъ вопроса: а именно, означаетъ ли присутствіе намѣстника и др. дѣйствительную, выгодную для края автономію, и наоборотъ, какія удобства или неудобства имѣетъ централизациа управленія царствомъ петербургскими министерствами.

Такимъ образомъ, съ реальной стороны взяты административныя реформы въ царствѣ польскомъ сами по себѣ болѣе или менѣе безразличны и получаютъ свой цвѣтъ только отъ того озвученія на политическія цѣли, которыхъ ими желаютъ достигнуть. Русская печать своими толками даетъ основаніе приписывать этимъ реформамъ цѣль — обрусеніе поляковъ, особенно въ виду употребленія русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ не только высшихъ, но и низшихъ инстанцій. Во всякомъ же случаѣ, преимущественное вниманіе къ административному подчиненію Польши петербургскимъ учреждениямъ, проводимому часто болѣе для теоретической послѣдовательности, чѣмъ изъ практической нужды, напр., въ дѣлѣ польскаго банка, — отвлекаетъ вниманіе отъ такихъ дѣлъ, какъ судебная реформа, организациа

мѣстныхъ земскихъ учреждений, которыя только и могутъ со-
дать истинную автономію населія царства польскаго, не имѣя
претензій на политическое значеніе. Припомнимъ, что судебная
реформа въ царствѣ польскомъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ
стояла на точкѣ замерзанія, и что отсутствіе въ царствѣ и въ
западныхъ губерніяхъ суда и земства на тѣхъ самыхъ началахъ,
на какихъ они устроены въ Россіи, составляетъ самый странный
«сепаратизмъ» этихъ областей. Но таковы уже неизбѣжныя по-
слѣдствія системы, основанной на недовѣріи къ своимъ силамъ
и лучшимъ инстинктамъ населеній, и сопряженнаго съ этимъ
недовѣріемъ бюрократизма, что, придавъ разъ въ дѣлѣ объеди-
ненія краевъ государства преимущественное значеніе бюрократіи,
приходится, или для единства останавливать развитіе ко-
ренныхъ земель государства, чтобъ не давать прецедента окра-
инамъ, или создавать и удерживать на окраинахъ порядки
признанный непригоднымъ для коренныхъ земель.

Гораздо болѣе опредѣленный цвѣтъ и цѣль имѣеть органи-
зація учебной части въ царствѣ польскомъ съ 1866-го г. и
устройство русскаго университета въ Варшавѣ. Постепенно, да-
же до элементарныхъ школъ, преподаваніе все болѣе переходило отъ
мѣстныхъ языковъ къ русскому, который теперь почти исключи-
тельно употребляется въ школахъ польскихъ. Чтобы, — особенно
въ низшихъ школахъ и классахъ, — этимъ облегчалось обученіе
этого, конечно, никто не станетъ утверждать. Что это обру-
шеніе школъ можетъ имѣть и свои полезныя стороны, — это
говоря безпристрастно, трудно отрицать: при постоянныхъ сно-
шеніяхъ Россіи съ Польшей, русскій языкъ необходимъ многимъ
изъ жителей послѣдней. Преимущественно необходимъ онъ, ко-
нечно, высшимъ классамъ, которые по торговымъ ли, по слуге-
бнымъ, ученымъ дѣламъ выходятъ въ своей дѣятельности за
предѣлы чисто мѣстныхъ интересовъ. Конечно также, что бѣд-
ному мѣщанину или крестьянину затрата времени на русскій,
хоть и близкій, но все-таки не родной языкъ, особенно замѣ-
леніе, которое онъ потерпитъ, будучи поставленъ въ необходи-
мость въ одно время и учиться читать, и приобрѣсть элементарныя
свѣдѣнія, и учиться чужому языку, — врядъ ли окупится реальною
прибылью. Поэтому, даже еслибъ польскій языкъ не представ-
лялъ вовсе болѣе или менѣе развитой литературы, и тогда
кругъ мѣстныхъ интересовъ населенія естественнѣе бы удовле-
творялся обученіемъ на родномъ языкѣ, чѣмъ на чужомъ. Оче-
видно, что защитники идеи обрусенія школъ въ Польшѣ имѣ-
ютъ въ виду не столько педагогическія и ученые удобства или
неудобства преподаванія на польскомъ языкѣ, не столько идею

необходимости знанія жителямъ Польши русскаго языка, — по-
тому что послѣднее можетъ быть достигнуто преподаваніемъ рус-
скаго языка и преподаваніемъ на этомъ языкѣ нѣсколькихъ изъ
нѣмкихъ предметовъ, особенно въ высшихъ классахъ гимназій и
въ университетѣ, а вовсе не требуетъ исключительнаго препо-
данія на русскомъ языкѣ, — сколько послѣдовательное прове-
деніе идеи о господствѣ государственнаго языка. По словамъ
пропагандистовъ этой идеи, господство, и даже исключительное,
государственнаго языка вовсе можетъ не имѣть цѣли уничтоже-
нія мѣстной народности, устранить употребленіе и развитіе мѣст-
наго языка изъ жизни и литературы, — но общій языкъ есть
только проявленіе идеи единства государства, орудіе для воспи-
танія обществъ и на окраинахъ въ мысли, что и она граждане
именно этого, а не другого государства.

Во всемъ этомъ есть много противурѣчій. Во-первыхъ, весьма
возможно (и исторія постоянно даетъ тому подтвержденіе въ Ав-
стріи, Венгрии, Бельгii, самой Франціи), что вытѣсненіе род-
ного языка населенія изъ публичной, официальной жизни по-
ведетъ въ воспитанію населенія въ совершенно противополож-
ныхъ чувствахъ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду воспитать въ
нихъ. Ирландія, и усвоивши англійскій языкъ, ненавидитъ Ан-
глію; эльзасцы, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, мало симпатизи-
руютъ Германіи; наконецъ, въ послѣднемъ польскомъ возста-
ніи, многіе изъ вожаковъ повстанцевъ отлично умѣли говорить
по-русски. Во-вторыхъ, если ужъ быть послѣдовательнымъ въ пре-
сѣдованіи объединенія государства посредствомъ общаго публич-
наго языка, то затѣмъ же останавливаться передъ мыслию о
совершенномъ уничтоженіи мѣстнаго языка и мѣстной народно-
сти; отрицать эту послѣднюю цѣль — значитъ, или быть непо-
слѣдовательнымъ, или неискреннимъ. А и то и другое ведетъ
за собою вредныя политическія послѣдствія. Если мы допускаемъ
употребленіе и даже развитіе какаго-нибудь языка въ частной,
семейной жизни, въ церкви, въ литературѣ художественной и
научной, то мы допускаемъ ему обнимать самыя задушевныя,
самыя близкія и кровныя человѣку сферы сердца и ума, — и не
естественно ли, что человѣкъ потребуеетъ признанія за этимъ
языкомъ и другихъ правъ въ жизни, а не встрѣтитъ удовлевере-
нія этому требованію, не можетъ относиться къ государственной
власти иначе, какъ съ враждою, тайною или явною. Устраненіе
извѣстнаго языка изъ всѣхъ сферъ публичной жизни, изъ школь-
наго и ученнаго преподаванія не можетъ имѣть другихъ послѣд-
ствій и цѣли, какъ стѣсненіе его развитія, стѣсненіе развитія
на немъ литературы, преимущественно ученой и педагогической,

отъученіе населенія отъ мышленія на этомъ языкѣ, но чувствъ вражды при этомъ не истребляется, а становится только болѣе и болѣе дикимъ и фанатичнымъ.

Теперь спрашивается, — отложивъ даже въ сторону вопросъ о справедливости и о томъ, точно ли государственныя пользы требуютъ такого результата, и нельзя ли снѣзнить государственное единство и безъ него, — спрашивается, обладаетъ ли государство вообще, а наше въ Польшѣ въ особенности, всѣми средствами и достиженіями иного результата, въ виду того, что употребленіе польскаго языка въ жизни, въ церкви, въ литературѣ все-таки останется непривоснованнымъ, а слѣдовательно можетъ постоянно поддерживать жизнь въ конкурренціи государственнаго языка. Если разъ существуетъ жизнь въ мѣстномъ языкѣ, если на немъ все-таки существуетъ литература, которая по-своему говоритъ уму и сердцу населенія, то тѣмъ болѣе мы будемъ устранивать этотъ языкъ изъ сферъ государственной жизни, тѣмъ болѣе онъ станетъ предметомъ работъ въ частной жизни и литературѣ, — и государство должно пойти въ чрезвычайно странную съ правительственной стороны работу, чтобы уничтожить и это развитіе конкуррента своего языка. Возьмемъ примѣръ изъ отношеній славянскихъ нарѣчій къ нѣмецкому тамъ, гдѣ государство нѣмецкое и долговременно, и вовсе недвусмысленно боролось, — да и мечемъ, — съ славянскими народностями. Такъ, саксонское правительство боролось прежде огнемъ и мечемъ, потомъ штрафами и т. п. мѣрами съ народностью и языкомъ полабскихъ сербовъ, отъ которыхъ теперь остались только лужицкіе сербы въ числѣ съ небольшимъ 150 тысячъ. Борьба шла довольно успѣшно при помощи меча и другихъ средневѣковыхъ средствъ; но вотъ наступили времена религіознаго одушевленія въ вѣкъ реформации: явились проповѣдники лютерова ученія на сербскомъ языкѣ. Что-жъ было дѣлать нѣмецкому государству? стѣснять проповѣдь сербскую, въ то время когда оно поощряло проповѣдь того же ученія нѣмецкую? Тогда бы католики стали проповѣдовать по-сербски и тѣмъ отбили бы сердца сербовъ отъ новаго ученія. Случилось такъ, что и католики и протестанты стали проповѣдовать по-сербски, переводить на языкъ сербовъ священное писаніе, — и мало-по-малу языкъ этотъ получилъ полное признаніе въ церковной жизни, — и нѣмецкое государство, и прусское и саксонское не сочли себя въ правѣ и въ состояніи исключить его изъ духовныхъ семинарій. Государство задалось мыслью о скорѣйшемъ и поголовномъ обученіи народа, — и въ виду педагогическихъ соображеній не могло не допустить и въ народныхъ школахъ и въ учительскія семинаріи того же языка. Въ судѣ, въ

нѣмецкія правительства не хотять знать сербскаго языка, въ лейпцигскомъ университетѣ катедру сербскаго языка перенесли въ катедру славянскихъ, литовскихъ и финскихъ языковъ, въ коихъ сербскій совершенно потерялся; вообще оконченная германизация «вендовъ» есть предметъ желаній и нѣмецкаго общества и правительствъ. Пока существовала цензура, запрещались всѣми мѣрами стѣснить образованіе и ходъ сербскихъ журналовъ, пока тяготѣлъ полицейскій гнетъ надъ всей Германией, стѣснили и сербскія литературныя общества. Но наконецъ Германия получила болѣе свободный уставъ о печати, обществѣ, ремеслахъ, сходкахъ, — и всѣмъ этимъ воспользовалась и лужицанъ для развитія своего языка и укрѣпленія своей народности, которая по меньшей мѣрѣ не убываетъ (если вѣрить нѣмецкимъ статистикамъ даже, не говоря о сербскихъ). Раньше до того, что чины «Лаузица», т.-е. нѣмецкіе же помѣщики не могли отказать въ пособіи на изданіе словаря лужицко-сербскаго нарѣчія.

Но скажутъ, — лужицкіе сербы хорошіе подданные саксонскаго и прусскаго государства, — и именно потому, что они видятъ неуклонно проводимую систему государственнаго единства въ преобладаніи государственнаго языка. Все что можно сказать о вѣрности лужицанъ государству это только то, что они считаютъ себя обязанными вѣрностью своимъ государямъ, но нѣмецкіе патріоты они плохіе, хотя, по своей малочисленности, и должны держать себя смирно. А плохіе они патріоты нѣмецкіе именно потому, что видятъ всюду желаніе германизировать. Вы думаете, что если сербъ, услышавъ проповѣдь на своемъ языкѣ, прочитавъ на немъ же книгу и газету, придетъ въ судъ, гдѣ съ нимъ говорятъ не иначе, какъ по-нѣмецки, въ гимназію, гдѣ исключительно господствуетъ нѣмецкій языкъ, хотя бы большинство было сербы, — онъ питаетъ нѣжные чувства къ германскому государству и отечеству? Ничуть не бывало. И въ послѣднюю войну сербскія изданія, какъ и другія славянскія, весьма недвусмысленно, хотя и довольно осторожно выражали свое сочувствіе французамъ. И лужичане далеко не чужды идеи панславизма. А вѣдь они — островъ среди нѣмцевъ, и притомъ островъ ничтожный матеріально. Ихъ нельзя и сравнивать съ поляками.

Если съ славянами, находящимися подъ властію Германіи (въ Луизицѣ, Силезіи, Познани), нѣмцамъ все еще приходится вести борьбу, хотя они прежде приготовили себѣ торжество варварскими насиліями, отнятіемъ земельной собственности, и до сихъ поръ имѣютъ себѣ поддержку въ колонизаціи, если, несмо-

три на всѣ мѣры государственной централизаціи, несмотря на давнее введеніе нѣмецкаго языка въ школы и суды, нѣмцамъ не удалось ни подавить славянскій элементъ даже въ маленькой Лужицѣ, ни превратить поляковъ и лужичанъ въ хорошихъ германскихъ патріотовъ, — если каждый шагъ впередъ Германіи по части религіозной, гражданской, политической давалъ только новыя орудія для борьбы славянскому, негосударственному элементу, — то тѣмъ менѣе можемъ мы надѣяться сдѣлать изъ поляковъ русскихъ, патріотовъ русскаго государства, если будемъ дѣйствовать по примѣру прусскаго государства. Судя по крайней мѣрѣ по тому, что лишутъ изъ нашей Польши въ заграничныя газеты (другого источника для узнанія истиннаго настроенія въ Польшѣ нѣтъ, такъ какъ въ ней печать еще менѣе свободна, чѣмъ въ Россіи, — хотя, конечно, и заграничная польская печать не очень надежный источникъ), можно видѣть, что мѣры въ обрусенію польскихъ школъ принимаются именно какъ мѣры въ обрусенію поляковъ, а потому далеко не увеличиваютъ къ намъ симпатіи въ Польшѣ.

Надо совнаться, что теперь польская литература научная, художественная и педагогическая находится далеко не въ блистательномъ положеніи, — благодаря долговременной исключительной затратѣ умственныхъ силъ польскихъ на политическую агитацію и благодаря извращенію даже талантливыхъ натуръ эмиграціей. Что учебники русскіе теперь лучше польскихъ, — это болѣе чѣмъ явно, и вообще нѣкоторые поляки, напр., недавно «Крај», признаютъ что они сильно отстали во многомъ, а мы много успѣли. Такое положеніе нашей литературы, особенно въ виду того, что мы, какъ нація 50-миллионная, можемъ всегда содержать болѣе обширную литературу, чѣмъ поляки (наша, напр., переводная литература и теперь безконечно превосходить всѣ такія же у другихъ славянъ и должна естественно у нихъ распространяться), — могло бы быть чрезвычайно выгодно для распространенія ея среди поляковъ и постепенно сдѣлало бы русскій языкъ между-славянскимъ, — но насильственное его введеніе, съ исключеніемъ польскаго, и притомъ въ сферы, гдѣ польскій могъ бы удовлетворять потребностямъ населенія, естественно вызываетъ противъ него реакцію и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы онъ былъ полезенъ и необходимъ. То ослабленіе политической мечтательности, которое замѣчается у поляковъ особенно послѣ пораженія Франціи, призывы къ занятіямъ народнымъ образованіемъ, разработкою отечественной науки, какія часто теперь встрѣчаются въ польскихъ изданіяхъ, преобразованія въ благоприятномъ для поляковъ духѣ университетовъ краковскаго и

русского, знаменуютъ начало научнаго и литературнаго возрѣнія польскаго языка, которое не замедлитъ отразиться рѣшительно русскому языку въ царствѣ польскомъ. При полномъ отсутствіи польскихъ кавалеръ въ Варшавѣ, польскихъ ученыхъ обществъ, — Краковъ и Львовъ станутъ учеными центрами, которые будутъ притягивать болѣе даровитыхъ и независимыхъ людей изъ Варшавы и нашей Польши, — а врядъ ли это будетъ способствовать усиленію связи Польши съ Россіей, а не дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ. На сколько-нибудь значительную колонизацію изъ Россіи въ царство польское, въ родѣ той, которая (вмѣстѣ съ еврейскимъ элементомъ) всего дѣйствительнѣе помогала и помогаетъ германизаціи Познани, мы рассчитывать не можемъ: Польша гуще населена и въ промышленномъ отношеніи развита больше Россіи. Затѣмъ же, безъ нужды, задавать себѣ задачу невозможную, думая обрусить Польшу одними чиновниками, однимъ обязательнымъ употребленіемъ русскаго языка въ администраціи и школахъ?

Всѣ эти соображенія до того элементарны, что приходятъ въ голову всякому неослѣпленному доктринаризмомъ человѣку. Ссылаемся на слова писателя, котораго врядъ ли кто заподозритъ въ принадлежности къ «панургову стаду» и въ равнодушіи къ скрѣпленію единства Россіи, — г. Погодина. Вотъ что пишетъ онъ въ своей запискѣ о славянскихъ народахъ: «Къ самымъ дѣйствительнымъ мѣрамъ примирить поляковъ съ нами (ибо они все еще ненавидятъ насъ) есть покровительство ихъ языку, литературѣ, исторіи, — (я говорю о царствѣ польскомъ) и наоборотъ, ничто такъ не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Языку польскому въ учебныхъ заведеніяхъ царства надо учить наравнѣ съ русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то поляки будутъ доучиваться ему дома съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ плодомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея и сверхъ того будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь языкъ есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить также нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ. Языкъ есть такой же природный неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоцѣннѣйшій для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подають въ этомъ случаѣ поучительный примѣръ: чего достигли, уничтожая систематически въ теченіе вѣковъ славянскія нарѣ-

ція? Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитію, приносили своими плотинами такіе водопады, которые готовятся поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторые славянскіе племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось? По крайнѣму, гдѣ чужое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенствѣ....»

Невозможность задачи, которую мы на себя взяли въ послѣднее время по отношенію къ Польшѣ, противоположность ея съ тою, которую мы провозгласили въ 1864 г., чувствуется и самими русскими дѣятелями въ Польшѣ. Корреспонденціи оттуда въ послѣднее время уже не имѣютъ таковаго одушевленнаго и даже нѣсколько торжественнаго характера, какъ прежде. Напротивъ, очень часто встрѣчаешь жалобы, что дѣло подвигается плохо. Иногда эти жалобы оканчиваются: нѣтъ, — мы не имѣемъ той настойчивости, что у пруссаковъ! А если не имѣемъ, можемъ сказать, такъ зачѣмъ же и браться за прусскія задачи? Да при томъ же наши обстоятельства и прусскіе вовсе не похожи: пруссаки не имѣютъ между Познанью и нѣмецкими землями края аналогичныхъ съ нашимъ западнымъ, который одинъ требуетъ много работы, если не для обрусенія, то для расплодыванія, который требуетъ приложенія принципа національности пруссаки-нѣмцы, которые положили призваніемъ своимъ, какъ можно больше поглотить славянъ, — мы же сами славяне, — и сами себѣ, и другіе славяне намъ, навязываемъ себѣ другую миссію по отношенію къ славянству. Именно во имя этой миссіи и прибыли русскіе дѣятели въ Польшу, — и вдругъ поставлены въ необходимость вздыхать объ отсутствіи въ нихъ «прусскихъ» свойствъ. Дѣятели сами чувствуютъ всю неховкость своего положенія, — и, повѣрьте, большинство думаетъ только, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ своего служебнаго положенія и вернуться во-свои, гдѣ каждый чувствуетъ себя гораздо ловче, чѣмъ въ Польшѣ.

Словомъ, духу, вѣры въ себя и въ успѣхъ дѣла, у русскихъ дѣятелей въ Польшѣ нѣтъ, — а безъ духу, безъ вѣры, что же за работа? Врядъ ли поэтому изъ всей хлопотни объ обрусеніи Польши выйдетъ какая-либо польза, кромѣ того, что дѣйствительно многіе поляки выучатся по-русски, что, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, облегчитъ имъ возможность узнать Россію и стремленія русскаго общества, а потому и возможность взаимнаго улаживанія *modus vivendi*, — но только именно при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. если и мы обнаружимъ желаніе познакомиться поближе съ польскимъ внутреннимъ міромъ и отношеніемъ своимъ къ полякамъ ослабимъ

въ нихъ ту антипатію, или по крайности замѣнутость, которая существуетъ до сихъ поръ и которая усиливается мыслью, будто мы желаемъ совершенной гибели польской народности.

XI.

Какъ реформы по крестьянскому дѣлу и другія мѣры въ реорганизации западнаго края и Польши въ 1863 и 1864 годахъ приняты были подъ вліяніемъ, хотя и косвеннымъ, общественнаго движенія нашего съ 1859—1863 гг. и въ томъ числѣ подъ болѣе прямымъ вліяніемъ идей славянофильскаго направленія, такъ нынѣшнее положеніе наше въ царствѣ польскомъ и въ самомъ западномъ краѣ есть результатъ другой волны общественнаго движенія, которая проявила значительную силу съ 1862 года, и подъ вліяніемъ событій 1863—1866 гг. получила-было преобладающее значеніе въ нашемъ обществѣ. Органомъ этого направленія общественнаго движенія были «Московскія Вѣдомости» съ непосредственно связанными съ ними изданіями («Русскій Вѣстникъ» и Современная Лѣтопись») и тѣми, которые постепенно примыкали къ ихъ триумфальному шествію, — какъ, напр., «Голосъ», Биржевыя Вѣдомости», которая въ 1863-го года шла далеко не въ униссонъ съ «Московскими Вѣдомостями». Чтобы опредѣлить значеніе того направленія, или если хотите, партіи, надо опредѣлить, въ чемъ состоитъ сущность ея стремленій. Это не такъ-то легко, потому что съ теченіемъ времени органъ этого направленія перемѣнилъ убѣжденія по весьма существеннымъ вопросамъ, существенно противурѣчилъ себѣ въ одно и то же время, по дорогѣ принималъ много частныхъ положеній, которые мало гармонируютъ съ общими идеями изданія и особенно прежде высказываемыми. Такъ извѣстно, что «Московскія Вѣдомости» были органомъ, желавшимъ безземельнаго надѣла крестьянъ, вотчинной полиціи помѣщиковъ, непосредственнаго участія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ въ земствѣ, — и потомъ явились ярыми противниками примѣненія всѣхъ этихъ началъ въ западномъ краѣ и, вступивъ въ полемичу съ послѣдовательными своими сотрудниками, образовавшими «Вѣсть», которая называла еще въ 1866-мъ году г. Каткова «царемъ русской политической печати», стали съ нѣкоторой рѣзкостью отзываться о примѣненіи ея тенденцій не только въ западному краю, находившемуся въ исключительныхъ условіяхъ, но и къ остальной Россіи. И въ то же самое почти время «Московскія Вѣдомости» вдругъ дѣлаютъ быстрый поворотъ къ

старинныя своимъ идеаламъ и защищаютъ требованія бессарабскихъ помѣщиковъ, направленныхъ къ тому, чтобы въ ихъ пользу допущены были изъятія изъ примѣненія во всей Россіи (кроме остзейскихъ провинцій) принциповъ крестьянской реформы 19-го февраля 1861-го года.

Посвятивъ не мало труда на агитацію противъ началъ этой реформы и въ пользу возможно болѣе односторонняго ихъ примѣненія, «Московскія Вѣдомости» ставятъ теперь на одну доску «бѣлыхъ» и «красныхъ» ея противниковъ, т.-е. недовольныхъ ея общими началами, и относящихся критически къ ихъ примѣненію и къ исполненію реформы, себя же ставятъ въ токъ центрѣ, который представляетъ то, что есть въ государствѣ просвѣщеннаго, здорово консервативнаго и разумно-прогрессивнаго. Приобрѣтая извѣстность въ мірѣ весельчаковъ юмористической полемики съ славянофильствомъ, ведя съ послѣднимъ полемику по всѣмъ вопросамъ культурнымъ, общественнымъ и политическимъ еще весьма недавно, «Московскія Вѣдомости» въ послѣднее время даютъ пріютъ тѣмъ самымъ писателямъ, съ которыми еще очень недавно вели самые ожесточенные споры (г. Юр. Самаринъ и др.) и даже заслуживаютъ отъ нѣмецкой печати названіе славянофильскаго органа, названіе, отъ котораго онѣ и отказываются и пѣтъ. Слѣдуетъ прибавить, что московскіе публицисты, стяжавшіе себѣ такіе лавры въ борьбѣ съ нигилизмомъ и безшабашнымъ отрицаніемъ, сами по весьма многимъ вопросамъ отличаются тоже своего рода нигилизмомъ; они ругаютъ отрицаніе, но не говорятъ, что же они защищаютъ: прошу, напр., опредѣлить философскія убѣжденія ученой редакціи, изъ идеалы семейной жизни, ихъ понятія о положеніи женщины, женскомъ образованіи,—хотя бы вы, прочитавъ ихъ филиппики противъ нигилизма, и убѣдились, что таковы-называемые нигилисты говорятъ вздоръ.

Къ тому же, хотя московскіе публицисты еще очень недавно указывали на неспособность къ серьезному мышленію въ нашемъ даже высшемъ обществѣ и въ общественныхъ дѣятеляхъ,—каковы прокуроры и судьи,—по почти всякій разъ, когда имъ самимъ приходится выйти изъ сферы частныхъ порицаній, жалобъ и т. п. въ сферу систематическаго изложенія общихъ положеній, политическаго *profession de foi*, они путаются и противурѣчаютъ сами себѣ на каждомъ шагу. Возьмите, напр., разсужденія «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» о государствѣ и національности. Тутъ найдете положенія, что «границы государства пишетъ не лексиконъ и грамматика, а мечъ», и то, что государство крѣпко только національностью, что одинъ лекс-

и одна грамматика должны господствовать всюду въ предѣлахъ, отведенныхъ мечемъ,—и тутъ же, что государство не преслѣдуетъ народности этнографической, а имѣетъ цѣлью установленіе народности политической и т. д. и т. д. Благодаря именно противурѣчіямъ въ разные времена и даже въ одно время, благодаря болѣе отрицательному, нежели положительному характеру своихъ статей, вмѣстѣ съ всегдашней страстностью своихъ нападеній, упомянутые публицисты и приобрѣли и поддерживаютъ свою популярность среди людей, которые недостаточно навыкли къ разложенію слушаемыхъ мыслей на составныя части и къ возведенію ихъ къ общимъ началамъ.

Но благодаря этимъ свойствамъ и весьма затруднительно отвѣчать на вопросъ: съ какимъ образомъ мыслей, съ какою системою и партіей мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ? Понятно, почему иностранцы, которые со вчерашняго дня знаютъ наши дѣла и плохо слѣдятъ за ихъ послѣдовательнымъ ходомъ, говорятъ то о «старорусской», то о «молодорусской» партіи, которой «Московскія Вѣдомости» служатъ представителемъ, называютъ этотъ органъ и органомъ «русскаго абсолютизма» и «русской демократіи» и «славянофильства» и «ультраруссизма» и т. д. Преподнесенные редакціей своимъ читателямъ, съ приличнымъ комментариемъ, отзывы иностранной печати способны еще болѣе къ затемненію вопроса о томъ, каковы же въ сущности основныя идеи партіи, которой органомъ служить упомянутый журналъ и газета.

Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только, взглянувъ на источникъ, откуда пошло направленіе московскаго журнала, разложивъ всѣ наслоенія и всѣ перемѣны, которыя съ теченіемъ времени принимало это направленіе, и найдя общую нить, которая проходитъ черезъ всѣ эти наслоенія и перемѣны. Лица, дававшія и дающія главный тонъ московскому журналу и газетѣ, вышли изъ той части нашихъ западниковъ, которые нѣкогда восхищались всѣми сторонами такъ-называемой реформы Петра Великаго до бритья бородъ и урѣзки полъ включительно, которые провозглашали (даже устами Бѣлинскаго), что Турція выше сербовъ и болгаръ, ибо Турція «государство», а сербы и болгары «племена», что «нечего плакать, если австрійскій жандармъ является въ Штиріи представителемъ цивилизаціи» и т. д. Это доктринеры «государственности», на образованіе которыхъ пошла и гегелианско-прусская философія и преданія конвента, и отечественныя, преимущественно московскія преданія и инстинкты, и бюрократическая боязнь общественной и народной инициативы. Все для «государства» и елико можно посредствомъ

бюрократіи, — вотъ девизъ такого рода доктринеровъ, которые не мало въ Европѣ, и которые принимаютъ видъ то болѣе аристократическій, то болѣе буржуазный, то даже демократическій, являются то монархистами, то имперіалистами, то конституціоналистами, то республиканцами, но всегда остаются *централистами* и бюрократами. Такого рода люди имѣютъ свой *raison d'être*, свои заслуги, — но исключительное преобладаніе ихъ всюду приводитъ государства въ разстройство или застою.

Что до нашихъ западниковъ - государственниковъ, то ихъ цвѣтъ проявился уже во время эмбрионическаго состоянія русскаго либерализма и политической мысли, — въ спорѣ съ славянофилами, особенно изъ-за общины. Являясь представителями идей свѣта сравнительно съ славянофилами по вопросамъ культурнымъ, наши московскіе западники отставали отъ славянофиловъ въ человѣчности отношеній къ народу, который они представляли только матеріаломъ, изъ коего государственная власть можетъ выдѣлывать, что ей угодно. Въ прошедшемъ Россія они слѣдили съ любовью только за развитіемъ государственнаго централизма, и всѣ упорствовавшіе безусловно подчиниться этому централизму элементы не удостоивались ими иного названія, какъ противупообщественные элементы, хотя бы они представляли зачатки другихъ, лучшихъ общественныхъ стремленій и формъ, которыя со временемъ стали бы предметомъ заботъ и самого государства, какъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскомъ. Какъ противупообщественныя стремленія, отрицались и проявленія неудовольствія народа закрѣпленіемъ крестьянъ и сопротивленіе русскаго народа въ западной Руси давленію польскаго государства. Когда поднята была рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ ученыхъ и публицистовъ этого направленія указывалъ, какъ на важнѣйшую сторону дѣла, что государство, которое прежде, въ видахъ облегченія своихъ задачъ, отдавало часть населенія подъ власть другой, теперь нуждается въ томъ, чтобъ поставить въ непосредственную отъ себя зависимость эту часть населенія. Но какъ всякій видъ самостоятельности населенія казался опаснымъ доктринерамъ государственности, то они полагали, что при освобожденіи крестьянъ надо возможно болѣе поставить ихъ въ зависимость все-таки отъ помѣщика, сохранивъ за послѣднимъ всю землю и соединивъ экономическое преобладаніе помѣщика съ перенесеніемъ на него значенія чиновника государственнаго, т. е. вотчиннаго полицейскаго начальника.

Такимъ образомъ, теоретики государственности явили и въ этомъ вопросѣ свое постоянное качество: консерватизмъ, но не тотъ консерватизмъ, который состоитъ въ охраненіи хорошаго

явленій, выработанныхъ жизнью, хотя бы въ виду и лучшихъ, но еще будущихъ, — а консерватизмъ трусости, т.-е. желаніе сохранить, если возможно, существующее, только потому, что оно уже существуетъ, а не по убѣжденію, что оно и должно существовать. Такого рода трусость мысли передъ новыми явленіями, какъ жѣстно, не исключаетъ отчаянной храбрости въ выборѣ аргументовъ и средствъ для защиты status quo, — черта, которую мы усматриваемъ во всей дѣятельности нашихъ московскихъ западниковъ. Когда заговорили о земствѣ, многіе изъ защитниковъ англійскаго освобожденія крестьянъ безъ земли и вообще аристократическихъ идеаловъ, которые, совмѣстно съ московскими западниками, боролись противъ надѣловъ крестьянскихъ, противъ «демократизма мировыхъ посредниковъ и бюрократическихъ благодѣтелей изъ чужого кармана», высказывались въ пользу возможно широкихъ правъ земскихъ, хотя и аристократическихъ, собраній. Но московскіе западники, которые хлопотали о томъ, чтобъ облечь помѣщика властью станового пристава и исправника, чтобъ дать крупнымъ собственникамъ непосредственное участіе въ земскихъ собраніяхъ, въ то же время очень озабочивались, какъ бы органы государства, губернаторы, не оказались безсильны передъ земствомъ. Во время обсужденія этихъ вопросовъ о надѣлѣ, сельскомъ благоустройствѣ, московскіе западники стали въ рѣзкое полемическое отношеніе со всѣми болѣе «народными» направленіями, какъ съ московскимъ славянофильствомъ, такъ и съ петербургскимъ западничествомъ (если уже употреблять это выраженіе), — а когда крайніе побѣги славянофильскаго и западническаго демократизма сошлись и стали принимать агитаціонный и революціонный отбѣнокъ, то московскіе аристократически-бюрократическіе государственники взяли на себя инициативу охраненія государства отъ «петербургской революціи», воспользовавшись особенно мнущою петербургскихъ пожаровъ.

До извѣстной степени, кромѣ ненависти ко всѣмъ проявленіямъ направленія, поставившаго исходною точкою своихъ политическихъ теорій примѣненіе къ Россіи надѣла крестьянъ землею и общинное самоуправленіе, — въ выступѣ московскихъ западниковъ на охрану отечества отъ «петербургской революціи» играли роль и тонкія соображенія: думалось, — выступимъ, какъ охранительное начало, и такимъ образомъ приблизимся къ формулѣ, управляющему общественною жизнью, поразимъ крайности и покажемъ свою способность вести отечество по пути умѣреннаго прогресса, покажемъ умѣренность и усердіе и предудеимъ реакцію. Соображенія похвальные, — жаль только, что

почти всегда въ результатѣ выходитъ, что именно тѣ, кто жалеетъ предупредить реакцію пораженіемъ крайнихъ направленій, именно усердіемъ и излишнимъ крикомъ противъ крайностей раздуваютъ муху въ слона и служатъ самымъ прямымъ образомъ реакціи, въ которую сами первые ударяются, испугавшись крайностей этой новой жизни. Такъ было и съ нашими московскими западниками, которые подъ влияніемъ страха совершенно ничтожныхъ проявленій «петербургской революціи» 1862 г. и въ жару излишняго усердія заговорили такое, чего не говорилъ никто изъ самыхъ свирѣпыхъ обожателей допетровской Руси.

Кампанія московскихъ англомановъ противъ «петербургской революціи» привлекла къ нимъ сочувствіе всѣхъ враговъ новыхъ реформъ и ихъ духа изъ міра чиновничьяго и помѣщичьяго, который былъ нѣсколько огорченъ помѣщеніемъ обличительныхъ рассказовъ въ московскомъ журналѣ, — того міра, который, за неимѣніемъ другого, пробоваль-было остановить свои симпатіи даже на «Современникѣ» единственно изъ-за того, что онъ осмиваетъ «весь нашъ прогрессъ и нашу гласность» и «не увлекается Громекой», поражавшимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «полицію» и «полицію вѣтъ полиціи». Борьба «Московскихъ Вѣдомостей» съ «петербургской революціей» и открытымъ около этого времени «нигилизмомъ» привела подъ ихъ знамена и всѣхъ поклонниковъ идей «Маяка», которые пробовали пристроиться и къ славянофильству и которымъ только юмористическая репутация, пріобрѣтенная вслѣдствіе ранневременнаго выступа на проповѣдь г. Асочепскаго, препятствовала открыто признать своимъ органомъ «Домашнюю Бесѣду». Такимъ образомъ, журналъ и газета московскихъ западниковъ стали органомъ *старо-русской партіи*, партіи консервативной, въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говорили выше, партіи, желавшей сохраненія въ Россіи положенія, бывшаго до возвышеннѣхъ въ настоящее царствованіе реформъ. Въ качествѣ органа такого рода партіи выступили «Московскія Вѣдомости» и противъ польской революціи, не столько потому, что она была польская, сколько потому, что она была революція и выступала отчасти въ связи съ пораженіемъ въ 1862 г. «петербургскою революціей», а также потому, что эта новая и гораздо болѣе реальная революція давала поводъ къ новой рѣшительной кампаніи противъ всѣхъ проявленій и корней старой, и новый случай занять видное положеніе у руководства общественными дѣлами.

Еще очень не задолго до 1863-го года, публицисты партіи московскихъ западниковъ излагали идеи объ освобожденіи крестьянъ.

янъ и сельскомъ устройствѣ, о народѣ и дворянствѣ совершенно въ духѣ и въ интересахъ польскихъ помѣщиковъ западнаго края. Къ русской народности они вообще не показывали большой вѣжливости, въ крестьянствѣ, источнику «противуобщественныхъ элементовъ» и предмету заботъ «непрощенныхъ благодѣтелей изъ чужого кармана»,—тоже. Въ то время, когда славянофилы проливали слезы надъ распространеніемъ западнаго духа полонизма въ западномъ краѣ и жалѣли о слабости культурнаго отпора русскаго общества полонизму,—московскіе западники сохраняли полное молчаніе объ этихъ вещахъ: они ихъ игнорировали. Только революціонныя манифестаціи и потомъ революція польская и притомъ въ связи съ аналогическими русскими явленіями обратила на себя ихъ вниманіе. Ихъ оскорбило революціонное покушеніе на государственную цѣлость имперіи,—а какъ внимательство европейскихъ правительствъ въ наше внутреннее дѣло оскорбило и весьма многихъ людей и другихъ направленій въ нашемъ обществѣ, то болѣе энергически выразившій реакцію польской революціи органъ сталъ и органомъ большинства русскаго общества.

Вообще исторія патріотической реакціи нашей противъ польскаго возстанія 1863-го года, завершившаго собою періодъ нашей общественной жизни съ 1856-го года, такъ потрясшій всѣ старыя основы русскаго общественнаго строя,—есть предметъ весьма интересный, который остановитъ вниманіе будущаго историка Россіи. Для него, между прочимъ, очень будетъ интересно изслѣдованіе различныхъ мотивовъ и соображеній, по которымъ различные слои и элементы населенія Россіи (крестьяне въ западномъ краѣ, великорусское простонародье, русское купечество и даже евреи, раскольники признанные и непризнанные до тѣхъ поръ официально, помѣщики разныхъ оттѣнковъ, отъ просто недовольныхъ новшествами, до мечтавшихъ о конституціи, чиновники тоже разныхъ оттѣнковъ и т. п.) высказывали порицаніе польскому возстанію и выражали, на дѣлѣ или на словахъ, готовность ему противудѣйствовать. Всѣ почти изъ недовольныхъ, по какимъ бы то ни было видамъ, польскимъ возстаніемъ, кто только зналъ о существованіи журналистики, смотрѣли на «Московскія Вѣдомости», какъ на свой органъ,—такъ какъ изъ трехъ частныхъ изданій, наиболѣе громко выражавшихъ патріотическія чувства, «St.-Petersburger Zeitung» г. Мейера писалась по-нѣмецки, а «День» двоился въ отношеніяхъ къ полякамъ и къ мѣрамъ, какія падо принять противъ возстанія, да и былъ неудобенъ по своей еженедѣльной формѣ и, кромѣ того, отталкивалъ многихъ своимъ радикализмомъ въ пользу «мужика», хотя бы то и рус-

скаго. Что же говорили «Московскія Вѣдомости» отъ имени всѣхъ, столь различныхъ людей и по столь различнымъ мотивамъ возмущенныхъ польской революціей? Они требовали скорѣйшаго и энергичнѣйшаго подавленія революціи. Вопросъ, что же дѣлать дальше съ Польшей и поляками? — оставался вѣтвни. Объ этомъ думали разное, разумѣется, кто задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Публицисты «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» задали себѣ, конечно, этотъ вопросъ. Сначала они отвѣчали на него сообразно своимъ постояннымъ идеямъ о государствѣ и сообразно господствовавшимъ въ то время во многихъ русскихъ кругахъ (польскихъ тѣмъ паче) стремленіямъ. Въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшей»¹⁾, московскіе публицисты изложили самый абсолютный и централистическій, и въ то же время самый матеріалистическій взглядъ на государство: границы территоріи государства отмѣчаются, говорили они, мечемъ и кровью. Вездѣ внутри этихъ границъ можетъ господствовать только одно право, одно законоположеніе. Поэтому, управление Польшей не должно ничѣмъ отличаться отъ управленія другими частями имперіи. Тогда въ высшихъ сферахъ ходила мысль объ умиротвореніи Польши дарованіемъ ей представительнаго правленія. Публицисты «Р. Вѣстника» заявили, что въ такомъ случаѣ представительныя учрежденія должны быть распространены и на всю Россію, — мысль, которая проглядывала и въ разсужденіяхъ другихъ изданій и даже въ патріотическихъ заявленіяхъ. Но и въ такомъ случаѣ представители Польши могутъ собраться только въ собраніи депутатовъ всѣхъ остальныхъ земель имперіи. Такой проектъ и былъ то, что рекомендовала Россіи «Liberté», — именно «потопленіе Польши въ свободѣ», т.-е. собственно не въ свободѣ, а въ централистическомъ парламентаризмѣ, въ родѣ того, какъ Познанъ потоплена въ рейхстагѣ германскомъ, какъ нѣмецкіе конституціоналисты-бюрократы и централисты въ родѣ Гербста и Гискры топили въ вѣнскомъ рейхсратѣ чеховъ и другихъ цислейтанскихъ не-нѣмцевъ. Что намъ дѣлать съ Польшей, на случай, если польскіе депутаты не пойдутъ въ нашъ проектированный въ Москвѣ рейхстагъ, какъ чехи, и оставятъ свою декларацію, или что станутъ дѣлать польскіе депутаты у насъ, если они, какъ познанскіе, пойдутъ въ рейхстагъ, но будутъ тамъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, — этого вопроса наши централисты не предложили себѣ. Вѣрные постоянному и вѣчному своему страху передъ всякимъ новымъ явленіемъ и всег-

¹⁾ Р. В., 1863, май.

данней своей заботѣ о сколько-возможномъ сохраненіи status quo въ Россіи, наши доктора Гербсты постарались за то о томъ, какъ бы проектированный парламентаризмъ имѣлъ какъ можно менѣе правъ, и для того они вспомнили, чего прежде съ ними не случалось, и о древней Руси и русскихъ преданіяхъ (пріемъ, встрѣченный не безъ злорадной ироніи славянофилами, которые жоздравляли московскихъ западниковъ и англومانовъ съ открытіемъ Россіи), и пожелали, чтобъ по правамъ и дѣйствіямъ новое русское представительное собраніе не отклонялось отъ древнихъ земскихъ соборовъ московскаго государства.

При существованіи такихъ соборовъ, въ которыхъ приняли бы участіе и депутаты отъ Польши, т.-е. въ буквальномъ смыслѣ парламентовъ—*говорилень*, поляки могли бы, по проекту московскихъ публицистовъ, жить прелюбополучно и какъ граждане государства и даже какъ народность. «Русскій Вѣстникъ» тогда еще довольствовался только парламентской централизаціей и говорилъ о Польшѣ и польской народности такъ: «Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ для Россіи и для Польши образомъ, если Польша откажется отъ тѣхъ притязаній, которыхъ ни въ какой мѣрѣ, ни подъ какимъ видомъ, Россія допустить не можетъ. Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полного соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управленіе, которое вполне удовлетворитъ всѣмъ законнымъ видамъ ея народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираться виды европейскихъ державъ, которымъ угодно теперь заниматься судьбою Польши. Польскій край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправленіе, быть обезпеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно въ административномъ отношеніи, Польша должна быть вѣрною частію Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политическаго представительства, то въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе, какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской исторіи»¹⁾.

¹⁾ Какъ еще неполно было открытіе Россіи московскими западниками, видно изъ того, что помѣщая въ томъ же № статью «Польша» изъ «Quarterly Review», редакция ревидъ, гдѣ была несогласна съ нею, заявила свое мнѣніе въ выноскѣ, въ особенности ударяя на то, что намъ надо брать примѣръ съ (тогдашней) Австріи и Пруссіи

Какъ и слѣдовало быть по естественному ходу вещей, — въ томъ, особенно для польскаго народа, большого горя и нѣтъ, — мысль объ умиротвореніи Польши посредствомъ завершенія системы маркиза Велепольскаго представительными учрежденіями в Польшѣ, была оставлена. вмѣстѣ съ тѣмъ была оставлена мысль и о русскомъ земскомъ соборѣ. Московскіе публицисты занялись разработкой другихъ средствъ объединенія Польши съ Россіею и постепенно развили систему мыслей объ административной централизаціи, а потомъ и о примѣненіи централизма и къ языку и народности въ Польшѣ, — въ совершенное противурѣчіе съ только-что выписанными выше словами ихъ, но въ совершенной послѣдовательности съ ихъ бюрократическими понятіями о народѣ и государствѣ. Между тѣмъ какъ событія заставили нашу администрацію раскрыть, по отношенію къ царству Польскому и западному краю, всю силу системы диктатуры и репрессалій и вмѣстѣ съ тѣмъ повели ее на путь реорганизаціи общественнаго строя въ западномъ краѣ и Польшѣ на началахъ народности и на поднятіи правъ и экономическаго положенія массы народа, — работа, которой смыслъ такъ хорошо разъяснили нашему обществу славянофилы, особенно петербургскіе, какъ г. Гильфердингъ, — публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» могли говорить съ сочувствіемъ изъ всѣхъ мѣръ нашей администраціи въ 1868—1864-мъ году только о репрессаліяхъ, которыя, конечно, содѣйствовали усмиренію возстанія, но вовсе не были рядомъ мѣръ къ реорганизаціи края, такой, которая бы сдѣлала невозможнымъ на будущее время повтореніе возстанія, а слѣдовательно и самыхъ репрессалій, всегда и для всякаго печальныхъ и всегда тормозящихъ развитіе и тѣхъ частей государства, на которыя они непосредственно и не распространяются.

Но какъ могли «Московскія Вѣдомости» одобрять мѣры нашего правительства по крестьянскому дѣлу въ западномъ краѣ и Польшѣ, когда они еще продолжали вести войну противъ примѣненія къ остальной Россіи даже великорусскаго Положенія 19-го февраля 1861-го года и называли его, въ спорѣ съ г. Ю. Самаринымъ, славянофильско-соціалистическимъ Положеніемъ,

въ политикѣ по отношенію къ Польшѣ, а слѣдующихъ словъ и не говоря: «за исключеніемъ двухъ религіозныхъ движеній 1768-го и 1789-го годовъ, возбужденныхъ, говорятъ, самою Екатериной, грубыя массы простолюдиновъ, изъ которыхъ собственно состоялъ польскій народъ, не обнаруживали ни малѣйшаго признака радости или горя», при раздѣлахъ Польши. Редакція не замѣтила, что эти «религіозныя» движенія были дѣломъ не польскаго, а русскаго населенія въ югозападной Руси и выражали именно «горе грубой массы простолюдиновъ» быть подъ властію польскихъ пановъ и католическихъ ксендзовъ-фанатиковъ.

хвалы г. Самарина на словѣ *наше* Положеніе? «Московскимъ Вѣдомостямъ» оставалось хвалить замѣну мировыхъ посредниковъ-поляковъ, какъ вообще всѣхъ чиновниковъ въ западномъ краѣ и Польшѣ, русскими, но и только: объ остальныхъ, самыхъ существенныхъ вещахъ въ дѣятельности тамъ правительства по устройству сельскаго населенія, «Московскимъ Вѣдомостямъ» оставалось только молчать. За то они съ усердіемъ говорили о тѣхъ вѣщахъ къ реорганизаціи западной Россіи, которыя подходили подъ ихъ основной бюрократически-аристократическій идеалъ государства. Въ западномъ краѣ и даже въ Польшѣ они хлопотали о замѣнѣ польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ русскими, ставя на второй планъ вопросъ, въ какія же отношенія станутъ эти чиновники и особенно эти помѣщики къ коренному населенію, хотя бы и русскому? Понятно, почему «охранительные русскіе элементы» въ западномъ краѣ, которые собирались на выгодныхъ условіяхъ приобрести имѣнія въ западномъ краѣ и которые вѣдали въ «Вѣсти» сначала жаловались, что ихъ не «любятъ въ ополченномъ краѣ», а наконецъ вошли въ открытый союзъ съ поляками въ борьбѣ съ «босоногими патріотами», съ «коммунизмомъ мировыхъ учреждений» и т. д.—почему они еще не разрывали своего союза съ московскими публицистами, — патріотами, — но не «носившими фригійской шапки подъ мурмошкой», какъ говорили они о славянофилахъ.

Продолжая полемику съ послѣдними по вопросамъ, связаннымъ съ Положеніемъ 19-го февраля, патріоты «Московскихъ Вѣдомостей» вели съ ними и другую по вопросу объ организаціи Польши. Славянофилы гордились тѣмъ, что Александръ I воскресилъ имя Польши, а Александръ II польскій народъ, всѣчески старались провести разницу между отношеніями Россіи къ полякамъ и отношеніями къ ней Пруссіи. «Московскія Вѣдомости» видѣли главную ошибку въ политикѣ Александра I относительно Польши вовсе не то, что онъ видѣлъ въ Польшѣ и даже въ западной Россіи только аристократію, а не народъ. Послѣдній былъ впрочемъ пропущенъ и Карамзинымъ, который, говоря противъ мысли Александра I возстановить подъ своею властью Польшу въ границахъ 1772-го года, ссылается и на права оружія, вспоминаетъ и Владиміра святого и Мономаховичей и Изяславичей, а забылъ только самое главное, — это народъ въ западномъ краѣ и до сихъ поръ такой же непольскій, а русскій, какимъ былъ еще и до Мономаховичей и Изяславичей. «Московскія же Вѣдомости» напали только на то, что императоръ Александръ I включилъ въ царство польское русскій холмскій край и латвскую Августовскую губернію, допустилъ польскому об-

разованію распространиться по всей области сѣверозападнаго югозападнаго края и даже готовъ былъ включить и эти края въ образованное имъ царство польское; онѣ осуждали не то, что он допустилъ обезземеливаніе крестьянъ въ этомъ царствѣ, — а именн то, что, занявъ въ 1813-мъ году герцогство варшавское, преобразовалъ его въ 1815-мъ году въ царство польское. Не будь этотъ «воскресенія имени Польши», присоедини Александръ I герцогство варшавское такъ точно, какъ Смоленская губернія была присоединена Алексѣемъ Михайловичемъ, или хотъ какъ Познанъ пруссавами, не было бы, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей» и польскаго вопроса: сѣверозападный и югозападный край обрусѣли бы въ таковой же мѣрѣ, какъ обрусѣла Смоленская губернія а варшавское герцогство въ таковой, въ какой германизированъ Познанъ.

Называя политику Александра I почему-то славянофильскою, «Московскія Вѣдомости» предостерегали Россію отъ повторенія ея гибельныхъ ошибокъ и совѣтовали исправить ея послѣдствія обращеніемъ въ примѣру не подражавшихъ Александру I, а напротивъ предостерегавшихъ его — Австріи и Пруссіи, особенно послѣдней. Въ подражаніе Пруссіи «Московскія Вѣдомости» совѣтовали озаботиться увеличеніемъ русскихъ майоратовъ въ царствѣ польскомъ и вообще о привлеченіи туда русскихъ землевладѣльцевъ и укрѣпленіи тамъ, посредствомъ поземельной собственности, русскихъ чиновниковъ, о полной централизаціи управленія царствомъ польскимъ, объ исключительномъ употребленіи тамъ русскаго языка въ официальной жизни и въ обученіи, хотъ и тутъ московскіе публицисты перешли черезъ нѣсколько ступеней, какъ и по вопросу объ административной централизаціи: когда обнародованъ былъ рескриптъ о народномъ образованіи въ Польшѣ въ 1864-мъ году, «Московскія Вѣдомости» не возражали противъ обученія на польскомъ, какъ и на другихъ народныхъ языкахъ населенія въ Польшѣ, не говорили, что все преподаваніе въ школахъ и предполагавшейся еѣ преобразованію въ университетъ варшавской главной школѣ должно идти исключительно на русскомъ языкѣ, а только желали больше правъ русскому языку, какъ языку государственному, въ школахъ Польши, желали, чтобъ и русскія каѳедры существовали въ будущемъ варшавскомъ университетѣ. Только послѣ, когда совершилась новая реформа въ школахъ Польши и въ варшавскомъ университетѣ только русскій языкъ и сталъ языкомъ преподаванія, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» нашли всѣ эти отступленія отъ принциповъ рескрипта 1864-го года въ высшей степени политически-мудрыми, но при этомъ все-таки

заявляя, что вовсе не идетъ рѣчь объ «обрусеніи» Польши и уничтоженіи польской народности, а только о созданіи «русской государственной національности».

«Московскія Вѣдомости» отправились отъ безспорнаго положенія, что «Россія не Данія», что у нея нельзя безнаказанно покушаться оторвать часть государственной территоріи, что она не можетъ допустить вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, что въ иностранной политикѣ не должно быть рѣчи о польскомъ вопросѣ, какъ нѣтъ ея объ ирландскомъ, эльзасскомъ, познанскомъ, галицко-польскомъ и т. д., — что вопросъ польскій есть внутренній вопросъ. Но затѣмъ онѣ провели сравненіе Россіи съ Франціей и Пруссіей далѣе, чѣмъ требовала суть дѣла и по французскимъ и по прусскимъ образцамъ, и вовсе не изъ реальныхъ условій русской государственной жизни и потребностей русской земли и ея населеній, развили цѣлую систему государственнаго и національнаго централизма. Попробовавъ силу этой системы на польскомъ вопросѣ, «Московскія Вѣдомости» прошли всю русскую имперію и всюду усмотрѣли «сепаратизмъ», требующій подавленія, всюду нашли область для перерусенія, друсенія и обрусенія и притомъ государственными мѣрами. Такъ усмотрѣнъ былъ послѣ польскаго сепаратизма литовскій, малорусскій, бѣлорусскій, бессарабскій, грузинскій, армянскій, остзейскій, даже донской и казанскій; даже Финляндія, въ которой шведскій элементъ хотя и не очень симпатизируетъ Россіи, но держитъ себя строго легально и смиренно, а финскій считаетъ связь съ Россіей за условіе своего развитія (см. очень интересное и характеристичное письмо финнофила въ славянофиламъ въ «Днѣ» 1863 г.), и гдѣ обрусеніе не имѣетъ вовсе никакихъ поводовъ на введеніе и никакихъ шансовъ на успѣхъ, потерпѣла укоры за свое отдѣльное управленіе. Какая «огромная олека» задавалась этими доктринерами централизма нашему государству и администраціи и обществу средней Россіи, которая одна только, послѣ пробы всѣмъ другимъ частямъ европейской Россіи, осталась внѣ подозрѣнія въ сепаратизмъ и не требующей перерусенія! А государственной власти и такъ не мало работы въ столь огромномъ государствѣ и притомъ столь запоздавшемъ съ рѣшеніемъ почти всѣхъ соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ, имѣющемъ столь слабо развитое въ массахъ образованіе; — капиталы, люди, образованіе такъ нужны для русскаго общества самого; средняя Россія сама далеко не изобилуетъ избыткомъ ни капиталовъ, ни людей, ни образованія, — а между тѣмъ ея населенію говорить: встань, — иди и руси края, самые отдаленные, земли,

часто и даже почти всегда, гораздо гуще населенныя, въ промышленномъ и культурномъ отношеніи иногда гораздо болѣе развитыя, народности часто очень упорныя.

Дѣйствительно, Россія имѣетъ на окраинахъ населенія и русскія, во многихъ мѣстахъ на этихъ окраинахъ дѣла пришли въ весьма трудное и опасное для государства положеніе и требуютъ мѣръ для болѣе удобнаго исхода, требуютъ зоркаго вниманія со стороны правительства и самодѣятельности со стороны общества. Уже и славянофильская программа: поднимать экономическое состояніе коренныхъ массъ народа на окраинахъ нашихъ, пробуждать въ нихъ національное самосознаніе и такимъ образомъ привязывать ихъ къ русскому государству и народу — программа, которая указываетъ намъ самими коренными населеніями окраинъ и потому уже болѣе естественная и легкая и та требуетъ не мало труда, и та отвлекаетъ общество внутренней Россіи отъ своихъ дѣлъ, требующихъ тоже не мало работы. Но эта программа все-таки естественнѣе, увлекательнѣе, потому что совпадаетъ съ самыми лучшими идеями нашего вѣка, — а потому она и легче для исполненія и скорѣе можетъ увлечь общество, поддержать нравственную силу русскаго дѣятеля на окраинѣ. Другое дѣло — механическая теорія государственнаго и національнаго централизма, по которой нужно всюду истреблять сепаратизмъ, все сравнивать, все русить, преимущественно силами чиновничества и администраціи, при полномъ недоувѣреніи въ мѣстными силами и населеніями, при страхѣ, какъ бы вмѣсто польскаго сепаратизма не возникъ литовскій или малорусскій, вмѣсто нѣмецкаго — латышскій и эстскій, вмѣсто шведскаго — финскій, или какъ бы различные сепаратизмы не вошли между собою въ сдѣлки, какъ бы сами обрусители не стали безсознательными орудіями какой-нибудь интриги, какъ бы окраины не воспользовались для укрѣпленія своего сепаратизма всякимъ шагомъ впередъ середины государства по части общественнаго развитія и наоборотъ, какъ бы радикальные приемы обрусенія окраинъ не распространились и на середину государства! Эта теорія имѣетъ въ себѣ что-то сухое и отталкивающее, работа, ею заданная, приводитъ человѣка, администрацію и общество въ какой-то безконечный лабиринтъ или скорѣе заколдованный лѣсъ, наполненный призраками интриги, вражды, сепаратизма... И если наконецъ окраины могутъ воскликнуть съ озлобленіемъ: да что мы за объектъ для экспериментовъ перерусенія, дорусенія и обрусенія?! — то и самое населеніе центральной Руси можетъ тоже съ отчаяніемъ спросить: да за что же мы поступили въ кабалу обрусенія? не ужъ-то намъ уже и работы нѣтъ,

как русить, дорусивать и перерусивать окраины, которые, если сложить вмѣстѣ, то почти сравняются по величинѣ съ нашей землею? гдѣ же конецъ этой сизифовой работѣ, ради которой мы бросаемъ свои собственныя дѣла и осуждены на замедленіе нашего собственнаго развитія?

До извѣстной степени мы уже дожили до такого отношенія къ вопросу объ окраинахъ: по крайней мѣрѣ добрая доля русской печати, особенно петербургской, — (почти всѣ толстые журналы наши, наиболѣе распространенные), отличаются именно такимъ невниманіемъ къ вопросу объ обрусеніи окраинъ и даже явно враждебны ко всякимъ толкамъ объ окраинахъ. Коли хотите, это по настоящему и есть наша *ультрарусская* партія, довольно многочисленная среди образованныхъ людей въ столицахъ и въ Великой Россіи; этотъ новый родъ «великорусскихъ сепаратистовъ» говоритъ: да Богъ съ ними, съ этими окраинами и съ этимъ обрусеніемъ; насъ, несомнѣнныхъ русскихъ на несомнѣнной русской землѣ все-таки 30—40 миліоновъ, будемъ заниматься своими дѣлами, а окраины пусть живутъ какъ хотятъ! Конечно, останься эти «ультрарусскіе» безъ Риги и Варшавы, и чего добраго безъ Вильно и Кіева, они бы почувствовали себя не совсѣмъ ловко, и хорошенько пораздумавъ, они и теперь увидятъ, какъ тѣсно связаны нравственные и экономическіе интересы середины Россіи съ судьбою ея окраинъ и даже отчасти съ судьбою лежащихъ и дальше нашихъ границъ странъ прикарпатскихъ и придунайскихъ. Но этотъ ультрарусскій сепаратизмъ людей середины Россіи совершенно понятенъ и естественъ какъ реакція направленію, которое заботится такъ мало объ обрусеніи и перерусеніи племенъ, населяющихъ наши окраины и печется съ меньшей ловкостью о славянскихъ, румынскихъ, греческихъ дѣлахъ, видя собственное отечество въ большомъ еще нестроеніи и даже тормозя его устройство воззваніемъ къ жизни устарѣлыхъ идей и учреждений.

Что касается до окраинъ самихъ, то въ нерусскихъ слояхъ ихъ населеній конечно не укрѣпляется симпатія къ намъ въ виду тѣхъ мѣръ и идей, которыхъ требуютъ и высказываютъ наши обрусители. Судя по жалобамъ бѣлоруссовъ въ свое время въ «Днѣ» можно видѣть, что даже въ русскихъ слояхъ дѣятельность перерусенія и дорусенія не возбуждаетъ большихъ симпатій въ мѣстныхъ образованныхъ людяхъ. Что касается до Польши, Литвы, прибалтійскихъ краевъ, Финляндіи и Закавказья, то очень настойчивое проведеніе централизаціи и обрусенія можетъ возбудить наконецъ настолько сильное нерасположеніе къ намъ мѣстнаго населенія, что, — особенно при несовсѣмъ благоприят-

ныхъ намъ международныхъ обстоятельствахъ, — право, положеніе наше, при всемъ численномъ превосходствѣ русскаго племени надъ другими народностями въ имперіи, станетъ не только далеко не пріятнымъ, но и не совсѣмъ безопаснымъ. О Польшѣ можно сказать самымъ положительнымъ образомъ, что отношенія въ намъ тамошняго населенія съ 1863—1864 гг. не только не улучшились, а ухудшились. А въ виду этого и вслѣдствіе признанія невозможности въ осуществленію задачи, которой мы задались по отношенію къ Польшѣ въ послѣдніе годы, у тамошнихъ русскихъ дѣятелей не могъ не упасть духъ и вѣра въ свое дѣло.

ХІІ.

Указавъ на неизбѣжныя послѣдствія задачи, возложенной нами на себя не вслѣдствіе реальной необходимости, не соотвѣтственно условіямъ нашей общественной и государственной жизни, а единственно вслѣдствіе доктринерства и по совершенно иностраннымъ образцамъ, выскажемъ въ заключеніе собственный нашъ взглядъ на то, какую желательно встрѣтить политику Россіи на окраинахъ.

Россія не Данія, — говорилось у насъ сначала, Россія и не Австрія, заговорили потомъ, въ отвѣтъ на соображенія, которыя заставляли императора Александра I-го согласиться на устройство отдѣльнаго управленія для Польши и Финляндіи, и въ виду преобразованія Австріи на началахъ дуализма. Все это совершенно вѣрно. Но Россія, надо же сказать, и не Франція и не Пруссія. Даже система диктатуры, господствовавшая въ Польшѣ съ 1831—1856 г., имѣла гораздо больше резона, чѣмъ обрусеніе Польши, потому что гораздо больше вытекала изъ реальныхъ условій, а не изъ подражанія и доктринерства. «Люди бунтуютъ, люди склонны бунтовать», — думала это нехитрая система, — надо значить смотрѣть въ оба, держать на готовѣ кару, — и чуть зашевелится, — прихлопнуть!... Но когда разъ мы задались мыслью, что вѣчно стоять съ поднятой палкой непріятно и неудобно и для насъ, когда сообразили, что полицейская диктатура есть явленіе исключительное, а не нормальное, надо же было изыскать средства реорганизации страны и упроченія нашего тамъ сообразно и реальному положенію дѣлъ, и нашимъ силамъ и потребностямъ самой страны.

Начало такой раціональной, вполне обезпечивающей интересы нашего государства, соотвѣтственной съ нашими средствами

и въ то же время вполне согласной съ справедливостью и лучшими и сильнѣйшими идеями нашего вѣка, системѣ реорганизации нашихъ окраинъ положено было политикой нашего правительства въ западномъ краѣ и Польшѣ въ 1863—1864 гг. Система эта, вполне ясно изложенная тогда славянофильскими писателями, состояла въ поднятіи на окраинахъ коренныхъ народностей, въ уваженіи къ каждой коренной народности въ ея предѣлахъ, въ помощи массамъ каждой народности въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, словомъ, въ системѣ привлеченія симпатій всѣхъ массъ населенія на окраинахъ мѣрами, ведущими къ матеріальному и нравственному развитію ихъ сообразно ихъ нуждамъ и характеру. Такъ нѣтъ, — система эта показала что-то слишкомъ ужъ необычной и новой. Надо было поискать уже испытанныхъ путей, — и мы пошли за образцами во Францію и въ Пруссію.

А между тѣмъ Россія совсѣмъ не Франція и еще менѣе Пруссія. Начать съ того, что въ одной европейской Россіи съ Кавказомъ можетъ помѣститься десять Францій и Германій. Если вопросъ о децентрализаци и самоуправленіи общинъ и областей сталъ насущнымъ вопросомъ для маленькихъ, сравнительно съ Россіей, европейскихъ государствъ, то тѣмъ паче онъ насущенъ для Россіи. Между тѣмъ система обрусенія и дорусенія окраинъ, — и притомъ занимающихъ столь большія пространства, какъ Финляндія, прибалтійскія губерніи, Литва, Польша, Кавказъ, не считая западно-русскихъ областей и Бессарабіи, — необходимо сопряжена на каждомъ шагу и всюду съ централизацией и бюрократическимъ управленіемъ, которыя при гораздо меньшихъ пространствахъ, при большей специальной подготовкѣ бюрократіи, при большемъ наконецъ богатствѣ населеній, доказали уже свою несостоятельность и дороговизну.

Затѣмъ, Россія сложилась вовсе не такъ, какъ Франція или Пруссія, и русскія области и народъ находятся не въ тѣхъ этнографическихъ, культурныхъ и численныхъ отношеніяхъ къ нерусскимъ землямъ и населеніямъ окраинъ и прилегающихъ къ нашимъ границамъ областей, въ какихъ находилась Франція къ Эльзасу, Пруссія къ Познани и Силезіи. Во-первыхъ, обѣ эти страны съ старою культурою. Мы видѣли, что французскій языкъ, напр., распространяется самъ собою даже за предѣлы французскаго государства, и въ самомъ Эльзасѣ распространялся при помощи самихъ же эльзасцевъ. Изъ нѣмецкой Пруссіи распространялась на востокъ нѣмецкая колонизація и притомъ самая дѣятельная, городская, уже давно, — такъ что, напр., страна отъ Данцига къ Торну, столь важная для соединенія восточной

Пруссія съ западной и Бранденбургомъ, была уже германизирована еще во время существованія польскаго королевства. Франція передъ Эльзасомъ, Пруссія передъ отобранными у поляковъ землями не имѣютъ такой полосы, какъ нашъ западный край, не имѣютъ такого наслоенія народностей (изъ коихъ обѣ отличны отъ центральной), какъ мы имѣемъ въ Литвѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи, не говоря уже о смѣси народовъ въ Закавказьи. При томъ же Пруссія имѣетъ себѣ въ поддержку твердое для всякаго нѣмца убѣжденіе, что славяны надо тѣснить, какъ низшую расу, какъ можно дальше на востокъ (въ Эльзасѣ сами нѣмцы въ прежнее время считали французскую народность за вышшую и добровольно усвоили ее). Принявъ подъ свою власть польскія провинціи, Пруссія позаботилась конечно ослабить зависимость крѣстьянъ отъ помѣщиковъ, но очень принимать къ сердцу интересы этихъ польскихъ массъ ей было нечего: для нея показалось важнѣе привлечь къ себѣ евреевъ, замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ нѣмецкими, подвинуть впередъ нѣмецкое бюргерство. Гдѣ же мы возьмемъ достаточное число русскихъ землевладѣльцевъ на всѣ окраины? гдѣ наше мѣщанство и купечество, готовое двинуться на западъ? Рѣшимся ли мы позаботиться болѣе объ интересахъ еврей въ Польшѣ и западномъ краѣ, чѣмъ объ интересахъ коренного тамошняго населенія? Да наконецъ, точно ли такъ ужъ велики успѣхи Франціи и Пруссіи на ихъ восточныхъ окраинахъ, куда привела Францію ея пресловутая централизація? Послѣднія рѣчи кн. Бисмарка по польскимъ дѣламъ обличаютъ ничтожность успѣховъ онѣмеченія Познани.

Наше государство иначе складывалось, чѣмъ Франція и Пруссія и иначе сложилось, иныя имѣетъ задачи, иныхъ требуетъ и средствъ для управленія и объединенія. Главную массу населенія и у насъ составляетъ преобладающее племя, русское, какъ тамъ французское и нѣмецкое. Но русское племя само объединено всего 100 лѣтъ назадъ, общая русская литература, сколько-нибудь живая, можетъ почитаться только съ Карамзинскаго времени, т. е. не имѣетъ отъ роду и ста лѣтъ; русская народность еще сама продолжаетъ складываться процессомъ ассимиляціи. На пути своего расширенія русское государство приняло въ себя различныя области и племена, изъ коихъ иныя были гуще населены, и больше образованы, чѣмъ коренныя; многія добровольно присоединились къ русскому государству, ища въ немъ защиты отъ чужеземцевъ. Фактъ добровольнаго присоединенія имѣлъ мѣсто даже тамъ, гдѣ было отчасти и завоеваніе, напр., въ прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и даже въ занятіи

герцогства варшавскаго. По всѣмъ этимъ причинамъ Россія не могла поступать во многихъ областяхъ, какъ Франція или Пруссія на восточныхъ окраинахъ, т.-е. примѣнять безусловно право завоеванія, — а должна была или вступать въ болѣе или менѣе договорныя отношенія, или во всякомъ случаѣ терпѣть многія изъ частныхъ особенностей общественнаго строя этихъ земель, даже рѣзко отклонявшіяся отъ ея бытового строя. Теперь хорошо громить эти старыя уступки, находить въ нихъ ошибочныя дѣйствія; а посмотрѣли бы мы, какъ бы еще овладѣла Россія столькими окраинами, какъ бы удержала ихъ, не дѣлая уступокъ, не привлекая къ себѣ симпатіи то тѣхъ, то другихъ слоевъ населенія, часто тѣхъ, которые, какъ, напр., поляки въ западномъ краѣ, нѣмцы въ остзейскомъ, имѣли и несправедливыя привилегіи. Точно ли бы наши предки показали политическую мудрость, еслибы примѣняли ко всѣмъ приобрѣтаемымъ землямъ безусловное право завоеванія, приемы Людовика XIV-го, конвента и прусскихъ Фридриховъ?

Конечно, должно же наступить время повѣрки старыхъ кондцій, и устраненіе лишнихъ граней, большаго объединенія государства, — но надо опасаться, чтобъ не вырвать и живое вмѣстѣ съ обветшавшимъ, чтобъ не смѣшать единство и согласіе съ безразличіемъ и вынужденнымъ безмолвіемъ, скрывающимъ антипатію и озлобленіе.

Да, съ какой стороны ни возьмемъ, Россія — не Пруссія и нечего ей брать у послѣдней уроки политики въ отношеніи въ разнымъ національностямъ. Съ какой стороны ни возьмемъ, вопросъ о децентрализаціи и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный вопросъ для Россіи. Конечно, Россія и не Австрія. Австрійскіе дуализмы, федерализмы съ ихъ сложной системой областныхъ намѣстничествъ, министерствъ, делегацій, со множествомъ центровъ, которые могутъ высасывать жизнь изъ областей еще лучше самой Вѣны, съ раздѣленіемъ на коронныя области, изъ коихъ въ каждой господствующія партіи могутъ эксплуатировать страну и населеніе, народности давить одна другую, — австрійскіе идеалы устройства областей и народовъ вовсе непримѣнимы къ Россіи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Но дѣло въ томъ, что сложность австрійской политической и административной машины и есть результатъ взаимнаго недовѣрія областей и народностей, изъ коихъ каждая хочетъ получить знакъ признанія ее полноправной, каждая боится подавленія ея и эксплуатации, — и именно для того, чтобъ сдѣлать невозможными въ Россіи стремленія, сколько-нибудь похожія на австрійскій федерализмъ, и надо из-

бѣгать излишней централизаціи и усердія въ стиранію всѣхъ мѣстныхъ особенностей населенія нашего обширнаго государства. А за единство, — при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ границъ внутри, имѣя болѣе 50-ти мил. русскаго племени, обещивъ симпатію массъ на окраинахъ, — бояться нечего. Только росла нравственная и матеріальная сила корени русскаго государства, — русскаго народа, только бы русскій человѣкъ дѣствительно приносилъ на окраины порядокъ, благосостояніе свѣтъ! Такъ и будемъ же заботиться главнымъ образомъ о матеріальномъ и нравственномъ развитіи коренного племени и другихъ, — *а сія вся приложатся намъ!*

Странность нашего положенія въ Польшѣ и неосуществимость тамъ обрусенія становится еще болѣе видною, если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ самомъ западномъ краѣ мы вовсе не двигаемся впередъ въ послѣдніе годы. А и Польша прочно занять мы могли бы только изъ западнаго края. И здѣсь въ этомъ ужъ по большей части русскомъ, «только ополяченномъ краѣ», самое существенное, и единственно существенное сдѣлано въ 1863—1865-мъ годахъ, т.-е. крестьянское дѣло, которое въ послѣдніе годы ползетъ съ удивительной медленностью и даже подвергается страннымъ колебаніямъ. Чтобъ довершить тамъ съ нравственной стороны поднятіе коренного русскаго и литовскаго населенія, необходима была широкая система народнаго образованія; для того, чтобъ населеніе могло освободиться отъ эксплуатаціи евреевъ, необходимо было ремесленное образованіе; кромѣ того, устройство школъ должно было имѣть въ виду разнообразіе въ религіозномъ отношеніи населенія, преимущественно сѣверозападнаго края и соединить православныхъ, католиковъ, евреевъ въ одинъ русскій народъ, несмотря на религіозныя различія. Между тѣмъ устройство школьной части въ западномъ краѣ, какъ нарочно, шло наперекоръ всѣмъ этимъ соображеніямъ. И причиною тому была тоже реакціонная волна, то же доктринерство, о которомъ мы говорили. Когда, въ 1863-мъ году, открывались школы народныя въ сѣверо-западномъ краѣ, заложена была Молодечненская учительская семинарія и временная педагогическая школа въ Кіевѣ, «Московскія Вѣдомости», поддержанныя на этотъ разъ и «Днемъ», агитировали въ пользу если не исключительнаго, то преимущественнаго предоставленія народнаго образованія не министерству народнаго просвѣщенія, а духовному вѣдомству, поражали «антагонизмъ» этихъ двухъ вѣдомствъ, особенно въ кіевскомъ округѣ, отрицали самую мысль о необходимости школъ для приготовленія особыхъ, кромѣ духовенства, учителей и дожили наконецъ до закрытія школы пе-

дагогической въ Кіевѣ и до положенія, по которому сельская школа вѣдомства министерства народнаго образованія можетъ быть открыта только съ согласія епархіальнаго начальства. Московскія газеты руководствовались чисто доктринерскими соображеніями: онѣ говорили, что народное образованіе должно быть основано на религіозной и нравственной основѣ, — чего никто и не отрицалъ; но никто не можетъ утверждать, чтобъ и министерство народнаго просвѣщенія не было въ состояніи устроить религіозно-нравственную сторону школъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтское вѣдомство не дало школамъ односторонняго вѣроисповѣднаго характера въ разнѣмнѣмъ краѣ, и могло бы лучше устроить учебную часть и особенно ремесленное образованіе, тѣмъ православныя епархіальныя начальства.

«Московскія Вѣдомости», которыя современемъ спохватились, куда завело насъ отсутствіе специально приготовленнаго состава учителей въ особыхъ школахъ, открытію которыхъ онѣ нѣкогда такъ горячо сопротивлялись, — замѣтивъ, что Россія отстала по народному образованію даже отъ Турціи, оправдывались, — что «прежде, т.-е. въ министерство г. Головкина, была опасность, что нигилизмъ проникнетъ и въ педагогическія школы, теперь же опасность эта миновала». Въ свое время «Московскія Вѣдомости» говорили что борьба (!) за школы въ западномъ краѣ между духовнымъ вѣдомствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія есть борьба церкви, начала свободы, и государства, начала регламентаціи» (!!!). «День» признавалъ несовершенство въ дѣятельности лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, но боялся и учебнаго вѣдомства, говоря, что и то — зло, и то — зло, но первое родное, а второе — (бюрократія) заимствованное, нѣмецкое. Если все это, начиная отъ страха нигилизма въ педагогическихъ школахъ, не самое фразерное доктринерство, то мы ужъ и не знаемъ, что же такое фразерство и доктринерство! А между тѣмъ на этихъ пустѣйшихъ фразахъ была основана вся агитація, результатомъ коей было замедленіе въ открытіи школъ, закрытіе на нѣсколько лѣтъ педагогической семинаріи въ Кіевѣ, то, что до 200 тысячъ денегъ, назначенныхъ на народное образованіе, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставались неизрасходованными и т. п. и вообще все дѣло народнаго образованія, даже элементарнаго (о ремесленномъ и говорить нечего) въ Россіи вообще, а въ западномъ краѣ, не имѣющемъ земскихъ учреждений и училищныхъ совѣтовъ, тѣмъ паче, съ 1864 года подвинулось чрезвычайно мало и до сихъ поръ.

Въ этомъ отношеніи мало помогли и новыя положенія, из-

данныя въ 1869-мъ году, ибо и по этимъ положеніямъ открытіе народной школы обусловлено согласіемъ епархіальнаго начальства, которое во многихъ мѣстахъ просто отказывается въ этомъ согласіи, несмотря на приговоры сельскихъ обществъ. Желаніи ими имѣть школу и о назначеніи на то особаго сбора. Если же въ сѣверозападномъ краѣ и открыто извѣстно число школъ народныхъ, то онѣ имѣютъ исключительно вѣроисповѣдный характеръ, и не могутъ имѣть того сближающаго вліянія, какое такъ необходимо въ томъ краѣ для государственной пользы.

Такимъ образомъ, самое существенное дѣло по обрусенію западнаго края,—т. е., матеріальное и нравственное поднятіе тамошнихъ коренныхъ, по большей части русскихъ слоевъ населенія, съ 1864-го года подвинулось мало и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе стало тормозиться общими неблагопріятными движенію впередъ условіями русской жизни и неосновательными страхами, въ возбужденіи которыхъ наша *soi-disant* охранительная печать съ 1862-го года играла не малую роль.

Эти же страхи, равно какъ и общія правила, регламентирующія жизнь нашихъ провинцій, составляютъ причину, почему русское, и благопріятное русскимъ интересамъ общественное мнѣніе на нашихъ окраинахъ, вовсе не организовано. Мы говоримъ объ отсутствіи во всѣхъ ихъ, и даже въ Вильнѣ и Киевѣ, прочихъ независимыхъ русскихъ органовъ, или (въ Варшавѣ, Ригѣ и др.) благопріятныхъ Россіи органовъ печати на мѣстныхъ языкахъ. Что главное препятствіе тому подцензурное состояніе провинціальной печати,—объ этомъ и говорить нечего. Теперешнія газеты въ Вильнѣ и Киевѣ получаютъ субсидію и, или представляютъ отголосокъ администраціи, или, что еще страннѣе, официальную полувывысказанную оппозицію официальному направленію администраціи. Что же, напр., до органовъ въ остзейскомъ краѣ, которые бы могли на нѣмецкомъ ли, или на эстскомъ и латышскомъ языкахъ распространять въ населеніи идеи болѣе здравыя чѣмъ тѣ, которыя распространяютъ тамошнія нѣмецкія изданія теперь, то мы видимъ еще болѣе странное явленіе: нашими же руками заставляютъ молчать благопріятствующихъ намъ младо-латышей и младо-эстовъ. Право, вмѣсто всякихъ субсидій и полуофициальныхъ изданій, слѣдуетъ распространить на всѣ окраины хоть ту степень свободы печати, какая недавно была допущена для Москвы и Петербурга: весьма можетъ быть, что печать въ Киевѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Варшавѣ заговоритъ и не вполне хвалебнымъ голосомъ, но одна

словами доктора Панглоса, но за то навѣрно органы коренныхъ населеній всюду стануть доказывать пользу живой связи окраинъ съ остальною Россіей,—если же оппозиція извѣстныхъ слоевъ и станетъ рѣзче и открытою изъ глухой, то и это скорѣе выигрышь, чѣмъ проигрышь. Теперь же мы въ стыду нашему должны сознаться, что органы печати русской даже въ сѣверозападномъ краѣ живутъ только казенной поддержкой и слѣдовательно мѣнѣе прочны, чѣмъ, напр., русскіе органы въ Галиціи подъ гнетомъ польской администраціи и при недовѣріи австрійскаго правительства, что русская печать на окраинахъ есть только увѣличеніе расхода на администрацію.

Впрочемъ, мы были бы вовсе несправедливы, если бы указывали только вредныя послѣдствія сильнаго вліянія на Россію и западный край консервативно-централистическаго доктринерства. Централизмъ, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, все же уравниваетъ права,—и разъясняетъ ненормальности въ родѣ тѣхъ, что русскій человѣкъ потому только, что онъ русскій, не имѣетъ, напр., всей полноты правъ въ остзейскомъ краѣ или въ Финляндіи, тогда какъ тамошній гражданинъ всюду въ Россіи пользуются правами, одинаковыми съ русскимъ. Кромѣ того, государственное доктринерство чуждо узкости вѣроисповѣдной. «Московскимъ Вѣдомостямъ» надо поставить въ положительную заслугу, что онѣ, погорячившись въ свой пай на такія темы, какъ закрытіе костеловъ, предоставленіе образованія народнаго православному духовенству, рано спохватились, что вѣроисповѣдная узкость политики находится въ прямой противоположности съ интересами государства и агитировали противъ смѣшенія понятій «русскій» и «православный», указывали, что государство должно имѣть въ виду, чтобы и католикъ, и протестантъ, и еврей въ Россіи чувствовали себя и считались русскими. «Московскія Вѣдомости» поддерживали введеніе преподаванія католическаго богословія въ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, дѣйствовали въ пользу снятія запрещенія иновѣрцамъ употреблять въ проповѣди и богослуженіи русскій языкъ, указывали на странность такого явленія, что православный синодъ цензировалъ русскій переводъ Пятовнижія для евреевъ, котораго десять лѣтъ наша цензура не допускала въ Россію изъ Берлина и т. д.

Правда, на этихъ вопросахъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» пришлось столкнуться съ имъ же отчасти поддержаннымъ «виленскимъ клерикализмомъ», въ сожалѣнію имѣющимъ корни не въ одной только Вильнѣ,—и этому клерикализму удалось повлі-

ять на составленіе до того сложной процедуры введенія русскаго языка въ богослуженіе иновѣрцевъ (т.-е. собственно пока католиковъ, потому что у протестантовъ даже въ гимназіяхъ богословіе всюду въ западномъ краѣ читается по-нѣмецки), како не могла, бы выдумать сама по себѣ самая хитрая «польская интрига». Правда и то, что съ признаніемъ русскаго католицизма мы попадаемъ въ новое противорѣчіе съ исключеніемъ католиковъ изъ службы въ западномъ краѣ, съ ограниченіемъ числа студентовъ-католиковъ въ университетахъ, — мѣра неизвѣстно для чего и для кого выгодная, но только не для обрусенія и не для разбитія у католиковъ западнаго края ложныхъ понятій историческихъ и иныхъ—и вообще ограниченіемъ имущественныхъ и личныхъ правъ всѣхъ католиковъ безъ изъятія (кромѣ, конечно, иностранныхъ подданныхъ).

Такимъ образомъ, за немногими исключеніями, почти по всѣмъ пунктамъ политики относительно западнаго края мы видимъ въ послѣднее время или замедленіе или заколдованные круги и глухіе концы. Если о положеніи нашемъ въ Польшѣ въ послѣдніе годы можно сказать, что мы потеряли почву и вѣру въ себя, взявшись за невозможную къ выполненію задачу, — то въ западномъ краѣ потеряли всякую руководящую нить дѣйствій...

А между тѣмъ, покуда мы такъ запутывались въ собственныхъ противорѣчіяхъ и задавались странными задачами въ царствѣ польскомъ и на всѣхъ окраинахъ нашего государства, — обстоятельства съ странами съ ними пограничныхъ сильно измѣнились не въ нашу пользу и особенно не въ пользу взятыхъ нами на себя на окраинахъ нашихъ задачъ. Хуже всего, что измѣненія эти совершались такъ постепенно, что мы даже не замѣчали ихъ послѣдствій, и на первыхъ порахъ даже еще болѣе укрѣплялись въ мысли о необходимости обрусенія всякихъ племенъ нашихъ и о превосходномъ состояніи нашихъ порядковъ. Воспользовавшись взаимнымъ недоверіемъ великихъ державъ, послѣдовавшимъ за неудачнымъ дипломатическимъ походомъ противъ насъ изъ-за Польши, воспользовавшись тѣмъ, что мы признали наши интересы относительно Польши солидарными съ прусскими, прусскіе политики задумали не пропустить случая превратить свое государство въ германскую имперію. Послѣдовала датская война, потомъ австрійская. Результатомъ второй было изгнаніе Австріи изъ Германіи и дуализмъ, или лучше сказать тройственность въ Австріи. Бейсть и К^о рѣшились основать вѣрность Австріи на трехъ нерасположенныхъ къ Россіи элементахъ: нѣмцахъ, венграхъ и полякахъ, которые всегда были плохими славяна-

ни въ политикѣ, а на этотъ разъ, за обѣщанія поддержки противъ Россіи и за предоставленіе ихъ власти русиновъ, согласились поддержать политику Бейста и Андраши. Результатомъ этого было измѣненіе отношеній къ Россіи въ Галиціи и Чехіи и поѣзда чеховъ, галичанъ и др. на выставку въ Москву. Хотя и въ Москвѣ Ригеръ сказалъ рѣчь мало благопріятную тенденціямъ всеобрусенія, но все-таки самый фактъ пріѣзда славянъ и общій тонъ журналистики славянской былъ какъ бы одобреніемъ всего того, что дѣлается у-насъ. Мы возликовали и стали глумиться и поражать политику Бейста, Гискры, Андраши и т. п. Удаленіе поляковъ отъ всеславянскаго съѣзда, ихъ споръ съ нѣмцами, ихъ горячее порицаніе Россіи и притѣсненіе русскаго элемента въ Галиціи давали какъ бы оправданіе и нашему нерасположенію къ ихъ народности и мѣрамъ противъ нея.

Вотъ въ это-то время наши государственники открыли русскихъ за предѣлами русскаго государства и, такъ сказать въ предѣлахъ польскаго, открыли русскихъ же и другихъ славянъ-соплеменниковъ въ государствѣ нѣмецкомъ, цислейтанскомъ, и венгерскомъ, — транслейтанскомъ. Изъ болѣе ясной сферы государственнаго централизма они вступали на болѣе шаткое поле національности и славянофильства. Наши государственники, на этотъ разъ попавшіе только въ должность славянофиловъ, стали порицать мѣры къ германизациі и мадьяризациі славянъ, колонизациі русскихъ, полемизировать съ вѣнскими, пестскими, львовскими централизаторами, которые говорили въ пользу своей политики словъ въ слово то же самое, что «Московскія Вѣдомости» говорили о русскомъ государствѣ и обрусеніи. Тутъ были всѣ аргументы и о томъ, что мечъ пишетъ границы государства, — причемъ вспоминали мечъ Казимира Великаго, Св. Стефана, Карла Великаго и даже Виндишгреца, и о томъ, что Австрія живетъ и держится только нѣмецкою народностью и нѣмецкою культурою и т. п.

Противъ всего этого съ точки зрѣнія обрусенія можно было возразить, что численныя отношенія нѣмцевъ, мадьяръ, поляковъ сравнительно съ числомъ чеховъ, хорватовъ, русиновъ и др. меньше, чѣмъ отношеніе числа русскихъ въ центрѣ государства сравнительно съ числомъ нерусскихъ на окраинахъ. Но на это можно было отвѣтить вопросомъ: съ какой же цифры отноше- ній господствующей народности къ другимъ начинается право на подавленіе послѣднихъ? Нужно сказать и то, что германизаторы, мадьяризаторы и колонизаторы и сами отчасти чувствовали, что численныя отношенія ихъ народностей къ тѣмъ, надъ

которыми они собирались утвердить свое господство, а также условия австрийского государственного строя, дающія возможность организации отпора и со стороны давиной народности не позволяютъ имъ быть такъ радикальными въ ученіи о государственной народности, какъ были радикальны наши теоретики. Даже русины въ Галиціи все же сохранили свои народныя, народныя школы, свои гимназіи и кафедры въ университетахъ. О чехахъ и особенно хорватахъ и говорить нечего. А между тѣмъ наши публицисты-проповѣдники теории государственной народности и обрусенія надрывались въ пораженіи германизаторовъ, полонизаторовъ и мадьяризаторовъ. Противорѣчіе стало до того явнымъ, что о немъ наконецъ заговорили и въ Россіи.

Событія 1866 г. обратили большее вниманіе нашего общества на Пруссію и Балтійское море. Была усмотрѣна интрига нѣмецко-остзейская, еще хитрейшая и злѣйшая, чѣмъ польская. Интрига эта, оказалось, можетъ быть подавлена только обрусеніемъ и примѣненіемъ къ прибалтійскому краю ученія о государственной національности и просто ученія о національности. Тѣ же самыя лица, которые тѣшились наименованіемъ Польши словами «Привислинскій край», стали съ особеннымъ удовольствіемъ замѣнять географическій терминъ, хотя и нѣмецкій, остзейскія губерніи, словами «эсто-латышскій край», терминомъ національнымъ.

Событія 1870-го года еще иначе повернули положеніе дѣлъ на нашихъ границахъ. Въмѣсто далекой отъ насъ Франціи, первую военную державою въ западной Европѣ оказалась сосѣдняя съ нами германская имперія. Во Франціи поняли ошибку, сдѣланную въ 1863-мъ году вмѣшательствомъ въ наши отношенія къ полякамъ и постояннымъ покровительствомъ польскимъ иллюзіямъ и польской эмиграціи. Хотя среди поляковъ и стали раздаваться голоса, что гегемонія Пруссіи въ Европѣ опасна и для польской народности, и что послѣдней надо бросить несбыточныя мечты и заняться существенными дѣлами, войти въ союзъ съ другими славянами и примириться съ Россіей, — но зато въ нѣмецкой печати стали ужъ совсѣмъ явно говорить о необходимости подвинуть границы Россіи къ востоку и взять Польшу подъ покровительство Германіи, — рѣчи, которыя въ устахъ разсудительныхъ сосѣдей нашихъ звучатъ нѣсколько серьезно, чѣмъ въ устахъ сангвиническихъ французовъ, такъ затруднявшихся въ 1863-мъ году опредѣлить, гдѣ это та *Sapogitie*, въ которой можно сдѣлать десантъ на помощь польскому возстанію. Въ то же время, — австрийское правительство начало дѣ-

дать послѣднюю попытку консолидировать свое государство, давъ славянскимъ народамъ права, въ которыхъ имъ отказывали центристы. Нѣмецкіе и мадьярскіе централисты въ Австріи, всѣ, которые и въ Германіи издѣтства привыкли мечтать о завершеніи германскаго *Drang nach Osten*, чувствуютъ, что если укрѣпится въ Австріи федерализмъ, если славянская Австрія вступить въ близкія отношенія съ Россіей, если поляки исцѣлятся отъ своихъ иллюзій, если русское вліяніе вновь утвердится на Балканскомъ полуостровѣ, — тогда конецъ этому *Drang nach Osten*, — и вотъ давай одною рукою поощрять иллюзіи поляковъ, писать проповѣди о необходимости оборонить ихъ отъ Россіи, отвлекать ихъ отъ союза съ славянами, — а другою пугать Россію федерализмомъ и усиленіемъ польской народности при автономіи Галиціи. Въ то же время какъ Россія и Польша связываются новыми желѣзными дорогами одна съ другою, Австрія и Пруссія дѣлаютъ то же самое. Словомъ, составляется и составлялся совершенно новый порядокъ вещей, за нами смотрятъ зорко, нашимъ именемъ и симпатіями спекулируютъ самымъ явнымъ и разнообразнымъ способомъ, мы вводимся въ совершенно новыя отношенія. А между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ западномъ краѣ, и въ остзейскомъ мы стоимъ съ противурѣчіями разныхъ системъ дѣйствій, и еще хуже безъ всякой системы отъ апатіи и разочарованія, отъ потери руководящей нити дѣйствій... Да, *pocui nascitur ordo!* И нужно намъ и вино новое, и мѣхи новые!....

Однако, — скажетъ читатель, — чуть ли вы не рекомендуете совершенно старые мѣхи и вино. Совѣтуете ли вы вернуться къ системѣ Александра I-го и Чарторыйскаго, или маркиза Велепольскаго? Должны ли мы вызвать изъ Польши русскихъ чиновниковъ, учителей, профессоровъ, предоставить Польшу — полякамъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣть и ополченіе русскихъ и литвиновъ не только въ Холмѣ и Сувалкахъ, но и подалеже, и черезъ нѣсколько времени вновь увидѣть повтореніе 1830-го и 1863-го годовъ съ возстаніемъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ и у самаго Кіева?

Мы можемъ отвѣчать, во-первыхъ, что возвращеніе къ системѣ Александра I-го и маркиза Велепольскаго уже потому невозможно, что освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ въ Литвѣ и Польшѣ проводить рѣзкую разницу между положеніемъ этихъ краевъ до 1863-го года и теперь.

Во-вторыхъ,—мы даже думаемъ, что и до сихъ поръ еще не исправлена самая капитальная ошибка системы Александра I-го, а именно литовскія земли за Нѣманомъ и русскія за Бугомъ не отдѣлены отъ Варшавы.

Въ-третьихъ,—мы понимаемъ хорошо, что правительственные системы не могутъ мѣняться такъ же легко, какъ почтовые лошади; мы видимъ, что въ Польшѣ нѣтъ вовсе, или по крайности не видно достаточно вѣркаго и достаточно благоумнаго элемента, съ которымъ бы можно было трактовать объ устройствѣ края, которому бы можно было передать хоть часть бремени управленія этимъ краемъ. Но въ то же время мы полагаемъ, что постепенно изъ одной системы можетъ органически выработаться другая: вѣдь и нынѣшняя система управленія въ Польшѣ не родилась же, какъ Минерва, а вышла изъ системы 1864-го года, существенно съ нею несходной; мы полагаемъ, что нѣтъ основаній отчаяваться въ возможности образованія въ Польшѣ партіи здраво-патріотической, народной, и въ то же время не враждебной союзу съ Россіей, и считаемъ необходимымъ не отрѣзывать возможности образованія подобной партіи радикальнымъ отрицаніемъ правъ польской народности. Не принимая на себя смѣлости писать цѣлую систему управленія Польшей и западнымъ краемъ, мы позволяемъ себѣ высказать, что именно завершеніе объединенія этихъ краевъ съ Россіей, при поступательномъ движеніи самой коренной Россіи,—помогло бы и постепенной выработкѣ другой, болѣе общающей успѣха системъ дѣйствій относительно этихъ западныхъ окраинъ: распространеніе на всѣ западныя окраины земскихъ учреждений, судебной и городской реформы, какъ они утверждены въ остальной Россіи, снятіе граней, дѣлящихъ теперь населенія имперіи по религіямъ, освобожденіе печати и частной инициативы на окраинахъ,—и наконецъ побольше простору и свѣта въ серединѣ страны, какъ и на краяхъ,—вотъ средства, которыя позволяютъ совмѣстить единство государства съ развитіемъ на окраинахъ того, что имѣетъ право на развитіе.

Въ-четвертыхъ, скажемъ мы, въ настоящей статьѣ мы не столько предлагаемъ, сколько излагаемъ и докладываемъ, не столько имѣемъ въ виду правительственную дѣятельность, сколько общественное мнѣніе и настроенія. Въ виду путаницы поватѣй о нашихъ окраинахъ, въ виду лжи и забвенія, въ виду спекуляцій на наше незнаніе, спекуляцій внутреннихъ и внѣшнихъ, мы считали необходимымъ, насколько могли, напомнить обществу нашему, что дѣлалось на нашихъ западныхъ окраинахъ,

что вело въ немъ народное дѣло впередъ и что назадъ, пока-
завъ, какова была связь хода дѣлъ въ нихъ съ ходомъ дѣлъ
внутри Россіи и за границей, какъ пользовались и собираются
пользоваться нашимъ положеніемъ иноземцы. И если читатель,
пробѣжавъ нашу статью, убѣдится въ важности и необходимости
вниманія,—и критическаго вниманія къ дѣламъ западнаго края
и Польши,—то мы сочтемъ свой трудъ не напраснымъ. Да; —
на этихъ окраинахъ замѣшаны весьма важные интересы, завя-
заны важные узлы. Для распутанія ихъ необходима большая
бдительность, большая ловкость и много работы. Положеніе тѣмъ
труднѣе,—что для распутыванія всѣхъ узловъ надо много вре-
мени, а между тѣмъ теперь событія идутъ быстро и въ дѣла
нашихъ окраинъ какъ будто просовывается посторонняя рука.
И на эту руку мы считали также долгомъ обратить вниманіе
общества. Мы не говоримъ: вотъ-вотъ отнимутъ у Россіи доб-
рый кусокъ территоріи! Этого можетъ и не случиться,—хотя мо-
жетъ и случиться. Мы хотимъ только сказать: надо беречься и
всматриваться, все ли у насъ благополучно на западныхъ окра-
инахъ, памятуя при этомъ, что только «береженаго и Богъ бе-
режетъ».

М. Т—овъ.

ЭККУРСІЯ

НА

ОСТРОВЪ ТЕНЕРИФЕ

I.

Сборы. — Духовенство, испытующее природу. — Зоологическая бесѣда въ кельѣ францисканскаго монастыря. — Теперифскій пикъ. — Санта-Крусъ. — Растительность и обитатели города. — Наружность и костюмъ послѣднихъ. — Нѣчто о характерѣ островитянъ. — Бой пѣтуховъ.

Попастъ съ острова Мадейры на Канарскіе острова далеко не такъ легко, какъ кажется съ перваго раза. Хотя Тенерифе ¹⁾ есть одна изъ станцій большой англо-африканской дороги и хотя туда ежемѣсячно заходитъ нѣсколько пароходовъ, тѣмъ не менѣе только въ рѣдкихъ случаяхъ пассажировъ допускаютъ на островъ. Дѣло въ томъ, что много лѣтъ назадъ на Канарскіе острова была завезена эпидемія, послѣ чего мѣстныя власти рѣшили дѣлать всевозможныя затрудненія лицамъ, желающимъ посѣтить ввѣренныя имъ владѣнія. Никто, ѣдущій изъ Африки или Америки, не можетъ высадиться ни на одномъ изъ Канарскихъ острововъ, и очень часто даже пароходы, идущіе изъ Англіи, объявляются подлежащими карантину (какъ это случилось

¹⁾ Тенерифе, главный и самый большой островъ Канарскаго архипелага, лежитъ между 28° и 29° сѣв. шир. Онъ находится въ центрѣ архипелага, рядомъ съ Гранъ-Канаріа. Къ западу отъ этихъ двухъ острововъ лежатъ маленькіе острова: Гомера, Пальма и Иерро, или Ферро (первый меридіанъ), а къ востоку Лацсероте и Фуэртевентура. Есть еще шесть маленькихъ, необитаемыхъ Канарскихъ островковъ.

нѣсколько недѣль назадъ). Хотя на Тенерифе существуетъ карантинный лазаретъ, по туда никого не пускаютъ; его считаютъ недостаточно изолированнымъ и потому требуютъ, чтобы карантинъ выдерживался на пароходѣ. По всей вѣроятности, это требованіе есть своего рода хитрость, такъ какъ ни одинъ пароходъ ни одной изъ многихъ англо-африканскихъ компаній не соглашается ждать на островѣ нѣсколько дней (вмѣсто шести часовъ, какъ это обыкновенно дѣлается). Въ результатѣ всего этого выходитъ, что англійскіе пароходы очень часто вовсе не берутъ пассажировъ на Канарскіе острова; если же и берутъ, то съ рискомъ препроводить васъ на гвинейскій берегъ. Только изрѣдка, вслѣдствіе просьбъ и протестовъ англійскаго правительства, Канарскіе острова дѣлаются доступными для иностранцевъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, я долженъ былъ пользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и отправиться тотчасъ по полученіи извѣстія о допущеніи пассажировъ, ѣдущихъ съ англійскими пароходами на Тенерифе. Для этого нужно было въ теченіе немногихъ часовъ не только собрать всѣ вещи, необходимыя для естественно-исторической экскурсіи, но еще исполнить всѣ формальности, требуемыя отъ живущихъ на Мадейрѣ для отъѣзда въ иностранные порты. Русскаго паспорта оказалось, разумѣется, недостаточно; необходимо было получить другой «del Governo», а для полученія этого понадобилось много очень важныхъ документовъ. Въ числѣ прочихъ была вытребована бумага отъ полиціи, въ которой значилось, что на прожитіе на Мадейрѣ «синьора Меншикефъ, родомъ француза» препятствій не имѣется и т. под.

Съ помощью божіей все совершилось во-время, кромѣ отхода парохода, который запоздалъ на нѣсколько часовъ. Ъхать пришлось въ обществѣ англичанъ, между которыми была «особа» — епископъ гибралтарскій, человѣкъ очень много путешествовавшій и вообще очень образованный. Онъ оказался очень порядочно свѣдущимъ по части естественныхъ наукъ, зналъ множество животныхъ и растительныхъ формъ и видимо интересовался природою. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ вовсе не исключительное явленіе между англійскимъ духовенствомъ. Многие англиканскіе пасторы въ то же время отличные натуралисты. Естественная исторія Мадейры, сравнительно хорошо извѣстная, разработана преимущественно трудами *Лоуе*, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ пасторомъ въ Фунчалѣ и написавшаго флору острова и нѣсколько сочиненій о рыбахъ и мягкотѣлыхъ. Другой пасторъ собралъ мѣстныхъ пауковъ. Третій, нынѣшній шотландскій пасторъ, имѣетъ отличную коллекцію моллюсковъ,

которая по всей вѣроятности послужитъ матеріаломъ для очень интересной монографіи.

Я заговорилъ объ этихъ вещахъ потому, что у насъ довольно распространено мнѣніе, будто занятія естественными науками неизбѣжно влекутъ за собою атеизмъ, социализмъ, нигилизмъ и еще что-то страшное. Лучшаго возраженія, какъ только что приведенные факты, я противъ этого мнѣнія не знаю. И только англиканское, но даже католическое, и притомъ монашеское духовенство совмѣщаетъ въ себѣ религіозныя функціи занятіями природою. Однажды (я позволяю себѣ маленькое отступление), во время моего пребыванія въ южномъ Тироли, пожелалъ отправиться въ одному извѣстному въ ученое мірѣ энтомологу, чтобы получить нѣкоторые важныя для меня свѣдѣнія. Мнѣ сказали, что онъ монахъ францисканскаго монастыря и что его легко найти въ его келіи. Я пошелъ и не мало удивился, увидѣвъ передъ собою бритаго, обутого въ сандалии монаха-зоолога. Въ его маленькой келіи, по сосѣдству съ священными книгами, лежали разныя энтомологическія сочиненія и коллекція очень интересныхъ пауковъ и насѣкомыхъ, о которыхъ онъ мнѣ тотчасъ же сообщилъ весьма замѣчательныя подробности.

Приведенные мною факты показываютъ также, что несмотря на религіозно-классическое образованіе, съ помощью доброй воли, можно узнать очень многое и принести большую пользу естествознанію. Нужды нѣтъ, что натуралисты изъ духовенства, подобно большинству любителей, занимаются исключительно систематикой организмовъ, наукой, пользующейся въ настоящее время не особеннымъ почетомъ. Добросовѣстное и точное описаніе животныхъ и растений имѣетъ огромное значеніе, и безъ этого ни Дарвинъ, ни Уэллсъ и никто другой не могли бы создать теоріи происхожденія видовъ. Основательнымъ теоретикамъ то-и-дѣло приходится перекапывать массу фактовъ, повидимому самыхъ мелочныхъ, и они навѣрно съ большимъ уваженіемъ относятся въ тѣмъ систематикамъ, которые, вмѣсто того чтобы гоняться за новыми видами, старательно изслѣдуютъ и описываютъ наружныя признаки организмовъ....

Спутникъ мой, епископъ, какъ я уже сказалъ, очень много путешествовалъ. Онъ недавно вернулся съ Кавказа и передавалъ мнѣ еще свѣжія впечатлѣнія. Между прочимъ его поразило сходство въ общемъ характерѣ растительности южной Англіи и нѣкоторыхъ частей Крыма и сѣвернаго Кавказа. Но онъ не успѣлъ еще кончить, какъ кто-то изъ окружающей насъ публики ткнулъ пальцемъ въ пространство и прокричалъ: «а, вотъ

онъ, пикъ, направо, повыше того ряда облаковъ». Пикъ де-Тейде, или Тенерифскій дѣйствительно возвышался передъ нами. Была видна только остроконечная вершина (извѣстная подъ названіемъ сахарной головы), отдѣленная отъ остальной части острова широкимъ поясомъ облаковъ. Всѣ разговоры обратились на эту тему. Посыпались вопросы, сколько футовъ имѣетъ пикъ въ высоту, видѣнъ ли онъ изъ Санта-Круса, отчего на немъ еще нѣтъ снѣгу и проч., и проч.... Можетъ быть и читатель интересуется этимъ предметомъ; въ такомъ случаѣ я сообщу ему нѣсколько фактовъ. Самому мнѣ не удалось подняться на пикъ; мало того, что я былъ на Тенерифе зимою, когда вообще на высокія горы никто не подымается, но я засталъ исключительно дурную погоду, не позволившую мнѣ даже переступить предѣлы туманнаго пояса.

Пикъ де-Тейде, подобно множеству другихъ потухшихъ вулкановъ, имѣетъ форму огромнаго конуса съ очень широкимъ основаніемъ. Только съ одной стороны его можно видѣть во всей его красотѣ и въ полномъ величіи; но для этого нужно отправиться въ Икд или въ Гарачико. Со всѣхъ же другихъ сторонъ онъ представляется окруженнымъ горными хребтами, изъ-за которыхъ подымается верхушка, только-что упомянутая сахарная голова. Сходство съ послѣдней существовало бы однакоже только въ томъ случаѣ, если бы были сахарныя головы съ чрезвычайно расширеннымъ основаніемъ; притомъ, для этого необходимо, чтобы пикъ былъ покрытъ снѣгомъ, что съ нимъ случается однакоже не такъ часто, какъ можно думать. При высотѣ въ 3,715 метровъ, онъ только въ теченіе двухъ, рѣдко трехъ мѣсяцевъ въ году бываетъ совершенно бѣлымъ. До января и послѣ марта на немъ иногда выпадаетъ довольно много снѣга, но этотъ снѣгъ не держится болѣе нѣсколькихъ часовъ или сутокъ. Послѣднее изверженіе пика было въ 1706-мъ году, когда потоки лавы разрушили нѣкогда цвѣтущій городъ Гарачико и залили часть залива, служившаго лучшимъ портомъ всего канарскаго архипелага....

Между тѣмъ какъ мы любовались пикомъ, солнце стало заходить, причемъ оно до такой степени эффектно освѣтило разбросанныя по всему небу облака, какъ я еще никогда въ жизни не видывалъ. Не стану описывать этой картины, во-первыхъ потому, что подобнаго рода вещи очень трудно передаются; во-вторыхъ, я полагаю, что прелести неба и облаковъ нужно видѣть самому, чтобы составить о нихъ надлежащее представленіе...

Къ Санта-Крусу мы подошли ночью. Тотчасъ, вопреки вся-

кимъ портовымъ и карантиннымъ правиламъ, къ намъ приближалась лодка съ посѣтителеми, во всеуслышаніе увѣрившими что «по quarantine», что мы можемъ спокойно ждать до восхода солнца и что затѣмъ насъ выпустятъ на берегъ. Чуть только разсвѣло, я уже былъ на палубѣ. Пароходъ нашъ стоялъ въ широкой, но очень неглубокой бухтѣ, ограниченной цѣлымъ рядомъ темно-сѣрыхъ и почти голыхъ скалъ; рѣзкіе ломанные контуры и свѣтлыя группы лишайниковъ и кактусообразнаго молочая придавали имъ особенно дикій и оригинальный видъ. На берегу, передъ нами разстилался небольшой городъ съ бѣлыми и цвѣтными домами. Одни изъ нихъ были съ плоской крышей какъ въ Неаполѣ и Кадисѣ, другіе же (и притомъ большая часть) съ невысокими черепичными крышами, ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ почти домовъ юга Европы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ выдвигались неуклюжія, многоглазые укрѣпленія; а по обѣимъ сторонамъ города возвышались двѣ длинныя, тощія колокольни. И въ самомъ городѣ, и въ окрестностяхъ его было видно мало древесной растительности: жиденькіе платаны, нѣсколько пальмъ (большую частью финиковыхъ) и акацій. За то куда ни посмотришь, всюду глазъ останавливается на сѣровато-зеленыхъ и бѣлыхъ полосахъ: это кактусовыя плантаціи, разводимыя почти исключительно ради кошенили, главнаго продукта культуры Канарскихъ острововъ. Весь ландшафтъ мнѣ живо напомнилъ Мессину, но разумѣется, въ очень уменьшенныхъ размѣрахъ. И утренній воздухъ, мягкій, теплый, пропитанный ароматомъ апельсиновыхъ цвѣтовъ, къ которому то-и-дѣло примѣшивался запахъ деревяннаго масла, еще болѣе перенесъ меня въ Италію.

Власти, которыя должны были явиться и выпустить насъ на берегъ, показались конечно гораздо позже, чѣмъ предполагалось и чѣмъ слѣдовало, сдѣлали очень глубокомысленнымъ тономъ нѣсколько вопросовъ и вновь рѣшили, что мы можемъ «получить практику», т.-е. высадиться на берегъ.

Городъ Санта-Крусъ, главный городъ Тенерифе и провинціи Канарскихъ острововъ, представляетъ вообще очень мало оригинальнаго. Хотя въ немъ всего 15,000 жителей, но онъ на видъ вовсе не очень малъ. Большая площадь и двѣ-три улицы не лишены нѣкоторой элегантности, а нѣсколько новыхъ домовъ построены со вкусомъ. Вдоль набережной положены рельсы для перевозки камней, употребляемыхъ при постройкѣ новаго моста. При самомъ входѣ въ городъ, вы видите новое, небольшое, хорошее зданіе рыбнаго рынка съ мраморными столами и различными приспособленіями, вслѣдствіе чего васъ никогда не поражаетъ тотъ отвратительный запахъ, который столь знакомъ

вѣтъ, бывшимъ въ Неаполѣ, Мессинѣ и другихъ приморскихъ городахъ Европы. Внутри Санта-Круса довольно большое театральное зданіе, въ которомъ ежегодно бываетъ итальянская опера. По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ довольно цивилизованнымъ городомъ. Растительность Санта-Круса, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, не богатая. У самаго берега находится *Rambra de Ravenez*, короткая платановая аллея съ неизбѣжнымъ фонтаномъ въ концѣ и еще нѣсколькими небольшими деревьями, между которыми всего болѣе выдается экземпляръ такъ-наз. королевской пальмы ¹⁾. Въ центрѣ города находится еще небольшой скверъ, почти копія (только въ уменьшенномъ видѣ) съ публичнаго сада въ Ниццѣ. Въ серединѣ опять неизбѣжный фонтанъ, а вокругъ него цѣлая группа красивыхъ, мелколиственныхъ перечныхъ деревьевъ (*Schinus molle*) съ спѣлыми розовыми ягодами. Частные сады всѣ очень невелики и притомъ довольно дурно содержатся; тѣмъ не менѣе они интересны. Въ одномъ изъ нихъ находится крупный превосходный экземпляръ королевской пальмы, вывезенной изъ Гаваны и расплодившей уже нѣсколько поколѣній. Кромѣ этой пальмы и болѣе распространенной финиковой ²⁾, въ Санта-Крусѣ попадаетъ еще кокосовая, съ виду похожая на финиковую, но, какъ извѣстно, съ совершенно иными плодами. Последніе, такъ-наз. кокосовые орѣхи, достигаютъ на Teneriffe небольшого объема, вслѣдствіе чего пальма почти вовсе не культивируется. На маленькомъ скотномъ дворѣ одного испанца находится довольно крупный экземпляръ боабаба ³⁾, замѣчательнаго дерева, вывезеннаго изъ тропической Африки. Между тѣмъ какъ на Канарскихъ островахъ боабабъ составляетъ большую рѣдкость, на своей родинѣ онъ образуетъ цѣлые лѣса; англичане употребляютъ кору его для выдѣлыванія толстой и грубой, но за то очень прочной бумаги.

¹⁾ *Oreodoxia regia*. Свѣтлострѣнный стволъ этой пальмы на всей своей поверхности покрѣтъ поперечными кольцами. На вершинѣ дерева находится зеленый кончикъ, отъ котораго во всѣ стороны отходятъ длинныя вѣтви съ листьями, сходными съ финиковыми, но гораздо болѣе длинными и роскошными. Плоды имѣютъ видъ маленькихъ орѣшковъ, величиною съ крупную горошину.

²⁾ Финиковая пальма Канарскихъ острововъ (*Phoenix canariensis*) отличается нѣкоторыми признаками отъ настоящей африканско-азиатской пальмы (*Ph. dactylifera*); она имѣетъ косточки гораздо болѣе круглыя, напоминающія своимъ видомъ кофейныя зерна.

³⁾ Боабабъ (*Adansonia digitata*), дерево изъ семейства мальвовыхъ, имѣетъ большой и толстый стволъ съ свѣтлострой корою. Листья его формою и расположеніемъ напоминаютъ листья дикаго каштана (*Aesculus*). Плодъ боабаба имѣетъ видъ большого зеленого яйца съ многими сѣменами.

Для того, чтобы познаться съ растительностью С.-Круса, недостаточно осмотрѣть сады; нужно еще обыскать разные за-коулки. Я только-что сказалъ, въ какой обстановкѣ растетъ ба-бабъ. При подобныхъ условіяхъ вы найдете и много другихъ интересныхъ растений. Около гостинницы, на маленькомъ ву-сочекѣ земли, по сосѣдству съ битой посудой, грязнымъ бѣль-емъ и проч. подымается тонкое, но довольно высокое арбузное дерево (*Сариса рарауа*); на немъ дѣйствительно растутъ плоды, величиною съ порядочный арбузъ и вкусомъ очень на него по-хожіе, но видомъ болѣе всего напоминающіе тыква. Этихъ при-мѣровъ достаточно для того, чтобы понять, что могутъ вообще производить климатъ и почва Санта-Круса. Между тѣмъ мѣст-ные жители всего менѣе заботятся о разведеніи и улучше-ніи деревьевъ; и на Тенерифе, гдѣ растутъ и даютъ плоды почти всѣ тропическія фруктовыя деревья, васъ угощаютъ север-ными апельсинами и такими яблоками, какія можно встрѣтить развѣ за столомъ какого-нибудь Плюшкина....

Такъ какъ я столь длинно распространился о неодушевлен-ныхъ принадлежностяхъ Санта-Круса, то читатель пожалуй по-думаетъ, что столица Канарскихъ острововъ недостаточно ожив-ленный городъ. Этого сказать про него, однакоже, никакъ нель-зя. Съ ранняго утра на улицахъ замѣтно движеніе—цѣлесооб-разное и безцѣльное. Вы видите рабочихъ, провожающихъ на-вьюченныхъ камнемъ муловъ и дромадеровъ (одногорбыхъ вер-блюдовъ), рыбаковъ, продающихъ рыбу, много быковъ и козъ, звенящихъ во всѣ колокола, солдатъ въ красныхъ панталонахъ и стоящихъ кожаныхъ кэпи и проч. Повсемѣстно присутствуетъ неопредѣленный празднующійся людъ, который нерѣдко дѣ-лаетъ вслухъ замѣчанія насчетъ моей особы (хотя иностранцы на островахъ не рѣдкость, тѣмъ не менѣе ими очень усердно записываются). Вообще пестрая и живая толпа разнообразится еще болѣе, благодаря немалому числу чернокожихъ. Нерѣ-дко вы встрѣтите настоящаго джентльмена въ цилиндрической шляпѣ и свѣтлыхъ перчаткахъ, но съ черной, какъ сапогъ, фи-зіономіей, украшенной усами и бородкой à la Napoléon. На углу, возлѣ какого-то подобія палатки, торговка печетъ пам-пушки, распространяющія запахъ деревяннаго масла. Тутъ же стоитъ нѣкто, предлагающій свои услуги проводить меня куда-то. Наконецъ, довольно много народа, который къ счастью ни-чего не предлагаетъ, никакихъ замѣчаній вслухъ не дѣлаетъ и который я съ своей стороны тоже оставляю въ покоѣ.

Рабочій классъ Санта-Круса и Тенерифе вообще носитъ темный или пестрый жилетъ (по праздникамъ онъ иногда замѣ-

вится курткой, похожей на пиджакъ), бѣлыя широкія полотняныя панталоны, сверхъ которыхъ надѣваются еще болѣе короткія, разрѣзанныя съ боковъ черныя штаны. Животъ перетянутъ тѣснымъ поясомъ: иначе разумѣется и быть не можетъ. Башмаки (въ тѣхъ случаяхъ когда они есть), чулки и черная круглая, самаго обыкновеннаго фасона фѣтровая шляпа не представляютъ ничего особеннаго. Гораздо интереснѣе верхнее платье, которое надѣвается въ дурную погоду. Представить его себѣ очень легко. Для этого стоить только вообразить юбку, расширяющуюся отъ шеи почти до пятокъ, но конечно разрѣзанную по всей длинѣ. Дѣлается она изъ толстой мохнатой фланели, имѣетъ непременно бѣлый цвѣтъ, какъ фланелевыя одѣла въ гостинницахъ всего земного шара и, для дополненія сходства, на ней находится еще синяя полоска. Когда дурная погода проходитъ и юбкообразное платье перестаетъ быть нужнымъ, его складываютъ на подобіе испанскаго плаща и несутъ на плечѣ или прямо на плечѣ. Женщины надѣваютъ такое же точно верхнее платье, носятъ мужскія шляпы и часто курятъ сигары, вслѣдствіе чего на улицѣ въ дождливое время гораздо труднѣе отличить полъ, чѣмъ въ сухое. Особенности женскаго костюма заключаются только въ присутствіи большого платка, который надѣвается на голову подъ шляпу и падаетъ на плечи какъ мантилья. И цвѣтъ, и покрой платьевъ — интернаціональный. Чаще всего я замѣчалъ на женщинахъ изъ бѣднаго класса темносинія ситцевыя платья.

Одежда лицъ изъ средняго и высшаго классовъ не представляетъ почти никакихъ особенностей. Свойственная всему эту любовь носить шляпу на затылкѣ замѣтна и на Тенерифе. Необыкновенно широкій суконный плащъ, какія-нибудь крупныя серебряныя застѣжки и пуговицы — вотъ единственные отступленія отъ общепринятой нормы. На дамахъ, оказывающихъ явное предпочтеніе черному цвѣту, вы очень часто можете видѣть тонкія кружевыя косынки, точь-въ-точь такія, какія носятъ въ Миланѣ. Шелки и бархаты на Тенерифе не диковинка. Канарскія испанки вообще большія охотницы пофрантить, и говорить, что многія семейства разоряются въ пухъ изъ-за нарядовъ.

Я довольно внимательно осматривалъ наружность обитателей Тенерифе, думая, что въ нихъ замѣтна болѣе или менѣе рѣзко выраженная примѣсь берберійской крови. Каріе подвижныя глаза, нѣсколько выдающіяся скулы и темныя, слегка закрученные волосы составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ испанцевъ вообще. На Тенерифе, однакоже, гораздо чаще, чѣмъ

въ метрополиі, попадаются широколицыя рыжія фізіономіи, въ чемъ рѣзко отличающіяся отъ славянскаго и германскаго типъ своей необыкновенной живостью и подвижностью. Между же женщинами также очень нерѣдки блондинки съ голубыми или сѣрыми глазами, не блестящими и пламенными, какъ у настоящихъ испанокъ, а кроткими и покойными, какъ у многихъ северныхъ красавицъ.

Между молодыми вы можете быть рѣдко найдете красавицъ и красавцевъ, но за то вы не встрѣтите и особенно непріятныя фізіономіи. Особенно выдающихся чертъ лица, въ родѣ картофелъобразныхъ или крючковатыхъ орлиныхъ носовъ, негритянскихъ губъ и проч. я почти никогда не встрѣчалъ. Только старость безобразитъ до того всѣ черты лица, что на него часто нельзя смотрѣть безъ ужаса. Но это замѣчается у всѣхъ народовъ юга. Если справедливо, что первобытные африканскіе обитатели Канарскихъ острововъ были гигантскаго роста и имѣли атлетическое сложеніе, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти качества они унесли съ собою въ свои могильныя пещеры. Канарскіе испанцы, безспорно, хорошо сложены, но они далеко не обладаютъ мощной корпуленціей.

Всѣ иностранцы, живущіе на Канарскихъ островахъ, необыкновенно лестно отзываются о характерѣ островитянъ. Я съ своей стороны, тоже нахожу обитателей Тенерифе чрезвычайно симпатичными. Такой откровенности характера, такого нестѣспеннаго выраженія ощущеній, вы больше нигдѣ не встрѣтите. Добродушіе ихъ, безъ малѣйшей приторности и безъ тѣхъ подозрительныхъ приправъ, которыя такъ свойственны наиболѣе цивилизованнымъ людямъ, сразу располагаетъ васъ въ свою пользу. Посмотрите, напр., что продѣлывается за обѣдомъ въ обществѣ, которое никакъ не можетъ быть названо необразованнымъ. Тутъ сидитъ докторъ, адвокатъ, комендантъ, нѣсколько женщинъ изъ средняго класса. Болтовнѣ и хохоту нѣтъ конца. Въ промежуткахъ между блюдами поютъ, шалютъ, выбѣгаютъ изъ за стола, любезничаютъ, дерутся и проч. При всемъ этомъ никто не напивается и о дикости не можетъ быть никакой рѣчи. Свобода, о которой я говорю, и необузданностью, и милостивостью больше всего напоминаетъ дѣтскія шалости. Если кто вздумаетъ ѣхать на Канарскіе острова, то прежде всего ему должно научиться изъяснять по-испански благодарность. Благодарить придется ежеминутно: до того часты одолженія и любезности со стороны островитянъ.

Пусть психологи займутся разрѣшеніемъ вопроса, отчего народы столь добродушные, какъ испанцы, готовые на каждомъ

нату вытѣзть изъ кожи, чтобы сдѣлать ближнему пріятное, оказываются наиболѣе способными къ самымъ злымъ и звѣрскимъ поступкамъ. Подобная непослѣдовательность и раздвоеніе нравственной природы представляютъ дѣйствительно нѣчто въ высшей степени замѣчательное. Тѣ самые канарскіе островитяне, которыхъ добродѣтель такъ привыкли прославлять, ѣздили съ Колумбомъ и безъ него въ Америку и продѣлывали надъ несчастными индіанцами такія неистовства, о которыхъ невозможно читать безъ ужаса. Подобныя вещи никакъ нельзя объяснить быстро вскипѣвшимъ гнѣвомъ и свойственной южнымъ народамъ раздражительностью. Извѣстно, что люди самые добродушные и истинно хорошіе, бываютъ, въ минуты сильно охватившаго гнѣва, способны на самыя дурныя и злыя дѣла. Но у такихъ людей гнѣвъ очень скоропроходящій и вслѣдъ за нимъ тотчасъ является раскаяніе. Въ дурныхъ поступкахъ испанцевъ видно гораздо больше систематичности. Я не говорю уже о кѣмъ извѣстныхъ религіозныхъ гоненіяхъ и торговлѣ людьми, какъ о фактахъ, которые никогда не изгладятся изъ человѣческой памяти. Но посмотрите, что продѣлываютъ испанцы надъ животными и какъ они это дѣлаютъ. Варварскіе способы мученія лошадей и быковъ — ихъ *Corrida de toros* — болѣе или менѣе извѣстны всему міру. Я здѣсь не стану распространяться о боѣ быковъ, не только потому, что объ немъ уже много было писано, но и потому еще, что на Канарскихъ островахъ его не бываетъ. Причину этого впрочемъ нужно искать отнюдь не въ мягкости сердецъ канарскихъ испанцевъ, а гораздо скорѣе въ маломъ количествѣ и дороговизнѣ крупнаго скота на островахъ. Поэтому-то жажду кровавыхъ зрѣлищъ добродушные канарцы удовлетворяютъ посредствомъ боя пѣтуховъ. Самому мнѣ не пришлось видѣть его, такъ какъ я попалъ на Teneriffe не въ надлежащій сезонъ; но мнѣ много рассказывали о немъ живущіе въ Оротавѣ иностранцы, со словъ которыхъ я передаю читателю слѣдующія довольно характерныя подробности.

Испанскіе пѣтухи недостаточно воинственны; поэтому для боя выписываются самые зазорные пѣтухи изъ Англіи. Въ теченія нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ готовятъ, культивируя въ нихъ всевозможныя злыя наклонности. Клювъ и когти оттачиваютъ напильникомъ, чтобы наносимыя раны были болѣе чувствительны. Гребешокъ отрѣзывается цѣликомъ, а хвостовыя перья вырѣзываются систематически, чтобы приводить пѣтуха все въ большее и большее раздраженіе. Кромѣ того вырѣзывается еще много пуха и перьевъ, чтобы на тѣлѣ было скользко

возможно болѣе открытых мѣстъ для удобнаго пораненія. Зна воинственные приемы пѣтуховъ, имъ на ноги надѣваютъ металлические шпоры съ колючками и зубцами. Такимъ образомъ изуродованные пѣтухи, безъ хвоста и гребешка, содержатся въ очень тѣсныхъ проволочныхъ клеткахъ, гдѣ они, само собою разумѣется, ведутъ вполне уединенную жизнь. Передъ самымъ боемъ ихъ различными способами доводятъ до неистовства и они съ такимъ остервененіемъ выдвигаются другъ на друга, что производятъ въ ужасъ непривычнаго зрителя. Говорятъ, что «хорошіе» пѣтухи производятъ нерѣдко впечатлѣніе еще болѣе ужасное, чѣмъ разсвирѣпѣвшій быкъ въ разгарѣ боя. Добродушная публика съ тѣмъ болѣе большимъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ пѣтушьяго боя, что по поводу его канарцы имѣютъ обыкновеніе держать пари. Иногда бываютъ генеральныя сраженія между пѣтухами, воспитанными на Тенерифе и на Гранъ-Канаріа. Въ этихъ случаяхъ въ Санта-Крусъ съѣзжается огромная публика; всѣ гостиницы набиваются битвомъ любопытными, прибѣгающими изъ Оротавы, Лагуны и заинтересованными въ дѣлѣ участниками изъ Гранъ-Канаріа. Спорамъ и пари нѣтъ конца. Газеты наполняются статьями о пѣтухахъ и, какъ въ горячее политическое время, дѣлятся на лагери. По окончаніи боя они публикуютъ результаты. Въ родѣ того, только въ меньшихъ размѣрахъ, бываютъ бои между пѣтухами Санта-Круса и Оротавы. Главный сезонъ этого милаго препровожденія времени бываетъ на свѣткахъ.

II.

Дорога въ Оротаву.—Долина Таора.—Виллы де-Оротава.—Ботаническій садъ.—Остатки знаменитаго драконоваго дерева.—Ико-де-лосъ-виносъ и его драконовое дерево.—Пещера гуанчей.

Познакомившись нѣсколько съ канарской столицей и ея обитателями, намъ пора отправиться дальше и осмотрѣть все, что представляетъ сколько-нибудь интереса. Первый визитъ долженъ быть конечно сдѣланъ въ Оротаву, какъ потому, что это мѣсто пользуется очень большою извѣстностью, такъ и потому, что Виллы де-Оротава—второй городъ по величинѣ на островѣ. Да къ тому же и сообщеніе его съ Санта-Крусомъ сравнительно довольно удобное, и разстояніе между обоими городами небольшое—верстъ около тридцати пяти.

Утромъ, въ семь часовъ, мы выѣхали изъ Санта-Круса. Въ небольшой омнибусъ, запряженный шестеркой лошадей, усѣ-

или, или, правильнѣе, упаковали двѣнадцать человѣкъ, принадлежавшихъ почти исключительно къ среднему классу. Тутъ былъ и швейный учитель, который тотчасъ началъ рассказывать о преподаваніи ариѳметики, двѣ барыни, упорно молчавшія всю дорогу, нѣсколько юношей сомнительной профессіи и проч. Багажа разумѣется никто взять не могъ, такъ какъ и внутри, и наверху все было биткомъ набито пассажирами.

Оротава лежитъ на сѣверной сторонѣ острова, и для того, чтобы туда пробраться, мы прежде всего должны были подниматься въ гору. Вся земля вокругъ насъ была разгорожена на четырехугольные кусочки, подобно шахматной доскѣ, и почти цѣликомъ занята кактусами. Очень часто попадались низенькіе, крытые черепицею домики, возлѣ которыхъ росли немногочисленные деревья, преимущественно финиковыя пальмы. Вдоль изгибами извивающагося шоссе были посажены довольно тощія платаны и тоже не очень роскошныя тамариксы (*Tamarix canariensis*). Однообразіе мѣстности, отсутствіе богатой растительности, да къ тому же еще сѣрое (хотя совершенно теплое) утро, произвели въ общемъ не особенно отрадное впечатлѣніе. Горы, на которыя мы поднимались, были не высоки и мы скоро достигли плоской возвышенности. Говорятъ, что это мѣсто было дномъ большого озера, о которомъ упоминаютъ древніе писатели; оттого находящійся тутъ городъ получилъ свое названіе—Лагуна. Самъ по себѣ это маленький городокъ, не представляющій ничего выдающагося, кромѣ развѣ обилія деревянныхъ крестовъ, насаженныхъ чуть не на каждомъ домѣ. Несмотря на то, что внутри омнибуса буквально нельзя было пошевелинуться, къ намъ присѣлъ еще новыи сверхокомплектный пассажиръ. Тутъ не было бы ничего удивительнаго, если бы онъ былъ «городничій»; но въ томъ-то и дѣло, что это былъ самый простой смертный, болѣе бѣдно одѣтый, нежели вся остальная публика. Подошедши къ омнибусу и увидѣвши, что сѣсть больше негдѣ, онъ уже хотѣлъ улизнуть, но былъ удержанъ однимъ изъ моихъ сосѣдей, который посадилъ его къ себѣ на колѣни. Только на слѣдующей станціи, гдѣ кто-то высадился, насъ опять стало двѣнадцать. Я привелъ этотъ случай какъ одинъ изъ многихъ примѣровъ поразительнаго добродушія испанцевъ, о которомъ я уже говорилъ.

За Лагуной потянулась ровная дорога по возвышенности, озаимленной справа и слѣва невысокими горами. Деревья сдѣлались еще рѣже. Только вдоль шоссе торчали все такіе же маленькіе тамариксы, пирамидальные тополи и изрѣдка настоящія, очень изящныя акаціи. Къ кактусовымъ плантаціямъ тутъ присоединились поля, засѣянные картофелемъ, зерновыми хлѣбами,

бобами и лупинусомъ. Мѣстами попадались куски только-что засѣянной земли, а другіе еще вспахивались съ помощью маленькаго плужка, запряженнаго парой быковъ. Читатель можетъ думать, что дѣйствіе происходитъ весной или раннею осенью; между тѣмъ, все, что я здѣсь описываю, совершается среди самой зимы — въ декабрѣ. Иныя климатическія условія чѣмъ у насъ, обусловиваютъ и совершенно иную систему хозяйства. Въ теченіе двухъ лѣтъ собирается съ одного поля пять жатвъ, изъ нихъ большею частью: двѣ жатвы картофеля или бобовъ, двѣ — кукурузы и одна — пшеницы. Въ тотъ годъ, когда бываетъ три жатвы, онѣ собираются весною, въ началѣ осени и въ началѣ зимы. Оттого-то, ѣхавши въ декабрѣ, я засталъ только молодые посѣвы: еще ни одно изъ вышеупомянутыхъ растений не было въ цвѣту...

Между тѣмъ мы подвигались дальше. Проѣхавъ около десяти верстъ отъ Санта-Круса, показался пикъ, т.-е. вершина его, такъ наз. сахарная голова. Снѣгу на немъ почти еще не было; только на одной сторонѣ лежало нѣсколько бѣлыхъ полосъ, но и тѣ стояли раньше полудня. Когда, проѣхавъ всю плоскую возвышенность, мы начали спускаться, ландшафтъ сдѣлался болѣе разнообразнымъ и красивымъ, а растительность нѣсколько болѣе богатою. Все чаще и чаще стали попадаться цѣлыя группы финиковыхъ пальмъ, между которыми многія къ сожалѣнію были очень ободраны. Нерѣдко однакоже встрѣчались роскошныя, превосходныя экземпляры. Одни изъ нихъ отличались толщиною стволовъ и низкимъ ростомъ, другіе же напротивъ были весьма тонки, но за то очень высоки. Если бы я былъ художникъ, я нарисовалъ бы одну изъ такихъ группъ, при обстановкѣ, какую я видѣлъ на возвратномъ пути изъ Оротавы. На переднемъ планѣ холмъ, покрытый пальмами; возлѣ него нѣсколько маленькихъ домиковъ; далѣе рядъ холмовъ и открывающаяся къ морю Оротавская долина, а на заднемъ планѣ пикъ, весь покрытый снѣгомъ. Яркое утреннее освѣщеніе и почти безоблачное небо. Для любителя рѣзкихъ контрастовъ что можетъ быть лучше пальмовой рощи, рисующейся на снѣжномъ фонѣ вулкана? Такой пейзажъ представляется именно около мѣстечка Викторія, названнаго такъ потому, что тутъ была одержана главная и окончательная побѣда испанцевъ надъ гуанчами въ концѣ XV-го столѣтія.

Дорога наша пересѣкала цѣлый рядъ холмовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга узкими ущеліями, т.-наз. *barancos*, черезъ которые были проложены мостики. Впереди виднѣлся мощный хребетъ Тигайга, постепенно спускающійся къ морю. За горами

поднялся пить. Ближе къ намъ, на небольшой площадкѣ, совсемъ высунувшейся въ море, расположился маленькій городокъ — Пуэрто де-ла Ортава — окаймленный бѣлой полоскою прибрежныхъ къ берегу волнъ. Скоро мы спустились въ знаменитую долину Таора, или ортавскую. Собственно говоря, это вовсе не долина, а большая, широкая наклонная площадь, доходящая до самого моря; черезъ нее не течетъ никакая рѣка, только въ одномъ мѣстѣ находится небольшой варанкъ, на днѣ котораго въ зимнее время послѣ дождей течетъ маленькій грязный ручеекъ. Впереди долины опускается въ упомянутый уже горный хребетъ Тигайга; сѣвъ она ограничена другимъ краемъ горъ (Кумвре), покрытымъ каштановымъ и частію сосновымъ лѣсомъ; съ противоположной стороны она, какъ сказано, подходитъ къ самому морю. Приблизно на серединѣ наклонной плоскости расположенъ городъ: Вилля де-ла Ортава, или просто Ортава — цѣль нашей экскурсіи.

Вся долина разгорожена на множество клѣтокъ большей или меньшей величины, засѣянныхъ кактусомъ и различными сортами овощей. Тамъ-и-сямъ виднѣются садики и много отдѣльно стоящихъ деревьевъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ нѣсколько драконовыхъ деревьевъ, необыкновенно изящныя канарскія сосны (*Pinus canariensis*) съ длинными и очень гнѣзными иглами, итальянскія пиніи и финиковыя пальмы. Фигурныя, апельсиновые и клещевинныя деревья образуютъ мѣстами небольшія рощицы или аллеи. Направо, по дорогѣ между Вилля и Пуэрто де-ла Ортава (ближе къ послѣдней) замѣтна довольно сплошная масса деревьевъ. Это «хардынъ ботанико», ботаническій садъ, о которомъ мнѣ много говорили и куда я отправился тотчасъ по пріѣздѣ въ Вилля. Нечего и говорить, что въ общемъ ортавская долина не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія грандіозности, какъ я ожидалъ и какъ навѣрно предполагаютъ всѣ, кто читалъ ея восторженные описанія. Она вошла въ особенную славу послѣ посѣщенія ея Гумбольдтомъ, который ставитъ ее выше долины Ориноко и многихъ другихъ мѣстъ южной и центральной Америки. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ тѣ времена она была гораздо лучше, чѣмъ нынче, потому что постоянное и систематическое истребленіе деревьевъ въ теченіе трехъ четвертей столѣтія, должно было наконецъ измѣнить весь видъ долины. Если хотите, она и теперь хороша, но только какъ контрастъ съ суровымъ и дикимъ хребтомъ Тигайга и величественнымъ, громаднымъ пикомъ.

Между тѣмъ омнибусъ остановился у небольшого домика. Насъ обступила толпа очень грязныхъ босыхъ мальчиковъ, пред-

лагавшихъ услуги нести немногія захваченныя нами вещи и что всего удивительнѣе, не просившихъ милостыни. На Тенерифе, также какъ въ Испаніи и на Мадейрѣ, васъ преслѣдуютъ не только нищіе по профессіи, но множество всякаго другого люда. Чуть только завидятъ иностранца, тотчасъ же появляется разнообразная и пестрая толпа просителей, перечисляющихъ при этомъ случаѣ цѣлый каталогъ святыхъ. Часто, проходя мимо какого-нибудь дома, вы слышите обращенный къ вамъ возгласъ: «un quartito» (куартито — маленькая мѣдная монета). Въ тонѣ его не слышится просьбы; это и не есть просьба, а просто предложеніе любителя, чтобы вы дали ему что-нибудь; поэтому-то оно дѣлается безъ жалобной мины, безъ примѣшанія къ дѣлу Божіей Матери и всевозможныхъ святыхъ.

При входѣ въ городъ (Виллья де-ла Ортава или просто Виллья, или же просто Ортава) находится неизбежная во всякомъ испанскомъ городѣ алаяда, площадь обсаженная платанами. Далѣе тянется рядъ улицъ съ двухъ и трехъэтажными домами, окрашенными по преимуществу желтой краской и имѣющими большую часть плоскія крыши. На послѣднихъ обыкновенно гнѣздятся еще разныя башенки и мезонины. Нижніе этажи заняты энциклопедическими лавочками, въ которыхъ продаются овощи, сухая рыба, игрушки, пистолеты и проч. На улицахъ мало движенія и вообще тихо. Кое-гдѣ стоятъ небольшія группы людей, видимо очень заинтересованныхъ моимъ появленіемъ, такъ какъ до меня долетаютъ слова: мерикано, инглезъ, алемано и др. Устроившись въ единственной гостинницѣ города (въ которую не совѣтую заходить любителямъ европейскихъ отелей съ комфортомъ и шикомъ, съ воздушными звонками и проч.), я тотчасъ отправился въ ботаническій садъ, можно сказать вообще единственный настоящій садъ на всемъ островѣ, заведенный однимъ испанскимъ помѣщикомъ; онъ въ прежнее время былъ засаженъ платанами, пирамидальными тополями, имѣющими фруктовыми деревьями и другими самыми обыкновенными на островѣ растеніями. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ завѣдываніе опытнаго швейцарскаго садовника изъ Аарау, въ немъ появилось много представителей настоящей тропической флоры. Вслѣдствіе этого большинство интересныхъ растеній въ то же время и самыя молодыя (таковы различныя пальмовыя породы, равеналии, цекропии, араукарии и проч.). Изъ старыхъ есть однакоже нѣсколько экземпляровъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Таковы, напр., панданусъ, дерево, имѣющее немалое сходство съ драконовымъ, но особенно характерное вслѣдствіе большого количества воздушныхъ корней и длинныхъ, зазубренныхъ

листвъ. Очень интересно также арбузное дерево (сегиса рарауа) съ лопатными листьями, бѣлыми пахучими мужскими цвѣтками и большими плодами. Вытянутый тонкій стволъ этого дерева, покрытый роскошной зеленой маковой, придаетъ ему нѣсколько пальмовидную наружность. Въ саду кромѣ того растутъ бамбуки, магнолія, камфорный и другіе лавры, нѣсколько видовъ *Ficus* (между прочимъ одно очень красивое резиновое дерево), бананы, финиковыя пальмы и проч. При самомъ входѣ въ садъ, въ небольшомъ бассейнѣ вы видите роскошную группу свѣжихъ ярко-зеленыхъ папирусовъ съ толстыми сочными стеблями. Изъ всѣхъ деревьевъ ботаническаго сада выдающіеся размѣры представляетъ только одно: итальянская пинія, совершенно не похожая на своихъ родичей. вмѣсто того, чтобы вытянуться въ длину и образовать на вершинѣ шляпообразную маковку, экземпляръ, о которомъ я говорю, далъ очень невысоко отъ корня много вѣтвей, раскинувшихся въ ширину и опустившихся до самой земли. Въ общемъ онъ образуетъ цѣлый шатеръ, по крайней мѣрѣ метровъ въ 20—25 въ окружности. Чтобы закончить описаніе сада, мнѣ остается упомянуть объ обилии растущихъ въ немъ цвѣтовъ и кустовъ. Всевозможные виды фуксій (длинные, короткія, красныя, бѣлыя, краснобѣлыя и проч.), розъ, камелій, гортензій, гераніевъ, колокольчиковъ, пассифлоръ, ибискусовъ и проч., и проч. И все это въ полномъ цвѣтѣ, несмотря на декабрь! Что же должно быть весной?

Въ Виллѣ росло громадное драконовое дерево, то самое, о которомъ столько говорилъ Гумбольдтъ и которое извѣстно всему міру гораздо болѣе, чѣмъ сама Оротавъ. Въ свое время было сообщено въ газетахъ о его гибели: его свалила и переломала сильная буря, бывшая въ январѣ 1868 года. Уже въ пятнадцатомъ столѣтіи, во время нашествія испанцевъ на Тенерифе, внутри ствола было большое дупло, въ которомъ, говорятъ, ревностные католики устроили капеллу. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда его видѣлъ Гумбольдтъ, дерево уже было значительно искалѣчено; послѣ того каждая сильная буря отрывала отъ него по куску, такъ что въ концѣ своего существованія оно было совершенно изуродовано и представляло одни слѣды прежняго величія. На полусгнившемъ, поддерживаемомъ каменными подпорками стволѣ торчала только часть прежней широкой верхушки. Полагали, что передъ своей гибелью дерево уже перестало расти; однакоже оно цвѣло и дало плоды очень незадолго до сокрушившей его бури. Судя по количеству развѣтвленій и принимая въ соображеніе медленный ростъ драконоваго дерева, его возрастъ считали отъ пяти до шести тысячъ лѣтъ. Въ на-

стоящее время еще находятся остатки знаменитаго дерева, которыя я видѣлъ при обозрѣніи садовъ Оротавы. Садъ, въ которомъ оно росло, принадлежитъ одному тенерифскому маркизу и не содержитъ теперь ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ одного экземпляра финиковой пальмы, имѣющаго по крайней мѣрѣ 80 футовъ въ высоту. Въ верхней части сада,halbwegs отъ входа, лежитъ сломанный громаднй стволъ, напоминающій всего болѣе неуклюжій остовъ какого-нибудь допотопнаго животнаго. Вокругъ него цѣлая группа толстыхъ вѣтвей съ полусгнившей сердцевиной. У подножія ствола растетъ не большой экземпляръ канарскаго лавра, который, говорятъ, былъ совсѣмъ охваченъ и задушенъ гигантомъ и сталъ исправляться только послѣ смерти послѣдняго. Подъ корою и въ сердцевинѣ живетъ теперь цѣлый міръ существъ. Нѣсколько видовъ жуковъ, изъ которыхъ одинъ водится исключительно въ этомъ деревѣ, личинки всевозможныхъ насѣкомыхъ, дождевые черви, различныя паукообразныя и многоножки и проч., и проч. На поверхности дерева основаны одинъ видъ папоротника и нѣсколько видовъ грибовъ.

Самый старыи и крупный экземпляръ изъ нынѣ живущихъ драконовыхъ деревьевъ находится въ маленькомъ городкѣ Ибѣ, верстахъ въ 18—20 отъ Оротавы. На маленькомъ грязномъ дворикѣ, среди кучи мусора и всякой дряни, одиноко стоитъ великанъ съ толстымъ стволомъ, изборожденнымъ множествомъ впадинъ и нарѣзовъ, въ которыхъ застыла темнокрасная смолистая масса (такъ-наз. драконова кровь). На высотѣ нѣсколькихъ аршинъ стволъ дѣлится на двѣ толстыя, массивныя вѣтви, поддерживающія громадную зонтикообразную верхушку. Еслибы отрѣзать такую вѣтвь съ соотвѣтствующей ей половиной зонтика, то получилось бы дерево еще очень почтенныхъ размѣровъ. Чтобы вообразить себѣ старое драконовое дерево, нужно себѣ представить или огромную итальянскую пинію, или же (это еще пожалуй будетъ лучше) гигантскую цвѣтовую вѣтвь (цвѣторасположеніе) какого-нибудь зонтичнаго растенія (укропа, моркови и пр.) Число вѣтвей все увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ ствола, такъ что на верхушкѣ мы имѣемъ цѣлыя тысячи тонкихъ, но довольно длинныхъ стержней, покрытыхъ длинными, сѣровато-зелеными листьями. Формою и цвѣтомъ послѣдніе очень похожи на листья всѣхъ извѣстныхъ ирисовъ (такъ-наз. бастиковъ) ¹⁾. Молодыя драконовыя деревья, съ еще небольшимъ

¹⁾ Подобно послѣднимъ, драконовое дерево (*Dracaena draco*) принадлежитъ къ большой группѣ односѣмянныхъ. Оно относится къ семейству Лилейныхъ, вмѣстѣ съ спаржей, лукомъ, лиліей и проч.

числомъ толстыхъ вѣтвей, гораздо оригинальнѣе и, по-моему, гораздо красивѣе старыхъ экземпляровъ. Съ возрастомъ увеличивается число вѣтвей и зонтикъ становится очень большимъ, но за то конечныя группы листьевъ теряютъ свои роскошныя формы.

Читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я такъ долго остановился надъ драконовымъ деревомъ, если онъ знаетъ, что это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ растений, и что впечатлѣніе, производимое имъ, чрезвычайно сильно. Въ числѣ факторовъ, возбуждавшихъ въ Гумбольдтѣ неутолимое стремленіе къ путешествіямъ въ жаркія страны, онъ называетъ экземпляръ драконоваго дерева, видѣнный имъ въ ботаническомъ саду въ Берлинѣ.

Такъ какъ само Икб, или Икб-де-лосъ-виносъ (между «и» и «о» нужно произвести вздохъ, чтобы вышло какъ слѣдуетъ по-испански) представляетъ нѣкоторый интересъ, и такъ какъ намъ нужно познакомиться съ островомъ сколь возможно подробнѣе, то мы отправимся и туда. Эту экскурсію нужно дѣлать непременно верхомъ, потому что узкая, каменистая и часто очень крутая тропинка не годится ни для какихъ экипажей. Мѣстность, по которой приходится ѣхать, довольно рѣзко отличается отъ той старательно обработанной страны, которая лежитъ между Лагуной и Оратавой. Сначала, вплоть до мѣстечка Реалехо, вы еще видите богатые посѣвы, но потомъ съ каждымъ шагомъ мѣстность становится все болѣе и болѣе дикою. Кое-гдѣ, и то только по близости съ мѣстами довольно рѣдкихъ селеній, встрѣчаешь разбросанныя кактусовыя плантаціи и небольшія поля картофеля и другихъ овощей. Большая же часть дороги пересѣкаетъ береговыя горы, представляющія собою наваленныя кучи камней, на которыхъ тамъ-и-сямъ торчатъ кактусообразный сочный молочай (*Euphorbia canariensis*), нѣсколько солончаковыхъ растений (главнымъ образомъ, изъ рода *Sempervivum*), особенный видъ ромашки и еще нѣкоторыя травянистыя растенія. Мѣстами попадаются цѣлыя группы красивыхъ папоротниковъ, которыми изобилуютъ Канарскіе острова и Мадейра. Въ общемъ получается довольно однообразная и унылая картина, которая мнѣ всего болѣе напомнила берегъ Прованса, между портъ-де-Фрежюсъ и Каннъ, и отчасти тѣ мѣста на южномъ берегу Крыма, которыя называются тамъ «хаосомъ». Изрѣдка пейзажъ мѣняется, то въ хорошую, то въ худую сторону. Вдругъ вы совершенно неожиданно подъѣзжаете къ ущелью, на днѣ котораго течетъ небольшо воды, благодаря чему растительность тотчасъ принимаетъ болѣе оживленный характеръ: вдоль ущелія тянется цѣ-

лый рядъ крупныхъ красивыхъ листьевъ иньямы¹⁾, а возлѣ нихъ небольшія, но изыскныя рощицы банановъ; тутъ же вонечно оказывается крытый черепицею домикъ съ неизбежными кактусами по сосѣдству, на которыхъ, впрочемъ, вмѣсто кошенили развѣшаны мокрыя платя и дырявое бѣлье. Движеніе по каменистой и узкой дорогѣ очень небольшое. Изрѣдка встрѣтится вамъ женщина съ корзиной: она идетъ въ гору съ цѣлю наломать тамъ прутьевъ или набрать папоротниковъ; или нѣсколько ословъ, приходящихъ каждый разъ при встрѣчѣ съ лошадыю въ сильное волненіе; или наконецъ верблюды, навьюченный вересковыми палками и необращающій ни малѣйшаго вниманія ни на пришедшую въ трепетъ лошадь, ни на меня, боящагося слетѣть съ нея....

На близлежащемъ холмѣ показалась мельница, а за нею — наклонная плоскость, на которой расположенъ Икоб. Въ глубинѣ ея виднѣтся хвойный лѣсъ, а далѣе, влѣво подымается громадная масса пика, изборожденная снѣжными полосами и болѣе чѣмъ до половины закутанная облаками. Спускъ, на которомъ стоитъ Икоб, pendant оротавской долины, представляетъ хорошо знакомый намъ видъ. Опять шахматныя влѣтки, рядомъ насаженные кошенильные кактусы, садики съ покрытыми снѣжными апельсинами деревьями; рѣже — финиковыя пальмы и драконовыя деревья. Возлѣ домовъ красуются роскошныя ярко-зеленыя кофейныя деревца съ только-что созрѣвшими малиновыми ягодами. На угольномъ домѣ, исписанномъ крупными буквами, значится: Ciudad Icod. Partido judicial de la Orotava. Provincia de Sanagios (городъ Икоб. Судебнаго округа Оротавы. Канарской провинціи). Эта большая надпись ведетъ васъ въ маленькій городъ съ низенькими двухъ-этажными домами со множествомъ дверей, но часто совсѣмъ безъ оконъ или съ отверстіями, неимѣющими ни рамъ, ни стеколъ. На главной улицѣ фонтанъ, испускающій тонкую струю мутной воды и наводняющій сосѣднюю площадь, обсаженную апельсиновыми деревьями. Народу на улицѣ было очень мало, покуда меня не замѣтили. Но лишь только я былъ усмотрѣнъ, тотчасъ же высыпали зрители обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ и притомъ въ такомъ количествѣ, что я сначала совсѣмъ растерялся. Мой агіеро, или попросту проводникъ, старался удовлетворить любопытство публики, объясняя, что я пріѣхалъ изъ Виллы съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть пещеру, что я

¹⁾Это ароидное растение (*Colocasia antiquorum*) воздѣлывается ради крахмальныхъ клубней, которые доставляютъ жителямъ Канарскихъ острововъ и Мадейры ежедневную пищу, въпрохѣ картофеля и батата.

«Питерсъ», рекомендованный дону Патрицію и т. п. Я постарался съёмъ возможно скорѣе укрыться отъ преслѣдовавшаго меня любопытства и, запасшись фонаремъ и сухимъ деревомъ, ушелъ изъ города въ пещеру гуанчей (*Cueva delle guanche*). Собственно ради этой пещеры я и отправился въ Икô; она изобилуетъ водами первобытныхъ обитателей Тенерифе, съ которыми мнѣ хотѣлось познакомиться съюль возможно обстоятельнѣе. Хотя въ этомъ отношеніи результатъ моей экскурсіи нельзя назвать особенно удачнымъ, тѣмъ не менѣе я хочу сказать два слова о пещерѣ. Она находится на разстояніи съ небольшимъ версты отъ города и составляетъ частную собственность. Входъ въ нее со двора, заваленнаго мусоромъ и вообще въ высшей степени грязнаго; впрочемъ, собственно говоря, входа никакого нѣтъ, а есть небольшое отверстіе, черезъ которое нужно влѣзать ползкомъ. Переправивши такимъ образомъ вашъ корпусъ, вы попадете въ довольно большую полость, въ значительной степени заваленную камнями, по которымъ вы должны пробираться далѣе — въ глубину пещеры. Съ каждымъ шагомъ она становится болѣе высокой и болѣе удобной для хожденія; мѣстами она имѣетъ вышины три въ вышину, но иногда за то до того уменьшается въ размѣрахъ, что вамъ приходится двигаться, держась на корточкахъ. По дорогѣ, освѣщаемой пучками лучинъ, я переворачивалъ множество камней, надѣясь найти подъ ними какое-нибудь живое существо, но эти исканія были совершенно напрасны; только у самаго выхода пещеры, куда уже проникалъ слабый свѣтъ, я нашелъ нѣсколько гнѣздъ одного паука. Тутъ же, около выходнаго отверстія (еще болѣе маленькаго чѣмъ входное) я наткнулся на цѣлую кучу старыхъ костей; большинство изъ нихъ были совершенно рыхлы и тотчасъ при прикосновеніи превращались въ порошокъ, другія же были въ гораздо лучшемъ видѣ; въ сожалѣнію всѣ онѣ представляли мало интереса: это были позвонки, куски реберъ, ключицы, кости пальцевъ, зубы. Мнѣ не удалось найти не только ни одного черепа, но даже ни одной кости головы въ отдѣльности. Пещера эта уже совершенно эксплуатирована и все, имѣющее наиболѣе интереса, перенесено уже въ различные музеи, несмотря на что вопросъ о скелетѣ гуанчей все еще остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Отъ главнаго корридора пещеры, имѣющаго въ длину не болѣе версты, идутъ еще боковыя вѣтви, изъ которыхъ я посѣтилъ одну, по словамъ мѣстныхъ жителей, самую длинную. Говорятъ, будто она тянется до самого подножія пика и имѣетъ въ длину болѣе десяти верстъ; впрочемъ, я прошелъ по ней только нѣ-

сколько сотъ шаговъ и, не нашедши ни одной кости, вернувшись назадъ на свѣтъ божій.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ цѣлыя кучи человѣческихъ костей очутились въ пещерѣ, остается неразъясненнымъ. По мнѣнію однихъ, пещеры служили гробницами гуанчей; другіе же ученые, съ болѣе пылкимъ воображеніемъ, утверждаютъ будто гуанчи, преслѣдуемые испанцами въ пятнадцатомъ столѣтіи, укрылись въ подземные гроты и погибли въ нихъ, запертые съ обоихъ концовъ врагами. Я читалъ доводы обѣихъ партій, но въ разборъ ихъ входить не стану, такъ какъ въ результатъ все-таки ничего вѣрнаго получиться не можетъ.

Познакомившись съ нижней, болѣе или менѣе культивированной частью острова, мнѣ очень хотѣлось подняться выше и осмотрѣть горы и остатки первобытныхъ лавровыхъ и вересковыхъ лѣсовъ. Каждый вечеръ я ложился спать съ намѣреніемъ на другое утро отправиться въ *Agua garcia* или *Mercedes*, мѣста, изобилующія лѣсами, но дождливая погода, не на шутку уставившаяся на Тенерифе, разрушала всѣ мои планы. Мнѣ поневолѣ пришлось просиживать цѣлые дни въ комнатѣ и, вѣсто предположенныхъ пріятныхъ прогулокъ, дополнять свое знакомство съ островомъ при помощи разговоровъ и книгъ. Читатель позволить мнѣ подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми изъ добытыхъ мною свѣдѣній.

III.

Климатъ Канарскихъ острововъ вообще и Тенерифе въ особенности. — Главные ресурсы островитянъ. — Кошениль и кактусъ. — Обитаемые пещеры. — Пища островитянъ — Преступленія и болѣзни. — Эмиграція въ Америку. — Общія данныя о благосостояніи края. — О народномъ образованіи канарцевъ.

Самыя раннія свѣдѣнія о Канарскихъ островахъ находятся у Плутарха. «Они» (острова), говоритъ этотъ писатель, «называются счастливыми. Количество падающаго на нихъ дождя, какъ говорятъ, самое надлежащее. Времена года умеренныя; дующій легкій вѣтерокъ сопровождается мягкой росой, дѣлающею почву до того плодородною, что она безъ воздѣлыванія приноситъ множество чудныхъ плодовъ и питаетъ жителей, не требуя усиленныхъ трудовъ». Можетъ быть, эти похвалы были нѣсколько преувеличены и для того времени, но климатъ Канарскихъ острововъ тѣмъ не менѣе дѣйствительно превосходный. Уже судя по множеству видовъ тропическихъ растений, акклиматизировавшихся на Тенерифе, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о теп-

острова. Сколько мнѣ извѣстно, изъ культурныхъ тропическихъ растений на Канарскихъ островахъ не можетъ расти какао. Всѣ же другія, не исключая индиго и ванили, растутъ и даютъ плоды на свободѣ. Въ послѣднее время даже дѣлали опыты, чтобы разводить индиго въ большихъ количествахъ. Нечего и говорить, что на зиму ни одно дерево не накрывается соломой или рогожами, какъ это дѣлается у насъ въ умѣренномъ климатѣ вообще. Многіе чисто тропическіе плоды, какъ, напр., гуавы, аноны и пр. поспѣваютъ въ самой срединѣ зимы. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вы примете въ соображеніе, что средняя температура зимы въ Санта-Крусъ де-Тенерифе ($14^{\circ},6$ Реомюра) равняется средней температурѣ лѣта въ Парижѣ ($14^{\circ},4$ Реом.). Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы зимою въ Санта-Крусѣ, было бы также жарко, какъ бы лѣтомъ въ Парижѣ. При чисто морскомъ климатѣ Канарскихъ острововъ теплота вообще распредѣляется гораздо равномернѣе, и разница между температурой дня и ночи на нихъ несравненно менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на материкѣ. Оттого-то при такой теплой зимѣ, острова отличаются сравнительно не жаркимъ лѣтомъ. Въ Санта-Крусѣ, несмотря на то, что этотъ городъ лежитъ на припекѣ и довольно хорошо защищенъ отъ сѣвернаго вѣтра, лѣтомъ бываетъ менѣе жарко, чѣмъ во многихъ пунктахъ южной Европы. Средняя температура лѣта этого города ($19^{\circ},8$ Р.) оказывается на цѣлый градусъ меньше соответствующей цифры для Малаги, пункта, лежащаго примѣрно на восемь градусовъ широты сѣвернѣе Тенерифе. Чтобы получить на европейскомъ материкѣ среднюю лѣтнюю температуру сѣвернаго берега только-что названнаго острова, нужно подняться до изотермы Рима ($18^{\circ},32$ Р.). Самый жаркій мѣсяцъ этого года—іюль, имѣетъ почти ту же температуру ($19^{\circ},1$ Р.), что и въ Оротавѣ, гдѣ іюль тоже самый жаркій мѣсяцъ въ теченіи цѣлаго года ¹⁾).

Несмотря на то, что во время моего пребыванія на Тенерифе погода была дурная (такъ что я съ полнымъ правомъ могъ сѣтовать и жаловаться на нее), тѣмъ не менѣе я лично имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности прекрасныхъ качествъ

¹⁾ Вотъ таблица средней температуры всѣхъ мѣсяцовъ года для Санта-Круса и Оротавы, по Реомюру.

	янв.	февр.	март.	апр.	май	іюнь	іюль	авгус.	сен.	окт.	нояб.	дек.	
С.-Крусъ (по Л.ф.-Буху).	14,1;	14,3;	15,7;	15,8;	17,9;	18,6;	20,1;	20,9;	20,1;	18,9	17,4;	15,4	
С.-Крусъ (по де-Оливье).	16,5;	17,3;	17,9;	17,4;	18,0;	19,4;	21,4;	21,4;	20,8;	20,0;	16,5;	15,5	
Вилла де-Оротавы (по де-Оливье)	. . .	18,4;	18,8;	14,3;	14,5;	16,6;	18,5;	19,7;	18,3;	17,7;	16,5;	16,1;	15,4

климата Канарскихъ острововъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что это за дурная погода. Съ утра облачное сѣрое небо. Дождь какъ изъ ведра. Но термометръ показываетъ больше 11 Реомюра; къ полудню вышло солнышко, высушило мокрую каменную мостовую и вы уже можете идти гулять, и разумѣется въ одномъ сюртукѣ. Правда, что этимъ дѣломъ еще не кончается дождь возобновляется разъ 5—10 въ день, но столько же разъ бываетъ и хорошая погода. А за то, если между нѣсколькими дождливыми днями выберется хоть одинъ совсѣмъ хорошій!

Послѣдствія такого хорошаго климата должны быть просты и нечислимы и было бы, мнѣ кажется, весьма интересно прослѣдить вліяніе его на весь строй социальной жизни на островахъ. Всѣмъ извѣстна тѣсная связь, существующая между климатомъ страны и ея растительностью, и мы видѣли выше, какъ она выражается въ общей системѣ полевого хозяйства на Тенерифе. Благодаря своему теплomu и въ то же время не влажному климату (вышеприведенная цитата изъ Плутарха гласитъ совершенно вѣрно: дождь падаетъ на островъ скорѣй мало, чѣмъ много) почти вся удобная почва «Канарской провинціи»¹⁾ превратилась въ кактусовыя плантаціи, доставляющія обильную пищу кошенили. Культура этого нѣжнаго насѣкомаго приобрѣла огромное значеніе для острововъ, вытѣснивъ всѣ остальные виды сельского хозяйства. Хотя кошениль никогда не разводилась и не будетъ разводиться въ предѣлахъ русскихъ владѣній, тѣмъ не менѣе я нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой не безынтересной культурѣ.

Подобно всѣмъ извѣстнымъ травянымъ вшамъ, кошениль (*Coccus cacti*) паразитируетъ на поверхности мягкихъ частей растенія. Она живетъ на широкихъ лопатообразныхъ листьяхъ кактуса (*Opuntia ficus indica*), въ которые всовываетъ свой длинный хоботъ, служащій для проведенія жидкаго питательнаго растительнаго сока внутрь тѣла. Во всемъ семействѣ насѣкомыхъ, къ которому относится кошениль, замѣчательно странное явленіе такъ-наз. полового диморфизма: самцы и самки очень мало похожи другъ на друга. Въ то время какъ первые имѣютъ видъ маленькой мошки съ четырьмя крылышками и длинными хвостовыми придатками, самки представляются въ видѣ безкрылыхъ неуклюжихъ шариковъ, подвижныхъ только въ періодъ раннаго возраста. Самцы, сохраняющіе въ теченіе своей непродолжитель-

¹⁾ Въ административномъ отношеніи, Канарскіе острова составляютъ просто испанскую провинцію, подобно, напр., Балеарскимъ островамъ. Они имѣютъ избранный провинціальный совѣтъ и посылаютъ депутатовъ въ Мадридъ.

жизни почти одну и ту же величину, претерпѣваютъ очень рѣдкія измѣненія формы (такъ-наз. полное превращеніе); самки же, напротивъ, почти не мѣняютъ наружнаго вида, но за то очень сильно увеличиваются въ объемѣ. Эти-то послѣднія, будучи высушены, и доставляютъ продажную, всѣмъ извѣстную кошениль.

Что касается кошенильного кактуса, то его болѣе или мѣнѣе знаютъ всѣ. Во всякой самой маленькой оранжереѣ вы найдете это неуклюжее растение, состоящее изъ цѣлаго ряда насаженныхъ другъ на друга пластинокъ, покрытыхъ длинными колючими. На югѣ Франціи и въ Италіи оно растетъ безъ всякаго присмотра на береговыхъ скалахъ и вообще на мѣстахъ, обращенныхъ на южную сторону. Только тамъ кактусъ служитъ не для питанія кошенили (это нѣжное животное требуетъ болѣе теплаго климата), а для производства плодовъ (т.-наз. индійскихъ фигъ), составляющихъ очень распространенный освѣжающій фруктъ на югѣ Европы. Чтобы разсадить это растение, стѣбтъ лишь воткнуть въ землю отрѣзанныя пластинки: онѣ очень скоро фиксируются въ почвѣ, пускаютъ корни и затѣмъ даютъ новыя пластинки. Когда кактусъ достигъ извѣстнаго возраста, то на него переносятъ цѣлое поколѣніе молодой, еще двигающейся кошенили. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Цѣлыя сотни толстыхъ самокъ кладутъ на холстяныя полосы, на которыхъ совершается актъ рожденія. Такъ какъ каждая самка можетъ произвести болѣе пятидесяти дѣтей, то очень скоро весь холстъ покрывается маленькой подвижной молодью, которая только ищетъ случая, чтобы прирѣзвиться къ сочнымъ кактусовымъ листьямъ. Для этого послѣдніе обвязываются холстяными полосами, которыя часто оставляютъ на растеніи въ продолженіе цѣлой зимы, чтобы онѣ защищали молодыхъ животныхъ отъ дождей и холода. Оттого-то издали кактусовыя плантантаціи кажутся зимою совершенно бѣлыми, какъ это было упомянуто мною въ началѣ статьи. Весь циклъ жизни кошенили продолжается три мѣсяца. Поколѣніе, родившееся въ началѣ зимы, достигаетъ своего окончательнаго развитія къ апрѣлю. Самки становятся величиною съ крупную горошину и уже готовы народить многочисленное потомство. Послѣднее созрѣваетъ къ августу, а дѣти ихъ, третье поколѣніе въ году, собирается зимою. Такимъ образомъ, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ получается три жатвы насѣкомаго. Собирается оно посредствомъ особенныхъ щетокъ изъ пальмовыхъ листьевъ, которыми зрѣлыя самки соскабливаются съ листа и препровождаются въ подставленную подъ кактусовый вустъ корзину. Послѣ этого производится сушка.

Для этой цѣли существуютъ особыя сушильни, въ которыя ставятся полки съ множествомъ отдѣленій, покрываемыхъ цѣлымъ слоемъ насѣкомаго. Нагрѣваніе производится посредствомъ подпольныхъ трубъ и бываетъ такъ сильно, что температура доходитъ до 60°. При такихъ условіяхъ сочное насѣкомое высыхаетъ довольно скоро, что оказывается крайне необходимымъ для предотвращенія его отъ порчи и отъ нападенія паразитическихъ растений. Самая длинная процедура нужна для того, чтобы очистить кошениль отъ большого количества бѣлаго мучнистаго вещества, которымъ она покрывается во время жизни и которое приноситъ ей большую пользу, защищая отъ дождя и другихъ вредныхъ вліяній. Очистка эта производится посредствомъ такихъ точно ручныхъ вѣялокъ, какія употребляются въ нашихъ хозяйствахъ для хлѣбныхъ зеренъ. Но кромѣ того, кошениль должна пройти еще черезъ нѣсколько рѣшетъ и затѣмъ быть очищенной отъ примѣси оставшихся кактусовыхъ колючекъ. Только по окончаніи всѣхъ этихъ манипуляцій, требующихъ много труда и еще больше времени, высушенные и чистенькія насѣкомыя упаковываются въ холщевыя мѣшки, покрытые еще сверхъ того тростниковыми рогожами, и наконецъ пускаются въ продажу. Канарскіе острова почти вовсе не потребляютъ кошенили, а Испанія потребляетъ ее очень немного; вся масса ея отправляется въ Англію и Марсель, откуда она переходитъ на фабрики. Она служитъ главнымъ образомъ для окраски матерій въ малиновый и розовый цвѣта и для выдѣлыванія кармина.

Кошенильная культура явилась въ замѣнъ винодѣлія, сильно пострадавшаго отъ виноградной болѣзни, господствовавшей на островахъ въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ. Привезенная лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ центральной Америки, она разводилась въ небольшихъ количествахъ, отчасти ради курьеза; но въ критическую минуту за нее принялись болѣе серьезно и она дала отличные результаты. Такъ какъ канарской кошенили пришлось конкурировать только съ американской (Гондурасъ), привозъ которой въ Европу обходился само собою гораздо дороже, то она мало-по-малу вытѣснила послѣднюю и принесла на острова большія деньги. Эта культура оказалась очень удобной еще потому, что требуя длинную, хотя и не сложную процедуру, она занимаетъ множество рабочихъ рукъ. Круглый годъ она даетъ работу женщинамъ, а во время жатвы работаютъ даже дѣти. Говорятъ, что девяти—десятилѣтнія дѣти зарабатываютъ въ день по два, по два съ половиною реала (около 17—20 копѣекъ) и тѣмъ въ немалой мѣрѣ содѣйствуютъ установле-

нiю общаго благосостоянiя, насколько оно возможно при нынѣшнемъ социальномъ строѣ.

Какъ я уже сказалъ, кошенильная культура вытѣснила всѣ остальные виды хозяйства на островахъ. Не говоря о винодѣлiи, которое осталось въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, она заняла мѣсто шелководства, выдѣлыванiя соды и прочихъ отраслей. Дурные результаты такой исключительной системы не замедлили обнаружиться, и я отовсюду слышалъ жалобы, что дѣла съ кошенилью ухудшаются съ каждымъ годомъ. Нынѣ фунтъ кошенили стоитъ на мѣстѣ два съ половиною франка, тогда какъ нѣсколько лѣтъ назадъ (когда ея было не такъ много на островѣ), она оплачивалась вдвое дороже¹⁾. Говорятъ, что было время, когда фунтъ охотно покупали за 40, 60 франковъ (это было впрочемъ въ первое время, когда только-что начали разводить ее на островахъ). Благоразумные люди уже теперь хлопочутъ о томъ, чтобы уменьшить количество кошенили и разводить вмѣсто нея табакъ, индиго или что-нибудь другое. Эти мѣры тѣмъ болѣе необходимы, что съ каждымъ годомъ кошениль въ большей или меньшей степени замѣняется анилиновою краской.

Единственная отрасль культуры, которую не могла вытѣснить кошениль, составляетъ воздѣлыванiе растений, необходимыхъ для потребленiя на островахъ. Хотя канарцы все-таки нуждаются въ привозѣ немалого количества хлѣба, тѣмъ не менѣе они сѣютъ довольно много зерновыхъ хлѣбовъ, картофеля, бататовъ, инъямъ и стручковыхъ плодовъ. Въ этомъ отношенiи они впрочемъ ведутъ дѣла недостаточно успѣшно, такъ какъ при ограниченномъ скотоводствѣ они должны очень дорого уплачивать удобрение. Посмотрѣли бы вы, чѣмъ только они кормятъ скотъ! Для этого обрываютъ листья драконовыхъ и другихъ деревьевъ и примѣшиваютъ къ нимъ чуть не палки. Сѣно продается чуть не на вѣсь золота. Вся земля, идущая не на кактусовыя плантаціи, отдается помѣщикамъ на аренду, и притомъ всегда съ половины, условіе, которое считается на островахъ довольно выгоднымъ.

Приведенные факты показываютъ намъ, что острова представляютъ порядочные ресурсы для существованiя, и что на

¹⁾ Я заимствую изъ сочиненiя *de-Oliver*: *Diccionario estadístico-administrativo de las Islas Canarias*. Barcelona 1865,—слѣдующія цифры о количествѣ кошенили, вывезенной изъ порта Санта-Крусъ:

въ 1853	935,513 фунтовъ	въ 1857	1,126,215 фунтовъ.
» 1854	690,030 »	» 1858	707,605 »
» 1855	1,068,348 »	» 1859	653,665 »
» 1856	1,069,598 »	» 1860	542,271 »

нихъ круглый годъ есть что дѣлать: то сборъ вошенили и всѣ сопряженныя съ этимъ манипуляціи, то жатва хлѣбныхъ, корнеплодныхъ и бобовыхъ растений. Къ числу довольно крупныхъ ресурсовъ нужно отнести еще рыбную ловлю *en grand*, производимую канарцами на берегу Сахары. Они отправляются туда ежегодно по нѣскольку разъ и привозятъ огромныя количества рыбы, которая сушится и составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ питательныхъ средствъ островитянъ. Конечно, если есть ресурсы, то-есть и силы, чтобы ихъ эксплуатировать. Вопросъ заключается теперь въ томъ, существуетъ ли равновѣсіе между тѣмъ и другимъ факторомъ; въ какой мѣрѣ населена страна и достаточно ли въ ней ресурсовъ для того числа жителей, которое она должна прокормить? Мы знаемъ примѣръ Мадейры, гдѣ, при образцовой производительности почвы и отличномъ климатѣ, населеніе страдаетъ отъ нищеты и страдаетъ можетъ быть не столько вслѣдствіе соціальныхъ золъ, сколько по причинѣ слишкомъ большого народонаселенія. Канарскіе острова поставлены въ этомъ отношеніи безспорно гораздо лучше. Согласно всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ собрать, ихъ населеніе таково, что на квадратную милю приходится двѣ или съ двѣ съ небольшимъ тысячи жителей, а на Мадейрѣ — больше семи тысячъ! Въ началѣ пятидесятихъ годовъ на Тенерифе, одномъ изъ самыхъ густонаселенныхъ острововъ всего архипелага, считалось 1,956 жителей на квадратную милю, а на Гранъ-Канаріа — 1,786 ¹⁾. По стариннымъ свѣдѣніямъ, какъ, напр., тѣ, которыя сообщены въ большомъ сочиненіи Веббъ и Бертло, на всѣхъ островахъ среднимъ числомъ приходится только 865 человекъ на квадратную милю.

Все, что мы до сихъ поръ видѣли, позволяетъ думать, что Канарскіе острова представляютъ условія довольно хорошія для человѣческаго существованія. Исключительно превосходный климатъ даетъ возможность круглый годъ пожинаать земныя блага. Онъ же составляетъ причину того, что потребности островитянъ во многомъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ обитателей другихъ климатовъ. Теплаго платья почти не нужно: описанныя въ первой главѣ фланелевыя юбки употребляются только короткое время, да и что же это за теплое одѣяніе? Отопленія жилищъ никто, разумѣется, не знаетъ. Огонь разводится только для того, чтобы сварить обѣдъ и разводится часто въ маленькой переносной глиняной печкѣ, которую вы на каждомъ шагу

¹⁾ Въ Готскомъ календарѣ за 1871 г. показано только 1,208 человекъ на квадратную милю Канарскихъ острововъ.

отрѣчаете на улицахъ. Двѣ горсти угля нужны для того, чтобы вскипятить воду, въ которой варится и картофель, и бобы, и все прочее. Чтобы судить о томъ, до чего можетъ быть упрощена вся жизнь въ этомъ чудномъ климатѣ, каковъ климатъ Танарифе, нужно внимательно осмотрѣть жилища и образъ жизни местныхъ людей. Много островитянъ живетъ въ маленькихъ хижинахъ, построенныхъ просто изъ кучи камней и покрытыхъ тростниками, а многіе живутъ въ пещерахъ. Я былъ чрезвычайно изумленъ, увидѣвши въ первый разъ такія обитаемыя пещеры, которыя находятся даже въ самой столицѣ Канарскихъ острововъ. У основанія большой скалы, находящейся подъ однимъ изъ главныхъ фортвъ, въ виду моря и всего ряда дикихъ горъ, ограничивающихъ лѣвый берегъ залива Санта-Круса, вы можете видѣть два небольшія отверстія въ туфовой массѣ. Влѣзши въ одно изъ нихъ, имѣющее меньше аршина въ вышину, я очутился въ человѣческомъ жилищѣ. Пещера эта была довольно высока и имѣла аршинъ 15 или около того въ поперечникѣ. Внутри пещеры каменная мебель: большая плоская базальтовая плита, на которой была постлана постель; другой камень, болѣе высокій, съ различными домашними принадлежностями и проч. Угли нѣтъ; обѣдъ готовится, какъ я уже сказалъ, на маленькой переносной печкѣ. Сначала мнѣ показалось, что жить въ такой пещерѣ должно быть ужасно скверно; но потомъ, когда я обратилъ вниманіе на чистый воздухъ внутри пещеры, на низкую температуру, на отсутствіе въ ней сырости (несмотря на дождливую погоду) и когда вспомнилъ, каковъ воздухъ и другія условія находятся въ нашихъ избахъ, то поневолѣ долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе. Затѣмъ я осмотрѣлъ другую пещеру, съ нѣскольکو болѣе богатой обстановкой, и нашелъ, что тамъ можно жить несомнѣнно гораздо лучше, чѣмъ въ занимаемой рабочимъ людемъ квартирѣ какого-нибудь многоэтажнаго дома любого изъ большихъ городовъ. Эта вторая пещера была раздѣлена тростниковой перегородкой на двѣ половины; въ одной изъ нихъ стояли кровати, въ другой шкапъ съ очень порядочной посудой и другими домашними принадлежностями. Не нужно забывать, что почти цѣлый день пещеры остаются пустыми. Мужья уходятъ на работу, а жены и дѣти водятся цѣлый день на открытомъ воздухѣ и тутъ же готовятъ и обѣдаютъ.

Нынешніе обитатели Канарскихъ острововъ питаются почти исключительно растительной пищей и рыбою. Вотъ сколько приходится пищи въ день на каждого жителя Санта-Круса¹⁾. Свѣ-

¹⁾ Отсюда разсказать я взялъ изъ интереснаго сочиненія: *Ensayo historico sobre la*

жаго мяса около одного съ третью золотника(!), соленого мяса менѣе золотника; хлѣба немного болѣе четверти фунта; гофѣ (поджаренной муки) около пятнадцати золотниковъ, картофеля—почти цѣлый фунтъ; рыбы—11 съ половиною золотниковъ; молока 0,04, а вина—0,05 литра. Если принять въ соображеніе что эти цифры получены посредствомъ простаго раздѣленія суммы потребляемыхъ ежедневно продуктовъ на число жителей, то выйдетъ, что на бѣдный классъ мясной пищи не придется вовсе или же придется самое незначительное количество. Мясо ѣст рабочій классъ только въ большіе праздники; остальное время онъ пробавляется соленой или сушеной рыбою, картофелемъ и хлѣбомъ. Было бы неосторожно вывести изъ этихъ фактовъ заключение, что народъ не можетъ питаться мясомъ и что почти исключительно растительная пища составляетъ для него лишеніе. Каждый народъ имѣетъ свою особенную фizioномію и свою особенную кухню. Южно-европейскія націи, какъ итальянцы и испанцы, оказываютъ положительное предпочтеніе овощамъ и оливковому маслу передъ говядиной и коровьимъ масломъ; въ этомъ не слѣдуетъ видѣть какого-то вліянія теплаго климата; это установившійся народный вкусъ, который могъ имѣть и навѣрно имѣлъ множество своихъ причинъ. Тѣ самые Канарскіе острова, которые теперь столь бѣдны скотомъ, были нѣкогда населены народомъ берберійскаго племени, питавшимся почти исключительно мясомъ и содержавшимъ огромное количество животныхъ. Что такой способъ питанія былъ не вреденъ, несмотря на теплый климатъ, мы знаемъ изъ множества фактовъ. По видимому и растительная пища теперешнихъ островитянъ не причиняетъ имъ ничего дурного; худо дѣйствуетъ на нихъ сушеная и соленая рыба, которой приписываютъ распространеніе многихъ кожныхъ болѣзней на островѣ.

Я собралъ и привелъ всѣ эти факты для того, чтобы представить хоть какой-нибудь очеркъ быта и положенія обитателей страны, одаренной чуть не лучшимъ климатомъ на всемъ земномъ шарѣ. Обусловливаетъ ли это вмѣстѣ съ другими благоприятными условіями довольство и счастье жителей? Что и какъ съблудили люди для того, чтобы воспользоваться всѣми благами, которыми ихъ такъ щедро одарила природа? Эти вопросы и другіе тѣсно съ ними связанныя когда-нибудь будутъ рѣшены точнымъ, научнымъ образомъ. Но откуда добыть данныя для того, чтобы отвѣтить на нихъ теперь хоть съ приблизительной достовѣрно-

enfermedad que reino epidemicamente en la ciudad de Santa Cruz de Tenerife. Por Don Pedro Vergara y Diaz y Don Angel izquierda y Roza. С.-та-Крусъ, 1864. Таблица 41.

Зачѣмъ всѣ изслѣдователи забываютъ или не хотятъ знать, что жизнь человѣческая сходится какъ клинъ съ клиномъ на вопросъ о счастьѣ, и зачѣмъ они такъ мало стараются распутать его? Наука о человѣкѣ рано или поздно выйдетъ на эту дорогу и освѣтитъ многое, что теперь представляется въ видѣ тьмы.....

Многіе смотрятъ на преступленія и болѣзни какъ на симптомы, отражающіе внутреннее состояніе общественнаго организма. Вотъ что представляютъ намъ въ этомъ отношеніи Канарскіе острова.

Судя по числу обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, эти острова занимаютъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду испанскихъ провинцій. Только Овiedo (одна изъ сѣверныхъ провинцій) и Балеарскіе острова представляютъ еще меньшее количество преступленій. Въ общемъ, число обвиняемыхъ на Канарскихъ островахъ составляетъ немного болѣе четверти всѣхъ привлеченныхъ къ суду въ провинціи Арагоніи, отличающейся многочисленностью преступленій. По расчету на 100,000 жителей, въ Мадридской провинціи въ 1859-мъ году приходилось 27,15 привлеченныхъ къ суду, а на Канарскихъ островахъ только 6,92¹⁾. Убіиства, вообще довольно частыя въ Испаніи (которая въ этомъ отношеніи занимаетъ второе мѣсто въ Европѣ), на Канарскихъ островахъ составляютъ почти рѣдкость. Въ теченіе 1861-го года на весь судебный округъ Санта-Круса²⁾ пришелся одинъ преступникъ, обвиненный въ убійствѣ, тогда какъ въ Испаніи вообще, на 100,000 жителей среднимъ числомъ приходится 9,36 убійствъ. Конечно, данныя, которыя мы имѣемъ относительно уголовной статистики Канарскихъ острововъ, еще очень немногочисленны; но и онѣ достаточны уже для того, чтобы сказать, что испанцы-островитане стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше своихъ собратій на материкѣ. Этотъ выводъ подтверждается всѣми иностранцами, поселившимися на островахъ. Всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ нравственность канарцевъ и увѣряютъ, что не только убійства, но и другія, вообще болѣе распространенныя преступленія, какъ, напримѣръ, воровство и грабежъ, случаются очень рѣдко. Изъ пятидесяти-четырехъ лицъ, обвиненныхъ уголовнымъ судомъ С.-Круса въ 1861

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ таблицы 62-й вышеприведеннаго сочиненія: *Ensayo historico sobre la enfermedad* и проч.

²⁾ Этотъ судебный округъ имѣлъ къ 1861-мъ году 39,879 жителей. См. *Discurso estadístico-administrativo*, стр. 997. По числу убійствъ Канарскіе острова стоятъ все-таки гораздо выше многихъ странъ Европы, напр., Англіи, Бельгіи.

году, 39 были наказаны за воровство, грабежъ и мошенничество 5—за нанесеніе ранъ и увѣчья, 6—за причиненіе убытковъ, 1 по одному за убійство, за оскорбленіе религіи и властей, и 1 клевету.

Вопросъ о состояніи здоровья и о болѣзняхъ жителей Канарскаго архипелага представляетъ, какъ мнѣ кажется, очень большой интересъ. Принимая въ соображеніе и ставя на первый планъ климатическія условія, многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы на Канарскихъ островахъ могли распространяться болѣзни. Еще недавно многіе серьезные люди доказывали, что на Мадейрѣ не существуетъ и не можетъ существовать бугорчатка между туземцами и что на этомъ островѣ, столь извѣстномъ своимъ цѣлебнымъ климатомъ, болѣзни вообще распространены очень мало. Обстоятельныя изслѣдованія Митермайера и другихъ медиковъ показали, что это мнѣніе совершенно лишено основанія и что на Мадейрѣ бугорчатка составляетъ не рѣдкость, хотя она и не является столь часто, какъ во многихъ городахъ на материкѣ Европы. Сравнительно дурное состояніе здоровья мадерскихъ туземцевъ стараются объяснить неблагоприятными гигиеническими условіями, являющимися какъ результатъ нищеты, сильно распространенной на островѣ съ его 7,744-мя жителями на квадратную милю.

Что же въ этомъ отношеніи мы видимъ на Teneriffe и на другихъ Канарскихъ островахъ?

Цифра смертности оказывается довольно низкою, хотя и болѣе высокою, чѣмъ, напр., въ Швеціи, странѣ, стоящей въ климатическомъ отношеніи неизмѣримо ниже Канарскихъ острововъ. По расчету, сдѣланному мною на основаніи цифръ, представленныхъ де-Оливою (loc. cit. стр. 224) и относящихся къ періоду отъ 1857-го до 1861-го года, изъ ста жителей на всѣхъ Канарскихъ островахъ ежегодно умираетъ 2,07. Въ Санта-Крусѣ отношеніе еще болѣе выгодно, такъ какъ смертность составляетъ только 2,01%. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи этихъ цифръ, слѣдуетъ припомнить, что въ Испаніи изъ ста человекъ умираетъ 2,95, въ Пруссіи—2,58, въ Швейцаріи—2,36, во Франціи 2,28, въ Англіи—2,27 и въ Швеціи—только 1,98%¹⁾. Данныя, которыя мы имѣемъ о средней продолжительности жизни на Канарскихъ островахъ, указываютъ на сильныя колебанія ея. За періодъ отъ 1751—1760 она раз-

¹⁾ Данныя, изъ которыхъ я вывелъ эти цифры, взяты мною изъ: *Geburten, Sterbefälle und Trauungen in der Schweiz im Jahre 1867*. Bern, 1870 Стр. XXI. Они относятся къ періоду отъ 1861-го до 1865-го года.

жизнь 28,5 лѣтъ; отъ 1761—1777 она повысилась до 37; отъ 1786—1819 она еще повысилась до 37,5. Затѣмъ она начала падать: отъ 1820—1849 она уже составляла 30, а отъ 1850 до 1857 она упала до 24,5 лѣтъ¹⁾. Эти цифры особенно замѣчательны въ томъ отношеніи, что эпидеміи на нихъ повидимому не оказывали никакого (или скорѣе противоположное) вліянія. Такая низкая цифра относится къ періоду, въ который на островѣ не было ни одной эпидеміи; между тѣмъ въ періодъ отъ 1820—1849 годы, когда средняя продолжительность равнялась тридцати годамъ, на островѣ были сильныя эпидеміи оспы (1828) и желтой лихорадки (1846).

На долговѣчность — климатъ и другія условія Канарскихъ острововъ повидимому не производятъ хорошаго дѣйствія. Въ Санта-Крусѣ только одинъ изъ 60-ти достигаетъ возраста отъ 71 до 80 лѣтъ, тогда какъ во Франціи его достигаетъ одинъ изъ 29,91 жителей, въ Англіи 1 изъ 44, въ Швеціи 1 изъ 46 (Ensayo historico, стр. 26). Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ правда, что, раньше созрѣвая и старѣясь, многіе южные народы раньше начинаютъ циклъ жизни.

Хотя изъ эндемическихъ (какъ-бы сказать домашнихъ) болѣзней на Канарскихъ островахъ существуетъ только проказа, тѣмъ не менѣе островитяне страдаютъ довольно много отъ эпидемическихъ и космополитическихъ болѣзней. Судя по таблицамъ военного госпиталя, въ Санта-Крусѣ встрѣчаются почти всѣ виды лихорадочныхъ болѣзней, страданій легкихъ, пищеварительныхъ органовъ, сердца, глазъ и проч. Острыя легочныя болѣзни сплошь и рядомъ поражаютъ неосторожныхъ островитянъ, какъ меня убивали мѣстные жители. Воспаленіе глазъ также очень обыкновенно. О распространеніи неизбежнаго сифилиса можно судить по прилагаемымъ цифрамъ военного госпиталя²⁾: охраняющее общественную безопасность войско служитъ здѣсь болѣе главнымъ разсадникомъ венеріи. О распространеніи дѣтскихъ болѣзней я не могъ добыть положительныхъ свѣдѣній; но, судя по убѣренію знакомыхъ мнѣ отцовъ семействъ, онѣ не отличаются свирѣпостью; только оспа дѣлаетъ большія жатвы между дѣтьми. Это подтверждается свидѣтельствами медиковъ, практикующихъ на Мадейрѣ.

Несмотря на карантинныя и всѣ прочія строгости, эпидеміи

¹⁾ См. Diaz y Roxo: Ensayo historico sobre la enfermedad и проч. Стр. 32.

²⁾ Въ 1858 году изъ 467 больныхъ было 48 сифилитиковъ; въ 1859 изъ 461 больного — 57, въ 1860 изъ 522 больныхъ — 72; въ 1861 изъ 448 больныхъ — 68; въ 1862 изъ 790 больныхъ — 82. См. Ensayo historico sobre la enfermedad и пр., табл. 47.

не рѣдко посѣщаютъ Канарскіе острова и выбираютъ между ними самыя большіе и самыя населенныя. На Гранъ-Канарі свирѣпствовала въ пятидесятихъ годахъ сильная холерная эпидемія, а на Тенерифе нѣсколько разъ являлась желтая лихорадка. Эта жестокая болѣзнь гнѣздится каждый разъ въ Санта-Крусѣ и, несмотря на свою способность распространяться, она никогда еще не доходила до мѣстъ, лежащихъ на нѣсколькихъ футовъ надъ уровнемъ моря. Поэтому-то, во время лихорадки, всѣ кто можетъ переселяются въ Лагуну, лежащую на высотѣ 670-ти футовъ и находящуюся всего на разстояніи какихъ-нибудь восьми или десяти верстъ отъ Санта-Круса. Въ нынѣшнемъ столѣтіи желтая лихорадка посѣщала трижды Тенерифе: сначала она была въ 1810, затѣмъ въ 1845 и 1846 годахъ и наконецъ въ 1862 и 1863 годахъ. Объ этой послѣдней эпидеміи, продолжавшейся отъ октября по мартъ и унесшей около пятисотъ человѣкъ (по *официальнымъ* даннымъ), написано цѣлое сочиненіе, изъ котораго можно извлечь много интересныхъ фактовъ; такъ какъ оно содержитъ цѣлый рядъ таблицъ статистикъ края, то я заимствовалъ изъ него многіе изъ вышеприведенныхъ цифръ. — Одно изъ обстоятельствъ, очень поражающихъ въ этомъ сочиненіи, заключается въ чрезвычайно характерной непропорціональности содержанія. Сначала авторы очень длинно распространяются насчетъ административныхъ мѣръ, принятыхъ властями; тутъ цѣликомъ перепечатаны всѣ циркуляры, отношенія, донесенія и проч. Въ прибавленіи даже сказано, что получилъ какую награду за труды для подавленія эпидеміи. Медицинская сторона дѣла видимо меньше занимала авторовъ, чѣмъ административная и статистическая: на патологическую анатомію посвящено всего полстраницы, на которыхъ разумѣется ничего не сказано. Подробнѣе изложены исторіи болѣзней, изъ которыхъ явствуетъ свойственная южнымъ медикамъ страсть пускать больнымъ кровь и въ качествѣ лекарствъ поить ихъ наранхадой, т.-е. водой съ апельсиновымъ сокомъ! Нужно вамъ замѣтить, что большинство канарскихъ врачей получило воспитаніе въ Мадридѣ и Парижѣ.

Изъ статистическихъ таблицъ о теченіи желтой лихорадки въ Санта-Крусѣ явствуетъ несомнѣнно, что дѣтскій возрастъ (отъ 1½ года до 10 лѣтъ) всего менѣе подверженъ эпидеміи, тогда какъ наибольшая смертность падаетъ на возрастъ отъ 41 до 60 года. Женщинъ заболѣвало гораздо меньше, чѣмъ мужчинъ (на 100 заболѣвшихъ мужчинъ приходилось 57,8 женщинъ). Что мнѣ кажется весьма поразительнымъ, это фактъ, что самый большой процентъ смертности былъ замѣченъ въ концѣ эпиде-

Въ теченіе перваго мѣсяца умерло около 22%, въ сере-
днѣ эпидеміи—22,6, а въ концѣ—26%. Въ общей сложности
умерло приблизительно четвертая часть всей суммы заболѣвшихъ
(изъ 2000—около 500).

Кромѣ желтой лихорадки, на Тенерифе нѣсколько разъ сви-
дѣствовала оспа. Одинъ разъ она была въ 1828 году, а другой
въ въ прошломъ году, когда она исходила чуть не большую
часть всего земного шара. Брюшной тифъ бываетъ временами
очень сильно, особенно въ Оротавъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ
онъ принялъ видъ настоящей эпидеміи, и мнѣ рассказывали съ
увереніемъ, что въ одной Вилльи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ
отъ него умерло двѣнадцать богатыхъ людей.

Трудно рѣшить, какую роль играютъ соціально-экономиче-
скія условія въ распространеніи болѣзней на Канарскихъ остро-
вахъ. Но несомнѣнно, что въ помощь имъ являются хорошо из-
вѣстныя правила житейской мудрости, въ родѣ «одинъ разъ уме-
ть», «смѣлымъ Богъ владѣетъ» и проч. На каждомъ шагѣ
жизни поражаетъ небрежность и невниманіе въ дѣлѣ сохраненія
здоровья, контрастируя съ постоянными заботами о недопущеніи
американскихъ и африканскихъ судовъ, о карантинахъ и проч.

Весьма важный вопросъ о бѣдности и богатствѣ, т.-е. о рас-
пределеніи имущества на островахъ, къ сожалѣнію не можетъ
быть рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ. Я старался узнать
много ли на островахъ богачей, думая, что на это отвѣтить
будетъ легко, чѣмъ на вопросъ о количествѣ бѣдняковъ, и по-
лучилъ въ то же время, что чѣмъ больше богатыхъ, тѣмъ больше
и бѣдныхъ. Но оказалось, что тутъ существуютъ особенныя
условія. На Канарскихъ островахъ довольно много богачей, но
они люди большею частью разбогатѣвшіе на Антильскихъ остро-
вахъ и вернувшіеся домой проводить остатокъ дней своихъ «въ
тишинѣ и спокойствіи». Еще съ тѣхъ поръ, когда чуть не все
человѣчество помѣшалось на существованіи золотой страны въ
Америкѣ, канарцы, или какъ ихъ называютъ въ Новомъ Свѣтѣ
—исленовъ (Islenos) получили особенный вкусъ къ временнымъ
переселеніямъ. Они, какъ я уже упомянулъ выше, отправлялись
еще съ Колумбомъ и другими мореплавателями и были первые
основатели, основавшіе Монтевидео и колонизовавшіе Санъ-Доминго.
Куба, Пуэрто-Рико и Венесуэлла составляютъ и до сихъ поръ
запасные склады, куда канарцы являются съ цѣлью сколь воз-
можно скорѣе нажиться и при первомъ случаѣ вернуться на
родину. Многимъ это конечно не удается; одни исчезаютъ безъ
слѣда, другіе окончательно натурализуются въ Новомъ Свѣтѣ;
но все же болѣе одной пятой возвращается домой и приноситъ

съ собою хорошее состояніе ¹⁾. Такой постоянный прилив матеріальныхъ средствъ послужилъ безспорно къ тому, что поднять общій уровень цивилизаціи на островахъ; къ сожалѣнію только самыя несимпатичныя стороны европейской культуры на болѣе привились на нихъ. Огромныя деньги тратятся на *articles de luxe*, на шелковыя и другія матеріи, на каррарскій мраморъ и проч. и очень мало на вещи, болѣе содѣйствующія развитію ума и приносящія большую пользу народу.

Связь, существующая между Канарскими островами и Нивымъ Свѣтомъ составляетъ постоянную и самую лучшую гарантію ихъ отъ чрезмѣрнаго увеличенія народонаселенія. Теперь уже установился такой обычай, что ежегодно переселяется съ всего архипелага около двухъ тысячъ человѣкъ; большая часть ихъ отправляется на Кубу. Замѣчено, что число переселенцевъ ежегодно нѣсколько варьируется, смотря по цѣнѣ на копенгагенскія ясны, что чѣмъ она дешевле, тѣмъ большее число людей должно переселяться въ Америку.

По свидѣтельству всѣхъ, съ кѣмъ я имѣлъ случай говорить настоящей нищеты на Канарскихъ островахъ почти не знаютъ, и бѣдность далеко не такъ значительна, какъ на материкѣ или на Мадейрѣ. Фабрики, которыя бывають такъ часто рассадницами самой вопіющей бѣдности и эксплуатаціи труда капиталомъ, на Канарскихъ островахъ почти не существуетъ. Я говорю «почти», потому что въ статистическомъ словарѣ де-Олива показана цифра 250 фабричныхъ на всемъ архипелагѣ, т.-е. немного болѣе одной десятой процента народонаселенія. На столь малое число рабочихъ приходится пятнадцать фабрикантовъ. Ясно, что при такомъ отношеніи фабрики должны быть очень незначительны и, сколько мнѣ извѣстно, онѣ всѣ табачныя. Изъ привозимаго на острова американскаго табаку дѣлають сигары и папиросы, потребляемыя въ огромномъ количествѣ канарцами; статьи вывоза же онѣ не составляютъ вовсе ²⁾.

Если мы подведемъ итогъ всему, что было сказано и что мы знаемъ о Канарскихъ островахъ, то должны будемъ неизменно придти къ заключенію, что уровень человѣческаго благо-

¹⁾ Только благодаря этому можетъ покрываться расходъ на наливный ввозъ продуктовъ. Въ 1861 г. ввозъ превышалъ вывозъ на 1,252,923 реала, а въ 1862 на 1,229,826. Подобное отношеніе установилось съ очень давнихъ поръ и продолжаетъ существовать и по нынѣшній день. Ввозятся главнымъ образомъ всѣ статьи европейской промышленности.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время канарцы начали разводить у себя табакъ и что со временемъ, если копенгагенскія ясны еще болѣе упадутъ въ цѣнѣ табачная культура вѣроятно будетъ играть на островахъ большую роль.

юти на нихъ долженъ быть не болѣе какъ удовлетворительный. Изъ нѣсколькихъ данныхъ, чтобы можно было выдать добродушныхъ островитянъ за людей особенно, исключительно счастливыхъ: не даромъ данное во времена бны названіе «Счастливыхъ» острововъ совершенно вывелось изъ употребленія и замѣнилось названіемъ Канарскихъ, т. е. Собачьихъ (отъ *canis* — собака). Последнее гдѣдуетъ впрочемъ понимать не такъ, чтобы на нихъ жизнь была очень скверною (собачьею). Весь архипелагъ названъ былъ Канарскимъ отъ имени главнаго въ прежнія времена острова — Гранъ-Канаріи, получившаго свое названіе отъ множества водившихся на нихъ большихъ одичалыхъ и очень злыхъ собакъ. Если прекрасная обстановка съ отличнымъ климатомъ, плодородной почвой и проч. и не могла доставить людямъ полнѣйшаго счастья, то она все-таки значительно улучшила ихъ существованіе. Уже при сравненіи цифръ смертности мы видѣли, что Канарскіе острова стоятъ гораздо выгоднѣе ихъ европейской метрополи; такое же или сходное отношеніе можно замѣтить и въ дѣлѣ другихъ факторовъ, обуславливающихъ человѣческое благополучіе. Преступленія и бѣдности ¹⁾ на островахъ безспорно меньше, чѣмъ на полуостровѣ; то же самое должно быть сказано и относительно политическихъ распрій и вліянія духовенства *плюс* суевѣріе. Очень естественно, что, будучи отдѣлены моремъ отъ метрополи и установивъ гораздо больше торговыхъ сношеній съ Англіей, чѣмъ съ Испаніей, Канарскіе острова не принимаютъ столь живого участія въ безконечныхъ политическихъ тревоженіяхъ своихъ европейскихъ собратій. Съ другой стороны, островитяне никогда не бываютъ буруемаемы такой жадью сепаратизма, какъ другія испанскія владѣнія, болѣе удаленныя отъ Европы и имѣющія болѣе данныхъ, болѣе матеріальной силы, для самостоятельнаго существованія. Преданность канарцевъ своей метрополи очень извѣстна; она не мѣняется съ перемѣной правительствъ, и по всей вѣроятности происходитъ отчасти онъ упомянутыхъ выше оживленныхъ сношеній съ испанскими владѣніями Новаго Свѣта. Канарцы, несмотря на свой либерализмъ, относятся очень несочувственно къ возстанію на Кубѣ, и это очень понятно, если мы припомнимъ, что главный контингентъ чисто бѣлаго «испанскаго» населенія Антильскихъ острововъ происходитъ изъ Канарскаго архипелага. По части религіозной терпимости канарцы ушли положительно дальше своихъ собратій на полуостровѣ. Въ подтвержденіе этого мы приводили нѣсколько фактовъ, между прочимъ свободное отношеніе къ церкви иностранцевъ, живу-

¹⁾ Подати платятся съ имущества.

щихъ очень долго на Teneriffe и не терпящихъ ни малѣйшихъ непріятностей.

Я до сихъ поръ еще ничего не говорилъ о народномъ образованіи. Не знаю какъ теперь, но въ 1860 году на всемъ островѣ Teneriffe изъ 93,709 человекъ населенія, грамотныхъ было 12,481 (ихъ нихъ 2,417 умѣли только читать), т.-е. тринадцать процентовъ. Школы находятся вообще въ дурномъ состояніи и между моими знакомыми было два учителя городскихъ школъ, которымъ муниципалитетъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не платилъ жалованья, приводя въ свою пользу извѣстное: на нѣтъ—и суди нѣтъ! Въ Санта-Крусъ есть морская школа и академія изящныхъ искусствъ, а въ Лагунѣ нормальная школа и Instituto provincial, родъ университета, находящагося въ очень заброшенномъ состояніи и имѣющаго, какъ мнѣ говорили, очень мало слушателей. Къ научнымъ занятіямъ канарцы имѣютъ очень мало склонности, какъ то видно уже изъ того, что вообще довольно богатая естественная исторія острововъ разработана почти исключительно иностранцами. Никто не собираетъ коллекцій и на всемъ островѣ существуетъ только маленькое собраніе древностей въ Таборонте. Историческимъ наукамъ болѣе повезло: извѣстно очень хорошее сочиненіе объ исторіи Канарскихъ острововъ одного священника, жившаго въ прошломъ столѣтіи ¹⁾ и, какъ говорятъ, очень интересная (рукописная) поэма Віана о завоеваніи острововъ. Тѣ статистическія сочиненія, о которыхъ я говорилъ выше, принадлежатъ уже болѣе или менѣе къ официальной литературѣ и написаны чиновниками соотвѣтствующихъ правительственныхъ учреждений.

Этотъ сравнительно низкій уровень просвѣщенія нисколько не измѣняетъ высказаннаго мнѣнія объ общемъ благополучіи островитянъ. Пожалуй, напротивъ. Къ нимъ кажется можно вполне примѣнить то, что Бокль сказалъ объ испанцахъ вообще: «въ то самое время, какъ вездѣ дерзко разрывается завѣса, и природа, насилуемая на каждомъ шагу, вынуждена выдать свои тайны и раскрыть свое строеніе, свой внутренній бытъ, свои законы, передъ неукротимою энергіею человѣка; какъ вся Европа наполнена громкою молвою объ умственныхъ подвигахъ, которымъ даже деспотическія правительства притворяются сочувствующими, какъ, среди этого повсемѣстнаго шума и всеобщаго возбужденія, умы людей, бросаемые то въ ту, то въ другую сторону, находятся въ постоянномъ колебаніи, волненіи, — въ то самое

¹⁾ Don Jose de Viera y Clavijo: Noticias de la Historia general de las Islas Canarias. Новое изданіе 1858—1859 года (издано въ С.-Крусѣ).

три Испанія продолжаетъ спать, безмятежная, беззаботная, безстрастная, не получая никакихъ впечатлѣній отъ остального міра и сама не сообщая ему никакихъ впечатлѣній. *И въ этомъ даже всею то, что она довольна своимъ состояніемъ.* Будучи самою отсталую страню въ Европѣ, она считаетъ себя самою «передовою». Если канарцы невѣжественны и въ то же время счастливы и довольны своимъ состояніемъ, то чего же лучше? Они считаютъ себя даже самою передовою націею—пусть только не разочаровываются. Вѣдь все человѣчество бьется изъ-за собственнаго благополучія и, такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, совершенствуется и прогрессируетъ ради достиженія счастья. Къ чему же еще стремиться, если и такъ чувствуешь себя хорошо? Или можетъ быть канарцы, стараясь размножить сколь возможно больше кошенили, составили себѣ идеалъ быть самымъ похожимъ на это неподвижное, вполне удовлетворенное и вроткое существо....

IV.

Гуанчи—первобытные обитатели Канарскихъ острововъ.—Жанъ де-Бетанкуръ и завоеваніе Канарскаго архипелага.

Я не имѣю ни малѣйшей претензіи на полноту своего очерка, но закончить его, не сказавши ни слова о первобытныхъ обитателяхъ Канарскаго архипелага, считаю совершенно невозможнымъ. Въ то время, когда этотъ архипелагъ еще назывался «счастливыми островами»—Gezaug el Khaledat (это и значитъ счастливые острова по-берберійски) на немъ жили гуанчи, народъ берберійскаго племени, переселившійся можетъ быть въ отдаленныя времена изъ сѣверо-западной Африки. О происхожденіи этого народа судятъ по сходству языка; нравы же и обычаи его очень отличны отъ родственныхъ ему шуллуховъ африканскаго материка.

Каждый изъ семи обитаемыхъ острововъ архипелага былъ населенъ особою отраслю гуанчей и отличался многими оригинальными чертами. Всѣмъ кажется очень удивительнымъ, что эти отрасли держались совершенно изолированно другъ отъ друга и не имѣли никакихъ судовъ для сообщенія между островами. Очень можетъ быть, что они совершенно разучились мореплаванію вслѣдствіе продолжительныхъ взаимныхъ распрей. Известно, что даже въ предѣлахъ одного острова гуанчи постоянно ссорились другъ съ другомъ, и если жители всѣхъ острововъ долго враждовали между собою, то легко понять, что они мог-

ли прекратить всякія сношенія. Иначе трудно предположить, чтобы народъ, находящійся все-таки на извѣстной степени культуры и притомъ очевидно перешедшій изъ Африки, не имѣлъ хотя такихъ элементарныхъ свѣдѣній въ мореплаваніи, какіе имѣютъ настоящіе дикари. Гуанчи вели осѣдлую жизнь и многіе изъ нихъ строили маленькіе каменные дома, большинство же жило въ пещерахъ. Хотя они главнымъ образомъ занимались скотоводствомъ, но въ то же время культивировали хлѣбныя растенія, вспахивая землю посредствомъ бычьихъ роговъ. Незная употребленія металловъ, они часто должны были прибѣгать къ помощи костей, роговъ и отточенныхъ камней, которыми дѣйствовали такъ ловко, что даже умѣли бриться. Посуду они дѣлали изъ глины; до настоящаго времени сохранились небольшіе кувшины очень прочной, хотя и грубой работы.

Нравы у нихъ были до чрезвычайности просты. Они ходили полунагіе, прикрываясь только отчасти тонкими козьими шкурами, сшитыми посредствомъ узкихъ ремней. Пища ихъ состояла по преимуществу изъ мяса и молока и изъ гофіо, поджаренной муки, которая и до сихъ поръ (несмотря на полное исчезновеніе гуанчей) употребляется на Канарскихъ островахъ. Только жители восточныхъ острововъ—Лансероте и Фуэртевентура—самыхъ неплодородныхъ во всемъ архипелагѣ¹⁾, питались исключительно животной пищей. Многіе старинные путешественники увѣряютъ, что «гуанчи очень любятъ брачную жизнь», а особенно падки до тучныхъ женщинъ; вслѣдствіе чего существовало обыкновеніе откармливать невѣстъ въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ передъ замужествомъ. Брачныя постановленія были повидимому довольно свободны, и хотя на нѣкоторыхъ островахъ (какъ на Канаріи) дозволялось имѣть только одну жену, но разводъ былъ вещь до такой степени легкой, что въ результатѣ все-таки выходило многоженство. Къ тому же въ числѣ правилъ гостепріимства считалось необходимымъ предлагать гостю пользованіе хозяйской супругой, обычай, особенно распространенный на маленькомъ островѣ Гомера.

Судя по извѣстіямъ путешественниковъ пятнадцатаго столѣтія, гуанчи отличались здоровьемъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; между ними было много великановъ и силачей. Они были очень

¹⁾ Эти острова и до сихъ поръ остались такими вслѣдствіе недостатка воды. Несмотря на сравнительно большую поверхность, Лансероте и Фуэртевентура населены чрезвычайно бѣдно и производятъ чрезвычайно мало. До недавняго времени они промышляли содой и лишаемъ, дающимъ лакмусъ; но теперь, по примѣру прочихъ Канарскихъ острововъ, обзавелись кактусами и кошенилью. О Лансеротѣ см. *Greiff. Reise nach den Canarischen Inseln. Bonn, 1868.*

носили длинныя, слегка завитыя волосы каштановаго цвѣта и имѣли довольно свѣтлую кожу. О религіи ихъ извѣстно мало. Знають, что они вѣрили въ доброе и злое божество и признавали будущую жизнь. Въ связи съ этими вѣрова- ниями находились многіе оригинальные обычаи, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣланіе мумій. Для этой цѣли тѣла обмакивались въ особенный родъ терпентина, и ватѣмъ сушились на солнцѣ или на огнѣ. Внутри тѣла, взаимѣн- нутыхъ внутренностей, клали разныя ароматическія травы, а самую мумію заворачивали въ козьи шкуры и ставили верти- кально, прислоняя къ стѣнѣ пещеры.

Правленіе на разныхъ островахъ было различное. Извѣстно, что Лансероте было монархическое государство съ однимъ коро- немъ, а Teneriffe нѣчто въ родѣ прежняго Германскаго Союза со- стоившемъ изъ князьковъ, всегда воевавшихъ другъ противъ друга, съ старшимъ княземъ, чѣмъ-то въ родѣ президента. При вступле- нии въ должность послѣдняго, совершалась очень торжественная церемонія. Стѣны и полъ княжескаго жилища убирались паль- чевыми вѣтвями и цвѣтами; собиралась толпа народу со всѣхъ концовъ острова. Виновникъ торжества садился на тронъ, т.-е. на большой камень, покрытый козьими шкурами, и ему давалась, въ качествѣ скипетра, плечевая кость, хранившаяся въ кожаномъ чехлѣ, какъ особенная святыня. Держа эту драгоценность въ головою, князь произносилъ клятву, увѣрявшую, конечно, что все будетъ сдѣлано ко благу подданныхъ и проч. ¹⁾

Завоеваніе Канарскихъ острововъ продолжалось почти цѣлое пятнадцатое столѣтіе: гуанчи представляли такой отпоръ евро- пейцамъ, что имъ приходилось часто нуждаться въ подкрѣпленіи и вести вообще серьезную войну. Несмотря на неравенство вооруженій, несмотря на то, что вооруженнымъ деревян- ными копьями гуанчамъ пришлось имѣть дѣло съ владѣющими стрѣльнымъ оружіемъ и привычными къ военному дѣлу фран- цузами и испанцами, почти дикій африканскій народъ не разъ проявлялъ нападеніе непріятеля и на каждомъ шагѣ обнаружилъ такую храбрость, честность и мужество, что заслужилъ собою всеобщую симпатію.

Первое серьезное нападеніе было сдѣлано норманскимъ иска- телемъ денегъ и приключеніемъ, Жаномъ де-Бетанкуромъ, кото- рый въ 1402-мъ году явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ

¹⁾ Подробное описаніе гуанчей находится въ вышеприведенномъ сочиненіи Bierna de Llancho, въ первомъ томѣ *Histoire naturelle des Iles Canaries* (1842) Вебба и Мерло, и у Притчарда въ *Naturgeschichte des menschlichen Geschlechtes*. Т. II. стр. 32.

десятковъ авантюристовъ на островъ Лансероте и въ томъ году завоевалъ его. Имѣя надобность въ деньгахъ и людяхъ онъ уступилъ испанскому правительству островъ, сохраняя собою право управлять имъ, какъ ему заблагоразсудится. Онъ положилъ основаніе нѣсколькимъ городкамъ; завелъ церкви суды и, устроившись нѣсколько на Лансероте, обратилъ вниманіе на другіе острова архипелага, прежде всего на ближайшій, а также очень мало населенный—Фуэртевентура. Нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Испанію за поддержаніями, нѣсколько разъ терпѣлъ неудачи и въ заключеніе удалился на родину, оставивъ во главѣ правленія своего родственника Мас де-Бетанкура, которому однакоже не посчастливилось. Испанцы запустившіе лапу въ предпріятіе, повели интригу, такъ что Масіо принужденъ былъ бѣжать съ семействомъ на Мадейру и уступить власть другому. Завоеваніе Канарскаго архипелага было задумано очень серьезно; было испрошено разрѣшеніе папы такъ какъ поводомъ къ войнѣ выставлялось конечно желаніе обратить невѣрующихъ въ христіанство. Одинъ за другимъ падали острова подъ власть христолюбиваго воинства, проливавшаго всевозможныя неистовства и истреблявшаго туземцевъ какъ дикихъ звѣрей. Долше всѣхъ держались Пальма и Тенерифе, несмотря на свое сходство съ стариннымъ Германскимъ Союзомъ. Многіе князьки забыли вражду въ виду ненавистнаго непріятеля и отличались другъ передъ другомъ цивическими добродѣтелями. Не только мужчины, но и женщины—(между которыми многія дѣйствовали какъ настоящія героини) напрягли всѣ свои силы для сохраненія независимости, но въ концѣ концовъ должны были уступить. Въ 1483-мъ году tenerифскіе гуганчи предложили миръ, съ условіемъ, чтобы ихъ крестили въ какую угодно вѣру, но только бы не дѣлали рабами. Испанцы согласились на это, но разумѣется обманули. Многіе изъ побѣжденных были проданы въ рабство, а старикъ—президентъ острова, примирившій воюющія стороны, былъ отправленъ въ Римъ и другіе города Европы на показъ.

Вотъ образчикъ того, какъ испанцы объединяли подвластные имъ народы. Когда генераль Педро де-Вера подавилъ возстаніе, вспыхнувшее на островѣ Гомера, онъ приказалъ умертвить всѣхъ жителей Аганскаго округа старше пятнадцатилѣтняго возраста; однихъ кидали въ море, другимъ передъ смертью отрѣзывали руки и ноги и проч. Большая часть туземцевъ другихъ округовъ были проданы въ рабство и высланы изъ острова. По возвращеніи въ свою резиденцію—Ласъ Пальмасъ, на о. Гранъ-Канарія—генераль велѣлъ повѣсить большинство мужчинъ, спо-

обихъ къ ношенію оружія, а женъ и дѣтей—продать въ рабство.

Неудивительно, что послѣ такихъ мѣръ, принимаемыхъ людьми, воевавшими ради распространенія христіанской вѣры, туземное населеніе острововъ уменьшилось до чрезвычайной степени. Къ тому же на помощь испанцамъ явилась эпидемія. Вслѣдствіе разложенія большого количества труповъ, между гуанчами появилась свирѣпая болѣзнь, родъ чумы, которую называли модорра и которая стоила многихъ человѣческихъ жертвъ. Уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія гуанчи, какъ національность, исчезли. Осталось очень малое ихъ число, которое вскорѣ слилось съ господствовавшими испанцами и успѣло передать имъ кое-какіе обычаи. Въ настоящее время на Канарскихъ островахъ указываютъ на нѣкоторые лица, какъ на живые остатки характерныхъ чертъ гуанчей; вмѣстѣ со многими названіями мѣстъ (Таора, Ортава, Такоронте и проч.) это единственные слѣды, сохранившіеся отъ цѣлаго народа. Хотя это дѣло и давно минувшее, но все же оно можетъ вызвать болѣе свѣжія воспоминанія.

И. М. Мичниковъ.

Гуадалупа, на о. Мадейра.

9-го января, 1872 г.

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА

Воспоминанія

съ 1837-го по 1843-й годъ.

Окончаніе.

VI *).

— Что это съ вами, спросилъ меня Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, когда я, вскорѣ послѣ снятія допроса съ доктора Мяновскаго, возвратился въ наше присутствіе прямо изъ камеры арестанта Павловскаго. На васъ лица не видно, вы сильно встревожены чѣмъ-то: что это значитъ?

— Да, отвѣчалъ я, садясь на свое мѣсто. Я не могу опомниться послѣ того, что сію минуту услышалъ, и покоряйтеся, прошу сейчасъ же послать за Павловскимъ и распросить его подробно о томъ, зачѣмъ я приходилъ къ нему и что узналъ отъ него?

Предсѣдатель позвонилъ и, приказавъ привести Павловскаго, снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—«Что же такое случилось съ вами?»

— Вамъ извѣстно, господа, отвѣчалъ я, относясь къ предсѣдателю и членамъ комиссія, что при чтеніи снятыхъ съ арестантовъ показаній, въ числѣ многихъ другихъ замѣтокъ, порученныхъ моей повѣркѣ, было обращено вниманіе на то обстоятельство, что Павловскій, въ двухъ разновременно данныхъ имъ

*) См. выше: мар. 242; апр. 723 стр.

показаніяхъ, одно и то же дѣйствіе приписываетъ двумъ разнымъ лицамъ, а потому, для выигрыша времени, я самъ зашелъ въ его камеру и предъявивъ ему оба разнорѣчивыя показанія, велѣлъ хорошенько припомнить и собственноручно написать, гдѣ вѣрнѣе ошибка. Онъ, послѣ долгаго молчанія, на повтореннѣ мною нѣсколько разъ вопросъ, отвѣчалъ наконецъ, что ему кажется, что я отъ него требую настоящей правды, а на отвѣтъ мой: «какъ вы смѣете сомнѣваться въ этомъ?» — Павловскій, поблѣднѣвъ какъ полотно, и почти задыхаясь, боязливо выговорилъ, что хотя отъ него и прежде не требовали, чтобы онъ кляп, но при допросахъ *наводили* обыкновенно на мысль, кѣмъ и что именно онъ долженъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Вы поймете, господа, прибавилъ я, что послѣ такого заявленія мнѣ невозможно было продолжать одному мои вопросы.

Едва только введенный въ присутствіе и дрожавшій отъ страха и сильнаго смущенія Павловскій началъ, по требованію предсѣдателя, рассказывать происходившій между имъ и мною разговоръ, какъ членъ Анисимовъ, вскочивъ съ мѣста, сдѣлалъ угрожающее движеніе и, казалось, готовъ былъ задушить Павловскаго; но предсѣдатель, понимая вполнѣ всю важность этой минуты, поспѣшилъ строгимъ голосомъ остановить порывъ Анисимова, пригласивъ его сидѣть смирно и молча слушать, а Павловскому велѣлъ спокойно продолжать прерванный рассказъ, но помнить, что новая ложь подвергнетъ его сугубой отвѣтственности.

Трудна была въ это мгновеніе роль Павловскаго! Видно было, что ему невыносимо тяжело стоять лицомъ къ лицу съ особами, которымъ онъ обязанъ былъ уличать въ истязаніяхъ и вымогательствахъ отъ него ложныхъ извѣтовъ, уличать въ ужасномъ преступленіи! Но, собравшись съ силами, онъ рассказалъ присутствію, что новый членъ, войдя сегодня въ его камеру въ съ зрителемъ и предъявивъ ему разнорѣчіе, найденное имъ въ двухъ разновременно данныхъ имъ показаніяхъ, по одному и тому же предмету, требовалъ отъ него объясненія: которое изъ двухъ показаній справедливо, то ли, гдѣ онъ рассказываетъ о профессорѣ Мяновскомъ, или то, гдѣ то же самое дѣйствіе приписываетъ другому профессору, и именно Вельку?

Далѣе Павловскій объяснилъ, что хотя онъ и понялъ хорошо предложенный ему вопросъ, но ему какъ-то не вѣрилось, что отъ него требуютъ настоящей правды, а потому онъ долго не отвѣчалъ, выжидая, не будетъ ли данъ ему хотя косвенный намекъ на то, кого долженъ онъ назвать въ этомъ случаѣ изъ

двухъ оговоренныхъ имъ профессоровъ, и замѣчая, что полковникъ начиналъ обнаруживать нетерпѣніе и неудовольствіе за его довольно продолжительное молчаніе, онъ растерялся и положительнo не зналъ, какъ ему вывернуться и что отвѣчать; наконецъ рѣшился признаться, что оба предъявленные ему показанія суть совершенная ложь, на которую онъ долженъ былъ по неволѣ посягнуть въ угодность г. Анисимову.

Тутъ Анисимовъ снова не вытерпѣлъ, но едва только успѣлъ выговорить: «какъ ты смѣешь?» какъ г. председатель громко закричалъ на него и безъ церемоніи приказалъ замолчать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ онъ въ ту же минуту арестуетъ его.

Возстановивъ порядокъ, полковникъ Назимовъ спросилъ Павловскаго: «Чѣмъ вы можете доказать, что вы точно лгали и лгали по неволѣ, въ угодность г. Анисимову? Развѣ васъ учили лгать?»

— Меня никто и никогда не училъ открыто лгать, сказалъ Павловскій, видимо убѣдившійся, что настала пора говорить сущую правду: но при допросахъ гг. члены обыкновенно наводили меня на мысль, что и на кого я долженъ былъ показывать, а при исправленіи черновыхъ моихъ показаній ободрали увѣреніемъ, что все, мною объявленное, вполне справедливо и давно уже извѣстно комиссіи изъ объясненій другихъ, подобно мнѣ, раскаявшихся преступниковъ. Послѣ исправленія мнѣ давали переписывать на чисто мои показанія.

На вопросъ председателя: «неужели вы не понимали, какой страшной отвѣтственности подвергались за ложные извѣстія?» Павловскій отвѣчалъ, что понималъ, и потому въ первоначальныхъ показаніяхъ онъ со всею искренностью рассказалъ обо всемъ, что только зналъ, равно и о томъ, что заставило его рѣшиться на принятіе приглашенія Возняковскаго бѣжать за границу; но далѣе, когда отъ него настоятельно требовали признанія въ принадлежности въ заговору противъ правительства и какому-то тайному обществу, о которыхъ не имѣлъ понятія, онъ долго отговаривался и много вытерпѣлъ жестокихъ истязаній, прежде чѣмъ рѣшился безъ разбора подтверждать все, о чемъ его спрашивали и дополнять тѣмъ, на что ему намекали, единственно для того, чтобы избавиться истязаній, которыя онъ долго переносилъ отъ г. Анисимова, а иногда и отъ г. Покровскаго.

На новый вопросъ флигель-адъютанта Назимова: «Чѣмъ можете вы доказать справедливость своего настоящаго извѣстія?» Павловскій сначала вызвался принять присягу въ доказательство

своей искренности, но когда ему объяснили, что въ подобныхъ случаяхъ присяга не допускается, то онъ, въ обличеніи членомъ комиссіи въ томъ, что имъ хорошо извѣстно было, что онъ лгалъ, разсказалъ слѣдующій случай: «Въ сентябрѣ 1840-го года, онъ былъ наведенъ на мысль сдѣлать показаніе, будто извѣстный ему эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій, *въ январѣ* 1839-го года, идучи съ буйшиномъ воды отъ Свято-Янскаго коюда по направленію къ Большой улицѣ и повстрѣчавшись на углу дома, называемаго Кардиналіей, съ офицеромъ Булатовымъ, толкнулъ его такъ сильно, что тотъ ударился головою о фойерный столбъ, за что эмиссаръ былъ задержанъ и назвавшись слугою Мянковского, отправленъ сперва на гауптвахту, а оттуда въ полицію, гдѣ содержался 13 дней, въ продолженіи которыхъ получалъ пищу поочередно отъ Мянковского и Велька и освобожденъ по ходатайству графини Забѣлло. Но черезъ нѣсколько дней, продолжалъ Павловскій, тѣ же члены комиссіи, пригласивъ его въ присутствіе, заставили переписать прежнее показаніе, перемѣнивъ въ немъ одно только мѣсто, именно: *январь на мартъ* мѣсяцъ, по той причинѣ, какъ объяснили ему г. Анисимовъ, Покровскій и Городецкій, что эмиссаръ могъ быть въ Вильнѣ въ январѣ 1839-го года (передъ казнью другаго эмиссара Симона Канарскаго), но что полкъ, въ которомъ служилъ Булатовъ, какъ оказалось по справкѣ, вступилъ въ Вильну только въ февралѣ, стало быть, эмиссаръ не могъ встрѣтить Булатова и поссориться съ нимъ въ январѣ ¹⁾).

Не берусь описывать, что должно было происходить въ душѣ Анисимова при слушаніи этого знаменательнаго обличенія, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо, потому что незадолго предъ тѣмъ, мнѣ совершенно неожиданно случилось найти въ грудѣ черновыхъ бумагъ и передать предсѣдателю Назимову, подтверждающія слова Павловскаго, показанія, данныя Заливакою и Павловскимъ 25-го сентября 1840-го года и *подмѣненные подписями изъ дѣлу такими же*, тоже собственноручными, *показаніями* (и подъ тѣмъ же 25-мъ числомъ сентября). Послѣднія только тѣмъ и отличались отъ первыхъ, что въ нихъ, вмѣсто *января*, показанъ былъ *мартъ* мѣсяцъ, и именно 4-го марта 1839-го года, т.-е. не безъ умысла, не безъ расчета, избрано было время, когда около дома Кардиналіи должна была быть

¹⁾ Подробное донесеніе объ этомъ подлогѣ, послужившемъ основаніемъ къ аресту такихъ лицъ, какъ полковникъ Богдановичъ, товарищъ предсѣдателя уголовной палаты Чигаревъ, профессора Мянковскій и Велькъ, представлено было флигель-адъютантомъ Назимовымъ военному министру 2-го августа 1841 года, за № 115.

тѣснота, по случаю храмового праздника въ сосѣднемъ костелѣ особо чтимаго католиками св. Казимира. Нельзя не подвинуться непостижимой безпечности членовъ, не озаботившихся въ свое время уничтожить матеріальныя улики ловко придуманнаго ими подлога! Но и на мудреца бываетъ довольно простоты, говорить русская пословица. Видно судьба сжалилась надъ несчастными жертвами лжепатріотовъ.

Не менѣе тяжело было и положеніе сидѣвшихъ съ нами членовъ Покровскаго и Стратоновича, подписавшихъ какъ тѣ, такъ и другія показанія, осозавательно обличавшія ихъ въ явномъ подлогѣ! Извѣстіе объ этомъ открытіи и признаніи Павловскаго не могло не привести въ ужасъ и двухъ остальныхъ, уже выбывшихъ, членовъ, подписавшихъ какъ подлинныя, такъ и вновь переписанныя показанія, а именно маіоровъ Гарижскаго и Городецкаго, изъ которыхъ первый былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ IV-го округа корпуса жандармовъ и, пользуясь полнымъ довѣріемъ начальника округа, Фрейганга, могъ вредить мнѣ по службѣ, а Городецкій, подковавшій яму бывшему начальнику его, плац-маіору Богдановичу, и успѣвшій выслужиться и занять его мѣсто, жестоко притѣснялъ и обижалъ этого несчастнаго старика, который, валяясь на голомъ полу и дыша смраднымъ воздухомъ, ни на минуту не выпускался изъ каземата ¹⁾. Секретарь округа, Стратоновичъ, тоже могъ мстить мнѣ впоследствии.

Кромѣ анекдота о встрѣчѣ эmissара съ подпоручикомъ Булатовымъ Павловскій разсказалъ комиссіи и другой случай, не менѣе перваго доказывающій, что до прибытія въ Вильну флигель-адъютанта Назимова, или во время его отсутствія, Анисимовъ и другіе, солидарные съ нимъ члены комиссіи, дѣйствительно имѣли полную возможность, для извѣстныхъ имъ дѣлей, заставлять его дѣлать какіе угодно извѣты. Напримѣръ:

Въ первыхъ числахъ января 1841-го года былъ присланъ въ Вильну, по высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ Баратынскій для производства слѣдствія по содержанію полученнаго въ Петербургѣ свѣдѣнія о томъ, что владѣлецъ пограничныхъ съ Пруссіею имѣній, князь Ириней Огинскій, враждебно относится къ войскамъ у него квартирующимъ и хранитъ большіе запасы оружія.

«Нетолько въ казематѣ, но и на свободѣ, сказалъ Павловскій, я не могъ бы знать о приѣздѣ флигель-адъютанта, а тѣмъ болѣе о цѣли его прибытія въ Вильну, а между тѣмъ г. Покровскій при мнѣ разсказывалъ другимъ членамъ новость объ

¹⁾ Въ этомъ, какъ увидитъ читатель, убѣдился и генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

знестъ Огинскаго и потомъ допрашивалъ меня, не принадлежатъ ли Огинскій къ заговору?» — «Хотя, добавилъ Павловскій, я никогда не слыхивалъ фамиліи князя Огинскаго, но, въ угодность г. Покровскому, далъ тогда же показаніе, будто слышалъ отъ эmissара, что князь Огинскій и бывшій ректоръ академіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Кучковскій состоятъ въ числѣ членовъ тайнаго общества».

Сдѣланная по выходѣ Павловскаго справка подтвердила слова его. Оказалось, что флигель-адъютантъ Баратынскій пріѣхалъ въ Вильну за два дня до появленія въ комиссіи извѣтовъ Павловскаго и Заливаки на князя Огинскаго (10-го января); я поступилъ въ комиссію 14-го, а полковникъ Назимовъ возвратился изъ Петербурга 27-го января. Слѣдовательно и это новое показаніе, подобно прежнимъ, появилось въ дѣлѣ въ отсутствіе Владимира Ивановича и до моего прибытія въ комиссію.

Генераль-губернаторъ, получивъ донесеніе комиссіи о сознаніи Павловскаго въ лживости болѣе части сдѣланныхъ имъ извѣтовъ, не повѣрилъ искренности его объясненій даже и тогда, когда Владиміръ Ивановичъ лично доложилъ ему о ссылкѣ Павловскаго на замѣчательный фактъ забракованныхъ комиссією и найденныхъ мною показаній Заливаки и Павловскаго, данныхъ 25-го сентября 1840-го года, насчетъ случая съ Булатовымъ и эmissаромъ и объ удачномъ совпаденіи новаго извѣта о князѣ Огинскомъ со временемъ пріѣзда въ Вильну флигель-адъютанта Баратынскаго. И то и другое обстоятельство приписывалось Оеодоромъ Яковлевичемъ ничего незначущей случайности. Тутъ необходимо замѣтить, что генераль-губернаторъ хотѣлъ-было оставить у себя предъявленные ему г. Назимовымъ измѣненныя показанія о Булатовѣ, но Владиміръ Ивановичъ, считая документы эти слишкомъ для него важными и опасаясь, чтобы они не исчезли при содѣйствіи полковника Ю., члена Покровскаго и другихъ компрометтированныхъ лицъ, не согласился выдать ихъ, тѣмъ болѣе, что начальникъ края начиналъ уже подозревать, что Владиміръ Ивановичъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на дѣло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ признаніе Павловскаго, сдѣланное 7-го апрѣли, бросило новый свѣтъ на дѣло, Владиміру Ивановичу предстояло снова отправиться въ Петербургъ къ бракосочетанію нынѣ царствующаго Государя Императора, а по возвращеніи его изъ Петербурга и другой, равносильный Павловскому извѣтчикъ, Серафимъ Заливако, послѣ очной ставки, данной ему съ бывшимъ его наставникомъ Хрулькевичемъ, который успѣлъ подѣйствовать на его совѣсть, равно-

мѣрно открылъ комиссіи, что и онъ большую часть своихъ показаній сдѣлалъ ложно, будучи въ заблужденіи, что подтвержденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ былъ спрашивается въ комиссіи, онъ скорѣе освободится изъ-подъ ареста. Въ доказательство же, что онъ на этотъ разъ точно берется быть чистосердечнымъ, Заливако прежде всего признался, какимъ образомъ удалось ему обмануть комиссію выдачею сфабрикованнаго имъ списка членовъ тайнаго общества (того списка, который, какъ заключительный фактъ, въ подлинникъ былъ представленъ Государю Императору, въ октябрѣ 1840-го года). Списокъ этотъ написанъ Заливакою у себя въ камерѣ, по тому случаю, что комиссія замѣтила ему, что разновременное указаніе имъ большого числа лицъ, будто бы подписавшихся кровью на вступленіе въ тайное общество, съ ихъ подлинными и условными именами, ни подъ какимъ видомъ не могло быть удержано въ памяти безъ пособія списка или записки, которые онъ вѣроятно имѣетъ, но скрываетъ отъ комиссіи.

Изъ дѣла видно было, что на эту проницательную догадку членовъ комиссіи *Заливако* отнюдь не возражалъ (подлинный протоколъ 16-го октября 1840-го года), *но просилъ дать ему два дня на размысленіе*, на что комиссія согласилась и Заливако, по прошествіи этого срока, *выдалъ знаменитый списокъ*.

Не говоря уже о томъ, что если члены слѣдственной комиссіи были убѣждены, что Заливако долженъ имѣть памятную записку или списокъ членовъ тайнаго общества, то не для чего было церемониться съ нимъ и давать ему два дня на какое-то размысленіе; они, послѣ выдачи списка, слишкомъ недобросовѣстно поступали, обманувъ Мирковича, а съ нимъ—и Государя, будто *списокъ не выданъ Заливакою, но былъ найденъ зашитымъ въ воротничекъ его шинели!!!* Разность громадная! Невозможно извинить комиссіи и того, что она не приняла надлежащихъ мѣръ осторожности, чтобы Заливако, если только онъ точно имѣлъ какую-либо памятную записку, не скрылъ ея, или не сфабриковалъ, взамѣнъ ея, новой, приноровивъ содержаніе записки къ сущности сдѣланныхъ имъ до того времени извѣстовъ. Въ послѣднемъ случаѣ отъ Заливаки зависѣло внести въ новый списокъ, котораго отъ него добивались, только тѣхъ заговорщиковъ, которые были уже имъ названы, и скрыть остальныхъ.

Естественно, что сознаніе Заливаки въ лживости важнѣйшихъ его показаній, которые были если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ удаленію отъ должности полиціймей-

гера, полковника Серебрякова, и аресту множества невинныхъ. И въ томъ числѣ полковника Богдановича, товарища председателя уголовной палаты Чигарева и профессоровъ Мяжовскаго и Велька, чрезвычайно удивило и напугало генераль-губернатора, который по этому случаю счелъ нужнымъ лично явиться въ присутствіе комиссіи (13-го мая 1841-го года), и поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ членами Покровскимъ и Стратоновичемъ, этими строгими моими антагонистами, сходить въ камеру Заливаки и внимательно распросить его о подробностяхъ, относящихся до *составленія и выдачи списка*, доложить ему отъ Заливаки.

По возвращеніи нашемъ изъ камеры Заливаки, мы доложили генераль-губернатору, что Заливако повторилъ при насъ наказаннѣ сдѣланное сознаніе, прибавивъ, что для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ намѣренія, онъ воспользовался тѣмъ случаемъ, когда, занимаясь составленіемъ письменныхъ отвѣтовъ комиссіи, онъ запасся чернилами, наливъ ихъ въ перо, заткнутое бумажной пробочкой и спрятавъ его за скруткуъ свой. Въ доказательство же, что списокъ тотъ дѣйствительно *сфабрикованъ* имъ во время нахождения подъ арестомъ, а не прежде, онъ тогда же подалъ намъ имѣвшійся въ камерѣ его и полученный имъ отъ одного изъ членовъ комиссіи переплетенный молитвенникъ на польскомъ языкѣ, изъ котораго, по словамъ его, онъ вырвалъ для обертки тайнаго списка толстый боковой листокъ, на которомъ добытою изъ заусеницы кровію сдѣлалъ надпись: *«до смерти никому не покажу»*. Листокъ этотъ, свернутый квадратикомъ, вмѣстѣ съ вложеннымъ въ него и возвращеннымъ изъ Петербурга спискомъ, хранившійся при дѣлѣ, самимъ генераль-губернаторомъ былъ развернутъ и приложенъ, для повѣрки словъ Заливаки, къ приписанному нами молитвеннику и оказался дѣйствительно изъ него вырваннымъ¹⁾.

На другой день, въ присутствіи окончательно растерявшихся членовъ Анисимова, Стратоновича и Покровскаго, председатель, вмѣстѣ со мною, снова прослѣдилъ всѣ вообще извѣты Заливаки и Павловскаго и сдѣлалъ помѣтки о томъ, въ какомъ порядкѣ должно спрашивать Заливаку, а 15-го мая, призвавъ

¹⁾ О самомъ спискѣ заговорщиковъ, написанномъ на бумажной лентѣ шириною въ три пальца, а длиною вершковъ въ шесть, Заливако объяснилъ, что клочокъ этой бумаги онъ добылъ изъ даннаго ему членами комиссіи номера «Библіотеки для Чтенія». Номеръ этотъ былъ отысканъ. Слова Заливаки подтвердились, и даже перо, въ которое были влиты чернила, найдено.

его въ присутствіе, приступилъ къ передопросу, на которомъ Заливако, перечисливъ тѣ показанія, за истину которыхъ онъ отвѣчаетъ, объявилъ, что всѣ остальные затѣмъ суть совершенная ложь, которую, по настоящему убѣжденію члена Анисимова, онъ выдавалъ за истину въ полной увѣренности, что или обстоятельства, къ сознанію въ которыхъ былъ онъ склоняемъ, дѣйствительно открыты уже комиссіею, или она требуетъ такихъ извѣстовъ, лживость которыхъ хотя бы и извѣстна была комиссіи, но показатели должны выдавать ихъ за истину.

Какъ ни правдоподобны, какъ ни очевидны были ссылки Павловскаго и Заливаки на явное желаніе Анисимова, Покровскаго и Городецкаго заставить ихъ лгать, какъ ни велико, какъ ни пламенно было желаніе наше распутать дѣло и какъ можно скорѣе отворить двери невинно заключеннымъ жертвамъ невѣжества и фанатизма, но изъ опасенія, чтобы излишнею торопливостію не впасть изъ одной крайности въ другую, я счелъ священною обязанностію представить въ комиссію особое мнѣніе ¹⁾ о томъ, чтобы предварительно начатія передопросовъ Заливаки и Павловскаго, по содержанію важнѣйшихъ извѣстовъ ихъ, былъ составленъ и утвержденъ комиссіею планъ веденія этихъ передопросовъ, на тотъ конецъ, чтобы словесные распросы не дали возможности смѣтливымъ и приученнымъ ко лжи молодымъ людямъ заблаговременно обдумывать формальные отвѣты ихъ, принаравливаясь къ тону, въ какомъ они словесно спрашиваются; а между тѣмъ, до окончанія передопросовъ Заливаки, Павловскаго, а потомъ и слуги Мянковского, Пашкова, и прежде вывода общаго результата изъ нихъ, гг. членамъ пріостановиться продолженіемъ производства тѣхъ особыхъ дѣлъ, которые заведены по извѣстамъ Заливаки и Павловскаго и потому могутъ измѣнить характеръ свой соотвѣтственно силѣ ихъ отреченій.

Мнѣніе это было принято и составленный мною, по порученію комиссіи, планъ веденія дальнѣйшихъ передопросовъ Заливаки и Павловскаго утвержденъ. Улики въ желаніи Анисимова и его подражателей увѣрить правительство въ дѣйствительномъ существованіи придуманнаго имъ заговора, часть отъ часу становились яснѣе и осязательнѣе и довели его наконецъ до того жалкаго, до того отчаяннаго положенія, что онъ въ присутствіи другихъ членовъ бросился на колѣни передъ флигель-адъютантомъ Назимовымъ и уже не оправдывался, не говорилъ, что Павловскій и Заливако на него клеветуютъ; пѣтъ, онъ умолялъ

¹⁾ Мнѣніе мое подано было 16-го мая за № 14.

только пощадить его и не погубить дѣтей, увѣряя, что если онъ и умекся, то не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ чувства мести на кому-либо изъ оговоренныхъ по его намекамъ лицъ, но исключительно изъ усердія къ престолу, будучи убѣжденъ, что безчисленныя и нескончаемыя возни поляковъ неизбѣжно угрожаютъ безопасности Россіи и ея Монарху!!!

VII.

Естественно, что въ этомъ положеніи вещей Анисимовъ, Покровскій и даже Стратоновичъ не могли болѣе оставаться въ комиссіи и, по представленію предсѣдателя, 22-го мая удалены отъ должности членовъ. Но и тутъ полковникъ Ю., который такъ человѣкъ умный, не могъ не предвидѣть, чѣмъ должно кончиться дѣло, далъ ему такой оборотъ, будто Анисимовъ не удаленъ, но самъ просилъ объ увольненіи его отъ званія члена комиссіи, а Покровскій и Стратоновичъ отозваны въ ихъ настоящимъ должностямъ¹⁾.

Надобно замѣтить, что признаніе Павловскаго, а потомъ и Завиваки, совершенно измѣнившее положеніе дѣла съ его безчисленными отпрысками и давшее ему сильный толчокъ, случилось въ то время, когда членъ комиссіи, полковникъ Н., имѣя особое порученіе, не присутствовалъ въ комиссіи и потому удаленные изъ комиссіи члены, подобно утопающему, который хватается за соломинку, ласкали себя надеждою, что съ возвращеніемъ Н. можно будетъ чрезъ него подѣйствовать на новыхъ членовъ²⁾ и поддержать убѣжденіе генералъ-губернатора, что Назимовъ и Ломачевскій дѣйствуютъ односторонно и, изъ опасенія обвинить невиннаго, упускаютъ изъ виду государственную пользу.

Новые члены, назначенные также по рекомендаціи полковника Ю., хотя и не могли открыто защищать ихъ предмѣстниковъ, преступныя дѣйствія которыхъ были уже слишкомъ очевидны, но они, по крайней мѣрѣ первое время, мѣшали успешному ходу разясненій, тормозя ихъ требованіемъ выполненія

¹⁾ Разпоръ Мировича военному министру, отъ 9-го мая, № 540.

²⁾ Подполковника Болдырева и гвардіи капитана Деркачева и адъютанта генералъ-губернатора, ротмистра Мевеса.

ненужныхъ формальностей, а иногда отсылаясь, что не ихъ дѣло судить о поступкахъ прежнихъ членовъ¹⁾.

Таково было настроеніе членовъ, составившихъ большинство комиссій, потому что къ меньшинству принадлежали только председатель и я. Съ возвращеніемъ же г. Но—цзаго перевѣсъ большинства долженъ былъ еще усилиться, но это усиленіе насколько не беспокоило меньшинство, хотя къ большинству все еще принадлежалъ, какъ казалось намъ, и начальникъ края²⁾.

Но какъ ни слабо дѣйствовали три новые члена, связанные болѣе или менѣе близкими отношеніями съ лицами, злоупотребленія которыхъ обнаруживались на каждомъ шагѣ, тѣмъ не менѣе они не въ состояніи были противостоять очевидности и не сознавать вопіющихъ злоупотребленій, когда они рельефно выдавались. Скрѣпя сердце, они подписывали протоколы комиссій, въ которыхъ между прочимъ разбирались недобросовѣстные поступки прежнихъ членовъ.

Для примѣра приведу здѣсь два замѣчательныя происшествія.

1. Флигель-адъютантъ Назимовъ случайно узналъ, что г. Стратоновичъ, въ сентябрѣ 1840-го года, идучи по Доминиканской улицѣ, замѣтилъ, что шедшій впереди его человекъ плюнулъ въ сторону въ то время, когда мимо проѣзжалъ архимандритъ виленскаго Свято-Духова монастыря Платонъ (ныпѣшній архіепископъ новочеркасскій). Стратоновичъ, удвоивъ шаги, постигаетъ плюнувшего человека, смѣло хватаетъ его за воротъ, подзываетъ стоявшаго вблизи будочника и приказываетъ ему немедленно стащить этого *мятежника* въ полицію, за то, что онъ плюнулъ на русскаго архимандрита.

Тщетно задержанный, показывая висѣвшую на груди его медаль за турецкую войну, объявилъ, что онъ отставной поручикъ и что онъ точно плюнулъ, но не на проѣзжавшую духовную особую, которой вовсе не видѣлъ, а на неотвязчиваго попрошайку, пристававшего къ нему на улицѣ и желавшаго выманить у него что-то. Стратоновичъ, не принимая никакихъ оправданій, повторилъ будочнику прежнее приказаніе, поручивъ ему сказать, что онъ пришлетъ въ полицію бумагу о поступкѣ этого негодяя. Нѣтъ сомнѣній, что онъ, при этомъ случаѣ, объявилъ свое званіе секретаря жандармскаго генерала.

¹⁾ Письмо флигель-адъютанта Назимова князю Чернышеву, отъ 29 іюня, № 41.

²⁾ Но онъ колебался уже и приготовлялъ правительство къ извѣстію о ничтожности дѣла, что заключилъ графъ Бенкендорфъ изъ прочитаннаго имъ рапорта Мирковича, отъ 29 мая, за № 540.

По приводѣ задержаннаго въ полицію оказалось, что это действительно отставной поручикъ алексоподьскаго егерскаго полка, Вишневскій, имѣющій похвальный аттестатъ за подписью жандармала князя Паскевича, весьма бѣдный человѣкъ, и притомъ нѣсколько разстроенный въ умѣ.

По прошествіи трехъ дней, за неполученіемъ ни отъ кого обещаннаго извѣстія о поступкѣ офицера, онъ былъ освобожденъ изъ полиціи по ходатайству проживавшей въ Вильнѣ помѣщицы Томашевской, которая присылала ему въ полицію пищу и вообще помогала ему въ нищенскомъ его положеніи.

Случай этотъ, съ нѣкоторыми варіаціями приспособленный къ событію политическаго характера, вскорѣ появился (25-го сентября) въ показаніи Заливаки, причемъ задержанный человѣкъ, вмѣсто поручика Вишневскаго, названъ былъ эмиссаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ, а заботы о слабоумномъ помѣщицы Томашевской отнесены къ ходатайству объ эмиссарѣ графини Залѣцкой.

2. Около того же времени былъ приведенъ съ главной гаупт-кварты въ полицію одинъ человѣкъ за то, что идучи съ кувшиномъ воды отъ Свято-Янскаго колодца, толкнулъ на тротуарѣ часового, стоявшаго на углу дома, называемаго Кардиналіей (гдѣ было тогда уѣздное казначейство, а теперь помѣщается почтовое контора).

Человѣкъ этотъ оказался по имени Андрей Кобецкій, вольноотпущенный слуга чиновника Струтинскаго, по просьбѣ котораго освобожденъ изъ-подъ ареста; но вскорѣ потомъ, по отзыву коменданта Есакова, возникло о происшествіи этомъ формальное слѣдствіе, и Кобецкій освобожденъ изъ тюрьмы не прежде, какъ по восполнѣдованіи манифеста 16-го апрѣля.

Оба эти происшествія случились въ самый разгаръ слѣдствія, потому что Заливако, безхарактерность котораго послужила Анисимову и другимъ членамъ комиссіи орудіемъ въ неслыханномъ обману правительства, арестованъ былъ въ концѣ іюля и хотя въ показаніи своемъ 4-го августа рѣшился уже, по убѣжденію членовъ комиссіи, сдѣлать показаніе о существованіи тайнаго общества человѣколюбія (l'humanité) и назвать себя и всѣхъ вообще знакомыхъ покушавшагося на побѣгъ за границу студента Возняковскаго, членами этого общества, но до 27-го августа не могъ будто бы вспомнить о пребываніи въ Вильнѣ эмиссара Адольфа Залѣскаго, съ которымъ даже квартировалъ вмѣстѣ!

Позднѣе, и именно 25-го сентября, тотъ же Заливако припомнилъ и написалъ въ показаніи, что эмиссаръ Адольфъ За-

лѣсскій, переодѣтый слугою, идучи въ январѣ мѣсяцѣ 1839 года съ кувшиномъ за водою изъ Троицкаго монастыря къ Свя Янскому колодезю, и повстрѣчавшись на углу дома Кардиналіи какимъ-то офицеромъ, толкнулъ его такъ сильно, что тотъ ударился головою о фонарный столбъ и, задержавъ эмиссара, подозвалъ случившихся тутъ солдатъ и отправилъ его въ полицію.

Члены долго добивались, чтобы Заливако назвалъ фамилію офицера, но онъ не могъ придумать этого. Другой же арестантъ Павловскій, равнодѣрно склоненный къ такому же показанію, того же 25-го сентября, рѣшился назвать неизвѣстнаго офицера задержавшаго эмиссара, Булатовымъ, потому, какъ послѣ объяснилъ онъ, что на окнѣ камеры, въ которой содержался, осталась надпись «Булатовъ» (надпись эта тоже найдена); но прежде нежели *осторожная и предусмотрительная* комиссія рѣшилась представить начальству о новомъ особенно важномъ ея открытіи, признано было нужнымъ забрать справку: былъ ли, и въ крайней мѣрѣ въ то время, Булатовъ въ Вильнѣ?

Съ этою цѣлью членъ комиссіи плацъ-маіоръ Городецкій распросилъ содержавшагося съ 1839-го года подъ арестомъ поручика Булатова и когда узналъ, что онъ съ полкомъ вступилъ въ Вильну 28-го февраля 1839-го года, то поспѣшилъ предупредить комиссію, что обманъ можетъ легко обнаружиться потому что Булатова въ январѣ не было въ Вильнѣ. Вотъ для чего члены, какъ выше сказано, немедленно заставили Павловскаго и Заливаку переписать ихъ прежнія показанія, означивъ въ новыхъ, что эмиссаръ былъ взятъ въ полицію въ мартѣ. Передѣланныя показанія Заливаки и Павловскаго, эти осязательныя доказательства безсовѣстнаго, преступнаго подлога слѣдователей, попались мнѣ въ руки.

Еслибъ и послѣ этого оставалась еще хотя тѣнь сомнѣнія въ умысленномъ допущеніи прежними членами явныхъ подлоговъ, съ цѣлью обмануть правительство; еслибъ они не желали и не искали случая до безконечности запутать порученное имъ дѣло, внушивъ мальчикамъ дѣлать лживые извѣты, то возможно ли предположить, чтобы плацъ-маіоръ Городецкій, черезъ руки котораго проходило дѣло Кобецакаго, и Стратоновичъ, среди бѣлаго дня поймавшій мятежника, безъ умысла упустили изъ виду объявить остальнымъ членамъ и своему начальству о необыкновенномъ сходствѣ разсказовъ Заливаки и Павловскаго съ сущностью такъ хорошо извѣстныхъ имъ происшествій??? Наконецъ, еслибъ домашній человѣкъ генераль-губернатора, Покровскій, не скрылъ отъ него этихъ подробностей; еслибъ онъ во-время доведенъ

были до свидѣнія жандармскаго генерала Фрейганга подчинен-
нымъ его, Гарижскимъ и Стратоновичемъ, и еслибъ, наконецъ, все
это не было утаено отъ предсѣдателя Назимова, то могъ ли онъ
тотчасъ по прїѣздѣ въ Вильну (стало быть семью мѣсяцами
ранѣе) не обнаружить лживости извѣтовъ Заливаки и Павлов-
скаго, извѣтовъ, послужившихъ основаніемъ къ аресту множе-
ства невинныхъ лицъ ¹⁾?

Непосредственно за признаніемъ Заливаки и Павловскаго въ
невольномъ оклеветаніи ими множества невинныхъ жертвъ, и въ
томъ числѣ профессора Мяновскаго, выдвинулся на сцену новый
вопросъ такого рода: если сознание это искренно, если тутъ
нѣтъ утайки, то какимъ образомъ могло случиться, что и слѣд-
ственный приставъ виленской полиціи, Еленскій, *согласно съ*
прежними разсказами Заливаки и Павловскаго, тоже утверж-
даетъ, будто Мяновскій дѣйствительно приходилъ въ полицію
ходатайствовать объ освобожденіи арестованнаго человѣка, въ
которомъ подозрѣвали эмиссара Адольфа Залѣскаго?

Необходимо было дать Мяновскому съ Еленскимъ очную став-
ку и взвѣсить ея послѣдствія. Призванный съ этою цѣлью въ
присутствіе комиссіи Еленскій, хотя и плакалъ, жалуясь на
незаслуженный имъ арестъ, на невинное удаленіе отъ должности
и бѣдственное положеніе многочисленнаго семейства его, но
повторилъ, при новыхъ членахъ, данное имъ прежде показаніе
о приходѣ профессора Мяновскаго въ полицію и разговоръ его
съ полиціймейстеромъ, причемъ вызвался уличить въ этомъ
хорошо извѣстнаго ему молодого профессора Мяновскаго ²⁾.

Тутъ совершенно случайно пришла мнѣ счастливая мысль
испытать Еленскаго, точно ли онъ знаетъ лично г. Мяновскаго,
принадлежащаго къ высшему кругу общества, въ которомъ имѣлъ
обширную практику? Я написалъ на клочкѣ бумаги: «неудобно
ли, господа, вмѣсто Мяновскаго, приказать ввести въ присут-
ствіе другое лицо и, назвавъ его Мяновскимъ, удостовѣриться,
узнаетъ ли Еленскій, что это будетъ не Мяновскій?»

И предсѣдатель и всѣ члены, поочередно прочитавъ мою за-
писку, незамѣтно для Еленскаго, дали мнѣ понять, что одоб-
ряютъ мою мысль. Тогда, продолжая нѣсколько минутъ слушать
разговоръ предсѣдателя съ Еленскимъ, я всталъ, вышелъ изъ
присутствія, позвалъ смотрителя и велѣлъ ему открыть дверь
въ камеру арестованнаго студента, еврея Канторовича, который

¹⁾ Донесеніе Назимова военному министру, отъ 2 августа 1841 г., № 115.

²⁾ Былъ въ Вильнѣ и другой профессоръ и докторъ медицины Мяновскій, ста-
рикъ, однофамилецъ арестованнаго.

былъ несравненно старообразнѣе своихъ товарищей и имѣлъ весьма солидный видъ. Войдя къ нему, я сказалъ: «васъ позовутъ въ комиссію и будутъ называть профессоромъ Мяновскимъ въ присутствіи одного господина, который будетъ уличать васъ, что вы приходили въ прошломъ году въ полицію ходатайствовать объ освобожденіи одного арестованнаго человѣка. Если онъ не узнаетъ, что вы подставное лицо, а не Мяновскій, то вы должны возражать, что въ полицію не ходили никогда. Понимаете?»

Получивъ утвердительный отвѣтъ и сказавъ смотрителю, что когда ему велѣно будетъ позвать Мяновскаго, онъ долженъ вступить въ присутствіе Канторовича, я возвратился на свое мѣсто.

Черезъ нѣсколько минутъ предсѣдатель повторилъ Еленскому, чтобы онъ, если только это дѣйствительно было, напомнилъ Мяновскому, когда, при какихъ обстоятельствахъ и что именно говорилъ при немъ Мяновскій полиціймейстеру Серебравову, прося его объ освобожденіи мнимаго слуги профессора.

Видимо непривыкшій къ спокойному и учтивому обращенію, Еленскій хотя и изъявилъ готовность смѣло уличить профессора въ томъ, что онъ приходилъ въ полицію, но услышавъ, что предсѣдатель посылаетъ уже смотрителя за Мяновскимъ, Еленскій нѣсколько сконфузился. Мы внимательно присматривались къ тому, что говорили глаза Еленскаго.

Входитъ Канторовичъ. «Узнаете ли вы этого господина», спросилъ Владиміръ Ивановичъ Еленскаго? — «Это г. профессоръ Мяновскій», отвѣчалъ онъ. — «А вы, г. профессоръ, знаете ли этого барина?» — «Не знаю и никогда не видалъ» — было отвѣтомъ. Далѣе приставъ Еленскій, переминаясь съ ноги на ногу, довольно свободно и смѣло началъ уличать Канторовича въ томъ, въ чемъ общалъ уличить *лично извѣстнаго ему* Мяновскаго¹⁾.

«Довольно!» сказалъ предсѣдатель и, обращаясь къ Канторовичу, пригласилъ его объявить наконецъ Еленскому, кто онъ.

Еленскій, не подозревавшій этой ловушки, страшно переконфузился, расплакался, растерялся и тутъ же признался, что дѣйствительно знаетъ Мяновскаго только по наслышкѣ, какъ знаменитаго медика, ѣздившаго для усовершенствованія себя за границу и напечатывшаго извѣстную *книгу о переломѣ костей*, но лично его не знаетъ. Къ этому несчастный Еленскій добавилъ, что и на слѣдствіи, произведенномъ чиновникомъ генераль-губернатора Вашклевичемъ въ виленской полиціи, и здѣсь въ комиссіи, онъ постоянно дѣлалъ ложныя показанія, принаравливаясь къ тому, какъ и о чемъ былъ спрашиваемъ, един-

¹⁾ Репортъ подполковника Ломачевскаго, отъ 6 іюня, за № 46.

ственно въ надеждѣ скорѣе освободиться отъ незаслуженнаго имѣя ареста и разлуки съ семействомъ, которое лишено средствъ къ существованію!

Признаніе пристава Еленскаго, со всѣми подробностями записанное въ актъ объ очной ставкѣ, еще выше подняло завѣсу, такъ долго скрывавшую истину, еще болѣе разоблачило совершаемое стремленіе многихъ вліятельныхъ людей виленской администраціи, во что бы то ни стало, напугать новаго начальника края и обмануть правительство, увѣривъ его въ несомнѣнномъ существованіи преступнаго заговора, организованнаго знаменитымъ эмиссаромъ Залѣскимъ и открытаго ихъ необыкновенною прощительностью и неусыпными трудами!

Новые члены комиссіи хотя и видѣли ясно постепенное разрушеніе сооруженнаго изобрѣтательностью Анисимова колоссальнаго зданія, хотя и были свидѣтелями, что оно тѣмъ болѣе трещить и подламывается, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него прикосновеніе новой, свѣжей атмосферы — здраваго смысла и безпристрастія, но оставались довольно равнодушными зрителями этого замѣчательнаго явленія. Одинъ только Владиміръ Ивановичъ съ настойчивостью и самопожертвованіемъ добивался обнаруженія правды, готовясь отвѣчать Государю за прежнее заблужденіе свое, за то, что поддался обману и самъ согласился на новое назначеніе Анисимова въ комиссію ¹⁾.

Послѣ признанія Еленскаго представилась необходимость снова сообразить и строго провѣрить: чтó же наконецъ осталось неразобраннѣмъ и въ чемъ могутъ еще обвиняться арестованные лица, принадлежавшія къ категоріи дѣла о побѣгѣ за границу Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго ²⁾.

Хотя сознаніе Павловскаго, Заливаки и Еленскаго во лжиности ихъ показаній, подкрѣпленное ссылками на истолкованные во вкусъ Анисимова случаи съ Вишневымъ и Кобецевымъ, на вырванный изъ молитвенника листокъ и замѣчательною очною ставкою Еленскаго съ Канторовичемъ — почти совершенно очистило Мянковского, Вельва, Богдановича, Чигарева и другихъ

¹⁾ Къ чести Мирковича надо сказать, что еще до пріѣзда въ Вильну В. И. Назимова онъ считъ нужнымъ удалить Анисимова изъ комиссіи, какъ человека, слишкомъ утѣшавшагося; но Владиміръ Ивановичъ, которому его рекомендовали за дѣлового чиновника, согласился на возвращеніе Анисимова въ комиссію и едва не потерялъ по его милости.

²⁾ Не надо забывать, что въ вѣдѣніи комиссіи сидѣло множество арестантовъ, прикосновенныхъ къ другимъ отраслямъ политическихъ дѣлъ, въ ожиданіи, не откроется ли въ нихъ связи съ дѣломъ побѣга Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго.

запутанныхъ этими извѣтами лицъ отъ подозрѣнія въ принадлежаніи къ какому-либо преступному замыслу противъ правительства, особенно послѣ признанія самого Анисимова въ томъ, что онъ дѣйствительно увлекся, заставляя арестованныхъ мальчишекъ догадки его выдавать за истину, но всѣ эти признанія въ совокупности не отвергали еще окончательно возможности пребыванія эмиссара въ Вильнѣ, и потому, до разрѣшенія этого послѣдняго, слишкомъ важнаго и капитальнаго вопроса, невозможно было и думать о безотлагательномъ освобожденіи лицъ этой категоріи, и тѣмъ болѣе невозможно, что генералъ-губернаторъ и лично и письменно все еще продолжалъ настаивать, чтобы комиссія всѣми силами стремилась къ раскрытію тайныхъ замысловъ, не на основаніи исчезнувшихъ фактовъ, но на основаніи психологическаго убѣжденія, что есть какіе-то замыслы, что всѣ ихъ чувствуютъ, но они, такъ сказать неосознаемы съ самаго 1839-го года ¹⁾.

Оставалось заняться другими отраслями дѣла. На очереди былъ вопросъ о 12-ти студентахъ, изъ числа тѣхъ 17-ти, которые арестованы были 7-го мая 1840-го года по подозрѣнію ректора академіи Кучковскаго въ неблагонамѣренности къ правительству и въ принадлежаніи ихъ къ какому-либо тайному обществу, можетъ быть, внѣ академіи существующему ²⁾.

VIII.

Разборъ всѣхъ захваченныхъ, при арестованіи этихъ молодыхъ людей, книгъ и бумагъ возложенъ былъ Владиміромъ Ивановичемъ на меня. Тутъ прежде всего мнѣ бросилась въ глаза приложенная къ донесенію ректора подробная (на большомъ листѣ александрійской бумаги) аттестація каждаго изъ 17-ти студентовъ, причемъ противъ имени *Машевскаго* сказано было, между прочимъ, что въ бумагахъ его найдено подозрительное выраженіе: *«бунтъ ночи!»*

Съ напряженнымъ вниманіемъ принялся я за чтеніе подлинныхъ и переведенныхъ съ польскаго на русскій языкъ разныхъ бумагъ и писемъ. Между ними особенное вниманіе обратило на себя письмо, присланное Машевскому отцемъ его, проживавшимъ въ собственномъ имѣніи Минскаго уѣзда. Тутъ добрый старикъ,

¹⁾ Письмо Мирковича къ военному министру, отъ 29-го іюня, за № 708.

²⁾ Рaporтъ Мирковича къ военному министру, отъ 21-го мая, 1840-го года за № 819.

искивая задушевную радость и вырвавшися у него слезы благодарности Богу при чтеніи сыновняго письма, которымъ онъ сообщаетъ отцу, что занимаетъ первое мѣсто между товарищами своего курса, предостерегаетъ сына, чтобы онъ старался, если совсѣмъ разнакомиться, то по крайней мѣрѣ рѣже бывать у молодой дамы К. ¹⁾), мужъ которой высланъ изъ края въ Великій Устюгъ. Знакомство это отецъ находилъ опаснымъ для сына по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что часто познакомилъ молодую, пригожую и хорошо образованную даму, мужъ которой въ отсутствіи, онъ можетъ и самъ увлечься и ее увлечь, и тѣмъ на всегда разстроить семейное счастье молодыхъ супруговъ, что было бы въ высшей степени безнравственно; а во-вторыхъ, продолжалъ отецъ, «можетъ быть и начальство твое обратитъ вниманіе на это интимное знакомство, и недовѣрчиво взглянетъ на связь молодого человѣка съ женою особы, компрометированной въ глазахъ правительства».

Письмо это показывало, повидимому, что старый Машевскій не только не внушаетъ сыну чувства ненависти къ законному правительству, но напротивъ предостерегаетъ его, чтобы близостью отношеній къ г-жѣ К. не навлекъ онъ на себя подозрѣнія въ сочувствіи къ тѣмъ убѣжденіямъ, по милости которыхъ мужъ молодой особы удаленъ изъ края.

Понятно, что еслибы отецъ и сынъ могли предвидѣть, что переписка ихъ попадетъ въ руки людей, которые обязаны взвѣшивать смыслъ каждаго выраженія, каждаго слова, то не было бы основанія давать какое-либо значеніе содержанію подобныхъ писемъ; но тутъ были и намеки на глупость и подозрительность особы, подобныхъ Кучковскому, тутъ видѣлся самый интимный разговоръ между отсутствующими, стало быть, ни тотъ, ни другой не имѣли и тѣни подозрѣнія, что кто-нибудь сторонній подслушаетъ ихъ задушевные мысли... Но какъ же согласить эти честныя, благородныя внушенія старика Машевскаго, обращенныя къ любимому сыну, съ подозрѣніемъ Кучковскаго, который подмѣтилъ у послѣдняго выраженіе: «бунтъ ночи»? Неужели, подумалъ я, въ самомъ дѣлѣ, сынъ такъ безсовѣстно, такъ низко маскируется передъ добрымъ и почтеннымъ отцомъ, что будучи до мозга костей пропитанъ *самымъ возмутительнымъ духомъ*, и замышляя какой-то ночной бунтъ, играетъ въ глазахъ старика роль скромника и поведеніемъ своимъ въ стѣнахъ академіи на-

¹⁾ Той самой, которую 24-го марта требовали въ комиссію по письму о бѣлѣ, кошахъ, ослѣзъ и т. п.

влекаетъ на себя сильное подозрѣніе въ принадлежаніи къ тайному обществу, *быть можетъ, вѣтъ академіи существующему?*

Всю ночь на пролетъ просидѣлъ я за чтеніемъ и внимательнымъ разборомъ захваченныхъ у студентовъ бумагъ, и хотѣвъ действительно между ними нашелъ нѣсколько патріотическихкихъ стихотвореній, воспоминаній о мятежѣ 1831-го года и т. д., ни ничего такого, чтобы давало основательный поводъ думать, что молодые люди эти принадлежатъ къ какому-либо преступному заговору или тайному обществу; намековъ же о ночномъ бунтѣ рѣшительно нигдѣ не нашелъ. Наконецъ, между стенографическими набросанными замѣтками изъ лекцій, и денежными счетами Машевского, съ именами какихъ-то Полинъ, Вандъ, Леонадіи и Розалій, встрѣтилъ я написанное товарищемъ его на клочкѣ бумаги двусторонне на польскомъ языкѣ:

«Пришли мнѣ свѣчей фунтъ:
«Хочу объявить ночи бунтъ¹⁾»).

— Такъ вотъ откуда почтенный г. Кучковскій заимствовалъ подозрительное, по его увѣренію, выраженіе «бунтъ ночи!» подумалъ я.

Здѣсь, для полноты понятія, необходимо сказать и то, что Кучковскій, опасаясь отвѣтственности за побѣгъ Возняковскаго и Рокицкаго и желая выслужиться передъ новымъ генералъ-губернаторомъ и выказать вѣрноподданническія чувства и пламенное усердіе свое къ правительству, осыпавшему его и деньгами, и чинами, и звѣздами, чрезвычайно ловко воспользовался тѣмъ несчастнымъ настроеніемъ генерала Мирковича, въ которое онъ вовлеченъ былъ въ первые дни управленія вовсе незнакомымъ ему краемъ поимкою задержанныхъ въ Юрбургѣ студентовъ, намѣревавшихся бѣжать за границу. Очень понятно, что побѣгъ студентовъ, изъ которыхъ у одного найдена была поэма Вильянка, наполненная патріотическими мыслями и выраженіями преступнаго содержанія противъ священной особы государя императора и вслѣдъ затѣмъ донесеніе ректора академіи, что между студентами обнаруживается уже возмутительный духъ, и что въ бумагахъ одного изъ нихъ найдено таинственное выраженіе *бунтъ ночи*, не могли не всполошить всю виленскую администрацію, въ главѣ которой стояло тогда новое лицо, и не отразиться въ Петербургѣ (Мирковичъ пріѣхалъ въ Вильну въ половинѣ марта, а тревога поднялась 1-го мая).

¹⁾ Przyszli mnie swiece funt,
Chcę obiawić nocy bunt.

Выше было сказано, что на основаніи этихъ подозрѣній и убѣдительнымъ настояніямъ Кучковскаго, начальникъ края приказалъ немедленно арестовать 19 студентовъ ¹⁾, особенно замѣченныхъ въ вольнодумствѣ, и препроводить ихъ въ слѣдственную комиссію, причемъ, подозрѣвая, что духъ академіи въ какой-либо связи съ дѣломъ о побѣгѣ двухъ студентовъ и студента Павловскаго, предписалъ рассмотреть захваченныя у студентовъ, при «*повальномъ*» (?) обыскѣ бумаги, *поставивъ комиссію въ обязанность изслѣдовать источникъ возмутительнаго дѣла, поселившагося между воспитанниками академіи и раскрыть всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ* ²⁾.

Понятно, что въ этомъ переполохѣ не только генераль-губернатору, но и никому изъ людей безпристрастныхъ не могло придти въ голову, что можетъ выработать изъ всего этого сумбуръ опытиѣйшій и самый благонадежный членъ комиссіи г. Анисимовъ? Но какъ ни обширно было представившееся Анисимову новое поле дѣйствій, какъ ни обильна была пища его рвущаго и фанатически настроенному воображенію, онъ видимо смотрѣлъ на этихъ молодыхъ людей (пятеро были освобождены вскорѣ послѣ ареста, оставалось только 12), какъ на окончательно отпѣтыя жертвы и потому, не вымогая отъ нихъ никакихъ признаній, вполне удовольствовался данными ими объясненіями на первоначальные вопросы и распорядясь надписать надъ дверьми каждого студента общій титулъ: «*государственный преступникъ такой-то*», оставилъ ихъ безъ дальнѣйшихъ вопросовъ и даже не позаботился впослѣдствіи, чтобы имя какого-нибудь изъ нихъ упомянуто было въ плодovitыхъ извѣстіяхъ Заливаки или Павловскаго, что, какъ оказалось, вполне зависѣло отъ его личнаго произвола.

Надобно замѣтить еще, что изъ донесенія генерала Мирковича военному министру, отъ 21-го мая, № 319, видно, что прежде арестованія 17-ти студентовъ были жалобы на ректора Кучковскаго, что онъ дурно содержитъ воспитанниковъ академіи, но разобраны ли эти жалобы, подтвердились ли онѣ, и не тѣ ли самые молодые люди, которые приносили жалобу, подверглись повальному, какъ выразился Кучковскій, обыску, а потомъ и аресту, это осталось вовсе не разъясненнымъ, даже и впослѣд-

¹⁾ Т.-е. 17 студентовъ, потому что въ число 19-ти, Кучковскій включилъ Вознаковскаго и Рокницкаго и сдѣлалъ это вѣроятно съ цѣлю выказать свою предусмотрительность.

²⁾ Такъ выразился генералъ Мирковичъ въ донесеніи своемъ военному министру, отъ 21-го мая 1840-го года, за № 319.

ствіи, тѣмъ болѣе, что и самая академія была въ томъ же году окончательно закрыта.

Наконецъ, хотя я и упомянулъ выше, что отпѣтыя жертвы эти, просидѣвъ болѣе года, никѣмъ и ни въ чемъ не оговаривались, но имя одного изъ нихъ, а именно Либичанковскаго случайно упомянуто было въ одномъ мѣстѣ другой отрасли неоконченныхъ дѣлъ и хотя нисколько не компрометтировало его но все-таки какъ-бы выдвинуло его изъ группы молодыхъ людей, арестованныхъ единственно по подозрѣнію Кучковскаго, ничѣмъ до той минуты не подтвердившемуся и потому подлежащихъ освобожденію.

IX.

Проведенная безъ сна ночь не помѣшала мнѣ рано утромъ дать Назимову полный отчетъ о разборѣ дѣла, возбужденнаго доносомъ Кучковскаго. Я засталъ Владиміра Ивановича за чаемъ, поданнымъ на террасу его скромнаго домика въ ботаническомъ саду, у подножія Замковой горы.

Разсказъ мой съ необходимыми ссылками на документы, доказывающіе положительную невинность долго страдавшихъ молодыхъ людей, сильно тронулъ благороднаго Владиміра Ивановича и заставилъ его приписать Кучковскому и Ю. съ компаніей такіе эпитеты, которыхъ всѣ они вполне заслуживали.

Въ тотъ же день послано было генералъ-губернатору представленіе комиссіи объ освобожденіи 11-ти студентовъ, окончательно признанныхъ невинными. Ѳеодоръ Яковлевичъ не рѣшился удовлетворить ходатайства комиссіи, находя, съ своей стороны, освобожденіе это рановременнымъ, и потому представилъ вопросъ на разрѣшеніе военнаго министра.

Черезъ 10-ть дней, въ неизъяснимоу нашему благополучію, получено было высочайшее повелѣніе не только объ освобожденіи оклеветанныхъ Кучковскимъ студентовъ, но и о распределеніи ихъ, если пожелаютъ, казенными степендіантами въ какіе угодно университеты, съ выдачею имъ пособій, казенныхъ дороженъ и прогонныхъ денегъ. Независимо отъ этого Государю угодно было знать, не имѣетъ ли кто-либо изъ освобожденныхъ особой просьбы къ его величеству?

Когда настала торжественная минута отворить двери тюрьмы невинно пострадавшимъ, Владиміръ Ивановичъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ нимъ присутствовать при объявленіи высочайшей милости.

Не берусь описывать этой отрадной, этой трогательной сцены. Она до гробовой доски не изгладится изъ моей памяти! Не могу распространяться и о томъ, какое впечатлѣніе произвело въ Вильнѣ появленіе освобожденныхъ изъ тюрьмы молодыхъ людей, которые вынесли оттуда не злобу, не ожесточеніе противъ правительства, но презрѣніе къ Кучковскому.

Тутъ и новые наши товарищи замѣтно ободрились и выказали болѣе прежняго свое усердіе къ разъясненію сильно занимавшихъ правительство важныхъ вопросовъ. Работа пошла усерднѣе и веселѣе, но совершенно неожиданный случай снова становилъ нашъ общій порывъ.

Генералъ-губернаторъ препроводилъ на заключеніе комиссией представленное ему, при рапортѣ отъ 22-го іюня, за № 167, именомъ комиссіи полковникомъ Н., мнѣніе о томъ, что комиссія наша *дѣйствуетъ не сообразно съ цѣлью, для которой она предназначена* (???).

Въ доказательство основательности своего взгляда, Н. говоритъ:

а) Онъ не раздѣляетъ мнѣнія г. предсѣдателя о томъ, что русскіе чиновники имѣютъ злой умыселъ посѣять вражду между правительствомъ и его подданными, и что будто Анисимовъ есть только орудіе тѣхъ лицъ, которыя этого желаютъ.

б) Это идея не новая, писалъ Н., но она не русская. Стоитъ только сообразить содержаніе журнала 3-го мая, издаваемого въ Парижѣ, съ поведеніемъ помѣщиковъ и шляхты западнаго края, чтобы вполне убѣдиться, что источникомъ этой идеи можно почитать польскую эмиграцію, которая, пустивъ ее въ ходъ, дала ей два назначенія: *наступательное* и *оборонительное*.

в) Н. находилъ также, что идея о посѣяніи вражды между правительствомъ и народомъ есть дѣло эмиграціи, *ея девизъ, ея оружие*.

г) По убѣжденію г. Н., поляки и вся вообще шляхта, соединяясь съ своимъ духовенствомъ и евреями, захватили въ свои руки администрацію отъ нижнихъ земскихъ судовъ до высшихъ инстанцій, и что случайно попавшійся въ ихъ руки благонамѣренный русскій чиновникъ (какимъ, повидимому, онъ признавалъ Анисимова) рѣдко не терпитъ, если не сдѣлается отступникомъ присяги, данной правительству. *Въ этомъ-то омутъ, приплавляетъ г. Н., зрѣвшая развитая идея эмиграціи.*

д) Далѣе г. Н. объяснялъ, что православные храмы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, а католическіе *красуются* величіемъ; что вѣра православная называется *хлоскою*, а ка-

толиковъ — панскою, и въ этомъ онъ видѣлъ *дѣйствіе идеи наступательное*.

е) Окончивъ мысль объ идеѣ наступательной, г. Н. продолжаетъ: «Приводя въ исполненіе идею эмиграціи практическіе помѣщики и вообще злоумышленники западной Россіи, бывъ обнаружены въ своихъ замыслахъ, тою же самою идеей прикрываютъ свои злодѣянія. Не находя оправданій въ своемъ обвиненіи, или лучше сказать, желая отклонить всякую возможность открытію ихъ заговоровъ, они всѣми мѣрами стараются мѣшкать и высшее начальство и вообще всѣхъ и каждого пороку увѣрить, что враги порядка и спокойствія края, имѣя въ виду посягать на неудовольствіе и недовѣрчивость между ими и правительствомъ, стараются оклеветать ихъ предъ послѣднимъ, взводя на нихъ небывалыя преступленія—*вотъ дѣйствіе идеи оборонительное*.

«Такъ ведутъ дѣла свои поляки, заключаетъ г. Н., и съ этихъ двухъ точекъ слѣдуетъ смотрѣть на идею эмиграціи; смотрѣть же иначе значитъ пособлять полякамъ достигнуть предположенной ими цѣли, которой не можетъ не видѣть одинъ лишь не желающій смотрѣть на предметы съ истинной точки зрѣнія».

Въ виду того, что мнѣніе г. Н. удостоилось прочтенія начальникомъ края, который считъ нужнымъ препроводить его въ комиссію, она отвѣчала:

«При внимательномъ разборѣ мнѣнія г. Н. нельзя не замѣтить, что онъ явно смѣшиваетъ частныя проявленія нерасположенія и даже ненависти жителей западнаго края къ правительству съ заговоромъ и существованіемъ тайнаго общества; что мысли, заимствованныя полковникомъ Н. изъ журнала 3-го ма, издаваемого въ Парижѣ партіею польскихъ эмигрантовъ, которые, по словамъ Н., пустивъ свою идею въ свѣтъ, дали ей два назначенія: наступательное и оборонительное,—не подлежатъ разбору комиссіи, которая обязана изслѣдовать не идеи, но поступки и дѣйствія привлеченныхъ къ дѣлу лицъ; что разсужденія г. Н. о партизанской войнѣ и народномъ возстаніи также не имѣютъ никакой связи съ порученнымъ комиссіи дѣломъ, и хотя комиссіа отнюдь не отвергала, что заговоръ можетъ быть, но задачею ея было не открытіе, во что бы то ни стало, заговора или тайнаго общества, но добросовѣстное разрѣшеніе вопроса: существуетъ, или не существуетъ заговоръ и—въ первомъ случаѣ—кто именно заговорщики?»

На этомъ основаніи комиссіа постановила: Разборъ мнѣнія этого записать въ журналъ и копію съ него представить на благоусмотрѣніе г. генераль-губернатора, на тотъ конецъ, не

непоугодно ли будетъ его превосходительству внушить полковнику Н., что ему несравненно приличнѣе было бы заниматься порученнымъ ему выводомъ изъ полицейскаго дѣла, котораго еще 5-ти мѣсяцевъ коммиссія отъ него ожидаетъ, чѣмъ составленіемъ такого неосновательнаго мнѣнія, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководствомъ для коммиссіи.

Отвѣтъ этотъ разрушилъ надежды Анисимова, Покровскаго и всѣхъ тѣхъ, которые подстрекнули г. Н. къ новой попыткѣ затянуть и запутать дѣло оборонительными, наступательными и другими идеями.

Между тѣмъ давно начавшіяся недоразумѣнія между флигель-адъютантомъ Назимовымъ и мѣстнымъ генераль-губернаторомъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе росли, усиливались и дошли наконецъ до того, что Мирковичъ, въ донесеніи военному министру, отъ 14-го іюля, за № 708-мъ, настоятельно просилъ объ отозваніи Назимова въ Петербургъ и о назначеніи на его мѣсто другого предсѣдателя, *съ тѣмъ, чтобы новому предсѣдателю отпущено было слѣдовать наставленіямъ Мирковича въ этомъ дѣлѣ.*

Владиміръ Ивановичъ, съ своей стороны, въ письмѣ къ князю Чернышову, отъ 29-го іюня, описывалъ невыносимо тяжкое положеніе его, которымъ онъ преимущественно обязанъ вліянію Ю. и просилъ о командированіи въ составъ ввѣренной ему коммиссіи по крайней мѣрѣ двухъ благонадежныхъ чиновниковъ, объясняя, что «послѣ увольненія изъ коммиссіи бывшаго дѣлопроизводителя Стратоновича, всю огромную массу дѣлъ онъ долженъ вести самъ».

Въ такомъ положеніи были дѣла наши до 2-го августа, а въ этотъ день разнесся слухъ о полученномъ генераль-губернаторомъ свѣдѣніи, что въ Вильну, по высочайшему повелѣнію, прибудетъ новый предсѣдатель коммиссіи, генераль-адъютантъ А. А. Кавелинъ.

Вотъ точная копія съ высочайшаго рескрипта, отъ 28-го іюля, за № 127, на имя генераль-губернатора.

«Господинъ генераль-лейтенантъ Мирковичъ!

«Восный министръ довелъ до свѣдѣнія Моего ваше къ нему донесеніе о несогласіи, возникшемъ между предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммиссіи и о собственномъ вашемъ мнѣніи на счетъ необходимости измѣнить составъ оной для достиженія истины въ важномъ дѣлѣ, ей порученномъ.

«Избравъ, вслѣдствіе того, предсѣдателемъ коммиссіи генераль-адъютанта, генераль-лейтенанта Кавелина и предоставивъ ему

дѣйствовать на правахъ сенатора, повелѣваю вамъ: 1) Передать въ непосредственное вѣдѣніе генераль-адъютанта Кавелина, съ прибытіемъ его въ Вильну, слѣдственную комиссію *отъ настоящаго ея состава*, со всѣми ея дѣлами и чиновниками, канцелярію ея составляющими. 2) Оказывать ему во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ всякое отъ васъ зависящее содѣйствіе къ успѣшному и скорому окончанію слѣдствія, какъ исполненіемъ всѣхъ его требованій, такъ и сообщеніемъ собственныхъ вашихъ видовъ къ достиженію этой цѣли въ возможной полнотѣ и совершенствѣ.

«Повелѣнія Мои на счетъ будущаго состава комиссіи будутъ сообщены вамъ военнымъ министромъ.

На подлинномъ написано:

«Николай».

Трудно представить себѣ, какой страшный переполохъ надѣлалъ рескриптъ этотъ между приближенными генераль-губернатора и моего окружнаго начальника, и хотя въ 1-мъ пунктѣ рескрипта ясно выражена была высочайшая воля о томъ, чтобы комиссія передана была генералу Кавелину въ полномъ ея составѣ, но полковникъ Ю. и его сотрудники усилъли внушить Феофру Яковлевичу убѣжденіе, что если только А. А. Кавелинъ встрѣтитъ между членами комиссіи Ломачевского, то дѣло непременно приметъ неблагопріятный для нихъ оборотъ, и что для избѣжанія опасности необходимо найти благовидный предлогъ къ безотлагательному удаленію Ломачевского изъ Вильны, съ чѣмъ, къ удовольствію бывшихъ членовъ Гарнизскаго и Стратоновича, вполне согласился и генераль Фрейгангъ, такъ что я въ три часа слѣдующей ночи получилъ уже экстренное предписаніе отправиться въ Минскъ и вступить въ отправленіе обязанностей губернскаго штабъ-офицера¹⁾.

Семимѣсячные труды мои въ комиссіи, сопряженные съ постоянною борьбою и опасеніемъ за каждый свой шагъ, каждое слово — имѣли дурное вліяніе на мое здоровье. Мнѣ необходимо былъ отдыхъ и потому я чрезвычайно радъ былъ вырваться изъ Вильны, этого гнѣзда нескончаемыхъ интригъ. Оставя жену и дѣтей, съ которыми невозможно было безъ приготовленій пуститься въ дорогу, я бросился на перекладную и поспекалъ безъ оглядки, какъ-бы опасаясь за собою погони.

¹⁾ Предлогомъ къ этой откомандировкѣ была ссылка на нѣсколько случившихся въ Минскѣ пожаровъ.

X.

Хотя я былъ слишкомъ спокоенъ и совершенно увѣренъ въ то, что генералъ Кавелинъ не найдетъ въ моихъ дѣйствіяхъ ничего такого, что могло бы меня компрометтировать, но до получения уѣдомленія Владиміра Ивановича объ освобожденіи (25-го августа) Велька, Мянковского, Богдановича, Еленскаго и о дозволѣніи молодымъ дамамъ, роднымъ сестрамъ Р. и К. отправиться къ мужьямъ ихъ, удаленнымъ изъ края по дѣлу Карнарскаго, мнѣ не было извѣстно, какою именно системы будетъ держаться новый предсѣдатель комиссіи, т.-е. будетъ ли онъ постепенно освобождать признаваемыхъ оправданными, или держаться взгляда Мирковича а тутъ ужъ было болѣе чѣмъ ясно, что В. И. Назимовъ восторжествовалъ окончательно.

Въ концѣ ноября 1841-го года нужно было мнѣ по семейнымъ дѣламъ быть въ Петербургѣ. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ Ивановичъ настоятельно совѣтовалъ мнѣ ѣхать не на Дисну, ни Витебскъ, но на Вильну, чтобы имѣть случай лично познакомиться съ генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ.

«Очень пріятно видѣть васъ, сказалъ мнѣ Александръ Александровичъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ. Поведеніе мое въ Вильнѣ было безукоризненно, благородно, о чемъ извѣстно уже Государю; вы первый поймали искусно спрятанную нить правды въ этомъ важномъ и до безконечности запутанномъ дѣлѣ, но васъ нельзя не обвинить въ излишнемъ самолюбіи и неумѣстной горячности. Еслибъ вы не торопились, не увлекались, но дѣйствовали хладнокровнѣе, сдержаннѣе, вы принесли бы болѣе пользы и дѣло это давно бы разъяснилось настолько, что можетъ быть не было бы вовсе надобности въ назначеніи новой комиссіи.

«Мнѣ извѣстно, прибавилъ Кавелинъ, что вы разбирали послѣднее мнѣніе полковника Н. и безошибочно оцѣнили его. Вотъ, еслибы вы и въ другихъ случаяхъ вели себя также хладнокровно, также сдержанно, то несравненно болѣе принесли бы пользы».

Поблагодаривъ Александра Александровича за его лестное обо мнѣ заключеніе, я не могъ умолчать, что до признанія Заливаки, Павловскаго и—что всего важнѣе—самого Анисимова—въ неслыханномъ обманѣ правительства, я велъ себя скромно и, вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ, направлялъ всѣ мои усилія добиться правды; но съ той минуты, когда окончательно убѣдился, что множество невинныхъ жертвъ невѣжества и фанатизма не-

заслуженно страдаютъ въ душевныхъ казематахъ, наравнѣ съ преступниками, и, въ надеждѣ на свою невинность, тщетно ожидаютъ конца этихъ мученій, а не могъ уже равнодушно переносить холодности и безучастія къ нимъ въ моихъ товарищахъ. Вотъ причина той горячности, въ которой меня обвиняютъ.

Владиміръ Ивановичъ былъ обрадованъ, когда узналъ о свиданіи мнѣ Кавелинымъ, и вызвался написать обо мнѣ въ Петербургъ къ пріятелю его, полковнику Граве, адъютанту Государя Цесаревича. На третій день по пріѣздѣ моемъ въ столицу, полковникъ Граве далъ мнѣ знать, что Его Высочеству угодно видѣть меня.

На слѣдующее утро, 29-го ноября, я имѣлъ счастье представиться августѣйшему сыну моего Монарха, объясняться по этому дѣлу и отвѣчать на относившіеся къ нему такіе вопросы, которые доказывали близкую извѣстность Государю Наслѣднику не одного общаго характера, но и самыхъ мельчайшихъ подробностей дѣла, равно и именъ Анисимова, Покровскаго, Городецкаго, Заливаки, Павловскаго и другихъ дѣйствующихъ лицъ описываемой мною драмы.

— «Скажите, полковникъ, что дало вамъ первую мысль взглянуть на это дѣло съ другой точки?» изволилъ спросить меня Государь Цесаревичъ.

— «Съ одной стороны, отвѣчалъ я, обнаруженіе низкихъ подлоговъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми членами прежней комиссіи, а съ другой, глубокое убѣжденіе, что Государю нашему не нужны жертвы, нужна правда, какъ врачу отсутствующему нужны вѣрные симптомы болѣзни для безошибочнаго опредѣленія средствъ врачеванія страждущихъ».

Выслушавъ отвѣтъ мой, Государь Наслѣдникъ удостоилъ подать мнѣ руку и сказать: «Поведеніе ваше въ Вильнѣ дѣлаетъ вамъ честь: Государь вполне доволенъ вами».

XI.

Новая слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Кавелина, состояла изъ назначенныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ слѣдующихъ членовъ:

- Отъ намѣстника Варш. дѣйст. стат. совѣт. Сотниковъ;
- » воен. министра флигель-адъют. полк. Назимовъ;
- » шефа жанд. корпуса жанд. полков. Радищевъ;
- » генер. губер. военно-уѣздный начальникъ полк. Степановъ;

Отъ министра юст. товарищъ герольдмейстера, надв. совѣт. Тонильскій, дѣлопроизводитель.

Съ юридической точки зрѣнія это была не слѣдственная коммиссія, но судъ, задачею котораго было окончательное разрѣшеніе вопроса: кто ошибается—Мирковичъ, или Назимовъ?

Главнѣйшею заслугою этой коммиссіи нельзя не признать того, что она, при самомъ приступѣ къ дѣлу, обратила вниманіе на остававшійся въ немъ важный пробѣлъ. При Назимовѣ не былъ оффиціальнымъ путемъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, былъ ли въ Вильнѣ, во время казни Канарскаго, другой эмиссаръ, Адольфъ Залѣсскій, или не былъ?

Въ этихъ видахъ признано было необходимымъ снестись, чрезъ военнаго министра, съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде, и просить его, при посредствѣ миссій нашихъ въ Австріи, Англіи, Франціи и Швейцаріи, доставить точнѣйшее свѣдѣніе, гдѣ находился тогда эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій? (Представленіе, отъ 2-го сентября 1841 года, № 32).

Изъ отвѣта государственнаго канцлера, отъ 9-го октября 1841-го года, за № 612, коммиссія убѣдилась, что эмиссара въ описываемое время не было ни въ Вильнѣ, ни въ другихъ мѣстахъ западнаго края Россіи. Если бы прежняя коммиссія, въ которой и я участвовалъ, прибѣгла къ этой мѣрѣ, то и раньше обнаруженія поддѣлки Заливакою знаменитаго списка, скопированнаго будто бы у эмиссара, и прежде признанія Павловскаго и Заливаки въ лживости ихъ главнѣйшихъ показаній, само собою обнаружилось бы, что всѣ разновременныя ссылки на Адольфа Залѣскаго суть не иное что, какъ продуктъ размашистаго воображенія несчастнаго фанатика Анисимова. Отсюда прямой выводъ тотъ, что и Назимовъ и я — мы оба виноваты въ томъ, что всѣ арестованныя, въ качествѣ сообщники эмиссара, лица просидѣли въ казематахъ два лишніе мѣсяца.

Еслибы генераль-губернаторъ Мирковичъ ранѣе убѣдился въ томъ, что Залѣсскій дѣйствительно не былъ въ Вильнѣ, ему не было бы основанія сомнѣваться въ искренности признанія Заливаки и Павловскаго; онъ скорѣе понялъ бы низкій поступокъ Бучковскаго, и тогда ему не было бы ни малѣйшей причины къ несогласіямъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, и, стало быть, не было бы и повода къ жалобамъ на него и требованію его отозванія и назначенія новаго предсѣдателя.

Хотя въ разсмотрѣніи ввѣренной флигель-адъютанту Назимову слѣдственной коммиссіи, кромѣ дѣла собственно о побѣгѣ Возняковскаго, Рокницкаго и Павловскаго, были и другія, при-

оставленныя окончаніемъ дѣла, но главный драматизмъ сосредоточенъ на высказанныхъ Заливакою, повторенныхъ Павловскимъ и окончательно опровергнутыхъ гр. Нессельроде ссылаки на пребываніе въ Вильнѣ, въ эпоху слѣдствія, суда и казни Канарскаго, другого эмиссара, Адольфа Залѣскаго, а потому, не касаясь результатовъ окончанія дѣлъ второстепенныхъ, упомяну здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ именно кончилось главное дѣло о побѣгѣ, доведенное фанатически настроеннымъ воображеніемъ Анисимова до размѣровъ колоссальныхъ:

а) Всѣхъ арестантовъ, привлеченныхъ къ дѣлу по оговору Заливаки, было 70 человекъ, въ томъ числѣ: Богдановичъ, Велькъ, Мянновскій, Еленскій, Чигаревъ и кварталный надзиратель Томашевскій. Кромѣ того, за *минималъ* выпускъ изъ полиціи *минималю* эмиссара, былъ удаленъ отъ должности полиціе-мейстеръ подполковникъ Серебряковъ.

Всѣ они безъ исключенія оправданы, и тѣ изъ нихъ, которые содержались подъ арестомъ, по представленіямъ генералъ-адъютанта Кавелина, освобождены.

Изъ нихъ—Богдановичъ, нежелавшій продолжать службу, —съ награжденіемъ пенсіей и мундиромъ; Мянновскій и Велькъ —съ зачетомъ времени ареста въ дѣйствительную службу, выдачею потеряннаго ими содержанія и опредѣленіемъ, по случаю закрытія виленской медико-хирургической академіи, на другія соотвѣтствующія профессорскимъ должности; Чигаревъ—съ возвратомъ содержанія, зачетомъ службы и возвращеніемъ къ прежней или соотвѣтствующей должности; Еленскій и Томашевскій—на томъ же основаніи, а подполковникъ Серебряковъ въ то же время вызванъ княземъ Долгорукимъ на должность полиціе-майстера въ Харьковъ.

б) Всѣмъ молодымъ людямъ, пожелавшимъ продолжать слушаніе курса медицины, предоставлено поступить постоянными стипендіантами казны въ любой изъ университетовъ, съ выдачею прогоновъ и особыхъ денежныхъ пособій; а тѣ, которые пожелали вступить въ гражданскую службу, получили такія же пособія и поручены особому о нихъ попеченію губернаторовъ.

в) Учителю Хрульевичу, кромѣ предоставленія должности, соотвѣтствующей прежней, время ареста зачтено въ службу, возвращено потерянное содержаніе и пожаловано кромѣ того единовременное пособие въ 450 р.

г) Не одни только невинно пострадавшіе испытали на себѣ милость царскую, она простиралась и на виновныхъ.

Такъ, матери сильно компрометтированнаго автора: «Очерки духа виленской академіи», лекаря Ловицкаго, отосланнаго на

службу въ Западную Сибирь, простой мѣщанинъ, государь пожаловалъ пожизненной пенсіи 100 р. за то только, что въ бумагахъ сына оказалось письмо этой женщины высоко-нравственнаго содержанія.

Молодому человѣку Людвигу Подберезскому, по собственному признанію виновному въ связяхъ съ Возняковскимъ и знаніи его преступныхъ намѣреній, по особому ходатайству А. А. Кавелина, не только даровано безусловное прощеніе, но, по вниманію къ его чистосердечному разсказанію и совершенно бѣдному состоянію, при опредѣленіи въ канцелярію московскаго генерал-губернатора, повелѣно, впредь до назначенія его на штатную должность, производить ежегодное негласное пособіе по 150 рублей.

д) Совершенно невинно оклеветанному помѣщику, князю Иринѣю Огинскому, требовавшему строжайшаго суда и по суду совершенно оправданному, пожалованъ чинъ коллежскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2 ст. и званіе камергера высочайшаго двора.

Послѣ оправданія, Огинскій просилъ о прощеніи оклеветавшихъ его лицъ и увѣдомленіи престарѣлой матери его, что онъ не измѣнилъ вѣрнопопданнической присягѣ.

е) Несчастные искатели незаслуженныхъ наградъ, жалкіе фанатики и лже-патріоты Анисимовъ, Покровскій и Городецкій отставлены отъ службы съ высылкою на жительство въ самыя отдаленныя мѣста имперіи; послѣдній, сверхъ того, за притѣсненіе бывшаго начальника его, Богдановича, во время ареста, выдержанъ 3 мѣсяца въ крѣпости. Полковникъ Ю. и майоръ Городецкій тоже отставлены отъ службы, а подполковникъ Ло—ри и коллежскій ассессоръ Стратоновичъ удалены изъ вѣдомства корпуса жандармовъ.

ж) Изъ числа покушавшихся на побѣгъ молодыхъ людей:

1) Возняковскій, кромѣ преступнаго содержанія Виліанки, сознавшійся въ намѣреніи убить предсѣдателя слѣдственной комиссіи по дѣлу Канарскаго, князя Трубецкаго, произвести тревогу и освободить политическихъ преступниковъ, — отданъ безсрочно въ арестантскія роты.

2) Студентъ Рекицкий и гимназистъ Павловскій, за покушеніе на побѣгъ за-границу и чтеніе съ Возняковскимъ его сочиненія и другихъ книгъ подобнаго рода, а послѣдній—сверхъ того, за поддержаніе лживыхъ извѣстовъ Заливаки, опредѣлены рядовыми въ отдѣльный сибирскій корпусъ.

3) Дворянинъ Серафимъ Заливако, сознавшійся въ намѣреніи отравить богатаго ксендза Трѣцяковскаго и воспользоваться

его деньгами и за оговоръ до 70-ти невинныхъ лицъ, назначенъ въ отдаленныя арестантскія роты на 15 лѣтъ.

Дальнѣйшая судьба этихъ молодыхъ людей мнѣ остается неизвѣстною, кромѣ одного Возняковскаго, который, въ бытность генераль-адъютанта В. И. Назимова попечителемъ московскаго учебнаго округа, являлся къ нему въ званіи кондуктора гарнизонныхъ инженеровъ и, по выдержаніи экзамена, тогда же произведенъ въ офицеры.

При высочайшемъ рескриптѣ, отъ 6-го декабря 1841-го года, генераль-лейтенантъ Мирковичъ, вполне убѣдившійся въ своихъ ошибкахъ, которыми обязанъ былъ доставшимся ему наслѣдство чиновникамъ, въ знаеъ неизмѣннаго къ нему монаршаго довѣрія, удостоился получить осыпанную брилліантами табакерку съ портретомъ покойнаго государя.

Въ тотъ же день флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ произведенъ за труды по комиссіи въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества, о чемъ удостоился собственноручнаго увѣдомленія Государя Цесаревича.

А. ЛОМАЧЕВСКІЙ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1861—1871 гг.

Окончаніе.

V*).

Присяжные засѣдатели.

Институтъ присяжныхъ засѣдателей, установленный у насъ судебными уставами, есть едвали не самая главная гарантія правильности приговоровъ судебныхъ мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше обезпечить честь и доброе имя каждого, какъ не предоставленіе общественной совѣсти, въ лицѣ двѣнадцати его согражданъ, рѣшить фактическій вопросъ о виновности или невинности подсудимаго на основаніи убѣжденія, вынесеннаго изъ судебного слѣдствія и послѣдовавшихъ за нимъ судебныхъ преній, — убѣжденія, не подлежащаго критикѣ и отмѣнѣ, если только были соблюдены всѣ надлежащія формы и обряды судопроизводства, установленныя закономъ? Въ этомъ институтѣ мы видимъ лучшее средство къ выполненію программы, выраженной въ словахъ Государя: *„правда и милость да царствуютъ въ судахъ.“* Никакіе законы, какъ бы ни были они совершенны, не въ силахъ осуществить великой идеи, выраженной въ этихъ словахъ, если фактическая сторона вопроса не будетъ предоставлена суду общественной совѣсти, такъ какъ законодательство не въ состояніи исчерпать всѣ оттѣнки, сопровождающіе извѣстное явленіе, и всѣ средства для раскрытія истины. Съ другой стороны, законодательство не можетъ не отставать отъ прогрессивнаго движенія общества, такъ какъ въ немъ выражаются только вполне установившіяся и окрѣпшія по-

*) См. выше: февр. 696; мар. 289 стр.

нiя общества. На этомъ основанiи, жизнь не всегда укладывается въ рамки законодательства и въ ней могутъ встрѣчаться явленiя, сопровождаемыя такими обстоятельствами, при которыхъ наказуемость извѣстнаго дѣянiя, хотя не отмѣнена закономъ, но тѣмъ не менѣе противорѣчитъ общественной совѣсти. Вотъ въ этихъ - то весьма нерѣдкихъ случаяхъ строгое примѣненiе буквы закона не дозволило бы царствовать въ судахъ ни правдѣ, ни милости, еслибъ сужденiе о виновности не было предоставлено безапелляционному суду общества. Судья, по самому существу своихъ занятiй, не всегда можетъ оцѣнить правильно фактическую сторону извѣстнаго дѣянiя и тѣ мотивы, которые заставляли человѣка дѣйствовать, а главное, какъ представитель закона, не можетъ пользоваться правомъ смягчать его въ виду измѣнившихся условiй общественной жизни. Что законодатель имѣлъ въ виду такое гуманное отношенiе къ обвиняемому, — это видно изъ того, что судъ не имѣетъ права протеста противъ оправдательнаго приговора присяжныхъ и, наоборотъ, обязанъ протестовать, если находитъ, что они обвинили невиннаго человѣка.

Но если значенiе института присяжныхъ засѣдателей такъ важно, то принадлежность къ ихъ составу должна разсматриваться не только какъ общественная обязанность, но и какъ неотъемлемое право каждаго, кто соотвѣтствуетъ извѣстнымъ законнымъ условiямъ. И можетъ ли человѣкъ, понимающiй значенiе суда въ государственной жизни, не дорожить этимъ правомъ? Оно дѣлаетъ его посредникомъ между требованiями закона и жизни и тѣмъ даетъ ему средство влiять на самое законодательство, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить для него общественной школой, посредствомъ которой законодательство влiяетъ на жизнь. Потому мы думаемъ, что это право должно принадлежать всякому лицу, достигшему извѣстныхъ лѣтъ, неопороченному судомъ или общественнымъ приговоромъ, пользующемуся извѣстнымъ довѣрiемъ, несостоящему въ услуженiи, а также получившему извѣстную степень развитiя. Исключенiя изъ этого общаго правила конечно могутъ быть допущены въ виду практическихъ неудобствъ пользованiя этимъ правомъ, вслѣдствiе извѣстнаго рода службы или занятiй, и тогда эти исключенiя опредѣляются закономъ. Но всякое другое ограниченiе права быть присяжнымъ, по нашему мнѣнiю, не можетъ считаться справедливымъ и будетъ даже оскорбительно для людей обоего пола.

Теперь послѣ этихъ общихъ соображенiй посмотримъ, въ какихъ условiяхъ поставленъ выборъ присяжныхъ засѣдателей въ нашемъ законодательствѣ и насколько эти условiя соотвѣтствуютъ тому значенiю, которое имѣетъ въ нашихъ глазахъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ? Въ нашемъ обществѣ нерѣдко слышатся жалобы на присяжныхъ и выражается неудовольствiе на ихъ приговоры; но при

этомъ никто не думаетъ объ условіяхъ, въ которыя у насъ поставленъ выборъ присяжныхъ, качество которыхъ, безъ сомнѣнія, зависитъ много отъ этихъ условій.

Соображенія, предпосланныя 81-ой статьѣ устава судебныхъ установленій, дѣлятъ условія, опредѣляющія законныя качества для назначенія въ присяжные засѣдатели, на внѣшнія и внутреннія. Къ первымъ относятся опредѣленный возрастъ, жительство въ извѣстномъ мѣстѣ, владѣніе имуществомъ и т. д. Ко вторымъ — извѣстная степень образованія, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и проч. Первые указываютъ, по словамъ комиссіи, только на способность, вторыя же считаются необходимымъ условіемъ права быть присяжнымъ засѣдателемъ. На этомъ различіи, говоритъ комиссія, и основывается составленіе списковъ общихъ и очередныхъ, т.-е. въ общіе вносятся всѣ лица, соотвѣтствующія внѣшнимъ признакамъ, и изъ этихъ общихъ списковъ особая комиссія составляетъ очередные списки, отбѣивая лицъ по внутреннимъ ихъ качествамъ, т.-е. по степени ихъ развитія и нравственности, какъ это видно изъ статьи 99-й и приведенныхъ къ ней объясненій. Постановленія этой комиссіи не подлежатъ обжалованію.

Первое, что бросается въ глаза въ этихъ правилахъ, это—извѣстный имущественный цензъ, дающій право быть присяжнымъ. Но развѣ здравый смыслъ и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу существуетъ только у людей, обладающихъ извѣстнымъ имуществомъ? Въ соображеніяхъ къ 84-й статьѣ составители судебныхъ уставовъ говорятъ, что при исчисленіи лицъ, подлежащихъ внесенію въ общіе списки присяжныхъ, представляется *на первомъ планѣ* (?) вопросъ: какой имущественный цензъ долженъ давать право на внесеніе въ эти списки? Неужели это можетъ быть вопросомъ, да еще на первомъ планѣ? Чтѣ нужно для удовлетворительнаго исполненія обязанностей присяжнаго? Извѣстная степень пониманія и добросовѣстность, вотъ два условія, которыя вполне достаточны. Но гдѣ же и когда замѣчено, что на эти качества указываетъ та или другая сотня рублей годового дохода? На Западѣ, конечно, давно установленъ цензъ, но у насъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго основанія и никакого вліянія на степень умственнаго и нравственнаго развитія лица. Въ западныхъ государствахъ, вслѣдствіе успѣховъ какъ образованности, такъ и достатка въ значительной массѣ населенія, можно было установить даже довольно высокій цензъ, который необходимо указываетъ и на соотвѣтствующую степень развитія лица; но у насъ такой цензъ исключилъ бы изъ состава присяжныхъ не только крестьянъ и мѣщанъ, но и ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, торгующихъ по промышленнымъ свидѣтельствамъ. Принятый же у насъ менѣе высокій цензъ,—доходъ въ 200 рублей,—все же не указываетъ вовсе на извѣстную

степень образованія лица, получающаго такой доходъ. На этомъ основаніи, вмѣсто имущественнаго ценза, гораздо бы лучше установить цензъ по образованію, а остальное предоставить довѣрію общества, какъ оно выражается въ общественныхъ выборахъ.

Но чтó всего менѣе понятно для насъ, такъ это составленіе очереднаго списка присяжныхъ, въ который вносятся лица, способныя къ исполненію обязанностей присяжнаго по нравственнымъ ихъ качествамъ (ст. 99). Какъ это понять на практикѣ?

Цензоры, которые опредѣляютъ нравственные достоинства людей, живущихъ на пространствѣ цѣлаго уѣзда, — это члены комиссіи, ежегодно назначаемой уѣзднымъ земскимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя и при участіи мирового судьи уѣзднаго города. Но мы попросимъ читателя припомнить, какъ составляются у насъ наши земскія собранія, и можетъ ли изъ такого собранія выйти комиссія, которая приняла бы на себя огромный трудъ внимательно разсмотрѣть общій списокъ имѣющихъ право быть присяжными и обсудить, въ какой мѣрѣ каждое лицо способно къ тому по своимъ нравственнымъ качествамъ? Еслибъ комиссія и захотѣла выполнить этотъ трудъ добросовѣстно, то и тогда она не будетъ въ состояніи этого сдѣлать, потому что не можетъ знать въ цѣломъ уѣздѣ всѣхъ лицъ, вносимыхъ въ общіе списки; въ губернскихъ же городахъ и въ столицахъ это еще менѣе возможно. Слѣдствіемъ невозможности исполнить такую обязанность является равнодушіе, и очередные списки составляются просто въ канцеляріяхъ уѣздныхъ предводителей, въ большинствѣ случаевъ, какъ попало. Подобный выборъ лицъ, подлежащихъ внесенію въ очередные списки, не есть гарантія, что въ него войдутъ лучшіе люди, а можетъ повести лишь къ тому, что эти-то люди и не попадутъ въ него. Оцѣнка нравственныхъ достоинствъ людей можетъ быть предоставлена только цѣлому обществу и притомъ довольно многочисленному, но никакъ не отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы и въ составѣ комиссіи. Члены комиссіи могутъ принадлежать къ одному классу общества и могутъ дѣйствовать въ интересахъ или личныхъ, или своего класса и обойти всѣхъ лучшихъ людей общества. Сверхъ того, предоставить усмотрѣнію нѣсколькихъ лицъ, и притомъ безапелляціонно, выборъ присяжныхъ засѣдателей, — значитъ предоставить имъ право ограничивать права остальныхъ гражданъ, а это намъ кажется несправедливымъ. Условія, при которыхъ гражданинъ имѣетъ право быть присяжнымъ, должны быть опредѣлены только закономъ, но не могутъ быть предоставлены на усмотрѣніе какихъ бы то ни было лицъ. Всякое право человека должно быть священно, и отнятіе его безъ суда — для государства не можетъ быть желательно.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опредѣленіе числа лицъ, подлежащихъ внесенію въ списокъ очередныхъ присяжныхъ и составле-

не еще списка запасныхъ, для насъ еще менѣе понятно. Статья 190-я устава судебныхъ установлений опредѣляетъ для столицъ по 1,200 лицъ, для уѣздовъ съ населеніемъ въ сто тысячъ и болѣе по 400 лицъ, а съ населеніемъ менѣе ста тысячъ по 200 лицъ. Въ объясненіяхъ къ этой статьѣ не высказаны основанія такого правила, и потому объ нихъ мы можемъ дѣлать только однѣ догадки. Если коммиссія, ограничивая число присяжныхъ, желала дать возможность составителямъ очередныхъ списковъ сдѣлать наилучшій выборъ, что можно заключить изъ соображеній къ 99-й статьѣ, то она очень ошиблась въ своемъ расчетѣ, такъ какъ при выборѣ 200, 400 и 1,200 лицъ никакая коммиссія не въ состояніи произвести его осмотрительно. Скорѣе всего такой выборъ будетъ неудаченъ, потому что онъ будетъ производиться не на основаніи нравственныхъ достоинствъ людей избираемыхъ, а на основаніи тѣхъ заключеній, которыя сдѣлаютъ объ этихъ людяхъ члены коммиссій, а это не одно и то же. При такомъ значительномъ числѣ лицъ, подлежащихъ выбору, члены коммиссій могутъ ошибаться, могутъ дѣйствовать по слухамъ или въ виду какихъ-нибудь личностей и предубѣжденій и только случайно могутъ попасть на хорошихъ людей, въ особенности въ столицахъ. Намъ кажется, что ограничивать число присяжныхъ съ цѣлью, такъ сказать, просѣвать общество или снимать съ него сливки, есть путь весьма ошибочный и опасный. Можетъ случиться, что, при такой операціи надъ обществомъ, самые лучшіе люди будутъ устранены, а въ списки попадутъ и такіе, которыхъ было бы вовсе не желательно тамъ видѣть. Если подобныя случайности могутъ быть и въ рѣдкихъ мѣстностяхъ, то и тогда это будетъ вредно для правосудія, а потому мы думаемъ, что слѣдуетъ ограничиться только общими списками, не дѣлая никакихъ операцій надъ обществомъ, такъ какъ нельзя отыскать такихъ лицъ, которымъ бы можно было предоставить нравственную оцѣнку цѣлаго общества, а значительное число присяжныхъ представляетъ скорѣе удобство, чѣмъ неудобство. Опасеніе, что въ список войдутъ лица, не соответствующія значенію присяжнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ, не имѣетъ серьезнаго основанія, такъ какъ въ массѣ всегда больше хорошихъ, нежели дурныхъ людей, и, кромѣ того, изъ числа вызванныхъ по списку въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и прокуроръ и защитникъ могутъ отводить по шести человѣкъ безъ объясненія причинъ. Люди сомнительной нравственности конечно будутъ отведены, но за то хорошіе люди не будутъ подлежать случайному или намѣренному исключенію, а значительное число лицъ, вносимыхъ въ общіе списки, дало бы возможность увеличить число присяжныхъ, призываемыхъ въ каждой сессіи и расширять права сторонъ по отводу, что гораздо болѣе обезпечивало бы правосудіе.

Намъ кажется, что неудовлетворительный порядокъ выбора при-

сяжныхъ засѣдателей принять составителями судебныхъ уставовъ вслѣдствіе двухъ причинъ. Первая состоитъ въ томъ, что члены комиссіи взглянули на принадлежность къ составу присяжныхъ только какъ на общественную обязанность, а не какъ на право, принадлежащее каждому полноправному гражданину. Они не приняли въ соображеніе, насколько каждый человѣкъ заинтересованъ въ правильномъ отправленіи правосудія, и глядѣли на послѣднее, какъ на интересъ одной государственной власти, которая прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ содѣйствію общества, и потому признавали за государственной властью право избирать для этого, по усмотрѣнію извѣстныхъ лицъ, только нѣкоторые элементы общества. Еслибъ члены комиссіи взглянули на дѣло съ другой точки зрѣнія, а именно: еслибы они видѣли въ этомъ не обязанность, а право,—то они не рѣшились бы предоставить такое важное право человѣка на усмотрѣніе нѣсколькихъ гласныхъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Другая причина состоитъ въ опасеніи, что составъ присяжныхъ засѣдателей будетъ неудовлетворителенъ, т.-е. въ нѣкоторомъ недовѣріи къ обществу, вслѣдствіе чего потребовались ограниченіе числа ихъ и оцѣнка ихъ нравственныхъ достоинствъ, хотя для производства такой оцѣнки цѣлаго общества нѣтъ и не можетъ быть никакихъ средствъ. Намъ кажется, что здѣсь предстоить одно изъ двухъ: или относиться съ довѣріемъ къ обществу, или вовсе не довѣрять ему, а потому въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности процѣживать общество сквозь сито благонадежности, во второмъ же—вовсе нельзя допускать суда присяжныхъ. Только эти два пути и оправдываются логикой, всякій же средній образъ дѣйствій не только не логиченъ, но часто можетъ оказаться вреднымъ, такъ какъ, при желаніи достигнуть невозможнаго, средства всегда окажутся непригодными и могутъ исключить людей хорошихъ и, напротивъ, пропустить людей вовсе неспособныхъ.

Мы не отвергаемъ, что законъ долженъ опредѣлять извѣстныя условія, при которыхъ человѣкъ можетъ быть внесенъ въ списокъ присяжныхъ, но мы думаемъ, что эти условія не могутъ относиться ни къ имуществу, ни къ нравственнымъ достоинствамъ человѣка, такъ какъ имущество нисколько не доказываетъ способности, а нравственность цѣлой массы общества опредѣлить невозможно, потому что такое опредѣленіе дастъ слишкомъ обширное поле произволу. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ полезнымъ, кромѣ общихъ условій правоспособности, только слѣдующія: довѣріе общества или правительства, выразившееся въ выборѣ на какую-либо должность, болѣе или менѣе продолжительное жительство на мѣстѣ и, наконецъ, извѣстную степень образованія.

Что касается послѣдняго условія, то мы придаемъ ему большое значеніе и не желали бы, чтобы законъ допускалъ въ число присяж-

ныхъ засѣдателей людей вовсе безграмотныхъ; каждый же, получившій образованіе даже въ уѣздномъ училищѣ, если только онъ соединяетъ въ себѣ другія общія условія правоспособности и мѣстожителъства, долженъ имѣть право быть присяжнымъ, хотя бы онъ и не имѣлъ собственности. Но изъ этого списка присяжныхъ, для дѣлъ уголовныхъ вообще, мы бы полагали необходимымъ составить особый списокъ для дѣлъ исключительныхъ, при рѣшеніи которыхъ требуется болѣе высокій уровень пониманія, а именно: по дѣламъ о печати, по преступленіямъ должностей и законовъ о семейномъ союзѣ, по дѣламъ объ оскорбленіяхъ чести, а также по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не подлежатъ вѣдѣнію верховнаго уголовного суда. При составленіи такого списка долженъ быть принятъ болѣе высокій цензъ по образованію, а именно: окончаніе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ при сужденіи о дѣлахъ подобнаго рода, для правильной оцѣнки аргументаціи обвинителя и защитника, необходимо, по крайней мѣрѣ, общее образованіе.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что мы придаемъ слишкомъ большое значеніе образованію, что оно вовсе не составляетъ панацею противъ порока и безчестности, что часто встрѣчаются и образованные люди съ низкими наклонностями и т. д.; этого конечно отвергать нельзя, но мы спрашиваемъ: гдѣ же искать источника всякаго улучшенія, какъ не въ развитіи умственныхъ силъ человѣка? Намъ укажутъ на религію, но и религія, при неумѣнн пониманіи ея, приводила людей къ религіозному фанатизму. Мы никакъ не думаемъ, что бѣдствія, вызванныя религіозными гоненіями, были всегда слѣдствіемъ эгонистическихъ, корыстныхъ стремленій человѣка, а полагаемъ, что большая часть изъ нихъ имѣли въ основаніи честное убѣжденіе при недостаткѣ знанія. Если же образованіе имѣетъ такое важное значеніе въ дѣлѣ религіи, то въ вопросахъ общественныхъ и государственныхъ безъ него нельзя сдѣлать шагу. Повторимъ еще разъ высказанную нами прежде мысль, что не только мы, но и всѣ вообще европейскіе народы испытали множество основаній для опредѣленія правъ человѣка на участіе въ судѣ, и всѣ эти основанія оказались несостоятельными. Остается одно до сихъ поръ неиспытанное средство: это цензъ по образованію. Примѣняйте его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, по возможности ко всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности, хотя бы только вслѣдствіе несостоятельности другихъ основаній, въ видѣ опыта, — и мы твердо убѣждены, что найдутся средства установить на прочныхъ основаніяхъ и силу, и порядокъ, и свободу. Примѣры исторіи не должны пропадать даромъ, а Россія тѣмъ и счастлива, что имѣетъ передъ глазами и можетъ воспользоваться тѣми уроками, которые переживаетъ Западъ Европы. Ни аристократія, ни всеобщая подача голосовъ, ни имущественный цензъ не создали тамъ раціо-

нальнаго и прочнаго порядка, который въ себѣ самомъ носить бы условія дальнѣйшаго развитія. Пусть не указываютъ намъ на примѣръ Англіи! Гдѣ миллионы гражданъ живутъ на счетъ общественной благотворительности, тамъ государственный порядокъ не можетъ еще считаться вполнѣ нормальнымъ: мы ему не завидуемъ, хотя онъ во многихъ отношеніяхъ и лучше нашего. Мы замѣчаемъ фальшь и въ западной жизни, которая кроется иногда подъ обманчивымъ блескомъ. Денежная аристократія и имущественный цензъ въ Англіи, а всеобщая подача голосовъ во Франціи—составляютъ только слабыя стороны ихъ конституцій. Намъ кажется, что только знаніе можетъ выработать прочный порядокъ, только оно одно, сдѣлавшись источникомъ политическихъ и общественныхъ правъ, можетъ двигать государство по пути мирнаго прогресса, безъ борьбы и потрясеній. Знаніе даетъ силу, но мы бы желали, чтобъ знаніе давало право.

Перечисляя выше тѣ роды дѣлъ, для которыхъ мы полагаемъ необходимымъ имѣть особый составъ присяжныхъ засѣдателей, мы упомянули нѣкотораго рода дѣла, по которымъ наше законодательство опредѣляетъ судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; поэтому мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ основаніяхъ, которыя мы имѣли при этомъ въ виду.

Что касается до преступленій и проступковъ по дѣламъ о печати, то необходимость участія присяжныхъ въ этого рода дѣлахъ мы доказали достаточно въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“, и здѣсь намъ остается только указать на примѣръ австрійскаго законодательства, которое, не вводя суда присяжныхъ по дѣламъ уголовнымъ вообще, нашло необходимымъ установить его по дѣламъ о печати. Примѣръ этотъ ясно доказываетъ, что вопросы о виновности въ этого рода дѣлахъ до такой степени деликатны и такъ близко касаются самыхъ дорогихъ интересовъ общества, что, не говоря о другихъ странахъ, даже въ Австріи признается невозможнымъ разрѣшать ихъ безъ участія общественной совѣсти. Затѣмъ, далѣе, мы говорили о дѣлахъ по преступленіямъ должностей. Объяснить тѣ основанія, по которымъ законъ отказываетъ агентамъ правительственной власти въ тѣхъ гарантіяхъ, которыя онъ предоставляетъ другимъ обвиняемымъ, можно только съ той точки зрѣнія, что составъ нашихъ присяжныхъ по своему образованію не въ состояніи уяснить себѣ какъ значеніе этого рода преступленій, такъ и мотивовъ, служащихъ къ обвиненію и оправданію подсудимаго. Но если допустить возможность другого состава присяжныхъ, то нельзя не признать, что необходимость подобной гарантіи для агентовъ правительственной власти существуетъ еще въ большей степени, нежели въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, по существу самыхъ обязанностей, которыя нарушены. Обстоятельства, при которыхъ могутъ быть совершены многіе проступки по должно-

сти, бываютъ до такой степени разнообразны, а доказательства до такой степени запутаны, вслѣдствіе умѣнья прятать концы въ воду, что нѣтъ возможности постановить мотивированный приговоръ, а онъ можетъ быть сдѣланъ только по совѣсти и притомъ безконтрольно, что не можетъ быть предоставлено короннымъ судьямъ. Съ другой стороны, наше законодательство ставитъ своего агента часто въ такое положеніе, что онъ рѣшительно не въ состояніи выполнить возлагаемыхъ на него обязанностей, и судья по необходимости долженъ осудить челоуѣка, если не будетъ принимать въ соображеніе такого положенія дѣла. Наконецъ, жизнь судьи не соприкасается такъ близко съ интересами общества, чтобъ вполне оцѣнить весь вредъ, происходящій отъ служебныхъ преступленій и проступковъ, что заставляетъ его довольно снисходительно къ нимъ относиться.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что отсутствіе общественной совѣсти въ рѣшеніи дѣлъ этого рода ведетъ за собою или излишнюю строгость, или излишнюю снисходительность, что одинаково вредно для правосудія; мы думаемъ также, что при томъ составѣ присяжныхъ, на который мы указали, рѣшеніе дѣла этого рода можетъ быть имъ поручено безъ всякихъ опасеній. Что касается преступленій противъ законовъ о союзѣ семейномъ и дѣлъ объ оскорбленіяхъ чести, то намъ бы казалось, что всѣ дѣла этого рода, независимо отъ наказанія назначаемого за подобныя преступленія по закону, должны судиться не только въ окружномъ судѣ, но съ присяжными засѣдателями особаго состава. Мы думаемъ такъ, потому что въ дѣлахъ этого рода встрѣчаются обстоятельства, такъ различно понимаемыя обществомъ, что рѣшеніе ихъ нельзя предоставить на усмотрѣніе однихъ судей и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя положиться и на случайный составъ присяжныхъ, уровень пониманія которыхъ можетъ быть ниже той среды, къ которой принадлежитъ подсудимый. Въ томъ и другомъ случаѣ приговоръ можетъ быть одностороненъ и слѣдовательно несправедливъ. Присяжные обыкновеннаго состава не поймутъ всѣхъ деликатныхъ отношеній, существующихъ между людьми развитыми, судьи же могутъ взглянуть на дѣло съ своей точки зрѣнія и недостаточно оцѣнить привычки той среды, въ которой подсудимый вращался. Вотъ почему въ дѣлахъ этого рода мы бы желали слышать голосъ совѣсти той части общества, которая находится въ близкомъ соприкосновеніи съ различными классами, но при этомъ получала достаточное развитіе. Наконецъ, дѣла по политическимъ преступленіямъ, подсудныя общимъ судебнымъ учрежденіямъ, также безъ всякихъ опасеній могли бы рѣшаться съ присяжными засѣдателями. Намъ кажется, что порядокъ и мирный прогрессъ такъ дорогъ массѣ общества, что если можно чего опасаться, такъ это излишней строгости, а не снисходительности со стороны присяжныхъ. Но такъ какъ излишняя строгость всегда

можетъ быть смягчена и по представленіямъ суда и по просьбамъ о помилованіи и наконецъ по личному усмотрѣнію и милосердію Государя Императора, то опасаться этой строгости нѣтъ основаній. Намъ кажется, что предоставленіе этого рода дѣлъ рѣшенію суда присяжныхъ было бы мѣрою вполне достойною такого сильнаго правительства, какъ наше. Въ этомъ выразилось бы и сознаніе силы, принадлежащей ему по праву, и довѣріе къ обществу, которое никогда не подавало повода подозрѣвать его въ антиправительственныхъ тенденціяхъ. Кромѣ того, приговоръ суда, опирающійся на вердиктъ присяжныхъ, взятыхъ изъ образованной среды общества, имѣлъ бы гораздо болѣе авторитета въ общественномъ мнѣніи, нежели теперь, когда для скептиковъ все еще остается тѣнь сомнѣнія, не дѣйствуютъ ли судьи слишкомъ строго въ угоду администраціи. Мы думаемъ, что это было бы выгодно и для суда и для правительства, и притомъ безъ малѣйшаго риска.

Говоря о судѣ присяжныхъ, мы считаемъ нужнымъ возразить на одно мнѣніе, которое намъ случалось слышать въ обществѣ, и притомъ отъ людей вполне компетентныхъ. Говорятъ, что приговоры присяжныхъ часто не имѣютъ юридическихъ основаній и что, еслибъ рѣшеніе вопроса о виновности было предоставлено судьямъ-юристамъ и притомъ число ихъ было бы увеличено, по крайней мѣрѣ, до пяти человѣкъ, то приговоры такого суда были бы гораздо правильнѣе въ юридическомъ отношеніи. Быть можетъ это и правда: мы готовы допустить, что при отсутствіи привычки глубоко анализировать факты, присяжные могутъ иногда грѣшить отсутствіемъ строгихъ логическихъ выводовъ, готовы допустить, что ихъ можетъ поразить какое-нибудь незначительное съ юридической точки зрѣнія обстоятельство, и напротивъ того, можетъ остаться незамѣченнымъ фактъ, бросающійся въ глаза юристу. Но, во-первыхъ, мы думаемъ, что всякое человѣческое учрежденіе имѣетъ свои недостатки, и совершенства на землѣ быть не можетъ; а во-вторыхъ, въ пользу суда присяжныхъ мы склоняемся не потому, что подобный недостатокъ въ нашихъ глазахъ выкупается болѣе важными достоинствами, но потому, что онъ намъ и не кажется недостаткомъ. Понятія о справедливости съ юридической и жизненной точки зрѣнія не всегда совпадаютъ, и между ними часто встрѣчается значительная разница. Намъ кажется, что жизненная точка зрѣнія имѣетъ болѣе правъ на практическое примѣненіе, нежели юридическая. Ошибка, конечно, возможна какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но она будетъ менѣе вредна, если вопросъ рѣшенъ съ жизненной точки зрѣнія, потому что въ этомъ случаѣ она будетъ отдѣльнымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ при юридической точкѣ зрѣнія ошибка будетъ повторяться систематически. При этомъ надо вспомнить, что жизнь представляетъ совокупность не однихъ

юридическихъ, но экономическихъ, социальныхъ и нравственныхъ отношеній общества, которыя измѣняются подъ вліяніемъ мѣста, времени и развитія общества чуть не съ каждымъ днемъ, и вслѣдствіе этого не укладываются въ юридическія рамки, составляемыя на десятки лѣтъ. Поэтому во многихъ случаяхъ приговоръ присяжныхъ, вовсе неправильный въ глазахъ юриста, будетъ вполне соответствовать жизненной правдѣ. Въ томъ-то и состоитъ достоинство суда присяжныхъ, что онъ можетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ раздвигать нѣсколько эти рамки, и тѣмъ указывать, что жизнь имѣетъ свои требованія. Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ является началомъ прогрессивнымъ по отношенію къ движению самаго законодательства. Судъ юристовъ не въ состояніи исполнить такого назначенія, хотя бы судьи, при рѣшеніи вопроса о фактической сторонѣ дѣла, были поставлены въ тѣ же условія, какъ и присяжные: юридическая точка зрѣнія стоитъ у нихъ всегда на первомъ планѣ и очень часто закрываетъ для нихъ возможность взглянуть на дѣло съ другой стороны, а это не только отнимаетъ одно изъ средствъ къ прогрессивному движению законодательства, но и стѣсняетъ жизнь въ проявленіи своихъ насущныхъ потребностей.

Очень ошибется тотъ, кто выведетъ изъ нашихъ словъ заключеніе, что мы признаемъ бесполезной юридическую точку зрѣнія въ дѣлѣ правосудія. Мы, кажется, достаточно доказали необходимость юридическаго образованія для судей, и потому читатель не можетъ считать насъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которымъ юридическіе принципы вообще антипатичны. Мы считаемъ необходимымъ соблюденіе въ обществѣ строгой законности, въ особенности со стороны тѣхъ людей, которымъ предоставлено охраненіе законовъ. Но такъ какъ въ государственной жизни общества, при постоянномъ ея движеніи впередъ, быть и не можетъ быть ничего безусловнаго, и всѣ существующія правила составляютъ только обобщенія многихъ, но далеко не всѣхъ явленій жизни, то мы бы желали, чтобъ эта строгая законность не переходила въ крайность, чтобъ ей не приносились въ жертву въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ самыя дорогіе интересы общества. Вотъ, въ такихъ-то исключительныхъ случаяхъ судъ присяжныхъ является учрежденіемъ вполне цѣлесообразнымъ. Судьямъ, какъ блюстителямъ законности, не можетъ принадлежать это право на томъ простомъ основаніи, что нѣтъ возможности опредѣлить его границы. Предоставить такое право судьямъ—значило бы узаконить полный произволъ. Но присяжнымъ оно можетъ принадлежать безспорно,—такъ какъ они представляютъ общественную совѣсть, и притомъ ихъ ошибка или увлеченіе могутъ быть исправлены судомъ, а увлеченіе и ошибка послѣдняго—неисправимы. На томъ же самомъ основаніи мы бы желали, чтобъ участіе присяжныхъ засѣдателей не

ограничивалось только дѣлами, по которымъ предвидится ограниченіе правъ, но чтобъ оно было распространено на всѣ дѣла, производящіяся въ окружномъ судѣ. Намъ бы казалось, что это необходимо и въ видахъ строгой справедливости, такъ какъ тяжесть наказанія зависитъ во многихъ случаяхъ не отъ степени его, а отъ того обстоятельства, къ какой сферѣ принадлежитъ подсудимый. Человѣкъ неразвитый легче перенесетъ и тяжкое наказаніе, тогда какъ для образованнаго человѣка и сравнительно легкое бываетъ губительно.

VI.

Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства.

Къ числу самыхъ слабыхъ сторонъ нашего законодательства, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ отнести наши законы объ отвѣтственности должностныхъ лицъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ всѣ наши многочисленныя постановленія по этому предмету, то увидимъ, что, несмотря на строгія уголовныя кары, опредѣленныя за преступленія по должности уложеніемъ о наказаніяхъ, дѣйствительной отвѣтственности должностныхъ лицъ почти не существуетъ, и она уменьшается съ возвышеніемъ должности въ служебной іерархіи. Практика вполне подтверждаетъ эти замѣчанія. Если мы обратимся къ уголовной статистикѣ, то замѣтимъ ничтожное количество дѣлъ о преступленіяхъ по должности, хотя примѣры обиденной жизни передъ глазами у каждаго изъ нашихъ читателей, и мы думаемъ, что ни одинъ изъ нихъ, на основаніи извѣстныхъ только ему одному данныхъ, не согласится съ тѣмъ выводомъ, который приходится сдѣлать изъ отчетовъ судебныхъ мѣстъ, а именно, что у насъ преступленія и проступки по должностямъ весьма рѣдки, и что при этомъ, если и встрѣчаются, то только между лицами, занимающими низшія должности. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ настоящее время подъ руками числа этихъ преступленій, бывшихъ въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ за какой-либо годъ, и число служебнаго персонала, для вывода отношенія между этими цифрами; но думаемъ, что это отношеніе нисколько не опровергнетъ нашего мнѣнія объ относительно ничтожномъ процентѣ преступленій и проступковъ по службѣ, поступающихъ на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ. Что же касается до лицъ начальствующихъ, то мы за послѣднее десятилѣтіе только и слышали объ одномъ знаменитомъ нижегородскомъ дѣлѣ. Жизнь однакожъ, какъ знаетъ всякій, не оправдываетъ подобныхъ данныхъ уголовной статистики, и причину такого противорѣчія между ними должно искать конечно въ неудовлетворительности нашихъ законовъ объ отвѣтственности лицъ,

состоящихъ на государственной службѣ. У насъ, какъ извѣстно, судебная власть не можетъ разсматривать преступленій по должностямъ, пока начальство мѣста или лица не распорядилось о преданіи суду, и потому всякое нарушеніе не только правъ частныхъ лицъ, но даже и казны, должно преслѣдоваться сначала въ административномъ порядкѣ, и только въ силу административнаго распоряженія судебная власть получаетъ право призвать виновнаго къ отвѣту. Право частныхъ лицъ отыскивать убытки, происшедшіе отъ неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, нисколько не ограждаетъ интересы первыхъ, такъ какъ доказать убытки передъ судомъ весьма затруднительно. Бываютъ случаи, когда убытокъ не подлежитъ сомнѣнію, по рѣшительно нѣтъ возможности доказать количество этого убытка цифрами, и судъ по необходимости долженъ отказывать въ искѣ. Такъ, напримѣръ, какъ доказать убытокъ отъ непользованія имуществомъ или капиталомъ, который находился въ процентныхъ бумагахъ или въ кредитномъ учрежденіи? или еще лучше, какъ доказать убытокъ отъ неправильнаго ареста или воспрещенія отлучки съ мѣста жительства? Кромѣ того, это право частныхъ лицъ должно быть имъ предоставлено судебнымъ приговоромъ или административнымъ распоряженіемъ, иначе судъ не можетъ принять его къ разсмотрѣнію, и относится лишь до матеріальныхъ убытковъ; но вѣдь неправильныя распоряженія должностныхъ лицъ могутъ касаться и другихъ интересовъ человека, для огражденія которыхъ у насъ нѣтъ никакихъ гарантій, кромѣ жалобъ по начальству. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ есть возможность просить объ отиѣнѣ неправильныхъ распоряженій, но нельзя требовать уголовного за нихъ преслѣдованія, и потому нѣтъ никакихъ гарантій противъ повторенія подобныхъ дѣйствій. Если человекъ знаетъ, что неправильное его распоряженіе не повлечетъ за собой ничего, кромѣ отиѣны этого распоряженія, то конечно такой порядокъ не вызоветъ съ его стороны особой осмотрительности въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Намъ скажутъ, что начальство въ случаѣ повторенія жалобъ должно само распорядиться о преданіи суду. Но въ томъ-то и бѣда, что снисходительность начальства у насъ очень извѣстна. Преданіе суду у насъ бываетъ рѣдко, а чаще всего прикажутъ человеку выйти въ отставку, и онъ получаетъ возможность искать себѣ службы въ другомъ мѣстѣ или въ другомъ вѣдомствѣ, а аттестатъ его гласитъ, что онъ продолжалъ столько-то лѣтъ службу *безпорочно*. Снисходительность начальства иногда простирается до такой степени, что можно встрѣтить нерѣдко въ официальныхъ бумагахъ распоряженія объ уличенныхъ казнокрадахъ въ такомъ родѣ: „хотя такой-то и обвиняется въ томъ-то и томъ-то, но, принимая во вниманіе его безпорочную въ продолженіи столькихъ-то лѣтъ службу, слѣдуетъ ограничиться денежнымъ взысканіемъ и

уволить его отъ настоящей должности". Какъ будто преступленіе, на которомъ человѣкъ попался, есть только случайный грѣхъ, какъ будто вся его такъ-называемая безпорочная служба не была цѣлымъ рядомъ преступленій, благополучно сходящихся съ рукъ?

Снисходительность эта конечно имѣетъ свои оправданія чисто историческія. Во-первыхъ, сложность, запутанность и излишняя регламентація нашего законодательства, часто безъ всякаго вниманія къ условіямъ, выработаннымъ жизнью, ставятъ человѣка въ положительную, физическую невозможность выполнять свои обязанности, такъ что онъ по необходимости долженъ часто руководиться своимъ усмотрѣніемъ и отступать отъ закона. Практика дѣйствуетъ совершенно на другихъ основаніяхъ, чѣмъ предписываетъ законъ. Съ другой стороны, вознагражденіе лицъ служащихъ во многихъ вѣдомствахъ, даже и теперь, до такой степени ничтожно, а жизнь постоянно такъ дорожаетъ, что человѣкъ не можетъ существовать однимъ казеннымъ содержаніемъ, и долженъ по необходимости или оставлять службу, или искать стороннихъ занятій или прибѣгать къ недозволеннымъ средствамъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ начальство, сознавая ихъ вполнѣ, не можетъ относиться очень строго къ безпорядкамъ и даже злоупотребленіямъ. Такимъ образомъ, законы обходятся и становятся мертвой буквой, что не согласно съ интересами какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства.

Вопросъ о средствахъ поправить такое положеніе дѣлъ слишкомъ важенъ, чтобъ не обратить на него вниманія. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ, въ настоящее время, не поможетъ ни пересмотръ нашего законодательства въ видахъ болѣе систематическаго и яснаго изложенія и уничтоженія ненужной регламентаціи, ни обезпеченіе чиновниковъ хорошимъ содержаніемъ. Постараемся доказать это.

Пересмотръ законодательства былъ бы полезенъ только въ томъ случаѣ, еслибъ возможно было приступить къ нему въ виду практическихъ указаній опыта, но этой возможности у насъ нѣтъ, какъ по способу составленія законодательныхъ проектовъ, такъ и потому, что многіе изъ нашихъ законовъ оставались безъ практическаго примѣненія; а потому опытъ намъ не даетъ никакихъ данныхъ для сужденія о пользѣ и вредѣ извѣстнаго закона. Возьмемъ примѣръ изъ уложенія о наказаніяхъ: на основаніи 342-й и 1,540-й статей опредѣляется весьма серьезное наказаніе за неправильное лишеніе свободы. Высшая мѣра наказанія, за неправильный арестъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, состоитъ въ лишеніи правъ состоянія и ссылкѣ на житіе въ Сибирь, а за неправильный арестъ болѣе недѣли, въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ и заключенію въ смиренительномъ домѣ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Кто знакомъ съ практическою жизнью, тотъ не станетъ утверждать, что у насъ нѣтъ неправильныхъ арестовъ; но мы спросимъ:

когда и кто судился и наказанъ за подобный поступокъ, если онъ не сопровождался другими преступленіями? По крайней мѣрѣ ни намъ самимъ, ни тѣмъ лицамъ, съ которыми намъ случалось говорить объ этомъ, не доводилось слышать о практическомъ примѣненіи этого закона.

Многимъ изъ нашихъ читателей вѣроятно памятно дѣло г. Якушина въ Псковѣ; несмотря на ту огласку, которую оно получило, несмотря на явную незаконность дѣйствій г. псковскаго полиціймейстера и ясность уголовного закона, воспреещающаго подобныя дѣйствія, онъ не былъ преданъ суду, хотя этого требовало приличіе, для того, чтобы доказать, что у насъ законы не всею пишутся. Еслибъ мы пожелали, то могли бы представить и изъ позднѣйшей практики подобныя случаи, остающіеся безъ преслѣдованія, не только со стороны администраціи, но и со стороны суда. Впрочемъ, для разъясненія нашей мысли и этого примѣра достаточно.

Какой же выводъ можетъ дать практика объ удобствѣ или неудобствѣ указаннаго закона, если онъ никогда не примѣняется на дѣлѣ. Какой выводъ дастъ она, напримѣръ, о тѣхъ правилахъ, которыми возлагается на губернаторовъ попеченіе объ экономіи въ расходахъ государственнаго земскаго сбора, если не было примѣра, чтобы губернаторъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности передъ судомъ за нарушение этой обязанности и не потому, чтобы не было случая подобнаго нарушенія, а потому, что не ловко привлекать губернатора къ отвѣтственности въ подобномъ дѣлѣ. Намъ кажется, что пересмотръ нашихъ законовъ будетъ только въ томъ случаѣ полезенъ, когда судъ получитъ возможность разсматривать дѣла по преступленіямъ должностей не на основаніи разрѣшенія начальства, а просто по жалобѣ частнаго лица о нарушенномъ правѣ. Только тогда наши законы будутъ въ состояніи получить практическое значеніе и только тогда могутъ выказаться какъ хорошія, такъ и дурныя ихъ стороны. Судебная практика не позволитъ законамъ оставаться мертвой буквой и дастъ намъ какую-нибудь опорную точку помимо теоретическихъ соображеній. Въ противномъ же случаѣ при томъ порядкѣ, какимъ идутъ наши законодательныя работы, и безъ указаній опыта, одинъ неудобный законъ будетъ смѣняться другимъ, быть можетъ, еще болѣе неудобнымъ, и обезпеченіе интересовъ частныхъ лицъ и казны останется въ прежнемъ положеніи. Если читатель слѣдитъ внимательно за нашими статьями, то онъ конечно согласится съ нами, а потому мы и не будемъ входить въ дальнѣйшее разъясненіе, такъ какъ сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, какъ мало поможетъ дѣлу только пересмотръ законодательства.

Точно также мало поможетъ дѣлу и лучшая обстановка служащихъ лицъ. Мы конечно не имѣемъ здѣсь въ виду положенія канцеляр-

скихъ чиновниковъ, которое представляется самымъ жалкимъ и требуетъ непремѣннаго и немедленнаго улучшенія. Что же касается штатныхъ должностей, то, хотя положеніе ихъ тоже не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго, за исключеніемъ, акцизнаго и судебного вѣдомствъ, но оно все-таки обезпечиваетъ человѣка. Прибавляя къ жалованью только возвыситъ уровень потребностей въ средѣ служащихъ лицъ и тѣмъ еще болѣе ухудшитъ положеніе мелкаго чиновника: другого слѣдствія не будетъ. Мы видимъ, что именно таково было слѣдствіе возвышенія окладовъ содержанія въ акцизномъ и судебномъ вѣдомствахъ, и потому имѣемъ право заключить, что этотъ уровень потребностей возвысится еще сильнѣе, если и другія вѣдомства увеличатъ оклады. Мы не будемъ спорить, что хорошіе оклады есть одно изъ условій хорошей администраціи, но ожидаемъ отъ этой мѣры не пользы, а вреда, если вмѣстѣ съ нею не будутъ приняты другія, которыя сдѣлали бы отвѣтственность чиновниковъ не пустымъ словомъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что для успѣха всѣхъ введенныхъ и предстоящихъ реформъ необходимо отрѣшиться отъ прежнихъ возрѣній, по которымъ интересы служащихъ ставились выше интересовъ частныхъ лицъ, и по которымъ подвергать отвѣтственности служащее лицо за неправильныя дѣйствія — значило дискредитировать власть.

Мы спросимъ: развѣ частные люди—дѣти, а чиновники—губернеры ихъ, что ошибки и злоупотребленія послѣднихъ не должны быть извѣстны первымъ? Развѣ частные люди составляютъ свои заключенія о дѣятельности властей только на основаніи мнѣнія непосредственнаго ихъ начальства? Если начальство смотритъ снисходительно и не подвергаетъ отвѣтственности за извѣстные проступки служащее лицо, то неужели можно допустить мысль, что и общество будетъ относиться къ нему также снисходительно? Напротивъ, мы твердо убѣждены, что начальство, опасаясь дискредитировать власть своихъ подчиненныхъ, тѣмъ самымъ дискредитируетъ свою собственную власть въ глазахъ общества. Какъ ни просты эти истины, а у насъ не лишнее ихъ высказывать даже и въ печати. Намъ кажется, что всякая власть только тогда можетъ поддержать свой авторитетъ въ обществѣ, когда исчезнетъ солидарность между нею и лицами ей подчиненными, такъ что каждое должностное лицо будетъ отвѣчать за свои дѣйствія прямо предъ судомъ. Право частныхъ лицъ, въ случаѣ нарушенія ихъ интересовъ, обращаться съ жалобою прямо къ суду, въ порядкѣ уголовномъ, помимо созволенія начальства, есть лучшее средство поддержать не только святость законовъ, но и авторитетъ власти. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ порядкѣ могутъ ли въ обществѣ существовать какія бы то ни было нареканія на власть, еслибы ея агенты и дозволили себѣ неправильныя дѣйствія? Вы имѣете всегда право прибѣгнуть подъ

завиту судебной власти, и высшая администрація остается безукоризненной. И какъ упростился бы тогда механизмъ государственнаго управления! Правительство могло бы расширять права второстепенныхъ и третестепенныхъ органовъ власти безъ малѣйшаго опасенія, что существующіе законы будутъ нарушаться. Вотъ истинный путь, чтобъ установить въ центральныхъ управленіяхъ то страшное накопленіе дѣлъ, которое заставляетъ ихъ разрастаться въ огромное число департаментовъ; вотъ единственное средство для сокращенія переписки и въ устройству нашихъ финансовъ; вотъ настоящая государственная политика!

Мы не безъ причины распространились объ отвѣтственности служащихъ лицъ вообще. Мы желали указать то общее направленіе нашей внутренней политики, которое отчасти отразилось и на судебной реформѣ. Здѣсь, какъ во всемъ нашемъ законодательствѣ, удобства должностныхъ лицъ заслонили собою нѣсколько частные интересы и отвѣтственность судей является призрочною. Намъ скажутъ, что такое положеніе оправдывается необходимостью, такъ какъ другія условія предли бы самостоятельности суда. Мы даже слышали въ обществѣ подобныя возраженія, но намъ кажется, что отвѣтственность передъ тою же судебною властію и притомъ на основаніи закона, не можетъ нисколько ослабить самостоятельности суда. Говорятъ также, что правильность дѣйствій суда обезпечивается другими гарантіями, а отвѣтственность здѣсь мало поможетъ. Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ, но думаемъ, во-первыхъ, что лишняя гарантія нисколько не повредитъ дѣлу, а во-вторыхъ, что при господствующихъ у насъ порядкахъ другія гарантіи не имѣютъ полнаго applicaціи на практикѣ. У насъ нѣтъ, на примѣръ, не только полной, но и никакой гласности въ провинціяхъ, за неимѣніемъ органовъ печати. Юридическое образованіе у насъ вовсе не непремѣнное условіе опредѣленія на должность судьи, а самая самостоятельность суда ограничена правомъ министра юстиціи представлять кандидатовъ на судебныя должности. При такомъ положеніи отвѣтственность судей—не призрочная, а дѣйствительная—есть очень важная гарантія. Странныя понятія иногда встрѣчаются въ нашемъ обществѣ: не замѣчаютъ, на примѣръ, что при существующемъ порядкѣ опредѣленія на судебныя должности дѣйствительная самостоятельность суда ограничивается, а между тѣмъ опасаются повредить этой самостоятельности установленіемъ строгой отвѣтственности судей въ случаѣ явныхъ нарушеній закона. Мы понимаемъ самостоятельность суда только въ смыслѣ независимости его отъ администраціи, а вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобъ судъ имѣлъ право безнаказанно нарушать существующіе законы, основываясь на томъ, что онъ не можетъ отвѣчать за свои опредѣленія даже и въ томъ случаѣ, когда совершается самая явная и вопіющая незакон-

ность. Намъ могутъ возразить, что невозможно установить границу, до которыхъ можетъ идти свобода мнѣній судьи, и что поэтому нельзя и подвергать его отвѣтственности. Но мы думаемъ, что нѣтъ никакой надобности и опредѣлять эту границу, такъ какъ никакая отвѣтственность и никакое взысканіе не могутъ налагаться безъ опредѣленія суда. При разсмотрѣніи дѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежащая судебная власть всегда можетъ рѣшить вопросъ—остается ли мнѣніе судьи въ предѣлахъ законной свободы, или оно есть явно незаконный поступокъ, подлежащій уголовному преслѣдованію? Такой порядокъ вещей можетъ только очистить судебное поле отъ тѣхъ плевелъ, которыя случайно на него попали, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить дѣлу суда. На этомъ основаніи мы бы желали, чтобъ частнымъ лицамъ было предоставлено право не только требовать вознагражденія за вредъ и убытки, происшедшіе отъ дѣйствій суда, но и вчинать иски противъ судей въ порядкѣ уголовномъ. Только такое право можетъ обезпечить частныхъ лицъ отъ судебного произвола.

Наши судебные уставы не допускаютъ этого права, такъ какъ 1,079-я ст. уголовного судопроизводства предоставляетъ частнымъ лицамъ только право обращаться въ кассаціонный департаментъ съ просьбою о вознагражденіи за вредъ и убытки. Ну, а если встрѣтится случай въ которомъ, несмотря на явный убытокъ, я не могу доказать его цифры, если также является такой вредъ, который не можетъ быть оцененъ на деньги? Неужели въ этихъ случаяхъ права мои не должны ограждаться отъ судебного произвола уголовнымъ закономъ? Намъ кажется, что наблюденіе за этимъ ввѣрено кассаціоннымъ департаментомъ сената, и если по дѣламъ, входящимъ на ихъ разсмотрѣніе, будетъ замѣчено такое отступленіе отъ существующаго закона, то, конечно, виновные будутъ преданы суду или въ дисциплинарномъ, или въ уголовномъ порядкѣ. Все это совершенно справедливо, но это очень и очень недостаточно.

Надзоръ кассаціонныхъ департаментовъ слишкомъ удаленъ и можетъ относиться къ ничтожному количеству дѣлъ въ сравненіи съ общимъ числомъ ихъ, состоящимъ въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ. Сверхъ того и въ настоящее время число судебныхъ мѣстъ, наблюденіе за которыми возложено на кассаціонные департаменты сената, слишкомъ велико, а съ введеніемъ судебной реформы во всей Россіи оно будетъ громадно; вслѣдствіе этого, ни кассаціонные департаменты, ни министерство юстиціи не въ состояніи будутъ имѣть постоянно въ виду всѣ неправильности, которыя доходятъ до нихъ, и по этимъ частнымъ случаямъ судить объ общемъ направленіи дѣлъ во всѣхъ мировыхъ сѣздахъ и окружныхъ судахъ. Намъ кажется, что если и возможно для кассаціонныхъ департаментовъ, на основаніи поступав-

къ нимъ жалобъ, наблюдать за общимъ направленіемъ дѣлъ, то только въ судебныхъ палатахъ; если же такое наблюдение пропадетъ даже на дѣйствія мировыхъ судей, то очевидно, что оно является физически невозможнымъ и на практикѣ можетъ установиться полнѣйшій судебный произволъ, въ особенности при отсутствіи власти и всякой зависимости суда отъ общественнаго мнѣнія.

Чтобъ высказанное нами мнѣніе не показалось читателю голословнымъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, возможность которыхъ, конечно, никто не станетъ отрицать. Мы видѣли, что наблюдение за правотой дѣйствій мировыхъ судей принадлежитъ мировымъ сѣздамъ, мы указали тогда и причины, располагающія сѣзды относиться къ нимъ снисходительно къ неправильнымъ дѣйствіямъ судей, а потому станутъ ихъ повторять теперь. Скажемъ только, что практика не подтверждаетъ наше мнѣніе, потому что неправильныхъ дѣйствій мировыхъ судей много, а примѣры, чтобъ мировые сѣзды приговорили своихъ товарищей къ отвѣту, чрезвычайно рѣдки. Положимъ, примѣръ, что судья постановляетъ приговоръ объ арестѣ кого-либо на основаніи 420-й или 421-й ст. уголовного судопроизводства, разрѣшая въ извѣстныхъ случаяхъ взятіе подъ стражу лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, не влекущихъ предварительнаго заключенія, или вступленія приговора въ законную силу, и приговоръ этотъ совершенно неправиленъ. Положимъ, что приговоръ этотъ отмѣненъ мировымъ сѣздомъ, но судья не привлеченъ къ отвѣтственности, а между тѣмъ человѣкъ былъ незаконно лишенъ свободы въ теченіи больше мѣсяца, что, на основаніи 342-й и 1,540-й статей уложенія наказаній, составляетъ преступленіе и влечетъ за собою заключеніе въ смиренномъ домѣ отъ 8-ми до 16-ти мѣсяцовъ и ограниченіе нѣкоторыхъ правъ. Чѣмъ гарантированъ человѣкъ отъ подобныхъ злоупотребленій? Отмѣна распоряженія мировымъ сѣздомъ да и его не гарантируетъ: судья, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ со своими товарищами, за подобное противозаконное дѣйствіе ничѣмъ рискуетъ и можетъ прибѣгнуть къ нему вслѣдствіе побужденій совершенно нечистыхъ, и поступокъ его можетъ остаться въ совершенной безгласности. Арестованный не имѣетъ повода даже жаловаться въ кассационный департаментъ, такъ какъ сѣздъ удовлетворилъ его просьбу. Что же удержать судью отъ подобныхъ дѣйствій, если, кромѣ мнѣнія его приговора, онъ не предвидитъ никакихъ для себя неприятныхъ послѣдствій? Только личное достоинство мирового судьи? Но эти мои права на свободу гарантированы только личными достоинствами должностныхъ лицъ, то это очень плохая гарантія, потому что въ семьѣ не безъ уroda, въ особенности въ такой громадной семьѣ, какъ семья мировыхъ судей. Намъ скажутъ, что можно искать убытковъ и просить о предоставленіи этого права кассационный депар-

таментъ. Но если человѣкъ живетъ своимъ состояніемъ, а не трудомъ и слѣдовательно отъ произвольнаго ареста не потерпѣлъ материальнаго убытка, или не имѣетъ возможности доказать цифру его, и самый убытокъ и не подлежитъ сомнѣнію? Какой смыслъ обращеніе въ кассационный департаментъ и ходатайствовать о такомъ правѣ, которое осуществить нельзя? Вызвать уголовное преслѣдованіе, — на конѣ нигдѣ не предоставляетъ частному лицу права просить объ этомъ. Тотъ же случай возможенъ и въ окружномъ судѣ, съ только разницею, что здѣсь права частнаго лица еще менѣе отдѣлены, потому что мировой съѣздъ, составляя апелляціонную инстанцію вмѣстѣ съ тѣмъ есть и обвинительная камера по отношенію къ мировымъ судьямъ, тогда какъ судебная палата по отношенію къ окружному суду такой власти не имѣетъ. Возьмемъ другой примѣръ: области гражданскаго судопроизводства. Положимъ, что производя дѣло о капиталѣ, находящемся на текущемъ счетѣ въ одномъ кредитныхъ учрежденіи, и слѣдовательно приносящемъ самый ничтожный процентъ. Окружный судъ постановляетъ приговоръ не только несогласный съ буквою закона, но съ прямымъ извращеніемъ смысла. Затѣмъ палата отмѣняетъ это рѣшеніе, и я получаю ожидающій мнѣ капиталъ даже съ процентами, накопившимися за время исполненія апелляціоннаго обряда. Я не имѣю возможности исполнить доказывать какой бы то ни было убытокъ отъ замедленія осуществленія моего права, но конечно никто не станетъ спорить, что я понесъ убытокъ, единственно вслѣдствіе явнаго нарушенія закона окружнымъ судомъ. Противъ такой неограниченной свободы мнѣній законодательство наше не представляетъ достаточныхъ гарантій для частныхъ лицъ. Но предоставьте частному лицу право, въ случаяхъ явнаго нарушенія законовъ, обращаться къ подлежащему уголовному суду просьбою о разсмотрѣніи вопроса, — выходитъ ли приговоръ изъ пределовъ свободы судебныхъ мнѣній или нѣтъ, — и въ случаѣ утвержденнаго разрѣшенія, о постановленіи опредѣленія о взысканіи съ виновныхъ, тогда права частныхъ лицъ вполне обезпечены.

Мы предвидимъ два возраженія на это мнѣніе и постараемся поставить противъ нихъ наши доводы.

Во-первыхъ, намъ могутъ сказать, что такое право частныхъ лицъ поведетъ къ нескончаемымъ уголовнымъ процессамъ надъ дѣлами, ставомъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ всякое дѣло, по которому мѣняется рѣшеніе нижней инстанціи, могло бы возбудить уголовный процессъ. Но на это мы скажемъ, что всѣ подобныя жалобы могутъ быть поставлены въ такія условія, при которыхъ онѣ будутъ разсматриваться съ особенной осмотрительностью. Къ этимъ условіямъ, въ случаѣ неправильныхъ жалобъ, могутъ относиться, во-первыхъ, штрафы, а въ случаѣ несостоятельности соотвѣтствующій арестъ, во-вторыхъ,

такія какъ за клевету. При такихъ условіяхъ будутъ исполнѣны обязанности лица судебного вѣдомства отъ напрасныхъ вѣщей, а частные люди отъ судебного произвола.

Другое возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, правильность приговоровъ судебной власти гарантируется не столько ответственностью судей, сколько другими условіями, какъ-то: ихъ вышнее образованіемъ, публичностью и гласностью, и наконецъ силою общественного мнѣнія. Все это выведено изъ судебной практики Англии и получило у насъ значеніе ходячей истины. Мы не будемъ спорить противъ нея, но спросимъ только, существуетъ ли у насъ такая осмотрительность выбора, такая гласность и такая сила общественного мнѣнія, какъ въ Англии? Въ январской книжѣ „Вѣстника Европы“ мы указывали на положеніе нашей печати и кажется намъ ясно доказали, что гласность въ провинціи не существуетъ и потому не можетъ служить ни малѣйшей гарантіей противъ судебного произвола. Что же касается общественнаго мнѣнія, то развѣ подлежать сомнѣнію, что у насъ его нѣтъ и быть не можетъ. Еслибы у насъ существовала и половина той свободы слова, какой пользуется Англія, еслибы порядокъ назначенія коронныхъ судей былъ провѣренъ образованнымъ классомъ общества, а выборъ мировыхъ судей зависѣлъ не отъ однихъ землевладѣльцевъ, словомъ, еслибы судьи были въ некоторой зависимости отъ всего образованнаго общества, и обществу нѣло бы возможность выражать свое мнѣніе открыто и честно, тогда, но только тогда, мы готовы будемъ преклониться передъ неограниченной свободой судебныхъ мнѣній, и слѣдовательно передъ ответственностью судей; но такой порядокъ вещей можетъ быть только благочестивымъ желаніемъ, котораго намъ еще долго ждать, потому въ настоящее время мы будемъ защищать необходимость ответственности судей въ порядкѣ уголовномъ по жалобамъ частныхъ лицъ. Практическій опытъ заставляетъ насъ такъ думать. Если же иной взглядъ не совсѣмъ утѣшительнъ, то, по крайней мѣрѣ, практиченъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о кассационномъ порядкѣ, какъ средствѣ наблюдать за правильностью отправленія правосудія и единообразнымъ примѣненіемъ законовъ. Намъ кажется, что при повсемѣстномъ введеніи судебной реформы сосредоточеніе подобнаго наблюденія въ двухъ кассационныхъ департаментахъ сената практически неудобно. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ порядкѣ, на разсмотрѣніе сената должна входить такая масса разнородныхъ вопросовъ, при которой невозможно слѣдить не только за правильнымъ направлениемъ дѣятельности извѣстнаго судебного мѣста, но даже за общимъ единообразнымъ разъясненіемъ законовъ. Излишняя централизація сосредоточивается не только въ дѣлѣ администраціи, но и въ дѣлѣ суда. Кассационные

вопросы не могутъ дѣлиться иначе, какъ по двумъ порядкамъ производства—уголовному и гражданскому, и слѣдовательно нѣтъ возможности допустить болѣе одного департамента того и другого ряда, такъ какъ однообразное толкованіе законовъ только и мысли при одномъ учрежденіи подобнаго рода. Но при сосредоточеніи одномъ мѣстѣ громаднаго числа вопросовъ по отдѣльнымъ случаямъ вопросы эти не могутъ разсматриваться гг. сенаторами съ тѣмъ манеромъ, котораго они требуютъ, и такимъ образомъ на разрѣшеніяхъ получаютъ вліяніе и канцеляріи и стороны, дебаттирующія вопросы въ публичныхъ засѣданіяхъ; а такъ какъ мнѣнія этихъ лицъ не одинаковы, а ихъ аргументація болѣе или менѣе убѣдительна, то все легко въ разныхъ случаяхъ придти къ различнымъ заключеніямъ. Никто изъ лицъ, занимающихся судебной практикой не удивится, если мы скажемъ, что такіа противорѣчія и встрѣчаются не только въ рѣшеніяхъ кассационныхъ департаментовъ, а потому мы и не будемъ приводить примѣровъ. Замѣтимъ только, что подобныя противорѣчія были бы весьма рѣдкимъ явленіемъ, еслибъ число отдѣльных случаевъ, подлежащихъ разрѣшенію кассационныхъ департаментовъ, было не такъ громадно. При меньшемъ числѣ разрѣшаемыхъ вопросовъ ихъ легче удержать въ памяти, привести въ систему и навести на нихъ справки, а главное, гг. сенаторы не были бы отвлечены отъ вопросовъ серьезныхъ вопросами незаслуживающими вниманія. Не кажется, что такихъ результатовъ можно было бы достигнуть представленіемъ судебнымъ палатамъ разсмотрѣнія кассационныхъ жалобъ на мировые сѣзды. Такое право судебныхъ палатъ не можетъ состояться дѣленіемъ кассационныхъ вопросовъ, о невозможности котораго мы замѣтили выше, такъ какъ палаты дѣйствовали бы въ этомъ случаѣ подъ наблюденіемъ кассационныхъ департаментовъ.

Мы думаемъ, что жалобы на такіа опредѣленія палатъ могутъ быть допускаемы только въ двухъ случаяхъ: или по вопросу, котораго никогда не входилъ на разсмотрѣніе кассационнаго департамента, по которому, слѣдовательно, нѣтъ его опредѣленія, или въ томъ случаѣ, когда опредѣленіе палаты противорѣчитъ опредѣленію сената. Въ остальныхъ же случаяхъ, когда палата соображалась въ своемъ рѣшеніи съ рѣшеніемъ кассационныхъ департаментовъ, жалобы не должны быть допускаемы. Подобный порядокъ уменьшилъ бы на громадную цифру число дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію кассационныхъ департаментовъ, и далъ бы возможность гг. сенаторамъ сосредоточить все свое вниманіе на разработкѣ новыхъ законодательныхъ вопросовъ, не отвлекая ихъ тѣми, которые уже неоднократно входили на ихъ разсмотрѣніе.

Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что предоставленіе кассационныхъ вопросовъ по жалобамъ на мировыхъ судей разсмотрѣнію

мировыхъ сѣздовъ, не можетъ обеспечивать правильнаго хода дѣлъ. Если эти такъ близко иногда подходить къ вопросамъ апелляціоннымъ, что и опытному юристу бываетъ трудно провести между ними грань, вслѣдствіе чего въ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ мировыхъ сѣздовъ обнаруживаются поразительныя несообразности; поэтому мы бы полагали, если нѣтъ возможности упразднить вовсе мировые сѣзды и перенести ихъ обязанности на окружные суды, то слѣдуетъ оставить ихъ въ апелляціонной инстанціи, а кассаціонныя жалобы на мировые судей предоставить разсмотрѣнію окружныхъ судовъ съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній въ кассаціонныя департаменты сената въ тѣ же случаи, какъ и рѣшеній палатъ.

Этихъ замѣчаніемъ мы и заключаемъ разсмотрѣніе судебной реформы, такъ какъ подробный критическій разборъ законовъ о судопроизводствѣ не входитъ въ нашъ планъ. Подобный разборъ настолько широкъ, что можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія. Мы слыли иногда законовъ о судопроизводствѣ, насколько считали это необходимымъ для характеристики судебной реформы, но не думаемъ, чтобы дальнѣйшія подробности могли служить для той цѣли, которую мы задались въ началѣ нашего труда и которую имѣли постоянно въ виду въ продолженіи его, а именно, представить читателю дѣйствительное значеніе совершившихся въ послѣднія десять лѣтъ преобразованій, преувеличивая и не уменьшая ихъ несомнѣнныхъ достоинствъ и предполагаемыхъ нами недостатковъ.

Въ заключеніе напомнимъ теперь нашимъ читателямъ все сказанное нами прежде и бросимъ на него общій взглядъ.

Въ ряду реформъ за послѣднія 10 лѣтъ, мы разсмотрѣли сначала финансовыя операціи, потомъ преобразование нѣкоторыхъ налоговъ; затѣмъ, мы говорили о мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ порядку удовлетворенія государственныхъ потребностей, въ связи съ преобразованиемъ системъ отчетности и ревизіи: первыя пять нашихъ статей посвящены именно этимъ предметомъ¹⁾. Затѣмъ въ остальныхъ статьяхъ мы разсмотрѣли административную часть крестьянской реформы, почтовой реформу, земское Положеніе, городовое Положеніе, законъ о печати, и наконецъ судебную реформу²⁾. О томъ, насколько мы сохранили безпристрастіе въ своемъ изложеніи, что и составляло всегда главную нашу цѣль, — судить не намъ, а нашимъ читателямъ.

¹⁾ См. «Вѣсти. Европы», 1871: февр. 778; март. 332; апр. 771; май, 386; июнь, 12 стр.

²⁾ Тамъ же, 1871: июль, 346; сент. 352; окт. 330; нояб. 345; и 1872: янв. 296; фев. 696; март. 239.

Впрочемъ, мы старались также высказывать и наши собственные взгляды на дѣло; но, не выдавая этихъ взглядовъ за вполне доказанную истину, мы и тутъ имѣли въ виду вызвать указанія людей, болѣе компетентныхъ по тому или другому специальному вопросу. Вотъ главные выводы, къ которымъ мы приходили въ отдѣльных частяхъ нашего труда.

При разсмотрѣніи финансовыхъ операцій правительства мы нашли, что всѣ онѣ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ разсматриваемаго нами десятилѣтія, не вполне соответствовали общимъ началамъ экономической науки. По преобразованію налоговъ принята коновѣсьма полезная мѣра замѣны откупной системы взиманія питейнаго дохода системой акцизной съ производства и патентнымъ сборомъ на продажи напитковъ. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что признакомъ было нужнымъ прибѣгать къ двукратному значительному возвышенію акциза, который увеличенъ на 50 процентовъ, и чуть не къ ежеквартальному возвышенію патентнаго сбора, вмѣсто того, чтобы ожидать возвышенія этого дохода отъ постоянного развитія и улучшенія винной промышленности и естественнаго возвышенія потребленія. Такія мѣры могли не останавливать развитія промышленности, и въ концѣ концовъ конечно отзовутся вредно и на интересахъ государственнаго казначейства. Сильное возвышеніе этого дохода въ послѣднее время еще нечего не доказываетъ: оно объясняется очень просто громадными тратами на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ продолженіе этого десятилетия. Но такъ какъ затраты въ такихъ размѣрахъ въ будущемъ и предвидится, то мы твердо убѣждены, что потребленіе вина значительно сократится, что уже и началось оказываться въ прошломъ 1871-мъ году, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія мы будемъ имѣть теперь тѣ же результаты, на которые указывали послѣ перваго возвышенія акциза. Остальныя мѣры по улучшенію системы податей и налоговъ нельзя также назвать удачными, такъ какъ капиталъ до сихъ поръ остается почти въ томъ же обложеніи. Никто не назоветъ обложеніемъ тѣ ничтожныя пошлины, которыя вносятся за гильдейскія свидѣтельства, тѣмъ болѣе, что мелкіе торговцы обложены сравнительно въ высшей мѣрѣ.

Самымъ свѣтлымъ явленіемъ этого десятилѣтія въ финансовомъ управленіи можно считать преобразованія смѣтной и кассовой системъ, а также системы государственной отчетности и ревизіи.

Составленіе государственной росписи по новымъ смѣтнымъ правиламъ и опубликованіе не только бюджетныхъ предположеній, но и отчетовъ государственнаго контроля, установило вмѣсто прежняго хаотическаго положенія дѣлъ извѣстный порядокъ въ распоряженіи средствами государственнаго казначейства, а кассовыя правила и новая система отчетности и ревизіи обезпечили до извѣстной степени

введеніе этого порядка. Такія мѣры не могли не имѣть самаго вреднаго вліянія на наши финансы. Они бросили свѣтъ на одну сторону нашего управленія и при помощи этого свѣта оказалось, что финансовое положеніе Россіи вовсе не безнадежно, какъ думали прежде; если положеніе дѣлъ и затруднительно, то это происходитъ вовсе не отъ недостатка средствъ, а только отъ неправильной финансовой системы, которую стоить измѣнить и наши финансы станутъ весьма выгодное положеніе. Наши средства не подорваны, а только въ тяжести налоговъ опирается не на прочныя основанія. Онъ опирается на трудъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы искать опорной точки въ имуществѣ. Вотъ главный недостатокъ нашей финансовой системы, отъ котораго зависятъ всѣ наши временныя затрудненія. Если рѣшиться смѣло пойти по этому пути, и наши финансовыя трудности будутъ забыты. Свѣтъ, брошенный на наши финансы трудомъ замѣчательнаго государственнаго человѣка, Валеріана Алексѣевича Татарнинова, измѣнилъ совершенно положеніе дѣлъ. Онъ укрѣпилъ нашъ заграничный кредитъ, указавъ Европѣ, что Россія въ состояніи исполнять свои денежные обязательства даже и при неравновѣсной финансовой системѣ, объ измѣненіи которой говорилось много. Стало быть впереди можно было ожидать лучшаго положе- ния и лучшихъ средствъ къ выполненію этихъ обязательствъ. Та- кое упроченіе кредита дало намъ возможность построить цѣлую сеть желѣзныхъ дорогъ, съ пособіемъ отъ правительства въ разныхъ ви- дахъ. Результатъ этихъ послѣднихъ операцій еще впереди, и мы пока не можемъ сказать, производительны ли затрачены у насъ тѣ значныя средства, которыя употребило правительство на пособіе нашимъ желѣзнодорожнымъ обществамъ; но, въ виду миллионныхъ, выданныхъ концессіонерамъ и банкирамъ, которые ихъ поддержи- ваютъ, позволительно замѣтить, что дѣло это у насъ не совсѣмъ на вы- ходной дорогѣ, въ особенности при сравненіи цѣнности постройки нашихъ дорогъ съ цѣнностью таковой въ Финляндіи. Повидимому, мы платимъ дорого цѣннымъ услуги гг. строителей, составляющихъ имущество, капиталъ которыхъ расходуется прежде, нежели утверждены законы. У насъ вошло въ обычай, что три четверти капитала выдается выпускомъ облигацій, которыя правительство беретъ за себя въ условленной съ строителями цѣнѣ и затѣмъ выпускаетъ ихъ отъ себя. Но дѣйствительная стоимость желѣзныхъ дорогъ, передаваемыхъ строителями обществамъ, врядъ ли можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ того капитала, который выдается подъ облигаціи обще- ства. Что касается доходности нашихъ дорогъ, то дороговизна ихъ постройки не позволитъ имъ оплачивать проценты не только по акці- ямъ, но даже и по облигаціямъ¹⁾ и такимъ образомъ правительству

¹⁾ Возьмемъ для примѣра саратовско-тамбовскую линію. По свѣдѣніямъ, опубли-

долго придется ждать уплаты за сдѣланныя ссуды, а между тѣмъ обязано платить и проценты и погашеніе по своимъ заграничнымъ обязательствамъ. При такомъ положеніи мы не можемъ сказать, что упроченіе нашего кредита послужило намъ въ пользу. Хотя мы и нуждаемся въ желѣзныхъ путяхъ, но они только тогда хороши, когда оплачиваютъ проценты на затраченный капиталъ, или требуютъ значительной поддержки на первое время, что и было бы возможно при болѣе дешевой постройкѣ. Но когда предстоитъ платить проценты въ продолженіи десятковъ лѣтъ изъ государственнаго бюджета, вся тяжесть котораго лежитъ на рабочемъ сословіи, то такія оцѣнки врядъ ли могутъ быть названы выгодными, а наше финансовое положеніе прочнымъ.

Сведеніе государственной росписи на 1872-й годъ безъ deferri отнюдь не опровергаетъ нашей мысли. Возвышеніе государственнаго дохода, сдѣлавшее возможнымъ такой результатъ, есть слѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, возвышенія цифры обложенія многими отраслями дохода, что, какъ извѣстно, вовсе не способствуетъ увеличенію самихъ источниковъ дохода, во-вторыхъ, громадныхъ затратъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, что дало народу средства получать не только прямые, но и косвенные налоги и притомъ въ болѣе разнѣрѣ. Но средства эти не есть постоянный народный доходъ, а только временные заработки, на которые невозможно разчитываться въ будущемъ. Если подобныя затраты сдѣланы производителемъ, то разумѣется, народный доходъ возвысится если не прямымъ заработкомъ, то другимъ путемъ, и тогда государственный доходъ такъ не упадетъ; но если издержки эти будутъ сдѣланы непроизводителемъ, то ясно, что въ слѣдующихъ годахъ народный доходъ понизится, такъ какъ производительность страны нисколько не увеличилась. Для болѣе нагляднаго объясненія нашей мысли мы представимъ себѣ, что мы отвлекаемъ значительную часть народа отъ производительнаго труда и заставляемъ его безцѣльно передвигать тяжести съ мѣста на мѣсто, положимъ, что мы платимъ ему за работу весьма выгодную цѣну. Какія послѣдствія могутъ изъ этого выдти? До тѣхъ поръ, пока мы будемъ платить народу хорошую заработную плату, онъ будетъ такъ оплачивать подати и косвенные налоги, какъ бы мы ни возвышали ихъ. Но какъ скоро мы прекратимъ эту работу и перестанемъ за него платить, тогда рабочій долженъ возвратиться къ прежнимъ занятіямъ, и конечно не будетъ въ состояніи заплатить болѣе того, что платилъ

кованнымъ за январь мѣсяцъ 1872-го года, общій валовой доходъ ея простирался до 163 т. рублей. Если этотъ доходъ возрастетъ и до 200 т. руб., то все-таки годовое количество дохода будетъ 2,400,000 р., что составитъ 6,000 р. на версту, а этихъ денегъ мало на расходы по эксплуатаціи.

еже, а если онъ заплатитъ столько же, то положеніе его ухудшится, а ухудшится самый источникъ государственнаго дохода. Само собою разувѣется, постройка желѣзныхъ дорогъ не есть вовсе безполезный трудъ и что въ силу этого даже и невыгодно построенныя дороги такъ представляютъ часть капитала, затраченнаго произвительно. Поэтому конечно нашъ государственный доходъ не можетъ упасть до цифры, на которой онъ стоялъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ; но что онъ долженъ упасть, то это вѣрно, во-первыхъ, потому, что возвышеніе цифры обложенія увеличиваетъ доходъ только временно, исключеніе изъ этого общаго правила, доказаннаго многими примерами, можетъ быть допущено только при существованіи ничтожной цифры обложенія, а у насъ ни въ отношеніи акциза съ вина, ни въ отношеніи прямыхъ податей нельзя сказать, чтобъ эта цифра была ничтожна; во-вторыхъ, потому что значительная часть капитала, употребленнаго на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, для настоящаго времени истрачена непроизвительно и издержки окупятся развѣ въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому произвительность страны не увеличилась настолько, чтобъ покрыть расходы на приобрѣтеніе капитала, и слѣдовательно, народный доходъ, а съ нимъ и государственный, должны уменьшиться.

Вотъ что мы должны имѣть въ виду по отношенію къ доходному бюджету; что же касается нашихъ расходовъ, то сверхсметные издержки поглощали за послѣдніе годы не только весь избытокъ доходовъ, но оставляли даже дефицитъ, и нашъ расходный бюджетъ увеличивался вмѣстѣ съ возвышеніемъ доходовъ и даже вслѣдствіе этого возвышенія. Вопросы: отчего зависить это возвышеніе? и прочно оно? повидимому, мало обращали на себя вниманія. Между тѣмъ бы казалось, что увеличеніе расходовъ въ виду возвышенія доходовъ могло быть допускаемо только до той цифры, ниже которой упадокъ доходовъ не можетъ идти, такъ какъ увеличить расходъ очень легко, но уменьшить его не только государству, но даже и частному лицу, чрезвычайно трудно. Нельзя увеличивать расходъ въ будущемъ году на томъ только основаніи, что мы получили излишній доходъ въ прошедшемъ, въ особенности, когда этотъ излишекъ не остался на лицѣ; нельзя, говоримъ мы, потому что увеличеніе могло быть явленіемъ случайнымъ и временнымъ, тогда какъ излишній расходъ скорѣе всего останется явленіемъ постояннымъ. Намъ кажется, что правильное хозяйство не должно допускать сверхсметныхъ кредитовъ безъ особыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, даже при излишкѣ доходовъ. Самое выгодное употребленіе, какое только можно дѣлать изъ подобныхъ, непредвидѣнныхъ смѣтою, доходовъ—это погашеніе долга, т.-е. возвышеніе государственнаго кредита, который можетъ служить важнымъ орудіемъ въ чрезвычайныхъ обстоя-

тельствѣхъ. Но когда излишки доходовъ расходуются по сверхсѣльнымъ ассигнованіямъ, а благопріятныя обстоятельства принимаютъ за нормальное положеніе дѣлъ и на счетъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ допускаются излишніе расходы въ будущемъ, тогда дефицитъ есть явленіе хроническое, и отъ него отдѣлаться весьма трудно. Насколько мы можемъ судить, то намъ кажется, что наша финансовая политика послѣдняго времени шла именно этимъ путемъ, а потому отсутствіе дефицита въ нашемъ бюджетѣ, хотя и можетъ быть названо явленіемъ довольно благопріятнымъ, но оно нисколько не гарантируетъ насъ отъ дѣйствительнаго дефицита, какъ потому, что доходы должны оказаться ниже предполагаемой цифры, такъ и потому, что сверхсѣльные кредиты вѣроятно возвысятъ расходъ на примѣру прежнихъ лѣтъ на 30 или болѣе милліоновъ. Поэтому, всамоуравновѣсиваніе по поводу отсутствія въ бюджетѣ дефицита, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Не измѣнивъ системы нашихъ налоговъ и не отыскавъ для главной ихъ тяжести другой точки опоры, нѣтъ возможности достигнуть благотворныхъ результатовъ.

Разсматривая затѣмъ административныя реформы, мы видѣли, что всѣ онѣ какъ будто дѣти не одной матери. Несмотря на то, что эти реформы вносятъ въ сферу нашего законодательства великія начала свободы труда, уничтоженія сословныхъ привилегій, самоуправленія и свободы слова, въ нихъ есть черты, которыя мѣшаютъ этимъ началамъ войти въ самую жизнь, получить практическое значеніе. Всѣхъ относящихся сюда законоположеній, взятыхъ вмѣстѣ, не только не замѣчается, чтобъ великія идеи, написанныя на ихъ знамени, сложились общимъ руководящимъ началомъ, но, если можно такъ выразиться, фizioномія каждаго отдѣльнаго закона не представляетъ никакой общности. Въ каждомъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, есть постановленія не только несогласныя съ началами, положенными въ основаніе другихъ реформъ, но и въ одномъ и томъ же законѣ есть правила, мешающія полному осуществленію основныхъ положеній этого закона. Случалось ли вамъ слышать адвокатскую рѣчь, весьма краснорѣчивую и логичную, но все-таки недостаточно убѣдительную? Слыша такую рѣчь, вамъ все кажется, что самъ ораторъ недостаточно убѣжденъ въ справедливости того, что онъ говоритъ. Отчасти сходное съ этимъ впечатлѣніе остается при внимательномъ изученіи нашихъ административныхъ реформъ. Вамъ кажется, что составители первоначальныхъ проектовъ не вполне были убѣждены какъ въ насущной необходимости тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ имѣлось въ виду при составленіи новыхъ положеній, такъ и въ несостоятельности прежняго порядка, а потому мы не видимъ въ новыхъ законахъ огражденія новыхъ началъ отъ вліянія старыхъ принциповъ.

Между тѣмъ, установившіеся принципы имѣютъ гораздо большее

практическое значеніе и силу въ жизни обществъ, нежели новыя, такъ какъ послѣднимъ приходится расчищать себѣ дорогу, а первые движутся силой инерціи. На этомъ основаніи намъ бы казалось, что для желательнаго ввести въ общественную жизнь новыя начала, то, во-первыхъ, не слѣдуетъ ихъ смѣшивать съ началами отжившими и изжившими свою несостоятельность; во-вторыхъ, мало ввести новыя начала въ законодательство, такъ какъ это бы значило проповѣдывать ихъ только въ теоріи, но необходимо позаботиться и принять мѣры, чтобъ эти начала не были искажены на практикѣ и могли бы проникать въ общественную жизнь безпрепятственно, т.-е. установить вѣстныя гарантіи исполненія законовъ. Сила инерціи прежнихъ порядковъ такъ велика, что новыя начала не въ состояніи будутъ съ ними бороться, и вмѣсто благотворныхъ результатовъ явится тощій, еще на вѣткѣ изсохшій плодъ, неспособный достигнуть полной зрѣлости. При такомъ положеніи противники реформъ и поклонники крѣпостныхъ началъ имѣютъ основаніе сказать: вотъ, мы говорили, что изъ этого не будетъ ничего хорошаго, что старые порядки много лучше, что общество еще не настолько развито, чтобъ вести общественное дѣло, что русскій человѣкъ беретса за многое, но скоро унываетъ къ дѣлу и т. п., если не хуже; а люди противоположнаго направленія, смотря по темпераменту, или напрасно увлекаются и приносятъ къ убѣжденію въ невозможности естественнаго развитія и прогресса, или теряютъ энергію и дѣйствительно охлаждаютъ къ дѣлу. Мало остается людей, которые сохраняютъ вѣру въ живучесть прогресса и поддерживаютъ ее тѣмъ немногимъ, что успѣваетъ устояться.

Припомнимъ, что нашли мы при нашемъ изслѣдованіи. Крестьянская реформа, вмѣсто того, чтобъ быть дѣломъ государственнымъ, получила характеръ сословный, и вся тяжесть выкупа личности крестьянина и необходимаго для него клочка земли упала на одно сословіе; провозглашается свободный трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается барщина; крестьянское сословіе получаетъ такъ-называемое самоуправленіе, которое ставится однакожъ подъ строгій контроль мирового посредника, превратившагося, вопреки первоначальнымъ предположеніямъ, въ обыкновеннаго чиновника со всѣми его стародавними недостатками. Затѣмъ, земское положеніе выступаетъ подъ знаменемъ общесословности, т.-е. уничтоженія родовыхъ привилегій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ сохраняются привилегіи въ пользу землевладѣльческаго класса. А такъ какъ землевладѣльческій классъ состоитъ почти весь изъ дворянства, то въ сущности эти привилегіи остались за дворянствомъ. Привилегіи эти не маловажны, такъ какъ дворянство имѣетъ въ земскихъ собраніяхъ численный перевѣсъ, несмотря на то, что на его же сторонѣ является и образованіе и матеріальное

обезпеченіе, слѣдовательно большее вліаніе. Несмотря на то, что земскія учрежденія имѣютъ очень небольшой кругъ дѣятельности эта привилегія представляетъ собою весьма важный интересъ для мѣстнаго землевладѣльческаго класса, такъ какъ земскія собранія пользуются правомъ избранія не только земскихъ дѣятелей, но и мировыхъ судей. Если мы примемъ въ соображеніе, что мировые посредники и члены губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій избираются также изъ дворянства, то оказывается, что число должностей состоящихъ въ исключительномъ распоряженіи дворянскаго сословія нынѣ именуемаго землевладѣльческимъ классомъ, далеко превосходитъ число должностей, зависѣвшихъ отъ прежнихъ выборовъ дворянства. Что же касается суммы, идущей на ихъ содержаніе теперь и въ прежнее время, то цифры эти конечно не подлежатъ никакому сравненію, точно также какъ и самое общественное значеніе этихъ должностей. Стало быть, въ общей сложности вся масса мѣстнаго дворянства въ совокупности, если и потеряла что-либо при освобожденіи крестьянъ, то въ послѣдствіи получила достаточное вознагражденіе не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ общественномъ значеніи. Такимъ образомъ, вмѣсто однихъ привилегій создались другія.

Затѣмъ земское положеніе имѣло въ виду создать извѣстную степень самостоятельности мѣстныхъ обществъ и передать въ ихъ управленіе нѣкоторые мѣстные интересы, но временныя правила и послѣдующія распоряженія ограничили кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій настолько, что появившееся вначалѣ стремленіе воспользоваться данными правами исчезаетъ и замѣняется полнѣйшимъ равнодушіемъ къ дѣлу.

Наконецъ, является реформа городского управленія, и въ основаніе ея положено совершенно новое начало. Здѣсь создается привилегія въ пользу такъ-называемой денежной аристократіи, которая, въ противность всѣмъ нашимъ историческимъ преданіямъ, обособляется изъ общей массы городского населенія въ отдѣльную корпорацію, получающую наибольшее вліаніе въ городскихъ дѣлахъ. Городское представительство ограничивается извѣстнымъ числомъ голосовъ и не можетъ превышать 72, какое бы число избирателей ни имѣлъ городъ. Избранный представителями города голова получаетъ опекунскія права надъ городскимъ управленіемъ и, будучи лицомъ отвѣтственнымъ передъ правительствомъ за законность дѣйствій городской думы, является орудіемъ въ рукахъ администраціи. Кромѣ того, пользуясь правомъ созывать городскую думу во всякое время, городской голова, при содѣйствіи извѣстнаго кружка своихъ приверженцевъ, имѣетъ возможность слагать съ себя всякую отвѣтственность, прикрывая свои распоряженія постановленіями думы. Главный же надзоръ и контроль надъ дѣйствіями подобнымъ образомъ устроеннаго городского управ-

были сосредоточены въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи, составленномъ изъ мѣстныхъ органовъ центральной администраціи. Можетъ быть, такой порядокъ вещей будетъ много лучше прежде, но все-таки мы не можемъ признать въ немъ начало самоуправленія въ обыкновенномъ ихъ значеніи, а скорѣе готовы допустить, что такое устройство есть весьма искусный механизмъ централизаціи. Всѣ наши административныя реформы привели такимъ образомъ къ слѣдующему итогу. Для администраціи каждой губерніи существуютъ въ настоящее время одиннадцать губернскихъ независимыхъ учреждений, а именно: губернское правленіе, два губернскихъ присутствія по городскимъ и крестьянскимъ дѣламъ, особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, тюремный комитетъ, казенная палата, губернское акцизное управленіе, управленіе государственныхъ имуществъ, финансовое управленіе, губернская земская управа и, наконецъ, управленіе хандармскаго штабъ-офицера. Но кромѣ того есть масса дѣлъ, которыя ввѣрены лично губернатору и производятся въ его канцеляріи. Не думаемъ, однакожъ, чтобы подобное дробленіе административной власти могло быть необходимо; скажемъ болѣе, оно должно производить на государственный организмъ невыгодное вліяніе, не говоря о напрасныхъ издержкахъ государственнаго казначейства. Столкновенья и пререканія, неизбежныя при такомъ порядкѣ вещей, тормозятъ дѣла, становясь камнемъ преткновенія въ каждомъ начинаніи. Извѣстно ли, что для подобной массы учреждений мы чувствуемъ недостатокъ въ хорошихъ дѣятеляхъ. Гдѣ же лежитъ причина этихъ недостатковъ? Намъ кажется, что всѣ подобнаго рода недостатки нашего административнаго устройства коренятся въ недостаткѣ ясно сознанныхъ общихъ началахъ государственнаго управленія. Вся ошибка заключается въ томъ, что сознавшаго несостоятельность прежнихъ попытокъ желали исправить по частямъ, частными проектами, оставляя въ всякой перемѣнѣ не только характеръ центральныхъ управленій, но даже наказы губернской администраціи, между тѣмъ какъ отличительная черта всѣхъ послѣднихъ реформъ состояла именно въ граниченіи власти губернаторовъ. Въмѣстѣ съ этимъ замѣчается кака-то нерѣшительность, какое-то недовѣріе къ обществу и опасеніе, что оно будетъ злоупотреблять своей свободой, если ему предоставитъ болѣе обширныя права и избавитъ отъ особаго надзора администраціи. Между тѣмъ злоупотребленіе для административныхъ властей осталось по прежнему возможнымъ, и притомъ гораздо болѣе возможнымъ, нежели для обществъ, пренія и постановленія которыхъ производятся ясно и у всѣхъ на виду. Отсутствіе общихъ принциповъ, утвержденныхъ напередъ путемъ законодательнымъ, всегда дозволяетъ отъѣзженнымъ комиссіямъ, въ которыхъ разрабатываются законодательные проекты, вводить въ нихъ, сообразно съ личными убѣжденіями

членовъ, постановленія, значеніе которыхъ, при кабинетной работѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью, но обнаруживается во всей своей полнотѣ только на практикѣ и часто парализуетъ основную мысль закона. Такому явленію содѣйствуетъ во многомъ порядокъ составленія комиссій для разработки законодательныхъ вопросовъ. Члнами этихъ комиссій назначаются преимущественно лица, служившія продолжительное время въ министерствахъ. Всѣ они, безъ сомнѣнія, люди даровитые, образованные и честные, но развѣ этого достаточно для подобнаго дѣла? Практическая жизнь, со всѣми ея насущными потребностями и вопиющимъ иногда безобразіемъ, изучается въ Петербургѣ въ канцеляріяхъ департаментовъ. Печать могла бы еще до нѣкоторой степени возмѣщать подобные недостатки, но наша печать сама не пользуется той степенью свободы, при которой она могла бы отражать дѣйствительность вещей. Въ ея образѣ, къ отсутствію общихъ принциповъ, утвержденныхъ путемъ законодательнымъ, присоединяется еще и недостатокъ критическаго взгляда на дѣло. Къ этимъ двумъ причинамъ мы должны отнести еще третью, это—неправильный взглядъ на способъ опредѣленія круга дѣятельности центральной администраціи и органовъ самоуправленія. По принятому въ нашемъ законодательствѣ порядку кругъ дѣятельности центральныхъ органовъ считается всеобъемлющимъ; въ распоряженіе же мѣстныхъ обществъ считается возможнымъ выдѣлить изъ этого круга только нѣкоторые интересы, тогда какъ намъ бы казалось, что слѣдовало поступать наоборотъ и опредѣлительные предметы, заведываніе которыми съ большимъ удобствомъ можетъ быть поручено центральному управленію, а все остальное предоставить въ непосредственное заведываніе обществъ. Вотъ три причины, обуславливающія у насъ недостатки нашихъ новѣйшихъ законоположеній, — недостатки, на которые мы указывали прежде и при отсутствіи которыхъ можно бы было ожидать другихъ послѣдствій.

Наша судебная реформа, повидимому, менѣе всего пострадала отъ подобныхъ причинъ. Здѣсь были установлены общія начала и создавалась ясно и положительно та цѣль, которой желали достигнуть составители судебныхъ уставовъ; тѣмъ не менѣе и въ нихъ, какъ мы видѣли, вошли нѣкоторые постановленія, несоотвѣтствующія общему характеру реформы. Конечно, желательно, чтобъ этихъ недостатковъ не было въ нашихъ судебныхъ уставахъ; но впрочемъ они имѣютъ второстепенное значеніе, ихъ легко устранить, не касаясь основныхъ положеній, и они не могутъ задерживать полное осуществленіе благотворныхъ послѣдствій реформы. Здѣсь гораздо важнѣе недостатокъ гарантій въ строгомъ исполненіи тѣхъ постановленій, которыя введены въ судебные уставы и утверждены законодательною властью. Если самостоятельность судебныхъ слѣдователей будетъ ограничиваться адми-

административными распоряженіями; если правила для опредѣленія къ судебнымъ должностямъ будутъ нарушаемы; если, по примѣру Франціи, доступъ къ высшимъ судебнымъ должностямъ получаютъ преимущественно лица прокурорскаго надзора; если для занятія судебной должности будетъ необходима извѣстная степень политической благонадѣжности, компетентными судьями въ которой могутъ быть только полицейскія управленія; если судебные уставы будутъ говорить, что никто безъ суда не можетъ быть наказанъ, а рядомъ съ этимъ будетъ существовать право административной высылки лицъ изъ мѣста жительства¹⁾; если наша свобода ограждена строгимъ наказаніемъ за произвольный арестъ, а преслѣдованіе виновнаго въ подобномъ поступкѣ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія администраціи; если, наконецъ, гарантія правильности приговоровъ суда считается гласность, а въ нашихъ провинціальныхъ городахъ нѣтъ органовъ печати въ силу тѣхъ условий, въ которыя она поставлена,—то во всемъ этомъ судебные уставы ни при чемъ. Здѣсь все зависить отъ цѣлаго строя нашей общественной жизни.

Но гдѣ всего болѣе замѣтенъ разладъ между теоретическими положеніями нашего законодательства и ихъ практическимъ примѣненіемъ, то это именно въ нашихъ законахъ о печати.

Въ самомъ дѣлѣ, наше законодательство признаетъ печать однимъ изъ необходимыхъ условий общественной жизни, если не прямо, то косвенно. Такъ, оно признаетъ гласность гарантіей правильности судебныхъ приговоровъ, нѣкоторые вѣдомства обнародываютъ законодательные проекты и тѣмъ даютъ печати возможность подать свой голосъ въ обсужденіи этихъ проектовъ; цензурныя правила допускаютъ обсужденіе дѣйствій правительственныхъ лицъ, отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, допускается извѣстная свобода изслѣдованій въ вопросахъ научныхъ и политическихъ. Но все это допускается лишь въ теоріи, въ принципѣ, — на практикѣ же выходитъ совсѣмъ другое. Всѣмъ извѣстно, что печать можетъ откровенно высказываться по этимъ предметамъ только при отсутствіи цензуры, а у насъ это возможно только въ двухъ столицахъ, въ другихъ же мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества вы вездѣ встрѣчаетесь съ цензурою, тѣмъ болѣе строгою, чѣмъ менѣе развито мѣстное общество. Затѣмъ, хотя въ столицахъ и нѣтъ цензуры, но тѣмъ не менѣе свобода слова очень ограничена, такъ какъ для періодической печати допущены админи-

¹⁾ Очень ошибается тотъ, кто подумаетъ, что мы желаемъ этими словами породить мѣтры, принятія противъ политическихъ агитаторовъ. Мы вовсе не имѣемъ этого въ виду. Мы говоримъ о вредѣ подобныхъ правилъ потому, что на основаніи ихъ могутъ быть возбуждены преслѣдованія противъ лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, крѣдствіе ложныхъ слуховъ, недоразумѣній и личной неприязни со стороны второстепенныхъ агентовъ власти.

стративныя кары. При разсмотрѣніи нашихъ уголовныхъ законовъ по преступленіямъ въ печати, мы видѣли, въ какихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ законы эти составлены, вслѣдствіе чего нѣтъ возможности опредѣлить что дозволено и что нѣтъ,—все зависитъ отъ усмотрѣнія судей. Бывшіе по дѣламъ печати процессы вполне подтверждаютъ наше мнѣніе, такъ какъ и рѣшенія разныхъ инстанцій по одному и тому же дѣлу, и мотивировка этихъ рѣшеній совершенно не одинаковы. Что же касается административныхъ взысканій, то они конечно и не могутъ опредѣляться на основаніи какихъ-нибудь правилъ, а зависятъ положительно отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ всякій согласится съ нами, что заранѣе предвидѣть мнѣніе гг. судей или г. министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, гдѣ оканчивается наша свобода изслѣдованія, — задача не легкая, и мы можемъ перейти границу этой свободы безъ всякаго злого умысла, полагая, что вовсе не выходимъ изъ правъ, предоставленныхъ намъ закономъ. Кроме того, практика указываетъ намъ, что предостереженія даются не только за неумѣренные и рѣзкіе выраженія, но и за вредное направленіе. Но что должно считать вреднымъ направленіемъ,—это нигдѣ въ законахъ не опредѣлено, и журналъ узнаетъ это только изъ практики, а извѣстно, что добывать знанія путемъ практическимъ бываетъ иногда поздно. Во всякомъ случаѣ изъ этого мы можемъ заключить, что администрація предоставляетъ не одинаковую свободу всѣмъ мнѣніямъ, и извѣстныя мнѣнія подвергаетъ преслѣдованію, которому конечно должна предшествовать критическая ихъ оцѣнка. Но если власть беретъ на себя разрѣшеніе критическихъ вопросовъ и право преслѣдовать тѣ мнѣнія, которыя считаетъ неправильными и вредными, то конечно вся остальная печать не будетъ касаться этихъ вопросовъ, какъ бы ни были ложны тѣ теоріи, противъ которыхъ власть вооружается. Послѣдствія такого порядка вещей всегда одинаковы. Гонимыя мнѣнія окружаются какимъ-то ореоломъ, и не встрѣчая научнаго отпора, приобрѣтаютъ себѣ прозелитовъ въ особенности среди молодежи, несмотря ни на какія преслѣдованія. Такимъ образомъ, власть достигаетъ прямо противоположныхъ результатовъ, нежели къ какимъ стремилась. Намъ кажется, что вести борьбу противъ ложныхъ мнѣній можетъ одна только наука и свободное слово, а бороться противъ научныхъ истинъ и бесполезно и опасно.

Вотъ краткій перечень тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли въ продолженіи нашей бесѣды съ читателемъ. Теперь, на основаніи этихъ выводовъ, постараемся разрѣшить тотъ вопросъ, который мы поставили въ началѣ нашего изслѣдованія: почему въ настоящее время не замѣчается въ обществѣ того одушевленія и того интереса къ дѣлу, которые господствовали десять лѣтъ тому назадъ?

Десять лѣтъ тому назадъ новыя идеи только зарождались въ об-

ществѣ. Чуждые до тѣхъ поръ всякой идеи объ улучшеніи существующаго порядка вещей, мы вдругъ почувствовали возможность этого улучшенія, безъ всякой мысли о томъ, какъ осуществится такое улучшеніе. Мы въ первый разъ обратились съ практической цѣлью къ тѣмъ идеаламъ, на которые указывала намъ наука во дни юности, въ примѣненіе которыхъ на практикѣ не было возможнымъ. Представился случай подѣлиться этими идеалами съ людьми насъ окружающими, и, упоенные надеждою, мы полагали, что осуществленіе ихъ легко. Намъ казалось, что, если правительственныя сферы напишутъ ихъ на своемъ знамени и внесутъ ихъ въ законодательство, то и жизнь переродится. Мы вѣрили въ это быстрое перерожденіе, и вотъ причина нашего тогдашняго одушевленія. Оно было наивно, но было искренно.

Теперь, убѣжденные опытомъ, мы видимъ, что не такъ легко достигаются побѣды надъ старыми порядками, что трудно проникаютъ новыя принципы, даже въ область законодательства, а еще труднѣе въ самую жизнь. Старые порядки, старые нравы, привычки и понятія крѣпко сжились съ людьми и держутся въ нихъ несмотря на очевидную ихъ ложь. Человѣку, разъ принявшему ложь за истину, — трудно понять всякую истину. Ему необходимо прежде всего очистить весь старый хламъ, накопившійся у него въ головѣ, и тогда только голова его сдѣлается воспримчивою къ новымъ понятіямъ. Логичность человѣческаго ума удерживаетъ его на прежней дорогѣ и полагаетъ важныя преграды къ осуществленію новыхъ началъ въ жизни. Въ этомъ отношеніи даже правительственная власть не всегда бываетъ всемогуща. Даже ставши закономъ, эти начала не примѣняются вполнѣ, вслѣдствіе чего сдѣланныя попытки оказываются несостоятельными и окончательное торжество новыхъ началъ отдалается еще болѣе. Вотъ почему мы думаемъ, что, вводя новыя начала въ общественную жизнь, необходимо прежде всего подумать объ огражденіи ихъ чистоты и чистоты, объ устраненіи возможности на застѣваемомъ полѣ возродиться старымъ плеведамъ и заглушать молодыя растенія. Иначе же, въ самой реформѣ того или другого изъ прежнихъ порядковъ могутъ заключаться тяжелыя условія для ея успѣшнаго развитія, а враги всякихъ реформъ найдутъ въ этомъ удобный случай обвинить наше время за его стремленія къ улучшеніямъ. Для предупрежденія же всего подобнаго необходимо, чтобы реформы опирались на коренномъ преобразованіи условій общественной жизни. Великая мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, положенная въ основаніе всѣхъ реформъ, и была именно такимъ кореннымъ преобразованіемъ, краеугольнымъ камнемъ; но собственно она уничтожила проявленія этого права только въ самомъ грубомъ его видѣ и оставила его въ покоѣ во всѣхъ остальныхъ сферахъ нашей жизни. Такимъ образомъ вышло то, что новыя

свѣмена свободы труда, самоуправленія, независимаго суда и нѣчто-рою свободы слова брошены не на расчищенное поле, а среди старыхъ плетей крѣпостныхъ порядковъ. Мудрено ли послѣ того, что молодая растенія глохнуть, а люди, болѣе прозорливые, утратили энтузіасмъ первыхъ дней? Они думаютъ, что слѣдуетъ начинать новый періодъ реформъ, установивъ прежде всего общія начала для этихъ реформъ. Тогда и отдѣльные проекты будутъ только дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ началъ и потому избѣгнуть тѣхъ противорѣчій, на которыя мы указывали не разъ при разсмотрѣніи того или другого изъ новыхъ учрежденій.

Обращаясь наконецъ къ нашему труду, мы должны прежде всего сознаться въ его очевидной неполнотѣ. Но избѣгнуть этого недостатка мы были рѣшительно не въ состояніи, во-первыхъ потому, что не имѣли подъ руками всѣхъ нужныхъ источниковъ, во-вторыхъ, исчерпать вполне подобный предметъ для одного человѣка невозможно; наконецъ, мы поставили себѣ цѣлю критическій разборъ главнѣйшихъ законовъ послѣдняго десятилѣтія и высказывали свои предположенія лишь настолько, насколько считали это необходимымъ для уясненія нашихъ мыслей. Мы вовсе не имѣли въ виду окончательную разработку вопросовъ, поставленныхъ нашимъ законодательствомъ. Было бы слишкомъ смѣло съ нашей стороны даже взяться за подобное дѣло, тѣмъ болѣе, что мы отнюдь не претендуемъ на безошибочность нашихъ сужденій, и можемъ въ нихъ отстаивать безусловно только одно—полную ихъ искренность.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая, 1872 г.

Распространеніе судебной реформы на царство польское. — Цѣли политическія и юридическія. — Основанія русской политики въ царствѣ. — Національность, какъ новое орудіе въ «борьбѣ за существованіе». — Земскія сельско-хозяйственныя училища. — Земское училище въ Вяткѣ. — Циркуляръ г. Управляющаго морскимъ министерствомъ. — Письмо г. Громницкаго въ редакцію.

Дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ скоромъ времени распространится на одну изъ нашихъ западныхъ окраинъ, именно, на царство польское. Тамъ наша судебная реформа впервые предстанетъ лицомъ къ лицу съ западно-европейскими учрежденіями, на самой границѣ ихъ дѣйствія. Внутреннее достоинство ея таково, что ей нѣчего опасаться сравненій, лишь бы только она осуществилась въ цѣлости; безъ такихъ отступленій, которыя сами давали бы ей характеръ системы, — низшей въ сравненіи съ существующими въ сосѣдней Пруссіи и Австріи. Въ царствѣ польскомъ до нынѣшняго времени дѣйствуетъ гражданское судопроизводство французское, такъ какъ и само матеріальное гражданское право, дѣйствующее тамъ, есть кодексъ Наполеона. Впрочемъ, въ порядкѣ гражданского судопроизводства въ царствѣ сдѣланы послѣдующими постановленіями нѣкоторыя измѣненія. Уголовное же судопроизводство въ части нѣкогда принадлежавшей Пруссіи осталось старое прусское, опредѣленное правилами ординаціи для уголовныхъ дѣлъ 1805 года, а въ другой части дѣйствуетъ уголовный уставъ австрійскій 1803-го года. Ко всему этому присоединяются еще и остатки отъ прежнихъ мѣстныхъ, т.-е. польскихъ постановленій. Наконецъ, вмѣстѣ съ крестьянской реформой въ этомъ краѣ устроены были гминныя, то-есть волостныя всесословныя суды (Gmina, отъ нѣмецк. Gemeinde).

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло конечно отсутствіе цѣльности; но при этомъ надо все-таки замѣтить, что судебное устройство и такъ, какъ оно теперь существуетъ въ царствѣ, все-таки раціо-

нальнѣе, чѣмъ то, которое существуетъ въ остзейскомъ краѣ, гдѣ суды, какъ и вообще всѣ учрежденія, имѣютъ характеръ сословный. Поэтому, такъ какъ наша судебная реформа теперь же будетъ введена въ царство, то соображенія юридическія, соображенія справедливости къ большинству населенія, тѣмъ громче требуютъ, чтобы она распространилась затѣмъ въ ближайшее время и на остзейскій край. Еслибы имѣлись въ виду только соображенія юридическія, то даже съ него бы слѣдовало и начать судебную реформу на западной границѣ. Но не менѣе важны въ этомъ дѣлѣ и соображенія иного рода, соображенія политическія, и вотъ они-то побуждаютъ начать со введенія судебной реформы въ царство польское. Дарованіе краю суда независимаго, суда по совѣсти есть такое благодѣяніе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ привязать населеніе этого края къ русскому государству, однимъ изъ прочнѣйшихъ орудій объединенія.

Но говоря такимъ образомъ, мы невольно становимся на ту точку, съ которой можно правильно смотрѣть на введеніе нашей судебной реформы въ царство польское. Точка эта—преимущественно политическая, хотя дѣло само по себѣ чисто-юридическое. На первомъ планѣ тутъ стоитъ вопросъ, отъ способа разрѣшенія котораго будетъ зависѣть вся сущность примѣненія нашей судебной реформы къ польскимъ губерніямъ. Можно придти къ такому заключенію, что въ этомъ дѣлѣ юридическія соображенія должны быть сами по себѣ, а политическія также сами по себѣ; что юридическія соображенія требуютъ примѣненія нашихъ судебныхъ уставовъ въ Польшѣ безъ всякаго существеннаго измѣненія, которое нарушало бы ихъ цѣлостность и рациональность; но что по соображеніямъ политическимъ въ царствѣ польскомъ все-таки невозможно допустить того, что составляетъ существенныя основныя нашего суда: ни безсмѣнности судей, ни выборнаго характера мировыхъ судей, ни суда присяжныхъ, ни полного подчиненія полиціи прокурорской власти, ни совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, ни судопроизводства на природномъ языкѣ; а что затѣмъ все *остальное* можно туда ввести. Несомнѣнно, что „*остальное*“ уже не можетъ быть задозрѣно ни въ какомъ отношеніи; но только спрашивается: достаточно ли это „*остальное*“ имѣетъ само по себѣ внутренней силы и благодѣтельныхъ свойствъ; чтобы посредствомъ его одного можно бы достигнуть *великой* политической цѣли? Мы можемъ твердить себѣ сколько хотимъ, что въ нашей судебной реформѣ и безъ исчисленныхъ выше гарантій столько хорошаго, что она составитъ благодѣяніе для всякаго края. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что мы будемъ говорить себѣ; дѣло въ томъ, какъ будетъ оцѣнена наша реформа въ дѣйствительности населеніемъ царства польскаго, которое знакомо съ тремя судебными порядками и стало быть имѣетъ возможность дѣлать сравненія. Еслибы къ сожалѣнію случилось, что оно, не находя въ этой реформѣ

тѣхъ именно гарантій, какими мы сами наиболѣе дорожимъ, не оцѣнило бы по достоинству и остального, и не увидѣло бы въ этомъ остальномъ ничего болѣе, какъ только одно введеніе русскаго языка въ польскіе суды всѣхъ инстанцій — то какая же цѣль была бы при этомъ достигнута? Во всякомъ случаѣ мы не приблизились бы именно къ существенной, къ политической цѣли: привязать населеніе къ имперіи дарованіемъ ему блага, не подлежащаго сомнѣнію.

Только самый слѣпой „политикёръ“ можетъ возразить на это, что на привязанность населенія ни въ какомъ случаѣ рассчитывать и не слѣдуетъ. Но еслибы мы думали такъ, то для чего же вводить въ царство, хотя бы и отчасти только, нашу судебную реформу? Для чего хлопотать объ устройствѣ тамъ правильнаго суда? Если не рассчитывать на возможность прочно привязать къ имперіи польскій народъ, въ такомъ случаѣ необходимо оставить царство въ положеніи военно-полицейскаго управленія и суда, не касаясь этого положенія никакими полными или неполными реформами. Очевидно, что такое возраженіе вовсе не идетъ къ дѣлу, и правительство держится иного мнѣнія, коль скоро оно предпринимаетъ судебную реформу въ царствѣ. Цѣль его при этомъ не можетъ быть иная, какъ именно обезпечить привязанность къ имперіи тѣхъ элементовъ польскаго народа, которые оно пробудило отъ сна, которымъ оно уже вручило судъ въ волости, и нынѣ предполагаетъ даровать полное рациональное судебное устройство. Но если это такъ, то мы, именно смотря съ точки зрѣнія политической, должны отвергнуть ту двойственность и взаимную противорѣчивость соображеній юридическихъ и политическихъ, на которую указано выше. Политическая цѣль здѣсь не должна ограничивать или стѣснять юридическихъ условій; она именно и можетъ быть достигнута не иначе, какъ удовлетвореніемъ всѣхъ юридическихъ требованій, осуществленіемъ всѣхъ юридическихъ гарантій. Если же держаться воззрѣнія противоположнаго, то слѣдуетъ оставить въ царствѣ полный просторъ власти полицейской и судамъ военнымъ и полицейскому. Никакой середины здѣсь нѣтъ, такъ какъ средній терминъ здѣсь означалъ бы самопротиворѣчіе.

Предварительныя работы по предмету судебной реформы въ царствѣ польскомъ учредительнаго комитета и учрежденной при немъ юридической комиссіи были затѣмъ обсуждены въ особомъ совѣщательномъ комитетѣ *ad hoc* въ Петербургѣ, рассмотрѣны въ министерствахъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, въ комитетѣ по дѣламъ царства, потомъ въ соединенномъ присутствіи этого комитета и департамента законовъ государственнаго совѣта, при участіи нѣсколькихъ министровъ, и наконецъ проектъ положенія, составленный по единогласнымъ заключеніямъ или по мнѣніямъ большинства членовъ соединен-

него присутствія, внесенъ былъ въ общее собраніе государственнаго совѣта.

Изложимъ сперва вкратцѣ главныя черты способа примѣненія къ царству судебныхъ уставовъ, причемъ укажемъ и особенности; затѣмъ эти особенности мы рассмотримъ каждую отдѣльно, извѣщаятъ аргументы, какіе могутъ быть представлены за и противъ каждой изъ нихъ, что и представитъ полную оцѣнку того значенія, какое можетъ получить эта реформа при предположенномъ ея примѣненіи.

Царство польское составитъ одинъ судебный округъ, подчиненный общему высшему, то-есть кассационному суду. Судебная палата будетъ учреждена въ Варшавѣ, а въ каждой губерніи окружной судъ. Мировой судъ будетъ отправляемъ двоякими учрежденіями: въ городахъ мировыми судьями, и въ волостяхъ (гминахъ) гминными судами. Почетныхъ мировыхъ судей не будетъ. Мировые съѣзды будутъ состоятъ изъ мировыхъ судей и предсѣдателей гминныхъ судовъ. Предсѣдатель мирового съѣзда будетъ не выборный, а назначаемый правительствомъ. Мировыя судьи также не выборные, а по опредѣленію отъ правительства, и притомъ не несмѣняемые; отъ министра юстиціи будетъ зависѣть перемѣщеніе ихъ изъ одного участка въ другой и даже увольненіе отъ службы. Мировые судьи въ царствѣ должны быть русскаго происхожденія, хотя это и не предполагается выразить въ самомъ уставѣ. Гминные суды будутъ избираемы сходомъ на 3 года; члены ихъ должны быть грамотные. Гминный войтъ сохранить только административную власть; предсѣдательствовать же въ гминномъ судѣ будетъ одинъ изъ членовъ, который и получитъ названіе гминнаго судьи. Хотя члены и предсѣдатель гминнаго суда, такимъ образомъ, выборные, но списки избранныхъ лицъ проходятъ три инстанціи, именно уѣздный начальникъ представляетъ ихъ къ губернатору, который избранныхъ можетъ и не допустить, буде встрѣтитъ къ тому какія-либо препятствія; наконецъ, списки восходятъ на утвержденіе старшаго предсѣдателя судебной палаты. Рѣшенія въ гминномъ судѣ постановляются по большинству голосовъ.

Относительно общихъ судебныхъ мѣстъ, уставы 1864-го года подвергаются въ царствѣ польскомъ слѣдующимъ существеннымъ измѣненіямъ: впредь до особаго распоряженія учрежденіе присяжныхъ засѣдателей вовсе не будетъ распространено на губерніи царства; въ составъ судебной палаты образуется особый департаментъ для рассмотрѣнія дѣлъ о преданіи суду и о прекращеніи слѣдствій. Несмѣняемость членовъ общихъ судебныхъ мѣстъ въ царствѣ распространяется *только на тѣхъ* предсѣдателей, товарищей ихъ и членовъ, которые прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ одной изъ этихъ должностей или въ прокурорской должности въ судахъ имперіи, т.-е. въ варшавскаго округа. Въ силу этого постановленія, еслибы въ число

членовъ, напр., судебной палаты или окружныхъ судовъ и были допущены мѣстные университетскіе юристы, то они будутъ смѣняемы, а несмѣняемые члены будутъ только тѣ, которые переведены изъ имперіи. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ вовсе не образуются, а совѣты и товарищества судебныхъ приставовъ не образуются впредь до особаго распоряженія.

Компетенція мировыхъ судовъ и гминныхъ судовъ въ царствѣ нѣсколько понижается противъ существующей въ имперіи, а именно имъ подлежатъ иски по личнымъ обязательствамъ, договорамъ и о вознагражденіи за ущербъ и убытки не свыше 250 р. За то вѣдомство гминнаго суда въ порядкѣ уголовномъ расширяется противъ нынѣшнѣго, а именно гминнымъ судамъ, какъ и мировымъ судьямъ въ царствѣ, будутъ подлежать проступки, за которые опредѣляются слѣдующія наказанія: выговоры, штрафы не свыше 100 рублей, арестъ не свыше мѣсяца и тюремное заключеніе не свыше года. Гминный судъ будетъ всесловнымъ судомъ внѣ городовъ. Рѣшительное большинство въ немъ, разумѣется, составятъ крестьяне. Въ городахъ же, гдѣ населеніе внушаетъ менѣе довѣрія, судъ будетъ отправляться мировыми судьями, назначаемыми правительствомъ изъ лицъ неполяскаго происхожденія. При допросѣ въ судахъ свидѣтелей католическаго исповѣданія, они приводятся къ присягѣ однимъ изъ членовъ суда, католикомъ же, но не священникомъ.

Все вообще судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго округа будетъ происходить на русскомъ языкѣ. По дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры, подлежащимъ разсмотрѣнію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, судьи должны быть изъ лицъ православнаго исповѣданія. Министру юстиціи предоставляется, съ высочайшаго разрѣшенія, переносить сужденіе дѣла, вмѣсто того окружнаго суда, которому оно должно бы подлежать по мѣстности, въ другой, по его назначенію, причемъ имѣется въ виду, что мѣстный судъ, въ какомъ-либо случаѣ, будетъ внушать недовѣріе. Наконецъ, замѣтимъ, что настоящая реформа касается собственно судопроизводства, такъ какъ матеріальнымъ гражданскимъ правомъ въ царствѣ пока останется по прежнему наполеоновъ кодексъ. Со смысломъ главныхъ этихъ отступленій, а также съ нѣкоторыми предположеніями еще неупомянутыми, мы познакомимся сейчасъ, при обсужденіи каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Мы уже замѣтили, что въ примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ царства участвуютъ соображенія юридическія и политическія, и что эти двоякаго рода соображенія не слиты воедино, какъ то было бы естественно, а наоборотъ являются какъ бы во взаимномъ antagonismѣ, изъ чего и можетъ возникнуть опасеніе, какъ бы политическая дѣль, лишивъ судъ многихъ его достоинствъ, тѣмъ самымъ не сдѣлала

бы его безплоднымъ и въ самомъ политическомъ смыслѣ. Мы едва ли ошибемся, если охарактеризуемъ мысль о необходимости введенія судебныхъ уставовъ въ царствѣ вмѣстѣ съ существенными ихъ видоизмѣненіями, слѣдующимъ образомъ: судебное вѣдомство въ царствѣ, издавна слитившееся въ особую корпорацію и воспитавъ подъ своимъ вліяніемъ нѣсколько поколѣній личнаго состава, сохраняетъ и донинѣ въ общемъ характерѣ своей дѣятельности тенденціозное и несогласное съ видами правительства направленіе, при которомъ мѣстное населеніе привыкло видѣть въ судебныхъ обрядахъ и формахъ пути къ возможному огражденію отъ уголовной или гражданской отвѣтственности югда къ ней привлекается кто-либо по инициативѣ правительственныхъ властей или лицъ, не пользующихся расположеніемъ враждебнаго правительству партій. Вотъ почему, скажутъ намъ, и предпринято даніе судебной части въ царствѣ новое устройство, при которомъ судебное вѣдомство, какъ предполагается, должно получить совершенно иной характеръ, должно служить однимъ изъ твердыхъ основаній правительственнаго вліянія въ краѣ и своею строго-законною и благонамѣренною дѣятельностью постоянно свидѣтельствовать о томъ, что только нормальныя отношенія къ правительству мѣстнаго населенія ограждаютъ его спокойствіе, безопасность и многосторонніе интересы.

Но для того, чтобы новый судъ въ царствѣ сталъ на эту высоту, очевидно, прежде всего необходимо, чтобы онъ тамъ, какъ и вездѣ, не былъ орудіемъ мѣстной администраціи; какъ такое орудіе, судъ все-равно никогда не сравнится съ дѣйствительностью простыхъ полицейскихъ органовъ, а между тѣмъ повредитъ прежде всего самому себѣ и затѣмъ окажется неспособнымъ и для достиженія высшей политической цѣли, которой не должно никогда смѣшивать съ мелочными полицейскими цѣлями. Представимъ себѣ, что новый судъ былъ бы таковъ, что каждое отдѣльное дѣло онъ рѣшалъ бы въ смыслѣ желаній мѣстныхъ административныхъ властей (такъ какъ къ этому въ концѣ концовъ сводится дѣло). Положимъ, онъ, такимъ образомъ, и сдѣлался бы дѣйствительнымъ орудіемъ администраціи, но можно ли сказать, что въ такомъ случаѣ онъ сталъ бы „твердымъ основаніемъ правительственнаго вліянія въ краѣ“? Очевидно, нѣтъ, потому что упроченіе правительственнаго вліянія въ краѣ есть уже такая высокая политическая цѣль, которая совершенно различна отъ мелочныхъ полицейскихъ преувѣщаній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самой имперіи и освобожденіе крестьянъ, и сама судебная реформа, въ политическомъ смыслѣ, были чрезвычайно выгодны для правительственнаго вліянія, высоко подняли авторитетъ правительства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, реформы эти никакъ не расширили вліянія полиціи и вообще администраціи на ходъ отдѣльныхъ дѣлъ, а совсѣмъ наоборотъ.

Если же новый судъ въ царствѣ, какъ того слѣдуетъ желать, не

станетъ орудіемъ администраціи, а будетъ подпорою правительственной вліянія именно своей строго-законной и благонамѣренной дѣятельностью, въ такомъ случаѣ, хотя бы онъ весь состоялъ изъ лицъ русскаго происхожденія, онъ будетъ все-таки, хотя до нѣкоторой степени, отличаться неотъемлемымъ качествомъ хорошаго суда—самостоятельностью, независимостью отъ полицейскихъ властей. И тогда, очень вѣроятно, что и на него возникнутъ со стороны полицейскихъ агентовъ нареканія въ „тенденціозности и несогласномъ съ видами правительства направленіи“, какъ то свидѣлствуется о дѣятельности нѣкоторыхъ польскихъ судовъ въ царствѣ нѣкимъ инымъ, какъ именно полиціею же. Развѣ мы не слыхали подобныхъ нареканій и на наши полиціе суды?!

Вотъ гдѣ, намъ кажется, главная меля, которой желательно бы избѣгнуть при обсужденіи этой реформы, а именно, смѣшенія цѣлей, какъ ихъ можетъ понимать полиція, и какъ ихъ можетъ понимать правительство. Между тѣмъ, именно этимъ смѣшеніемъ и объясняется устраненіе въ судахъ царства начала несмѣняемости судей. Затѣмъ, устраненіе института присяжныхъ объясняется въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что между различными народностями, населяющими царство, существуетъ сильный антагонизмъ, и что допущеніе народнаго и мѣстнаго элемента въ суды по тяжкимъ преступленіямъ могло бы, подвліяніемъ политическихъ страстей, которыя еще далеко не успокоились, повести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ произнесенію неправильныхъ приговоровъ. Замѣчательно, что по слухамъ, ни въ одной изъ инстанцій разсматривавшихъ это дѣло, не возникло столь естественнаго возраженія, что по дѣламъ о грабежѣ, убійствѣ, поджогѣ и т. д. всѣ національности, очевидно, будутъ согласны между собою, и что правительственнаго интереса въ такихъ дѣлахъ вовсе быть не можетъ. Но сверхъ того недовѣріе, прямо выраженное къ *народному* элементу устраненіемъ суда присяжныхъ, едва ли не противорѣчитъ всѣмъ тѣмъ полновѣснымъ доводамъ, какіе, какъ мы слышали, приводились въ свое время и покойнымъ Н. А. Милутинымъ и большинствомъ членовъ соединеннаго присутствія въ пользу всесловности гминныхъ судовъ; вѣдь доводы эти въ сущности сводились къ тому, что все зданіе преобразованій въ царствѣ, вся политика (не полицейская—мелочная, а истинная), принятая правительствомъ, основаны именно на мысли о *доверіи* къ большинству народа. Если опасались въ составѣ присяжныхъ слишкомъ большаго вліянія элементовъ враждебныхъ правительству (хотя впрочемъ, при чемъ будетъ правительство въ такихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ суду присяжныхъ по нашимъ законамъ?), то можно было значительно понизить цензъ, и тогда большинство присяжныхъ въ каждой губерніи были бы крестьяне. Скажутъ—крестьяне мало образованы. Но вѣдь они же будутъ судьями въ всесловныхъ

гминныхъ судахъ, а кто можетъ быть судьей, тотъ, тѣмъ болѣе, можетъ быть присяжнымъ. Институтъ присяжныхъ устраняется можетъ быть и прямо потому, что интересы русскаго населенія должны, будто бы, положительно пострадать отъ того, что обыкновенный составъ присяжныхъ образовывался бы изъ мѣстныхъ жителей, которые могли бы жертвовать интересами правосудія удовлетворенію чувствъ народной вражды. Какъ согласить это съ той основной мыслью, которая послужила краеугольнымъ камнемъ всей политики правительства въ царствѣ съ 1864-го года, а именно, что противъ Россіи враждуетъ въ Польшѣ не народъ, а только шляхетское меньшинство? Какъ согласить то же воззрѣніе съ отсутствіемъ вражды польскихъ гминныхъ судовъ къ русскимъ, живущимъ въ краѣ, съ охотою польскихъ крестьянъ учиться по-русски и отсутствіемъ вражды съ ихъ стороны къ русскимъ школамъ, однимъ словомъ, со всѣми извѣстными фактами? Такимъ образомъ, и устраненіе (отчасти) начала несмѣняемости судей, и учрежденія присяжныхъ, представляется намъ не только отступленіемъ отъ юридическихъ интересовъ дѣла, но и прямымъ противорѣчіемъ высшей политикѣ, принятой правительствомъ подъ вліяніемъ опасеній не политическаго, а собственно гораздо менѣ важнаго и болѣе блззрукаго свойства, именно опасеній бюрократическихъ.

При отсутствіи въ извѣстной мѣрѣ начала несмѣняемости судей, при устраненіи выборнаго характера судей мировыхъ, то-есть городскихъ, при отсутствіи института присяжныхъ и при всѣхъ остальныхъ отступленіяхъ отъ смысла нашихъ судебныхъ уставовъ въ пользу усиленія власти административной, какую же собственно выгоду можетъ представить введеніе въ царствѣ судебной реформы для правительства и для большинства польскаго народа, которыхъ интересовъ мы не отдѣляемъ и не можемъ отдѣлять, не противорѣча той основной мысли, которой представителемъ былъ покойный Милютинъ? Посмотримъ, въ чемъ же будетъ заключаться тутъ выгода.

Судебная реформа устранить нынѣшніе суды въ царствѣ. Но русскій судъ, которымъ она замѣнитъ судъ польскій, будетъ, несмотря на всѣ ограниченія, все-таки самостоятельнымъ послѣдняго, который былъ уже совершенно подчиненъ администраціи. Если бы этотъ русскій судъ обратился въ простое орудіе администраціи, то онъ лишился бы всякаго значенія и все-таки менѣ достигалъ бы цѣли собственно полицейской, чѣмъ простое полномостіе администраціи, нынѣ существующее. Если же этого не будетъ, то и русскій судъ окажется въ дѣйствительности неподатливымъ на всѣ ожиданія и требованія мѣстныхъ административныхъ начальствъ. Въ порядкѣ мировыхъ установленій, будетъ дѣйствовать внѣ городовъ судъ польскій, а именно общесословный гминный судъ. Но онъ существуетъ и теперѣ въ царствѣ общесословнаго, и различіе будетъ только въ томъ, что съ рас-

переніемъ его компетенціи онъ замѣнить собою отчасти власть административную, и именно бывшихъ комиссій и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ съ одной стороны, и мѣстныхъ полицейскихъ частей съ другой. Это будетъ во всякомъ случаѣ выгода, и вообще трудно убѣдиться, что во всемъ проектѣ судебной реформы наиболѣе удовлетворительна именно та часть, которая относится къ образу жизни гминныхъ судовъ, то-есть именно та, въ которой политическая роль избираетъ себѣ средствомъ не отступленіе отъ самостоятельности суда, а напротивъ полное ея осуществленіе. Нѣкоторыми противорѣчіями этой главной мысли здѣсь являются только троскратный административный просмотръ выборныхъ списковъ, означающій опять недоувѣріе въ дѣлѣ, которое имѣетъ руководящею политическою мыслью именно довѣріе. Сверхъ того предполагается изъять отъ подсудности гминнымъ судамъ всѣ лица, состоящіе на государственной службѣ. Въ пользу этого послѣдняго ограниченія нельзя привести ничего кромѣ опять-таки предположенія, что и крестьяне польскіе непремѣнно враждебны къ русскому чиновнику; но въ такомъ предположеніи, по крайней мѣрѣ, всѣ преобразованія, основанныя на надежности крестьянъ, казались бы ошибочными.

Но учрежденіе гминныхъ судовъ, каковы бы ни были его дѣйствительныя достоинства, существуетъ и теперь, стало бытъ тутъ нынѣшняя реформа не вводитъ никакого новаго начала. Затѣмъ, какія еще выгоды принесетъ она? Она поведетъ къ изъятію дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ царствѣ изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ; она нѣсколько ограничитъ карательную власть губернаторовъ и полиціи. Все это имѣло бы большое значеніе, еслибы суды вводились въ царствѣ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ имперіи. Но при отсутствіи начала несмѣняемости судей, много ли будетъ пользы кому бы то ни было собственно оттого, что судить государственныя преступления будутъ лица штатскія, а не военныя? А будетъ ли губернаторъ, а также и полиція, и впредь облечены карательной властью, это къ сожалѣнію предполагалось и нынѣ оставить „открытымъ“ вопросомъ. Нельзя не признать нѣсколько странною такую судебную форму, которая сохраняетъ карательную власть за полиціей. Но положимъ, это будетъ отмѣнено современемъ, и тогда полиція уже не будетъ налагать штрафовъ за какое-либо дѣйствіе, въ которомъ усматривается политическій оттѣнокъ, напр., за незажженіе или поминаніи. Но если полицейскія правила по такимъ предметамъ будутъ кодифицированы въ особое уложеніе, какъ то сдѣлано для западнаго края, то такіе штрафы будетъ налагать мировой судья, который, будучи и назначающимъ и увольняемымъ административной властью, точно такой же чиновникъ, какъ и уѣздный начальникъ. А между тѣмъ мелочныя придиранія до такой степени бывають таковы, что едва ли всякое населе-

ніе, гдѣ бы то ни было, не предпочло самое удержаніе государства ныхъ преступленій въ вѣдѣніи военныхъ судовъ, существованію этихъ ни къ чему не ведущихъ притязательствъ мелкихъ властей то по поводу плошекъ, то по такому поводу, что кто-нибудь на улицѣ не поклонился намѣстнику (за что городовые въ Варшавѣ тотчасъ арестуютъ). Эти притязательства подають широкое поле лицепріятію представляющихъ ихъ низшихъ агентовъ, и служатъ собственно только для удовлетворенія ихъ личныхъ побужденій, личной мести, а ужъ конечно не соотвѣтствуютъ высшей цѣли политической. Достаточно, казалось бы, запретить демонстраціи, въ формѣ народныхъ сборищъ, прекратить сужденіе о шляпахъ то одного, то другого фасона и т. п. мелочатъ. Неужели и мировымъ судьямъ придется въ самомъ дѣлѣ судить людей „за ношеніе шляпы, которой форма, будучи неупотребительна тѣмъ самымъ внушаетъ справедливое подозрѣніе въ неблагонадежность“—какъ то дѣлалось доселѣ?

Остается стало быть одна выгода предполагаемой реформы, имен но, что съ примѣненіемъ нашихъ судебныхъ уставовъ къ царству польскому все производство въ тамошнихъ судебныхъ установленіяхъ будетъ происходить на русскомъ языкѣ. Въ теоретическомъ смыслѣ несомнѣнно, что всякое расширеніе господства русскаго языка есть выгода для русскаго государства. Но съ другой стороны нѣтъ также сомнѣнія, что на практикѣ и самыя надежныя средства должны быть подчинены прежде всего вопросу о цѣлесообразности и своевременности. Напр., еслибы ввести русскій языкъ въ суды Финляндіи, то какъ ни заманчива казалась бы такая мѣра въ теоріи, на практикѣ она очевидно принесла бы русскому государству не пользу, а вредъ. Чтобы взвѣсить практическія условія въ данномъ случаѣ, относительно царства, посмотримъ, чѣмъ доказываютъ необходимость введенія въ тамошніе суды исключительнаго господства русскаго языка. Необходимость этой мѣры доказывается обыкновенно троякимъ соображеніемъ: во-первыхъ, тѣмъ, что русскій языкъ уже господствуетъ съ 1864-го года во всей администраціи царства и что изученіе его, при существованіи 1,800 начальныхъ училищъ въ царствѣ, идетъ съ большимъ успѣхомъ, при ревностномъ стремленіи самого сельскаго населенія; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ виду всѣхъ принятыхъ доселѣ мѣръ къ доставленію русскому языку господства въ царствѣ, оставлять польскій языкъ въ судахъ значило бы идти назадъ; въ-третьихъ, тѣмъ, что введеніе русскаго языка въ суды само послужить могущественнымъ средствомъ къ усвоенію этого языка всѣмъ населеніемъ царства. Вотъ, вѣроятно, почему и предполагается вести судебное производство во всѣхъ инстанціяхъ не иначе какъ на русскомъ языкѣ, съ допущеніемъ, конечно, показаній свидѣтелей и подсудимыхъ на польскомъ языкѣ, и съ причисленіемъ къ судамъ переводчиковъ, которые будутъ передавать подсудимымъ обра-

жаемые къ нимъ вопросы и т. д. Но изъ трехъ приведенныхъ соображеній, первое очевидно не совсѣмъ вяжется съ послѣднимъ. Если успѣхи русскаго языка въ царствѣ польскомъ въ самомъ дѣлѣ уже теперь таковы, что всѣ судебныя отправленія могутъ быть безъ нарушенія ихъ правильности производимы на русскомъ языкѣ; если можно допустить, напр., что всякій обвиняемый, слыша обвинительную рѣчь на русскомъ языкѣ, будетъ понимать всѣ пункты обвиненія, и всѣ нѣрѣдко тонкія различія въ приписываемой ему степени виновности, въ такомъ случаѣ введеніе русскаго языка само по себѣ возможно, но уже нѣтъ нужды говорить тогда, что надо ввести русскій языкъ въ судъ, чтобы заставить учиться по русски. А если положеніе дѣла таково, что требуется сдѣлать русскій языкъ исключительнымъ языкомъ не только администраціи, но самого суда, потому что безъ этого населеніе не станетъ учиться по-русски, въ такомъ случаѣ знаніе русскаго языка въ населеніи царства, значитъ, слабо въ настоящее время. Но если такъ, то не будетъ ли стѣснена вся правильность судопроизводства въ новыхъ судахъ, если обвиняемый въ большинствѣ случаевъ не будетъ понимать ни обвиненія, ни рѣчей своего защитника, ни рѣчей адвокатовъ противной стороны, не будетъ въ состояніи слѣдить за ходомъ судебного слѣдствія, и наконецъ, по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ все равно, даже ознакомиться по книгѣ съ новыми формами судопроизводства? Одно, легкое дѣло, сказать, исходя изъ теоріи, что officialномъ языкѣмъ въ государствѣ долженъ быть одинъ языкъ; но дѣло иное, болѣе трудное, — судить чловека на неизвѣстномъ ему языкѣ и спрашивать свидѣтелей, въ показаніяхъ которыхъ важно иногда одно слово — посредствомъ переводчиковъ, которые будутъ передавать ихъ слова въ импровизированномъ переводѣ, такъ какъ буквальный переводъ устныхъ показаній невозможенъ.

Боямся, что подобныхъ затрудненій представится не мало. Каковы бы ни были успѣхи 1,800 начальныхъ школъ въ царствѣ, естественно предположить, что 5-ти-милліонное населеніе не могло научиться по-русски съ 1864 года; то поколѣніе, которое сдѣлало большіе въ немъ успѣхи, нынѣ еще не будетъ являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и обвиняемыхъ. Въ такомъ случаѣ, могутъ сказать намъ, введеніе нынѣ же русскаго языка въ суды хорошо тѣмъ, что заставить всѣхъ научиться по-русски. Но что же будетъ происходить въ судахъ пока это произойдетъ, спросимъ мы въ свою очередь. Мало того. Вѣрно ли и само предположеніе, что господство русскаго языка въ судѣ заставить всѣхъ научиться по-русски? Польша прошла чрезъ такое время, когда въ судѣ господствовалъ языкъ латинскій, однако же народъ по-латыни не научился. Въ Финляндіи, какъ справедливо могутъ замѣтить, до нынѣшняго царствованія дѣла въ судахъ и полицей-

скихъ, ближайшихъ къ крестьянамъ управленіяхъ, производились въ теченіи вѣковъ по-шведски и, несмотря на то, крестьяне шведскому языку не выучились. Въ нынѣшнее царствованіе весьма мудро разрѣшено производить эти дѣла на финскомъ языкѣ, который крестьяне сохранили несмотря на вѣковое преслѣдованіе со стороны шведскаго правительства, несмотря и на то, что шведы первоначально имѣли дѣло съ народомъ полудикимъ и сообщили ему свою культуру.

Тѣмъ менѣе возможно ожидать, что обрусеніе въ предѣлахъ царства совершится въ такомъ смыслѣ, что 5-ти-милліонное населеніе, давно достигшее извѣстной культуры, забудетъ свой языкъ и усвоитъ себѣ вмѣсто него языкъ русскій. А самое знаніе русскаго языка, если не обставлено другими условіями, развѣ внушаетъ преданность къ Россіи? Но въ такомъ случаѣ польское дворянство и чиновничество въ западномъ краѣ должны бы быть самыми преданными слугами Россіи, такъ какъ уже два поколѣнія ихъ поголовно знали въ совершенствѣ русскій языкъ, въ то время когда явились Стравовскій и Нарбутъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, знаніе русскаго языка не есть ли новое орудіе противъ русскихъ, новая маска, за которой удобнѣе скрываться недоброжелателямъ? Допустимъ даже невѣроятное; допустимъ, что весь народъ въ Польшѣ современемъ забудетъ свой языкъ и усвоитъ себѣ языкъ русскій; и это бы было еще далеко не все, даже далеко не *малое*: въ Ирландіи господствуетъ англійскій языкъ, и феніи по-англійски проповѣдуютъ возстаніе противъ Англіи, а населеніе одобряетъ ихъ мятежными криками на англійскомъ же языкѣ.

Вообще, относительно задачи обрусенія намъ кажется, что задачу эту не слѣдуетъ дѣлать трудною до невозможности, вслѣдствіе чрезмернаго расширенія. Западный край обрусить можно, потому что народъ тамъ и безъ того русскій, но Польшу обрусить слишкомъ трудно, и потому вмѣсто того, чтобы дѣйствовать тамъ въ этомъ смыслѣ почти безъ надежды на успѣхъ, но рискуя расположить противъ себя и крестьянское большинство, на которое мы рассчитываемъ, вѣрнѣе было бы кажется обезпечить себѣ преданность этого крестьянства, не касаясь его національности. Совсѣмъ другое дѣло — въ западномъ краѣ. Но включая въ задачу обрусенія самую Польшу, мы пожалуй не обрусимъ и западнаго края.

Вотъ почему намъ кажется, что едвали въ судахъ въ царствѣ не выгоднѣе было бы оставить по прежнему мѣстный языкъ. Возраженіе, что поступить такъ, значило бы *идти назадъ*, не имѣетъ вѣса; оставить въ судахъ языкъ польскій значило бы оставить *statu quo*, и это нисколько не могло бы повредить авторитету правительства, такъ какъ судъ стоитъ совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ обществу, чѣмъ администрація; ему въ значительной степени присущъ характеръ именно общественный. Когда же говорить, что это значило бы *идти на-*

затѣ, то можно подумать, что доселѣ языкомъ суда въ царствѣ былъ языкъ русскій и что нынѣ предлагается замѣнить его польскимъ.

Если же и самая выгода введенія русскаго языка въ судопроизводство при предполагаемой судебной реформѣ въ царствѣ подлежить сомнѣнію, то что же останется отъ нея затѣмъ? Одинъ гминный общесословный судъ, учрежденіе превосходное и вполнѣ соответствующее мысли, принятой въ основу всей политики въ царствѣ. Но вѣдъ гминный судъ существовалъ въ томъ же смыслѣ и до сихъ поръ, и теперь предполагается только расширить кругъ его вѣдѣнія. Но такой результатъ практическаго разбора предполагаемой реформы не можетъ не привести къ искреннему желанію, чтобы изъ проекта ея были устранены всѣ главнѣйшія отступленія отъ смысла и характера нашихъ судебныхъ уставовъ. Сами по себѣ, какъ всякое культурное начало, они могутъ служить превосходнымъ средствомъ высшей политики, то-есть интереса истиннаго, а не наружнаго только объединенія. Но судебныя учрежденія, лишенные главныхъ своихъ гарантій, а тѣмъ болѣе поставленныя въ зависимость отъ администраціи, были бы лишены силы, и являясь въ такомъ видѣ на границахъ Пруссіи и Австріи, не выдерживали бы никакого сравненія съ тамошними судами.

Замѣчательно, что при обсужденіи проекта настоящей реформы въ разныхъ административныхъ инстанціяхъ, всего болѣе возраженій, дошедшимъ до насъ слухамъ, вызвала самая безспорно-лучшая часть его, а именно организація гминныхъ судовъ. Возставали противъ удержанія за ними всесословнаго характера, доказывали ихъ неудовлетворительность, даже неблагонадежность въ политическомъ отношеніи, такъ что самому дѣятелю крестьянской реформы въ краѣ пришлось защищать это учрежденіе. Въ запискѣ Н. А. Милютина по этому предмету, которую мы имѣли случай прочесть, весьма сильными доводами опровергается подчиненіе гминныхъ судовъ административной власти; авторъ находилъ, что даже въ нынѣшнемъ проектѣ заключается еще много такихъ правилъ, которыя обнаруживаютъ какъ-бы особенное недовѣріе къ составу этихъ судовъ. Такъ, напр., указывалъ онъ на то обстоятельство, что выборное начало стѣснено правомъ губернатора не утверждать выборныхъ по личному усмотрѣнію, что по замѣчанію автора очевидно сводится къ личному усмотрѣнію уѣзднаго начальника, которому сверхъ того предоставляется право отмѣнять произведенные выборы и назначать новые. „Такимъ образомъ“, говоритъ авторъ, „выборы входятъ въ полную силу лишь послѣ послѣдовательнаго утвержденія ихъ тремя самостоятельными лицами (третье — предсѣдатель судебной палаты), дѣйствующими въ этомъ отношеніи независимо другъ отъ друга“.

Въ заключеніе сдѣлаемъ краткій обзоръ принциповъ, принятыхъ съ 1864-го года для преобразованій въ царствѣ польскомъ; этотъ

обзоръ уяснить намъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ идти впередъ уяснить, что цѣлесообразно, и что противорѣчило бы цѣли. Основное взгляды этой политики формулируется слѣдующими словами Н. Миллютина: „Правительство постоянно имѣло въ виду, что прочное основаніе русскому дѣлу въ Польшѣ можетъ быть положено лишь кореннымъ переустройствомъ тѣхъ, находящихся *въ самомъ царствѣ* зачатковъ, преуспѣяніе и перевѣсъ которыхъ были бы благопріятны для Россіи, и поставленіемъ этихъ зачатковъ въ такія условія, при которыхъ они могли бы свободно и всецѣло развиваться, окрѣпить и противодѣйствовать элементамъ враждебнымъ Россіи.

„Окончательное пересозданіе края посредствомъ одного лишь не посредственного вліянія русскихъ административныхъ дѣятелей было бы не по силамъ русскому государству. Нельзя отъ имперіи ожидать того продолжительнаго напряженнаго усилія, которое бы потребовалось для совершеннаго обрусенія этимъ путемъ одной изъ ея окраинъ.

„Въ Россіи нѣтъ избытка дѣятелей, въ нихъ слишкомъ чувствуется недостатокъ и для ея внутреннихъ домашнихъ дѣлъ, и рано или поздно административная власть, созданная нынѣ для укрѣпленія русскаго вліянія въ царствѣ, можетъ легко, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ низшихъ своихъ ступеняхъ, наиболѣе соприкасающихся съ народною жизнью, ускользнуть и попасть въ руки наиболѣе враждебнаго класса мѣстной шляхты.

„Руководясь этими соображеніями, правительство рѣшилось *призвать себя въ помощь*, къ самостоятельной жизни, такіе *мѣстныя* народныя силы, которыя, развившись и окрѣпнувъ подъ русскимъ вліяніемъ, могли бы съ успѣхомъ въ послѣдствіи *сами* непосредственно противостать польско-шляхетскому направленію“.

Таковъ былъ смыслъ всѣхъ коренныхъ преобразованій, сдѣланныхъ въ царствѣ польскомъ съ 1864-го года. Указъ 19-го февраля того года предоставилъ крестьянамъ поземельную собственность, а другой указъ отъ того же числа далъ имъ нынѣшнее гминное устройство, причемъ гминный судъ, въ которомъ большинство составили крестьяне, получилъ юрисдикцію надъ „всеми лицами, имѣющими въ предѣлахъ гмины постоянное или только временное пребываніе“. Затѣмъ послѣдовали дѣятельныя мѣры къ распространенію въ народѣ образованія. Наконецъ, все съ той же цѣлью, по силѣ указа 1-го іюня 1869-го года, изъ числа 452-хъ городовъ царства 336 были обращены въ посады съ устройствомъ въ нихъ сельскаго гминнаго управленія, причемъ наибольшая часть этихъ посадовъ, а именно 280 изъ нихъ были приурочены къ сосѣднимъ съ ними сельскимъ гминамъ, такъ что въ настоящее время въ царствѣ осталось только 116 такихъ административныхъ единицъ, къ которымъ органическій законъ о гминахъ управленія не примѣняется. При такихъ условіяхъ, есть ли основаніе

устроить учрежденіе присяжныхъ, хотя бы и самыя земскія учрежденія, въ которыхъ преобладаніе, очевидно, принадлежало бы крестьянамъ?

Итакъ, цѣль русской политики есть пересозданіе царства польскаго, не обрусеніе его административными средствами, но созданіе въ немъ сильной народной же, то-есть польской, но такой среды, которая была бы союзницею обезпечивающаго ея благосостояніе правительсва. По этой программѣ и въ Польшѣ мы должны опираться не на административное давленіе, а на расположеніе большинства народа, рассчитывать не на созданіе искусственной Руси въ Польшѣ, но на естественную, уже имѣющуюся народную Польшу, отъ которой мы имѣемъ ожидать союза съ нами, если обезпечиваемъ ея благосостояніе. Итакъ, основная мысль нашей политики есть все-таки *доверіе* *союзъ*, а не одно принужденіе. Стало быть всякое стремленіе коупаться самою національности польскаго крестьянина, напр., насильственно устранить его языкъ, или подчинить его общественную дѣятельность полновластію чиновниковъ, само по себѣ уже совершенно противорѣчило бы основной цѣли нашей политики, возбуждая противъ насъ народъ. Это такъ вѣрно, что тѣмъ, кто оспаривалъ расширеніе компетенціи гминныхъ судовъ приходилось прямо подкапывать въ убѣжденіе, на которомъ основалась вся наша политика и доказывать, будто „есть много поводовъ предполагать, что воспоминаніе (въ крестьянской средѣ) о мятежѣ и о лицахъ, принимавшихъ въ немъ участіе, изгладится, исчезнетъ быть можетъ и память о дарованныхъ правительствомъ милостяхъ“. Въ доказательство приводилось, что и теперь уже въ составѣ гминныхъ судовъ есть 15% сословій некрестьянскихъ. Но если думать такъ, то, повторяемъ, надо сломать все старое, и оставить въ царствѣ только неограниченный просторъ административной полиціи. И это было признано мнѣніемъ, одержавшимъ верхъ во время разсмотрѣнія вопроса въ одной изъ инстанцій; было признано, что „еслибы эта мысль указовъ 19-го февраля 1864 года (т.-е. союзъ съ польскимъ крестьянствомъ) не осуществилась, или еслибы то, что въ настоящее время сдѣлано, было вновь потрясено, то русской власти въ царствѣ не осталось бы другой опоры, кромѣ военной силы. Что же касается до другой стороны дѣла, а именно, то въ составѣ гминныхъ судовъ вошли и нѣкоторые лица изъ мѣстныхъ образованныхъ классовъ, то въ этомъ не только нѣтъ повода къ недовѣрію противъ гминныхъ судовъ, но напротивъ усматривается элементъ въ высшей степени утѣшительное. Оно доказываетъ, что мысль, руководившая всею реформою въ царствѣ, начинаетъ осуществляться, что въ средѣ мѣстной интеллигенціи начинаютъ появляться люди, которые вмѣсто того, чтобы предаваться несбыточнымъ мечтамъ, вступаютъ на поприще практической общественной жизни, открытой

имъ правительствомъ. Еслибы не было этого явленія, которое ни какъ-бы поставляется въ укоръ гминнымъ судамъ, *то с тѣмъ-то* отказаться отъ надежды упрочить русскую власть въ польскомъ краѣ. И это мнѣніе высказано со стороны, которую никто, ни даже сами требовательные патриоты не заподозрять въ недостаткѣ преданности русскому дѣлу вообще. Итакъ, вотъ какой путь самъ собою выкается изъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе нашей политическаго союза съ польскимъ крестьянствомъ, посредствомъ обезпеченія ея интересовъ, и предоставленіе самой польской интеллигенціи вступить въ этотъ союзъ, признавъ его основанія и условія. Такая программа прямо исключаетъ всякое намѣреніе разрушить самую польскую національность въ царствѣ, а стало быть и всѣ попытки въ этомъ смыслѣ должны быть разъ навсегда оставлены, чтобы не путать дѣла.

Такъ какъ мы коснулись вопроса о національныхъ особенностяхъ, то кстати будетъ обратить вниманіе и на тотъ общественный фактъ, въ которомъ отражается одинъ изъ яркихъ видовъ все еще обнаруживающейся у насъ нераціональной, слѣпой антипатіи къ нашимъ согражданамъ не-русскаго происхожденія вообще. Нельзя, къ сожалѣнію, скрыть отъ себя, что по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ успѣхами умственнаго развитія, русская народность громадная, могущественная и природно-умная, но еще не привыкшая рациональнымъ образомъ провѣрять свои инстинкты и согласовывать ихъ требованія одно съ другимъ, такъ чтобы они одно другому не противорѣчили—нерасположена къ инородцу просто за то, что онъ—породецъ, а сверхъ того, за то именно, что онъ, встрѣчаясь съ такимъ нерасположеніемъ, замыкается въ своемъ кружкѣ—ненавидитъ его. Для большинства даже грамотнаго русскаго общества, полякъ все-таки еще „ляхъ“, нѣмецъ — „нѣмчурка“ или „шмерцъ“, финляндецъ—„чухна“, а еврей—„жидъ“. Это не просто бессмысленныя прозвища, сохранявшіяся по преданію отъ временъ „темнаго царства“. Нѣтъ, какъ сами элементы темноты и самодурства еще далеко не окончательно исчезли, такъ и слѣпая вражда ко всему „басурманскому“ у насъ и теперь еще тлѣетъ въ большинствѣ общества подъ испломъ, оставшимся отъ древняго безусловнаго невѣжества. Еслибы этого не было, то спекулянтамъ на разжиганіе антинаціональныхъ страстей, волонтерамъ гонимыхъ на ляха, нѣмца и жиды не было бы такъ легко въ самое короткое время сообщить такіе сильные толчки назадъ всѣмъ нашимъ общественнымъ стремленіямъ. Именно потому, что такое тлѣніе нибѣса еще на лицо и въ настоящее время, мы, шагнувъ отъ Булгарина къ Бѣлинскому и Добролюбову, съ такой непостижимой быстротой могли возвратиться опять къ Булгарину, возродивъ его въ новой формѣ, но съ

тѣмъ же содержаніемъ. Это есть органическая болѣзнь наша, и пока организмъ не очистится отъ нея болѣе прочнымъ и глубокимъ леченіемъ, на организмѣ этомъ быть можетъ еще не разъ будутъ, бы совершенно неожиданно, вскакивать булгаринскіе прыщи.

Подобное глѣніе, раздутое нѣкоторыми разсчетливыми спекулянтами дурные инстинкты, все еще держится и до сихъ поръ въ нѣсколько усиленной степени и выражается именно тѣмъ, что спекулянты продолжаютъ ими пользоваться для своихъ цѣлей. Такъ, напримеръ, до сихъ поръ всякія частныя общества земскія, промышленныя и инныя, продолжаютъ устранять „уроженцевъ западнаго края“ отъ всякихъ должностей и мѣстъ. Такъ и въ Одессѣ, и въ Сибири, въ Смоленской губерніи, и вездѣ, гдѣ только есть евреи, раздаются крики о еврейской эксплуатаціи, о скученности, наводненіи евреевъ, симпатіяхъ ихъ и т. п. До какой степени все это нераціонально и историко, къ какой бесплодной и безвыходной борьбѣ все это насъ приводитъ, должно быть очевидно для всякаго человѣка, привыкшаго думать, а не поддаваться одному гиканью. Сами мы не пускаемъ евреевъ селиться свободно по имперіи, сами замыкаемъ и скучиваемъ ихъ, сами исключаемъ ихъ изъ всякой дѣятельности, кромѣ коммерческой, и потомъ сами же жалуемся на эту замкнутость и скученность ихъ, кричимъ, что тамъ гдѣ они есть, они наводняютъ все собою; сами заставляемъ ихъ быть не чѣмъ инымъ, какъ торгашами, и потомъ жалуемся, что въ качествѣ торгашей они эксплуатируютъ насъ, точно также впрочемъ, какъ его эксплуатируютъ и русскіе „кулаки“. Замкнувъ ихъ въ извѣстныя мѣста, мы удивляемся, что они эти мѣста „наводняютъ“, и это обстоятельство толкуемъ такъ, что ихъ и вездѣ не слѣдуетъ пускать внутрь имперіи, а замыкать въ тѣ мѣста. Въ нашемъ отношеніи къ полякамъ является то же противорѣчіе, нигуда не ведущее: на государственную службу поляковъ не принимаютъ, въ общественную службу и даже въ промышленныя предпріятія ихъ не допускаютъ, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ принимаютъ только до условленнаго „штатнаго числа“ или „процента“; принимаются евреи, чтобы земельная собственность, даже въ царствѣ польскомъ, не переходила вновь въ ихъ руки, за исключеніемъ крестьянъ; въ самой Польшѣ стараются, за неимѣніемъ русскихъ колонистовъ, вытѣснять поляковъ колонистами нѣмцами. Что же происходитъ? Поляки, видя большинство профессій закрытыми для нихъ въ имперіи, а нѣкоторые и въ царствѣ, не имѣютъ возможности быть довольными своимъ положеніемъ; самые безобидные изъ нихъ по характеру, будучи отъ всего устранимы, легко увеличиваютъ своимъ громаднымъ контингентомъ число недовольныхъ по принципу, по политической мечтѣ; учиться они идутъ за границу и туда же толпами отправляются искать заработковъ, добывать хлѣбъ, такъ что прусское

правительство недавно приняло даже „особыя мѣры“ для отсылки назадъ тѣхъ изъ нихъ, которые не снабжены видами. Естественно, что такимъ образомъ въ огромныхъ размѣрахъ умножается, растетъ зло, которое уже сорокъ лѣтъ тяготеетъ надъ Польшею, имен—эмиграція. Эта эмиграція за границую, по необходимости, подпадаетъ подъ чисто-фанатическія вліянія, и при своей многочисленности, посредствомъ родственныхъ связей, оставленныхъ въ краѣ, поддерживаетъ въ немъ самыя крайнія убѣжденія и самыя несбыточные мечты. А между тѣмъ мы не можемъ не сознавать — что сознается и высшей правительственной средѣ, — что если поляки „вмѣсто того, чтобы предаваться несбыточнымъ мечтамъ, не начнутъ вступать въ поприще практической общественной жизни, то слѣдовало бы отказаться отъ надежды упрочить русскую власть въ царствѣ“.

Если же ближе присмотрѣться, откуда исходятъ вопли объ исключительности, кто пользуется оставшимся еще въ обществѣ тлѣніемъ національной вражды, то окажется, что поддерживается эта исключительность собственно такимъ мотивомъ, который съ политическими цѣлями не имѣетъ ничего общаго, а потому не мудро, что можетъ и противорѣчить имъ. Побужденіе это въ сущности то, что нѣмцы называютъ *Brodneid* — зависть въ кускѣ хлѣба, отбиваніе въ свою пользу заработковъ, такими искателями, которые, за отсутствіемъ другихъ правъ на хорошіе заработки, предъявляютъ на нихъ притязанія въ силу своего русскаго происхожденія и проповѣдуютъ полное включеніе инородцевъ для очищенія себѣ мѣсть. Одинъ-два такихъ искателя, получившіе въ какомъ-либо предпріятіи вліяніе, возводятъ эту уловку, которая ихъ самихъ вывелъ въ люди — въ общее правило, которое такъ и усваивается этому предпріятію тѣмъ легче, что и порядочные русскіе люди въ немъ стоящіе все еще легко поддаются на эту уловку, и готовы совершенно равнодушно смотрѣть, какъ на пути „чужого“ кладется камешекъ, о который онъ долженъ будетъ споткнуться. А о безцѣльности такого образа дѣйствій, о безвыходности, въ какую онъ насъ ставитъ по отношенію къ инородцамъ, которыхъ у насъ пятнадцать миллионъ душъ — никто и не думаетъ.

Что зависть въ кускѣ хлѣба сопровождаетъ не только инородецъ, но и русскаго, это несомнѣнно. Но если заработкомъ или мѣстомъ пользуется русскій, то отнять у него этотъ заработокъ можно только правильною конкуренціею: предъявляя болѣе знанія, умѣнья, усердія. Но если заработкомъ пользуется инородецъ, то есть болѣе дешевое средство: воззвать къ тлѣющему еще въ обществѣ чувству національной вражды, закричать: вездѣ у насъ поляки; напомнить знаменитые въ свое время „польскій ватихизисъ“ и „польскую интригу“ или предаться притворному отчаянію, что евреи „все наводнили собою“, захватили все въ свои руки и т. д. Уловка эта удастся въ примѣненіи

въ войнахъ почти всегда; въ примѣненіи къ нѣмцамъ гораздо рѣже; въ примѣненіи же къ евреямъ она удается въ томъ смыслѣ, что поддерживаетъ всю гражданскую неравноправность ихъ, а въ Одессѣ ей удается иногда отразиться и разграбленіемъ еврейскихъ магазиновъ. Въ Одессѣ эта „хлѣбная зависть“ можетъ проявляться тѣмъ рѣзче, что евреи только недавно получили въ тамошней торговлѣ преобладающее значеніе; греки и итальянцы, которыхъ громадные барыши уменьшились вслѣдствіе возвышенія евреями цѣнъ заработковъ и удешевленія цѣнъ хлѣба, конечно не простили имъ этого. Но вотъ любопытный фактъ, по поводу котораго мы повели эту рѣчь: Смоленской губерніи, повидимому, принадлежитъ честь перваго примѣненія враждебнаго относительно инородцевъ инстинкта къ устраненію конкуренціи по желѣзнодорожному предпріятію! Чтобы не допустить г. Варшавскаго до концессіи на скопинско-виземскую линію, выступаетъ первое расовое соображеніе. Изъ смоленскаго земства исходитъ ходатайство противъ г. Варшавскаго, опирающееся уже не на обыкновенныя средства конкуренціи—дешевизну, но на „высшее соображеніе“ о томъ, что евреямъ не слѣдуетъ предоставлять постройки желѣзныхъ дорогъ! Почему? Потому, конечно, что они тотчасъ „все вводятъ собою, спаиваютъ народъ“ и т. д. Г. Варшавскій возражалъ на это, что всѣ подрядчики и приващики при постройкѣ ими Смоленской дороги были православные; что кабаки устраивались правда въ большомъ числѣ, но устраивались самими землевладѣльцами и крестьянами Смоленской губерніи, которые такимъ образомъ спаивали своихъ братьевъ—рабочихъ г. Варшавскаго, ему же въ убытокъ. Но справедливо или нѣтъ возраженіе г. Варшавскаго, характеристиченъ самый фактъ: національный фетишизмъ, какъ новый приѣмъ въ примѣненіи къ желѣзнодорожной конкуренціи.

Куда поведетъ насъ подобная исключительность, если она продолжится еще неопредѣленное время—непонятно. Видя ту жадность, ту зависть, съ какою она въ дѣйствительности поддерживается, невольно спрашиваешь себя: развѣ у насъ въ самомъ дѣлѣ уже во всѣхъ отрасляхъ труда накопилась такая масса силъ, что имъ некуда дѣлаться и приходится поѣдать другъ друга? Мы устраняемъ, отчуждаемъ, замыкаемъ цѣлыя расы людей отъ разныхъ видовъ полезнаго странія труда, и въ то же самое время жалуемся на недостатокъ дѣятелей во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. У насъ недостаетъ техники, почти нѣтъ ученыхъ сельскихъ хозяевъ, въ самомъ Петербургѣ далеко не всѣ чиновники знаютъ правописаніе, а специалистовъ всѣхъ родовъ крайне мало, въ однихъ университетахъ нашихъ недостаетъ ста восьмидесяти пяти профессоровъ,—такова у насъ ширь, таковъ просторъ для работы, для заработковъ. А мы будто держимся пра-

вила: „чего не съѣсть родному, то пусть гниѣть, лишь бы не достало двоюродному“.

На недостатокъ, можно почти сказать, отсутствіе специально подготовленныхъ дѣятелей въ области сельскаго хозяйства жалуются насъ издавна. Но прежде, при крѣпостномъ трудѣ, оно было менѣе замѣтно, чѣмъ теперь. Нѣсколько правильныхъ соображеній по этому предмету мы находимъ въ докладѣ г. Шатилова, читанномъ въ одномъ изъ февральскихъ засѣданій комитета земледѣлія при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. По поводу предложенныхъ въ комитетѣ мѣръ къ распространенію специальныхъ познаній между сельскими хозяевами, а именно посредствомъ специальныхъ книгъ для народнаго чтенія, устройства образцовыхъ хозяйствъ и преподаванія странствующими учителями, авторъ замѣчаетъ, что всѣ эти мѣры частью уже являлись въ видѣ попытокъ, не принесшихъ ощутительной пользы. Между тѣмъ, сдѣлать нѣчто дѣйствительное для введенія болѣе рациональности въ наше сельское хозяйство тѣмъ болѣе необходимо, что по словамъ автора, „несмотря на мѣстное увеличеніе доходовъ народной платы, можно уже указать на нѣкоторые признаки приближающагося кризиса“. Откуда же ждать появленія новыхъ сельско-хозяйственныхъ дѣятелей, которые имѣли бы и нѣкоторую научную подготовку и уваженіе къ сельско-хозяйственному промыслу? Г. Шатиловъ не безъ основанія утверждаетъ, что ихъ нельзя ожидать отъ нашихъ классическихъ гимназій. „Наплывъ недоучившихся гимназистовъ“, говоритъ онъ, „преимущественно изъ трехъ высшихъ классовъ гимназій въ послѣдніе 2 - 3 года, у насъ въ провинціи уже довольно значителенъ; позволительно думать, что усиленіе научныхъ требованій по древнимъ языкамъ не содѣйствуетъ къ его уменьшенію“. Но эти недоучившіеся молодые люди, по словамъ автора, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ принимаются серьезно за дѣло уже потому, что вступаютъ въ дѣйствительную жизнь до надлежащей зрѣлости, и въ то же время уже испытавъ неудачу на первомъ предпріятіи въ своей жизни. Отъ реальныхъ училищъ, какъ по слухамъ предполагается ихъ устроить, авторъ также не ждетъ пользы для земледѣлія. При такомъ положеніи дѣлъ, по мнѣнію автора, „только земство можетъ предотвратить опасность, содѣйствуя заложенію прочнаго основанія сельско-хозяйственному образованію въ Россіи, также какъ оно уже содѣйствовало заложенію перваго камня для народнаго образованія“. Съ этой цѣлью, авторъ совѣтуетъ земству учреждать на свои средства по уѣздамъ такія учебныя заведенія, въ которыхъ молодые люди, не предназначенные себя къ высшимъ административнымъ и научнымъ поприщамъ, а также лучшіе ученики народныхъ училищъ „могли бы пріобрѣтать всѣ научныя свѣдѣнія, необходимыя для болѣе скромнаго

ирица сельскаго и земскаго дѣятеля", и кромѣ такихъ школъ, учреждаемыхъ еще въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, при образцовыхъ хозяйствахъ, земскія же средства, высшія спеціальныя сельско-хозяйственныя училища. Авторъ убѣжденъ, что устройство такихъ училищъ будетъ осуществимо, такъ какъ они вѣдь „будутъ подчинены непосредственному наблюденію земства и самихъ родителей, не менѣе самого правительства заинтересованныхъ въ томъ, чтобы оградить воспитанниковъ въ нравственномъ отношеніи“. Что касается средствъ, то средства могутъ представиться въ платѣ за ученіе и въ формѣ частныхъ затратъ на учрежденіе такихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы учебная плата обращалась въ пользу учредителя, которому сверхъ того и земство можетъ оказывать денежное вспоможеніе.

Все это прекрасно, и нѣтъ сомнѣнія, что за отсутствіемъ правильнаго устройства и правильной постановки реальныхъ училищъ, не остается и для сельскаго хозяйства иной надежды, какъ на слабаго земства. Надо будетъ только пожелать, чтобы земство не встрѣчало въ этомъ никакихъ затрудненій и чтобы аргументъ, убѣдительный для автора, именно, что „непосредственное наблюденіе земства и родителей“ достаточно ограждаетъ нравственность учениковъ, казался бы убѣдительнымъ и для тѣхъ, отъ кого зависитъ разрѣшеніе. Во всякомъ случаѣ авторъ совершенно правъ въ томъ, что и до сихъ поръ ученыхъ хозяевъ выходило изъ нашихъ казенныхъ заведеній мало, то впредь ихъ можно ожидать еще меньше. Каковы бы ни были тѣ реальныя училища, которыя будутъ результатомъ всѣхъ долговременнаго изученія этого вопроса министерствомъ народнаго просвѣщенія, ясно, что если только воспитанники ихъ не будутъ допускаемы въ университеты, то математическій и натуралистскій факультеты въ университетахъ вообще придутъ въ запустѣніе, а преподаваніе сельскаго хозяйства передъ аудиторією, которая до университета не имѣла даже элементарныхъ понятій ни о химіи, ни о ботаникѣ, будетъ по необходимости держаться на той же высотѣ, на какой оно можетъ происходить и въ земскихъ школахъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, то-есть по окончаніи курса и профессиональной казенной школы, и сельско-хозяйственной земской, ученики будутъ лишены главной опоры умственной зрѣлости, а именно полного общаго образованія. Можно надѣяться, конечно, что молодые люди, практически ознакомившіеся съ сельскимъ хозяйствомъ въ земскихъ спеціальныхъ школахъ, устроенныхъ по уѣздамъ, будутъ все-таки пригодны для дѣлу, чѣмъ недоучившіеся древнимъ языкамъ гимназисты, воспитывавшіеся въ городахъ, и имѣющіе слабое понятіе о корняхъ греческихъ, а о корняхъ деревъ и злаковъ никакого понятія не имѣющіе. Но доставленіе Россіи совершенно необходимаго ей многочисленнаго класса людей, доведенныхъ до нравственной зрѣлости общимъ обра-

зованіемъ, и вмѣстѣ подготовленныхъ научно къ спеціальному изученію техническихъ производствъ и земледѣлія, не достигнется ни тѣмъ ни другимъ путемъ! Для этого есть путь одинъ, тотъ, которымъ северная Германія въ продолженіи всего какихъ-нибудь лѣтъ тридцати стала въ промышленности и хозяйствѣ почти наравнѣ съ Англіею и Бельгіею — устройство общеобразовательной реальной школы, какъ основанія для спеціальныхъ политехническихъ и сельско-хозяйственныхъ институтовъ. Безъ научной подготовки къ технической спеціальности, общее образованіе не достигнетъ той цѣли, какую мы имѣемъ въ виду, то-есть не подниметъ производительности Россіи; а спеціальное ученіе безъ общаго образованія не дастъ нашимъ спеціальнымъ дѣятелямъ основнаго условія всякой дѣятельности: не дастъ имъ умственной зрѣлости и крѣпости.

Въ Вяткѣ уже учреждено именно на средства губернскаго земства спеціальное училище въ родѣ тѣхъ, о которыхъ только-что была рѣчь и именно училище, имѣющее цѣлю какъ распространеніе сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній, такъ и приготовленіе народныхъ учителей. На уставѣ этого училища читаемъ резолюцію „утверждаю“, положенную попечителемъ казанскаго округа, тѣмъ самымъ лицомъ, которое въ свое время такъ рѣшительно высказалось противъ общеобразовательныхъ реальныхъ училищъ. Мы не знаемъ, кто составлялъ и кто исправлялъ проектъ устава вятскаго земскаго училища, но видимъ, что авторы его позаботились утвердить за нимъ имени профессиональный или прикладной характеръ. Судя по предметамъ вводимымъ въ курсъ вятскаго училища, оно могло бы быть общеобразовательнымъ, на степени нѣмецкихъ второразрядныхъ реальныхъ училищъ; въ самомъ дѣлѣ, въ курсъ входятъ и исторія, и алгебра съ геометрией, и естественныя науки, даже физическая географія (непонятно, почему о всеобщей географіи не упоминается). Но общеобразовательное значеніе вятскаго училища вѣроятно будетъ слабо, просто за недостаткомъ времени для усвоенія научныхъ предметовъ учениками, такъ какъ курсъ продолжается всего 4 года, а между тѣмъ въ него включены: „мѣстныя техническія, сельско-хозяйственныя и лѣсныя производства (этого одного достаточно года на три спеціальнаго изученія), „изложеніе гражданскихъ правъ и обязанностей съ указаніемъ на узаконенія, относящіяся къ земскимъ и мировымъ учрежденіямъ“, наконецъ, занятія въ мастерскихъ для изученія какого-нибудь ремесла и на практическомъ земледѣльческомъ участкѣ. Вотъ что значитъ спеціализировать образованіе на первой его ступени: приходится стремиться къ тремъ цѣлямъ и дѣлать школу въ одно время и ремесленною, и техническою, т.-е. высшею спеціальною, и наконецъ все-таки до нѣкоторой степени и общеобразовательною,

какъ какъ нельзя же приступать къ изученію металлургіи, зная только читать и писать.

Соединеніе столькихъ цѣлей не можетъ не вредить каждой изъ въ отдѣльности. Если школа — ремесленная, то въ ней и обучаютъ ремеслу, а кромѣ него только грамотѣ и счету. Школа же техническая можетъ стоять на надлежащей высотѣ только когда ученики предварительно получили полное общее образованіе, и въ такомъ случаѣ, она должна быть чисто-спеціальною, и въ ней не должны имѣть мѣсто ни церковно-славянскій языкъ съ церковнымъ пѣніемъ, ни занятіе ремесломъ, ни изученіе гражданскихъ правъ и обязанностей, ни приобщеніемъ ихъ къ земскимъ и мировымъ учрежденіямъ. Все это предметы техники совершенно посторонніе. Общеобразовательная же дѣль училища также не можетъ быть достигнута въ соединеніи съ этими, прямо-прикладными или профессиональными, потому что главный основной принципъ, по которому распределены предметы, состоитъ: половина времени отнята предметами, не имѣющими общеобразовательнаго свойства, а въ самое преподаваніе введены ложныя требованія мнимой утилитарности. Что такое значить, напр., предполагаемое въ вятскомъ училищѣ преподаваніе исторіи „съ обращеніемъ особеннаго вниманія на экономическое и промышленное развитіе народовъ?“ Въ самомъ университетѣ не существуетъ такой кафедры „спеціализированной исторіи“; какой же смыслъ можетъ имѣть такое преподаваніе на степени уѣзднаго училища? Вѣдь чтобы удовлетворить такому требованію, пришлось бы читать изъ римской исторіи не элементарныя свѣдѣнія о царяхъ, республикѣ и императорахъ, по учебнику среднихъ училищъ, а, напримѣръ, введеніе объ экономическомъ состояніи Рима изъ сочиненія Наполеона III о Цезарѣ. Не только учебника подходящаго къ такому требованію нѣтъ, но и преподавателя, который соотвѣтствовалъ бы ему, едва ли можно найти для вятскаго земскаго училища.

Нельзя все-таки не выразить полнаго сочувствія къ доброму намеренію вятскаго земства, назначившаго на эту школу 25 т. рублей ежегодно изъ своихъ средствъ; типъ, до какого низводятся у насъ реальныя училища, зависѣлъ не отъ земства, и готовность земства несть весьма значительную жертву на реальное училище хотя бы и въ такомъ видѣ, доказываетъ только, какъ сильно уже въ настоящее время въ нашемъ обществѣ сознаніе въ необходимости реальнаго образованія вообще. Впрочемъ, нынѣшній уставъ вятскаго земскаго училища вводится въ видѣ опыта на девять лѣтъ. Можно надѣяться, что до наступленія срока его пересмотра достаточно выяснится нерациональность вводимаго нашими классиками искусственнаго взгляда на реальное образованіе, какъ на нѣчто непригодное для человѣческаго развитія, и то потому только, что это нѣчто не создается на

двухъ языкахъ, на которыхъ нѣкогда лепетала наука въ младенческомъ своемъ состояніи. Повторяемъ, доброе намѣреніе вятскаго застѣва заслуживаетъ полнаго сочувствія, но къ сожалѣнію не можемъ при этомъ выразить полной увѣренности относительно результатовъ основываемой имъ школы: едва ли эта школа имѣетъ для себя твердыя основы, несмотря на то, что ее утвердили.

Мы не можемъ заключить нашей хроники безъ того, чтобы и занести на ея страницы замѣчательный фактъ изъ жизни современнаго намъ педагогическаго міра, и замѣчательный тѣмъ болѣе, что онъ является довольно одиноко въ практикѣ современныхъ педагоговъ. Мы говоримъ о циркулярѣ г. управляющаго морскимъ министерствомъ отъ 10-го апрѣля. Въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ обнаружено было недавно большое зло, которое однимъ только благоразуміемъ и истинно отеческимъ расположеніемъ къ своимъ питомцамъ со стороны высшаго морского начальства было превращено въ благо. Наши люди, нравственное наказаніе которыхъ давно уже охарактеризовано тѣмъ, что сказано о соблазняющихъ „единаго отъ малыхъ силъ“, но къ великому счастью и къ чести нашего времени нашлись также и другіе люди, которые устояли на высотѣ своего положенія и съ этой высоты спасли дѣтей и для нихъ самихъ, и для ихъ семействъ, и для всего общества. Циркуляръ объяснить читателямъ все это дѣло, безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментарій съ нашей стороны; послѣднее только сказать, что это дѣло заключено было Высочайшею резолюціею, которая украситъ собою исторію нашего времени: „ВПОЛНѢ ЗАБЫТЬ ИХЪ ПРОСТУПОКЪ“. Никакая физическая сила въ мірѣ, будь она вооружена съ головы до ногъ, не умнотворитъ такъ, какъ подобныя четыре слова! Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо говорить сердцу, а сердцу можетъ говорить только тотъ, кто самъ имѣетъ сердце. Нѣтъ сомнѣнія, что если молодыхъ людей старались вовлечь въ яму, то въ этого не слѣдовало, что, извлеки ихъ изъ одной ямы, нужно бросить ихъ въ другую,—а между тѣмъ эту простую истину понимаютъ не всѣ педагоги. Вотъ текстъ этого циркуляра, которому желаемъ остаться не однимъ историческимъ памятникомъ, но и живымъ урокомъ для педагоговъ-укротителей во вкусѣ „Московскихъ Вѣдомостей“:

„Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, когда было открыто, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ морскихъ учебныхъ заведеній принимали участіе въ недозволенномъ тайномъ обществѣ, Государю Императору благоугодно было поручить мнѣ изслѣдовать обстоятельства этого дѣла, насколько они касались воспитанниковъ морского вѣдомства.

„Приступая къ разбору съ полнымъ сознаніемъ моего долга и важности тѣхъ послѣдствій, которыя исходъ разбирательства можетъ имѣть на дальнѣйшую судьбу замѣшанныхъ въ немъ молодыхъ людей,

и поставилъ себя въ обязанность довести лично изслѣдованіе до мельчайшихъ подробностей. По сдѣланному такимъ образомъ познанію оказалось, что замѣшанные въ дѣло воспитанники привлечены были къ посѣщенію педоуголовнаго общества слѣдующимъ образомъ: познавшіеся книжнымъ путемъ съ естественными богатствами сѣвернаго прибрежья Россіи, они рѣшились сообща продолжать дальнѣйшее изученіе заинтересовавшаго ихъ предмета, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, по выходѣ изъ училища, заняться на самомъ дѣлѣ развитіемъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ разныхъ промысловъ и въ особенности китобойнаго.

Разсказами о своихъ планахъ они дали поводъ постороннимъ для нихъ людямъ выразить горячее сочувствіе къ ихъ дѣлу и убѣдить ихъ, что для успѣха въ подобныхъ предпріятіяхъ недостаточно отдѣльных, частныхъ усилій, а необходимо совокупное, дружное дѣйствіе значительнаго числа лицъ, составляющихъ правильно организованное общество. При этомъ имъ сообщали, что въ настоящее время уже составляется собраніе такихъ ревнителей общей пользы, и если воспитанники пожелаютъ, то могутъ сами принять участіе въ обсужденіяхъ средствъ для достиженія разныхъ полезныхъ цѣлей, въ числѣ которыхъ, конечно, и развитіе китоводства занимаетъ не послѣднее мѣсто. Молодые люди, обрадованные счастливою случайною встрѣчею съ цѣлымъ обществомъ дѣателей, имѣвшихъ съ ними общія цѣли, безъ всякаго опасенія, съ прошедшаго ноября начали посѣщать собранія. По обѣщаннымъ обсужденіямъ полезныхъ предпріятій продолжались не долго; они скоро замѣнились разборами современныхъ общественныхъ недостатковъ, и возникъ вопросъ, какимъ путемъ должно идти общество: мирнымъ или „бурнымъ“. Это обстоятельство заставило болѣе благоразумныхъ воспитанниковъ прекратить посѣщенія опаснаго сходбища.

Къ счастію остальныхъ, неуспѣвшихъ еще уяснить себѣ противоположность и вредъ подобнаго общества, собраніе въ непродолжительное время было открыто и участвовавшіе въ немъ воспитанники морского училища, полнымъ сознаніемъ своего заблужденія и искреннимъ раскаяніемъ, заслужили милосердное помилованіе Государя Императора, сонзволнившаго выразить свою волю: „*Впомять забыть ихъ проступокъ*“.

Увѣренный, что эта великая монаршая милость, оказанная, въ лицѣ прощенныхъ воспитанниковъ, всѣмъ морскимъ учебнымъ заведеніямъ, сдѣлаетъ невозможнымъ сознательное повтореніе въ нихъ подобнаго проступка, я, однакоже, въ виду свойственныхъ молодежи доверчивости и неопытности, не могу не опасаться возможности увлеченія *неумышленною*, безсознательнаго, и лучшимъ средствомъ противъ подобнаго несчастья признаю прямое, откровенное разъясненіе воспитанникамъ тѣхъ способовъ, какими злонравные люди привлекаютъ молодежь къ участію въ своихъ темныхъ, преступныхъ замыслахъ. Оснакаясь съ обычными приемами такихъ вредныхъ людей, всякій воспитанникъ при встрѣчѣ съ ними будетъ ясно понимать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и не поддастся доверчиво гибельному обману.

Обыкновенно, первоначальною приманкой для совращенія представляются какія-нибудь честныя, благородныя и возвышенныя цѣли, симпатичныя для каждого; напр., помощь бѣднымъ, возвышеніе матеріальнаго благосостоянія и распространеніе образованія между низ-

ними классами народа, самообразование, занятіе артелью какиъ-нибудь полезнымъ трудомъ и т. п. Средствами для достиженія такихъ полезныхъ цѣлей представляются: добровольныя пожертвованія, учрежденіе вспомогательныхъ кассъ, обученіе грамотѣ, разнообразныя способы сближенія съ народомъ для распространенія въ немъ полезныхъ научныхъ истинъ и проч.

Практическое исполненіе подобныхъ предпріятій требуетъ взаимнаго обмѣна мыслей и ведетъ къ частнымъ совѣщаніямъ, общему сходкамъ, образованію постоянныхъ кружковъ и сбору ихъ депутатовъ. Въ этихъ кружкахъ и собраніяхъ, кромѣ разсужденій, иногда происходятъ и чтенія съ разчетомъ выбираемыхъ сочиненій. При этомъ руководители стараются внушить участвующимъ, что до окончательной разработки избранныхъ ими вопросовъ, польза самаго дѣла требуетъ сохраненія собраній въ строгой тайнѣ, иначе правительственныя власти, превратно объяснивъ себѣ полезное направленіе сходки, могутъ вовсе ихъ прекратить. При такой успокоивающей внѣшности, мало-по-малу, неумоно готовится почва для дальнѣйшаго развитія преступныхъ дѣйствій и потомъ постепенно перелъ участникамъ начинается разоблачаться настоящій характеръ и цѣль сборищъ. На этихъ сходбищахъ опредѣляется, напр., кому, въ видахъ успѣха замысловъ общества, слѣдуетъ оказывать денежную помощь, *какія идеи* проводить при обученіи грамотѣ, *какія* читать и распространять книги и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ, для возбужденія личной дѣятельности молодого человѣка, руководители льстятъ его самолюбію и стараются возбудить увѣренность, что съ его способностями, умомъ и развитіемъ онъ вполне созрѣлъ для политической дѣятельности и, какъ передовой человѣкъ, нравственно обязанъ вести впередъ неразвитое большинство и пособлять измѣненію, хотя-бы и насильственнымъ, настоящаго неудовлетворительнаго строя нашего общества. Здѣсь употребляются всѣ средства, чтобы основныя истины, на которыхъ утвердилось государство, общество и семейство, представить жалкими предразсудками, годными только для ограниченныхъ, отсталыхъ и неразвитыхъ людей. Съ особенною заботливостью подрываются религиозныя вѣрованія, возбуждается озлобленіе противъ правительства, зависть къ богатымъ и, наконецъ, осмѣиваются и ослабляются самыя семейныя связи.

Одну изъ существенныхъ опасностей подобнаго злостнаго соvrащенія представляетъ его строгая постепенность, ведущая доврчиваго юношу незамѣтно къ гибели. Въ непродолжительное время онъ доводится до такого положенія, что даже при сознаніи опасности не имѣетъ возможности освободиться отъ опутавшихъ его сѣтей. Руководители, въ случаѣ замѣченныхъ сомнѣній, страшатъ свою жертву заслуженною карою закона и местию соучастниковъ и стараются въ соvrащаемомъ укоренить мысль, что, несмотря на очевидную опасность, ему не остается другого исхода, какъ слѣпо подчиниться волѣ руководителей и безпрекословно слѣдовать по указанному ими пути. При подобномъ влияніи, молодой человѣкъ, виновный сначала только въ легкомысліи и излишней доврчивости къ незнакомымъ ему людямъ, цѣлымъ рядомъ разсчитанныхъ обмановъ приводится къ вѣрной гибели.

Отвѣчая передъ Государемъ Императоромъ и родителями воспита-

Минковъ, находившихся въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы дурное не могло укорениться въ воспитанникахъ, а сердечно желаю, чтобы настоящее разъясненіе принесло ожидаемую мною пользу и на будущее время не дозволило молодымъ людямъ дѣлаться сознательными орудіями въ рукахъ злоумышленниковъ, поставившихъ себя цѣлью вредить благу нашего отечества. Однако, считая необходимымъ предупредить, что если бы послѣ настоящаго приказа явился воспитанникъ, рѣшившійся принять участіе въ какомъ-нибудь тайномъ сборницѣ, хотя бы и не имѣющемъ преступной цѣли, то, какъ уже преступникъ сознательный, будетъ немедленно исключенъ изъ училища, съ воспрещеніемъ приема во всякое другое учебное заведеніе.

Его Императорское Высочество генералъ-адмиралъ приказать издать прочесть этотъ приказъ во всѣхъ ротахъ морскихъ училищъ, и по возможности читать его вновь поступающимъ воспитанникамъ.

Вѣдѣвъ съ тѣмъ, Его Высочество благоволилъ поручить мнѣ объявить по морскому вѣдомству, что, зная благородное и достойное этой кавалеріи общее нравственное направленіе, существующее въ морскихъ училищахъ, онъ надѣется, что послѣ настоящаго разъясненія каждый воспитанникъ съумѣетъ предохранить себя отъ всякаго дурнаго вліянія, какою бы благовидною формою оно ни представлялось. Добросовѣстно занимающійся юноша долженъ хорошо понимать, что при честномъ исполненіи своихъ обязанностей ему едва останется времени на его прямое дѣло, которое состоитъ въ томъ, чтобы приготовить изъ себя полезнаго слугу Государю и Отечеству, чуждаго члена общества и подпору и утѣшеніе своей семьи".

Мы получили въ прошедшемъ мѣсяцѣ письмо, которое и помѣщая на страницахъ журнала, согласно выраженному авторомъ желанію.

М. Г. Авторъ статьи „Изъ судебного міра“, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (1872 г.), которая къ сожалѣнію дошла до меня только на дняхъ, высказываетъ сожалѣніе по поводу несчастной фразы, произнесенной мною въ качествѣ защитника Кудринскому дѣлу. Нужно же положить конецъ этому возобновляющемуся времени отъ времени разговору о такомъ жовидимому крошечномъ событіи, нужно же когда-нибудь разъяснить истинный смыслъ фразы, искаженной по недоразумѣнію репортера, если не ошибаюсь, „Русскихъ Вѣдомостей“. Знаменитая фраза: „вопросъ Спасителя, что есть истина? остается неразрѣшеннымъ до сихъ поръ“ — высказана была мною въ такомъ видѣ: „вопросъ, предложенный Спасителю Пилатомъ, что есть истина? остается до сихъ поръ для многихъ открытымъ вопросомъ“. Передъ этимъ же я утверждалъ, что всякій сектантъ есть прежде всего искатель истины. Такимъ образомъ, фраза та служила разъясненіемъ — почему именно всякій сектантъ есть искатель истины. Точно также понятно, кого я разумѣлъ подъ многими: на судъ рѣчь шла о лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ сплоченной ереси. Стыжусь думать, что послѣ настоящаго заявленія обвиненіе въ чудовищной обмолвѣ съ меня будетъ снято.

Почему же я такъ долго молчалъ, почему я не возстановилъ съ занныхъ мною словъ тотчасъ по напечатаніи отчета по Бударинско дѣлу? По очень простой причинѣ: рѣчь моя по этому дѣлу, напечатанная въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Современной Лѣтописи“, до тѣхъ обезображена, что, возстановляя одну фразу, я поневолѣ долженъ былъ касаться и другихъ искаженій,—иначе, возстановлять всю рѣчь, согласитесь, что это работа вовсе не легкая, крайне скучная и цѣлью ни для кого ненужная? Я думалъ, что знаменитая фраза предъ въ ряду другихъ искаженій незамѣченною, что на нея, какъ на всю рѣчь, не обратятъ вниманія, я вспомнилъ также, что и въ рѣчи, которыя мнѣ пришлось произносить сперва въ качествѣ обвинителя, а потомъ защитника, болѣе или менѣе искажены (за исключеніемъ одной, напечатанной въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ за 1868-й по дѣлу Матова и другихъ и записанной, какъ видно, стенографически), а потому и успокоился. Кто же могъ ожидать, что приписаніе мнѣ ошибка породитъ такую бурю, какой мы были очевидцами „Москов. Вѣдомостей“? Печатать же свое заявленіе послѣ этой бурь откровенно говорю, мнѣ было просто противно. Не явись въ нашъ журналъ статьи „Изъ судебного міра“, вѣроятно я бы такъ и остался таготѣющимъ надо мною обвиненіемъ.

„Примите и пр.

М. Громницкій.

Москва. 3 Апрѣля,
1872 г.

Позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе. Авторъ статьи „Изъ судебного міра“ коснулся упомянутого обстоятельства единственно съ тою цѣлью, чтобы привести еще одинъ примѣръ добросовѣстности „Московскихъ Вѣдомостей“. Не встрѣчая нигдѣ поправокъ со стороны г. Громницкаго, онъ указывалъ только на то, какими разомъ „Москов. Вѣд.“ поспѣшили раздуть эту „обмолвку“ до размеровъ чего-то чудовищнаго, и остановился предъ вопросомъ: „или по такому поводу, безъ крайняго легкомислія или очевидной добросовѣстности, дѣлать какіе-нибудь общіе выводы о нашей атакатурѣ и топтать ее въ грязь“? Если нашъ авторъ выразилъ по поводу этой обмолвки (которая оказывается теперь не существовавшимъ сожалѣніе, то и оно относилось къ тому, что у насъ есть публицисты, которые не обинуясь подбираютъ съ полу все для построения ихъ умозаключеній, съ разсчитанною заранѣе цѣлью.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Международный процессъ С.-А. Штатовъ съ Англією.

Итъ десять тому назадъ, на одномъ митингѣ въ Ньюкестлѣ, въ апрѣлѣ 1862-го года, Гладстонъ, нынѣ премьеръ, а тогда канцлеръ казначейства въ министерствѣ Пальмерстона, такъ выражался о войнѣ, разразившей въ то время Америку: „Мы можемъ имѣть свое собственное убѣжденіе относительно невольничества; мы можемъ сочувствовать или несочувствовать Югу; но нѣтъ сомнѣнія, что Джефферсъ Дэвисъ и прочіе вожди Юга создали армію. Теперь они, повидимому, создаютъ флотъ; но они создали и нѣчто большее, чѣмъ армія имѣетъ, они создали—націю (*Громкое одобреніе*)Мы можемъ предсказать съ увѣренностью успѣхъ южныхъ штатовъ въ дѣлѣ отдѣленія отъ Сѣвера. Я не могу не думать, что это событіе такъ вѣрно, что только можетъ быть вѣрно событіе еще несовершившееся“. Теперь кажется странно, какъ могъ Гладстонъ высказывать подобное мнѣніе? Остается развѣ вспомнить, что никто изъ постороннихъ зрителей, какъ бы ни были полны ихъ свѣдѣнія, также не предвидѣлъ событій 1859-го года, ни въ особенности событій 1866 и 1870-го годовъ.

Что причиною междоусобной войны, разорвавшей Америку въ теченіи четырехъ лѣтъ, былъ именно вопросъ о рабствѣ, это стало извѣстно лишь собственно только послѣ прокламаціи Авраама Линкольна, которая повела къ отміну невольничества. Но и въ самомъ началѣ вопроса былъ именно о рабствѣ, которое одна сторона хотѣла объявить вовсе не солидарнымъ съ американскими законами, а другая считала основнымъ учрежденіемъ, которое законы должны были охранять. Партія, избравшая Линкольна въ 1860-мъ году президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ своихъ избирательныхъ заявленіяхъ обязалась проводить тотъ принципъ, что „нормальное состояніе на всей

территоріи Соединенныхъ Штатовъ есть свободное состояніе, и отъ-
дать „право конгресса или областныхъ законодательныхъ власти
или кого бы то ни было, сообщить законное существованіе невольни-
честву въ какой бы то ни было территоріи Соединенныхъ-Штатовъ
Провозглашеніе этихъ принциповъ само по себѣ было только по-
твержденіемъ факта, что въ буквѣ американскихъ законовъ не бы-
ло подтвержденія или узаконенія невольничества. Но провозглашен-
іе этихъ принциповъ имѣло важное практическое примѣненіе въ томъ
смыслѣ, что оно предупреждало возможность расширенія области не-
вольничества въ штатахъ, то-есть введенія его въ новыхъ терри-
торіяхъ. Избраніе Линкольна и было, по смыслу такихъ избирательныхъ
заявленій, провозглашеніемъ именно этихъ принциповъ, то-есть побѣ-
доу аболиціонизма въ смыслѣ ограниченія предѣловъ невольничества.
Пораженная на выборахъ „демократическая“ партія Юга приведен-
ную декларацию изложила потомъ въ такомъ смыслѣ, что стало бытъ
фактъ избранія Линкольна „исключаетъ Югъ изъ общей территоріи
Соединенныхъ-Штатовъ“. Отсюда уже возникла затѣмъ теорія о правѣ
членовъ союза отдѣляться отъ союза и составлять отдѣльную, само-
стоятельную группу штатовъ, новый союзъ, или какъ принято было
выражаться для отличія отъ федеральныхъ Соединенныхъ-Штатовъ—
„конфедерацію“.

Вотъ какова была существенная причина распри, и хотя о ней
можно напоминать теперь чрезъ 12-ть лѣтъ публикѣ, но ясно, что ан-
глийскіе *министры* въ самый годъ начала войны не нуждались въ
такомъ напоминаніи; они безъ сомнѣнія слишкомъ хорошо знали, че-
мъ заключалась сущность дѣла. А между тѣмъ, лордъ Россель на
одномъ митингѣ въ 1861-мъ году уже высказывалъ убѣжденіе, что
христіанскій долгъ повелѣваетъ ему, какъ и всѣмъ его согражданамъ
желать, чтобы положенъ былъ предѣлъ войнѣ, такъ какъ возстановле-
ніе союза можетъ быть куплено только бѣдственными результатами
разоренія и завоеванія. При этомъ Россель такъ отзывался о самомъ
значеніи американо-англійской распри: „Мы видимъ теперь двѣ стороны бор-
щіяся не по вопросу о невольничествѣ, хотя я полагаю (!) такое
была первоначальная причина спора—но за то же самое, за что столько
государствъ боролись и въ Старомъ Свѣтѣ, а именно — одна сторона
за господство, а другая за независимость“. Въ другой рѣчи, произне-
сенной Гладстономъ уже въ іюнѣ 1863 года, было слѣдующее мѣсто:
„мы не вѣримъ въ возможность возстановленія американскаго союза
силою.... Но есть другой вопросъ, которымъ сильно занимается обще-
ственное мнѣніе въ этой странѣ (т.-е. въ Англіи), вопросъ: есть ли
освобожденіе негритянскій расы такая цѣль, къ которой законно
стремиться средствами насилія и пролитія крови. Не думаемъ, чтобы
когда-либо была совершена болѣе пагубная ошибка, какъ въ томъ

судятъ, когда люди—въ высочайшѣмъ умѣ и искренности филантропическіе чувства которыхъ я по крайней мѣрѣ не сомнѣваюсь—пришли къ заключенію, что освобожденіе негритянской расы слѣдуетъ добиваться, или бы и приходилось достигнуть ее не иначе, какъ черезъ море крови". Еще въ юнѣ 1864 года, когда побѣда уже рѣшительно перешла на сторону Сѣвера, лордъ Россель въ палатѣ лордовъ утверждалъ, что дѣло американскаго Юга то же самое, за которое нѣкогда всѣ Соединенные Штаты сражались противъ Англіи, и что въ южанкахъ онъ видитъ представителей принциповъ 1776 года.

Каково бы ни было достоинство сужденій Гладстона и Россели въ свое время, событія показали, что англійскіе государственные люди ошиблись и насчетъ исхода борьбы, и насчетъ характера побѣды дѣла Сѣвера, и насчетъ значенія во всемъ этомъ дѣлѣ вопроса о невольничествѣ, который побѣдою Сѣвера былъ окончательно разрѣшенъ. Съ тѣхъ поръ въ Европѣ забыли о словахъ популярныхъ англійскихъ министровъ, въ которыхъ отражалось мнѣніе большинства англичанъ, и во всякомъ случаѣ расположеніе самого правительства Англіи того времени. Но о нихъ не забыли въ Америкѣ и до настоящаго дня. И это полезно припомнить ихъ, чтобы выяснитъ въ элебемскомъ вопросѣ ту важную сторону его, которая представлялась и представляется въ немъ національнымъ самолюбіемъ американцевъ и англичанъ. Приведенныя слова прекрасно характеризуютъ то чувство нѣторого злорадства, съ какимъ взирали многіе англичане, и вѣроятно большинство, на распрю, терзавшую отдѣлившуюся отъ Англіи колонию, и страну соперничающую съ Англіею въ промышленности и селѣваніи. Англійскій умъ имѣетъ ту общегерманскую черту, что крайне неохотно допускаетъ собственную ошибочность, и даже отвѣщаясь отъ своей несправедливости въ отношеніи къ кому-либо, въ сущности крайне охотно увѣряетъ себя, что самая эта несправедливость была въ пользу того, кто противъ нея возсталъ, или по крайней мѣрѣ, что лишенный англійской опеки не извлекъ прочной пользы и своей свободы. Такъ англичане относились въ началѣ шестидесятихъ годовъ къ Сѣверной Америкѣ, такъ теперь они относятся къ Ионическимъ островамъ; та же нота всегда преобладаетъ въ ихъ сужденіяхъ по поводу стремленій Ирландіи къ независимости, или хотя бы только къ законодательной самостоятельности.

Американцы, со своей стороны, въ продолженіи всей войны 1861—1864 года, постоянно имѣли въ виду, кромѣ своихъ прямыхъ интересовъ, и неутолимое желаніе доказать Англіи, что она ошиблась и ошибается, и надежда потребовать у нея въ удобное время строгая отчеты за ея высочайшіе, злорадство и нерасположеніе, выказанное во время ихъ бедствій, обратилось у нихъ въ одно изъ сильнѣйшихъ національных стремленій. Это популярное чувство въ Америкѣ стало такой

струною, которая не допускаетъ никакого обсужденія, а все произносить тотъ же звукъ, съ которой бы стороны къ ней ни прикасались.

Вотъ почему президенту Гранту, еслибы онъ даже лично и былъ убѣжденъ въ несправедливости требовать съ Англіи вознагражденія не только за прямой ущербъ, нанесенный построенными въ ней конфедератскими крейсерами, но еще и весь косвенный вредъ, причиненный ими американской торговлѣ, было невозможно предъявить счетъ только вполовину, и такимъ образомъ пожертвовать хоть чѣмъ-либо изъ самыхъ крайнихъ требованій, когда-либо заявленныхъ въ Америкѣ популярными ея ораторами. Еслибы это была только тяжба изъ-за денегъ, то вѣроятно Грантъ и формулировалъ бы свое требованіе въ болѣе благоразумныхъ границахъ. Но это—прежде всего вопросъ національнаго самолюбія, и вотъ почему онъ не могъ отступить ни на юту отъ крайнихъ требованій, такъ какъ это могло быть истолковано въ смыслѣ отступленія отъ національнаго достоинства. Съ другой стороны, замѣтимъ, и Англія знаетъ, что національное чувство въ этомъ дѣлѣ весьма существенный элементъ. Ясно, что Америка не можетъ же, въ концѣ концовъ, получить съ Англіи мирнымъ путемъ какую-нибудь баснословную сумму; но не будь замѣнянъ въ это дѣло вопросъ, такъ сказать унаслѣдованный отъ 1776-го года, вопросъ о кровномъ соревнованіи двухъ народовъ, будь это простое вниоательство денегъ, хотя бы и по основательному поводу, Англія не дала бы Америкѣ *ничего*. Она оттого только и идетъ на соглашеніе, оттого только и рѣшится бросить какихъ-нибудь милліоновъ 100 или 200 рублей въ окно, что ей извѣстно, какъ сильно она задѣла въ Америкѣ національное чувство во время распри. Во всякомъ inomъ дѣлѣ, не было бы никакой опасности, что Америка для полученія хотя бы 200 милл. рублей съ Англіи начнетъ съ ней войну, которой исходъ будетъ сомнителенъ, а расходъ несомнѣнно превзойдетъ эту сумму въ первое же полугодіе. Но элемеское дѣло включаетъ въ себя такую огромную дозу національнаго раздраженія, по той сторонѣ океана, что представляется возможною опасностью, по крайней мѣрѣ настолько, что стоить заплатить значительную страховую премію. И въ сущности, если можно выразиться такъ, рѣшеніе со стороны Англіи покажетъ, во что она цѣнитъ на деньги ту вѣроятность взрыва, какую представляетъ національное чувство къ ней въ Америкѣ.

Среди безконечныхъ газетныхъ толковъ, и массы официальныхъ депешъ сѣверо-американскаго и англійскаго правительствъ трудно ориентироваться теперь въ томъ огромномъ международномъ процессѣ, который ведется дѣлательно, особенно въ послѣднее время, когда отъ факта, послужившаго поводомъ къ процессу, мы уже отодвинулись слышкомъ на десять лѣтъ. Гдѣ его истинное начало, и на чемъ основывается истецъ доказательства того, что въ дѣйствительности было

совершено Англіею преступленіе противъ международнаго права, признаваемаго какъ всѣми вообще, такъ и самою Англіею въ особенности? Недавно появившійся въ свѣтъ мемуаръ вашингтонскаго правительства, представленный имъ третейскому суду въ Женевѣ, посвященъ именно разъясненію вышеприведенныхъ вопросовъ, которые продолжаютъ грозно висѣть надъ двумя могущественными державами Старою и Новою Свѣта. Постараемся вкратцѣ познакомить нашу публику съ содержаніемъ этого во всякомъ случаѣ интереснаго документа¹⁾.

Вашингтонское правительство старается прежде всего выяснить на основаніи общезвѣстнаго международнаго права, съ точными ссылками на знаменитѣйшихъ публицистовъ, въ чемъ именно состоятъ вообще обязанности всякой нейтральной державы, и затѣмъ излагаетъ собственно англійскіе законы, которые обязывали именно Англію поступать извѣстнымъ образомъ въ случаѣ покушенія со стороны ея подданныхъ подать помощь конфедератамъ, т.-е. южнымъ штатамъ Сѣверной Америки. А что Англія не поступила такъ, какъ ее къ тому обязывали и общее международное право, всѣми признанное, и ея собственные законы, — въ доказательство того мемуаръ приводитъ далѣе цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о несочувствіи и даже о прямой враждебности Англіи къ американскому единству; исчисляетъ подробно случаи фактическаго нарушенія нейтральности со стороны Англіи, съ подтвержденіемъ всѣхъ деталей ссылкой на официальные бумаги, въ томъ числѣ и на захваченную переписку конфедератскихъ властей и ихъ агентовъ; и наконецъ, на основаніи всего этого формулируетъ требованіе вознагражденія, доказывая такимъ образомъ, и юридически и фактически, ихъ законность. Фактическая сторона мемуара, конечно, наиболѣе интересна для читателей; оставляя въ сторонѣ исторію происхожденія матажа и дипломатическихъ заявленій Англіи относительно нейтральности, мы обратимся прямо къ уясненію вопроса, каковыя образуютъ американскій Югъ, страна по преимуществу земледѣльческая, а не мануфактурная, могъ приобрѣтать въ теченіи *четырехъ лѣтъ* громаднаго механическаго средства и военные припасы, для снаряженія своихъ армій и суда съ цѣлью парализированія блокады?

Американское правительство, въ своемъ мемуарѣ, жалуется именно, что одна только Англія, уклоняясь отъ примѣра всѣхъ прочихъ державъ, дада Югу средства, чтобы вести такъ долго эту колоссальную борьбу. Не дѣлая сравненій между намѣреніями европейскихъ правительствъ въ этомъ дѣлѣ, замѣтимъ только, что фактъ этотъ былъ весьма естественъ и самъ по себѣ. Кто же, кромѣ Англіи, и могъ

¹⁾ The Case of the United States, laid before the Tribunal of Arbitration, convened at Geneva, Leipzig, 1872. Стр. 302.

дать Югу такія средства? Приобрѣтать ихъ, очевидно, можно было только отъ такой страны, какъ Англія, которая имѣетъ несравненно по своей колоссальности механическое производство, и сверхъ того имѣетъ близъ американскаго берега колоніи. Въ этомъ отношеніи и могло быть сомнѣніе съ самаго начала, и вотъ еще глѣтомъ 1861 годъ при самомъ возникновеніи мятежа, Джефферсонъ Девисъ послалъ в Англію бывшихъ офицеровъ Соединенныхъ Штатовъ: Боллона, которому поручилъ заказать военныя суда и наблюдать за ихъ постройкою Норта для покупки судовъ, и Юза для закупки оружія и боевыхъ припасовъ. Два первые были морскіе офицеры, третій прежде служилъ интендантствѣ. Средствомъ, на которое разсчитывалъ Югъ для покрытия этихъ огромныхъ расходовъ, былъ разумеется, — хлопокъ. Англійская хлопчато-бумажная фабрикація въ то время почти исключительно зависѣла отъ привоза американскаго хлопка. Въ 1861 году, когда установлена была блокада, и правильный привозъ хлопка прекратился на югѣ оставалось около 750 тысячъ балленовъ хлопка, урожая 1860 года, да въ 1861 году сборъ на югѣ доставилъ 2 милл. 750 тыс. балленовъ. Имѣя въ рукахъ такое богатство, которому не было притомъ иного исхода, Югъ могъ навѣрное разсчитывать на подвозъ оружія изъ Англіи въ обмѣнъ на хлопокъ. Югъ такъ нуждался въ механическихъ средствахъ для войны, которыхъ въ Англіи было такъ много, а Англія такъ нуждалась въ хлопкѣ, котораго на Югѣ можно было получить столь много и столь дешево — что контрабанда была очевидно, неизбежна. Есть такія экономическія условія, которыхъ дѣйствія не способны превратить никакая дипломатія и никакой административный надзоръ. Но американцы и жалуются собственно на это торговленіе и снаряженіе въ Англіи наперовъ, которые задержатъ, конечно, было не особенно трудно, еслибы англійское правительство дѣйствовало въ этомъ отношеніи съ энергіею.

Въ Чарльстонѣ, въ Америкѣ, находился въ это время торговый домъ Джорджа Тренгольма и К°. Еще ранѣе открытія мятежа были приняты мѣры къ тому, чтобы посредствомъ этой фирмы устроить въ Англіи отдѣленіе конфедератскаго казначейства. Южно-американская фирма устремля въ Ливерпуль свою контору, то-есть свое отдѣленіе подъ фирмою торговаго дома Фрезеръ, Тренгольмъ и К°. Одинъ изъ владѣльцевъ американской фирмы, Пріоло, бывъ посланъ въ Ливерпуль, сталъ во главѣ этого предпріятія, и на всякій случай приобрѣлъ себѣ натурализацію, какъ англійскій подданный. Джорджъ Тренгольмъ остался въ Чарльстонѣ и въ послѣдствіи сдѣлался членомъ конфедератскаго правительства въ Ричмондѣ, а именно его министромъ финансовъ. Ливерпульскому отдѣленію было первоначально открытъ кредитъ въ видѣ вкладовъ въ Ливерпуль, на имя Фрезера, Тренгольма и К° въ полмилліона долларовъ. Это и послужило съ іюня 1861 года основ-

для отдѣленія конфедератскаго казначейства въ Европѣ. Та-
кимъ образомъ, въ самомъ началѣ мятежа, конфедераты имѣли уже
въ Англіи свое отдѣленіе военнаго министерства и отдѣленіе министер-
ства финансовъ, которымъ были даны почти неограниченныя полно-
мочія. Объ этомъ, какъ утверждаетъ американская записка, было из-
вѣстно всему обществу въ той мѣстности, гдѣ они находились, такъ
что агенты конфедератовъ не считали даже нужнымъ долго скрывать
свое настоящее званіе.

Характеръ юго-восточнаго берега Соединенныхъ Штатовъ таковъ,
что только въ немногихъ мѣстахъ къ этому берегу могутъ подходить
большія суда. Прибрежныя воды мелки, особенно между островами,
которые усыпаютъ берегъ. Большія суда могутъ подходить къ берегу
только по тремъ фарватерамъ, ведущимъ къ портамъ Вильмингтону,
Чарльстону и Саваннѣ. Но эти фарватеры и эти три порта, разумѣется,
было сторожились блокадными кораблями Соединенныхъ Штатовъ. И
большія суда, глубоко сидяція въ водѣ и не имѣющія особенно быстрого
хода, подвергались почти неминуемой опасности быть захваченными,
такъ же мелкія не могли везть чрезъ океанъ тяжелый грузъ вмѣстѣ
съ достаточнымъ запасомъ угля для столь далекаго плаванія. Этими
препятствіями, казалось, Югу и были отрѣзаны средства военнаго
снабженія изъ Европы, и истощивъ свой запасъ вооруженій, онъ дол-
женъ бы былъ скорѣй покориться могущественному и собственной фа-
ктической, и флотомъ, и торговыми связями со всѣмъ міромъ—Сѣверу.

Но конфедераты ухитрились обойти эти препятствія. По сосѣдству
съ американскимъ берегомъ, всего на разстояніи двухдневнаго плава-
нія отъ его портовъ лежатъ принадлежащія Англіи Бермудскіе и Ба-
гамскіе острова. Конфедераты и обратили свое вниманіе на нихъ.
Для нихъ цѣлей особенно выгодно было положеніе порта Нассау на
одномъ изъ Багамскихъ острововъ. Онъ лежитъ въ центрѣ архипелага,
такъ что блокадные суда не могли подходить къ нему близко, и ко-
рабль съ военною контрабандою еще далеко отъ порта укрывался въ
водахъ, принадлежащихъ Англіи, и на которыхъ его нельзя было преслѣ-
довать. Конфедераты завели въ Нассау своихъ агентовъ, и этотъ портъ,
до тѣхъ поръ обыкновенно пустой, вдругъ закипѣлъ дѣятельностью,
служа посредствующимъ звеномъ для доставки военной контрабанды.
Они приобрѣтали въ Англіи большія суда, которыя, прикрываясь ан-
глійскимъ флагомъ, имѣли на днѣ своемъ грузъ боевыхъ припасовъ и
орудій и прийдя въ портъ Нассау, перегружали эти припасы на мелкія,
ходкія суда, а сами нагружались хлопкомъ и шли обратно въ Англію.
Мелкія же суда конфедератовъ объявляли въ англійской таможнѣ въ
Нассау мѣстомъ своего назначенія сент-джонскій портъ въ Новомъ-
Брауншвейгѣ, портъ англійскій, и были выпускаемы таможеню въ ка-
чествѣ британскихъ судовъ, идущихъ въ британскій же портъ. Между

тѣмъ, эти мелкія суда легко пробирались по мелководнымъ мѣстамъ къ конфедератскому берегу, сдавали тамъ оружіе и нагружались въ свою очередь хлопкомъ, который везли опять въ Нассау. Такимъ образомъ, доставка военной контрабанды происходила безпрепятственно, и стѣснялась только необходимостью двойной перегрузки. Разумѣется, англійскія начальства въ Нассау не могли не знать этого, не могли не знать и главнаго агента конфедератовъ въ Нассау, нѣкоего Гейлигера, который завѣдывалъ всѣмъ этимъ дѣломъ; но они, по увѣренію американской записки, скорѣе благопріятствовали этой незаконной торговлѣ, чѣмъ принимали мѣры къ ея ограниченію.

Такъ, еще осенью 1861 года, конфедераты купили въ Лондонѣ пароходъ „Gladiator“. Онъ отправился подъ англійскимъ флагомъ съ грузомъ въ 500 тоннъ, и прибылъ въ Нассау 9-го декабря. Случилось такъ, что на слѣдующій же день въ этотъ портъ вошелъ корабль Соединенныхъ Штатовъ. Какъ было выйти „Гладиатору“ изъ порта въ присутствіи этого корабля, который тотчасъ пошелъ бы за нимъ, и выйдя изъ предѣла англійскихъ водъ, тотчасъ захватилъ бы его? Гейлигеръ, видя, что американскій корабль все стоитъ, не собиравшись уходить изъ порта, обратился къ англійскимъ начальствамъ съ представленіями, что „такъ не можетъ идти торговля“, и что надо бы объяснить американскому капитану, что оставаясь слишкомъ долго въ портѣ, онъ употребляетъ во зло англійское гостепріимство. „Я нѣмъ причину думать“, писалъ Гейлигеръ въ Ричмондѣ, „что эти аргументы не остались безъ дѣйствія, и что непріятельскому капитану будетъ дано понять, что отсутствіе его желательнѣе, чѣмъ его присутствіе“. Но тутъ же Гейлигеръ сообщалъ объ успѣхѣ гораздо болѣе важномъ, не частномъ, а общемъ, и именно, что ему удалось наконецъ получить отъ англійскихъ начальствъ разрѣшеніе перегружать въ портѣ клии съ однихъ судовъ на другія. Это разрѣшеніе, замѣчаетъ записка, въ дѣйствительности, превращало англійскій портъ Нассау просто въ сецаратистскій портъ съ тѣмъ преимуществомъ, что Соединенные Штаты не могли блокировать его.

Вслѣдствіе жалобъ по этому предмету, графъ Россель предписалъ въ январѣ 1862-го года, чтобы ни въ портъ Нассау и ни въ какой иной портъ на Багамскихъ островахъ, не были допускаемы, иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернатора, военныя суда или корсары какъ одной изъ воюющихъ сторонъ, такъ и другой. Но эта мѣра, повидимому справедливая, повела просто къ тому, что военныя корабли Соединенныхъ Штатовъ совсѣмъ уже не стали и допускать въ Нассау, а между тѣмъ конфедератскія суда, нагруженные хлопкомъ въ Америкѣ, спокойно приходили по прежнему въ Нассау подъ англійскимъ флагомъ, перегружали тамъ хлопокъ на англійскія суда, которые везли этотъ хлопокъ, принадлежащій англійской же фирмѣ Фрезеръ,

Трингольмъ и К°, въ Ливерпуль, а сами принимали отъ нихъ грузы оружія и боевыхъ припасовъ, съ которыми уже пробирались среди американской блокады по мелководнымъ мѣстамъ. Само собою разумеется, что американскій посланникъ въ Лондонѣ, Адамсъ, постоянно узнавалъ на все это въ то же время лорду Росселю, но лордъ Россель сообщалъ ему, что по донесенію начальника порта Нассау тамъ не было ни получасно военной контрабанды, ни отправляемо оттуда въ конфедератскіе Штаты.

Для опредѣленія размѣра этихъ операций, достаточно выписать нѣсколько цифръ изъ одного донесенія конфедератскаго интенданта Горгаса военному министру относительно закупокъ Юза въ Англіи, отправленныхъ на югъ Америки чрезъ посредство Гейлингера, перегружающаго ихъ въ Нассау: „куплено ружей 157,000, и весьма значительные запасы пороха, пѣхотной аммуниціи, конской сбруи, сабель, пистоновъ, селитры, свинца, одежды, бѣлья, башмаковъ, и нѣкоторое число пушекъ. Юзу за это послано изъ военнаго министерства (это все пишетъ Горгасъ объ операцияхъ Юза за 1862-й годъ) 3 милл. 95,139 долларовъ, 18 центовъ; но этого было далеко недостаточно, и онъ уже вошелъ въ долгъ на 444,850 фунтовъ, что съ курсомъ выходитъ на наши деньги 5,925,402 доллара....“ „Большая часть вещей отправлена была въ Нассау и оттуда доставлена въ порты конфедеративныхъ Штатовъ на ходящихъ паровыхъ судахъ. Съ недавняго времени перевозка направлена чрезъ Бермуду вмѣсто Нассау; необходимо купить еще нѣсколько легкихъ паровыхъ судовъ, для употребленія ихъ исключительно на перевозку грузовъ съ Бермуды.“

Эта перемѣна, то-есть перенесеніе центра перевозки съ Нассау на Бермуду произошло въ концѣ 1862-го года, такъ какъ изъ одного письма Юза видно, что портъ Нассау въ концѣ все-таки оказался опаснымъ. Съ 1863-го года бермудскій портъ сталъ конфедератскимъ складомъ, и ричмондское правительство имѣло три парохода, которые постоянно ходили туда. Итакъ, въ теченіи только 1861 и 1862 годовъ отдѣленіе военнаго министерства конфедератовъ въ Англіи закупило оружія и разныхъ припасовъ на около 9 милл. долл., а ихъ отдѣленіе министерства финансовъ произвело за это время платежей наличными деньгами на болѣе чѣмъ 3 милл. долл. Дѣятельность отдѣленія морского министерства конфедератовъ, какъ видно изъ мемуара, сдѣлалась известна вашигтонскому правительству только изъ донесеній американскаго консула въ Ливерпуль, такъ какъ корреспонденція конфедератскихъ властей по этой отрасли управленія не попала въ руки вашигтонскаго правительства. А между тѣмъ, это самая важная часть дѣла, такъ какъ требованіе о вознагражденіи основывается именно на ущербахъ, причиненныхъ торговлѣ и судоходству Соединенныхъ Штатовъ конфедератскими корсарами, вышедшими изъ англійскихъ верфей.

Морскую часть конфедератовъ въ Англіи управлялъ, какъ уже сказано, Боллокъ. Онъ, по догадкамъ, уже въ октябрѣ 1861-го года заключилъ контракты на постройку двухъ военныхъ судовъ, въслѣдствіи извѣстныхъ подъ именами „Florida“ и „Alabama“. „Флорида“ была заказана заводу Фоусеттъ, Престонъ и К^о; „Алебема“—заводу Лердъ, въ Ливерпулѣ. Боевое назначеніе этихъ пароходовъ по самой ихъ конструкціи не подлежало никакому сомнѣнію; оба они вышли изъ Ливерпуля не столько снаряженными, что окончательное снаряженіе ихъ, а именно вооруженіе, могло быть исполнено въ сутки для перваго и въ полторы сутки для втораго. Каждый изъ нихъ былъ снабженъ экипажемъ почти исключительно изъ англійскихъ подданныхъ. Кромѣ того, Боллокъ въ 1862-мъ году заказалъ еще шесть броненосцевъ.

Американскій консулъ въ Ливерпулѣ Дэдли и посланникъ въ Лондонѣ Адамсъ, вѣрно слѣдили за всѣми этими приготовленіями и представляли англійскимъ властямъ, то-есть какъ таможенному начальству въ Ливерпулѣ, такъ и министру иностранныхъ дѣлъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ этихъ судовъ, прося, чтобы, на основаніи англійскихъ законовъ и прокламаціи королевы о нейтральности, суда эти не были выпускаемы изъ англійскихъ портовъ. Но британское правительство, во-первыхъ, само рѣшительно ничего не дѣлало, чтобы разслѣдовать дѣло, предоставляя американскимъ властямъ весь трудъ собрать на англійской почвѣ, посредствомъ свидѣтелей-англичанъ и передъ англійскими же судебными властями, безусловно-неопровержимыя доказательства назначенія конфедератскихъ корсаровъ, то-есть факта, который былъ отлично извѣстенъ всей странѣ, между тѣмъ какъ Лердъ, заводчикъ строившій „Алебему“, сидѣлъ въ палатѣ общинъ. Во-вторыхъ, англійское правительство отговаривалось ссылкою на разныя пробѣлы въ муниципальных законахъ, которые лишали его возможности дѣйствовать непосредственнымъ образомъ. Американская записка старается доказать, что муниципальные законы могутъ обусловливать внутреннія отношенія властей въ государствѣ, но не могутъ ограничивать дѣйствіе права международнаго и не могутъ освобождать государство отъ ответственности за ущербъ, нанесенный другой державѣ.

Королевская прокламація о нейтралитетѣ воспрещала британскимъ судамъ нарушать блокаду южныхъ портовъ, установленную правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, но англійскія власти своими дѣйствіями способствовали нарушенію блокады; онѣ дозволили перегрузку военныхъ припасовъ въ колоніальныхъ портахъ, и въ то же время воспрещали военнымъ судамъ Соединенныхъ Штатовъ входить въ эти порты; наконецъ, лордъ Пальмерстонъ официально объявлялъ Адамсу, что нельзя допустить (that it would not do), чтобы американскіе военные корабли подвергали слишкомъ строгому осмотру встрѣчаемыя ими на морѣ англійскія суда, а между тѣмъ вся военная

контрабанда и перевозилась въ Америку подъ англійскимъ флагомъ. Англійскій законъ 1819-го года противъ вербовки британскихъ подданныхъ для иностранныхъ войнъ (Foreign Enlistment Act) воспрещаетъ употребленіе англійскихъ судовъ въ качествѣ транспортовъ, между тѣмъ суда, о которыхъ было извѣстно, что они принадлежатъ одной конфедерациі и употреблялись ими на перевозку боевѣхъ припасовъ, безъ всякаго стѣсненія, прикрывались англійскимъ флагомъ и находили дружественный пріемъ въ англійскихъ портахъ. Послѣдовавшее въ 1862-мъ году распоряженіе, воспрещавшее судамъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ входить въ портъ Нассау иначе, чѣмъ съ особаго разрѣшенія губернатора или по случаю непогоды, принималось на практикѣ въ такомъ смыслѣ, что такое позволеніе давалось каждому конфедератскому корсару, а судамъ Соединенныхъ Штатовъ давалось рѣдко или и вовсе не давалось. Точно также и распоряженіе о томъ, чтобы суда воюющихъ сторонъ не снабжались въ британскомъ портѣ большимъ количествомъ угля, чѣмъ какое было необходимо по расчету, для перехода къ ближайшему пункту на его пути, принималось къ судамъ Соединенныхъ Штатовъ, а къ конфедератскимъ судамъ вовсе примѣняемо не было.

Американскій посланникъ своевременно указывалъ англійскому правительству на смыслъ всѣхъ этихъ дѣйствій, и наконецъ изложивъ имъ всѣхъ, съ удостовѣреніями cadaго изъ нихъ, представлялъ ихъ графу Росселю какъ цѣлую систему дѣйствій, враждебнаго Соединеннымъ Штатамъ. Но Россель отвѣчалъ, что „правительство ея величества не видитъ въ настоящей корреспонденціи достаточнаго доказательства дѣйствій, которыя бы представляли систему непосредственно враждебныхъ Соединеннымъ Штатамъ актовъ“; что относительно постройки броненосцевъ для Юга въ Англии, не представлено доказательства, которое могло бы служить поводомъ къ уголовному преслѣдованію, а что остальные изъ изложенныхъ фактовъ не нарушаютъ законовъ. „Иными словами“, замѣчаетъ авторъ записки, „лордъ Россель выражалъ здѣсь, что единственное нарушеніе международнаго права, на которое правительство ея величества намѣрено обратить вниманіе, была бы постройка броненосцевъ (здѣсь въ запискѣ есть очевидная натяжка; замѣтимъ мы), и что никакихъ мѣръ не будетъ принято противъ лицъ, нарушавшихъ нейтралитетъ, иначе какъ подъ условіемъ, чтобы должностныя лица Соединенныхъ Штатовъ приняли на себя и сыграли успѣшно роль сыскныхъ агентовъ и приобрѣли такіа доказательства вины, которыя были бы достаточны для британскаго суда, чтобы признавать фактъ нарушенія мѣстнаго закона“.

Такимъ образомъ и сдѣлалось возможнымъ, что изъ британскихъ портовъ вышли конфедератскіе крейсера, которые разорили потомъ торговлю Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ вышли *изъ снаряженныхъ*

видѣ, до такой степени, что затѣмъ могли быть вооружены въ теченіе 24-хъ часовъ.

Корсары, за дѣйствія которыхъ Соединенные Штаты въ настоящее время требуютъ вознагражденія, были слѣдующіе: Sumter, Nashville, Florida, Clarence, Tacony, Archer, Alabama, Tuscaloosa, Retribution, Georgia, Tallahassee, Chicamunga, Shenandoah. Названія здѣсь расположены въ порядкѣ снаряженія этихъ судовъ.

Для того, чтобы показать примѣръ, какимъ образомъ конфедератское правительство могло приобрести себѣ въ Англіи эту грозную флотилію крейсеровъ, и какимъ образомъ они могли выходить изъ англійскихъ портовъ несмотря на нейтралитетъ Англіи, намъ достаточно будетъ остановиться на „Элебемъ“, которая сдѣлала наиболѣе вреда и дала свое имя всему этому дѣлу.

Командиръ „Элебеми“, извѣстный капитанъ Семмсъ (Semmes), издалъ въ послѣдствіи книгу о своихъ приключеніяхъ на морѣ. Въ ней онъ показываетъ слѣдующіе размѣры своего судна: длина 230 футовъ, ширина 32 фута, глубина 20 футовъ, несетъ 900 тоннъ, сидитъ въ водѣ при полномъ запасѣ угля и продовольствія 15 футовъ; машины 4 были въ 300 лошадей силъ; она имѣла 8 орудій, изъ нихъ одно 100-фунтовое, одно 8-дюймовое, остальные—32-фунтовые.

Боллокъ заказалъ ее у Лерда въ Ливерпулѣ, прямо назвавъ для военныхъ цѣлей южной конфедерации. Чертежи были подписаны Лердомъ 9-го октября 1861-го года, и въ томъ же мѣсяцѣ состоялось заключеніе контракта. Постройка ея обошлась около 255 тысячъ долларовъ; платежъ былъ произведенъ названными выше финансовыми агентами конфедератовъ. Самъ Боллокъ ежедневно являлся на постройку и наблюдалъ за нею. Когда она была спущена, то вмѣсто названія получила номеръ 290. Офицеры, назначенные для нея, ожидали ее изготовленія въ Англіи и брали въ это время жалованье помѣсячно отъ тѣхъ же Фрезеръ, Тренгольмъ и К°, въ Ливерпулѣ.

Американскій консулъ въ Ливерпулѣ Дадли заподозрилъ это судно еще во время постройки. Въ іюнѣ 1862-го года, самъ Адамсъ написалъ лорду Росселю, что строится въ Ливерпулѣ новый военный пароходъ для конфедератовъ и скоро будетъ готовъ послѣдовать въ „Флоридою“ (та вышла раньше), и что пароходъ этотъ строится въ ливерпульскомъ докѣ, одинъ изъ владѣльцовъ котораго есть членъ англійской палаты общинъ. Лордъ Россель отвѣчалъ на это въ началѣ іюля, что консулу слѣдуетъ обратиться къ смотрителю порта (collector), который приметъ мѣры сообразно съ законами, и что между тѣмъ „должностныя лица въ Ливерпулѣ будутъ строго слѣдить за этимъ кораблемъ“. Тогда консулъ, по предписанію посланника, обратился къ начальнику ливерпульской таможни, Эдвардсу. Эдвардсъ отвѣчалъ, что доказательства о назначеніи этого судна для военныхъ цѣлей

Конфедерация въ юридическомъ смыслѣ недостаточны, чтобы по нимъ можно было взять на себя отвѣтственность въ задержаніи его“.

Въ Ливерпулѣ было не мало людей, которые знали, что такое № 290, спущенный у Лердовъ; но какъ достать доказательство, достаточное для задержанія и преданія суду? Требовалось показаніе подъ присягою нѣсколькихъ свидѣтелей; но подъ присягою могли показывать только близко стоявшіе къ дѣлу, а эти были заинтересованы давать такого показанія. Однако же консулу Дэдди удалось уже въ дни десятиокъ, а именно 21-го іюля представить смотрителю присяжныхъ показанія (affidavits) о назначеніи нумера 290. Смотритель въ тотъ же день отправилъ эти показанія въ высшее военное управленіе въ Лондонѣ, прося дать ему предписаніе по телеграфу, „такъ какъ судно невидимому готово къ плаванію и можетъ выйти въ море въ одинъ изъ ближайшихъ часовъ“. Самъ Дэдди явился въ Лондонъ, и 23-го числа представилъ копіи присяжныхъ показаній знаменитому адвокату Колльеру¹⁾. Показанія эти были въ сущности слѣдующаго содержанія: № 290 есть боевой корабль, который находится въ распоряженіе американской конфедерации для войны съ Соединенными Штатами; завербованный для нея экипажъ состоитъ изъ людей прежде служившихъ на военныхъ судахъ; они явятся на корабль въ самомъ докѣ Лерда; если не будетъ принято мѣръ немедленно, то онѣ будутъ безуспѣшны.

Колльеръ, пересмотрѣвъ показанія, высказалъ слѣдующее мнѣніе: едва ли возможно доказать болѣе явное нарушеніе закона противъ корабля, который, если не будетъ охраненъ въ этомъ случаѣ, долженъ остаться мертвою буквой. Заслуживаетъ вниманія вопросъ, не будетъ ли такое правительство имѣть серьезныхъ поводовъ къ упрекамъ (groundance), если судно допущено будетъ уйти“. А такъ какъ № 290 былъ готовъ къ отплытію, то Дэдди, по совѣту самого Колльера, въ тотъ же день представилъ его отзывъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ и секретарю главнаго таможеннаго управленія. Но товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ (Лейрдъ?) отказался обсуждать это дѣло съ консуломъ, и даже не прочелъ отзыва Колльера; секретарь же таможеннаго управленія отвѣчалъ, что это управленіе не можетъ ничего сдѣлать безъ предписанія министерства финансовъ (The Treasury Lords). Этотъ послѣдній отвѣтъ былъ полученъ консуломъ Дэдди только 28-го числа.

Но вѣстѣ съ тѣмъ дѣло велось и по обыкновенному пути дипломатическихъ сношеній. На другой же день послѣ представленія смотрителю порта, а именно 22-го числа, копіи присяжныхъ показаній Дэдди,

¹⁾ Тому самому, котораго причисленіе къ тайному совѣту едва не повело къ пораженію министерства въ началѣ нынѣшней сессіи парламента.

Магайра, Да-Коста, Вильдингта, Пассмора были сообщены лорду Росселю посланникомъ Адамсомъ; 24 числа посланы были къ нему Адамсомъ и еще два показанія Роберта и Тэлора.

Лордъ Россель увѣдомилъ о ихъ полученіи 28-го числа, и въ этотъ же день показанія эти были рассмотрѣны коронными юристами, которые вечеромъ того же дня постановили свое заключеніе и передали его утромъ 29-го числа лорду Росселю. Такимъ образомъ свѣдѣніе, которое было необходимо англійскому правительству для задержанія корсара, было сообщено ему тремя путями, а именно чрезъ смотрителя порта, чрезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, наконецъ чрезъ самого министра; первымъ путемъ свѣдѣніе уже было послано въ Лондонъ 21-го числа, а между тѣмъ оно не поступало на рассмотрѣніе коронныхъ юристовъ до 28-го числа. Съ 21-го по 29-е число, когда послано было наконецъ приказаніе задержать судно, прошло восемь дней, а между тѣмъ „Элебема“ ушла! Въ самый день отправления изъ Лондона предписанія о задержаніи ея, секретарь главнаго таможеннаго управленія получилъ телеграмму изъ Ливерпуля такого содержания: „№ 290 вышелъ нынѣшней ночью изъ дока, а утромъ вышелъ изъ порта“. Такъ-то ливерпульскія начальства сдержали обѣщаніе лорда Росселя, что „за кораблемъ будутъ строго слѣдить“.

При свиданіи лорда Росселя съ Адамсомъ, 31-го числа, англійскій министръ первый заговорилъ о „290“ и объяснилъ, что промедленіе въ этомъ дѣлѣ произошло по винѣ случайности, а именно вслѣдствіе внезапной болѣзни королевскаго адвоката, сэра Д. Гардинга, лишившей его возможности заниматься дѣлами; вслѣдствіе того, пришлось замѣнить его другимъ лицомъ, и оттого произошло, что предписаніе о задержкѣ судна было дано слишкомъ поздно. Онъ обѣщалъ однако же предписать, чтобы оно было задержано въ Нассау, въ случаѣ если оно тамъ появится. Такимъ образомъ, самъ британскій министръ официально призналъ, что „Элебему“ правительство обязано было задержать и не задержало только вслѣдствіе случайности.

Но „Элебема“ не торопясь спустилась по Мёрси, имѣя на своей палубѣ Воллока, обоихъ Лердовъ и нѣсколькихъ дамъ. Затѣмъ она остановилась на берегу Англьси и простояла тамъ полторы сутки, но задержана не была. Консулъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ задержать отправлявшійся вслѣдъ за нею экипажъ изъ 40-ка человекъ, но таможенное начальство, сдѣлавъ спросъ этимъ людямъ и получивъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что они принадлежатъ къ экипажу ушедшаго судна, не задержало ихъ, а потребовало опять привязаній изъ Лондона; экипажъ разумѣется отплылъ къ „Элебемѣ“. Когда она оставила бухту Молифра, экипажъ ея составлялъ уже 90 чел.; она обошла Ирландію чрезъ Ирландскій каналъ на сѣверъ, и направилась къ Азорскимъ островамъ. Тамъ, у острова Терсейры, уже 18-го августа, къ ней прибылъ изъ Лон-

дней пароходъ *Agrippina*, съ пушками, боевыми снарядами и всѣми запасами, и другой пароходъ съ командиромъ Рафаиломъ Семмсомъ и офицерами другого конфедератскаго корсара *Sumter*'а, назначенными въ „Элебему“. Съ *Sumter*'а на нее были перенесены также два 32-фунт. орудія; 24-го числа Элебема вышла въ море съ 26-ю чел. высшихъ и 38 нижнихъ чиновъ экипажа, и подняла конфедератскій флагъ.

На полное вооруженіе ея, послѣ того, какъ она вышла изъ Ливерпуля, потребовалось немного болѣе однихъ сутокъ. Что изъ Ливерпуля она вышла снаряженною въ видѣ военного корабля, хотя безъ пушекъ, это утверждается присяжными показаніями другихъ свидѣтелей, да и самъ графъ Россель, въ одной официальной бумагѣ въ Адмиралу, выразился такъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что „Элебема“ отчасти снаряжена въ британскомъ портѣ“. Семмсъ съ „Элебемой“ имѣлъ страхъ на торговлю Соединенныхъ Штатовъ. Она отлично ходила подъ парусами, и такъ какъ могла имѣть топлива только на 18 дней, то Семмсъ, оставляя топливо на случай крайности, постоянно держалъ ее подъ одними парусами, и такъ захватилъ, за немногими исключеніями, всѣ свои добычи. На первомъ же плаваніи въ Мексиканскій заливъ, она уничтожила нѣсколько торговыхъ судовъ и военный пароходъ Соединенныхъ Штатовъ *Hatteras*, потомъ пошла на Ямаку, на мысъ Доброй Надежды, въ Остиндію; вернулась оттуда съ мысу Доброй Надежды въ мартѣ 1864 года, и наконецъ въ іюнѣ того же года, при выходѣ изъ французскаго порта Шербурга, была перехвачена американскимъ военнымъ пароходомъ „Кирсерджемъ“ (*Keagsardge*), въ пользу экипажа котораго недавно вонтрессомъ назначено особое денежное награжденіе. Характеристичны для сравненія въ этомъ дѣлѣ вопроса національнаго самолюбія между Англіею и Америкой слѣдующія слова официальной записки, въ которыхъ упоминается о видѣ „Элебемы“: „19-го іюня, въ виду Шербурга, этотъ крейсеръ англійской постройки, съ англійскими вооруженіями и англійскимъ экипажемъ (*British-built, British-armed and British-manned*) потянулъ подъ огонь американскихъ орудій“.

Для первоначальнаго соглашенія по возникшему спору между Англіею и Америкой о вознагражденіи, годъ тому назадъ, въ Вашингтонѣ собралось по пяти комиссаровъ со стороны Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Уже въ этой коммисіи со стороны Соединенныхъ Штатовъ было предъявлено требованіе о вознагражденіи, какъ за прямыя убытки, нанесенные ихъ торговлѣ захватомъ судовъ или инымъ разрушеніемъ собственности конфедератскими крейсерами и происшедшіе отъ расходовъ на преслѣдованіе этихъ крейсеровъ, такъ и за косвенные убытки. Прямые убытки, навѣшенныя на частныхъ лицъ, были исчислены въ 14 милліоновъ долларовъ; сверхъ того имѣются еще прямыя убытки казны по преслѣдо-

ванію крейсеровъ. Косвенные убытки представлялись переводомъ значительной части всѣхъ торговыхъ судовъ Америки во владѣніе англійскихъ подданныхъ, для прикрытія ихъ бригадскими флагомъ, возвышеніемъ страховыхъ премій на перевозку, продленіемъ самой войны и увеличеніемъ расходовъ на ея окончаніе. Итакъ, сумма 14 милл. долл. представляетъ только малую часть всѣхъ требованій, такъ какъ она есть оцѣнка частныхъ убытковъ, безъ включенія притомъ процентовъ на нихъ лѣтъ за десять, и сама еще можетъ увеличиться дѣйствительными исками частныхъ лицъ о потеряхъ. Что касается косвенныхъ убытковъ, то американскіе комиссары не опредѣляли ихъ суммы, предоставляя это опредѣленіе „дружественному соглашенію“, оговариваясь однако, что въ случаѣ, если такого полюбовнаго опредѣленія не состоится, итогъ косвенныхъ убытковъ будетъ выведенъ Соединенными Штатами на основаніи собственнаго разслѣдованія.

Англійскіе комиссары съ самаго начала отказались отъ полюбовнаго опредѣленія косвенныхъ убытковъ. Однакоже въ подписанномъ затѣмъ обѣими сторонами вашингтонскомъ трактатѣ косвенные убытки хотя и не признаны прямо, но и не исключены. Трактатъ представляетъ третейскому суду „устранить и удовлетворить (remove and adjust) всѣ претензіи, истекающія (growing out) изъ дѣйствій, совершенныхъ тѣми судами, которые подали поводъ къ искамъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ элбеумскихъ претензій (Alabama Claims). Такая неопредѣленность, то-есть просторъ, допущенный буквою трактата, очевидно, невыгодна для Англій, и въ этомъ вина ея уполномоченныхъ. Ясно, что та сторона, которая обязывается уплатить по претензіямъ, должна принять первоначально всѣ мѣры къ возможно точнѣшему опредѣленію самаго рода претензій; всякая неопредѣленность въ этомъ случаѣ служить прямо въ пользу стороны, предъявляющей претензіи. Но видно, что британскихъ комиссаровъ всего болѣе занимала въ этомъ дѣлѣ сторона политическая, вопросъ о національномъ достоинствѣ. Они всего болѣе заботились, какъ бы согласіе Англій ни съ того, ни съ сего, вдругъ заплатить штрафъ, не получило вида признанія Англій въ ея винѣ. Вотъ почему они настаивали преимущественно на томъ, чтобы включить въ трактатъ отрицаніе вины со стороны Англій, и дѣйствительно, оговорили въ немъ согласіе Англій на посредническій разборъ дѣла и на уплату имѣющаго быть присужденнымъ вознагражденія, собственно изъ желанія удостовѣрить и поддерживать дружественныя отношенія ея къ Соединеннымъ Штатамъ. Изъ этого собственно желанія, Англія и соглашалась признать нормальными обязанности нейтралитета, какъ онѣ были изложены американскими дипломатами, но съ положительной оговоркою, что въ то время, когда произошли дѣйствія, о которыхъ идетъ рѣчь, эти правила не существовали и соотвѣтствующія имъ обязанности не истекали для Ан-

гнѣ изъ международнаго права. Такимъ образомъ, по смыслу протокола комиссаровъ и заявленія со стороны Англіи въ текстѣ самого трактата выходило, какъ будто она просто по доброй волѣ дѣлаетъ подарокъ Америкѣ, или если хотите, общаетъ ей подачку, къ которой сама вовсе не обязана, чтобы только развязаться съ нею. Въ этомъ смыслѣ вашингтонскій трактатъ въ свое время и былъ расквѣтъ въ Англіи и составлялъ гордость англійской дипломатіи, и графъ де-Грей-и-Рипонъ получилъ за него титулъ маркиза Рипонъ.

Но обративъ вниманіе преимущественно на эту сторону дѣла, англійскіе комиссары повидимому упустили изъ виду, что Англіи вѣдь все-таки придется платить по всѣмъ тѣмъ претензіямъ, которыя трактатомъ не исключены прямо. И когда Гладстонъ, получивъ американскую записку, отозвался, что претензія о косвенныхъ убыткахъ неѣла, и что выводить ее изъ вашингтонскаго трактата смѣшно, то такой отзывъ его менѣе оправдывался буквою трактата, чѣмъ раздраженіемъ его при видѣ американской попытки воспользоваться до крайнихъ предѣловъ промахомъ англійской дипломатіи.

Въ томъ же документѣ, приложенныхъ къ американской запискѣ, заключаются всѣ собранныя доселѣ данныя для опредѣленія какъ прямыхъ потерь, такъ и косвенныхъ убытковъ. Относительно косвенныхъ убытковъ есть ссылка на одну изъ рѣчей Кобдена, произнесенную въ маѣ 1864-го года, въ которой есть между прочимъ слѣдующее интересное свѣдѣніе относительно вліянія появленія конфедератскихъ крейсеровъ на американское торговое мореплаваніе: въ первую треть 1860 г. оборотъ иностранной торговли одного Нью-Йорка доходилъ до 92 милл. долл.; въ этой суммѣ заключалось цѣнностей на 62 милл. долл., перевезенныхъ на американскихъ судахъ, и на 30 милл. долл. перевезено было на судахъ иностранныхъ; въ соотвѣтствующую же треть 1863 г., весь оборотъ Нью-Йорка составлялъ только 88 милл. долл., а изъ нихъ на американскихъ судахъ перевезено уже только на 23 милл. долл., остальная же масса на сумму 65 милл. перевезена на судахъ иностранныхъ. Такъ мореплаваніе переходило въ иностранныя руки. Еще примѣръ: въ 1858-мъ году американцами переведено на имя англійскихъ капитановъ всего 33 судна, совокупностью въ около 12½ тысячъ тоннъ вѣстности; въ 1863-мъ же году—348 судовъ, въ 252½ тысячи тоннъ вѣстности.

Относительно продленія войны и сопряженнаго съ этимъ обстоятельствомъ излишка понесенныхъ Соединенными Штатами расходовъ, американская записка доказываетъ, что если бы конфедераты не получали поддержки со стороны моря, и еслибы они не рассчитывали прямо на возможность войны между Англіею и Соединенными Штатами, то сопротивленіе ихъ кончилось бы годомъ ранѣе, а именно въ іюлѣ 1863-го года, когда Ли отступилъ отъ Геттисберга, послѣ пораженія

въ трехдневной битвѣ, и когда сухопутныя силы южанъ въ сущности уже были разрушены.

По всѣмъ этимъ ущербамъ и убыткамъ, Соединенные Штаты ожидаютъ вознагражденія; вашингтонское правительство предоставляетъ третейскому суду опредѣлить самую цѣнность всѣхъ этихъ убытковъ и затѣмъ присоединить къ нимъ итогу процентъ по 7, начиная съ какаго либо числа, принятаго за средній терминъ ихъ нанесенія, наприимѣръ съ 1-го іюля 1863-го года, проситъ судъ назначить на такихъ основаніяхъ валовую сумму (a sum in gross), которая должна быть уплачена имъ Англіи.

Обѣ записки, какъ американская, которой обзоръ мы представили, такъ и англійская, которая обнародована не была, уже представлены третейскому суду, собравшемуся въ Женевѣ. Англійское правительство, представляя свою записку, присоединило къ ней ноту, въ которой протестуетъ противъ требованія о косвенныхъ убыткахъ, и заявляетъ, что на случай, если это требованіе не будетъ взято назадъ, оно сохраняетъ за собой право отречься отъ предоставленія всего этого дѣла разсмотрѣнію третейскаго суда. Въ вашингтонскомъ сенатѣ и въ палатѣ представителей въ послѣднее время сдѣланы были нѣкоторые заявленія въ смыслѣ возможности взять обратно требованіе о косвенныхъ убыткахъ. Но заявленія эти исходили не отъ правительства, а отъ послѣдняя нота по этому вопросу, по слухамъ, настаиваетъ на всѣхъ требованіяхъ. Третейскій судъ долженъ начать свои сужденія съ 15-го іюня, если до того времени дѣло не разстроится совсѣмъ полнымъ отсутствіемъ согласія во взглядахъ прямо заинтересованныхъ сторонъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Поворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи.

13 (25) апрѣля, 1872.

Съ нѣкоторыхъ поръ общественное настроеніе у насъ начинаетъ нѣсколько проясняться; есть, конечно, много еще предметовъ, вызывающихъ на печальное размышленіе, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто начинаютъ вѣрить въ лучшее будущее. Быть можетъ и нельзя объяснить, на чемъ основываются подобныя надежды, но самій фактъ существованія этихъ надеждъ характеристиченъ для настоящаго положенія дѣлъ. Злые языки утверждаютъ, что мы обязаны лучшимъ настроеніемъ умовъ отсутствію національнаго собранія, которое разо-

на вакаціи три недѣли. тому назадъ и только сегодня вернется въ свои обязанности. Но въ предыдущія вакаціи собранія, прошедшей осенью, царствовало глухое волненіе и большая тревога. Тогда всѣ вѣрили въ неминуемость бонапартистскаго переворота. Остальныя партіи также сильнѣе волновались, чѣмъ теперь. Толковали, что все очень дурно настроено и готово пристать къ первому встрѣчному. Всѣ эти тревожные признаки и слухи значительно ослабили въ настоящее время, а власть Тьера повидимому получила больше обаянія и прочности. Лица, побывавшія въ департаментахъ, утверждаютъ единодушно, что тамъ довольны правительствомъ, желаютъ, чтобы существованіе его продлилось и охотно надѣются на это, отбрасывая самую мысль о его непрочности, естественную въ виду преданныхъ лѣтъ Тьера. На югѣ красная партія, которую правительство шатало, возбуждаетъ нѣкоторое безпокойство, а въ торговыхъ центрахъ все еще существуетъ оппозиція противъ протекціонистскихъ мнѣній президента республики; но всѣ эти тучи сравнительно низки. Словомъ, въ настоящее время положеніе дѣлъ лучше, или, по крайней мѣрѣ, такимъ, какимъ не было никогда со времени коммуны. Совершенно тѣмъ странныя явленія возбуждаютъ намъ по временамъ, что все еще обстоитъ благополучно. Напримѣръ, приходило ли вамъ когда-либо въ голову, что воры могутъ украсть цѣлую батарею съ оружіемъ и боевыми припасами, изъ-подъ носа у цѣлаго гарнизона? А между тѣмъ это случилось недавно въ Венсенскомъ фортѣ, и уже одинъ этотъ фактъ, самъ по себѣ говорящій лишь о небрежности со стороны начальниковъ и о соучастіи со стороны часовыхъ, можетъ выяснить, насколько необходима нравственная реорганизація арміи.

Однимъ изъ самыхъ рельефныхъ эпизодовъ послѣдняго времени былъ процессъ, который генералъ Трошю затѣялъ противъ газеты „Фигаро“. Я намѣренъ подробно поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ; тутъ генералъ Трошю хотя и одержалъ весьма сомнительную побѣду, но на то и бонапартисты обманулись въ своихъ расчетахъ. Трошю особенно ненавистенъ дѣятелямъ имперіи. Они ненавидѣли и боялись его раньше войны, потому что онъ все же честный человѣкъ; но ненависть ихъ удесатерилась со времени 4-го сентября, и этой ненависти, весьма впрочемъ искренней, не чужды макіавеліевскій расчетъ. Я уже, кажется, говорилъ вамъ, съ какой ловкой настойчивостью они старались свалить на революцію 4-го сентября ответственность за всѣ бѣдствія Франціи, и съ какой непостижимой туостью всѣ другія реакціонныя партіи вторили имъ изъ ненависти къ республикѣ. Еслибы не эта проклятая и преступная революція, дѣло-молъ не было бы проиграно. У императорской Франціи были союзники; Италія, Австрія готовы были выступить ей на помощь; сама Россія вмѣшалась бы въ дѣло, хотя бы для охраненія цѣлости территоріи,—еслибы имперія не

была низвергнута. Вотъ нагѣлая тема, опровергаемая самыми дѣйствительными фактами, насчетъ которой бонапартистскія газеты, все многочисленные въ Парижѣ, не переставали распространяться въ теченіи цѣлаго года, хорошо зная, что самыя дикія глупости до какой степени получаютъ право гражданства, если часто повторяются особенно когда имѣешь дѣло съ такой легкомысленной публикой, какъ французская. Можно утверждать, что революція 4-го сентября была великимъ несчастіемъ, но несомнѣнно и то, что это несчастіе было неизбежнымъ, разъ имперія была разбита: эта имперія была слишкомъ сильно опиралась единственно на шарлатанскіе успѣхи. Итакъ, люди, занимавшіе на себя, послѣ паденія имперіи, мало завидную отвѣтственность власти, были представлены заговорщиками, стремившимися и пользоваться всѣми возможными обстоятельствами, хотя бы самыми пагубными, и имперія пала не вслѣдствіе своихъ неудачъ, а вслѣдствіе заговора. Но это еще не все; имперія была такъ прочна, что этотъ заговоръ никогда не увѣнчался бы успѣхомъ, еслибы человѣкъ облеченный довѣріемъ императора въ самую роковую минуту и вѣрою, въ качествѣ губернатора Парижа, вручена была охрана столицы не перешелъ въ лагерь заговорщиковъ, измѣнивъ императору самымъ позорнымъ образомъ. Этотъ человѣкъ — генералъ Трошию, который стремится сдѣлать возкомъ отпущенія. Вотъ почему по знаку, данному изъ Чайльзгерста, та часть нашей прессы, которая живетъ исключительно скандалами и нападками на личности, набросилась на генерала Трошию, точно стая гончихъ. Не проходило быть можетъ одного дня, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ который бы бывшему губернатору Парижа не приходилось выдерживать перекрестный огонь самыхъ нагѣпныхъ обвиненій, со стороны пяти или шести издѣлокъ. Рѣшено было не давать ему ни минуты покоя и вывести изъ себя. Генералъ долго выказывалъ терпѣніе стояка или лучше скажи христіанина, за котораго онъ выдаетъ себя, и быть можетъ ему даже было бы до конца держаться тактики равнодушія. Его окончателъно вывелъ изъ себя формальный обвинительный актъ противъ него, напечатанный въ „Фигаро“ и превосходившій по гнусности и оскорбительности все то, что было до того напечатано. Эта газета не всегда бываетъ расположена въ пользу бонапартистовъ, а лишь по временамъ когда находитъ это выгоднымъ. На этотъ разъ она, должно быть признала это выгоднымъ и открыла свои столбцы для одного изъ самыхъ обезславленныхъ и ядовитыхъ писателей бонапартистской партіи. Этотъ писатель, по имени Витю, формально обвинялъ генерала въ томъ, что онъ принялъ постъ губернатора съ опредѣленною цѣлью измѣнить императору и низвергнуть его, и искажалъ факты самымъ наглымъ образомъ. Далѣе, онъ подвергалъ самой злобной критикѣ всѣ дѣйствія генерала, которыя онъ предпринималъ, находилъ

обороны Парижа. Къ несчастію, въ этой второй половинѣ обвинительнаго акта онъ имѣлъ за себя законное неудовольствіе страстные предразсудки общественнаго мнѣнія. Никто не можетъ сказать, что генералъ Трошию хорошо выполнялъ трудныя обязанности съ честью вынесъ отвѣтственность, возложенную на него судь-

Будучи отличнымъ служакой на второстепенныхъ постахъ, хорошимъ дивизіоннымъ генераломъ, умнымъ писателемъ, талантливымъ ораторомъ, Трошию оказался, когда судьба выдвинула его на первый планъ, не столько несостоятельнымъ, не сумѣлъ воспользоваться силами, имѣвшимися на лицо и не выказалъ большихъ административныхъ способностей. Не мало парализовало его дѣйствія убѣжденіе, сложившееся само съ самаго начала, что оборона Парижа не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Это недовѣріе доказывало бытъ можетъ его разсудительность, но еслибы у него было побольше слѣпой вѣры, то онъ бытъ можетъ дѣйствовалъ бы энергичнѣе, и оборона могла бы быть блистательнѣе и продолжительнѣе, хотя бы и не увѣнчалась побѣдой. Достаточно бы было съ самаго начала ввести болѣе правильную и строгую систему продовольствія жителей, чтобы продлить на мѣсяцъ или на два сопротивленіе столицы. Но никто изъ членовъ правительства, а генералъ Трошию болѣе чѣмъ кто-либо, не вѣрилъ, что столица продержится даже столько, сколько она продержалась на самомъ дѣлѣ, а потому и не считалъ нужнымъ подвергать жителей всей строгости стоящей осады. По этой самой причинѣ долго не рѣшались пригнать къ серьезной военной организаціи довольно значительныхъ, но разрозненныхъ и разброшенныхъ силъ столицы. Все то, что было предпринято, по всей вѣроятности не повело бы ни къ чему, но тѣмъ не менѣе было много важныхъ ошибокъ, которыя всею своей тяжестью легли главнымъ образомъ на генерала Трошию. Парижане имѣютъ полное право быть имъ недовольны, и можно осуждать лишь преувеличенность этого недовольства. Но, скажете вы, зачѣмъ онъ шелъ на такую затѣю, если не надѣялся совершить ничего путнаго? Я отвѣчу, что онъ все-таки оказалъ большую, очень большую услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія его личнаго спокойствія и его репутаціи, какъ военнаго, ему выгоднѣе было бы стушеваться послѣ паденія имперіи или же служить новому правительству на второстепенномъ и не отвѣтственномъ отъ отвѣтственности постѣ. Но, съ одной стороны, если онъ оказался гениальнымъ полководцемъ и организаторомъ, какимъ его считали и какимъ онъ бытъ можетъ самъ себя считалъ, то почти несомнѣнно, что никто другой на его мѣстѣ не принесъ бы болѣе пользы. Съ другой стороны, и въ этомъ вся суть, онъ былъ единственнымъ человекомъ, который пользовался всеобщей популярностью, въ эпоху революціи 4-го сентября. Онъ одинъ могъ привлечь одновре-

мению стипендіи буржуазіи, народа и арміи, и придать такимъ образомъ нѣкоторое значеніе и авторитетъ злополучному правительству народной обороны: безъ него оно не продержалось бы быть можетъ и недѣли. По крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ, и по моему мнѣнію не очень ошибался. Слѣдовательно онъ сознательно пожертвовалъ своей популярностью тому, что искренно считалъ великимъ политическимъ и нравственнымъ долгомъ, и съ этой точки зрѣнія поведение его было не только достойно одобренія, но даже и почтенія. Но дюжинные люди, поклоняющіеся только успѣху, не принимаютъ въ расчетъ подобныхъ заслугъ. Въ глазахъ большинства парижанъ генералъ просто на просто военный честолюбецъ, безсильный болтунъ и только. Я знаю даже такихъ, которые заходятъ гораздо дальше и искренно убѣждены, что онъ продалъ Парижъ пруссакамъ за деньги.

Итакъ, со стороны генерала было довольно рискованнымъ предпріятіемъ повергать на усмотрѣніе присяжныхъ, двѣнадцати изъ нихъ, избранныхъ на удачу изъ среды населенія враждебно настроеннаго, обвинительный актъ, столь же ловко составленный, сколько и рѣзкій, и направленный противъ него газетой „Фигаро“ отъ имени бонапартистской партіи. Такъ какъ подсудимымъ предоставлено было право доказывать, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, истинность фактовъ, заявленныхъ ими, то оправданіе ихъ могло равняться осужденію генерала. Еслибы ихъ не осудили, то это значило бы, что они были правы, нападая на него и обвиняя его въ измѣнѣ Франціи. Между тѣмъ трудно было рассчитывать на то, чтобы они были осуждены, потому что уже простое сомнѣніе служило въ пользу обвиняемыхъ, а присяжные, при господствующемъ общественномъ настроеніи не могли быть свободны отъ сомнѣнія и не могли желать полнѣйшаго торжества генерала. Вамъ извѣстенъ исходъ дѣла. Присяжные избрали такъ сказать средній путь. По всѣмъ вопросамъ, касавшимся сути дѣла, присяжные объявили подсудимыхъ невиновными. Они слѣдовательно какъ будто допустили, что подсудимые доказали справедливость своихъ нападовъ, и бонапартисты имѣютъ полное право такъ истолковывать ихъ вердиктъ. Но по вопросу о формѣ, они признали подсудимыхъ виновными и нашли, что они зашли слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи, и эта вторая половина вердикта нѣсколько подрываетъ первую.

Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что если генералъ Трошю дѣйствительно совершилъ всѣ тѣ злодѣянія, въ какихъ его обвиняютъ, то его нельзя достаточно рѣзко осудить. Когда доказано, что человѣкъ измѣнникъ, то имѣешь полное право назвать его хоть Іудой. А между тѣмъ присяжные повидимому не допускаютъ этого и этимъ самымъ доказываютъ, что если они и не могутъ простить генералу, то отнюдь не расположены принимать буквально всѣ обвиненія „Фигаро“.

Сказано, какъ я уже сказалъ, этотъ процессъ даже не оказался ничуть выгоднымъ для бонапартистовъ, какъ они этого ожидали. Съ одной стороны, въ общественномъ мнѣніи произвѣла, со времени вердикта, нѣкоторая реакція въ пользу генерала. Въ его политическіе и военныя способности сомнѣваются по прежнему, но его поведение во время судебныхъ преній, черты благородства и бескорыстія, которыя дѣлаютъ честь его характеру и которыя были рельефомъ выдѣлены его защитникомъ, рѣчь, произнесенная имъ самимъ—все это послужило ему въ пользу и привлекло ему опять нѣкоторую симпатію публики. Съ другой стороны, свидѣтели, призванные со стороны „Фигаро“, всѣ болѣе или менѣе высокопоставленныя лица, министры или придворные императора, съ Руеромъ во главѣ, выказались въ довольно снисходительномъ свѣтѣ. Они упрекали главнымъ образомъ Троню въ томъ, что онъ не спасъ имперію и не умеръ за нея, что онъ не далъ изрубить себя въ куски у ногъ императрицы. Между тѣмъ сами они думали лишь о себѣ въ минуту катастрофы и постыжились спасеніемъ бѣгствомъ. Въ минуту отъѣзда императрицы, въ Тюльери не оставалось ни одного придворнаго, и не случилось тамъ двухъ иностранныхъ дипломатовъ, то ей бытъ можетъ не удалось бы уѣхать. Ничто такъ не характеризуетъ всей этой катастрофы, какъ поголовное бѣгство приближенныхъ двора, и воспоминаніе о немъ должно было необходимо жить въ памяти всѣхъ тѣхъ, кто слушалъ, какъ эти бѣглецы упрекали генерала Троню въ томъ, что онъ не умеръ за ихъ государыню.

Вообще, акціи бонапартистской партіи стоятъ не особенно высоко въ настоящую минуту. За будущее никто не поручится. Эта партія долго еще останется пугаломъ, благодаря бессилію другихъ монархическихъ партій и благодаря ея тѣсной и глубокой связи съ общей полой голосовъ.

Но въ настоящее время она менѣе нахальна, менѣе задорна, чѣмъ была нѣсколько времени тому назадъ и повидимому признаетъ за собою меньше шансовъ на успѣхъ. Если Тьеру удастся немедленно поднять вопросъ объ освобожденіи территоріи, то я полагаю, что бонапартисты не посягнутъ и не пожелаютъ ни въ какомъ случаѣ ничего предпринимать прежде, чѣмъ покончатъ съ этимъ вопросомъ, потому что не захотятъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что они создаютъ препятствія для скорѣйшаго выступленія пруссаковъ. Слѣдовательно пока пруссаки на французской землѣ, мы можемъ рассчитывать на нѣсколько тысячелѣтій спокойствія, а тѣмъ временемъ, надобно думать, республика укрѣпится; если же Тьеру посчастливится удалить нѣмцевъ раньше срока, назначеннаго въ договорѣ, то и выборы будутъ въ его рукахъ. Онъ можетъ тогда рассчитывать, что они дадутъ собраніе достаточно республиканское, и не прибѣгнетъ къ условію возобновленія имперіи во чести.

Итакъ, обстоятельства стали гораздо благоприятѣе, и казалось бы, что будущность республики зависитъ теперь отъ благоразумія республиканской партіи, на которую президентъ опирается все болѣе и болѣе, но которой еще предстоитъ доказать свой политическій тактъ. Но возвращаясь къ бонапартистской партіи, съ тѣмъ, чтобы покончить съ ней на этотъ разъ, я долженъ сказать, что носятся слухи, что она не только обезкуражена, но еще и страдаетъ отъ внутреннихъ раздоровъ. Есть между ними нетерпѣливыя головы, которыя находятъ, что удивительный моментъ пропущенъ, и они спрашиваютъ себя: что дѣлаетъ Румъ въ палатѣ, гдѣ ему слѣдовало водрузить знамя имперіализма при самомъ вступленіи, не гдѣ онъ ничѣмъ еще не заявилъ себя. Замѣчаютъ также, что Клеманъ Дювернуа, главный публицистъ партіи, отказавшись отъ редакторства газеты „Ouvre“ и занялся финансовыми операціями. Но съ другой стороны съ удивленіемъ и безпокойствомъ толкуютъ доводы, каковыя сумѣли заслужить у Тьера двое самыхъ презрѣнныхъ и обезславленныхъ бонапартистскихъ агентовъ. Конечно, они сумѣли убѣдить его въ своемъ обращеніи и въ своей преданности, но не могли быть увѣренными, чтобы они не надували его, радѣя объ интересахъ Чампальгерстскихъ проходивцевъ. Къ несчастію Тьеръ никогда не отличался строгостію въ выборѣ своихъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ, но я знаю, что его близость съ интриганами, о которыхъ я говорю, изумила даже британскій кабинетъ и что онъ получилъ изъ Лондона дружеское предостереженіе, на которое онъ впрочемъ не обратилъ никакого вниманія.

Другія партіи оставляютъ его въ покое, да и вообще не имѣютъ возможности нарушить его спокойствія. Становится все очевиднѣе, что графъ Шамборъ похоронилъ всѣ надежды легимистской партіи, вышедшей за бѣлое знамя. Орлеанскіе принцы не могутъ пристать къ нему, да еслибы и рѣшились на это, то были бы покиннуты всѣми своими приверженцами. Что касается того, чтобы выступить претендентами на свой собственный счетъ, то я кажется уже неоднократно говорилъ вамъ, что они этого никогда не сдѣлаютъ: они слишкомъ для этого честны и слишкомъ робки, а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ искренно пристать къ республикѣ, то изъ всего этого вытекаетъ то, что они поставлены въ самое фальшивое и самое неопредѣленное положеніе, которое вполне характеризуется пассивнымъ поведеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые засѣдаютъ въ собраніи. Глядя на нихъ, вольно спрашиваешь себя: ради чего они такъ упорно добивались этого права? Но не слѣдуетъ забывать, что въ тотъ моментъ, когда они вступали въ собраніе, вопросъ о слияніи еще не былъ исчерпанъ и объ партіи желали имѣть подъ рукой герцога Омальскаго, чтобы провозгласить его, не выходя изъ засѣданія, въ случаѣ какого-нибудь неожиданнаго кризиса, намістникомъ государства отъ имени Говарда.

К. Но въ настоящее время положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ случаѣ что-нибудь неожиданнаго казуса, какъ, напр., отставки или смерти короля, правленіе было бы временно вручено маршалу Мак-Маху, а онъ, не будучи особенно усерднымъ бонапартистомъ, послушалъ бы интересамъ бонапартизма, поспѣшивъ прибѣгнуть къ плебисциту, чтобы поскорѣй избавиться отъ отвѣтственности. Результатомъ плебисцита была бы имперія или республика, но ни въ какомъ случаѣ не монархія, будь то монархія Шамбора или монархія Орлеанскаго принца.

Но такого рода непредвидѣнный казусъ довольно неправдоподобенъ. Тьеръ больше не подастъ въ отставку, и весьма бодро переноситъ свои семьдесятъ пять лѣтъ. Онъ можетъ рассчитывать еще на много лѣтъ здоровья и надѣяться, что ему доведется еще быть членомъ собранія, болѣе республиканскаго, чѣмъ настоящее, и притомъ это возможно лишь въ томъ случаѣ, если собраніе не будетъ крайне-республиканское, потому что тогда оно поспѣшитъ отставки Тьера, ни мало не помня о его заслугахъ не только передъ Франціей, но и передъ республиканскою партіей. Последняя въ данную минуту скорѣе толкаетъ Тьера, чѣмъ поддерживаетъ его. Въ ея глазахъ не что иное, какъ меньшее изъ двухъ золъ, и она собирается низвергнуть его, какъ скоро получитъ парламентское большинство. Тьеръ этого не понимаетъ; въ числѣ хорошихъ качествъ Тьера есть не мало и недостатковъ и между прочимъ въ немъ есть значительная доза тщеславія: онъ воображаетъ, что ему по плечу бороться со всѣми партіями и доминировать надъ ними. Онъ сладилъ безъ особенныхъ хлопотъ съ легитимистами и орлеанистами. Онъ держитъ на виду въ настоящую минуту бонапартистовъ, благодаря ожидаемымъ переговорамъ объ освобожденіи территорій, но я сильно опасаясь, что онъ сладитъ со всѣми этими затрудненіями лишь затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ быть проглоченнымъ республиканцами. Эта партія много обязана ему и ей слѣдовало бы поддержать Тьера не столько изъ благодарности, сколько ради политическихъ интересовъ; но партія эта честолюбива, фанатична и мелочно завистлива. Она смотритъ на теперешнее правительство, только какъ на мостъ для себя, который она по благополучномъ переходѣ разрушитъ за собою. Вотъ чего Тьеръ повидимому не подумываетъ. Онъ относится къ этой партіи снисходительно, чѣмъ во всѣмъ остальнымъ, дѣлаетъ ей больше уступокъ, чѣмъ обстоятельства того требуютъ, и съ нѣкотораго времени вытряхиваетъ съ Гамбеттой, котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ обвинялъ публично, „бѣшеннымъ безумцемъ“, а въ частныхъ интимныхъ разговорахъ—соquin! Вы скажете можетъ быть, что надо же ему обратиться на кого-нибудь и на что-нибудь, и всего естественнѣе обратиться на республиканцевъ, разъ онъ искренно воднабрался осно-

вать республику. Я согласенъ, но онъ при этомъ могъ бы сохранить больше безпристрастія и независимости.

Впрочемъ, такое положеніе дѣлъ можетъ естественно измѣниться если, какъ меня увѣряютъ, канцелярныя повѣдки измѣнили настроеніе умовъ въ монархическѣхъ фракціяхъ собранія. Страна далеко не такъ предана республикѣ, какъ это увѣряютъ республиканцы, но какъ я уже сказалъ, она сравнительно довольна современнымъ порядкомъ вещей, жаждетъ спокойствія и съ ужасомъ думаетъ о всякихъ переѣздахъ. Ресурсы Франціи оказались еще богаче, чѣмъ можно было ожидать: новые налоги не кажутся особенно тяжелыми, промышленность и торговля идутъ довольно хорошо, земледѣліе прекрасно, что нѣсколько примиряетъ поселянъ не съ республикой, къ которой они относятся довольно равнодушно, но съ существующимъ порядкомъ вещей, и они и прочь, чтобы онъ продлился. Говорятъ, многіе депутаты правой и лѣваго центра были поражены этимъ настроеніемъ умовъ и стали менѣе враждебно относиться къ политикѣ президента, который можетъ теперь найти въ нихъ точку опоры. Называютъ нѣсколькихъ депутатовъ лѣваго центра, изъ числа наиболѣе выдающихся, которые намѣреваются перейти на лѣвый центръ. Мы вѣсело увидимъ, оправдаются ли эти предсказанія, потому что уже съ первыхъ дней по возобновленіи засѣданій проявятся, по всей вѣроятности, характеристическія черты, по которымъ можно будетъ судить о настроеніи различныхъ партій. Главная, интересно будетъ видѣть, какъ отнесется собраніе къ запросамъ насчетъ поѣздокъ президента въ Парижъ и пріемовъ, которые онъ тамъ устраивалъ во время каникулъ: Имѣлъ ли право Тьеръ ѣздить въ Парижъ, принимать власти и давать имъ обѣды? Въ особенности имѣлъ ли онъ право располагать, хотя бы въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, дворцомъ, котораго собраніе не предоставляло въ его пользованіе? Вотъ необыкновенно важные вопросы, которые готовятся предложить нѣкоторыя умныя головы лѣвой, если только болѣе сообразительные собратья не удержатъ ихъ отъ этого намѣренія. Последнее было бы желательно въ видахъ того, чтобы собраніе, никогда не пользовавшееся популярностью, не провалилось окончательно въ общественномъ мнѣніи. Поѣздки Тьера въ Парижъ по всей вѣроятности не были чужды желанію протестовать противъ упрямства, съ какимъ собраніе продолжаетъ карать столицу; онѣ произвели весьма благоприятное впечатлѣніе на населеніе и даже выгодно отразились на парижскихъ дѣлахъ, а потому собраніе хорошо сдѣлаетъ, если посмотритъ съвѣзъ палаты на эти продѣлки президента.

Къ несчастію, есть одно обстоятельство, которое можетъ раздражить большинство собранія и парализовать хорошее настроеніе, вынесенное имъ изъ поѣздки въ департаменты; а именно: рѣзкія и совсѣмъ несвоевременныя нападки Гамбетты на собраніе, въ рѣчахъ, которыя

онъ говорить въ различныхъ мѣстахъ во время ваканцій. Глава радикальной лѣвой возобновилъ, во время своего путешествія по департаментамъ, кампанію въ пользу распущенія собранія, вслѣдствіе чего ему пришлось бранить послѣднее больше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Такое нетерпѣливое желаніе распустить собраніе, со стороны радикаловъ объясняется только желаніемъ свергнуть Тьера или по крайней мѣрѣ раздѣлить съ нимъ власть. Тактика Гамбетты не можетъ имѣть другой цѣли и еслибъ увѣнчалась успѣхомъ, то подвергла бы страну новымъ бѣдствіямъ и быть можетъ новому позору. Въ самомъ дѣлѣ, кто не можетъ поручиться за результатъ новыхъ выборовъ и за то, чтобы они не вызвали новую междоусобицу, и всѣ благоразумные люди понимаютъ, что это было бы особенно опасно теперь, когда нѣмцы еще занимаютъ часть территорій и могутъ поддаться соблазну выѣзжаться во внутреннія дѣла Франціи. Слѣдовательно, прежде чѣмъ разсуждать серьезно о распущеніи собранія, слѣдуетъ не только порѣшить на бумагѣ вопросъ объ очищеніи территорій, но и дожидаться фактическаго удаленія нѣмцевъ изъ Франціи. Удивительно, что радикалы повидимому не понимаютъ этого, и еще удивительнѣе, что нѣкоторыя газеты, видимо направляемыя Тьеромъ, начинаютъ имъ вторить. Если въ собраніи дѣло не обойдется безъ бурь, отъ которыхъ избави насъ Богъ, то онѣ будутъ вызваны рѣзкими выходами Гамбетты и предполагаемымъ соучастіемъ Тьера.

Если же бури минуютъ насъ, то лѣтняя сессія можетъ оказаться весьма плодотворной. Она должна, во-первыхъ, дать намъ тотъ военный законъ, котораго вся Франція громко требуетъ, и ввести общую воинскую повинность. Я сомнѣваюсь, но правдѣ сказать, чтобы этотъ законъ прошелъ сразу, безъ измѣненій, уступокъ и исключеній, которыя всегда необходимы, когда вопросъ рѣшается многочисленнымъ собраніемъ, гдѣ всѣ интересы и всѣ мнѣнія имѣютъ своихъ представителей. Надо совнаться, что такія собранія быть можетъ не могутъ служить самымъ благопріятнымъ органомъ для установленія законовъ подобнаго рода, законовъ основныхъ, долженствующихъ служить учрежденіями. Парламентская система, превосходная для обезпеченія свободы и контроля, пожалуй не такъ хороша, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы организовать и создавать. Въ этомъ случаѣ единичная воля гораздо плодотворнѣе, разумнѣе, если она энергична и хорошо направлена. Я не могу отказываться отъ мысли, что Пруссія, будь у нея парламентъ, не такъ быстро реорганизовалась бы послѣ Іонскаго погрома, какъ это случилось, благодаря руководству трехъ-четырехъ людей, казавшихъ на себя все дѣло. Но у насъ нѣтъ этихъ трехъ или четырехъ людей, намъ нельзя и помыслить о диктатурѣ, а потому приходится мириться съ парламентскою системою, съ ея хорошими и дурными сторонами. Законъ, повторю, не будетъ сразу доведенъ до

своего совершенства и того же самого слѣдуетъ ожидать и отъ другого закона, отъ котораго мы ждемъ нашего спасенія, а именно законъ о первоначальномъ, обязательномъ образованіи. Здѣсь даже шансовъ еще менѣе на счастливое рѣшеніе, потому что многіе изъ депутатовъ все еще вѣрятъ въ полезность святаго невѣжества. Къ тому же права страстно жаждетъ, чтобы образованіе оставалось въ рукахъ духовенства, лѣвая же не только не жаждетъ вмѣшательства духовенства, но даже требуетъ полнѣйшаго устраненія религіи изъ образованія. Франція очень нуждается въ религіозномъ обновленіи, которое примирило бы умы и снягло бы фанатическія крайности. Но на это трудно разсчитывать, хотя движеніе *старо-католиковъ* начинается распространяться энергичнѣе, чѣмъ на это можно было разсчитывать. *Старо-католики* въ Парижѣ, съ согласія муниципалитета, будутъ имѣть свою церковь для богослуженій, и число приверженцевъ ихъ, какъ говорятъ, растетъ. Аббатъ Мишб, которому принадлежитъ починъ въ этомъ движеніи и который дѣятельно ведетъ свою пропаганду, не отчаивается собрать конгрессъ священниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій и ученыхъ всѣхъ странъ, для обсужденія вопроса о сліяній различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Эту самую идею каноникъ Деллингеръ излагалъ въ Мюнхенѣ на нѣсколькихъ лекціяхъ. Я полагаю, что аббатъ Мишб, слишкомъ забываетъ впередъ и что конгрессъ заставитъ себя ждать. Но тѣмъ не менѣе эти симптомы замѣчательны и могутъ особенно интересоваться васъ, потому что любимая идея нашихъ *старо-католиковъ* заключается въ сближеніи съ православной восточной церковью. Къ несчастію, тѣ нѣсколько священниковъ, которые до сихъ поръ примкнули къ движенію, далеко не представляютъ тѣхъ качествъ, которыхъ мы имѣемъ требовать отъ религіозныхъ реформаторовъ. Аббатъ Мишб очень энергиченъ, но не отличается тактомъ, а два каноника изъ Бордо, возбуждающіе въ настоящее время много толковъ, еще менѣе авторитетны, чѣмъ онъ. Если кто можетъ оказывать дѣйствительную поддержку этому движенію, такъ это отецъ Гласинтъ, который еще раньше отделился отъ католической церкви и повидимому намѣренъ вполне отдаться старо-католическому движенію.

Но надо сознаться, что въ настоящее время правительство поставлено въ довольно странное положеніе относительно ультрамонтановъ и старо-католиковъ. Архіепископъ Бордо запретилъ носить священническое одѣяніе одному изъ двухъ священниковъ-отщепенцовъ своей епархіи. Для того, чтобы объявить объ этомъ запрещеніи, несомнѣнно чисто церковный характеръ, онъ прибѣгнулъ къ помощи государственныхъ агентовъ. Полицейскій комиссаръ объявилъ аббату Юнку приказаніе его архіепископа. Такъ какъ аббатъ Юнкъ не послушался, то судъ исправительной полиціи, то-есть свѣтскій трибуналъ приговорилъ его къ тюремному заключенію. Это дѣло отличается многими стран-

вѣсти; во-первыхъ, притивною ссоры между архіепископомъ и аббатомъ послужилъ догматъ непогрѣшимости, котораго государство не признаетъ и не можетъ признать, и который французскіе епископы провозглашаютъ незаконно, то-есть безъ согласія государства, необходимаго, согласно французскому конкордату, для провозглашенія всѣхъ декретовъ и буллъ римской курии. Слѣдовательно преслѣдованіямъ должны были бы подвергнуться сами епископы, а вмѣсто того имъ помогаютъ свѣтскія власти. Но это еще не все: государство у насъ признаетъ за священникомъ характеръ несмѣняемости, и въ этомъ смыслѣ высказалась палатная палата, то-есть самая замѣчательная коллегія юрисконсултовъ, когда она воспротивилась браку священниковъ. Священники не то, что офицеры арміи, которыхъ можно не только увольнять отъ службы, но и вычеркивать изъ кадровъ и слѣдовательно уничтожать ихъ военное званіе. Католическій священникъ остается священникомъ несмотря ни на что, помимо его желанія и не взирая ни на какія преступленія, какія онъ могъ бы совершить. Онъ остается священникомъ не только въ глазахъ церкви, но и въ глазахъ государства. Онъ можетъ остаться безъ должности, быть лишенъ временно или окончательно права исполнять свои обязанности, но онъ все-таки остается священникомъ и не можетъ ни подъ какимъ видомъ превратиться въ мирянина. Его священный характеръ есть какъ бы туника Несса, которой нельзя съ себя сбросить. При такомъ воззрѣніи странно уже само по себѣ, что духовное начальство заявляетъ претензіи лишить священника внѣшняго признака, характеризующаго то званіе, которое ему присуще. Но еще страннѣе, что государство помогаетъ ему въ этомъ случаѣ. Не будь у насъ столько заботъ, это дѣло надѣлало бы много шума.

Отъ клирикальнаго вопроса не далеко до вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ Италіи. Мы отправили наконецъ посланника въ Римъ, во двору Виктора-Эммануила, и хорошо сдѣлали. Правительству удалось возбуждать преній по этому вопросу въ собраніи, и это тоже недурно. Но и итальянцы довольны лишь на половину, и нельзя сказать, чтобы они были неправы. Они утверждаютъ, и не безъ основанія, что они обмануты этой уступкой не столько нашей доброй волей, сколько обстоятельствамъ. Дѣйствительно, правительство уступило лишь силѣ обстоятельствъ и продолжаетъ признавать „права папскаго престола“. Вотъ обстоятельство, которое, помимо всякихъ трактатовъ, будетъ поддерживать нѣкоторый родъ естественнаго союза между Италіей и Германіей. Я увѣренъ, хотя и толкуютъ противное, что между этими двумя державами не существуетъ никакого формальнаго договора. Я увѣренъ также, что Германія не затѣветъ войны съ Франціей ради того только, чтобы вернуть Ниццу Италіи, но общій интересъ связываетъ эти двѣ державы, а общіе интересы, въ наше время, дороже всякихъ трактатовъ.

Не стану ручаться за то, чтобы Италия не чувствовала по временамъ некоторыхъ опасеній насчетъ своей страшной союзницы, которой такъ добраго ввредеть на умъ современнѣ снова искать своихъ естественныхъ границъ и залого своей безопасности на берегахъ Мисина, и эти опасенія смутны и отдаленны. Ближайшимъ врагомъ является все и ея предполагаемые защитники. Франціи нельзя, слѣдовательно, рассчитывать не только на помощь Италіи, но даже и на ея нейтралитетъ въ случаѣ попытки возмездія, пока она не перестетъ всякія узы и ультрамонтанствомъ, то-есть пока она не провозгласитъ отдѣленія церкви отъ государства. Между тѣмъ единственная партія, которая серьезно желаетъ этого отдѣленія—партія радикальная, но если когда-нибудь она получитъ возможность привести его въ исполненіе, то тамъ возьмется за дѣло, что вооружитъ противъ себя пол-Франціи. Вы видите, до какой степени наша будущность зависитъ отъ рѣшенія этого вопроса и до какой степени трудно рѣшить его.

Не менѣе затруднителенъ и щекотливъ вопросъ о нашихъ военныхъ силахъ. Всего вѣрнѣе было бы конечно стремиться къ экономіи при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ. Но не говоря уже о принципѣ общей воинской повинности, инстинктъ страны требуетъ, не взирая на какія обстоятельства, существованія внушительной арміи, и Тьерсъ въ этомъ случаѣ только вѣрный толкователь общественнаго мнѣнія. Конечно, Франція не думаетъ о возможности возмездія въ какой-нибудь опредѣленный, тѣмъ менѣе близкій срокъ. Немногіе фанфароны такъ буютъ, а нѣкоторые сорви-головы могутъ быть мечтаютъ о некоемъ. Общее же мнѣніе настроено иначе и желаетъ прежде всего мира. Но положеніе дѣлъ въ Европѣ шатко, будущее неизвѣстно; могутъ возникнуть неожиданныя случайности, представиться непредвидѣнные комбинаціи; непростительно было бы не воспользоваться ими. Германія можетъ поссориться съ Россіей; надо быть готовымъ на всякій случай. Нельзя также, чтобы Франція вполне ступовалась, надо, чтобы она поддерживала свое достоинство елико возможно въ той скачкѣ съ препятствіями, которую Европа повидимому завела въ дѣлѣ вооруженія. Все это такъ, да Бисмаркъ не дремлетъ, Германія слѣдитъ зорко и еще давить одной пятой намъ горло. Она можетъ предъявлять униительныя требованія, и вотъ гдѣ обратная сторона медали. Въ послѣднее время носились, какъ вамъ извѣстно, весьма тревожныя слухи по этому поводу. Говорили, что Арнимъ долженъ объявить намъ одинъ изъ тѣхъ *ultimatum* овъ, которые римляне посылали побѣжденнымъ карфагенянамъ или египетскимъ Птоломеямъ. По наведеніи ближайшихъ справокъ, оказалось, что эти слухи лишены основанія и распускаются безовѣстными газетами въ интересахъ не менѣе безсовѣстныхъ биржевыхъ спекуляцій. А между тѣмъ я не побужусь, чтобы во всемъ этомъ не было нѣкотораго основанія, и чтобы Бисмаркъ не чувствовалъ въ на-

каждую минуту никакой охоты затѣять съ нами настоящей *querelle d'honneur*, какъ говорится, то-есть безпричинной ссоры.

Итакъ, похваляющіяся вѣрными свѣдѣніями на этотъ счетъ и при-
знающія весьма сомнительное настроеніе берлинскому кабинету,
сдѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ, что Германія совершенно спокойно отно-
сится къ нашимъ стараніямъ по части военной реорганизаци. По сло-
вамъ этихъ лицъ, военныя власти въ Берлинѣ будто бы убѣждены,
что военная реорганизаци Франціи не есть дѣло минуты, и что прой-
детъ много времени, прежде, чѣмъ мы привыкнемъ къ общей воинской
равности и съумѣемъ извлечь изъ нея всю пользу. Къ тому же,
если Германія желала выѣшиться въ военныя дѣла Франціи, то
она должна была примѣру, поданному Наполеономъ I послѣ Иены, и по-
добно тому, какъ Наполеонъ ограничилъ комплектъ прусской арміи,
такъ и она внесла бы въ условія мирнаго договора то количество
солдатъ, которое Франція имѣла бы право содержать. Она не сдѣлала
этого, потому что хорошо помнитъ, какъ Пруссія съумѣла обойти при-
казанія Наполеона I. Такъ какъ объ этомъ ничего не сказано въ мир-
номъ договорѣ, то Бисмарку не на что сослаться для оправданія
своего выѣшательства, да къ тому же онъ вовсе не прочь, чтобы
Франція еще порастрясла свою мощь. Вотъ что говорятъ нѣмцы въ
Парижѣ, и я передаю вамъ ихъ разсужденія, предоставляя самимъ су-
дить объ ихъ основательности. Тѣмъ не менѣе посолъ Бисмарка, Ар-
мендорфъ, ожидается съ великимъ нетерпѣніемъ, во-первыхъ, вслѣдствіе
слуховъ, о которыхъ я упоминалъ, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что
эти слухи неосновательны, то возвращеніе его будетъ сигналомъ
къ возобновленію переговоровъ объ очищеніи территоріи. Эти пере-
говоры явятся критическимъ моментомъ для Тьера и важнымъ испы-
таніемъ для правительства. Мысль о томъ, чтобы удалить нѣмцевъ
изъ Франціи раньше опредѣленнаго срока, и если возможно до исхода
текущаго года, до того овладѣла умами, что неудача отзовется весьма
чувствительно и можетъ лишить правительство той популярности, ка-
кую оно пользуется въ настоящее время. Въ сущности я увѣренъ, что
Германія или, вѣрнѣе сказать, Бисмаркъ склоненъ въ уступчивости.
Прусскій канцлеръ издавна находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ
Тьеромъ, чувствуетъ къ нему расположеніе и готовъ оказать ему под-
держку. Кромѣ того думаютъ, что хотя Бисмаркъ неумолимъ въ пре-
слѣдованіи своихъ политическихъ цѣлей и не особенно разборчивъ на
средства для ихъ достиженія, но не питаетъ къ намъ той глубокой
и безчеловѣчной ненависти, какою одушевлены нѣкоторые изъ его со-
отечественниковъ, между прочимъ Молъте. Но Бисмаркъ, несмотря
на все свое могущество, не одинъ въ этомъ дѣлѣ; ему приходится
считаться съ упрямымъ господиномъ и съ вліятельными соперниками.
Онъ уже потерпѣлъ неудачу въ вопросѣ о политикѣ, какой желать

держаться относительно Эльзаса и Лотарингіи. Онъ желать быть мѣликодушнымъ и либеральнымъ, привлечь умы терпимостью, и, разумѣется, такая политика была бы самой выгодной, но ему не дали разводить ся ею. Прусскій ригоризмъ взялъ верхъ, и положеніе несчастныхъ провинцій самое бѣдственное въ настоящую минуту, въ особенности благодаря преждевременному примѣненію нѣмецкаго закона воинской повинности. Эта политика насильственной ассимиляціи, которая впрочемъ производитъ совершенно обратное дѣйствіе, есть личное требованіе германскаго императора и его военныхъ совѣтниковъ. Если же вліянія одолѣютъ въ дѣлѣ переговоры объ очищеніи территории то надо ожидать, что къ намъ отнесутся далеко не любезно. Но намъ сказать, что мы вовсе не умѣемъ добиваться своей цѣли и вести себя такъ, чтобы не только не раздражать, но скорѣе умиротворить побѣдителя. Мы не умѣемъ сдерживать своихъ чувствъ и умалчивать о желаніи мести, волнуемъ насъ. Напротивъ того, мы нарочно развѣживаемъ умы, какъ будто бы для того, чтобы добиться возмездія, достаточно было враждебно настроить общественное мнѣніе. Я говорю по поведенію и рѣчи значительной части нашей прессы, которая уже оказала намъ въ этомъ отношеніи плохія услуги. Я слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что какъ только Бисмаркъ нѣсколько смягчился такъ тотчасъ же люди, которые желали раздавить насъ, подавали имъ ролю цѣлыя пачки самыхъ яростныхъ парижскихъ газетъ, выставивъ ему на видъ, что люди, выражающіеся такимъ образомъ, не заслуживаютъ ни малѣйшей пощады. Быть можетъ мы поцѣплялись имъ нѣмъ миллардомъ и, кто знаетъ, обладаніемъ Метца за эти яростныя рѣчи.

Съ этой точки зрѣнія я не могу не найти нѣсколько несвоевременнымъ изданіе новаго тома стихотвореній Виктора Гюго „*L'Année terrible*“, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда мы готовимся приступить къ довольно щекотливымъ переговорамъ съ нѣмцами. Эти стихотворенія выражаютъ впечатлѣнія поэта во время осады и въ эпоху коммуны, и достаточно сказать вамъ, чтобы показать ихъ современность, что Бисмаркъ зовется въ нихъ *Robert-Macaire*, а императоръ Вильгельмъ *ogre du droit divin, chacal, assassin, détrompeur de carrosses*. Еслибы дѣло шло не о Викторѣ Гюго, то изданіе этихъ стиховъ не имѣло бы значенія. Почти одновременно съ его стихотвореніями вышелъ другой сборникъ стиховъ, изобилующій еще болѣе большими нехлѣбностями, но онъ прошелъ почти незамѣченнымъ, потому что принадлежитъ перу второстепеннаго писателя. Самое изданіе стиховъ Виктора Гюго не принесло бы особеннаго вреда, еслибы газеты не нашли нужнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и не принялись воить вмѣстѣ съ нимъ на всѣ голоса. Нѣмецкая пресса не пренебрегаетъ возражать, и изъ этого возникнетъ самый негармоничный режъ, во-

при, боясь, неблагоприятно отразится на исходѣ переговоровъ. Если вы спросите, почему Виктору Гюго не заблагоразсудилось повременить съ изданіемъ, то я отвѣчу вамъ на это, что онъ ставитъ свои собственные желанія выше всего на свѣтѣ, и что онъ будетъ очень радъ скандалу и шуму, который возбудитъ его книга, хотя бы его отечество и пострадало отъ этого. Я не говорю, чтобы онъ искалъ такого рода успѣха, но онъ будетъ очень радъ ему. Что за дѣло, что императоръ Вильгельмъ еще держитъ подъ своей пятой часть Франціи: для величественнѣе покажутся угрозы и насмѣшки надъ нимъ. И добро бы онъ былъ искреннимъ! добро бы говорилъ оттого только, что не можетъ сдержатъ себя! А то вѣдь нѣтъ: все это негодованіе дѣланное, вся эта гроза напускная. На тотъ случай, еслибы вы еще не получили книги, которая вышла лишь нѣсколько дней тому назадъ, я предлагаю здѣсь одинъ отрывокъ, который какъ нельзя лучше характеризуетъ манеру автора, его дѣланное негодованіе, его громкія фразы и его пустовзвонство. Поэтъ желаетъ объяснить: почему онъ питаетъ вражду къ нѣмцамъ и какое разочарованіе они ему причинили. Онъ обвиняетъ ту войну, какую они вели съ той, какую, по его мнѣнію, они должны были вести, и вотъ какъ онъ выражается:

• ...Nous rêvions le choc de Vishnou contre Indra,
Un avatar couvé par une apocalypse,
Le flamboiement trouant de toutes parts l'eclipse,
Nous rêvions les combats énormes de la nuit;
Nous rêvions ce chaos de colère et de bruit
Où l'ouragan s'attaque à l'Océan, où l'ange,
Etreint par le géant, lutte, et fait un mélange
De sang céleste avec le sang noir de Titan;
Nous rêvions Apollon contre Leviathan;
Nous nous imaginions l'ombre en pleine démençance;
Nous heurtions, dans l'horreur d'une querelle immense
Rosbach contre Iena, Rome contre Alaric,
Le grand Napoléon et le grand Frédéric!
Nous croyions voir vers nous, en hâte, à tire d'ailes,
Les victoires voler comme des hirondelles,
Et, comme l'oiseau court à son nid, aller droit
À la France, au progrès, à la justice, au droit.
Nous croyions assister au choc fatal des trônes,
À la sinistre mort des vieilles Babylones,
Au continent broyé, tué, ressuscité
Dans une éclosion d'aube et de liberté,
Et voir peut-être, après de monstrueux désastres,
Naître un monde à travers des écroulements d'astres.
Ainsi nous songions: soit, disions nous, ce sera
Comme Arbelle, Actium, Trasimène et Zara,
Affreuse, mais grandiose. Un gouffre avec sa pente
Et l'univers tout près du bord, comme à Lépante,
Comme à Tolbiac, comme à Tyr, comme à Poitiers.

La Colère, la Force et la Nuit, noirs portiers,
 Vont ouvrir devant nous la tombe toute grande.
 Il faudra que le Sud ou le Nord y descende;
 Il faudra qu'une rue où l'autre tombe au fond
 De l'abîme, où les rois et les dieux se défont.
 Et pensifs, croyant voir venir vers nous la gloire,
 Les chocs comme en ont vus les hommes de la Loire,
 Wagram tonnant, Leipzig magnifique et hideux,
 Cyrus, Sennaherib, César, Frédéric Deux,
 Nemrod, nous frémissions de ces sombres approches...
 Tout à coup nous sentons une main dans nos poches.
 Il s'agit de ceci: nous prendre notre argent ¹⁾).

Заключение неожиданное и пикантное, и нѣмцы, конечно, не могутъ на него пожаловаться, хотя грабежи ихъ и были преувеличены, а наши вольные стрѣлки вели себя не лучше ихъ. Но, какъ вамъ нравятся красоты, пестрація этотъ отрывокъ: ангель, который мѣшаетъ небесную кровь съ черною кровью, Аполлонъ, который борется съ Левіафаномъ, Сеннахеримъ и самъ Нимвродъ, фигурирующій въ этомъ мискарадѣ тѣней? На первый взглядъ эти воззванія, эти чудовищные образы могутъ произвести нѣкоторый эффектъ, но, вникнувъ въ дѣло, видишь полнѣйшее отсутствіе мысли въ этомъ наборѣ словъ. Чувствуешь себя въ присутствіи автора, который хочетъ, выражаясь его

¹⁾ «Намъ грезились: столкновѣніа Вишну съ Индрой, аватаръ — созданіе апокалипсиса, молніи, прорывающія со всѣхъ сторонъ затмѣніе. Намъ грезились гигантскія битвы ночи, намъ грезился тотъ хаосъ гнѣва и шума, въ которомъ ураганъ налетаетъ на океанъ, въ которомъ ангель, въ тискахъ великана, борется и сжимаетъ небесную кровь съ черной кровью титана. Намъ грезился Аполлонъ, схватившійся съ Левіафаномъ. Намъ мерещилась тьма, полная безумія, мы задѣвали, обаятые ужасомъ громадной распри, Росбахъ возставшій противъ Иены, Римъ противъ Алариха, великаго Наполеона и великаго Фридриха Второго. Мы ожидали, что къ намъ послѣдно повнесутся побѣды, быстрымъ полетомъ, какъ ласточки; что подобно тому, какъ птица стремится въ свое гнѣздо, такъ и побѣда останется за Франціей, за прогрессомъ, за справедливостію, за правомъ. Мы ожидали, что будемъ присутствовать при роковомъ столкновѣніи троновъ, при мрачной гибели старыхъ Валуновъ, при раздробленіи, погибели и возрожденіи, съ разсвѣтомъ жары и свободы, континента, и быть можетъ увидимъ, послѣ ужасающихъ бѣдствій, возникновеніе новыхъ бѣдствій, среди разрушенія свѣтила. Такъ мы полагали: хорошо, говорили мы, это будетъ какъ при Арбеллахъ, Акціумѣ, Тразиментѣ и Зарѣ, ужасно, но грандіозно! Бездна съ ея скатомъ и вселенная на краю погибели, какъ въ Делантѣ, какъ въ Толбіакѣ, какъ въ Тирѣ, какъ въ Пуатье. Гнѣвъ, Сила и Ночь, черные стражи раскроютъ передъ нами могилу. Придется или югу, или сѣверу сойти въ нее; придется или той или другой улицѣ провалиться въ бездну, гдѣ развѣчиваются короли и боги. И задумчивые, ожидая, что намъ предстоитъ слава, борьба, какую видѣли люди Луары, громъ Ваграма, великолѣпіе и ужасъ Лейпцига, Клеръ, Сеннахеримъ, Цезарь, Фридрихъ Второй, Нимвродъ, мы содрогались отъ этихъ мрачныхъ ожиданій: вдругъ мы почувствовали чью-то руку въ своихъ карманахъ. Дѣло шло вотъ о чемъ: захватить наши деньги.»

собственными словами, быть „ужасающимъ, но грандіознымъ“, но который, въ сущности, самъ не знаетъ, что говорить. Онъ не только сомнѣется—что было бы патріотично и естественно—о томъ, что победы не неслись „быстрымъ полетомъ“ въ Францію, но желалъ бы, чтобы эти победы были куплены цѣной убійствъ болѣе грандіозныхъ, цѣной рѣзни болѣе ужасающей, чѣмъ та, которая происходила на самомъ дѣлѣ и которая можетъ занять мѣсто въ ряду самыхъ кровавыхъ событій, какія исторія заносила въ свои лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ будто хочетъ сказать, что завоеватели прежнихъ временъ, начиная съ Сеннахерима и кончая Фридрихомъ II и Наполеономъ I, были великодушнѣе и грабили меньше, чѣмъ те дерешніе, а это разужается идетъ въ разрѣзъ съ здравой исторической критикой. Спѣшу прибавить, однако, чтобы не быть несправедливымъ, что въ книгѣ есть болѣе удачныя вещи, и могу указать на прелестныя стихотворенія, посвященные поэтомъ своимъ внукамъ. Но за то во второй половинѣ книги есть опять неумѣстныя воззванія, по поводу коммуны. Если бы у насъ были критики, которые дерзали бы говорить правду Виктору Гюго, то онъ былъ бы осторожнѣе, но поэтъ сдѣлался фетишемъ, которому никто не дерзаетъ говорить правды.

Есть счастію существуютъ еще разсудительные, и вмѣстѣ съ тѣмъ большіе, умы, которые иначе, чѣмъ Викторъ Гюго, смотрятъ на настоящее положеніе дѣлъ и на обязанности, которыя оно налагаетъ. Я могу привести вамъ въ доказательство моихъ словъ нѣсколько отрывковъ изъ весьма замѣчательнаго и мужественнаго предисловія, которое Ренанъ предпослалъ своему переводу извѣстнаго сочиненія знаменитаго доктора Штрауса. Этотъ переводъ долженъ появиться сегодня; онъ былъ начатъ весьма давно, еще до начала нашей войны съ Пруссіею, но Ренанъ того мнѣнія, что ни война, ни личная полемика, которую онъ велъ съ самимъ докторомъ Штраусомъ (полемика, о которой я вамъ, кажется, говорилъ и въ которой побѣда была на сторонѣ Ренана) не должны лишить французскую публику сочиненія, которое стоить прочитатъ и надъ которымъ стоить поразмыслить: „Изъ двухъ союзовъ,—говоритъ Ренанъ въ своемъ предисловіи,—между Германіей и Франціей, которые мы призывали отъ всей души, одинъ сдѣлался вполне невозможнымъ, но другой не долженъ быть оставленъ. Германія отвѣчала намъ презрительно и почти оскорбительно, когда мы заговорили о великодушіи и когда мы пригласили ее подумать о будущемъ. Мы были бы черезъ чуръ наивны, еслибы не въ мѣру удивлялись этому. Напротивъ того, насъ скорѣе удивило бы, если бы тѣ великіе гордецы, которые зовутся правительствами, и тѣ слѣпыя массы, которые зовутся народомъ, были способны высказать что-либо, кромѣ беззорувости и безумія“.

Поэтомъ тѣмъ людямъ, для которыхъ, какъ и для насъ, филосо-

фія сдѣлала ненависть невозможной, отнынѣ не остается иной роли, какъ молчать и предоставить, какъ говоритъ древній рапсодеъ, „вогъ Юпитера исполниться“. Мы принесли бы ничтожный и бесполезный вкладъ въ литературу взаимной брани и клеветы, которая одна, по-видимому, можетъ разсчитывать на успѣхъ въ теченіи нѣкотораго періода времени. Съ другой стороны, проповѣдывать слишкомъ усердно евангельскій принципъ прощенія обидѣ, когда наши противники объявили во всеуслышаніе, что отношенія народовъ другъ къ другу не имѣютъ ничего общаго съ евангеліемъ, — значило бы сознательно участвовать въ обманѣ. Обязанности, налагаемыя наукой и философіей, гораздо проще. Наука и философія опираются на абсолютномъ началѣ, объективномъ, какъ говорятъ въ Германіи. Истина тождественна во всѣхъ странахъ: методъ для отысканія ея вездѣ одинаковъ. Искусство, поэзія, литература — національны, потому что патриотизмъ преимущественно вдохновляетъ искусство, поэзію, литературу. Но вкусы, симпатіи, мода не имѣютъ мѣста въ наукѣ. Открытія Клода Бернара и Бертело обязательны для нѣмцевъ, точно такъ, какъ открытія Вирхова и Гельмгольца обязательны для французовъ. Нужно узнать только, кто правъ: вотъ и все. Національность ученаго, вещь болѣе чѣмъ второстепенная. Открытіе остается открытіемъ. Всякій патриотизмъ разобьется о математическую выкладку и объ опытѣ. Національное пристрастіе въ подобныхъ вопросахъ жестоко наказуется: непризнанное открытіе мститъ за себя; если вы ея отрицаете, оно васъ убиваетъ. Пренебрегайте знакомствомъ съ тѣмъ, что происходитъ въ чужихъ земляхъ, сопротивляйтесь по рутинѣ новымъ нововведеніямъ, и вы будете побѣждены, то-есть наказаны; то, что меньше знаете, чѣмъ вашъ противникъ, или за то, что хуже разсуждаете, тѣмъ онъ“.

Эту точку зрѣнія раздѣляетъ у насъ лишь образованное меньшинство, но она вовсе не соотвѣтствуетъ общему настроенію умовъ, и надо быть признаннымъ авторитетомъ, какъ Ренанъ, чтобы рискнуть свободнѣе высказывать ее.

Театръ нашъ по-видимому отнюдь еще не вступилъ въ фазисъ возрожденія. Величайшимъ успѣхомъ пользуется въ настоящую минуту произведеніе, въ Оффенбаховскомъ родѣ, которое дается въ *Bouffes Parisiens*. Оно называется „*Timbale d'Argent*“ и превосходитъ, по общимъ отзывамъ, самыя вольныя вещи, какія когда-либо давались на сценѣ. По всей вѣроятности вы будете имѣть возможность сѣсть въ Петербургѣ, потому что это одна изъ тѣхъ вещей, которыми суждено обойти всю Европу. Простите, у меня нѣтъ охоты разбирать ее. Въ болѣе возвышенномъ родѣ, я могу назвать одну драму, которая съ успѣхомъ давалась въ *Théâtre de Gymnase* и которая принадлежитъ перу Теодора Баррьера. Заглавіе ея: „*La Comtesse de Sommerive*“, а

сестры является положеііе матери, поставленной между двухъ дочерей, одной законной, которую она кинула, а другой незаконнорожденной. Обѣ дѣвушки оказываются соперницами, не подозрѣвая объ этомъ. Незаконнорожденная дочь кончаетъ самоубійствомъ, и въ этомъ заключается кара преступной матери. Пьеса имѣла успѣхъ, но не длился, благодаря насильственной развязкѣ.

P. S. Возобновленіе сессіи, какъ оказывается, заявило себя очень нудно. Правая, я это предвидѣлъ, вернулась крайне раздраженная рѣзкими Гамбетты и немедленно заявила объ имѣющемъ быть запросѣ. Но размышленіе взяло верхъ, и весьма возможно, что этотъ запросъ будетъ взятъ назадъ и не будетъ обсуждаться. Всего распространеніе теперь мысль о необходимости поддерживать правительство Тьера, и заботы особенно о томъ, кто ему наследуетъ.

Н.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА

Точка зрѣнія политико-экономической критики у Карла Маркса.

Маталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса. Перев. съ нѣмецкаго. Т. I. Спб. 1872. XIII и 678 стр.

Въ 1859 году Марсъ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „Къ критикѣ политической экономіи“; книжка должна была служить началомъ большаго сочиненія объ этомъ предметѣ. Болѣзнь помѣшала однако Марксу, и только послѣ восьмилѣтняго перерыва онъ могъ, осенью 1871 года, выпустить весь первый томъ задуманнаго въ обширныхъ размѣрахъ труда. Цѣль Маркса—критически разобрать экономическія основанія буржуазнаго или, какъ онъ выражается, капиталистическаго общества. Но онъ не удовлетворяется тѣмъ, что экономическая литература признаетъ за такія основанія. Онъ самъ подвергаетъ изслѣдованію капиталистическій порядокъ экономической жизни, изыскиваетъ его основы и по нахожденіи ихъ подвергаетъ своей критикѣ. Въ массѣ примѣчаній, доказывающихъ громадную эрудицію, Марсъ критически слѣдитъ за своими предшественниками въ дѣлѣ изслѣдованія законовъ современнаго экономического порядка, подвергая ихъ безжалостнѣйшему разбору и мимоходомъ надѣлая ихъ остроумными и острыми, хотя подчасъ грубыми и несправедливыми эпитетами. Книга Маркса имѣетъ такимъ образомъ тройную цѣну: она, во-первыхъ,

дасть новыя самостоятельныя выводы, полученныя авторомъ изъ исследованийъ такихъ вопросовъ, за которые до него вовсе не брались; во-вторыхъ, она даетъ систематическую критику главныхъ основаній современнаго экономическаго строя; наконецъ, въ-третьихъ, она представляетъ громадный запасъ историко-литературныхъ и культурно-историческихъ свѣдѣній, весьма мѣтко характеризующихъ развитіе капитализма.

Въ книгѣ, имѣющей главнымъ своимъ содержаніемъ критику, вопросъ о точкѣ зрѣнія, съ которой эта критика производится, является первостепеннымъ. Въ большей части случаевъ исходныя воззрѣнія, служащія основаніемъ для критики, заключаютъ въ себѣ весьма значительную долю произвольности и предвзятости. Если критика имѣетъ своимъ предметомъ идеи и воззрѣнія, то гарантіею научности ея могутъ служить точныя методы переисследования. Но какъ быть, когда критиковать приходится не идеи того или другаго ученаго, а саміе факты, о которыхъ составляются идеи? Гдѣ искать въ подобномъ случаѣ критерія того, что должно быть признаваемо за нормальное или патологическое? Иногда на этотъ вопросъ дается тотъ отвѣтъ, что критеріемъ могутъ служить потребности человѣка: за нормальное, по этому воззрѣнію, должно быть признаваемо то, что сообразно съ потребностями человѣка, за ненормальное—то, что имъ противорѣчитъ. Но, спрашивается въ такомъ случаѣ, какъ быть, если критика позволяетъ коснуться и самыхъ потребностей?

Съ виду, если судить по внѣшней формѣ изложенія, Марсъ большой идеалистъ-философъ и притомъ въ „нѣмецкомъ“, т.-е. дурномъ значеніи этого слова. На самомъ же дѣлѣ онъ безконечно болѣе реалистъ, чѣмъ всѣ его предшественники въ дѣлѣ экономической критики. Вотъ почему онъ вовсе и не задается вопросомъ о томъ, что ему будетъ служить критеріемъ въ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ. По его воззрѣніямъ и этотъ вопросъ разрѣшается самъ собою при научности исследования. Для него важно только одно: найти *законъ* тѣхъ явленій, изученіемъ которыхъ онъ занимается. И притомъ для него важенъ не одинъ законъ, управляющій ими, пока онѣ имѣютъ известную форму и пока онѣ находятся въ томъ взаимоотношеніи, которое наблюдается въ данное время. Для него сверхъ того еще важенъ законъ ихъ *измѣняемости*, ихъ развитія, т.-е. перехода отъ одной формы къ другой, отъ одного порядка взаимоотношеній къ другому. Разъ онъ открылъ этотъ законъ, онъ разсматриваетъ подробности послѣдствій, въ которыхъ законъ проявляется въ общественной жизни. Послѣдствія эти оказываются обладающими тою особенностью, что для массы людей тѣ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ предыдущихъ, являются болѣе желательными и выражающими прогрессъ. Критика въ такомъ случаѣ является уже не произвольнымъ разборомъ, а на-

учинивъ сравненіемъ предшествующихъ и послѣдующихъ степеней развитія и простымъ перечисленіемъ и констатированіемъ фактовъ, въ которыхъ эти степени развитія выражаются.

Сообразно съ этимъ Марксъ заботится только объ одномъ: чтобы точнымъ научнымъ изслѣдованіемъ доказать необходимость опредѣленныхъ порядковъ общественныхъ отношеній и чтобы возможно безупречнѣе констатировать факты, служащіе ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если онъ, доказавъ необходимость современнаго порядка, доказалъ и необходимость другого порядка, къ которому непременно долженъ быть сдѣланъ переходъ отъ перваго, все равно, думаютъ ли объ этомъ, или не думаютъ, сознаютъ ли это, или не сознаютъ. Марксъ рассматриваетъ общественное движеніе, какъ естественно-историческій процессъ, которымъ управляютъ законы, не только не находящіеся въ зависимости отъ воли, сознанія и навлѣренія человѣка, но и сами еще опредѣляющіе его волю, сознаніе и навлѣренія.

Послушаемъ рассказъ самого Маркса о томъ, какъ у него сложился его воззрѣніе. Мы заимствуемъ рассказъ изъ предисловія къ упомянутой брошюрѣ 1859 года. „Первая работа, которую я предпринялъ для разрѣшенія обуревавшихъ меня сомнѣній, былъ критическій разборъ гегелевской философіи права. Работа привела меня къ тому результату, что правовыя отношенія, также точно какъ и политическія формы, изъ однихъ только юридическихъ и политическихъ основаній не могутъ быть выводимы и объясняемы; еще менѣе возможно ихъ объяснять и выводить изъ такъ-называемаго общаго развитія человѣческаго духа. Корень ихъ заключается въ однихъ только матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, которыхъ совокупность Гегель, по примѣру англійскихъ и французскихъ писателей XVIII-го вѣка, называетъ „гражданскимъ обществомъ“. Анатомію же гражданского общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи. Результаты, къ которымъ меня привело изученіе послѣдней, кратко могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ. При матеріальномъ производствѣ людямъ приходится стать въ извѣстныя отношенія другъ къ другу, въ производственныя отношенія. Послѣднія всегда соотвѣтствуютъ той степени развитія производительности, которою въ данное время ихъ экономическія силы обладаютъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, надъ которымъ возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Такимъ образомъ, производственный порядокъ обуславливаетъ социальныя, политическія и чисто-духовныя процессы жизни. Ихъ существованіе не только не зависитъ отъ сознанія человѣка, а напротивъ послѣднее само отъ нихъ зависитъ. Но на извѣст-

ной степени развитія своей производительности силы приходятъ въ столкновение съ производственными отношеніями людей другъ къ другу. Вслѣдствіе того онѣ начинаютъ противорѣчить и тому, что служитъ юридическимъ выраженіемъ производственныхъ отношеній, т.-е. имущественнымъ порядкамъ. Тогда производственные отношенія перестаютъ соответствовать производительности и начинаютъ ее стѣснять. Отсюда — возникаетъ эпоха общественныхъ переворотовъ. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія, болѣе или менѣе медленно или скоро измѣняется вся громадная надстройка, надъ нимъ возвышающаяся. При разсмотрѣніи этихъ переворотовъ всегда необходимо строго различать матеріальную перемѣну въ условіяхъ производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемѣну въ юридическихъ, политическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и философскихъ, словомъ—идеологическихъ формахъ, въ которыхъ мысль о столкновѣніи проникаетъ въ человѣческое сознание и въ которыхъ скрытымъ образомъ изъ-за него происходитъ борьба. Объ отдѣльномъ человѣкѣ мы не судимъ по тому, что онъ самъ о себѣ думаетъ; но нельзя также судить и объ эпохѣ переворотовъ по ее собственному самосознанію. Напротивъ, это самосознаніе должно быть объяснено само изъ противурѣчій матеріальной жизни, изъ столкновѣнія между условіями производства и условіями производительности. Общественная формація никогда не погибаетъ прежде, чѣмъ успѣе развиваться всѣ производительныя силы, которымъ она даетъ достаточно пространства. Новыя производственные отношенія никогда не возникаютъ вмѣсто старыхъ, пока матеріальныя условія ихъ существованія не выработаны вполне старымъ обществомъ. Вотъ почему человѣчество ставитъ себѣ только удобоварѣшныя задачи. Внимательное разсмотрѣніе всегда показываетъ, что задача возникаетъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія или вполне уже готовы, или жизнью заготавливаются и мыслью могутъ быть восприняты при этомъ заготовленіи. Разсматриваемые въ общихъ чертахъ, азіатскіе, античные, феодальные и новѣйшіе, буржуазные производственные порядки могутъ быть разсматриваемы какъ прогрессивныя эпохи въ исторіи экономическихъ формацій общества. Буржуазныя производственные отношенія представляютъ намъ послѣднюю антагонистичную форму общественнаго процесса производства, антагонистичную не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ такого, который обуславливается общественными условіями жизни всѣхъ. По развивающіяся, въ средѣ самого буржуазнаго общества, производительныя силы создаютъ матеріальныя условія для устраненія этого антагонизма“.

Для Маркса, слѣдовательно, основная причина, главнымъ образомъ обуславливающая явленія экономической жизни, представляется

производительностью силъ, дѣйствующихъ въ хозяйственномъ мѣрѣ. Развитие этихъ силъ для него — естественно-историческое явленіе, за которыми онъ слѣдитъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду уловить тѣ формы, которыя оно принимаетъ и оставляетъ въ разные періоды. Ростъ производительности для него фактъ почти механический, или во всякомъ случаѣ въ той же мѣрѣ механический, въ какой такимъ можетъ быть признанъ всякій физическій ростъ. Сознаніе только отражаетъ въ себѣ, какъ самый этотъ ростъ, такъ и его послѣдствія. Послѣдствія же производятся указанною причиною совершенно независимо отъ него. Перемены въ отношеніяхъ человѣка къ природѣ, составляющихъ главное содержаніе производительности, обуславливаютъ перемены въ экономическихъ отношеніяхъ людей другъ къ другу; эти перемены, въ свою очередь, влекутъ за собою перемены въ юридическихъ, политическихъ и бытовыхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Когда эти перемены въ самой жизни, на самомъ дѣлѣ уже произошли, или по мѣрѣ того какъ онѣ происходятъ въ самой жизни и на самомъ дѣлѣ, сознаніе человѣка мало по малу ихъ въ себѣ усваиваетъ, отражаетъ ихъ въ себѣ, сознательный человѣкъ начинаетъ съ ними основываться, и тогда онъ ищетъ имъ выраженіе въ словахъ, образѣ, обычаяхъ и законахъ.

Если сознательный элементъ въ исторіи культуры играетъ такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имѣющая своимъ предметомъ самую культуру, всего менѣе можетъ имѣть своимъ основаніемъ какую-нибудь форму или какой-либо результатъ сознанія. Т.-е., не идея, а внѣшнее явленіе одно только можетъ ей служить исходнымъ пунктомъ. Критика будетъ заключаться въ сравненіи, составленіи и сличеніи факта не съ идеею, а съ другимъ фактомъ. Для нея важно только, чтобы оба факта были возможно точнѣе изслѣдованы и дѣйствительно представляли собою различные степени развитія, да сверхъ того важно, чтобы не менѣе точно были изслѣдованы порядки, послѣдовательность и связь, въ которыхъ проявляются эти степени развитія.

Мы считали нелишнимъ охарактеризовать общія воззрѣнія Маркса, имѣя въ виду содѣйствовать устраненію тѣхъ недоумѣній, которыя могутъ возникнуть у читателя, впервые знакомящагося съ Марксомъ по книгѣ его, вышедшей теперь въ русскомъ переводѣ. Во-первыхъ, онъ въ этой книгѣ не высказываетъ самъ своихъ основныхъ взглядовъ. Во-вторыхъ, онъ много и сильно ругается, ругается чуть-чуть не на все. Такъ Контъ для него „погрязъ по колѣни въ католичествѣ“, а позитивная система Конта — только ученическое упражненіе, слабое подражаніе гегелевской энциклопедіи, которое имѣетъ интересъ для одной только исторіи развитія французскихъ философскихъ взглядовъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ выводять, что Марксъ про-

тивникъ того, что у насъ называется реальнымъ міросозерцаніемъ. Вышеизложенные его взгляды достаточно въ этомъ убѣждаютъ. Идеалистомъ его ни въ какомъ случаѣ уже нельзя считать. Наконецъ, русскій читатель можетъ быть на этотъ счетъ введенъ въ заблужденіе методомъ изложенія (а не изслѣдованія) Маркса. Это—изложеніе диалектическое, которое якобы строго вытекаетъ изъ одной идеи, но на самомъ дѣлѣ всегда должно возвращаться къ явленіямъ. Марксъ, когда онъ разсуждаетъ о приводимыхъ фактахъ, именно тогда весьма трудно читается. Русскому читателю, непривычному къ нѣмецкимъ кунштштюкамъ по части развитія идей, придется его сначала перевести себѣ на болѣе понятный языкъ, чтобы вполне его усвоить.

По самому характеру основныхъ своихъ воззрѣній, Марксу пришлось отвести фактамъ весьма значительное мѣсто въ своемъ сочиненіи. Въ этомъ отношеніи его книга стоитъ выше появившихся въ послѣднее 25-лѣтіе систематическихъ сочиненій, какъ въ социалистической литературѣ, такъ и въ литературѣ экономистовъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ догматическомъ отношеніи книгу Маркса можно сравнить развѣ съ прудоновскою „Системою экономическихъ противурѣчій“. По богатству историческаго матеріала и по громадности эрудиціи, Марксъ можетъ быть сравненъ съ Рошеромъ, надъ которымъ однако онъ возвышается силою и глубиною анализа и полною осмысленностью собраннаго фактическаго матеріала. Порядокъ, въ которомъ Марксъ собирался сначала изложить систему буржуазнаго строя экономической жизни, слѣдующій: капиталъ, поземельная собственность, наемный трудъ; государство, внѣшняя торговля, всемірный рынокъ. Подъ тремя первыми рубриками онъ хотѣлъ изслѣдовать экономическія условія жизни трехъ большихъ классовъ, на которые распадается буржуазное общество. Теперь онъ измѣнилъ нѣсколько эту систему. Все сочиненіе должно состоять изъ трехъ томовъ. Въ настоящее время его сочиненіе является подъ общимъ заглавіемъ „Капиталъ“. Въ первомъ томѣ излагаются основанія капиталистическаго порядка производства (книга I); второй томъ будетъ заключать въ себѣ II-ую книгу о капиталистическомъ порядкѣ обращенія и III-ью книгу объ общихъ основаніяхъ всего капиталистическаго хозяйства. Третій томъ посвящается исторіи развитія идей о капиталѣ и основанныхъ на немъ порядкахъ. Такимъ образомъ, вся современная экономическая теорія какъ бы исчерпывается теоріею капитала. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ изложеннымъ выше общимъ міросозерцаніемъ Маркса. Такъ какъ въ дѣйствительной жизни капиталъ въ настоящее время представляетъ преобладающее явленіе; такъ какъ онъ составляетъ теперь главный и почти единственный источникъ богатства и благосостоянія; такъ какъ отъ него исходятъ и къ нему возвращаются, какъ къ центральному пункту, всѣ отдѣльные экономическіе процессы, и

такъ какъ въ настоящее время всякое экономическое явленіе только въ той мѣрѣ имѣетъ практическое жизненное значеніе, въ какой имѣетъ той или иной стороны, положительно или отрицательно, затрачивается капиталъ, — то понятно, что теорія, желающая исчерпать послѣдній, должна исчерпывать всю современную экономическую жизнь, ея причины и послѣдствія.

Иному читателю можетъ при этомъ придти на мысль и такой вопросъ: какая же это наука, въ строгомъ смыслѣ слова, когда она напередъ задается не изслѣдованіемъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется данный разрядъ явленій, а только желаетъ объяснить известную часть фактовъ этого разряда? Вѣдь это не наука, а практическое приложение ея, имѣющее цѣлью примѣненіе добытыхъ научныхъ результатовъ къ объясненію тѣхъ явленій, которыя непонятны массѣ публики? Вѣдь общіе законы экономической жизни одни и тѣ же, все равно, примѣняются ли они къ современной или прошлой жизни? Но именно этого Марксъ не признаетъ. Такихъ общихъ законовъ для него не существуетъ. Изъ его сочиненія надобно заключить, что непосредственное изслѣдованіе экономическихъ явленій, принадлежащихъ къ различнымъ стадіямъ исторіи развитія хозяйства, привело его къ отрицанію экономическихъ законовъ, общихъ для всѣхъ стадій развитія. По его мнѣнію, напротивъ, каждый крупный историческій періодъ имѣетъ свои законы, которымъ жизнь подчиняется только до тѣхъ поръ, пока она переживаетъ этотъ періодъ. Но какъ только она пережила данный періодъ развитія, вышла изъ данной стадіи и вступила въ другую, она начинаетъ управляться уже другими законами. Словомъ, экономическая жизнь представляетъ намъ въ этомъ случаѣ явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаемъ въ другихъ разрядахъ биологическихъ явленій, по поводу которыхъ приходится говорить объ исторіи развитія. Низшіе организмы, пока они низшіе, подчиняются своимъ законамъ строя, роста, питанія и т. д. Когда мы переходимъ къ организмамъ послѣдующихъ степеней развитія, мы встрѣчаемся съ усложненіемъ анатомическихъ и физиологическихъ явленій, доходящихъ до того, что количественное различіе превращается въ качественное и что новыми качествами вызываются и новые законы. То же самое показываетъ и наблюденіе экономической жизни. Внимательный анализъ внутренняго строя и свойствъ дѣятельнаго состоянія явленій этой жизни неоднократно убѣждалъ многихъ изслѣдователей, уже съ сороковыхъ годовъ, въ невѣрности того взгляда старшихъ экономистовъ на природу экономического закона, по которому послѣдній однороденъ съ законами физики и химіи. Анализъ, напротивъ, приводилъ ихъ къ тому заключенію, что если уже проводить аналогію, то соотвѣтственнѣе дѣлу будетъ находить социальныя законы однородными съ законами биологіи. Въ социальной жизни, какъ

въ фیزیологической, исторія развитія, т.-е. измѣняемость и усовершенствованность формъ составляютъ самую главную характеризующую явленія особенность. Непосредственный, болѣе глубокий анализъ явленій показалъ, что социальныя организмы отличаются другъ отъ друга не менѣе глубоко, чѣмъ организмы ботаническіе и зоологическіе. Социальный организмъ, который представляетъ собою азіатская деспотія, тотъ который можно было наблюдать у классическихъ народовъ, организмъ, который представлялся феодальнымъ обществомъ, и, наконецъ, тотъ который представляется современнымъ капиталистическимъ обществомъ,—всѣ они до такой степени различны другъ отъ друга, что законами, построенными на основаніи наблюденій общихъ имъ всѣмъ особенностямъ, нельзя было бы объяснить самыхъ интересныхъ ихъ сторонъ. Одно и то же явленіе, вслѣдствіе различія въ строѣ этихъ организмовъ, разнородности ихъ органовъ, различій условій, среди которыхъ органамъ приходится функционировать и т. д., можетъ по этому на разныхъ степеняхъ развитія, представляемыхъ различными социальными организмами, подчиняться совершенно различнымъ законамъ. Марксъ отказывается, на примѣръ, признавать, что законъ увеличенія народонаселенія одинъ и тотъ же всегда и повсюду, для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Онъ утверждаетъ напротивъ, что каждая степень развитія имѣетъ свой законъ размноженія. Онъ не отвергаетъ поэтому и мальтусовскаго закона, а строго опредѣляетъ только предѣлы, въ которыхъ онъ сохраняетъ свою силу, т.-е. условія, при которыхъ происходятъ управляемые имъ явленія. То, что въ экономической жизни происходитъ, зависитъ отъ степени производительности экономическихъ силъ, т.-е. отъ силы, которою они обладаютъ для произведенія тѣхъ или иныхъ послѣдствій. При различіяхъ въ производительности, и послѣдствія ея будутъ различны, а съ ними и законы, ими управляющіе.

Задаваясь, такимъ образомъ, цѣлью—исслѣдовать и объяснить капиталистическій порядокъ хозяйства, Марксъ только строго научно формулировалъ цѣль, которую можетъ имѣть точное исслѣдованіе экономической жизни. Исслѣдованіе, которое имѣетъ въ виду не интересы археологій, а также и не интересы чисто созерцательнаго любопытства, которое желаетъ служить дѣйствительной жизни, только ее и можетъ имѣть своимъ центральнымъ пунктомъ. Выѣстъ съ тѣмъ, однако, такое исслѣдованіе далеко не имѣетъ одного популяризаторскаго значенія. Его научная цѣна заключается въ выясненіи тѣхъ частныхъ законовъ, которымъ подчиняются возникновеніе, существованіе, развитіе, смерть данного социальнаго организма и замѣненіе его другимъ, высшимъ. И эту цѣну дѣйствительно имѣетъ книга Маркса.

Само собою разумѣется, что, какъ чисто научное сочиненіе, книга эта предполагаетъ, что ея читатель умѣетъ не только воспринимать

и идеи, но и критически слѣдить за всѣмъ ходомъ изслѣдованія, изъ котораго онѣ получаются. Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже замѣтили, сочиненіе Маркса представляетъ большія трудности, чѣмъ сочиненія другихъ социалистовъ. Оно предполагаетъ хорошо подготовленнаго читателя, знакомаго не только съ исторіею культуры вообще и экономической въ частности, но сверхъ того и усвоившаго себѣ результаты экономической науки. Самъ Марксъ указываетъ на то, что онъ рассчитываетъ на читателя, который хочетъ учиться *новому*, слѣдательно, на такого, который всему *старому* уже выучился, и для котораго теорія Маркса нова вовсе не потому, что для него и вообще не ново въ политико-экономической наукѣ.

Вышедшій теперь томъ начинается анализомъ мѣнновыхъ процессовъ. Марксъ, анализомъ различныхъ формъ, принимаемыхъ обмѣномъ на разныхъ степеняхъ развитія, доказываетъ, что между этими формами существуетъ внутренняя преемственная связь и что одна форма порождается другою, заключающею въ себѣ въ зародышѣ тѣ элементы, изъ развитія которыхъ и возникаютъ высшія, болѣе усложненныя формы. Такимъ образомъ, уже простѣйшая форма обмѣна, въ періодъ такъ называемаго натурального хозяйства, содержитъ въ себѣ зародыши, развитіемъ которыхъ порождаются усложненныя явленія денежнаго обмѣна. Выяснивъ общій законъ обмѣна, Марксъ показываетъ, что такое обращеніе, насколько оно проявляется въ обмѣнѣ продуктовъ, не способно давать капиталисту никакихъ излишковъ надъ сдѣланными имъ затратами. Для полученія такихъ излишковъ необходимо обращенію втянуть въ свою сферу рабочую силу человѣка, лишеннаго экономической независимости. Примѣненіе общаго закона обмѣна къ рабочей силѣ, какъ къ товару, даетъ возможность капиталисту получать въ обращеніи больше, чѣмъ онъ затратилъ, получать барышъ. Дѣло въ томъ, что по мѣнновому закону каждый товаръ оплачивается по среднимъ и необходимымъ издержкамъ его производства, выраженнымъ въ количествѣ затраченнаго труда. Но рабочая сила производитъ болѣе, чѣмъ необходимо на ея производство (т.-е. питаніе). Слѣдовательно, оплачивая трудъ по той же нормѣ, по которой оплачивается какой другой товаръ, капиталистъ имѣетъ возможность получать въ свою пользу разность между стоимостью содержанія труда и стоимостью продуктовъ труда. Эту разность Марксъ называетъ *излишкомъ стоимости* (Mehrwertb). Эти-то излишки надъ собственными затратами и стремленіе къ нимъ и составляютъ главную характеризующую особенность капиталистическаго порядка экономической жизни. Получить барышъ насчетъ рабочей платы, возможно меньше заплатить за трудъ и возможно больше изъ него добыть, — таковъ его практическій лозунгъ. Сообразно съ тѣмъ основнымъ значеніемъ, которое, по ученію Маркса, капиталъ и его барыши на заработной платѣ имѣютъ въ на-

стоящее время, главная часть первого тома (стр. 121—489) посвящена подробнымъ описаніямъ и анализамъ явленій, съ которыми сопряжена эксплуатація труда капиталомъ, и условій, при которыхъ онъ происходитъ, развивается или задерживается въ своемъ развитіи. Марсъ сначала описываетъ стремленіе капиталиста получать свой барышъ и капиталъ, заключающійся въ указанномъ выше излишкѣ цѣности, чрезъ удлиненіе рабочаго дня. Здѣсь же излагается развитіе англійскаго законодательства о продолжительности фабричнаго рабочаго дня. Затѣмъ Марсъ переходитъ къ слѣдующимъ основнымъ способамъ полученія возможно большей разности между цѣною труда и цѣною его продуктовъ. Эти способы заключаются въ возвышеніи производительности труда и уменьшеніи издержекъ его содержанія сравнительно съ тѣмъ, что онъ производитъ. Простая кооперація большой массы однородныхъ рабочихъ силъ, раздѣленіе труда или кооперація большихъ массъ разнородныхъ рабочихъ силъ, наконецъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ машинъ,—таковы главные способы. Въ послѣдней главѣ Марсъ анализируетъ исторически условія образованія капитала и какъ бы наглядно демонстрируетъ процессъ его образованія на іеріи и практикѣ колонизаціи.

И. Б-въ.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гитто (Hirrell). Переводъ Елены Вларамбергъ. Спб. 1872.

Швейцарія и Швейцарцы. Сочиненіе Вильяма Генворта Диксона. Съ присоединеніемъ его же статьи: Учебныя заведенія въ Цюрихѣ. Пер. съ англійскаго подъ редакціей А. Михайлова и Н. И. Шумина. Спб. 1872.

„Существованіе министерства народнаго просвѣщенія, которое управляетъ, при помощи сильной центральной администраціи, школами, коллегіями и университетами, назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, редактируетъ всѣ программы, опредѣляетъ методы преподаванія, составляетъ списокъ классныхъ книгъ, устанавливаетъ и контролируетъ всѣ расходы,—громадная задача, добросовѣстное исполненіе которой превышаетъ человѣческія силы“. Несмотря на мягкость выраженій, въ которую заключена эта безусловно справедливая мысль, мы думаемъ, что ее никогда не произнесъ бы нашъ чиновникъ, посланный для обозрѣнія учебныхъ заведеній за границу; попавъ въ страну, гдѣ такого учрежденія нѣтъ, онъ постарался бы распространиться о тысячахъ неудобствъ, связанныхъ съ отсутствіемъ централизаціи въ учебномъ дѣлѣ и, какъ бы мимоходомъ, наговорилъ бы любезностей своему вышнему начальству. Французскіе чиновники оказались въ этомъ отношеніи гораздо независимѣе, быть можетъ потому, что .г. Дюрюи, посылавшій ихъ обозрѣвать учебныя заведенія за границей, руководился дѣйствительнымъ желаніемъ подробно и безпристрастно изучить учеб-

ное дѣло за границей и вывести изъ этого изученія практическія познания, удобоприложимыя къ Франціи. Г. Дюрюи не давалъ обѣдъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ и не просилъ ихъ выдать положительный аттестатъ за его добрыя намѣренія съ тѣмъ, чтобы этимъ аттестатомъ потомъ пользоваться для своихъ личныхъ цѣлей. Совсѣмъ напротивъ, онъ поступилъ какъ человѣкъ порядочный, глубоко чувствовавшій пороки французской учебной системы и намѣревавшійся искоренить ее вѣяніями новаго времени и опытомъ другихъ народовъ. Съ этою цѣлью онъ далъ своимъ чиновникамъ полное полномочіе изучать за границей учебное дѣло съ тѣмъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, которыя исключаютъ всякое воскуреніе своихъ собственныхъ туземныхъ предубѣжденій. Года два тому назадъ мы говорили о трудѣ гг. Деможо и Монтуччи, посланныхъ г. Дюрюи осмотрѣть англійскія учебныя заведенія, — трудѣ, который по богатству фактовъ и просвѣщенному взгляду на дѣло, лишенному всякой предвзятой идеи, занялъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ европейской литературѣ учебнаго дѣла и безъ сомнѣнія новѣйшій на односторонніе взгляды французскихъ педагоговъ. Трудъ г. Гиппо, изъ котораго привели мы въ началѣ цитату о министерствѣ народнаго просвѣщенія, слабѣ произведенія гг. Деможо и Монтуччи: г. Гиппо меньше вникалъ въ учебное дѣло самъ, меньше посѣщалъ учебныя заведенія и по большей части работалъ въ кабинетѣ на основаніи отчетовъ и другихъ официальныхъ документовъ, которые ему въ изобиліи были представлены. Къ тому же, г. Гиппо имѣлъ дѣло со страной совершенно оригинальною, гдѣ общественная самодѣятельность выражается въ колоссальныхъ размѣрахъ и гдѣ пожертвованія частныхъ лицъ на учебное дѣло такъ громадны, что способны поразить воображеніе чиновника континентальной Европы, привыкшаго встрѣчать у себя дома явленія противоположнаго свойства. Отсюда — почти полное отсутствіе критики у г. Гиппо американскихъ учебныхъ заведеній и панегирической тоны, котораго онъ держится. Несмотря, однако, на эти недостатки, г. Гиппо собралъ столько фактовъ, столько драгоценныхъ матеріаловъ для сужденія объ учебномъ дѣлѣ въ Америкѣ, что сочиненіе его какъ нельзя болѣе заслуживало перевода на русскій языкъ.

До 1867-го года въ Соединенныхъ Штатахъ не существовало никакого центрального мѣста, которое бы походило на европейскія министерства народнаго просвѣщенія; только въ этомъ году конгрессъ призналъ необходимымъ учредить въ Вашингтонѣ департаментъ народнаго просвѣщенія, который и началъ собирать статистическія данныя о народномъ просвѣщеніи въ штатахъ; пока эти данныя еще не полны, но они уже могутъ дать понятіе о тѣхъ колоссальныхъ средствахъ, которыми располагаютъ штаты для учебнаго дѣла. Въ 22-хъ штатахъ союза было въ 1868-мъ году 124,613 школъ съ 5,360,561

учениками, съ 63,600 преподавателями и 135,250-ю преподавательницами. Эти 22 штата расходовали 269,288,553 франка на личный составъ, 85,386,395 франковъ на матеріальныя издержки, постройки, школьную утварь, приобрѣтеніе книгъ и другихъ классныхъ пособій; всего 354,675,948 франковъ; прибавивъ 100 милліоновъ франковъ на остальные 15 штатовъ, получимъ сумму расходовъ 37-ми штатовъ соизвѣстна въ 450 милліоновъ франковъ или въ 112,500,000 рублей сер. Эти громадныя суммы даютъ возможность штатамъ не только устроить повсюду бесплатное преподаваніе, но и обезпечить учебный составъ очень хорошимъ содержаніемъ. Такъ, напр., въ Нью-Йоркѣ, директоръ нью-йоркской 500-ми учениковъ, получаетъ 3,750 р., каждый учитель класса въ 150 учениковъ — 1,812 р., а каждая учительница 944 руб. Естественно, что эти цифры не найдутъ себѣ равныхъ ни въ одной европейской странѣ. Кромѣ того, европейца поразятъ на каждомъ шагѣ и другія особенности школьнаго дѣла. Образование повсюду бесплатное и обязательное. Мальчики и дѣвочки по большей части учатся вмѣстѣ, причемъ дѣвочки или помѣщаются на одной сторонѣ класса, мальчики на другой, или вовсе не дѣлается различій между полами, и естественно между образованіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ не дѣлается никакого различія; нерѣдко рвеніе дѣвочекъ превосходитъ рвеніе мальчиковъ и онѣ стараются изъ самолюбія обогнать ихъ. Въ школахъ раздѣленныхъ на классы, между послѣдними устроены стеклянныя перегородки; на одномъ концѣ эстрада, съ которой директоръ и директриса наблюдаютъ всѣ классы. Приспособленіе для наглядающаго очень простое, но оно едва ли гдѣ существуетъ въ Европѣ.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ высшаго разряда совмѣстное обученіе молодыхъ людей и дѣвочекъ признано также весьма удобнымъ. Этотъ вопросъ, впрочемъ, окончательно рѣшенный для меньшихъ возрастовъ, находитъ еще противниковъ относительно возрастовъ старшихъ. Этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, занимаются и европейскіе педагоги, и у насъ онъ возбуждаетъ споры въ литературѣ. Тѣмъ любопытнѣе послушать тѣ доводы, которые слышалъ г. Гинно отъ многихъ лицъ, между прочимъ отъ директора Оберлинской коллегіи, Джемса Ферчалда. Характеристическая особенность Оберлинской коллегіи состоитъ въ томъ, что она соединяетъ въ одномъ и томъ же домѣ, въ однихъ и тѣхъ же классахъ, за одними и тѣми же научными и литературными занятіями молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ 15-ти и 18-ти лѣтъ, получающихъ одну и ту же степень образованія. Чтобы оправдать соединеніе молодыхъ людей обоихъ половъ въ одномъ и томъ же заведеніи и ихъ участіе въ однихъ и тѣхъ же занятіяхъ, директора Оберлинской коллегіи ссылаются на тридцатилѣтній опытъ. Они не могли бы быть настолько слѣпы, чтобы не увидѣть злоупотребленій, еслибъ таковыя существовали, и настолько

безразличным, чтобы допускать ихъ. Изъ такого соединенія обонхъ дѣловъ происходитъ прежде всего весьма помятая значительная экономія денегъ и силъ. Такая система выгодна и для семействъ, такъ какъ братья и сестры вмѣстѣ слушаютъ учебные курсы, что производитъ на тѣхъ и другихъ весьма хорошее дѣйствіе. Между учениками обою пола возбуждается соревнованіе, чего не бываетъ въ тѣхъ коллежіяхъ, гдѣ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно. Въ этихъ новыхъ заведеніяхъ соревнованіе можетъ быть возбуждено только посредствомъ почестей и наградъ, которыя имѣютъ свое дѣйствіе лишь на весьма небольшое число учениковъ. Ученикамъ, которые окончили курсъ совмѣстно съ дѣвушками, не потребуется много времени для приобрѣтенія той вѣжливости и той привѣтливости, которыя каждый хорошо воспитанный человѣкъ долженъ внести въ свѣтъ. Эти общественныя качества—умѣнье держать себя, ровное настроеніе духа—сдѣлались ихъ собственностью; они приобрѣли ихъ безъ усилій. Оба пола приучаются уважать другъ друга и если замѣчаются кое-гдѣ нарушенія порядка, то это бываетъ такъ рѣдко, что изъ 200 или 300 дѣвушекъ, слушающихъ высшіе курсы, каждая пятая дѣтъ среднимъ числомъ подвергается исключенію одна. Нарушеніе правъ собственности, вообще столь обыкновенное между учениками, прекращается, лишь только женскій элементъ входитъ въ общину; даже запрещеніе курить, всюду предписываемое и всюду нарушаемое, тщательно соблюдается въ Оберлинѣ, благодаря присутствію молодыхъ дѣвушекъ, относительно которыхъ ни одинъ ученикъ не желалъ бы показаться невнимательнымъ. Умѣнье прилично держать себя замѣчается и въ столовыхъ, гдѣ никогда еще не случилось никакого безпорядка. Увѣрены ли въ томъ, спрашивалъ г. Гиппо директора Оберлинской коллежіи, что умъ молодыхъ дѣвушекъ стоитъ на высотѣ того разнообразнаго и обширнаго обученія, въ которомъ онѣ принимаютъ участие? Директоръ сослался на свой опытъ; въ теченіи 8-ми лѣтъ онъ преподавалъ греческій, латинскій и еврейскій языки, въ теченіи девяти года—высшую и прикладную математику и наконецъ три года—нравственные и философскіе предметы. Во все это время онъ не замѣчалъ никакой разницы между молодыми людьми и дѣвушками. Оба пола, сказалъ онъ, раздѣлялись одинаково на слабыхъ и сильныхъ учениковъ. Я этимъ не хочу утверждать, что между женскими и мужскими умами не существуетъ никакой *нормальной* разницы; я думаю, что природа дала имъ различныя стремленія и способности. Я хочу только сказать, что всякій разъ, когда тѣ и другія прилагали свою умственную дѣятельность къ занятіямъ одного и того же рода, они дѣлали это съ равнымъ успѣхомъ. И тѣ и другія имѣютъ одинаковую способность понимать и выражать истину. Тѣмъ, которые боится, что серьезный трудъ, требуемый высшими занятіями, подѣй-

ствуешь вредно на молодыхъ дѣвушекъ, можно отвѣчать цифрами: считая бывшихъ въ коллегіи учениковъ обоюго пола въ теченіи 34-хъ лѣтъ, видно, что относительно мужчинъ приходится одинъ смертный случай на 9½, а для женщинъ одинъ на 12.

„Такъ какъ оба пола, продолжалъ г. Гиппо, должны занимать въ свѣтѣ различныя положенія и исполнять тамъ не одинаковыя обязанности, то не было ли бы необходимымъ давать имъ различное воспитаніе и доставлять имъ такой родъ занятій, который былъ бы болѣе приспособленъ къ ихъ будущему назначенію? — Да, разумѣется, если бы коллегіи имѣли цѣлью давать окончательное воспитаніе и готовить къ той или другой спеціальной дѣятельности. Но литературное и научное обученіе обнимаетъ общія занятія, которыя готовятъ учениковъ ко всякой дѣятельности въ будущей ихъ жизни, и не содержитъ ни одного элемента, который не способствовалъ бы развитію ума и сердца всякой молодой дѣвушки. Изъ подобнаго, общаго всѣмъ воспитанія ученики каждаго пола съумѣютъ извлечь, смотря по ихъ природнымъ склонностямъ, тѣ знанія и свѣдѣнія, которыя имъ будутъ пригодны. Сидя за однимъ столомъ и раздѣляя одну и ту же пищу, молодые люди и молодыя дѣвушки сохраняютъ однако свои особенности, подчиненныя различнымъ законамъ. Умственная пища, подобно пищѣ тѣлесной, имѣетъ на оба пола различное дѣйствіе; каждый изъ нихъ пользуется ею по-своему и смотря по своимъ потребностямъ. Какъ бы ни старались давать обоимъ поламъ вполнѣ одинаковое воспитаніе, послѣднее никогда не сдѣлаетъ изъ женщины мужчину и изъ мужчины женщину. Указываютъ еще на другую опасность. Въ собраніи, гдѣ каждый полъ долженъ необходимо имѣть болѣе вліяніе одинъ на другого, не измѣнится ли отличительный характеръ каждаго изъ нихъ, не приобретутъ ли молодыя дѣвушки рѣзкость манеръ, безцеремонность и небрежность молодыхъ людей (garçons), и не сдѣлаются ли послѣдніе мягкими, женственными и легкомысленными? — Опытъ показываетъ противное. Съ одной стороны, присутствіе молодыхъ дѣвушекъ внушаетъ молодымъ людямъ только великодушныя, возвышенныя и рыцарскія чувства. Что касается до молодыхъ дѣвушекъ, то свойственная имъ деликатность, грація, вѣщество скорѣе были бы утрачены въ одиночной жизни, вдали отъ тѣхъ, присутствіе которыхъ болѣею частью способствуетъ развитію лучшихъ стремленій ихъ природы. Только въ одиночествѣ и при исключительныхъ обстоятельствахъ образуются *viragines* и *амазонки*, и только въ общественной жизни рождаются и развиваются общественныя качества. Но можетъ быть, всѣ эти соображенія уничтожаются предъ самымъ важнымъ изъ нихъ—относительно нравовъ? Какъ представить себѣ, что для молодыхъ дѣвушекъ нѣтъ опасности въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ молодыми людьми, занятія которыхъ они

мѣняютъ? Какъ избѣгнуть онѣ тѣхъ сильныхъ притяженій, которыя составляютъ законъ природы? Здѣсь опять практика противорѣшитъ теоріи. Эти притяженія дѣйствуютъ сильно, имѣютъ болѣе сильное вліяніе, если молодыя дѣвушки и молодые люди живутъ каждое въ отдѣльномъ мірѣ, зная другъ о другѣ только то, что имъ исцуетъ ихъ воображеніе. Привыкнувъ видѣться съ самаго дѣтства, ить и рости другъ возлѣ друга, какъ мальчики и дѣвочки, расту-ще въ родительскомъ домѣ,—они не отдаются тѣмъ романтическимъ чувствамъ, тѣмъ химернымъ желаніямъ, которыя весьма естественно падаютъ въ ихъ сердцахъ, когда у нихъ нѣтъ передъ глазами кар-тинъ дѣйствительной реальной жизни. Они сдерживаются взаимно въ-мѣнахъ приличія и уваженія и прежде всего между ними разви-ется братство, рождающееся вслѣдствіе одинаковыхъ учебныхъ при-чинецъ“.

Понятно, что все это не исключаетъ бдительнаго, но не мелоча-го, подозрительнаго надзора; понятно также, что въ странѣ, гдѣ-сь общественныя отправления свободны, гдѣ законъ уважается, воз-мжны эти явленія и въ такомъ совершенномъ видѣ. Европейскія-границы едва ли скоро будутъ въ состояніи достигнуть подобныхъ ре-зультатовъ, если совмѣстное обученіе обоихъ половъ и будетъ при-ето.

Г. Гишо былъ пораженъ и великолѣпіемъ школьныхъ зданій. Въ-многѣхъ дѣлѣхъ, глядя на рисунки этихъ зданій, приложенныхъ къ его-книгѣ, видишь не школы, а дворцы, самой затѣйливой, красивой ар-хитектуры. Многие упрекаютъ за эту роскошь американцевъ, но, не-смотря уже о томъ, что наружная роскошь архитектуры соответствуетъ-внутренней, т.-е. роскоши и богатству учебныхъ средствъ,—человѣче-скому обществу, такому богатому, какъ американское, всего приличнѣе-потреблять деньги на возведеніе великолѣпныхъ школъ, которыя и-въ вѣншнему виду напоминаютъ „храмы“ науки. И общины и частныя-лица конкурируютъ въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ. Какъ въ-цѣломъ свѣтѣ нѣтъ страны, въ которой общины жертвовали бы столько-на народное образованіе, такъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ и такой страны,-гдѣ частныя лица такъ могущественно содѣйствовали бы образованію. Ежегодно въ Америкѣ воздвигаются новыя коллегіи на частныя сред-ства богатыхъ людей; пожертвованія считаются ежегодно милліонами;-пшваръ Вассаръ пожертвовалъ 500 тысячъ долларовъ на высшую-коллегію для женщинъ — первый женскій университетъ въ Америкѣ; Эзра Корнель пожертвовалъ до 5-ти милліоновъ фр. на основаніе-бюблиотекъ и университета въ Итакѣ; докторъ Вильямъ Вальберъ и-нѣсколько другихъ лицъ дали до 2-хъ мил. 500 тысячъ фр. на бо-стонскій технологическій институтъ; Юсифъ Шеффилдъ пожертвовалъ-до милліона фр. на основаніе шеффилдской школы наукъ; коллегія

Ієди получила въ теченіе 8-ми лѣтъ отъ 20-ти лицъ до 5-ти миліоновъ фр. пожертвованій; извѣстный своею благотворительностью Пибоди пожертвовала 5,340,000 франковъ на Балтиморскій институтъ, 10,680,000 фр. на музей американскихъ древностей для коллегіи Ієди и еще нѣсколько милліоновъ на другія учебно-воспитательныя заведенія. Такимъ образомъ ежегодно стекаются милліоны къ друзьямъ и руководителямъ науки. Вополнѣ патриотическое желаніе видѣть страду свою на одномъ уровнѣ съ тѣми, гдѣ искусство, науки и литературы занимаютъ почетное мѣсто, внушаетъ учителямъ великодушное соревнованіе, и общаетъ Америкѣ блестящую будущность не на одномъ только промышленномъ и торговомъ пути.

Независимо отъ фактовъ, дающихъ весьма обстоятельное понятіе объ элементарномъ, среднемъ и высшемъ образованіи въ Америкѣ книга г. Гиппо имѣетъ общій поучительный характеръ, заключающійся въ томъ, что децентрализація въ учебномъ дѣлѣ, предоставленіе обществу большихъ правъ имѣютъ весьма благотворное вліяніе на развитіе народнаго просвѣщенія. Слѣдующія строки, которыми онъ оканчиваетъ свою книгу, одинаково приложимы ко всякой странѣ, а къ нашей болѣе чѣмъ къ другой какой, а потому мы ихъ выпишемъ.

„Войдетъ ли Франція въ свою очередь въ эту колею административной децентрализаціи, которая несомнѣнно могла бы дать толчокъ всѣмъ ея жизненнымъ силамъ и превосходнымъ ресурсамъ, которыми она владѣетъ? Увидимъ ли мы, относительно общественнаго образованія, размноженіе, какъ въ Америкѣ, тѣхъ свободныхъ ассоціацій, тѣхъ великодушныхъ пожертвованій, которыя позволяютъ дать болѣе широкое основаніе народному образованію и возродятъ въ нашихъ провинціяхъ древніе университеты, которые сдѣлаются тѣмъ болѣе цвѣтущими, что жители будутъ непосредственно интересоваться ихъ успѣхами? Для достиженія этой цѣли надо исполнить много условій. Надо было бы, чтобы граждане рѣшились отказаться отъ той апаціи, того равнодушія, которое передало мало по малу въ руки правительства всѣ дѣла, которыми они могли бы сами управлять. Но надо было бы также, чтобы правительство, уступая требованіямъ эпохи, добровольно согласилось сложить съ себя часть обременяющей его тяжести и помочь народу разумно воспользоваться свободой, расширивъ дѣйствій муниципальныхъ и департаментскихъ совѣтовъ, поощряя ассоціаціи и собранія (перестающія быть шумными и опасными, лишь только они вошли въ національныя привычки), открывая свободное поле изслѣдованію и разбору національныхъ интересовъ, стремясь, однимъ словомъ, къ тому, чтобы заслужить похвалу, сказанную однимъ остроумнымъ человѣкомъ великому министру: „милостивый государь, вы десять лѣтъ работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя безполезнымъ“.

Въ другой подобной странѣ, Швейцаріи, школа также пользуется надлежащимъ почетомъ. Здѣсь главнымъ обязанность государства — содержать школу. „Швейцарскій ребенокъ, говоритъ Диксонъ, мечтаетъ о школѣ, какъ дѣти ремесленниковъ въ англійскихъ городахъ думаютъ о работѣ“. Красивѣйшее зданіе, которое видитъ швейцарецъ, выходя изъ своего дома, сельская или кантональная школа, смотря потому, гдѣ онъ живетъ, въ деревнѣ или городѣ. „Наши дѣти, рассказывалъ Диксону одинъ швейцарскій профессоръ, до того привыкли видѣть школу красивѣйшимъ зданіемъ въ городѣ, что за-границей они впадаютъ въ уморительныя ошибки. Такъ моя десятилѣтняя дочь, увидѣвъ блестящій фасадъ Версаля, воскликнула, хлопая въ ладоши: „Папа! папа! вотъ и школа, смотри, смотри!“ Въ каждомъ селеніи, гдѣ находится хоть 20 дѣтей, мэръ и совѣтъ обязаны открыть школу и нанять учителя. Въмѣстѣ съ общинными школами также ревностно устриваются городскія школы. Потомъ идутъ кантональныя школы, содержимыя на счетъ государства, такъ какъ кантонъ — государство въ Швейцаріи. Во всей странѣ существуетъ до сихъ поръ только одна союзная школа — политехнический институтъ въ Цюрихѣ, представляющій образецъ реального, прагматическаго училища. Въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ сильно желаютъ основать союзный университетъ, который могъ бы соперничать съ университетами Бонна и Гейдельберга, если не Берлина. „Школа для швейцарца, говоритъ Диксонъ — центръ всѣхъ его счастливыхъ надеждъ и пріятныхъ воспоминаній. Въ школѣ онъ сближается съ товарищами, съ которыми онъ учится, играетъ, маршируетъ и стрѣляетъ. Учитель для него отецъ; подъ его руководствомъ онъ образуется и дѣлается человекомъ среди нѣжныхъ работъ, лишенныхъ родительскаго пристрастія. Въмѣстѣ съ учителемъ и товарищами онъ гуляетъ по окрестностямъ, собираетъ минералы и растенія, катается въ лодкѣ, слушая рассказы о древнихъ овернскихъ жилищахъ, ѣздитъ по желѣзной дорогѣ въ сосѣднія общины для изученія новыхъ для него обычаевъ. Ученики и учителя вѣчно предъ глазами общества. Часто они устраиваютъ по улицамъ торжественныя шествія съ музыкой, пѣніемъ и флагами. Всѣ прохожіе сторонятся передъ ними и снимаютъ шляпы: швейцарцы гордятся своими школами, какъ высшимъ произведеніемъ своей страны“. Въ то время какъ въ другихъ государствахъ бюджетныя расходы на школы сравнительно съ расходами на армію ничтожны, въ Швейцаріи армія поглощаетъ меньше денегъ, чѣмъ школа, именно:

Стоимость общинныхъ школъ . .	5,000,000 фр.
„ кантональныхъ . . .	5,157,756 „
„ союзной	287,611 „
Итого . . .	10,445,367 фр.

Стоимость кантональных войскъ. 4,508,901 фр.

„ союзной арміи. . . . 5,486,396 „

Итого. . . . 9,995,297 фр.

И несмотря на это, или быть можетъ благодаря этому превышенію школьнаго бюджета надъ военнымъ, каждый швейцарецъ обученъ военнымъ приёмамъ, вооруженъ и готовъ во всякое время идти въ походъ.

Какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи дѣвочки получаютъ одинаковое образованіе съ мальчиками, какъ въ первоначальныхъ, такъ и въ высшихъ школахъ. Разница только въ томъ, что дѣвочки учатъ шитью и кройкѣ, а мальчиковъ маршировкѣ и военнымъ приёмамъ; при этомъ, однакожъ, многія швейцарки также хорошо стрѣляютъ, какъ и мужчины, и въ случаѣ нужды не уступятъ имъ ни въ чемъ, являя изъ себя серьезныхъ, энергическихъ и разумныхъ женщинъ, способныхъ принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 годахъ. Сочиненіе *Михаила Де-Пула*. Сиб. 1871.

Въ исторіи XVIII вѣка едва ли есть другая столь же трагическая фигура, какъ Станиславъ-Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій. Блестящій кавалеръ для гостинныхъ и бульваровъ, изящный дамскій угодникъ, отлично вышколенный на мелочи и свѣскость умъ, знатокъ языковъ, тонкій любитель легкой поэзіи и музыки, остроумный и фатоватый фразеръ, онъ внушаетъ къ себѣ скорбное чувство, смѣшанное съ презрѣніемъ и смѣхомъ. Скорбное чувство онъ внушаетъ къ себѣ потому, что былъ долгое время представителемъ своей страны, однимъ изъ послѣднихъ могикановъ распадавшейся, измелъчавшейся страны. Изучая его фигуру, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаешь тотъ характеръ поляка временъ паденія, которому наиболѣе обидана Польша своими несчастіями. Племянникъ Чарторижскаго, онъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ возможность обращать на себя вниманіе свѣта, независимо даже отъ своихъ свѣтскихъ достоинствъ. Попадъ къ петербургскому двору, онъ дѣлается любимцемъ Екатерины, потому, при нашей помощи, польскимъ королемъ, королемъ почти по одному названію, потому что онъ вполне зависѣлъ то отъ представителей Россіи въ Варшавѣ, то отъ лицъ, которымъ для своихъ цѣлей выгодно было прибрать его къ рукамъ. Легкомысленный и вѣтренный, онъ утѣшался наружнымъ величіемъ, занимался поэтическимъ вздоромъ и блескомъ и разыгрывалъ роль покровителя искусствъ и художествъ. Фридрихъ II философствуетъ, приглашаетъ къ своему двору Вольтера и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, Екатерина II очаровываетъ френ-

скаго старца и приглашаетъ къ себѣ Дидро, Станиславъ-Августъ приглашаетъ къ своему двору госпожу Жоффренъ, одну изъ довольно пусихъ содержательницъ литературныхъ салоновъ въ Парижѣ, и нѣжно лизываетъ ее маман. Фридрихъ II и Екатерина II, Вольтеръ и Дидро — съ одной стороны, Станиславъ-Августъ Понятовскій и г-жа Жоффренъ съ другой. Какъ ни мела эта черта, но она характеризуетъ послѣдняго польскаго короля довольно рельефно. Для его тщеславія и роскоши необходимы были деньги, и онъ вѣчно былъ въ долгахъ; во время путешествія Екатерины онъ составляетъ одно изъ видныхъ лицъ въ его свитѣ и получаетъ подачку во сто тысячъ рублей, которая была ему такъ кстати; онъ безконечно благодаренъ за этотъ подарокъ, который утѣшаетъ его въ отказѣ на его просьбы, клонившія въ пользу его родины. Во время послѣднихъ судорогъ умирающей Польши, Станиславъ-Августъ то унижается, что было ему не въ диковину, то интригуетъ ради сохраненія своего положенія, то разыгрываетъ роль пламеннаго патріота, то дѣлается посмѣшищемъ всей страны, какъ, напр., во время похищенія его сообщниками Пулавскаго. Это похищеніе было похоже на похищеніе старой дѣвочки гусарскимъ корнетомъ, который, вдоволь насмѣявшись надъ нею, бросилъ ее, растрепанную, безъ шляпки и шиньона, въ одномъ башмакѣ, такъ какъ другой остался въ грязи. Если къ этому дряблему и ничтожному характеру можно относиться съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, то развѣ только потому, что онъ былъ игрой въ рукахъ умныхъ современниковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и страна, корону которой онъ носилъ съ фатовствомъ великосвѣтскаго модника....

Этой-то трагико-комической фигурѣ посвящаетъ г. де-Пуле свое сочиненіе, основанное на любопытныхъ документахъ, извлеченныхъ изъ вѣнскаго архива. Прага взята Суворовымъ; королю уже 62 года; онъ пишетъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ говоритъ: „какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мнѣ, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляю за него великодушіе вашего императорскаго величества“. Ничего трогательнаго въ этихъ словахъ нѣтъ; это обыкновенная фраза, написанная съ расчетомъ на то, что она перейдетъ въ потомство. Екатерина выразила желаніе, чтобъ король какъ можно скорѣе переѣхалъ въ Гродно, гдѣ ему будетъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ Варшавѣ. Король готовъ переѣхать, но у него долги, и ему не съ чѣмъ переѣхать; но о средствахъ позаботились. Старый знакомый Понятовскаго, князь Репнинъ, игравшій важную роль въ возведеніи Станислава на польскій престолъ, теперь генералъ-губернаторъ ливонскій, эстляндскій и литовскій, готовилъ ему спокійную пристань въ Гроднѣ. Въ Гроднѣ король сдѣлался плѣнникомъ, или вѣрнѣе, званымъ челоуѣкомъ, находящимся подъ надзоромъ полиціи. Репнинъ принималъ всѣ мѣры въ тому, чтобы устроить вокругъ короля игрушеч-

ный дворъ, окружить его нѣкоторымъ блескомъ, но за вулисами вѣчно стояли надзиратели, исполнявшіе волю императрицы, писавшей къ Репнину: „Многіе опыты насъ уже удостовѣрили, былъ всегда вопреки (?) польза нашихъ, за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюдение, позволяя чинить сіе только съ людьми, кои не могутъ подвержены быть подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причинъ удалить отъ него не слѣдуетъ“. „Секретное“ наставленіе князя Репнина князю Циціанову, высчитываетъ всѣ опособы наблюденія надъ королемъ, очень тонкія, прибавляя, чтобъ „присмотръ былъ непримѣтенъ“. Король пріѣхалъ въ Гродно 1 января 1795 г. и расположился въ приготовленномъ для него дворцѣ. „При первомъ свиданіи я ни объ чемъ съ нимъ не говорилъ“, писалъ князь Репнинъ императрицѣ; о королевской свитѣ онъ выражается такъ: „она кажется составлена изъ людей не лучшаго выбора, каковыя, въ несчастію, всегда его величество окружалъ“. Свита королевская состояла изъ 153 человѣкъ; ежемѣсячная свѣта расходовъ на королевскій дворъ составлена была въ 7,705 червонцевъ. Представляя эту свѣту на высочайшее утвержденіе, Репнинъ просилъ императрицу увеличить ее до 11-ти тысячъ червонцевъ, назначая линіе 3,295 червонцевъ ежемѣсячно на „карманные расходы“ для короля. Екатерина согласилась съ мнѣніемъ генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, русскому правительству содержаніе бывшаго польскаго короля стоило ежемѣсячно 11 тысячъ червонцевъ, или 33,000 руб. сер. по тогдашней цѣнности золота, или 396,000 руб. сер. въ годъ. „По тогдашней цѣнности серебрянаго рубля, говорить г. де-Пуле, сравнительно съ теперешнимъ, это выйдетъ громадная сумма. Станиславъ Понятовскій могъ жить съ царскою пышностію: онъ получалъ гораздо болѣе, чѣмъ будучи *настоящимъ* королемъ. Правда, потомъ, какъ увидимъ, онъ постоянно канючить, выпрашиваетъ денегъ; но финансовое положеніе его было, дѣйствительно, очень незавидно: кругомъ въ долгахъ, почти нищимъ въѣхалъ въ Россію король польскій“. Это, однако, плохое оправданіе для человѣка, который и въ счастьи и въ несчастіи вѣчно „канючилъ“...

Книга г. де-Пуле богата фактами, которые при изложеніи объективнымъ, лишенномъ спеціального, такъ сказать, патріотизма, составляютъ видное приобрѣтеніе для исторіи нашихъ отношеній къ замланому краю, исторіи, столь часто искажаемой въ послѣднее время. Но мы этимъ не хотимъ сказать, что г. де-Пуле смотритъ на событія съ космополитической точки зрѣнія. Совсѣмъ напротивъ, онъ вездѣ является русскимъ человѣкомъ, но безъ той подкладки, которая въ настоящее время столь излюблена нѣкоторыми нашими изслѣдователями и которая обращаетъ исторію въ недостойный памфлетъ. Чтобы убѣдиться въ его здоровомъ взглядѣ на событія, достаточно указать, напр.,

и характеристику отношеній русскаго и польскаго общества въ Гроднѣ. Говоря о томъ, что въ актахъ, которыми располагалъ онъ, нѣтъ под-
робностей столкновенія этихъ двухъ обществъ, заглавной, можетъ быть,
вражды или неприязни отъ перемѣнившихся ролей, когда недавнiе
послы стали теперь хозяевами и наоборотъ; „но въ общемъ, продол-
жить онъ, видимо, не было ничего враждебнаго, можетъ быть по-
тому, что эти два общества были аристократическiя, т.-е., какъ бы
сказали теперь, мало-народныя, и больше потому, что они жили цѣль-
но, впроцѣ, безъ теоретическихъ ломокъ своей нравственной природы;
русскому же обществу всегда были чужды алорадость и душевная ме-
лочность, издѣвающаяся надъ несчастiемъ врага. Тогдашнее высшее
русское общество, мужское и женское, не могло быть ниже польскаго.
Если оно уступало ему нѣсколько въ образованiи, то несомнѣнно было
его нравственнѣе, свѣжѣе“, и проч. Съ особеннымъ сочувствiемъ отно-
сится авторъ къ дѣятельности Репнина, человѣка доселѣ у насъ еще
всю оцѣненнаго, хотя онъ безспорно принадлежалъ къ числу наиболѣе
образованныхъ и даровитыхъ людей екатерининскаго вѣка. Фигура Ста-
нислава Понятовскаго является тѣмъ мелочнѣе и жалче, чѣмъ рельефнѣе
выступаетъ личность князя Репнина, который умѣлъ соединить гуман-
ность образованнаго человѣка съ требованiями русскаго патриота. Со-
вершенно раздѣляя общiе взгляды г. де-Пуле на событiя того вре-
мени и на задачи, предстоявшiя русскому обществу и правительству
въ новомъ краѣ, мы не можемъ однако согласиться съ нѣкоторыми
частностями послѣдованiя и съ тою объективностью, которая рѣдко,
впрочемъ, переходитъ у г. де-Пуле въ сентиментальность. Укажемъ,
между прочимъ, на слѣдующiя строки въ характеристикѣ Репнина:
„Причины не особеннаго расположенiя императрицы къ князю Реп-
нину, кажется, лежали въ основѣ его характера и въ складѣ его обра-
зованiя. Твердый и рѣшительный тамъ, гдѣ облакался полномочи-
емъ, Репнинъ являлся другимъ человѣкомъ при дворѣ, въ Петербургѣ, въ
сношенiяхъ съ людьми случая и фавора: такому сильному уму, каковъ
былъ у Екатерины, не могла нравиться такая уклончивость, признакъ
натуры слишкомъ мягкой“. Послѣднiя строки не могутъ выдержать
даже самой снисходительной критики. Люди екатерининскаго вѣка,
облакаемые полномочи-емъ, очень часто обращали „твердость и рѣши-
тельность“, какими отличался Репнинъ, въ необузданный деспотизмъ
и своеволие, но передъ людьми случая и фавора всѣ они или почти
всѣ вели себя одинаково, т.-е. забывали о своемъ достоинствѣ, и Ека-
терину это едва ли возмущало. Хотя Державинъ сказалъ о ней, что
она позволяетъ „царямъ съ улыбкой правду говорить“, но даже и это
было не часто, въ особенности въ послѣднiе годы ея царствованiя.
Она не очень любила противорѣчiя, на это можно было бы привести
множество фактовъ, но ограничимся однимъ, записаннымъ Карабано-

иниъ („Русск. Стар.“, апрѣль 1872 г.): генераль-рекетмейстеръ Каловъ, заспоривъ по докладному дѣлу, сказалъ: „я исполню указъ и волѣ вашего величества, но это будетъ явная несправедливость“. Екатерина отвѣчала: „Вы незнакомы съ Сибирью, я посоветую ту сѣвѣздить и прикажу выдать прогоны“. Общій духъ отношеній съ жезбныхъ носилъ тогда черты лести и угодничества, и Екатерина ели ли приходило на умъ желаніе видѣть совершенно независимыми оти шенія служащихъ къ ея любимцамъ, каковаго бы высокаго мнѣнія и была она о талантѣ и образованіи первыхъ. Намъ кажется, что иде лизация вовсе не требуется для екатерининскаго времени.

Историческіе этюды, С. С. Пашкова. 2 тома. Спб. 1872.

Два небольшіе эти томика состоятъ изъ перепечатки, исправлен ныхъ и дополненныхъ журнальныхъ статей компилятивнаго свойства и при томъ по большей части не по первоначальнымъ источникамъ. Первый томъ весь занятъ статьею „Русскія реакціи“, въ которой а торъ дѣлаетъ обзоръ русской исторіи съ 1698-го по 1861-й годъ. О зоръ этотъ написанъ довольно живо, не безъ таланта, но не тол бевъ строгой провѣрки фактовъ, а иногда даже безъ надлежащей р судительности. Авторъ любитъ пригонять факты къ извѣстной иде такъ что у него идея нерѣдко предшествуетъ изученію, выводъ—фак тамъ, а не наоборотъ. Не будучи хорошимъ знаткомъ русской ист ріи, онъ прибѣгаетъ къ обобщеніямъ очень быстро и на основаніи м многихъ свѣдѣній дѣлаетъ заключеніе, не обдумывая, насколько он справедливо—лишь бы только удовлетворяло предвзятой идеѣ. Оттого эти „историческіе этюды“ являются иногда съ чертами довольно ба нальнаго обличительства и вовсе не историческихъ приѣмовъ. Г. Паш ковъ, напр., весьма недоволенъ извѣстною екатерининскою комиссіею, потому что депутаты не отвѣчали тѣмъ идеаламъ, которые составл себѣ объ этомъ званіи, на основаніи идей второй половины XIX-го вѣка, авторъ. Вызвавъ нѣсколько мнѣній изъ опубликованныхъ док ументовъ объ этой комиссіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что Россія того времени не созрѣла для такого важнаго дѣла, къ кото рому она была призвана. Мы думаемъ, что еслибъ со взглядами г. Пашкова приступить къ разбору депутатскихъ собраній новѣйшаго времени и при томъ въ Европѣ, то несомнѣнно пришлось бы придти къ такому же убѣжденію, какъ и относительно Россіи XVIII-го вѣка. Извѣстно, напр., что одинъ изъ депутатовъ французскаго національ наго собранія при Луи-Филиппѣ думалъ, что dette flottante—значитъ „бюджетъ морского министерства“: ясно, слѣдовательно, что Франція времѣнь Луи-Филиппа не созрѣла для законодательства. Обличитель-

ний томъ господствуетъ и во второмъ томѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ статей, изъ которыхъ лучшія „Рабство въ Сибири“, „Сибирскіе народы въ XIX-мъ столѣтіи“ и „Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г.“ (известное дѣло слѣдователя Крылова). Въ этихъ статьяхъ, изъ которыхъ послѣдняя преисполнена обличительнымъ тономъ, авторъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ фактовъ по источникамъ мало или вовсе недоступнымъ для лицъ, не пользовавшихся мѣстными сибирскими архивами.

ЗАМѢТКА.

Мрачный публицистъ женскаго вопроса.

«Нашъ женскій вопросъ», кн. В. Мещерскаго.

Своими статьями, озаглавленными „Нашъ женскій вопросъ“, г-нъ Мещерскій, въ № 9 и 10 газеты „Гражданинъ“, предпосылаетъ патетическій разсказъ, взятый изъ жизни, (по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ авторъ) о томъ, какъ одна бездушная дочь, подчинившись влиянію брата, зараженнаго модными (?) идеями, отправилась въ Петербургъ искать самостоятельнаго труда; какъ эта дочь, поступивъ въ должность наборщицы, бросивъ при этомъ семидесятилѣтняго отца, въ глухой деревнѣ, на рукахъ наемщицы, совершенно утѣшила себя свободой и независимостью своего заработка.

О самой дѣвушкѣ, о которой идетъ рѣчь, мы не могли себѣ составить яснаго понятія, такъ какъ авторъ усмотрѣлъ въ ней всего одинъ несомнѣнный признакъ *зубительнаго прогресса*, а именно, *стрижку волосъ*, и за тѣмъ ни малѣйшимъ намекомъ не познакомилъ насъ съ ея развитіемъ, образованіемъ и обстановкой, предшествовавшей влиянію брата.

Дѣйствія юноши, который является въ разсказѣ главнымъ виновникомъ и двигательной пружиной поступка сестры, оказываются также въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ очеркомъ, которымъ г-нъ Мещерскій хотѣлъ намъ выяснить эту личность.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ представить себѣ юношу, кончившаго курсъ въ Петровской академіи и принадлежавшаго, нужно думать, въ лучшемъ и ревностнѣйшемъ слушателямъ заведенія, такъ какъ онъ получилъ золотую медаль, полагаю, не за модныя идеи, — какъ представить его какимъ то тупоумнымъ субъектомъ, видящимъ въ честной службѣ униженіе своего достоинства, бевумцемъ, стремящимся объяс-

нить безграмотнымъ работникамъ ихъ политическое отношеніе къ государству, человѣкомъ несостоятельнымъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, набравшимъ *par désespoir de cause* собственную сестру дѣламъ проповѣдуемыхъ теорій въ родѣ того, что ухаживать-моль за старикомъ отцемъ не есть вовсе обязанность и призваніе дочери, что это глупый предразсудокъ, на который нужно плюнуть, и что только отъ правившихъ въ Петербургъ и избравъ тамъ поприще для *независимой деятельности*, и можно заявить себя *передовой* женщиной, конинавшей свое истинное призваніе.

Да проститъ намъ великодушно г-нъ Мещерскій, но какъ-то не вѣрится въ существованіе такихъ недѣльныхъ братцевъ; тѣмъ болѣе что среди слушателей Петровской академіи намъ случалось встрѣчать не разъ людей съ свѣтлой головою, честныхъ труженниковъ, принявшихъ свои знанія къ дѣлу и которымъ по меньшей мѣрѣ нельзя отказать въ присутствіи здраваго смысла.

Но допустивъ возможность этого трогательнаго эпизода, гдѣ такъ картинно воспроизведены г-мъ Мещерскимъ грусть отца и его слезы, противъ которыхъ „завопили бы даже дикіе звѣри“ (текстъ) и къ которымъ родина дѣти отнеслась равнодушно, интересно было бы знать, чѣмъ собственно обдаго съ случившимся въ Смоленской губерніи и „*Нашимъ женскимъ вопросомъ*“, и какая цѣль подобнаго совоствавленія Недоумѣваній.

Крайнее раздраженіе г-на Мещерскаго противъ *стриженнаго* женщины доходитъ до такихъ размѣровъ, что онъ, не стѣсняясь, готовъ развалить все дурное, случающееся въ наши дни, на бѣдныя головы, которыя лишены своего лучшаго украшенія—волосъ, и потому утратили для него всякую прелесть и навѣки потеряли въ немъ сторонника своихъ интересовъ.

Въ пылу негодованія г-нъ Мещерскій дѣлится съ нами *ностральнымъ* своимъ открытіемъ а именно, что—о ужасъ! ужасъ! есть дѣвушки 17-ти лѣтъ, уроды не любящія своихъ матерей. Благодарное потомство не забудетъ этой полезной услуги. Мы знали до сихъ поръ о существованіи отцевъ и матерей, не имѣющихъ даже и животнаго чувства къ своимъ дѣтямъ, знали мужей и женъ не удовлетворяющихъ семейному идеалу, знали не мало людей неспособныхъ ни на какое высокое чувство и ни на какую жертву ближнему, людей, сосредоточивающихъ всю свою любовь и свои попеченія вокругъ нѣжно-любимаго ими своего Я, но о возможности существованія 17-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ, не любящихъ своихъ матерей, мы и не подозревали; вся честь этого *открытія* бесспорно и всецѣло принадлежитъ г-ну Мещерскому.

Какъ всякій серьезный пслѣдователь, г-нъ Мещерскій не довольствуется голыми фактами, онъ ищетъ разумной причины явленія, его поразившаго, и восклицаетъ: „судить ли строго? Кто виноватъ?“

Одну изъ причинъ авторъ открываетъ въ нашихъ женскихъ гимназияхъ, гдѣ по его словамъ мозги 13-ти и 14-ти лѣтнихъ дѣвочекъ физическимъ измучиваются надъ сочиненіями на темы въ родѣ: „Значеніе Гомера въ литературѣ, признание женщины и проч.“ Здѣсь мы рѣшительно не поняли автора, что сокрушаетъ его? Неумѣстныя ли темы сочиненій или самая продолжительность учебныхъ часовъ? Если авторъ хлопочетъ о правильномъ распредѣленіи учебныхъ часовъ, доказывая, что слишкомъ большая продолжительность дурно дѣйствуетъ на мозгъ и развитіе вообще, мы совершенно будемъ согласны съ нимъ въ принципѣ, но все же не поймемъ, почему вредъ отразится на мозгу однихъ дѣвочекъ, а не подѣйствуетъ точно также на мозги мальчишекъ; не поймемъ, почему одинаково вредныя влияния дадутъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ различные результаты, и неумели авторъ извѣдываетъ еще убѣжденіе, что голова дѣвочки должна непремѣнно попортиться скорѣе и больше головы мальчишка.

Авторъ, возмущившись нѣсколькими карикатурными проявленіями женскаго труда и дѣятельности, отказывается всѣмъ женщинамъ въ искренномъ стремленіи *трудиться и быть полезной*, говоря, что это стремленіе и есть начало всѣхъ настоящихъ и будущихъ бѣдъ, и что такое стремленіе въ женщинъ могло родиться только въ обществѣ, находящемся въ нравственномъ хаотическомъ состояніи. Наша журналистика обвиняется въ пропагандѣ женскихъ университетовъ и высшихъ образовательныхъ заведеній, при одной мысли о которыхъ авторъ содрогается; онъ искренно убѣжденъ, что знаніе и наука, развивая мушкетера, дающія ему серьезные вкусы, доставляющія ему средства и возможность честно обезпечивать свое существованіе, — то самое знаніе, примѣненное къ женщинамъ, должно непремѣнно ее испортить, изуродовать, сдѣлать негодной для семьи. Странно! Но на этомъ г-нъ Мещерскій не останавливается, онъ идетъ далѣе говоря: „Подойдите ближе къ этимъ свободнымъ самостоятельнымъ женщинамъ дѣтелямъ, взглянитесь....“ Выведенное заключеніе я повторить не рѣшусь, оно слишкомъ обидно, для всѣхъ женщинъ, честно трудящихся, обидно для каждой отдѣльно взятой, жертвующей трудомъ и временемъ на пользу общества или собственнаго обезпеченія, смотря потому, куда ея бросила судьба. Если г-ну Мещерскому угодно было принять вѣзѣску за дѣло, если ему удавалось видѣть только карикатуру честныхъ стремленій, то слѣдуетъ ли изъ этого бросать грязь во всѣхъ женщинъ, искренно жаждущихъ знанія, серьезно стремящихся принести посильную пользу обществу, добывающихся работъ, какъ средства, дѣющаго возможность существовать независимо отъ равныхъ случайностей? Все это было бы очень грустно, когда бы не было очевидно!

Нѣтъ г. Мещерскій, въ свою очередь скажемъ вамъ: взглянитесь---

и вы увидите, что протестъ женщины заключается въ болѣе серьезныхъ стремленіяхъ, нежели въ *стрижкѣ волосъ* и *смыкѣ очкавъ*; мы пламенно желаемъ свободы, но не въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете; мы требуемъ права, самаго простаго права быть *человѣкомъ*, а не *куклою*.

Вы вызываете къ обществу, которое будто бы преднамѣренно и безжалостно предастъ насъ погибели и закрываетъ глаза надъ той бездной, куда влечетъ насъ, по вашему, *безумный бредъ освобожденія*,—въ переводѣ на человѣческій языкъ, это—желаніе быть сознательнымъ членомъ общества и пользоваться одинаковыми образовательными преимуществами съ мужчиной.

Упрекая насъ въ недостаткѣ любви, вы представляете себѣ міръ какой-то счастливой Аркадіей, гдѣ каждый пастушечъ имѣетъ свою пастушку, гдѣ все готово и создано для ихъ наслажденія, какъ въ благодатной странѣ и подобаешь, и гдѣ имъ остается любить, любить и любить; картина заманчивая, но тѣмъ чувствительнѣе переходъ къ дѣйствительности, тѣмъ болѣе пробужденіе, тѣмъ печальнѣе сойтись небесъ на землю.

А всѣмъ ли женщинамъ выпадаетъ любовь на долю? Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ оспаривать, что семья есть лучшее призваніе женщины; но ратуя за семейный принципъ, вы вовсе не берете въ расчетъ бѣднаго люда, вы забываете, что съ той минуты, что женщина не имѣетъ возможности обезпечить своимъ трудомъ хотя бы свое личное существованіе, бракъ для человѣка недостаточнаго становится немислимымъ; честный труженикъ не захочетъ обречь на голодъ любимое существо и свое потомство изъ-за удовлетворенія своего чувства любви. Препраждая женщинѣ путь къ высшему образованію, вы отнимаете у нея возможность большаго заработка, чѣмъ тотъ, который она имѣетъ сегодня, вы сами лишаете ее семейнаго очага, вы сами разрушаете фундаментъ того зданія, которое хотѣли выстроить.

Кстати о семьѣ, мы хотѣли бы спросить васъ, г-нъ Менцерскій, много ли вы видѣли счастливыхъ? И мы хотѣли бы откровеннаго отвѣта на вопросъ: часто ли вамъ случалось видѣть разумныя отношенія мужа къ женѣ, какъ равнаго къ равному?

Встрѣчая семейный разладъ направо и налево, вы абсолютно рѣшаете, что онъ происходитъ отъ непониманія женщиной ея настоящаго призванія, отъ недостатка любви въ ея сердцѣ, словомъ, виновниками явились опять все таже *стрижка волосъ* и *несчастная смычка очкавъ*, но есть причины глубже, причины очевидныя. При неравенствѣ образованія, счастье немислимо для обѣихъ сторонъ; мужъ долженъ искать нравственнаго удовлетворенія внѣ дома, жена не можетъ не чувствовать своего одиночества и своего ничтожества.

Вот эта-то жалкая роль и не удовлетворяет болѣе женщину: она вовсе не желаетъ избавится отъ семейныхъ узъ, охраняя Ною! Она только хочетъ занимать въ семьѣ достойное для себя мѣсто; довольствуясь быть украшеніемъ гостинной своего владыки, если не короля, или пружинкой для достиженія его честолюбивыхъ или престолюбивыхъ видовъ; она требуетъ болѣе завидныхъ правъ—правъ быть *соизволеннымъ* товарищемъ мужа, брата, отца, правъ, возможныхъ только при равенствѣ образованія, безъ которыхъ врядъ ли упростился семейный принципъ, какъ бы воодушевленно вы за него ни ратовали.

Женщинамъ, не имѣющимъ семьи, вы всѣмъ *попозволяете* предаваться воспитаніемъ; но, чтобы воспитывать другихъ, недостаточно: *только* мягкости сердца,—чтобы воспитывать, надо быть воспитанной; чтобы принести пользу въ дѣлѣ частнаго воспитанія, кромѣ умѣньи и *инициативы*, нужно, чтобы воспитатель или воспитательница были поставлены въ благоприятныя условія, нужно, чтобы они имѣли дѣло съ *промышленными* и *толковыми* родителями, способными оцѣнить трудъ воспитателя, а много ли вы насчитаете такихъ? Мы разобрали вопросъ съ стороны нравственной, возьмемъ другую, какъ оплачивается *такой* трудъ воспитателей.

Кромѣ того, нельзя же искусственно обратить всѣхъ женщинъ въ воспитательницъ; въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ каждомъ другомъ, требуется, кромѣ серьезнаго знанія и подготовки, еще природный *инстинктъ*, влеченіе, безъ чего занятіе обратится въ мертвое ремесло, отъ котораго нельзя ждать хорошихъ результатовъ.

Говоря о существующихъ воспитательныхъ средствахъ, вы противите себя на каждомъ шагѣ. Относясь съ полнымъ недобріемъ къ нашимъ женскимъ гимназіямъ, такъ какъ и гимназическій курсъ *поставляетъ* намъ, женщинамъ, не по плечу, вы, въ то же время, въ концѣ первой статьи воспеиваете: „женщина въ Россіи имѣетъ средства получить самое законченное образованіе. Чего же больше? Чего хотѣть?“ Во второй статьѣ вы вновь уничтожаете наши женскія гимназіи, дающія Россіи „измученныхъ“ воспитанницъ; въ той же статьѣ вы очень не сочувственно отзываетесь о нашихъ женскихъ институтахъ. Укажите же намъ, въ концѣ концовъ, тѣ заведенія, гдѣ русская женщина можетъ получить самое законченное образованіе.

Вы считаете несвойственнымъ женщинамъ быть матерью и профессоромъ, дочерью и докторомъ и проч. и проч., вы опасаетесь, что специальное образованіе непосредственно подорветъ семейное начало, и вы съ горестью, *жестко* отрезавши общество, говорите: „да развѣ намъ не нужно женъ, матерей, сестеръ; развѣ намъ нужны женщины—докторы и чиновники“. Въ вашихъ понятіяхъ наука въ женщинѣ должна непременно произвести черствость и убить въ ней всѣ высокія чувства,

не почему же до сихъ поръ никому не приходило въ голову думать о мужчинѣ знанія изъ опасенія, что всѣ они обратятся въ сухихъ спеціалистовъ и не останутся у насъ ни мужей, ни отцовъ, ни сыновей, ни братьевъ? Что нибудь изъ двухъ: или подобное опасеніе не имѣетъ смысла, или оно одинаково грозитъ мужчинамъ и женщинамъ.

Послѣ всего сказаннаго, вы утѣшаете насъ милой *бразой*, что „женщина воспитываетъ — женщина есть душа, двигатель семьи“, и этой самой „душѣ“ вы отказываете даже и въ элементарномъ образованіи (гимназическій курсъ „измучиваетъ“), прибавляя, что съ творенія міра женщина предназначена для одной любви!

Тема о любви вдохновляетъ васъ сказать, „что женщина, у которой умъ развитъ въ ущербъ сердца, не женщина“; но мы полагаемъ, что и женщина безъ сердца не имѣетъ права на званіе *человѣка*, и обширномъ значеніи этого слова!

Имена такихъ ученыхъ, каковы Дарвинъ, Вюхнеръ и Свѣченъ, упоминаются вами съ сарказмомъ; знакомство съ ихъ трудами считается развращающимъ! Г-нъ Мещерскій, вспомните пословицу: „Dem Reinen ist alles rein!“

Неужели оттого, что женщина основательно изучитъ естественныя науки, она сдѣлается худшей матерью и женою? Неужели отъ того, что она будетъ знакома съ фیزیологическими законами, она хуже присмотритъ за своими дѣтьми? Исходя отъ этой точки зрѣнія, легкій дойти до убѣжденія, что идеалъ матери, жены и дочери представляетъ собою наша невѣжественная крестьянка, студентова и по имени и знающая, навѣрное лягушекъ не рѣзавшая, сохранившая свое сердце во всей своей первобытной чистотѣ!

Въ подтвержденіе всѣхъ своихъ теорій, г-нъ Мещерскій рассказываетъ намъ въ самомъ концѣ своей второй статьи, что онъ знаетъ одну русскую гувернантку, сошедшую съ ума, которая сама говорила ему по выздоровленіи, что провела годъ въ домѣ умалишенныхъ вслѣдствіе изученія Фихте и Вюхнера. Совершенно довѣряя факту, весьма обиденному, мы, съ произвольнымъ выводомъ относительно причины сумасшествія, не соглашаемся, и думаемъ, что серьезные, научные вопросы не предметъ обсужденія профановъ, и что въ данномъ случаѣ только мнѣніе психіатровъ, а не г-на Мещерскаго, было бы для насъ убѣдительно. Последнее изрѣченіе автора гласитъ: „хорошо же будетъ Россіи отъ такихъ женщинъ“; а я не знаю, уйдетъ ли Россія далеко и съ тѣми, которыя составляютъ идеалъ публицистовъ въ родѣ г-на Мещерскаго.

ВАР. МАРІЯ КОРЪ.

Възгодатная, Екатериноса. губ.

8 апрѣля, 1872.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1872 года.

По открытіи собранія, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты:

Мн. гг. Въ 1-му января 1861 года числилось въ Обществѣ 363 члена.

Въ теченіе 1871 года избрано вновь 34. Исключены изъ списка умеревшіе (6¹⁾). Признаются сложившими съ себя званіе членовъ, по случаю недостатка денегъ въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ — 8.

Въ 1-му января 1872 года числится въ спискѣ 383 члена Общества, томъ числѣ 22 дамы.

Общество имѣло въ прошломъ году по Уставу три обыкновенныхъ собранія, одно годовое и три чрезвычайныхъ, въ дни обыкновенныхъ собраній, Комитетъ же имѣлъ 26 обыкновенныхъ засѣданій и одно чрезвычайное.

Содѣйствіе комитету членовъ Общества выразилось въ слѣдующее:

А. Н. Островскій устроилъ публичное чтеніе въ пользу Общества. Т. И. Музыкантовъ подавалъ (пять разъ) медицинскую помощь членамъ по требованіямъ Комитета и его членовъ.

И. Н. Симоновъ предложилъ Обществу лечить рекомендованныхъ въ больницъ бесплатно, или съ уменьшенной платою. Въ декабрѣ слѣдъ имъ представлено Комитету, съ этою цѣлю, нѣсколько больныхъ.

Г. Е. Рѣпинскій, въ теченіе цѣлаго года, оказывалъ секретарю Комитета весьма дѣятельное содѣйствіе по отправленію секретарскихъ обязанностей.

Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Вѣстника Европы“ и „Отечественныхъ Записокъ“ постоянно печатали извлеченіе изъ журналовъ Комитета и общихъ собраній; редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, сверхъ того, и приглашенія въ собранія.

Редакція „Голоса“ печатала объявленія о публичномъ чтеніи А. Н. Островскаго въ пользу Общества.

Книжный магазинъ А. А. Черкесова продавалъ безвозмездно билеты на чтеніе г. Потѣхина.

Типографія В. П. Безобразова и К^о бесплатно печатала въ теченіи цѣлаго года баллотировальные списки членовъ Общества и Комитета и другіе бланки, и приняла на себя всѣ труды и хлопоты по изданію отчета Общества въ нужномъ количествѣ брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ, съ уступкою типографскаго дохода²⁾.

¹⁾ А. Н. Асмановъ, Д. Х. Бушевъ, И. И. Жадимеровскій, М. И. Давыдовъ, Д. С. Протопоповъ и А. А. Ростовскій.

²⁾ Сверхъ того, членъ Общества князь А. И. Урусовъ предлагалъ предоставить въ пользу Общества гонораръ, выговоренный имъ по формальному условію отъ

Собирали справки, ходатайствовали о назначеніи пенсій, о приѣмѣ дѣтей въ учебныя заведенія, вѣдѣли въ сношенія съ различными мѣстами и лицами по порученію Комитета и т. п., слѣдующіе члены Общества: Ю. К. Арсеньевъ, А. Н. Афанасьевъ, П. Е. Басистовъ, Н. Буличъ, Н. Я. Бунге, П. П. Ивановъ, М. С. Кохановъ, Н. А. Монастырь, баронъ А. О. Стуртъ, Н. А. Шторкъ и М. А. Языковъ.

Кромѣ того, обязательно доставляли необходимыя Комитету свѣдѣнія и справки слѣдующія учрежденія и лица, не принадлежащія къ числу членовъ Общества: земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, канцелярія морскаго министерства, и губернаторы: архангельскій и астраханскій.

Пособія Общества въ истекшемъ году были оказаны слѣдующіе:

А. Денежныя.

1. *Пенсії.* По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ пенсіи производились семи лицамъ или семействамъ по 300 р., одному по 240 р., одному по 210 р., двумъ по 200 р., двумъ по 180 р., тремъ по 120 р., одному по 100 руб.

Въ теченіи 1871 года въ составѣ пенсіонеровъ Общества произошли слѣдующія перемѣны:

По смерти одного пенсія прекратилась и ходатайство о продолженіи оной его дѣтямъ отклонено.

По смерти пенсіонерки производившаяся ей пенсія назначена съ трѣхъ ея.

Вновь назначена пенсія одному тяжело больному профессору въ 120 руб., начиная съ 1-го января 1872 года.

Всего по прежнимъ и новымъ назначеніямъ производилось въ 1871 году 18 пенсій, на сумму 3,770 р. Къ 1-му января 1872 г. числится 17 пенсіонеровъ на сумму 3,590 руб.

2. *На воспитаніе и ученіе.* По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ: а) на уплату за слушаніе лекцій достойными и бѣдными студентами с.-петербургскаго университета, отпущено въ 1871 г., въ распоряженіе университетскаго начальства, 250 руб. Этимъ пособіемъ воспользовались 10 молодыхъ людей*), въ томъ числѣ Н. Коркуновъ и А. Кюстеръ, за которыхъ, по ходатайству комитета, внесены были деньги и въ прошломъ году. Дальнѣйшій отпускъ денегъ въ распоряженіе с.-петербургскаго университета прекращенъ, такъ какъ возникло предположеніе объ обращеніи отпускавшихся ежегодно 500 руб. въ четыре стипендіи, въ 125 руб. каждая, для лучшихъ студентовъ того же университета.

б) На выдачу вспомоствованій достойнѣйшимъ студентамъ харьковскаго университета отпущено, какъ и въ прошломъ году, 120 руб. Пособіемъ этимъ воспользовались студенты Петръ Новиковъ и Александръ Подашенко.

в) За ученіе въ гимназій малолѣтняго сына одного учителя 75 руб.

лица, дѣло котораго онъ долженъ былъ защищать въ судѣ. Но условіе это было не действительнымъ.

*) Петръ Петровичъ (фил. 1 к.), Павелъ Виноградовъ, Антонъ Алексѣевичъ (фил. 2 к.), Александръ Шимановскій (фил. 1 к.), Александръ Дембскій (физ. мат. 4 к.), Иванъ Подкозовъ (физ. мат. 1 к.), Михаилъ Казберушъ, Александръ Малининъ (юрид. 3 к.), Николай Коркуновъ и Александръ Кюстеръ (юрид. 1 к.).

г) За обученіе падчерицы писателя въ школѣ патріотическаго общества 84 руб.

д) За ученіе малолѣтней дочери писателя 60 руб.

е) На воспитаніе малолѣтнаго пасынка писателя отпущено въ теченіи 1871 года 300 руб. Нынѣ онъ зачисленъ въ штатныя казенно-домныя воспитанники гимназій.

ж) На ученіе другого малолѣтнаго въ приготовительномъ училищѣ 3 руб. въ мѣсяцъ; но въ теченіи года, на воспитаніе какъ его, такъ другихъ дѣтей того же писателя, вмѣсто того назначено 10 руб. въ мѣсяцъ.

Въ теченіи 1871 года вновь назначено на воспитаніе и ученіе:

а) на ученіе дочери писателя въ женской гимназій 20 руб.

б) на воспитаніе малолѣтнаго сына извѣстнаго археолога ежемѣсячно по 15 руб. въ мѣсяцъ.

в) на воспитаніе одного малолѣтнаго—20 руб.

г) на воспитаніе одной малолѣтней—по 60 руб. въ годъ.

д) на воспитаніе и содержаніе дѣтей умершаго въ 1871 года писателя по 20 руб. въ мѣсяцъ.

е) на воспитаніе сына покойнаго писателя—по 120 руб. въ годъ.

ж) за право слушанія университетскихъ лекцій однимъ молодымъ человѣкомъ, если онъ выдержитъ вступительный экзаменъ въ университетъ, предложено было отпустить 25 руб.

Всего на воспитаніе и ученіе 26 дѣтей и молодыхъ людей ассигновано въ 1871 г.—1421 р. 34 коп.

3. *Единовременныя пособія* назначены были 81 лицу, на сумму 6,090 р. 50 коп., въ томъ числѣ: тремъ лицамъ или семействамъ по 100 руб., одному 200 руб., одному 175 руб., четыремъ по 150 руб., одному 120 руб., тринадцати по 100 руб., одному 83 р. 50 коп., двумъ по 80 руб., семи по 75 руб., одному 60 руб., одному 52 руб., двадцати по 50 руб., одному 40 руб., четыремъ по 35 руб., тремъ по 30 руб., тринадцати по 25 руб. и одному 20 руб.

4. *Ссуды*. Одному лицу, за поручительствомъ К. Д. Кавелина и Н. Н. Тютчева—85 руб.

Одному, за поручительствомъ Н. А. Некрасова—500 руб.

Одному, за поручительствомъ всѣхъ членовъ Комитета,—300 руб.

Одному, за поручительствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина—150 руб.

Одному, за поручительствомъ П. В. Анненкова — и Н. Н. Тютчева — 300 руб.

Одному, за поручительствомъ члена Общества, Е. И. Рагозина—120 руб.

Одному, за поручительствомъ предсѣдателя и 6-ти членовъ, подписавшихъ журналъ Комитета—120 руб.

Всего въ теченіи 1871 года выдано ссудъ семи лицамъ, на сумму 1,575 рублей.

Вообще въ теченіе 1871 года, по прежнимъ опредѣленіямъ и новымъ, состоявшимся съ 1-го января, назначены безвозвратныя денежныя выдачи:

въ видѣ пенсій 18-ти лицамъ на сумму 3,770 руб.

„ пособій на воспитаніе 26 лицъ 1,421 р. 34 коп.

„ единовременныхъ пособій 81 лицу 6,090 р. 50 коп.

Всего 125 лицамъ или семействамъ 11,281 р. 84 коп.

Независимо отъ того, выдано ссудъ 7 лицамъ на сумму 1,575 руб. Такимъ образомъ, въ теченіи 1871 года всего пособій оказано 13 лицамъ на сумму 12,856 р. 84 коп.

В. Паденія пособія.

1) Медицинская помощь была оказана членомъ общества Т. И. Музыкантовымъ четыремъ лицамъ.

2) Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями нѣкоторыхъ временныхъ изданій по случаю ходатайства 6-ти писателей о содѣйствіи имъ въ полученіи съ редакцій слѣдующаго имъ гонорара, только по одной просьбѣ получилъ отвѣтъ, который и сообщенъ писателю.

3) Книгопродавецъ А. А. Черкесовъ принялъ на себя изданіе слѣдующаго покойнымъ писателемъ перевода «Исторіи Турціи» Россина. По смерти этого писателя, Комитетъ, при содѣйствіи Н. А. Шторца, старался о доставленіи пенсіи больной его дочери.

4) По ходатайству предсѣдателя Общества, вдова писателя получила мѣсто повивальной бабки при Филантропическомъ Комитетѣ. Въ концѣ года, комитетъ вошелъ въ сношеніе съ военно-медицинскимъ управленіемъ и съ М. С. Сушинскимъ и докторомъ Красовскимъ, обѣимъ удовлетвореніи ея жалованьемъ за прежнее время по званію повивальной бабки и о предоставленіи ей мѣста въ родовспомогательномъ заведеніи.

5) По просьбѣ одного лица, рассмотрѣны его стихотворенія и сообщенъ ему отзывъ о нихъ.

6) По ходатайству Комитета, малолѣтняя внучка писателя зачислена въ принатію въ одно изъ женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

7) При содѣйствіи Комитета и члена общества М. А. Языкова, одному писателю предоставлена возможность поступить на излеченіе въ Хлюстинскую больницу въ Калугѣ, на счетъ Общества.

8) Вдовѣ писателя оказано содѣйствіе въ полученіи слѣдующей ей по службѣ мужа ея пенсіи.

Въ настоящее время Комитетъ озабочивается исходатайствованиемъ постоянного пособія, или пенсіи, дочери извѣстнаго русскаго мореплавателя и доставленіемъ мѣста одному писателю.

Комитетъ старался, но безуспѣшно, оказать содѣйствіе:

Одному лицу въ полученіи обратно рукописнаго его сочиненія отъ содержателя гостиницы.

Одному—въ уясненіи его расчетовъ съ лицомъ, которому были выданы его деньги.

Одному—въ опредѣленіи въ пріютъ его старшей дочери.

Сыну извѣстнаго археолога—въ помѣщеніи его на казенный счетъ въ одну изъ гимназій.

Одному лицу—въ отсрочкѣ ему уплаты долга за квартиру.

Дочери одного писателя—въ исходатайствованіи ей пенсіи.

Независимо отъ вышеизложеннаго, благодаря стараніямъ члена общества И. Д. Делянова, семейство одного извѣстнаго писателя получило денежное пособіе отъ казны.

В. Отклонено 85 просьбъ 66-ти просителей.

Кромѣ того отложены двѣ просьбы о пособіи, впродѣ до доставленія просителями болѣе серьезныхъ доказательствъ на право получить вспомошествованіе.

Г. Прочія занятія Комитета.

1. По университетскимъ стипендіямъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, членъ Комитета К. Н. Бестужевъ предложилъ, согласно съ замѣчаніями редакціонной комиссіи, обратить отпускаемые нынѣ въ распоряженіе наместника с.-петербургскаго университета ежегодно 500 руб. въ 4 стипендіи, въ 125 р. каждая; для студентовъ 1-го курса того же университета, съ тѣмъ, чтобы эти стипендіи назначалъ комитетъ Общества, по соглашенію съ университетскимъ начальствомъ. Предложеніе принято и определено прекратить дальнѣйшій отпускъ денегъ и сумму за слушаніе лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ, а приведеніе въ исполненіе изложенныхъ предположеній испросить разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія.

Въ общемъ собраніи 11-го апрѣля, по докладѣ этого дѣла, найденъ необходимымъ, согласно съ мнѣніемъ В. О. Корша, прежде разсмотрѣнія вопроса, имѣть свидѣніе о томъ, что станется съ студентами, которые нынѣ пользуются пособіемъ отъ Общества; вслѣдствіе чего рѣшено: съестись по этому предмету съ ректоромъ с.-петербургскаго университета, предположеніе объ учрежденіи 4-хъ стипендій рассмотреть въ общемъ собраніи 2 го февраля 1872 года, а отпускъ денегъ въ университетъ прекратить.

По дѣлу объ учрежденіи стипендіи въ память Е. П. Ковалевскаго назначенное общее собраніе 3-го января, выслушавъ различныя по этому предмету предположенія, опредѣлило главныя начала правилъ стипендіи, предоставивъ Комитету выработать подробности, и затѣмъ, имѣть сикъ правилъ представить на утвержденіе ближайшаго общаго собранія. Въ исполненіе этого постановленія, Комитетъ поручилъ составленіе проекта правилъ председателю Комитета, Я. К. Гроту, и двумъ членамъ: К. Д. Кавелину и А. Н. Пыпину. Означенный проектъ былъ, въ извѣстныхъ измѣненіяхъ, утвержденъ общимъ собраніемъ 2-го апрѣля, представленъ, затѣмъ, г. министру народнаго просвѣщенія, по докладу его, удостоился высочайшаго утвержденія. Послѣ этого приступлено къ выбору кандидата на стипендію. За немнѣніемъ тако въ виду родственниковъ покойнаго Е. П. Ковалевскаго, выборъ предоставленъ совѣту харьковскаго университета, который предложилъ студента Николая Черняева. Комитетъ согласился съ этимъ выборомъ и опредѣлилъ высылать въ университетъ 300 р. ежегодно на Черняева, считая сначала текущаго учебнаго полугодія.

Предположеніе объ учрежденіи стипендій въ другихъ университетахъ, кромѣ с.-петербургскаго и харьковскаго, было тоже обсуждено въ комитетѣ, но сначала отложено до мая мѣсяца, когда, какъ предполагалось, болѣе выяснятся доходы и расходы Общества. За начальнымъ, между тѣмъ, умноженіемъ расходовъ Общества, вопросъ этотъ въ комитетѣ болѣе не возобновлялся.

II. Публичныя чтенія въ пользу Общества. Въ пользу Обществастроены были въ минувшемъ году два публичныхъ чтенія: А. Н. Осиповскимъ, доставившее Обществу 260 р. 50 к., и А. А. Потьмахинимъ, доставившее Обществу 29 р. 26 к.

III. Печатаніе извлеченій изъ журналовъ комитета и общаго собранія. Озабочиваясь возможно большимъ распространеніемъ въ публикѣ печатныхъ свидѣній о дѣятельности Общества, комитетъ обратился къ редакціямъ «Вѣстника Европы» и «Отечественныхъ Запи-

сокъ», съ просьбою помѣщать въ своихъ изданіяхъ періодически извѣщенія изъ журналовъ комитета и общихъ собраний. Редакторъ одного изъ этихъ журналовъ и главный сотрудникъ другого, члены комитета М. М. Стасюлевичъ и М. Е. Салтыковъ, изъявили полную готовность исполнить эту просьбу.

II. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей.

Сослуживцы и друзья покойнаго статсъ-секретаря Милютина, жала какимъ-либо общепользнымъ дѣломъ почтить его память на поприщѣ государственной дѣятельности, собрали между собою сумму денегъ, съ цѣлью употребить ее на усиленіе способовъ народнаго обученія посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ стипендій имени статсъ-секретаря Милютина въ семинаріяхъ, приготавливающихъ сельскихъ учителей.

Такъ какъ пожертвованная доселѣ сумма оказалась еще недостаточною для образованія капитала, проценты съ котораго могли бы служить выисозначенной цѣли, то и было исхodataйствовано Высочайшее соизволеніе, отъ 14-го апрѣля сего года, на публикацію объ открытіи подписки на стипендіи статсъ-секретаря Милютина при существующихъ семинаріяхъ для приготавленія сельскихъ учителей.

Для дальнѣйшихъ распоряженій, какъ по сбору денегъ на образованіе капитала для означенныхъ стипендій, такъ и для употребленія собранныхъ денегъ по ихъ назначенію, образована особая комитетъ въ числѣ шести членовъ изъ среды первоначальныхъ жертвователей, а именно: статсъ-секретари Гротъ и Заблоцкій, тайные совѣтники графъ Стенбокъ, Домантовичъ и Ламанскій, и дѣйств. статскій совѣтникъ Семеновъ.

Желающіе принять участіе въ пожертвованіяхъ на образованіе вышеупомянутаго капитала вносятъ деньги въ Государственный банкъ и во всѣ его конторы и отдѣленія на текущій счетъ капитала стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.

Гдѣ иногородные могутъ высылать деньги по почтѣ въ редакцію „Вѣстника Европы“ (Спб. Галерная, № 20), откуда полученная сумма передается въ Государственный Банкъ, съ извѣщеніемъ о томъ жертвователей въ ближайшемъ номерѣ журнала.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

ОС-
НОВА-
НІЕ ТОР-
ГОВІИ
1811.

Въ апрѣлѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

- ПАМЯТНИКИ** новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, издаваемый В. Кашпиревымъ. Т. II. Ц. 3 р., въсов. за 2 ф.
- ГЮТТИ, А.** Притчи изъ природы. Лѣтніе рассказы для юношества. Спб. 1872 г. Ц. 75 к., въс. за 1 ф.
- ЗАВЪЛИНЪ, И.** Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи. Изслѣ-
дванія, описанія и критическія статьи. М. 1872 г. т. I. Ц. 2 р., въсов. за 2 ф.
- ГИЛЯРОВЪ, О.** Историческія и поэтическія сказанія о русской землѣ
хронологическомъ порядкѣ событій. М. 1872 г. Ц. 1 р., въсов. за 2 ф.
- БЕЛО, А.** Любовь и каторга, романъ въ трехъ частяхъ: 1) Цвѣтная дѣвушка
Любовь къ отверженному. 3) Высшая полиція. М. 1872. Ц. 1 р. 50 к., въс. за 2 ф.
- МАРТЬЯНОВЪ, П.** Вешніе восходы. Стихи, эскизы, наброски и пѣсни. Спб.
1872 г. Ц. 1 р. 50 к., въсов. за 2 ф.
- ПОЛЯ ЛАНЖАЛЭ и ПОЛЯ КОРЬЕ,** Исторія революціи 18-го марта. Ч. 1-я.
М. 1872. Ц. 1 р., въсов. за 2 ф.
- ПРИВОЛЬСКИЙ, Л.** Радъ-бы въ Рай... комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Еретики,
новыя сцены въ четырехъ отдѣленіяхъ. Современный лунатикъ, шуточные сцены
въ пяти отдѣленіяхъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., въсов. за 1 ф.
- СЛОВЧЕКЪ, В.** Безъ заглавія и Ложное счастье. Повѣсти съ приложеніемъ
оригинальных стиховъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к., въсов. за 1 ф.
- МАРКУЗЕ, И.** Дѣло Масниковыхъ, стенографическій отчетъ. Спб. 1872 г.
Ц. 1 р. 25 к., въсов. за 2 ф.
- ЖОНВО.** Нынѣшняя Америка, съ предисловіемъ Лабуэ. Спб. 1872 г.
Ц. 1 р. 50 к., въсов. за 2 ф.
- ДРЭПЕРЪ, В.** Исторія Сѣверо-Американской междоусобной войны. Природа
и жизнь Америки и ихъ отношеніе къ происхожденію войны. Спб. 1872 г. Ц. 2 р.
50 к., въсов. за 3 ф.
- ЛАМАРТИНЪ, А.** Исторія Жирондистовъ, томъ второй. Спб. 1872 г. Ц. 2 р.,
въсов. за 3 ф.
- КОТЕЛЬНИКОВЪ, Е.** Общій элементарный курсъ практической механики.
Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., въсов. за 2 ф.
- ЛОБАНОВЪ, В.** Учебникъ элементарной грамматики русскаго языка. Спб.
1872 г. Ц. 55 к., въсов. за 1 ф.
- ТЭНЪ, И.** Очерки современной Англіи. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., въс. за 2 ф.
- БАУМИНГЕРЪ, I.** Элементы графической статистики. Переводъ Недзьяковскаго.
Спб. 1872 г. Ц. 8 р., въсов. за 2 ф.

ЛИНКЪ, А. Нѣсколько словъ о морскихъ купаньяхъ. Одесса. 1871 г. Ц. 50 к., вѣсов. за 1 ф.

И. М. Важнѣйшія Минеральныя воды въ Европѣ. Одесса. 1872 г. Ц. 1 р. вѣсов. за 1 ф.

БОКЪ. Будьте здоровы! популярно-медицинскія бесѣды. Т. II. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., вѣсов. за 2 ф.

БАЗАРОВЪ. Совершеннѣйшія дѣвицы. Спб. 1871 г. Ц. 20 к., вѣсов. за 1 ф.

КЕЛЬСІЕВЪ, В. При Петрѣ, историческая повѣсть времени преобразованія Россіи. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., вѣсов. за 1 ф.

ЛИСТКИ изъ записокъ на чужбинѣ заѣзжаго тулуна. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 1 ф.

ПИМИДТЪ, Б. Руководство гимнастики для резервныхъ и дѣйствующихъ войскъ съ 185 гравированными политипажами въ текотѣ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣсов. за 2 ф.

ЗАБѢЛИНЪ, И. Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст. Ч. I. изданіе второе. Москва. 1872 г. Ц. 4 р., вѣсов. за 4 ф.

ЗИГЕЛЬ, О. Законникъ Стефана Душана. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., вѣсов. за 2 ф.

САБЛЕРЪ, В. О значеніи давности въ уголовномъ правѣ. М. 1872 г. Ц. 2 р. вѣсов. за 2 ф.

ТРАЧЕВСКИЙ, А. Испанія девятнадцатаго вѣка. Ч. I-я. Москва. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣсов. за 3 ф.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ РОМАНЫ. Грядущая раса, соч. Олифанто. Будущія поколѣнія женщинъ. Романъ Магвайра. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., 50 к., вѣс. за 2 ф.

ВРЕМЕННИКЪ Демидовскаго юридическаго лица, книга первая. Ярославль. 1872 г. Ц. 2 р., вѣсов. за 3 ф.

ЛИВАНОВЪ, О. Раскольники и Острожники, очерки и рассказы, томъ 3. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 85 к., вѣсов. за 3 ф.

МАРКСЪ, К., Капиталь. Критика политической экономіи, томъ первый, книга 1-я: Процессъ производства капитала. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.

КАРАСЕВИЧЪ, П. Право, мораль и государство по ученію Іоанна Фридриха Гарбарта и его школы. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

УМОВЪ, В. Договоръ найма имуществъ по римскому праву и новѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ. М. 1872. Ц. 1 р. 75 к., вѣсов. за 2 ф.

БИДЛЬ, Д. Жизнь Мормоновъ въ Утѣ, или таинства и преступленія мормонизма. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

О ПРИЧИНАХЪ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХЪ РАЗВИТІЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКАГО ПОТОМСТВА

Э. ВАУСТА,

переводъ подъ редакціею профессора зоологіи, при университетѣ св. Владиміра, А. Ковалевскаго.

ЦѢНА 60 КОП.

Складъ изданія въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Черкесова, въ Кіевѣ у Литова.

BULLETIN**de la librairie de CARL RICKER (Münx).**

Perspective de Newsky, № 14.

- ERNSTEIN**, Mendel Gibbor. Novelle aus dem Kleinleben einer jüdischen Gemeinde — 1 r. 25 c.
ERMANN, Klimatische Kurorte — 2 r. 70 c.
SCHMER, Geschichte der naturwissenschaftlichen Weltanschauung. — 1 r. 50 c.
SSEET, Goethe — 2 r. 40 c.
UMER, Das Reich des Wundersamen und Geheimnissvollen — 1 r. 80 c.
DERNIER DES NAPOLEON. — 2 r.
TELF, Schuld und Sühne. Roman. 1 Bände — 3 r.
HAULT, Histoire d'une femme — 1 r. 20 c.
BE, Die Fahrten des Sajjid Batthal. Ein alttürkischer Volks — und Sittenroman. 2 Bände. — 4 r.
WALD, Die Fanddie Nordorf. Roman aus dem Dänischen 3 Bde. — 6 r.
Die Schweden auf Kronborg, historischer Roman aus dem Dänischen. 4 Bände. — 7 r. 50 c.
ERRY, Le maconnais préhistorique avec atlas. — 4 r. 80 c.
SCHER, Hartmann's Philosophie des Unbewussten. Ein Schmerzensschrei des gesunden Menschenverstandes. — 1 r. 50 c.
AMONT, La France et la Prusse avant la guerre. — 2 r. 40 c.
HL UND KONER, Das Leben der Griechen und Römer. III Aufl. 1 Lfr.—50 c.
EFER, Unter fliegenden Fahnen. Roman. 2 Bände. — 4 r. 50 c.
MBERG, Zur Frauenfrage. — 75 c.
EN, Die Kronprätendenten, historisches Schauspiel. Aus dem Norwegischen — 1 r. 50 c.
Der Bund der Jugend, Lustspiel. — 1 r. 50 c.
MB, Kulturgeschichte der Menschheit. II Aufl. 1 Lfr. — 50 c.
ONIG, Ewald August. Das Prinzesschen. 4 Bände. — 7 r. 50 c.
NDAU, Molière. Eine Ergänzung der Biographie des Dichters. — 1 r. 40 c.
ATTHAI, Die Industrie Russlands. — 4 r.
ESUIL-MARIQUY, Histoire de l'économie politique. 2 vol. — 6 r. 40 c.
OLLHAUSEN, Das Finkenhaus. Roman. 4 Bände. — 9 r.
ERELS, Die Anwendung der Dampfkraft in der Landwirthschaft. — 6 r.
IMMEL, Le livre des parfums. Pracht-Ausgabe geb. — 8 r.
CHACK, Die Pisaner. Trauerspiel. — 1 r. 25 c.
CHOEBERLEIN, Die Geheimnisse des Glaubens. — 1 r. 20 c.
SGUR, Vie du comte Rostopchine. — 2 r. 40 c.
YBEL, Was wir von Frankreich lernen können. — 25 c.
OIRON, Les palafittes, avec atlas. — 6 r. 60 c.
IESE, Die Bildung des Willens. — 50 c.
OLFEERS, Newton's mathematisches Princip. — 6 r.
ORKE, Geheime Geschichte der Internationale. — 1 r.
Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge I Jahr g. 1/2 Heft. Preis pro anno — 8 r. 10 c.
Die Geschichte der englischen Arbeiterbewegungen 1871. — 80 c.

НОВАЯ ТАКСА

ДЛЯ ПЕРЕСЫЛКИ КНИГЪ И ВЕЩЕЙ ПО ПОЧТѢ, СЪ 1-ГО МАЯ 1872-ГО В.

Ст. 27-я Времен. Постановл., прим. 1-е: «Для посылковъ съ книгами нѣмѣй разнѣ вѣсового сбора не опредѣляется (какъ то принято для вещей въ 10 коп.), а при отправленіи ихъ, на разстоянія свыше 1,500 в., назначается такса вѣсового сбора именно, на разстоянія: свыше 1,500 в. до 2,500 в. по 16 к. съ 1 фунта; съ 2,500 в. до 5,000 в.—18 к. съ 1 фунта; отъ 5,000 в. и выше—20 к. съ 1 фунта. Но для этого посылка съ книгами должна быть полана на почту открыто и съ надписи: «съ книгами».

Изъ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ:	Вещи съ фун. коп.	Книги съ фун. коп.	Изъ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ:	Вещи съ фун. коп.
Або	6	6	Николайстадъ	8
Акмолгъ	30	18	Новгородъ	3
Архангельскъ	12	12	Новочеркасскъ	17
Астрахань	22	16	Оренбургъ	22
Бакъ	27	18	Орелъ	10
Благовѣщенскъ	48	20	Пенза	14
Варшава	11	11	Пермь	21
Вильно	7	7	Петрозаводскъ	5
Витебскъ	6	6	Петроковъ	12
Владикавказъ	24	16	Плоецъ	12
Владимиръ	8	8	Полтава	14
Вологда	8	8	Псковъ	8
Воронежъ	12	12	Радомъ	12
Выборгъ	3	3	Ревель	4
Вѣрный	34	18	Рига	6
Вятка	14	14	Рязань	8
Гельсингфорсъ	4	4	Самара	18
Гродно	9	9	С. Михель	3
Дербентъ	26	18	Саратовъ	15
Екатеринодаръ	20	16	Семипалатинскъ	32
Екатеринославъ	15	15	Симбирскъ	15
Елизаветполь	26	18	Симферополь	20
Житомиръ	13	13	Смоленскъ	7
Иркутскъ	38	20	Ставрополь Кавк.	20
Казань	15	15	Суваики	10
Калишъ	13	13	Сѣлецъ	11
Калуга	8	8	Тавастгусъ	4
Каменецъ-Подольскъ	15	15	Тамбовъ	11
Кишиневъ	18	16	Ташкентъ	32
Кіевъ	12	12	Тверь	5
Ковно	7	7	Тифлисъ	26
Кострома	8	8	Тобольскъ	27
Красноярскъ	34	18	Томскъ	32
Куопіо	5	5	Тула	8
Курскъ	12	12	Улеборгъ	8
Кутаисъ	26	18	Уральскъ	23
Кыльцы	13	13	Уфа	20
Ломжа	10	10	Харьковъ	14
Люблинъ	12	12	Херсонъ	17
Минскъ губ.	9	9	Черниговъ	10
Митава	7	7	Чита	43
Могилевъ	8	8	Эривань	27
Москва	7	7	Якутскъ	50
Нижній-Новгородъ	11	11	Ярославль	7
Николаевскъ на Амурѣ	55	20		

Особое Приложение: Для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, объ изданіи «Виржа».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

из истории городовъ древностей и историч. описания, описавшія и критическія статьи *Д. Лыбина*. Часть I. Изд. К. Солдатенкова. М. 1872. Стр. 566. Ц. 2 р.

Изотомическими изданіями г. Солдатенкова издаются всакой книжной спекуляціи и общаго воззненія въ свѣтъ весьма многихъ изслѣдательныхъ и весьма важныхъ трудовъ (Афанасіевскаго, Гравовскаго, Ешевскаго, Капеллина, Чичина и др.) присоединяется теперь новое изданіе, въ которомъ собраны отдѣльные изслѣдованія критическія статьи *Ив. Е. Забѣлина*, являющіяся разсѣянно въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Отслуживъ своему дню, подобныя труды не являются библиографическою рѣдкостью, между темъ многіе изъ нихъ заслуживаютъ постояннаго вниманія науки и могутъ руководить изслѣдователей. Въ вышедшей нынѣ части собранія статей г. Забѣлина обнимаютъ въ себя, между прочимъ, особое вниманіе заслуживающія: «Дѣтскіе годы Петра Великаго», «Характеръ начального образованія въ допетровское время» и «Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы». Труды г. Забѣлина оценены на достоинство публикою; доказательствомъ того служитъ то, что выстъ съ этимъ сборникомъ вышелъ уже второе изданіе извѣстнаго и неограниченнаго труда того же автора: «Домашняя жизнь русскихъ царицъ» въ XVI и XVII вѣвѣхъ, изданный. Въ свое время мы указывали на извѣстнаго и безпристрастнаго изслѣдователя стороны жизни русскаго народа наканунѣ Петровской реформы.

Ростовское княжество. Очерки изъ истории Ростовско-Суздальской земли. *Д. Корсакова*. Казань, 1872. Стр. 946. Ц. 1 р. 50 к.

Мера или «Мешера» въ до-Несторовскую эпоху служило племеннымъ названіемъ части южной страны финновъ, лежавшей на сѣверо-восточныхъ окраинахъ тогдашняго славянскаго государства, которое не только поглоченной колонизацией славянъ, но и обратившейся въ центръ государственнаго организма Велікороссіи. Это извѣстныя Ярославская, Владимірская и части Нижегородской и Московской. Историческій процессъ такой колонизаціи и зачатковъ новаго государства чисто-славянскаго и изложенъ въ содержаніи весьма добросовѣстнаго извѣстнаго изслѣдованія г. Корсакова. При изслѣдованіи примычныхъ источниковъ для исторіи этой отдаленной эпохи, авторъ сумѣлъ, въ пересказѣ своего изслѣдованія собрать весьма много данныхъ, какія могутъ представлять отрывки замѣтокъ этнописцевъ, извѣстія о религіозныхъ, бытовыхъ, свѣдѣніяхъ, сохранившихся въ названіяхъ и словахъ, уцѣлѣвшихъ въ произведеніяхъ русскаго языка, пошедшаго отъ этого слова поближеннаго племенн и т. п. Изложенія главы разсматриваютъ историческую судьбу Ростовско-Суздальской земли, обращаясь въ предѣлахъ древней Мери, и разсматривая ея на уѣздахъ до славянъ ихъ съ Москвитинскими княжествами. Разработка древней русской исторіи въ такомъ направленіи, а именно, съ цѣлью научнаго разложенія нашей

цивилизаци на ея историческія составныя части, есть дѣло почти новое; до сихъ поръ вниманіе историковъ улавливалось преимущественно судьбою политическихъ центровъ, а провинціи оставались въ тѣни; г. Корсаковъ старается въ своемъ трудѣ стать на такую новую дорогу, и намъ остается только пожелать ему новыхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ его изслѣдованіяхъ, но при этомъ мы пожелаемъ бы встрѣтить въ этихъ изслѣдованіяхъ болѣе ясную и опредѣленную въ политическіхъ взглядахъ и оцѣнкахъ автора, недостаткомъ которыхъ мы объясняемъ себя некоторымъ противорѣчіемъ въ его трудѣ.

Далекая Россія. Уссурийскій край. Съ картою и рисунками. *Алябьева*. Спб. 1872. Стр. 115. Ц. 80 коп.

Нашимъ читателямъ уже знакомъ Уссурийскій край, русское побережье Великаго Океана, отдѣленное проливомъ Невельскаго отъ о. Сахалина, по статьямъ г. Прижевальскаго, помещеннымъ въ нашемъ журналѣ (1870, май и іюль). Книга г. Алябьева въ настоящемъ своемъ сокращенномъ видѣ представляетъ немного новаго сравнительно съ трудомъ г. Прижевальскаго; но авторъ намѣренъ скорѣе приступить къ полному изданію своего путешествія съ иллюстраціею. Впрочемъ, и настоящее изданіе снабжено весьма хорошо выполненными рисунками и большою картою Якутской, Амурской и Приморской областей.

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китопрасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. *А. Веселовскаго*. Спб. 1872. Стр. 350. Ц. 2 р. 25 к.

Въ виду общепризнаннаго факта вліянія восточнаго міросозерцанія на ходъ развитія европейской мысли, авторъ положилъ себѣ цѣлью, раскрыть точнѣе и ослѣдствія самыя моменты такого вліянія и указать даже точки перваго соприкосновенія двухъ цивилизацій. Для достиженія своей цѣли авторъ остановился специально на европейскихъ пересказахъ о царѣ Соломонѣ и Китопрасѣ (Асмодеѣ), рожденныхъ въ будизмѣ, прошедшихъ сквозь Талмудъ и исламизмъ, и жившихъ въ Европѣ подъ фирмою Соломона и Китопраса въ славянскихъ легендахъ. Соломонъ и Морольфа въ западныхъ, гдѣ онѣ имѣли сверхъ того особое развитіе въ романахъ объ Артурѣ и Мерлинѣ.

Постоянный желѣзно-дорожникъ Россіи и Европы. Изд. А. Ильина. Спб. 1872.

Въ виду превосходныхъ заграничныхъ дорожниковъ Германіи и Англіи, нашимъ издателямъ остается только сдѣлать хорошее примѣненіе и дать возможность каждому легко приискать обстоятельный отвѣтъ на обычные вопросы путешественника: когда выѣзжаютъ, сколько въ дорогѣ, что стоитъ и т. д. На все это съ трудомъ отвѣчаетъ новое изданіе А. Ильина, а иногда и совсѣмъ не отвѣчаетъ. Алфавитъ къ маршруту есть, а къ тарифу нѣтъ; и вообще напрасно было отдѣлать маршрутъ отъ тарифа: ихъ можно очень удобно соединить съ экономіею мѣста. Было бы проще дать русскимъ путешественникамъ именно то, что, напр., Hendschel даетъ нѣмцамъ, или Bredshaw—англичанамъ. Но карта въ дорожникѣ г. Ильина превосходна.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872 - мѣ году:

1.—ПОДПИСКА принимается только на годъ: 1) *без доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкой на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москву, чрезъ кн. мш. Н. Р. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ*—16 р. 50 к. въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкой, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ предѣлать адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая для пометки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются въ кн. магазинъ Н. Р. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к.; желая же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ*—вслѣдствіе того, что при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, мѣста и *того почтового ящика*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (или въ губернской и не въ уѣздной городъ), куда можно прямо адресовать журналъ, куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ комиссіонеровъ въ Спб.,—въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ*—прямо въ Редакцію, какъ и выше; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб.,—въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за заграничную пересылкою: *Астрія и Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція*—21 руб.; *Италія*—22 руб.; *Италія*—23 руб.

Примечаніе.—«Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, чѣмъ книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ томъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, отдается въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иностранныхъ—въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ. Журналъ доставляется на почтѣ, для иногороднихъ, съ адресомъ подписчика, а для иностранныхъ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—**ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе успѣло до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностію въ редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто, въ какомъ отправленіи журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примечаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя изъ одного мѣста въ другое, прилагаютъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—**ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы, что журналъ не полученъ. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно согласоваться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея свидѣтельства.

Примечаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить жалобу.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Невскій просп., 40.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ.
ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6^я.

ІЮНЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1872.

- I. — КРОНПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА, НЕВѢСТКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО. — 1707-1715 гг. — По ея неизданнымъ письмамъ. — II-III. — Окончаніе. — В. Н. Герье
- II. — ВЕЛИКОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСЕННАЯ ПОЭЗИЯ. — Русскія народныя пѣсенныя собранія В. Шейномъ. Часть первая. — Н. Н. Костомарова
- III. — ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНИИ. — Историческій очеркъ. — III. — М. Я. Морозкина
- IV. — МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ. — Былина. — В. П. Буренина
- V. — ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КРЫМА. — Путевыя впечатлѣнія. — I. — Евг. Л. Маркова
- VI. — ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ДИККЕНСА. — The life of Charles Dickens, by J. Forster. 1, 2 vols. — Л. П.
- VII. — ДИЛЕТТАНТЫ. — Романъ. — Часть вторая. — I-IX. — Ф. Э. Ромера
- VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Государственныя и дѣла Петра Великаго и ихъ судьба. — 30-го мая 1672 — 30-го мая 1872 г.
- IX. — НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ВЪ РОССИИ. — Самарская и Лифляндская губерніи. — Статистическія таблицы Самарской губерніи. 1869-71. — Результатъ народной переписи въ городахъ Лифляндской губерніи. 1871. —
- X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Возстаніе карлистовъ въ Испаніи. — Маршъ Серрано и новый кабинетъ. — Прежніе доп-Карлосы и нынѣшній доп-Карлосъ. — Герцогъ Омальскій. — Герцогъ Одифрѣ-Пакль и военное хозяйство имперіи. — Руз и Гамбетта. — Суль надъ генералами. — Князь Бисмаркъ. — Элебемское дѣло. — Банкетъ англійскаго литературнаго фонда. — Национальная агитация пѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи. — Проектъ реформы уголовнаго Швейцарскаго Союза
- XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Великая борьба между Рейномъ и Германіей. — К.
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БОНИНЪ. — Политическіе дѣятели и открытія палаты. — В. Мовъ
- XIII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Вопросы народнаго образованія во Франціи. — Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Bréal. — L'Instruction républicaine, par Am. Guillemin. — Les Crimes de l'éducation française, par M. Laurentie
- XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waitz. — Les Préfendus, Les Bourbons, Les d'Orléans, L'Empire, La Commune, La République. Par Ad. Delpit. — Manuel républicain, par Jules Barni
- XV. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія пугающимся литераторамъ и ученымъ. — II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину. — III. Подписка на стипендіи Н. А. Милутина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей
- XVI. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-IV стр.

Отъ редакціи. — Подписка на 1872-й годъ, за расходомъ всѣхъ полныхъ экземпляровъ, прекращена.

КРОНПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА

НЕВѢСТКА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1707 — 1715 гг.

По всѣмъ изданнымъ письмамъ.

II *).

Б р а е ъ .

Разлука новобрачныхъ, несмотря на свою краткость, подавала поводъ къ разнымъ сплетнямъ, особенно при вѣнскомъ дворѣ, который былъ недоволенъ вольфенбюттельскимъ бракомъ. Я писалъ по этому поводу къ канцлеру Головкину: «Изъ сочиненій много нехорошихъ вещей сюда писано, чѣмъ почти городъ наполненъ, между прочимъ что бракъ хотя и соченъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронпринцъ кронпринцессу оставилъ, и когда та требовала на дня сроку, чтобъ дорожную постель взять, кронпринцъ ей этого отвѣтилъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбюттелъ и Дрезденъ навѣдался,

*) См. выше: май, 19 стр.

то мнѣ отписали совершенно противное, именно, что объ стороны довольны» ¹⁾).

Послѣднее извѣстіе было вполне справедливо. Шарлотта въ то время вѣрила въ любовь царевича и была совершенно счастлива, несмотря на довольно неблагоприятную обстановку Семнадцатилѣтней принцессы, воспитанной при роскошномъ дворѣ королевы польской, пришлось жить съ незначительными средствами въ полуразоренномъ городѣ, населенномъ толпою бѣдными, грязными евреями и нѣмецкими ремесленниками. всего хуже было то, что среди этой новой и затруднительной для нея обстановки, Шарлотта была исключительно предостережена самой себѣ. Она была окружена избалованными, жадными и интригующими придворными, которые были для нея не утѣшеніемъ, а источникомъ постоянныхъ непріятностей. Молодой царевичъ съ своимъ нѣсколько безпечнымъ и малодушнымъ, вмѣстѣ и раздражительнымъ характеромъ, не могъ ей служить опорой, и притомъ она скоро была разлучена съ нимъ на очень продолжительное время. Но всѣ эти непріятности, отравлявшие въ послѣдствіи жизнь кронпринцессы, еще не тревожили счастья которое она испытывала въ первое время супружества. Полна радости и надеждъ вступила она въ новый 1712-й годъ: «Мое счастье было бы вполне совершенно, писала она отцу, 4-го января если бы я имѣла удовольствіе устно выразить вамъ мое почтеніе. Царевичъ осыпаетъ меня выраженіями своей дружбы. Почти ежеминутно онъ даетъ мнѣ все новыя и новыя доказательства своего расположенія, такъ что я имѣю полное право назвать себя совершенно счастливою, хотя мѣсто, гдѣ я теперь живу не совсемъ пріятно».

Любопытно, какъ принцессу Шарлотту, выѣхавшую изъ Гамбурга и привыкшую къ городамъ съ многочисленными, замѣчательными населеніями и къ частымъ маленькимъ столицамъ, наполненнымъ придворной аристократіей, поразилъ особенный характеръ польскихъ городовъ. «Городъ очень разоренъ, писала Шарлотта; дома противъ насъ на половину обгорѣли и стоятъ пустые, сама я живу въ монастырѣ; впрочемъ меня уже посетили нѣсколько польскихъ дамъ изъ окрестностей. Въ этихъ окрестностяхъ нѣтъ ни одной волости, нѣтъ такой маленькой деревушки, гдѣ бы не жили два-три и больше дворянскихъ семействъ; они живутъ тамъ зимой также какъ и лѣтомъ, и вотъ почему въ самыхъ большихъ городахъ нельзя найти ни одного чело-вѣка изъ высшаго класса (personne de qualité)».

¹⁾ Приведено изъ Австр. Дѣлъ, у Сохов. XVII, стр. 144.

Такъ прошло болѣе мѣсяца; какъ вдругъ спокойная жизнь молодой кронпринцессы была помрачена первыми непріятностями. Выданныя за три мѣсяца впередъ, были истрачены, а новыя не присылали. Въмѣсто этого пришелъ указъ отъ царя переехать изъ Торна въ Эльбингъ. Шарлотта была огорчена этимъ рѣшеніемъ. Кромѣ того, что эта перемѣна жительства уменьшала надежду увидаться еще разъ съ родными передъ окончательнымъ отъѣздомъ въ Россію, самый переездъ въ Эльбингъ ставился рѣшительно невозможнымъ по недостатку денегъ. Шарлотта не знала что дѣлать. Ея родные не были въ состояніи ей помогать, и только придумывали разные планы, чтобы обеспечить ей правильную выдачу содержанія. Старый герцогъ, какъ мы видѣли, давно хлопоталъ о союзѣ между царемъ и императоромъ. На основаніи этого союза царь долженъ былъ императору вспомогательный отрядъ для войны противъ пруссіи. Императоръ же долженъ былъ пожертвовать Карломъ XII-мъ. Узнавши о безденежьи внуки, Антонъ-Ульрихъ предложилъ, чтобы, вмѣсто войска, царь помогъ императору деньгами, подъ залогъ какого-нибудь владѣнія въ Силезіи, а доходы этого владѣнія шли бы на содержаніе царевны и ея двора; недостатокъ въ деньгахъ былъ еще ощутительнѣе для царя, недостатокъ въ войскахъ, и Шарлотта писала домой, что со стороны дѣда едва ли исполнимъ.

Шарлотта писала о своемъ положеніи царю и Екатеринѣ. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Торнъ Меншиковъ, присланный царемъ, чтобы убѣдиться въ затруднительномъ положеніи кронпринцессы и вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ собою царевича въ Потсданию.

Шарлотта имѣла съ княземъ Александромъ Даниловичемъ обстоятельное объясненіе. Она просила его говорить съ ней по-немецки, безъ переводчика. Меншиковъ возразилъ, что онъ знаетъ отлично толковать по-нѣмецки съ солдатами, но не говорить съ высокопоставленными лицами¹⁾.

Однако, послѣ долгихъ настояній Шарлотты, онъ согласился на ея желаніе и сталъ очень порядочно объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Шарлотта жаловалась на беспорядокъ при ея дворѣ и оправдывалась поспѣшностью отъѣзда, неопытностью молодыхъ придворныхъ, особенно же отсутствіемъ Шлейница, который имѣлъ званіе обергофмейстера при ея дворѣ, но жилъ въ Ганноверѣ въ качествѣ русскаго посланника. Меншиковъ

¹⁾ Qu'il savoit bien parler «soldatisch deutsch» (т.-е. вѣроятно «Zeug») mais pas avec des personnes de distinction. Письмо Шар. отъ 28 апр.

спросилъ, почему же Шлейницъ не находится при своемъ постѣ. Шарлотта замѣтила на это, что интересы царя требуютъ его присутствія въ Ганноверѣ, и что когда служишь двумъ господамъ, менѣе важный всегда отъ этого страдаетъ; «впрочемъ, прибавила Шарлотта, Шлейницъ, какъ онъ меня увѣщалъ, писалъ царю, что его двѣ должности несовмѣстимы и что ему нужно назначить другого гофмейстера.»

Меншиковъ съ удивленіемъ прервалъ ее и разсказалъ, что напротивъ, Шлейницъ жаловался царю, будто принцесса хочетъ взять вмѣсто него другого гофмейстера, и просилъ, чтобы царь допустилъ этого. Шарлотта воскликнула съ изумленіемъ, что невозможно, что вѣроятно письмо Шлейница было невѣрно передано. Тогда Меншиковъ позвалъ царевича, который подтвердилъ слова князя, ибо ему обо всемъ этомъ писалъ канцлеръ Головкинъ.

Болѣе серьезный поводъ къ жалобамъ представляло безденежье, въ которомъ находились царевичъ съ женою. Меншиковъ писалъ объ этомъ Петру: «Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ, что какъ онъ, такъ и кронпринцесса, въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду: понеже здѣсь живутъ на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено; а чѣмъ съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронпринцессы въ походѣ ни лошадей и никакого экипажа нѣтъ и не строить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло просить: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдаю ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 руб. А ежелибъ не такъ, то все конечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ».

Въ маѣ кронпринцесса отправилась въ Эльбингъ. Хотя поѣздка мужа на войну въ Померанію ее тревожила, но аккуратность, съ которою онъ ей писалъ, доставляла ей нѣкоторое утѣшеніе. Притомъ, какъ она писала родителямъ, военные дѣйствія въ Помераніи шли очень вяло и не представляли большой опасности. Гораздо болѣе грозны были извѣстія о вооруженіяхъ Турціи. Никто не зналъ противъ кого они были направлены, противъ венеціанцевъ или противъ Россіи. «Въ послѣднемъ случаѣ, писала Шарлотта, намъ нечего опасаться, ибо турки не могутъ держаться въ нашей странѣ; какъ скоро они покажутся, имъ не только перерѣзываютъ всѣ дороги, но тщательно сжигаютъ весь фуражъ и всѣ мѣста, чрезъ которыя они могли бы пройти.

Вѣдная Польша и Саксонія, однако, не могутъ хвастаться нѣмъ же преимуществомъ, и говорятъ, что главный ударъ будетъ направленъ противъ нихъ. Это было бы ужасно.»

Мѣсяцъ спустя послѣ этого, мы находимъ Шарлотту въ положеніи совершеннаго отчаянія, очевидно вызваннаго семейными отношеніями: «Нѣтъ сомнѣнія, писала она отцу, что свѣтъ наполненъ горечи и что судьба готовитъ мнѣ большое горе въ будущемъ, ибо начиная съ самаго дѣтства, т.-е. съ шести-лѣтняго возраста, я не знаю чѣмъ такое настоящее удовольствіе. Если и упадетъ на мою долю какое-нибудь счастье, то оно обыкновенно бываетъ нарушено. Я совершенно смущена въ виду того, что меня еще ожидаетъ, ибо мое горе идетъ отъ человѣка слишкомъ дорогого, чтобы на него жаловаться. Притомъ всѣ прикрасы, которые я имѣю предъ глазами, изъ какого слоя жизни бы ни были взяты, убѣждаютъ меня, что не слѣдуетъ роптать противъ судьбы, ибо каждый страдаетъ, пока находится на этомъ жалкомъ свѣтѣ, самое названіе котораго должно бы было вводить въ содроганіе всѣхъ, кто носитъ имя христіанина. Я испрошлетъ мнѣ небо хотя одно удовольствіе и да услышитъ мою молитву, которая я возсылаю безпрестанно о вашемъ спасеніи; я не желаю другого удовлетворенія, ибо ваше благополучіе мнѣ дороже моего собственнаго».

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого прибылъ къ своему вѣсту при дворѣ кронпринцессы Шлейницъ, чтобы отъ нея имени вернуться въ Кёнигсбергъ, на встрѣчу къ царю, который вмѣстѣ съ Екатериной отправлялся въ Померанію. Но краткое пребываніе гофмейстера въ Эльбингѣ имѣло для Шарлотты очень нежелательныя послѣдствія. Его, приѣздъ сдѣлался поводомъ къ тому, что наконецъ обнаружались дурныя страсти, бушевавшія во дворѣ неопытной кронпринцессы.

Маленькій дворъ Шарлотты былъ составленъ чрезвычайно неудачно. Онъ большею частью состоялъ изъ людей не только непонимавшихъ своихъ обязанностей относительно молодой принцессы, но исполненныхъ самыхъ ничтожныхъ интересовъ и привыкшихъ считать сплетни вѣрнѣйшимъ средствомъ для удовлетворенія своей мелочной зависти и пустого тщеславія.

Въ числѣ придворныхъ кавалеровъ кронпринцессы находился молодой и красивый баронъ Пельницъ. Онъ сначала не занималъ виднаго положенія при дворѣ и ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія Шарлотты. Но потомъ ему удалось подружиться съ Мейеромъ, совѣтникомъ при дворѣ ¹⁾ Шарлотты, который сталъ

¹⁾ Мейеръ носилъ званіе Rath und Intendant. Въ Моск. Арх. (Дѣло о приѣздѣ

посвящать его во все, что ему самому было извѣстно. Однажды когда Мейеръ имѣлъ передать кронпринцессѣ какія-то важныя дѣла, но чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ поручилъ Пельницѣ явиться вмѣсто него къ принцессѣ съ докладомъ. Шарлотта убѣдилась изъ разговора съ Пельницемъ, что ему хорошо извѣстно состояніе ея двора и ея собственныя отношенія къ различнымъ лицамъ. Она очень удивилась и сдѣлала Мейеру выговоръ за то, что онъ довѣрился такъ безгранично молодому человѣку, котораго онъ недостаточно близко зналъ. Мейеръ сталъ оправдываться и хвалить замѣчательный умъ и способности Пельница, который ему не разъ давалъ очень полезныя совѣты. Шарлотта возразила, что еслибы это и было справедливо, то онъ все-таки долженъ быть осторожнѣе, ибо иначе возбудитъ зависть и злобу камергера Бранденштейна, который въ отсутствіе обергофмейстера Шлейница имѣлъ общій надзоръ надъ дворомъ. Мейеръ по этому поводу сталъ жаловаться на Бранденштейна, что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ и ведетъ себя какъ ребенокъ. Шарлотта, которая дѣйствительно была недовольна опущеніями въ службѣ Бранденштейна, замѣтила, что это справедливо и что она лично болѣе другихъ отъ этого страдаетъ; но какъ же сдѣлать, чтобы онъ поумнѣлъ. «Этого нельзя сдѣлать, возразилъ Мейеръ, но можно устроить такъ, чтобы ваши интересы не страдали отъ его оплошности; для этого вамъ только нужно рѣшиться провозвести Пельница въ камергеры и приказать Бранденштейну еженедѣльно чередоваться съ нимъ въ заведываніи дворомъ». Послѣ нѣкотораго колебанія, неопытная въ придворныхъ интригахъ принцесса уступила настояніямъ своего совѣтника. Вслѣдствіе этого ей пришлось чаще видѣться съ Пельницемъ и дѣйствовать по его совѣтамъ. Иногда при этомъ случалось, что совѣты Пельница были прямо противоположны указаніямъ Мейера. Такое предпочтеніе очень быстро разрушило дружбу между Пельницемъ и Мейеромъ, и послѣдній сталъ съ завистью и злобою относиться къ своему прежнему другу. Съ другой стороны, повышеніе Пельница чрезвычайно оскорбляло Бранденштейна и его друзей. При дворѣ и въ городѣ стали вскорѣ распространяться разные слухи, объяснявшіе вниманіе оказанное Пельницу личнымъ расположеніемъ кронпринцессы къ красивому кавалеру. Кто былъ виновникомъ этихъ сплетенъ, Бранденштейнъ и его партія, какъ сначала полагала Шарлотта, или же Мейеръ, какъ она потомъ стала подозрѣвать, намъ не-

кронпр.) хранится письмо его къ царю на голландскомъ языкѣ, съ счетами кронпринцессы, подписанное: Рига, 6-го іюля 1712-го года. См. Büsching, XV.

известно. Въ это-то время пріѣхалъ Шлейницъ въ Эльбингъ. Какъ онъ себя велъ въ этой интригѣ, трудно рѣшить. Шарлотта, зная, что Шлейницъ ею недоволенъ за то, что она хотѣла взять на его мѣсто другого гофмейстера, была убѣждена въ его виновности; въ Вольфенбюттелѣ же Шлейницу не только удалось оправдаться, но и вполне сохранить довѣріе стараго герцога.

По отъѣздѣ Шлейница, кронпринцессѣ донесли о сплетняхъ, въ которыхъ она сдѣлалась жертвою, и указали на Шлейница, какъ на источникъ ихъ. Къ ея изумленію и негодованію присоединился еще страхъ, что Шлейницъ станетъ распространять эти сплетни въ Вольфенбюттелѣ.

«Надѣюсь, писала она матери, что Верзебе вамъ вѣрно изобразитъ Шлейница, такъ что вы ко мнѣ не будете несправедливы и не повѣрите лжи и обману этого господина. Онъ говоритъ здѣсь открыто обо мнѣ такія вещи, за которыя заслужить бы примѣрное наказаніе, но ни у кого здѣсь не достало преданности сообщить мнѣ хоть что-нибудь до его отъѣзда. Послѣ же того я узнала больше, чѣмъ мнѣ хотѣлось знать; онъ между прочимъ за два дня до отъѣзда спросилъ моего секретаря¹⁾, не хочетъ ли онъ проводить его въ Брауншвейгъ. Тотъ изразилъ, что ему тамъ нечего дѣлать, что я его туда не пошлю, что у него даже нѣтъ повода проситься въ отпускъ, и наконецъ, гдѣ же ему оставить свою жену. «Относительно жены, изразилъ ему съ поспѣшностью Шлейницъ, вы не слишкомъ работаетесь; васъ избавятъ отъ нея самымъ легкимъ способомъ притомъ скорѣе, чѣмъ вы думаете». Совершенно перепуганный секретарь (хотя я думаю, что онъ бы очень обрадовался тому, лишь бы все прилично устроилось) спросилъ Шлейница, какимъ же образомъ это можетъ случиться. «Развѣ вы не предвидите, сказалъ тотъ, что ваша жена и Пельницъ будутъ сосланы въ Сибирь еще до начала сентября. Я вамъ это говорю и вы можете считать это совершенно достовѣрнымъ». Секретарь сталъ разспрашивать Шлейница, на какомъ же основаніи онъ это утверждаетъ, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ томъ, чтобы наказали да еще такъ жестоко людей, которые ничего дурного не сдѣлали. «Ничего дурного не сдѣлали, прервалъ его Шлейницъ съ яростью, и вы это называете ничего не сдѣлали, а жизнь, которую принцесса ведетъ съ такимъ-то!» Секретарь просилъ его ради Бога не говорить вещей, отъ кото-

¹⁾ Шарлотта вѣроятно разумѣла здѣсь своего секретаря Клювера, жена котораго была ея «комнатной дамою»—Kammerfrau.

рыхъ онъ можетъ потерять голову, но Шлейницъ въ отвѣтъ ему только громко расхохотался. — Вотъ какъ я несчастна, продолжала Шарлотта. Богу извѣстно, что я невинна, что я вѣрно люблю царевича моего супруга. Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему въ жертву и этимъ доказать ему мое расположеніе; и хотя я имѣю всевозможные поводы опасаться, что онъ меня не любитъ — мнѣ кажется, что мое расположеніе отъ этого еще увеличивается. Ничего меня такъ не беспокоитъ, какъ эта продолжительная разлука съ нимъ, которая, какъ я не безъ основанія опасуюсь, можетъ быть гибельна для меня. Но я заблуждаюсь, говоря, что я боюсь, ибо чего мнѣ бояться, такъ какъ я невинна, а невинность всегда въ концѣ торжествуетъ. Царевичъ хотя онъ меня и очень мало любитъ, слишкомъ справедливъ, чтобы повѣрить этой безсовѣстной лжи; онъ меня слишкомъ близко знаетъ, чтобы считать меня способною къ такой низости. По моему мнѣнію это самое черное преступленіе, которое только можетъ быть приписано женщинѣ, такъ какъ честь лучшее и самое драгоценное наше сокровище. Я такъ огорчена и такъ убита нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ, которое я считаю самымъ чувствительнымъ, что не похожа на себя; съ каждымъ днемъ я блѣднѣю и худѣю, рѣдко у меня бываетъ красна лица. Я почти не сплю и ѣмъ очень мало, ибо все что вижу вокругъ себя, даетъ мнѣ постоянно новые поводы къ огорченію и отчаянію; между моими придворными есть и другія лица, которыя говорятъ въ томъ же тонѣ какъ Шлейницъ, но болѣе осторожно, поэтому я еще не могла ихъ открыть. Съ одной стороны я избѣгаю всякаго повода къ малѣйшему подозрѣнію, я очень рѣдко выхожу и потому не вижусь съ П.; я обращаюсь чаще къ другимъ, чѣмъ къ нему, избѣгаю всякаго случая, когда выѣзжаю гулять, чтобы онъ не подавалъ мнѣ руки, хотя дѣлаю это какъ бы не намѣренно, чтобы никто не могъ замѣтить, что я нарочно его избѣгаю. Прежде, когда Бранденштейнъ завѣдывалъ дворомъ, онъ дѣлалъ все такъ неловко, что нужно было заставить его чередоваться съ П. Но такъ какъ это и было причиною всѣхъ этихъ глупыхъ толковъ, и мнѣ въ дѣла Бранденштейна пришлось бы очень часто говорить съ нимъ, то мое избѣжаніе этого Бранденштейна опять будетъ одинъ всѣмъ завѣдывать, какъ съумѣетъ. Впрочемъ онъ начинаетъ вести дѣла лучше, по крайней мѣрѣ выказываетъ больше доброй воли, но за то сестра его ¹⁾ стала тѣмъ злѣе. Верзебе безъ ума влюб-

¹⁾ Старшая сестра Бранденштейна была фрейлиной при дворѣ польской коро-

зетъ въ нее, а она въ него; нивогда въ жизни я не видѣла такой интимности, какъ между ними; я боюсь, чтобы вслѣдствіе этого онъ не далъ герцогу ложнаго показанія, ибо она имъ совершенно овладѣла. Я думаю, да проститъ меня Богъ, что она разсказала ему что-нибудь въ ѣду, такъ что онъ не можетъ не любить ее, иначе его ослѣпленіе было бы непонятно. Бонденъ (другая фрейлина) принадлежитъ также къ его близкимъ друзьямъ, а потому и въ ней не много проку. Чтò бы я при ней ни сказала, сейчасъ все это становится извѣстно цѣлому свѣту, точно кто-нибудь въ трубу протрубилъ. Нѣкоторое время я питала пріятную надежду, что она умретъ, такъ какъ она была очень больна, но къ несчастію бѣда ее миновала, и она съ каждымъ днемъ себя лучше чувствуетъ.

«Присылаю вашей свѣтлости при этомъ копію съ жалобой, данной королю прусскому на Шлейница. Онъ не можетъ радоваться тѣмъ, что у него не было денегъ, такъ какъ я ему на 30 дукатовъ золотомъ (до Кёнигсберга) на его путешествіе. Расстояніе отъ насъ всего 14 миль, а пробылъ онъ въ дорогѣ только 3 дня и не представилъ мнѣ никакого счета. Будь такъ добры и передайте эту копію герцогу ¹⁾, а также увѣщаніе въ моей преданности. Я бы сама доставила себѣ честь написать ему, но страдаю ужаснѣйшей головною болью».

Въ своемъ горѣ кронпринцесса имѣла только одно утѣшеніе — нѣжность и ласки, выказанныя ей царемъ и Екатериною во время ихъ проѣзда чрезъ Эльбингъ. Послѣ своего отъѣзда Екатерина прислала невѣсткѣ перстень съ портретомъ Петра, и тѣмъ, кто проѣзжалъ черезъ Эльбингъ, поручала сказать Шарлоттѣ, что она ее нѣжно любить. Во время же своего пребыванія въ Эльбингѣ Екатерина говорила и ей самой и другимъ, что она ее любитъ какъ свое родное дитя, и что если бы она могла ее подѣлить своимъ сердцемъ, то не могла бы ею больше дорожить».

Однажды Екатерина сказала царевнѣ своимъ простонароднымъ и ломанымъ, но выразительнымъ языкомъ: *Czaarische Majestät Euch sehr lieb, zu mir sagen, wahrhaftig Catherina, meine schwiegertochter sehr schmuck sowohl von statur als*

лица, которая пристроила въ штату Шарлотты камергера Бранденштейна и его младшую сестру.

¹⁾ Эта жалоба, вѣроятно, касалась насилій, которыя позволялъ себѣ Шлейницъ въ качествѣ царскаго посланника съ почтовыми смотрителями и ямщиками на пути въ Кёнигсбергъ, куда онъ ѣздилъ встрѣчать царя. Такого рода жалобы не рѣдко раздавались тогда въ Германіи во время проѣзда дипломатовъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ.

Verstand und humor, ich sage, Czaarische Majestät, du hast deine tochter mehr lieb als auf mich: Czaarische Majestät lachen, nicht lieber, sagen, aber bald so lieb, nach dir Niemand auf Welt so lieb als sie; mein Sohn, sagen, Frau, wahrhaftig so gutt Frau nicht wehrt, als he hätte ¹⁾).

«И много подобныхъ вещей говорила она мнѣ, продолжала Шарлотта, которыя мнѣ были пріятны, но въ то же время и огорчили меня, ибо я поняла изъ этого, что царь не очень любить царевича. Я просила за него царицу и она обѣщала быть заступницею за моего супруга у царя».

Прощаясь съ Шарлоттой и горячо ее обнимая, Екатерина сказала: Gott hat mich recht lieb gehabt, dass er mir so eine gute Schwiegertochter gegeben hat, welcher nahme mich sonst erschreckt hat, nun mehro mich aber recht freut; es thut mir, straff mich Gott, recht leid, dass ich von Euch soll, ich wollte, dass ich Euch nicht gesehen hätte, weil ich euch nun so lieb habe, dass mir die Zeit wird lang und verdriesslich seyn, Euch wieder zu sehen» ²⁾).

Извѣстивши своихъ родственниковъ о сплетняхъ, жертвою которыхъ она сдѣлалась, Шарлотта всего болѣе опасалась огласки, и потому просила своего дѣда не подвергать Шлейница допросу относительно того, что онъ говорилъ секретарю, такъ какъ дѣло слишкомъ щекотливо. Но съ другой стороны ей очень хотѣлось удалить Шлейница отъ должности обер-гофмейстера и она боялась, что онъ сошлется на заключенное съ нимъ условіе, чтобы только сохранить свое жалованье и положеніе.

«Если бы я стала сама съ нимъ говорить, писала Шар-

¹⁾ «Ей, ей, царское величество тебя очень любить. Царь сказалъ мнѣ, ей, ей, Катерина, твоя невѣстка очень пригожа, какъ станомъ, такъ умомъ и нравомъ. Я сказала на это: Царское Величество, ты любишь свою дочь больше чѣмъ меня. Царь засмѣялся и сказалъ: не больше, но скоро буду любить ее столько сколько тебя: послѣ тебя я на свѣтѣ никого такъ не люблю какъ ее. Сынъ мой, ей Богъ, не стоить такой доброй жены, какая ему досталась». Шарлотта писала матери, что Екатерина, обращаясь къ ней всегда говорила ей *Ich*, но что это ей пріятно, лишь бы только царица при этомъ продолжала ее любить.—Извѣстно, что на нѣмецкомъ языкѣ въ вѣликомъ оборотѣ рѣчи вмѣсто 2-го лица единственнаго числа *du* употребляется 3-е лицо множ. ч. *sie* (какъ въ итальянскомъ 3-е лице единств.). Въ прошломъ же вѣкѣ кромѣ того употреблялось еще 2-е лицо множ. ч. *ih* (такъ въ русскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ), но только на простонародномъ языкѣ или въ обращеніи лица высокопоставленнаго къ подчиненному.

²⁾ «Господь видно ко мнѣ очень милостивъ, что послалъ мнѣ такую хорошую невѣстку; это имя меня прежде пугало, теперь же оно мнѣ пріятно. Убей меня Богъ, мнѣ очень жаль, что я должна съ тобою разстаться. Я была бы рада, если бы тебя прежде никогда не видѣла, ибо люблю тебя теперь такъ, что мнѣ будетъ скучно и досадно, пока опять не увижусь съ тобой».

лотта по этому поводу родителямъ, это было бы совершенно напрасно, какъ я уже нѣсколько разъ испытала. Онъ начинаетъ плакать, призываетъ Бога и небо въ свидѣтели, яростно проклинаетъ тѣхъ, которые изобрѣли подобную ложь и наклеветали на него, клянется въ вѣрности, такъ что можно считать его ангеломъ. Такимъ образомъ онъ, безъ сомнѣнія, въ состояніи провести самыхъ тонкихъ людей; нужно хорошо знать его поведение, чтобы не поддаваться всему, что онъ говоритъ. Правда, въ условіи сказано, что я не могу его удалить не выслушавши его оправданій; но пусть онъ отнесется къ вашей свѣтлости такъ бы къ моей собственной особѣ и оправдается, если будетъ въ состояніи. Онъ скажетъ также, что согласно съ условіемъ ему нужно за полгода впередъ объявить, что его хотятъ удалить. Дѣйствительно, по праву и справедливости слѣдовало бы такъ поступить, но его поведение было такъ странно, что ничего подобного нельзя было предположить, и такъ какъ онъ же велъ себя согласно съ условіемъ, то и мы ничѣмъ не связаны имъ. Онъ говоритъ, что я очень добра; дѣйствительно я вообще была слишкомъ добра, относительно же его болѣе чѣмъ слѣдовало».

Но бѣдная кронпринцесса отдѣлялась отъ своего гофмейстера не такъ легко, какъ она надѣялась, и «щекотливое дѣло» имѣло для нея еще очень много непріятныхъ послѣдствій.

Къ оскорбленію и негодованію, которыя она испытывала, и въ страху огласки присоединилась еще размолвка съ ея родственниками. Эта размолвка была вызвана отчасти недоразумѣніями, отчасти же неловкими дѣйствіями герцога Антона-Ульриха по поводу возбужденнаго Шлейницемъ дѣла.

Еще до этого герцогъ два раза писалъ кронпринцессѣ, чтобы она прислала ему молодого Верзебе, къ которому онъ питалъ особенное довѣріе. Онъ хотѣлъ въ личномъ разговорѣ съ нимъ узнать настоящее положеніе дѣлъ при дворѣ Шарлотты, и просилъ свою внучку передать ему черезъ этого повѣреннаго все, что она не рѣшалась сообщить письменно. Шарлотта сначала хотѣла исполнить желаніе дѣда, но потомъ раздумала, потому что положеніе своего двора не считала нужнымъ скрывать въ письмахъ, семейныя же тайны не хотѣла передать Верзебе, считая его слишкомъ молодымъ для этого. «Только вамъ, писала она матери, могу я довѣрить мои тайны, ибо отъ васъ я могу ожидать полезныхъ совѣтовъ, и въ то же время быть увѣренной, что мои тайны будутъ сохранены. До сихъ поръ, слава Богу, у меня нѣтъ ни наперсника, ни наперсницы, ибо Господь мнѣ

всѣхъ замѣняетъ, въ немъ я нахожу поддержку и утѣшеніе во всѣхъ моихъ несчастіяхъ».

Около того времени, когда царь долженъ былъ проѣхать чрезъ Эльбингъ, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, вѣроятно узнавшій изъ доносеній Шлейница о сплетняхъ, касавшихся Пѣльница, написалъ въ Верзебе, и приказалъ поклониться кронпринцессѣ и сказалъ ей, что онъ желаетъ, чтобы Пѣльницъ пріѣхалъ въ Брауншвейгъ. Но Верзебе, вмѣсто того чтобы показать письмо своей госпожѣ, стала чрезъ секретаря проситься у нея въ отпускъ въ Брауншвейгъ и Бременъ. Шарлотта обѣщала отпустить его послѣ отъѣзда царя, но потомъ, призвавши его, стала разспрашивать, зачѣмъ онъ хочетъ ѣхать. Онъ очень смутился; замѣтивши это, Шарлотта спросила, нѣтъ ли писемъ отъ герцога. Верзебе сознался, но сказалъ, что для нея нѣтъ письма. Когда же Шарлотта пожелала видѣть письмо герцога, присланное ему, онъ сказалъ, что не имѣетъ его при себѣ, но отдалъ его Пѣльницу. Все это очень изумило и разсердило царевну. Она послала за Пѣльницомъ и потребовала письмо Антона-Ульриха. Прочитавши его, Шарлотта сказала Пѣльницу, чтобы онъ собирался въ дорогу. Онъ отвѣчалъ, что исполнить ея приказаніе, но такъ какъ онъ еще слабъ послѣ вынесенной имъ болѣзни, то покорнѣйше просить избавить его отъ такого далекаго путешествія. Онъ сталъ объяснять, что герцогъ потому только потребовалъ его въ Брауншвейгъ, что къ нему не выслали Верзебе. Шарлотта нашла всѣ эти доводы основательными и отправила Верзебе къ дѣду, полагая при этомъ, что поступаетъ очень благоразумно (*j'au voulu agir en personne d'esprit*).

Это случайное обстоятельство, что вмѣсто Пѣльница присланъ былъ Верзебе, послужило вѣроятно въ глазахъ Антона-Ульриха подтвержденіемъ опасеній, возбужденныхъ въ немъ разсказами Шлейница, и онъ отправилъ къ своей внучкѣ нарочнаго курьера съ требованіемъ немедленно выслать къ нему Пѣльница.

Положеніе неопытной семнадцатилѣтней кронпринцессы было очень затруднительно. Совершенно одинокая, не имѣя около себя ни одного человѣка, съ которымъ можно бы было посовѣтоваться, она должна была окончательно растеряться отъ этой поспѣшности герцога. Она совершенно здраво рассудила, что если она исполнить желаніе герцога, то необычное, внезапное отправленіе молодого Пѣльница возбудитъ подозрѣніе даже тѣхъ, кто ничего не зналъ о распространившихся сплетняхъ, а въ глазахъ тѣхъ, кому онъ былъ извѣстенъ, послужитъ доказательствомъ ея виновности. На основаніи такихъ соображеній она рѣшилась

не отправлять Пёльница, но, выждавъ удобный случай, дать ему прямо отставку.

«Что касается до Пёльница, писала она матери, то онъ исполняетъ свою службу съ большимъ усердіемъ и вѣрностью; но въ дѣлѣ распространенной о немъ клеветы мнѣ, съ одной стороны, жаль его, съ другой же—онъ мнѣ сталъ противенъ, хотя и ни въ чемъ не виноватъ. Я того же мнѣнія какъ и вы, что его необходимо удалить, и непременно это сдѣлаю; прошу васъ только быть терпѣливѣе. Если я не выгоняю его въ ту же минуту, это не значитъ, чтобъ я этого не сдѣлала вовсе. Моя мать мнѣ слишкомъ дорога и близка; правда, мнѣ будетъ жаль удалить его безъ всякой причины и, можно сказать, именно за его невинность, но я все это преодолею. Повѣрьте, что я днемъ и ночью думаю о томъ, чтобы уничтожить эти сплетни; здѣсь не перестали объ нихъ говорить. Я сдѣлаю такъ, что вы и не увидите, преимущественно же Всевышній Богъ, будете довольны моимъ поведеніемъ. Покорно прошу васъ передать все это герцогу, моему дѣду и просить его не присылать ко мнѣ своихъ курьеровъ: это только бросаетъ тѣнь на меня. Еслибы я теперь написала Пёльница, то всѣ сказали бы, что я была къ этому принуждена вами, и никто бы послѣ этого не считалъ меня невинною. Будьте такъ добры, предоставьте мнѣ самой честь оправдаться, чтобы весь свѣтъ видѣлъ, что я удалила его по собственному своему побужденію, для устраненія поводовъ къ сплетнямъ».

Но старый герцогъ стоялъ на своемъ. Напрасно Шарлотта писала ему, «что Пёльницъ не такъ глупъ, чтобы отправиться въ такую минуту въ Вольфенбюттель. Не потому онъ не поѣхалъ туда, чтобы онъ чувствовалъ себя виновнымъ; но такъ какъ Шлейницъ, Штейнмецъ и всѣ другіе враги его находятся въ Вольфенбюттелѣ, а за нимъ прислали нарочнаго курьера, то ему естественно должно было придти на умъ, что не къ добру его туда приглашаютъ. Для того, чтобы дать отчетъ о положеніи двора, его присутствіе тамъ не нужно, а чтобы получить награду или повышеніе, ему также не нужно было бы ѣхать въ Брауншвейгъ. Онъ знаетъ, что Шлейницъ его ненавидитъ, и даже не догадываясь въ чемъ дѣло, онъ могъ бы почувать бѣду, ибо даже самые невинные люди на этомъ свѣтѣ имѣютъ основаніе всего опасаться».

На возраженіе матери, что Пёльница не погубятъ, Шарлотта отвѣчала, что она очень равнодушна къ его участи, но всякая строгость относительно его возбудила бы страшную бурю. «Ему самому могла бы придти въ такомъ случаѣ мысль, что его

личность очень опасна, онъ даже пожалуй бы вообразилъ, что я его люблю, и получивши отставку, онъ могъ бы распространить обо мнѣ тысячу невыгодныхъ для меня нелѣпостей, хотя впрочемъ я не полагаю, чтобы онъ былъ къ этому способенъ».

Антонъ-Ульрихъ однако не призналъ справедливость этихъ доводовъ. Онъ такъ разсердился на свою внучку, что пересталъ даже писать ей. Въ то же время, въ своемъ рвеніи дознаться истины и наказать виновныхъ, онъ сдѣлалъ новый безтактный шагъ, который привелъ Шарлотту въ полное отчаяніе. Въ Вольфенбюттелѣ находился въ это время русскій мальчикъ, по имени «Ларивонъ», который, повидимому, служилъ казачею у царевича. Еще въ Торнѣ Шарлотта желала отправить «Ларивона» въ дѣду въ Вольфенбюттель, можетъ быть по просьбѣ послѣдняго, который желалъ имѣть при своемъ дворѣ русскаго казачка. Царевичъ согласился на это, но сказалъ, что этотъ мальчикъ очень золъ, что онъ можетъ надѣлать имъ обоемъ много неприятностей, и для того, чтобы онъ исправился, его слѣдовало бы каждый день бить батогами. Этого-то Ларивона рѣшили допросить Антонъ-Ульрихъ. Допросъ былъ произведенъ двумя лакеями, и чрезъ нихъ у Ларивона стали выпытывать такіе подробности о семейной жизни кронпринцессы, что еслибы даже этотъ мальчикъ не имѣлъ ни малѣйшей злобы противъ своихъ господъ, а рассказывалъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, съ полною наивностью своего возраста, то и тогда его показанія только бы запутали дѣло и представили его въ превратномъ видѣ. Но мальчикъ былъ очевидно живъ и вѣроятно озлобленъ противъ своихъ господъ; онъ не ограничился сообщеніемъ разныхъ подробностей о жизни царевича, но, между прочимъ, показалъ, что самъ видѣлъ черезъ окно, какъ кронпринцесса цѣловала Пельница, что она въ Торнѣ часто плакала о немъ и т. п.

Родственники Шарлотты имѣли безтактность переслать ей всѣ эти показанія. Можно себѣ представить отчаяніе и негодованіе Шарлотты, принужденной оправдываться въ обвиненіяхъ, которыя должны были оскорбить ее въ глубинѣ души, и, какъ она выражалась, «причинали ей смертельную печаль». «Хотя все, что бы ни сдѣлали и ни сочили нужнымъ ваши свѣтлости», писала она родителямъ, для меня должно быть справедливымъ закономъ, и хотя я обвиняю только свою злополучную звѣзду за все случившееся, но допытываться у маленькаго Ларивона о малѣйшихъ моихъ поступкахъ, да еще черезъ двухъ лакеевъ, которые уже никакъ не уменьшили его выдумокъ, но еще и при-сочинили къ нимъ!! И вотъ на чемъ основаны всѣ эти клеветы!

Всему этому виною два негодая, какихъ еще и свѣтъ не создавалъ—Шлейницъ, котораго весь міръ знаетъ за большого лжеца, и Ларивонъ, который почти еще ребенокъ и выдумываетъ всякій вздоръ, за то, что его разъ высѣли».

Опровергая показанія Ларивона, кронпринцесса должна была изъяснить обстоятельство, о которыхъ намъ приходится умолчать. Между прочимъ, она была вынуждена сообщить, что если царевичъ когда и не проводилъ ночей дома, то потому что бывалъ въ питеяхъ, гдѣ попойка продолжалась до 3-хъ и 4-хъ часовъ, и то во все время его отсутствія въ ея комнатѣ находилась ея сестра, принцесса остфрисландская. «Это правда, писала Шарлотта, что я очень часто плакала въ Торнѣ, но мнѣ кажется, что я уже объяснила вамъ причину нѣсколько недѣль тому назадъ. Ларивонъ самъ рассказывалъ мнѣ здѣсь разныя исторіи о царевича, что онъ влюбленъ въ одну женщину, которая въ то время была въ Торнѣ, что онъ цѣлый день пьетъ, и тысячу подобныхъ вещей, такъ что наконецъ я ему сказала, чтобъ онъ молчалъ, иначе я про это скажу царевичу. Плакала же я въ то время по причинѣ всего, что мнѣ пришлось вынести изъ-за этого вѣроисповѣданія, а вовсе не изъ-за Пельница. Нужно уже извѣстное желаніе—имѣть дѣтей, чтобы забыться до такой степени, но я въ тысячу разъ предпочла бы навсегда отказаться отъ дѣтей, чѣмъ только допустить подобную мысль, такъ она вредительна. Однако рѣшительно невозможно, чтобы всѣ эти сказки возникли въ мозгу Ларивона; нужно полагать, что какой-нибудь злой духъ подучилъ говорить его, что онъ видѣлъ, какъ я цѣловала П. Не говоря о томъ, что это ложь, и ни-когда не могло случиться, но даже вовсе нѣтъ окна, изъ котораго можно было бы видѣть, что происходитъ въ моей комнатѣ; итакъ эта клевета сама себя уничтожаетъ».

Шарлотту особенно беспокоила въ то время мысль, что всѣ эти сплетни могутъ дойти до царевича, и ее мучилъ понятный страхъ относительно оборота, который въ такомъ случаѣ могла бы принять эта печальная исторія. Ни характеръ ея супруга, ни представленіе, которое она создавала себѣ о русскихъ обычаяхъ не были таковы, чтобы ее успокоить. Всего болѣе же можетъ быть тревожилъ ея воображеніе страшный примѣръ, случившійся въ ея собственной семьѣ. Еще была жива ея несчастная тетка, супруга ганноверскаго курфюрста Георга, разлученная навсегда съ семьей и дѣтьми и отвезенная на вѣчное заточеніе въ уединенный замокъ, послѣ того, какъ молодой графъ Кеннигсмаркъ палъ отъ руки убійцы на ступеняхъ ея дворца¹⁾.

¹⁾ См. объ этомъ «Лейбницъ и его вѣкъ», стр. 321.

Кронпринцесса поспѣшила отправить въ русскій лагерь въ Померанію Вейсбаха, одного изъ придворныхъ царевича, который болѣе другихъ ему нравился. Возвратившись изъ Штетина, Вейсбахъ привезъ Шарлоттѣ самыя успокоительныя извѣстія. Онъ вручилъ ей очень любезное письмо царевича, въ которомъ Алексѣй убѣждалъ жену, чтобы она ничего не опасалась; что несмотря на злословіе цѣлаго свѣта, онъ не повѣритъ ни одному слову, которое бы бросило тѣнь на нее, что онъ ее слишкомъ хорошо знаетъ, и что всѣ эти розсказы дьявольская ложь, придуманная для того, чтобы ихъ поссорить, но что съ Божьею помощью это никому не удастся (дай-то Господи, замѣтила при этомъ Шарлотта). Алексѣй выражалъ надежду, что скоро будетъ имѣть возможность ее обнять и доказать ей, что онъ никогда ее не забывалъ, какъ она жаловалась въ письмѣхъ къ нему, что, напротивъ, онъ ее любитъ болѣе чѣмъ когда-либо и не можетъ дожидаться минуты свиданія послѣ такой продолжительной разлуки.

То же самое царевичъ поручилъ Вейсбаху передать на словахъ. «Съ тѣхъ поръ какъ Вейсбахъ сказалъ мнѣ это, писалъ Шарлотта матери, и передалъ мнѣ дорогое письмо, мнѣ кажется, что все, что онъ ни дѣлалъ, было хорошо, и его поведеніе мнѣ представляется въ лучшемъ свѣтѣ, тогда какъ прежде я имѣла къ нему настоящую антипатію. Теперь же, напротивъ, я полагаю, что скоро также стану говорить, будто я въ него влюблена».

Особенно успокоилъ Шарлотту случай, рассказанный ей Вейсбахомъ и убѣдившій ее, что Алексѣй очень близко принимаетъ къ сердцу все, что ея касается, и съ рыцарскимъ чувствомъ защищаетъ ее отъ всякихъ нареканій. Вейсбахъ лучше другихъ иностранныхъ говорилъ по-русски; это дало ему возможность болѣе сблизиться, какъ съ царевичемъ, такъ и съ русскими офицерами подъ Штетиномъ, и одинъ изъ нихъ, князь Голицынъ, передалъ ему разсказъ, столь обрадовавшій кронпринцессу. Она уже прежде слышала, что ея супругъ сильно поссорился съ княземъ Меншиковымъ, но ей не удалось узнать причину. Теперь ей стало извѣстно, что поводомъ къ этой ссорѣ была она сама.

Однажды Меншиковъ угощалъ въ лагерѣ царевича и высшихъ офицеровъ: разговоръ коснулся кронпринцессы и ея двора, и Меншиковъ сталъ говорить о послѣднемъ въ очень не лестныхъ выраженіяхъ. Онъ утверждалъ, что лица, составлявшія дворъ Шарлотты, народъ грубый, невѣжливый, непріятный и во всему относящійся съ насмѣшкой. (Онъ не ошибся въ этомъ, прибавила отъ себя Шарлотта, хотя относительно его и его свиты всѣ были чрезвычайно вѣжливы.)

Меншиковъ удивлялся тому, что царевичъ можетъ терпѣть вокругъ своей супруги такой народъ, который ее совершенно испортить. Царевичъ возразилъ, что эти упреки несправедливы, и что онъ хорошо знаетъ придворныхъ своей жены. Потомъ прибавилъ, что если они нравятся его супругѣ, то этого для него достаточно, чтобы быть ими довольнымъ. А что они могутъ испортить его жену, то этого нечего бояться; не такой у нея нравъ, чтобы она дала себя испортить и измѣнить къ худшему. «Ты слѣпъ къ своей женѣ, сказалъ на это Меншиковъ, она тщеславна». — «Знаешь ли ты, кто моя жена, перебилъ его съ поспѣшностью царевичъ, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?» — «Я это очень хорошо знаю, возразилъ Меншиковъ, но помнишь ли ты, кто я?» — «Конечно, сказалъ царевичъ, ты былъ нѣтъ и по милости моего отца ты сталъ тѣмъ, что ты есть». — «Я твой попечитель (*ton gouverneur*), замѣтилъ Меншиковъ и тебѣ не слѣдуетъ со мною такъ говорить.» Царевичъ расхохотался: «Ты былъ моимъ попечителемъ, теперь же ты уже не мой попечитель, ибо, слава Богу, я самъ умѣю позаботиться о себѣ; но скажи мнѣ, что у тебя противъ моей жены.» — «Что у меня противъ нея, отвѣтилъ Меншиковъ; она высокомерная нѣмка, и все оттого, что она въ родствѣ съ императоромъ; но отъ этого родства ей впрочемъ будетъ мало проку; а во-вторыхъ, она тебя не любитъ, и она права въ этомъ, ибо ты обращаешься съ ней очень дурно, кромѣ того что ты своимъ видомъ не можешь возбуждать любви.» — «Кто сказалъ, что она меня не любитъ?» воскликнулъ царевичъ. «Я очень хорошо знаю, что это неправда; я ею очень доволенъ и убѣжденъ, что и она мною довольна. Да сохранить Господь ей жизнь, я буду съ нею очень счастливъ.» — «Я своими глазами убѣдился въ противномъ, возразилъ Меншиковъ, она тебя не любитъ. Плакала она, когда ты уѣзжалъ, отъ досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько не отъ любви къ тебѣ». — «Не стѣбля ты того, чтобы на нее смотрѣть, сказалъ царевичъ: ей нравъ очень вротокъ, и хотя она не моей вѣры, я долженъ однако сознаться, что она очень благочестива. Что она меня любитъ, въ этомъ я увѣренъ, ибо ради меня она все покинула, и въ томъ также я увѣренъ, что она честна; впрочемъ неудивительно, что ты такъ говоришь, ибо ты судишь объ имперскихъ княжнахъ по тѣмъ, которыя у насъ, и особенно по твоей роднѣ, которая никуда не годится, также какъ и твоя Варвара (сестра жены Меншикова). У тебя змѣиный языкъ и поведеніе твое неблагородно. Я надѣюсь, что ты скоро попадешь въ Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и кто впредь мнѣ станетъ говорить что-нибудь противъ нея,

того я буду считать отъявленнымъ врагомъ. Вы же, сказалъ царевичъ обращаясь къ офицерамъ, если вы мнѣ друзья и осуждаете то, что говорилъ Меншиковъ, выпейте со мною за здравіе, которое я провозглашу». Сказавъ это, царевичъ велѣлъ наполнить себѣ стаканъ, а также и всѣмъ офицерамъ, и выпилъ за здоровье кронпринцессы. Всѣ офицеры сдѣлали то же самое и бросились потомъ къ ногамъ царевича. Меншиковъ ничего не промолвилъ, но всталъ со стола съ очень озабоченнымъ лицомъ.

«Эта ссора и огорченіе, которое имѣлъ мой дорогой царевичъ, писала Шарлотта матери, меня очень смущали, но я чрезвычайно довольна, что весь лагерь, такъ сказать, видѣлъ и слышалъ, какъ онъ меня любитъ. Друзья князя распустили потомъ слухъ, будто онъ говорилъ все это нарочно для того, чтобы выставить на видъ расположеніе ко мнѣ царевича. Если это правда, то я буду ему безконечно обязана. Вейсбахъ меня убѣждаетъ, что весь народъ (русскій) меня очень полюбилъ, и потому онъ сомнѣвается, чтобы царь могъ сказать, что если бы онъ не былъ женатъ, а я еще не замужемъ, то онъ взялъ бы меня за себя¹⁾. Царица вездѣ говорила, что она меня нѣжно любитъ; но ради Бога сохраните все это въ самой глубокой тайнѣ, ибо здѣсь запрещено говорить объ этомъ подъ страхомъ смерти».

Всѣ эти волненія должны были навѣять на Шарлотту въ ея уединеніи невыносимую тоску. Сначала ей хотѣлось уѣхать къ мужу въ Померанію, и она просила царицу, когда та проѣзжала черезъ Эльбингъ, выхлопотать ей позволеніе на это. Но Екатерина совѣтовала ей оставаться, на томъ основаніи, что царь не можетъ дать ей экипажей; а у царевича ихъ недостаточно. Притомъ она общалась непременно устроить, чтобы Алексѣя отпустили въ Эльбингъ.

Когда поѣздя въ Померанію сдѣлалась невозможною, Шарлотта стала мечтать о путешествіи въ Вольфенбюттель. Не одно только желаніе повидаться въ послѣдній разъ съ родственниками влекло ее теперь тѣда; ей надо было оправдаться передъ матерью, убѣдить ее, что она своимъ поведеніемъ не подавала никакого повода къ сплетнямъ, выяснитъ накопившіяся недоразумѣнія и запастись совѣтами. Она обратилась къ Вему и его женѣ, которые оба были любимцами царицы, и просила ихъ похлопотать, чтобы въ случаѣ, если бы царевичъ не получилъ отпуска, ей поз-

¹⁾ Weisbach m'assure aussi, que généralement toute la nation avoit prise une sy grande amitié pour moy que ce n'étoit pas croyable que le czaar avoit dit, sy je n'avois pas de femme et que je fus a marier, qu'il m'auroit.

волии съѣздить въ Вольфенбюттель. Она обѣщала, что эта поездка ничего не будетъ стоить царю и что она вернется до окончанія похода. Но Шарлотта получила въ отвѣтъ, чтобы она объ этомъ лучше не упоминала, ей этого никогда не позволять и ея просьба только подастъ поводъ къ тысячи непріятнымъ для нея заключеніямъ.

Тревожное состояніе кронпринцессы достигло высшей степени, когда въ началѣ сентября она узнала, что русскія войска собираются сдѣлать высадку на островъ Рюгенъ, и что при десантномъ отрядѣ долженъ будетъ находиться царевичъ. Кромѣ того, передъ высадкой надо было дать сраженіе шведскому флоту, охранявшему проливъ. «Я могу сказать по опыту, писала въ то время Шарлотта къ матери, что пока живешь на этомъ свѣтѣ, вся перемена въ нашемъ бѣдственномъ положеніи заключается лишь въ томъ, что одно огорченіе замѣняется другимъ; какъ только покажется, что можно нѣсколько успокоиться, насъ уже ожидаетъ другое несчастіе. И моя участь такова. Хотя царевича и не было со мной, я до сихъ поръ не испытывала другого огорченія, кромѣ чувства разлуки съ нимъ, что мнѣ было впрочемъ достаточно больно; но я утѣшалась изъ дня въ день тѣмъ, что его скоро увижу; кромѣ того я знала, что онъ не подвергается никакой опасности; теперь же мои надежды замѣнились смертельнымъ страхомъ, такъ какъ царевичу приказано участвовать въ высадкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я получила эту страшную новость, я не знаю, что съ собою дѣлать, въ такомъ я невыразимомъ страхѣ за него. Царь захочетъ, чтобы онъ подвергалъ себя всѣмъ опасностямъ, для того, чтобы все видѣть и все испытать; однимъ словомъ, я боюсь всего худшаго; но въ то же время я уповаю на Господа и убѣждена, что онъ слишкомъ справедливъ, чтобы повергнуть меня въ безысходное несчастіе, отнявши у меня супруга».

Къ этой тревогѣ присоединялась у крон-принцессы досада, что ея родственники, противъ ея ожиданія, не привлекли къ отвѣтственности Шлейница, который продолжалъ пользоваться довѣріемъ стараго герцога. Она съ своей стороны твердо рѣшилась раздѣлаться съ нимъ. Въ началѣ сентября она извѣстила его, что ея казна слишкомъ бѣдна, чтобы выплачивать ему жалованье, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ прибылъ къ ея двору, гдѣ всѣ дѣла, по случаю отсутствія оберъ-гофмейстера, пришли въ расстройство. И такъ какъ трехгодичный срокъ его службы, опредѣленный въ условіи, теперь истекъ, то она предоставляетъ ему право искать себѣ другую службу, будучи увѣрена въ его честности и въ томъ, что онъ, вслѣд-

ствіе этого, очень неохотно пользовался своимъ окладомъ, не имѣя возможности оказать своей госпожѣ ни малѣйшей услуги.

Но Шлейницъ не желалъ лишиться своего мѣста безъ всякаго вознагражденія. Онъ требовалъ, чтобы кронпринцесса предоставила ему при отставкѣ званіе камергера съ ключомъ. Мать царевны поддерживала это требованіе. Возражая матери, Шарлотта писала, что она съ удовольствіемъ согласилась бы на просьбу Шлейница, но послѣ всего, что онъ сдѣлалъ, онъ не заслужилъ отличіе, которое дается только тому, кто хорошо исполнялъ службу и самъ выходитъ въ отставку. «Шлейницъ же не перестанетъ дурно говорить обо мнѣ, продолжала принцесса. Если онъ получитъ это званіе, то будетъ утверждать, что самъ пожелалъ отставки, и что ему дали званіе камергера изъ страха, чтобы онъ не говорилъ ничего обо мнѣ. Впрочемъ, если вы этого желаете, я съ удовольствіемъ соглашусь на его просьбу».

Въ октябрѣ, въ сѣверной Польшѣ, гдѣ стояло нѣсколько русскихъ отрядовъ, произошло передвиженіе войскъ. Турція настаивала на основаніи прутскаго договора на томъ, чтобы русскія войска вышли изъ Польши, и отправила туда пашу, чтобы убѣдиться въ точномъ исполненіи этихъ условій. Поэтому начальнику русскаго отряда, стоявшаго въ Эльбингѣ, былъ данъ приказъ отступить съ своими солдатами въ Ригу. Бригадиръ Балкъ, который былъ присланъ Петромъ въ Эльбингъ съ этимъ распоряженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ Шарлоттѣ письмо отъ царя, въ которомъ онъ просилъ ее отправиться вслѣдъ за отрядомъ въ Ригу и Петербургъ.

Это извѣстіе привело ее въ величайшее волненіе. Шарлотта, не говоря уже о ея молодости и неопытности, была по природѣ очень робка и мнительна, при малѣйшей неудачѣ представляла себѣ все въ черномъ цвѣтѣ и разстроивала себя еще болѣе своими жалобами и слезами. Кромѣ того у нея былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые не умѣютъ примѣниться ни къ новымъ людямъ, ни къ новымъ обстоятельствамъ; а ей выпала на долю еще болѣе трудная задача, примѣниться къ новому отечеству и къ совершенно чуждой ей національности. Притомъ, въ петровское время различіе между западнымъ человѣкомъ и русскимъ было гораздо существеннѣе, чѣмъ теперь, и разстояніе между ними поддерживалось взаимнымъ непониманіемъ и недоверіемъ.

Само первое знакомство кронпринцессы съ ея новыми соотечественниками не могло внушить ей особеннаго расположенія къ нимъ и дать ей вѣрное понятіе о народѣ. Первые русскіе, которыхъ она узнала ближе, были офицеры и солдаты

Зальмбгскаго гарнизона, жившіе среди враждебнаго къ нимъ населенія. Въ виду этого не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать Шарлотту за странныя понятія о русскомъ характерѣ, которыя она создала себѣ до своего пріѣзда въ Россію.

«Безъ надежды на вашу ко мнѣ любовь», писала она своему отцу 23 октября 1712 г., «то далекое и страшное разстояние отъ васъ, казалось бы мнѣ еще невыносимѣе. Я никогда не составляла себѣ слишкомъ выгоднаго понятія о Россіи и ея жителяхъ, но то, что я увидѣла, превзошло мои ожиданія. Нужно жить среди русскихъ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они господствуютъ, чтобы ихъ хорошенько узнать. Для того, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе, необходимо сдѣлаться русскимъ и по духу и по нраву, и даже въ такомъ случаѣ это не всегда удается, ибо если существуетъ народъ, котораго трудно къ себѣ расположить, такъ это именно нашъ (т.-е. русскій). Они въ высшей степени корыстны, и если одолажешь ихъ чѣмъ-нибудь, то они полагаютъ, что рассчитываешь на ихъ благодарность, и тогда они начинаютъ ненавидѣть лицо, которое ихъ облагодѣтельствовало. Доставивши имъ какое-нибудь удовольствіе, вы должны еще относиться къ нимъ съ тою признательностью, которую могли бы отъ нихъ ожидать — и благодарить ихъ за то, что они приняли подарокъ, иначе они очень обидятся. Понятія ихъ очень спутаны, самые ужасные бутежи распространены между ними, во время богослуженія и молитвы они ведутъ себя чрезвычайно легкомысленно (*fort cavalièrement*), нечистоплотность ихъ доходитъ до крайнихъ размѣровъ; нѣтъ области въ Германіи, жители которой не были бы болѣе образованы русскихъ, т.-е. тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не видѣли, кромѣ своей родины, — однимъ словомъ, это очень непривлекательный народъ. Нужно любить царевича, моего супруга, такую полною любовью, какую я въ нему питаю, иначе я имѣла бы много причинъ содрогаться при мысли о продолженіи моего путешествія. Но находя въ царевичѣ столько и даже больше хорошихъ качествъ, чѣмъ дурныхъ у народа, я считаю большимъ счастьемъ, что буду жить среди людей, которые обладаютъ тѣмъ отличнымъ свойствомъ, что глубоко преданы своему государю. Поэтому и я люблю русскихъ, ибо нѣтъ такого ужаснаго мѣста на цѣломъ свѣтѣ, куда бы я не отправилась съ удовольствіемъ, сопровождая царевича.

«Къ сожалѣнію онъ все еще въ Помераніи, и я не знаю, когда буду имѣть удовольствіе увидѣть его послѣ полугодовой разлуки. Завтра этотъ городъ будетъ уступленъ саксонцамъ, но нашъ гарнизонъ гораздо сильнѣе и красивѣе, чѣмъ тотъ, кото-

рый долженъ сюда вступить. Нашъ состоитъ изъ 1500 отборныхъ солдатъ, у саксонцевъ 500 человѣкъ совершенно обичавшихъ; имъ давно пора было придти сюда, чтобы нѣсколько оправиться. Поляки и король прусскій сдѣлали все возможное, чтобы овладѣть городомъ, но онъ достался пока саксонцамъ.... Я уѣду отсюда, какъ только получу деньги».

Въ такомъ же родѣ, но еще болѣе разочарованное другое письмо кронпринцессы къ отцу, отъ 29 ноября:

«Если бы я въ моемъ горѣ не имѣла счастья получать отъ васъ удостовѣреніе въ вашей ко мнѣ милости и въ вашемъ расположеніи я, безъ сомнѣнія, давно бы погибла; но эта увѣренность спасаетъ меня отъ неминуемаго отчаянія, въ которое я уже на половинѣ погружена, не зная, какимъ способомъ отъ него избавиться. Мое положеніе гораздо печальнѣе и ужаснѣе, чѣмъ можетъ представить себѣ чье-либо воображеніе. Я замужемъ за человѣкомъ, который меня никогда не любилъ, а теперь любить еще менѣе чѣмъ когда-либо: несмотря на это, я къ нему привязана, потому что это мой долгъ, и слава Богу, я ему не дала никакого повода сомнѣваться въ этомъ, или думать противное. Царь ко мнѣ милостивъ, его жена также, но подъ рукою онъ мнѣ вредитъ всевозможнымъ образомъ, ибо она ненавидитъ меня теперь столько же, сколько мнѣ приходится ее опасаться, т. е. болѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить. Народъ еще можно бы было расположить къ себѣ, еслибы не эта антипатія къ нѣмцамъ, прирожденная у русскихъ (*qui leur est tout naturelle*), которая представляетъ мнѣ непреодолимое препятствіе; уже не говоря о томъ, что лютеране въ ихъ глазахъ не много лучше самого дьявола; по крайней мѣрѣ они ихъ столько же ненавидятъ и считаютъ себя оскверненными ихъ прикосновеніемъ. У насъ полагаютъ, что русскіе искренны и вѣрны, но я могу увѣрить васъ, что у нихъ нѣтъ ни одного изъ этихъ качествъ; напротивъ, они лицемерны и вѣроломны, и только строгость, съ которою царь наказываетъ тѣхъ, кто обнаруживаетъ эти свойства, заставляетъ ихъ надѣвать личину, отъ которой они очень выигрываютъ и представляются совершенно иными въ глазахъ цѣлаго свѣта.

«Наконецъ, мои собственные слуги таковы, что хуже ихъ нельзя было бы найти. Они не щадятъ меня, лишь бы имъ можно было повредить другъ другу, и для достиженія своихъ цѣлей они готовы бы были меня продать. Я это недавно испытала, ибо для того, чтобы удалить отъ двора Пельница, они не придумали ничего лучшаго, какъ нанести мнѣ самое чувствительное оскорбленіе и сочинили самую черную и злую клевету. Они были со-

вершенно увѣрены въ успѣхъ своего дѣла, ибо еще въ Торнѣ я не разъ говорила, что если бы я когда-нибудь имѣла несчастіе сдѣлаться жертвою подобной клеветы, то человѣку, на котораго бы указывало злословіе, не одобровать. Даже если бы онъ былъ совершенно невиненъ, я бы его возненавидѣла, какъ самаго опаснаго и отвѣщеннаго врага. И дѣйствительно, какъ скоро до меня дошла эта ужасная клевета, я тотчасъ же пожелала избавиться отъ П.»

Изъ этого же письма видно, что не только старый герцогъ продолжалъ быть недовольнымъ внучкою, не хотѣлъ слышать о ней, но и мать на нее, наконецъ, такъ разсердилась, что перестала ей писать. Причина неудовольствія, повидимому, заключалась въ томъ, что Шарлотта все еще не рѣшалась отправить Пельница въ Вольфенбюттель, боясь, что его тамъ подвергнуть слѣдствію и такимъ образомъ только раздуютъ дѣло, которое слѣдовало заглушить молчаніемъ.

Вслѣдствіе этого Шарлотта стала снова объяснять своему сыну, почему она не считала возможнымъ выслать Пельница въ Вольфенбюттель.

«Если не ошибаюсь, писала она, я нѣсколько разъ увѣряла въ своихъ письмахъ, что непременно удалю П., но къ несчастію мнѣ не повѣрили. Теперь снова увѣряю васъ въ этомъ и льщу себя надеждой, что вы мнѣ наконецъ повѣрите. Я отпущу его здѣсь и еще до истеченія 8 дней. Я давно уже это порѣшила и никогда не имѣла намѣренія брать его съ собою въ Петербургъ или хоть бы до Риги.

«Я не настолько врагъ своего добраго имени, чтобы погубить себя и свою семью изъ одного легкомыслія. Напротивъ, я въ отчаяніи, что вездѣ идутъ толки объ этихъ сплетняхъ, но, если мнѣ позволятъ сказать правду, не вышло ли все изъ того, что въ Вольфенбюттелѣ надѣлали столько шума, допросили, посредствомъ лакеевъ, Ларивона, этого злополучнаго мальчугана, а потомъ собрали тайный совѣтъ и предложили ему вопросъ, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Конечно уже, если бы я была способна къ такому преступленію, то было бы лучше скрыть его и заглушить. Если бы я знала за собой прежде или теперь хоть малѣйшій поступокъ, который могъ бы дать поводъ къ такому злословію, я бы вѣчно раскаявалась и сожалѣла объ этомъ, и не жаловалась на моихъ жестокихъ враговъ. Самыхъ умныхъ людей обстоятельства иногда вводятъ въ заблужденіе, и послѣ столькихъ примѣровъ не удивительно, что меня считали виновною, но, какъ предъ Богомъ, клянусь вамъ, что не разъ я спрашивала себя, не подавала ли я повода къ такимъ раз-

скажамъ, и никогда я не чувствовала за собой ни малѣйшей вины. Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе назвавши тѣхъ, кто распространяетъ такіа сплетни; но такъ какъ мнѣ отказали въ этой просьбѣ, то я ее больше не повторяю и довольствуюсь счастіемъ, что могу исполнить волю вашей свѣтлости и волю моей матери. Увѣряю васъ, что я ничего такъ не желаю, какъ доказать вамъ мое послушаніе, которое я буду оказывать вамъ до конца моей жизни, хоть бы я сдѣлалась императрицей всего земного шара. Я бы давно доказала вамъ это, но я знаю царевича, моего супруга, и Россію лучше, чѣмъ кто-либо другой и дай Богъ, чтобы мое опасеніе не оправдалось.

«Въ знакъ моего послушанія я оставляю у себя Бондентъ сестру Бранденштейна, пока онѣ захотятъ оставаться у меня несмотря на всѣ неприятности, которыя онѣ дѣлаютъ мнѣ моимъ придворнымъ. Я даже буду считать ихъ преданными себѣ. Что же касается до Мейера, то Бранденштейнъ уже недѣлю двѣ тому назадъ писалъ гофмейстеру Шлейницу, чтобы онъ далъ ему отставку, ибо сама я этого не могу сдѣлать, а онъ не принялъ бы ея ни отъ кого изъ придворныхъ и только бы оскорбилъ того, кто отнесся бы къ нему съ такимъ дѣломъ. Несмотря однако на это, я ожидаю, что онъ явится сюда, ибо онъ изумительно хвастается милостями, которыя ему оказываютъ въ Брауншвейгѣ. Если онъ возвратится сюда, то, безъ сомнѣнія, Бранденштейнъ, Бломбергъ и всѣ занимающіе второстепенныя должности уйдутъ отъ меня; тѣмъ не менѣе я исполню все, что ваша свѣтлость сочтетъ нужнымъ и прикажетъ мнѣ.»

Какого рода были требованія съ вольфенбюттельской стороны, изъ письма не видно; вѣроятно они касались отношенія Шарлотты къ различнымъ придворнымъ, замѣшаннымъ въ исторію Пельница. Кронпринцесса наконецъ рѣшилась уступить въ этомъ случаѣ своей семьѣ. Всего болѣе ее побуждало къ этому неудовольствіе матери, дошедшее до того, что Шарлотта не рѣшалась ей писать. Послѣднія письма ея всѣ были адресованы къ отцу. Въ приведенномъ выше письмѣ она умоляла отца примирить ее съ матерью: «Богу извѣстно, что это неудовольствіе меня болѣе огорчаетъ, чѣмъ мое несчастіе и даже чѣмъ эта жестокая клевета. Что касается до герцога, то я не питала надежды когда-нибудь получить его прощеніе, хотя Богъ свидѣтель, что я лишилась его милости совершенно невинно, ибо я тогда такъ поступила, опасаясь моей гибели, которую я и теперь считаю неизбежною, впрочемъ всемогущій Богъ можетъ все измѣнить».

Положеніе принцессы было въ то время дѣйствительно очень жалкое. Уже 8 мѣсяцевъ она была въ разлуцѣ съ мужемъ, и

извѣстія, которыя доходили до нея о его лагерной жизни, не были утѣшительны. Ее стали также тревожить слухи будто бы царица, которая выказывала ей въ Эльбингѣ такую нѣжность, начинаетъ ей завидовать и относиться къ ней враждебно. Шарлотта была совершенно искренна, когда называла себя «самой несчастной женщиной на свѣтѣ, находящейся вдали отъ отечества и отъ дорогихъ родственниковъ, въ странѣ гдѣ ее не любятъ». «Милость царя, писала она, можетъ измѣниться, расположение царевича ко мнѣ не слишкомъ велико, я окружена людьми, которые меня приводятъ въ отчаяніе своимъ дурнымъ поведениемъ и образомъ жизни, зависть царицы сильнѣе, чѣмъ ея дружба ко мнѣ, злословіе коснулось меня самымъ чувствительнымъ образомъ, поведение мое, всегда безукоризненное, теперь совершенно очернено злыми языками и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ пердогъ хочетъ меня бросить и не хочетъ слышать обо мнѣ.»

Такъ какъ ко всему этому присоединилась ссора съ матерью, которая также перестала писать, то было естественно, что Шарлотта не выдержала и рѣшилась во что бы то ни стало передъ отъѣздомъ въ Россію повидаться съ семьею. Рѣшилась она на это повиданію внезапно, въ началѣ декабря, вскорѣ послѣ приведеннаго нами письма къ отцу, гдѣ она просила его примирить ее съ матерью. Еще 28-го октября Шарлотта думала ѣхать въ Россію и писала Петру: «вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли не оставила-бъ, какъ того моя должность (т.-е. мой долгъ) и требуетъ исполнить и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги придутъ, то и я, какъ въ прочемъ и омажу, что вашего Ц. В. указъ отъ меня ненарушимо сохранъ будетъ» ¹⁾).

Что Шарлотта рѣшилась на свою поѣзду въ Брауншвейгъ внезапно, доказывается тѣмъ, что она не только не испросила позволенія царя—въ этомъ случаѣ она могла опасаться, что ей будетъ отказано—но и не заручилась согласіемъ своихъ родителей. 13-го декабря она прямо извѣстила своего отца, что намѣрена чрезъ нѣсколько дней выѣхать въ Вольфенбюттель. «Такъ какъ, писала она, разстояніе между нами еще не слишкомъ велико, а царевичъ, мой супругъ, занятъ войною, то я бы сочла за грѣхъ, если бы не воспользовалась случаемъ повидаться съ

¹⁾ Изъ Брауншвейгскихъ дѣлъ 1712-го г., у Соловьева, ХУІІ, 145.

вами еще одинъ разъ въ жизни. Это единственное счастье, которое мнѣ остается на этомъ свѣтѣ, и оно такъ велико, что можетъ утѣшить меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и заставить забыть ихъ на нѣкоторое время».

Шарлотта просила отца въ этомъ письмѣ не сердиться за то, что она выѣзжаетъ не дождавшись его позволенія, «такъ какъ въ ожиданіи его согласія она можетъ быть была бы принуждена отправиться въ Ригу». Вѣроятно она въ то время уже знала, что Петръ, отправивши жену и сына въ Россію, велѣлъ имъ по дорогѣ заѣхать въ Эльбингъ и взять съ собою Шарлотту. Когда въ концѣ декабря Екатерина и царевичъ прибыли въ Эльбингъ, они тамъ уже не нашли Шарлотты.

Въ первыхъ числахъ января кронпринцесса была въ Магдебургѣ, недалеко отъ Брауншвейга. Тамъ она получила письмо отъ отца, которое разсѣяло ея страхъ, что ея пріѣздомъ будутъ недовольны, и такимъ образомъ «устранило единственное препятствіе, нарушавшее пріятную надежду свиданія».

Но своею неожиданною поѣздкою на родину, Шарлотта навлекла на себя неудовольствіе своего дѣда, Антона-Ульриха, который вообще не одобрялъ ея дѣйствій, а особенно боялся, чтобы самовольный отъѣздъ внучки не испортилъ ея отношеній къ царю.

Въ письмѣ отъ 24-го января герцогъ жаловался на внучку своему старому другу Лейбницу, котораго онъ въ шутку называлъ русскимъ Солономъ, и писалъ ему, что кронпринцесса теперь очень бы нуждалась въ его мудромъ совѣтѣ, такъ какъ она, стосковавшись по родственникамъ, очень не встаети (*mal-à-propos*) пріѣхала въ Вольфенбюттель. Лейбницъ старался утѣшить герцога. «Если нельзя похвалить возвращеніе кронпринцессы, писалъ онъ, то и не слѣдуетъ слишкомъ осуждать ее за это, такъ какъ ей приходилось вдругъ удалиться на такое разстояніе отъ своихъ высокихъ родственниковъ и можетъ быть даже безъ надежды на свиданіе. Это можетъ послужить къ тому, что все лучше устроится. Но необходимо, чтобы принцесса не была слишкомъ долго разлучена съ своимъ супругомъ.»

Между тѣмъ Антонъ-Ульрихъ отправилъ къ царю въ Фридрихштатъ своего камеръ-юнкера фонъ-Крама съ письмомъ, въ которомъ оправдывалъ поступокъ внучки. Петръ отвѣтилъ, что онъ давно сдѣлалъ нужныя распоряженія о своевременной выдачѣ денегъ кронпринцессѣ, но что деньги не были доставлены—вѣроятно вслѣдствіе теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ или потому, что въ Москвѣ не представилось случая переслать ихъ кронпринцессѣ. Однако царь недоумѣваетъ, ка-

нимъ образомъ это обстоятельство могло заставить кронпринцессу внезапно уѣхать въ Брауншвейгъ, не предупредивши его. Петръ присовокупилъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о переходѣ денегъ черезъ гамбургскаго банкира Поппе, и выразилъ надежду, что Шарлотта по полученіи ихъ выѣдетъ въ Петербургъ¹⁾.

Невѣстѣ же своей Петръ писалъ: «Вашей любви къ намъ отправленное писаніе, отъ 17-го генвара, получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншви́гъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ жить никогда не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобы и то насъ къ такой скорой резолюціи привести могло. Сожительница ваша съ кронпринцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петербургъ предвоспріяла, куда, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете».

Но Шарлоттѣ нельзя было выѣхать изъ Брауншвейга по недостатку денегъ. Она нѣсколько разъ писала къ царю, оправдывая свой отъѣздъ и объясняя свое положеніе. Ея письма очевидно смягчили гнѣвъ царя, и 11-го февр. Петръ написалъ ей болѣе ласковое письмо: «Вашей любви различныя отправлены къ намъ писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншви́гъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда (слѣдуетъ читать Лёвенвольда) отправлены, нынѣ уже исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ альбертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспримите, куда и сожительница наша и кронпринцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, а во же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ

¹⁾ Какъ нуждалась Шарлотта въ деньгахъ видно изъ счетовъ Мейера. Со дня свадьбы до 25 янв. 1718-го г. ей слѣдовало получить на содержаніе двора—62,500 тал. Вместо этого ей было выдано: тотчасъ послѣ свадьбы . . . 12,500 т.

Меншиковымъ въ маѣ 1712-го года 5,000 р.

Въ Эльбингѣ въ іюлѣ 10,000 «

т.е. считая рубли за талеры, около 27,500 т. См. Устрялова Т. VI, стр. 316.

потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ пребывая вашей любви дружелюбно склонный отецъ».

До полученія этого письма старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ былъ въ большой тревогѣ относительно своей внучки. 23-го февр. новаго стиля ¹⁾ онъ писалъ объ этомъ Лейбницу въ Вѣну: «Наша царевна все еще здѣсь съ моего согласія, но вопреки моему совѣту. Она не встаети стосковалась по родинѣ, не встаети требуетъ отъ царя невыплаченныхъ ей денегъ и вѣроятно не встаети выйдетъ отсюда, когда въ Польшѣ начнутся военныя дѣйствія. Когда дѣти умничаютъ и хотятъ сами собою управлять, это рѣдко ведетъ къ добру ²⁾». Но письмо Петра успокоило родственниковъ Шарлотты. Они желали только, для полного примиренія царя съ невѣсткою, имѣть возможность повидѣться съ нимъ, оправдать Шарлотту и при себѣ устроить ея свиданіе съ тестемъ.

Для этого представлялся удобный случай, такъ какъ въ то время Петръ собирался навѣстить ганноверскаго курфирста, чтобы лично переговорить съ нимъ о военныхъ мѣрахъ противъ шведовъ. Поэтому нужно было упросить царя, чтобы онъ изъ Ганновера пріѣхалъ въ Вольфенбюттель или Брауншвейгъ, и Шарлотта написала по этому поводу къ канцлеру Головкину: «Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобы его царское величество не проѣхалъ мимо насъ; прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ черезъ Брауншвейгъ, и герцогъ, и мой отецъ и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услышать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость назначить мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться».

1-го марта 1713-го года, Петръ пріѣхалъ въ Ганноверъ и былъ принятъ съ большою торжественностью. Съ обычною своею

¹⁾ Слѣдовательно 12-го февр. стараго стиля и до полученія въ Вольфенбюттель приведеннаго царскаго письма отъ 11-го февраля.

²⁾ Unsere Zarowitzin ist noch immer hier nicht meo consilio, sed tolerantia. Sie hat zur unzeit das Heimwehe bekommen, verlangt zur unzeit von Zar ihre nachständige Gelder, und möchte auch wol zur unzeit wieder abreisen, wan es in Polen unruhiger seilte werden. Wan Kinder überklug sein und sich selbst regieren wollen, gehet es selten wol ab.

дѣтельностью, онъ на другой день осмотрѣлъ всѣ церкви и протѣ достопримѣчательности; онъ пробылъ въ Ганноверѣ до 4-го числа, такъ какъ ему пришлось заказать себѣ тамъ черное платье, по случаю смерти королевы прусской.

Изъ Ганновера Петръ былъ намѣренъ заѣхать въ Брауншвейгъ.

3-го марта Антонъ-Ульрихъ извѣстилъ объ этомъ Лейбница. «Царь, который теперь находится въ Ганноверѣ, завтра придетъ ко мнѣ въ Зальцдалъ. Онъ наказалъ *царевну* за ея опрометчивое рѣшеніе (*praeicipitae resolution*), которое было исполнено безъ его вѣдома, такимъ образомъ, что, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ, назначилъ ей 40,000 рублей, которые она можетъ употребить на свое возвращеніе въ Петербургъ».

Царь сдержалъ слово, пріѣхалъ въ Брауншвейгъ, ласково общелся съ невѣсткою и ея родными, и прогостилъ у нихъ нѣсколько дней. Старый герцогъ успокоился и поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ Лейбницемъ: «Царь былъ на этой недѣлѣ въ Зальцдалѣ и у насъ въ Брауншвейгѣ, писалъ Антонъ-Ульрихъ 10-го марта. Здѣшняя галлерей и опера ему очень понравились, и вообще онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа¹⁾. Къ царевнѣ онъ былъ очень милостивъ, щедро награждать ее и уговаривалъ ее поторопиться своею поѣзdkой въ Москву. На слѣдующей недѣлѣ она дѣйствительно отправится въ путь, и повидимому навсегда оставитъ Европу» (*und aller apparentz nach Europa auf ewig verlassen*). Выразая въ своемъ отвѣтѣ на это письмо удовольствіе, что герцогу удалось все уладить, предусмотрительный Лейбницъ высказалъ надежду, что кронпринцесса имѣла возможность лучше организовать свой придворный штатъ, и присовокупилъ къ этому совѣтъ, что ея высочество хорошо бы сдѣлала, еслибы на первое время не брала слишкомъ много людей въ Москву».

Шарлотта однако не послѣдовала этому мудрому совѣту. Какъ велико было число придворныхъ, которыхъ она повезла съ собою въ Россію, намъ въ точности неизвѣстно. Въ архивѣ сохранился только списокъ лицъ, оставленныхъ ею въ Эльбингѣ, въ то время когда она сама уѣхала впередъ въ Ригу. Изъ числа

¹⁾ Антонъ-Ульрихъ, подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ князьямъ, подражалъ Людовику XIV-му въ устройствѣ своего загороднаго замка. Большая зала въ зальцдаменской галлерей, въ 200 ф. длины и 40 ф. вышины, соперничала съ знаменитою *Gallerie des glaces* въ Версали. Въ этой залѣ помѣщалась картинная галлерей Антона-Ульриха, которая кромѣ того занимала еще другую просторную залу. Въ сосѣднихъ комнатахъ помѣщались другія собранія рѣдкостей и различныхъ художественныхъ произведеній.

39-ти лицъ, показанныхъ въ этомъ спискѣ, только 7 принадлежали собственно къ придворному штату — шталмейстеръ, пасторъ съ женою, докторъ и 2 пажа съ ихъ учителемъ, всѣ остальные составляли прислугу. Въ послѣдній годъ жизни еронпринцессы штатъ состоялъ изъ 110-ти человекъ, включая сюда отсутствовавшаго обергофмейстера, 2-хъ заграничныхъ агентовъ многочисленную низшую прислугу — «хлопцевъ», которые вѣроятно были наняты въ Петербургѣ.

Самымъ близкимъ изъ всѣхъ лицъ, послѣдовавшихъ за Шарлоттою въ Россію, была для нея ее кузина — Юліана Луиза принцесса остфрисландская, которая сопровождала ее изъ распоряженія къ ней, вопреки совѣтамъ своихъ родственниковъ.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ интимныхъ отношеніяхъ принцессу впослѣдствіи обвиняли въ томъ, что она много содѣйствовала разладу между Шарлоттой и царевичемъ, что она была мрачнаго характера, все объясняла въ худшую сторону, никогда не старалась о примиреніи, и вмѣсто того, чтобы тушить огонь въ самомъ началѣ, она только раздувала его. Шарлотта очень любила свою кузину, и говорила, что ея жизнь только благодаря принцессѣ была сколько-нибудь сносна, такъ какъ она имѣла возможность повѣрять свое горе этому искреннему другу¹⁾. Передъ смертью Шарлотта не могла успокоиться, пока не получила обѣщанія отъ принцессы заступитъ при ея дѣлахъ мѣсто матери и въ послѣднія минуты заботилась самымъ нежнымъ образомъ о дальнѣйшей судьбѣ своей подруги.

Изъ писемъ Шарлотты къ матери ничего нельзя заключить ни о характерѣ принцессы, ни о вліяніи, которое она могла имѣть на семейныя отношенія Шарлотты, такъ какъ объ ней почти вовсе не упоминается.

Титулъ обергофмейстера при дворѣ еронпринцессы по-прежнему носилъ баронъ Шлейницъ, который вѣроятно сумѣлъ оправдаться въ Брауншвейгѣ передъ Шарлоттой и сохранить не только свое званіе, но и жалованье. По крайней мѣрѣ изъ счетовъ секретаря Шарлотты видно, что Шлейницу, несмотря на то, что онъ продолжалъ жить въ Ганноверѣ въ качествѣ русскаго посланника, было выплачено обергофмейстерское жалованье по 1-е іюля 1714 года.

Оправданіе Шлейница естественно повлекло за собой отставку другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ эльбингскія сплетни — Мейера, Пельница, фрейлины Бранденштейнъ и пр.

¹⁾ Эти слухи приведены историкомъ Миллеромъ въ его запискѣ о Шарлоттѣ. Büsching: Magazin XV, 236.

Вслѣдствіе отсутствія Шлейница главнымъ лицомъ при дворѣ Шарлотты былъ камергеръ Бранденштейнъ; шталмейстеромъ, мѣсто Пельница, былъ сдѣланъ маршалъ фонъ - Биберштейнъ, родственникъ котораго занималъ важное мѣсто на прусской службѣ.

Между дамами при дворѣ Шарлотты мы находимъ прежнюю гофмейстерину ея при торгаускомъ дворѣ, де-Роо, придворныхъ дамъ маршалъ фонъ-Биберштейнъ и Стрейтгорстъ, фрейлины Аригеймъ, Пфлюгге Росгартенъ и т. д.

Но у Шарлотты все еще не было главнаго лица при женскомъ придворномъ штатѣ—oberhofmeistereiны. Кронпринцесса давно уже искала даму, способную занять это мѣсто, и не находила, приглашала къ себѣ между прочимъ польскую графиню Денгофъ, но та отказалась. Въ это время ей съ разныхъ сторонъ рекомендовали одну французскую графиню, жившую тогда въ Данцигѣ. Проѣзжая черезъ этотъ городъ, Шарлотта познакомилась съ ней и поручила ей должность oberhofmeistereiны.

Такъ какъ объ отношеніяхъ этой графини къ Шарлоттѣ много говорено въ однихъ извѣстныхъ мемуарахъ, то мы должны ближе познакомить читателя съ этой личностью.

Въ XVII-мъ вѣкѣ въ Европѣ образовался многочисленный классъ людей, исчезнувшій только въ концѣ XVIII-го вѣка вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ и социальныхъ переворотовъ. Этотъ классъ состоялъ изъ людей всякихъ національностей, большею частью благороднаго происхожденія, несъумѣвшихъ устроить свои дѣла дома и искавшихъ счастья на чужбинѣ. Между ними было много людей безъ всякихъ правилъ, много искателей приключеній, охотниковъ жить и нажиться на чужой счетъ, но были также люди честные, много офицеровъ, принужденныхъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе какой-нибудь несчастной дуэли. Они вступали въ иностранную военную службу или толпились при многочисленныхъ большихъ и маленькихъ дворахъ того времени и имѣли очень значительное вліяніе на характеръ тогдашняго общества — хорошее и дурное, смотря по средѣ, въ которой они жили. Особенно увеличился этотъ классъ вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта. Сотни гугенотскихъ дворянскихъ семействъ потянулись на востокъ и сѣверъ, пожертвовавши отечествомъ и часто всѣмъ состояніемъ для своего исповѣданія.

Эти гугенотскія семейства обыкновенно держались строгихъ нравственныхъ правилъ и всего болѣе презирали отступничество. Они были радушно приняты многими протестантскими дворами въ Германіи, гдѣ они заняли столько важныхъ мѣстъ, что

придали нѣкоторымъ изъ этихъ дворовъ рѣшительно французскій характеръ.

Госпожа Moreau de Brasey Comtesse de Lion принадлежала по своей матери, урожденной графинѣ де-Ліонъ, къ этимъ аристократическимъ семействамъ.

Ея родственники Лашеваллери, ла-Мотъ, Мельвиль, Сасетотъ занимали при дворахъ въ Целле, Ганноверѣ и Берлинѣ самыя почетныя должности. Ея тетка де-Сасетотъ была, напр., воспитательницей принцевъ ганноверскаго дома, потомъ сдѣлалась обергофмейстериной при королевѣ прусской.

По своему отцу, Бинкгорсту, госпожа Моро де-Бразей была менѣе знатнаго происхожденія. Она родилась и воспитывалась въ Гагѣ и вышла за мужъ за гугенота de la Primaudaye. Овдовѣвши она влюбилась въ молодого французскаго офицера Моро де-Бразей, и чтобы имѣть право жить съ нимъ во Франціи, она приняла католицизмъ. Этотъ поступокъ чрезвычайно огорчилъ ея мать и поссорилъ ее съ ея многочисленными аристократическими родственниками.

Ея мужъ, Моро де-Бразей, представляетъ собой одинъ изъ интересныхъ типовъ XVIII-го вѣка. Онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ авторъ любопытныхъ для своего вѣка мемуаровъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи прутскаго похода ¹⁾).

Цѣль ихъ автора состояла не въ томъ, чтобы передать потомству память о пережитыхъ имъ происшествіяхъ, а позабавить читателей и отмстить своимъ врагамъ, и потому ими не всегда можно пользоваться какъ историческимъ документомъ. Но эти мемуары поучительны даже тамъ, гдѣ имъ нельзя вѣрить, такъ хорошо они рисуютъ эпоху и среду, въ которой жилъ авторъ.

Во время войны за испанское наслѣдство, полкъ, въ которомъ служилъ Моро де-Бразей, сражался въ Бельгіи. Въ началѣ 1710-го года де-Бразей былъ вынужденъ, вслѣдствіе непріятности сдѣланной ему полковникомъ, оставить французскую службу и бѣжать въ Голландію. Французское правительство вслѣдствіе этого выслало изъ Франціи его жену. Лишенный средствъ, де-Бразей сталъ искать службы, но родственники его жены, разгнѣванные ея отступничествомъ, отказались помочь ему, и потому

¹⁾ Относящійся сюда отрывокъ переведенъ Пушкинымъ. Ч. V, стр. 308. (Изъ Ис.) Полное заглавіе этихъ рѣдкихъ мемуаровъ: *Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Vêretopolis chez Jean Disant Vrai. 1716. 3. vis.*

онъ отвезъ свою жену въ Данцигъ, а самъ отправился въ Ригу, чтобы предложить свои услуги царю.

По его разсказу онъ былъ отлично принятъ барономъ Левенвольдомъ, управлявшимъ Лифляндіей, и зачисленъ въ русскую службу въ чинѣ бригадира. По окончаніи прутскаго похода, во время котораго онъ лишился экипажа, лошадей и всего своего имущества, онъ получилъ отставку, подобно многимъ другимъ иностраннымъ офицерамъ. Вернувшись въ Данцигъ, онъ встрѣтилъ тамъ русскихъ офицеровъ, съ которыми познакомился въ походѣ. Отъ нихъ онъ узналъ, что кронпринцесса, жившая тогда въ Эльбингѣ, ищетъ обер-гофмейстерину. Черезъ Вейсбаха, состоявшаго при царевичѣ, Моро де-Бразей познакомился съ Гюйсеномъ и послалъ ему между прочимъ сочиненную имъ пародію на Вергилія.

Долго всѣ старанія графини де-Ліонъ попасть ко двору Шарлотты оставались тщетными. Только наконецъ, уступая настояніямъ общихъ друзей, ея тетя де-Сасетотъ согласилась написать о ней въ курфюрстинѣ ганноверской. Съ другой стороны, за нихъ хлопотали нѣкоторые польскіе вельможи и между прочимъ баронъ Гольцъ, вассалъ данцигскій. Эти старанія наконецъ увѣнчались успѣхомъ, когда кронпринцесса проѣхала черезъ Данцигъ на пути въ Россію.

III.

Ее въ Петербургѣ.

Въ половинѣ апрѣля 1713-го года, царевна была опять въ Эльбингѣ и оттуда поѣхала на Ригу въ Россію.

Въ Ригѣ Шарлотта узнала, что царь собирается съ флотомъ въ морской походъ противъ Швеціи, и только ожидаетъ ея приѣзда въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого, кронпринцесса ускорила свое путешествіе и поспѣшила въ Дерптъ съ своей гофмейстерной и небольшою свитою. Ее сопровождалъ при этомъ генеральный комиссаръ Лифляндіи баронъ Левенвольдъ, отецъ того Левенвольда, котораго царь прислалъ съ вѣвелемъ въ Вольфенбюттель.

4-го мая, Шарлотта прибыла въ Дерптъ и увидѣвши Нарышкина, который поѣхалъ въ ней на встрѣчу, поспѣшила спросить, гдѣ находятся царь и царевичъ: все ли еще подъ Кроншлотомъ, или уже пошли въ Або.

Но Петръ, получивши извѣстіе о ходѣ военныхъ дѣйствій въ

Голштиніи, считъ нужнымъ ускорить свой походъ и 2-го мая вышелъ въ море, не дождавшись Шарлотты. Последняя, между тѣмъ, доѣхала до Нарвы, гдѣ она вѣроятно узнала объ отъѣздѣ царя.

Не зная, возвратилась ли царица въ Петербургъ или послѣдовала за царемъ, кронпринцесса изъ Нарвы извѣстила царевну Наталью Алексѣевну о своемъ предстоящемъ прибытіи и получила въ отвѣтъ самыя любезныя увѣренія въ любви и преданности. Наталья Алексѣевна писала, между прочимъ, что извѣстіе о прибытіи Шарлотты причиняетъ ей всеусердную радость «Елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему. Ожидаю съ нетерпѣливостью того моменту, чтобы мнѣ при дружескомъ объятіи особи вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества.—Наталія.» Еще болѣе преданности высказывалъ въ своемъ письмѣ канцлеръ Головкинъ: «Понеже я всегда профессоръ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, то ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобы в. ц. в. высочество не увѣститъ чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ respects и чтобы не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи в. ц. в. и также и не возблагодарить покорнѣйше за то, что в. ц. в. благоволило меня великодушно въ памятованіи своемъ сохранить». Канцлеръ увѣрялъ, что «еслибы не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества», то отправилъ бы къ царевнѣ, «дабы все помянутое персонально ей ц. в. подтвердить» и пр. ¹⁾.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ были очень заняты вопросомъ какъ встрѣтить кронпринцессу. Головкинъ писалъ по этому поводу къ Нарышкину въ Нарву: «Встрѣтить кронпринцессу мы думаемъ такъ: на Красномъ Кабачкѣ встрѣтить ея высочество гг. Сенатъ, кн. Я. О. Долгорукій, графъ Иванъ Алексѣевичъ и прочіе. А я останусь при ея высочествѣ, для встрѣчи во дворѣ. Мнится пристойно, чтобы ея высочество, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, изволила прибыть къ царицѣ, а потомъ къ царевнѣ и послѣ уже на свой дворъ. Посовѣтуйтесь съ барономъ Левенвольдомъ, какъ лучше».

О самомъ приѣмѣ, сдѣланномъ Шарлоттѣ въ Петербургѣ, мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ донесеніяхъ тогдашняго австрійскаго резидента Плейера къ своему двору. «Когда экипажъ Шарлотты, рассказываетъ Плейеръ, подъѣхалъ къ Невѣ, къ берегу подошла новая, красивая шлюпка, обитая краснымъ бар-

¹⁾ Письмо приведено цѣликомъ у Соловьева. XVII, стр. 147.

латомъ и золотыми галунами. На шляпѣ находились бояре, которые должны были привѣтствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берегъ. На этомъ берегу стояли министръ и другіе бояре въ одеждахъ изъ краснаго бархата, украшенныхъ золотымъ шитьемъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ царица ожидала свою невѣстку. Когда Шарлотта приблизилась къ ней, она хотѣла, согласно съ этикетомъ, поцѣловать у нея платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцѣвовала ее, и потомъ проводила въ приготовленный для нея домъ. Тамъ она повела Шарлотту въ кабинетъ, украшенный коврами, китайскими издѣліями и другими рѣдкостями, гдѣ на небольшомъ столикѣ, покрытомъ краснымъ бархатомъ, стояли большіе золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это былъ подарокъ на новоселье, приготовленный царемъ и царицею для ихъ невѣстки».

Хотя до насъ не дошло собственныхъ писемъ кронпринцессы въ первомъ времени ея пребыванія въ Петербургѣ, но мы можемъ судить о томъ, что Шарлотта была довольна сдѣланнымъ ей приемомъ по донесеніямъ русскаго посланника въ Вѣнѣ. Изъ дому императрицы узналъ я, писалъ Матвѣевъ Головкину, что государыня принцесса царица 6-го іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни царицы и всѣхъ высшихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ». Матвѣевъ просилъ Головкина убѣдить Шарлотту, чтобы она въ частномъ письмѣ постаралась расположить императрицу, свою сестру, въ пользу русскихъ интересовъ. Такое ходатайство, по мнѣнію Матвѣева, могло бы быть очень полезно для Россіи, такъ какъ «императрица можетъ сдѣлать все, что захочется, а она ея высочество чрезвычайно любить. Такимъ образомъ, государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у ц. в. находится въ великой любви и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были клеветы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и униженіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками». Спустя полгода Матвѣевъ опять доносилъ, что императрица «пространно» говорила ему о милости царя, царевича и всего царскаго дома къ ея сестрѣ, чѣмъ она, императрица, и мужъ ея чрезвычайно довольны.

Хорошее впечатлѣніе, произведенное на кронпринцессу пер-

вымъ пріемомъ въ ея новомъ отечествѣ, продолжалось нѣскольکو времени. Она была всѣмъ довольна, и своею матеріальною обстановкою, и своими отношеніями къ царской семьѣ, а главное отношеніями къ мужу. Царевича не было въ Петербургѣ, когда прибыла туда его супруга. Отецъ послалъ его въ Ладогу, чтобы смотрѣть тамъ за постройкой кораблей, и онъ вернулся оттуда только въ срединѣ лѣта.

Царевичъ, болѣе года не видѣвшійся съ женою и утомленный вѣчными переѣздами и неудобною лагерною жизнью, былъ радъ женѣ, и столько же радъ тому, что можно было успокоиться, усѣсться на одномъ мѣстѣ. Этотъ отдыхъ послѣ непріятнаго труда долженъ былъ имѣть хорошее вліяніе на его настроеніе духа, и онъ былъ въ первое время очень добръ, очень нѣженъ къ женѣ.

«Царь меня осыпаетъ ласками и милостями, писала кронпринцесса матери, въ концѣ августа 1713-го года. Мнѣ теперь не только правильно выплачиваютъ четвертные деньги, но сначала я получала также всю нужную для меня провизію, а теперь мнѣ назначено нѣсколько имѣній для покрытія расходовъ по хозяйству.

«Эти имѣнія отданы мнѣ въ полное распоряженіе, и мнѣ принадлежитъ даже судебная власть надъ ними. Въ нихъ живетъ 600 душъ, а въ скоромъ времени мнѣ дадутъ еще 900, что составитъ вмѣстѣ 1500; впрочемъ эти имѣнія разсѣяны по разнымъ мѣстамъ. Царь во время своего пребыванія здѣсь былъ очень ласковъ ко мнѣ, онъ говорилъ со мною о самыхъ серьезныхъ дѣлахъ, и увѣрялъ меня тысячу разъ въ своемъ расположеніи ко мнѣ. Царица съ своей стороны не упускаетъ случая выразить мнѣ свое искреннее уваженіе. Царевичъ любитъ меня страстно; онъ выходитъ изъ себя, если мнѣ недостаетъ какой-нибудь малѣйшей вещи, а я безъ ума отъ любви къ нему (et moi j'aime à la fureur).

Что лѣтомъ 1713-го года отношенія между супругами были самыя лучшія, это подтверждается и другими извѣстіями. «Нѣжность и любовь е. в. кронпринца къ кронпринцессѣ, — писалъ въ то время баронъ Лёвенвольдъ изъ Петербурга къ Вольфенбюттельскому двору, — сильнѣе чѣмъ я могу выразить, а уваженіе и расположеніе къ ней царя и царицы, особенно же царя, нѣсколько не меньше. Что же касается народа, то какъ русскіе, такъ и здѣшніе нѣмцы, до такой степени преданы кронпринцессѣ и такъ ее уважаютъ, что этого нельзя передать словами».

Но такое семейное счастье и довольство настоящимъ отрав-

лились вѣчными непріятностями со стороны придворныхъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Шарлотта жалуется матери, что она постоянно больна, два дня на ногахъ, а потомъ три дня проводить въ постели, и приписываетъ это непріятностямъ. Изобразивши свое семейное счастье въ самыхъ яркихъ краскахъ, она восклицаетъ: «но мои проклятые придворные приводятъ меня въ бѣшенство, особенно же графиня» (*mais ce sont mes diables de domestiques qui me font enrager*).

Эта графиня, на которую такъ жалуется Шарлотта, была ея обергофмейстерина—Moreau de Brasey, comtesse de Lion.

Шарлотта была ею сначала чрезвычайно довольна и старалась всѣми способами показать ей свое расположеніе, особенно же когда на пути въ Эльбингъ заболѣла и умерла маленькая дочь графини. Шарлотта, у которой было очень доброе сердце, не знала какъ утѣшить ее, сама ухаживала за больной дѣвочкой, а потомъ выказывала самое горячее участіе въ горю матери. Моро де-Бразей помѣстилъ въ своихъ мемуарахъ даже картину, представляющую кронпринцессу при постели больной и вообще не могъ нахвалиться добротой и нравственными качествами Шарлотты¹⁾.

Но Шарлотта еще не успѣла доѣхать до Петербурга, какъ уже совершенно измѣнила свое мнѣніе относительно обергофмейстерины. «Сначала она вела себя превосходно (*faisoit merveille*), писала принцесса матери, вѣроятно ради своего ребенка, но какъ только умерла ея дѣвочка, она показала себя въ настоящемъ свѣтѣ, говорила мнѣ постоянно грубости и нелицеприятности, постоянно распѣвала въ моемъ присутствіи, вообще была ко мнѣ мною—archifamilière».

Въ Петербургѣ отношенія между принцессой и ея обергофмейстериною еще ухудшились вслѣдствіе зависти и вражды, возникшихъ въ средѣ придворнаго штата.

Когда кронпринцесса прибыла въ Ригу, она была встрѣчена тамъ барономъ Лёвенвольдомъ, генеральнымъ комиссаромъ Лифляндіи. Лёвенвольдъ принадлежалъ къ тѣмъ дворянамъ, кото-

¹⁾ Въ его мемуарахъ мы находимъ слѣдующую интересную характеристику Шарлотты: *Je ne puis m'empêcher de rendre justice au caractère de Son A. dont le cœur et les sentiments n'étaient faits que pour rendre la vie aimable aux personnes, qui avaient l'honneur de la servir.*

Jamais tant de belles qualités n'ornèrent une princesse libérale sans ostentation, magnifique sans vaine gloire, tendre, compatissante, généreuse, enjoué avec un esprit supérieur, ne parlant qu'avec douceur et par la bouche des grâces, prévenant enfin et ne cherchant qu'à faire du bien. Этотъ отзывъ былъ написанъ послѣ того, какъ жена Моро де-Бразей лишилась своего мѣста послѣ большихъ непріятностей.

рые были недовольны шведскимъ правительствомъ, и вмѣстѣ съ Паткулемъ удалился къ королю Августу, а потомъ къ царю. Когда Лифляндія была завоевана русскими, царь поручилъ Лёвенвольду, какъ человѣку преданному и опытному, гражданское управленіе Лифляндіей. Лёвенвольдъ считъ своею обязанностью сдѣлать кронпринцессѣ самый блестящій приѣмъ; онъ устроилъ для нея обѣдъ, балъ, старался изо всѣхъ силъ ей угодить и наконецъ лично проводилъ ее до границы своей провинціи. Шарлотта была тронута его попеченіями и почувствовала большое расположеніе къ нему. Въ Нарвѣ Лёвенвольда ожидалъ царскій указъ, который отставлялъ его отъ управленія Лифляндіей и вызывалъ его въ Петербургъ. Причиною отставки были разныя недоразумѣнія между военнымъ и гражданскимъ управленіемъ Лифляндіи, состоявшимъ изъ русскихъ. Лёвенвольдъ былъ очень смущенъ своею неожиданной отставкой. Видя его огорченіе Шарлотта захотѣла утѣшить его и общалась пристроить его какъ-нибудь къ своему придворному штату. Она помѣстила его младшаго сына у себя въ качествѣ камер-юнкера, а двухъ дочерей его назначила фрейлинами. Старикъ же Лёвенвольдъ получилъ званіе совѣтника (или *Chef de Conseil*), хотя, кажется безъ жалованья, и Шарлотта стала обращаться къ нему во всѣхъ дѣлахъ; такимъ образомъ онъ замѣнилъ ей отсутствовавшаго обергофмейстера. Чтобы выказать ему свою признательность принцесса старалась какъ можно болѣе отличить его сына, службою котораго она была очень довольна.

Все это должно было вызвать неудовольствіе другихъ придворныхъ, составила партія противъ Лёвенвольдовъ, и во главѣ ея стали лица, которымъ безъ непрошеннаго совѣтника пришлось бы играть первую роль при дворѣ Шарлотты — графиня Моро де-Бразей и камергеръ Бранденштейнъ. Лёвенвольдъ съ своей стороны строго осуждалъ большинство придворныхъ.

«Придворные кронпринцессы, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей при вольфенбюттельскомъ дворѣ, ведутъ себя такъ, что нѣтъ ни одного русскаго, котораго они бы не должны были стыдиться. Я предъ Богомъ клянусь, что сколько дворцовъ мнѣ ни приходилось видѣть, а я бывалъ почти при всѣхъ главныхъ дворахъ Европы—я нигдѣ не видѣлъ такого поведенія со стороны людей высшаго общества относительно ихъ господъ. Я не рѣдко прихожу въ глубокое изумленіе и смущеніе отъ разныхъ исторій, которыя я не могу сообщить. Все это, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что во дворѣ были приглашены люди молодые, грубые и невоспитанные. Многие изъ нихъ, живя по собственному произволу и не зная ни

страха, ни порядка, ни надзора, предались разгулу, одичали и стали ходить чуть не на головахъ. Убѣдившись въ Эльбингѣ, что ихъ высокомерныя замашки, ихъ интриги, и даже ихъ гадости имъ сходятъ съ рукъ, они составили себѣ извѣстныя правила, которыя они здѣсь снова стали примѣнять къ дѣлу. Ея высокоцтво, какъ молодая женщина, не могла же браниться съ этими людьми, тѣмъ болѣе, что это противорѣчитъ ея добродѣтельному и кроткому нраву, а тотъ, кто былъ обязанъ принуждать другихъ къ лучшему поведенію и дѣйствовать на нихъ своимъ примѣромъ, самъ находилъ удовольствіе въ этомъ или же, какъ Платъ, умытъ себѣ руки.» Такое мнѣніе о ея придворныхъ, конечно, не могло не имѣть вліянія на Шарлотту. Первый, кто почувствовалъ на себѣ ея неудовольствіе, былъ камергеръ Бранденштейнъ. Хозяйственная часть при дворѣ, которою занималъ этотъ Бранденштейнъ, подавала поводъ къ такимъ же замѣчаніямъ, какъ и вообще поведеніе придворнаго штата. Неспособность его оказалась уже въ Эльбингѣ и была тогда причиною повышения Пельница. По описанію Лёвенвольда, Бранденштейнъ былъ человекъ очень безпечный, который не любилъ ходить въ подробности хозяйства, а только важничать и призывывать: принесите мнѣ это, подайте мнѣ то-то ¹⁾. Шарлотта наконецъ рѣшилась замѣтить ему: «Я вижу, что я въ другой разъ буду вынуждена передать завѣдываніе хозяйствомъ г. маршалу фонъ-Биберштейну, такъ какъ вы совсѣмъ не хотите этимъ заняться и чрезъ это введете меня въ ужасныя издержки и неоплатные долги!» Это такъ разсердило Бранденштейна, что онъ потребовалъ отставки, но съ такой грубостью и наглостью, по выраженію Лёвенвольда, какъ будто онъ былъ кронпринцемъ, а Шарлотта его камергеромъ.

Какъ видно изъ мемуаровъ Моро де-Бразей, друзья Бранденштейна совершенно иначе смотрѣли на его отставку и объясняли ее интригой Лёвенвольда, которому будто бы хотѣлось доставить своему сыну мѣсто шталмейстера и потому повысить шталмейстера фонъ-Биберштейна въ званіе камергера.

Не менѣе ропота между придворными возбудило повышение другого лифлянца—Будберга, въ ущербъ одному изъ прежнихъ придворныхъ—Бломберга, который вслѣдствіе этого также потребовалъ своей отставки ²⁾.

¹⁾ О хозяйничаньи Бранденштейна Лёвенвольдъ писалъ въ Вольфенбюттелъ: «Die ganze Oeconomie und Menage ist in einer unbeschreiblichen Confusion und wird ohne die allergeringste Disposition, Aufsicht und Nachfrage verwaltet und so geführt, dass man nicht anders als ein schlechtes Ende, Schimpf, schändliche Raisonsnements und Prostitution der hoheitlichen Person und Reputation absehen konnte.

²⁾ Вотъ какъ онъ характеризованъ у Моро де-Бразей: l'un des plus insipides des

Всѣ эти перемѣны были чрезвычайно непріятны для обергофмейстерины и отозвались на ея настроеніи, такъ что Лёвенвольдъ наконецъ объявилъ кронпринцессѣ, что она должна заставить графиню измѣнить свое поведеніе, иначе ее же всѣ будутъ осуждать. Шарлотта, уже прежде недовольная грубымъ обращеніемъ своей гофмейстерины, совершенно смутилась, когда узнала отъ Лёвенвольда разныя подробности насчетъ ея прошлой жизни. Лёвенвольдъ сказалъ ей, что она вовсе не графиня, что отецъ ея былъ берейторомъ въ Гагѣ, а дѣдъ занимался тѣмъ же дѣломъ въ Парижѣ, что мать ея, правда, происходила отъ очень аристократической семьи, но что сама графиня развратная женщина, бѣжавшая съ мужемъ и перемѣнившая религію только для того, чтобы огорчить мать, которая дѣйствительно потомъ умерла съ горя. Что же касается ея мужа, то это самый отъявленный плутъ (*coureur de bourse*), и если бы онъ снова показался въ Гагѣ, то его бы тамъ немедленно повѣсили.

Когда Шарлотта заявила сомнѣніе въ достовѣрности этихъ свѣдѣній и сослалась на рекомендацію Гольца, Лёвенвольдъ объяснилъ ей, будто бы Гольцъ былъ оскорбленъ царемъ и вѣроятно изъ мести ввелъ такую личность въ царскому двору. Лёвенвольдъ сослался, для удостовѣренія своего разсказа на голландскаго резидента въ Петербургѣ де-Биса, который лично зналъ въ Гагѣ отца и мужа графини. Де-Бисъ, также какъ датскій резидентъ Фалькъ, вполне подтвердили показанія Лёвенвольда.

Съ этихъ поръ кронпринцесса, какъ она писала матери, стала выказывать своей обергофмейстеринѣ нѣкоторую холодность, что, конечно, чрезвычайно раздражало графиню. Она не могла не приписать эту перемѣну вліянію Лёвенвольда и стала прискивать средство, чтобы отомстить ему. Дѣйствительно и быстрое повышеніе молодого Лёвенвольда подало нѣкоторымъ придворнымъ поводъ объяснять это особеннымъ расположеніемъ къ нему со стороны кронпринцессы, или эти сплетни были придуманы самой графиней — только послѣдняя написала принцессѣ письмо, въ которомъ довольно нагло намекала на интимность между нею и молодымъ Лёвенвольдомъ. Шарлотта призвала ее къ себѣ и потребовала объясненій; тогда графиня, нисколько

fats que j'aye connu de ma vie, glorieux, fanfaron, se croyant le premier homme de son siècle en esprit, n'étant dans le fond qu'un sot et qu'une bête, faisant l'agréable, le beau, le railleur, mais n'ayant pour soutenir toutes ses qualités qu'une figure faite en rotonde, c'est à dire une taille plus propre à faire une boule, qu'un homme.

не стѣнялась, упрекнула кронпринцессу въ глаза, что она влюблена въ Лёвенвольда, и что не только ея придворные, но и всѣ русскіе объ этомъ говорятъ, укорила Шарлотту тѣмъ, что царевичъ къ ней очень нерасположенъ и настаивала, чтобы она удалила отъ себя Лёвенвольда, такъ какъ иначе вслѣдствіе бѣды обрушится на нее, какъ на гофмейстерину. Шарлотта потребовала, чтобы она назвала тѣхъ, отъ кого она это слышала и объявила, что не только не удалить Лёвенвольда, но прогнать скорѣе ее, какъ единственное лицо способное выдумать такую черную и гнусную ложь. Графиня спокойно возразила Шарлоттѣ, что она можетъ говорить что хочетъ и дѣлать что ей угодно, но что она ничего не назоветъ. Въ это время вошелъ царевичъ и сталъ спрашивать жену о причинѣ ея волненія. Шарлотта рассказала ему все; тогда царевичъ поцѣловалъ ее и сказалъ на своемъ романномъ нѣмецкомъ языкѣ: *dass mensch, dass sagen ich sie nicht lieb habe, ligt wie Teuffel, ich weiss wohl, dass sie tugendsam ist, wass var boss übel von sie sprech soll schon gestraft werden, aber straff auch gottloss leut bey sie wass so lügen* ¹⁾.

Графиня въ раздраженіи выбѣжала изъ комнаты. Шарлотта же послала за старикомъ Лёвенвольдомъ, который посовѣтовалъ ей отправить къ графинѣ принцессу Остфрисландскую, чтобы потребовать у нея указанія виновныхъ и пригрозить ей, что въ противномъ случаѣ ее посадятъ подъ арестъ. Но графиня объявила посланной, что она никогда ничего не скажетъ, жаловалась, что кронпринцесса обходилась съ ней самымъ подлымъ образомъ (*d'une maniere lâche, infame et canailleuse*), что принцесса не можетъ терпѣть около себя честныхъ людей и что тотъ, кто желаетъ ей понравиться, долженъ быть канальей. Она въ этому прибавила, что ареста она не боится и не думаетъ бѣжать, но что настанетъ день, когда ей можно будетъ сказать то, о чемъ теперь не стоить говорить, и что она непременно отплатитъ за себя и т. п. При этомъ она постоянно щелкала пальцами передъ самымъ носомъ принцессы. Однако по совѣту Лёвенвольда угроза не была исполнена и графиня не посажена подъ арестъ. Лёвенвольдъ только посовѣтовалъ кронпринцессѣ не говорить съ графиней и «выказывать ей большое презрѣніе». Однако и это не помогало: графиня не выходила изъ своей

¹⁾ Эта мерзавка, которая говоритъ, что я васъ не люблю, жегъ какъ сатана; я очень хорошо знаю, что вы честныя, и тѣ кто дурно объ васъ говорятъ будутъ наказаны, но и вамъ слѣдуетъ наказывать безбожныхъ людей вашего двора, которые такъ лгутъ.

комнаты и объявляла всѣмъ, что она находится подъ арестомъ, неизвѣстно почему. Лёвенвольдъ, который страдалъ въ это время подагрой, велѣлъ наконецъ перенести себя въ комнату графини и имѣлъ съ ней объясненіе, но графиня приняла его также какъ принцессу Остфрисландскую. Наконецъ Шарлотта послала спросить ее, по чьему приказанію она остается въ своей комнатѣ, тогда графиня вышла оттуда, но съ такимъ лицомъ, «что сама Прозерпина не была бы въ состояніи сдѣлать болѣе страшную гримасу».

Дѣло кончилось тѣмъ, что по совѣту царевича и царицы графиню отставили, и согласно заключенному съ нею договору, отвезли назадъ въ Данцигъ, но Шарлотта поступила очень умно, сдѣлавши это въ возможно мягкихъ формахъ. Изъ этого видно, что она въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовала самостоятельно и не слѣпо поддавалась вліянію Лёвенвольда.

Послѣдній былъ этимъ очень недоволенъ и писалъ въ Вольфенбюттель, что при всякомъ другомъ дворѣ графиню прогнали бы съ большимъ позоромъ; «здѣсь же ее великодушно оснажаютъ благодѣяніями, какъ будто бы она оказала большія услуги».

Моро де-Бразей конечно постарался представить въ своихъ мемуарахъ все дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ — выставить Лёвенвольда интриганомъ, а свою жену невинной жертвой. Письмо свое графиня будто бы написала изъ заботливости о репутаціи кронпринцессы. Шарлотта показала письмо Лёвенвольду и по его совѣту она устроила ловушку для графини. Ей была назначена аудіенція въ тотъ самый часъ, когда царевичъ обыкновенно приходилъ на половину принцессы. Какъ только царевичъ вошелъ, Шарлотта съ слезами бросилась къ нему на шею и жаловалась, что ее оклеветали, будто бы она не любитъ мужа. Но царевичъ остался очень равнодушенъ къ этому, хладнокровіе и твердость графини смущали кронпринцессу, и такимъ образомъ придуманная ловушка не удалась. Несмотря на это, ее рѣшили посадить подъ арестъ и послали объявить ей объ этомъ принцессу Остфрисландскую, которая исполнила съ злорадствомъ это порученіе. Во время ареста къ ней приходилъ Лёвенвольдъ и съ разными угрозами требовалъ, чтобы она указала виновниковъ сплетни.

На другой день въ царскомъ дворцѣ праздновали годовщину полтавской побѣды, и кронпринцесса отправилась туда со всѣми дамами. Царица, замѣтивши отсутствіе графини, къ которой она была очень расположена, спросила объ ней у кронпринцессы. Та отвѣтила, что она нездорова. «Вотъ какъ», замѣтила на это Елизаветина, показывая этимъ, что ей извѣстно въ чемъ дѣло.

Опасаясь, чтобы причина ареста не сдѣлалась извѣстной при царскомъ дворѣ, Шарлотта послала довѣренное лицо къ графинѣ, и дѣлая видъ, какъ будто она ничего не знаетъ, велѣла спросить графиню, почему она не является къ должности.

Графиня повиновалась приказанію кронпринцессы. На праздникъ въ день царскихъ именинъ, царица была съ нею очень любезна.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого она получила отвѣтъ на свое письмо къ кронпринцессѣ. Отвѣтъ былъ написанъ Лёвенвольдомъ въ чрезвычайно оскорбительномъ тонѣ. Графиня потребовала суда надъ собою, но ей не хотѣли дать другого судьи кромѣ Лёвенвольда. Наконецъ, такъ какъ у нея было много друзей между русскими, то поспѣшили ей дать отставку и выслать за границу. Впрочемъ, прибавляетъ Моро де-Бразей къ своему разсказу, кронпринцесса сохранила къ ней большое расположеніе и велѣла ей передать это, когда одна изъ ея фрейлинъ должна была проѣхать черезъ Данцигъ.

Этотъ случай показываетъ намъ, какое своеволие и какой раздоръ господствовали при дворѣ Шарлотты. Поведеніе графини не составляло исключенія, и другія дамы немного превосходили ее своею благовоспитанностью. Такъ, напр., нѣсколько дней послѣ описаннаго столкновенія случилось, что пріѣхавшій въ Петербургъ персидскій посланникъ долженъ былъ представиться царю. Шарлотта не хотѣла отправиться на аудіенцію, такъ какъ была не совсѣмъ здорова и такъ какъ царевичъ и Екатерина ее не приглашали. Но придворныя дамы ее очень желали видѣть представленіе и Шарлотта отпустила ихъ, приказавши, чтобы двѣ изъ нихъ остались дома при ней. Это однако возбудило страшный ропотъ и шумъ; кончилось тѣмъ, что всѣ ушли изъ дома и вернулись только поздно вечеромъ. Шарлотта выслала къ нимъ свою кузину принцессу Остфрисландскую и велѣла сказать имъ, что ей очень пріятно, что онѣ вернулись такъ поздно, ибо видно, что имъ было очень весело. Этотъ упрекъ былъ поводомъ къ новой вспышкѣ неудовольствія; дамы шумѣли и грубили наперерывъ; особенно отличалась графиня, которая говорила, что не имѣетъ никакого уваженія къ кронпринцессѣ и никогда не будетъ уважать ее. Эта самая особа предлагала въ то время свои услуги царицѣ и просила сдѣлать ее воспитательницей великихъ княженъ Анны и Елизаветы, но Екатерина отказала ей и не велѣла принимать къ себѣ.

По отъѣздѣ графини, кронпринцесса осталась, какъ кажется, безъ гофмейстерины. Только лѣтомъ 1715 года, когда одна изъ ея фрейлинъ, Арнгеймъ, которой она особенно дорожила, вышла

замужъ за французскаго моряка барона де-Сентилера, она оставила ее при себѣ въ званіи гофмейстерини. Вообще же во время двухлѣтняго пребыванія Шарлотты въ Россіи, въ ея штатѣ произошло немного перемѣтъ, за исключеніемъ упомянутыхъ. Когда вслѣдствіе повышенія Лёвенвольда открылась камерюнкерская ваканція, она была замѣщена Бестужевымъ. По смерти же шталмейстера Лёвенвольда его мѣсто вѣроятно изъ экономіи никѣмъ не было замѣщено ¹⁾.

По удаленіи графини и Бранденштейна состояніе двора кронпринцессы, повидимому, улучшилось и жизнь ея сложилась спокойнѣе. Мы впрочемъ не въ состояніи сказать долго ли это продолжалось, такъ какъ не имѣемъ писемъ Шарлотты за осенніе мѣсяца 1713 и зимніе мѣсяца 1714 года. Только по позднѣйшимъ письмамъ мы можемъ заключить, что довольно рано начались для нея разныя непріятности и что положеніе ея становилось все безотраднѣе. Одной изъ главныхъ причинъ было ея физическое состояніе. Шарлотта была отъ рожденія не крѣпкаго здоровья. Выданная замужъ слишкомъ рано и поставленная въ такую обстановку, которая была не по силамъ ея слабой и нервной природѣ, Шарлотта находилась почти постоянно въ болѣзненномъ состояніи. Осенью 1713 г. она забеременела. Беременность была самая тяжелая и положеніе больной было ухудшено невѣжествомъ тѣхъ лицъ, которымъ было поручено леченіе ²⁾.

Такое состояніе съ своей стороны не могло не имѣть вреднаго вліянія на настроеніе и характеръ кронпринцессы. Къ тому же ея отношенія къ близкимъ лицамъ стали ухудшаться. Между нею и царицей произошло такое охлажденіе, что, по увѣренію Шарлотты, люди посѣщавшіе ее выпадали въ немилость у царицы. Екатерина въ то время была беременна. У нея

¹⁾ Интересны свѣдѣнія о жалованьи придворныхъ, сохранившіяся въ счетахъ секретаря кронпринцессы. Гофмейстерша ея получала 600 р. въ годъ; госпожа де-Роа 375; три фрейлины по 225; еще одна дама 112 р., всѣ остальные лица женскаго штата составляли прислугу.

Изъ мужчинъ, не считая отсутствовавшаго обергофмейстера, самое большое жалованье получалъ камергеръ—1125 р. въ годъ; два камерюнкера по 750; гофъ-инкверъ 200; два доктора по 800 и 600; два секретаря по 375 и 200; пасторъ 400; кистеръ 200; 4 пажа вмѣстѣ 149, ихъ учителя 185; придворный пѣвчій 200; камердинеръ 150; футермаршалъ, кондиторъ, гофбарбьеръ, два повара по 112, садовникъ 120, аптекаръ 100. Остальные лица принадлежали къ прислугѣ; лакеи получали по 22 р. самое низшее жалованье 9 р. получали «хлопцы», служившіе при кухнѣ и конюшнѣ.

²⁾ Ее признали беременной за три мѣсяца до дѣйствительнаго начала и потомъ, когда срокъ не совпалъ съ ожиданіемъ, стали сомнѣваться въ ея беремености и приписывать ея состояніе болѣзни.

естественно могла зародиться нѣкоторая зависть, когда она думала, что можетъ родить сына, который будетъ служить сыну Шарлотты. По крайней мѣрѣ послѣдняя объяснила нерасположеніе Екатерины подобнымъ чувствомъ.

Ко всему этому присоединились житейскія дразги, — хлопоты и лишенія, мелкія, но чувствительныя оскорбленія и вообще столкновенія, неизбѣжныя въ положеніи кронпринцессы. Шарлотта привыкла у себя на родинѣ къ нероскошному, но очень правильному строю жизни. Все было размѣрено, опредѣлено, время припасено и отъ того вся жизнь дышала довольствомъ и достаткомъ. Въ Петербургѣ она нашла совершенно другую обстановку. Дворъ у нея былъ многочисленный, деньги тратились значительныя, а между тѣмъ постоянно недоставало самаго необходимаго для жизни — отчасти вслѣдствіе неурядицы, но главнымъ образомъ вслѣдствіе исключительнаго положенія, въ которомъ находился тогда дворъ, также какъ и весь Петербургъ. Непріятно дѣйствуетъ на читателя то, что въ письмахъ Шарлотты совершенно нѣтъ пониманія этого исключительнаго положенія. Она никакъ не могла себѣ выяснитъ, что Петербургъ не что иное, какъ бивакъ, раскинутый на уединенномъ болотѣ, что тамъ все наскоро сколочено и собрано и что, поэтому, отъ этого бивака нельзя требовать всѣхъ удобствъ жизни. Если бы она это поняла, она не стала бы жаловаться и напротивъ охотно бы переносила многія лишенія.

Въ первое время по приѣздѣ въ Петербургъ все шло хорошо; но потомъ деньги стали выплачиваться изъ казначейства не въ срокъ и несполна. Главная же бѣда заключалась въ томъ, что сумма годового содержанія оказывалась недостаточною, такъ какъ представились совершенно неожиданные расходы.

Конечно, если Шарлотта надѣялась, что она будетъ продолжать въ Петербургѣ сладкую жизнь, къ которой она привыкла въ Торгау при дворѣ саксонской королевы, то ей пришлось очень разочароваться. По брачному договору, вся матеріальная сторона ея жизни была точно опредѣлена и хорошо обезпечена. Главные расходы на ея хозяйство должны были покрываться доходами съ имѣній, кромѣ того, многіе припасы, какъ дрова и фуражъ, должны были поставляться казною въ Петербургъ; 45,000 рублей, выплачиваемыхъ черезъ 3 мѣсяца, шли на содержаніе двора и прочіе расходы. Шарлотта получала эту сумму вмѣсто 50,000 т., такъ какъ въ то время въ Петербургѣ за албертусовъ талеръ давали 90 коп. Впрочемъ при этомъ не слѣдуетъ забывать, что мы судимъ о Шарлоттѣ исключительно по ея письмамъ къ матери, письмамъ, писаннымъ къ самому близкому

лицу и въ самыя грустныя минуты, когда ей хотѣлось только облегчить свое сердце, и она не считала нужнымъ говорить о тѣхъ побужденіяхъ, которыя должны были ее мирить съ дѣйствительностью. Мы видѣли, какъ Шарлотта была довольна, когда царь отдалъ ей 1500 душъ въ полное распоряженіе. Она должна была получать съ своихъ крестьянъ всѣ нужныя для хозяйства припасы: муку, крупу, птицу и т. д., но вскорѣ оказалось, что эти крестьяне были совершенно разорены и такъ бѣдны, что не только не были въ состояніи хоть что-нибудь доставить ко двору, но не имѣли хлѣба для самихъ себя, такъ и что самой Шарлоттѣ пришлось помогать имъ отъ времени до времени, чтобы предохранить ихъ отъ голодной смерти. А между тѣмъ всѣ припасы были очень дороги, «что въ Германіи стоить одинъ грошъ, за то здѣсь нужно заплатить 4». Кромѣ того, припасы нужно было выписывать издалека — изъ Москвы, и заготовлять впередъ. Другой непредвидѣнный расходъ заключался въ издержкахъ на экипажъ и лошадей. Царь обѣщалъ подарить своей невѣсткѣ и то и другое, но обѣщаніе не было исполнено подъ предлогомъ, что въ Петербургѣ негдѣ купить. У Шарлотты былъ экипажъ, уступленный ей въ Торнѣ Меншиковымъ, затѣмъ Екатерина подарила ей въ Петербургѣ карету съ лошадьми, но все это было довольно плохо; третій экипажъ Шарлотта купила на свои деньги. Зимой генералъ Вейде сталъ продавать своихъ лошадей и требовалъ за нихъ 600 руб. Шарлотта просила Екатерину напомнить царю, что онъ обѣщалъ ей подарить лошадей и что можно купить для нея лошадей у Вейде. Черезъ нѣсколько дней Екатерина сказала ей, чтобъ она приказала поставить лошадей генерала въ свою конюшню, и что царь даритъ ей этихъ лошадей, а деньги будутъ выплачены генералу сенатомъ. Но прошло 4 мѣсяца, Вейде не получалъ своихъ денегъ и Шарлотта должна была возвратить ему лошадей. Кромѣ того Шарлоттѣ пришлось содержать своихъ лошадей на собственные деньги. Въ теченіи зимы ей поставляли фуражъ, но въ апрѣлѣ эта поставка прекратилась. Когда Шарлотта обратилась къ сенату съ заявленіемъ, что лошадямъ нуженъ кормъ не только зимой, но и лѣтомъ, сенатъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ предписанія отъ царя на этотъ счетъ, и потому пусть она предъавитъ царскій указъ, а «у царя ничего нельзя было добиться, потому что у него никогда не было времени».

Въ подобныхъ случаяхъ еще можно было стѣсниться или на свои деньги купить желаемое; но были такія лишенія, которыя и посредствомъ денегъ нельзя было устранить. Напр., недостатокъ въ помѣщеніи. Царевна жила во дворцѣ своего су-

руга, построенномъ въ 1712 году, на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви Божія Матери Всѣхъ Скорбящихъ: справа, рядомъ съ церковью, былъ домъ царевны Наталіи Алексѣевны, слева домъ царицы Марѣи Матвѣевны ¹⁾).

Штатъ же Шарлотты былъ помѣщенъ въ трехъ домахъ, которые были наняты сенатомъ для этой цѣли. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались камергеръ и придворныя дамы, въ другомъ Бестужевъ и пажы съ ихъ гувернеромъ и танцевальнымъ учителемъ, въ третьемъ шталмейстеръ, секретари, писецъ, поваръ, фурьеръ и конюхи. Дома были маленькіе и помѣщеніе тѣсное, такъ что, напр., секретарю, писцу и повару пришлось жить въ одной комнатѣ. Для остальныхъ лицъ придворнаго штата со-
сѣмъ не достало помѣщенія, такъ что принцессѣ пришлось на свои деньги нанять квартиру для одного изъ придворныхъ камереровъ, для пастора, для квартирмейстера, для доктора, для хирурга, для лакеевъ и для остальной прислуги, при чемъ она платила отъ 3 до 4 руб. въ мѣсяцъ за каждую комнату.

Кромѣ того въ одномъ изъ домовъ, указанныхъ сенатомъ, не было ни дверей, ни оконъ, ни печей и никакой мебели. Шарлоттѣ пришлось отдѣлать домъ на свои деньги и пристроить къ нему конюшню и сарай.

На бѣду еще именно этотъ, отстроенный кронпринцессой домъ сдѣлался поводомъ къ большимъ для нея неприяностямъ. Владѣльцемъ его былъ Гидеоновъ ²⁾, служившій въ то время при дворѣ царевны Наталіи Алексѣевны. Въ маѣ 1714-го года царевна Наталья возвратилась въ Петербургъ и Гидеоновъ велѣлъ сказать людямъ Шарлотты, чтобы они очистили его домъ.

Его просили подождать до слѣдующаго дня, чтобы доложить объ этомъ царю и предложили ему пока занять двѣ комнаты. Гидеоновъ на это согласился, но пока люди кронпринцессы ходили обѣдать, онъ велѣлъ выбросить изъ дома всѣ вещи ихъ, а также припасы, принадлежавшіе принцессѣ и хранившіеся въ кладовой—муку, крупу, сушеные плоды и т. п.

Шарлотта послала къ нему секретаря и велѣла сказать ему, чтобы онъ не обходился такъ нелюбезно съ ея людьми, что домъ этотъ ей данъ сенатомъ и какъ только сенатъ найдетъ для ея людей другое помѣщеніе, его домъ будетъ тотчасъ очищенъ, а пока ему надо будетъ какъ-нибудь ужиться съ ними.

¹⁾ Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится придворная шпалерная мануфактура. См. Устряловъ, VI., 33.

²⁾ Въ письмахъ Шарлотты это лицо называется Giderhoff или Giderhoff, вероятно означаетъ—Гидеоновъ.

Если онъ согласенъ продать домъ, то она его купить, тѣмъ болѣе, что ея пристроены конюшни и сарай. Гидеоновъ отвѣтилъ, что онъ согласенъ подождать до слѣдующаго дня, дома же продавать не хочетъ, а что касается до конюшни, то онъ не просилъ принцессу ее построить.

Шарлотта дала знать обо всемъ царю и просила указать для ея людей другое помѣщеніе. Царь велѣлъ сказать, чтобы люди ея оставались въ домѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

На другое утро царевна Наталья извѣстила Шарлотту о своемъ приѣздѣ и велѣла спросить ее, почему она отнимаетъ домъ у ея людей. Царевна кромѣ того приказала сказать, что если Шарлотта не велитъ тотчасъ очистить помѣщеніе, то она должна будетъ на нее пожаловаться, и что вообще ей показалось очень страннымъ, какимъ образомъ Шарлотта могла указать такое неуваженіе къ ней. Шарлотта велѣла сказать въ отвѣтъ царевнѣ Натальѣ, что она очень рада ея приѣзду и проситъ позволенія ее навѣстить. При личномъ свиданіи она можетъ подробнѣе объясниться насчетъ дома и увѣрить царевну, что она не имѣетъ намѣренія обидѣть хотя бы послѣдняго изъ ея служителей; она только вчера узнала, что домъ принадлежитъ Гидеонову и т. д.

Затѣмъ Шарлотта отправила къ царевнѣ камергера, чтобы предупредить ее о своемъ посѣщеніи. Но царевна велѣла отвѣтить, что она не имѣетъ времени ее принять, такъ какъ сама собирается выѣхать. Шарлоттѣ однако донесли, что царевна послѣ этого оставалась дома около двухъ часовъ.

Послѣ обѣда Гидеоновъ опять выбросилъ всѣ вещи на улицу, говоря, что дѣлаетъ это по приказанію царевны. Шарлотта послала къ ней и просила запретить Гидеонову оскорблять ее такимъ образомъ. Царевна велѣла отвѣтить, что она ничего не знаетъ, но что Шарлотта хорошо сдѣлаетъ, если прикажетъ своимъ людямъ выйти изъ дома.

Тогда Шарлотта извѣстила обо всемъ Екатерину, которая приказала сказать, чтобы люди Шарлотты не выходили изъ дома. Но часъ спустя явился генераль-адъютантъ отъ царя, велѣлъ шталмейстеру Лёвенвольду перебраться къ отцу, относительно же другихъ людей сдѣлалъ распоряженіе, чтобы имъ отведены были три комнаты; пять остальныхъ комнатъ были отданы Гидеонову, которому при этомъ былъ предоставленъ выборъ.

Послѣ этого люди Гидеонова стали выводить изъ конюшни лошадей Шарлотты и ставить туда своихъ. Тогда Шарлотта приказала снести выстроенную ею конюшню и поставить ее на другое мѣсто. Но когда шталмейстеръ привелъ рабочихъ, Ги-

Бронъ явился туда съ 30-ю мужиками и прогналъ рабочихъ. На угрозу шталмейстера, что онъ будетъ жаловаться царю, Гибронъ отвѣчалъ насмѣшливо: жалуйтесь, а я и раньше васъ жалуюсь. Дѣло кончилось тѣмъ, что Шарлотта, по просьбѣ древны Натальи, согласилась оставить конюшню на прежнемъ мѣстѣ.

Послѣ этого Шарлотта снова предупредила ее о своемъ пощеніи, но та извинилась недостаткомъ времени и отвѣтила, что она сама дастъ знать, когда ее можно видѣть — и въ 7 часовъ вечера дѣйствительно прислала сказать Шарлоттѣ, что на нее ждетъ. По желанію царевича, Шарлотта отправилась къ ней и потомъ описала свое посѣщеніе слѣдующимъ образомъ:

«Мы были обѣ довольно любезны другъ съ другомъ и такимъ образомъ можно сказать, что съ обѣихъ сторонъ было выиграно во время этого визита много лицемѣрія, ибо когда царица упоминаетъ мое имя, она при этомъ всегда выплевываетъ и говоритъ: «этакая нѣмка! что она себѣ воображаетъ! а пригласитъ ей измѣниться». Эта царица Наталья самое злое существо на свѣтѣ; многіе изъ русскихъ удивлялись ея поступку относительно меня, и находятъ, что она столько же зла, сколько кажется доброй. А между тѣмъ мои бѣдные люди страдаютъ, какъ конюхи все это время живутъ подъ открытымъ небомъ, ибо если бы я даже готова была заплатить 100 червонцевъ за одну комнату, я бы не нашла ни одной. На бѣду еще многіе изъ этихъ бѣдныхъ людей больны. Когда обѣ этомъ говорить царю, онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ здѣсь будетъ довольно домовъ; но тогда эти дома не будутъ нужны, ибо вѣроятно большая часть моихъ людей въ тому времени отправится на тотъ свѣтъ».

Бронпринцессу въ то время очень тревожилъ слухъ, что будто бы хотятъ уменьшить ея годовое содержаніе съ 45,000 руб. на 10,000, подъ предлогомъ, что царь не въ состояніи исполнить даннаго обѣщанія. «Исполненіе этого проекта, писала Шарлотта, было приостановлено вслѣдствіе довольно странныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я не имѣю права писать, но я боюсь, что все-таки мнѣ не миновать бѣды». Этотъ страхъ внушилъ Шарлоттѣ несчастную мысль обратиться къ заступничеству ея родственника, германскаго императора, и просить его, если онъ заключитъ союзный трактатъ съ царемъ, то вставить въ договоръ условіе, чтобы царь ни въ чемъ не отступалъ отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя въ брачномъ договорѣ. Шарлотта просила свою мать написать объ этомъ къ императрицѣ, «ибо если со мною такъ поступаютъ въ то время, когда

царь одержалъ полную побѣду, а я беременна, то что же можетъ случиться при худшихъ обстоятельствахъ». Шарлотта даже написала нѣсколько строкъ къ своей сестрѣ императрицѣ и вложила свою записку въ письмо къ матери.

Столкновеніе съ царевной Натальей имѣла еще то неприятое послѣдствіе для Шарлотты, что послужило поводомъ къ сильной ссорѣ между нею и мужемъ, къ ссорѣ, бросающей грустный свѣтъ на отношенія, установившіяся между ними въ лѣтъ 1714 года. Еще за нѣсколько дней до этого между ними произошла маленькая размолвка по поводу приданого Шарлотты. Какъ извѣстно читателямъ, Шарлотта должна была получить въ приданое 20,000 т. Часть этой суммы была выплачена еще при жизни Антона-Ульриха, умершаго весною 1714-го года. Съ его смертью положеніе родителей Шарлотты очень ухудшилось, такъ какъ они были въ враждебныхъ отношеніяхъ къ новому герцогу Вольфенбюттельскому. Вѣроятно вслѣдствіе ихъ очень стѣсненнаго положенія, Шарлотта уступила невыплаченный остатокъ приданого своей матери. Она рѣшилась на это въ виду того, что царевичъ вскорѣ послѣ свадьбы ей сказалъ, что отдаетъ сумму приданого въ ея полное распоряженіе. Но для того, чтобы передать достатокъ матери, царевичу нужно было расплатиться въ полученіи всей суммы. Когда Шарлотта принесла ему квитанцію и объяснила свою просьбу, онъ, къ ея изумленію, объявилъ, что не помнитъ такого обѣщанія. Шарлотта начала доказывать ему, что онъ далъ обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя не допускали сомнѣній относительно его намѣренія, но царевичъ стоялъ на своемъ и твердилъ: «право, ничего не обѣщаль, никогда объ этомъ и не думалъ; ничего объ этомъ не знаю». Шарлотта напомнила ему самыя выраженія, имъ употребленныя: *ich sie schenken, machen mit wass sie will ich will weissen, dass sie eben so lieb, als König in Spanien seine Frau haben*¹⁾; заявила, что ея мать, воспользовавшись обѣщаніемъ, уже истратила часть этой суммы, и что она теперь не знаетъ какъ все это объяснить матери. Шарлотта просила мужа сказать ей, какъ ей поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи, но царевичъ только отвѣтилъ, «что она можетъ дѣлать, что хочетъ; онъ же съ своей стороны знаетъ очень хорошо, что ему дѣлать, онъ никогда не обѣщаль подарить деньги, ему это и въ голову не приходило».

Шарлотта была въ большомъ затрудненіи относительно ма-

¹⁾ Дарю вамъ ихъ, дѣлайте съ ними что хотите; я хочу доказать, что люблю васъ неменьше, чѣмъ испанскій король любитъ свою жену (сестру Шарлотты).

ей было совѣстно, что она должна была взять назадъ свои
 сужденія, и досадно, что пришлось разоблачить свои отношенія
 мужу: «Одному Богу извѣстно, писала она, какъ глубоко я
 огорчена, ибо, конечно, это доказываетъ, какъ мало у
 моего расположенія и уваженія ко мнѣ. Мнѣ стыдно писать вамъ
 объ этомъ, но умоляю васъ напишите, какъ мнѣ поступить. Я
 негодованіи, когда подумаю, какая бездѣлица эта сумма для
 ребенка. Особенно обидно для меня то, что онъ отказывается
 отъ своего обѣщанія съ такимъ раздраженіемъ. Если бы все это
 касалось только меня, я бы легко съ этимъ примирилась, но
 когда я вспомню о васъ и о томъ, какъ мало удовольствія до-
 шло вамъ этотъ бракъ, я лишаюсь спокойствія и прихожу
 въ отчаяніе. Я всегда старалась скрывать характеръ моего му-
 жья, но теперь личина снята противъ моей воли. Я несчастіе,
 вы думаете и чѣмъ я могу выразить; но что же мнѣ прихо-
 дитъ дѣлать, какъ не огорчаться и скорбѣть до тѣхъ поръ, по-
 скольку небо не облагодѣтельствуетъ меня и не освободитъ изъ этого
 раба; вотъ единственное благо, на которое мнѣ остается упо-
 нуть. Я не что иное, какъ бѣдная жертва моей семьи, не при-
 нисшая ей ни малѣйшей пользы, и я умираю медленною смертію
 отъ бременемъ горя. Богъ знаетъ, что будетъ съ моей бере-
 менностью; я боюсь, чтобы это состояніе не оказалось просто
 извѣстною. Жизнь у меня прибавляется съ каждымъ днемъ и
 становится тверже камня; я, правда, чувствую, какъ будто что-
 то движется и даже довольно сильно, но желудокъ у меня отъ
 времени до времени такъ опухаетъ, что я едва не задыхаюсь;
 при этомъ у меня постоянныя боли и невыразимое стѣсненіе
 въ сердцѣ»¹⁾).

Понятно, какъ при такомъ болѣзненномъ состояніи всякая
 непріятность должна была отзываться на настроеніи принцессы.
 А между тѣмъ эти непріятности стали усложняться семейной
 распрей. Во время столкновенія по поводу Гидеонскаго дома,
 Шарлоттѣ было особенно больно, что ея мужъ не принялъ ни-
 какого участія въ ней и не помогъ ей выдти изъ затрудненія,
 хотя ему было такъ легко отправиться въ своей теткѣ и ула-
 дить дѣло. Когда Шарлотта стала говорить ему объ этомъ, онъ
 возразилъ ей очень холодно: «*Mich nichts angehn bekümmere
 mich nicht am sie*» (это меня не касается; мнѣ нѣтъ до васъ
 дѣла). Шарлотта замѣтила ему, что это очень дурно съ его сто-

¹⁾ Это написано на осьмомъ мѣсяцѣ беременности, но Шарлотту тогда считали
 беременною уже 10 мѣсяцевъ. Мы привели этотъ отрывокъ, такъ какъ изъ него
 видно, что жалобы на ея несчастное положеніе не были преувеличены.

роны, и если онъ не принимаетъ участія въ ней, то это и
него же стыдно; въ Германіи нѣтъ сапожника или портного, в
торый бы въ подобномъ случаѣ не принялъ сторону своей ж
ны и допустилъ, чтобы съ его женою обращались такъ, какъ
здѣсь поступаютъ съ нею. «Вы не въ Германіи, а въ Россіи
сказалъ на это царевичъ. «Я это знаю, возразила Шарлотта,
если бы со мною такъ обходились, какъ мнѣ было обѣщано,
бы не замѣчала разницы въ этомъ отношеніи, теперь же и
положеніе почти невыносимо». — «Зачѣмъ вы мнѣ это говорите
спросилъ царевичъ, развѣ я что-нибудь обѣщаль?» — «Конечно
вы обѣщали и подписали вмѣстѣ съ царемъ, а кромѣ того и
словахъ обѣщали еще гораздо больше, о чемъ я и не хочу уп
минать». — «Молчите, прервалъ царевичъ жену, я вамъ ничего и
обѣщаль (Halten Maul, ich sie nichts versprochen); а если
подписался, такъ это я сдѣлалъ по принужденію». — «Das dank
ihnen der Henker, воскликнула съ досадой кронпринцесса, какъ
васъ принуждалъ на мнѣ жениться? Если бы я это знала, ника
кая сила меня сюда бы не привлекла. Такъ-то вы исполняете
обѣщанія, которыя вы такъ часто и совершенно добровольно да
вали моей матери; хорошо, что мой дѣдъ умеръ, иначе такое по
вѣстіе убило бы его. Да и мать моя, которая всегда отъ васъ
ожидала столько хорошаго, погибнетъ съ горя; пощадите вы, и
крайней мѣрѣ, ее, и пощадите собственную честь, которая все
болѣе отъ этого пострадаетъ». Царевичъ разразился на это рѣ
кимъ взрывомъ смѣха и сказалъ: «Не заботьтесь обо мнѣ, это
вовсе не нужно, я вамъ ничего не обѣщаль, и уже конечно не
стану впредь исполнять то, что подписано не по моей волѣ.
Ваши люди не мнѣ служатъ, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; Гидео
новъ также не мой слуга и совершенно иначе все рассказываетъ,
чѣмъ вы». — «Кому же изъ насъ обоихъ вы вѣрите?» спро
сила Шарлотта. «Я не могу знать, кто изъ васъ говоритъ прав
ду, вы или Гидеоновъ», сказалъ Алексѣй (Ich kann nicht unter
scheiden zwischen sie und Gidenhoff).»

«Сколько я ни старалась его убѣдить, продолжаетъ Шарлот
та свой рассказъ, все было напрасно; наконецъ, онъ мнѣ ска
залъ: «повѣрьте мнѣ, для васъ лучше, если вы возвратитесь въ
Германію, такъ какъ вы здѣсь недовольны». — «Я вовсе этого не
желаю, возразила Шарлотта, я хочу только, чтобы исполнили то,
что мнѣ было обѣщано, я не такъ себя вела, чтобы здѣсь имѣ
ли поводъ отослать меня назадъ». — «Я этого не говорю, возра
зилъ царевичъ, но это будетъ лучше для васъ и для насъ». — «Для
меня это можетъ быть и будетъ лучше, но ваше доброе имя и
слава вашего отца отъ этого значительно пострадаютъ, и въ

«...же способомъ, полагаете вы, могла бы я отсюда удалиться, того, чтобы не повредить вамъ и себѣ?» — «Если бы вы не были беременны, отвѣтилъ царевичъ, вы могли бы... что не хотите оставаться, потому что не имѣете дѣ-

На другой день, когда они увидѣлись, царевичъ спросилъ у... какъ она себя чувствуетъ. Шарлотта возразила, что ей... тельно, какъ онъ могъ сдѣлать такой вопросъ; что послѣ... жестокостей, которыя онъ ей вчера наговорилъ, она въ... янии. Царевичъ просилъ жену не напоминать ему объ этомъ, она не хочетъ его раздражать. Шарлотта спросила, же... ли онъ еще, чтобы она уѣхала, она согласна на это, ей надо будетъ сначала написать объ этомъ царю и узнать... рѣшеніе. Царевичъ замѣтилъ на это: «То, что я вчера го... о вашемъ отѣздѣ, сказано было потому, что я былъ... ерженъ». Но это меня не утѣшаетъ, писала по этому по... принцесса своей матери; «если бы я не была беременна и... бы добрымъ путемъ возвратиться въ Германію, я бы съ... ольствиемъ согласилась питаться тамъ только хлѣбомъ и во... Я почти съ ума схожу, не знаю, что говорю и что дѣлаю;... всемогущаго Бога, чтобы онъ наставилъ меня своимъ свя... духомъ, ибо иначе отчаяніе заставитъ меня совершить что... ужасное». Отношенія между супругами еще болѣе ухуд... слабостью Алексѣя къ вину. Эта склонность вѣроятно... лась у царевича во время его лагерной жизни въ Поме...; ибо уже въ августѣ 1713 года австрійскій резидентъ... ерь писалъ, что Алексѣй проводитъ время въ обществѣ... мыхъ людей и очень преданъ пьянству, отчего кронпринцесса... огорчается, хотя этого и не высказываетъ. Какъ отражал... такой образъ жизни на характеръ Алексѣя и на его отно... ныхъ къ супругѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный раз... его камердинера во время допроса.

«Царевичъ былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ домой хмѣленъ, хо... къ кронпринцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взявъ меня... спальною, сталъ съ сердцемъ говорить: «Вотъ де Гаврило... новичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ, чертовку,... звать: какъ де къ ней не приду, все де сердитуетъ и не хо... со мною говорить; развѣ де я умру, то ему не заплачу. Я... ну его Александру, головѣ его быть на волѣ и Трубецка... они де къ батюшкѣ писали, чтобъ на ней жениться. Я ему... вилъ: царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и ври...; кто услышитъ и пронесутъ имъ: будетъ имъ печально, и... тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они. Онъ мнѣ

молвилъ: «Я плюну на нихъ. Здорова бы мнѣ была чернь. Кто будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ архіереи приходскимъ священникамъ, а священники приходъ намъ; тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ». Я смолчу. Онъ мнѣ говоритъ: «что ты молчишь и задумался?» молвилъ, что мнѣ, государь, говорить? Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. По утру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивать: Не досадила ли вчера съ кому? Я сказалъ нѣтъ.—Инь не горилъ ли я пьяный чего? Я ему сказалъ, что говорилъ, что и сано выше. И онъ мнѣ молвилъ: Кто пьянъ не живеть? уша наго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень изираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, что этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты свакешъ вѣдь де тебѣ не повѣрять; я запрусь, а тебя стануть пинять. Самъ говорилъ, а самъ смѣлся»¹⁾.

Изъ ссоры, описанной Шарлоттою, какъ и изъ разсказа мердинера видно, что царевичъ на другой день послѣ какой-нибудь выходки чувствовалъ свою неправду и жалѣлъ о сказанныхъ въ раздраженіи словахъ. Но едва ли Шарлотта умѣла пользоваться этой хорошей чертою въ характерѣ ея мужа для примиренія съ нимъ. Напротивъ, съ каждой ссорой они становились все болѣе чужды другъ другу. До какой степени были холодны ихъ отношенія, видно изъ слѣдующаго случая. Лѣтомъ 1714 года, царевичъ, давно уже хворавшій²⁾, рѣшился отправиться на воды въ Карлсбадъ. Шарлотта до послѣдней минуты ничего объ этомъ не знала. Только когда уже подали дорожный экипажъ, Алексѣй объявилъ женѣ о своемъ намѣреніи и простился съ нею краткими словами—*adieu, ich gehe nach Karlsbad*. Шарлотта была очень оскорблена такою холодностью, въ которой она видѣла пренебреженіе къ себѣ, и тѣмъ болѣе огорчена неожиданностью отъѣзда, что считала лѣтнее леченіе въ Карлсбадѣ вреднымъ для здоровья.

Намъ теперь до извѣстной степени понятна скрытность царевича. Алексѣй желалъ, чтобы никто не зналъ о его путешествіи и потому, получивши позволеніе отъ отца, тотчасъ взялъ у Головкина паспортъ на имя офицера, ѣдущаго въ Германію и объявилъ, что отправляется немедленно. Канцлеръ указывалъ

¹⁾ Солов. XVII с. 159.

²⁾ Плейеръ писалъ о немъ, что онъ все хвораетъ и что медики не считаютъ его долговѣчнымъ, полагая, что у него чахотка въ сильномъ развитіи.

на опасности такого путешествія и просилъ позволенія увѣ-
рить берлинскій и вѣнскій дворы. Но царевичъ не только
нѣ, и говорить никому не позволилъ, чтобы скрыть отъ ино-
странныхъ пословъ, и на другой день уѣхалъ.

Однако вина царевича относительно жены состояла не толь-
ко въ томъ, что онъ ей не довѣрялъ и отъ нея также скры-
лъ свое намѣреніе, но и въ равнодушіи, которое онъ выка-
залъ при прощаніи съ больной женой и во время разлуки съ
ней, такъ какъ онъ вовсе не писалъ ей изъ-за границы.

Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ «инкогнито», какъ писала Шар-
лотта матери, въ сопровожденіи только «Никифора Кондратьевича».
Слуга его состояла изъ двухъ камердинеровъ, фурьера, пажа
и двухъ лакеевъ. Такъ какъ въ это время и Екатерина уѣхала
изъ Петербурга къ царю въ Ревель, то Шарлотта осталась со-
вершенно одна въ послѣдній мѣсяцъ своей беременности. Это
желаніе кронпринцессы заставило Петра принять нѣкоторыя
мѣры предосторожности относительно предстоящихъ родовъ своей
жены. Эти мѣры состояли въ томъ, чтобы три русскія при-
дворныя дамы, жена канцлера графа Головкина, генеральша
Ржевская присутствовали при родахъ для предотвра-
щенія ложныхъ слуховъ о подмѣнѣ ребенка и т. п. Царь самъ
старался объяснить своей невѣстѣ необходимость этой мѣры:
«Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего,
вашего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предотвратить ла-
завство необузданныхъ языковъ, которые обмыли истину пре-
судить въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чре-
вѣстѣ вашемъ вѣще года, того ради, когда благоволитъ Богъ
къ приспѣти къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый
сдѣлать учинить, о чемъ вамъ донесетъ канцлеръ, графъ Го-
ловкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ
языкомъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Но Шарлотта совершенно не поняла смысла принятой пред-
осторожности. Ей въ голову не приходило, что народъ можетъ
заноситься съ недоувѣріемъ къ ней, какъ къ иностранкѣ и лю-
бовицкѣ, и потому легко повѣрить разнымъ слухамъ. Она пола-
жала, что русскія дамы назначены для того, чтобы слѣдить за
ней и предотвратить возможность какого-нибудь обмана съ ея
стороны. Она заподозрила, что все это возни разныхъ лицъ —
приближенныхъ къ царевичу и недоброжелательныхъ къ ней.
Поэтому она сочла нужнымъ обратиться къ царю и оправ-
даться относительно высказанныхъ противъ нея подозрѣній. Она
писала, что не понимаетъ, кого царь разумѣетъ подъ тѣми кле-
ветниками, которымъ слѣдуетъ заградить уста. Она высказывала

надежду, что царь ее защититъ и не допуститъ, чтобъ ей пришлось страдать изъ-за лжи и клеветы безбожныхъ людей, и что наглость этихъ людей будетъ наказана какъ тяжкое преступленіе.

«Меня огорчило въ глубинѣ души, что мои завистники и враги имѣли столько силы и вліянія, чтобы подвести подъ меня такую важную интригу.» Она ссылалась на свое прежнее поведеніе и на свою совѣсть, которыя послужатъ ей оправданіемъ на страшномъ судѣ. Господь ея утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, гдѣ она всѣми повинута, услышитъ ея вздохи и сократитъ дни ея страданій.

Особенно огорчена была Шарлотта тѣмъ, что назначенныя Петромъ дамы предложили ей свою бабу, вмѣсто той, которую она привезла съ собою изъ-за границы. Это могло ее окончательно увѣрить, что ее въ чемъ-то подозрѣваютъ. Кромѣ того естественно, что ей не хотѣлось лишиться помощи той бабушки, которая за ней ходила и къ которой она привыкла. «Вѣдь всякой женщинѣ, писала Шарлотта, предоставляется свобода брать бабу, которой она довѣряетъ». Поэтому кронпринцесса настаивала, чтобы ее въ этомъ отношеніи не стѣсняли, тѣмъ болѣе, что по брачному договору ей предоставлена полная свобода въ выборѣ ея прислуги. «Если въ этомъ случаѣ будетъ поступлено иначе, писала она, то я этому не могу воспротивиться, такъ какъ я во власти вашего величества, но естественно, что мои глаза наполнились бы слезами, а сердце облилось кровью».

Въ такомъ же смыслѣ Шарлотта писала Екатеринѣ и заключила это письмо словами: «Надѣюсь, что мои страданія скоро прекратятся; теперь я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ смерти, и, какъ кажется, это единственное мое спасеніе».

Шарлотта въ своемъ письмѣ просила Петра дать, по крайней мѣрѣ, назначенію трехъ дамъ такой видъ, какъ будто бы она сама этого желала. Эта просьба была исполнена, и Головкинъ писалъ по этому поводу царю: «а о письмѣ, государь, вашемъ ниго у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то учинено по ихъ прошенію».

Безъ сомнѣнія, Шарлотта выказала въ своихъ письмахъ къ царю и Екатеринѣ ¹⁾ слишкомъ много обидчивости и полное непониманіе своего положенія, не говоря уже о плаксивомъ тонѣ писемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что одиночество, среди котораго она жила, холодность и пренебреженіе царевича, и постоянныя непріятности, которыя она терпѣла, должны были

¹⁾ Письма Шарлотты приведены въ оригиналѣ у Устр., VI. 320.

жить въ ней обидчивость и подозрительность. А при такомъ строеніи не удивительно, что она увидѣла въ назначеніи свидѣтельница признакъ недовѣрія со стороны царя, единственного на, которому она вполнѣ довѣряла. Можетъ быть, она въ этомъ случаѣ поддавалась влиянію своихъ придворныхъ дамъ, которыя были оскорблены тѣмъ, что надъ ними поставлены какъ надзирательницы. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ русскихъ и, какъ кажется, именно дамы, назначенныя въ свидѣтельница, какъ будто допускали возможность на то-нибудь подлога со стороны нѣмецкаго двора Шарлотты, что, вѣчно, не могло не оскорбить послѣдней.

По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ письма Ржевскаго къ Петру, изъ котораго видно, что она придавала очень большую важность своему назначенію: «По указу вашему, у ея величества кронпринцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на что не отступаемъ и она къ намъ милостива. И я обязана самамъ Богомъ, еже ей, ей! ни на великіе милліоны не вымущу и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и къ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились».

Наконецъ, 12-го іюля кронпринцесса разрѣшилась дочерью малькою. Какъ плохъ былъ уходъ за нею видно изъ того, что тотъ же день ей позволили написать о своей радости матери. Она писала также къ Петру и Еватеринѣ, и въ отвѣтъ отъ нихъ получила очень любезныя письма. Шарлотта называла это письмо царя очень obligatнымъ, наполненнымъ такими милостивыми заявленіями, которыя укрѣпили ея довѣренность. Она увѣряла царя, что такъ какъ на этотъ разъ маневрировала родить принца, то надѣется въ слѣдующій разъ быть счастливѣе.

Съ выздоровленія Шарлотты, послѣ родовъ, можно начать новый періодъ въ ея перепискѣ съ матерью, продолжавшійся около года до ея смерти.

Письма этого періода болѣею частью очень кратки, судя по тѣмъ, которыя дошли до насъ. Можно было бы заключить изъ этого, что жизнь ея сложилась лучше, что спокойствіе ея не нарушалось такими неприяностями и семейными раздорами, какъ намъ пришлось описывать. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что жизненная обстановка осталась та же. Не вѣрнѣе ли будетъ, поэтому, если мы станемъ объяснять перемѣну въ перепискѣ иной причиной. Сдѣлавшись матерью, Шарлотта, какъ всѣ женщины, развилась и созрѣла. Ее охватило инстинктивное чувство обязанности. Это материнское чувство укрѣпило ее,

служило ей естественной опорой, дало ей силу сохранять среди жизненных неприятностей болѣе спокойствія и разсудительности. Она стала уходить въ себя, привыкла говорить и совѣщаться съ собой, и перестала быть дѣвочкой, которая въ страхи и горѣ знаетъ только одно средство — броситься со слезами объятія матери.

Только иногда Шарлотта пишетъ, что ей хотѣлось бы устной бесѣды съ матерью излить все свое сердце, что если она желала все сообщить, то ей пришлось бы исписать цѣлыя томы.

Письма ея касаются почти исключительно ея здоровья, раныхъ событій въ семьѣ вольфенбюттельскихъ родственническихъ отношеній къ членамъ царской семьи и маленькой дочери. Мало-помалу только затрогиваетъ она политическіе вопросы. Ея дядя, новый герцогъ вольфенбюттельскій, измѣнилъ политику отца и сталъ склоняться на сторону шведовъ. Шарлоттѣ было, конечно, очень неприятно, что столь близкій родственникъ вредилъ царскимъ интересамъ и вынуждалъ русское правительство отправлять къ нему ноты — *dans des termes Russiens, c'est à dire fort massives*, какъ выразилась Шарлотта не безъ нѣкотораго удовольствія, такъ какъ она не любила этого дядю. Шарлотта такъ беспокоилась по этому поводу, что нашла нужнымъ объясниться съ Екатериной и увѣрить, что ея отецъ нисколько не раздѣляетъ страсти своего брата къ шведамъ. Екатерина очень любезно успокоила ее слѣдующими словами: *Mach ju kein Gedancken, czaarisch Majestet weiss wohl, dass ju Vater gut Freund von ihm und sagen, wahr viel besser, dass ju Vatter an Hertzog von Wolfenbittel sein stell, oder dass alte Herr nicht gestorben, denn ist alle beyde mein gut Freund* ¹⁾.

Также рѣдко и кратко касается Шарлотта новостей и общаево придворной жизни. Только весной 1715-го она сообщаетъ, что по случаю приготовления къ походу, въ Петербургѣ и днемъ и ночью ничего другого не дѣлаютъ, какъ пробуютъ мортиры и пушки, и что это производитъ такое сильное впечатлѣніе, какъ будто находишься въ осажденномъ городѣ.

Въ другой разъ она описываетъ святки: «У насъ теперь начались праздники, въ родѣ карнавала (*une espèce de carnaval*), но только для мужчинъ. Праздники начинаются съ пер-

¹⁾ «Не тревожьтесь этимъ; царское в. знаетъ хорошо, что вашъ отецъ ему добрый другъ, и сказалъ, что было бы лучше, еслибы вашъ отецъ былъ на мѣстѣ герцога Вольфенбюттельскаго, или еслибы старикъ не умеръ, такъ какъ оба были мои друзьями».

дня Рождества и продолжаютъ до Крещенія: все удовольствіе заключается въ ѣдѣ и питьѣ. Вчера всѣ были у меня, и меня очень утомило; по-русски это называется *славить*; она должна въ это время всѣмъ служить. Такъ какъ гости сидѣли за столомъ три часа съ половиной, и ихъ было много, что имъ было тѣсно за тремя столами, то я очень рада. Я никогда не видѣла царя въ лучшемъ расположеніи; онъ много говорилъ со мною и очень обрадовался моей маленькой дочкѣ; но не всегда можно полагаться на хорошую погоду. Мнѣ очень досадно, что нельзя поговорить съ вами: я бы объяснила кое-какія вещи, о которыхъ должна молчать, и которыя показались бы невѣроятными». Интересное письмо, изъ котораго мы привели отрывокъ, было прервано тѣмъ, что царевичъ велѣлъ позвать жену къ гостямъ.

О царскихъ министрахъ и своихъ отношеніяхъ къ нимъ, Шарлотта говорила очень осторожно. О канцлерѣ Головкинѣ отзывалась, что это единственное лицо, которое она можетъ считать расположеннымъ къ себѣ, что же касается Меншикова, то лучше объ немъ думать, чѣмъ говорить». Въ другой разъ, по поводу запроса со стороны матери, назначенъ ли царевичъ губернаторомъ Петербурга, Шарлотта писала, что Меншиковъ еще губернаторомъ, и несмотря на то, что происходили нѣкоторыя исторіи (*démêlés*), онъ все еще держится, хотя не пользуется прежнимъ довѣріемъ, и за то теперь есть другой, хуже его — Шафировъ. Я съ нимъ не вижусь. Онъ совершенно таковъ, какимъ его описываютъ, но вѣдь мнѣ суждено страдать и терпѣть».

Хозяйство кронпринцессы было въ прежнемъ положеніи. Шарлотта писала, что она *по шю* въ долгахъ, такъ какъ съ древень все нѣтъ доходовъ, мебель и припасы приходится покупать на свои деньги, при чемъ, напр., вино неслыханно дорого; на дрова и овесъ выдаются теперь деньги, но этихъ денегъ не хватаетъ на половину.

На своихъ придворныхъ Шарлотта болѣе не жаловалась: свѣдѣнія ея огорчали развѣ только тѣмъ, что нѣкоторые помыслили замужъ и оставили ее. За то со смерти молодого Левенвольда отношенія между его отцомъ и кронпринцессой очень изменились. Они наконецъ ухудшились до того, что Шарлотта писала весною 1715-го года: «Старикъ Левенвольдъ сдѣлался моимъ главнымъ гонителемъ (*mon plus grand persécuteur*) — это самый безчестный человѣкъ въ мірѣ».

Чаще упоминаетъ Шарлотта въ это время о своихъ родственникахъ. Между ними было только одно лицо, съ которымъ

она всегда находилась въ одинаковыхъ, хорошихъ отношеніяхъ — это былъ самъ царь. Она видѣлась съ нимъ не часто, такъ какъ онъ былъ постоянно очень занятъ и не рѣдко уѣзжалъ изъ Петербурга, но всегда, встрѣчаясь съ ней, Петръ былъ пріятливъ и ласковъ. Такъ, однажды Шарлотта встрѣтилась съ нимъ у царевны Натальи, которая была больна. Петръ осыпалъ свою невестку изъявленіями милости и расположенія, какъ всегда выражалась Шарлотта объ обращеніи съ нею царя. Онъ самъ служилъ ей переводчикомъ и не хотѣлъ допустить, чтобы кто-либо передавалъ ей слова.

Далеко не такъ хороши были отношенія ея въ царствѣ. «Моя теща ко мнѣ такова, какъ я всегда ее себѣ представляю и даже хуже», писала Шарлотта въ апрѣлѣ 1715-го года. Не сколько времени спустя она писала: «Съ царицей я не видюсь, ибо всякій разъ, когда я ее предупреждаю о моемъ посѣщеніи, она мнѣ отказывается. Она теперь довольно рѣдко показывается и очень бережется, вслѣдствіе своей беременности; притомъ она, должно быть, ужасно убита и огорчена». Ихъ отношенія ухудшились даже до того, что Шарлотта однажды выразилась о Екатеринѣ, что «она хуже всѣхъ» (*pire que tous le reste*).

Отношенія въ царевнѣ Натальѣ, повидимому, не улучшились послѣ описаннаго непріятнаго столкновенія. И та также почти всегда отказывала, когда Шарлотта заявляла желаніе ее посѣтить, и онѣ встрѣчались только на придворныхъ празднествахъ.

За то Шарлотта нашла очень радушный приѣмъ въ семьѣ покойнаго царя Іоанна, которая зимою 1715-го года переехала изъ Москвы въ Петербургъ, и, какъ извѣстно, состояла изъ матери и трехъ дочерей. Шарлотта очень часто видалась съ царевнами, и онѣ выказывали ей много любезности и расположенія. Внѣшность ихъ Шарлотта описала своей матери слѣдующимъ образомъ: «Герцогиня (т.-е. Анна Іоанновна) самая некрасивая изъ сестеръ, росту она съ Еппенъ, дѣвушки принцессы остфрисландской, хотя талія ея еще нѣсколько короче, а ноги длиннѣе; она немного близорука, цвѣтъ лица у нея очень желтый, волосы такого же цвѣта, вообще она женщина чрезвычайно некрасивая (*en tout une personne accomplie en laidet*). Старшая, хотя и не красивѣе, но гораздо умнѣе; она очень любезна, вкрадчива и любитъ много говорить; она черна какъ цыганка и вся въ морщинахъ, какъ будто ей 50 лѣтъ, но при этомъ у нея красивые глаза и довольно хорошее сложеніе, а пріятное обращеніе ея скрадываетъ ея недостатки. Младшая молчаливѣе герцогини; у нея очень хорошенъкая талія, и хотя

но плечо выше другого, но она скрываетъ это довольно искусно; выраженіе же лица ея очень глуповато (niais). Всѣ онѣ кажутся наперерывъ быть со мною любезны и просили меня съ ихъ попеременно съ собой на мой островъ¹⁾.

Гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ эти отношенія къ родственникамъ, конечно, для Шарлотты отношенія къ царевичу, а именно эти не представляли ничего отраднаго. Царевичъ, уѣхавъ за границу не простившись съ женою, не присылалъ ей ни какихъ вѣстей о себѣ. Въ началѣ ноября, слѣдовательно почти пять мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, Шарлотта писала: «Царевичъ все еще не возвратился, и никто не знаетъ онъ, умеръ ли онъ или живъ; я въ ужасномъ волненіи; всѣ письма, которыя я къ нему отправила въ послѣднія 6 или 8 мѣсяцевъ, возвращены мнѣ изъ Дрездена и изъ Берлина, такъ какъ адресъ тамъ неизвѣстенъ». Только черезъ двѣ недѣли послѣ этого царица прислала сказать Шарлоттѣ, что получила извѣстіе о царевичѣ и что онъ скоро прибудетъ въ Петербургъ.

Приѣздъ царевича доставилъ, однако, Шарлоттѣ не меньше огорченій, чѣмъ его отсутствіе. Мы, правда, не встрѣчаемъ въ письмахъ никакихъ жалобъ на семейный раздоръ. Въ первые дни послѣ приѣзда царевичъ былъ даже очень нѣженъ къ ней (*me témoigne force amitié*), а потомъ Шарлотта только сказала о немъ, что онъ относится къ ней совершенно какъ въ прежнее время, съ той разницею, что она теперь его рѣже видитъ, — но образъ жизни, который сталъ вести Алексѣй по возвращеніи изъ-за границы, долженъ былъ очень отравлять его семейныя отношенія.

Уже въ это время Алексѣй открыто взялъ къ себѣ въ домъ любовницу своего учителя Никифора Вяземскаго, извѣстную по имени Евфросинью²⁾, съ которою потомъ не разставался до самой своей смерти.

Его пренебреженіе къ женѣ ни для кого не было тайной. Ганноверскій секретарь Веберъ писалъ потомъ въ своихъ мемуарахъ: «Я постоянно замѣчалъ, что царевичъ въ обществѣ никогда не говорилъ ни слова съ своей женой и тщательно избѣгалъ ее».

«Царевна жила въ своемъ домѣ на лѣвой половинѣ, царе-

¹⁾ Изъ писемъ Шарлотты мы узнаемъ также, что въ то время повѣренный герцога Мекленбургскаго сватался отъ его имени за Анну Иоанновну, вдовствующую принцессу Курляндскую. Извѣстно, что герцогъ женился потомъ на ея младшей сестрѣ, Екатеринѣ Иоанновнѣ.

²⁾ Объ этомъ упоминается въ манифестѣ о лишеніи цар. Алексѣя престола. Нап. Устр. VI., 438.

вичъ на правой, и они видались едва по одному разу въ дѣлю¹⁾. Домъ, въ которомъ они жили, царевичъ довелъ до того запущенія, что въ спальнѣ кронпринцессы текло съ потолка, а если царь дѣлалъ ему по этому поводу строгое замечаніе, онъ грозилъ женѣ и упрекалъ ее за то, что она не вариваетъ на него царю».

«Но эта умная принцесса переносила свое горе съ необыкновенной твердостью; только стѣны видѣли ея слезы и тогда передъ своей подругой, принцессой Остфрисландской, она изливала свое горе.

«Мнѣ понадобилось бы нѣсколько листовъ бумаги, если бы захотѣлъ войти въ подробности и описать всѣ неприятели, которымъ она подвергалась». Веберъ удовольствовался тѣмъ, что упомянулъ о связи царевича съ Евфросиньей²⁾».

Къ этой неприятели присоединилось еще другое огорченіе. Отношенія царевича къ отцу становились все холоднѣе и натянутѣе; все неотвязчивѣе томило его предчувствіе, что онъ грозитъ не добрую развязкою. У царевича не было силъ выдти изъ этого тяжелаго положенія, переломить себя, свои привычки и взгляды и принести все это въ жертву неумолимому отцу. Слабые люди въ его вѣкъ знали одно легкое средство облегчить себѣ бремя дѣйствительности: они искали забвенія ея. И царевичъ сталъ все чаще и чаще прибѣгать къ этому средству.

Въ началѣ Шарлотта могла утѣшать себя мыслью, что это временное увлеченіе и что всему виною продолжительныя свѣдѣнія. Оправдывая мужа передъ матерью въ томъ, что онъ пересталъ писать, не поздравилъ ее даже съ праздниками, Шарлотта во всемъ обвиняла эти праздники; «ему такъ труденъ нѣмецкій языкъ», писала кронпринцесса 7-го января 1714-го года, и съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся, онъ проводитъ дома только частыя ночи, да и въ эти часы онъ не бываетъ въ памяти отъ сильныхъ попойекъ; теперь у насъ здѣсь праздники, нѣчто въ родѣ карнавала» и т. д.

Но праздники прошли, наступилъ великій постъ, а царевичъ продолжалъ прежній образъ жизни. Эта жизнь уже начала отражаться на здоровьѣ царевича, хотя онъ за границею поправлялся и пополнѣлъ. Въ концѣ апрѣля Шарлотта подверглась

¹⁾ Веберъ прибавляетъ къ этому: und wenn der Czarewitz nicht die Erzielung eines Erben als die Stütze seiner Sicherheit angesehen hätte, würden diese beyde Verhältnisse einander stets unsichtbar geblieben seyn». Das Veränd. Russland. II изд. т. 1-й стр. 120.

²⁾ Welche der Czarewitz als ein Keksweib öffentlich ins Haus nahm und dieselbe Tag und Nacht an seiner Seite hatte.

шному испугу: царевича вынесли замертво изъ церкви; онъ такъ плохъ, что его нельзя было отвезти домой черезъ мостъ, и ему пришлось ночевать въ сосѣднемъ домѣ какого-то иностранца. И на другой еще день онъ былъ очень слабъ, такъ беременная кронпринцесса должна была отправиться къ нему и провести около него полдня. Вернувшись наскоро домой, она вечеромъ отправилась во второй разъ къ мужу черезъ мостъ. «Я приписываю весь его недугъ, писала она, посту и молитвѣ, которую онъ пьетъ въ большомъ количествѣ (*étant pour ordinaire un verre*).

Но и въ этой безотрадной семейной жизни были свои моменты полного счастья, и у этихъ столь чуждыхъ другъ другу супруговъ былъ предметъ, на которомъ сходились ихъ чувства и интересы—это была ихъ маленькая дочь. Когда царевичъ ласкалъ свою маленькую дѣвочку въ немъ пробуждалась та нѣжность, которую ему не на комъ было сосредоточить, а Шарлотта, восхищаясь этой нѣжностью, была тогда полна счастья и любила подѣлиться этимъ счастьемъ съ матерью: «Царевичъ, писала она, любитъ малютку съ необыкновенною нѣжностью, а мать, хотя еще такъ мала (ей было въ то время 4 мѣсяца съ небольшимъ) очень къ нему привязана и радуется, когда его увидитъ. Онъ уносилъ уже нѣсколько разъ въ свою комнату, нянька брала ее на рукахъ, показывалъ всѣмъ и спрашивалъ: не правда ли, что такого милого ребенка, какъ моя дочь, трудно найти? Даже русскіе восхищаются малюткой, и говорятъ, что подобнаго ребенка на свѣтѣ нѣтъ».

Шарлотта слѣдила съ материнской привязанностью за постепенными проявленіями жизни и развитіемъ ребенка. Съ гордостью извѣстила она мать, что у ея трехмѣсячной малютки прорѣзывается уже третій зубъ, а 4 мѣсяца спустя она писала, что ея дочка не по возрасту умна, и понимаетъ все, что ей говорятъ. «Хотя она еще такъ мала, она однако меня боится. Если она тянется къ чему-нибудь, и ей скажутъ, что мнѣ помешаютъ, она тотчасъ успокоится; если же ей не пригрозятъ молча, а именемъ, а просто потребуютъ, чтобы она перестала, она начинаетъ смѣяться и ведетъ себя еще хуже; при этомъ она меня чрезвычайно любитъ. Царевича же она ласкаетъ совершенно такъ, какъ взрослая; когда она увидитъ, что онъ не въ духѣ, она тотчасъ притихаетъ и только смотритъ на него, а когда онъ къ ней обернется, она улыбается и лепечетъ».

Такія минуты материнской радости были единственнымъ развлеченіемъ Шарлотты въ ея печальной жизни. Къ непріятностямъ ея положенія присоединились опять физическій недугъ.

Вторая беременность кронпринцессы тотчасъ заявила о себѣ самыми болѣзненными признаками. Хотя Шарлотта послѣ перваго мѣсяца меньше страдала отъ своего состоянія, чѣмъ первый разъ, и даже пополнила, но за то ея мучили такія сильные ревматическія боли во всѣхъ членахъ, что доводили ея почти до обморока. Послѣдній періодъ беременности былъ очень тяжелъ. За десять недѣль до родовъ принцесса встала съ лѣстницы упала, оттого что у нея отскочилъ каблукъ у башмака, и ударилась лѣвою стороною о верхнюю ступень¹⁾. Съ тѣхъ поръ она чувствовала боль въ лѣвомъ боку и въ животѣ и говорила: «меня какъ будто колетъ булавами по всему тѣлу». Къ боли присоединилась легкая лихорадка. Врачи кронпринцессы Виль и Лозе, рѣшилися пустить ей кровь, которая была очень густа. Боль послѣ этого какъ будто уменьшилась, но за 9 дней до разрѣшенія состояніе больной ухудшилось и послѣднюю недѣлю она провела въ постели. «Я постоянно страдаю, писала Шарлотта матери, 30 сент. стараго стиля, ибо я такъ полна что принуждена почти всегда лежать на спинѣ; ходить я не могу и если мнѣ нужно сдѣлать два шага, то приходится меня поддерживать съ обѣихъ сторонъ, а если я просижу хоть одну минуту, я не знаю куда дѣться отъ боли; можно было бы подумать, что я рожу троихъ дѣтей, впрочемъ у меня хорошій аппетитъ и я не чувствую такой слабости, какъ въ прошломъ году».

Несмотря на эти страданія Шарлотта была бодрa и не мучилась предчувствіемъ предстоящей развязки. «Завтра кончатся мой срокъ, часа я конечно не могу знать. Дай Богъ, чтобы императрица была такъ счастлива, какъ я²⁾. Смирренно поздравляю вашу свѣтлость съ этой счастливою новостью — однако я боюсь не въ состояніи держаться на креслѣ».

Шарлотта ошиблась въ своемъ ожиданіи: только въ полночь съ 11-го октября на 12-ое стараго стиля³⁾ начались ея страданія, а къ пяти часамъ утра она благополучно родила сына.

Въ первые дни послѣ этого, состояніе ея было такъ удовлетворительно, что на четвертый день она велѣла себя вывести въ другую комнату, стала принимать поздравленія и начала сама кормить новорожденнаго, несмотря на предостереженія и увѣщанія докторовъ и бабки. Въ тотъ же день ей стало хуже; съ самого разрѣшенія Шарлотта совсѣмъ не спала, началась

¹⁾ Показанія врачей царевнѣ напечатаны у Устр, VI, 337.

²⁾ Сестра Шарлотты, императрица Елисавета, не имѣла дѣтей въ теченіи 8-ти лѣтъ брака, и только въ 1717-мъ году родила Марію-Терезію.

³⁾ У Устрялова ошибкою сказано новаго стиля, стр. 337.

дѣйствительная лихорадка, бредъ и страшныя боли въ животѣ ¹⁾. 30-го октября принцесса лишилась памяти и положеніе ея становилось внушать серьезныя опасенія.

Узнавъ объ этомъ, царь, который въ это время самъ былъ боленъ, прислалъ Меншикова съ 4-мя лейбмедиками, Арескинымъ, Волыкалою и двумя Блументростами, чтобы составить консилиумъ. Медики нашли Шарлотту при смерти—in mortis limine.

На другой день утромъ въ 6 часовъ кронпринцесса послала баронотъ Лёвенвольда. Видѣвши его, она сказала, что подѣлать кончина ея жизни, что она готова къ смерти и уже оставила всѣ мірскіе помыслы, но желала бы поговорить съ нимъ въ некоторыхъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Лёвенвольдъ сталъ утѣшать ее, но Шарлотта прервала его словами, что никакой надежды на жизнь нѣтъ, что она чувствуетъ смерть во всѣхъ частяхъ своего тѣла и охотно умираетъ, особенно потому, что покинула царскій домъ однимъ принцемъ, за котораго она съ удовольствіемъ поплатится жизнью. Ее утѣшаетъ то, что ея дѣти, принцесса остфрисландская согласилась остаться при дѣтяхъ и заступить у нихъ мѣсто матери. Затѣмъ Шарлотта просила принцессу повторить свое обѣщаніе въ присутствіи Лёвенвольда, а съ послѣдняго взяла честное слово, что онъ въ случаѣ нужды напомнитъ принцессѣ объ этомъ обѣщаніи.

Кромѣ дѣтей у Шарлотты была еще другая забота, тревожившая ее передъ смертью, судьба принцессы, послѣдовавшей за нею въ Россію вопреки совѣтамъ родственниковъ и которую она за это любила и почитала, по ея собственному выраженію, какъ родную сестру. Шарлотта просила Лёвенвольда, чтобы онъ съ отвѣзомъ принцессу за границу, въ случаѣ еслибы царь не согласился оставить ее при дѣтяхъ. Шарлотта настаивала на этомъ потому, что Лёвенвольдъ сопровождалъ принцессу при ея выѣздѣ въ Россію, что онъ знакомъ со всѣми ея родственниками и знаетъ, какъ она ей дорога. Лёвенвольдъ заявилъ, что для этого нужно позволеніе царя. Но Шарлотта поспѣшила на

¹⁾ Симптомы и ходъ болѣзни, а также и способъ леченія подробно описаны въ медицинскомъ отчетѣ медиковъ: «Brevis ac sincera Relatio» etc. напеч. У Устр., 385. О страданіяхъ кронпринцессы можно судить по слѣд. мѣсту донесенія: Aderat febris intensa, cum siti intensa pulsum tangebamus frequentissimum simul et debilissimum, linguam vero siccam plane et nigerrimam, sub hoc aestu tamen extrema omnia maximo gelu rigebant, dum sudore rigido universum corpus perfunderet, dolores interim universe abdominis aderant atrocissimi, cum maximis anxietatibus atque corporis jactatione, accedebant funestis his symptomatibus funestiores convulsiones atque creberrima animi deliquia; ea quoque ipsa die enormem alvi fluxum ut qui 20 vel 30 sedibus Ser. Pr. exercitaverit adfuisse comperimus etc.

это возразить, что царь слишкомъ милостивъ къ ней, чтобы отказать ей въ предсмертной просьбѣ. Когда Лёвенвольдъ обязался честнымъ словомъ, что не оставитъ принцессу, Шарлотта сказала: «Теперь, слава Богу, съ сердца спалъ самый тяжелый камень».

Послѣ этого кронпринцесса стала говорить о томъ, какъ ей больно, что она не имѣетъ удовольствія проститься съ царемъ, не цѣловать его руку и поблагодарить за всѣ оказанныя отеческія милости и благодѣянія. Потерявши мужу свиданія съ царемъ Шарлотта просила Лёвенвольда попросить царя и царицѣ отъ имени полного благополучія и вручить царю письмо отъ нея.

Письмо это было озаглавлено ¹⁾: «Всепокорнѣйшая и послѣдняя просьба моя къ его царскому величеству, подписанная мною передъ моею смертью». Въ письмѣ было сказано, что Шарлотта не желаетъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно своихъ похоронъ и все предоставляетъ царю. Всѣ свои драгоценности, золотыя и серебряныя вещи, она завѣщаетъ дѣтямъ; стальныя же вещи предоставляетъ своей кузинѣ, принцессѣ, для раздачи между прислугой.

Затѣмъ Шарлотта просила царя дозволить всѣмъ ея придворнымъ возвратиться на родину и дать имъ денегъ на путевыя издержки. «И такъ какъ я, продолжала она, по причинѣ здѣшней дороговизны и неопытности моей прислуги, сдѣлавъ здѣсь нѣсколько долговъ, то покорно прошу ваше царское величество удовлетворить моихъ кредиторовъ, чтобы честь моя и имѣнья послѣ смерти не подверглись нареканіямъ. На уплату этихъ долговъ можно употребить часть сбереженій, которыя я ставлю казнь моею смертью, такъ какъ я, по Божіей волѣ, умираю такъ рано, и прежде, чѣмъ я думала». Кромѣ того Шарлотта заявила, что вслѣдствіе неожиданной смерти она не могла времени подписать счета своихъ придворныхъ. Но такъ какъ ей вполне извѣстно, что ея секретари: Клюверъ и Клементъ, которые выдавали ей деньги, служили ей честно и усердно, то она проситъ принять ихъ счета и росписки, а въ случаѣ нужды повѣрить имъ на слово. Письмо оканчивалось теплымъ изъявленіемъ признательности царю и царицѣ, и пожеланіемъ, чтобы Господь продолжилъ ихъ жизнь, насколько онъ сократилъ ей вѣкъ.

Приведенное письмо, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь характеру Шарлотты, которая нашла въ минуту тяжелыхъ предсмертныхъ страданій столько твердости, чтобы позаботиться о судь-

¹⁾ Оно напечатано Миллеромъ у Бюшнга: XV 237, въ нѣмецкомъ переводѣ. Копія съ него хранится въ Моск. Арх. (Дѣло о прѣздѣ кронпр.).

своих придворныхъ и подумать объ отвѣтственности своихъ секретарей. Но еще лучшій свѣтъ на ея характеръ бросаютъ послѣднія порученія, данныя ею Лёвенвольду.

Шарлоттѣ пришлось вынести много страданій отъ супружескихъ отношеній и отъ неблагоприятной обстановки, среди которой она находилась. Она при жизни не скрывала этого отъ матери. Но ей не хотѣлось, чтобъ другіе знали о ея семейныхъ невзгодахъ. Она предвидѣла, что ея смерть будутъ приписывать порокамъ, которыя она перенѣла, но она передъ смертью всѣхъ простила и потому хотѣла отнять у свѣта право обвинять кого-либо то ни было въ этой смерти.

Вслѣдствіе этого она поручила Лёвенвольду написать объ обстоятельствахъ ея кончины къ ея матери и къ ея сестрѣ, германской императрицѣ. «Такъ какъ я при жизни имѣла несчастье, говорила Шарлотта барону, что обо мнѣ было распространено много злоковарныхъ вымысловъ, то могутъ найтись люди, которые дерзнутъ объяснять мою смерть внутренней печалью, а не болѣзнью, поэтому я прошу васъ написать моимъ родственникамъ, что я имѣла всѣ возможные причины быть довольной и могу похвалиться милостью и любовью, оказанной мнѣ ихъ нечестивцами; не только все обѣщанное въ супружескомъ договорѣ было исполнено, но и сверхъ этого я пользовалась многими благодѣяніями»... Шарлотта при этомъ рассказывала, какъ она была тронута тѣмъ, что больной царь прислалъ ей всѣхъ своихъ медиковъ, и хотя медики ей не могли помочь, но ее утѣшило попеченіе, которое царь имѣлъ о ней до послѣдней минуты. Кронпринцесса кромѣ того потребовала, чтобы Лёвенвольдъ въ ея имени упросилъ ея мать и сестру восстановить полную дружбу между царемъ и императоромъ и поддерживать ее всѣми способами, такъ какъ, по ея мнѣнію, это было бы полезно обоимъ ея дѣтямъ.

Затѣмъ Шарлотта сказала, что у нея ничего болѣе на сердцѣ нѣтъ, и ласково простилась съ Лёвенвольдомъ.

Около полудня она послала за царемъ. Петръ былъ еще нездоровъ, но велѣлъ привести себя къ ней въ креслѣ. Онъ старался утѣшить ее, а она повторила лично свои просьбы, трогательно поручила ему своихъ дѣтей и умоляла его, чтобы онъ оставилъ при нихъ двухъ женщинъ, ею указанныхъ. Царевичъ въ послѣдній день не отходилъ отъ жены, онъ былъ такъ огорченъ, что три раза падалъ въ обморокъ.

По удаленіи царя, Шарлотта позвала своихъ придворныхъ, которые громко рыдали, утѣшала и благословила ихъ и осталась наединѣ съ пасторомъ. Когда медики послѣ этого стали

убѣждать ее, чтобы она приняла еще новое лекарство, она бросила стаканъ на полъ и сказала: «не мучьте меня такъ, дайте мнѣ спокойно умереть; я не хочу болѣе жить». Долго она плакала, обнимая и цѣлуя свою маленькую дочь, а остальное время провела въ молитвѣ. Около полуночи, съ 21 октября на 22, она скончалась. Царевичъ схватилъ на руки малютку и унесъ ихъ въ свои комнаты¹⁾.

Шарлотта просила передъ смертью, чтобы ее не балзмировали. Но такъ какъ приготовленія къ похоронамъ не могли быть скоро окончены, царь велѣлъ анатомировать ея тѣло на другой день послѣ кончины и самъ присутствовалъ при этомъ.

Самые похороны возбудили разныя затрудненія, такъ какъ Петръ желалъ при этомъ слѣдовать обычаямъ, принятымъ при иностранныхъ дворахъ, и нужно было достовѣрно освѣдомиться объ этихъ обычаяхъ. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи случай, сообщенный Плейеромъ²⁾.

Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли стрѣлять изъ пушекъ при погребеніи. Царь послалъ спросить у шведскаго графа Пипера, находившагося въ плѣну въ Петербургѣ, стрѣляютъ ли въ Швеціи изъ пушекъ при похоронахъ кронпринцессы, и если стрѣляютъ, то какъ велико число выстрѣловъ. Пиперъ отвѣтилъ, что въ Швеціи въ подобномъ случаѣ не стрѣляютъ изъ пушекъ. Но Лёвенвольдъ, часто бывшій по дѣламъ въ Швеціи, увѣрялъ, что при погребеніи королевы бываетъ 100 выстрѣловъ, а при погребеніи кронпринцессы 90. Петръ повѣрилъ барону и полагалъ, что графъ Пиперъ намѣренно и по злобѣ далъ ложное показаніе, послалъ въ нему Лёвенвольда и другого генерала, чтобы обвинить его, спросить, ради чего онъ хотѣлъ скрыть отъ царя истину, и сдѣлать ему за это строгій выговоръ. Но передъ самымъ началомъ погребальнаго шествія Петръ подозвалъ къ себѣ австрійскаго резидента Плейера, а потомъ ганноверскаго секретаря Вебера и спросилъ ихъ, стрѣляютъ ли при ихъ дворахъ во время погребенія кронпринцессы. Оба отвѣтили, что при ихъ дворахъ этого не дѣлалось. Послѣ этого царь обра-

¹⁾ Сказавши въ текстѣ, что Шарлотта умерла въ полночь, Устряловъ сообщаетъ въ особомъ примѣчаніи: «Плейеръ донесъ, что она скончалась во второмъ часу по полуночи». Такая точность въ самыхъ мелочныхъ фактахъ поражаетъ читателя своими учеными приемами. Но на этотъ разъ она основана на невѣрномъ переводѣ нѣмецкаго оригинала. У Плейера сказано: «съ перваго часа на второе (т.-е. второго стиля), а не во второмъ часу. Но еще важнѣе, чѣмъ подобныя недосмотры, — небрежность, съ которой напечатаны акты на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, приложенные къ сочиненію Устрялова. Текстъ ихъ наполненъ такими ошибками, которыя вѣрѣдко искажаютъ самый смыслъ.

²⁾ См. дописанія Плейера и Вебера въ *Verändertes Russland*. I, 129.

тисся съ такимъ же вопросомъ и въ другимъ дипломатамъ. Никто изъ нихъ не зналъ подобнаго случая, только саксонскій посланникъ указывалъ на примѣръ дрезденскаго двора. Тогда Петръ приказалъ, чтобы не стрѣляли.

Похороны кронпринцессы происходили 27 октября. Къ двумъ часамъ мужчины стали собираться у царевича, а дамы на другой половинѣ дворца, въ бывшихъ покояхъ Шарлотты, гдѣ ихъ принимала принцесса Остфрисландская. Убранство залы, гдѣ стояло тѣло покойницы, напоминало залу, гдѣ за четыре года передъ тѣмъ происходило ея вѣнчаніе, только вмѣсто краснаго цвѣта преобладалъ черный. Какъ и въ тотъ разъ, всѣ окна были завѣшаны сукномъ, а зала освѣщена многочисленными свѣчами въ 46-ти хрустальныхъ канделябрахъ. Не только стѣны, но и полъ и потолокъ были покрыты чернымъ сукномъ, а на этомъ фонѣ рѣзко выдавались гербъ и балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотомъ. Въ 4 часа началось погребальное шествіе. Между двумя рядами гвардіи, офицеры и придворные вынесли тѣло покойной къ берегу Невы. За гробомъ шелъ царь и царевичъ, а за ними сенаторы, министры и дипломаты. За длиннымъ рядомъ мужчинъ слѣдовалъ длинный рядъ дамъ, во главѣ которыхъ шелъ маршалъ съ чернымъ жезломъ. Впереди другихъ дамъ шли царица Наталья Алексѣевна и Марѳа Матвѣевна. Царицы не было на похоронахъ, такъ какъ она ожидала своего разрѣшенія.

На берегу Невы процессію ожидалъ обитый чернымъ фрегатъ; на этомъ фрегатѣ и другихъ судахъ всѣ переѣхали къ еще нестроенному тогда Петропавловскому собору. Между берегомъ и соборомъ были разставлены солдаты, освѣщавшіе факелами темноту. Тѣло опустили въ могилу, при чемъ пасторъ сказалъ небольшую рѣчь. Такъ какъ гробъ оставили подъ открытымъ небомъ до окончанія свода, то къ могилѣ былъ приставленъ почетный караулъ, послѣ чего всѣ возвратились во дворецъ царевича, гдѣ былъ приготовленъ холодный ужинъ. На этотъ разъ никого не принуждали пить.

За ужиномъ многіе, особенно иностранные дипломаты, тихо бесѣдовали между собой о послѣднихъ минутахъ усопшей кронпринцессы и печальной судьбѣ ея. Разсказывали, что она не только не боялась смерти, но чрезвычайно желала умереть. Еще до родовъ она, будто бы, предсказывала свою кончину. Послѣ благополучнаго разрѣшенія она сердилась на тѣхъ, кто желалъ ей добраго здоровья и просила всѣхъ молиться, чтобы Богъ послалъ ей смерть. Она очень радовалась, что родила для Россіи царевича и выражала надежду, что теперь ей можно будетъ умереть. Въ первые дни послѣ родовъ она часто говорила, что на

этотъ разъ ея состояніе очень хорошо, но чтобы она предпочла дурной конецъ. Она часто съ нетерпѣніемъ и досадою требовала такой пищи, которая ей была запрещена медиками. Когда ей стало хуже, она сердилась на медиковъ за то, что они мучаютъ ее своими средствами, тогда какъ ей хочется не жить, а умереть.

Послѣ ужина, около цесарскаго резидента Плейера столпились придворные Шарлотты. Они были въ большомъ безпокойствѣ относительно будущаго и выразили желаніе, чтобы императоръ Карлъ походатайствовалъ за нихъ передъ царемъ и того, чтобы тѣ изъ нихъ, которые бы не пожелали остаться въ Россіи, были отправлены, согласно условію, на родину.

Слухи, что молодая кронпринцесса желала умереть, заставили многихъ искать причину ея смерти не въ болѣзни, а въ горѣ и печали, которыхъ она сдѣлалась жертвой. Резидентъ Плейеръ писалъ къ своему двору: «Ея смерти много содѣйствовали разнообразныя огорченія, которымъ она постоянно подвергалась: деньги, назначенныя на ея содержаніе, выдавались послѣ долгихъ хлопотъ и такъ скудно, что она никогда не получала болѣе 500 или 600 руб. за разъ, такъ что она постоянно нуждалась и не была въ состояніи платить своимъ придворнымъ. Она и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ. Она также замѣтила зависть со стороны царскаго двора, по случаю рожденія царевича и знала, что царица тайно старается ей повредить. Отъ всего этого она находилась въ постоянномъ огорченіи».

То, что Плейеръ сообщилъ своему двору посредствомъ тайнаго шифра, вскорѣ начали явно утверждать въ печатанныхъ книгахъ, при чемъ главнымъ виновникомъ огорченій Шарлотты стали выставять ея супруга. Ганноверскій секретарь въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Россіи сказалъ, что жизнь кронпринцессы была переполнена такихъ непріятностей, что объ этомъ нельзя вспомнить безъ горькаго сожалѣнія (*bittere Wehmuth*). Смерть же ея онъ приписалъ отчасти семейному горю, отчасти же небрежности бабокъ.

Сказанія о страданіяхъ несчастной кронпринцессы произвели такое впечатлѣніе, что даже подали поводъ къ легендѣ, распространившейся 50 лѣтъ послѣ ея смерти. Въ 1777 году вышла французская книга, въ которой было рассказано, что Шарлотта не умерла въ Россіи, но бѣжала въ Луизиану, которую тогда только-что начали населять европейцы. Тамъ она вышла замужъ за одного французскаго офицера, съ которымъ потомъ отправилась въ Парижъ, гдѣ ее узналъ Морицъ Саксонскій. Тогда она снова скрылась на островѣ Бурбонѣ, и только уже послѣ смерти мужа и дочери вернулась въ Европу. Она тайно жила въ Па-

или Брюссель, получала щедрую пенсію отъ Брауншвейгскаго двора и раздавала бѣднымъ большую часть своихъ денегъ. Ученый Миллеръ въ свое время серьезно опровергалъ этотъ фактъ, и даже еще недавно Устряловъ считалъ нужнымъ заявить, что «это сказка», и прибавилъ съ нѣкоторою торжественностью: «несомнительные акты удостовѣряютъ, что кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 года въ С.-Петербургѣ и погребена въ Петропавловскомъ соборѣ».

Тяжело было умирать кронпринцессѣ, оставляя двухъ малолѣтнихъ сиротъ; но преждевременная смерть была благодѣяніемъ для нихъ, потому что судьба готовила ей много горя въ будущемъ. Нельзя думать, чтобы Шарлоттѣ удалось предохранить царевича отъ грозившей ему бѣды, а послѣ смерти Петра для нея возникли бы большія затрудненія изъ ея отношеній къ Евтеринѣ.

Историкъ петровской эпохи можетъ сожалѣть о томъ, что братъ царевича не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ ожидалъ Петръ, и можетъ упрекнуть Шарлотту за то, что она оказала такъ мало вліянія на мужа, что она не примѣнилась къ его правамъ, не вошла въ его интересы, не попыталась уничтожить всѣ препятствія, мѣшавшія сближенію—не удалила своихъ нѣмецкихъ придворныхъ и не приняла православнаго исповѣданія.

Такое сужденіе не было бы удивительнымъ, ибо потомство обыкновенно судить объ историческихъ лицахъ по результатамъ ихъ дѣятельности. Но историческія лица, какъ и всѣ другія, живутъ своею индивидуальной жизнью; они вносятъ въ свою дѣятельность собственную мѣрку, которая во многихъ отношеніяхъ не зависитъ отъ ихъ произвола, даже не отъ характера и умственного развитія ихъ, а есть не что иное, какъ результатъ другихъ историческихъ явленій. Историкъ нѣтъ дѣла до этой индивидуальной стороны, если онъ разсматриваетъ только смыслъ и общій ходъ описываемыхъ имъ явленій, но какъ скоро онъ произноситъ сужденіе о лицѣ, онъ долженъ оставить отвлеченную точку зрѣнія и говорить съ историческимъ лицомъ на понятномъ ему языкѣ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ принцессой Шарлоттой не какъ съ мимолетнымъ явленіемъ, промелькнувшимъ въ эпоху великаго преобразованія и не оставившимъ въ ней никакого слѣда, но какъ съ живымъ лицомъ, сохранившимъ въ потомствѣ тѣ же самыя права, которыя оно могло предъявить при жизни.

При сужденіяхъ о Шарлоттѣ нужно прежде всего имѣть въ виду краткость времени, которое она провела въ Россіи. Она

прожила здѣсь только два съ половиною года, и въ это время почти постоянно хворала. Такого краткаго срока было совершенно недостаточно для молодой женщины съ робкой и болѣзненно-чувствительной натурой, чтобы сжиться съ новой, непривычною обстановкой, полюбить новыхъ людей съ чуждыми ей нравами и понятіями.

Препятствія, которыя нужно было въ этомъ отношеніи поборотъ Шарлоттѣ, были гораздо значительнѣе, чѣмъ можно себѣ представить въ настоящее время. Не слѣдуетъ забывать, что Россія и Западъ въ петровскую эпоху были похожи на два міра, которые приближаются другъ къ другу противоположными полюсами. Какъ поражаютъ насъ своею простодушною-искренностію слова, написанныя Ржевской Петру, послѣ того, какъ она провела нѣсколько дней при дворѣ Шарлотты: «Только отъ великихъ вуплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ ястеръ глаза смутились!» Какое наивное отвращеніе выражается здѣсь въ формахъ иностраннаго быта! Какъ условныя формы его казались смѣшны и нелѣпы непривычнымъ глазамъ русской боярыни!

Но естественно, что со стороны Шарлотты было такое же непониманіе быта и условныхъ формъ жизни. Какое изумленіе выражается въ словахъ Шарлотты, когда она описываетъ матеря, какъ на святкахъ собирались гости у царевича и какъ она, въ качествѣ хозяйки, въ продолженіи всего пира—три съ половиною часа должна была сама ко всѣмъ подходить и всѣхъ угощать—*les Russes appellent cela slaven*. И ей эти условныя формы, несмысленныя для нея жизнью и не согрѣтыя веселіемъ, должны были казаться только страннымъ, утомительнымъ обрядомъ.

Сближенію, кронпринцессы съ другими членами царской семьи и съ придворною русскою аристократіей много, конечно, мѣшало то обстоятельство, что она была почти исключительно окружена иностранцами. Родственники Шарлотты, отпуская ее въ отдаленную и невѣдомую страну, настояли на сохраненіи при ней нѣмецкаго придворнаго штата, считая это утѣшеніемъ для себя и какъ бы гарантіей для принцессы. Это, конечно, было важною ошибкою, которая много повредила кронпринцессѣ. Но прежде, чѣмъ окружить себя русскимъ штатомъ, ей нужно было выучиться русскому языку и приглядѣться къ русской жизни, — а для этого потребовалось больше времени, чѣмъ было дано Шарлоттѣ. Впрочемъ, никакія старанія Шарлотты сблизиться съ супругомъ и другими русскими не привели бы ее въ желанной цѣли, пока она оставалась лютеранкой. А имѣемъ ли мы право ставить ей это въ укоръ?

Въ религиозныхъ вопросахъ нужно болѣе, чѣмъ во всякихъ

другихъ, брать въ расчетъ духъ вѣка и индивидуальный характеръ лица. Въ вѣкъ же Шарлотты религіозность совпадала съ исключительною принадлежностью къ какому-нибудь исповѣданію¹⁾, и не многіе изъ самыхъ развитыхъ ея современниковъ поднимались на высоту философа Лейбница, который желалъ слиянія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и видѣлъ въ нихъ только гармоническія формы проявленія одной существенной истины.

Конечно, и въ эпоху религіозной исключительности бывали случаи добровольнаго перехода въ другое исповѣданіе по безкомпромисснымъ побужденіямъ и ради какой-нибудь благородной цѣли. Но люди, рѣшавшіеся на такой шагъ или отличались большою силой впечатлѣній, или обладали сильнымъ характеромъ и большимъ умомъ, который давалъ имъ возможность ясно понять свою цѣль и подчинить ей всѣ другія соображенія. Шарлотта же не принадлежала ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Трагичность ея положенія заключается въ томъ, что даже хорошія стороны ея характера послужили ей во вредъ. У нея была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не легко доступны новымъ привязанностямъ и новымъ идеямъ, но за то если полюбили что-нибудь, или въ чемъ-нибудь убѣдились, то уже навсегда. Для такихъ людей невозможно оставить религію, въ которой они воспитывались, и чѣмъ сильнѣе отпоръ, который они способны дать окружающей средѣ, тѣмъ болѣе они сосредоточиваютъ его на нѣкоторыхъ пунктахъ. Безъ сомнѣнія, Шарлотта приняла бы въ дѣтскомъ возрастѣ православіе съ такою же покорностью, съ какою она дала свое согласіе на бракъ съ незнакомымъ ей царевичемъ. Точно также ея старшая сестра приняла католицизмъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ дѣдомъ и съ искусными патерами. Но Шарлоттѣ дозволено было остаться лютеранкой; она считала эту уступку единственнымъ вознагражденіемъ за жертву, которую она принесла, по своему мнѣнію, единственною связью съ дорогимъ ей прошедшимъ, отъ котораго она навсегда отрывалась. Съ ученіемъ этого вѣроисповѣданія, внушеннымъ ей съ дѣтства, сплелись лучшія стремленія ея души, и добровольное отреченіе отъ него она вѣроятно сочла бы непростительною слабостью, даже если бы она этою цѣною могла купить любовь и уваженіе мужа.

¹⁾ Какъ велика была еще въ началѣ прошлаго вѣка религіозная нетерпимость у большинства лютеранскаго духовенства, можно заключить, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая. Когда принцессу Шарлотту выдали замужъ за царевича, брауншвейгскій суперинтендентъ Ничъ сказалъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: «одну принцессу мы отдали папистамъ, другую—язычникамъ; если завтра самъ чортъ явится въ качествѣ жениха, мы отдадимъ за него третью принцессу». Vebke: Gesch. d. Hofe d. H. Braunschw.

Въ положеніи, въ которомъ находилась кронпринцесса, только три побудительныя причины могли заставить ее тотчасъ оторваться отъ прошедшаго и въ своихъ интересахъ слиться съ окружавшею ее средой—властолюбіе, чувство долга или, наконецъ, любовь къ царевичу. Но властолюбіе не было въ ея характерѣ, чувство долга было привито ей воспитаніемъ очень односторонне, а любовь къ царевичу была постепенно разрушена семейною жизнью. По своей натурѣ она была обречена только пассивно принимать впечатлѣнія окружавшей среды и не была способна ни къ какому воздѣйствію, ни къ какой борьбѣ. Во всякомъ событіи жизни она видѣла исполненіе воли Божіей, и всякое несчастье принимала за знаменіе, что ей суждено вѣчно страдать. Сообразно съ этимъ отсутствіемъ энергіи, съ этою слабостью воли, кругъ интересовъ Шарлотты долженъ былъ быть очень ограниченъ, а воспитаніе ея ничего не сдѣлало, чтобы расширить этотъ кругъ. Только двѣ обязанности были тщательно внушены ей воспитаніемъ—обязанность свято хранить всѣ заповѣди своего исповѣданія и обязанность пожертвовать собою для величія своего дома, т.-е. выйти замужъ по выбору семьи.

Такія натуры могутъ развиваться и соотвѣтствовать своему назначенію только при очень благопріятныхъ условіяхъ; имъ нужно для этого безоблачное счастье, теплая любовь и тихія радости семейной жизни, а не такой тяжелый бракъ, какой выпалъ на долю Шарлоттѣ. Она горячо полюбила своего мужа въ первое время брака, и эта любовь всегда возвращалась при малѣйшемъ выраженіи нѣжности со стороны царевича, который самъ сознавалъ, что «принцесса человекъ добръ»; но никакая любовь не могла бы выдержать при такой семейной обстановкѣ.

Характеръ царевича и его судьба зависѣли опять не отъ случайныхъ причинъ, а были вызваны глубокимъ разладомъ въ русской жизни, произведеннымъ коренными переворотами Петра, и нельзя было требовать отъ двадцатилѣтней слабой женщины, чтобы она перевоспитала царевича и предотвратила неизбѣжную развязку.

В. ГЕРЪЕ.

ВЕЛИКОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСЕННАЯ ПОЭЗІЯ

По вновь изданнымъ материаламъ.

Собраніе, приведеніе въ научный порядокъ, объясненіе и приложеніе къ вопросамъ исторіи простонародныхъ нашихъ пѣсенъ составляетъ предметъ немаловажныхъ задачъ современной умственной дѣятельности нашей. Объ этомъ у насъ говорили много, но нельзя сказать, чтобы сдѣлано было столько, сколько можно и нужно было сдѣлать.

Къ произведеніямъ народнаго творчества не слѣдуетъ относиться такъ, какъ мы обыкновенно относимся къ литературнымъ произведеніямъ. Народныя произведенія иначе составляются, чѣмъ послѣднія, иначе распространяются, иначе оказываютъ свое вліяніе на среду, воспринимающую ихъ, а потому иначе должны быть изучаемы и понимаемы. Народныя произведенія не выходятъ изъ рукъ авторовъ въ цѣломъ и законченномъ видѣ, они творятся цѣлою массою людей, цѣлыми поколѣніями, подвергаются въ слѣдующихъ поколѣніяхъ передѣлкамъ, иногда до такой степени значительнымъ, что въ нихъ едва можно примѣтить старую редакцію,—видоизмѣняются сообразно мѣстностямъ и условіямъ народной жизни, принимаютъ въ себя неумовимые, безчисленные оттѣнки людскихъ кружковъ и личностей. При поверхностномъ взглядѣ, народная поэзія можетъ показаться однообразною, но тѣмъ глубже мы всмотримся въ нее, тѣмъ безграничнѣе и удивительнѣе будетъ казаться ея разнообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдимся, что все это разнообразіе проникнуто единымъ духомъ; опредѣляющимъ самоличность народа. Поэтому важность

народныхъ произведеній для мыслящаго изслѣдователя протекшей и современной жизни народа опредѣляется преимущественно степенью и способомъ ихъ распространенности въ этомъ народѣ. Пѣсня народная тогда только для насъ получаетъ вполне ясный смыслъ, когда намъ становится извѣстнымъ: въ какихъ мѣстностяхъ, при какихъ условіяхъ жизни и народнаго быта она является, сохраняется, расходится, видоизмѣняется и исчезаетъ. Только тогда мы изъ нея узнаемъ все то, что она выражаетъ. Безъ этого—народное произведеніе часто дѣлается непонятнымъ, и мы, воображая себѣ, что намъ ясно въ сущности неясное, будемъ безпрестанно впадать въ двусмысленныя или ошибочныя заключенія. Кромѣ того, указанные нами свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историкъ важныя матеріалы для узнаванія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа,—а затѣмъ, событія, повороты, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ бы то ни было актовъ, записокъ и т. п. Възвѣсивая эти черты народной поэзіи, мы еще не видимъ въ нашей наукѣ средствъ, пособій и матеріаловъ, при которыхъ историкъ могъ бы достигнуть такого пониманія и усвоенія, и приходимъ къ неизбѣжному, вовсе неутраченному заключенію, что въ области знакомства нашего съ великорусскими простонародными пѣснями сдѣлано немного.

Мы никакъ не станемъ умалять заслугъ нашихъ почтенныхъ собирателей, обогатившихъ въ послѣднее время нашу литературу своими изданіями; но въ ихъ сборникахъ обращено преимущественно вниманіе на рѣдкія, обветшалыя и вымирающія въ народѣ явленія народной поэзіи, которыхъ, по причинѣ ихъ исчезновенія въ массѣ, приходилось отыскивать въ краяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ теченія жизни подъ современными условіями; таковы, такъ-называемыя, быliny.

Съ нашей точки зрѣнія чрезвычайно важны пѣсни наиболѣе распространенныя, наиболѣе обычныя, наиболѣе оказывавшія вліянія въ той средѣ, гдѣ онѣ въ ходу, и наиболѣе дающія средствъ для узнаванія разныхъ сторонъ повседневнаго народнаго быта и для уразумѣнія понятій, чувствованій и воззрѣній народа въ сферѣ его дѣйствительной жизни, какъ протекшей, такъ и настоящей. Сюда принадлежатъ пѣсни обрядныя, какъ относя-

ился въ различныхъ временахъ года, такъ и къ различнымъ случаямъ семейной жизни, пѣсни любовныя, семейныя, пѣсни солдатскія, солдатскія, разбойничьи, казацкія, тюремныя и пр., вообще выражающія разныя положенія, въ которыхъ находился народный человѣкъ въ общественной сферѣ и въ семейномъ быту, однимъ словомъ, пѣсни бытовыя, и причисляемъ сюда также пѣсни о событіяхъ изъ народнаго быта и народной исторіи, возбуждавшихъ участіе народнаго чувства: эти пѣсни народъ иногда называетъ простыми, когда приходится отличать ихъ отъ духовныхъ стиховъ, былинъ или историческихъ пѣсенъ; собственно эти пѣсни преимущественно и заслуживаютъ названіе пѣсенъ, такъ какъ, напр., былинны составляютъ особый отдѣлъ народной поэзіи, образующій переходъ отъ пѣсенъ къ сказкамъ, такъ что вопросъ о принадлежности былинъ къ пѣснямъ можетъ еще подвергаться изслѣдованію. Эти-то пѣсни, считаемыя нами чрезвычайно важными, подвергались замѣчательному невниманію со стороны собирателей и ученыхъ, такъ что желающій изучать по нимъ народную жизнь встрѣтитъ большой недостатокъ средствъ. Нѣкоторые изъ прѣзрительныхъ, наиболѣе важныхъ, сборниковъ такихъ пѣсенъ сдѣланы библиографическою рѣдкостью, какъ, напр., пѣсни Сахарова, которыя можно теперь приобрести развѣ за огромную цѣну, а важное изданіе пѣсенъ прошлаго столѣтія, сдѣланное Новиковымъ, едва ли отыщется и въ Публичной Библіотекѣ. Иныя собранія теряются въ періодическихъ изданіяхъ разныхъ годовъ. Въ настоящее время слѣдовало бы собрать воедино все это напечатанное и, сколько возможно очистивъ критикою, принять въ пособіе для будущаго изданія, а между тѣмъ предпринять новое, широкое, повсемѣстное собраніе пѣсенъ, уже соблюдая иной способъ и иные приемы, а не тѣ, какими руководствовались въ былыя времена. Необходимо издать такой сборникъ, гдѣ явно оказывались бы отличія и сходства произведеній народной поэзіи во всѣхъ краяхъ Руси, гдѣ бы видно было, какія пѣсни поются въ одномъ краѣ, и не поются въ другомъ, какъ видоизмѣняются и передѣлываются пѣсни, сообразно различіямъ мѣстностей, языка и быта народа. Въ настоящее время, еслибы предложить таковаго рода вопросы: чѣмъ отличаются пѣсни внутреннихъ великорусскихъ губерній отъ пѣсенъ Поволжья, или пѣсни земледѣльческаго населенія отъ пѣсенъ промышленниковъ? какой взглядъ у русскаго народа на ту или другую сторону его жизни и быта?—то эти вопросы (какъ скоро надобно было браться за пѣсни) едва ли кѣмъ-нибудь изъ ученыхъ могли быть рѣшены съ подобающею точностью. Между тѣмъ такихъ и подобныхъ вопросовъ можетъ возникнуть цѣлый рядъ; никто не

будетъ сомнѣваться въ ихъ важности, но никто не будетъ въ состояніи дать на нихъ отвѣты.

Желаемое нами — и какъ мы смѣемъ думать, действительно необходимое для науки собраніе пѣсень, конечно не подѣлитъ на частнымъ лицамъ, но у насъ есть ученые общества, у насъ есть этнографическое отдѣленіе географическаго общества, которому, по его специальности, болѣе всего подобаетъ заняться такимъ дѣломъ.

Мы смѣемъ надѣяться, что и наше правительство, сознавъ важность такого предпріятія, не откажется пособить исполненію его и денежными средствами, но частныя лица должны постараться содѣйствовать ему какъ своею дѣятельностью, такъ и пожертвованіями. Было бы чрезвычайно полезно, еслибы кто-либо изъ нашихъ ученыхъ, кому специально близко изученіе русской народности, открылъ публичныя лекціи этнографіи съ цѣлью ознакомить публику какъ съ тѣмъ значеніемъ, какое признала за собраніями памятниковъ народной поэзіи европейская наука, такъ и съ этнографическою литературою у насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти чтенія должны были бы возбудить участіе въ изученію народности вообще и указывать пути и средства для тѣхъ, которые начинаютъ трудиться на этомъ полѣ.

Но пока-то осуществляются наши желанія, а между тѣмъ на этомъ полѣ работаютъ съ постоянствомъ и безкорыстіемъ скромныя частныя лица, не ищущія ни громкаго имени, ни выгоды, но оживленныя горячею, любовью въ своему предмету. Не слѣдуетъ забывать ихъ, не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія и оцѣнки того, что они успѣли сдѣлать для науки.

Таковъ именно достопочтенный образецъ этнографическаго труженничества — сборникъ великорусскихъ пѣсень, собранныхъ г. Шейномъ и напечатанный первоначально въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» ¹⁾.

Мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько словъ о самомъ собирателѣ, личности въ высокой степени замѣчательной.

Петръ Васильевичъ Шейнъ, родомъ еврей, въ молодости принявъ христіанство не изъ расчета, какъ поступаютъ нерѣдко его соплеменники, а изъ убѣжденія, и съ тѣхъ поръ предалъ всею душою русскому народу, посвятивъ себя изученію его народности и собиранію его народныхъ поэтическихъ произведеній. Онъ исполнялъ свое дѣло съ рѣдкою страстною любовью и удѣ-

¹⁾ Въ настоящее время этотъ сборникъ существуетъ въ видѣ отдѣльной книги «Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ. Часть первая. Изд. Им. Общества Истор. и Древн. при Москов. Университетѣ».

ительнымъ постоянствомъ. Для этого дѣла, по его словамъ, стрекся онъ отъ эгоистическихъ видовъ въ жизни, остался до старости безсемейнымъ бобылемъ и, находясь въ должности учителя разныхъ предметовъ, переходилъ изъ губерніи въ губернію, служилъ въ Тульской, Тверской, Симбирской,—домогаясь переезда съ мѣста на мѣсто, съ цѣлью ознакомиться съ русскимъ народомъ въ различныхъ краяхъ его неизмѣримого отечества. Такъ можно болѣе оразнообразить и обогатить свой сборникъ пѣсенъ, который онъ наполнялъ съ самою почтенною дѣятельностью. Средства у него были самыя ограниченныя, только могутъ быть у бѣднаго учителя, и, при этихъ средствахъ, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы имѣть возможность заниматься на любимое свое предпріятіе. Въ настоящее время онъ находится въ Витебскѣ въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка въ гимназій, и перешелъ туда тоже не съ иною цѣлью, а съ желаніемъ изучить бѣлорусскую народность и собрать бѣлорусскія пѣсни, что уже ему и удалось въ значительной мѣрѣ. Первая часть его сборника великорусскихъ пѣсенъ, которую уже сказали, напечатана, но у него готова вторая, по крайней мѣрѣ, еще болѣе интересная, по крайней мѣрѣ болѣе разнообразная, выходящая изъ рѣзкихъ сторонъ народной дѣятельности, такъ какъ туда вошли пѣсни былевныя, разбойничьи, тюремныя, казацкія и другія. Этотъ второй томъ доставленъ былъ имъ въ географическое общество, и мы бы желали, чтобы этнографическое отдѣленіе незамедлительно познакомить цѣнителей народной поэзіи съ этимъ сокровищемъ.

Нельзя безъ сожалѣнія упомянуть о несчастіи, постигшемъ г. Шейна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его предпріятіе. Почтенный собиратель отправилъ, какъ онъ самъ говорилъ, до двухъ сотъ пѣсенъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей чрезъ московскій университетъ, и что же? Пѣсни эти получены въ университетѣ—и пропали! Собиратель, надѣясь на аккуратность и честность почтового вѣдомства, не могъ себѣ допустить и мысли о томъ, чтобы его пѣсни, сохранившись на почтѣ, погибли въ храмѣ наукъ. Надобно видѣть, до какой степени это печальное происшествіе привело его въ горестъ и уныніе. Тому уже прошло довольно времени, но г. Шейнъ не можетъ говорить объ этомъ несчастіи безъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Такое лицо, свято и безкорыстно посвятившее себя прекрасному дѣлу, полезному для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только однимъ—даровать ему средства и содѣйствіе къ продолженію своего дѣла. Этотъ человекъ весь преданъ ему, любить его болѣе всего въ

міръ и, несмотря на свои немолодые лѣта и очень хилое здорье, готовъ еще, и конечно можетъ сдѣлать болѣе десяти другихъ молодыхъ и здоровыхъ, съ его необыкновенною любовью и неутомимою дѣятельностью. Дай Богъ, чтобъ на Руси не переводились такіе почтенные труженики, которые, не возносясь высоко, не принимая на плечи свои тягости, которой они нести не могутъ, работаютъ скромно, но дѣлаютъ столько, сколько сдѣлать въ состояніи по своимъ способностямъ и обстоятельствамъ жизни.

Первая часть сборника г. Шейна представляетъ собою все теченіе жизни русскаго народа въ семейномъ быту его, начиная отъ колыбели и кончая могилою. Эта часть открывается дѣтскими пѣснями, заключается похоронными.

I

Дѣтскія великорусскія пѣсни всѣ почти короткіе разговоры, въ которыхъ господствуетъ игра словъ и созвучій, часто при совершенной нелѣпости содержанія; иногда умышленно подбираются неестественныя и дикія положенія, сближенія и рассказы, иногда же набираются слова безъ всякой связи, въ родѣ:

Первый банъ,
На колодѣ барабанъ,
Пятьдесятъ судьевъ,
Пономарь ульевъ;
Пѣли, горѣли,
За морью полетѣли и пр.

Въ дѣтскихъ пѣсняхъ въ замѣчательномъ обиліи являются разные предметы природы, особенно животныя: котикъ степен-
кій—хвостикъ бѣленькій, убаюкивающий ребенка;—кошка, у которой домъ загорѣлся;—коза-лубяныя-глаза;—волкъ на работѣ;—пѣтухъ, подающій голосокъ на боярскій дворокъ;—козелъ бабушкинъ—хвостунъ, который хвалится поймать семь волковъ и убѣгаетъ отъ одного зайца;—сорока варитъ кашу;—сова выходитъ замужъ, то за князя-гуса, то за муна, — птицы тируютъ у ней на свадьбѣ;—заяцъ въ сафьянныхъ сапожкахъ;—лисица-сестрица;—медвѣдь на рышеткѣ;—голуби, воробы; курица печетъ лепешки, тараканъ дрова рубитъ, комаръ воду тащитъ, и пр. Обращаются къ дождю, просятъ его пойти и общаются за то дать ему похлебать гущи; обращаются къ солнцу, и говорятъ, что его дѣти плачутъ—масло колушаютъ и раздаютъ собакамъ и вошкамъ. Сквозь эту дѣтскую болтовню

проглядываютъ слѣды древняго времени; въ одной, напримѣръ, турской пѣсни встрѣчаемъ такую:

Куколка, куколка,
Боярыня куколка,
Зачѣмъ вечеръ не пришелъ?
Побоялась тивуна.
Тивунъ тебѣ не судья,
Судья тебѣ архирей!

Еще рѣзче даютъ о себѣ знать отдаленныя, давно протекавшія времена въ одной извѣстной пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ турки (въ другихъ извѣстныхъ намъ вариантахъ татары) берутъ въ плѣнъ старую женщину; она достается въ невольницы татарину или турку, у котораго женою дочь этой старухи. Эта пѣсня, собственно, однако, не дѣтская; она поется отдѣльно, какъ особая пѣсня, а сдѣлалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣтскою отъ того, что въ ней встрѣчается выраженіе: «ты баю, баю мое дятко!» Вотъ примѣръ, какъ часто пѣсни измѣняютъ свое значеніе и по нѣкоторымъ частнымъ чертамъ принимаютъ иное значеніе.

За дѣтскими пѣснями у г. Шейна слѣдуютъ пѣсни хорожденныя, которыя собиратель дѣлитъ на три вида: *наборныя*, — (у Сахарова нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсенъ отмѣчены именемъ сборныхъ) — *игровыя* и *разводныя*.

Въ первому отдѣлу г. Шейнъ причисляетъ такія, которыхъ содержаніе такъ или иначе заключаетъ въ себѣ приглашеніе къ хороводу, приготовленіе къ хороводному сбору и первое сближеніе молодца съ дѣвицею. Пѣсни эти вообще коротки.

Дѣвица ищетъ, ждетъ молодца, встрѣчаетъ молодца, молодецъ забирается къ дѣвицѣ, выбираетъ дѣвицу, ведетъ дѣвицу на игрище; цѣлая группа молодцовъ идетъ выбирать дѣвицъ; дѣвица работаетъ и хочется ей гулять; она находитъ себѣ молодца. Иногда подобная пѣсня говоритъ о предметѣ, повидимому, совсѣмъ не относящемся къ дѣлу, а въ концѣ является черта приготовленія къ хороводу; такъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что мужья ушли молотить, а женъ своихъ уложили спать, а потомъ слѣдуютъ стихи:

Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ хороводъ.

Во множествѣ пѣсенъ такого рода подобная фраза служить неизмѣннымъ типическимъ мѣстомъ, обыкновенно заканчивая пѣсню.

Символическаго отношенія къ природѣ здѣсь нѣтъ. Обра-

зовъ въ этихъ пѣсняхъ довольно; но они относятся къ внѣшнему виду молодцовъ и дѣвицъ, и при этомъ господствуютъ признаки новѣйшей жизни. Такимъ образомъ, въ описаніи ряда молодца встрѣчаются:

Сибирка въ обтяжѣ,
Часы во карманѣ.

Является желѣзная дорога:

Полюбилъ парень дѣвочку,
Съ перевозу мѣщанинъ,
За ручку ухватилъ,
На машинку посадилъ.

Къ удивленію нашему мы наткнулись даже на газеты:

По дорожкѣ по большой
Вѣжитъ маленькій штафетъ:
Несетъ милому газетъ.
Мы газеты принимали,
Распечатали, читали.

Замѣчательно, какъ русское молодечество, которое высказывается въ образѣ добраго молодца, переходитъ и на дѣвицу. Дѣвицы хоровода представляются воинственными; онѣ идутъ по городу и несутъ на плечахъ ружья; генералъ, какъ увидѣлъ ихъ, то пожалѣлъ о томъ, что раньше женился на барынѣ, а то хотѣлъ взять себѣ въ жену одну изъ такихъ воиновъ въ юбкахъ.

Вообще форма этихъ пѣсень, какъ и большей части хороводныхъ — новая; старыя пѣсни безпрестанно подправляются, поновляются, передѣлываются, движутся вмѣстѣ съ жизнью, но черты глубокой древности проглядываютъ изъ-подъ новой оболочки: такимъ образомъ, рядомъ съ машинами и газетами, вы встрѣчаете разуваніе мужа, переносящее насъ прямо во времена Владиміра и Рюрикѣ. Вотъ, напримѣръ, пѣсня, несомнѣнно старая:

На рѣчкѣ, на островкѣ,
На ракиновомъ на кустикѣ,
Не соловьюшка пѣсенку поетъ,
Молодой мальчикъ погуливаетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:
Вы гуляйте-ка дѣвицы,
Веселитесь красавицы,
Покуда воля-та батюшкина,
Небольшая нѣга матушкина,
Не въ равны вы люди выдите,
Не ровень женихъ навязется.
Размолочникъ молоденькій,
Бери дѣвицу хорошенькую.

Эта пѣсня съ своими дактилическими окончаніями, съ своими чертами стариннаго затворничества и невольничества женщины, словно столѣтняя старуха въ кругу молодежи, — между рифмованными почти хорейскими пѣснями, большею частью съ удареніемъ на окончаніи, вообще сбивающимися на литературность, въ родѣ слѣдующей:

Василька, Васильюшка,
По что бранить, по что журить?
Не ты купилъ не ты дарилъ;
Мыѣ купили купцы
Подарили молодцы.
Носи, Машенька, капоть,
Чтобы не было хлопотъ!
Если будешь хлопотать,
Тебѣ салопа не видать.

Если въ наборныхъ пѣсняхъ природа не играетъ никакой роли, то въ *шорныхъ* нѣкоторые предметы природы являются съ блѣдными признаками древняго символическаго значенія.

Таковы нѣкоторые растенія. Вотъ лентъ: дѣвицы сѣють, растить его, а молодцы вытѣпываютъ: это на пѣсенномъ языкѣ жѣзъ славянскихъ народовъ вообще означаетъ дѣвичество и первое знакомство съ любовью; хмѣль — символъ удалаго молодца, представленіе глубоко древнее, чѣмъ мы видимъ и въ пѣсняхъ малорусскихъ, польскихъ, словацкихъ; съ нимъ связывается образъ варенія пива, образъ радушія и веселости; пожатіе травы — символическое выраженіе полового сближенія: то же въ пѣсняхъ другихъ славянъ и литовцевъ. Сѣяніе мака, ржи, проса — составляющее предметъ хороводныхъ игръ, очень близко къ подобнымъ образамъ у другихъ славянъ (южно-руссовъ, поляковъ и чеховъ), и вѣроятно эти игры не что иное, какъ обломки древняго языческаго освященія земледѣльческихъ работъ при началѣ лѣта. Изъ животныхъ — первое мѣсто занимаетъ хороводный заяцъ, «зайнька сѣреный», котораго дѣвицы загоняютъ въ «городъ», такъ что ему некуда выскочить, заяцъ, символизирующій молодца, плѣннишагося дѣвицею.

Содержаніе хороводныхъ игровыхъ пѣсенъ главнымъ образомъ вращается около знакомства съ любовью и ожиданіемъ будущей брачной жизни. Молодецъ раздумываетъ — какую невѣсту ему взять; дѣвица — какой-то у нея будетъ свекоръ, или какъ мужъ будетъ учить жену; молодецъ выбираетъ себѣ дѣвицу — невѣсту, и это изображается въ различныхъ видахъ. Къ играмъ, выражающимъ этотъ же смыслъ, принадлежитъ «король», игра общая какъ великоруссамъ, такъ и другимъ славян-

скимъ народамъ, и безъ сомнѣнія чрезвычайно древняя. Народъ ищетъ себя невѣсты въ хороводѣ; въ другихъ вариантахъ вѣсто короля — князь, и эта форма еще древнѣе; она болѣе туземная, такъ какъ въ великорусскихъ и малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ носитъ названіе князя, а невѣста княгини. Игра въ «короля» или «князя», видоизмѣняясь, выдѣлила изъ себя другую подобную игру съ хороводною пѣсней: «бояринъ и царевна»; но должно думать, что это выдѣленіе произошло во времена отдаленныя, а никакъ не въ московскій періодъ, и представленіе о царской семьѣ относилось еще къ Византіи. Это видно изъ соотвѣтствующей южнорусской игровой пѣсни, гдѣ къ царевнѣ прѣвзжаютъ съ свадебнымъ предложеніемъ гости изъ Кіева отъ царенка (царевича). Въ великорусской пѣснѣ царевичъ (вѣроятно прежде княжичъ) превратился въ боярина. Игровая пѣсня, въ которой изображается, какъ постылый мужъ умеръ, а потомъ ожилъ, несомнѣнно древнѣйшаго происхожденія; она имѣетъ себѣ вариантъ въ малорусской игрѣ, называемой «перепелка», въ которой изображается, что мужъ умеръ и жена надъ нимъ плачетъ, потомъ мужъ ожилъ и жена радуется; — а эта игра съ пѣсней представляетъ сходные признаки съ тою игрою, которая заключаетъ въ себѣ языческое изображеніе годовичныхъ перемѣнъ въ видѣ смерти и возстанія мифическаго существа, подъ именемъ Коструба, Костромы, Ярила и проч. Все это признаки, показывающіе, что великорусскія игры и соотвѣтствующія имъ игровыя хороводныя пѣсни, несмотря на всѣ подновленія и даже повидимому полную переработку формъ, сохранили въ себѣ достаточное количество такихъ чертъ, по которымъ можно видѣть ихъ древнее единство съ поэтическимъ міромъ другихъ славянъ. Есть однако въ великорусскихъ хороводахъ черты самобытныя до такой степени, что онѣ противорѣчатъ тому, что мы видимъ у послѣднихъ. Такъ въ пѣсняхъ всѣхъ другихъ славянъ мы встрѣчаемъ вѣнокъ символическою принадлежностью дѣвicy, и никогда его не видимъ на молодцѣ; въ великорусской же хороводной пѣснѣ (№ 138) молодецъ «водилъ танокъ» и потерялъ вѣнокъ:

Молодецъ гулялъ,
Скакалъ, плясалъ,
Таночикъ водилъ,
Водилъ я таночикъ,
Сронилъ я вѣночекъ.

Онъ проситъ поискать его потерянный вѣнокъ, сначала обращаясь къ батюшкѣ, потомъ къ матушкѣ; ни батюшка, ни ма-

и не нашли вѣнка; наконецъ, онъ проситъ о томъ же дѣвушкѣ и —

Красная пошла,
Вѣнчикъ нашла,
Вся радость моя
И весельице.

Если бы въ этой пѣснѣ, при сохраненіи всѣхъ мотивовъ, вмѣсто молодца поставлена была дѣвица, то пѣсня эта могла бы имѣть приличное мѣсто въ ряду обрядныхъ пѣсень всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, но вѣнокъ на головѣ молодца та же аномалія въ славянскомъ поэтическомъ міровоззрѣніи, какъ и веретено въ рукахъ молодца въ обыденной жизни. Между тѣмъ это произошло хотя случайно, но вполне естественно. Это въ томъ, что вѣнокъ потерялъ свое древнее значеніе для дѣвицы: его замѣнила лента. Вѣнокъ въ сознаніи великоруссовъ не имѣетъ ничего символическаго. На головѣ молодца онъ явился, какъ украшеніе, все равно какъ вѣтка или цвѣтокъ, замѣняетъ въ пѣснѣ шапку или шляпу, а шапка, по общему славянскому міровоззрѣнію, служить такою же символическою принадлежностью молодца, какъ вѣнокъ дѣвицы. И дѣйствительно, въ другихъ подобныхъ же хороводныхъ пѣсняхъ мы находимъ, что молодецъ роняетъ съ головы шляпу, а дѣвушка поднимаетъ ее, и это служитъ значеніемъ ея склонности къ молодцу:

Съ молодца шляпа долой! —
Ты, дѣвица, подыми,
Раскрасавица подай.
Я слуга, сударь, твой,
Я слушаюсь тебя,
Черну шляпу подаю.
Онъ и радощень и весель,
Самъ засмѣялся и пошелъ! (№ 180)

По всему видно, понятіе о «веденіи танка» потерялось для великоруссовъ въ томъ древнемъ значеніи, въ какомъ оно еще хранилось въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ народовъ: танокъ есть могла только дѣвица, и очевидно, что образъ веденія танка зашелъ въ упомянутую пѣсню изъ какой-нибудь прежней, вѣроятно пропавшей пѣсни, гдѣ онъ принадлежитъ дѣвицѣ.

Мы распространились объ этомъ признакѣ именно потому, что онъ наглядно указываетъ намъ исторію народной пѣсенности. Древнія представленія смѣшивались, спутывались и, такимъ путемъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны новыхъ условій жизни, а съ другой, при неясности старыхъ воспоминаній, составлялись образы, діаметрально противоположные древнимъ.

Но въ хороводныхъ пѣсняхъ выразилось не только измѣненіе старыхъ образовъ на новый ладъ: цѣлыя событія новаго быта, которыя, по своему содержанію могутъ имѣть только очень далекое отношеніе къ хороводному міру, составляютъ предметъ хороводныхъ пѣсенъ..

Такъ, напр., генералъ Румянцевъ хочетъ жениться на немцовой дѣвицѣ; она не хочетъ идти за него, а онъ принуждаетъ ее угрозами: пѣсня эта должно быть сложена и занесена солдатами, а сдѣлалась хороводною оттого, что здѣсь все-таки представляется выборъ невѣсты. Другая пѣсня изображаетъ разговоръ барыни съ «холуемъ», который сознается, что любитъ ея дочь. По нѣкоторымъ вариантамъ разговоръ оканчивается соглашеніемъ барыни отдать за него дочь.

Пѣсни, отнесенныя собирателемъ къ разряду *разводныхъ* — тѣ, въ которыхъ представляется окончаніе хоровода: обыкновенный признакъ этого разряда въ томъ, что молодецъ дѣлуетъ дѣвицу — главная цѣль (судя по пѣснямъ) участія молодца въ хороводѣ.

Хороводъ — одна изъ древнѣйшихъ стихій народной жизни. Это, безъ сомнѣнія, тѣ древнія игрища «между селы», о которыхъ вспоминаетъ наша лѣтопись, повѣствуя о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ. Несмотря на то, что христіанскіе блюстители нравственности вопіяли противъ такихъ игрищъ, сопровождаемыхъ дѣйствіями (сценическими представленіями) и проклятымъ плясаніемъ, они продолжали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, подчиняясь теченію жизни, и видоизмѣняясь подъ гнетомъ народной судьбы, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ, какъ мы указали, сохранили черты глубокой древности. Хороводы для нашего простого народа были тѣмъ же, чѣмъ были для высшаго общества: средствомъ сближенія молодежи обоихъ половъ, мѣстомъ зарожденія взаимной склонности и будущихъ союзовъ. Важность ихъ очевидна. Г. Шейнъ первый подарилъ намъ такое обширное и стройное собраніе хороводныхъ пѣсенъ.

За хороводными пѣснями въ сборникѣ Шейна слѣдуютъ названныя имъ плясовыя и бесѣдныя пѣсни; различіе между ними черезчуръ тонкое, да притомъ названіе плясовыхъ едва ли точно подходитъ ко всѣмъ тѣмъ, которыя помѣщены въ разрядѣ съ этимъ названіемъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны были многія изъ такихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя однако мы слышали безъ всякой пляски. Намъ кажется было бы полнѣе назвать и тѣ и другія, по народному способу выраженія, *гулевыми пѣснями*. Это вообще пѣсенное выраженіе на-

радной веселости и шутиливости. Въ большей части господствует
тона или склонность къ рѣмѣ; стихъ сбивается на хоренче-
ній, хотя нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи пѣсни
отличались правильностью. Содержаніе ихъ очень разнообразно,
но вращается исключительно въ кругѣ семейной или
сельской жизни, иногда, впрочемъ, забираясь въ городъ или бар-
ній дворъ. На нѣкоторыхъ пѣсняхъ лежитъ еще очень замѣт-
ный отпечатокъ глубокой древности. Къ такимъ принадлежатъ
пѣсни, въ которыхъ представляются животныя съ человѣ-
ческими свойствами и занятіями. Такъ, напр.:

Воробей пиво варилъ,
Молодой гостей сывалъ,
Ай люли, ай люли!
Молодой гостей сывалъ
Воробей всѣхъ пташечекъ....
Совушка не спѣсива,
Савельевна не гордива,
Сама пришла незваная,
Середь полу на лапчѣхъ
Заиграла въ скрипчѣхъ.
Воробей пошелъ плясать
Молодой въ присядочку,
Отдавилъ совѣ ногу,
Савельевнѣ правую...

Въ другомъ вариантѣ:

Совушкѣ на ножку сталъ
Савельевнѣ на правую.
Совушка разсердилася,
Савельевна возгордилася.
Она дверью хлопнула,
Воротами скрипнула;
Воробей пошелъ въ догнѣ
Молодой съ поклонами:
Воротись ты совушка,
Воротись Савельевна.
Я самъ вино ерю,
Я самъ крестьянъ держу.

Въ другомъ вариантѣ:

Не того я отчества
Чтобъ назадъ воротиться,
А я роду царскаго,
А лица дворянскаго.

Древность этой пѣсни доказывается несомнѣнно сходствомъ
съ подобною пѣснею литовскою. (См. Rhesa Dainos, oder
lituanische Volkslieder. Königsberg. 1826. 66.) Воробей пригла-

шаеѣ къ себѣ на алуѣ (пиво) птицѣ: пришла сова; воробей тацуетъ съ нею и наступаетъ ей на ногу. Обиженная сова идетъ на него жаловаться въ судъ, а воробей улетаетъ на заборъ.

Подъ № 37 помѣщена пѣсня также старая, какъ это доказываетъ существованіе такой же пѣсни у червоноруссовъ и поляковъ.

Безъ сомнѣнія, къ пѣснямъ съ древнею основою причислить слѣдуетъ нѣсколько пѣсень (№№ 87, 88, 89, 83), въ которыхъ молодецъ загадываетъ дѣвкѣ-«семилѣткѣ» загадки, которыя она отгадываетъ:

Постоѣй, дѣвка-семилѣтка,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что растетъ безъ кореньевъ,
А что цвѣтетъ безъ алаго цвѣту,
А что шумитъ безъ буйнаго вѣтру?
Растетъ камень безъ кореньевъ,
Шумитъ вода безъ буйна вѣтру,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту.

Или, по другому варианту пространнѣе и разнообразнѣе:

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?
Отгадаю, сынъ купеческій, отгадаю хоть десятокъ.
Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умулку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?—
Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ;
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупень жемчугъ;
Безъ умулку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья.
Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужъ и быть за мною, быть моею женою!

Эта пѣсня представляетъ сходство съ малорусскою сказкою о дѣвкѣ-семилѣткѣ, которая отгадываетъ загадки, предложенныя паномъ своимъ подданнымъ съ обѣщаніемъ взять себѣ въ жену дѣвицу, которая отгадаетъ эти загадки. Одинаковое названіе «дѣвка-семилѣтка» такъ въ малорусской сказкѣ, такъ и въ великорусской пѣснѣ, показываетъ на ихъ древнее единство происхожденія. Кромѣ того, эта пѣсня представляетъ подобіе съ легендою о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, гдѣ послѣдняя своею природною мудростью отгадываетъ мудренныя загадки и чрезъ то дѣлается женою князя.

Въ № 85, молодецъ съ дѣвицею состязаются между собою въ остроуміи, задавая другъ другу работы одна другой невозможнѣе:

Душечка-дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши.
Душечка-молодчикъ,
Выстрой теремочникъ,
Безъ мху, безъ гѣсу,
Безъ бѣлаго тесу.
Душечка дѣвица,
Набери мнѣ яголъ
Зимой о крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Внесенъ (Вознесенъ).
Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку.
Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы.
Душечка молодчикъ,
Слей-ко перстеньчикъ
Со краснаго солнца:
Гдѣ бъ я ни ходила—
Все бы я свѣтила.

По другому варианту, молодецъ и дѣвица задаютъ много рода работы другъ другу:

Напряди, милая, драгъ
Изъ дождевой капли,
И сшей, милая, халатикъ
Изъ булатной стали,
Сталь булатная картина,
Чтобы пуля не пробилъ,
Чтобы могъ ее носить.
Сруби, миленькій, мнѣ теремъ
Изъ маковыхъ зеренъ,
Чтобы были двери,
Двери, двѣ кровати,
Чтобъ на той кровати
Я могла бы спать,
Чтобъ мнѣ снился
Милый сонъ. (№ 86)

Эта пѣсня сходна съ продолженіемъ той же южнорусской сказки о дѣвкѣ-семилѣткѣ: когда она отгадала загадку, предложенную паномъ, послѣдній, желая отъ нея отвязаться, задаетъ ей невозможныя работы, но дѣвка-семилѣтка соглашается исполнить ихъ съ условіемъ, чтобы панъ съ своей стороны сдѣ-

лалъ также невозможное, нужное для исполненія того, что приказываетъ онъ ей. Такимъ образомъ, панъ посылаетъ ей янъ съ приказаніемъ высидѣть изъ нихъ до утра цыплятъ, и чтобъ эти цыплята поспѣли пану на обѣдъ. Дѣвѣа-семилѣтка отвѣчала, что исполнить это, но съ тѣмъ, чтобы панъ сдѣлалъ изъ однолѣтнихъ прутьевъ плугъ и, взоравъ поле, насѣялъ просо чтобъ это просо выросло къ утру и можно было имъ кормить цыплятъ. Подобное и въ извѣстной муромской легендѣ: князь Петръ посылаетъ будущей женѣ своей льну и приказываетъ изготовить ему сорочку, порты и платокъ въ продолженіи короткаго времени, пока онъ будетъ въ банѣ. Дѣвица посылаетъ ему полѣно и приказываетъ сказать, чтобы князь приготовилъ изъ этого полѣна тѣпкій станокъ, на которомъ она будетъ ткать ему одежды ¹⁾.

Кромѣ этихъ пѣсенъ, несомнѣнно дышащихъ глубокою древностью, мы укажемъ также, какъ на пѣсню съ очень древнимъ мотивомъ, на № 34 бесѣдныхъ пѣсенъ: это пѣсня о дуринѣ, содержаніе все состоитъ въ томъ, что дуракъ куда ни пойдетъ, что ни сдѣлаетъ, всюду его бьютъ. Варіантъ этой пѣсни былъ уже нѣкогда напечатанъ въ собраніи древнихъ русскихъ стихотвореній Кирши Данилова. Тотъ же предметъ служить содержаніемъ народныхъ сказокъ: русскихъ, польскихъ, сербскихъ и нѣмецкихъ.

Большая часть пѣсенъ этого разряда съ очевидно новѣйшими приѣмами относятся къ разнымъ видамъ семейной жизни. Нѣкоторыя представляютъ, какъ жена не любитъ и обманываетъ мужа (№ № 3, 7, 27, 28, 36, 49, 53, 60, 69, 74, 76, 83, бесѣд. 8); мужъ ненавидитъ жену и бьетъ ее (45, 53, 76, 79). Пѣсня (пѣс. № 57) изображаетъ въ комическомъ и чрезвычайно грубомъ видѣ отношенія зятя къ тещѣ. Первый приѣхалъ къ послѣдней въ гости:

Теща зятюшку подчиваетъ:
Сядь-ка-ся, ты зятюшка, покушай-ка!
Думала теща: пятерымъ пирогъ не съѣсть,
А зять-то сѣлъ да за присѣстомъ сѣлъ.
Теща по горинкѣ похаживаетъ,
Нехотя на зятя поглядываетъ,
Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
Какъ тебя, зятюшка, не рѣзорвало,
На семь частей не раздернуло?

¹⁾ О сходствѣ этихъ мотивовъ съ подобными у другихъ народовъ см. у Бусинъ (Истор. Оч. I, 269—307); очень замѣчательно подобіе съ загадками въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (Веселовскаго, Слав. сказ. о Соломонѣ, стр. 89—90).

Зять за такой поминъ объ немъ общается, пригласивъ тещу съ собою на масляницу, воздать ей подобающую честь, и потомъ исполнять общаніе:

Зять услышалъ, на то тещѣ сказалъ:
 Лучше разорви тебя, тещу мою,
 Тещу мою да вмѣстѣ съ дочерью.
 Знала бы ты, теща, не подчивала.
 Сталъ потомъ зять тещу въ гости звать:
 Приходи-молъ, теща, на масляницу,
 Я тебя, матушка, одпочиваю,
 Въ четыре дубины березовыя,
 Пятый кнутъ по заказу свить.
 Вырвалась теща изъ зятниныхъ рукъ,
 Бѣжала домой безъ оглядки,
 Прибѣжала домой, да на печку легла.
 Вотъ погоди: стукъ! стукъ! у воротъ.
 — Батюшки, ребятушки, не зятникъ ли мой?
 Матушка родимая, зять идетъ!
 Зять идетъ на похмѣльице зоветъ.
 — Скажите ему: со вчерашняго больна,
 Съ пива и съ вина да болить вся спина,
 Съ мягкихъ блиновъ порасперло бока,
 Со сладваго меду я вся немогу.

Во всемъ отдѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, эта пѣсня едва ли не самая старая и сохранившаяся относительно въ своемъ старомъ видѣ болѣе, чѣмъ многія другія, хотя и не утратившія явныхъ слѣдовъ древней основы содержанія, но уже сильно подвергшіяся новой организаціи. Эта пѣсня не такова какъ послѣднія: ея дактилическія окончанія, ея чисто великорусскій типъ, живой языкъ, оригинальное теченіе рѣчи,—все обличаетъ въ ней почти археологическій экземпляръ народной поэзіи. Древность ея содержанія подтверждаться можетъ тѣмъ, что у южнорусовъ и у поляковъ существуетъ подобная же пѣсня, показывающая такое глубоко древнее происхожденіе съ великорусскою, съ тою разницею, что въ пѣсняхъ южнорусской и польской менѣе грубости и въ той циничности, которою отличается великорусская. Въ южнорусской пѣснѣ все дѣло состоитъ въ томъ, что теща думала найти у зятя хорошій приемъ, и вмѣсто того, когда воротилась, то рассказывала, что ей привелось у зятя глотать объѣдки, слыть суровое обращеніе и даже убѣгать отъ него поспѣше, чтобы онъ не побилъ ее. Во всякомъ случаѣ это сходство указываетъ не только на древность изображаемой здѣсь черты семейныхъ отношеній, но и на то народное сознаніе этой черты, которое создало подобную пѣсню. И то и другое принадлежитъ къ древле славянскому племени, а не одному великорусскому, хотя

въ великорусской пѣснѣ древніе общіе племенные мотивы при-
няли мѣстный характеръ.

II.

Мы были бы до крайности односторонни, еслибы цѣнили пѣсниахъ только ихъ относительную древность, мало давая цѣ- новѣйшимъ пѣснямъ. Народная жизнь намъ дорога во всѣхъ мо- ментахъ, и мы можемъ относиться съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народнымъ произведеніямъ, ея выражающимъ, какъ къ тѣмъ, которые пережили многіе вѣка, такъ и къ тѣмъ, которые передѣлались изъ старыхъ или вновь слагались на нашей памяти. Разбойники ли, плывущіе по матушкѣ по Волгѣ на легкой лодочкѣ съ красной дѣвицей посреди, или парен- сажаящій на машинку красную дѣвицу, — образы, одинаково ва- жные для безпристрастнаго цѣнителя народныхъ произведеній. Цѣнность пѣсни не должна опредѣляться ея древностью, ещѣ менѣе тѣмъ, что она нравится намъ въ эстетическомъ отноше- ній; извѣстная пѣсня можетъ быть цѣннѣе другихъ для изс- дователя, во-первыхъ, по степени своей распространенности въ народѣ, во-вторыхъ, по относительной выпуклости въ изображе- ній признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія, который составляетъ душу народныхъ произведеній въ совокупности. Пѣсни, несомнѣнно древнія, дѣй- ствительно заключаютъ для насъ особенную важность, но не только потому что они древни, а болѣе потому, что самая дре- ность ихъ можетъ, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить доказательствомъ ихъ распространенности въ былые времена, а слѣдовательно и важнаго ихъ значенія въ ряду про- изведеній народной поэзіи. Съ другой стороны, пѣсня, которую мы, сообразно съ нашимъ впечатлѣніемъ, назовемъ прекрасною, имѣетъ, какъ народное произведение, гораздо болѣе достоинствъ, когда не мы, а народъ любитъ ее. Наши понятія о достоинствѣ пѣсенъ часто идутъ въ разрѣзъ съ народными. Часто бываетъ, что люди, воспитанные въ иной средѣ понятій или среди иной народности, находятъ грубымъ и неизящнымъ то, что приводитъ въ восторгъ людей, чуждыхъ первымъ по воспитанію и наро- дности. Чтобы изучать народные произведенія съ разумною и научною цѣлью, добываясь уразумѣть въ нихъ народную душу, народные чувства, народные воззрѣнія, народный вкусъ, не слѣ- дуетъ подводить этихъ произведеній подъ наши привычныя взгля- ды, выработанные въ насъ знакомствомъ съ литературою, а не-

нѣобходимо намъ самимъ стать на почву строгаго объективнаго воззрѣнія. Въ настоящее время русскимъ образованнымъ людямъ гораздо болѣе по вкусу старыя великорусскія пѣсни, чѣмъ новѣйшія; послѣднія нерѣдко пренебрегаются, какъ явленія чрезвычайно пошлыя и лишенныя эстетическихъ достоинствъ. Если собиратель станетъ руководствоваться такимъ взглядомъ, то онъ самъ впадетъ и другихъ введетъ за собою въ обманъ. Чтѣ въ этомъ дѣлѣ могутъ указать намъ такія пѣсни, которыя мы будемъ какъ драгоценность отыскивать въ отдаленныхъ захолустьяхъ и записывать изъ устъ отживающихъ старцевъ и старухъ? Только то, что такія пѣсни существовали въ старину.

Археологическое и историческое, даже поэтическое значеніе къ можетъ быть очень важно; но если тотъ же собиратель, ограничиваясь подобными пѣснями, станетъ презирать тѣ, которыя онъ слышитъ въ устахъ молодежи и за работою, и на перекресткахъ и на пирушкахъ, то мы, воображая себѣ, что вродѣ поетъ тѣ пѣсни, съ которыми познакомить насъ займѣтъ предпочтительно собиратель—будемъ по-неволѣ заблуждаться и приходимъ къ невѣрнымъ выводамъ, руководствуясь ими пѣснями. Народъ совсѣмъ не такъ относится къ произведеніямъ своей духовной дѣятельности, какъ мы относимся къ нимъ. Народъ забываетъ тѣ старыя пѣсни, которыя насъ плѣняютъ; онъ ихъ находитъ устарѣлыми; онѣ не удовлетворяютъ его духовнымъ потребностямъ; ихъ содержаніе уже не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, которыми судьба окружила его жизнь въ настоящее время; въ этихъ пѣсняхъ для него оказываются многіе спонатные или переставшіе интересовать его предметы; — напротивъ, его чувство и воображеніе обращается къ такимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни, какихъ онъ не находитъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ: и вотъ онъ или передѣлываетъ свои старыя пѣсни на новый ладъ, или складываетъ новыя, одичавъ свое вдохновеніе вліянію барскаго двора, фабрики, городского кабака или современнаго острога, подлаживаясь насколько умѣетъ къ вкусу той среды, которую считаетъ выше себя по образованію. Дактилическія окончанія старыхъ пѣсенъ уже не нравятся ему, хотя онъ не можетъ съ ними окончательно разстаться, но уже явно предпочитаетъ имъ ямбы и хорей, сплетаетъ рѣзмы и насколько можетъ подбирается къ тоническому азѣтру слышанныхъ имъ литературныхъ произведеній. Иначе не могло и не должно было происходить. Пѣсня слишкомъ близка душѣ народнаго человѣка и выражаетъ то, чтѣ вроесть въ глубинѣ этой души; но тамъ, въ этой душѣ остаются впечатлѣнія той живой дѣйствительности, среди которой народный

человѣкъ возвращается и дѣйствуетъ. Какимъ становится народъ такова его и пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу и въ этомъ ея высоеое достоинство. Поэтому, никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящимъ отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая бессмыслица для насъ иногда не бываетъ лишней смысла.

Г. Шейнъ не пренебрегалъ такими пѣснями, хотя собранныхъ сравнительно немного. Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ въ отдѣлѣ плясовыхъ очень характеристичны по выраженію народныхъ воззрѣній и нравовъ. Вотъ, напр., нѣсколько (№№ 13, 14, 15, 16, 17, 18) вариантовъ пѣсни о томъ, какъ дочь толкуетъ съ матерью: за кого ей лучше выйти замужъ; и тутъ открывается народный взглядъ на сословныя и общественныя положенія. Дѣвушка не хочетъ идти за крестьянина: здѣсь мы встрѣчаемся съ чертою, нерѣдкою въ современномъ русскомъ человѣкѣ, когда онъ оказываетъ пренебреженіе къ тому, что не имѣетъ доска образованности, когда онъ хочетъ показаться выше другихъ по своимъ понятіямъ; «крестьянинъ—невѣжа», говоритъ красна дѣвица; ей также не по вкусу и черныи трудъ:

Съ крестьяниномъ жить — трудиться,
Рано встать, поздно ложиться,
Овѣно косить, жито жать.....

Черныи трудъ отбиваетъ ее отъ кузнеца:

Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
Самъ онъ въ сажѣ чортъ какъ чортъ,
Часто въ кузницѣ бываетъ,
Неравно онъ замазаетъ.

Сапожникъ ей представляется пьяницею (не даромъ и по-словница: пьянъ какъ сапожникъ), буяномъ, жестокимъ, тираномъ:

Сапожникъ воръ, буянъ,
Съ утра до вечера пьянъ,
Жену морить голодомъ,
Заморозить холодомъ...

Солдатское житіе, разумѣется, не привлекательно:

Будь онъ унтеръ, рядовой,
У него лишь хлѣбъ съ водой.

Духовное званіе тѣмъ не хорошо, что духовныхъ беспокоятъ
ночамъ:

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Съ требой ходить по ночамъ,
Не дастъ спать мнѣ очамъ.

Купецъ, несмотря на то, что это такой человекъ, съ кото-
рымъ по обстановкѣ жизни, казалось, можно бы сповойнѣе ужиться,
съ предыдущими, возбуждаетъ однако опасеніе. Предусмо-
рительная дѣвушка разсчитываетъ, что купецъ можетъ про-
цуповаться, слѣлаться банкротомъ, а жена его останется послѣ
его въ нищетѣ:

Купецъ гадкій воръ и плутъ,
Черезъ годъ будетъ банкротъ,
Его посадятъ въ тюрьму,
А я по міру пойду...

Въ одномъ изъ вариантовъ упоминается штабъ-лекаръ въ
числѣ предполагаемыхъ жениховъ, но —

Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ,
Смотри въ спиртъ или ланцетъ;
Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
На тотъ свѣтъ меня отправитъ ¹⁾.

Выборъ останавливается на бояринѣ. По однимъ вариантамъ
веселая боярская жизнь въ образѣ клубовъ, баловъ, театровъ
совершенно очаровала дѣвицу. Пѣсня оканчивается такъ:

Иду, иду, маменька,
Замужъ за боярина,
Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй.
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся.
Иду, иду, маменька!

Но въ другихъ вариантахъ бояринъ не удовлетворяетъ дѣ-
вицу: онъ, во-первыхъ, — охотникъ, собачникъ; это ей не нра-
вится:

Не йду, матушка,
Не йду, государыня,
Замужъ за боярина:
Бояринъ охотникъ,
Много собакъ держитъ,
Собаки борзые...

¹⁾ Этотъ вариантъ вѣроятно сложился въ мѣщанской средѣ, равно какъ и слѣ-
дующій, гдѣ говорится о городскихъ увеселеніяхъ.

Во-вторыхъ, у него —

Холопы босые. (№ 17)

Видѣть предъ собою непріятныя сцены помѣщичьяго гнета не хочетъ дѣвушка:

Какъ бояринъ крестьянъ бить,
А мнѣ милости просить...

Есть у ней вполне подходящій идеалъ; это подъячій (нашему образу выраженія — чиновникъ); съ нимъ житье лучше боярскаго, купческаго, поповскаго; у него и денегъ много, положеніе ей кажется безопаснымъ: соображая, что купецъ можетъ сдѣлаться банкротомъ, великорусская красавица не соображаетъ, что подъячій также можетъ попасть подъ судъ; видишь, что въ глазахъ народа эти случаи казались черезъ-чуръ рѣдкими въ сравненіи съ успѣхами подъяческаго подвижничества. Съ такою рѣшимостью говоритъ дѣвица матери:

Иду, иду, матушка,
Иду, государыня,
Замужъ за подъячаго.
Ахъ, подъячій-то писать,
А я денежки считать:
Пусть худое говорятъ,
А мы будемъ обирать.

Доказательствомъ, что такой образъ воззрѣнія не есть какою-нибудь исключеніе, а широко распространенъ въ народѣ, служитъ то, что у Шейна помѣщено нѣсколько такихъ вариантовъ въ которыхъ подъячему оказывается предпочтеніе, и притомъ эти варианты изъ разныхъ мѣстъ, напр., изъ Тверской (№ 14) и изъ Тульской губ. (№ 16).

И вотъ народныя пѣсни отерывають намъ, что идеаломъ для великорусскаго народа начиналъ дѣлаться подъячій, обирающій людей и наживающій деньги. По другимъ подобнымъ пѣснямъ идеалъ великорусской дѣвушки — собственная ея выгода, и эта выгода измѣряется ея любовью: тотъ ей милъ, кто носитъ ей подарки, какъ проситель со взяткой милъ подъячему:

По улицѣ мостовой
На встрѣчу парень молодой;
Дѣвка парню говорила,
Во глаза его бранила:
Ты дуракъ, дуракъ, дуракъ,
Зачѣмъ къ дѣвкамъ ходишь такъ!
Ты поди-ка, повеси-ка,
Ты поздравствуйся:
Здравствуй Саша и Параша. (№ 22)

Форма цѣсни конечно сравнительно новая, но мотивъ ея старѣй, явившійся здѣсь только въ новой одеждѣ; рядомъ съ этою пѣснею другая — съ болѣе старыми признаками:

Дѣтинушка удалый молодецъ,
Онъ всю травушку, муравушку принималъ,
Всѣ лазоревы цвѣточки посорвалъ;
Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить,
Много золота, много серебра носить,
Безъ расчета золотой казной дарить,
Безъ аршина камочки отдирать...

Въ № 25 представляется образчикъ обращенія молодца съ дѣвушкой:

Что пошли наши ребята,
Да вдоль во кругу гулять,
Красныхъ дѣвокъ выбирать;
Выбиралъ, выбиралъ парень
Красну дѣвушку не-величку,
Не величку, ни малу;
Ни величка, ни мала,
На ней шубочка ала,
Душегрѣечка красна,
Молодцу сердце зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвушку,
По бѣлому по лицу,
Онъ по бѣлому лицу,
По румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ.
Какъ жемчужная сережка
Разсыпалась,
Передъ молодымъ дѣвчонка
Расплакалась:
Ты не бей, не бей, певѣжа,
Не твоя, сударь, надежа,
Коли я буду твоя,
Буду слушаться тебя;
А теперь я не твоя —
Я не слушаюсь тебя.
Отойди ты прочь.
Отойди, шельма, отъ меня! (№ 25)

Дѣвушка протестуетъ противъ такого обращенія съ собою только до тѣхъ поръ, пока она не вышла за парня; послѣ заужства — дѣло иное, она будетъ его слушаться; онъ будетъ имѣть право бить ее. Рядомъ съ этою пѣснею (№ 26) помѣщается пѣсня, гдѣ изображается какъ бы продолженіе того, что могло послѣдовать, когда дѣвушка (№ 25-го) выйдетъ за своего парня, вѣзавшаго ей въ физиономію:

Ужъ я полемъ шла,
 Не шаталася,
 Ко двору пришла,
 Поматнулася,
 За веревку съдержалася.
 Веревка-ль ты моя,
 Ты веревочка,
 Съдержи ты меня
 Бабу пьяную,
 Шельму хмѣльную:
 Не выдай бы меня
 Свежоръ батюшка,
 Не скажаль бы онъ
 Моему мужу.
 Какъ и мой-то мужъ
 Горькій пьяница;
 Онъ вина не пьетъ,
 Съ кабака неидеть,
 Съ воды пьянъ живетъ,
 Съ квасу бѣситса!

Далѣе описывается въ шуточномъ видѣ опрятность хозяйки
 и способъ приготовленія пицци:

Я порогъ мыла,
 Во щи вылила,
 Ужъ я полъ мыла,
 Въ горохъ вылила;
 Я ноги скребла,
 Пирогъ спекла,
 Со начиночкой,
 Со ветчиночкой.

III.

За отдѣломъ пѣсенъ, которыя г. Шейнъ означилъ названіемъ *плясовыхъ* и *бесѣдныхъ*, слѣдуетъ у него отдѣлъ называемыхъ *голосовыми* или *протяжными*; ихъ числомъ 99.

Нѣтъ ничего произвольнаго и неточнаго такоу рубрики. Такимъ образомъ, если означать пѣсни по голосу, то къ этому разряду пришлось бы отнести множество пѣсенъ: былевыхъ, разбойничьихъ, рекрутскихъ, которыя поются протяжно, а между тѣмъ онѣ сюда не включены. Пѣсни, означенныя у г. Шейна названіемъ *голосовыхъ*, собственно бытовыя пѣсни, преимущественно семейныя и любовныя. Къ нимъ могли причислиться и такія, какія мы встрѣчаемъ между плясовыми, хоть бы, напр., № 95, гдѣ жена проводитъ стараго мужа.

Въ этомъ отдѣлѣ пѣсенъ замѣчательны черты, указывающія на сохранившіеся въ народной поэзіи остатки древняго символическаго отношенія къ природѣ. Для опредѣленія ихъ значенія въ этомъ смыслѣ, намъ болѣе всего поможетъ сравненіе съ подобными чертами у южноруссовъ. Такъ какъ поэзія южно-русская, сообразно долговременному, особому отъ великоруссовъ теченію народной жизни, приняла совсѣмъ иной складъ и характеръ, отличный отъ великорусской поэзіи, то мы полагаемъ, что сходство въ возрастныхъ, образовъ, извѣстныхъ отношеній къ природѣ, можетъ служить признакомъ древности содержанія пѣсенъ. Разумѣется, отсюда слѣдуетъ исключить то, что было плодомъ уже позднѣйшаго сближенія, такъ какъ очень много пѣсенныхъ мотивовъ входило изъ Великой Руси въ Южную и обратно; но, къ счастью, позднѣйшія перетасовки и заимствованія такъ явно выказываютъ свое недавнее происхожденіе, что только люди слишкомъ неопытные и неосвоившіеся съ духомъ и приемами народной поэзіи могутъ ошибиться и принять новѣйшее заимствованіе за признаки стараго единства, такъ какъ во всѣхъ такихъ, близкихъ къ намъ по времени заимствованіяхъ, болѣе или менѣе удерживаются черты того пѣсеннаго склада, откуда взято заимствованіе. Нѣтъ ни одной великорусской пѣсни, перенятой малоруссами и распѣваемой народомъ, которая до того бы измѣнилась и перетворилась, чтобы невозможно было видѣть ея отличія отъ чисто малорусскихъ; то же самое и по отношенію къ пѣснямъ малорусскимъ, перенатымъ великоруссами. Мы считаемъ древними признаками только такіа черты, которыя представляютъ сходство въ возрастныхъ, образовъ, сказаній, при полномъ сохраненіи своеобразнаго великорусскаго или южнорусскаго пѣсеннаго склада. Такое сходство очень драгоцѣнно и на немъ можно смѣло основывать причисленіе къ области древняго міросозерцанія тѣхъ символическихъ отношеній къ природѣ, которыя мы замѣчаемъ въ пѣсняхъ. Само собою разумѣется, что сходство съ поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, которыхъ жизнь еще болѣе удалялась отъ жизни великорусской, будетъ подтверждать древность этихъ чертъ.

Небесныя свѣтила и воздушныя явленія рѣдко и вскользь являются въ пѣсняхъ, разсматриваемыхъ нами. Съ солнцемъ сравниваются милыя сердцу особы (№ 12), но этотъ приемъ слишкомъ общій каждой народной поэзіи, а потому мы и не станемъ давать ему значеніе въ смыслѣ особой характеристики. Подъ №№ 47 и 31 мы встрѣчаемъ обращеніе къ мѣсяцу: дѣвица проситъ его свѣтить милому, когда онъ пойдетъ, чтобы было ей видно; подобный приемъ находимъ мы въ галицкихъ и

малорусскихъ пѣсняхъ. Море является символомъ неизвѣстности и погибели: это древнее славянское представленіе; молодецъ, навидавшій свою жену, изображаетъ свое желаніе избавиться отъ нея въ образѣ пусканія ея на корабль въ море (№ 24); тотъ же образъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ и притомъ въ различныхъ положеніяхъ. Замѣчательно, что вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ вода во всѣхъ видахъ, — въ видѣ рѣки, ключа (№ 53), чаще, чѣмъ въ южнорусскихъ, имѣетъ печальное значеніе, хотя и послѣднія не чужды вовсе того же. Вода подмываетъ сучки, вѣточки, отростки рябины, сравниваемой съ дѣвицею (6); по водѣ прибываетъ горе къ дѣвицѣ (10); рѣкѣ отдають горе, котораго она не хочетъ брать (ibid.); теченіе рѣки сопоставляется съ горькимъ житьемъ (69); вода, заливающая луга и болота, сравнивается со слезами (71).

Въ южнорусскихъ пѣсняхъ есть многіе и веселые образы воды, какихъ мы не встрѣчаемъ здѣсь. Быть можетъ, тутъ дѣйствовало обиліе воды, въ видѣ сѣверныхъ болотъ, служившихъ только помѣхою въ жизни, и это утвердило въ поэзіи мрачную сторону символическаго отношенія къ водѣ.

Изъ деревьевъ въ великорусскихъ пѣсняхъ рябина сопоставляется съ дѣвицею и вызрѣваніе рябиновыхъ ягодъ сравнивается съ «вызнаваніемъ» дѣвицы (31). Рябины, сколько намъ извѣстно, нѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ другихъ славянъ. Это дерево исключительно великорусское, и кажется, замѣняетъ въ томъ же значеніи южнорусскую калину — частый и постоянный женскій символъ, хотя и калина не чужда вовсе великорусской поэзіи: на калинѣ сидитъ кукушка, сравниваемая съ дѣвицею (29), или сожолъ — символъ молодца, (41) или соловей; съ калиною, рано расцвѣтающею, сопоставляется женщина, рано вышедшая замужъ: всѣ эти образы есть въ южнорусскихъ пѣсняхъ. Береза — также мѣстопребываніе птицъ (76). Въ одной пѣснѣ (46) въ грустномъ значеніи мы встрѣчаемъ ель — дерево грусти въ южнорусской поэзіи. Такое же значеніе имѣетъ ракита или ракитовъ кустъ, равнозначущій (хотя не всегда въ одномъ и томъ же значеніи) съ малорусскимъ яворомъ. Садъ вообще въ великорусской поэзіи, какъ и въ малорусской, сопоставляется съ милымъ человѣкомъ: садъ засыхаетъ, другъ отъѣзжаетъ (22). Изъ травъ замѣчательна полынь съ эпитетомъ злодѣй: онъ, какъ символъ горести, вырастаетъ среди винограда; послѣдній въ южнорусской поэзіи постоянный символъ довольства и веселія; вѣроятно и здѣсь онъ приведенъ въ томъ же значеніи, тѣмъ болѣе, что въ другой пѣснѣ дѣвица кидаетъ милому изюмъ — виноградъ на вровать (№ 15); въ свадебныхъ пѣсняхъ виноградъ иногда появляется,

хотя рѣже, чѣмъ въ южнорусскихъ. Символическое значеніе птицъ выказывается яснѣе въ народной великорусской поэзіи, чѣмъ — растеній. Соколы здѣсь, какъ и въ пѣсняхъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, символъ молодца; летаніе сокола сравнивается съ разгуломъ молодецкимъ (29). Молодецъ скачетъ на своемъ конѣ словно соколъ летитъ (60); какъ отъ летанья у сокола крылья «примахались», такъ у молодца кудерышши зави-
зались (57); символомъ влюбленного молодца служить голубь, а влюбленной дѣвицы — голубка (№№ 49, 50; 20). Молодецъ сынъ купеческій — по другимъ вариантамъ боярскій, убилъ голубку — это, какъ видно, образъ похищенія дѣвицы — образъ, который мы встрѣчаемъ въ южнорусскихъ и польскихъ пѣсняхъ и въ древнемъ чешскомъ стихотвореніи Збигонъ. Символами любовной четы являются также соловей и кукушка. Соловей одинъ самъ по себѣ — пѣвецъ веселья, онъ подаетъ дѣвицамъ голосъ въ пѣнію; онъ разгоняетъ тоску влюбленному молодцу (13); соловей является въ образѣ вѣстника: женщина посылаетъ его въ своимъ роднымъ (75). Кукушка вообще символъ женскій, преимущественно грустный, и потому ей придается обыкновенно эпитетъ горемычной. Пѣсня о превращеніи женщины въ кукушку (№№ 68, 69, 70), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ старыхъ; въ южнорусской поэзіи есть подобная и очень распространенная; мы встрѣчаемъ отголоски этого въ сербской поэзіи. Известно, что ни за одной птицей не остается столько глубоко-древняго значенія у всѣхъ народовъ арійскаго племени, какъ за кукушкою, а потому и не удивительно, что въ сборникѣ г. Шейна есть пѣсня о кукушечкѣ, сходная съ южнорусскою пѣсней и старочешскою въ Краледворской рукописи, — пѣсня, сохранившая слѣды того языческаго значенія, какое имѣла нѣкогда боготворимая кукушка ¹⁾:

Долина-ль ты моя, долинушка,
Долина-ль ты широкая,
На той ли на долині
Выростала калина,
На той ли на калині
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь.
Ужъ и какъ же мнѣ кукушечки,

¹⁾ Ср. старочешскую въ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, vydání Václava Hanki, 1852, стр. 101; — и нагорусскую въ Pieśni ludu Ruskiego w Galycyi, zebrał Łęgota Pauli, I, стр. 125.

Какъ не куковать.
 Ужъ и какъ же мнѣ, горемичиной,
 Какъ не горевати?
 Одинъ былъ зеленый садъ,
 И тотъ засыхаетъ,
 Одинъ былъ у меня милый другъ,
 И тотъ отъѣзжаетъ,
 Одное меня младшеньку,
 Одное меня покидаетъ!

Вообще такъ-называемыя у г. Шейна *юлосовыя* пѣсни по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на двѣ половины: на *любовныя* и *семейныя*.

Только немногія изъ любовныхъ пѣсенъ изображаютъ счастливыя и согласныя отношенія между молодцомъ и дѣвицею (№№ 1, 2, 3, 6, 7); большей части этихъ пѣсенъ содержаніе — тоска дѣвицы въ разлуцѣ съ милымъ (№№ 9, 10, 11, 14, 17, 18, 19, 21, 26, 27, 28, 29, 30, 31); тоска молодца по дѣвицѣ (№№ 16, 27, 36, 37); измѣна молодца (№№ 12, 20, 22, 23, 38, 39, 40, 47); разгулъ молодца (№№ 32, 33, 34); отравленіе и приворотныя средства (№№ 54, 55, 56, 57). Изъ семейныхъ пѣсенъ нѣтъ ни одной, представляющей картину семейнаго благополучія: въ нихъ видимъ мы или недовольство замужней женщины своимъ положеніемъ (№№ 53, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 74, 75, 76), или мужа своею женитьбою (№№ 72, 73, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 94; двѣ №№ 80 и 81 — представляютъ какъ жена помыкаетъ мужемъ. Цифры эти чрезвычайно краснорѣчивы сами по себѣ, какъ для изученія народной жизни, такъ и для ознакомленія съ народнымъ способомъ воззрѣнія на условія своей жизни; жаль только, что изъ сборника г. Шейна мы не знаемъ, какія пѣсни наиболѣе распространены.

Въ любовныхъ пѣсняхъ о разлуцѣ и объ измѣнѣ, чувство женщины гораздо сильнѣе, чѣмъ чувство молодца, хотя вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ любовное чувство не глубоко и часто пробивается тотъ практическій взглядъ, который составляетъ отличительную черту великорусскаго характера, качество, которое не допускаетъ до мечтательнаго бездѣйствія и упадка силъ подъ гнетомъ судьбы, и служитъ постояннымъ рычагомъ къ дѣятельности и терпѣнію, но которое также часто изсушаетъ въ душѣ поэзію и приводитъ къ грубѣйшему матеріализму. Вотъ, приходитъ молодецъ къ своей бывшей возлюбленной — объявить ей, что онъ хочетъ жениться на другой:

Я не гость пришедь, не гостить къ тебѣ,
 Я пришедь у вашей милости доложиться,
 Позволишь ли ты мнѣ жениться?

Сначала дѣвушка разражается гнѣвомъ и какъ будто отчаяніемъ:

Ты женись, женись, разбесовѣстный,
Я не чаяла отъ тебя того,
Ты бы сказалъ мнѣ такое словечушко,
Прострѣлилъ ты мое сердечушко:
Ты возьми, возьми саблю вострую,
Ты разрѣжь, разрѣжь мою бѣлу грудь,
Погляди ты мое ретиво сердце....

Молодецъ утѣшаетъ ее. Но чѣмъ? Онъ (женившись на другой!) не прерветъ съ нею прежней связи:

Не плачь, не плачь, раскрасавица,
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго!

Дѣвица утѣшается. Она зоветъ молодца въ садъ гулять, разиѣняться подарочками:

Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его въ зеленый садъ,
Мы по саднику разгуляемся,
Мы подарочкомъ разиѣняемся:
Ты возьми, возьми свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай мой тальянкой платъ:
Тебѣ перстнемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго...

Такимъ образомъ, оказывается, что у дѣвицы уже былъ другой другъ на запасъ: стало быть, ея отчаяніе было не искреннее. Все обстоитъ благополучно. Есть надежда, что молодецъ, женившись на другой, будетъ продолжать свои любовныя отношенія съ прежнею, которая выйдетъ за другого; если она прежде надувала двухъ любовниковъ, почему-жъ ей не надувать мужа. Мы привели эту пѣсню изъ сборника Шейна потому, что знаемъ ее также не изъ этого сборника; пѣсня эта старинная и очень распространена въ разнообразныхъ вариантахъ; есть варианты, которые не имѣютъ такого безнравственнаго смысла: дѣвица только желаетъ измѣннику счастья съ другою, и вѣроятно пѣсня эта, видоизмѣняясь, дошла до того образа, въ какомъ помѣщена въ сборникѣ Шейна, вмѣстѣ съ развитіемъ народныхъ нравственныхъ взглядовъ. Въ сущности та же мелкость чувства, тотъ же практическій взглядъ на жизнь отражаются въ пѣснѣ подъ № 12 (также, какъ намъ извѣстно, очень распространенной), гдѣ дѣвица съ молодымъ находится въ самыхъ нѣжныхъ и любовныхъ отношеніяхъ, зная, что она себя выйдетъ замужъ, а онъ женится на другой:

Не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улицы свѣтилъ,
 Заря бѣлый день въ окошечко,
 Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
 Всѣ забавы, всѣ утѣхи принесла,
 Въ окошечко бѣлы руки подала,
 По другимъ увѣрала молодца,
 Увѣравши чернобровымъ назвала:
 Чернобровый, черноглазый, милый мой.
 Мнѣ не долго во любви пожить съ тобой,
 Во любви пожить, въ согласьи погулять,
 Тебя, молодца, женить скоро хотять,
 Тебя женать, меня замужъ отдадутъ:
 По дорожкѣ заѣзжай ко мнѣ, милой,
 На послѣднѣи распростимся мы съ тобой!

Глубокая сердечная привязанность и тѣмъ болѣе мечтательность вообще чужды великорусской поэзіи; въ самыхъ лучшихъ, дѣйствительно исполненныхъ поэзіи, любовныхъ пѣсняхъ, свѣтится сильно чувственность; вотъ влюбленной дѣвушкѣ снится сонъ—хорошій сонъ:

Чуть заснула на первой зарѣ,
 Хорошъ сонъ мнѣ младой видѣлся,
 Будто миленькій ко мнѣ пришелъ,
 По новымъ сѣнюшкамъ прошелъ,
 Ко кровати подошелъ,
 Раскрылъ бѣло полотно,
 На бѣлыя груди палъ,
 Крѣпко къ сердцу прижималъ,
 Въ уста меня цѣловалъ.

И въ несчастной любви—дѣвушка томится на кровати, раскачиваясь, да съ подушкою обнимаясь:

Ты злодѣй-то лиходѣй удай добрый молодецъ
 Изсушилъ ты, сокрушилъ мое сердце дѣвичье.
 Долго ли моему сердцу будетъ ныть болѣть?
 Ужъ пойду я съ горя лягу на кроватьку,
 На кроваткушкѣ млада раскачуся.
 По миленькомъ дружкѣ спохвачуся,
 Горючими слезами заляжуся.
 Ужъ ны ночи мои, ночи, ночи долги темныя,
 Надошли вы мнѣ ночи, надокучили,
 Съ милымъ дружкомъ меня разлучили. (№ 8)

Тоска по милымъ проходить скоро, какъ и привязанность,—
 словно короткое сѣверное лѣто:

Ты травалъ моя,
 Ты шелковая,
 Ты весной росла,
 Лѣтомъ выросла,

Подъ осень, травка,
Засыхает стала,
Про мила дружка
Забывать стала. (№ 5)

Въ позднѣйшее время, въ народную поэзію вошла, однако, сентиментальность путемъ соприкосновенія съ литературными приемами, такъ что народъ уже сталъ слагать свои пѣсни на манеръ тѣхъ, которыя доходили до его слуха изъ разныхъ пѣсennиковъ. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ, напримѣръ, помѣщенные у г. Шейна подъ №№ 26 и 28, гдѣ молодецъ хочетъ превратиться въ голубка, чтобъ ворковать на окошечкѣ своей возлюбленной, или, напримѣръ, такая пѣсенка:

Что ты, Саша, приуныла,
Пригорюнившись, сидишь;
Прежде пѣла, говорила
Ко подруженькамъ своимъ:
Веселитесь вы, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ,
Весна придетъ, солнце взойдетъ,
Сгонитъ снѣги, весь морозъ,
Приударитъ частый дождь,
Расцвѣтутъ въ полѣ цвѣточки,
Всѣ ракитовы кусточки. (№ 9)

Эта пѣсня сложилась очевидно тогда, когда самобытное, издревле установившееся въ извѣстномъ пошибѣ народное творчество подчинилось вліянію искусственности, навѣянной на народъ сверху. Подобное риторическое описаніе красотъ природы отнюдь невозможно въ первобытной безыскусственной поэзіи какого бы то ни было народа. Въ настоящее время, пѣсенъ въ такомъ тонѣ очень много, хотя у г. Шейна ихъ сравнительно мало; всѣ онѣ отпечатокъ современныхъ или близкихъ къ намъ по времени условій духовной жизни русскаго народа. Народъ слагаетъ ихъ, народъ ихъ любитъ гораздо болѣе, чѣмъ старыя пѣсни, сложенные и завѣщанныя ему по наслѣдству прежними, уже давно отжившими поколѣніями. Но изъ нашихъ сборниковъ и въ томъ числѣ изъ сборника г. Шейна нельзя узнать этого обстоятельства. Изучая наши ученые сборники и зная русскія пѣсни только по сборникамъ, можно получить такой взглядъ: есть у народа пѣсни старыя, а есть пѣсни новѣйшія; всякъ поетъ себѣ какую задумаетъ; между тѣмъ какъ иную поютъ человѣкъ десять, другую—сто; да и къ тѣмъ пѣснямъ, которыя въ данное время очень распространены, народъ не одинаково относится: инья онъ поетъ съ особымъ участіемъ къ ихъ содержанію, другія нравятся ему только по голосу. Въ нашихъ ученыхъ сборникахъ этого всего

не обозначается, а потому-то изъ нихъ мы не въ состояніи узнать того, что для насъ составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ народнаго творчества—мы не узнаемъ изъ нихъ исторіи народной поэзіи даже и въ сравнительно близкій къ намъ періодъ народной жизни. Между тѣмъ этотъ періодъ заключаетъ особенно интересныя стороны, потому что въ народной поэзіи совершается переворотъ подобный тому, какой происходитъ въ самой жизни народа. Замѣчательно, что въ то время, когда пѣсни новаго пошиба творятся народнымъ первобытнымъ способомъ, то-есть, пѣсенные элементы, вращаясь въ народной массѣ, принимаютъ опредѣленныя формы въ разныхъ вариантахъ,—появляются пѣснотворцы, составляющіе разомъ готовые пѣсни: иные изъ этихъ пѣсней, будучи сложены поудачнѣе, входили въ народъ, но въ какой степени и какъ видоизмѣнялись онѣ въ народномъ обращеніи—мы не знаемъ и не имѣемъ источниковъ для составленія какихъ-либо заключеній, но были и такія пѣснопѣнія, которыя входили въ сборники народныхъ пѣсней, едва ли входивши въ народъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ явились въ сборникахъ. И въ сборникѣ г. Шейна попалось кое-что въ такомъ родѣ; напримѣръ, пѣсня подъ № 20:

Не соколъ летать по поднебесью,
Не соколъ ронять сизы перышки, и проч.

—по нашему мнѣнію фальшивая, даромъ что значится записанною Тульской губерніи Епифанскаго уѣзда въ селѣ Сувромнѣ однимъ учителемъ. Хотя въ ней и есть подражаніе дѣйствительно-народнымъ пѣснямъ, но въ то же время натянутая правильность, искусственная разстановка словъ и выраженій и кавалерская чувствительность, совсѣмъ несродная русской поэзіи — обличаетъ ея поддѣлку. Пѣсня подъ № 51 также не народная, хотя въ ней цѣликомъ нанизаны стихи изъ народныхъ пѣсней.

IV.

Пѣсни, относящіяся, по своему содержанію, къ брачной и семейной жизни, представляютъ у г. Шейна мрачную и даже грязную картину; она была бы еще мрачнѣе и грязнѣе, еслибъ у г. Шейна было побольше пѣсней этого разряда. Уже дѣвица, вмѣсто того, чтобы плѣняться образомъ семейнаго счастья въ будущемъ замужествѣ, смотритъ на бракъ какъ на тягость и говорить своимъ подругамъ:

Погуляйте вы, дѣвушки,
 Покуда вы у батюшки,
 У родимой своей матушки!
 Не ровень мужъ навалится,
 Либо воръ, либо пьяница. (№ 78)

Въ другой пѣснѣ посылается проклятіе браку:

Пошла дѣвушка на кипучій ключъ,
 На ключъ дѣвушка слезно плакала;
 Проклинала это-то заму́жнѣе:
 Распроклятая жизнь заму́жняя,
 Расхорошее житіе дѣвичье. (№ 59)

Въ драгоцѣнной пѣснѣ подъ № 64, изображаются въ короткой рѣчи отношенія заму́жней женщины къ семьѣ своего мужа и способъ обращенія съ самимъ своимъ супругомъ:

Какъ и свекоръ на палатѣ,
 Точно кобель на канатѣ;
 Какъ свекровушка на печи
 Точно сука на цѣпи.
 Вы деверья, вы деверья,
 Вы—борзые кобеля;
 У васъ жены таковы.
 Вы золовки-колотовки,
 Вамъ самимъ въ люди идти.
 Ужъ вы, тетуски,
 Не прогнѣвайтесь!
 Я поставлю на порогъ,
 Да въ три шен за воротъ.
 Мужъ на лавки сидитъ,
 На жену косо глядитъ:
 Ты косись, не косись,
 Не боюсь я тебя,
 Не ударишь ты меня!
 Мужъ руку отдалъ,
 Жену по уху оплегалъ,
 Жена руку отвела,
 По всей карѣ оплегла.

Печальное состояніе женщины въ заму́жствѣ — древнѣйшій мотивъ славянской поэзіи вообще. Прекрасная пѣсня о превращеніи несчастной заму́жней женщины въ кукушку, прилетѣвшей въ видѣ этой птицы къ своей матери, помѣщена у г. Шейна въ двухъ вариантахъ (№№ 68, 69); пѣсня эта одна изъ самыхъ старинныхъ, и за ея древность ручается одинаковаго содержанія, какъ мы сказали, хотя въ иной формѣ, подобная же южнорусская пѣсня. Также на основаніи сходства съ южнорусскими, мы можемъ отнести къ древнимъ пѣснямъ тѣ, гдѣ заму́жняя женщина груститъ о разлукѣ съ родными и обращается къ нимъ за утѣ-

шеніемъ въ своемъ горѣ (№№ 67, 70, 74). Но замѣчательно, что у г. Шейна замужняя женщина въ пѣсняхъ почти не представляется терпящею отъ деспотизма мужа, что такъ рѣзко высказывается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, гдѣ безотвѣтная жертва горько плачетъ о своей судьбѣ и нерѣдко не находитъ другого исхода, кромѣ самоубійства. Намъ извѣстны въ подобномъ тонѣ и великорусскія пѣсни стараго пошиба, но у г. Шейна нѣтъ ихъ; въ пѣсняхъ, собранныхъ имъ и сравнительно новѣйшихъ, судя по ихъ настоящей редакціи, великорусская замужняя женщина представляется скорѣе бой-бабою, которая не слишкомъ-то готова съ терпѣніемъ сносить всякое насиліе и изливать свое горе слезами, а скорѣе сама склонна и провести мужа и поработить его. Достойно замѣчанія, между прочимъ, что пѣсня, по своимъ основнымъ чертамъ древняя, сходная съ подобною южнорусскою, отличается отъ послѣдней именно взглядомъ на положеніе замужней женщины. Въ южнорусской пѣснѣ замужнюю женщину свекровь посылаетъ по воду босикомъ; въ великорусской, по изданной въ сборникѣ Шейна — тоже примѣняется къ дѣвицѣ, у которой злая мачиха (93). Напротивъ, въ другой великорусской пѣснѣ (№ 65), когда лихая свекровь помыкаетъ невѣсткою, то послѣдняя пользуется посылками, которыя ей даютъ, для того, чтобъ потѣшиться съ Ванюшкою-Горюномъ:

....Посылаетъ все туда и сюда,
И туда и сюда и невѣдомо куда,
По утру рано на ключъ за водой,
Вечеромъ поздно скотину убирать.
Я пошла млада, замѣшкала,ся,
Сладкой водочки накушала,ся,
Мнѣ на встрѣчу млодой Ванюшка-Горюнь.
Вотъ какъ сталъ Ваня пошучивати,
За бѣлы груди похватывати,
Не шути ты, не шути, Ваня-Горюнь:
Мое личко разгарчивое,
Свекровь матушка дсгадливая,
Ни съ чего догадается,
Съ чего лицо разгарається. (№ 65)

Вотъ примѣръ, какъ бойкая великорусская женщина расправляется съ своимъ мужемъ пьяницею и безобразникомъ — «дѣтинкою-невѣжею»:

На кабакъ идетъ невѣжа—скачить, пляшеть,
Съ кабака идетъ невѣжа—кричить, лаять:
Ты жена-ль моя, жена молодая!
Отворяй-ка ты ворота становныя,
Встрѣчай мужа съ работы веселаго!
Какъ и я ли, молодежка, торопливо выходила,

За новня за ворота становля,
 Я съ невѣжею смѣленько говорила:
 Ты ночуй, ночуй, невѣжа за вратами,
 Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
 Мягкая постеля—бѣлая пороша!
 Вотъ тебѣ высоко возголоуе—подворотня!
 Вотъ тебѣ шитое одѣяло—часть звѣзды!
 Ужъ и я ли невѣжу успросила:
 Каково тебѣ, невѣжа, за вратами,
 Таково-жъ мнѣ, невѣжа, за тобою,
 За твоею дурацкою головою. (№ 80)

Изъ пѣсенъ оказывается, что тягость брака еще болѣе ненавистна мужу, чѣмъ женѣ, и онъ болѣе и глубже страдаетъ подъ его гнетомъ. Еще мальчикомъ женили его по неволѣ; онъ получилъ себѣ жену не по мыслямъ, тяжела ему жизнь:

Съ поневоли меня оженяли,
 Не по обычью мнѣ жану взяли,
 Не по бычьё, не по мыслямъ;
 Я не буду съ ней въ любви жить,
 Буду мальчикъ за рѣку ходить,
 На свою жану буду смерти молить. (80)

И работа ему на умъ нейдетъ; все проклятой женѣ смерти онъ желаетъ:

Какъ за рѣкой-то, рѣкой,
 Шелкову траву Ваня косилъ,
 Онъ косилъ-то косилъ,
 Косу въ сторону бросилъ:
 Пронадай ты моя,
 Безъукладная коса!
 Ты умри, умри,
 Распостылая жена. (83)

Всю молодость испортила ему жена, которой ласки для него ненавистны:

Охъ да ты молодость, моя молодость!
 Ты когда младость прошла,
 Когда мила прокатилась?
 Я-де весной младость прошла,
 Лѣтомъ-де прокатилась.
 Охъ да не въ чести-де прошла,
 Да и не въ радости,
 Въ моемъ ли во моемъ горюшки,
 Во моемъ горѣ во великомъ.
 Навизалась-отъ, братцы, на меня
 Зла да худа жена,
 Зла худа шельма жена
 Больно некорыстна.
 Она день-отъ меня журить, бравить,
 Ночь уснуть не дастъ,

На рукѣ лежать,
 Во глаза глядѣть,
 Во глаза шельма глядѣть,
 Цаловать велитъ;
 Цаловать-то ее мнѣ, шельму, не хочется,
 Ретивое сердечушко къ ней
 Сердце не воротится. (86)

Молодецъ съ досады ищетъ себѣ утѣшенія—обращается къ чужой женѣ, на чужой сторонѣ:

Приневолила шататься по чужой сторонѣ,
 Ты заставила любить чужу мужнину жену.
 Какъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
 А своя шельма жена—попынь горькая трава,
 Попынь горькая трава, стрелучая крапива. (87)

Или же идетъ къ дѣвушкамъ (№№: 72, 83, 89, 90), иногда къ своей прежней сударушкѣ (№№: 73, 84); только и тутъ ему нѣтъ воли; жена подсматриваетъ за нимъ; дѣвушки, поэтому, не находятъ удобнымъ любить женатаго:

Уже нѣтъ того хуже женатаго любить!
 Онъ жеватый, распроклятый!
 Его очень жизнь бѣдна:
 Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
 А жена все за нимъ глядитъ. (89)

Да не только что жена; еще вся женина родня сторожитъ его. Вотъ онъ въ лѣсу; тамъ красна дѣвица-душа Машенька: она—

Со милымъ дружкой проаукалась:
 Ты ау! ау! дружокъ миленькій!
 Не далече ходишь, милый, не откликнешься!
 Мнѣ нельзя тебѣ откликнуться,
 Какъ за мною ходить трое сторожа,
 Трое сторожи, трое грозные:
 Первый сторожъ ходитъ—тесть батюшка,
 Второй сторожъ—теща матушка,
 Третій сторожъ—молода жена:
 Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
 На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣченку.
 Ахъ ты возмой, возмой, туча грозная!
 Убей моего тестя батюшку,
 А стрѣлой застрѣли тещу матушку,
 Сильнымъ дождичкомъ засѣки молодую жену,
 Ты спаси, спаси красную дѣвушку,
 Красную дѣвушку, прежнюю сударушку. (73)

Иногда же такой мужъ прибѣгаетъ для утоленія горя къ синему кувшину и, выпивши, желаетъ смерти женѣ:

Спасибо, спасибо, синему кушину,
Разныкала онъ тоску мою кручину!
Не кручина меня сокрушила,
Сокрушила меня жена молодая,
И давно-ль жена не хворала,
Захворай же-ка, жена побольше,
И умри поскорѣе,
И мнѣ будетъ жить повольнѣе. (№ 93)

И, однако, мало бываетъ ему утѣшенія, если жена умретъ.
Вотъ сбываются его моленія:

Распрекрасна смерть идетъ,
Ужъ ты смерть моя прекрасная,
Воротися, смерть, назадъ,
Сокончай мою жену!
Не успѣлъ я слова молвить—
Начала жену кончать;
Не успѣлъ я оглянуться—
Накрылъ бѣлымъ полотномъ. (№ 94)

Молодецъ, теперь свободный —

Приударилъ ее кулакомъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Къ короводу подошелъ,
Всѣ дѣвушки играютъ. (№ 89)

Теперь молодецъ хочетъ опять жениться:

Сыгравъ свадьбу веселую,
Возьму жену молодую...

Но какъ только свяжетъ онъ себя новымъ бракомъ—будетъ ему послѣдняя горше первыхъ. Отъ покойной жены у него остались дѣти; новая жена будетъ для нихъ—лихая мачиха; дѣти будутъ ее ненавидѣть и проклинять:

Малы дѣтушки по горенькѣ похаживаютъ,
Лиху мачиху проклинаятъ,
Родну матушку вспоминаютъ:
Ты сгори, наша горенька новая!
Встань, встань, наша матушка родная!

Такимъ образомъ—бракъ для него во всякомъ случаѣ горе, невыносимое бремя, отравы жизни.

Намъ извѣстны пѣсни, гдѣ описывается убійство жены мужемъ; у г. Шейна такихъ пѣсень нѣтъ; за то у него есть четыре нумера, представляющіе убійство мужа женою. Въ одной жена зарѣзала (№ 96) мужа, въ другой — повѣсила на деревѣ и поругалась надъ нимъ:

Али ты сладкихъ яблокъ накушался,
Соловьиныхъ пѣсень наслушался. (№ 99)

Въ двухъ остальныхъ (№№ 95, 97) жена удавила старика мужа петлею, при содѣйствіи любовника: она стала —

Петлюшку на шеюшку
Навѣдывати;
Своему милому конецъ подала:
Ты тани, тани милой,
Натагивай небось!
Новые гужи не сорвутся,
У стараго шея не оторвется.
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится;
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузникъ (пьяница).

или: (въ другомъ вариантѣ, № 95):

Ногами забилъ,
Будто путь задавилъ,
Руки растопырилъ —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ —
Смѣяться сталъ!

Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина, въ которой великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь, способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ. Иное дѣло, еслибы подобныя черты составили предметъ шуточныхъ пѣсентъ; въ минуты веселья и забавы, часто человекъ нравственный въ своихъ поступкахъ дозволяетъ себѣ говорить или лучше сказать болтать то, чего не скажетъ въ правду. Пѣсни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, никакъ не шуточные; это именно такія пѣсни, въ которыхъ народъ выражаетъ свои душевныя чувства, свои нравственныя взгляды. Иное дѣло было бы и тогда, когда бы черты, еще безнравственнѣе этихъ, мы встрѣтили въ пѣсняхъ былевыхъ, при описаніи какого-нибудь единичнаго событія; извѣстно, что человеческое воображеніе тѣшится вообще необычнымъ; сцены пороковъ и злодѣяній могутъ нравиться тѣмъ, которые вовсе неспособны къ совершенію чего-нибудь преступнаго, — подобно тому, какъ любители сценическихъ представленій тѣшатся пожарами на сценѣ театра, хотя никто изъ нихъ неспособенъ самъ на поджигательство. Но въ пѣсняхъ, о которыхъ мы говоримъ, всѣмъ не исключительные случаи, не единичныя событія: здѣсь — повседневная жизнь, всегда присущее народу чувство. Однако,

мы еще не рѣшимся обобщать этихъ чертъ и на основаніи ихъ дозволить себѣ какія-либо сужденія о нравственномъ упадкѣ всего народа, именно по причинѣ тѣхъ недостатковъ въ способѣ собиранія и изданія нашихъ народныхъ произведеній, отъ которыхъ не свободенъ еще ни одинъ сборникъ. У насъ, во-первыхъ, мало вариантовъ тѣхъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ мы бы рѣшались дѣлать приговоры; еслибы у насъ вариантовъ было болѣе, мы бы узнали, вѣроятно, что содержаніе однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ не вездѣ одинаково понимается и выражается. И действительно, — пѣсня, которую мы приводили, какъ напечатанную въ сборникѣ г. Шейна подъ № 22, представляется намъ безнравственною: молодецъ, собираясь жениться, обѣщаетъ другой дѣвушкѣ, которая также выйдетъ замужъ за иного, быть съ нею въ любовной связи; эта пѣсня записана въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, но у насъ есть вариантъ той же самой пѣсни изъ Саратовской губерніи, въ которомъ уже не только нѣтъ такого безнравственного смысла, но дѣвушка, которой измѣняетъ молодецъ, показываетъ въ отношеніи къ нему даже великодушіе и благородство. Во-вторыхъ — для того, чтобы на основаніи пѣсенъ произносить сужденія о народныхъ свойствахъ, необходимо знать степень распространенности въ народѣ этихъ пѣсенъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ пѣсенъ, которыя изображали бы совсѣмъ инныя стороны народной духовной жизни и составили имъ, такъ сказать, противовѣсъ. По этимъ-то недостаткамъ мы считаемъ до крайности легкомысленнымъ дозволить себѣ произносить какіе-нибудь роковые приговоры, тѣмъ болѣе, что и подъ тою оболочкою грязи и цинизма, которою покрывается народная жизнь въ приведенныхъ нами пѣсняхъ, нельзя, однако, не замѣтить и чертъ свѣтлыхъ — поразительной бодрости и крѣпости духа, отваги, отсутствія всякаго отчаянія, боязни предъ горемъ, живой дѣятельной натуры великорусскаго народа.

V.

Пѣсни, которыя мы приводили, носятъ на себѣ болѣе или менѣе близкую къ намъ по времени форму состава или пересостава ихъ. Но и въ такихъ пѣсняхъ, въ которыхъ несомнѣнны признаки отдаленной старины, мы видимъ тягость, которая лежала на семейной жизни издревле, хотя въ этихъ древнихъ пѣсняхъ терпящую представляется уже одна женщина. Мы говоримъ о пѣсняхъ обрядныхъ, которыя у г. Шейна называются за тѣмъ отдѣломъ, который у него названъ *голосомъ

выми или протяжными и заключаютъ въ себѣ нѣсколько подраздѣловъ: колядныя, подблюдныя, святочныя игрища, волочбныя, весеннія, семицкія, жнивныя, толочныя, капустныя, масляничныя, свадебныя и похоронныя.

Вездѣ разсѣяны горькія жалобы женщины на замужнее положеніе. Въ игръ святочной, конечно старинной, плетъ представляется символомъ брачнаго сожителства; женщина должна безропотно принимать этотъ символъ: такова ея судьба по естеству, что быть ей всегда подъ плетью. Молодецъ представляется ищущимъ невѣсты; онъ находитъ себѣ избранницу между дѣвками; тогда ему поютъ:

Ты купи женѣ подарочикъ,
Что подарочикъ на шею жемчужку:
Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердись на меня!
Поѣзжай, Борись, на рыночикъ,
Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ ремену плетъ:
Принимай жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердись на меня.

И при послѣднихъ словахъ молодецъ бросаетъ на полъ плетъ; избранная его поднимаетъ этотъ знакъ брака: тогда они цѣлуются (стр. 387).

На тѣхъ же святочныхъ игрищахъ замужняя женщина поетъ о томъ, какъ мужъ обращается съ плетью, этимъ символомъ любви и брака:

Какъ не лютиа ли собаки заревѣли,
Не борныя ли собаки завизжали,
Заревѣлъ-то мой старый старичище.
Солѣзаетъ старичище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крива плетище,
Онъ и бьетъ ли не бьетъ полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку. (Стр. 383)

Въ другой пѣснѣ молодая женщина (стр. 383 — 394) жалуется, что въ то время, когда играютъ гусли, собирается игрище, свекоръ и свекровь не пускаютъ ее, томятъ работою; но бойкая великорусская женщина не слишкомъ терпѣливо несетъ надъ собою этотъ гнетъ: она грозитъ свекру изломать метлу, которою ее заставляютъ мести гумно, а свекрови изорвать полотно, которое ткать ее принуждаютъ.

Проходитъ зима; наступаетъ весна; собираются красныя дѣвицы на лугъ веселиться, какъ веселились ихъ прабабушки языческихъ временъ: встрѣчаютъ кукушку, птицу лѣта, божественную вѣстницу будущаго; вотъ несутъ онѣ вѣтку, обвитую лѣтами, украшенную цвѣтами: это называется у нихъ крестить

душку; какъ только услышать онѣ въ первый разъ кукушку, начинается свѣжаніе, пляска, пѣсни; но въ этихъ пѣсняхъ раздается тяжелая скорбь о несчастіи замужества:

Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чала
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы,
Пустила бы я долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ. (Стр. 345)

И весна проходить; наступаетъ лѣто — пора страдная, какъ пораť поселіене, то-есть пора тяжелой работы; при уборкѣ есть свои особыя обрядныя пѣсни, а въ этихъ пѣсняхъ та же скорбь о горькой судьбѣ замужней женщины; она еѣтъ разомъ и отъ свекра и отъ самодура мужа, который и въ вина дерется хуже пьянаго:

Я дорогою шла, я широкою,
Я пуцу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
Не слышала бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы онъ моему мужу,
Мому мужу, своему сыну.
Какъ и мой мужъ горькій пьяница:
Еѣтъ вина, пива не поѣтъ (не пѣтъ)
Всегда пьянъ живетъ,
Еѣтъ и боѣтъ (бѣѣтъ) жену по напрасниці,
По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
Не ходи, жена, ты на вулицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами неженатыми. (Стр. 40, пѣсня Псковск. губ.)

Другая пѣсня, помѣщенная собирателемъ въ числѣ толочныхъ слоками называются сельскія работы по наѣладкѣ, свозкѣ и разѣѣтъ въ полѣ или огородѣ навоза, работы, отправляемыя, по приѣшенію хозяина, сообща, нѣсколькими дворами или даже цѣлыми деревнями, при чемъ наградою за трудъ бываетъ приличное количество водки), изображаетъ грусть женщины, сравниваемой съ кукушкой, о своемъ замужествѣ; она чувствуетъ, что лучше бы ей было всю жизнь оставаться въ дѣвушкахъ; пѣсня, ѣтъ показывается еѣ складъ, замѣчательно сохранилась въ старой редакціи, и, какъ можетъ видѣть читатель, имѣѣтъ особое эстетическое достоинство:

Дуброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая,

По тебѣ, моя дубровушка,
 Дробныя пташки разлетались.
 Одна пташка оставалася,
 Горемышная кукушечка,
 Куковала кукушечка день до вечера,
 А со вечера до полуночи:
 Кабы знала я, млада, вѣдала,
 Про свое про горе про великое,
 Про замушнице несчастливое,
 Я бѣ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
 Я бѣ чесала буѣну голову,
 Я бѣ плела свою русу косу,
 Я бѣ, плетучи, приговаривала:
 Не доставайся, моя руса коса,
 Что ни князю, ни боярину,
 Ни моему мужу татарину. (Стр. 402)

Въ другой пѣснѣ, того же разряда, жена нѣжно проситъ своего супруга не бить ее безъ вины, позволяя, однако, бить ее за вину:

Я со миленькимъ дружочкомъ...
 А я милому говорила:
 Ты, мой миленькій дружочикъ,
 Ты не бей жану безъ вины,
 Ты бей жану за вину,
 За великую за бѣду.
 Мой батюшка далече,
 Моя матушка дальше того,
 Голосочка маво не слышать,
 Горючихъ моихъ слезъ не видать. (Стр. 403, Пск. губ.)

А вотъ наступаетъ масляница, время разгула. Для нея есть у народа особыя пѣсни; казалось бы, чему быть въ этихъ пѣсняхъ какъ не беззаботному, ничѣмъ песмушаемому веселью. Нѣтъ! здѣсь мы встрѣчаемся со слезами замушней женщины, съ горемъ замушества:

{ Горе мое, гореванье,
 Тяжело мое воздыханье,
 На чужой дальней сторонѣ,
 У чужого батьки,
 У чужой у матки:
 Протекала рѣка слезовая.

Молодежь-невѣстки хочется на «горушку», на катанье; лихой свекоръ ее не пускаетъ; невѣстка грозитъ послать своихъ притѣлѣй (куманей) воровъ сдѣлать покражу у свекра, слѣдовательно, въ своемъ же собственномъ хозяйствѣ. Какъ раба—она не смотритъ на достояніе той семьи, которой состоитъ членомъ, какъ на свое собственное:

Свекоръ батюшка лихой:
 Енъ на горушку

Меня не нущанть.
 А я свекру угожу,
 Три бѣды наряжу:
 Подошлю воровъ,
 Чтобъ покрали коровъ,
 Подошлю людей,
 Чтобъ покрали влѣтей,
 Подошлю куманей,
 Чтобъ покрали комоней (коней). (Стр. 408)

Тотъ же взглядъ на замужнюю жизнь прорывается и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Когда женихъ съ своимъ поѣздомъ входитъ домъ родителей невесты, дѣвица пугается, прижимается къ матушкѣ, словно, какъ будто ѣдутъ враги брата ее матери. — По дорожкѣ ѣдутъ! восклицаетъ она; — на дворъ въѣзжаютъ! Въ горницу входятъ! — Не отдамъ тебя въ чужіе люди, не пугайся! говоритъ ей мать, обманывая ее (стр. 431, Тульск. губ., Новос. уѣзда). Въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи, когда женихъ входитъ, невеста плачетъ, и тогда поется такая пѣсня:

Не гости идутъ къ намъ и не пріатели,
 Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
 Разлучаютъ меня съ отцемъ съ матерью,
 Съ отцомъ съ матерью съ родомъ племенемъ,
 И увозятъ меня неведомо куда. (Стр. 543)

Въ свадебныхъ пѣсняхъ просвѣчиваетъ то отдаленное время древности, когда молодецъ насиліемъ похищалъ себѣ жену. Невѣста сравнивается съ лебедью, на которую нападаетъ сизый аль, ощипываетъ ей крылья, оббиваетъ крылышки, проливаетъ чужую кровь:

Какъ и ѣздилъ-то Захаръ князь
 По Слонишину по селу,
 Какъ искалъ-то искалъ князь
 Красныхъ дѣвушекъ толпу.
 Какъ нашелъ-то, нашелъ Захаръ князь
 Красныхъ дѣвушекъ толпу;
 Онъ всѣхъ дѣвушекъ толпу распустилъ,
 Только ее одну ухватилъ,
 Свѣтъ Акулинушку свою,
 Тимошеевну свою.
 Взмолилася Акулинушка,
 Взмолилася Тимошеевна:
 Ты пусти меня, пусти Захаръ князь. (Стр. 481, Тв. губ.)

Подобный же взглядъ въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи (стр. 551).

Съ развитіемъ большей гражданственности, вмѣсто насильнаго

похищенія, надобно было покупать дѣвицу, и этотъ періодъ отразился до сихъ поръ въ разныхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ Тверской губерніи, когда свадебный поѣздъ съ женихомъ во главѣ пріѣзжаетъ въ домъ неvěсты, неvěста сидитъ забывшись въ заднѣй уголь, окруженная дѣвками. «Тысячскій» подходитъ къ дѣвкамъ, проситъ у нихъ неvěсты, но дѣвки не даютъ; тысячскій даетъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, а тысячскій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ; если мало дадутъ, просятъ еще: потомъ неvěсту сдаютъ жениху, женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу, чтобъ не была сердитъ (стр. 476). Въ псковскихъ обрядахъ неvěста не забывается въ уголь, а сидитъ подъ краснымъ окномъ, за столомъ, на лавѣ. Сначала дружка неvěсты за порогомъ избу пьетъ съ дружкой жениха и какъ бы пропиваетъ неvěсту, потомъ жениховъ дружка войдя въ избу, начинаетъ торговаться объ неvěстѣ съ ея подружками. «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!» Дѣвушки отвѣчаютъ:—У насъ молодая дорога: стоитъ сто тысячъ!—«У насъ не за деньгами дѣло» — говоритъ дружка, а тутъ вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ.—Нѣтъ; этого мало, говорятъ дѣвушки. Дружка прибавляетъ денегъ; потомъ, когда торгъ окончится и дѣвицы уступаютъ неvěсту, дружка угощаетъ дѣвушекъ водкою и пряниками. Дѣвушки, взявши денегъ, обнимаютъ неvěсту, цѣлуютъ ее, поютъ и плачутъ, прощаются ей, наконецъ отходятъ въ сторону, а дружка усаживаетъ неvěсту на лавѣ, а дружка усаживаетъ жениха съ неvěстою за столомъ на подушкахъ (стр. 547). Въ свадебныхъ обрядахъ Тульской губерніи сохранились черты, упоминающія, какъ будто, на переходъ отъ древняго, насильственнаго похищенія, къ болѣе позднему способу пріобрѣтенія женщины—къ покупке. Здѣсь свать, войдя въ домъ и окинувъ взглядомъ дѣвицъ, подружекъ неvěсты, грозно ударяетъ по столу кулакомъ и кричитъ во все горло: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ-за стола!» Но когда хозяинъ дома скажетъ ему, что лучше ихъ попросить поласковѣе и поторговаться, свать обращается къ дѣвушкамъ съ ласкательными эпитетами: «Красныя дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста!» Дѣвицы торгуются съ нимъ и сторговываются. Свать даетъ имъ деньги, подноситъ вино, угощаетъ пирогами; онѣ удаляются, и тогда начинается церемонія сажанія жениха вмѣстѣ съ неvěстою (стр. 417). Примѣнительно къ этой-то продажѣ неvěсты, чего-то остатки въ разныхъ видахъ сохраняются повсюду, въ новгородскихъ свадебныхъ пѣсняхъ отъ лица неvěсты поется:

Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,

Не мечтаетъ вы, подруженьки,
 Что на кхию золоту казну,
 Не отдавайте меня, молодешеньку. (Стр. 500)

Вѣроятно, дѣвицы знаменуютъ родъ или вообще общество, которымъ принадлежала невѣста по происхожденію, и ко-
 ные имѣли надъ нею право; они должны были защищать ее
 тивъ чужихъ, какъ члена своего, они же могли и выпустить
 отъ себя, получивъ за то вознагражденіе. Въ иной формѣ
 видимъ семейное начало: невѣсту продаетъ братъ ея. Въ
 нхъ псковскихъ поется:

Не продавай, братецъ, дорогой сестры,
 Проси за сестрицу и сто и тысячу. (Стр. 522)

(Когда уже братъ продаетъ сестру дружкѣ):

Здравствуй, братъ дорогой,
 Продавши сестру
 За орѣшки-шелканды,
 За червивыя аблочки,
 Со кривымъ конемъ,
 Со дубиною. (Стр. 562. Пск. губ. Остр. уѣзда)

Эту черту мы встрѣчаемъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ сва-
 нхъ, хотя вообще по духу чрезвычайно отличныхъ отъ сва-
 нхъ великорусскихъ, такъ какъ тамъ взаимная любовь жениха
 невѣсты играетъ главную роль, и свадебныя южнорусскія пѣсни
 нтъ колоритъ любовныхъ пѣсней, чего въ великорусскихъ со-
 нтъ почти нѣтъ. Великорусская невѣста совершенно безгласная
 н, только имѣющая право плакать и выть. Ее продавали и про-
 вали. Последнее выраженіе осталось до сихъ поръ въ народномъ
 нтъ, и вмѣсто того, чтобъ сказать: «Мы сговорили дочь», — велико-
 русскіе поселане говорятъ: «Мы пропили дочь». Сообразно этому
 въ пѣсняхъ поется:

Пропила меня родима матушка,
 Что за винную за чарочку. (Стр. 489, Новг. губ.)

Или:

Что были за гости, за пріятеля?
 Пропилъ ты меня, родный батюшка
 За стаканъ пива пьянаго,
 За рюмку вина зеленого;
 Продумалъ ты меня, родный батюшка,
 Продавъ въ чужіе люди,
 Въ чужіе люди незнакомые. (Стр. 483, Тв. губ.)

О сердечной склонности невѣсты нѣтъ и помина. Невѣста
 не знаетъ своего жениха:

Охъ, рожденна моя матушка,
 Какъ на чужой дальней сторонущѣ,
 Налетать ли черны вороны,
 Забудутъ быки некладенные,
 Поутру стануть будить ранешенько,
 Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
 Я не знаю, молодешенька,
 Ни обыча его, ни норову,
 Ни ума его, ни разума. (Стр. 500)

А потому-то не добромъ, не ласкою встрѣчаютъ невѣсты
 нѣхъ своего. Мать говорить ей:

Ты прилѣть-ко яснаго сокола,
 Яснаго сокола залетнаго,
 Добраго молодца пріѣзжай!

Дѣвица отвѣчаетъ ей:

Мой языкъ не воротится,
 Жизнь кровью обольется,
 Сердце камнемъ оборотится,
 Рѣзвы ноги подмоются,
 Бѣлы рученьки опустятся,
 Изъ глазъ слезы покатятся. (Стр. 463)

Одно только хорошо извѣстно ей въ житіѣ съ будущимъ
 супругомъ — извѣстно, по семейнымъ нравамъ, то, что ес-
 всякомъ случаѣ, не минуетъ мужаина плеть, эта неразлуч-
 нѣ спутница супруга, этотъ какъ бы священный символъ брака
 старой московской Руси:

Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся своего батюшки,
 Ты не бойся, Дарьюшка, не тулися родной матушки,
 Ты побойся молодца Ивана Васильевича.
 Какъ и есть у меня, молодца, шелкова плѣточка,
 Шелковая плѣточка, погрозилъ твою батюшки,
 Потушилъ твоей матушки. (Стр. 551)

И когда молодыхъ уводятъ въ кѣльѣ на брачное ложе, супругъ
 спрашиваетъ молодую супругу:

Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ?

Супруга отвѣчаетъ:

Милъ мнѣ милешенекъ батюшка,
 Мила мнѣ милешенька матушка. (Стр. 429)

Здѣсь разительная противоположность съ южнорусскими
 пѣснями, въ которыхъ не разъ дѣлаются сопоставленія любви
 невѣсты къ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ съ любовью къ
 жениху и всегда оказывается, что невѣстъ всего милѣе и драгѣе
 ный сердцемъ супругъ.

Вся семья будущего мужа, а въ особенности свекоръ и свекровь, заранее представляются для невесты «врагами и злодѣями». Свекоръ называется «супостателемъ» (стр. 499). Свекровь не какъ «люта свекровь» (стр. 463). Невѣстѣ передъ свадьбой снится символическій сонъ, и мать толкуетъ ей этотъ сонъ, что всѣ члены семейства мужа изображаются въ самомъ зломъ свѣтѣ: свекровь — лихучая, старый свекрище — какъ нѣй вотище, деверья — пересмѣшливые, золовки — щеватныя, а «бѣдныя невестки» возбуждаютъ сочувствіе (стр. 553). Свекоръ и свекровь будутъ для нея всегда чужіе: она для нихъ не милое, не роженное, не хоженное» (стр. 483); будутъ томить ее работою не подь силушку; не посмѣетъ она безъ спросу выходить на гулянье, не будетъ она знать какъ ей врать, чтобъ угодить имъ:

На ступенку-то ступишь, оступишься,
Слово молвишь — обмолвишься. (Стр. 482)

И будетъ она постоянно обливаться горючими слезами (483). Такая съ брачною жизнію, но уже воображающая ее въ такомъ видѣ, невеста спрашиваетъ у своихъ замужнихъ сестеръ (если онѣ есть) и проситъ научить ее, какъ ей жить чужимъ чужениномъ у чужого отца съ матерью? Замужнія сестры, сами испытавшія всю горечь брачной жизни, даютъ ей безотрадный, грустно-ироническій отвѣтъ:

Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, ваша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ,
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужъ ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый. (Стр. 489)

Во всемъ сборникѣ Шейна нѣтъ ни одной свадебной пѣснѣ, гдѣ бы для новобрачной рисовалась болѣе счастливая судьба; ей не дается даже никакого утѣшенія. Ее ожидаетъ полная безрадостность, полная невозможность благополучія и въ одной пѣснѣ, записанной въ Архангельской губерніи, пѣснѣ, сложенной тамошнимъ говоромъ, высказывается сознаніе безвыходности этого положенія замужней женщины въ такихъ выраженіяхъ:

Што житье бабѣ позорливое:
 Оно позорливое житье бабѣ, попецальное,
 Попецальное житье бабы, вѣковѣцное,
 Оно на вѣкъ на меня навязется;
 Все я буду жить подъ грозою подъ великою,
 Въ печаляхъ житье пойдетъ не въ радости.
 Што злодѣйка баба красота,
 Она сидитъ у матушки за печьнымъ столбомъ,
 Она сидитъ все и топорщится,
 Раститъ крылья астребинныя,
 Раститъ когти совиныя,
 Налетѣти хоцетъ, напорхнути,
 На мою на буйну голову,
 Она видѣти хоцетъ когти вострыя,
 На мои русы волосы.
 Да и охъ! Порудитъ хоцетъ дѣвкою красотою!
 Охти мнѣ, молодой, тошнехонько!
 Охъ на вѣкъ на меня навязется,
 Мнѣ куда теперь дѣваться. (Стр. 567)

Но не менѣ замѣчательною кажется намъ другая пѣсня
 свадебная изъ Новгородской губерніи—гдѣ женщина тоскуетъ
 вольной волею, но сознаетъ, что и для мужчинъ нѣтъ воли такъ
 какъ и для женщинъ:

Охъ ты волюшка вольная!
 Воля вольная, не заемная!
 Не на вѣкъ ты намъ доставалася,
 Краснымъ дѣвушкамъ до замужества.
 Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
 Ни въ житьѣ бытъѣ, ни въ богатствѣ;
 Только есть она въ тяжелой работушкѣ,
 А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
 А женатымъ семейнымъ—до солдатчины. (Стр. 492)

Пѣсня эта сравнительно не старинная. Народная женщина
 уже не переноситъ безсмысленно своей обычной судьбы, она
 уже чего-то желаетъ, и то, чего она желаетъ, произноситъ въ
 определенномъ, однако многозначительномъ словѣ: воля. Ни
 какой глубокой смыслъ получаетъ послѣдній стихъ этой прекрас-
 ной пѣсни, стихъ, указывающій на солдатчину! Пѣсня велико-
 русской простолюдинки, выжатая изъ груди ея и чувствомъ соб-
 ственнаго горя и привычкою видѣть вокругъ себя то же горе
 безсознательно выражаетъ такую великую истину, до которой
 не додумались многие книжники. Воля человѣческая разбивается
 о солдатчину: это правда; и пока человѣческое общество будетъ
 устроено такъ, что солдатчина дѣлается неизбѣжною, до тѣхъ
 поръ воля—какія бы ни выдумывали средства и формы для ея
 водворенія и охраненія—всегда въ сущности будетъ только

похищеніемъ, и это всегда — то такъ, то иначе—будетъ отра-
жаться въ правахъ и складѣ семейной жизни!

Свадебныя великорусскія пѣсни носятъ на себѣ слѣды про-
той народомъ исторіи. Здѣсь вы увидите и обломки того от-
чужденнаго, потерявшагося въ мистическомъ туманѣ, періода, ког-
да мужчина не зналъ иного способа доставать себѣ женщину
и правильнѣе сказать самку, какъ похищеніемъ или насиліемъ,
обращался съ нею какъ съ животнымъ, самъ, по грубости
чувствъ, мало чѣмъ отличаясь отъ животного, — и тѣ времена
той цивилизаціи, когда похищеніе стало смѣняться договоромъ
покупкою, но когда положеніе женщины стало, быть можетъ,
не тяжелѣе, такъ какъ понятіе о ней, какъ о вещи, оправды-
валось уже законностью, — и времена удѣльных, оставившія на-
шему времени имена князя, бояръ и дружекъ (дружины) въ сва-
дебномъ чинѣ,—и періодъ московскій съ его ханженскимъ освя-
щеніемъ деспотизма старѣйшаго надъ младшимъ, съ тупою не-
движностью представленій и съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ
старѣйшій чина и обряда,—и, наконецъ, запоздалое вліяніе на бѣд-
ный народъ того удара, который нанесенъ былъ великимъ Пет-
ромъ азіатскому строю московской Руси. Въ одной свадебной
пѣснѣ Тульской губерніи мы видимъ и послѣднее: пѣсня безъ
смѣнныя новѣйшаго склада, какъ показываютъ въ ней явленіе
и кофе и конфетъ; здѣсь, въ противность тому отсутствію
связности между женихомъ и невестою, которое господствуетъ
во всемъ свадебномъ чинѣ съ принадлежащими къ нему пѣсня-
мъ, молодецъ говорить такъ:

Другъ ты мой свѣтъ Марьюшка,
Радость моя Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забила,
Меня, молодца, полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ поила,
Всѣ конфеты становила,
Рубашечку подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая. (Стр. 447—448)

Вообще свадебныя великорусскія пѣсни, какъ это можно ви-
деть и изъ напечатанныхъ у г. Шейна, разнообразны; то же
можно сказать и о свадебныхъ обрядахъ; въ разныхъ краяхъ
Россіи можно встрѣтить различія, хотя въ главныхъ чертахъ и
сохраняется между ними сходство. Поэтому, собраніе пѣсенъ этого
рода будетъ полезно для науки, если будетъ продолжаться въ

разныхъ мѣстахъ, такъ какъ есть надежда, что откроются на сторонѣ народныхъ понятій и слѣды старыхъ обычаевъ.

Изъ прочихъ обрядныхъ пѣсень, кромѣ тѣхъ чертъ, на которыя мы указали, какъ на объясняющія положеніе женщинѣкоторыя замѣчательны по своей глубокой древности, въ общности святочныхъ, въ которыхъ очень много непонятнаго: него слѣдовало бы давно обратить вниманіе спеціальнымъ слѣдователямъ. У г. Шейна въ числѣ обрядныхъ означено 1 рода—колядныхъ и волочебныхъ: первыя поются на рождество, вторыя на пасху. Такъ какъ въ сборникѣ г. Шейна ихъ очень мало (колядныхъ собственно—2, а волочебныхъ—4) и всѣ записаны въ одномъ краѣ, именно въ Псковской губерніи, — не знаемъ, поются ли онѣ въ другихъ краяхъ великорусской земли; замѣчательно, что всѣ помѣщенные здѣсь по содержанию по вариантамъ подобныхъ пѣсень малорусскихъ и бѣлорусскихъ, — не беремся рѣшить вопроса: зависитъ ли это сходство отъ глубокой древней племенной связи, или же отъ болѣе поздняго заимствованія пѣсенныхъ элементовъ изъ Бѣлоруссіи, тѣмъ болѣе, намъ неизвѣстны тонкости этнографическаго перехода къ великорусской народности признаковъ бѣлорусской народности со всѣми признаками, какъ ей исключительно принадлежащими, такъ равно и съ тѣми, которыя у ней общи съ малорусскими. И званіе волочебныхъ поражаетъ насъ. Обычай ходить по дворамъ пѣть и выпрашивать подачки на праздникъ пасхи—обычай древній, теперь уже почти исчезаетъ и удерживается только въ некоторыхъ мѣстахъ югозападной Руси и въ Бѣлоруссіи. Нѣкогда онъ былъ распространенъ и соединялся съ разными обрядами, въ которыхъ благочестивые люди видѣли язычество, а потому и старались искоренить этотъ обычай. Монахъ аеонскій, Іоаннъ Вишнѣ, писавшій въ обличеніе униатовъ (сочиненіе его напечатано въ актахъ южной и западной Россіи) вооружается противъ «волочѣльнаго», отправлявшагося на праздникъ пасхи¹⁾, какъ равно противъ колядъ, щедраго вечера (подъ новый годъ), юрьевскихъ празднествъ, купала и обычая ставить качели въ день Петра и Павла.

Сборникъ г. Шейна, какъ мы сказали, оканчивается въ первой своей части похоронными пѣснями. Ихъ 12. Здѣсь точно также, какъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ, поражаетъ насъ отсутствіе всякаго намека на христіанское понятіе о будущей жизни. Только и

¹⁾ Волочѣльное по Воскресеніи въ мѣстѣ и въ селѣ выволокли угодѣта. Не четь бо Христось при своемъ славномъ воскресеніи того смѣху и руганію дьявольскаго имѣти (А. Ю. и З. Росс. II, 223).

мой пѣснѣ, № 10, жена, плача по мужу, проситъ явиться къ
и къ ея дѣтямъ въ видѣ яснаго сокола:

Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками,
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ,
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка,
Что не мой ли это милый батюшка.

Эти, такъ-называемыя, причитанья прилагаются особо къ
жизни каждого изъ членовъ семейства — отца, матери, дѣтей,
ма; причитаній мужа надъ женою нѣтъ и по всему видно,
причитанья, по народному понятію, принадлежать исключительно
женскому полу. Главная тема причитаній — свое собственное го-
ро, котораго боится особа, произносящая причитаніе, вслѣдствіе
жизни дорогого лица. Замѣчательно недовѣрчивое и какъ бы
неудобное отношеніе къ оставшимся живымъ: дочь, плача по
отцу, жалуется, что ее обижаетъ братъ и невѣстка:

Что какъ живу я, сиротинушка, съ братомъ-соловьишкой,
Что какъ живу я, сиротинушка, съ любимой невѣстухой:
Обижаютъ они меня, сиротинушку,
Изнуряютъ они меня грубымъ словечушкой,
Что не въ честь имъ моя скорая работушка,
Не придумаю я, сиротинушка,
Что куда приклонить мою буйную головушку. (№ 8)

Мать, плача о сынѣ, жалуется на невѣстку свою, вдову по-
вѣснаго:

Поразѣяла твоя молода жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то сторонушкамъ.
Безъ тебя-то, чадо родное,
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить...
Ты спроси-ка, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты,
Кто насъ будетъ кормить, поить,
Безъ тебя, мое рожденное,
Не сожалѣла твоя молода жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ,
Горькихъ сиротинушекъ:
Она ихъ кинула и бросила
На чужаго отца съ матерью.

Мы надѣемся возвратиться снова къ сборнику г. Шейна,
когда будемъ имѣть удовольствіе увидѣть въ печати драгоцен-

ную вторую часть его, а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу англійской книги Рольстона о русскихъ пѣсняхъ.

«Вѣстникъ Европы», въ апрѣльской книжкѣ нынѣшняго года, уже сдѣлалъ оцѣнку этого труда. Вполнѣ соглашаясь съ нами, мы считаемъ не лишнимъ прибавить только слѣдующее. Книга

г. Рольстона, въ которой добросовѣстный и свѣдущій авторъ знакомитъ свою публику какъ съ русскими пѣснями, такъ съ болѣе съ изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, написанными объ этихъ пѣсняхъ, преимущественно же о мифологической сторонѣ ихъ содержанія, не произноситъ своихъ собственныхъ приговоровъ по разнымъ вопросамъ, касающимся этого обширнаго предмета, и почти не высказываетъ своихъ взглядовъ, а потому книга не имѣетъ значенія собственно для насъ и не можетъ подвинуть впередъ нашей науки. Одно только мы можемъ вывлечь изъ нея для себя съ пользою. Англійскій изслѣдователь руководствуется трудами нашихъ ученыхъ и заноситъ въ свою книгу не мало такого, что не выдержало бы критики, если подвергнуть ей эти труды. Такимъ образомъ, между прочимъ, Рольстонъ во многомъ пользуется сочиненіемъ г. Терещенка «Бытъ русскаго народа», и опирается на него. Александръ Васильевичъ Терещенко былъ добросовѣстный, почтенный и ревностный собиратель, но неосторожный и довѣрчивый; мы сами могли, по личному опыту, убѣдиться въ этомъ: одинъ изъ господъ, которые сообщали ему свѣдѣнія, самъ сознавался, насмѣхался надъ нимъ и надъ его предпріятіемъ (котораго оцѣнить мы были въ состояніи), что для забавы надбавлялъ его вымышленными извѣстіями. «Я — говорилъ онъ — нарочно несу ему всякую чепуху, а онъ записываетъ, да похваливаетъ, а потомъ все напечаталъ!» Подобное мы слышали и относительно Снегирева и Сахарова. О послѣднемъ мы можемъ сообщить одно характеристическое событіе. Въ 1859-мъ году этотъ почтенный собиратель, уже пораженный болѣзью и едва будучи въ силахъ говорить, показывалъ намъ былину объ Андрѣ Боголюбскомъ, утверждая, что она народная и притомъ старой редакціи. Поддѣлка была черезъ-чуръ очевидною, однако г. Сахаровъ былъ очень недоволенъ и даже разгнѣвался, когда мы откровенно выразили ему свое мнѣніе. Это одно — кромѣ всѣхъ соображеній относительно многихъ помѣщенныхъ въ сборникъ Сахарова пѣсенъ, возбуждающихъ сомнѣніе — побуждаетъ насъ смотрѣть на труды Сахарова, какъ на такіе, которыми не слѣдуетъ пользоваться слишкомъ довѣрчиво. Иностранцы, пользуясь тѣмъ, что можемъ доставить имъ мы, русскіе, конечно не будутъ виноваты, когда станутъ знакомить Европу съ нашею народностью, допуская разныя укю-

ни от истины. Замѣчательно, что г. Рольстонъ приводитъ у
 нѣкихъ наивныхъ предположенія г. Терещенка о томъ, кто бы могъ
 быть авторомъ такихъ хороводныхъ пѣсенъ, какъ «Сѣяніе проса»;
 русскій изслѣдователь полагаетъ, что такой авторъ, принадлежа
 къ земледѣльческому сословію, жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ; англійскій же,
 приведивъ русскаго, относитъ эту пѣсню къ древнѣйшимъ
 временамъ, но не опровергаетъ русскаго относительно возмож
 ности признавать какого бы то ни было автора за народною пѣсню,
 или только эта пѣсня дѣйствительно народная. Отличительное
 свойство народной пѣсни въ томъ и состоитъ, что въ данной ея
 редакціи автора у ней не было: она создается цѣлою массою,
 тогда цѣлыми поколѣніями. Если бы у насъ была возможность до
 нести до появленія пѣсни, то навѣрное мы бы нашли, что
 первоначальный ея авторъ сложилъ, можетъ быть, только одинъ
 или два стиха, и очень часто въ существующей пѣснѣ нѣтъ
 ровно ничего принадлежащаго первоначальному автору, такъ что
 тѣ два стиха или одинъ стихъ, подавшіе поводъ къ составле
 нію пѣсни, давно уже передѣланы и измѣнены въ обращеніи
 между народомъ.

Н. Костомаровъ.

ВОЗСОЕДИНЕНИЕ УНІИ

Историческій очеркъ *).

III.

Проектъ возсоединенія уніи, составленный Сѣмашкою и на-
денный нами не безъ затрудненій, съ перваго раза поражаетъ сво-
ею практичностью, которая была плодомъ и результатомъ глубокаго
знанія процесса развитія уніи, ея исторіи, тѣхъ силъ и средствъ,
которые создали ее, сохраняли и поддерживали ее. По всему
видно, что его начертала мастерская и опытная рука знатока.

Сила уніи заключалась главнымъ образомъ въ базилианскомъ
орденѣ и высшей уніатской іерархіи, которая принадлежала къ
монашеству и происходила отъ него; средствомъ для распростра-
ненія уніи было воспитаніе уніатскаго юношества въ духѣ ка-
толическомъ, противномъ духу православія; цѣль, къ которой на-
правлены были всѣ силы и средства, есть совершенное сліяніе
уніи съ католицизмомъ. Проектъ сильнымъ ударомъ сокрушаетъ
орденъ базилиановъ, дѣлаетъ, такъ сказать, первое и стремитель-
ное нападеніе на эту силу уніи, отнимаетъ у этого ордена ма-
теріальную поддержку, сокращая число монастырей и отнимая
фундуши, запрещая принимать въ орденъ католиковъ,—и нрав-
ственную силу—исторгая у него право воспитанія духовнаго и
свѣтскаго юношества. Чтобы имѣть, съ одной стороны, менѣе

*) См. выше: апр. 606 стр.

раговъ для дѣла воссоединенія въ средѣ высшей уніатской іерархіи, а съ другой, дать болѣе простора и силы друзьямъ воссоединенія, — проектъ сокращаетъ число унитскихъ архіереевъ въ двухъ, тогда какъ оно предъ этимъ простиралось до четырехъ, поднимаетъ, возвышаетъ до самостоятельнаго значенія элементъ бѣлаго унитскаго духовенства, даетъ особенныя права унитскимъ консисторіямъ, поставляя ихъ во многихъ случаяхъ въ независимое положеніе отъ епархіальныхъ архіереевъ. Наконецъ, проектъ проводитъ самую рѣзкую грань между уніей и католичествомъ, на каждомъ шагѣ даетъ разумѣть, что унія есть исповѣданіе православное, греческое, а не западное латинское, потому уничтожаетъ безпощадно всѣ тѣ обряды и обычаи, которые роднили ее съ католичествомъ и приближали ее къ католическому обряду, и съ необыкновенною настойчивостью вводитъ въ унитское богослуженіе обряды восточнаго исповѣданія и ставитъ унію съ православіемъ. Оущественіе этого проекта началось еще при Шишковѣ.

Еще въ 1827 году вслѣдствіе домашнихъ, такъ сказать, бесѣдованій Карташевскаго, Блудова и самого Шикова съ Ѥмашкою, состоялся указъ о недозволеніи принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда. «До свѣдѣнія нашего было, говоритъ указъ, что греко-унитское монашество чина св. рускія Великаго, принимая въ свой орденъ людей, мало свѣдущихъ въ греческихъ обрядахъ богослуженія, отправляемаго въ уніи, также въ и въ православной греко-россійской церкви, на языкѣ славянскомъ, уклоняется отъ первобытнаго учрежденія, которое и римскими папами торжественно въ древнихъ буллахъ объ уніи признано отъ чуждаго вліанія и смѣшенія сохранено было. Происходящій отъ того несвойственный составъ сего монашества, преимущественно изъ людей римскаго обряда, имѣлъ еще и тѣ вредныя послѣдствія, что начальство монастырей, не занимаясь образованіемъ унитскаго юношества духовнаго званія на служеніе церкви, предпочтительно заводило свѣтскія училища болѣе для людей другого обряда, и что между бѣлымъ и монашествующимъ греко-унитскимъ духовенствомъ возникли несогласія и взаимное недобвѣріе. Дабы предупредить на будущее время таковыя отступленія отъ правилъ греко-унитской церкви и утвердить въ оной древніе обряды богослуженія, народами русскаго имени свято почитаемые, повелѣваемъ: 1) подтвердить сдѣланные правительствующимъ сенатомъ въ IX и X пунктахъ указа 25-го октября 1807 года предписанія и строго надзирать за точнымъ оныхъ исполненіемъ; 2) сообразно съ тѣмъ не позволять ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей

другого обряда и изъ самаго греко-унитскаго допускать къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, кои имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія, доводи до свѣдѣній нашего чрезъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о всѣхъ, кои на основаніи сихъ правилъ вступаютъ въ греко-унитское монашество; 3) учредить, гдѣ нужно, училища для наставленія греко-унитскаго юношества духовнаго званія какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ» ¹⁾.

Этотъ указъ былъ смѣлымъ и удачнымъ введеніемъ къ новой, зрѣло обдуманной, твердой рѣчи; — такую рѣчь былъ указъ 1828 г. 22-го апрѣля. Въ этомъ послѣднемъ указѣ начертана полная система, стремящаяся оправославить, такъ сказать, униатъ, сгладить съ нея всѣ чуждыя ей черты латинства; этотъ указъ былъ основаніемъ и ядромъ всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій нашего правительства по отношенію къ унитскому исповѣданію изъ него, какъ изъ начала, истекали всѣ послѣдующіе указы и всѣ послѣдующія мѣры правительства по отношенію къ униатамъ. Въ этомъ указѣ совершенно резюмируются всѣ предположенія и мысли приведеннаго нами проекта. Не безъ основанія онъ называется положеніемъ объ устройствѣ греко-унитской церкви. Указъ этотъ выражается такъ: «Желая дать высшему духовному управленію греко-унитской церкви въ Россіи образованіе, вполне соотвѣтствующее какъ истиннымъ потребностямъ и пользамъ принадлежащихъ къ сему вѣроисповѣданію подданныхъ нашихъ, такъ и основнымъ положеніямъ сей церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ явить знакъ благоволенія нашего къ духовенству греко-унитскому вообще и къ достойному начальнику его, митрополиту Іосафату Булгаку, повелѣваемъ:

«I. Для дѣлъ греко-унитскихъ церквей въ Россіи учредить, подъ предсѣдательствомъ митрополита сихъ церквей, особую греко-унитскую духовную коллегію изъ одного епископа и одного архимандрита по назначенію нашему, и четырехъ протоіереевъ по избранію мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторій. Жалованье членовъ и канцеляріи сей коллегіи, а равно и суммы на прочіе оной расходы, опредѣляются штатомъ, у сего приложеннымъ. Греко-унитская духовная коллегія, заведываемая дѣлами сей церкви въ Россіи, имѣетъ тщательно наблюдать, чтобы установленія оной, чинъ богослуженія и весь порядокъ церковнаго правленія былъ охраняемъ отъ введенія какихъ-либо

¹⁾ См. въ Собр. Зак. № 1449-й, г. 1827-й 9-го октября.

чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ обычаевъ, на точномъ основаніи положившихъ начало уніи грамотъ 1595 года.

II. На покупку дома въ С.-Петербургѣ для приличнаго помѣщенія церкви и для жительства митрополита и прочихъ членовъ и чиновниковъ греко-унитской духовной коллегіи, употребить: 1) всемилоостивѣйше пожалованные нами сей коллегіи 450,000 рублей; 2) деньги, собранныя для сооруженія греко-унитской въ С.-Петербургѣ церкви, и тѣ, кои будутъ выручены продажою на Васильевскомъ острову, въ 12-й линіи подъ № 390, принадлежащаго греко-унитскому департаменту дома. Для нужныхъ по сему распоряженій данъ нами отъ сего числа особый указъ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

III. Управление греко-унитскихъ церквей въ Россіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ коллегіи, предоставить двумъ епархіальнымъ начальствамъ, учредивъ при оныхъ каедральныя соборы: 1) Бѣлорусскій въ городѣ Полоцкѣ, гдѣ пребываетъ полоцкій греко-унитскій архіепископъ; 2) Литовскій, Гродненской губерніи, Слонимскаго повѣта, въ Жировицкомъ греко-унитскомъ монастырѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи брестскаго епископа сего вѣроисповѣданія. При каждомъ имѣютъ быть: консисторія, семинарія и низшее духовное училище, а въ Полоцкѣ сверхъ того духовная греко-унитская академія. Штаты сихъ консисторій и училищъ, въ коихъ дѣти немущихъ греко-унитскихъ священно- и церковно-служителей должны быть воспитываемы безъ платы, будутъ вслѣдъ за симъ изданы. Къ симъ каедральнымъ соборамъ, для отправленія торжественнаго богослуженія, для засѣданія въ консисторіяхъ и для исправленія должностей въ училищахъ, назначается по шести старшихъ и двѣнадцати младшихъ соборныхъ протоіереевъ. Въ сіе почетное званіе будутъ возведены изъ нынѣшнихъ капитульныхъ членовъ и вообще изъ благаго греко-унитскаго духовенства достойнѣйшіе священнослужители, опытами доказавшіе преданность свою къ престолу и ревность къ пслзамъ своей церкви; знакомъ отличія ихъ званія будетъ наперсный золотой крестъ, и всѣ протоіереи, какъ старшіе, такъ и младшіе, будутъ пользоваться особою пенсією, сверхъ доходовъ, кои они могутъ получать отъ оставляемыхъ за ними приходовъ ихъ. О принятіи надлежащихъ мѣръ, а равно и времени для приведенія въ исполненіе воли нашей касательно учрежденія сихъ соборныхъ штатовъ, будетъ дано отъ насъ особое повелѣніе главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

«IV. Къ епархіи полоцкаго греко-унитскаго архіепископа причислить:

1) смежныя съ Бѣлоруссіею повѣты Минской губерніи: Дие-ненскій, Борисоглѣбскій, Игуменскій, Бобруйскій, Речицкій, Мозырскій; 2) прилежающіе къ послѣднимъ двумъ повѣтамъ въ Волынской губерніи Овручскій, и въ Киевской Радомысльскій; и 3) сопродѣльный же съ Бѣлоруссіею въ Курляндской губерніи Зельбургскій округъ, гдѣ находится шесть церквей греко-унитскихъ. Литовскую же греко-унитскую епархію составить изъ Гродненской и Валейской губерній, Бѣлостокской области и греко-унитскихъ церквей сѣверныхъ повѣтовъ Волынской губерніи. О церквахъ сего вѣроисповѣданія, находящихся въ другихъ повѣтахъ сей губерніи, а равно и въ Киевской и въ другихъ, греко-унитская духовная коллегія имѣетъ сдѣлать особое подробное положеніе, дабы начальство каждой епархіи съ точностію знало кругъ своего вѣдомства. Сія коллегія имѣетъ также постановить правила для передачи дѣлъ изъ существовавшихъ доннѣ греко-унитскихъ консисторій, луцкой и виленьской, по принадлежности въ консисторіи литовскую или бѣлорусскую, и представить на разсмотрѣніе главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій о назначеніи викарныхъ епископовъ по епархіямъ. Всѣ находящіеся въ обѣихъ греко-унитскихъ епархіяхъ базилянскіе монастыри подчиняются мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ. Провинціалы базилянскіе не иначе могутъ давать распоряженія по управленію вѣренными ихъ вѣдѣнію обителями, и производить визитаціи оныхъ, какъ съ вѣдома и разрѣшенія сихъ начальствъ. Настоятели монастырей назначаются и смѣняются съ утвержденія греко-унитской коллегіи.

«V. Въ каждой епархіи, кромѣ семинаріи и училищъ при кафедральныхъ соборахъ, учредить низшія духовныя училища въ базилянскихъ монастыряхъ, имѣющихъ достаточныя для сего фондуши, о чемъ и будетъ дано особое повелѣніе главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, на основаніи мнѣнія, греко-унитскимъ департаментомъ представленнаго.

«VI. На содержаніе семинарій съ предположенными при нихъ двумя низшими духовными училищами, на учрежденіе въ Полоцкѣ духовной академіи и на прибавочныя по штатамъ консисторій расходы, заимствовать способы отъ слѣдующихъ фондушей, остающихся безъ назначенія, или доходами своими превышающихъ потребности онаго: 1) отъ фондуша, предоставленнаго указомъ 16-го декабря 1806 г. греко-унитской полоцкой кафедрѣ; 2) отъ фондуша, которымъ до нынѣ содержалась

упраздняемая виленская консисторія съ ея суффраганомъ; 3) отъ фундава, которыми содержалась упраздняемая лудская консисторія съ ея суффраганомъ; 4) отъ фундушей жировицкаго и ошчскаго монастырей, въ коиъ оставляется нужное число монаховъ, — въ первомъ для церковной службы, а при второмъ и для исправленія должностей въ находящемся тамъ свѣтскомъ училищѣ и въ духовномъ, которое имѣетъ учредиться.

«О порядкѣ управленія сими фундашами и о распредѣленіи доходовъ ихъ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, по собраніи надлежащихъ подробныхъ свѣдѣній, представить на усмотрѣніе наше ¹⁾».

Указъ этотъ встрѣченъ былъ бѣлымъ унитскимъ духовенствомъ съ восторгомъ: говорились рѣчи, служились молебны за здравіе государя императора. Прелатъ Тунальскій, по прочтеніи вышеупомянутого указа въ церкви, обратился въ своимъ слушателямъ съ такими словами: «Вамъ даровано новое бытіе; отрите слезы, ничтою испорченные: отнынѣ дѣти ваши и дѣти служителей церкви будутъ прилично воспитываемы на иждивеніи, всемилостивѣйше дарованномъ; отнынѣ будете вы имѣть правителей, которые не потребуютъ отъ васъ иного, кромѣ рачительнаго исполненія обязанностей вашего сана и соблюденія основныхъ обрядовъ вашей вѣры ²⁾». Брестская консисторія дала предписаніе подвѣдомому ей духовенству, какъ бѣлому такъ и черному, чтобы оно ревностно исполняло обязанности своего обряда, показывало вѣрность и преданность престолу, а виленская назначила повсѣдневное молебствіе за здравіе государя императора ³⁾. Одинъ только полоцкій епископъ Мартусевичъ и его консисторія не отзывались признательностью на апрѣльскій указъ 1828-го года, а то вообще дѣйствіе этого указа было самое благопріятное на все болѣе греко-унитское духовенство. Государь радовался еще болѣе унитскаго духовенства, видя такіе результаты своего указа и писалъ на доклады Блудова: «Радуюсь душевно, что нахваленіе мое принято хорошо ⁴⁾, совершенно согласно съ долгомъ ихъ и моимъ ожиданіемъ ⁵⁾».

Но обнародованіемъ указа объ устройствѣ правленія греко-унитской церкви и закончилась дѣятельность Шишкова въ качествѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣ-

¹⁾ См. Собр. Зак. г. 1828-й, мѣсяцъ апрѣль 22-го числа, № 1977-й.

²⁾ См. въ департ. иностр. исповѣд. м. в. д. доклады Блудова за 1828-й годъ записку 1-ю.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же № 1-й.

⁵⁾ Тамъ же докладъ 27-го ноября.

даній. На другой день обнародованія вышеупомянутаго указа, 22-го апрѣля 1828 года, Шишковъ былъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій; на мѣсто его, указомъ 25-го апрѣля того же 1828 года, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія генералъ отъ инфантеріи князь Ливенъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія былъ протестантъ, а слѣдовательно ему чужды были интересы православной церкви, и было бы не совсѣмъ практично ввѣрить ему дѣло приготовленія воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Тогда государь призналъ за лучшимъ сдѣлать Блудова исправляющимъ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, но съ оставленіемъ его въ должности товарища министра народнаго просвѣщенія¹.

Закипѣла работа, все зашевелилось и пришло въ движеніе въ средѣ греко-унитской, тучею полетѣли къ государю отъ Блудова всеподданнѣйшіе доклады о приведеніи въ исполненіе разныхъ мѣръ по греко-унитскому вѣдомству. Блудовъ работалъ неутомимъ. Карташевскій скоро оставилъ министерство народнаго просвѣщенія, стѣсняясь отношеніями къ своему помощнику Вигелю, который былъ товарищъ и другъ Блудова, но не всегда аккуратный и дѣятельный исполнитель приказаній своего директора, отправился въ Бѣлоруссію на должность попечителя бѣлорусскаго округа. Мѣсто его заступилъ Вигель.

Въ помощь Блудову и Вигелю судьба послала человѣка, который при самомъ усидчивомъ трудолюбіи отличался многостороннимъ знаніемъ прошедшаго и настоящаго не только унитской церкви въ Россіи, но и латинской, который самъ получилъ воспитаніе въ полоцкой іезуитской академіи, былъ прокуроромъ въ католической коллегіи, а потомъ сдѣлался начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій—это былъ Ивановъ.

Но, конечно, было бы слишкомъ самонадѣянно со стороны Блудова и его помощниковъ думать, что они одни только одними административными мѣрами, силою правительственной власти и департаментскими предписаніями могутъ повести унитское дѣло такъ, чтобы оно кончилось соединеніемъ униатовъ съ православною церковью. Правительственный и государственный тагъ Блудова внушилъ ему, что главная сторона его задачи заключается въ томъ, чтобы имѣть себѣ пособниковъ и сторонниковъ на высшихъ ступеняхъ унитской іерархіи, чрезъ нихъ дѣйстви-

¹) См. въ канц. оберъ-прокур. св. св. дѣло изъ греко-унитск. арх. подъ № 137-мъ, г. 1828-й, 2-го мая.

ать на унитское духовенство, а чрезъ послѣднее и на все унитское народонаселеніе; чтобы унитская коллегія, унитскія каеедры, консисторіи наполнились людьми, проникнутыми мыслями и намѣреніями правительства, и эти мысли передали и перебрали въ подвѣдомственное ему духовенство. Но старое духовенство унитское слишкомъ сроднилось съ латинствомъ, а потому правительство, не прекращая своей работы надъ измѣненіемъ образа мыслей стараго унитскаго духовенства, главнымъ образомъ сосредоточило вниманіе свое на созданіе новаго унитскаго духовенства посредствомъ воспитанія юношества его въ новыхъ семинаріяхъ, образованныхъ по образцу православныхъ русскихъ семинарій. Но и образованіе нособникоу и сторонникоу правительства въ дѣлѣ возсоединенія униатовъ съ православною церковью и созданіе унитскаго духовенства съ новымъ духомъ и направленіемъ возможны были только тогда, когда ослаблено было униатское монашество, или базилиане, и приведено будетъ къ невозможности вредить правительству. А потому Блудову на первыхъ же порахъ его управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій предстояло сокрушить это враждебное для православія общество, поднять на мѣсто его элементъ благаго духовенства, взять изъ рукъ базилианъ воспитаніе унитскаго юношества, уменьшить число базилианскихъ монастырей и уничтожить самостоятельность ихъ управленія. Вотъ на какіе предметы главнымъ образомъ устремлено было вниманіе Блудова въ первые годы его управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Внѣшнія особенныя обстоятельства иногда облегчали, а иногда замедляли намѣренія правительства въ униатскомъ вопросѣ.

Относительно реформъ въ высшей униатской іерархіи мысль правительства устремлена была на то, чтобы епископскія мѣста, должности членовъ унитской коллегіи, унитскихъ консисторій, должности ректоровъ семинарій, каеедральныхъ протоиереевъ заняты были лицами благаго духовенства, а не монахами, воспитанниками главной виленской семинаріи, но не базилианъ. Обстоятельства внѣшнія весьма много помогли нашему правительству въ этомъ дѣлѣ. До указа 22-го апрѣля 1828-го года существовало четыре греко-унитскихъ епархій: литовско-виленская, называемая митрополичей, полоцкая, луцкая, брестская. Указъ 22-го апрѣля 1828-го года засталъ таковой составъ наличныхъ унитскихъ архіереевъ: 1) митрополитъ Юсафатъ Булгакъ, управляющій двумя епархіями: литовско-виленскою и брестскою, 2) епископъ Мартусевичъ, завѣдывающій полоцкою епархіей, 3) епископъ Сѣроцинскій, управляющій луцкою епархіей.

У митрополита было два суффрагана или викарныхъ епископа — по литовско-виленской митрополіи епископъ оршинскій Адрианъ Головня, по брестской епископіи Левъ Яворскій, епископъ владимирскій. У полоцкаго епископа не было суффрагана, потому что его викарій, Кирилль Строцинскій, епископъ пинскій, сдѣланъ былъ управляющимъ лучшею епархіею. Итакъ, всѣхъ греко-унитскихъ архіереевъ было въ 1828-мъ году пять человекъ. Всѣ они, какъ выразился Шишковъ, мало неслись о соблюденіи чистоты греческихъ обрядовъ, потому что почти всѣ вышли изъ базилианскаго ордена ¹⁾, были по духу латиняне. Исключеніе изъ этого вывода можно бы сдѣлать только въ пользу одного Булгака, который хотя и получилъ воспитаніе въ Римѣ, былъ изъ происхожденію полякъ и принадлежалъ къ польской аристократіи, но любилъ обряды и чинъ греческой церкви. Справедливость однако требуетъ сказать, что расположеніе Булгака въ чистотѣ греко-унитскаго обряда и ограничивалось только этимъ, не шло далѣе этого и не простиралось до чувства потребности измѣненія самаго догмата или принципа, составляющаго душу уніи. Булгакъ готовъ былъ согласиться на всѣ перемѣны, возстановлявшія чистоту греко-унитскаго обряда, но не на уничтоженіе уніи чрезъ соединеніе ея съ православіемъ. Онъ былъ уступчивъ, даже гибокъ и придворноуслужливъ и угодливъ предъ правительствомъ, любилъ щеголять и красоваться своими вѣрнопоподданническими чувствами, былъ весьма не равнодушенъ къ орденамъ, но уступчивость его не шла, опять повторяемъ, далѣе обряда и не могла поддаться на пожертвованіе догматомъ. Истинная заслуга Булгака въ дѣлѣ воссоединенія уніи съ православною церковію состоитъ въ томъ, что онъ не противодѣйствовалъ реформамъ нашего правительства въ дѣлѣ уніатскомъ, и когда эти реформы привели уже уніатскую церковь къ тому концу, который имѣло въ виду правительство, т. е. къ моменту воссоединенія уніатовъ, Булгакъ умеръ. Характеръ его дѣятельности въ уніатскомъ вопросѣ былъ таковъ, что и православные были отчасти правы, почитая его по смерти чуть не православнымъ и погребая его въ православномъ монастырѣ — Сергіевской около Петербурга пустыни, и католики имѣютъ поводъ считать его своимъ, зная образъ мыслей его. Жизнь можетъ быть обнаружила бы его истинныя чувства, но смерть опустила темную завѣсу на душу Булгака и оставила нерѣшеннымъ вопросъ: гдѣ бы сталъ Булгакъ въ моментъ воссоединенія уніатовъ съ пра-

¹⁾ См. въ архивѣ департ. вѣст. испов. мин. вн. д. докладъ Шишкова ксударю императору отъ 27-го окт. 1828-го года.

епископскою церковію—на сторонѣ ли Сѣмашко, или Игнатовича? Что же касается до остальныхъ четырехъ епископовъ, то они всѣ не только въ душѣ были латиняне, но и враги Россіи; нѣкоторые изъ нихъ явно обвинены были въ прямыхъ преступленіяхъ, другіе подали поводъ подозрѣвать себя въ нихъ. Такъ Головня извѣстенъ былъ тѣмъ, что принималъ участіе въ дѣлахъ учрежденнаго въ Вильнѣ французами въ 1812-мъ году епископата ¹⁾; на Сѣроцинскаго ввозимо было тяжкое обвиненіе въ сфразженіи имъ архіепископа полоцкаго Красовскаго ²⁾. Правительство наше радо было избавиться отъ такихъ іерарховъ. Въ 22-го апрѣля уничтожилъ существованіе унитской епископии въ Луцкѣ, а потому Сѣроцинскій, управлявшій этою епархіею, остался за штатомъ. Чтобы, по выраженію его, можно было ему гдѣ-нибудь прикрыть голову, а по намѣреніямъ правительства, чтобы лучше наблюдать за нимъ, Сѣроцинскій вызванъ былъ въ Петербургъ и сдѣланъ членомъ греко-унитской коллегии ³⁾, а потомъ опредѣленъ членомъ жидичинской комиссіи, и въ этомъ званіи онъ кончилъ дни свои ⁴⁾.

Яворовскій и Головня хотя и оставались викаріями у митрополита Булгака, но они почти были удалены отъ епархіальныхъ дѣлъ, частію по болѣзни, какъ, напримѣръ, Яворовскій ⁵⁾, частію по старости, какъ Головня ⁶⁾, и оба они жили въ своихъ монастыряхъ—одинъ въ Супраслѣ, другой въ Вильнѣ, гдѣ и скончались. Мартусевичъ былъ одного духа съ Сѣроцинскимъ, Головнею и Яворовскимъ, но онъ чувствовалъ себя одинокимъ, по удаленіи отъ управленія епархіею Сѣроцинскаго, Головни и Яворовскаго,—и безсильнымъ, когда дали ему, въ 1829-мъ году, въ викаріи Сѣмашко, который былъ и надзирателемъ за дѣйствіями Мартусевича. Такимъ образомъ, уже на другой годъ за-

¹⁾ См. въ арх. департ. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 27-го февраля 1831-го года.

²⁾ См. въ св. син. дѣло изъ униат. арх. подъ № 47-мъ 1829-й г. по сообщенію волынскаго губернскаго правленія касательно рассмотрѣнія слѣдственнаго дѣла о умершемъ архіепископѣ Красовскомъ.

³⁾ Въ св. син. дѣло изъ униат. арх. подъ № 68-мъ 1828-го г. по указу правительства. сената о высоч. повелѣніи. епископу Кириллу Сѣроцинскому присутствовать въ унитской коллегии.

⁴⁾ Въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 14-го апрѣля 1831-го года о смерти Сѣроцинскаго, скончавш. 6-го марта 1831-го года.

⁵⁾ Въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 23-го февраля 1830-го года и въ Синод. Арх. дѣло 1830-го года подъ № 26-мъ, по прошенію епископа Яворовскаго объ увольненіи его за границу для излеченія болѣзни.

⁶⁾ См. въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова 27-го февраля 1831-го года.

думаннаго проекта о воссоединеніи уніатовъ съ православною церковью, правительство имѣло въ рядахъ высшей унитской іерархіи одного члена, самаго преданнаго его интересамъ и самаго дѣятельнаго и умнаго, а другого пассивно слѣдующаго и указаніями перваго, и на другой же годъ уменьшило ряды своихъ противниковъ въ средѣ высшей унитской іерархіи и ослабило силу и вліяніе ихъ противодействія. Коллегія наполнилась также по большей части сторонниками правительства: тутъ засѣдали, кромѣ Булгака и Сѣмашки, душа ея и главный секретарь вѣтникъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ ¹⁾, Антоній Зубко, Маркевичъ, Пильховскій. Консисторіи имѣли предсѣдателями и членами людей вполнѣ преданныхъ правительству, какъ, напримѣръ, Сѣмашко, Тупальскій, Шелепинъ и другіе. Въ коллегіи и консисторіяхъ сталъ преобладать элементъ бѣлаго духовенства надъ чернымъ—базилианами. Мало того, консисторіи получили нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Блудовъ, 17-го октября 1828-го года, такъ докладывавалъ государю о необходимости преобразовать унитскія консисторіи:

«Греко-унитскія консисторіи составлялись, какъ и католическія, изъ офиціаловъ или генеральныхъ викаріевъ, съ званіемъ предсѣдателей, изъ вице-викаріевъ и трехъ ассессоровъ, всѣ они избирались на три года изъ бѣлаго духовенства, и епископъ имѣетъ право смѣнять ихъ по прошествіи сего срока, назначая, какъ новаго предсѣдателя, такъ и всѣхъ новыхъ членовъ, хотя онъ самъ не присутствуетъ въ консисторіи, не имѣшивается въ дѣла ея, и жалобы и аппелляціи на рѣшенія сего духовнаго суда поступаютъ не къ нему, а въ коллегію. Такой составъ консисторій и порядокъ назначенія въ члены оныхъ едва ли можетъ быть оставленъ безъ перемѣны въ настоящемъ положеніи дѣлъ церкви греко-унитской. Бывшій главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ отъ 28-го февраля 1828-го года, объ устройствѣ сей церкви предполагалъ, между прочимъ, съ одной стороны, дать консисторіямъ больше вліянія на дѣла церковнаго управленія, потому что нынѣшніе уніатскіе епископы почти всѣ вышли изъ базилианскаго ордена, преданнаго католи-

¹⁾ См. въ Арх. Деп. Ин. Исп. М. В. Д. докладъ Блудова отъ 20-го февраля 1830-го года, гдѣ говорится: «хотя совѣты епископа Сѣмашко нужны и въ дѣлахъ коллегіи греко-унитской, особенно въ важнѣйшихъ, но я смѣю думать, что присутствие его, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, также необходимо и въ сферѣ бѣлорусской».

тому, и сколько можно было замѣтить, мало пекутся о соблюденіи чистоты греческихъ обрядовъ, а бѣлое духовенство по всей вѣроятности, при вниманіи и поощреніяхъ правительства, скорѣе и успѣшнѣе будетъ содѣйствовать его видамъ; съ другой же, подчинить монашество епархіальнымъ епископамъ и консисторіямъ, какъ оно подчинено въ греко-россійской церкви, какъ было и въ униатской церкви сперва, отъ времени присоединенія Бѣлоруссіи. Сіи предположенія удостоены высочайшаго одобренія и послѣднее приведено въ дѣйство постановленіемъ И-й статьи указа 22-го апрѣля. Но какъ донынѣ базилиане управлялись почти независимо отъ общаго епархіальнаго начальства, то казалось неудобно вдругъ уничтожить ихъ орденское управленіе, и вашему величеству благоугодно было оставить на некоторое время такъ-называемыхъ провинціаловъ. Въ дополненіе къ сему, какъ я смѣю думать, слѣдуетъ еще назначить нѣ обыкновенное мѣстопробываніе тамъ же, гдѣ учреждены греко-унитскія каеэды, чтобы, такимъ образомъ, поставить ихъ подъ непосредственный надзоръ консисторій.

Между тѣмъ какъ чрезъ сіе распространяется кругъ дѣятельности и вліянія консисторій, то необходимо и тщательнѣе наблюдать за свойствомъ поступающихъ въ сіи мѣста членовъ и усугубить старанія, дабы обезпечить на предбудущее время хорошій оныхъ выборъ. Я поспѣшилъ обратить вниманіе коллегіи на сей важный предметъ, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году наступаетъ срокъ новыхъ выборовъ.

Вслѣдствіе моего предположенія она предначертала слѣдующія правила:

(1) Отнынѣ впредь до новыхъ по сему распоряженій члены консисторій греко-унитскихъ будутъ смѣняемы не всѣ въ одно время, а по очереди, т.-е. по одному ежегодно, такимъ образомъ, чтобы впослѣдствіи каждый членъ оставался въ своей должности не менѣе 4-хъ лѣтъ, и консисторія никогда не была составлена вся изъ новыхъ членовъ, на первые три раза въ вышѣшнихъ консисторіяхъ очередь должна быть употреблена по жребію.

(2) Избраніе кандидатовъ на мѣста членовъ консисторій, по два на каждое, за исключеніемъ предсѣдателей, кои всегда будутъ назначаемы съ утвержденія государя императора, представляется также впредь до усмотрѣнія самимъ консисторіямъ.

(3) Кандидаты должны быть избираемы преимущественно изъ соборныхъ протоіереевъ, и только въ случаѣ недостатка духовныхъ сего званія, изъ другихъ достойнѣйшихъ, извѣстныхъ консисторіи по способностямъ, нравственнымъ достохвальнымъ ка-

чествамъ и точному соблюденію въ совершенной чистотѣ каноническихъ догматовъ, такъ и обрядовъ церкви греко-унитской.

«4) Епископы имѣютъ право не только утверждать одного изъ представляемыхъ консисторіею кандидатовъ, но и отвергать обоихъ, объясняя побуждающія ихъ къ сему причины въ предложеніяхъ своихъ о новыхъ выборахъ. Если въслѣдствіе сего и по двукратномъ возобновленіи выбора епископъ еще будетъ несогласенъ съ мнѣніемъ консисторіи, то онъ представляетъ о семъ греко-унитской духовной коллегіи, именую всѣхъ предназначенныхъ консисторіею и не утвержденныхъ ими кандидатовъ, и сіе представленіе съ мнѣніемъ коллегіи поступаетъ на разсмотрѣніе главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

«5) Сверхъ предсѣдателя и четырехъ членовъ изъ благаго духовенства, въ консисторіи помѣщается еще членъ изъ ордена базилианъ (Сѣмашко настаивалъ на этомъ); назначеніе оного равномерно на 4 года предоставляется епархіальному архіерею, съ утвержденія коллегіи; епископъ избираетъ сихъ членовъ отъ монашества изъ тѣхъ настоятелей, кои наиболѣе отличаются преданностію къ постановленіямъ церкви, строго соблюдаютъ въ ввѣренныхъ имъ монастыряхъ чинъ греческаго богослуженія и уже на опытъ доказали свое радѣніе о благосостояніи управляемыхъ ими обителей. Они не лишаются своего названія настоятелей и соединяемыхъ съ ними правъ отъ поступленія въ консисторіи, и могутъ, наравнѣ съ другими, обращая на себя вниманіе правительства усердною въ оной службою, удостоиваться возведенія на степень архимандритовъ или иныхъ собственныхъ сану ихъ награжденій. Голосъ члена отъ монашества имѣетъ такую же силу, какъ голоса прочихъ членовъ; мѣсто его, если онъ изъ архимандритовъ, назначается послѣ предсѣдателя, если же онъ изъ простыхъ іеромонаховъ, то послѣ вице-предсѣдателя, съ младшими протоіереями, по старшинству посвященія.

«6) Первое назначеніе сихъ членовъ отъ монашества имѣетъ быть, когда епархіальные начальники посредствомъ личнаго, тщательнаго осмотра монастырей удостовѣряются въ свойствахъ и способностяхъ настоятелей, дотолѣ мѣста ихъ въ консисторіяхъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся до монашества, должны занимать провинціалы базилианскаго ордена, каждый по принадлежности, съ обязанностию представлять на общее разсужденіе консисторіи все, что они признаютъ нужнымъ для лучшаго устройства и для утвержденія благосостоянія обителей ихъ округа. Греко-унитская коллегія имѣетъ означить въ тотъ

и въ подробной инструкціи провинціаламъ какъ предметы, такъ и порядокъ ихъ представленій, предписавъ съ симъ вмѣстѣ нужныя мѣры, дабы отнынѣ всё дѣла по управленію монастырями были присоединены къ прочимъ дѣламъ консисторій¹⁾». — Наконецъ, правительство наше въ половинѣ 1833-го года не имѣло уже ни одного врага, ни явнаго, ни тайнаго, на низшихъ ступеняхъ унитской іерархіи. Въ 1831-мъ году, скончались Головня и Сѣроцинскій²⁾, а въ 1833-мъ году Мартусевичъ и Яворовскій³⁾. Правительство избавилось ихъ, какъ людей, стоявшихъ поперекъ дороги и связывавшихъ ему руки, да и они сами таготились своимъ положеніемъ и явно были недовольны своею участію, а потому они то сказывались больными, то просились за границу подъ предлогомъ болѣзни, то апатично и машинально сидѣли въ присутствіяхъ комиссій или коллегій. Некоторые изъ нихъ напрасно думали иногда прибѣгать къ заискиваніямъ передъ правительствомъ и предложеніямъ своего уступка, — правительство оставалось холодно, недовѣрчиво къ нимъ, даже иногда строго-придирчиво, какъ, напримѣръ, къ Мартусевичу, и во всѣхъ официальныхъ бумагахъ выражало явное недовѣріе къ нимъ⁴⁾. Но смерть четырехъ унитскихъ епископовъ не только избавила правительство отъ враговъ въ средѣ мыслей унитской іерархіи, но и усилила его сторонниковъ и пособниковъ, потому что дала ему возможность помѣстить на вакантныхъ кафедрахъ лицъ, преданныхъ ему и раздѣлявшихъ его мнѣнія. Вмѣсто Головни, Сѣроцинскаго, Яворовскаго сдѣланы были викарными епископами у митрополита Булгака и епископа Юсифа Сѣмашки, Антоній Зубко, Василій Лужинскій и Иосафатъ

¹⁾ См. въ арх. департ. ин. исп. м. в. д. докладъ Влудова отъ 27-го сентября 1828-го года, также въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло подъ № 771-мъ, г. 1828-й, о порядкѣ выбора членовъ въ греко-унитскія консисторіи и о составѣ ихъ засѣданій.

²⁾ Въ арх. св. син. дѣла изъ греко-унитскихъ арх., г. 1831-й, № № 28 и 50-й.

³⁾ Тамъ же, г. 1833-й, № № 4 и 107.

⁴⁾ Тамъ же, г. 1829-й, № 8-й, о назначеніи соборнаго протоіерея Іосифа Сѣмашки викарнымъ епископомъ бѣлорусскимъ, гдѣ Влудовъ, между прочимъ, докладываетъ государю, «что по многимъ причинамъ, важнымъ для успѣха видовъ правительства, нужно имѣть между греко-унитскими епископами человека совершенно надежнаго, по образу мыслей и преданности къ державѣ российской». Далѣе Влудовъ продолжаетъ: «съ каждымъ днемъ увеличивается надобность дать полоцкой епархіи въ помощь управляющему оной епископу Мартусевичу благонадежнаго викарiаго, а полученныя изъ Рима, въ февралѣ сего года, извѣстія, доказываютъ необходимость мѣръ предосторожности, о коихъ я нерѣдко упоминалъ въ словесныхъ докладахъ моихъ вашему величеству....»

Жарскій ¹⁾. Въ то же время митрополитъ Булгакъ занялъ катедру полоцкую, а Іосифъ литовскую ²⁾.

Конечно, всякій согласится съ тѣмъ, что одно высшее духовенство какъ бы оно ни было расположено въ интересахъ правительства какъ бы оно ни было одушевлено стремленіями къ уничтоженію униі какими бы оно ни обладало запасомъ воли, энергіи и авторитета, — не могло бы ничего сдѣлать безъ содѣйствія и помощи низшаго духовенства, подчиненнаго ему. Эта помощь со стороны низшаго духовенства, впрочемъ, могла быть оказана только тогда когда оно настолько было бы развито, чтобы могло понимать свое положеніе, размышлять о предметахъ вѣроисповѣдныхъ, различать историческую и догматическую истину и ложь, однимъ словомъ, чтобы оно было мало-мальски развито и воспитано въ новыхъ воззрѣніяхъ и новыхъ правилахъ. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ о преобразованіи унитскихъ семинарій, о введеніи въ нихъ новаго духа, новаго направленія, новой жизни. Мѣстами воспитанія греко-унитскаго юношества были: 1) епархіальныя семинаріи при унитскихъ катедрахъ; 2) базилианскіе монастыри; 3) такъ-называемая главная семинарія при виленскомъ университетѣ, и 4) заведенія учебныя въ Римѣ.

По уставу каждая катедра епископская должна была имѣть епархіальную семинарію. Такимъ образомъ, по числу унитскихъ катедръ должно быть 4 епархіальныхъ семинаріи, да кромѣ того, при базилианскихъ монастыряхъ должны быть низшія духовныя училища. Содержаніе на семинаріи шло изъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе епархіальной катедры и взимаемыхъ по большей части съ фондушевыхъ имѣній. Въ этомъ-то послѣднемъ пунетѣ и заключается весь вредъ для унитскихъ семинарій. Унитскіе архіереи, происходя изъ польской аристократіи или шляхты, любя разгулъ и жизнь вообще католическаго развратнаго духовенства, не много оставляли изъ суммъ, назначенныхъ для епархіальныхъ семинарій, для воспитанія унитскаго юношества, а большею частью истрачивали эти суммы на роскошныя попойки пановъ и польской шляхты. Слѣдствіемъ этого было то, что при нѣкоторыхъ унитскихъ катедрахъ совсѣмъ уничтожены были епархіальныя семинаріи, какъ, напримѣръ: при брестской катедрѣ, гдѣ вмѣсто семинаріи существовало низшее духовное училище при лавритовскомъ базилианскомъ монасты-

¹⁾ Въ арх. св. синода дѣло греко-унит. г. 1933-й, №№ 81-й и 82-й.

²⁾ Тамъ же и подъ тѣмъ же годомъ, № 124-й, о бытіи соборнымъ протоіереемъ Луцкинскому и Зубко и архимандриту Жарскому викарными епископами.

ри¹⁾, при луцкой кафедрѣ, гдѣ—мы будемъ говорить языкомъ официальныхъ бумагъ,—по неполученію доходовъ изъ имѣющихся семинарскихъ фундушей, не имѣется точной семинаріи, а только при жидичинскомъ монастырѣ содержится епархіальная школа, въ которой приготовляемые въ священники кандидаты, по предварительномъ окончаніи свѣтскихъ наукъ въ полѣвыхъ публичныхъ училищахъ, обучаются нравственной богословіи, церковнымъ обрядамъ, уставу, ирмосному пѣнію и проч., а курсъ продолжается обыкновенно 2 года, кандидаты содержатся на своемъ иждивеніи²⁾. При литовской кафедрѣ хотя и существовала семинарія на 12 унитскихъ учениковъ³⁾, но до 1830 года мы не видимъ, чтобы кто-нибудь въ ней окончилъ курсъ. Собственно говоря, для образованія унитскаго юношества была одна епархіальная семинарія,—это при полоцкой кафедрѣ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она болѣе другихъ приближалась къ обыкновеннымъ духовнымъ семинаріямъ. Она раздѣлялась на 3 отдѣленія: въ 1-мъ преподавались науки классическія, т.-е. соответствующія уѣзднымъ свѣтскимъ училищамъ или гимназіямъ округа виленскаго университета; во 2-мъ предметы философскіе и богословскіе, какъ-то: каноническое право, логика, метафизика, догматическое богословіе, нравственное, физика, астрономія, архитектура; въ 3-мъ отдѣленіи или ставленическомъ приготовлялись къ священству. Число учителей простиралось до десяти (10), число учениковъ до 40, а при Красовскомъ доходило до 80-ти; въ эпоху же ближайшую къ реформамъ унитской церкви, до 60 человекъ, именно: 30 въ 1-мъ отдѣленіи, 20 во 2-мъ, и 10 въ 3-мъ или ставленическомъ отдѣленіи. На содержаніе семинаріи полоцкой назначено было изъ базилианскихъ фундушей 55,402 руб. 42 коп.⁴⁾.

¹⁾ См. краткую вѣдомость, показывающую распредѣленіе базилианскихъ монастырей и фундушей, также въ арх. Св. Синода вѣдомость о числѣ кончившихъ курсы воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской, съ 1824 г. по 1848-й, также *Annales Ecclesiae Ruthenae, Nagasiewicz*, § 84-й стр. 873—876-й.

²⁾ Число учениковъ Жидичинскаго училища не восходило свыше 17 человекъ; учителей было не болѣе двухъ; въ 1821-мъ году учителями были въ немъ *Сьмашико* и священникъ *Сущкевичъ* (см. въ арх. канц. оберъ-прокур. Св. Синода дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й, по рапортамъ, съ приложеніемъ вѣдомостей о семинаріяхъ и училищахъ и состоящихъ въ оныхъ профессорахъ, учителяхъ и ученикахъ).

³⁾ См. *Annales Ecclesiae Ruthenae*, стр. 873, гдѣ говорится: «*Seminarium hujus Dioeceseos habet pristinam suam fundationem pro 12 Clericis*»; также вышеприведенную вѣдомость о числѣ кончившихъ курсы воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской съ 1824 по 1848 годъ.

⁴⁾ Въ арх. канц. об.-прокур. Св. Синода дѣло подъ № 253-мъ г. 1828-й о уставѣ для Полоцкой семинаріи.

Иногда архіепископъ полоцкій носилъ названіе и ректора полоцкой семинаріи, какъ, напримѣръ, архіепископъ Красовскій и тогда у него бывалъ вице-ректоръ. Кромѣ этихъ лицъ, начальство семинаріи состояло изъ префекта, а иногда двухъ префектовъ, духовника и эконома ¹⁾. Профессоры и учителя полоцкой семинаріи состояли изъ воспитанниковъ или главной семинаріи, для которыхъ признано было обязательнымъ прослужить въ учительскомъ званіи, по окончаніи курса, по крайней мѣрѣ 4 года ²⁾.

Здѣсь, въ ближайшую къ намъ эпоху были профессорами Игнатовичъ, Томковидъ, Заблоцкій, Слонимскій, Лужинскій, Шелепинъ, Щесновичъ-Мальчевскій и другіе.

Чтобы ясно видѣть, какъ мало унитскія семинаріи удовлетворяли нуждамъ епархіальнымъ, мы обратимъ только вниманіе на то, что въ 1827-мъ году выпущено было два кандидата на священническія мѣста, а между тѣмъ число унитскихъ церквей простиралось до 1700; въ 1825-мъ, 1826-мъ, 1827-мъ не было ни одного кандидата на священническія унитскія мѣста ³⁾. При такомъ несоотвѣтствіи числа кандидатовъ на священническія мѣста съ числомъ приходовъ унитскихъ, естественно происходило то, что или многія унитскія церкви должны были оставаться вовсе безъ священниковъ и обращаться за удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ нуждъ въ католическіе костелы, или въ унитскимъ церквямъ опредѣлялись чистые католики, или, наконецъ, люди едва научившіеся читать въ низшихъ базиліанскихъ училищахъ, или въ своихъ домахъ отъ своихъ отцовъ. Другой вредъ, происходившій отъ устройства унитскихъ семинарій для унитской паствы, былъ тотъ, что духъ и направленіе въ преподаваніи наукъ было совершенно не восточный, а римскій, самое преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на латинскомъ языкѣ или польскомъ, а не на русскомъ. Самъ епископъ Мартусевичъ долженъ былъ сознаться, что даже богословіе догматическое и нравственное преподается въ полоцкой семинаріи на польскомъ языкѣ, и что нѣтъ тамъ особаго класса для обученія обрядамъ греко-восточнаго богослуженія; и что большая часть предметовъ преподается на латинскомъ языкѣ и по руководствамъ латинскимъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й.

²⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 259-мъ.

³⁾ См. вышеприведенную вѣдомость и дѣло въ канц. оберъ-прокурора Св. Синода г. 1826 № 53-й о суммахъ на кременецкую гимназію, назначенныхъ изъ доходовъ нѣкоторыхъ (б) базиліанскихъ монастырей.

⁴⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й, по рапортамъ, съ приложеніемъ вѣдомостей о семинаріяхъ.

Результатомъ такого воспитанія въ унитскихъ семинаріяхъ было то, что греко-унитское юношество выходило изъ своихъ училищъ или вовсе необразованное, неразвитое, неумѣвшее различать вѣроисповѣднхъ разностей между римскимъ и православнымъ исповѣданіемъ, или пропитанное насевозъ понятіями, враждебными унитскому обряду.

Если въ епархіальныхъ унитскихъ семинаріяхъ приготовляемое юношество не удовлетворяло нуждамъ греко-унитской церкви и было даже враждебно интересамъ ея, то ученіе въ базилианскихъ или монастырскихъ унитскихъ школахъ было не только чисто римское, но и іезуитское. Базилиане совершенно насѣдовали духъ и направленіе іезуитовъ; извѣстно, что еще въ 1621-мъ г. они заключили братскій союзъ съ іезуитами, называя ихъ братьями¹⁾ усвоили ихъ испанскій костюмъ, и даже называли себя іезуитами²⁾.

Подражая во всемъ іезуитамъ, они явились ихъ точными послѣдователями и въ дѣлѣ воспитанія, они отерли школы при своихъ монастыряхъ для свѣтскаго юношества, а не для духовнаго, и преимущественно для зажиточнаго или вліятельнаго по своимъ общественнымъ условіямъ, одѣли своихъ воспитанниковъ, по образцу іезуитовъ, въ плащи съ капюшонами и украшенные красными ленточками. До какой степени духъ базилианскаго воспитанія былъ чисто іезуитскій, мы ссылаемся на польскихъ писателей, принадлежащихъ къ римской, а не къ православной церкви.

Кондратовичъ (Сырокомля) въ исторіи польской литературы, т. II, стр. 239, пишетъ: «Когда брестская унія раздѣлила польскихъ подданныхъ восточной церкви на уніатовъ и не-уніатовъ, тѣ и другіе стали у себя заботиться о воспитаніи юношества,

¹⁾ См. доставленную мнѣ г. Козловичемъ рукопись, носящую такое заглавіе: «Конгрегация вторая 1621 г. о стоварищеніи учащихся 3 отдами Езуитами»; также «Obraz Litwy, Jaroszewicza, стр. 227, примѣч. 107, «De societate facta cum P. R. Societatis».

²⁾ См. другую рукопись, доставленную мнѣ также г. Козловичемъ, въ которой говорится, что Базилиане названы іезуитами въ анонимномъ письмѣ, писанномъ въ 1829 или въ 1829-мъ годахъ на французскомъ языкѣ и посланномъ въ Варшаву къ кесаревичу Константину Павловичу, и имъ передано государю Николаю Павловичу. Это письмо направлено противъ реформы Іосифа Сѣмишки; въ немъ говорится, что дѣйстви духовенства бѣлаго противъ базилианъ не что иное, какъ враждебная съ ихъ стороны интрига; что базилиане суть двигатели просвѣщенія, и вообще служатъ имъ унитской церкви тѣмъ же, чѣмъ были іезуиты. См. также Hugona Kollataja или oswiecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III, tom 1. pag. 109, 110; также Annales Ecclesiae Ruthenae, Горисевича, стр. 863: «Etiam vestimenta sua imitabant Basiliani in talia, qualia Jesuitae gestant».

по крайней мѣрѣ того, которое должно было посвятить себя духовному званію. Первые имѣли нѣсколько школъ базилианскихъ, устроенныхъ совсѣмъ на манеръ іезуитскихъ, и наконецъ получили открытый доступъ въ школы іезуитскія и заграничныя».

Замѣчательнъ также тотъ фактъ, что базилианскіе богатые монастыри жертвовали значительныя суммы на училища чисто свѣтскія и притомъ польскія. Въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода находится письмо митрополита Кохановича къ бывшему министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну: «Крайняя необходимость принуждаетъ меня утруждать высокую вашего сіятельства особу пространнѣмъ описаніемъ дѣла, которое Жидичинскій и другіе лудской епархіи архимандриты монастыри навлеченными покойнымъ г. Чацкимъ на оныя отягощеніями приводятъ въ разореніе, что ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ сего объясненія, которое въ покорности представляю. 1799-го года блаженныя памяти императоръ Павелъ I-й эмигрантамъ французской націи, монахамъ de la Trappe, дозволивъ пребываніе въ Россіи, повелѣлъ помѣстить ихъ въ католическихъ монастыряхъ; вслѣдствіе того повелѣнія заняли они Могилевской губерніи въ городѣ Оршѣ бернардинскій, а монахини — тринитарскій монастыри, и дерманскій монастырь былъ для нихъ же назначенъ. Въ 1800 г. государь императоръ соизволилъ повелѣть трапистамъ выступить изъ Россіи, за границу, а доходами римско-католическихъ монастырей, употреблявшимися на трапистовъ ежегодно по 14,000 руб., учредить школы для бѣдныхъ дѣтей. Таковое повелѣніе, хотя не относилось къ унитскимъ монастырямъ, а прямо къ римско-католическимъ, кои отъ сей тягости остались и остаются свободными, однакожъ, исполняя предписаніе его высокопреосвященства митрополита Сестренцевича, Корсакъ учредилъ въ Жидичинѣ для бѣдныхъ дѣтей училище и содержалъ на монастырскомъ иждивеніи учителей и учениковъ чрезъ три года, а дерманскій архимандритъ дѣтей женскаго пола. Чацкій склонилъ присоединить училища къ лудской гимназіи и платить 9,000 злотыхъ ежегодно, а дерманскому архимандриту 5,000 злотыхъ. Но жидичинская архимандрія впослѣдствіи сдѣлалась пребываніемъ суффрагана лудскаго, слѣдовательно не могла платить, а гимназія все-таки вынуждала. Овручскій монастырь платилъ 3,500 злотыхъ, а потомъ прекратилъ, за что Чацкій взялъ 5 монастырскихъ деревень, насчитавъ долгу 21 т. злотыхъ. Вотъ какъ объяснялись архимандриты касательно беззаконныхъ этихъ поборовъ: вельможество по роду, достоинство по чину тайнаго совѣтника и визитатора школъ, софистическое велерѣчіе г-на Чац-

ито, а больше всего угрожающее предложеніе: «сжали васъ не столько православіе, то моя философія васъ искоренить», было для насъ довольномъ убѣжденіемъ и принужденіемъ согласиться на его предложеніе¹⁾».

.. Такимъ образомъ, хотя число училищъ при базилианскихъ монастыряхъ было довольно значительно²⁾, но они не приносили никакой пользы для греко-унитовъ, потому что или были совершенно недоступны для дѣтей духовныхъ, по большей части бѣдлаковъ, или же попавшему туда унитскому мальчику сообщали самое ничтожное для будущаго его сана образованіе, и притомъ въ духѣ не только римскомъ, но совершенно іезуитскомъ. О характерѣ и направленіи образованія въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ мы уже говорили выше, а потому здѣсь не будемъ повторять сказаннаго. Почитаемъ важнымъ замѣтить только здѣсь одну особенность, что нѣкоторые базилианскіе монастыри обязаны были вносить въ виленскій университетъ извѣстную сумму, для воспитанія при тамошней главной семинаріи дѣтей греко-унитскихъ духовныхъ. Такъ одинъ изъ провинціаловъ базилианскихъ монастырей доносилъ нашему правительству, «что Бѣлорусская провинція вноситъ ежегодно въ главную виленскую семинарію на содержаніе 6-ти вырѣзовъ 1,564 руб. сер., а потому въ этой провинціи особыхъ училищъ для юпошества бѣлаго духовенства устроено и не было, ибо не было на то высочайшаго повелѣнія³⁾. Но и другіе провинціалы также ежегодно вносили съ своихъ провинцій извѣстную сумму въ главную семинарію; такъ провинціалъ русской базилианской провинціи представлялъ ежегодно 2,082 руб. сер., а литовскій — 1,265 руб. сер.⁴⁾. На этомъ основаніи провинціа-

¹⁾ См. въ арх. канц. оберъ-прокурора Св. Синода дѣло подъ № 53-мъ, г. 1826, о суммахъ на временную гимназію, назначенныхъ изъ доходовъ нѣкоторыхъ (5) базилианскихъ монастырей.

²⁾ Базилианскія училища заведены были при 18-ти монастыряхъ, именно: Кавенскомъ, Уманскомъ, Ляснянскомъ, Жпровецкомъ, Барскомъ, Почаевскомъ, Владимирскомъ, Любарскомъ, Овручскомъ, Березницкомъ, Лядевскомъ, Лавритовскомъ, Витебскомъ, Верболовскомъ, Тологинскомъ, Брестскомъ, Борунскомъ, Подубинскомъ (см. краткую вѣдомость, показывающую распредѣленіе базилианскихъ монастырей и училищъ ихъ), также *Historja szkół w Kownie, w wielkiem Księstwie Litewskiem, ризса Jozefa Lukaszewicza, tom. 4, 262—276*. Впрочемъ мы беремъ эпоху 30-хъ годовъ, а до того времени ихъ было болѣе (см. въ Св. Синодѣ дѣло подъ № 41-мъ, г. 1832-й, по рапорту базилианскаго провинціала Левицаго).

³⁾ Въ арх. канц. об.-прок. Св. Синода дѣло подъ № 84-мъ, г. 1827-й по выслушанію о запрещеніи принимать католиковъ въ греко-унитское монашество и объ учрежденіи училищъ для наставленія унитскаго юпошества.

⁴⁾ См. въ арх. Св. Синода дѣло 1824 г. 8-го ноября, по требованію главнаго

ны базилианскіе почитали себя свободными отъ обязанности содержать при своихъ монастыряхъ училища для греко-унитскихъ дѣтей и отвѣчали правительству, что для греко-унитскихъ священно- и церковно-служительскихъ сиротъ не находится ни въ какомъ монастырѣ фундушей, а налагать же на монастыри новыя тягости считаютъ они себя не имѣющими права, а потому весьма много сиротъ (унитскихъ духовныхъ) не токмо безъ просвѣщенія, но безъ всякаго способа въ пропитанію находится въ епархіи, и нѣкоторые изъ такихъ сиротъ, по достиженіи совершеннолѣтій, наиболѣе желаютъ вступать въ духовный санъ, не получивъ приличнаго воспитанія ¹⁾). Нормальное число унитскихъ влириковъ, воспитывавшихся ежегодно въ главной семинаріи простиралось до 50, и на содержаніе ихъ ежегодно истратывалось до 15,000 руб. сер. ²⁾. Кроме того, Булгакъ даромъ уступилъ виленскому университету зданія ³⁾. Наконецъ нѣкоторые изъ унитскихъ юношей посылались даже въ Римъ для образованія себя. Число ихъ иногда достигало до 4-хъ человекъ, а иногда до 6-ти. Здѣсь они воспитывались въ двухъ папскихъ семинаріяхъ, именно такимъ образомъ: два или три человека въ одной семинаріи, подъ названіемъ Collegium de propaganda fide, а два или три въ другой, называвшейся «греческая коллегія при церкви св. Аѳанасія». Эти юноши высылались въ Римъ чрезъ всякое трехлѣтіе провинціалами базилианскихъ монастырей. Фундушъ на содержаніе молодыхъ греко-унитовъ былъ папскій и состоялъ въ вѣдомствѣ кардиналовъ конгрегациі о распространеніи вѣры. Кроме того былъ въ Римѣ еще домъ, принадлежащій нашимъ базилианамъ; домъ этотъ былъ подаренъ имъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбарино, при домѣ находилась небольшая унитская церковь. Въ домѣ жилъ іеромонахъ, носившій названіе прокуратора, онъ былъ повѣреннымъ и ходатаемъ по дѣламъ базилианскаго ордена. Впослѣдствіи въ помощь прокуратору данъ былъ другой іеромонахъ, носившій названіе ризничаго. Оба іеромонаха содержались на фундушъ, получаемый отъ отдачи дома орденскаго въ наемъ; кромѣ того прокураторъ получалъ какое-то жалованье изъ папской казны.

управленія Дух. Дѣлъ Иностранныхъ исповѣданій о утѣдленіи, сколько который монастырь вноситъ денегъ въ складку на содержаніе виленской главной семинаріи.

¹⁾ См. въ Св. Синодѣ дѣло подъ № 61-мъ г. 1822-й, о упраздненіи базилианскихъ монастырей.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ См. въ арх. Св. Синода въ греко-унитскомъ отдѣлѣ дѣло 1809-го г. № 21-й по предложенію министра юстиціи, князя Лопухина, о сдѣланіи выговора Брестскому епископу Булгаку за уступку церкви виленскому университету.

По окончаніи курса, продолжавшагося 3 года, унитскіе юноши направлялись на родину въ тѣ монастыри, которые посылали ихъ, снабженные аттестатами на ученія степени и выдержавши (фрагментъ по академическимъ уставамъ, существующимъ въ папскомъ государствѣ¹⁾). Нужно ли много распространяться о томъ, во воспитаніе римское окончательно портило греко-унитскихъ юношей, преобразуя ихъ въ совершенныхъ латинцевъ и іезуитовъ! Притомъ же римскія семинаріи были доступны юношамъ, назначавшимъ себя не въ бѣлому духовенству, а въ черному.

Преобразование воспитанія греко-унитскаго юношества должно было, по идеѣ нашего правительства, состоять въ томъ, чтобы оно развивало умъ и мышленіе будущихъ пастырей, но въ духѣ совершенно противоположномъ латинству, т.-е. чтобы постепенно приближало и роднило ихъ съ церковью православною. Съ этою цѣлю положено было не только прекратить посылку греко-унитскихъ юношей въ главную семинарію при виленскомъ университетѣ, но немедленно отозвать всѣхъ, находившихся тамъ воспитанниковъ, и только представленіе Блудова сдѣлало то, что и унитскимъ юношамъ позволено было докончить курсъ въ главной семинаріи²⁾. Въ повелѣніи, прекращающемъ посылку унитскихъ юношей въ главную семинарію, прямо сказано, «что это сдѣлано на тотъ конецъ, дабы духовное юношество сего обряда отнынѣ съ самыхъ низшихъ классовъ получало образованіе, болѣе соответствующее его назначенію и въ кругу своихъ единовѣрцевъ, не смѣшиваясь съ принадлежащими къ обряду латинскому³⁾».

Посылка унитскихъ клириковъ въ Римъ также прекращена; принадлежащая греко-унитскому базилианскому ордену въ Римѣ церковь и заведеніе della Madonna del Pascolo со всѣми ея принадлежностями отдана была нашимъ правительствомъ папѣ римскому въ собственное его распоряженіе, и въ то же время запрещено было посылать изъ имперіи россійской и изъ царства польскаго греко-унитскихъ духовныхъ въ званіи прокураторовъ или ректоровъ⁴⁾.

¹⁾ См. въ арх. Св. Синода дѣло подъ № 54-мъ, г. 1822-й, дѣло по запросу департамента Дух. дѣлъ прислать свидѣнія о находящемся въ Римѣ домѣ съ названіемъ фундаментъ, принадлежащемъ базилианскому ордену.

²⁾ См. арх. мин. внутр. дѣлъ, въ департ. иностр. исповѣданій докладъ 1880-го № 9-й.

³⁾ Тамъ же, 1828-й, докладъ 26-го мая.

⁴⁾ См. въ арх. мин. об. прок. св. синода дѣло подъ № 80-мъ, г. 1880-й, также въ арх. св. синода дѣло подъ № 89-мъ г. 1880-й по предложенію главноуправля-

При базилианскихъ монастыряхъ стали отирывать духовныя училища съ спеціальною цѣлью готовить знающихъ православные обряды унитскихъ клириковъ, а свѣтскія училища, содержимыя базилианами, или вовсе закрывали, или же подчиняли ихъ надзору попечителя бѣлорусскаго округа¹⁾.

Что касается до унитскихъ епархіальныхъ семинарій, теперь ограниченныхъ числомъ до 2-хъ именно: бѣлорусской, находившейся въ Полоцкѣ, и литовской помѣщенной въ жировицкомъ монастырѣ, въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, то, истинное преобразованіе ихъ въ духъ чисто русское началось не съ открытія ихъ въ 1828-мъ году, и не со времени назначенія туда профессоровъ русской словесности и исторіи студентовъ с.-петербургской духовной академіи²⁾ а съ эпохи ревизованія ихъ Іосифомъ Сѣмашею въ 1830-мъ году. Ревизія эта имѣла такое важное вліяніе на судьбу унитскихъ семинарій, что мы по необходимости должны остановиться на доведеніяхъ Іосифа о результатахъ произведенной имъ ревизіи.

Іосифъ отправился на ревизію, снабженный инструкціей, гдѣ выразился взглядъ нашего правительства на характеръ и способъ преобразованія унитскихъ учебныхъ заведеній. Инструкція, данная Іосифу, внушала слѣдующее: 1-е) Главнымъ назначеніемъ и руководствомъ для визитатора по возложенному на него порученію обозрѣть епархіальныя семинаріи: бѣлорусскую и литовскую, будутъ правила, означенныя въ уставѣ духовной академіи. 2-е) На основаніи сихъ правилъ онъ повѣритъ съ надлежащею точностію дѣйствія правленій семинарскихъ съ ихъ уставомъ, тщательно вникая, исполняются ли начертанныя въ ономъ правила, и если въ чемъ отъ оныхъ правленіе уклоняется, то по какимъ причинамъ. 3-е) Визитаторъ войдетъ въ надлежащее соображеніе нынѣшняго помѣщенія семинарій съ потребнымъ для полнаго числа учениковъ, по штату предполагаемому греко-унитскою коллегіею. 4-е) Обозрѣватель вникнетъ, какіе способы доставляются нынѣ для содержанія семинарій отъ

ющаго о непосыланіи въ Римъ ни изъ имперіи российской, ни изъ царства польскаго греко-унитскихъ духовныхъ.

¹⁾ См. въ синод. арх. дѣло подъ № 15-мъ, г. 1830-й по предложенію главноуправляющаго касательно зависимости начальниковъ публичныхъ училищъ при базилианскихъ обителяхъ отъ попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа.

²⁾ См. въ синодѣ дѣло подъ № 30-мъ г. 1829-й, изъ котораго видно, что первыми учителями русской словесности и исторіи въ унитскихъ семинаріяхъ были воспитанники с.-петербургской духовной академіи Кушинъ и Смирновъ, но они были не долго, а на мѣсто ихъ назначены были Горбачевскій и Скворцовъ (см. въ синод. арх. дѣло подъ № 114-мъ г. 1830-й).

предназначенныхъ для нихъ фундушей, и какіе, по соображенію съ мѣстными обстоятельствами, могутъ быть приняты благона-
 зкнныя мѣры къ умноженію способовъ и для улучшенія поло-
 женія семинарій и увеличенія числа учащихся. 5-е) Войдетъ въ
 разсмотрѣніе, не принимаются ли въ противность предписаній
 греко-унитской коллегіи отъ 17-го іюля минувшаго 1829 года
 полное семинарское содержаніе дѣти такихъ священниковъ,
 они имѣютъ возможность давать имъ отъ себя содержаніе. 6-е)
 удостовѣрится на опытѣ въ прилежаніи какъ учащихся, такъ
 и самихъ учащихся въ основательномъ изученіи русскаго языка
 и словесности, и въ успѣхахъ по симъ предметамъ тѣхъ и дру-
 гихъ. 7-е) Въ бытность свою въ Жировицахъ войдетъ въ над-
 лежащее разсмотрѣніе распоряженій правленія семинарскаго ка-
 сательнаго учрежденія уѣзднаго духовнаго училища при греко-
 унитскомъ базилянскомъ монастырѣ въ Кобринѣ, и если за-
 нѣтитъ какіе недостатки, то предложить о исправленіи ихъ со-
 отвѣственно разуму даннаго для сихъ училищъ устава и пред-
 положеннаго образованія греко-унитскаго духовнаго юношества.
 8-е) Предоставляется визитатору, буде позволитъ время, осмо-
 трѣть кобринскую обитель и производящіяся въ ней работы
 при построеніи особаго дома для помѣщенія уѣзднаго духовнаго
 училища, и въ случаѣ надобности сдѣлать нужныя распоряженія
 въ усовершенію и пользѣ сего дѣла. 9-е) Визитаторъ обяза-
 нъ войти въ надлежащіе соображенія касательно помѣщенія
 въ зданіяхъ полоцкой кафедрой предположенной тамъ духовной
 академіи и какія именно нужно будетъ произвести необходимыя
 пристройки и передѣлки. Для ближайшаго понятія о сихъ зда-
 ніяхъ визитаторъ представить въ коллегію планы и фасады
 оныхъ строеній, за подписаніемъ мѣстнаго архитектора. 10-е)
 По недавнему заведенію семинаріи литовской, равно какъ и не-
 давнему же введенію новыхъ правилъ въ семинаріи бѣлорус-
 ской, долгомъ визитатора будетъ, при обозрѣніи на мѣстѣ сихъ
 учебныхъ заведеній, тщательно вникнуть во всѣ обстоятельства
 и причины, кои могутъ содѣйствовать благу сихъ разсадниковъ
 просвѣщенія духовнаго греко-унитскаго юношества, и какія
 причины противоборствуютъ сему. Въ важнѣйшихъ случаяхъ,
 требующихъ неотлагательнаго распоряженія или исправленія,
 предоставляется визитатору, не ожидая окончанія возложеннаго
 на него порученія, представлять особо греко-унитской коллегіи.
 Впрочемъ, о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ визитаторъ представить
 коллегіи обстоятельное донесеніе въ свое время¹⁾.

¹⁾ См. въ арх. канц. об.-прок. св. син. дѣло подъ 18-мъ г. 1830-й, по уваженію

Представимъ теперь донесеніе Іосифа о состояніи греко-унитскихъ семинарій и о произведенныхъ имъ въ нихъ реформъ.

«По силѣ штатовъ, доносилъ онъ коллегии, положено содержать на фундушевомъ издѣвленіи въ бѣлорусской семинаріи 120, въ имѣющемся при оной уѣздномъ училищѣ 20-ть учениковъ. Между тѣмъ нынѣ имѣется въ семинаріи сей на фундушевомъ издѣвленіи только 56-ть семинаристовъ, въ низшемъ же училищѣ 39-ть, да изъ сихъ послѣднихъ 12-ть обучаются исключительно наукамъ, въ приходскихъ училищахъ преподавать долженствующимъ, каковаго училища при семинаріи по штату не назначено.

«Замѣчая, что принятіе въ семинарію воспитанниковъ, имѣющихъ еще первоначальныхъ познаній въ чтеніи и численіи, необходимо должно замедлять успѣхъ сего заведенія, сему особенно приписывая, что въ теченіи послѣднихъ 10-лѣтъ было едва 41 ученикъ изъ кончившихъ курсъ наукъ въ бѣлорусской семинаріи, равно признавая, что духовное юношество болѣе имѣетъ способовъ пріобрѣсти дома или въ ближайшихъ училищахъ первоначальныя познанія въ наукахъ, да и предстоящее открытіе низшихъ училищъ доставитъ оному вѣществу въ отношеніи облегченія, то, дабы большому количеству духовнаго юношества доставить средства къ высшему образованію окончаніемъ полнаго курса семинарскихъ наукъ, а тѣмъ самымъ соотвѣтствовать намѣреніямъ благодѣтельнаго правительства, пекущагося о просвѣщеніи вообще духовенства, по силѣ 461-го пункта устава дух. академій и на временнаго, высочайше утвержденнаго штата греко-унитскими семинаріямъ, предложилъ правленію семинаріи: 1) дѣтей неимѣющихъ познаній, кои должны быть пріобрѣтаемы въ приходскихъ училищахъ, въ число учениковъ вѣдшей семинаріи, особенно на фундушевое содержаніе, не принимать. Но какъ христіанскій законъ въ домашнемъ воспитаніи, и даже въ училищахъ, не всюду съ надлежащимъ раченіемъ изучается: то, изъ уваженія сего, оставивъ пространный катихизисъ для втораго отдѣленія низшаго училища, въ первомъ преподавать впредь до усмотрѣнія краткій катихизисъ, по уставу для приходскихъ духовныхъ училищъ назначенный; 2) пріемомъ учениковъ на фундушевое содержаніе въ уѣздное, при семинаріи состоящее, духовное училище, также воздержаться, пока число оныхъ неограничится соотвѣтственно штату 20-и учениками; 3) вмѣсто того усилить пріемъ въ семинарію на

коллегии объ отправленіи викарнаго епископа Іосифа Сѣнашко, для обозрѣнія греко-унитскихъ семинарій бѣлорусской и литовской.

душевое содержаніе учениковъ, кончившихъ воспитаніе въ этихъ училищахъ и за дальностію мѣстопробыванія немѣющихся способъ проходить ученіе въ семинаріи на собственномъ иждивеніи; 4) въ случаѣ недостатка сихъ послѣднихъ учениковъ, пригласить и въ низшее духовное училище сверхъ положеннаго въ комплектъ».

Но самое важное изъ распоряженій Сѣмашко касалось способовъ преподаванія наукъ въ унитскихъ семинаріяхъ и руководствъ по этимъ наукамъ. Вотъ его распоряженія по этому предмету:

«Во время производившихся испытаній, писалъ онъ коллегіи, ученикамъ бѣлорусской семинаріи, замѣтилъ я: 1) что богословскія науки преподаются въ оной въ той обширности и по такимъ же книгамъ, какъ въ виленскомъ университетѣ; хотя сюда поступаютъ ученики самые отличнѣйшіе, по большей части курсъ семинарскихъ наукъ совершенно кончившіе; 2) что въ особенности книга исторіи церковной Даненмайера можетъ быть полезна слушателямъ университетовъ, словесными лекціями профессоровъ вполне пользоваться могущимъ, но не воспитанникамъ семинаріи, начинающимъ только знакомиться съ историческими науками: она писана тяжело латынью, на факты болѣе намекаетъ, нежели оныя представляетъ; 3) что толкованіе священнаго писанія преподается не по славянской библіи, а по латинской вульгатѣ, и 4) что пространный катихизисъ преподается въ низшемъ училищѣ по сочиненію Альбетранди, писанному безъ всякаго порядка, заключающему множество предметовъ, къ катихизису не принадлежащихъ, исполненному понятій и опредѣленій отвлеченныхъ, къ богословскому ученію относящихся, а для воспитанниковъ низшихъ училищъ неудобопонятныхъ.

«На основаніи 461 пункта устава духовныхъ академій, предложилъ я правленію семинаріи: 1) въ преподаваніи богословскихъ наукъ сообразоваться по возможности со временемъ, для изученія сихъ наукъ въ семинаріи по уставу предназначеннымъ; 2) вмѣсто исторіи Даненмайера избрать другую учебную книгу; я внушилъ, что болѣе другихъ было бы соотвѣтственно исторіи церковная Иннокентія, какъ по удобопонятности оной и обилію опредѣлительными фактами, такъ и потому, что богословское отдѣленіе имѣло бы случай къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ русскомъ языкѣ. Кромѣ жъ того, семинарія имѣетъ уже довольное количество экземпляровъ сей исторіи; 3) распорядиться, дабы толкованіе священнаго писанія на будущее время было преподаваемо по славянской библіи, какъ потому, что она ближе къ подлиннику, такъ и потому, что славянский языкъ есть

въ нашемъ обрядѣ богослужебный, и духовному юношеству необходимо научиться оному заблаговременно въ самомъ чистѣйшемъ и необходимѣйшемъ источникѣ; 4) вмѣсто катихизиса Альбетранди ввести пространнѣй катихизисъ, по высочайшему повелѣнію въ 1828-мъ году для училищъ изданный, такъ какъ я лично удостовѣрился, что краткій катихизисъ, по высочайшему повелѣнію также изданный, преподается въ низшемъ отдѣленіи семинаріи съ видимымъ успѣхомъ. Впрочемъ, я вмѣнилъ въ обязанность правленію руководствовать учителя своимъ наставленіемъ въ изложеніи нѣкоторыхъ мѣстъ означеннаго катихизиса, съ ученіемъ нашей церкви нѣсколько несходныхъ».

Послѣдняя оговорка Іосифа показываетъ, что преобразование его въ системѣ воспитанія унитскаго юношества были такъ смѣлы, такъ радикальны, такъ, если можно выразиться, провинуты русскому и православіемъ, что онъ самъ испугался ихъ и напередъ нужнымъ оговориться, чтобы не взволновать умы и совѣсти унитской коллегіи и унитскаго духовенства. Затѣмъ росписаніе учебныхъ часовъ, составъ и способъ управленія семинарскаго правленія, по предложенію Іосифа, введены были въ унитскіе семинаріи совершенно сообразно уставу нашихъ православныхъ семинарій.

Говоря о помѣщеніи бѣлорусской семинаріи и способахъ ея содержанія, Іосифъ замѣчаетъ: «1) что каедральныя бывшія монастырскія базилианскія строенія въ Полоцкѣ, при занятіи оныхъ разными вѣдомствами, не только недостаточны для полнаго комплекта семинаріи 140 учениковъ, но и нынѣшнимъ 95-ти доставляютъ довольно стѣснительное помѣщеніе; 2) что въ теченіи цѣлаго года изъ имѣющагося въ управленіи преосвященнаго Мартусевича фондуша поступило въ вѣдѣніе правленія семинаріи денегъ и припасовъ всякаго рода безъ малаго на 29 тысячъ. Но изъ сего имѣлъ также содержаніе столомъ и помѣщеніемъ весь консисторскій и каедральный штатъ, и дѣлаемы были угощенія завтракомъ или обѣдомъ гостей ипогда довольно многочисленныхъ, прибывающихъ съ поздравленіемъ къ архіерею во время праздничныхъ и табельныхъ дней.... Итакъ, нельзя съ точностію опредѣлить, какіе способы доставляются нынѣ для содержанія бѣлорусской семинаріи отъ предназначеннаго для оной фондуша. До окончательнаго утвержденія постановленія государственнаго совѣта о фондушевыхъ имѣніяхъ унитскаго духовенства, всякое распоряженіе начальства, клонящееся къ улучшенію состоянія бѣлорусской семинаріи на счетъ фондуша, въ управленіи епископа Мартусевича имѣющагося, не можетъ имѣть точнаго основанія, и по крайней мѣрѣ можетъ показаться ему,

ископу, отяготительнымъ. Справедливость требуетъ сказать, но онъ и такъ доставляетъ на содержаніе семинаріи способіи не вдвое значительнѣе своихъ предмѣстниковъ. При митрополитѣ Лисовскомъ число семинарскихъ воспитанниковъ не доходило до 50-ти; при архіепископѣ Красовскомъ оно не превышало 75-ти, при настоящемъ преосвященномъ оно постоянно годъ отъ году увеличивается отъ 80 до 95-ти. Кромѣ того, въ содержаніи въ Струнѣ на фундушевомъ иждивеніи 14 сиротствующихъ духовнаго званія дѣтей, обучающихся подъ особымъ руководствомъ первоначальнымъ наукамъ. Учителей вмѣстѣ съ членами правленія нынѣ 14, тогда какъ за покойнаго архіепископа ихъ было не болѣе 10-ти, и они пользуются (какъ оказалось изъ распросовъ) гораздо значительнѣйшимъ противу прежняго жалованьемъ. По увѣренію членовъ правленія и учителей, содержаніе даже семинаріи нынѣ безъ всякаго сравненія лучше, нежели при покойномъ архіепископѣ. Сверхъ того, нельзя упустить изъ виду, что припасы всякаго рода покупаются дороже въ Полоцкѣ, нежели въ Судилевичахъ, гдѣ номѣщалась прежде семинарія. Но несмотря на такіа похвалы Мартусевичу, Іосифъ писалъ коллегіи, что не всѣ правила семинарскаго устава могутъ быть въ точности исполняемы семинарскимъ правленіемъ отъ раздѣленія предметовъ, подлежащихъ его управленію, между нимъ и архіереємъ. «Я замѣтилъ, пишетъ Іосифъ, нѣкоторыя болѣе или менѣе вредныя послѣдствія сего раздѣленія. Правленіе по естественному ходу вещей часто деликатится въ отношеніи своего пастыря, а сей, обремененный дѣлами, не всегда можетъ во время имѣть въ виду нужды семинаріи, а потому экономическая часть еще находится въ состояніи, требующемъ усовершенствованія».

Представивши свои соображенія относительно поправокъ и перемѣлокъ зданія бѣлорусской семинаріи, Стѣмашко, наконецъ, излагаетъ причины, противодействовавшія или замедлявшія преуспѣваніе бѣлорусской семинаріи. «Причины эти относятся, пишетъ онъ, или къ малому, обширности епархіи несоотвѣтствующему числу семинаристовъ, или къ недостатку пособій, необходимыхъ для полнаго успѣха въ наукахъ. Малое число учениковъ происходитъ: а) отъ неимѣнія никакихъ распоряженій, понуждающихъ духовенство къ отдачѣ дѣтей своихъ въ семинарію; б) отъ недостатка въ семинаріи классовъ. Науки преподаются въ тѣхъ же комнатахъ, въ коихъ живутъ семинаристы. Здѣсь, по большей части, вмѣсто скамей служатъ семинарскія кровати, вмѣсто столовъ — собственныя койки учениковъ. Кромѣ того, тѣснота, тяжелый воздухъ и самое непріятное помѣщеніе должны

устранять отъ семинаріи желающихъ помѣстить дѣтей своихъ оной на собственномъ иждивеніи, и даже затруднять само пріемленіе въ принятіи оныхъ; с) и болѣе всего отъ отдаленности для большей части духовенства, мѣстопребыванія епархіальной семинаріи, такъ что оно находитъ выгоду въ воспитаніи дѣтей своихъ въ близлежащихъ свѣтскихъ училищахъ. Первое устроилось бы воспрещеніемъ посвящать къ приходамъ перваго и втораго класса тѣхъ, кои неокончили полнаго курса наукъ, въ семинаріи преподающихся. Второе — приведеніемъ въ дѣйстви предположенной епископомъ Мартусевичемъ постройки особаго каменнаго двухъ-этажнаго дома съ 8-ю залами на классы, для коего матеріалы отчасти уже приготовлены, а отчасти готовятся. Третье — открытіемъ низшихъ духовныхъ училищъ въ мѣстахъ, болѣе уніатами заселенныхъ и отъ мѣстопребыванія епархіальной семинаріи отдаленныхъ. Недостатокъ пособій, необходимыхъ для полнаго успѣха въ наукахъ, состоитъ: а) въ недостаткѣ нужнаго числа книгъ, такъ что многіе изъ учениковъ должны терять время на отяготительную переписку; б) недостаткѣ машинъ и аппаратовъ, необходимыхъ для успѣшнаго преподаванія физическихъ и математическихъ наукъ; с) въ томъ, что не всѣ учителя достаточно приготовлены: они назначаются въ необходимости изъ только окончившихъ ученіе въ главной, епархіальной семинаріи, и едва пріобрѣвши нѣкоторую опытность, увольняются къ приходамъ, замѣняемые новыми, равно неукладными. По первому предмету, я предложилъ семинарскому правленію войти съ представленіемъ въ коллегію. Второй я отношу на начальниче благоусмотрѣніе оной же коллегіи, въ полномъ упованіи, что она не оставитъ устранить сей недостатокъ, около тысячи рублей требующій. Третье исправить только время и улучшение содержанія учителей, чѣмъ они могутъ быть постоянно привязаны къ исполненію своихъ должностей. Къ причинамъ препятствующимъ преуспѣванію бѣлорусской семинаріи, можно отнести также систему преподаванія въ оной богословскихъ наукъ и самый языкъ, на которомъ оныя изучаются. Сіи науки преподаются здѣсь въ томъ пространствѣ и по тѣмъ же книгамъ, какъ и въ виленскомъ университетѣ, не обращая вниманія ни на приготовленіе уніатовъ, ни на краткость времени, для сихъ наукъ въ семинаріи предопредѣленнаго, и я удостоившись на опытѣ, что мимо прилежнаго изученія латинскаго языка въ бѣлорусской семинаріи, изъ 14-ти воспитанниковъ оной, въ богословскому классу принадлежащихъ, едва 4 или 5 съ успѣхомъ могутъ продолжать на семъ языкѣ ученіе. Къ несчастію недостатокъ книгъ, коими бы можно замѣнить нынѣ употребле-

и, и въѣзными въкоренившимися мнѣніе, по всему латинскій языкъ считается для богословскихъ наукъ нужнымъ, еще надолго замедлитъ, хотя отчасти, полезное въ самъ отношеніи преобразованіе. О преподаваніи и изученіи русскаго языка Іосифъ писалъ, «изученіе его идетъ въ бѣлорусской семинаріи съ хорошимъ успѣхомъ. За малымъ исключеніемъ, какъ учащіе, такъ и учащія знаютъ оный, ежели не совершенно, то по крайней мѣрѣ достаточно, такъ что науки могутъ быть съ успѣхомъ на семъ языкѣ преподаваемы. И дѣйствительно почти всѣ предметы въ нашихъ училищѣ, а многіе и въ самой семинаріи, преподаются на руссомъ языкѣ».

О семинаріи литовской Іосифъ представилъ слѣдующія замѣчанія: «Семинарія литовская начала образовываться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ греко-унитской коллегіи по новому уставу, коего правила, введенныя въ употребленіе съ самаго открытія оной, въ точности соблюдаются; недостаетъ только навыка, который пріобрѣтается временемъ. Хотя въ учебной части и находятся еще нѣкоторые недостатки, но все необходимо по мѣстнымъ обстоятельствамъ и новому образованію семинаріи, а потому временемъ только и перемѣною обстоятельствъ могутъ быть исправлены, въ чемъ можно совершенно положиться на благоразуміе и усердіе ректора съ прочими членами правленія и учителями семинаріи. Юношество литовскихъ губерній вообще мало знакомо съ русскимъ языкомъ, потому поступающіе въ семинарію только почти начинаютъ этому обучаться. Сіе причиною, что въ высшихъ отдѣленіяхъ семинаріи, куда поступали воспитанники, продолжавшіе науки уже въ свѣтскихъ училищахъ, имѣютъ малое познаніе въ руссомъ языкѣ, но за то уѣздное духовное училище, при семинаріи существующее, превзошло мои ожиданія. Я нашелъ здѣсь самыя отличныя, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, успѣхи. Сами учителя, имѣвъ слабое только познаніе въ руссомъ языкѣ, съ прилежаніемъ и учатъ и изучаются оному. Положеніе литовской семинаріи есть самое благопріятное. Она находится почти въ средѣ епархіи, что облегчаетъ содержаніе своевоштныхъ воспитанниковъ. Всѣ препятствія, полагаемыя и новостью заведенія и мѣстными обстоятельствами, устранены или, по крайней мѣрѣ, ослаблены ревностнымъ, но вмѣстѣ и благоразумнымъ усердіемъ предсѣдателя тамошней консисторіи, Тупальскаго и ректора семинаріи Зубко. Въ настоящемъ году имѣлось уже 180 воспитанниковъ семинаріи, изъ нихъ 80 были на фундушевомъ содержаніи. Кромѣ сихъ значительныхъ успѣховъ литовской семинаріи, я замѣтилъ въ оной особенное рвеніе, такъ сказать, весь жаръ

рождающагося института. Учители, почти безъ исключенія, отличаются образованностью, примѣрнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ исполненію своего долга, а ученики — благонравіемъ и прилежаніемъ въ наукахъ. Отдавая справедливость учащимъ и учителямъ, я нахожѣ себя обязаннымъ представить благосклонное вниманію начальства главныхъ виновниковъ благоустроеннаго состоянія недавно открытой литовской семинаріи: предсѣдателя литовской консисторіи Тупальскаго и ректора семинаріи Зуби Денегъ и припасовъ всякаго рода поступило отъ комиссіи въ управленіе семинаріи въ теченіи года на 6,588 р. 51 коп. сер. Но здѣсь нельзя упустить изъ виду, что комиссія Жировицкой до сихъ поръ получала малозначущіе доходы отъ имѣній, бывшихъ въ вѣдѣніи епископа Головна; что она должна была даже всоумоществовать онымъ имѣніямъ изъ остальнаго фондуша, и что оною произведены значительныя починки и передѣлки бѣлшей части каедральныхъ строеній. Изъ осмотра частей, сѣ непочиненныхъ, я заключаю, сколь велики были издержки и старанія въ возобновленіи сихъ запущенныхъ прежде небрежностью зданій. За всѣми однакожъ сими издержками, комиссія имѣетъ еще въ остаткѣ наличными около 1,700 руб. сер., изъ коихъ она будетъ въ состояніи продолжать дальнѣйшія необходимыя починки каедральныхъ строеній и самой каедры. Совершенно можно положиться на усердіе и способности членовъ Жировицкой комиссіи въ изысканіи благонадежныхъ мѣръ къ умноженію способовъ для содержанія семинаріи отъ фондуша, въ ея управленіи состоящаго; она предположила съ 1-го будущаго сентября содержать полный, по штату назначенный, комплектъ 140 семинаристовъ на фондушевомъ иждивеніи, отчасти полнымъ, а отчасти столомъ и помѣщеніемъ. Строенія жировицкой каедры, по окончаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣлки, которою нинѣ комиссія занимается, будутъ достаточны для помѣщенія полного комплекта семинаріи. Касательно открытія съ 1-го сентября при кобринскомъ монастырѣ уѣзднаго духовнаго училища, я, бывъ лично въ городѣ Кобринѣ, сдѣлалъ нужныя распоряженія о постройкѣ дома на помѣщеніе означеннаго училища. Кобринскій архимандритъ Слободскій обѣщалъ кончить постройку къ означенному сроку. Впрочемъ, еслибы сверхъ чаянія помянутый домъ не могъ быть конченъ къ 1-му числу сентября, то правленіе имѣетъ распорядиться о наймѣ помѣщенія для фондушныхъ воспитанниковъ на счетъ монастыря, такъ что, во всякомъ случаѣ, кобринское уѣздное духовное училище будетъ открыто съ 1-го сентября сего года¹⁾.

¹⁾ См. вышеприведенное дѣло подъ № 18-мъ, годъ 1830-й. По уваженію коллежн

Читая отчетъ Сѣмашки о двухъ обрѣзванныхъ имъ унитскихъ семинаріяхъ, всякій легко замѣтитъ особенную его симпатію къ литовской или жировицкой семинаріи. Причина такого особеннаго расположенія Сѣмашки къ этой семинаріи можетъ объясняться тѣмъ, что въ ней вѣялъ совершенно новый духъ; здѣсь и начальники и наставники были люди одинакихъ убѣжденій и стремленій съ Іосифомъ; здѣсь не было противодѣйствія разнотію этихъ стремленій ни со стороны старыхъ формъ и традицій, которыя вліяли на семинарію бѣлорусскую, ни со стороны главнаго епархіальнаго начальника, ни со стороны плотно окружающаго и дающаго католицизма. Въ жировицкой семинаріи, стоящей въ уединенномъ мѣстѣ, спокойно и вольно развивался новый духъ, стремившійся къ уничтоженію уніи, проникъ умы начальниковъ и наставниковъ, и отъ нихъ передавался воспитанникамъ, а этими послѣдними своимъ отцамъ. Жировицкая семинарія была главною мастерскою и главнымъ центромъ развитія духа православно-русскаго. Пріѣзжающіе сюда духовные лица посѣщенія своихъ дѣтей и по дѣламъ официальнымъ слышали здѣсь новыя рѣчи, видѣли новую жизнь и новыя стремленія. Она, наконецъ, была главнымъ осуществленіемъ мыслей Іосифа, его любимымъ дѣтищемъ: вотъ почему къ ней всѣ симпатіи Іосифа, вся любовь его.

Всѣ враги православія въ западныхъ губерніяхъ понимали такое важное значеніе жировицкой семинаріи и всячески старались вредить ей.

Пресвященный Антоній въ своей статьѣ о греко-унитской церкви пишетъ, что «во время польскаго мятежа 1830-го года было сдѣлано усиліе закрыть жировицкую новоучрежденную семинарію. Всѣ зданія семинарскія, по указанію предводителя дворянства и чиновниковъ изъ поляковъ, были заняты русскимъ военнымъ госпиталемъ, хотя были въ городѣ Слонимѣ монастыри римско-католическіе (Жировицы въ 9-ти верстахъ отъ Слонима), а также вблизи былъ Бышенскій базилианскій монастырь съ огромными зданіями,—и вотъ жировицкая семинарія была закрыта. Несмотря на то, что вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе о немедленномъ вынесеніи изъ Жировицъ госпиталя, повелѣніе это не было исполнено до окончанія мятежа ¹⁾».

¹⁾ обѣ отправленіи викарнаго епископа Іосифа Сѣмашко для обозрѣнія греко-унитскихъ семинарій.

²⁾ См. въ «Вѣстникѣ Зап. Россіи, г. 1865, мѣсяцъ ноябрь, статья пр. Антонія.

³⁾ греко-унитской церкви въ Западной Россіи.

Недовольствуясь преобразованиемъ унитскихъ семинарій въ духѣ чисто православномъ, правительство возымѣло мысль, что бы лучшіе изъ унитскихъ семинаристовъ познакомились съ русскимъ духомъ въ высшихъ православно-духовныхъ заведеніяхъ. Предлогомъ въ такому дѣйствию было то, что правительство могло осуществить своей формально выраженной мысли объ основаніи греко-унитской академіи въ Полоцкѣ, частію по недостатку денежныхъ средствъ, частію по недостатку кандидатовъ изъ унитскихъ семинаристовъ, достойно приготовленныхъ для такого высшаго заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можно было взять кандидатовъ между унитскими семинаристами для унитской академіи, когда, напр., въ 1831-мъ году всѣхъ въ обѣихъ семинаріяхъ окончившихъ курсъ семинаристовъ было два человека, а въ 1833-мъ — 4-е ¹⁾. Въ официальныхъ бумагахъ инициатива этого дѣла приписывается унитской коллегіи, но по секретнымъ дѣламъ видно, что это была мысль Блудова, а можетъ быть и Сѣмашки, который былъ душою и главнымъ двигателемъ коллегіи ²⁾. Какъ бы то ни было, только 25-го февраля 1830 года греко-унитская коллегія имѣла такое разсужденіе, что открытіе въ Полоцкѣ греко-унитской духовной академіи можетъ замедлиться еще нѣсколько лѣтъ, какъ по причинѣ неимѣнія въ виду достаточнаго числа нужныхъ для оной профессоровъ и учителей, такъ по недостатку помѣщенія и даже средствъ для надлежащаго содержанія сего высшаго учебнаго заведенія; съ другой стороны, что съ прекращеніемъ воспитанія греко-унитскаго духовнаго юношества въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ прекратился источникъ, составлявшій для сего обряда небольшое число лицъ, съ высшими науками познакомившихся; а желая при этомъ имѣть постоянно достаточное число лицъ высшаго образованія для замѣщенія многочисленныхъ мѣстъ по епархіальному управленію и воспитанію духовнаго юношества какъ въ уѣздныхъ училищахъ, такъ и въ семинаріяхъ и предположенной въ Полоцкой академіи, она рѣшилась просить состоящаго въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ исходатайствованіи дозволенія, дабы, до открытія духовной академіи въ Полоцкѣ, греко-унитское духовное юношество, окончившее науки въ семинаріяхъ, могло быть посылаемо для дальнѣйшаго усовершенствованія въ здѣшнюю

¹⁾ См. Вѣдомость о числѣ окончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской, съ 1827, по 1848-й годъ.

²⁾ См. секретную записку для предварительнаго прочтенія г. членами.

с.-петербургскую духовную академію, такъ, чтобы въ началѣ слѣдующаго учебнаго года приняты были въ оную по два воспитанника изъ обѣихъ греко-унитскихъ семинарій, ибо, она, коллегія, отъ образованныхъ въ сей академіи духовныхъ греко-унитскаго обряда надѣется имѣть то особенное преимущество предъ воспитывающимися въ главной семинаріи, что они изучатся основательно русскому языку, и вполнѣдствіи не будетъ нужды воспитывать для греко-унитскихъ семинарій учителей сторонняго вѣдомства ¹⁾). Плату за воспитаніе въ духовной академіи унитскихъ семинаристовъ коллегія приняла на себя. Блудовъ конечно легко испросилъ у государя позволеніе привести въ исполненіе это намѣреніе унитской коллегіи. Сѣмашкѣ, какъ ревизору, вѣстно было избрать кандидатовъ изъ унитскихъ семинаристовъ для поступленія въ с.-петербургскую духовную академію. Избранные Іосифомъ студенты были: изъ бѣлорусской семинаріи Иванъ Симборскій и Стефанъ Васильевскій, — литовской Илдефонсъ Говорскій и Феликсъ Лукашевичъ. Но какъ новый учебный курсъ въ академіи начинается съ 15-го августа, а не съ февраля, то, чтобы избранные студенты не потратили напрасно и безъ пользы для себя время отъ февраля до августа, коллегія нашла полезнымъ помѣстить ихъ, до открытія учебнаго года въ петербургской духовной академіи, въ петербургскомъ университетѣ, съ платою за содержаніе ихъ по положенію изъ суммы, пожалованной государемъ на заведеніе академіи въ Полоцкѣ ²⁾). Такимъ образомъ, унитскіе клирики докончили свое воспитаніе въ двухъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но посылка Говорскаго, Лукашевича, Симборскаго и Васильевскаго въ петербургскую духовную академію не была единственнымъ и одиначнымъ явленіемъ; нѣтъ, напротивъ, съ этого времени начался непрерываемый рядъ посылокъ студентовъ унитскихъ семинарій не только въ петербургскую духовную академію, но и въ московскую, также въ университеты петербургскій, московскій и медико-хирургическую петербургскую академію. При такой системѣ воспитанія унитскаго юношества уже представлялось неразумнымъ допускать и позволять дѣтямъ греко-унитовъ получать образованіе въ католическо-польскихъ свѣтскихъ заведеніяхъ. Мало того: обращено было вниманіе правительства и на свѣтское унитское юношество, образующееся въ свѣтскихъ католическихъ заведеніяхъ.

¹⁾ См. въ арх. канц. об.-прок. св. синода дѣло подъ № 131-мъ г. 1830-й по разсужденію коллегіи о помѣщеніи въ адѣйшей дух. академіи четырехъ греко-унитскихъ клириковъ для усовершенствованія въ наукахъ.

²⁾ См. въ арх. канц. об.-прокур. св. синода дѣло подъ № 131-мъ г. 1830.

Въ 1834-мъ году генералъ-губернаторъ смоленскій, витебскій и могилевскій представилъ министру внутреннихъ дѣлъ что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ губерній бѣлорусскихъ гдѣ есть ученики греко-униты, законъ Божій преподають имъ римско-католическіе священники вмѣстѣ съ прочими питомцами римско-католиками по катихизисамъ сей церкви, на языкѣ польскомъ.

Князь Хованскій прибавилъ къ этому, что онъ удостовѣрился изъ многихъ дѣлъ своего управленія, что всѣ почти уклонившіеся въ латинство униты, суть воспитанники или римско-католическихъ духовныхъ, или хотя греко-унитскихъ священниковъ, но питомцевъ іезуитскихъ и бывшей главной римско-католической семинаріи въ Вильнѣ. Дабы положить преграды дальнѣйшему совращенію униатовъ, онъ требовалъ отъ администратора могилевской римско-католической епархіи, епископа Каміонко, предписанія подвѣдомственнымъ ему духовнымъ—отнюдь не преподавать ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія законъ Божій по римско-католическимъ катихизисамъ и вообще не дѣлать внушеній, несообразныхъ съ духомъ и постановленіями церкви восточной. Съ тѣмъ вмѣстѣ князь Хованскій относился къ бывшему попечителю бѣлорусскаго учебнаго округа, прося его имѣть наблюденіе за духовными учителями римско-католическаго исповѣданія, и въ случаѣ нарушенія ими правилъ вѣротерпимости, доводить о семъ до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальства, для поступленія съ виновными по законамъ. Князь Хованскій сообщилъ при томъ попечителю, не признаетъ ли онъ возможнымъ воспретить начальникамъ училищъ его вѣдомства принимать учениковъ греко-унитскаго исповѣданія въ тѣ училища, гдѣ законоучители по необходимости должны быть римско-католическіе духовные, а находящихся въ оныхъ греко-унитовъ перемѣстить въ другія училища, гдѣ они могли бы учиться закону Божию отъ своихъ или православныхъ священниковъ. Епископъ Каміонко въ отвѣтъ своемъ губернатору изъяснилъ, что греко-униты съ римско-католиками имѣютъ одни и тѣ же правила вѣры и догматы, и все различіе состоитъ лишь въ томъ, что одни совершаютъ богослуженіе на славянскомъ, а другіе на латинскомъ языкѣ, и притомъ униты держатся обрядовъ церкви восточной, которымъ и должны слѣдовать; что при такомъ понятіи о греко-унитахъ, римско-католическіе духовные не имѣли надобности внушать своимъ воспитанникамъ особенныхъ правилъ римско-католической церкви, совращать же ихъ въ свой обрядъ не могли вопреки существующимъ постановленіямъ церкви римской. При всемъ томъ онъ воспретилъ

духовнымъ своего вѣдомства, занимающимъ учительскія должности, преподавать ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія законъ Божій по книгамъ, содержащимъ правила римско-католической вѣры, и вообще дѣлать имъ внушенія, несообразныя съ духомъ и постановленіями восточной церкви, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ. Бывшій попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа съ своей стороны отозвался, что министр народнаго просвѣщенія, желая, дабы впредь вѣротерпимость въ точности была соблюдаема, предупрежденъ ропотъ и всякое стѣсненіе совѣсти, вмѣнилъ въ обязанность начальству бѣлорусскаго учебнаго округа касательно учениковъ греко-унитскаго исповѣданія, находящихся въ училищахъ, гдѣ нѣтъ священниковъ сего обряда, наблюдать, чтобъ порученіе преподавать имъ законъ божій греко-россійскимъ или римско-католическимъ священникамъ долженствуетъ согласоваться съ желаніемъ ихъ родителей и родственниковъ, и что училищное начальство обязано лишь наблюдать, чтобы преподаваніе закона божія происходило не иначе, какъ по катихизису, правительствомъ одобренному; а потому и въ настоящемъ случаѣ попечитель призналъ только себя въ правѣ подтвердить дирекціямъ витебской и могилевской о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія правила. Что касается до перемѣщенія учениковъ греко-унитскаго исповѣданія въ такія училища, гдѣ бы они могли слушать законоученіе отъ своихъ, или православныхъ священниковъ, то попечитель замѣтилъ, что по существующему издавна порядку училищное начальство предоставляетъ всѣмъ на волю избирать для воспитанія своихъ дѣтей то изъ публичныхъ учебныхъ заведеній, какое признаютъ они для себя удобнымъ.

Въ продолженіи переписки по сему дѣлу, князь Хованскій увѣдомилъ, что два ученика греко-унитскаго исповѣданія, обучающіеся закону божію въ гимназій при монастырѣ доминикановъ, въ Забалахъ, прислуживали въ ихъ церкви при латинскомъ богослуженіи, исповѣдывались у сихъ монаховъ, и одинъ изъ сихъ учениковъ приобщенъ св. тайнъ по римско-католическому обряду.

Принимая въ соображеніе какъ это обстоятельство, такъ и вообще вредъ, происходящій отъ допущенія римско-католическихъ священниковъ преподавать законъ божій ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія, князь Хованскій просилъ министерство, чтобъ оно распорядилось, чтобъ въ тѣхъ бѣлорусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ учителя закона божія исключительно римско-католическіе духовные, а ученики бываютъ, кромѣ рим-

скихъ католиковъ, и униаты, эти послѣдніе отнюдь не общались закону божію у римско-католическихъ священниковъ, но чтобъ училищное начальство старалось назначать въ такіе учебныя заведенія законоучителей греко-унитовъ или ихъ обрада священниковъ, или православныхъ. Но если бы это оказалось неудобнымъ или затруднительнымъ въ исполненіи, въ такомъ случаѣ предлагать родителямъ, особенно имѣющимъ достатокъ, отдавать своихъ дѣтей въ такія училища, въ которыхъ законоучители греко-унитскіе или православные священники. Тутъ же Хованскій доставилъ такого рода свѣдѣнія, что въ 17-ти училищахъ губерній Витебской и Могилевской, въ коихъ нѣтъ законоучителей греко-унитовъ, было въ 1834 году 55 учениковъ сего обрада разнаго званія. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ унитской коллегіи, по внимательномъ соображеніи, сдѣлать надлежащее распоряженіе касательно наставленія юношей греко-унитовъ въ законѣ божіемъ по свойственному имъ обряду.

Коллегія предписала обѣимъ греко-унитскимъ консисторіямъ и правленіямъ епархіальныхъ семинарій сдѣлать распоряженіе и строго наблюдать, чтобы всѣ дѣти священно- и церковно-служителей греко-унитскаго вѣдомства воспитывались непременно въ духовныхъ училищахъ уѣздныхъ и семинаріяхъ и отнюдь не были бы отдаваемы въ свѣтскія. Но какъ духовное греко-унитское начальство, писала коллегія, по обширности епархій, не имѣетъ средствъ само собою наблюдать съ полнымъ успѣхомъ за точнымъ исполненіемъ настоящихъ распоряженій, то она проситъ, дабы со стороны министерства народнаго просвѣщенія рѣшительно воспрещено было принимать въ гимназій и низшія свѣтскія училища священно- и церковно-служительскихъ дѣтей греко-унитскаго исповѣданія, да и въ высшія учебныя заведенія принимать греко-унитовъ духовнаго происхожденія не иначе, какъ по увольненіи епархіальными начальствами.

Что касается до учениковъ греко-унитскаго исповѣданія, въ другимъ званіямъ принадлежащихъ, то коллегія, не имѣя ни средствъ назначить для нихъ особыхъ законоучителей, ни права обязать родителей сихъ учениковъ воспитывать своихъ дѣтей въ духовныхъ греко-унитскихъ училищахъ, ходатайствуетъ о назначеніи содержанія такимъ законоучителямъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ это окажется нужнымъ и возможнымъ.

Хотя мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ не совсѣмъ сходилось съ мнѣніемъ коллегіи касательно способа воспитанія унитскихъ юношей свѣтскаго званія въ латинскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно онъ утверждалъ, что за сдѣланными уже распоряже-

ніями колегій касательно недопущенія греко-унитскому юношеству духовнаго званія воспитываться не въ своихъ, но въ постороннихъ свѣтскихъ училищахъ, остается только министерству предписать по его вѣдомству воспретить на будущее время принимать дѣтей греко-унитовъ духовнаго званія въ свѣтскія среднія и низшія училища, да и въ высшія училища допускать лишь только тѣхъ, кои представить увольнительные изъ духовнаго состоянія виды отъ епархіальныхъ своихъ начальствъ; что же касается до греко-унитскаго свѣтскаго званія, то какъ всѣ они, кромѣ небольшого числа бывшей шляхты и мѣщанъ, суть крестьяне помѣщичьи или казенные, которыхъ дѣти въ самомъ маломъ числѣ поступаютъ въ свѣтскія низшія учебныя заведенія, можно бы впредь до усмотрѣнія оставить этимъ людямъ на волю учиться, гдѣ они пожелаютъ и гдѣ для нихъ удобнѣе, хотя бы и желательно было, чтобы имъ преподаваемъ былъ законъ божій греко-унитскими духовными по катихизисамъ, изданнымъ отъ св. Синода: однако же правительство почло нужнымъ измѣнить и дополнить мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ нѣкоторыми особенными правилами.

Совершенно одобряя мнѣніе унитской коллегій о непринятіи дѣтей унитскихъ духовнаго званія въ свѣтскія училища безъ увольненія отъ духовнаго начальства, оно разрѣшило принимать дѣтей унитскихъ духовныхъ въ русскія православныя духовныя училища; мало того: разрѣшило и дѣтямъ свѣтскихъ унитскихъ родителей обучаться въ греко-россійскихъ духовныхъ училищахъ, гдѣ нѣтъ по близости свѣтскихъ собственно русскихъ по языку и по господствующему религіозному направленію училищъ. А относительно небольшого числа дѣтей свѣтскихъ унитскихъ родителей, обучавшихся въ свѣтскихъ училищахъ, для которыхъ назначать особыхъ законоучителей съ жалованьемъ изъ греко-унитскаго духовенства дѣйствительно неудобно, предоставлено унитскому духовному начальству располагать и родителей этихъ дѣтей, и мѣстныхъ унитскихъ священниковъ, чтобы наставленіе въ законъ божіемъ получали эти дѣти отъ сихъ священниковъ, хотя приватно, а не отъ латинскихъ.

Наконецъ, министру внутреннихъ дѣлъ велѣно было секретно отнестись къ министру народнаго просвѣщенія о секретномъ предписаніи начальникамъ тѣхъ свѣтскихъ училищъ, въ которыхъ обучаются дѣти унитскихъ родителей, чтобы въ случаѣ недостатка законоучителя изъ греко-унитскаго духовенства старались давать этимъ дѣтямъ такое направленіе, чтобы они слушали законъ божій у греко-россійскаго законоучителя по русскому катихизису, принятому и для греко-унитовъ, преимуще-

ственно предъ законоучителемъ латинскимъ, преподающимъ не на природномъ русскомъ языкѣ ¹⁾).

Около того времени collegia, узнавши о воспитывающихся въ свислочской гимназiи Гродненской губерни дѣтяхъ нѣкоторыхъ греко-унитскихъ священниковъ, предписала литовской консисторiи распорядиться объ отдачѣ ихъ въ епархіальную семинарію, или уѣздныя духовныя училища. Въ это же время она отклонила домогательство директора луцкой гимназiи продолжать въ ней ученіе сыну одного греко-унитскаго священника и другимъ ученикамъ унитскаго обряда, хотя они обучались закону божію у православнаго священника, замѣтивши, что дѣтямъ унитскихъ духовныхъ воспрещено учиться въ свѣтскихъ училищахъ не потому только, что они обучались тамъ закону божію у латинскихъ духовныхъ, но потому особенно, что они въ училищахъ свѣтскихъ не могутъ получать воспитанiя, соответственнаго званію, къ которому готовятся ²⁾).

Понимая всю важность воспитанiя духовнаго греко-унитскаго юношества, Сѣмашко постоянно слѣдилъ за нимъ и принималъ на себя трудъ лично обозрѣвать его семинаріи въ извѣстный періодъ времени. Такъ, въ 1834-мъ году Сѣмашко снова обозрѣвалъ унитскія семинаріи и снова произвелъ въ нихъ реформы и уничтожилъ въ нихъ послѣдніе остатки латинства и иезуитизма. Замѣтивши уклоненіе семинарскаго бѣлорускаго правленiя отъ нормы, положенной для приѣма воспитанниковъ на казенное содержаніе, Сѣмашко доносилъ, что «въ 1834-мъ году успѣхи воспитанниковъ въ преподаваемыхъ по семинаріи наукахъ вообще удовлетворительны, но особенное преуспѣаніе замѣчено по всѣмъ отдѣленіямъ и уѣзднаго при ней училища въ знанiи русскаго языка». Но для навыка въ правильномъ произношенiи, Іосифъ нашелъ полезнымъ выписать для бѣлорусской семинаріи еще нѣсколькихъ учителей, получившихъ воспитаніе въ духовныхъ академіяхъ, кои были бы руководствомъ въ сѣмъ отношенiи какъ для воспитанниковъ семинаріи, такъ и для самихъ нынѣшнихъ ихъ наставниковъ. «Но было бы, продолжаетъ Іосифъ, весьма полезно, еслибъ русскіе учителя были уроженцами западныхъ губерній, такъ какъ преимущество ихъ предъ уроженцами внутреннихъ губерній имперiи, по обстоятельствамъ греко-унитскаго обряда, рѣшительно уже замѣчено. Греко-унитское духовное юношество должно быть воспитываемо въ совер-

¹⁾ См. вѣствующую въ св. синодѣ записку для прочтенiя членамъ комитета по унитскимъ дѣламъ, и засѣданiя этого комитета.

²⁾ Тамъ же.

шенной увѣренности, что русскій языкъ есть для онаго отечественный. Между тѣмъ польскій языкъ слишкомъ еще здѣсь считается важнымъ, чтобы таковая увѣренность могла укорениться, а потому я считаю весьма нужнымъ прекратить по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ преподаваніе по семинаріи польскаго языка и его словесности, тѣмъ болѣе, что въ языкѣ семъ слишкомъ малая предстоитъ надобность въ Бѣлоруссіи, гдѣ знаніе русскаго языка вообще уже распространено даже между высшимъ классомъ общества. Еще болѣе нужнымъ кажется ввести въ употребленіе русскій языкъ для проповѣдыванія слова Божія при здѣшнемъ греко-унитскомъ кафедральномъ соборѣ. Одна только привычка можетъ уменьшать странность и непримечаніе проповѣдей, говоренныхъ въ семъ соборѣ воспитанниками и учителями семинаріи, а также прочимъ духовенствомъ, на языкѣ польскомъ, котораго греко-унитскій народъ почти не понимаетъ. По давнишнему обыкновенію, воспитанники бѣлорусской семинаріи слушаютъ ежедневно читанную мшу. Сіе нѣмое богослуженіе не можетъ приносить важной душевной пользы, но напротивъ частымъ повтореніемъ ослабляетъ спасительное впечатлѣніе, долженствующее быть послѣдствіемъ самаго важнѣйшаго церковнаго служенія. Кромѣ того, мши сіи приводятъ въ забвеніе торжественныя литургіи по обряду греко-восточныя нашей церкви и не доставляютъ воспитанникамъ возможности приучаться къ обрядамъ и церковному пѣнію, въ которому они вовсе недостаточно по семинаріи приготавливаются. Для сего я полагаю нужнымъ отмѣнить здѣсь ежедневное слушаніе читанной мши, съ тѣмъ, чтобы воспитанники семинаріи всякое воскресенье и праздничный день присутствовали у особой для нихъ ковершаемой торжественной литургіи и сами оную пѣли, такъ какъ сіе заведено уже съ прошлаго года въ семинаріи литовской. По предмету сему сдѣлано мною надлежащее внушеніе правленію семинаріи. Наконецъ, я считаю не излишнимъ обратить вниманіе коллегіи на оставшееся еще по бѣлорусской семинаріи обыкновеніе отъ господствовавшаго нѣкогда въ сихъ странахъ іезуитизма—это длинныя сюртуки съ красными сверху до самого низу пуговками, въ которые здѣсь одѣваютъ семинаристовъ, на казенномъ содержаніи состоящихъ, между тѣмъ какъ по уставу назначены для нихъ сюртуки и халаты, которые и употребляютъ всѣми по литовской семинаріи». Наравнѣ съ учебною частью, Сѣмашко замѣтилъ значительное улучшеніе противу прошлаго года и по частямъ нравственной и экономической. «Вездѣ, писалъ онъ, видно болѣе порядка, болѣе опрятности, болѣе довольства, и нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы

бѣлорусская семинарія, слѣдуя по нынѣшнему часу отъ часу къ лучшему, не дошла вскорѣ до соотвѣтствующаго своему назначенію полнаго усовершенствованія. Желательно только, чтобы мелочные элементы, оставшіеся здѣсь отъ долговременнаго чуждаго вліянія, могли быть вскорѣ искоренены и не смущали ужъ на будущее время юныхъ сердецъ противоположными чувствами. Не сомнѣваясь въ благонамѣренности просвѣщеннаго и во многихъ отношеніяхъ достойнаго ректора бѣлорусской семинаріи Михаила Шелепина, я полагаю его неспособнымъ дать твердое, новое направленіе общему духу воспитанія. Его характеръ соотвѣтствуетъ болѣе уединеннымъ занятіямъ ученаго, нежели дѣятельнымъ трудамъ духовнаго сановника, которому предстоитъ произвести важныя преобразованія¹⁾.

Наконецъ, унитскія духовныя училища до такой степени были преобразованы и до того уподоблялись православнымъ духовнымъ заведеніямъ, что признано было возможнымъ подчинить ихъ, наравнѣ съ православными, комиссіи духовныхъ училищъ. Болѣе смѣлаго шага сдѣлать было нельзя; болѣе тѣснаго союза между унитскимъ и православнымъ воспитаніемъ представить невозможно. Основаніемъ для такой мѣры служили такія обстоятельства: а) греко-унитской коллегіи съ занятіями, собственно ей принадлежащими по судебной и управительственной частямъ, неудобно соединять столько дѣятельности и столько вниманія къ подробностямъ по дѣламъ училищнымъ, сколько нужно, дабы поставить училища въ положеніе, соотвѣтственное предназначенной цѣли; б) подобное обстоятельство встрѣтилось и по управленію духовными дѣлами греко-россійскаго исповѣданія, такъ что необходимымъ признано дѣла училищныя отдѣлать отъ св. синода и на сей конецъ учреждена комиссія духовныхъ училищъ, для которой опытъ указалъ уже лучший способъ управленія; в) духовныя училища греко-унитскаго исповѣданія постановлено образовать совершенно одинаково съ греко-россійскими духовными училищами и на основаніи одного и того же устава, какъ имѣющихъ одну цѣль и пріуготовляющихъ воспитанниковъ къ проповѣданію слова божія и христіанскихъ истинъ на одномъ и томъ же языкѣ; г) соединеніе дѣйствій начальствующихъ лицъ греко-унитскаго духовенства и членовъ высшаго управленія греко-россійскихъ училищъ полезно будетъ въ томъ отношеніи, что мѣстныя свѣдѣнія первыхъ и опыты послѣднихъ въ семъ родѣ управленія могутъ доставлять наибольшее удобство

1) См. въ св. синодѣ совѣщанія комитета по унитскимъ дѣламъ.

по дѣламъ греко-унитскихъ духовныхъ училищъ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ засѣданіяхъ православной коммисіи духовныхъ училищъ вмѣстѣ съ православными іерархами стали являться и греко-унитскій митрополитъ Будгакъ и епископъ Іосифъ Сѣмашко. Это былъ послѣдній актъ преобразования унитскихъ учебныхъ заведеній и первый—публичнаго соединенія унитской церкви съ православною.

Мы уже говорили о той роли, которую играли греко-унитскіе монахи, извѣстные подъ именемъ базилианъ, въ унитскомъ вопросѣ. Въ этомъ ордентѣ былъ центръ и душа антагонизма соединенію уніатовъ съ православною церковью. Правительство не могло не знать силы этого своего врага, и не могло не обратить на него своего энергическаго и зоркаго вниманія. Въ разсматриваемую нами эпоху этотъ орденъ и по внутреннему своему духу, и по внѣшнимъ формамъ, почти ничего не имѣлъ восточнаго, но совершенно походилъ на одинъ изъ римскихъ монашескихъ орденовъ, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что въ немъ въ латинскому фанатизму, неотъемлемому и всегдашнему признаку и свойству латинства вообще и всѣхъ монашескихъ его орденовъ въ частности, примѣшивался еще фанатизмъ польско-политическій. Такимъ образомъ, базилиане были душою и главною силою всего антиправославнаго и антирусскаго. Всѣхъ базилианскихъ монастырей, за исключеніемъ женскихъ, которыхъ было немного; было въ разсматриваемое нами время 83. Число монашествующихъ восходило до 800 слишкомъ человѣкъ. Всѣ эти монастыри раздѣлялись на три базилианскія провинціи: бѣлорусскую, русскую и литовскую. Бѣлорусская провинція заключала въ себѣ монастыри, находящіеся въ губерніяхъ Витебской и Могилевской именно: витебскій, борисоглѣбскій, сиротинскій, махировскій, тадулинскій, доброгогорскій, умацкій, вержболовскій, безвоздицкій, пустынскій, бѣлоцервовскій, маривильскій, онуфріевскій, аршанскій, толочинскій. Русская провинція, или иначе называемая южная, состояла изъ монастырей, находящихся въ епархіяхъ кievской, подольской и полинской, именно: каневскаго, уманьскаго, лисянскаго, борскаго, поддубецкаго, почаевскаго, кременецкаго, дубенскаго, шильчанскаго, дорогобужскаго, гоцанскаго, луцкаго, жидичинскаго, бѣлостовскаго, тучинскаго, владимірскаго, загоровскаго, мелецкаго, пучинскаго, верховскаго, любарскаго, тригорскаго и овручьскаго. Литовская базилианская провинція содержала монастыри, находящіеся въ губерніяхъ Минской, Гродненской, Бѣлостовской области, Ви-

¹⁾ См. въ св. синодѣ засѣданія секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ.

ленской и Курляндской. Монастыри эти были слѣдующіе: березвицкій, поставскій, раковскій, сверженскій, ляденскій, казимировскій, логойскій, лецинскій, касушскій, суховицкій, селецкій, гродненскій, черліонскій, глушнянскій, бытєнскій, жировицскій, рожанскій, лысковскій, новгородскій, лавришовскій, вольнянскій, мирскій, даровскій, усперскій, кобринскій, тороканскій, антопольскій, хомскій, новоселецкій, брестскій, троцкій, супрасльскій, кузницкій, дрогичинскій, виленскій, борунскій, сутковскій, подубискій, брословскій, геліановскій, иллушанскій и якубштадтскій. Провинціалами базилианскихъ монастырей въ разсматриваемую эпоху были: — бѣлорусской провинціи Іосафатъ Мудровичъ, русской—Семень Бѣлиновичъ, литовской—Іосафатъ Жарскій. Первый находился въ мѣстечкѣ Вержболовъ, второй въ Кременцѣ, а третій въ городѣ Вильнѣ¹⁾. Начиная съ званія и имени провинціаловъ, всѣ должности и названія этихъ должностей въ базилианскомъ орденѣ были латинскія и польскія, какъ-то: генеральный въкарій, генеральный прокураторъ, суперіоръ, президентъ, вице-президентъ, депозитаріумъ, магистръ новиціевъ, *pater spiritualis*, префектъ, *janitor*, казначей, консулторъ и т. п. Монастыри были совершенно изъятъ изъ-подъ начальства архіерейскаго; деморализація, бродяжество, самовольство достигли крайней степени въ базилианскихъ монастыряхъ. Провинціалы ихъ были какими-то независимыми и неограниченными царьками. Злоупотребленіе церковнымъ имуществомъ, обращеніе этого имущества въ свою частную пользу или своихъ родныхъ, продажа ихъ евреямъ—были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ въ исторіи настоятелей и провинціаловъ базилианскихъ монастырей. А между тѣмъ въ рукахъ этого фанатическаго, развратнаго и опаснаго ордена были голова, сердце и совѣсть унитскихъ христіанъ западнаго нашего края. Правительство начало свое воздѣйствіе на базилианскій орденъ подчиненіемъ его власти епархіальныхъ архіереевъ и епархіальныхъ консисторій, и призваніемъ провинціаловъ базилианскихъ монастырей какъ бы къ участию въ епархіальномъ управленіи чрезъ производство въ члены епархіальныхъ консисторій, а на самомъ дѣлѣ поставивши ихъ подъ ближайшій и непосредственный надзоръ епархіальныхъ архіереевъ и епархіальныхъ консисторій²⁾.

По предложенію Блудова, коллегія унитская должна была составить особенную инструкцію для базилианскихъ провинціа-

¹⁾ См. вѣдомость, показывающую распредѣленіе базилианскихъ монастырей и фундушей, также въ канц. оберъ-прокур. св. синода дѣло подъ № 4-мъ, г. 1897-й.

²⁾ См. въ мин. вн. дѣлъ докладъ Блудова 17-го октября 1898-го года.

ювъ. Въ этой инструкціи говорилось, что «отнынѣ, во-1-хъ, всѣ дѣла по управленію монастырями присоединяются къ дѣламъ консисторіи; во-2-хъ, провинціалу надлежитъ вѣдать, что бѣлое и монашеское духовенство, соединяясь нынѣ подъ одно епархіальное начальство, долженствуетъ составлять одно тѣло, движимое духомъ усердія къ благу церкви греко-унитской и къ ревностному исполненію благодѣтельныхъ предначертаній правительства; въ-3-хъ, на семъ основаніи провинціалъ, какъ членъ консисторіи, пользуется высочайше предназначеннымъ ему правомъ представлять на общее разсужденіе консисторіи все, что онъ признаетъ нужнымъ для лучшаго устройства и для утвержденія благосостоянія обитателей его округа; въ-4-хъ, провинціалу, долженствующему имѣть вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о нуждахъ, порядкѣ, устройствѣ и вообще о состояніи монастырей своего округа, надлежитъ представлять на общее разсужденіе консисторіи: а) о принятіи на законномъ основаніи и о поставленіи монаховъ, имѣющихъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія; б) о перемѣщеніи монашествующихъ изъ одного монастыря въ другой; в) объ опредѣленіи ихъ къ какимъ-либо должностямъ въ монастыряхъ; г) о награжденіи монаховъ, отличившихся особенными заслугами и ревностію къ благу церкви греко-унитской; д) объ исправленіи монашествующихъ; е) о настоятеляхъ и другихъ лицахъ, кои будутъ замѣчены въ нерадѣніи вѣренными имъ обителями; ж) объ искорененіи безпорядковъ въ монастыряхъ; з) объ утвержденіи въ обителяхъ въ совершенной чистотѣ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ церкви греческой, и объ уничтоженіи всѣхъ чуждыхъ, несвойственныхъ основнымъ законоположеніямъ церкви греческой обрядовъ; и) объ охраненіи фундушей монастырскихъ и происходящихъ по сему предмету процессахъ; і) о постройкахъ и значительныхъ починкахъ въ монастыряхъ; к) объ употребленіи фундушевыхъ доходовъ; л) объ учрежденіи заведеній для греко-унитской церкви и государства полезныхъ, словомъ, представлять обо всемъ, что можетъ споспѣшествовать къ достиженію цѣли, предназначенной благодѣтельнымъ и попечительнымъ правительствомъ, и требовать содѣйствія, поощренія или исправленія, и въ чемъ провинціалъ имѣетъ уже точныя свѣдѣнія, или удостовѣрится во время осмотра монастырей, когда будетъ производить осмотръ онымъ съ дозволенія консисторіи; въ-5-хъ, представленія свои провинціалъ, въ случаяхъ маловажныхъ, можетъ дѣлать словесно, въ присутствіи консисторіи, но въ дѣлахъ важнѣйшихъ обязанъ входить съ представленіями письменными; въ-6-хъ, сіи представленія греко-унитская

духовная консисторія разрѣшаетъ на точномъ основаніи государственныхъ и церковныхъ законоположеній, а въ случаяхъ, превышающихъ ея власть, представляетъ греко-унитской духовной коллегіи; въ 7-хъ, впрочемъ, само собою разумѣется, что обязанность провинціала входитъ съ представленіями въ консисторію не лишаетъ оную права по прошеніямъ монаховъ, донесеніямъ настоятелей монастырскихъ и собственному ея усмотрѣнію дѣлать постановленія и распоряженія въ разсужденіи монастырей и монашествующихъ, которые, на основаніи высочайшихъ его императорскаго величества указовъ, подчиняются и консисторіямъ; въ 8-хъ, какъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ базилианскихъ имѣются греко-унитскіе приходы, для управленія коими назначаются монахи, и какъ особы по сей части представленія монастырскихъ настоятелей могутъ излишне затруднять консисторіи, то поставить непремѣннымъ правиломъ, чтобы имѣющіеся при монастыряхъ приходы и монахи, оными управляющіе, подлежали, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ вѣдѣнію и визитаціямъ мѣстныхъ декановъ, какъ сіе и нынѣ во многихъ мѣстахъ наблюдается; въ 9-хъ, коллегія надѣется, что провинціалы, движимые чувствами радѣнія о пользѣ и благѣ своей церкви и государства, постояннымъ усердіемъ и ревностнымъ служеніемъ потщатся оправдать оказанную имъ довѣренность и тѣмъ заслужить вниманіе начальства и одобреніе всѣхъ благомыслящихъ¹⁾».

Провинціалы понимали, что этими распоряженіями правительство сокращаетъ ихъ власть, а потому прибѣгали къ протестамъ, но этимъ еще болѣе усиливали мѣры правительства противъ себя и вызывали его еще къ дальнѣйшимъ; болѣе строгимъ и болѣе тонкимъ мѣрамъ. Такими протестами отличались особенно два изъ базилианскихъ провинціаловъ: бѣлорусскій Мудровичъ и литовскій Жарскій — двѣ горячія и рѣшительныя головы, но вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбивыя и трусливыя.

Мудровичъ обидѣлся новыми отношеніями къ нему консисторіи и жаловался на то, что полоцкая унитская консисторія обращается съ нимъ непочтительно. Вотъ что писалъ Мудровичъ по этому случаю: «Полоцкая унитская консисторія, со времени присоединенія бѣлорусскаго края къ Россіи, сносилась всегда съ базилианскимъ провинціаломъ сообщеніями до 1815-го года, а въ томъ году, по предложенію покойнаго архіепископа Красовскаго, данному ей во время нетрезвой его жизни, безъ вся-

¹⁾ Въ канцеляріи об.-прокурора св. синода дѣло подъ № 371-мъ, г. 1828-й, о порядкѣ выбора членовъ въ греко-унитскія консисторіи и о составѣ ихъ засѣданій.

аго законнаго основанія, по одной только ненависти къ бывшему провинціалу Смыковичу, начала посылать вмѣсто сообщеній указы наравнѣ съ настоятелями и простыми монахами, не взирая на то, что орденскіе начальники утверждаютъ высочайшею властью, и неподвластны епархіальнымъ епископамъ, тѣмъ менѣе консисторіямъ, продолжаетъ доселѣ ту же форму ношенія и съ нимъ, Мудровичемъ. И хотя онъ на сіе двукратно жаловался полоцкому епископу Мартусевичу и лично объяснялся съ предсѣдателемъ консисторіи, но представленія его остались безъ уваженія. А потому онъ проситъ: 1-е, учинить распоряженіе, дабы полоцкая консисторія сносилась съ нимъ такъ, какъ было до 1815-го года, сообщеніями, а не указами, и 2-е, ѣхать обстоятельство сіе въ главное управленіи, не отсылая на разсмотрѣніе въ коллегію, гдѣ присутствуютъ засѣдателями изъ блага духовенства, непріязненные монахамъ¹⁾). Къ этому Мудровичъ присоединилъ еще такое обстоятельство, что полоцкая консисторія съ семинаріей содержится на фундушъ полоцкаго базилианскаго монастыря, обращенный на этотъ предметъ, по ложному также представленію покойнаго митрополита Лисовскаго. За этотъ протестъ Мудровича коллегія положила отставить его отъ должности, отослать въ полоцкую каѳедру подъ строгій присмотръ мѣстнаго архіерея и консисторіи, впредь до разсмотрѣнія, а на его мѣсто выбрать другого²⁾. Только членъ коллегіи отъ монашества не согласился съ этимъ опредѣленіемъ, но это обстоятельство дало поводъ коллегіи и правительству нашему тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе дѣйствовать противъ силы и притязаній базилианскихъ провинціаловъ. Но видно было, что власть базилианскихъ провинціаловъ была уже поколеблена, и Мудровичъ крайне испугался своей горячей выходки, и писалъ Шишкову такое письмо: «Министръ! сенаторъ! адмиралъ! прости мнѣ великодушно, раскаявшемуся маленькому вѣрно-подданному величайшаго во вселенной государя! Или смягчи ударъ, можетъ быть, висящій надъ моею головою³⁾». Если мѣры правительства казались тяжелыми для честолюбія одного изъ провинціаловъ базилианскаго ордена, то у другого онѣ затрогивали чувство корыстолюбія и наносили вредъ и ударъ самоуправству и безконтрольному распоряженію провинціаловъ

¹⁾ См. въ канц. об.-прок. св. синода дѣло подъ № 348-мъ, г. 1827-й, о жалобѣ базилианскаго провинціала Мудровича на блага духовенства и на непріязненныхъ противъ оного выраженіяхъ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

фундушами базилианскаго ордена. Провинціалъ литовской провинціи базилианской, Жарскій, подалъ, 18-го марта 1828-го года, въ комиссію прошеній на имя государя императора жалобу на мѣры, предположенныя правительствомъ въ разсужденіи фундушей базилианскаго ордена. Просьба Жарскаго, конечно, оставлена была государемъ безъ уваженія, о чемъ дано было знать Жарскому и унитскимъ консисторіямъ¹⁾. Обстоятельства политическія и поведеніе монаховъ базилианскаго ордена въ польскій мятежъ какъ бы силою влекли правительство къ принятію самыхъ рѣшительнѣйшихъ мѣръ противъ этого ордена, вообще и противъ его провинціаловъ въ частности. Дѣло состояло въ томъ, что во время польскаго мятежа не только базилиане, но и провинціалы ихъ не могли внушить своимъ поведеніемъ довѣрія къ нимъ нашему правительству. Жарскій, какъ болѣе другихъ горячая голова, болѣе другихъ дѣйствовалъ неосторожно въ это время: безъ всякаго позволенія ѣздилъ онъ въ Варшаву²⁾, неблагоразумно повторялъ публично недѣльные слухи, разсѣваемыя тогда въ западномъ краѣ разными людьми неблагонамѣренными и легкомысленными³⁾,—и вотъ, 1-го апрѣля 1831-го года, графъ Чернышевъ объявилъ Блудову высочайшее повелѣніе такого рода: чтобы Блудовъ, не упуская времени, подъ благовиднымъ предлогомъ, вызвалъ въ Петербургъ Жарскаго. Унитская коллегія сдѣлала немедленное распоряженіе о вызовѣ Жарскаго, будто бы для объясненій по дѣламъ, касающимся базилианскаго ордена⁴⁾. Жарскій понялъ опасность, сказался больнымъ лихоракою и затверденіемъ печени и подъ этимъ предлогомъ отказывался ѣхать въ Петербургъ. Слонимскій уѣздный лекаръ Пучковскій далъ свидѣтельство Жарскому, удостоверяющее въ дѣйствительности его болѣзни. Правительство давало видъ, что оно вѣритъ болѣзни Жарскаго и оставляетъ его въ покоѣ, а въ то же время предписываетъ главнокомандующему резервной арміей и временному виленскому губернатору учредить тайный надзоръ за дѣйствіями Жарскаго⁵⁾. Но наконецъ Жарскій прибылъ⁶⁾ въ

¹⁾ См. въ синод. арх. дѣло изъ унитск. архива подъ № 85-мъ, объ оставленіи безъ уваженія прошенія провинціала Жарскаго въ разсужденіи фундушей базилианскаго ордена.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ синод. арх. дѣло изъ унитск. арх. подъ № 112-мъ, г. 1828-й, по разсужденію коллегіи о истребованіи отъ провинціала объясненія, по чьему дозволенію онъ отлучался въ Варшаву.

⁴⁾ Въ мин. вн. дѣлъ докладъ за 1831-й годъ, № 17-й, 26-го іюля.

⁵⁾ Тамъ же докладъ 1-го августа 1831-го года.

⁶⁾ Докладъ подъ № 17-мъ, 1831-го года, 26-го іюля.

Петербургъ. Теперь онъ находился совершенно въ рукахъ правительства, а потому съ нимъ стѣсняться было нечего — положено было уничтожить въ орденѣ базилианскомъ званіе провинціаловъ, какъ несвойственное для восточнаго монашескаго ордена, тѣмъ болѣе, что теперь это званіе носилъ только одинъ Жарскій, такъ какъ Мудровичъ и Бѣлинкевичъ померли. Чтобы позолотить и подсластить эту горькую для него и всего базилианскаго ордена пилюлю, правительство показывало Жарскому, что оно вполне ему довѣряетъ и принимаетъ его услуги. Жарскій теперь былъ совершенно одураченъ: онъ думалъ сразу, какъ говорить, убить двухъ зайцевъ, но опустилъ обоихъ — онъ думалъ еще спасти привилегію своего ордена и въ то же время подѣлаться къ правительству, но не достигъ ни того, ни другого. Въ Петербургѣ Жарскій скоро почувствовалъ, что здѣсь не Вильна; что здѣсь не мѣсто протестаціямъ, а нужно какъ-нибудь снискать благосклонность правительства и дѣйствіями въ видахъ правительства заставить забыть свое прошлое и пріобрѣсть себѣ задатки успѣховъ въ будущемъ. Но прерогативы власти провинціаловъ были для него такъ обаятельны и имѣли столько въ себѣ прелести, что хотѣлось бы хотя въ нѣкоторой мѣрѣ сохранить ихъ и удержать для себя. Подъ вліяніемъ такихъ чувствованій Жарскій пишетъ письмо къ князю А. Н. Голицыну, гдѣ говоритъ, что желаніе блага своему ордену и совершенное убѣжденіе, что предположенія его касательно устройства на предбудущее время сего сословія, согласны съ совѣстью и пользою государства, побудили его раскрыть мысли предъ правительствомъ со всею откровенностью. Не объясняя въ письмѣ своемъ и запискѣ, при немъ приложенной, въ чемъ заключаются его предположенія, онъ изъяснялъ только, что нужно его назначить визитаторомъ всѣхъ трехъ базилианскихъ провинцій и принять слѣдующія мѣры: 1) чтобы, до окончанія визитаціи, коллегія греко-унитская и консисторія ея вѣдомства не только не перемѣняли настоятелей, не перемѣщали монаховъ, имѣющихъ инныя должности, но остановили всѣ распоряженія касательно монастырей базилианскихъ; если же визитаторъ найдетъ нужнымъ сдѣлать какія-либо перемѣны, то ему сіе предоставить, кромѣ назначенія настоятелей, о перемѣнѣ коихъ обязанъ онъ представлять на разрѣшеніе коллегіи; 2) визитаціи произвести въ скорѣйшемъ, по возможности, времени и на счетъ доходовъ, кои для сего обыкновенно были употребляемы провинціалами трехъ провинцій ордена базилианскаго; 3) визитаторъ, обязываясь представить о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть полезны ордену базилиановъ и государству, считаетъ нуж-

нымъ во время визитаціи: а) вникнуть въ монашескую дисциплину, соблюдается ли она въ точности съ постановленіями, данными ордену, и если найдетъ упущенія, обязывается раскрыть причины и принять мѣры къ исправленію безпорядковъ; б) рассмотреть въ подробности, соблюдаются ли въ точности обряды церкви восточной, и если окажутся какія-либо отступленія, узвать причину оныхъ и вмѣстѣ изыскать способъ привести все въ надлежащее первоначальное устройство; в) войти въ ближайшее рассмотрение состоянія каждаго монастыря, принадлежащихъ оному имѣній, капиталовъ и въ особенности обратить вниманіе на дѣйствія настоятелей въ употребленіи ими доходовъ монастырскихъ; г) какъ изъ неоднократнаго возвращенія базилиановъ изъ своего ордена въ римско-католическій обрядъ, изъ коего они происходятъ, видно, что къ сему переходу ведетъ ихъ не внутреннее убѣжденіе, а пустые предлоги, или ложное толкованіе распоряженій правительства, посему, съ назначеніемъ нынѣшняго визитатора, переходъ или возвращеніе базилиановъ въ римскій обрядъ допускать не иначе, какъ съ его разрѣшенія, по предварительномъ изслѣдованіи причинъ, и притомъ въ такой орденъ, коего правила болѣе строги, нежели въ базилианахъ; д) по окончаніи визитаціи, мнѣніе о лучшемъ устройствѣ ордена базилианскаго визитаторъ имѣетъ доставить сюда для представленія на высочайшее благоусмотрѣніе¹⁾.

Голицынъ представилъ письмо и записку Жарскаго государю императору; Блудову высочайше повелѣно было составить свое заключеніе о предположеніяхъ Жарскаго. Мнѣніе Блудова такъ замѣчательно, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ. «Не касаясь того, докладывавъ государю Блудовъ, въ какой степени можно имѣть довѣренность къ человѣку, котораго поступки и дѣйствія съ одной стороны ознаменованы легкомысліемъ и опрометчивостью, а съ другой двусмысленнымъ, неосторожнымъ поведеніемъ въ минувшее время волненій въ Литвѣ, я нахожу нужнымъ довести до высочайшаго свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что съ самаго того времени, когда по вашимъ указаніямъ приняты мѣры, чтобъ уменьшить вредное на унию вліяніе монашескаго базилианскаго ордена, въ который допускались, и всегда въ важнѣйшимъ должностямъ, люди римско-католическаго исповѣданія, наиболѣе распространявшіе и укоренявшіе духъ и правила онаго между унитами, архимандритъ Жарскій не переста-

¹⁾ Изъ бумагъ Иванова — о предположеніяхъ провинціала ордена базилиановъ Жарскаго.

мать помогать, чтобъ было возстановлено прежнее господство и вліяніе сего ордена на унію.

Представленія и жалобы его по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества были оставлены безъ уваженія. Видя неудачу и безуспѣшность своего противодѣйствія основательнымъ, твердымъ и благоразумнымъ распоряженіемъ коллегіи греко-унитской, Жарскій, какъ видно, дабы поддержать клонящійся къ совершенному упадку орденъ базилиановъ, свою въ ономъ значительность и выгоды, изыскивалъ разные способы и, наконецъ, остановился на мысли сохранить его существованіе присоединеніемъ условнымъ къ православію, или, по крайней мѣрѣ, къ вѣдѣнію російскаго святѣйшаго синода. Съ одной стороны, существенная польза государства допускаетъ принять предлагаемыя Жарскимъ услуги; въ надеждѣ чрезъ сіе если не достигнуть, то хотя приблизиться къ предположенной цѣли, несмотря на сомнительность успѣха, съ другой—однакожь нельзя не замѣтить, что слухъ о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Жарскаго, какъ дознаннаго отъ правительства чловѣка, въ обителяхъ базилианскихъ, находящихся во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, можетъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе на многочисленное бѣлое греко-унитское духовенство, которое въ принятыхъ доселѣ мѣрахъ видитъ залогъ своего благоденствія. Нельзя не замѣтить также, что визитація всѣхъ безъ изыатія монастырей базилианскихъ, разбѣянныхъ въ десяти губерніяхъ, и особливо входя во всѣ подробности, какъ онъ предполагаетъ, потребовала бы весьма много времени. Изыскивая вѣрнѣйшія, по моему мнѣнію, средства, дабы успѣхъ предполагаемыхъ Жарскимъ мѣръ былъ менѣе сомнителенъ и чтобы отклонить по возможности неудобства, съ предположеніями его неразлучныя, и даже самый вредъ, который можетъ произойти отъ неудачи неумышленной или и умышленной его дѣйствій и переговоровъ я полагалъ бы:

«1) Архимандрита Жарскаго теперь же назначить членомъ въ греко-унитскую коллегію на мѣсто архимандрита мѣлцецаго монастыря Быстраго, который болѣе года находится въ отпуску въ Волынской губерніи и по преклоннымъ своимъ лѣтамъ проситъ увольненія; о чемъ ходатайствуетъ и коллегія греко-унитская въ полученномъ мною только сего дня представленіи.

«2) Съ назначеніемъ архимандрита Жарскаго членомъ коллегіи, можно будетъ привести въ исполненіе удостоенное уже высочайшаго одобренія вашего императорскаго величества предположеніе упразднить, какъ ненужную и несогласную съ правилами церкви восточной, должность провинціала базилианскихъ монастырей въ Литвѣ, которую Жарскій одинъ только имѣетъ

по смерти двухъ другихъ провинціаловъ, бѣлорусскаго и русскаго, называемыхъ такъ по прежнему раздѣленію монастырей базилианскихъ на три отдѣльныя провинціи. Такое распоряженіе не будетъ препятствовать отправленію Жарскаго для визитаціи монастырей, но не всѣхъ, а важнѣйшихъ, коихъ число можно опредѣлить, равно какъ и окончательный для визитаціи срокъ, если сіе предположеніе удостоится одобренія и утвержденія вашего императорскаго величества.

«Онъ будетъ производить сію визитацію въ качествѣ члена коллегіи съ особенною инструкціею, въ коей помѣстить §§ 2, 3, 4, 5 и 6. Что касается до § 1 проекта архимандрита Жарскаго, онъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ войти въ инструкцію; но для успокоенія его можно будетъ ему объявить, что во время его визитаціи коллегія и министерство не будетъ дѣлать никакихъ перемѣнъ въ составѣ и образованіи базилианскихъ обителей.

«Всеподданнѣйше представляя сіи замѣчанія и предположенія на усмотрѣніе вашего императорскаго величества, считаю долгомъ присовокупить, что если вамъ благоугодно будетъ одобрить вышеозначенное предположеніе объ отправленіи Жарскаго для визитаціи, то во всякомъ случаѣ кажется необходимо нужно сообщить главнымъ начальникамъ западныхъ губерній, имѣть тайное наблюденіе за его поступками, хотя я и не надѣюсь вполне на успѣхъ сей мѣры, ибо тамошнія обители недоступны для надлежащихъ наблюденій полиціи и въ оныхъ, какъ опытъ удостовѣряетъ, производились скрыто многіе вредные замыслы, обнаруженные уже впоследствии и случайно.

«При семъ считаю долгомъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести, что Жарскій, который въ письмѣ своемъ признаетъ необходимымъ скрывать его намѣренія отъ бѣлаго греко-унитскаго духовенства, самъ, какъ мнѣ достоверно извѣстно, по легкомыслію или хвастливости не могъ утаить предъ нѣкоторыми членами коллегіи своихъ видовъ, обнаруживая, хотя впрочемъ только намеками, предполагаемую перемѣну въ устройствѣ правленія монастырей базилианскихъ¹⁾».

Государь утвердилъ предположенія Блудова 16-го февраля 1832 года, и того же числа послѣдовалъ на имя Блудова указъ объ уничтоженіи званія провинціаловъ въ базилианскомъ ордентѣ. «Постановивъ указомъ нашимъ, гласилъ указъ, даннымъ правительствующему сенату 22 апрѣля 1828 года, главныя основанія устройства правленія церкви греко-унитской, мы, сообразно съ

¹⁾ См. вышеприведенную бумагу изъ бумагъ Иванова.

скими, по особому повелѣнію нашему 17 октября того-жъ года повелѣли: къ дѣламъ консисторій греко-унитскихъ присоединить всѣ тѣ, кои касаются монашескаго провинціального управленія, и для лучшаго разсмотрѣнія сихъ дѣлъ предназначили къ засѣданію въ консисторіяхъ допустить членовъ отъ монашества, предоставляя, впредь до выбора и опредѣленія сихъ особыхъ членовъ, вмѣсто ихъ участвовать въ совѣщаніяхъ консисторій бывшимъ тогда тремъ базилианскимъ провинціаламъ. Нынѣ, за кончиною двухъ изъ сихъ провинціаловъ и съ назначеніемъ послѣдняго изъ нихъ, архимандрита Іосафата Жарскаго, членомъ греко-унитской духовной коллегіи, признавая ненужнымъ сохранять въ церкви греко-унитской сіе несвойственное монашеству чина св. Василія Великаго званіе провинціаловъ, повелѣваемъ оное навсегда отиѣнить и приступить къ избранію членовъ отъ монашества, имѣющихъ засѣдать въ консисторіяхъ, на основаніи указа нашего 17 октября 1828 года ¹⁾».

Интересы Жарскаго, такимъ образомъ, были разобщены съ интересами ордена; въ коллегіи онъ долженъ былъ волею-неволею слѣдовать общему движенію членовъ ея, чтобы не скомпрометировать себя предъ правительствомъ, т.-е. отказаться и отречься отъ интересовъ своего ордена и его тенденцій, а идти путемъ, указаннымъ ему правительствомъ и общающимъ въ будущемъ много выгодъ для его честолюбивой головы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени мы видимъ Жарскаго уже викарнымъ унитскимъ епископомъ, идущимъ вмѣстѣ съ Сѣмашко, Зубко, Лужинскимъ и другими къ той цѣли, къ какой направляло ихъ правительство. Съ Жарскимъ кончилось званіе базилианскихъ провинціаловъ и отнята была у этого ордена одна изъ могущественныхъ враждебныхъ силъ правительству, или лучше, эта сила поставлена была теперь такъ, что она была не противъ насъ, а за насъ.

Еще до уничтоженія званія провинціаловъ въ базилианскомъ орденѣ замѣнены были католическія званія другихъ должностей въ этомъ орденѣ восточно-православными; въ 1829-мъ г., по предложенію Блудова, греко-унитская коллегія положила, чтобы отнынѣ никто изъ духовныхъ въ базилианскихъ монастыряхъ не осмѣливался именоваться несвойственно для монашества занимаемымъ званіемъ президентовъ и вице-президентовъ, но чтобы повсюду въ обителяхъ употребляемы были званія, согласныя съ уставами греко-унитской церкви и государственными законо-

¹⁾ Въ Св. Синодѣ въ греко-унитскомъ отдѣлѣ дѣло 1832 года по указу правительствующаго сената объ отиѣніи въ греко-унитскомъ монашествѣ званія провинціаловъ и о избраніи членовъ изъ сего монашества для засѣданія въ консисторіяхъ.

положеніями. Этимъ же предложеніемъ запрещалось употреблять слово «Опатъ» вмѣсто названія архимандритъ и игуменъ, которое совершенно вышло изъ употребленія въ базилианскомъ орденѣ ¹⁾. Но вышеприведенныя мѣры правительства по отношенію къ базилианскому ордену были еще мягки сравнительно съ тѣми, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе.

Польскій мятежъ 1830 года обнаружилъ всю мѣру зла, вмѣщаемаго въ себѣ базилианскимъ орденомъ; это былъ орденъ, какъ обнаружилось изъ его поступковъ во время польскаго мятежа, не только фанатически враждебный православію, но и нашему правительству. Базилианскіе монахи оставляли свои монастыри и бѣжали въ польскія шайки, сражались въ рядахъ мятежниковъ съ нашими войсками, говорили возмутительныя рѣчи, распускали самыя нелѣпыя слухи о Россіи, печатали мятежническіе манифесты въ своихъ типографіяхъ, нѣкоторые изъ нихъ съ шайками мятежниковъ нападали на свои монастыри и грабили ихъ ²⁾. Напрасны были воззванія унитскаго митрополита Булгака, который писалъ по случаю польскаго мятежа такое окружное посланіе: «Іосафатъ Булгакъ, митрополитъ греко-унитскихъ церквей духовенству бѣлому и монашествующему, также всѣмъ вѣрнымъ паствы нашей миръ и архипастырское благословеніе. Всѣмъ уже извѣстны плачевныя происшествія въ царствѣ польскомъ. Народъ, возрожденный, устроенный, облагодѣтельствованный Александромъ и Николаемъ, вовлеченъ въ дѣйствія самой ужасной неблагодарности. Народъ, славившійся вѣрностью къ своимъ монархамъ, очерненъ измѣною. Народъ, ко-го благополучію еще недавно завидовали, стоитъ надъ пропастью бѣдствій. Насъ только утѣшаетъ надежда, что виновники настоящихъ происшествій составляютъ самую незначительную часть польскаго народа. Нѣсколько людей безъ вѣры и чести, подвизавшихся въ ужасахъ французской революціи; нѣсколько честолюбцевъ, все приносящихъ въ жертву своему высокоумію, нѣ-

¹⁾ Въ синод. арх. отд. греко-унит. дѣло 1829 года по усмотрѣнію коллегіи о употребленіи въ обителяхъ базилианскихъ монастырей названій настоятелей президентами и вице-президентами.

²⁾ Въ Св. Синод. отд. греко-унитск. дѣло 1831 года по рапорту литовской консисторіи о причиненныхъ іеромонахомъ Вишневскимъ съ шайкою мятежниковъ Гельновскому монастырю убыткахъ; дѣло 1831 года по рапорту литовской консисторіи о донесеніи главноуправляющему касательно взятія подъ арестъ іеромонаха Бучинскаго;—дѣло 1831 года по рапорту епископа Мартусевича о принужденіи митовниками священниковъ греко-унитскихъ провозглашать всеобщее возстаніе и о присоединеніи къ нимъ священника Еленскаго; дѣло 1832 года по предложенію министра в. д. о монахахъ ордена базилиановъ Сенкевичъ, принимавшемъ участіе въ возмущеніи.

олько легкомысленныхъ юношей, ни причинъ, ни послѣдствій спонимающихъ; нѣсколько расточителей, надѣющихся въ облахъ бѣдствій спасти себя отъ конечнаго разоренія, воору- жившихъ чернь варшавскую, присвоивъ права законной власти, грахомъ и злыми навѣтами влекутъ соплеменный намъ поль- ский народъ къ погибели и посрамленію. Въ сію годину печали искушенія долгъ попеченія о благѣ вѣренной намъ отъ Бога исты заставляетъ насъ обратиться къ греко-унитскому духо- нству словами Спасителя, къ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ преченнымъ: бдите и молитесь, да не внидите въ напасть! Бди- те, да злые навѣты не достигнутъ въ сердцахъ вашей паствы; сѣятели лжи не найдутъ пути къ ослѣвленію оной. Молитесь, Всевышній просвѣтитъ омраченныхъ, вразумитъ заблудшихъ, и разрушитъ закоснѣвшихъ въ злоумышленіи; да ободритъ и утвердитъ всѣхъ благомыслящихъ, и усиліями ихъ да отвратится злое зло отъ любезнаго отечества нашего. Боже всемогущій! допусти, чтобы греко-унитская церковь, попеченіемъ Николая го, устрояемаго въ премудрыхъ его начертаніяхъ къ славію благоденствію назначенная, была осквернена хотя однимъ из- вѣнникомъ и вѣтвопреступникомъ; воздвигни всѣхъ членовъ и старей въ оной къ единодушному усердію быть поборниками пра и тишины, къ нарушенію коихъ стремятся злоумышлен- ни. Не отвержи моего прошенія; у гроба уже стоя, молю тебя, же всемогущій ¹⁾». Ниже помѣчено: «Воззваніе сочинялъ Сѣ- шевъ, а на польскій языкъ перевелъ его Лужинскій». Напрасно же правительство обнародовало законъ, по которому всѣ ду- шные, причлвившіеся въ измѣнѣ, были судимы по полевому оловному положенію; монахи базилианскаго ордена наравнѣ съ римско-католическими духовными безстрашно принимали участіе въ мятежѣ. Особенною ревностью къ польскому дѣлу отлича- лись монахи двухъ знаменитыхъ базилианскихъ монастырей — ружьскаго и почаевского ²⁾. Викарій перваго изъ этихъ мона- хрей Барчинскій участвовалъ самъ лично въ мятежѣ; враж- бное свое чувство къ правительству обнаружилъ даже въ до- сеніи своемъ, въ которомъ старался очернить дѣйствія войскъ

¹⁾ Въ М. Вн. Д. книга докладовъ за 1880-й годъ.

²⁾ Въ М. Вн. Д. докладъ Блудова 1831 года 11 сентября, о монахахъ оверу- чнаго монастыря, принимавшихъ участіе въ мятежѣ.—Докладъ того же года 14 сен- бра, о конфискаціи имѣній римско-католич. и унитск. монастырей, коихъ члены всѣ и болѣею частью изобличаются въ явномъ содѣйствіи преступнымъ замысламъ мя- тежниковъ польскихъ, и обращенія самыхъ обитателей въ вѣдомство духовенства пра- славной церкви.

русскихъ, уничтожившихъ скопища мятежниковъ, и ходатайствовалъ объ освобожденіи тѣхъ монаховъ, коихъ участіе въ мятежѣ подтверждается собственнымъ ихъ признаніемъ. Овручскіе монахи вмѣстѣ съ членомъ овручской административной комиссіи, каноникомъ Сѣроцинскимъ, выходили встрѣчать мятежниковъ при вступленіи ихъ въ Овручъ; сами присягали имъ, приводили къ присягѣ другихъ; служили молебны объ успѣхахъ бунтовщиковъ, отбившихъ рекрутскую партію. Каноникъ Сѣроцинскій предписывалъ эконому имѣній монастырскихъ доставлять въ помощь мятежникамъ 150 вооруженныхъ крестьянъ и 10 лучшихъ лошадей, угрожая за неисполненіе строгою отвѣтственностью предъ начальниками народнаго возстанія. Монахъ Дверницкій развѣзжалъ съ мятежниками съ крестомъ и пистолетомъ въ рукахъ; онъ взятъ былъ въ сраженіи и въ повозкѣ его найдено семь ружей. Монахъ Дидковскій также находился вооруженный среди мятежниковъ, ночевалъ при устроенныхъ имъ орудіяхъ, и двухъ русскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, склонялъ къ присягѣ мятежникамъ, приставя къ груди пистолетъ. Монахъ Стрѣльбицкій вырѣзалъ для мятежниковъ на мѣди печать съ одноглавымъ орломъ и занимался устроеніемъ привезенныхъ ими заклепанныхъ орудій; словомъ, каждый изъ упомянутыхъ въ донесеніи Бучинскаго монаховъ болѣе или менѣе принималъ участіе въ бунтѣ, а потому или содержался подъ стражею, или находился подъ присмотромъ полиціи. Монахи почаевского монастыря показали себя такими же, какъ и овручскіе. Почаевскіе базилиане торжественно встрѣчали одного изъ предводителей мятежниковъ польскихъ, Дверницкаго, при вступленіи его въ Почаевъ, совершали молебствіе о его успѣхахъ и допустили напечатать въ своей типографіи, или, какъ вѣроятно, сами напечатали возмутительныя воззванія къ жителямъ; наконецъ, при удаленіи Дверницкаго, восемь членовъ общины, кромѣ значительнаго числа монастырскихъ служителей, присоединились къ скопищу мятежниковъ.

Главнокомандующій первой арміей графъ Савенъ и генералъ-адъютантъ Левашевъ, ближайшіе и непосредственные свидѣтели всѣхъ поступковъ католическаго и унитскаго монашества во время польскаго бунта, первые высказали мысль закрыть тѣ монастыри, въ которыхъ монахи изобличены въ участіи въ мятежѣ, и такимъ образомъ первые подали правительству нашему мысль предпринять тѣ мѣры противъ базилианскихъ монастырей, которыя предприняты были впоследствии. Левашевъ выражался самымъ энергическимъ образомъ по этому случаю и доносилъ,

«при общемъ взглядѣ на всѣ поступки римско-католическихъ унитскихъ монаховъ, обнаруженные доселѣ, въ дѣлахъ о мятежникахъ, нельзя не убѣдиться, что отступленіе ихъ отъ принятыхъ ими обѣтовъ и нарушение вѣрноподданнической присяги происходитъ отъ глубокаго непріязненнаго ихъ чувства къ правительству русскому и отъ гнусной неблагодарности къ благоутробнымъ его объ нихъ попеченіяхъ; что сін, подъ личиною смиренія исполненные духа вражды, изступленные фанатики, ищущіе господства своего вѣроисповѣданія надъ всѣми другими, по высшей степени образованія и по избытку достоянія монастырскаго овладѣвъ умами своихъ единовѣрцевъ, имѣютъ всѣ споры воспламенять къ ересьнымъ замысламъ, распространять и содѣйствовать ихъ исполненію; что предоставленное симъ монахамъ воспитаніе юношества усиливаетъ средства разсѣивать и искоренять враждебныя къ правительству чувства; что почти всѣ монастыри римско-католическіе были главнѣйшимъ гнѣздищемъ мятежа, средоточіемъ совѣщаній, источникомъ вспомогательныхъ средствъ всякаго рода; что самыя каведры монаховъ имѣютъ средства направлять народъ къ понятіямъ, сообразнымъ съ злонамѣренными видами и стремить умы къ пагубнымъ предпріятіямъ. А потому отобраніе въ вѣдомство духовенства православной церкви римско-католическихъ и унитскихъ монаховъ, коихъ монашествующіе изобличаются въ участіи и содѣйствіи мятежникамъ, совершенно необходимо, какъ для сохраненія правосудія, сообразно съ указомъ 6-го мая и правиломъ о конфискаціи имѣній, принадлежащихъ мятежникамъ, такъ и для уменьшенія на предбудущее время способовъ нарушать въ семъ краѣ народное спокойствіе ¹⁾». Блудовъ, докладывая мнѣніе Левашева государю, прибавилъ отъ себя, что «мнѣніе Левашева заслуживаетъ особенное вниманіе, и что недовольно удалить злонамѣренныхъ римско-католическихъ монаховъ изъ сего края искони русскаго (губерній Кіевской, Волынской и Подольской) въ всемъ почти нѣтъ унитовъ и римско-католики только въ высшемъ классѣ, должно стараться учредить, такъ сказать, расадники православія; но исполненіе сей важной политической мысли представляетъ многія трудности и требуетъ не только тщательнаго, постояннаго попеченія пашихъ духовныхъ начальствъ, но и необыкновеннаго искусства. Чтобы положить, по крайней мѣрѣ, лучшее, по возможности, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ способъ водворить въ оставляемыхъ преступными монахами римско-

¹⁾ Въ м. в. д. докладъ Блудова 1831-го года, сентября 11-го № 26.

католическихъ и унитскихъ обителяхъ иноковъ церкви православной, я считалъ бы необходимымъ предварительно войти (семь въ сношеніе съ членами св. синода ¹⁾). Государь на доклад Блудова написалъ такое повелѣніе: «Увѣдомить министра финансовъ, что я приказалъ нынѣ же взять въ казну имѣнія овручскія; монастырское зданіе, кромѣ церкви, сдать въ завѣдываніе главнаго штаба военнаго поселенія, о чемъ увѣдомить генераль-адъютанта Клейнмихеля, а церковь обратить въ православную. Нынѣ князю Мещерскому назначить самаго надежнаго священника и прочій причетъ по его собственному выбору, опредѣливъ содержаніе изъ доходовъ имѣнія и совершенно безбѣдное».

- За овручскимъ монастыремъ слѣдовало закрытіе почаевскаго монастыря, одного изъ самыхъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ базилианскомъ орденѣ. Блудовъ, въ докладъ своему государю о закрытіи этого монастыря, сказавши объ участіи его монаховъ въ польскомъ мятежѣ, прибавляетъ:

«Какъ по симъ причинамъ, такъ и особенно потому, что монастырь почаевскій находится на самой границѣ Галиціи и по весьма возвышенному своему мѣстоположенію представляетъ всѣ удобства для сигналовъ и слѣдственно неблагонадежнымъ всегда можетъ дать средства способствовать крамольнымъ замысламъ для возмущенія спокойствія обитателей Волыни, генераль-адъютантъ Левашевъ, а съ нимъ и главнокомандующій 1-ю арміею графъ Сакенъ полагаютъ мнѣніемъ возвратить обитель почаевскую, согласно первоначальному ея назначенію, въ вѣдомство духовенства православной греко-россійской церкви со всѣмъ имуществомъ, составляющимъ монастырскую принадлежность, и со всѣми обязанностями, на имѣнія его лежащими, перевести остающихся въ обители монаховъ въ другіе монастыри ихъ ордена. Что касается до настоятеля монастыря, почаевскаго архимандрита Сивискаго и 10-ти другихъ іеромонаховъ (Гратіанъ Крупскій, Тома Сивицкій, Павлинъ Коминскій, Пантелеймонъ Цехуцкій, Теодоръ Постанкевичъ, Петръ Стародубовскій, Нилъ Подолінскій, Ярославъ Новицкій, Θεодосій Козачевскій, іеродіаконы Никифоръ Кулаковскій), изъ коихъ одни избочаются, другіе сильно подозрѣваются въ содѣйствіи мятежникамъ, и кои всѣ находятся съ іюня мѣсяца въ кievской крѣпости, графъ Сакенъ и генераль-адъютантъ Левашевъ полагаютъ, освободивъ сихъ, размѣстить по другимъ обителямъ, навсегда лишить права на-

¹⁾ Тутъ же.

дѣйствовать въ какомъ-либо монастырѣ. Находя съ своей стороны, что сіе мнѣніе о пользѣ или лучше сказать о необходимости обратить монастырь почаевскій въ вѣдомство духовенства православнаго сообразно какъ съ видами здравой предусмотрительной политики, такъ и съ самою справедливостью, ибо почившая обитель около двухъ столѣтій принадлежала монашеству православному и лишь не весьма давно, уже въ XVIII-мъ столѣтіи, вѣроятно не безъ насильства, отдана уніатамъ, я считаю долгомъ въ семъ случаѣ представить вашему императорскому величеству о прежнихъ предположеніяхъ касательно сей обители. Св. синодъ неоднократно ходатайствовалъ о возвращеніи оной въ лоно церкви православной. Блаженные памяти государь императоръ Александръ Павловичъ не изъявилъ согласія на сію просьбу св. синода, хотя оный испрашивалъ лишь возвращенія самой обители съ ея святынею, оставляя весь фондъ уніатамъ. Предъѣльнымъ устройствомъ церкви греко-унитской, вашему императорскому величеству благоугодно было обратить особенное вниманіе на мысль объ отдачѣ монастыря почаевского православному духовенству; но потомъ вы соизволили высочайше повелѣть отложить сіе дѣло, какъ по обстоятельствамъ тогдашняго времени, такъ и потому, что именемъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра было до нѣкоторой степени обѣщано базилианамъ и митрополиту Булгаку оставить сей монастырь въ уніѣ. Нынѣ отношенія правительства къ монахамъ почаевскимъ сдѣлались совершенно иныя: они сами, нарушивъ долгъ вѣрности и присягу, даютъ случай и поводъ или лучше сказать принуждаютъ въ предполагавшейся и прежде перемѣнѣ, и я осмѣливаюсь, исполняя впрочемъ и изъявленную мнѣ высочайшую волю вашу, представить на усмотрѣніе вашего величества мысли мои о слѣдующихъ къ принятію при семъ мѣрахъ. Оныя въ главнѣйшихъ чертахъ сходны съ означенными во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ 8-го октября 1827-го года.

«Я полагаю бы:

«1) Находящихся нынѣ въ обители почаевской монаховъ (по послѣднимъ свѣдѣніямъ, представленнымъ коллегією греко-унитскою, въ Почаевѣ находится нынѣ іеромонаховъ, за исключеніемъ 11-ти, содержащихся въ Кіевѣ, 21 и новицѣвъ 13), равно какъ и тѣхъ, кои содержатся въ кіевской крѣпости, по освобожденіи ихъ изъ оной вмѣстѣ съ архимандритомъ Сивискимъ, немедленно перевести въ другіе монастыри, по назначенію коллегіи греко-унитской.

«2) Обитель почаевскую со всею церковною принадлежностью

и капиталами (капитала обозначеннаго на имѣніи разныхъ и мѣщиковъ 182,125 р. с., крестьянъ 235 душъ), кои нужны для содержанія обители съ обширными зданіями, передать въ вѣдѣніе греко-россійскаго духовенства, а недвижимое имѣніе, включая потребное для монастыря количество угодій, взять въ казенное управленіе, обращая доходы онаго на улучшеніе православно-го духовенства въ томъ краѣ, особливо же на учебныя заведенія для воспитанія греко-россійскаго духовнаго юношества.

«3) Учредить въ Почаевѣ, какъ св. синодъ въ 1823-мъ году предполагалъ, епархіальное управленіе съ учебными заведеніями для чего обширныя зданія обители весьма удобны; при семъ однако же кажется необходимо, чтобы и монастырь почаевскій куда доселѣ стекались для моленія въ большомъ числѣ не только униаты и римско-католики, но и православные даже изъ мѣстъ отдаленныхъ и изъ-за границы, не измѣняли своего первоначальнаго назначенія; чтобы онъ остался обителью иноковъ, и продолжалъ привлекать набожныхъ своею святынею; св. синодъ безъ сомнѣнія употребитъ возможное стараніе, дабы назначить въ Почаевѣ монашествующихъ, понимающихъ высоту своего, не только небеснаго, но въ семъ случаѣ и земнаго предназначенія, — такихъ, кои могли бы примѣрнымъ житіемъ, кротостію, радостностію и просвѣщеннымъ усердіемъ въ вѣрѣ поддерживать и утвердить столь давно угнетаемое и разрушаемое въ семъ краѣ православіе.

«4) Какъ въ Почаевѣ почти всегда бываетъ большое стеченіе народа, и базилиане крестьянъ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ монастырю удержали въ униѣ, то, дабы не послѣдовало какого безпорядка при ввѣдѣніи туда греко-россійскаго духовенства, обратить на сіе особенное вниманіе волынскаго временнаго военнаго губернатора; нужно будетъ такъ распорядиться, чтобы тѣ, кои должны оставить монастырь, выѣхали изъ онаго заранѣе и безъ всякихъ изъясненій сѣтованія предъ народомъ, безъ особенныхъ по сему случаю молебствій, сходбищъ и проч.; а поступающіе на мѣсто базилианъ, по прибытіи своемъ нашли обитель уже свободною; чрезъ сіе устранится поводъ къ неприятнымъ объясненіямъ и ссорамъ (можно будетъ на нѣсколько времени оставить тѣхъ монаховъ базилианъ, которые заведываютъ типографіею, монастырскимъ хозяйствомъ, или имѣютъ на рукахъ церковную утварь и архивъ).

«5) Божественной службы, буде можно, не прерывать, несмотря на предполагаемую перемену; отправлять оную до пріѣзда православныхъ іеромонаховъ, тѣмъ изъ греко-униатовъ, кои будутъ

ставлены въ монастырѣ для храненія церковныхъ вещей и реликв.

«6) Внимательно наблюдать, чтобы церковныя вещи, служащія въ украшенію храма, паникадила и проч., также св. иконы, равно считаемыя греко-унитами и православными, не были вывезены; прочемъ отъ усмотрѣнія греко-россійскаго духовнаго начальства будетъ зависѣть передать въ вѣдѣніе духовенства унитскаго тѣ церковныя вещи или облаченія, кои не употребляются въ церкви православной.

«7) Какъ находящаяся въ Почаевѣ базилианская типографія набрала книгами почти всѣ церкви и монастыри унитскіе, и кои еще одной небольшой. при монастырѣ базилиановъ въ Ильинѣ, униты не имѣютъ другихъ для печатанія своихъ церковныхъ книгъ, то перевести сію типографію изъ Почаева въ Полоцкѣ, гдѣ предполагено учредить духовную греко-унитскую академію. Изъ нужныхъ при семъ издержки, равно какъ и на выводъ монаховъ, можно употребить суммы изъ монастырскихъ доходовъ, имѣющихся въ наличности; а если оныхъ окажется не довольно, то амнистовать отъ казны на счетъ фундуша обители почаевской, или же, буде сей дальній перевозъ становъ и прочихъ типографскихъ принадлежностей, какъ и полагать должно, представится неудобнымъ, то и типографію отдать греко-россійскому епаріальному начальству съ нѣкоторымъ отъ щедротъ вашего величества вознагражденіемъ, или пособіемъ, для усиленія полоцкой уніатской. Съ симъ вмѣстѣ можно передать въ вѣдѣніе греко-унитаго духовенства всѣ церковныя и богослужебныя унитскія книги, какъ находящіяся въ самой обители, такъ и въ типографіи, и для духовенства православнаго ненужныя.

«8) Сдачу утвари, церковныхъ капиталовъ и прочаго монастырскаго имущества, также бумагъ и документовъ, за исключеніемъ недвижимаго имѣнія, въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства, поручить тѣмъ лицамъ, у коихъ все сіе въ завѣданіи находилось, въ присутствіи чиновниковъ, коимъ предоставленъ надзоръ за приѣмомъ конфискованныхъ имѣній.

«9) Сдачу недвижимаго имѣнія и документовъ къ оному принадлежащихъ произвести тѣмъ же порядкомъ въ вѣдѣніи чиновниковъ, кои будутъ назначены для того отъ министерства финансовъ.

«10) Сдачу всего движимаго и недвижимаго имущества произвести по описямъ и инвентарямъ. Одинъ экземпляръ оныхъ долженствуетъ быть представленъ въ главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

«11) Что касается до лежащихъ на монастырѣ и фундушѣ его духовныхъ обязанностей, отправленія панихидъ, заупокойныхъ обѣдовъ или молебствій предъ чудотворною иконою Богоматери и проч. и проч., то разсмотрѣвъ тщательно, которыя изъ обязанностей возложены на обитель православными, и которыя напротивъ униатами, раздѣлить оныя по принадлежности между возвращаемымъ православію монастыремъ почаевскимъ и тѣмъ кои будутъ изъ него переведены монахи базилиане».

На докладѣ Блудова государь далъ такую резолюцію: «Угнѣдомить князя Мещерскаго о сей важной мѣрѣ; сообщить ему записку сію, которую я утверждаю; войдите съ нимъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои вамъ обоюдно еще нужными покажутся. Князю Мещерскому избрать архимандрита, извѣстнаго умомъ, кротостію нрава и строгими правилами; къ нему придать 12 монаховъ самаго отличнаго поведенія и хорошо образованныхъ, и о всемъ томъ представить журналъ на мое утвержденіе за общимъ вашимъ подписаніемъ, тогда уже можно приступить къ исполненію»¹⁾.

М. Морошенинъ.

¹⁾ Докладъ Блудова отъ 14-го сентября 1831-го года.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ

Быллина.

1.

Ѣдетъ Вольга богатырь на конѣ,
Ѣдетъ съ дружиной хороброю;
Молвить онъ: — «Вишь мы въ какой сторонѣ:
Не съ кѣмъ здѣсь будетъ потѣшиться мнѣ,
Смѣяться силушкой доброю.

2.

«Видно, что впрямъ тутъ мужичья земля:
Тянутся черныя пажити,
Въ ширь и въ раздолье ложатся поля....
Вотъ гдѣ татаръ, шелепугой вала,
Могъ бы Вольга разуважить!

3.

«Мѣсто раздольно, да нѣту врага:
Встрѣчу все ратанъ съ сохами. .
Ѣдешь безъ дѣла, дорога долга....»
Смолкъ и пониѣ головою Вольга,
Грудь поднимается вздохами.

4.

Бровь разыгралася въ жилахъ ключомъ,
 Силушка въ немъ расходилася;
 Кажется молодцу все ни почемъ:
 Землю бы съ мѣста подвинулъ плечомъ—
 Пусть бы земля сторонила!

5.

Землю бы сдвинулъ, да не на вомъ вотъ
 Свѣдать — попробовать силушку....
 Ёдетъ Вольга, закручинясь, впередъ,
 Видитъ онъ: ратай съ сохою идетъ,
 Самъ понукаетъ кобылушку.

6.

Сошка у ратая — струганный кленъ,
 Рало у сошки золочено;
 Съ края до края вдоль пашенки онъ
 Ходитъ надъ сошкой тяжелой склоненъ,
 Думой лицо озабочено.

7.

Пашню оретъ онъ, лишь сошка скрипитъ:
 Пни вырываетъ дубовые,
 Въ борозду страшные камни валить....
 «Вотъ такъ дѣтина — Вольга говорить:
 Взялъ бы въ дружину такова я.»

8.

Тронулъ Вольга тутъ воя за узду,
 Быстро подѣхалъ онъ къ ратаю:
 «Богъ тебѣ въ помощь! вали въ борозду

Дубья, камня: мужичью труду
Нива дастъ плату богатую.

9.

«Только, скажу я, не гоже орать
Съ этакой, молодецъ, силушкой.
Лучше пошелъ бы ты въ Вольгину рать
Княжую дань съ мужиковъ обирать:
Что тутъ возжаться съ кобылушкой?»

10.

Очи соколы на Вольгу поднявъ,
Ратай промолвилъ съ усмѣшкой:
— «Радъ бы къ тебѣ я—сговорчивъ мой нравъ—
Какъ же уйти мнѣ, сохи не убавъ?
Съ сошкой я въ полѣ замѣшкаю.»

11.

— «Сошку убрать не великъ будетъ трудъ,
Справится съ сошкой дружинуска:
Пять молодцовъ твою сошку возьмутъ,
Выдѣрнуть разомъ и разомъ махнутъ
Въ кустикъ равитовъ, дѣтинушка.»

12.

— «Ну, инъ, убрать мою сошку вели:
Въ службу сряжуся я новую....»
Пять молодцовъ тутъ въ сохѣ подошли,
Стали тащить, да поднять отъ земли
Сошку не могутъ кленовую.

13.

Смотритъ Вольга и промолвилъ, дивясь:

«Вотъ не видалъ чудеса-то я!»
 Десять онъ мѣлодцевъ кликнулъ заразь:
 Взялись за сошку — да, нѣтъ, не сдалась
 Сошка тяжелая ратая.

14.

Смотритъ Вольга и промолвилъ опять:
 «Дивное диво во бѣю!»
 Кличетъ онъ всю тутъ дружинишку-ратъ:
 Стала дружинишка сошку пытать,
 Лишь насадилась мочью.

15.

Духъ занялся въ богатырской груди—
 Самъ тутъ Вольга собирается:
 Сошку за обжи схватилъ спереди,
 Силушкой двинулъ — да, нѣтъ, погоди:
 Сошка стоитъ — упирается.

16.

Сошка стоитъ, ровно въ землю вросло
 Рало ея волоченное....
 — «Что, богатырь, не идетъ, тяжело?
 То-то мужичье-то вотъ ремесло
 Дѣло выходить мудреное.

17.

«Княжія дани собирай ты, Вольга,
 Палицей бей стопудовою,
 Гдѣ повстрѣчаешь лихова врага;
 Мнѣ же работа моя дорога
 Съ сошкой моею кленовою.

18.

«Ржи напашу я, въ скирды намечу,
Съ поля скирды уберу я,
Дома цѣпами я рожь смолочу,
Пива сварю, мужиковъ залучу:
Пить позачнемъ мы, пируя!»

19.

Слышитъ Вольга и промолвилъ онъ тутъ:
— Силушка ты непочатая!
Дай я тебѣ поклонюсь за твой трудъ—
Какъ тебя звать? — «А Микула, зовутъ,
Сынъ Селяниновичъ, ратай я».

В. Вуренинъ.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА

К Р Ы М А

Путевыя впечатлѣнія.

Многократныя поѣздки по горному Крыму и мое прежнее знакомство съ историческою литературою полуострова побудили меня предпринять описаніе пещерныхъ его городовъ, — эти въ высшей степени интересныхъ памятниковъ древности. Европѣ сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего подобнаго высокой оригинальности крымскихъ пещерныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, однако, наша публика почти незнакома даже съ самымъ фактомъ существованія ихъ. Въ специальныхъ сочиненіяхъ о крымской археологіи, большею частью иностранныхъ, большею частью давно вышедшихъ изъ обращенія, — разбросаны скудные матеріалы, касающіеся этого предмета, но до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, ни одной цѣлой статьи, посвященныхъ исключительно ихъ описанію. Даже, стыдно сказать, крымскіе жители образованныхъ классовъ слушаютъ рассказы о пещерныхъ городахъ, какъ неожиданную для нихъ новинку; туристы же, ограничиваясь легкодоступнымъ обзоромъ южнаго берега, рѣдко рѣшаются предпринимать поѣздки внутрь горъ. Я съ намѣреніемъ сохранилъ въ своей статьѣ тѣ живые элементы крымской природы и жизни, при которыхъ я самъ знакомился съ пещерными городами, и безъ которыхъ описаніе ихъ было бы слишкомъ мертвенно и неполно. Гораздо легче знакомиться съ пылью

риновъ и камнями разваливъ, когда встрѣчаешь ихъ въ разнообразіи путевыхъ впечатлѣній; къ тому же страна пещерныхъ ородовъ и окружающая ихъ природа въ высшей степени характерны, и сами по себѣ уже стоятъ вниманія.

I.

Премь черезъ Яйлу. — Ночлегъ въ Татарин. — Мангупскій Авраамъ. — Мангупъ-Кале, древняя Манкопія; его памятники и историческія воспоминанія.

Участниковъ предпринятаго нами похода въ крымскія горы вышло пятеро, не считая неизбежнаго и незамѣнимаго Бегра, который, по своей должности фактотума, обязанъ былъ вести нашъ караванъ. Выражаясь по-крымски, Бекиръ становится нашимъ *суруджи* (таково татарское названіе швейцарскихъ фюреровъ и гидовъ).

Неустрасимая амазонка, принимавшая участіе въ прежнихъ нашихъ горныхъ странствованіяхъ, опять съ нами.*

Приготовленіе къ пятидневному походу въ нѣдра крымскихъ горъ по необходимости коротко: горный татаринъ, которому мы вольно должны теперь подражать, замѣняетъ всѣ вализы и сумки перекиднымъ мѣшкомъ съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ, по-татарски *саква*. Эти саквы — спасеніе въ горныхъ поѣздкахъ. Ихъ привязываютъ сзади сѣдла и кладутъ въ нихъ, что влѣзетъ: ячмень для лошади, бутылки съ виномъ, медъ и сахаръ, жареную птицу, пирожки, бѣлье. Поверхъ саквы привязываютъ бурку или теплое пальто на случай дождя и холода — и вотъ вы совсѣмъ готовы, оснащены на борьбу съ горами, а вашъ обозъ у васъ же за спиною.

Татары, хозяева лошадей, ждутъ насъ на солнечномъ пригорѣ, терпѣливо присѣвъ на корточки. Бекиръ командуетъ, ищетъ, осматриваетъ, укладываетъ, перетягиваетъ подпругу у лошади нашей пимы (*юспюжа*, такъ татары постоянно чествуютъ нашихъ армянъ). Всѣ высыпаютъ насъ проводить. Дѣтамъ особенно задало. — Скоро воротитесь? Когда васъ ждать?

— «Не скажи, ханымъ, сказать нельзя! Можетъ два, можетъ три дня, какъ Аллахъ покажетъ», серьезно вразумляетъ Бекиръ, подсаживая свою ханымъ.

Перевалъ черезъ Яйлу въ самой высокой области ея! — мнѣ. — давно хотѣлось испытать его. Бекиръ выбралъ для перевала Бюкь-Узенбашъ-Богазъ, т. е. проходъ.

Большой Узенбашъ—одинъ изъ самыхъ крутыхъ и трудныхъ, но за то самый близкій. Поднялись изъ нашего пустынного, заснувшего надъ моремъ Магарача, въ пеструю и шумную Ялту, полную петербургскихъ туристовъ, промчались по ея парадной набережной и повернули на Дерской, на Ай-Василь, прямо къ титаническому амфитеатру Яйлы, которой темная лѣсная синева охватываетъ кругомъ весь горизонтъ и чуть не половину небеснаго свода. Поразительно хорошъ этотъ амфитеатръ въ яркій солнечный день, когда на его туманно-синемъ фонѣ вырѣзаются милые, какъ игрушки, новенькіе домики Ялты съ своими кипарисами и цвѣтущими садами.

Дорога, конечно, сейчасъ же пошла рѣчкою; иныхъ дорогъ не бываетъ въ крымскихъ горахъ. Груды камней, натасканныя сверху и насыпанныя выше береговъ, и между ними нѣсколько жиденькихъ ниточекъ журчащей воды, съ трудомъ пробирающейся между каменьева — вотъ хорошая крымская рѣчка въ июлѣ. Такихъ впрочемъ мало, потому что въ бѣльшей части ихъ не наберете въ серединѣ лѣта стакана воды.

Безъ конца кругомъ сады раскидистыхъ грецкихъ орѣховъ, сливы, груши, смоковница. Подъ орѣхами всегда зеленая трава и всегда татарчата. У татарскихъ ребятишекъ на южномъ берегу и въ горахъ — превыразительныя лица. Глазенки черныя, большіе, смотрять на васъ съ наивнымъ изумленіемъ; какъ глаза красиваго дикаго звѣря; черты строгаго греческаго типа.

Дерской кончился, потянулся Ай-Василь, разбросанный по лѣсистой подошвѣ горы; стало круто, узко, но за то такая тѣнь! Идешь по зеленымъ корридорамъ, едва успѣвая уклоняться отъ могучихъ, далеко вытянутыхъ сучьевъ орѣшника. Татарскія хаты здѣсь лѣнятся особенно живописно. Съ высоты сѣдла смотришь имъ прямо въ безобразныя ихъ трубы. На плоскихъ землянкахъ кровляхъ толпы ребятъ глазѣютъ на насъ, раскрывъ рты. Это еще старинныя, вѣковѣчныя гнѣзда грековъ, итальянцевъ, можетъ быть, еще готовъ.

За Ай-Василемъ горы дѣлаются совсѣмъ серьезными; подъемъ начинается очень рѣзко; лошади тяжело дышатъ, въ поту, такъ что саввы промокли. Мы почти на шеяхъ у лошадей. Скалистая, усыпанная камнями дорога сбиваетъ подковы. Мало-по-малу насъ все тѣснѣе охватываетъ сосновый лѣсъ, тотъ самый, который издали, изъ Ялты и Магарача, казался намъ простымъ слоемъ моха на скалахъ. Сосны громадной высоты, прямыя и голыя какъ стрѣлы, съ широкою плоскою кроною на самомъ верху, — обстали кругомъ. Это чистая итальянская пинія. Освѣщеніе солнцемъ красивые стволы, густо-синіе просвѣты неба, капризно-

изогнутыя угловатыя вѣтви — переносятъ фантазію къ картинамъ римской Кампаньи. Лѣсъ этотъ прекрасенъ самъ по себѣ; но когда мы вѣхали на половину горы и взглянули назадъ сквозь эти полчища исполиновъ, въ глубокую и далекую бездну, въ которой остались за нами море и берегъ съ своей Ялтой, съ своими дачами и деревнями, — тогда мнѣ все это представилось какою-то несбыточною, сказочною декораціею. Море открывалось прямо предъ нами во всей могучей своей широтѣ, въ объятѣ непривычномъ для глаза. А справа и слѣва поднимались бѣлыя горныя громады, обрывались горныя пропасти, заволоненныя такими же полчищами сосенъ. Никакихъ мелкихъ деталей, ничего милаго, ласкающаго. Одна грозная, величественная, неотразимая красота; громадная картина, написанная смѣлымъ взмахомъ чудной кисти.

Маленькая крымская лошадь, терпкая и безропотная какъ ея хозяйникъ, — свыглась съ крымскою ѣздою, съ крымскою дорогой. Подкованная сплошною желѣзною подковою на всѣ четыре ноги, она твердо ступаетъ на известковый камень, карабкается съ своею тяжелою и неудобною ношею по скату, на которомъ едва держится человѣкъ. Чувствуя свое безсиліе вытянуть прямо на гору, умныя животныя, одно за другимъ, словно по сговору, начинаютъ пересѣкать зигзагами дорогу, поворачивая то направо, то налево, и уменьшая для себя такимъ образомъ крутизну подъема. Подумаешь, что ими править человѣкъ, — такъ правильно и убѣренно они исполняютъ эти повороты.

Мы всѣ, всадники, въ сосредоточенномъ молчаньи. Грозное великолѣпіе горъ и лѣса оковываетъ насъ; да теперь и не до болтовни. Какъ бы только усидѣть, не полетѣть назадъ вмѣстѣ съ лошадыю.

Нѣсколько разъ Бекиръ останавливалъ свой караванъ у горныхъ ручьевъ и поилъ лошадей. Они пили жадно, трясаясь всѣмъ тѣломъ. Крымскій магометанинъ, подобно всѣмъ магометанамъ Востока, устраиваетъ фонтаны даже въ пустынѣ. Высоко на горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ, мы находили фонтаны, высѣченныя изъ бѣлаго камня, съ арабскими украшеніями, съ благочестивыми надписями и всегда съ именемъ устроителя. Бекиръ съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ передавалъ намъ исторію святаго хаджи, который остатокъ дней своихъ посвятилъ на дѣла добра и усѣялъ фонтанами тропинки Яйлы, на пользу людямъ и во славу Аллаха. Путникъ, утолившій въ лѣтній зной свою жажду этою чистою струею, напоившій у нея утомленнаго коня, дѣйствительно благословить отъ всего сердца имя добраго человѣка, вырѣзанное на камнѣ фонтана.

А подъемъ дѣлается все хуже и хуже. Лѣса кончились, тропинка исчезла. Мы лѣзли уже по острымъ гребнямъ камней, по кучамъ щебню, по скользкому плитняку. Подковы то и дѣло срывались и скользили какъ по льду.

Было уже далеко за полдень, когда мы взѣхали на темя Яйлы. Равнина, безконечная въ длину и не болѣе полуверсти шириною, составляетъ это темя, этотъ гребень Яйлы.

На сѣверъ отъ нея видны горы и степи Крыма, на югъ — глубоко внизу — море съ лентою южнаго берега. Ай-Петри, такая страшная снизу, отсюда кажется небольшою скалою, потому что надъ нами только одинъ верхій пикъ ея; въ ея зубцы запутались стада облаковъ, бѣлыхъ какъ молоко; они поочередно срываются и несутся на насъ, застилая глаза сырýmъ туманомъ, словно хотятъ слутъ насъ прочь изъ своего царства.

У нашихъ ногъ была живая рельефная карта всего Крымскаго полуострова. Ясный день не утаивалъ, не затушевывалъ ничего. Не было той картинной красоты, которою мы любовались въ сосновомъ лѣсу, не доставало для этого перваго плана и яркости красокъ; но за то зрѣлище было ново и грандіозно. Душа исполнялась особеннымъ чувствомъ отъ этого созерцанія земли въ ея цѣлости съ поднебесныхъ высей. Казалось, этотъ взглядъ былъ объективнѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ зрѣнія; казалось, онъ проникалъ вѣрнѣе и глубже. Что-нибудь подобное испытываетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, отдѣляясь вдругъ отъ своей планеты и созерцая ее въ первый разъ независимо, извнѣ, какъ-бы съ поверхности другой планеты.

Спускъ съ Яйлы значительно легче подъема. Съ сѣверной стороны, Яйла не обрывается такою стѣною, какъ съ морской. Грады горъ бѣгутъ параллельно ей, дѣлаясь все ниже къ сѣверу, въ степи. Это ступени для схода съ Яйлы.

Запутанная плетеница горъ, долинъ, скалъ и ущелій, то бѣгушихъ рядомъ, то пересѣкающихся подъ разными углами, составляетъ внутреннее ядро крымской Татаріи, гнѣздо всякаго крымскаго звѣря и логовище всѣхъ почти рѣкъ южнаго Крыма. Это же и цѣль нашего похода. Горная страна, ограниченная съ западу большою дорогою изъ Симферополя черезъ Бахчисарай въ Севастополь, а съ востока долиною Алушты, и прорѣзающая ее большою дорогою изъ Алушты въ Симферополь, отдѣлена отъ южнаго берега сплошною стѣною Яйлы въ 5 и 4,000 футовъ высоты. Со стороны обѣихъ большихъ дорогъ до-

стунъ въ эту сердцевину горнаго Крыма не труденъ; но съ южнаго берега въ нее можно проникнуть только черезъ нѣсколько «бозовъ», переваловъ, подобныхъ тому, который мы теперь осилили съ такимъ трудомъ.

— Когда-жъ наконецъ будетъ этотъ проклятый Узенбашъ! начинаютъ кричать самые нетерпѣливые изъ всадниковъ, видя, что солнце уже дѣлается багрянымъ, и бѣлыя известковыя скалы начинаютъ вспыхивать розовымъ огнемъ.

Хочется смерть чаю; еще больше хочется долой съ сѣдла, которое особенно мучительно при многочасовомъ спускѣ. Бекиръ съ презрѣніемъ смотритъ на насъ и не отвѣчаетъ.

— Бекиръ! далеко ли еще? кричить кто-то изъ насъ, безпокойно ёрзая на сѣдлѣ.

— Твой бы дома сидѣлъ! дерзко отвѣчаетъ Бекиръ. Конь не птица, конь усталъ, твой коня не любить, твой чай любить! Не видишь? — вонъ тебѣ и Узенбашъ! прибавилъ опъ, въ видѣ милости, указывая нагайкою въ широкую лѣсную долину, въ пасть которой мы начинали уже спускаться.

Біюкъ-Узенбашъ, потонувшій въ лѣсахъ, въ садахъ протянувшейся по всѣмъ изгибамъ рѣчки, — лежалъ у нашихъ ногъ, ярко освѣщенный закатомъ. Тополи и минареты его мечетей, живописно торчавшіе надъ массою сплошной зелени и сплошныхъ плоскихъ кровель, горѣли особенно весело.

Проѣхали сады орѣховъ, подковы стучатъ по каменистой улицѣ.

Надо большое воображеніе, большую силу отвлеченія, чтобы повѣрить, будто мы все еще находимся въ православной російской имперіи, подъ охраною всемогущей власти станового пристава, подъ покровительствомъ XV-ти томовъ свода законовъ.

Еслибы это было на Кавказѣ, я не сомнѣвался бы, что мы просто-на-просто вѣхали въ аулъ горныхъ хищниковъ, гдѣ смѣшно уповать на XV-й томъ, гдѣ вмѣсто всякихъ уѣздныхъ, земскихъ, словесныхъ и уголовныхъ судовъ знаютъ твердо одинъ судъ подъ старымъ дубомъ, подъ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дубовъ, которые имѣютъ удобное качество служить двумъ цѣлямъ разомъ: шатромъ для судей, висѣлицею для осужденнаго.

Вопъ, вѣроятно, и самъ верховный дубъ; на этотъ разъ онъ замѣненъ маститымъ орѣхомъ, подобнаго которому трудно встрѣтить другой разъ; подъ его вѣтвями, толщиною въ огромное

дерево, вытянутыми горизонтально шаговъ на 20 отъ ствола и густо затканными крупнымъ жесткимъ листомъ — въ самомъ дѣлѣ, цѣлое населеніе.

Сѣдые старики въ бѣлыхъ чалмахъ — все истые хаджи — съ строгимъ и важнымъ взглядомъ, съ неподвижными, глубоко-вырѣзанными чертами лица, сидятъ у самаго пня, въ позахъ, исполненныхъ достоинства, поджавъ подъ себя ноги, и кура изъ длинныхъ чубуковъ. Кругомъ нихъ сидитъ и стоитъ въ самомъ живописномъ разнообразіи цвѣтная толпа татаръ въ чалмахъ, въ бараньихъ шапкахъ, съ лоснящимися бритыми головами, — все только муззины. За то оглянитесьhalbvo — тамъ большой каменный фонтанъ въ арабскомъ вкусѣ, съ длиннымъ стихомъ корана.

Фонтанъ, какъ пчелами, осмынанъ женщинами. Почтенныя матроны укутаны въ широкія бѣлыя простыни до самыхъ пятокъ и выказываютъ изъ-подъ своихъ савановъ только пару черныхъ глазъ, едва видныхъ свзовъ узенькую щель, да желтыя заостренныя туфли, которыхъ никакъ не спрячешь при ходьбѣ. Молоденькихъ дѣвчонокъ, къ счастью, еще не считаютъ нужнымъ обращать въ величественныя статуи, въ которыхъ не разберешь ни одного члена, ни одного движенія. Они разцвѣчены до-нельзя и обтянуты до-нельзя. Волосы заплетены въ десятки мелкихъ длинныхъ косъ, окрашенныхъ почти въ огненную краску — точь-в-точь семья красныхъ змѣй вьется по плечамъ. Эта краска, обновляемая каждую недѣлю, съ лѣтами обратится въ черную какъ смоль, и изъ огненнорыжихъ дѣвочекъ образуетъ глубокихъ брюнетокъ. Красная кругленькая шапочка съ золотомъ на головѣ у всякой; малороссіане очень мѣтко прозвали: «*татарками*» красныя колючія растенія въ родѣ артишока, покрывающія степи иногда на большое пространство. Издали это чисто толпа татарскихъ дѣвушекъ въ ихъ типичныхъ красныхъ шапочкахъ. Бешметъ съ открытой грудью, узкій въ плечахъ, съ непомѣрно длинными и узкими рукавами, всегда очень цвѣтной, портитъ естественныя формы тѣла; у пояса онъ обвязанъ еще однимъ или двумя цвѣтными платками на подобіе юбки, и изъ-подъ платковъ этихъ видны только нижнія складки очень широкихъ и тоже цвѣтныхъ шароваръ, стянутыхъ надъ самымъ ступнемъ.

Самая крошечная, двухъ-лѣтняя дѣвчонка, возившаяся въ пыли, одѣта почти также; у каждой своя крошечная шапочка, у каждой свой бешметикъ по мѣркѣ, — это добрый обычай, не часто встрѣчаемый въ семьѣ русскаго простолюдина; онъ свидѣтельствуетъ объ инстинктивномъ призваніи человѣческаго до-

стоинства, человѣческихъ правъ даже въ ребенкѣ. Этотъ обычный мнѣ особенно видался въ глаза, по противоположности съ нашимъ русскимъ, въ германской и швейцарской деревнѣ. Тамъ вы уже не встрѣтите крошечнаго мальчишку, завернутаго въ отцовскій тулупъ или въ дѣдовской шапкѣ, нахлобученной на носъ, босого и въ одной рубашкѣ.

Толпа женщинъ вокругъ фонтана, съ своими бѣлыми чадрами, съ маковымъ цвѣтомъ дѣвичьихъ нарядовъ, съ кувшинами и кружками восточной формы, у кого по-итальянски на головѣ, у кого въ рукахъ, — движущаяся, шумящая, переливающая цвѣтами — способна приковать артиста на многіе часы своею поразительною картинностью; особенно, когда, въ параллель ей, взору его открылась бы съ другой стороны важная группа, безмолвно курившая въ тѣни стараго орѣшника.

Дерево, фонтанъ — естественные центры первобытной жизни, еще не доросшей до необходимости клубовъ, пассажей, кофеенъ съ пѣніемъ и безъ пѣнія и тому подобныхъ пріютовъ цивилизованнаго бездѣлья. Тѣнистый дубъ — это прототипъ нашего жилища, естественный шатеръ, давшій человѣку первую мысль объ убѣжищѣ. Въ пустынной мѣстности онъ — красота, разнообразіе, жизнь. Путникъ благословляетъ его какъ привалъ, указанный природою, гдѣ онъ остынетъ отъ своего путевого пота, гдѣ онъ насытится и уснетъ, не палимый больше полуденными лучами. Кочевникъ разбиваетъ подъ дубомъ свою палатку и принимаетъ своихъ гостей. Дубъ — издавна и межевая грань у народовъ, и указатель пути. Даже лѣсной житель соотнобразяетъ мѣстность по большимъ вѣковымъ дубамъ, которыхъ фizioномія выдѣляется своеобразно изъ безконечнаго и безразличнаго древеснаго моря. Оттого дубъ и сталъ издревле деревомъ гостепріимства, деревомъ геройскихъ подвиговъ, деревомъ суда и мудрости, деревомъ неразгаданныхъ тайнъ и религіознаго обожанія. Эпосъ древняго міра, сказка, пѣсня, легенда — сама исторія — сохранили намъ память объ этомъ многообразномъ и глубокомъ значеніи дуба, воряющемся въ первобытныхъ условіяхъ человѣческой жизни и сдѣлавшемъ изъ этого видового названія почти родовое имя для дерева вообще. Въ библіи Авраамъ не даромъ встрѣчаетъ неземныхъ путниковъ въ дубравѣ мамврійской; богатыри нашихъ былинъ отдыхаютъ и умираютъ подъ дубами; подъ дубами находятъ чудные dospѣхи; вѣщія птицы сидятъ всегда на дубахъ; всѣ клады подъ дубами. Таинственный шелестъ дубовъ разгадывался первобытными оракулами Греціи. Въ древней Германіи, въ Галліи — дубъ былъ святилищемъ, средоточіемъ общественныхъ собраній. Еще Лудо-

викъ Святой въ XIII-мъ вѣкѣ сохранялъ патриархальный обычай суда подъ венсенскимъ дубомъ.

Какъ дубъ, дерево — естественный центръ общественной, религиозной, героической, то-есть вообще мужской жизни первобытнаго человѣка, — такъ фонтанъ, колодезь — исконное поле чувственной, то-есть женственной стороны той же жизни. Первобытное хозяйство тѣхъ маловодныхъ странъ, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, расселилось племя человѣка, — было такъ тѣсно связано съ водой фонтана, что фонтанъ могъ стать почти его символомъ. Напоятъ людей и скотъ, вымытъ свое тѣло и свои одежды — можно только у фонтана. Сначала фонтанъ, потомъ уже домъ, хозяйство, женская забота. Вечеромъ у фонтана вѣчная работница, вѣчная домохозяйка — женщина встрѣчалась съ мужчиною, который цѣлый день при стадѣ или на охотѣ. Вечеръ, — отдыхъ отъ трудовъ, часъ покоя, досуга и наслажденій. Вечеромъ естественное пробужденіе потребностей менѣе суровыхъ, менѣе обязательныхъ, потребностей бесѣды, общенія и любви. Въ вечерней прохладѣ, подъ звонкой струей фонтана легче всего возникали первыя сердечныя отношенія между работающимъ юношествомъ первобытныхъ обществъ, какъ легко они возникаютъ теперь среди нашей свѣтской молодежи подъ звуки оркестра въ ярко освѣщенныхъ балныхъ залахъ. Тишина и простота въ младенческую эпоху человѣка были необходимыми условіями тамъ, гдѣ теперь необходимымъ условіемъ сталъ неестественный шумъ, неестественный свѣтъ и поддѣльная красота. Женщину, будущую подругу свою, человѣкъ естественной жизни оцѣнивалъ во время ея работы, гдѣ ему открывалась ея умѣлость, ея сила и дѣятельность. Когда библейская Ревекка или Гётевская Доротея собственноручно тянули изъ колодца бадью съ водой или отворачивали тяжелый камень, ихъ рабочая грація, ихъ *«volle Gesundheit der Glieder»*, дѣлались вполнѣ очевидными для здоровыхъ трудолюбивыхъ юношей, на нихъ любовавшихся. Только въ рабочемъ деревенскомъ быту — и нашемъ русскомъ, и болѣе всего въ восточномъ — колодезь, фонтанъ сохранили доселѣ свое древнее значеніе мѣста сближенія двухъ половъ, мѣста зарожденія сердечныхъ драмъ.

Вечеръ падаетъ; на небѣ становится розово, и деревья осыщаются тѣмъ же пламенемъ; все въ воздухѣ стихаетъ и замираетъ въ той особенной нѣгѣ, которая свойственна крымскому лѣтнему вечеру. Послѣдніе звуки дня явственнѣе слышатся въ этой тишинѣ.

Бекиръ устроилъ нашъ ночлегъ у одного изъ почетнѣйшихъ халжей Узень-Баша, не допуская въ насъ и мысли о возможности довольствоваться первой попавшеюся саклей. Преважно подбоченясь, вѣхалъ онъ на дворъ и двумя-тремя полусловами объяснилъ по-своему хозяину, кто мы и какъ насъ нужно принять.

Тохтаръ-эффенди вышелъ къ намъ за ворота, худой, съ строгимъ взглядомъ, исполненный непоколебимаго достоинства, и привѣтствовалъ насъ по восточному, указывая рукою на свой домъ. Мы, кажется, спутали всѣ его понятія о нашемъ величїи, расположившись до ночи прямо на улицѣ, подъ старымъ орѣхомъ, чтобы налюбоваться на окружавшую насъ Татарію и на чудный вечеръ. Вокругъ насъ уже протолкнуться нельзя: прїѣздъ нашъ былъ событіемъ въ Біюкъ-Узень-Башѣ; даже татарскія матроны позабыли правила мусульманскихъ приличій и пробирались къ изумившей ихъ амазонкѣ. Дѣти вскарабкались на сучья, на мажары, на плетни. Глянешь кругомъ — всюду бѣлые, сверкающіе зубы, тѣсные и крѣпкіе какъ у звѣрковъ, и черные воспламененные глазенки: и зубы, и глаза, все въ нихъ смѣется отъ радостнаго изумленія, рты раскрыты въ недоумѣнны и жадномъ любопытствѣ.

Женщины съ какимъ-то азартомъ наперерывъ хватаютъ и ощупываютъ каждую бездѣлицу, надѣтую на амазонкѣ нашей, хихикаютъ и шепчутся другъ съ другомъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Только старые татары сохраняютъ невозмутимое спокойствіе и, кажется, заняты только однимъ соображеніемъ, куда это и зачѣмъ Богъ несетъ насъ?

Бекиръ съ хозяйскими работниками таскаетъ между тѣмъ дрова и воду, развѣчиваетъ лошадей. Вотъ начали вынимать изъ саквовъ нашу провизію и разныя принадлежности пути; — любопытство женщинъ и дѣтей достигаетъ своихъ предѣловъ; воспользовавшись ихъ углубленнымъ вниманіемъ, я сѣлъ за стволъ орѣшника и сталъ изподтишка набрасывать въ путевой альбомъ нѣкоторыя фигуры; молодой татаринъ не разъ ловилъ мой воровской взглядъ и выслѣдилъ движенія моего карандаша. Также незамѣтно какъ я рисовалъ, подерался онъ сзади меня и нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ черезъ голову мою на непонятную для него работу, на это быстрое мельканье крашеной палочки, изъ-подъ которой какимъ-то чудомъ вырастали знакомыя ему черты, знакомыя наряды.

Я замѣтилъ его уже тогда, когда онъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ что-то по-татарски. Вся его фигура широко расцвѣла удовольствіемъ и

удивленіемъ. Вдругъ, все, что было въ толпѣ женщинъ и дѣвочекъ, брызнуло въ разсыпную, закрываясь рукавами и неистово хихикая. Нужно было перенести карандашъ и глаза на мальчиковъ. Но тревога уже была подана: взглядъ мой ловился со всѣхъ сторонъ — большими и дѣтьми.

Какъ ни хитрилъ я — ничего не могъ сдѣлать. Только что взглянешь хоть разъ на кого-нибудь — онъ тотчасъ ухмыльнется, пробормочетъ своимъ что-то по-татарски и отойдетъ себѣ въ сторону, съ глазъ долой.

Темнота загнала насъ въ домъ хаджи.

Гостинная Тохтаръ-эффенди довольно нарядна для простаго татарина — потолокъ съ бахчисарайской рѣзьбой, на полкахъ ярко вычищенная посуда и нѣсколько рукописныхъ магометанскихъ книгъ; деревянное мелкорѣшетчатое окошко на турецкій манеръ, а ужъ ковровъ, подушекъ и тюфяковъ — счету нѣтъ! Мы сидимъ на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги вокругъ татарскаго столика настоящаго арабскаго рисунка.

Тохтаръ-эффенди въ своей бѣлой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, придающемъ ему видъ муллы, стоитъ у порога, не зная прилично ли ему будетъ сѣсть съ нами. Собственно на насъ онъ не обращалъ никакого вниманія, для него важенъ только одинъ изъ насъ, котораго онъ исключительно считаетъ гостемъ своимъ. Бекиръ въ своемъ татарскомъ соображеніи рѣшилъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, одѣтый въ кавказское платье, въ чересекъ съ кинжаломъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ кромѣ князя; смуглый восточный типъ лица и наѣздническая ловкость кавказскаго барина окончательно убѣдили его въ этомъ. Заручившись такимъ убѣжденіемъ, Бекиръ торжественно объявилъ хаджи и всѣмъ спрашивавшимъ его, что пріѣхалъ «князь» съ Кавказа; мы, мирные граждане безъ патроновъ и кинжаловъ, были такимъ образомъ отодвинуты на задній планъ и, кажется, почитались за свиту «кназа». Оттого-то и раздумывалъ хаджи, приличествуетъ ли ему, хотя и хозяину, сидѣть на одномъ коврѣ съ такимъ знатнымъ гостемъ.

Вѣсть о пріѣздѣ къ хаджи кавказскаго князя пронеслась по всему Узень-Башу. Нѣсколько важныхъ, бородатыхъ фигуръ появились въ дверяхъ, и эффенди черезъ Бекира просилъ у князя впустить почетныхъ гостей, которые пришли привѣтствовать князя. Одинъ за другимъ, съ серьезнымъ и церемоннымъ видомъ, подходятъ гости къ мнимому князю, прикладываютъ руку къ сердцу, говорятъ что-то покачивая головами, потомъ опускаютъ у ногъ князя разныя приношенія, кто сухой изюмъ

срѣзь (родъ мелкой сливы), кто груши, кто даже кислое овечье молоко.

Откланяется, съ достоинствомъ пожиметь руку и опустится себѣ на коверъ окодо князя, поджавъ ноги. Вотъ всѣ успѣлись бужжомъ и закурили длинныя трубки.

Ни одинъ почти гость ни слова по-русски, бѣдный кавказскій «князь» ни слова по-татарски. Однако бесѣда идетъ, важная, длинная, неспѣшная восточная бесѣда, очень напоминающая наше европейское молчаніе. Сидятъ, уставивъ глаза въ трубки, и торжественно выпускають облака дыма — изрѣдка только смуглые костлявые пальцы, сложенные въ щепотку, проигиваются къ столу, на которомъ стоятъ сласти; а то вдругъ сосѣдъ нагнется къ «князю», возьметъ его кинжалъ и станетъ жертьѣ кругомъ, любуясь серебряною чеканкою и тавлинскимъ извѣемъ; налюбуется и съ короткимъ одобреніемъ передаетъ его другому. Всякій гость поочередно пощупаетъ, повертитъ, понюхааетъ кинжалъ, покачаетъ съ удовольствіемъ головою и передаетъ сосѣду. «Карошъ кинжалъ! явши!» скажетъ кто-нибудь князю, поржествуя знаніемъ русскаго языка. И опять молчаніе на много минутъ, опять неподвижное насасываніе трубокъ. Кто-нибудь опять очнется, сочтетъ приличнымъ заговорить: «богато грошей?» — Двадцать рублей! — «Це.... це.... це....» прищолкнуть языкомъ всѣ собесѣдники, съ сожалѣніемъ покачивая головою, и всѣ, словно по сговору, устремляютъ глаза на кинжалъ еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. И опять длинное молчаніе. Потомъ наступаетъ очередь черкески, шупаютъ суею, смотрятъ его на свѣтъ, труть между пальцами. «Карошъ архалуекъ, князь; богато грошей?» И опять удивленіе, покачивания и одобренія. Отъ черкески къ поясу, отъ пояса къ папахѣ, къ башлыку; весь князь, всякая его пуговка, всякій позументикъ ощупаны и опробованы.

«Гдѣ купилъ, князь? — Въ Стамбулѣ! — О, Стамбулъ явши!» Всѣ бѣлые зубы съ удовольствіемъ осклабляются, сверкая изъ щати бороды, — и мнимая стамбульская покупка, словно что-то особенно хрупкое, переносится въ крѣпко сложенныхъ пригоршняхъ отъ однихъ восторженныхъ глазъ къ другимъ, съ такою благоговѣйною бережностью, какъ-будто эти грубые пальцы сами чувствуютъ все неумѣіе и все недостойнство свое держать драгоценную вещь.

Еще разъ то же степенное молчаніе, но уже теперь всѣ эти серьезные лица свѣтятся совершенно дѣтскимъ удовольствіемъ.

Желтый морщинистый старикъ съ длинными сѣдыми бровями гладитъ князя по плечу и по волѣнамъ: «Твой, князь, большой

«султанъ!» — «Князь — большой султанъ!» — важно подтверждаетъ вся компанія, одобрительно кивая головами.

Желтый старикъ, по имени Меметь-Эманъ, встаетъ, — всѣ встаютъ. Опять пожимаютъ руку князя, опять прижимаютъ свои руки въ сердцу; желтый старикъ проситъ князя завтра утромъ въ себѣ на кофей. Двое другихъ пристають съ тѣмъ же, а князь, для поддержанія своей роли, одариваетъ своихъ гостей разными бездѣлушками въ отвѣтъ на гостинцы ихъ. Гости уходятъ, сверкая отъ радости и глазами, и зубами.

Рано поднялись въ путь. Какъ ни изломала насъ ѣзда верхомъ по горамъ и камнямъ, однако ночлегъ въ повалку на открытой галерей и на войлокахъ гостинной не особенно нѣжизл. Бекиръ ранехонько раздобылся ячменю и подкормилъ коньковъ. Мы тронулись со двора какъ разъ съ первымъ крикомъ мамина. Его тощая фигура была видна съ балкончика сосѣдняго минарета, откуда онъ протяжно и пронзительно гнусилъ на всѣ стороны свѣта обычный стихъ Алкорана.... Пожилые татары уже двигались по направленію къ мечетямъ. Вѣжливо, но съ большою серьезностью привѣтствовали они насъ, когда случалось съ ними равняться.

Яркое и тихое утро сіяло надъ этимъ живописнымъ азіатскимъ уголкомъ, потонувшимъ въ сплошныхъ садахъ въ глубокой впадинѣ горъ. Сіяло оно съ тою же радостною свѣжестью и торжественностью и въ нашей груди. Утреннее безмолвіе, утренняя трезвость жизни охватили и нашу беззаботную кавалькаду; всѣ ѣхали тою спорою дѣловою рысцою, которая общаетъ долгій безостановочный путь. Дороги въ горномъ Крыму устроены природою и сохранили на себѣ дѣвственную грубость ея характера. Ручьи, сбѣгающія со склоновъ, потомъ рѣчки, въ которыхъ стекаются эти ручьи, — вотъ единственные пути горнаго сообщенія. Сообщеніе между бассейнами двухъ сосѣднихъ рѣчекъ, какъ бы ни близко протекали они, очень затруднительно. Ихъ водораздѣлъ обыкновенно такъ обрывистъ и крутъ и такъ волпообразенъ, что перевалъ черезъ него даже верхомъ требуетъ особенной привычки: ежеминутные спуски и подъемы по каменистымъ обрывамъ, по кучамъ камней, почти всегда безъ яснаго слѣда тропы — вотъ этотъ перевалъ. Послѣ него покажется шоссе, сейною дорогою даже рѣчная дорога; — поэтому въ горныхъ странствованіяхъ только при крайней необходимости сворачиваютъ съ долины ручьевъ и рѣчекъ, хотя по долинамъ всегда приходится ѣхать большой вьюкъ.

Если вы знаете теченіе крымскихъ горныхъ рѣчекъ — вы знаете крымскія горныя дороги, и наоборотъ, если вы знакомы съ направленіемъ дорогъ — вы знаете тѣмъ самымъ теченіе рѣкъ. Крымская горная дорога, или, что тоже, крымская горная рѣчка — требуетъ отъ путешественника большой привычки.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ выше, это — вьющаяся лента изъ лентъ разной величины, разбросанныхъ во всю ширину долины, между которыми кое-гдѣ сочится ниточка воды. Иногда этой ниточки вы не видите на цѣломъ десяткѣ верстъ. Щебнистый грунтъ русла, наваленный въ толщину нѣсколькихъ аршинъ, служитъ настоящею цѣдилкою, каменнымъ ситомъ, сквозь которое рѣчка, усохнувшая отъ лѣтнихъ жаровъ, уходитъ подъ свое собственное дно и пробирается тамъ невидимкою. Тамъ тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ невозможно укрываться, и гдѣ она вырывается опять наружу.

Татарскія деревни лѣпятся только по берегамъ этихъ капризныхъ извилистыхъ рѣчекъ, которыя порою такъ сухи, что на горячихъ камняхъ едва яиць не сварить; порою заливаютъ долины до крышъ, сносятъ деревья, скотъ, и ворочаютъ цѣлыя селы. Если гдѣ-нибудь на вершинѣ горъ внезапно упадутъ сильніе дожди или растаетъ масса снѣга, вода сбѣгаетъ внизъ страшною лавиною и причиняетъ тѣмъ большія бѣдствія, что предвидѣть ихъ нѣтъ возможности.

Альма унесла разъ цѣлую партію солдатъ, которые сочли ея сухіе камни за безопаснѣйшее мѣсто ночлега, снесла большой каменный мостъ на почтовой дорогѣ.

Салгиръ почти на моихъ глазахъ, среди сухого лѣта, вдругъ залилъ цѣлую деревню Мамудъ-Султанъ, такъ что почтовая станція наполнилась водою по окна, и ямщики плавали по двору, спасая лошадей.

Мы спускались по одной изъ такихъ рѣчекъ-дорогъ, по рѣчкѣ Узень-Башу, которая вмѣстѣ съ своей дружкой Бююкъ-Узень-Башъ составляетъ верховье исторической теперь рѣки Бельбека.

Съ ранняго утра до вечера, мы не слѣзаемъ съ лошадей, заинтересованные прелестною мѣстностью, веселою болтовнею и еще болѣе веселыми перегонками по каменистой дорогѣ. Долина рѣки Узень-Баша забирала все сильнѣе и сильнѣе на западъ и наконецъ упала въ долину Бельбека, съ которой мы повернули къ сѣверо-западу. Спускъ дѣлался мягче. Проѣхавъ Фотисалу — цѣлый рядъ деревень, осыпавшій рѣчку — мы должны были покинуть Бельбекъ и совершить одинъ изъ тѣхъ досадныхъ переваловъ, о которыхъ я говорилъ.

Первая цѣль нашего странствія былъ Мангупъ-Кале, а онъ

лежитъ у верховья средняго притока Бельбека — Кара-Илеза; спускаться по Бельбеку до устья Кара-Илеза, и потомъ подниматься вверхъ по Кара-Илезу до Мангуна, было бы дѣломъ слишкомъ долгимъ. Всаднику нечего стѣсняться крутизнами, и туристу не лишнее ознакомиться своими ребрами съ красотами горъ. Бекиръ командуетъ намъ налѣво, а насъ манитъ такъ впередъ, гдѣ уже открылась передъ нами живописнѣйшая часть чуть ли не самой живописной въ Крыму Бельбекской долины.

Одинъ изъ насъ уже набрасываетъ, не слѣзая съ сѣдла, оригинальный разрѣзъ скалъ Топчу, которыхъ круглыя сплюснутыя башни провожаютъ рѣчку справа.

Но Бекиръ тянетъ насъ лѣсами и оврагами на иной путь.

Я совѣтовалъ взять проводника въ Фотисалѣ, потому что по опыту зналъ, какъ труденъ съ этой стороны подъѣздъ къ Мангуну. Но Бекиръ презрительно относится къ моимъ увѣщаніямъ, хвастаясь, что онъ знаетъ въ горахъ всѣ тропинки.

Мы сбились уже черезъ полчаса.

Въ лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которые пробирались мы, было столько колевинъ, пробитыхъ мажарами, столько тропъ, протоптанныхъ скотомъ, что только мѣстные дровосѣки могли помнить, куда ведутъ они. Бекиръ нѣкоторое время скрывалъ свое смущеніе и притворялся вѣрующимъ въ истинность пути, которымъ онъ насъ велъ. Но я обличилъ его сейчасъ же неопровержимыми доводами. Напрасно мучили мы своихъ коней, прорѣзаясь сквозь колючую чащу, спускаясь въ глубокія лѣсныя балки, карабкаясь на крутые скаты; напрасно смущенный Бекиръ злился на своего коня и лупилъ его нагайкою черезъ голову, снуя по этимъ дебрямъ, какъ гончая, отыскивающая упущенный слѣдъ. Горы и деревья заслоняли даль, и сообразить по окрестности было невозможно, хотя Бекиръ раза два взлѣзалъ съ этою цѣлью на дубы. Особенно доставалось амазонкѣ и ея длинному хвосту. Рѣшено было спѣшиться и позавтракать, пока Бекиръ добудетъ слѣда. Вотъ усѣлись на лужайкѣ, бутылки и закуски живо полѣзли изъ вмѣстительныхъ саквовъ; веселый говоръ и смѣхъ, звонъ стакановъ, голодное чмоканье губъ — оживили непривычною картиною совершенно пустынный лѣсъ. Ауканье Бекира переносилось поочередно отъ одной стороны свѣта къ другой, и мы дружно отвѣчали ему. Пронзительный голосъ его долеталъ до насъ то съ макушки какаго-нибудь холма, то словно изъ подземной норы; скоро его не стало вовсе слышно, и мы начали думать, что онъ заѣхалъ Богъ-знаетъ куда. Однако черезъ часокъ онъ вернулся съ какимъ-то пастушескимъ, и мы выбрались на настоящую дорожку.

Мангупъ-Кале открылся намъ въ большомъ величии и неожиданно. Изъ моря лѣсныхъ холмовъ, какъ островъ, возвышается его обрывистая столовая гора, и на плоской макушкѣ ея изъ большой дали видны, какъ на ладони, остатки стѣнъ, башенъ, замковъ стараго Мангупа. Это очень обманываетъ путника, которому кажется, что вотъ сейчасъ онъ будетъ у подошвы горы. А дорожка между тѣмъ еще долго дѣлаетъ петли кругомъ столовой горы, приближаясь сквозь тѣснину къ тому единственному мѣсту, съ котораго есть возможность вскарабкаться на этотъ титаническій каменный столъ. Видъ на Мангупъ изъ этой тѣсины, пробирающейся съ сѣверной стороны его между нимъ и сплошною стѣною сосѣднихъ горъ—самый полный, отчетливый, и притомъ поразительной оригинальности. Столовая гора съ отвѣсными обрывами выступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ четырьмя такими же высокими скалистыми мысами—настоящими природными бастионами, а между этими выступающими твердынями лѣсные скаты, по которымъ, хотя съ огромными затрудненіями, можно добраться до вершины. Носы этихъ выступовъ, когда проѣзжаешь какъ разъ подъ ними, кажутся гигантскими обелисками удивительной красоты. Снизу вамъ видно, что высоко въ воздушной синевѣ лента зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ разрушенная, гдѣ еще существующая, отрѣзаетъ эти выступы отъ главной площади Мангупа и преграждаетъ доступъ по лѣснымъ сватамъ своими воротными башнями и бойницами.

Пока наши альбомы наполнялись эскизами этихъ развалинъ и этихъ скалъ, невѣдомо откуда нанесли страшныя грозовыя тучи, и полился по-истинѣ тропическій дождь.

Всѣ бросились на вскачь по тѣнистой лѣсной дорожкѣ, нѣдясь на скорый пріютъ. Дождь сѣкъ какъ розгами, и если бы не кавкасская бурка—наша амазонка очутилась бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Наконецъ доскакали до Каджа-Сала, деревеньки подъ самой подошвой Мангупа; Каджа-Сала—старинное помѣстье князей Балатуковыхъ, принадлежитъ теперь зятю княгини Балатуковой Абдураманчину, которому принадлежитъ, кажется, и самъ Мангупъ.

Я уже ночевалъ разъ съ изряднымъ комфортомъ въ *кунацкой* одного мурзы и обнадеживалъ теперь своихъ изможденных спутниковъ перспективою татарскаго гостеприимства.

Каджа-Сала превратился въ грязный потокъ; по щотки въ водѣ добрались наши кони до двора мурзы.

Все заперто, и дворъ гарема, и кунатца. Обошли кругомъ, постучали, покричали подъ неудержимымъ ливнемъ: никто не отозвался. Бѣда дѣлалась серьезною—куда дѣться? Пока Бе-

кирь ѣздилъ по деревнѣ за языкомъ, мы себѣ могли да могли; Бекирь возвратился съ вѣстью, что почти всѣ хаты пусты, потому что теперь татары въ лѣсу, но что эффенди согласился пустить насъ къ себѣ. Копыта опять зашлепали по лужамъ, и никто даже не спросилъ, къ какому это эффенди.

Въ концѣ деревни, совсѣмъ приосѣненный грозными тѣнями мангупскихъ твердынь, среди персиковъ, орѣховъ и грушъ, ютился вѣрно огороженный дворикъ эффенди, съ совершенно восточными плоскокрышными домиками, съ балкончиками и рѣшетками вмѣсто оконъ. Ворота растворились настежь при нашемъ приближеніи, и высокий величественный старецъ въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ, съ бѣлою, какъ снѣгъ окладистою бородою, съ строгими и почтенными чертами лица, показался у воротъ, приложивъ руку къ сердцу, и показывая намъ другою на свой дворъ. Это былъ истый библейскій Авраамъ, принимающій странниковъ подъ дубравой мамврійской. Дворъ и домики эффенди были необыкновенно чисты, и въ каждомъ деревцѣ видна была заботливая хозяйская рука.

Видя насъ въ такой грязи, эффенди не рѣшился пустить насъ обутыми въ свою опрятную кунацкую, устланную хорошенькими войлочками и ковриками. По требованію его, сапоги были сброшены, и волей-неволею кавалеры очутились въ однихъ чулкахъ, что совершенно, впрочемъ, подобало въ татарской кунацкой. Въ кунацкой было двѣ комнаты, такъ что мы могли кое-какъ прибраться и посушиться. Пока намъ готовили кофе и жарили куръ, эффенди пределикатно ухаживалъ за нашею амазонкою, которой печальное состояніе, а можетъ быть и милыя черты тронули его патріаршее сердце. Онъ даже дошелъ до того, что, какъ настоящій свѣтскій кавалеръ, просилъ позволенія курить. Оказалось, что мы въ гостяхъ у Хаджи-Абдула-Кадира Акъ-муллы, бывшаго имама изъ Орта-Каралева, по-русски сказать, у отставного благочиннаго протоіерея. Я не хотѣлъ упустить случая обогатить свой путевой альбомъ такою характерною ветхозавѣтною фигурою; но помня, что Коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ изображенія человѣка, и чтя въ своемъ хозяинѣ блюстителя правовѣрія, я заслонился своими спутниками и старался тайкомъ набросать сановитыя черты имама. Имамъ однако совершенно изумилъ меня. Онъ сейчасъ замѣтилъ мои эволюціи, потребовалъ альбомъ, улыбнулся и тотчасъ же вышелъ. Я-было думалъ — уйдетъ, а онъ вернулся сіяющій счастьемъ, переодѣтый въ парадный полосатый балахонъ.

— Вотъ такъ дѣлай! такъ акши! говорилъ онъ мнѣ, садясь

въ особенно важную позу. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ штриховъ, какъ ямамъ опять вскочилъ на ноги.

— Постой, такъ нельзя!

Онъ полѣзъ на полочки, что лѣнятся по стѣнамъ каждой татарской гостинной, снялъ оттуда серебряные часы и повѣсилъ ихъ себѣ прямо на грудь, потомъ поставилъ въ уголъ маленькую трубочку, которую онъ курилъ и взялъ въ ротъ длинную-предлинную.

Мы едва держались отъ хохота, забавляясь на это дѣтское малолушіе величественнаго эффенди. Онъ разсѣлся какъ турецкій султанъ, поджавъ ноги, вытянувъ трубку, съ самымъ торжественнымъ выраженіемъ лица. Портретомъ моимъ хаджи остался до-нельзя доволенъ; смотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, улыбаясь указывалъ пальцемъ на часы, на трубку, на полосы халата; эти подробности, кажется, особенно убѣждали его въ сходствѣ; наконецъ онъ попросилъ позволенія показать портретъ женамъ и бережно унесъ мою книжку въ гаремъ. Возвратясь, хаджи пригласилъ нашу амазонку сдѣлать визитъ его дамамъ, которыя, какъ всѣ заключенницы, страстно охочи до новыхъ лицъ, до неожиданныхъ происшествій. Женщины Хаджи-Абдула побросали свое тканье, свое вышиванье серебромъ и встрѣтили русскую гостью, стоя впадъ; быстро прикладывали онѣ свои руки сначала ко лбу, потомъ къ сердцу, также быстро поклонились ей въ ноги, вскочили, обняли, поцѣловали, потомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ воехищеніемъ ощупали и обнюхали всякую подробность незнакомаго имъ туалета и чинно разсѣлись себѣ на диванахъ напротивъ своей гостьи, уже не шевелясь, не сгибаясь. Хаджи велъ за нихъ бесѣду.

Мы славно отдохнули и поѣли въ домикѣ мангупскаго Авраама. Кто предпочелъ выпастись, а я все время слушалъ рассказы хаджи и любовался чисто восточною обстановкою всей его жизни. Его маленькая кунацкая была отдѣлана затѣйливою деревянною рѣзбою, кое-гдѣ раскрашенною съ наивною азіатскою пестротою. Сбоку былъ устроенъ альковъ съ такою же рѣзною дверочкою, въ которомъ хаджи совершалъ свои омовенья. На полочкахъ лежали въ необыкновенной опрятности разныя цѣнныя вещи и много такихъ же опрятныхъ рукописныхъ книгъ. Мангупскій Авраамъ еще не признавалъ изобрѣтенія майнцаго пѣнца и не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался пророкъ. Коврики и подушки были новенькіе, отлично выбитые, и самъ хаджи сидѣлъ на нихъ съ чисто вымытыми босыми ногами, съ бородою, въ которой былъ тщательно расчесанъ каждый волосокъ, самъ бѣлый, весь въ бѣломъ, — точно какой-то

кроткій столѣтній младенецъ. Онъ очень мало зналъ русскихъ словъ, я еще меньше татарскихъ, однако мы понимали существенное содержаніе нашего разговора. Хаджи былъ въ Меккѣ, въ Мединѣ, хаджи 22 года былъ имамомъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ святость своего сана, во власть своей молитвы надъ силами сѣдбы и природы, въ талисманство каждаго слова корана. Его принципы жизни были опредѣленны, просты и тверды, какъ пріосѣнявшая дворъ его скала Мангуна. Хаджи очень пострадалъ въ крымскую кампанію и вспоминалъ о ней съ большимъ горемъ. Каралезская долина была въ рукахъ нашихъ, и у Мангуна стояли на батареяхъ русскія пушки. Непріатели доходили до Мангуна съ южной стороны по рѣкѣ Шумо, черезъ Ай-Тодоръ, изъ Балаклавы. Русскіе солдаты все отняли у хаджи: ячмень, корову, 2000 рублей денегъ, срубили подъ корень садъ хаджи. Меншиковъ говорилъ солдатамъ: «валяй, ребята!» «Меншиковъ—яманъ-ага!» «Горшakovъ—якши-ага!» Самъ хаджи бѣжалъ въ Мархуръ, въ глубинѣ горъ. На три года войску досталъ бы Крымъ, коли-бъ не грабили, а такъ и на три мѣсяца не досталъ. Другіе получили потомъ отъ царя, а хаджи сказали, срокъ пропустилъ. «Комитатъ 25 рублей просилъ; дали-бъ и ему вознагражденіе, а то подожди. А Хаджи-Абдулъ 22 года падишаху служилъ», говорилъ имамъ съ плачевными жестами и плачевнымъ голосомъ.

Къ вечеру совсѣмъ разъяснилось; лошади подкормились, и мы рѣшились подняться на Мангунъ, не откладывая до завтра. Воды не было слѣда: она вся ушла также разомъ какъ пришла. На улицахъ всѣ камушки были обмыты и уже просушены крымскимъ солнцемъ. Все глядѣло послѣ дождя особенно весело и ярко.

На Мангунъ-Кале можно взобраться двумя путями; одинъ долгимъ объѣздомъ изъ Ай-Тодорской долины, оврагомъ Альма-лыкъ-Дере, черезъ развалины главныхъ крѣпостныхъ воротъ; это единственная дорога для мажаръ. Другая, верховая тропа идетъ прямо надъ Коджа-Сала по страшной крутизнѣ. Мы предпочли этотъ короткій путь. Крайній западный выступъ столовой горы татары называютъ *Чамнукъ-бурунъ*, «мышъ сосенъ»; между нимъ и «жидовскимъ мысомъ» (*Чуфунъ-бурунъ*) идетъ *Табана-дере*, «оврагъ кожевниковъ», по которому мы должны были подниматься. За Чуфунъ-буруномъ, между нимъ и «мысомъ вѣтровъ», *Гелли-буруномъ*, тянется второй лѣсной спускъ, подъ названіемъ «оврагъ бань», *Гаманъ-дере*, а за Гелли-буруномъ

сѣднѣй скать, самый доступный, «оврагъ воротъ», *Кану-р*. Онъ замыкается съ востока крайнимъ и самымъ неприступнымъ выступомъ. Мангуна — *Тешкли-бурунотъ*, «мысомъ ми». Стихи просверлили каменный носъ этого выступа огненнымъ окошкомъ, которое снизу и издали свѣтитъ словно мыльное ушко; эта дыра и дала названіе мысу.

Съ первыхъ же шаговъ мы усумнились, возможно ли проехать путь на лошадахъ. Сначала шла гора такого рыхлаго бѣно, который сыпался изъ-подъ копытъ, какъ колотый сахаръ, не представлялъ никакого упора; потомъ поползла по восточнымъ краямъ обрывовъ капризно вьющаяся пѣшая тропка, мызкая и въ сухое время, а послѣ ливня сдѣлавшаяся неиможною. Наконецъ пришлось продираться черезъ низкоствольный козючий лѣсъ, котораго почва была сплошь засыпана огненными камнями. Лошади должны были переступать черезъ кѣ, какъ черезъ пороги и карабкаться по обваламъ, какъ по пенекамъ лѣстницы. Все это нужно было дѣлать на подъемѣ къ угломъ 45°, на каждомъ шагу извиваясь то направо, то лѣво. Какъ ни привычна крымская лошадь въ горнымъ тропкамъ, но тутъ и она почти отказывалась. Жалко было слыть это тяжелое болѣзненное дышанье ихъ легкихъ, смотрѣть эти взопрѣвшіе бока, вздувавшіеся быстро и сильно какъ кузнцы. А татары и въ усъ не дуютъ! Колотятъ себя лѣвами бѣдную животину и никому не позволяютъ спѣшиться, признаться, сомнительно, чтобы и пѣшкомъ было лучше. На ювинѣ пути мы встрѣтили еще удѣлѣвшую передовую стѣну, вграждавшую оврагъ поперегъ, отъ Чамнукъ-буруна до Чуль-буруна. Тамъ, гдѣ эта стѣна примыкаетъ къ скаламъ Чуль-буруна, мы осмотрѣли весьма любопытную трехъ-ярусную черу изъ 4-хъ келій, соединенныхъ другъ съ другомъ каменными лѣстницами. Очевидно, это была сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вмѣстѣ. За стѣною потянулось обширное караимское кладбище, древніе памятники котораго частью вѣли въ скалу, частью разбросаны по лѣсу; впрочемъ много еще не тронуто съ мѣста. Ихъ форма и надписи совершенно тѣ же, что въ Иосафатовой долинѣ близъ Чуфута: двурогія, юрогія, плоскія. Неизвѣстно въ точности, когда караимы появились въ Мангупѣ. Въ XIII-мъ столѣтіи они жили здѣсь несправедливо, какъ это видно по надгробнымъ памятникамъ. По всей вероятности, они были и послѣдними жителями его; Палластъ въ своемъ путешествіи говоритъ про Мангупъ: «Сыромятники ии прѣизажють сюда въ лѣтнее время изъ Чуфутъ-Кале» (въ Чуфутъ же, какъ извѣстно, всегда жили евреи караимской селѣ).

ты) «и употребляютъ для выдѣлки кожъ обрѣтаемыя при этой горѣ во множествѣ дубильныя растенія (*Rhus coriandria* и *Cotinus*), при чемъ и вода здѣшняя считается весьма способною для такой работы». Теперь уже и слуху нѣтъ объ этомъ при мысли, и на всей Мангупской горѣ я не могъ найти ни одного стебля *Rhus coriandria* или *Rhus cotinus*, которая между тѣмъ встрѣчалась въ окрестныхъ лѣсахъ. Все заплонили теперь травянистый бузыпникъ. Табанъ-дере на вершинѣ своей преграждается, какъ и другіе всходы, стѣною и круглыми зубчатыми башнями. Подъ стѣнами еще замѣтны ключи, копани и бассейны изъ известняка, въ которыхъ караимы мочили свои жижи. Около ключей также видна большая пещера. Стѣны и башни съ этой стороны подверглись большому разрушенію. Изъ входѣ съ Мангупской плоскости на выступъ Чамнунъ-бургу стоялъ замокъ въ видѣ отдѣльнаго форта, защищавшій западный край горы. Огъ него остался теперь одинъ обглоданный остовъ не дающій понятія ни о размѣрѣ, ни о формахъ его. Немного же видны развалины караимской синагоги. Въѣздъ на плоскую вершину Мангупъ-Кале, черезъ осыпи обвалившейся стѣны—очень труденъ. За стѣною открывается широкая ровная площадь, занимающая все темя горы.

Здѣсь когда-то стоялъ большой и цвѣтущій городъ, славившійся въ исторіи Крыма. Теперь вы догадываетесь о его существованіи только по безчисленнымъ кучамъ мусора, покрывающимъ пастбища Мангупской горы. Лошади и коровы кождасальскіе татаръ привольно пасутся теперь на мѣстѣ многолюдныхъ улицъ безопасныя за этими стѣнами.

Остатки древности исчезаютъ годъ за годомъ, и очень жаль бытъ, что черезъ два года путешественникъ уже не найдетъ тѣхъ башенъ, которыя я еще видѣлъ. При Мартинѣ Бронскомъ въ XVI-мъ столѣтіи «Мангупъ имѣлъ два замка, драгоцѣнные греческіе храмы и зданія». Палась въ концѣ XVIII-го столѣтія видѣлъ въ Мангупѣ синагогу и нѣсколько домовъ, въ которыхъ обитали еврейскіе кожевники; въ развалинахъ двухъ христіанскихъ церквей опъ могъ еще разглядѣть византійскіе образы писанные *al fresco*, между прочимъ образъ Богоматери въ восточномъ углу храма; а татарская мечеть сохранилась до сих поръ времени еще лучше христіанскихъ храмовъ. Теперь же съ трудомъ можно отыскать сами развалины синагоги, церкви и мечети. Никѣмъ не оберегаемыя, разрушаемыя стихіями и нечестивостію, эти древніе памятники стираются одинъ вслѣдъ за другимъ съ лица земли, погребая подъ собою исторію и лишая

прекрасныя мѣстности Крыма ихъ живописнѣйшаго и интереснѣйшаго украшенія.

Въ Мангушѣ теперь сколько-нибудь сохранились только стѣны и башни, отрѣзающія съ южной стороны входы и буруны, въ самыя, что мы видѣли спизу, отъ дороги. Лучше всѣхъ уцѣлѣла та часть ихъ, которая сбѣгаетъ довольно глубоко въ круглую лощину Гамамъ-дере; здѣсь еще видно въ нихъ много зубцовъ, бойницъ, и нѣкоторыя круглыя башни почти нетронуты. Толщина крѣпостныхъ стѣнъ болѣе аршина, а высота доходитъ до двухъ саж. Съ внутренней стороны этихъ стѣнъ, въ вершинѣ оврага, нѣсколько обширныхъ пещеръ, которыми скотъ пользуется теперь какъ убѣжищемъ отъ непогоды. Въ глубинѣ одной изъ этихъ пещеръ замѣтенъ ключъ и пробитый къ нему ходъ; проводники объяснили намъ, что это были древнія башни, отъ которыхъ и оврагъ прозвался *Гамамъ-дере*. Для татаръ *Иджа-Сала* этотъ ключъ въ горномъ пастбищѣ сущій кладъ. Ири Палласъ на этомъ мѣстѣ былъ оправленный фонтанъ съ свѣщенною татарскою надписью 953 года геджры, т.-е. 1546 г. Броневскій также упоминаетъ о прекрасной водѣ Мангупа, о нѣсколькихъ ручьяхъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ.»

Довольно полно сохранились также воротныя и другія башни, замыкающія вершину послѣдняго оврага—Капу-дере; а также отдѣльный замокъ при входѣ на восточный выступъ—Тешкли-бурунъ. Замокъ этотъ — главная замѣчательность Мангупа, повидимому, служилъ центромъ его жизни и его укрѣпленій. На восточномъ фасѣ его сохранилась очень хорошо красивая каменная рѣзьба около оконъ, которую одни считаютъ восточнаго, другіе греческаго рисунка. По-моему, она напоминаетъ точно также и готическія украшенія. Нижній этажъ сдѣланъ сводомъ, и сквозь него проѣздъ готической формы на Тешкли-бурунъ. Въ стѣнахъ узкія амбразуры для ружей. Развалины христіанской церкви и мечети, о которыхъ говорятъ Палласъ и Кеппенъ, находятся недалеко, противъ передняго (западнаго) фасада замка. Многіе считаютъ этотъ замокъ греческой архитектуры; но Богущъ-Сестренцевичъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Тавріи утверждаетъ, что старинные греки называли Мангупъ-Кале *Каструмъ-Готиконъ*, «Готическимъ замкомъ»; и дѣйствительно, замокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе готическаго зданія. Безъ сомнѣнія, это тотъ самый замокъ, въ которомъ, по словамъ Мартина Броневскаго, по варварской ярости хановъ содержались въ жестокомъ заключеніи московскіе послы. По свидѣтельству нашихъ крымскихъ дѣлъ, былъ, напримѣръ, заклю-

ченъ въ Мангупѣ посолъ Іоанна Грознаго Аѳанасій Нагой съ всѣми спутниками своими; тамъ же пять лѣтъ сряду просидѣлъ Василій Грязной, взятый въ плѣнъ татарами на рѣкѣ Молочной, или Молочныхъ водахъ.

«Не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись», Грязной, по его собственнымъ словамъ, приводимымъ Карамзиннымъ, содержался татарами очень худо; «и толькобъ не государская милость застала душу въ тѣлѣ, ино было съ голоду и съ наготы умерети», писалъ этотъ царскій любимецъ изъ своего плѣна царю Іоанну Грозному.

Но во всякомъ случаѣ замокъ этотъ теперь далеко не то, что онъ былъ при Броневскомъ, который видѣлъ въ немъ «отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многими мраморомъ.»

Характеръ цитадели, крѣпости въ крѣпости — очень ясенъ, когда вы входите на выступъ Тешкли-буруна, защищающій этимъ замкомъ. Въ Тешкли-бурунѣ несомнѣнно была тюрьма, казарма. Каменные нѣдра Тешкли-буруна съ юга и сѣвера изрыты пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Въ нѣкоторыя уже пройти нельзя, другія мы подробно осматрѣли: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы, вьющіяся каменные лѣсенны — уцѣлѣли во многихъ изъ нихъ; всѣ онѣ висятъ надъ страшнымъ обрывомъ и спускаться въ нихъ небезопасно.

Но всѣхъ поразительнѣе «Барабанъ-пещера», *Дауджи-коба*. Носъ Тешкли-буруна, пробитый на вылетъ, служитъ крайне живописнымъ сходомъ въ эту пещеру. Лѣстница то спускается подъ треснувшимъ сводомъ этой огромной щели, то лѣпится со всѣмъ съ боку скалы, вися какъ гнѣздо ласточки надъ пропастью. Отъ ограды остались одни только ямки въ камнѣ, сами ступени слизаны и обглоданы временемъ, такъ что нѣкоторые не видать. Не всякая голова въ состояніи прогуляться по этой лѣстницѣ; за то съ разныхъ поворотовъ ея виды внизъ и вдаль поразительнаго эффекта.

Барабанъ-пещера названа такъ потому, что отъ удара кулакомъ въ толстый известковый столбъ, поддерживающій сводъ ея главной залы, раздается сильный звукъ, напоминающій барабанъ. Очевидно, это была тюрьма. Изъ главной залы нѣзаметныя проходы въ цѣлый рядъ келій; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчены пробои въ каменныхъ столбахъ для цѣпи или веревочъ.

Мы покончили поздно съ осмотромъ Мангупскихъ развалинъ. Уже розовый закатъ обливалъ небо, и мы, съ нашего подоблачнаго плоскогорья, озирали кругомъ весь горный Крымъ, освѣщенный насквозь огнями этого заката. Ярко-синее море подни-

яюсь высоко на западномъ горизонтѣ, и на немъ съ необыкновенною отчетливостью вырѣзались бѣлые точки парусовъ, бѣлые мѣловые обрывы севастопольскаго берега. Константиновская батарея выползла далеко въ море и прилегла тамъ, какъ стоявшая сторожевая собака, сверкая на послѣднихъ лучахъ солнца. Еще огнистѣе сверкають бѣлые маяки надъ бухтою и на Матисовой горѣ—эта пара ночныхъ глазъ Севастополя, направляющая сквозь опасные туманы запоздавшія суда. Волны горъ лежатъ на югъ, на востокъ, на сѣверъ. Въ ихъ провалы спускается дрожащій золотисто-розовый паръ, отбѣняющій всѣ степени дали, и сообщающій необъятной панорамѣ, обставшей кружить насъ, тотъ фантастическій, мечтательный тонъ, которымъ дышатъ ландшафты Клодь-Лореня. Паласа, суровый натуралистъ, называетъ «*неизъяснимо-прекраснымъ*» видъ, открывающійся съ вершины Машука; а Кларке, во 2-й части своего путешествія по Россіи, Татаріи и Турціи, отзывается о Мангупѣ еще восторженнѣе: *«Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого места. Хотя я и навѣкъ глядѣть на подобныя картины, однако же у меня едва достало равнодушія на то, чтобы набросить на бумагу этотъ удивительный видъ.»*

Стоя на вершинѣ Мангупской горы, вы просто ощущаете необыкновенныя выгоды его стратегическаго положенія. Мангупъ видѣнъ издалека съ моря, съ западнаго берега и со всѣхъ горныхъ пунетовъ. Съ Мангупа видны всѣ пути въ горы юго-западнаго Крыма. Башни Мангупа могли всегда служить сигнальными маяками для вереницы укрѣпленій, которыя были въ древности разсыпаны отъ севастопольской бухты до Чатырдага. Это буквально владычествующій городъ. Въ темные вѣка только тотъ былъ самъ безопасенъ, только тотъ былъ господиномъ другого, кого нельзя было достать, кто могъ, какъ хищная птица, сторожить съ недоступной высоты доврчивыхъ и слабыхъ. Мыши, насѣкомыя—все тѣ, что составляетъ добычу другихъ—прячутся въ норахъ, въ трещинахъ, прилегаютъ къ землѣ. Орелъ, вобчикъ—торчатъ на верхушкахъ, парятъ подъ облаками. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ, пока въ немъ цивилизація еще не обезпечила правъ каждаго. Крестьянинъ издавна привыкъ прятать свою хатку въ кавую-нибудь балку, на берегу рѣчки; баронъ строилъ себѣ замокъ на пикѣ скалы, а помѣщичьи хоромы непремѣнно на холмѣ; непремѣнно господствуютъ кругозоромъ надъ укрывшеюся у ногъ ихъ деревнею.

Оттого Мангупъ, — или по другому произношенію, Манкутъ, Манкопія, Мангутъ, — съ незапамятныхъ временъ, какъ только появилось въ исторіи его имя, играетъ роль средоточія мѣсто жизни. Онъ постоянно главнымъ городомъ чего-нибудь, — и цѣлаго народа, то княжества, то области. Горы, степь и берегъ моря у него одинаково въ рукахъ.

Намъ не только неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ, но даже и какимъ народомъ былъ построенъ Мангупъ-Кале.

Караимскій раввинъ изъ Чуфутъ-Кале, Мортхай Султанскій передавалъ въ 1833-мъ году академику Кеппену, что въ то время еще оставалось въ живыхъ три человѣка, когда-то обитавшихъ въ Мангупѣ, хотя при Кеппенѣ они уже жили въ Есепаторіи и Бахчисараѣ. Эти старики слышали отъ предковъ своихъ, что караимы переселились въ Крымъ вмѣстѣ съ татарами изъ Персіи, Бухаріи и Черкесіи. Кромѣ того въ Мангупѣ поселились впоследствии выходцы изъ Старого Крыма. Вмѣстѣ съ ними караимовъ въ Мангупѣ было до 300 семействъ; но къ времени присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783-мъ году число это, по разнымъ причинамъ, уменьшилось до 70-ти семействъ. Въ 1791-мъ году и эти разсѣялись по разнымъ мѣстамъ; мангупская земля поступила во владѣніе бывшего хазнадара, отцу Адильбея Балатукова, въ семействѣ котораго остается до сихъ поръ. Въ числѣ памятниковъ мангупскаго кладбища есть памятникъ Моисея Исаакова сына, относящійся къ 1278-му году; стало быть, существованіе Мангупа и пребываніе въ немъ караимовъ въ XIII-мъ столѣтіи — несомнѣнно. Но, сколько помню, знаменитый караимскій археологъ Фирковичъ говорилъ мнѣ о гораздо древнѣйшихъ надписяхъ мангупскаго кладбища. Если принять во вниманіе, что преданіе связываетъ поселеніе въ Мангупѣ съ переселеніемъ караимовъ изъ Азіи, то это событіе должно относиться къ глубокой древности. Фирковичъ доказываетъ, на основаніи одной приписки къ древнему пятикнижію, что соплеменники его поселились въ Крыму въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Въ Иосафатовой долинѣ Чуфутъ-Кале, ученый этотъ откопалъ древній гробъ, почти упавшій въ землю, и прочелъ на немъ надпись одного изъ самыхъ первыхъ годовъ перваго вѣка нашей эры, чуть-ли не 6-го года по Р. Хр. Сверхъ того, онъ нашелъ въ томъ же кладбищѣ гробницу караимскаго раввина, обратившаго хазаря въ іудейскую вѣру въ VII-мъ столѣтіи. Всѣ эти обстоятельства, а равно необыкновенное сходство Чуфута съ Мангупъ-Кале и ихъ близкое сосѣдство, заставляютъ вѣрять, что Мангупъ былъ древнѣйшимъ мѣстожителемъ крымскихъ

караимовъ. Глядя на Столовую гору и на гробницы Мангупа, легко можете вообразить себя въ Чуфутъ, и трудно думать, бы эти два родственные и сосѣдніе города населились не-современно.

Во всякомъ случаѣ поселеніе караимовъ въ Мангупѣ не можетъ служить къ объясненію времени основанія его. Никто не приписывалъ караимамъ постройки Мангупа, уже по той простой причинѣ, что караимы никогда не вели самостоятельнаго политическаго существованія.

Всего вѣроятнѣе, что Мангупъ основанъ готами, которые жили въ Крыму частью во II-мъ, частью въ IV-мъ столѣтіи нашей эры. Многіе старые писатели говорятъ о Манкупѣ и Манкопѣ, какъ столицѣ готъ. Краковскій каноникъ Готтхольдъ изъ Мѣхова, жившій на переломѣ XV-го и XVI-го столѣтій, въ своемъ описаніи страны сарматовъ, говоритъ, что готы вошли черезъ сѣверныя ворота Тавриды (т.-е. Перекопъ) и заняли всѣ ея города, селенія и земли, такъ что *одинъ только замокъ Манкупъ остался за владѣльцами манкупскими, которые были родомъ готы и говорили по-готски*. Мухамедъ же, когда завладѣлъ Каею и привелъ въ зависимость перекопскихъ готъ со всѣмъ полуостровомъ, убилъ двухъ братьевъ и владѣльцевъ манкупскихъ, *последнихъ готъ*, когда-либо бывшихъ въ Сарматіи, Италіи, Испаніи и Франціи, и овладѣлъ Манку-помъ.

Такое обстоятельное и рѣшительное извѣстіе имѣетъ большое значеніе въ устахъ человѣка, бывшаго современникомъ Магометова завоеванія.

Это подтверждаетъ и Бержеронъ, говоря, что *готы, тѣснимые гуннами, перешли частью во Фракію, Болгарію и далѣе въ Италію, частью въ Тавриду*, гдѣ, послѣ изгнанія ихъ татарами, *нѣкоторые остались въ Манкупѣ и другихъ мѣстахъ*.

Бузбекъ, нѣмецкій посолъ въ Константинополѣ, разспрашивалъ въ XVI-мъ столѣтіи о крымскихъ готахъ людей, бывавшихъ въ Крыму. Они передавали ему о воинственномъ характерѣ готъ и о томъ, что у нихъ *главные города Манкупъ и Scikarin*. Стало быть, во время Бузбека готы еще жили въ Крыму, какъ отдѣльная національность.

Также опредѣленно выражается Тунманъ, котораго обстоятельное сочиненіе о Крымѣ помѣщено въ 1787-мъ году въ Бюшнговой географіи. Упомянувъ, что греческія владѣнія въ Крыму съ 1204-го года сами себѣ избирали правителей или подпадали подъ власть особыхъ князей, онъ добавляетъ, что два

такихъ княжества существовали до покоренія этихъ мѣстъ тузами: Теодорійское (Инкерманское) и *Готское (Мангупъ)*.

По увѣренію Тунмана, уже въ 754-мъ году въ Мангупѣ былъ *готскій епископъ*, и готы жили въ немъ еще въ 1560-мъ году. Главными городами ихъ Тунманъ, вѣроятно со словъ Бубека, называетъ также Мангупъ и мѣстечко неподалеку отсюда по имени Schugen или Schikarin; не трудно угадать въ этомъ послѣднемъ нынѣшній *Сюйренъ* на Бельбекѣ, въ сосѣдствѣ с Мангупомъ; въ немъ дѣйствительно видны развалины сильнаго укрѣпленія.

* Литовскій митрополитъ Богушъ-Сестренцевичъ, современникъ присоединенія Крыма въ Россію, лично посѣщавшій Крымъ и знакомый со всею древнею литературою о Крымѣ, самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о Мангупѣ, какъ о столицѣ Готіи:

«Въ 7' отъ Инкермана гора Баба, отдѣленная, покрытая лѣсомъ, съ остроконечною свалою на вершинѣ.... Гора сія составляетъ почти равносторонній треугольникъ съ тѣми, на югѣ которыхъ находится Инкерманъ и Балаклава. Она приступна съ одной стороны черезъ отлогій скатъ. Въ прочихъ же мѣстахъ пресѣкается оное пропастью неизмѣримою взоромъ глубины. Ея внутренность содержитъ великія изсѣченныя въ камняхъ пещеры. Вершина ея есть пространная, прямая и плодовыми деревьями покрытая равнина, въ срединѣ коей видны *развалины пространнаго города, нѣкогда бывшаго мѣстомъ пребыванія готовъ, которые называли его Мангупомъ, а греки Кастроузъ-Готиконъ*».

Въ другихъ мѣстахъ своей Исторіи Тавріи, составленной по Геродоту, Берозу, Діодору и пр., особенно же по византійскому историку Проконію, Сестренцевичъ говоритъ:

«Въ срединѣ II-го вѣка готы покорили тавровъ, концы имя почти истребили. Въ концѣ IV-го вѣка другое колено готовъ, гонимое гуннами, проникло сквозь неприступныя тѣсныя горы и основало въ онѣхъ республику, послѣ известную подъ именемъ княжества *трапезитскихъ готовъ, государи коихъ жили въ Мангупѣ*. Готы названы были греками — трапезитами, потому что жили на *Столовой горѣ южнаго берега (Синабада)* параллельно южному берегу. По готскому произношенію страна эта называлась Доріе (Тауріе) и Готія. *Столицею былъ Мангупъ*». Трудно думать, чтобы готы жили именно на Яйлѣ, которую Сестренцевичъ называетъ Синабагомъ, и которая не сохранила на себѣ никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Не вѣроятнѣе ли подразумѣвать подъ Столовыми горами дѣйствительные трапезусы, скалистые столы Мангупа, Эски-Кермена и

др., которые нѣкоторыми даже позднѣйшими писателями (можетъ быть, по причинѣ сосѣдства своего съ моремъ) считались на морскомъ берегу.

Сестренивичъ, посѣтивъ Мангупъ, былъ пораженъ чертами лица и нарѣчіемъ его обитателей. Онъ нашелъ въ Мангупѣ «нѣсколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ неимущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ то можно заключить по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ и нарѣчію, совершенно отличному отъ языка сосѣдей». Впрочемъ очень вѣроятно, что почтенный прелатъ изумлялся ничему иному, какъ особенностямъ типа тѣхъ караимскихъ сыромятниковъ, которыхъ почти въ его же время встрѣтилъ въ Мангупѣ натуралистъ Палласъ.

Историки свидѣтельствуютъ, что «татары оставили стариннымъ христіанамъ гористыя и лѣсистыя части страны, гдѣ города Мангупъ, Кааа и др.»; но въ концѣ XV-го столѣтія турки, овладѣвъ приморскими городами Крыма, завладѣли и Мангупомъ. Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, о которомъ такъ часто приходится мнѣ упоминать, говоря о древностяхъ крымскихъ городовъ, видѣлъ Мангупъ въ 1578-мъ году, и оставилъ намъ такое описаніе его:

«Г. Мангупъ лежитъ между горами и лѣсами, далеко отъ моря. Здѣсь было два замка, построенныхъ на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя греческія церкви, дома и много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но потомъ онъ былъ взятъ турками, а еще позже, спустя 18 лѣтъ, по связанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго верхняго замка, въ которомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями, и высокій каменный домъ. Нерѣдко случается, что ханы, взбѣшенные противъ пословъ московскихъ и водимые варварскимъ обычаемъ, затворяютъ ихъ въ этомъ домѣ и строго содержатъ. Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая святаго Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живетъ только 1 грекъ, да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное разореніе и забвеніе. Нѣтъ даже никакихъ письменныхъ памятниковъ ни о вождяхъ, ни о народахъ, которые владѣли этими огромными замками и городами.

«Я съ величайшимъ стараніемъ и трудомъ отыскивалъ ихъ слѣды на каждомъ мѣстѣ. Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческіе князя, дѣдъ

и внуки, которые вѣрно происходили отъ крови константинопольскихъ или трапезунтскихъ государей. Греки - христіане довольно долго въ этомъ городѣ обитали. Но вскорѣ потомъ, невѣрный и варварскій народъ, турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ константинопольскіе князья уведены оттуда живые, и такимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ видны изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ они, кажется, происходили».

Извѣстіе о кончинѣ вождей Мангуна согласуется съ разсказомъ каноника Матвѣя. Если греческій священникъ, передававшій Броневскому исторію своего города, и считалъ послѣднихъ вождей Мангуна за своихъ соплеменниковъ-грековъ, то это не можетъ еще опровергнуть свидѣтельства Матвѣя о томъ, что они были родомъ готы. Очень можетъ быть, что въ то время большая часть готовъ уже слились съ греками и, продолжая быть готами по крови и языку, назывались иногда общимъ именемъ грековъ, къ политическому строю и религіи которыхъ они принадлежали, иногда своимъ родовымъ именемъ; точно такъ, какъ различныя племена, вошедшія въ составъ нашего государства, могутъ называться то общимъ именемъ русскихъ, то отдѣльными именами своихъ прежнихъ національностей.

Въ нашихъ «Крымскихъ Дѣлахъ» Мангупъ упоминается поздно, только съ 1474 г. Въ 1475 г. по свидѣтельству этихъ «Дѣлъ», передаваемому Карамзинымъ, въ Мангупѣ былъ князь Исайко, который черезъ московскаго посла боярина Никиту Белемишева предлагалъ свою дочь въ замужество великому князю Іоанну Іоанновичу, сыну Івана Васильевича III-го, и Иванъ III-й поручалъ своему другому послу, Алексѣю Старкову, развѣдать черезъ каѣнскаго богатаго еврея, Хози-Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ Исайко готовитъ въ приданое за своею дочерью. Исайко этотъ въ одномъ генуэзскомъ документѣ 1472 года названъ *Signore del Theodoro*, «владѣтель Теодоро». Это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ признать, что Теодори, Теодоро, Лотодеро, упоминаемый весьма часто въ исторіи Крыма, какъ значительный городъ и даже отдѣльное княжество, былъ не Инкерманъ, какъ до сихъ поръ думаютъ — а именно Мангупъ-Кале.

Турецкіе султаны иногда посылали въ Россію посланіи князей мангупскихъ, которые были родомъ греки. Такъ въ 1512 году султанъ Селимъ посылалъ въ Москву посломъ *Теодорита*,

князя *Мангупскаго, Кемала*; а въ 1522 г. султанъ Солиманъ посылалъ къ намъ *Скандера князя Мангупскаго*.

Въ XIV-мъ столѣтіи Мангупъ, повидимому, попалъ подъ власть генуэзцевъ, потому что турки отняли его не у грековъ, а у генуэзцевъ. Сестренцевичъ, на основаніи, кажется, итальянскихъ источниковъ, такъ передаетъ намъ о паденіи Мангупа: Послѣ того, какъ турки взяли Каю, Судаю, Балакляву, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь и пр., Мангупъ «называемый стальнымъ, поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него, и который почитали неприступнымъ, тѣмъ менѣе колебался въ защищеніи себя, что былъ усиленъ множествомъ бѣглыхъ генуэзцевъ».

Ахметъ-паша рѣшился взять его голодомъ. Но по оплошности своей начальникъ города былъ нечаянно захваченъ турками въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ на охоту. Городъ былъ взятъ. Генуэзцы бѣжали въ противоположныя ворота. Большая часть жителей была побита, остальные отосланы въ плѣнъ въ Царьградъ. Эти подробности подтверждаются у Карамзина и исторіею крымскихъ хановъ, изданною въ Казани.

Боппланъ, французскій инженеръ, посѣтившій Мангупъ въ XVII стол., то-есть уже послѣ разрушившаго его пожара, отзывается о немъ, какъ о незначительномъ мѣстечкѣ:

«Манкупо—дрянной замокъ на горѣ Баба, въ этомъ замкѣ всѣ жители—евреи, и въ немъ не можетъ быть болѣе 60 дымовъ».

Впрочемъ, значеніе Мангупа, какъ центральнаго административнаго и военнаго пункта, повидимому, не утратилось еще долго. При турецкомъ владычествѣ онъ остался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка. Паласаъ сохранилъ намъ списокъ селеній, принадлежавшихъ туркамъ, составленный для потребностей фиска при ханѣ Шагинъ-Гирей. Изъ списка этого видно, что мангупскій кадалыкъ былъ самый обширный и занималъ весь нынѣшній Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго. Балаклава, Инкерманъ, Ялта, Ахтиаръ (теперешній Севастополь)—принадлежали къ нему. Вообще къ нему было приписано 89 мѣстечекъ. Всѣ крымскія горы до Алушты и Демерджи, и весь южный берегъ входили въ составъ мангупскаго кадалыка.

Мангупъ въ этомъ списокѣ Шагинъ-хана (значить, въ самомъ концѣ XVIII стол.) продолжаетъ называться городомъ, хотя Инкерманъ, Балаклава и пр. старинные города перечисляются въ этомъ списокѣ въ качествѣ простыхъ деревень. Голландецъ Витсенъ говоритъ, что крымскіе ханы въ смутныя времена поль-

зовались мангупскою крѣпостью, въ которой они укрывались сами и прятали свои богатства.

Французскій посланникъ Пейсонель, бывшій въ Крыму около полустолѣтія до Палласа (1753), въ своемъ трактатѣ о черноморской торговлѣ также свидѣтельствуетъ объ административномъ значеніи Мангупа: «Манкупъ, говорить онъ, старая крѣпость; ея власть (собственно, за jurisdiction) простирается на 74 деревни».

Военное значеніе Мангупа могло усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него былъ проходъ изъ внутренности горъ, къ западному берегу Крыма и въ степь.

Инженеръ Вассаль въ 1834 г. видѣлъ еще остатки двухъ стѣнъ, преграждавшихъ у западнаго подножія Мангупа дорогу изъ Ай-Тодора въ Каралезы. Существованіемъ здѣсь важнаго прохода въ горы объясняютъ и названье *Богазъ-Сала*, подъ которымъ при Палласѣ была извѣстна деревня Каджи-Сала (богазъ—по-татарски проѣздъ).

И во время крымской кампаніи русскіе инженеры воспользовались стратегическимъ положеніемъ Мангупа. Манкупъ былъ вооруженъ пушками, а въ томъ ущельи, въ которомъ Вассаль нашелъ слѣды стѣнъ, устроены были батареи, преграждавшія непріятелю движеніе на Каралезы и Бельбекъ.

Но обратимся отъ историческихъ воспоминаній о древней судьбѣ крымскихъ горъ къ современности.

Евг. Марковъ.

Симферополь, 1871.

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ДИККЕНСА

The Life of Charles Dickens, by John Forster. Tauchnitz Ed. 1, 2 Vols.

Можно, кажется, сказать, что нѣтъ ни одного романиста, который пользовался бы такой всемірной популярностью, какъ Чарльзъ Диккенсъ, если только подъ словомъ «популярность» разумѣть нѣчто болѣе общезвѣстности. Такихъ романистовъ, которые имѣли миллионы читателей, есть нѣсколько, кромѣ Диккенса. Но различіе его съ ними то, что въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли общезвѣстность легкостью, забавностью, анекдотичностью своихъ произведеній, онъ сталъ всемірно популярнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова: кто его читалъ, не забывалъ его, сживался съ его типами, какъ съ живыми знакомыми людьми, и ощущаетъ навсегда вліяніе на свой умъ этого великаго писателя. Другая особенность популярности Диккенса та, что хотя онъ, какъ рассказчикъ, строго устранилъ изъ своихъ произведеній собственную личность, стараясь не становиться между читателемъ и дѣйствующими лицами даже и для поясненія ихъ характеровъ и намѣреній, предоставляя имъ пояснять самихъ себя, но при всемъ томъ рѣдко читатели такъ тѣсно сближались именно съ личностью самого автора, такъ сильно привязывались къ нему, какъ то было съ Диккенсомъ. Это явленіе было обусловлено особенностями какъ его таланта, такъ и его намѣреній. Какъ ни устранилъ себя Диккенсъ со сцены сво-

ихъ разсказовъ, но въ самой манерѣ его такъ много оригинальности, въ изложеніи столько задушевности, что часто мы менѣе интересуемся развязкою дѣйствія, чѣмъ чудесными свойствами того стеклышка, которое даетъ намъ этотъ авторъ и севозь которое мы разсматриваемъ людей. А сверхъ того, мы хотя и не открываемъ у него никакой преднамѣренности, но выносимъ изъ его разсказовъ такое впечатлѣніе, что онъ возлюбилъ «труждающихся и угнетенныхъ», и въ особенности дѣтей, что онъ глубоко сочувствуетъ горю и всю силу своего таланта посвящаетъ этому горю бѣдныхъ и слабыхъ, отстаиваетъ человѣчность въ сферахъ самаго порока и преступленія, будить самодовольное общество воплями тѣхъ мученій, которыхъ оно не хотѣло бы знать. Преднамѣренность скрыта не только объективностью его разсказа, но и разнообразіемъ его приемовъ. Онъ одинъ изъ первыхъ обличителей общественнаго зла въ романѣ; и несмотря на то, что послѣ него явилось много подобныхъ обличителей, они устарѣли, а не онъ, потому что они были болѣе рутинны, чѣмъ онъ. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается обличеніемъ и не только не выступаетъ прямо въ такомъ качествѣ, но скрываетъ его другимъ приемомъ: разрывая эти слои, уличающіе самодовольное общество въ эгоизмъ, онъ въ то же время, указываетъ посреди нихъ на такія чистыя, непорочныя натуры, иногда на такой истинный героизмъ какого-нибудь несчастнаго ребенка или убогой старухи, которые еще усиливаютъ обличеніе, а вмѣстѣ и разнообразятъ ту картину, которая иначе утомила бы читателя. Онъ какъ-бы указываетъ цвѣты въ открытой имъ ямѣ, и эти цвѣты не заслоняютъ яму, напротивъ, сравнительно съ ними она выдается еще рельефнѣе; но они такъ подкупаютъ читателя своей художественностью, что онъ, испитывая на себѣ все впечатлѣніе, преднамѣренное авторомъ, только самаго преднамѣренія-то и не замѣчаетъ.

Другъ слабыхъ, защитникъ дѣтей, умѣющій вызывать въ умѣ нашемъ самыя сокровенныя, полусознанныя представленія и приводить въ движеніе самыя чувствительныя, такъ сказать интимныя струны души, пользуется во всемъ свѣтѣ сочувствіемъ столь же глубокимъ, какъ велико удивленіе къ его тонкому и увлекательному юмору. Но до сихъ поръ было неизвѣстно, что Диккенсъ самъ, лично, испыталъ часть того горя, которое онъ описываетъ, что онъ съ нищетою самъ нѣкогда стоялъ лицомъ къ лицу. Вотъ главный, существенный фактъ, впервые раскрытый книгою его друга Форстера. Форстеръ написалъ біографію Диккенса по смерти его, согласно выраженному имъ не разъ желанію. Съ этой цѣлью, Диккенсъ вручилъ своему другу въ раз-

ныя времена нѣсколько автобіографическихъ отрывковъ. Сверхъ того, у Форстера сохранились всѣ письма, полученные имъ отъ Диккенса въ теченіи долговременнаго знакомства; сами по себѣ, собственныя воспоминанія Форстера о Диккенсѣ, его трудахъ, нравѣ и привычкахъ имѣли бы уже большое значеніе, такъ какъ изъ писемъ, приводимыхъ въ книгѣ, видно, что Диккенсъ совѣтовался съ нимъ о всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, просилъ его посредничества въ дѣлахъ, наконецъ считалъ его ближайшимъ повѣреннымъ своихъ мыслей, посылалъ ему до напечатанія все что писалъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ дополнялъ устными разсказами то, что не было ясно изъ автобіографическихъ отрывковъ.

Сочиненіе Форстера еще не кончено; но въ той части, которая вышла въ свѣтъ, уже заключается все что намъ наиболѣе любопытно знать о Диккенсѣ, именно, какъ онъ изъ заброшеннаго, почти уличнаго мальчика сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ; какъ онъ работалъ, и какъ относился къ людямъ и учрежденіямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать Форстеру, это тотъ, что онъ приводитъ иногда изъ извѣщающаго у него матеріала — писемъ Диккенса, такіе отрывки, которые не заключаютъ въ себѣ почти ничего, кромѣ изліяній дружбы къ нему, Форстеру; иногда же пропечатываетъ такія фразы Диккенса, которыя тотъ хотя и могъ произнести въ фамиллярномъ, необдуманномъ разговорѣ, но вѣроятно ни за что не согласился бы признать въ самомъ дѣлѣ за выраженіе своихъ мнѣній. Такъ, напр., Диккенсъ шутилъ, будто онъ влюбленъ въ молодую королеву Викторію, и когда на жизнь ея въ первый разъ было сдѣлано покушеніе, то онъ выразился при Форстерѣ, что виновника слѣдовало бы «задушить перинами» для устрашенія подражателей. Очевидно, что если такое шекспировское воспоминаніе и не было шуткой со стороны Диккенса, то во всякомъ случаѣ оно не выражало серьезнаго убѣжденія его, а было просто фразою, брошенною на вѣтеръ. Повторять такія фразы въ печати черезъ тридцать лѣтъ, влагая ихъ въ уста человѣку, который уже имѣетъ всемірное значеніе, значитъ поступать слишкомъ нераціонально. Мало ли какая глупость могла сорваться съ языка у величайшаго гения. Все что Диккенсъ хотѣлъ сказать обществу, онъ сказалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, а въ нихъ никогда и не звучало ничто, похожее на эту уродливую шутку. Въ этомъ же смыслѣ и изъ частныхъ писемъ Диккенса изъ Америки, во время первой его поѣздки туда (на этой поѣздкѣ оканчивается извѣстная намъ часть труда Диккенса), Форстеру слѣдовало выбирать поосмотрительнѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ.

Что онъ хотѣлъ дать, какъ свое мнѣніе объ американцахъ, то онъ тогда же далъ въ своихъ замѣткахъ объ Америкѣ (American Notes). Многія мѣста изъ своихъ писемъ Форстеру онъ самъ помѣстилъ въ эту книгу. Остальное, стало быть, онъ не хотѣлъ выдавать за свое мнѣніе, и Форстеру теперь слѣдовало не смѣшивать пустяковъ съ дѣломъ и не воспроизводить того, что могло быть капризомъ или шуткой, въ видѣ мнѣній великаго писателя. Такъ, напр., въ письмахъ Диккенсъ могъ много смѣяться надъ «плеваньемъ» американцевъ, гораздо больше, чѣмъ захотѣлъ бы заниматься печатно такимъ вздоромъ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что ни за что не согласился бы, нѣ могъ бы жить въ Америкѣ, и самъ не объясняетъ почему: «слишкомъ много причинъ, чтобы излагать ихъ здѣсь», говоритъ Диккенсъ. А Форстеръ теперь это печатаетъ, и выходитъ, какъ будто Диккенсъ не могъ бы жить въ Америкѣ потому, что былъ аристократъ въ душѣ. Впрочемъ медвѣжи услуги въ родѣ сейчасъ указанныхъ почти всѣ біографы, пользующіеся «частнымъ» матеріаломъ, оказываютъ своимъ героямъ. Біографъ еще въ большей степени, чѣмъ переводчикъ, traduttore, бываетъ—traditore.

За этой оговоркой относительно послѣдней вышедшей части книги Форстера, мы и не будемъ возвращаться къ ней, и обратимся прямо къ тому, что въ ней новаго, существеннаго, къ свѣдѣніямъ о дѣтствѣ и первыхъ работахъ Диккенса.

I.

Чарльзъ Диккенсъ родился въ Портсѣ 7-го февраля 1812-го года. Отецъ его былъ незначительный чиновникъ въ казначействѣ морского вѣдомства; его мать была изъ той же среды малаго чиновничества. Изъ семерыхъ братьевъ и сестеръ его, теперь жива только одна сестра. Мальчикъ онъ былъ слабый и хилый, особенно въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что чтеніе очень рано замѣняло ему игру съ товарищами. Охота къ чтенію развита была въ немъ матерью, которая не только обучила его грамотѣ, но какъ то обыкновенно бываетъ въ небогатыхъ семействахъ въ Англіи, дала ему все первоначальное образованіе, включая сюда разумѣется и основанія латинскаго языка. Дѣтъ шести-семи отъ роду, Чарльзъ уже перечиталъ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были Дон-Кихотъ, Жиль Блазъ, Робинсонъ Крузо, Вэфильдскій священникъ, арабскія сказки и т. д. Необыкновенная наблюдательность и сила воображенія проявля-

тиса во всѣхъ отрывкахъ, гдѣ Диккенсъ самъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ. Изъ этихъ воспоминаній тотчасъ убѣждаешься, что въ немъ и въ самомъ раннемъ возрастѣ проявлялась не одна только впечатлительность, общая всѣмъ дѣтямъ, но именно способность такъ связать тотчасъ «причитать» къ впечатлѣнію — какую-нибудь идею, и тѣмъ самымъ закрѣпить это впечатлѣніе въ умѣ навсегда; и также, только наоборотъ — внутреннія понятія тотчасъ сопрягать съ вещественнымъ представленіемъ, съ образомъ, или звукомъ, или запахомъ, а при чтеніи все происходящее въ книгѣ тотчасъ переносить въ реальную область ближайшей, окружающей себя сферы. Такъ Диккенсъ помнилъ, какъ его учили азбукѣ, потому что помнилъ, какъ «добродушны» ему показались О и S посреди другихъ буквъ. Онъ читаетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался англійскій мореплаватель среди дикихъ, и нѣсколько дней ходитъ въ квартирѣ вооруженный колѣдкой; въ то время какъ онъ читаетъ, что матросъ лежитъ на мачту, онъ видитъ образъ человѣка, лѣзущаго на шпиль закломой ему волокольні.

Изъ этой способности сопрягать мысль съ образомъ, и наоборотъ, естественно вытекала потребность собственнаго творчества. И вотъ, ребенкомъ, Диккенсъ уже написалъ трагедію «Миссаръ, султанъ индійскій».

До 9-го года Диккенсъ жилъ въ Чатамѣ и ходилъ тамъ въ начальную школу. Онъ отлично помнилъ разныя дѣйствительныя и воображаемыя происшествія, которыхъ свидѣтелемъ былъ лугъ, служившій ученикамъ мѣстомъ игры. Но въ то же время у него не менѣе крѣпко запечатлѣлся въ памяти такой чисто-отвлеченный фактъ, какъ сообщеніе ему, на этомъ же лугу, однимъ изъ товарищей, сыномъ чиновника поважнѣе, что на свѣтѣ существуютъ *радикалы*. Товарищъ объяснилъ ему, что есть «нѣкая ужасная шайка, называемая *радикалы*, которой принципы состоятъ въ томъ, что принцъ-регентъ носитъ корсетъ, что никто не имѣетъ права на жалованье, и что армию и флотъ слѣдуетъ отмѣнить», — ужасы, которые тревожили его въ постели, такъ что онъ молился, чтобы «радикалы» были скорѣе взяты и повѣшены. Изъ воспоминаній его дѣтства многое совершенно точно рассказано имъ въ «Давидѣ Копперфильдѣ»; тамъ же перечислены и книги, которыя любилъ читать Давидъ Копперфильдъ, то-есть Чарльзъ Диккенсъ: Roderick Random, Peregrine Pickle, потомъ тѣ, которыя уже названы выше и еще нѣсколько сборниковъ. Въ описаніи дѣтства Копперфильда вошли многіе отрывки изъ собственныхъ воспоминаній Диккенса, и кажется начальныя буквы имени

Давида Копперфильда не безъ намѣренія тѣ же, какъ Чарльзъ Диккенса (C. D.).

Чарльзу только-что пошелъ десятый годъ, когда отца его перевели на службу въ Лондонъ. Мальчикъ долженъ былъ распрощаться со школой, товарищами, съ почти деревенской жизнью, съ Эктемомъ, гдѣ была «родина его фантазій». Его отправили въ Лондонъ въ дилижансѣ, одного. Запахъ сырой соломы, служившей подстилкою въ дилижансѣ, навсегда оставался въ его памяти связаннымъ съ прїѣздомъ въ Лондонъ. «Кромѣ меня, внутри дилижанса, не было никого, одиноко поѣдалъ я мои бутерброды, и все время шелъ дождь, и жизнь показалась мнѣ грязноватѣе, чѣмъ я ожидалъ». Въ Лондонѣ Диккенсы тотчасъ попали въ крайне-стѣсненное положеніе, въ которомъ и оставались до тѣхъ поръ, пока Диккенсъ-отецъ не бросилъ ремесло чиновника и не сдѣлался газетнымъ стенографомъ. Постоянныя денежныя затрудненія, частыя сдѣлки съ кредиторами, нищета, а наконецъ и тюрьма за долги, и все это при невозмутимой безпечности и добродушіи отца Диккенса, послужили канвой для знаменитаго изображенія супруговъ Микюберъ, которые постоянно переселяются изъ угла въ уголъ, и при томъ все утѣшаются надеждою на нѣчто могущее «представиться» (something turning up) и выручить ихъ изъ бѣды; которые пишутъ отчаянныя письма, съ прощаньями на вѣки, какъ будто «на этотъ разъ» небо уже окончательно рухнуло надъ ними, а между тѣмъ, когда придется провожать ихъ, то они сидятъ на верху дилижанса, улыбаются и грызутъ орѣхи.

Bayham-street въ то время (1821—22) была одна изъ бѣднѣйшихъ, отдаленныхъ мѣстностей Лондона. Узкая квартира, съ несчастнымъ садикомъ, выходившимъ на грязный дворъ; радомъ сосѣдка—прачка; сосѣдъ, напротивъ—полисменъ. Мальчиковъ, товарищей не было; совершенное уединеніе, но безъ природы, уединеніе на грязной улицѣ, среди нищеты—вотъ та обстановка, въ какую попалъ мальчикъ Диккенсъ. Горько ему было, что все хоршее, то-есть и луга, и близость моря, и паркъ, и книги, осталось далеко, въ Чатамъ; горько было, что нельзя было учиться, что его не посылали въ школу. «Но», замѣчаетъ отъ себя Форстеръ, «онъ не зналъ, что въ дѣйствительности онъ поступилъ въ иную школу. Безсознательно, наблюдая окружающую нищету, и самоучкою додумываясь до вѣрной оцѣнки поступковъ окружающихъ его взрослыхъ людей, онъ учился въ то время именно тому, что ему необходимо было знать, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впоследствии». Форстеръ для объясненія того, какимъ образомъ мальчикъ остался нѣкоторое

время безъ воспитанія и безъ присмотра, какъ бы заброшенный, приводитъ со словъ Диккенса слѣдующій портретъ отца его: «Отецъ мой одинъ изъ самыхъ сердечно-добрыхъ и великодушныхъ людей, какіе когда-либо бывали на свѣтѣ. Все, что я только могу припомнить себѣ изъ его поведенія относительно жены его, или дѣтей, или друзей, въ болѣзни и печали,—выше всякой похвалы. Когда я, будучи ребенкомъ, хворалъ, онъ день и ночь, безъ усталы, наблюдалъ за мной, терпѣливо просиживалъ подлѣ меня многіе дни и многія ночи. Всякое дѣло, порученіе или добѣренность, за какія онъ только принимался, онъ всегда исполнялъ усердно, добросовѣстно, аккуратно, честно. Трудолюбіе его всегда было безгранично. Онъ и гордился мною, по-своему, и особенно любовался моимъ умѣньемъ исполнять комическія пѣсни. Но природная его легкость характера (Диккенсъ не хотѣлъ сказать: безпечность, а называлъ это близко подходящими словами: *the ease of his temper*) и потомъ ограниченность его средствъ произвели то, что въ это время онъ повидимому совсѣмъ утратилъ мысль о доставленіи мнѣ вообще какого бы то ни было воспитанія, и о томъ, что на немъ лежала какая бы то ни было обязанность въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, я мало-по-малу былъ обращенъ къ чисткѣ его и своихъ сапоговъ по утрамъ, къ разнымъ домашнимъ работамъ, къ нанчанью своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ (всѣхъ насъ было тогда шестеро) и къ побѣгушкамъ такого рода, какой соотвѣтствовалъ нашей бѣдности».

Изъ этихъ побѣгушекъ, многія, какъ оказывается, имѣли цѣлью букиниста, скупавшаго книги. Представьте себѣ десятилѣтняго мальчика, который приходитъ къ букинисту съ книгой, и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ него нѣсколькихъ шиллинговъ, такъ необходимыхъ дома; а букинистъ, между тѣмъ, пропьянствовавъ ночь, по обыкновенію, ругается съ женой, ищетъ деньги по карманамъ своего платья, и наконецъ даетъ, но не все, что слѣдуетъ по его же оцѣнкѣ! Остальное дополняетъ уже въ другой комнатѣ его жена. Этотъ мальчикъ — Диккенсъ. Родители его придумывали разныя комбинаціи, чтобы выпутаться изъ своего положенія, но всѣ эти комбинаціи, по очевидной безпечности ихъ—хотя Диккенсъ и Форстеръ не говорятъ этого—не удавались. Въ числѣ ихъ было основаніе школы, въ которой г-жа Диккенсъ хотѣла обучать дѣтей, присылаемыхъ въ Англію изъ Ост-Индіи, для воспитанія. Чарльзъ Диккенсъ разнесъ множество экземпляровъ объявленій объ этой школѣ. Но повидимому все основаніе ея состояло въ томъ, что пріискана была квартира нѣсколько лучше прежней, и на двери вывѣшена

была бронзовая доска съ надписью: Mrs. Dickens's Establishment. Предполагалось конечно, что они скоро разбогатеютъ отъ видѣскихъ доходовъ, и самъ Чарльзъ впередъ утѣшалъ себя мыслью, что тогда ему можно будетъ учиться. «Но никто не явился в нашу школу, говоритъ Диккенсъ, и я даже не помню, чтобъ кто-нибудь, когда-либо, заявилъ желаніе поступить въ нее, и чтобы когда-либо дѣлались, какія бы то ни было приготовленія для пріема кого-нибудь въ нее». Понятно, что такимъ путемъ «школа» вмѣсто обогащенія привела совсѣмъ въ иному результату, а именно къ тюрьмѣ за долги. Со слезами бѣгалъ мальчикъ изъ дому къ отцу, когда тотъ былъ арестованъ, но еще не посаженъ въ тюрьму. Когда же, наконецъ, ворота тюрьмы приняли Диккенса старшаго и онъ сказалъ сыну: «теперь для меня зашло солнце навѣки», то мальчикъ былъ пораженъ глубокимъ горемъ и искренно принялъ такой исходъ за финальную катастрофу. Но очень скоро оказалось, что отецъ зажилъ въ тюрьмѣ съ обычною веселостью и беззаботностью, совершенно какъ мистеръ Микоуберъ. Вообще отношеніе Микоубера къ превратностямъ судьбы и самыя сцены, происходящія въ тюрьмѣ въ «Давидѣ Копперфильдѣ», были списаны съ натуры, изъ воспоминаній о томъ, какъ онъ мальчикомъ посѣщалъ отца и мать въ тюрьмѣ Маршэlsi, и былъ тамъ «представленъ» ими другимъ заключеннымъ. Но испытанія мальчика не кончились тѣмъ, что домъ его былъ перенесенъ въ тюрьму. Ему предстояло испытаніе иного рода, именно паденіе до степени простого черно-рабочаго мальчика. Диккенсъ крайне тяготился впоследствии воспоминаніемъ объ этомъ времени своей жизни, и именно для «облегченія» себя отъ боли, какую оно ему причиняло сперва, рассказалъ эти обстоятельства въ письмѣ къ своему другу Форстеру, а потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, предпринялъ описать вообще свое дѣтство въ романѣ, что и послужило основой для «Копперфильда». Но и Форстеру онъ не при самомъ началѣ своей дружбы съ нимъ сдѣлалъ эти признанія, а сдѣлалъ ихъ онъ, между прочимъ, и съ той цѣлью, чтобы Форстеръ огласилъ ихъ въ біографіи, по смерти Диккенса, что Форстеръ теперь и исполнилъ. Обстоятельства, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, относятся къ 1822-му году.

Въ то время славилась вакса Уоррена—Warren's Blacking. 30, Strand—таковы были и названія этого знаменитаго продукта, и его адресъ. Нѣкій родственникъ Роберта Уоррена, эксплуататора этой ваксы, Джонатанъ Уорренъ заявлялъ претензію, что настоящимъ изобрѣтателемъ «ваксы Уоррена» былъ онъ, и что Робертъ Уорренъ, устранивъ отъ дѣла законнаго отца этой ваксы,

плаутировалъ ее въ свою пользу. Весьма дальній родствен-
 гь Диккенсовъ, Джоржъ Лемертъ купилъ у этого обиженнаго
 ррена его рецептъ и имя, за пожизненную ренту, и открылъ
 изъ того же Strand лавку «настоящей» уорренской ваксы.
 рець его былъ: 30, Hungerford-stairs, Strand, при чемъ, для
 рѣйшей конкуренціи цифра 30 и названіе Strand, которые
 ли одинаковы съ адресомъ Роберта Уоррена, печатались на
 явленіяхъ крупно, а имя самаго мѣста, Hungerford-stairs,
 гь неподходящее къ дѣлу, печаталось мелкимъ шрифтомъ. Въ
 то коммерческое предпріятіе мальчикъ Диккенсъ былъ отданъ
 ими беззаботными родителями. Ихъ прельстило, что ему на-
 чалось жалованье, которое составляло сперва шесть, потомъ
 ы шиллинговъ въ недѣлю. Диккенсъ въ одномъ изъ автобіо-
 афическихкихъ отрывковъ, которые онъ далъ Форстеру, такъ го-
 рить объ этомъ рѣшеніи: «мнѣ удивительно, какъ могли меня
 нымъ образомъ бросить на произволъ судьбы въ такомъ воз-
 стѣ. Я не понимаю, какъ никто не имѣлъ достаточно жа-
 сти къ ребенку замѣтныхъ способностей, понятливому, при-
 жному, слабому, такому, котораго легко было обидѣть физи-
 ски и нравственно, — и не заикнулся, что слѣдовало найти
 кія-нибудь средства — невозможно это не было — чтобы опре-
 нить меня въ какую-нибудь школу. Должно быть, друзья наши
 се устали помогать намъ; ни одинъ изъ нихъ не отделился. Ре-
 цъ мой и мать были совершенно довольны, такъ довольны
 ей судьбой, какъ будто бы мнѣ было двадцать лѣтъ, и я, съ
 личіемъ, окончивъ средній курсъ, поступалъ въ вѣмбриджскій
 нверситетъ».

Складъ ваксы помѣщался въ старомъ, полуразрушенномъ
 мѣ, выходившемъ на Темзу и наполненномъ крысами. Дик-
 яса посадили сперва въ особую каморку въ томъ этажѣ, гдѣ
 мѣщалась контора. Работа его состояла въ томъ, чтобы обя-
 зать банки съ ваксою. Банки онъ долженъ былъ сперва по-
 нить сверху бумагой, пропитанной масломъ, потомъ синей бу-
 жой, обвязать покрывку шнуркомъ, обрѣзать вокругъ бумагу,
 когда такимъ образомъ было готово нѣсколько «гроссовъ»
 шокъ, — наклеивать на каждую печатный ярлыкъ. Въ первый же
 ѣ, къ нему въ каморку явился мальчикъ въ разорванномъ
 редникѣ и бумажномъ колпакѣ, чтобы показать ему, какъ это
 ается; мальчикъ этотъ назывался Bob Fagin; его имя впо-
 аствіи дано было Диккенсомъ одному изъ лицъ «Оливера
 ста».

Родственникъ Диккенса намѣревался сперва учить его чему-
 будь во время обѣда, каждый день; но конторскія занятія

мѣшали исполненію этого намѣренія, которое и было скоро оставлено. вмѣстѣ съ тѣмъ Диккенсъ перешелъ изъ своей отдѣльной каморки въ общую комнату, гдѣ еще нѣсколько мальчиковъ занимались тѣмъ же самымъ дѣломъ, какъ и онъ. «Нѣтъ словъ», говоритъ Диккенсъ въ своей запискѣ, «чтобы выразить ту скрытую муку, какой подверглась моя душа, когда я пахъ до этого положенія и этого общества, сравнивалъ моихъ новыхъ товарищей съ друзьями моего ранняго дѣтства, и почувствовалъ, что всѣ мои надежды стать, выросши, образованнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, были сокрушены. Я не могу теперь выразить съ достаточной силой моихъ тогдашнихъ чувствъ: совнанія, что я совершенно заброшенъ и лишенъ всякой надежды, стыда, внищенного мнѣ моимъ положеніемъ, горя, съ какимъ мое юное сердце чувствовало, что вотъ день за днемъ во мнѣ изглаживается, улетаетъ отъ меня навсегда все то, чему я учился, о чемъ думалъ, чѣмъ наслаждался, что возвышало и воображеніе мое и мое стремленіе къ развитію. Вся моя природа до того была насквозь проникнута горемъ и униженіемъ всѣхъ этихъ соображеній, что я даже теперь, несмотря на то, что извѣстенъ, облаканъ, счастливъ, иногда забываю въ своихъ грѣзахъ, что у меня есть любимыя мною жена, дѣти, забываю даже, что я взрослый человѣкъ, и снова мысленно брожу въ томъ времени моей жизни». Диккенсъ въ это время жилъ, то-есть спалъ, дома, у родителей; обѣдъ онъ или бралъ съ собой, или покупалъ гдѣ-нибудь въ лавкѣ, по близости къ складу своего хозяина, кусокъ хлѣба и сыру или говядины. По субботамъ ввечеру, получивъ свои шесть шиллинговъ, онъ забывалъ горе, и идя домой съ удовольствіемъ останавливался передъ окнами лавокъ, думая о томъ, что можно купить на эту сумму. Онъ обыкновенно покупалъ себѣ Hunt's roasted corn (ржаной кофе), «британскій и патріотическій продуктъ, замѣняющій кофе», и дешевый листокъ періодическаго изданія.

Но родители Диккенса, продолжая свое «микоуберовское» житье, довольно часто должны были переѣзжать съ квартиры на квартиру. Когда это случилось съ ними вновь, въ первый разъ послѣ того какъ Диккенсъ былъ «пристроенъ» къ ваксѣ, то, чтобы ему не было слишкомъ далеко ходить на работу, они помѣстили его къ старушкѣ, содержавшей нѣчто въ родѣ пріюта, то-есть квартиру, гдѣ помѣщалось нѣсколько дѣтей за плату. За исключеніемъ платы за квартиру и одежды, Чарльзъ Диккенсъ въ это время содержалъ себя совершенно самъ, то-есть кормился исключительно на свои 6 или 7 шиллинговъ въ недѣлю. «Я не имѣлъ ни указанія, ни совѣта, ни одобренія, ни

утѣшенія, ни поддержки ни отъ кого, Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель», пишетъ самъ Диккенсъ. Но надо привести нѣсколько чертъ изъ тогдашней его жизни въ собственномъ его описаніи.

«Я былъ еще такой ребенокъ и такъ мало способенъ заботиться о всемъ моемъ существованіи, что поутру, идя къ Hungerford-stairs, я не могъ иногда устоять противъ соблазна при видѣ черстватаго пирожнаго, выставленнаго у дверей пирожныхъ лавокъ въ Тоттенгамъ-Кортъ; и часто я издерживалъ на это пирожное тѣ деньги, которыя должны были служить мнѣ на обѣдъ. Тогда я такъ и оставался безъ обѣда, или покупалъ булку, или ломоть пуддинга. Были двѣ лавки, торговавшія пуддингомъ, между которыми я дѣлалъ выборъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ. Одна была на дворѣ, вблизи церкви св. Мартина; ея теперь нѣтъ слѣда. Тамъ продавался пуддингъ съ кориновками, пуддингъ особаго сорта; но онъ былъ дорогъ: на два пенни его давали не больше, чѣмъ можно было имѣть обыкновеннаго пуддинга на одинъ пенни. Хорошій обыкновенный пуддингъ продавался въ другой лавкѣ, на Страндѣ, гдѣ-то тамъ, гдѣ теперь Лаутерова аркада. Это былъ плотный, здоровый, тяжелый пуддингъ, съ большими изюминами, воткнутыми въ пѣломъ видѣ, но на большихъ разстояніяхъ одна отъ другой. Онъ являлся горячимъ около полудня, ежедневно, и много, много разъ имъ и ограничивался мой обѣдъ. Полчаса намъ давалось на чай. Когда денегъ у меня было довольно, я ходилъ въ кофейню и бралъ порцію кофе, съ ломтемъ хлѣба съ масломъ. Когда денегъ не было, я ходилъ на (цвѣточный) рынокъ въ Ковент-Гарденъ, и тамъ глядѣлъ на ананасы. Одну изъ кофейенъ, въ которыя я ходилъ, помню и теперь, то-есть помню только, что она была близко церкви св. Мартина, и что у ней въ двери было овальное стекло, на которомъ была накрашена надпись Coffee-room, обращенная къ улицѣ. Во мнѣ и теперь, если, зайдя въ совсѣмъ иную кофейню, я замѣчу на стеклѣ такую же надпись, и прочитаю ее на выворотъ: moog-eeffos (какъ я тогда часто дѣлалъ въ печальномъ раздумьѣ), во мнѣ и теперь какъ будто содрогается кровь».

Диккенсъ-старшій въ тюрьмѣ сохранялъ свое жалованье; жена его жила съ нимъ тамъ же, и они держали при себѣ маленькую служанку, которая, впрочемъ, имѣла ночлегъ не въ тюрьмѣ, а по близости къ ней, въ наемномъ углу. Диккенсы жили въ тюрьмѣ съ большимъ комфортомъ, чѣмъ когда-либо прежде на свободѣ. Чарльзъ, вставъ утромъ, отправлялся завтракать домой, то есть въ тюрьму, и туда же приходилъ ужинать, а возвращался на свою квартиру въ девять часовъ вечера, такъ

какъ въ десять часовъ ворота тюрьмы запирались. Отъ своихъ товарищей по вахильному дѣлу онъ хранилъ въ тайнѣ горькій фактъ, что настоящій домъ его въ тюрьмѣ. Разъ съ нимъ въ складѣ случился припадокъ спазмъ, которымъ онъ страдалъ съ первыхъ лѣтъ жизни. Къ вечеру, хотя онъ поправился, его не хотѣли отпустить домой безъ провожатаго, и одинъ изъ мальчиковъ, старше его, по имени Бобъ Фагинъ (имя это встрѣчается въ «Оливеръ Твистѣ») взялся проводить его. Надо было идти ужинать: куда?—въ тюрьму. Поэтому Чарльзъ на дорогѣ всячески старался отвязаться отъ своего провожатаго, но тотъ не оставлялъ его. Такимъ образомъ, они пришли къ соуворкскому мосту. Здѣсь Диккенсъ остановился у одного дома, и распрощался съ Бобомъ Фагинымъ, оставляя его при мысли, что онъ, Диккенсъ, живетъ въ этомъ домѣ. «Для ббльшей же вѣрности, рассказываетъ онъ, на случай, если бы мой провожатый обернулся посмотрѣть на меня, я постучалъ въ дверь этого дома, и когда мнѣ отворила женщина, то я спросилъ у нея, не здѣсь ли живетъ мистеръ Робертъ Фагинъ?»

«Нисколько не преувеличиваю, ни намѣренно ни ненамѣренно, того недостатка средствъ и тѣхъ трудностей къ существованію, какими я былъ обставленъ въ то время. Достоверно, что если мнѣ кѣмъ-нибудь дарился шиллингъ, то я издерживалъ его на прокормленіе, чтобы пообѣдать или напиться чаю. Достоверно, что я работалъ съ утра до ночи, оборваннымъ ребенкомъ, вѣстѣ съ грубыми людьми и дѣтьми. Достоверно, что я безуспѣшно пробовалъ не издерживать впередъ части своего заработка, такъ чтобы онъ кормилъ меня всю недѣлю; съ этой цѣлью я раздѣлялъ свои деньги на равныя части въ шесть пакетиковъ, и держалъ ихъ такъ въ ящикѣ, который былъ у меня въ конторѣ; на каждомъ пакетикѣ былъ написанъ день. Достоверно, что я блуждалъ по улицамъ голодный или худо накормленный. Достоверно, что если бы меня не охраняло одно Провидѣніе, я легко могъ сдѣлаться ворихвой и бродягой, до такой степени обо мнѣ мало заботились».

II.

Чарльзъ Диккенсъ и впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, не только горевалъ надъ первой порой своей жизни, какъ временемъ утраченнымъ для умственнаго развитія, но, очевидно, и стыдился его, стыдился что въ дѣтствѣ былъ чернорабочимъ. Это ясно уже изъ того, что рассказъ его объ этомъ Форстеру

имѣлъ именно характеръ открытія глубокой тайны, факта, о которомъ онъ до толѣ не проговорился ни словомъ никому, даже женѣ, и изъ того, что фактъ этотъ впервые дѣлается общеизвѣстнымъ только теперь, уже послѣ смерти великаго писателя. Но въ извиненіе Диккенса можно привести ту особенность именно англійскаго общества, что въ немъ гранямъ между различными слоями придается значеніе неподвижныхъ, безусловныхъ. Въ противоположность американскимъ условіямъ, въ Англій какъ бы предполагается, что рабочій родился рабочимъ и долженъ умереть рабочимъ. Для сына чиновника сдѣлаться чернорабочимъ было паденіе не только въ отношеніи матеріальной обстановки, но и въ отношеніи «порядочности». И хотя теперь соотечественники Диккенса, узнавъ, что онъ когда-то перевязывалъ банки съ ваксой, конечно не уменьшаютъ своего уваженія къ нему, а напротивъ, какъ и естественно, будутъ еще болѣе уважать его гений, пробившійся сквозь такую тяжелую обстановку, но такое рациональное отношеніе возможно теперь потому, что Диккенса нѣтъ въ живыхъ. А когда онъ при жизни былъ предметомъ почитанія въ обществѣ лордовъ и богатей, то если бы кто-нибудь шепнулъ въ то время, что рука, пожираемая милордомъ таинимъ-то, когда-то была «запачкана» ваксой, — то еще спрашивается, не нашлись ли бы и такіе highly respectable люди, которые были бы смущены этимъ обстоятельствомъ. Таковъ исторически обусловленный складъ англійскаго общества; онъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе измѣняется, это правда, но ни въ сороковыхъ годахъ, когда Диккенсъ впервые получилъ извѣстность, ни даже теперь, унаслѣдованныя возрѣнія далеко еще не исчезли окончательно. Прибавимъ, что всего тверже они держатся именно въ сословіи высшей, богатой, наслѣдственной буржуазіи. Фабрикантъ мистеръ Домби гораздо непреклоннѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ сами потомки сподвижниковъ Вильгельма Нормандійскаго.

Форстеръ пробуетъ опредѣлить тѣ выгоды и невыгоды, какія извлекъ характеръ Диккенса изъ той тяжелой, почти нищенской обстановки, чрезъ какую онъ прошелъ въ дѣтствѣ. Одна выгода очевидна, именно — близкое знакомство съ тѣми страданіями бѣднѣйшихъ классовъ, и особенно принадлежащихъ къ нимъ дѣтей, которыхъ онъ потомъ описывалъ съ такой громадной силой при всей простотѣ приѣма, обусловленной объективностью разсказа. Другая выгода заключалась въ томъ, что характеръ первнаго, добросердечнаго мальчика до нѣкоторой степени закалился въ борьбѣ за собственное существованіе и вмѣстѣ въ сознаніи претерпѣнныхъ униженія и несправедливости. Форстеръ разсказы-

ваетъ, что иногда въ Диккенсѣ, съ которымъ онъ состоялъ въ непрерывной дружбѣ тридцать лѣтъ, вдругъ выступали такіа особенности характера, которыхъ въ обыкновенное время никто не подозрѣвалъ въ этомъ чувствительномъ, мягкомъ, добродушномъ, до крайности впечатлительномъ человѣкѣ, именно какая-то жесткая рѣшимость, даже суровость и непреклонность воли. Невыгода же воспоминаній о пережитомъ въ дѣтствѣ, по словамъ Форстера, заключалась отчасти и въ нѣкоторой самонадѣянности, которую Диккенсъ какъ-бы воспитывалъ въ себѣ, для того чтобы сдерживать овладѣвавшее имъ порою, при мысли о прежнемъ положеніи, чувство неловкости и уклончивости. Отъ этого чувства неловкости онъ страдалъ сознательно, но отъ преувеличенія самонадѣянности, которою онъ старался побѣдить это чувство, онъ иногда несознательно впадалъ въ затрудненіе, то-есть слишкомъ легко принималъ на себя тяжелыя обязательства, въ надеждѣ на свою непобѣдимую волю, и притомъ на рѣшеніяхъ своихъ, принятыхъ даже иногда слишкомъ поспѣшно, настаивалъ иногда даже съ нѣкоторой запальчивостью.

Конечъ его занятіямъ въ школѣ ваксы былъ положенъ случайностью. Отецъ его, который по безпечности допустилъ сына до такого положенія, самъ однакожъ не могъ не считать это положеніе унижительнымъ. И вотъ, онъ однажды разсердился на хозяина своего сына, какъ Диккенсъ-младшій догадывался, за то собственно, что хозяинъ привазаъ мальчику работать у окна, для свѣта. «У окна» — значить на виду прохожихъ. Онъ послалъ съ сыномъ письмо, которое разсердило хозяина, и вслѣдствіе этой ссоры мальчикъ былъ взятъ назадъ, причемъ получилъ отъ хозяина отличный аттестатъ.

Сомнительно впрочемъ, чтобы этотъ аттестатъ по полученіи его когда-либо видалъ свѣтъ божій, такъ какъ изъ словъ Диккенса видно, что и отецъ и мать его впослѣдствіи ни словомъ не поминали прошлое, имѣвшее связь съ ваксою, не только при комъ-либо изъ постороннихъ, но даже и передъ сыномъ; молчали о томъ времени, какъ будто его никогда не бывало. Двадцать пять лѣтъ Диккенсъ не слыхалъ объ этихъ фактахъ ни слова, до тѣхъ поръ, когда самъ разсказалъ ихъ другу своему Форстеру. «До тѣхъ поръ, когда Hungerford-stairs не былъ уничтоженъ», писалъ онъ въ своемъ признаніи, «и видъ всей мѣстности не измѣнился окончательно, у меня не хватало мужества сходить туда, гдѣ началось мое рабство. Такъ, оставивъ это мѣсто, я уже никогда и не видалъ его. Я не былъ въ состояніи даже приблизиться къ нему. Впродолженіи многихъ лѣтъ я, идя по Странду, когда проходилъ мимо лавки Роберта Уор-

рена, — переходилъ на другую сторону улицы, чтобы не услышать нѣкотораго запаха цемента, которымъ заливается пробка на банкахъ ваксы; запахъ этотъ напоминаетъ мнѣ, чѣмъ я былъ когда-то. Долго я не могъ подниматься вверхъ по Чандос-Стриту, а завидѣвъ старую дорогу, по которой я тогда хаживалъ домой, я плакалъ въ то время, когда мой старшій ребенокъ уже умѣлъ говорить». Конкуренція Роберту Уоррену окончилась въ послѣдствіи тѣмъ, что Робертъ Уорренъ купилъ складъ своего конкурента.

Мать Диккенса старалась уладить ссору, такъ чтобы мальчикъ остался при работѣ, но отецъ рѣшительно воспротивился возвращенію его туда, и помѣстилъ его въ школу, гдѣ Чарльзъ провель затѣмъ два года (1824 — 26), въ качествѣ полупационера. «Знаю», пишетъ Диккенсъ въ своемъ «признаніи», — потому что разсказъ его о пребываніи въ черной работѣ былъ обставленъ такъ, какъ бываетъ представлено признаніе въ тяжелой винѣ, недающей покою совѣсти, — «что всѣ эти вещи сдѣлали меня тѣмъ что я есть; но все-таки, я въ послѣдствіи никогда не забылъ, никогда не забуду, не въ состояніи забыть, что моя мать жарко отстаивала мысль о возвращеніи меня въ работу». Въ школѣ, впрочемъ, Диккенсъ научился немногому, да въ ней, судя по отзывамъ старыхъ товарищей Диккенса, помѣщеннымъ въ книгѣ Форстера, и нельзя было многому научиться. Диккенсъ занимался тамъ болѣе сочиненіемъ повѣстей и драматическихъ пьесъ, которыя представлялись учениками, и изобрѣтеніемъ особаго «иностраннаго языка», посредствомъ вставокъ между словами англійскихъ словъ; какого-нибудь одного, вѣчно повторяющагося слова. Мальчики ходили по улицѣ, громко разговаривая на этомъ языкѣ, и были очень довольны, когда прохожіе принимали ихъ за иностранцевъ. Но когда, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, Диккенсъ-старшій съ успѣхомъ принялся за ремесло газетнаго стенографа и уже сидѣлъ въ галерей палаты общины, то молодой Диккенсъ рѣшился самъ озаботиться о томъ, чтобы приобрѣсть такое образованіе, которое дало бы ему возможность современемъ приняться за то же ремесло. Съ этой цѣлью онъ сталъ усердно посѣщать публичную бібліотеку въ британскомъ музеѣ, и всѣ свои книжныя познанія онъ тамъ и приобрѣлъ. Въ 1828 и 1829 годахъ онъ, изучивъ съ необыкновенной легкостью стенографское искусство, работалъ въ разныхъ судахъ, въ видѣ приготовленія къ записыванью парламентскихъ преній. Среди всѣхъ этихъ усиленныхъ работъ его поддерживала любовь; онъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая по положенію стояла гораздо выше его, влюбленъ безнадежно. Ее онъ изо-

бразилъ въ Конперфильдѣ въ увлекательномъ образѣ Доры. Но его Дора въ дѣйствительности не умерла въ молодости. Когда ему было уже 44 года, онъ опять встрѣтился съ этою живою Дорою, и даже сдѣлалъ ей визитъ со своею женой. Когда младшему Диккенсу наконецъ открыли доступъ въ галерею палаты общины, въ качествѣ рипортера газеты «True Sun»; ему было 19 лѣтъ (1831). Потомъ онъ работалъ для газеты «Mirror of Parliament» и наконецъ для «Morning Chronicle». О стенографской его дѣятельности намъ незачѣмъ распространяться. Скажемъ только, что безпрестанныя поѣздки, связанныя съ этою должностію, разумѣется, обогатили сферу его наблюденій, а изученіе парламентскихъ обычаевъ и языка дало ему новый источникъ, для юмора, который отразился въ запискахъ «Пиквиесскаго клуба».

III.

Первый литературный опытъ Диккенса, явившійся въ печати, былъ рассказъ «A Dinner at Poplar Walk», который онъ отправилъ въ редакцію журнала «Monthly Magazine». Когда онъ, купивъ нумеръ журнала, увидѣлъ въ немъ свою статью «во всемъ печатномъ величіи ея», то спрятался поскорѣе съ улицы въ вестминстерскій залъ, потому что у него потемнѣло въ глазахъ отъ радости и отъ слезъ. Рассказъ былъ, разумѣется, отданъ даромъ. За нимъ въ теченіи двухъ лѣтъ послѣдовали еще пять, которые всѣ были напечатаны, и всѣ даромъ. Когда же Диккенсъ затѣмъ явился къ редактору для договора о гонораріѣ за будущую работу въ томъ же родѣ, то редакторъ, за неимѣніемъ средствъ, долженъ былъ отказаться отъ предложенія молодого писателя. Послѣдніе изъ этихъ рассказовъ появились уже съ подписью столь знаменитаго впоследствии псевдонима Воз. Происхожденіе этого псевдонима объясняется ребяческою шуткой. Младшаго брата своего Августа, любимца семейства Диккенсовъ, Чарльзъ называлъ именемъ, взятымъ изъ «Векфильдскаго священника» Мозесъ, и въ сокращеніи «Мозъ». Мальчика дразнили тѣмъ, что произносили это прозвище зажавъ носъ; выходило «Бозъ». Воз такъ и сдѣлалось фамиллярнымъ прозваніемъ маленькаго Августа. Этимъ именемъ Диккенсъ и подписывалъ свои «Очерки» (Sketches, by Boz). Эти очерки стали являться въ вечернемъ изданіи «Morning Chronicle», которое выходило подъ титуломъ «Evening Chronicle». Сохранивъ свою работу для утренняго изданія въ качествѣ рипортера, Диккенсъ давалъ

свои очерки для вечерняго изданія, и за это ему прибавлено было жалованья, а именно вмѣсто прежнихъ пяти гиней, онъ сталъ получать семь гиней (около 50 рублей) въ недѣлю. Право отдѣльнаго изданія «Очерковъ» въ двухъ томахъ, въ 1836 году, онъ продалъ книгопродавцу Макрону, за 150 фунтовъ. Въ этомъ же году Диккенсъ женился на Катеринѣ Гогартъ, дочери другаго рипортера газеты «Chronicle», и началъ писать первое свое произведеніе, получившее огромную извѣстность, а именно «Пиквикъ». Книгопродавцы Чапманъ и Голль, заручившись сотрудничествомъ хорошаго рисовальщика, предприняли издавать мѣсячными выпусками, цѣною по шиллингу, какія-нибудь сцены изъ лондонской жизни, съ рисунками. Такимъ образомъ и возникли «Посмертныя записки пиквикскаго клуба, изданныя Бозомъ». Издатели предполагали, что главное дѣло будетъ состоять именно въ рисункахъ, а не въ текстѣ, и предлагали Диккенсу устроить текстъ на манеръ того, какъ въ старину писались либретто для итальянскихъ оперъ, то-есть, что текстъ долженъ служить предлогомъ для рисунковъ, и приноравливаться къ нимъ. Въ особенности предполагалось представлять разныя случайности «спорта», то-есть верховой ѣзды, охоты, рыбной ловли и т. д. Но Диккенсъ съ самаго начала объявилъ, что онъ не властенъ надъ своими мыслями, и что лучше будетъ если рисунки обусловятся текстомъ, а не текстъ рисунками. Впрочемъ, именно со спеціальной цѣлью дать просторъ карандашу рисовальщика сценъ спорта, онъ вставилъ въ свой рассказъ столь извѣстную фигуру мистера Винеля, который слыветъ отчаяннымъ спортсменомъ, но на дѣлѣ всегда оказывается плохъ. Съ концомъ 1836-го года, онъ прекратилъ свои стенографическія занятія, и въ то же время написалъ, по особымъ случаямъ, фарсъ и текстъ для оперы; обѣ пьесы имѣли успѣхъ.

Нѣтъ надобности излагать по книгѣ Форстера полную біографію Диккенса, да впрочемъ въ біографіи Диккенса и нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что уже изложено выше съ подробностью, то-есть, кромѣ того факта, что человѣкъ безъ средствъ, безъ помощи, безъ систематическаго образованія сдѣлался *Диккенсомъ*. Остальное время его жизни можно передать въ нѣсколькихъ словахъ: писалъ, получалъ большія деньги, приобрѣлъ громадную популярность, ѣздилъ два раза въ Америку, издавалъ журналъ, давалъ публичныя чтенія, наконецъ умеръ. Для насъ не такъ важна, какъ для англійскихъ читателей, и хронологія его произведеній, и описаніе людей, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ. Но намъ, почти такъ же какъ и англичанамъ, интересно знать: какой человѣкъ былъ Диккенсъ,

какъ онъ писалъ, какая была главная его цѣль, его убѣжденія; наконецъ, какимъ образомъ онъ распоряжался своей работой, и какую цѣнность на деньги представляютъ въ Англіи литературныя произведенія первостепеннаго свойства.

Характеръ Диккенса какъ человѣка отчасти уже обрисованъ. Возьмемъ у Форстера описаніе наружности. Черты лица его были очень хороши; славный лобъ, твердо очерченный носъ, съ широкими ноздрями; глаза горѣли умомъ и были переполнены юмора и веселости, ротъ нѣсколько выдавался и былъ отмѣченъ сильной чувствительностью(?). Очертаніе головы было правильное, и держалъ онъ ее всегда прямо, съ особенной бодростью. Волосы въ молодости были русые, густые и длинные; усовъ, бороды и бакенбардовъ онъ долго не носилъ, запустилъ бороду уже на второй половинѣ жизни. То выраженіе лица, которое не измѣнилось и съ годами, Форстеръ опредѣляетъ такъ: «каждая черта этого лица выражала быстроту соображенія, проницательность и практическую силу, дышала энергіею и жаждою дѣятельности, однимъ словомъ, нѣчто говорившее не нѣ о человѣкѣ, посвятившемъ себя изученію чего-либо или о писателѣ, чѣмъ о человѣкѣ дѣйствія, о «дѣловомъ» свѣтскомъ человѣкѣ. Лицо это сверкало свѣтомъ и движеніемъ. «Оно было какъ-бы изъ стали», сказала г-жа Карлейль.

«Очерки» Боза имѣли большой успѣхъ, когда вышли въ отдѣльномъ изданіи; они были болѣе замѣчены, чѣмъ первый выпускъ «Пиквика»; но «Пиквикъ» скоро затмилъ ихъ и далъ автору сразу необыкновенную популярность. Успѣхъ Пиквика сталъ сказываться при выходѣ 4-го и въ особенности 5-го выпуска, въ которомъ является извѣстный слуга мистера Пиквика. Самъ Уэллѣръ, и тогда къ Диккенсу явился уже другой книгопродавецъ Бэнтли. Диккенсъ заключилъ съ нимъ довольно стѣснительныя для себя условія относительно предоставленія издателю также помѣсячно другой повѣсти въ то время, когда еще Пиквикъ далеко не былъ оконченъ. Такимъ образомъ, Диккенсъ писалъ для Чапмана и Голля «Пиквика», и для Бэнтли въ то же самое время писалъ «Оливера Твиста». Тотъ и другой романъ Диккенсъ писалъ въ видѣ сценъ или отрывковъ, самъ не зная, что будетъ впереди, то-есть имѣя идею, но рѣшительно никакой опредѣленной заранѣе программы.

Чтобы показать, какую цѣну имѣли уже въ то время работы Диккенса «на рынкѣ», приведемъ слѣдующій примѣръ. Выше сказано, что право отдѣльнаго изданія своихъ «Очерковъ» Диккенсъ продалъ книгопродавцу Макрону за 150 фунтовъ. Когда сталъ выясняться успѣхъ «Пиквика», куплезнаго Чапманомъ

и Голлемъ, Макронъ придумалъ выпустить «Очерки» вторымъ изданіемъ въ точно такомъ видѣ, въ какомъ выходилъ «Пиввикъ». Диккенсъ пришелъ въ негодованіе, что такимъ образомъ старому произведенію придается видъ новаго, и убѣдилъ Чапмана и Голля перекупить у Макрона «Очерки». Макронъ не согласился продать ихъ дешевле двухъ тысячъ фунтовъ. Чапманъ и Голль заплатили эту сумму, и все-таки впослѣдствіи имѣли барышъ на самыхъ «Очеркахъ», а Макронъ, заплатившій за нихъ всего 150 фунтовъ, получилъ такимъ образомъ, сверхъ всего своего барыша отъ перваго изданія, еще 2,000 фунтовъ, то-есть болѣе 14 тыс. рублей. Что касается «Пиввика», то его успѣхъ былъ колоссальный. Первый выпускъ разошелся на первый разъ въ 400 экземплярахъ; пятнадцатый же выпускъ печатался уже въ болѣе 40 тысячахъ экземпляровъ.

Въ то время Диккенсу было 25 лѣтъ отъ роду и живая природа его не переносила слишкомъ долгой, усидчивой работы. Отдыхалъ же онъ отъ нея — верхомъ. Тогда онъ еще «не хозяйственно» распоряжался своей работой; работалъ поздно вечеромъ, иногда ночью, и работалъ нѣсколько дней къ ряду усиленно, такъ что наконецъ не могъ выдержать долге, и тогда писалъ Форстеру самыя убѣдительныя просьбы «отправиться отдохнуть» съ нимъ. Отправиться отдохнуть, это значило, что они утромъ встрѣтятся въ татерсальѣ, и выѣдутъ, часовъ въ 11-ть, верхомъ на прогулку верстъ въ 25-ть, то-есть часовъ на семь, такъ какъ по дорогѣ они останавливались завтракать, а въ 6-ть часовъ обѣдали вдвоемъ, въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Подъ старость Диккенсъ замѣнилъ верховую ѣзду ходьбою, но всегда разумѣлъ отдохновеніе отъ усиленной работы въ такомъ смыслѣ, чтобы побѣдить усталость ума усталостью физическою. Форстеръ говоритъ, что и ходилъ онъ «слишкомъ много». Диккенсъ любилъ ходить ночью по Лондону, и посѣщать разныя мѣста, памятыя ему съ дѣтства. Вообще къ воспоминаніямъ изъ дѣтства онъ всегда былъ привязанъ необыкновенно, какъ будто дѣтство было «главною» эпохой его жизни. Старинный домъ Gad's-Hill, близъ Чатама, о которомъ онъ слышалъ, что тамъ жилъ Фальстафъ, и оттуда нападалъ на проѣзжикъ, имѣлъ для него въ дѣтствѣ нѣчто особенно привлекательное. Разъ отецъ сказалъ ему, указывая на этотъ домъ: «если будешь сильно работать, то можешь быть и самъ будешь жить въ такомъ домѣ». Диккенсъ купилъ впослѣдствіи этотъ домъ.

Въ первыхъ контрактахъ своихъ съ издателями Диккенсъ, не выговоривъ себѣ никакой преміи, никакой доли въ барышахъ, соотвѣтственно числу продаваемыхъ экземпляровъ, и въ то же

время слишкомъ понадеявшись на свои силы, принималъ на себя слишкомъ стѣснительныя условія относительно сроковъ окончанія работъ. Такъ, мы видѣли, что онъ одно время имѣлъ три помѣсячныхъ работы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сама физическая невозможность легко должна была повести къ измѣненію условій, такъ какъ въ интересѣ самыхъ издателей не могло быть настаивать на всѣхъ срокахъ ко вреду достоинства работъ. Но въ первомъ отношеніи, то-есть въ томъ, что касалось платъ, издатели воспользовались вначалѣ безпрепятственно неопытностью молодого писателя, закабалили и эксплуатировали его, какъ итальянскіе импрессаріи дѣлаютъ съ начинающими пѣвцами. По словамъ Форстера, Диккенсъ за «Пиквика», самое популярное въ Англіи изъ всѣхъ его произведеній, получилъ *всего* 2,500 фунтовъ. По нашимъ условіямъ, и эта сумма (около 20 т. р. по нынѣшнему) довольно почтенна. Но вѣдь при продажѣ 40 тысячъ экземпляровъ одного выпуска, по шиллингу, Чапманъ и Голль получали за *одинъ выпускъ* «Пиквика» около 12 тысячъ рублей!

Сознаніе, что онъ работаетъ не для себя, что онъ обезпечиваетъ будущность не своего семейства, а первыхъ книгопродавческихъ фирмъ Лондона, погрузало его иногда въ уніе. Но работы, принятія на старыхъ условіяхъ, надо было оканчивать на старыхъ условіяхъ и быть осторожнѣе впередъ. Когда же, по окончаніи «Пиквика», Чапманъ и Голль обратились къ нему съ новыми предложеніями, и онъ обѣщалъ имъ романъ «Nicholas Nickleby», то Диккенсъ выговорилъ себѣ уже слѣдующія условія: романъ онъ обязывался доставлять въ частяхъ помѣсячно (для изданія опять выпусками), и послѣдній доставить въ двадцатый мѣсяцъ; за каждую часть онъ долженъ былъ получать по 150-ти фунтовъ, всего 3 тысячи фунтовъ, но только за право изданія втеченіи пяти лѣтъ, по прошествіи которыхъ романъ становился собственностью автора. Въ этихъ условіяхъ и былъ написанъ и доставленъ съ апрѣля 1838-го года по октябрь 1839-го года романъ «The Life and Adventures of Nicholas Nickleby».

И работа, въ это время, производилась уже болѣе «хозяйственнымъ образомъ», то-есть по утрамъ, а не ночью, и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы быть постоянно впередъ типографіи на пол-выпуска или на выпускъ, чего прежде никогда не бывало. Диккенсъ рассчитывалъ впередъ: такого-то числа онъ сдѣлаетъ пять «лоскутковъ», такого-то, восемь, а иногда и пятнадцать. Но всякъ, кто занимался литературной работою, знаетъ, что такіа механическія условія къ ней примѣнны далеко не

безусловно, хотя и то мнѣніе, что будто работу слѣдуетъ откладывать до «священныхъ» часовъ охоты или вдохновенія, основано отчасти на лѣности. Охота часто тотчасъ придеть, когда работникъ только прикоснется къ занимающему его сюжету; но иногда мысль дѣйствительно какъ-бы возстаетъ противъ призыва по заказу, и тогда дѣло не идетъ на ладъ. Особенно трудно разсчитать впередъ работу для беллетриста. Но мы видимъ, что Диккенсъ разсчитывалъ ее, а вѣдь самый характеръ его изложенія и вся прелесть его письма заключались именно въ оттушевкѣ каждаго слова. У него нѣтъ ни пространныхъ разсужденій на одну тему, ни длинныхъ описаній, которыя можно было бы дѣлать «во всякое время», и безусловно нѣтъ общихъ мѣстъ. Мало того, что типы его очевидно были уже готовы во всей полнотѣ, во всей реальности жизни, когда онъ касался ихъ первымъ же словомъ въ изложеніи, вся манера его, совершенно устраняющая раскатища, заставляющая людей и вещи самихъ раскрывать свой смыслъ и обрисовывать себя просто тѣмъ, что они постепенно выдвигаются впередъ какъ-бы изъ тумана, вся эта манера, казалось бы, исключала возможность скорой, заказной работы. И однакожъ онъ работалъ скоро, по заказу, къ мѣсячнымъ срокамъ, съ учетомъ впередъ количества ежедневной производительности. Но естественно, что иногда мысль его не отвѣчала на призывъ. «Вчера до обѣда я все думалъ объ Оливерѣ», пишетъ онъ Форстеру; «и только-что впился въ него зубами и когтями, какъ вдругъ меня позвали къ Катѣ; однако мнѣ удалось сдѣлать восемь лоскутковъ, а сегодня утромъ надѣюсь дополнить ихъ до пятнадцати». Жена его родила за три дня передъ тѣмъ, и потому его работа въ эти дни, разумѣется, прерывалась. А вотъ на слѣдующей недѣлѣ онъ опять пишетъ Форстеру: «сидѣлъ терпѣливо дома и все ожидалъ *Оливера Твиста*, который такъ и не пришелъ». Это значитъ, что несмотря на намѣреніе писать, онъ ничего не могъ написать.

Имѣя цѣлью только сообщить изъ книги Форстера нѣсколько чертъ для характеристики личности Диккенса, мы должны оставить въ сторонѣ критическое отношеніе къ нему какъ къ писателю, которое завело бы насъ далеко отъ Форстера. Самъ Форстеръ, впрочемъ, оцѣниваетъ и общественное и литературное значеніе главныхъ произведеній своего друга, но оцѣнка его держится въ узкихъ предѣлахъ непосредственныхъ результатовъ дѣятельности Диккенса. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, менѣе другихъ вещей имѣетъ значеніе «Пиквишъ»; но только съ этой точки зрѣнія. Какъ картина нравовъ, какъ жѣткая, порою ядовитая сатира самодовольства «почтенныхъ

классовъ», Пиквикъ значитъ очень много. Но этой стороны Форстеръ вообще не касается. Вотъ почему для него «Пиквикъ» имѣетъ только то общественное значеніе, что романъ этотъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительное устройство мѣстъ заключенія для несостоятельныхъ должниковъ. «Оливеру Твисту» и «Никлеби» Форстеръ приписываетъ болѣе значенія, потому что непосредственные результаты ихъ были важнѣе: «Твистъ» повелъ къ преобразованію приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, а «Никлеби» положительно стеръ съ лица земли отвратительныя йоркшёрскія школы, гдѣ господствовали страшныя злоупотребленія, невѣжество и жестокость. Изъ книги Форстера мы узнаемъ, что Диккенсъ, когда писалъ «Никлеби», прямо и имѣлъ въ виду такой результатъ. О йоркшёрскихъ школахъ онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, и рассказы о нихъ глубоко запаали въ его душу, какъ все горе бѣдности, вынесенное имъ изъ дѣтства. Потомъ, онъ нарочно ѣздилъ осматривать школы въ Йоркшёрѣ, чтобы обличить ихъ предъ всѣмъ свѣтомъ.

Въ 1840-мъ году, Диккенсъ раздѣлился со своими тягостными первоначальными контрактами тѣмъ, что онъ былъ освобожденъ издателемъ Бэнтли отъ поставки ему еще одной повѣсти (Barnaby Rudge) съ тѣмъ, что Диккенсъ купилъ отъ Бэнтли право дальнѣйшихъ изданій «Оливера Твиста», и все количество еще нераспроданныхъ въ то время экземпляровъ за 2,250 фунтовъ. Еще до окончанія «Никлеби», Диккенсъ заботился «прискакать ему преемника», иными словами помышлялъ и разсуждалъ съ Форстеромъ о томъ, какимъ образомъ ему работать дальше, то-есть когда «Никлеби» будетъ оконченъ. Ему пришло въ мысль издавать нѣчто въ родѣ дешеваго беллетристическаго журнала, котораго главнымъ сотрудникомъ былъ бы онъ самъ, а другихъ сотрудниковъ онъ бы выбиралъ по усмотрѣнію. Этотъ журналъ былъ бы нѣчто въ родѣ беллетристическаго фельетона, такъ что въ немъ, въ формѣ связанныхъ разсказовъ, появлялись бы и отголоски по текущимъ явленіямъ общественной жизни и разнообразныя общественныя типы, причемъ, для сохраненія нѣкоторой нити между отдѣльными разсказами, предполагалъ употреблять нѣкоторые изъ извѣстныхъ своихъ лицъ въ качествѣ часто возвращающихся свидѣтелей происходящаго, такъ именно самого мистера Пиквика и Сама Уэллѣра. Форстеръ былъ его посредникомъ въ переговорахъ съ издателями, и условія, на которыхъ Диккенсъ взялся за эту работу, были уже совсѣмъ не похожи на прежнія. Они были таковы, что издатели несли весь рискъ, а барыши дѣлили съ авторомъ, который въ счетъ ихъ получалъ и опредѣленный за-

работѣ, и по прошествіи пяти лѣтъ дѣлался положительнымъ собственникомъ изданія.

Названіе для этого сборника Диккенсъ придумалъ такое: «Master Humphrey's Clock». Первый рассказъ, написанный для этого предположеннаго сборника, былъ «Лавка Древностей» (the Old Curiosity Shop), которая должна была появляться только въ числѣ другихъ составныхъ частей сборника. Но начавъ писать этотъ рассказъ, Диккенсъ тотчасъ увлекся имъ, сжился со своими лицами, и вышло, что выпуски сборника такъ и состояли исключительно изъ этого рассказа Диккенса. Вотъ нѣсколько словъ изъ того, что онъ писалъ Форстеру, когда кончилъ этотъ рассказъ (1841): «Вчера, когда вы ушли, я взялъ свой рабочій аликъ и пошелъ работать наверхъ; я писалъ до 4 часовъ утра и кончилъ эту старую повѣсть. Мнѣ теперь грустно при мысли, что всѣ эти люди потеряны для меня навсегда, и я чувствую, какъ будто никогда не буду въ состояніи пристраститься къ новому кругу дѣйствующихъ лицъ».

Диккенсъ по какому-то капризу или предразсудку всегда уѣзжалъ за-городъ наканунѣ выхода въ свѣтъ перваго выпуска каждаго изъ своихъ произведеній; ему какъ будто казалось, что будучи внѣ Лондона, онъ и услышать опять, что первый день продажи представилъ успѣхъ, какъ то было съ Пиквикомъ и Никлеби. Такъ онъ уѣхалъ и передъ первымъ выпускомъ сборника. На другой день Форстеръ пріѣхалъ къ нему въ Ричмондъ съ извѣстіемъ, что въ день были распроданы всѣ 60 тысячъ различныхъ экземпляровъ и получено еще заказовъ на 10 тысячъ.

Затѣмъ въ сборникѣ стала являться повѣсть Barnaby Rudge, давно задуманная и нѣсколько разъ откладываемая. Barnaby Rudge долженъ былъ состоять изъ десяти-мѣсячныхъ выпусковъ такого же объема, въ какихъ выходили «Пиквикъ» и «Никлеби». За продажу этихъ выпусковъ и право изданія въ теченіи всего 6 мѣсяцовъ еще, Диккенсъ получилъ уже три тысячи фунтовъ. Такимъ образомъ, десяти-мѣсячная работа его въ это время уже оплачивалась дороже чѣмъ 20-ю тысячами рублей, и сверхъ того, изданіе въ томъ же году возвращалось въ его собственность и могло быть продаваемо вновь. На Barnaby Rudge предположенный сборникъ такъ и прервался. Условія, заключенныя имъ съ издателями на слѣдующее произведеніе (которымъ оказался впослѣдствіи Martin Chuzzlewit), были уже таковы: двадцать выпусковъ, за каждый ему помѣсячно по 200 фунтовъ, т.-е. всего 4,000 фунтовъ, и сверхъ того $\frac{3}{4}$ всего барыша ему, и только $\frac{1}{4}$ издателямъ. Въ счетъ этихъ $\frac{3}{4}$, издатель обязался платить ему до начала книги, впередъ 150 фунтовъ помѣсячно.

въ теченіи года. Пользуясь этимъ годомъ отдыха, Диккенсъ и отправился въ Америку.

Диккенсъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ радикаль. Къ парламенту онъ питалъ мало уваженія и въ «Пиквиѣ» довольно насмѣялся надъ самодовольствомъ тѣхъ классовъ, которые были въ то время представляемы въ парламентъ, и надъ самими парламентскими правами и парламентскимъ краснорѣчіемъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ тѣми бѣдствіями, которыхъ въ то время еще не касалась парламентская дѣятельность; а во-вторыхъ, съ тѣми условіями, какія существовали тамъ, гдѣ парламентовъ не бывало, онъ вовсе знакомъ не былъ. Въ Америкѣ первая поѣздка Диккенса была настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Въ каждомъ штатѣ его встрѣчали почетныя лица, въ театрахъ давали особня представленія и брали баснословныя цѣны, когда онъ обѣщалъ показаться тамъ народу; при входѣ его въ театръ вставали и т. д. Рѣчи Диккенса въ защиту правъ англійскихъ издателей противъ американской контрафакціи отчасти охладилъ этотъ энтузіазмъ, и вызвали брань на него въ американскихъ газетахъ, однимъ словомъ, испортили отчасти и его впечатлѣнія въ этой странѣ. Но никто не опредѣлилъ лучше всего значенія Диккенса, какъ знаменитый Даніэль Уэбстеръ, который сказалъ, что «Диккенсъ сдѣлалъ для улучшенія положенія бѣдныхъ въ Англіи болѣе, чѣмъ всѣ политическіе люди, какихъ Англія когда-либо назначала въ свой парламентъ».

Л. П.

ДИЛЕТАНТЫ

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

I.

Въ кабинетѣ.

Послѣ того, какъ всѣ разъѣхались въ Желѣзновѣ, прошло шесть мѣсяцевъ.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ деревни въ городъ, Софья Николаевна подъ-рукою стала искать себѣ уроковъ, и благодаря крайне скромнымъ условіямъ, ей дѣйствительно удалось найти трехъ ученицъ: одну по части фортепьянной игры и двухъ (дочерей небогатаго купца), которыя должны были ходить къ ней на домъ, для обученія грамотѣ, письму, молитвамъ и арифметикѣ. Затѣмъ, когда уже все было подготовлено, она общилась роднымъ свое намѣреніе, какъ совершившійся фактъ, надѣясь встрѣтить меньше сопротивленія, или по крайней мѣрѣ въ себѣ самой найти больше твердости: она сожгла корабли.

Соня ожидала великихъ бурь. Но, къ радости ея и удивленію, у нея нашелся совершенно неожиданный, очень сильный союзникъ. Братъ Аня — тотъ самый Андрей, котораго она всѣхъ больше опасалась — поговорилъ съ нею наединѣ, выпросилъ,

*) См. выше: апр. 584; май, 93 стр.

чего она хочетъ, зачѣмъ, какимъ образомъ это пришло ей на мысль, и потомъ вдругъ сдѣлался самымъ горячимъ ея защитникомъ. Вдвоемъ уже легко было побѣдить предубѣжденіе стариковъ, особенно когда Соня рѣшилась объявить имъ, что, въ случаѣ несогласія, пойдетъ въ гувернантки. Другіе братья, Владиміръ и Борисъ, узнавъ изъ писемъ въ чемъ дѣло, посмотрѣли на него легко, какъ на простительную блажь скучающей дѣвушки, и только съ разными шуточками предсказывали сестрѣ, что очень скоро «пылъ ея къ усовершенствованію человѣчества» простынетъ самъ собою.

Такимъ образомъ, дѣло уладилось гораздо проще и спокойнѣе, чѣмъ воображала Софья Николаевна. За то она исполнилась самой горячей благодарности и удивленія къ вѣрному своему союзнику Анѣ. Онъ поступалъ такъ осторожно, умно и деликатно въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, такъ усердно сглаживалъ всякія препятствія и непріятности, предстоявшія сестрѣ, такъ хорошо наконецъ понялъ ея стремленіе, что Софья Николаевна стала относиться къ нему съ особеннымъ довѣріемъ, уваженіемъ и вмѣстѣ страхомъ — страхомъ, который невольно чувствуетъ человѣкъ передъ натурой болѣе крѣпкой и не совсѣмъ понятной. Чѣмъ пристальнѣе потомъ вглядывалась Софья Николаевна въ брата — тѣмъ больше росли въ ней эти чувства. Между ними установилась наконецъ самая прочная, самая лучшая дружеская связь — лучшая потому, что болѣе сильная натура Андрея Николаича не явилась преобладающей въ этомъ союзѣ, какъ бы слѣдовало ожидать и какъ это обыкновенно бываетъ. Вслѣдствіе ли своей неизмѣнной сдержанности или по какому-нибудь расчету, Андрей Николаичъ никогда не навязывалъ Сонѣ своихъ идей, даже не любилъ высказываться передъ нею. Каждый изъ нихъ оставался самымъ собой. Но сестра знала, что ей есть на кого опереться въ трудную минуту, въ комъ найти совѣтъ и широкую, надежную помощь. А братъ понималъ, что есть мягкое и любящее сердце, которое во всякую минуту готово радоваться его радостью и плакать его слезами. Для Софьи Николаевны въ немъ были тайны ума, но не тайны чувства — и въ этомъ, можетъ быть, самая прекрасная черта ихъ отношеній.

Разумѣется, такія отношенія установились не вдругъ; они были послѣдствіемъ многихъ незамѣтныхъ причинъ и событій — тѣхъ причинъ и событій, изъ которыхъ въ дѣйствительности складывается жизнь и личность человѣка...

Между тѣмъ дѣла Софьи Николаевны мало-по-малу подвигались впередъ. Зимой у нея вмѣсто одного урока на форте-

явно явилось ихъ пять, и вмѣсто двухъ ученицъ на дому — четырнадцать, то-есть цѣлая маленькая школа. Софья Николаевна ходила въ славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и денежныя средства ея усилились до такой степени, что она наконецъ попросила Андрея Николаича объясниться съ отцомъ на счетъ того, что она желала бы носить свою часть за квартиру, столъ и другіе домашніе расходы. Но Андрей Николаичъ уговорилъ ее не дѣлать этого; во-первыхъ, потому, что она слишкомъ бы огорчила и обидѣла стариковъ, а во-вторыхъ, потому, что все-таки не была бы въ состояніи платить дѣйствительную свою часть такой сравнительно дорогой жизни, что вышла бы слѣдовательно просто недостойная игра и потѣха изъ серьезнаго дѣла, и что, наконецъ въ сущности, самостоятельность не въ томъ состоитъ, чтобы жить такъ или иначе, а въ способности существовать когда нужно собственнымъ трудомъ. Софья Николаевна согласилась съ доводами брата, и рѣшено было, чтобы она только одѣвалась на свой счетъ, а остальные деньги откладывались покуда въ сторону.

На настоящій заработокъ еще не удовлетворялъ Софьи Николаевны. Мечтой ея было достигнуть большаго искусства въ швейномъ мастерствѣ.

— Ты только подумай — говорила она брату — какая это выгода, если, давая уроки, я въ то же время стану заниматься еще какимъ-нибудь машинальнымъ, но прибыльнымъ дѣломъ!

— Ну, отъ этого уроки пострадаютъ! возражалъ онъ, качая головой.

— Посмотримъ. А можетъ быть и нѣтъ. Если не за уроками — такъ я могу шить въ другое, свободное время. А во всякомъ случаѣ ручное мастерство гораздо прочнѣе и независимѣе этой бѣготни по урокамъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Много газетной бумаги изрѣзано было по этому поводу. Изъ различныхъ вѣдомостей сшиты платья на кухарку, на горничную....

Уроки однако продолжались не менѣе усердно, и даже зимняя выюга не останавливала Соню...

— Сумасшедшая! встрѣтилъ однажды Андрей Николаевичъ свою сестру, возвратившуюся поздно вечеромъ въ жестокую метель. Ты выходила въ такую погоду?!

— А что же мнѣ было дѣлать? Ночевать, что ли, у Мясоѣдовой?

— Разумѣется, почевать. Не разорилась бы дать тебѣ постель.... Ты вѣдь знаешь, что у насъ нѣтъ теперь лошадей; а извозчика гдѣ достать по такой погодѣ? Не посылать же еще дворника за двѣ версты.

— Да она предлагала, только....

— Здравствуйте, Софья Николаевна, наше вамъ почтение-съ! вдругъ заговорилъ кто-то у нея съ боку сладкимъ-сладкимъ голосомъ.

Она быстро обернулась и тутъ только замѣтила, что у брата былъ гость — человекъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, гладко выбритый, пухленькій, лоснящійся, улыбающійся, съ пріятными лучистыми морщинками возлѣ глазъ, и очень чисто одѣтый, хотя по-купечески; въ длинномъ сюртукѣ и 'высокихъ поверхъ панталонъ лаковыхъ сапогахъ.

Этотъ человекъ, не разгибаясь, стоялъ передъ нею въ положеніи самаго почтительнаго поклона, и точно весь таялъ въ сладостномъ сіяніи.

— Здравствуйте, Меркулъ Ивановичъ! сухо сказала Соня.

— Здоровъечко ваше, барышня прекрасная?

— Благодарю васъ.

— Хорошѣте вы все да разцвѣтаете, словно роза алая — тятенькѣ съ маменькой на утѣху-съ!

Соня, не отвѣчая, повернулась въ брату.

— Ты скоро свободенъ?

— Скоро, скоро-съ, сосѣдущая-красавица! опять вмѣшался Меркулъ Ивановичъ. Хе, хе, хе! Вѣдь сосѣди мы.... Я задерживать не стану, потому — дѣла кончены.

— Какое задерживать! Пожалуйте вмѣстѣ чаю напиться, добродушно предложилъ Андрей Николаичъ.

— Нѣтъ-съ! Нѣтъ-съ! Покорно васъ благодарю и чувствую — очень чувствую! прижалъ онъ руку къ сердцу, съ умиленіемъ склонивъ голову набокъ. О иначе сегодня не могу.... Признаться сказать, у меня дома кое-кто дожидаетъ-съ.

— Неужто вы не боитесь такой погоды?

— Помилюте! Для чего же намъ ея бояться-съ? Намъ и въ полѣ, можно сказать, не разъ доставалось ее видѣть; о иначе Богъ миловаль. А тутъ-съ! Да и переходъ-те до дому не великъ: есть ли шаговъ сотня.

— Ну, какъ знаете. А жаль. Чаю бы напились....

— Не чаю жаль. Бесѣды съ разумнымъ да душевнымъ человекомъ жаль. Ну, а что дѣлать-съ!...

Помолчали.

— Затѣмъ прощенья просимъ, счастливо оставаться.

Меркуль Ивановичъ обѣими руками, горячо, но вмѣстѣ какъ-то особенно осторожно и почтительно схватилъ руку Андрея.

— Прощайте, Меркуль Ивановичъ, до свиданія.

— Такъ ужъ я могу быть въ надеждѣ?

— Будьте спокойны. Что только отъ меня зависитъ, я сдѣлаю и душевно былъ бы радъ поскорѣе видѣть удачу. А если что еще понадобится — расчитывайте на меня смѣло; я всегда готовъ помочь, чѣмъ только могу.

И Андрей пожалъ купцу руку.

— Богъ васъ за то не оставитъ! вдругъ перешелъ Меркуль Ивановичъ въ слезливый тонъ. Не я васъ благодарю.... Что я? Вы, можетъ, на меня и плевать-то не захотѣли бы.... Жена и дѣти малыя должны за васъ Бога молиться. Ихъ-то молитва-съ дойдетъ!

Онъ вытеръ глаза рукою.

— Это ужъ лишнее, Меркуль Ивановичъ. Услуга моя небольшая, молиться тутъ не за что; а делаю я по-сосѣдски. Случится надобность, и вы мнѣ поможете.

— Я-то? Андрей Николаичъ! Скажу вамъ прямо: я такой человѣкъ, что могу послѣднюю рубаху съ себя снять. Меня за это ужъ и жена сколько ругала, и сродственники корили. «Безпутный ты, говорятъ, человѣкъ, Меркуль Ивановъ! Вѣдь у тебя дѣти пойдутъ за Христа-ради!» Ей Богу-съ! Вотъ провалиться мнѣ, если лгу.... А я имъ говорю: долженъ я чувствовать, кто есть мой благодѣтель — али нѣтъ? Не то чтобы тамъ что-нибудь такое, а прикажите мнѣ: «Меркуль Ивановъ! Бросься въ воду!» И въ воду готовъ! Какъ передъ истиннымъ Богомъ....

Соня, глядя въ сторону, слѣдила презрительную гримасу. Лицо Андрея Николаича оставалось неизмѣнно-спокойнымъ и равнодушнымъ.

— Этого я не стою, сказать онъ отъ себя про себя. А за дружбу благодарю.

— Кто же и стобить-то, если не вы! выдохнулъ Меркуль Ивановичъ.

— Софья Николаевна! барышня прекрасная-съ! До пріятнаго свиданія! Онъ быстро оборотился въ Соню. — Поклонитесь вамъ, Господи, веселья дѣвичьяго, здоровья неугасимаго, женишва молодого, красиваго да богатенькаго — и всего, что только сами себя пожелаете....

И послѣ еще нѣсколькихъ поклоновъ да приговоровъ, Меркуль Ивановичъ исчезъ.

— Господи! Что за гадость этотъ Рылейщиковъ! вскрикнула

Соня. Скажи ты мнѣ, пожалуйста, Аня: какъ ты можешь его переносить? Да еще помогать ему въ чемъ-то затѣялъ!

Андрей Николаичъ улыбнулся.

— А ты мнѣ лучше скажи, какъ ты можешь переносить вотъ это? спросилъ онъ, указывая на полъ. Видишь, куда ни ступила — мокрый слѣдъ. Однако сядь прежде всего.

— Зачѣмъ?

— Да ужъ садись.

Соня повиповалась; а братъ сталъ передъ нею на колѣни и принялся стаскивать сапожки.

— Ахъ, Аня! Я сейчасъ сама....

— Чортъ знаетъ что такое! Мокрое, хоть выжми! съ неудовольствіемъ проворчалъ Андрей Николаичъ.

Потомъ изъ какого-то шкапчика досталъ онъ спиртъ и подалъ сестрѣ.

— Все-таки ты не отвѣчалъ мнѣ на вопросъ! вдругъ сказала она. Зачѣмъ ты добръ къ Рылейщикову? Вѣдь ты знаешь, что онъ — дрянъ, мошенникъ, человѣкъ уже ославленный. Стбитъ ли послѣ этого быть порядочнымъ и честнымъ, если къ мерзавцамъ будутъ относиться такъ же хорошо?... Наконецъ, даже въ манерахъ этого Рылейщикова есть какая-то особенная, отвратительная подловатость, такъ что съ нимъ непріятно говорить. Кака же охота связываться?

— Я смотрю на дѣло съ другой точки зрѣнія.

— Изученіемъ вредныхъ насѣкомыхъ занимаешься, что ли?..

Ну, послушай: развѣ онъ честный человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Развѣ онъ всякаго, и тебя въ томъ числѣ, не готовъ продать за грошъ?

— Можетъ быть.

— Развѣ его пошлая лесть и ложь не противны?

— Очень.

— Ну, такъ зачѣмъ же?...

— Затѣмъ, что (не удивляйся!) въ одномъ отношеніи онъ все-таки хорошій и даже рѣдкій человѣкъ.... Какъ сапожки-то отдѣлала! сказалъ Андрей Николаичъ, съ жалостью осматривая совершенно мокрую обувь сестры. Вотъ пять рублей и ушли изъ капитала!

«Нѣтъ!» думалось Сонѣ, «вѣдь и добрый, и умный, и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ — ужъ совсѣмъ не чета другимъ! а тоже подверженъ общей слабости. Любитъ лесть, самую пошлую, самую явную! Самъ себѣ не смѣетъ въ этомъ сознаться — а любитъ!... И какъ имъ не противно, Господи».

— Ну, вот что ты надѣлала, Соня! — говорилъ между тѣмъ Андрей Ниполанчъ. — Заработала какихъ-нибудь пятьдесятъ копѣекъ, а испортила вещь совсѣмъ новенькую въ пять рублей. Какъ ты думаешь, выгодная это афера? И ради чего — ради каприза! Не скоро ты такъ будешь годиться для самостоятельной жизни!

— Къ чему же хитрости? весело заговорила Соня. — Вѣдь тебѣ собственно досадно то, что я ноги промочила? Ну, такъ бы и говорилъ! А то...

— Нѣтъ, Соня. Я говорю именно то, что думаю, повѣрь мнѣ! Ты взялась за серьезное дѣло; ты для него многимъ пожертвовала... Да! многимъ, очень многимъ! Ты думаешь, я понимаю тутъ только твой трудъ или межку домашнюю борьбу? Нѣтъ, это пустяки! Ты пошла гораздо дальше: ты отрѣзала себя отъ огромнаго большинства въ своемъ обществѣ. Изъ ста человѣкъ двѣнадцать девяти ты теперь чужая, звѣрь иной породы. Нечего ждать тебѣ отъ нихъ не только сочувствія, или поддержки, или единомыслія — но даже помощи въ бѣдѣ, даже простого состраданія. Тебя несла огромная волна привычки и готовыхъ идей, а ты вдумала стать на собственные ноги. Ну, такъ и умѣй же на нихъ держаться! Коли ты взялась за серьезное дѣло — дѣлай его серьезно, а не какъ баринъ-аматеръ, не знающій что ему выдумать со скуки. Съ этой точки зрѣнія пять рублей очень много значать!... Ты, должно быть, еще не замѣтила, что воздухъ кругомъ тебя измѣнился; однако, повѣрь мнѣ, замѣтишь очень скоро.

— Ну, я постараюсь быть серьезнѣе, отвѣчала Софья Николаевна; а я бѣжала къ тебѣ такая веселая, Аня! Оттого и успѣть не могла у Мясоѣдовой. Сегодня для меня великій день! Во-первыхъ, вотъ тебѣ десять рублей за уроки, и слѣдовательно капиталъ теперь — ровно полтора ста. Во-вторыхъ — угадай Аня!

— Ну?

— Я наконецъ получила работу по швейной части: Ольга Сергѣевна дала мнѣ шить платье, завтра пришлетъ матерію. Два съ полтиной за фасонъ, не считая отдѣлки и приклада... Теперь, если мнѣ удастся — конецъ! Я вышла въ люди... Душенька Аня! Помогни дома-то, чтобъ не слишкомъ огорчались.

Андрей Ниполанчъ покачалъ головой. Онъ сѣлъ къ столу и, положивъ лобъ на ладони обѣихъ рукъ, долго молчалъ.

— Думаю — поднялъ онъ наконецъ голову, и складка возлѣ губъ стала какъ-то еще рѣзче — думаю, что надо дѣлать то, что справедливо, и до чего человѣкъ самъ дошелъ по чувству или

убѣжденію... Помни только, Соня, что у тебя всегда есть другъ и онъ привлечетъ ее къ себѣ нѣжнымъ движеніемъ.

Ее тронула и смутила эта небывалая ласка.

— Не забуду! вскрикнула она, бросившись на шею къ брату.

— Табъ-то лучше! нахмурился Андрей Николаичъ. — Дѣло, которое дается потомъ да слезами, вѣрнѣе того, что смѣшное да игрой... Ну, полно! полно!

II.

У Сивонинныхъ.

Отшумѣла вьюга. Ночь медленно провлекла свои темные покровы куда-то дальше, и надъ Сыродольскомъ зашглося ясное, солнечное утро, когда сугробы дѣвственнаго снѣга со всѣхъ сторонъ сверкаютъ на васъ милліонами алмазныхъ искръ, пологъ скрипаетъ по свѣже-укатанной дорогѣ, дымъ бодро поднимается изъ трубъ высокими прямыми столбами, морозъ, несмотря на совершенное безвѣтріе, игриво щиплетъ васъ за уши и точно обжигаетъ щеку, а Реомюръ показываетъ двадцать-три — ниже нуля.

Въ квартирѣ Петра Васильевича Сивонина, совѣтника палаты въ Сыродольскѣ, семейство сидѣло за чаемъ.

Самъ Петръ Васильичъ, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, какъ полагаютъ, передѣланномъ изъ стараго женскаго платья, и съ трубкою въ рукахъ, помѣщался бокомъ къ самовару, а лицомъ къ окну, такъ что легко было во всей подробности рассмотреть его плотное тѣлосложеніе, большой ротъ, нѣсколько тронутыя оспой щеки, мутные глаза, рыжіе бакенбарды и такіе же рыжіе, слегка кудрявые волосы. Рядомъ съ нимъ разливала чай теща его, Анна Ѳедоровна — болѣзненно-бѣлая, блѣдная, высокаго роста, но тщедушная и на взглядъ совершенно безличная старушка. Дальше, съ боку, помѣщались двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Наконецъ, спиною къ свѣту, сидѣли двѣ... Да, — какъ ни покажется это страшнымъ — но положительно сидѣли двѣ Вѣры Александровны Траумъ. Та же стройная талья, тѣ же подстриженные, вьющіеся волосы, тотъ же очеркъ головы, плечъ, шеи, та же манера держаться... Однимъ словомъ, еслибъ правая Вѣра Александровна не была одѣта въ заношенную немного, но прекрасную утреннюю блузу изъ плотной шерстяной матеріи, а дѣвая, совсѣмъ не по сезону,

и очень дешевый и очень старенький ситецъ — всякій, право, легко могъ бы подумать, не двоятся ли, чего доброго, въ глазахъ.

Къ счастью отворилась дверь, вошелъ палатскій разсыльный съ какими-то бумагами, правая Вѣра Александровна обернулась къ нему — и все очарованіе мигомъ исчезло. Ротъ у нея блѣдный, поджатый, съ тонкими губами и непріятный; цвѣтъ лица утомленный и неровный; лобъ низкій, непріятной формы; глаза малыя, то тупо холодные, то вдругъ какъ-то непріятно ласковые; наконецъ, ей очевидно всѣ тридцать лѣтъ.

Это не Вѣра Александровна. Это сестра ея — Любовь Александровна Сивонина, супруга Петра Васильича.

Настоящая же Вѣра Александровна сидѣла молча, не двигаясь и совершенно углубившись въ свою чашку, даже не поднимая головы, чтобъ избѣгнуть всякихъ встрѣчь глазами и всякихъ вводовъ къ разговору.

Она все та же, что и прежде. То же неправильное, но не-отразимо пріятельское личико. Только на немъ лежала теперь какая-то несвойственная ему тѣнь сосредоточенной серьезности и принужденія. Видно было, что Вѣра Александровна какъ-то не свободно дышется.

Любочка и Вася, дѣти Петра Васильича, что-то болтали между собою. Старшіе молча прилебывали изъ чашекъ.

Первое слово сказано было Любовью Александровною.

— Когда же тебя ждать сегодня? вдругъ обратилась она къ мужу, поднимая опущенную голову, и точно связавши этотъ вопросъ съ теченіемъ собственныхъ мыслей.

— Я сказалъ: между двѣнадцатью и часомъ.

— Хорошо.

Вѣра Александровна не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, однимъ словомъ, точно не слыхала сказаннаго; однако подумала про себя:

— Что же это значитъ? Затѣмъ въ такое неуказное время?

Петръ Васильевичъ по службѣ былъ точенъ, и цѣлые годы возвращался домой аккуратно въ три часа и пятнадцать-восемнадцать минутъ, употребляя эти пятнадцать-восемнадцать минутъ на передвиженіе изъ присутственныхъ мѣстъ въ собственный домикъ на Кожинской улицѣ. Такимъ образомъ, недоумѣніе Вѣры Александровны имѣло достаточную причину.

Однако бесѣда на томъ и стала.

За то Вѣра Александровнѣ суждено было другое, еще болѣе неодоумѣніе.

Когда она допила чай и поднялась изъ-за стола, чтобы уйти

дѣтей въ особую комнату, гдѣ ей вмѣнялось въ обязанность до извѣстнаго срока учить ихъ складамъ и чтенію молитвъ на память—Любовь Александровна вдругъ остановила ее.

— Погоди, Вѣрочка. Нынче такой морозъ, что, кажется, и въ комнатахъ довольно холодно. Не выпьешь ли ты еще чашку чаю? По крайней мѣрѣ согрѣлась бы... Куда спѣшить!

Вѣру Александровну изумилъ ласковый тонъ. Чаю ей вовсе не хотѣлось. Но зная по опыту, что отказываться отъ великодушныхъ предложеній сестры не слѣдуетъ, подъ страхомъ дѣлаго града бѣдностей и даже просто брани — она опять сѣла къ столу, заставивъ себя улыбнуться и проговорить, какъ можно любезнѣе:

— Да, такъ-довольно холодно.

— Маменька! обратилась та къ старухѣ. — Не пригодится ли Вѣрушкѣ мой старый мериносовый капотъ, какъ вы думаете? Для дома все-таки теплѣе.

— Отчего не пригодиться! отвѣчала Анна Федоровна съ колебаніемъ.—Только капотъ-то хорошій, почти новій... Можетъ быть, ты бы сама еще поносила.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! У меня, слава Богу, довольно есть. Такъ ты возьми себѣ, Вѣрушка, носи на здоровье.

Еще не успѣла Вѣра Александровна поблагодарить, какъ сестра уже поражала ее новымъ великодушіемъ:

— А гостей принимать я отдаю тебѣ мое сѣрое, греназеплевое.

Любовь Александровна наскоро допила чашку и вышла въ другую комнату.

— Надо распорядиться тамъ... неопредѣленно объяснила она нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Ну такъ и я пойду! и Петръ Васильичъ тяжело поднялся. — Пора на службу. А ты, Вѣрочка, въ двѣнадцати-то часамъ, какъ я вернусь, надѣнь новое платье. Хочу посмотрѣть, какъ на тебѣ будетъ... да, можетъ быть, и гостя приведу съ собой.

Онъ вышелъ.

— Ну, Вѣрка! строго заговорила наконецъ мать, переминая и перетирая чашки. — Я съ тобою хитрить не стану. А знай ты прямо, что сегодня Петръ Васильичъ приведетъ жениха. Такъ ты ухо держи востро. Понимаешь? Чтобы у меня фанатерій этихъ не было. И свадьба скоро; потому—женихъ служить въ уѣздѣ, а здѣсь только на побывкѣ, значить, волочить-то ему некогда.

«Вотъ въ чемъ дѣло!» вдругъ все объяснилось Вѣрѣ Александровнѣ— и блѣдная, она почти упала на стулъ.

— Господи! Господи! Господи! только шептала она без-
разно.

Еще гораздо прежде не раз думала она о возможности
этого обстоятельства, разбираала всё его послѣдствія; толковала
и съ Соней. Такъ что теперь, когда это обстоятельство
вышло въ дѣйствительности — она разомъ поняла весь ужасъ
своего положенія, картина будущихъ страданій разомъ встала
передъ нею; и пораженная, уничтоженная, какъ ударомъ грома,
не умѣя связать двухъ мыслей, она только шептала дрожащими
убави:

— Господи! Господи! Господи!

— Надѣнь гроденаплевое платье, да брошку я тебѣ дамъ
эту коралловую, наставляла между тѣмъ Анна Ѳеодоровна. —
А не глади букой-то! мужчины этого не любятъ. А ты будь
веселѣй, поразговорчивѣй. А то вдругъ опусти глаза, какъ
будто застыдилась... Платье вырѣзное, такъ ты манишку надѣнь
тоньше. Ну, да я ужъ сама посмотрю...

— Маменька! Пощадите меня хоть вы! и Вѣра Алексан-
дровна заплакала.

— Какія тутъ пощады? Чтѣ тебя, на казнь что ли посы-
лаютъ? Человѣкъ, правда, жалованье получаетъ небольшое — за-
то по мѣсту доходовъ имѣетъ тысячи двѣ слишкомъ. Ну, и не
старый, не пьющій... Такъ это для тебя счастье!... Вѣрка! смотри
ты у меня! вдругъ разсердилась Анна Ѳеодоровна. — Не дури!
Слышишь? Или хочешь вѣкъ свой промаяться, какъ я съ отцемъ
воимъ сумасшедшимъ промаялась?... Я тебя научу сестры-то
не слушаться!

И выходя, она сердито хлопнула дверь.

Вѣра Александровна не помнила, какъ прошли для нея слѣ-
дующіе часы.

По старой привычкѣ она увела дѣтей въ свою комнату, до-
стала азбуку, что-то они ей читали; потомъ прошло время
рока, дѣти съ крикомъ и смѣхомъ убѣжали къ матери, гор-
ничная Агаѣя принесла капоть и гроденаплевое платье, и что-
то сказала, положивъ ихъ на постель; потомъ прошелъ еще
минутъ-другой часъ—Вѣра Александровна все сидѣла на томъ
же стулѣ, все такъ же сложивъ руки на колѣняхъ, и все упорно
глядя на одну и ту же пустую стѣну. Въ головѣ ея не было
ни мыслей, ни плановъ, ни намѣреній. Только одно сознавала
она ясно, и повторяла себѣ въ тысячный разъ и на тысячу
радовъ: «Не надо выходить, не надо одѣваться... Я не выйду,
не надѣну этого платья, не покажусь жениху, не стану нибого

слушаться... Пусть хоть весь міръ на меня обрушится и развалится! Мнѣ все равно. Мнѣ ужъ не жить больше».

Боря! Боря! Боря! шумѣло у нея въ ушахъ.

«Что они со мной сдѣлають?» вдругъ задавала она себѣ вопросъ — и не могла составить никакого опредѣленнаго представленія. Только чувствовала, что тутъ будетъ что-то ужасное, невѣроятное, неслыханное...

«Пусть дѣлають!» думала она опять. «Мнѣ все равно. Мнѣ ужъ не жить больше... Я не выйду, не надѣну этого платья, не покажусь...» И опять тотъ же кругъ мыслей — однообразныхъ, неопредѣленныхъ и томительныхъ, какъ шумъ морского прибоя.

Иногда, словно нѣсколько опомнившись, Вѣра Александровна пугливо взглядывала на часы: безжалостная стрѣлка быстро ползла къ роковому полудню.

Наконецъ пробило половину двѣнадцатаго. Дверь шумно отворилась.

— Ахъ! чуть слышно вскрикнула или почти подумала Вѣра Александровна.

Вошла мать.

Весь угаръ, въ которомъ столько часовъ сряду просидѣла Вѣра Александровна, разсѣялся мигомъ. Рѣшимость ея исчезла вмѣстѣ съ угаромъ.

А Анна Федоровна такъ и всплеснула руками.

— Что жъ ты это, мать моя? задрезжалась она своимъ старческимъ голосомъ, и по безцвѣтному лицу ея даже какъ будто скользнула тѣнь румянца. — Ты еще не изволила одѣться — даже не начинала!... Да что жъ это такое! Сказано тебѣ было, или нѣтъ? Или, можетъ быть, у васъ самихъ ручки отвалятся, принцесса вы самаркандская? Фрейлингъ своихъ ожидаете?

Вѣра Александровна, сама того не замѣчая, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Какъ же Боря? думалось ей вовсе не въ отвѣтъ на рѣчь матери. — Неужто а?... Нѣтъ! не стану одѣваться — пусть хоть...

Но вопросъ о томъ, что будетъ за этимъ пусть — вдругъ разбивалъ всю ея рѣшимость, и она готова была на всякое немедленное истязаніе, лишь бы только не ожидать этихъ будущихъ, неопредѣленныхъ ужасовъ.

Анна Федоровна нѣсколько мгновений молча и широко открытыми глазами смотрѣла на дочь, которая со своей стороны хотѣла опустить глаза, но не въ силахъ была свести ихъ съ удивленнаго и все болѣе хмураго лица старухи. Такъ дѣти ночью въ темной комнатѣ не сводятъ глазъ съ бѣлой простыни,

которая кажется имъ привидѣніемъ и заставляетъ замирать ихъ маленькое сердце.

— Да что-жъ это? разразилась наконецъ Анна Ѳедоровна, подступая къ дочери. — Тебѣ я говорю, или стѣнамъ? Господи! что это за дура уродилась! И какъ ты смѣла до сихъ поръ не одѣваться, а? Вставай, сейчасъ! схватила она ее за руку. — Поворачивайся! Ну? Живо!

Но Вѣра Александровна продолжала сидѣть неподвижно, только блѣдная какъ полотно.

— Стану молчать! думала она, стиснувши зубы. — Пусть они что хотятъ...

— Ты это противъ матери-то такъ? Ну, погоди же! Я тебя уйму, — такъ уйму, что и до новыхъ вѣнчиковъ не забудешь... Господи! Наказалъ ты меня за грѣхи! Вся въ отца! Цѣлый вѣкъ мнѣ съ вами мучиться, что ли? Тотъ въ сумасшедшій домъ угодилъ — и ты туда же собираешься? Хоть бы ужъ скорѣе спятила — одинъ конецъ, по крайней мѣрѣ!... Вѣрка! начала она зло всѣхъ силъ трести дочь за руку. — Тебѣ я говорю, что ли?...

Но чахоточная старуха быстро утомилась своей яростью.

— Пой! говорила она, запыхавшись и опуская руки, по еще дрожащимъ отъ злобы голосомъ. — Пой! Я сюда Любочку зову!

И она двинулась-было изъ комнаты.

— Маменька! простонала Вѣра Александровна.

Страхъ новыхъ ужасовъ, ожидаемыхъ, опять всталъ передъ нею во всей своей силѣ и грозной таинственности. Вѣра Александровна невольно вспомнила бывалыя сцены, перенесенныя ею обиды и страданія живо, точно вчера было, воскресли въ ея воображеніи. «Если такъ было тогда, что-жъ будетъ теперь?» подумала она съ ужасомъ, и простонала вслѣдъ Аннѣ Ѳедоровнѣ:

— Маменька! Я сейчасъ одѣнусь.

Нервы Вѣры Александровны не выдержали. Она залилась слезами, и вся какъ-то вдругъ сваяла, точно стебелекъ подкошеннаго растенія.

— Ага! Теперь одѣнешься? Нѣтъ, погоди, погоди! прошпи- тила старуха скорѣе про себя.

— Маменька!...

— Старшая сестра ей милости оказываетъ! и Анна Ѳедоровна бросила завистливый взглядъ на постель. — Вонъ какой капоть подарила! Ты думаешь, у кого ты капоть-то отняла? вдругъ нагнулась она опять на дочь, какъ-то визжа и съ дрожащимъ отъ злобы подбородкомъ. — Вѣдь онъ бы мнѣ достался! Мнѣ

тоже зимой-то холодно... тоже! тоже!... Змѣя!... Ну, погоди, погоди! забормотала она потомъ, точно успокоиваясь.—Пусть Любовь Александровна посмотритъ, кому она милости оказывается... Такой теплый, мякенькій... Она мать промѣняла на дѣвчонку... Пусть посмотритъ! Пусть, пусть!

Анна Федоровна двинулась къ двери.

— Маменька! Возьмите вы себѣ этотъ капотъ, Бога ради! Только не ходите, не сердитесь.

— Возьмите себѣ? Ишь, какая щедрая, когда знаетъ, что нельзя взять!... Да погоди, погоди!

— Боже мой, Господи! Что же это такое наконецъ?

Вскрикъ дочери звучалъ такъ болѣзненно, и на лицѣ ея, когда оглянулась Анна Федоровна, было написано такое страданіе, такое отчаяніе, что даже у старухи что-то шевельнулось въ груди.

— Ну, ну! забормотала она почти сконфуженнымъ тономъ.—Я не пойду, не пойду! Только ты одѣвайся поскорѣе.

И она стала вынимать изъ комода разныя вещи, необходимыя для туалета.

— Глаза-то и лицо вымой холодной водой, чтобъ знаешь не было.

Вѣра Александровна машинально повиновалась теперь всѣмъ приказаніямъ матери, и эта вдругъ перешла въ слезливый тонъ и начала причитывать, пока та одѣвалась.

— Вѣдь вотъ ты теперь думаешь, что я злая, скверная, что я тебя не люблю—дѣтище-то свое не люблю!... А я для кого же бьюсь-то? для кого я микаюсь? День и ночь только мнѣ и думки, какъ бы Вѣрушку свою пристроить, какъ бы женишка ей найти повиднѣе да повыгоднѣе! Пытаю, бѣгаю, Господа молю со слезами, къ Петру Васильичу пристаю—а ты вѣдь знаешь, какой онъ у насъ... Все думаю, думаю... И вдругъ ты меня этакимъ манеромъ... Богѣ съ тобой! вслипнула старуха.—Куда это юбка питая запропастилась?... Ты подумай, Вѣруша: что же съ тобой будетъ-то? Какъ тебѣ безъ мужа прожить? Еще еслибъ свой достатокъ былъ—ну, другое дѣло, перебиться можно... Да и то нѣтъ! Все-таки вѣдь тошно безъ мужчины. Я тебѣ зная говорю. Ужъ какой былъ твой отецъ—вонъ и теперь въ желтомъ домѣ сидитъ, самый ужъ пустой человѣкъ... А все мужъ! Бывало, грызешь его, грызешь, проходу ему нѣтъ, а потомъ и приласкаешься... Гдѣ же манишка-то? Постой, постой! Ты вотъ такъ надѣнь, посвободи... Достатковъ у тебя нѣтъ, отецъ хоть и надворный совѣтникъ—да что въ его чинѣ, коли онъ въ желтомъ домѣ сидитъ? И по службѣ кромѣ жалованья ничего не имѣлъ. Только и прибыли,

ю тебя на казенный счетъ въ институтъ взяли. А что съ этого института?... Теперь вотъ докторъ говоритъ: «Вѣра Александровна вѣдь нервная; я даже думаю—говорить—что это у нея надвѣшенное, отъ отца»... И то правда, что ты вся въ него уда-
лась... «Берегите же—говорить—ее какъ можно, пуще всего не раздражайте, не перечьте, не давайте горе узнать. Пусть бы же со стороны поменьше смотрѣла на слезы и страданія». Ишь я, какъ славно расписалъ! А на какія это деньги я тебѣ горя-
ю не дамъ узнать? Милліоны что ли у меня спрятаны?... Ну отъ теперъ находится человѣкъ почтенный, съ достаткомъ, со-
идныхъ лѣтъ, не пьяница, не вѣтрогонъ... Чинъ у него правда и большой, да мѣсто доходное—а это лучше чина. Вонъ твой
еще надворный совѣтникъ—и что съ его надворнаго совѣтни-
чества?... Такъ какого-жъ тебѣ жениха надо?... А ты меня, ста-
руху, этакимъ манеромъ!—Она опять всхлипнула.—На, вотъ ру-
кавички... Что не такъ-то онъ молодъ, да не такъ-то изъ себя
красивъ—это еще и лучше, Вѣруша. Молодой да красивый тебя
завлечь не будетъ, затѣмъ что ему и на сторону легко пойти. А
ишь этакое-то, если вздумаетъ привередничать да забываться—
ты придержи денежекъ-другой, будь съ нимъ строго—и посмотри,
какой шелковый сдѣлается, въ одну минуту! Потому—куда же
ему помимо тебя идти? кому надобенъ?... Это я тебѣ зная го-
ворю. Чтѣ молодой? Такъ, мнѣніе одно, что вотъ молодъ—а
между прочимъ совершенно все равно... Я тебѣ добра желаю, изъ
любви говорю—а ты капотъ отняла, да еще на меня этакимъ
манеромъ... Богъ съ тобой!

Анна Федоровна совсѣмъ разнынилась.

Нѣсколько развлеченная механическимъ занятіемъ одѣванья
и подъ вліяніемъ однообразнаго, тягучаго, съ большими разста-
новками шамканья старухи, Вѣра Александровна успѣла хоть
немного придти въ себя, опомниться, и даже вернуться къ пре-
жнему теченію мыслей. На минуту у нея явилась твердость—
твердость труса, который, зная, что затѣваетъ подвигъ не по
силамъ, самъ себѣ отрѣзываетъ отступленіе и уже потомъ—по
необходимости, съ закрытыми глазами, ни живой, ни мертвый—
бросается въ опасность, заранѣе обрекши себя на гибель.

Вѣра Александровна составила слѣдующій планъ: «Выйду
къ жениху и сдѣлаю такъ, чтобы онъ убѣждалъ отъ меня, какъ
отъ чорта. А потомъ пусть какъ хотятъ... Ужъ вернуть нельзя
будетъ, хоть бы я и струсила.. Я думаю, я умру. Ну, и что-жъ?
Боря по крайней мѣрѣ узнаетъ, что я его въ самомъ дѣлѣ
любила и по крайней мѣрѣ пожалѣветъ... И всему конецъ!»

— Вѣрочка готова? спросила за дверью Любовь Александровна.

— Готова, готова! Вейди, кралечка моя писаная, солнышко ясное! съ подобострастіемъ бросилась къ ней старуха. Вейди, полюбуйся своимъ платищемъ на Вѣрушкѣ-то. Вѣдь ты всѣмъ намъ благодѣтельница!

И Анна Ѳеодоровна поцѣловала старшую дочь въ плечо.

Любовь Александровна вошла съ милостивой улыбкой, оглядѣла сестру со всѣхъ сторонъ, заставивъ ее повернуться и направо, и налѣво, собственноручно что-то обдернула, поправила и наконецъ осталась довольна нарядомъ.

— Точно на тебя шито! сказала она. Узнать нельзя из шелкового-то платѣ: откуда красота берется! Ну, да Богъ дастъ, теперь и тебѣ ужъ не долго ждать — будешь хоть на полдюжинѣ туалетовъ въ годъ дѣлать... Леонтій Михайличъ такъ мѣсто имѣетъ прекрасное — тысячи три вѣрныхъ, въ уѣздномъ городѣ! Первой тамъ будешь... А мой Петръ Васильичъ общалъ ему еще кое-что выхлопотать. Ужъ дѣло совсѣмъ на мази. Пусть только женится — сейчасъ и представимъ!

— Ангелъ небесный! умилилась Анна Ѳеодоровна, молитвенно сложивши руки. Ни обидъ, ни зла не помнить. Заботится, точно дочь ея родная!

— А развѣ она мнѣ чужая, маменька? развѣ не сестра? Только вѣдь одна и есть. И про какія вы обиды говорите? Обиды иной разъ грѣшили — значить, и вспоминать нечего. Можетъ, я, дура старшая, еще виноватѣе была!

— Ангелъ, ангелъ небесный! совсѣмъ расчувствовалась старуха.

— Петръ Васильичъ пріѣхалъ! вскрикнула Любовь Александровна, подбѣгая къ окну.

III.

Леонтій Михайличъ.

Госпожа Сивонина уже томно полулежала въ углу большого дивана и на первомъ попавшемся мѣстѣ раскрыла какой-то французскій романъ, который нарочно для этой цѣли уже болѣе полугода сохранялся на сосѣднемъ столикѣ. Вѣру Анна Ѳеодоровна толкнула за пальцы; а сама сѣла на кресло — прямо, точно солдатъ на часахъ, не горбясь, не прислоняясь къ спинкѣ и съ неизмѣннымъ вазаньемъ въ рукахъ.

Все это, разумѣется, произошло въ гостинной. А гостинная представляла квадратную комнату средней величины, оклеенную густою бумагой со множествомъ сѣровато-бѣлыхъ лиръ, перерезанныхъ такими же сѣровато-бѣлыми вѣнками, обставленную мебелью дешеваго издѣлія, но довольно фасонистой, съ пунсою шерстяною обивкой весьма крупнаго рисунка, и наконецъ украшенную разными сборными картинками на стѣнахъ. Надъ вѣномъ на почетномъ мѣстѣ висѣли хромофотографированные портреты изъ царской фамиліи, затѣмъ разныя фотографическія открытки въ деревянныхъ или картонныхъ рамкахъ, раскрашенныя литографіи, рисунки изъ «Художественнаго Листка» Тимма, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Петръ Васильичъ былъ необыкновенно въ духѣ. Еще изъ передней доносились его громкій говоръ и смѣхъ, да чье-то тихое, неясное мурлыканье — точно жирнаго кота, довольнаго своею судьбою.

— ...Однако не откажетесь?... слышался широкій возгласъ Петра Васильевича, котораго впрочемъ тоже можно было почитать только урывками.

— Гр-гр-гр... отвѣтило мурлыканье.

— Да, зимой-то... Пріятно когда этакъ... Не худо, а?

Опять кто-то замурыкалъ въ передней.

— Ха, ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Вотъ такъ экономія по части отопления, настоящая хозяйская! Ха, ха, ха, ха! Сейчас сунуть доложу.

Послѣдняя фраза сказана была на ходу, и вслѣдъ за нею появился въ дверяхъ самъ Петръ Васильичъ, съ подозрительно румянымъ лицомъ и блестящими глазами — обвиняя одной рукою привезеннаго имъ гостя, а другой высоко надъ головою махая андевѣлой шапкой, вѣроятно въ знакѣ торжества.

— Любовь Александровна! провозгласилъ онъ, не хуже многопротоіакона. Се веду къ тебѣ особу изъ многоизвѣстнаго, многообильнаго и многодоходнаго града Молхова — да почитъ надъ нимъ благость божія! — сей-же подвѣдомственной намъ губерніи. Добра оная, не мня довольнаго себѣ счастья въ сердцахъ уѣздныхъ, рѣшилась обрѣсти таковое въ незыблемости и большемъ изцествѣ чувствъ губернскаго издѣлія. Того для мы днесъ юстолюбезно раскрываемъ ей наши братскія объятія.

Петръ Васильичъ въ самомъ дѣлѣ облапилъ гостя своими длинными руками.

А гость этотъ былъ очень небольшой человѣчекъ лѣтъ сорока слишкомъ, во фракѣ, въ желтыхъ перчаткахъ и съ глянцовой визитной шляпой въ рукѣ. Одѣтъ онъ былъ безупречно-

ненно, насколько можно безукоризненно одѣваться въ Сиродольскѣ; только гладко причесанные, замѣтно порѣдѣвшіе волосы были припомажены чѣмъ-то ужъ слишкомъ пахучимъ. Лицо довольно молоджавое, какъ почти у всѣхъ блондиновъ, съ мелкими и незначительными чертами: жизнь ему давали только черные, необыкновенно живые и постоянно бѣгающіе глазки.

Высвободившись изъ объятій Петра Васильича, онъ пошелъ къ Любови Александровнѣ, бойко, но очень почтительно раскланялся, и сказалъ ей:

— Въ лицѣ Леонтія Михайлыча Займитова позвольте представить вамъ одного изъ самыхъ горячихъ вашихъ почитателей.

Вѣра, до тѣхъ поръ неподвижная, бросила искоса взглядъ на своего суженаго.

А суженый продолжалъ говорить тихо, какъ-то немного наклонивъ голову и на бокъ, и внизъ. Голосъ его и манера произносить даже теперь, вблизи, живо напоминали мурлыканье благодушествующаго кота.

— Эй, Леонтій Михайлычъ! Да ты, братецъ, совсѣмъ не туда адресуешься! вдругъ захохоталъ во все горло Сивонинъ, выпучивъ на гостя свои немного посоловѣвшіе глаза. На этой вѣдь ужъ нельзя жениться: занята квартира. А ты вотъ куда смотри! повернулъ онъ его своей геркулесовской силой къ пальцамъ, надъ которыми, не поднимая глазъ, работала Вѣра Александровна.

— Вѣрочка! Рекомендую! Сей есть искатель священнаго амура—дворянинъ, ибо даже служилъ въ гусарахъ; бывшій фабрикантъ и заводчикъ; ходатай по дѣламъ и проч., и проч.; на бильярдѣ—чортъ! Сейчасъ онъ мнѣ въ «Вѣнѣ» такіа штуки показывалъ, что Данилка-маркеръ даже креститься началъ со страху... Парле-ву-франсе, какъ будто въ Парижѣ родился; острякъ, комплиментистъ, шаржунъ—однимъ словомъ, на все собаку съѣлъ. Разсчетъ понимаетъ самый тончайшій! Вотъ еще въ передней онъ объяснялъ: «Я, говоритъ, зачѣмъ женюсь? Чистая выгода! Изъ экономіи!»—Ну, вы тутъ объясняйтесь. А вамъ, маменька, ради сегодняшняго торжественнаго случая, я фунтикъ конфетъ приобрѣлъ-съ. Бонбошки ахтительныя! Извольте получить-съ.

— Ахъ, Петръ Васильичъ! взвизгнула старуха, даже зардѣвши отъ такого вниманія.

— Вѣра Александровна! замурыкалъ между тѣмъ Займитовъ, ни мало не сконфузаясь отъ велѣрѣчія и комплиментовъ своего пріятеля. Я знаю, какъ вы теперь на меня смотрите и должны смотреть. Я понимаю всю мѣру своей дерзости... Не имѣя

счастья быть сколько-нибудь вамъ извѣстнымъ, не обладая никакими талантами для того, чтобы нравиться женщинамъ, — я все-таки смѣлъ явиться претендентомъ на такое счастье, на такое блаженство. Нѣтъ! Позвольте мнѣ лучше не говорить объ этомъ! остановился онъ какъ-бы въ волненіи, и въ самомъ дѣлѣ перевода духъ. Вѣра Александровна! Я знаю свою вину. Теперь только, увидавши васъ близко, а не благоговѣя издали, какъ прежде — я понялъ всю ея мѣру, а еще болѣе — всю безнадежность моихъ притязаній. Я почти отказываюсь отъ васъ. Но мнѣ дорого объяснить вамъ, что я не такъ виноватъ, какъ вы, можете быть, полагаете, что я — не то, что другіе...

Онъ многозначительно остановился.

Вѣра молчала. Ей чудился полупьяный уѣздный чиновникъ въ зеленомъ форменномъ фракѣ, съ громкимъ говоромъ, съ неприличнымъ смѣхомъ и пошлыми шутками — а этотъ какъ-будто хотѣлъ что-то сказать.

— Вѣра Александровна! Вы молчите?... грустно началъ опять Займитовъ. Вы правы. Я этого стою и по дѣломъ наказанъ.

Не успѣвъ еще хорошенько опомниться, не вполнѣ сознавая всѣ послѣдствія своего подвига, Вѣра вдругъ подняла голову и сказала громко, съ рѣшительнымъ видомъ:

— Леонтій Михайлычъ! Я очень благодарна за честь, которую вы мнѣ дѣлаете своимъ предложеніемъ; но принять его не могу ни въ какомъ случаѣ — ни теперь, ни послѣ — потому что вы мнѣ не нравитесь, и я давно люблю другого.

Всеобщее замѣшательство.

— Ахъ! вскрикнула Любовь Александровна.

— Что-о? заревѣлъ Петръ Васильичъ, вскакивая съ дивана, но тотчасъ опомнился. — Не слушайте, Леонтій Михайловичъ; знаемъ мы этотъ вздоръ; лучше пойдѣте со мною въ кабинетъ, поговоримъ толково.

Любовь Александровна пошла — было за ними; но мужъ сдѣлалъ ей чуть замѣтный знакъ глазами — и она еще по дорогѣ скрылась въ боковую дверь.

— Садитесь! предложилъ Петръ Васильичъ, показывая рукою на клеенчатое кресло.

Винный румянецъ, добытый за завтракомъ, сбѣжалъ у него съ лица, глаза потускнѣли и приняли холодное, непроницаемое выраженіе, добродушная веселость исчезла — однимъ словомъ, слегка выпившій человѣкъ мигомъ превратился въ трезваго и осторожнаго дѣльца. Отъ недавней попойки даже слѣдовъ не осталось.

Гость, перебивавшій въ короткое время добрымъ манеромъ съ

душой на распахку, дамскимъ угодникомъ, задумчивымъ несчастливцемъ и восторженно-нѣжнымъ поклонникомъ — теперь тоже сѣлъ на кресло съ любознательнымъ и серьезно почтительнымъ видомъ дѣловаго человѣка, который приготовился выслушать своего глубоко уважаемаго и во всѣхъ отношеніяхъ старшаго товарища.

Молча и почтительно уперся онъ въ Петра Васильевича ожидающимъ взглядомъ, размышляя про себя: — что-то онъ послѣ этого скажетъ!

— Леонтій Михайловичъ! началъ тотъ, дѣлая недовольную гримасу. — Мнѣ очень жаль, что я подвергнулъ васъ такому... можно сказать, непріятному пассажиру... Повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобы... чтобы...

Онъ пріостановился, рассчитывая на помощь Займитова. Но Займитовъ все также молча и съ тѣмъ же почтительнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Я никакъ не думалъ, чтобы могла выйти подобная штука... И теперь, разумѣется, вы имѣли бы право... То-есть, мнѣ конечно чрезвычайно жаль, и я могу поручиться, что эта, такъ сказать, прискорбная выходка юной особы есть только слѣдствіе ея разстроенныхъ нервовъ. Черезъ какіе-нибудь два-три дня она сама будетъ горько сожалѣть и каяться въ своемъ необдуманномъ поступкѣ... Я бы даже могъ проучить ее, если вы того пожелаете?...

Онъ опять пріостановился — и опять встрѣтилъ тотъ же ожидающій, невозмутимо-почтительный взглядъ.

— Но, разумѣется, вы имѣете полное право... полное право переимѣнить... то-есть, да! переимѣнить свое намѣреніе...

Опять небольшая остановка.

— Конечно, Вѣра Николаевна не имѣетъ никакого состоянія... и та услуга, которую я... гм! гм!... готовъ былъ предложить вамъ, какъ-бы за нею въ приданое... можетъ быть, не кажется вамъ теперь желательною... или, такъ сказать, достаточнымъ вознагражденіемъ... Однимъ словомъ, я покорнѣйше прошу васъ объяснить мнѣ, какъ располагаете вы поступить при настоящихъ, можно сказать, неопредѣленныхъ обстоятельствахъ?

И, сказавъ послѣднюю фразу рѣшительнымъ тономъ, Петръ Васильевичъ въ свою очередь твердо уперся взглядомъ въ Займитова.

— Петръ Васильичъ! началъ тотъ очень тихо и медленно. — Меня пѣсколько удивляетъ вашъ вопросъ... Конечно, онъ только слѣдствіе вашего доброжелательства и, можно сказать, необыкновенной деликатности... Но все-таки, если дѣло идетъ о

серьезномъ и солидномъ уговорѣ между серьезными и солидными людьми — какое же значеніе, позвольте васъ спросить, можетъ тутъ имѣть вспышка молодой дѣвицы?

У Сивонина слегка дрогнули вѣки.

— Ну, въ такомъ случаѣ и я съ своей стороны могу вамъ поручиться, что завтра же объ ея упорствѣ даже помину не будетъ... Позвольте мнѣ еще разъ обнять васъ, будущій дорогой родственникъ!

— А мнѣ поблагодарить за великую честь.

Они поддержали другъ друга въ объятіяхъ и три раза звучно поцѣловались, причемъ маленькій Займитовъ становился на цыпочки, а Петръ Васильевичъ нѣсколько присѣдалъ. Затѣмъ ледъ былъ пробитъ, и бесѣда приняла болѣе теплый, дружескій отбѣнокъ.

Займитовъ подвинулъ свое кресло ближе къ Сивонину, и началъ говорить тихо, съ какой-то особенной сердечностью въ тонѣ и съ честнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ.

— Петръ Васильичъ! Въ виду возникшаго — было между нами недоумѣнія, позвольте мнѣ выразить вамъ кое-что откровенно, какъ будущему уважаемому старшему брату... Притомъ, — онъ улыбнулся конфузливо и сталъ смотрѣть себѣ на ноги, — съ человѣкомъ, который все равно видитъ тебя насквозь, точно стекляннаго — даже глупо скрывать: только внушаешь не полное къ себѣ довѣріе.

У Сивонина опять дрогнули вѣки.

«Вратъ будетъ!» подумалъ онъ. — Ну?

«Не вѣрить, проклятая лисица!» въ то же время блеснуло у Займитова, который повидимому не поднималъ глазъ съ кончика своего праваго сапога.

— Петръ Васильичъ! вдругъ поднялъ онъ глаза на Сивонина. — Я не мальчикъ, и понимаю, какъ слѣдуетъ жить серьезному человѣку, понимаю, чего долженъ онъ искать, напримѣръ, въ супружествѣ. Вы упомянули о приданомъ... Конечно, отъ приданнаго никто не прочь. Но вѣдь и приданнаго бываютъ разныя. Вотъ вы изволили мнѣ обѣщать весьма важное для меня содѣйствіе — это ужъ много; а кромѣ того молодая и красивая жена, въ рукахъ у опытнаго человѣка — Займитовъ опять взглянулъ, точно всего обдалъ взглядомъ, прямо на Петра Васильича — сама по себѣ составляетъ капиталъ.

— Гм! крикнулъ Сивонинъ, нѣсколько поднявъ брови.

«Что за чортъ! подумалъ онъ. — Вѣдь онъ, кажется, того... въ самомъ дѣлѣ откровенничаетъ!

«Ага, подѣйствовало!» улыбнулся про себя Займитовъ.

— Петръ Васильичъ! Вы меня извините, если я, можетъ быть, слишкомъ рѣзокъ въ своей откровенности... Но мнѣ дорого объяснить вамъ истинную причину, почему я такъ дорож Вѣрой Александровной. Притомъ же, съ вами ли мнѣ считаться мудростью? Я еще вамъ сапоги чистить долженъ!... Да, приданое Вѣры Александровны хоть и не видное, однако позначительнѣе иного виднаго. Я это понимаю, Петръ Васильичъ, и повѣрьте противъ васъ не буду неблагодарнымъ.

«Ну, это онъ вретъ!» не сморгнувъ, подумалъ Сивонинъ. — «Ишь расчувствовался! Таковскій, держи карманъ! Къ чему только онъ клонить?»

«Эхъ, опять фальшивую ноту взялъ!» подумалъ и Займитовъ. — «Ну, да онъ, кажется, не замѣтилъ. Однако все-таки лучше, на всякій случай... Да! Поддамъ еще жару!»

— Петръ Васильичъ! Я вообще, знаете, не изъ благодарныхъ. Да и какая на свѣтѣ благодарность? За что? Если кто сдѣлалъ мнѣ одолженіе, или помогъ, или подарилъ—такъ гдѣ это почему? Потому что я же ловко къ нему подѣхалъ: заплакалъ, наобѣщалъ, въ душу влѣзъ. Ну, значить, я самъ съ собой и цѣлуйся, самъ себя благодарю. А другого за что? За то, что дуракъ развѣ?

«Гм! Дьяволъ этотъ Займитовъ!» опять поднялъ брови Петръ Васильичъ. — «Чортъ его знаетъ, какъ и понимать, въ чемъ это онъ гнетъ?»

«Раскуси, раскуси, рыжая лисица! Хитеръ ты больно — да противъ Займитова партія тебѣ тяжела».

— Другое дѣло съ вами, Петръ Васильичъ! началъ громко Займитовъ. — Васъ я теперь прямо прошу, готовъ на колѣни стать.... Поэтому ваша милость — будетъ истинно милостью и благодѣяніемъ... Тутъ мы касаемся главнаго пункта. Не столь для меня важна красота Вѣры Александровны и даже обѣщанное вами содѣйствіе въ извѣстномъ случаѣ, сколь важно вообще породниться и сойтись съ вами. У меня есть нѣкоторые предпріятія, могу сказать, довольно значительныя... Вы, можетъ быть, изволили слышать? пріостановился онъ на минуту.

— Говорили... неопредѣленно кивнулъ головою Петръ Васильичъ.

— Предпріятія весьма значительныя! ударялъ Займитовъ. — Поэтому мнѣ необходимо имѣть поддержку въ губернскомъ городѣ. Между тѣмъ куда я сунусь, позвольте васъ спросить? Къ Христолюбцеву этому что ли пойду? А что такое Христолюбцевъ? Человѣкъ, которому дурацкое счастье везетъ — и больше ничего. Есть ли въ немъ благородная смѣлость и настоящее умѣнье? Ни

въ какомъ случаѣ! Сидить на превосходномъ мѣстѣ, гдѣ богатство само въ карманъ ползетъ—и подбираетъ копѣйки. На это всякаго дурака хватить. Нѣтъ! А ты изобрѣти, вниени, разработай въ потѣ лица твоего—да тогда и пользуйся! Вотъ какъ по-моему поступаетъ благородный человѣкъ... Кто же еще? Облѣпихинъ—ничтожество, Старовцевъ—трусъ и мямля. Не только поддержки другому, но даже собственной своей выгоды они понять не могутъ... И вдругъ я соединяюсь родственными узами съ человѣкомъ, которому, можно сказать, еще не видѣлъ равнаго! Я могу удвоить, утроить свои операціи: знаю, что за этимъ человѣкомъ, какъ за каменной стѣной, я защищенъ отъ всякихъ, даже сильнѣйшихъ бурь! Петръ Васильчъ! Теперь дѣло ясно: я прошу вашего союза, вашихъ совѣтовъ и вашей поддержки. Это для меня важнѣйшая статья въ приданомъ Вѣры Александровны...

Сивонинъ слегка повернулся на своемъ креслѣ.

— Не думайте—послѣдшилъ Займитовъ—не думайте, чтобъ я надѣялся на помощь вашу безвыгодно для васъ. Нѣтъ! Дружба дружбой, а служба службой—я это, повѣрьте, хорошо понимаю. Да и предпріятія мои, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, такого рода, что на обоихъ хватить.... Во всякомъ случаѣ я теперь вполне и откровенно объяснилъ вамъ, почему Вѣра Александровна имѣетъ для меня особую цѣну. Не такой же я дуракъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ изъ-за пустяковъ, изъ-за каприза или какой-нибудь тамъ скоропреходящей склонности молодой дѣвицы, отказаться отъ своего великаго счастья, да еще когда оно само въ руки ползетъ! Итакъ, что вы рѣшите, Петръ Васильевичъ?

Сивонинъ слушалъ молча, не спуская глазъ съ Займитова, теперь уже явно слѣдившихъ за каждымъ его взглядомъ или движеніемъ мускула въ лицѣ. Но и тотъ съ своей стороны, не сморгнувъ, просто, прямо и открыто смотрѣлъ на Петра Васильича, ожидая его отвѣта.

Нѣсколько мгновений оба молчали.

— Леонтіи Михайлычъ! медленно и вѣско заговорилъ наконецъ Сивонинъ.—За откровенность и я съ вами буду откровененъ. Конечно, помочь вамъ въ дѣлахъ, насколько возможно, я всегда готовъ съ радостью; готовъ буду, при случаѣ, и предпринять что-нибудь вмѣстѣ. Вѣрочка, можно сказать, выросла у меня въ домѣ; она для меня все равно, какъ дочь родная, и слѣдовательно все, что отъ меня зависитъ... Ну, да это само собой разумѣется, и толковать нечего.

Займитовъ внутренне улыбнулся отъ жалости.

«Какъ это грубо!» подумалъ онъ.—«Нашелъ, съ чѣмъ подъ-

ѣхать! Всѣ они дальше рутины ни на шагъ. А еще этотъ побойчѣе другихъ... Однако остороженъ, чортъ его побери! Остороженъ, какъ дьяволъ! Просто не знаешь, съ которой стороны взять... Неужто я еще не подѣйствовалъ? Это-жъ съ ума сойти надо, съ проклятой лисицей!»

— Но съ другой стороны, Леонтій Михайлычъ, мнѣ довольно извѣстенъ вашъ характеръ— и я прямо говорю вамъ: не зарывайтесь! Леонтій Михайловичъ! Не губите вы сами себя.. все надо въ мѣру. У старой княгини Зыковой конечно сильная рука; я тоже, сколько могу, готовъ служить вамъ, какъ дорогому брату... Однако вспомните вы хоть свои прежнія времена; вѣдь вы могли, такъ сказать, пріобрѣсти опытность... Вспомните исторію на золотомъ пріиски, или съ Криворотовымъ, или съ оренбургскими купцами...

Займитовъ опустилъ голову.

— Эхъ, Леонтій Михайлычъ! вдругъ съ искреннимъ чувствомъ заговорилъ Сивонинъ. Вѣдь съ вашими способностями теперь бы надо было Богъ-знаетъ гдѣ сидѣть—въ министрахъ, можетъ быть, да! и Богъ-знаетъ какое имѣть состояніе. А гдѣ все это? Сами вы себя погубили, и опять погубите. Что у васъ за жадность, Леонтій Михайлычъ? Нельзя, голубчикъ вы мой, все разомъ да разомъ. И Москва вѣдь не одинъ день строилась... Остерегитесь, Леонтій Михайлычъ! по-дружески вамъ говорю. Зачѣмъ торопиться? Исподоволь да исподоволь, потихоньку да помаленьку— а все вмѣстѣ выйдетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ если разомъ цапнуть и отойти всторону со скандаломъ... Леонтій Михайлычъ, пожалѣйте вы сами себя, пожалѣйте свои способности! Что-жъ, вы развѣ удержаться не можете? Горькій пьяница—и тотъ, коли нужно, отъ вина отстанетъ. А это не вино! Это не болѣзнь какая-нибудь, и въ нашихъ рукахъ. Мало ли что видитъ око, да зубъ нейметъ! Вы посмотрите куда уголно: кто вамъ здѣсь подъ парю въ цѣлой губерніи? Законникъ вы, можно сказать, единственный; про умѣнье—и говорить нечего! Подстроить, подвести, пронюхать, вытянуть—это ужъ ваше дѣло! Вы тамъ сообразите, гдѣ другому даже и не приснилось бы... И кромѣ того еще связи у васъ есть, и человѣкъ вы ловкій; вы вонъ и по-французски, и расшаркаться, и комплиментецъ какой-нибудь отпустить; вы съ князьями да графами за своего человѣка... Господи! Что же вы сдѣлать-то могли бы? Гдѣ бы вамъ сидѣть теперь? И все погубила жадность проклятая! Тысячу рвете, а десять упускаете. Вспомните золотой пріискъ, вспомните елецкое дѣло... Что бы это теперь было, еслибъ вы тогда не погорачились?

Леонтіѣ Михайлычъ слегка застоналъ.

— Не говорите, Петръ Васильичъ! Не мучьте вы меня пыткой огненной! вскрикнулъ онъ. Неужто вы думаете, я самъ себя не понимаю? Скотина я, сумасшедшій! Я самъ себѣ первый рабъ и мучитель. Меня въ желтый домъ запереть надо!

Онъ опять застоналъ.

— Сколько я давалъ варюшковъ, сколько я на себѣ волосъ мрвалъ! Повѣрите ли, я разъ цѣлую недѣлю сухимъ хлѣбомъ питался, чтобъ только себя усмирить. Не помогаетъ, ничего не помогаетъ! Какъ случится, что можно бы кушъ хорошій сорать—тутъ я самъ на себя не похожъ дѣлаюсь: ѣсть не могу, пить не могу, думать не могу, въ головѣ какъ будто туманъ злой; одно только передо мною и стоитъ, вотъ какъ чортъ передъ пьяницей въ бѣлой горячкѣ... Тогда ужъ меня хоть руки и бери!

Онъ всѣ десять пальцевъ запустилъ себѣ въ волосы.

— Леонтіѣ Михайлычъ! Леонтіѣ Михайлычъ! Успокойтесь! говаривалъ его Синопникъ.

— Петръ Васильичъ! почти закричалъ Займитовъ отчаяннымъ голосомъ. Теперь я совсѣмъ проговорился, противъ васъ не скроюсь! Теперь вы сами знаете, чего мнѣ нужно. Не столько поддержки, не столько защиты я ищу, сколько совѣтовъ, наклоненій надо мною! Вы—единственный человѣкъ, котораго я уважаю, котораго готовъ признать своимъ учителемъ. Ругайте же меня, сѣкайте, бейте въ морду—но сдѣлайте человѣкомъ! Я васъ какъ отца прошу.

Онъ чуть не онустился на колѣни.

— Согласитесь мнѣ содѣйствовать, будемте работать вмѣстѣ—и я ни на шагъ не выйду изъ вашей воли. Чтѣ было, то пропало. Видите, вѣкъ ужъ я подумывалъ, ужъ не такой же я запущенный мальчишъ, какъ прежде. Пора образумиться, остепениться—и при вашей помощи, при вашихъ совѣтахъ и подѣ вашей командой дѣло пойдетъ на ладъ. А что мы вдвоемъ можемъ надѣлать, пастроить... ухъ! даже духъ захватывается!... Сами вы говорите, что у меня есть способности; а какъ еще васъ присоединить... Боже, Боже мой! Вся губернія наша... Петръ Васильичъ! Вотъ я весь передъ вами—рѣшите же мою судьбу!

— Успокойтесь, успокойтесь, Леонтіѣ Михайлычъ! Я надѣюсь, что мы сойдемся... Вы меня теперь немножко растрогали... Да и голова у меня послѣ «Вѣны» не свѣжая.. А вотъ пожалуйста завтра; я пока обдумую... Поговоримъ подробно о

вашихъ предпріятіяхъ, и вообще на что-нибудь рѣшиться... Утро вечера мудренѣе.

— Какъ вамъ угодно. Не смѣю настаивать, хотя все сердце у меня изноетъ... А до тѣхъ поръ не удостоите ли отобѣдать со мною въ «Вѣнѣ»?

— Нѣтъ ужъ, покорно васъ благодарю... Вѣдь у меня еще домашнія хлопоты есть. Да, признаться, и сытъ совсѣмъ послѣ давешняго.

— Ну, какъ угодно. Не смѣю настаивать... А то вѣдь домашнія-то хлопоты можно бы и отложить? Дѣло не звѣрь, не бѣгаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Право не могу.

— Ну, такъ до завтра.

— До завтра. А про Христолюбцева вы это прекрасно сказали... Ха, ха, ха!... Очень, очень вѣрно!

Они опять три раза поцѣловались на прощанье.

Проводивъ гостя, Петръ Васильичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ ему на притворенную дверь.

— Да, хорошо бы... задумчиво бормоталъ онъ. Выгоды конечно огромныя... Построили бы мы это дѣло, соорудили бы! Ну, и отвѣтственность можно бы, въ случаѣ чего, всю на Займитова свалить: человѣкъ онъ горячій, къ деньгѣ алчный—можно бы такъ подстроить... Онъ же меня вонъ и почитаетъ, слушаться хочетъ... Да! хорошо бы... Ну, а съ другой стороны, осторожность съ нимъ главное дѣло: опасный и тончайшій человѣкъ!... Гм! Чортъ знаетъ, какъ поступить въ этихъ обстоятельствахъ... Пожалуй, иначе Вѣрку не возьметъ... Ну, это конечно вздоръ: можно для вида и согласиться съ нимъ, а потомъ, какъ женится—ищи вѣтра въ полѣ!... Гм! гм!... Трудное дѣло!... Не поговорить ли съ женой?... Посмотримъ... А куда надо прежде всего проучить эту госпожу. Будетъ она у меня помнить!

И Петръ Васильичъ, со внезапно разгорѣвшимся лицомъ, съ налитыми кровью глазами, торопливо вышелъ изъ кабинета.

Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала дѣйствительно бурная сцена, которая не прошла даромъ для здоровья Вѣры.

IV.

Въ классной.

Софья Николаевна только-что успѣла распустить свою маленькую школу и усердно приводила въ порядокъ классную комнату. Все это до того поглотило ея вниманіе, что она даже не замѣтила, какъ на порогѣ ея комнаты вдругъ выросла чья-то человѣческая фигура.

Гость, впрочемъ, съ своей стороны не нашелъ нужнымъ выступить далѣе, или какъ-нибудь иначе извѣстить о своемъ присутствіи, и нѣсколько секундъ молча слѣдилъ за всѣми движеніями дѣвушки.

Это былъ господинъ средняго роста, или даже ниже средняго, худощавый, съ цѣлымъ лѣсомъ растрепанныхъ черныхъ волосъ на головѣ и съ усами несомнѣнно гражданскаго происхожденія, ибо носимы они были кое-какъ и видимо не пользовались особливимъ вниманіемъ со стороны своего обладателя. Одѣтъ онъ былъ хорошо, но небрежно: галстухъ полуразвязанный, скрутокъ дня два не чищенъ, воротнички тонкой рубахи сматы и очень старой формы.

— Никаноръ Сергѣичъ! Здравствуйте. Какъ это вы подерались? Неужто у васъ сегодня и въ самомъ дѣлѣ не скрипятъ сапоги?

Гость взглянулъ себѣ на ноги.

— Нѣтъ, скрипятъ. Что-жъ я буду дѣлать съ сапожниками? Не драться же.... Но вы такъ углубились въ *усердное исполненіе даже самаго неважнаго дела*, и такъ прислушивались въ *голосу совѣсти, повѣщающей трудиться*, что за этимъ, разумѣется, могли не замѣтить сапожнаго скрипа.

Подчеркнутое гость произнесъ съ нѣкоторымъ насмѣшливымъ пафосомъ.

— Ну, ну, здравствуйте.

— Здравствуйте, отвѣтилъ Никаноръ Сергѣичъ. Но лицо его вдругъ затуманилось.

— А вѣдь я къ вамъ по дѣлу.... по непріятному дѣлу.

— Непріятному! Чтѣ такое?

— Непріятному для меня, а не для васъ; значитъ, не беспокойтесь.

— Непріятное для васъ—и для меня то же.

— Добрая вы, очень добрая.... на словахъ! пробормоталъ онъ полусердито, полунѣжно.

— А чѣмъ вы докажете, что не на дѣлѣ? строго опросила она глазами.

— Ну, ну! за доказательствами не далеко бы ходить....

— Однако?

— Ужъ оставимъ это, Богъ съ вами.

— Малодушный вы человѣкъ! махнула она рукой немного презрительно. Рассказывайте лучше о дѣлѣ.

Гость нахмурился и нѣсколько мгновений пожевалъ губами.

— Я къ вамъ съ просьбою о помощи.... Съ серьезной просьбою.... Хотя, собственно говоря, дѣло конечно обезпеченное....

Онъ замолчалъ.

Софья Николаевна уставилась въ гостя глазами.

— Ну?

— Ну, мнѣ нужно денегъ.

— Денегъ? Такъ я-то гдѣ же ихъ возьму? Вѣдь вамъ не полтораста рублей нужно?

— Послушайте.... Я знаю, что у Андрея Николанча въ настоящее время есть деньги, и хотѣлъ бы взять ихъ подъ залогъ дома.

— Почему же вы не обратитесь къ нему?

— Скажу вамъ прямо: Андрей Николанчъ прекрасный человѣкъ, и я его глубоко уважаю; но онъ довольно тяжелъ по характеру.... съ нимъ какъ-то трудно поговорить отъ души.

— Съ нимъ!... Чего же вы хотите?

— Чтобы вы поговорили за меня.

— Послушайте, Никаноръ Сергѣичъ, я слышала.... Да что тутъ! Аня мнѣ сказывала, а онъ въ этомъ знаетъ толкъ; такъ онъ сказывалъ, будто ваши дѣла не хорошо идутъ. Можно ли спросить васъ....

— Да вѣдь я обезпечиваю залогомъ дома.

Софья Николаевна вспыхнула.

— Я съ вами говорю какъ другъ, а не какъ барышникъ.

— Что же вы хотите знать?

— Правда ли, что ваши дѣла плохи, и на что вамъ деньги?

— Хочу пуститься въ торговлю.

— Послушайте: вѣдь вы продали имѣнье за пятьдесятъ пять тысячъ?

— Да.

— А новый домъ вашъ не стѣбитъ и двадцати. Гдѣ же остальные деньги?

— Да развѣ я такъ прямо на тѣ деньги и купилъ домъ!

Вѣдь домъ-то купленъ въ прошломъ году, а имѣнье ужъ восемь лѣтъ какъ продано.... Эхъ вы, дѣловая!

— Чѣмъ же не дѣловая? Положимъ, что восемь лѣтъ прошло — да что же это, объясненіе, что ли? Деньги-то все-таки куда дѣвались? Пятьдесятъ пять тысячъ и двадцать — разница большая.

— Куда дѣвались! Разумѣется, неудачныя операціи.... Да что въ этомъ говорить: вѣдь ужъ не воротить.

Софья Николаевна покачала головой.

— Васъ вѣрно обманываютъ.

— Никто меня не обманываетъ, да и не такъ-то это легко; просто не везетъ. Мнѣ однѣ эти проклятыя машины тысячъ пять стоили.

— Машины! Отъ которыхъ вы когда-то были въ такомъ воплоръ?

— Ну, и былъ. Всякій можетъ ошибаться.

Софья Николаевна опять покачала головой.

— Что же вы теперь затѣваете?

— Продаю домъ, и на эти деньги завожу чайную торговлю en grand. А куда займу подъ залогъ, такъ какъ это легче, чтобы не терять времени. У меня теперь случай начать дѣло, какой уже не повторится; я могу смѣло получить на свой капиталъ пятнадцать или даже двадцать процентовъ въ годъ. Ну, говорите вы съ братомъ?

— Разумѣется, поговорю, если нужно. Да вы увѣрены ли въ барышахъ-то?

— Совершенно увѣренъ. А если Андрей Николаичъ мнѣ не дастъ, я, признаться, не знаю, къ кому и обратиться. Другой же меня и сдеретъ, и надуетъ, пожалуй.

— Послушайте, Никаноръ Сергѣичъ, позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ откровенно.

— Ну?

— Восемь лѣтъ тому назадъ у васъ были очень значительныя средства, такъ что вы могли прекрасно жить безъ всякихъ спекуляцій. Но вы промѣняли имѣніе на заводъ, заводъ на подряды, подряды на машинный складъ и наконецъ машины на домъ — все это, надо вамъ сказать, къ общему недоумѣнію дѣловыхъ людей, и при твердой увѣренности съ вашей стороны, что великія выгоды такъ на васъ и посыплются. Вышло однако совсѣмъ не по-вашему: изъ хорошаго состоянія у васъ едва-едва осталось чѣмъ жить. Ну, а что если вы обочтетесь еще разъ? Случалось это и прежде, следовательно можетъ еще разъ случиться. Но этотъ разъ рискуете вы необходимымъ! Послушай-

тесь дружескаго совѣта, бросьте вы вашу затѣю, живите на то что еще есть.

Софья Николаевна сказала это очень тепло, и даже взяла гостя за руку.

— А ваша проповѣдь о необходимости труда?

— И трудитесь. Только оставьте въ сторонѣ ваши деньги.

— Ну, послушайте, чтобы уничтожить всякія сомнѣнія, вамъ скажу — что на чайной операціи я буду имѣть огромную выгоду, и даже, можетъ быть, съ-разу поправлю свои дѣла. Тут не нужно большихъ расчетовъ, тутъ просто дважды два — четыре. Да наконецъ....

Никаноръ Сергѣичъ понизилъ тонъ.

— Я во всякомъ случаѣ долженъ продать домъ и поскорѣе достать денегъ: черезъ недѣлю срокъ моему векселю на пять тысячъ.

— Векселю на пять тысячъ!

Софья Николаевна всплеснула руками.

— Откуда у васъ еще это?

— Все съ подрядовъ....

Онъ опустилъ голову.

Съ минуту помолчали.

— Ну, Софья Николаевна?... Вѣдь это для меня спасеніе.

— Попрошу и, надѣюсь, выпрошу; по крайней мѣрѣ скажу все возможное. Но вѣдь Анѣ черезъ пять — шесть мѣсяцевъ самому понадобятся деньги. Онъ хочетъ начать что-то новое.

— Да и мнѣ на этотъ срокъ нужно. Ужъ у меня есть надежда продать домъ въ самомъ скоромъ времени. Приторговываются....

Въ это время изъ сосѣднихъ комнатъ послышалась чья-то тяжелая походка и пѣніе или, вѣрнѣе сказать, ворчаніе про себя, но глубочайшимъ басомъ:

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ!

Шелъ, значить, Андрей Николаичъ, и притомъ крайне озабоченный или множествомъ дѣла, или даже какими-нибудь неприятностями.

При первыхъ звукахъ его голоса гость Соня сталъ торопливо прощаться.

— Куда же вы? попробовала она было удержать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня еще много дѣла впереди.

— Соня! позвалъ Андрей Николаевичъ, и вслѣдъ затѣмъ самъ показался на порогѣ, съ бровями, нахмуренными болѣе

обыкновеннаго, и губами, какъ-то особенно крѣпко сжатыми— что и означало: «заработался до чортиковъ»!

— Никаноръ Сергѣичъ! здравствуйте.

— Здравствуйте и прощайте, Андрей Николаичъ! и торопливо подавъ руку, Никаноръ Сергѣичъ скользнулъ мимо. Я очень спѣшу.

— Соня! Отъ Сивонинныхъ прислали сказать, что Вѣра Александровна опасно заболѣла. Жаръ у нея, бредъ, мечется по постели, и все стонетъ да приговариваетъ что-то безсвязное.

— Господи! Когда же она успѣла?

— Со вчерашняго дня, говорить.

— Я бѣгу, Аня.

Софья Николаевна быстро накинула на себя первый попавшійся подъ руку бурнусъ, схватила шляпку и, надѣвая ее на походѣ, уже изъ третьей комнаты крикнула брату:

— Объясни нашимъ, если я не вернусь.

— Хорошо.

V.

Открытие.

Сивонины послали за Сонею не спроста. Попытка Петра Васильевича «проучить» Вѣру подѣйствовала на нее ужасно: она серьезно заболѣла.

Пользуясь безпамятствомъ Вѣры и отсутствіемъ мужа, который вечеромъ по обыкновенію ушелъ куда-то изъ дому, Любовь Александровна рѣшила пересмотрѣть всѣ ящики и комоды въ комнатахъ своей жертвы, надѣясь отыскать какіе-нибудь слѣды ея сношеній съ неизвѣстнымъ обожателемъ, или, пожалуй, при удачѣ даже имя этого обожателя. Любовь Александровна твердо была увѣрена по себѣ, что «есть же какія-нибудь записочки, не безъ того!»

Поиски Любовь Александровны увѣнчались полнымъ успѣхомъ: послѣднее письмо Бориса Смурова, съ которымъ Вѣра все еще носилась, хотя оно и получено было уже болѣе двухъ недѣль тому назадъ—нашлось очень легко: въ карманѣ ея повседневнаго ситцеваго платица.

Любовь Александровна прочла:

«Милый и сердитый другъ!

«Получилъ я три твоихъ письма съ такими горячими упреками и даже съ угрозою, въ послѣднемъ, прекратить со мною

всякую переписку. А и весь-то сыр-боръ загорѣлся только изъ-за того, что я не писалъ — *цѣлый мѣсяцъ*. Какое, подумаешь, ужасное преступленіе! А не соблаговолите ли вы, милостивая государыня Вѣра Александровна, принять во вниманіе, что при нашей службѣ очень часто по мѣсяцу и дома не бываешь. А ѣзда по непролазнымъ дорогамъ? а безконечные толки съ мужиками, съ башкирами и со всякимъ людомъ? а огромнѣйшая казенная переписка? а пребываніе во всевозможныхъ курныхъ хатахъ, при крайне неудовлетворительномъ продовольствіи, и происходящее отъ сего состояніе духа?... Тебѣ бы пожалѣть меня слѣдовало, Вѣрочка, а не браниться. Притомъ же, позволь тебя спросить: о чемъ могу я писать изъ этой трущобы, хотя бы и самому лучшему своему другу? Свое душевное состояніе, свои мечты и надежды я расписывалъ тебѣ когда-то чуть не каждый день и на многихъ листахъ; слѣдовательно, повторять ихъ еще и теперь, въ сто первый разъ—не стоить. А событій гдѣ взять? Или, можетъ быть, прикажешь подробно извѣщать тебя о плутняхъ какого-нибудь исправника? о цѣломъ проголодавшемся селѣ? Предметъ, право, неинтересный и давно набившій оскомину. Я же лично здоровъ, кажется, преуспѣваю по службѣ (по крайней мѣрѣ получаю разные весьма лестные знаки вниманія отъ начальства), и все такой же какъ прежде: даже ни бороды, ни усовъ не запустилъ».

«Полно сердиться, мой хорошенькій другъ! Между такими друзьями, какъ мы, по настоящему не должно быть никакихъ счетовъ; я по крайней мѣрѣ не ожидалъ ихъ встрѣтить. И выйдетъ, пожалуй, на повѣрку, что желѣзновскіи-то воспоминанія немножко разлюбили—не я».

«На вторую часть твоего письма не отвѣчаю. Неужто ты не понимаешь, что самому мнѣ до смерти тошно не видѣться съ тобою такъ долго; конечно, я на этотъ счетъ дѣлаю еще больше отчаянныхъ восклицаній, чѣмъ ты, хотя для краткости и не прописываю ихъ въ письмахъ. Но какіе же у меня могутъ быть планы? Никакихъ нѣтъ и не будетъ, это совершенно ясно. Я связанъ по рукамъ и по ногамъ, все зависитъ отъ службъ, отъ удачи—просто отъ судьбы. Жду и покоряюсь, какъ ни болить сердце».

«Прощай же, моя милая Вѣрочка, и не жалуйся на то, что письмо этотъ разъ нѣсколько короче прежнихъ: я очень усталъ, не совсѣмъ здоровъ, а тутъ еще дѣлъ—по уши. — Всегда твой Б. Смуровъ».

Письмо это заставило Любовь Александровну призадуматься.
— Такъ вотъ что! Что-жъ, вѣдь это.... Ахъ ты тихоня! См-

жете, пожалуйста: мя-мя-мя—а знала же небось кого подцѣпить. Чортъ знаетъ, какое счастье! молодой, красивый, на дорогѣ... и безъ всякаго приданого!

Любовь Александровна еще разъ перечитала письмо.

— Да не возьметъ онъ ее! вдругъ сказала она громко и съ злою улыбкой. Врешь, Вѣрка! Даже по письму видно, что только за носъ водить. Много ихнаго брата такихъ, что поамурничать готовы, а жениться—шалишь! не на таковского напала... Пусть выйдетъ за Займитова, по крайней мѣрѣ передъ старшей сестрой чваниться не будетъ.

Любовь Александровна порѣшила даже не говорить мужу о своемъ открытіи, чтобъ и толковъ лишнихъ не заводить: есть одинъ женихъ—и баста.

Но рѣшеніе пришлось измѣнить на слѣдующій же день, когда Петръ Васильичъ, съ озабоченнымъ видомъ, на отрѣзъ объявилъ женѣ, что «Займитовъ на Вѣркѣ не женится».

— Почему? испугалась она.

— А потому!... Это такой человѣкъ, что съ нимъ прямо въ чорту въ лапы угодишь, пропадешь ни за копѣйку. Ну, да вѣдь и я травленный волею! Пусть кого поглупѣе сыщеть... Однимъ словомъ, я тебѣ говорю, о Займитовѣ нечего и думать.

— Ахъ, Боже мой! Да развѣ ты не могъ пообщаться ему все, чтѣ угодно. Кто-жъ тебѣ потомъ велеть...

Сивонинъ искоса посмотрѣлъ на жену.

— Умна ты очень! Поучи меня еще... А слыхала ты, чтѣ значить подписаться на бумагѣ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей?

— Разумѣется, не подписывайся, общай на словахъ.

— Такъ поди-жъ ты сама общай; можетъ, Займитовъ передъ тобой расчувствуется и повѣритъ. Уговори его хорошенько.

Оба замолчали.

— Теперь одно! вдругъ рѣшительно заговорилъ Петръ Васильевичъ. Надо узнать, съ кѣмъ она тамъ связалась, да за того и спихнуть поскорѣе. Все равно.

— Я знаю.

Сивонинъ поднялъ брови.

— О! Съ кѣмъ же?

Любовь Александровна показала ему письмо.

Сивонинъ прочиталъ его съ очевиднымъ изумленіемъ и удовольствіемъ.

— Молодецъ-дѣвка! Вотъ ужъ отъ нея-то не ожидать. Такъ

чего же лучше, чего ты молчала до сихъ поръ? Разумѣется, ей и не резонъ идти за Займитова.

— Эхъ ты, тюлень! Много ты понимаешь въ этихъ дѣлахъ! Прочти письмо-то хорошенько да раскуси его. Чорта съ два онъ тебѣ женится на Вѣрѣ, не такой дуракъ тоже!

— Не женится, такъ женимъ. Самъ виноватъ. Да мы его съ этими письмами по цѣлому городу разславимъ. Ну, онъ-то, положимъ, далеко, ему ничего—а семья что скажетъ? а Сонька эта ихняя? Вѣдь она съ нашей по цѣлымъ днямъ сидитъ... Небось, женится!

— Что-жъ, мы и будемъ ждать еще десять лѣтъ, пока они соизволятъ?

— Не десять, а сколько надо. Отчего и не подождать, коли знаешь, что дѣло устроено!

— Какъ же ты это знать-то будешь?

— А вотъ мы сейчасъ всѣ эти письма ловкимъ манеромъ по городу распустимъ. Видишь, онъ тутъ пишетъ, что на цѣлыхъ листахъ распространялся. И прекрасно! Мы эти листы сичемъ; можетъ, по нимъ его еще и законнымъ образомъ къ браку принудить можно. А между тѣмъ всѣмъ такъ прямо и будемъ говорить, какъ будто по секрету, по дружбѣ, что вотъ молю Вѣрка-то наша невѣста, такъ и такъ. Когда выздоровѣетъ, мы еще ее самое заставимъ про себя разславить. Волей-неволей придется Смурову себя объявить, и родные вѣдь къ нему пристанутъ: «какъ-де намъ въ этомъ случаѣ поступать? ставишь-де насъ въ недоумѣніе!» Ну, и конецъ, не отвертится.

— А если все-таки ничего не выйдетъ?

— Ну, что-жъ... Поговорятъ, поговорятъ — и перестанутъ. Намъ-то что? Зачѣмъ спѣшить? Дѣвочка хорошенькая, можетъ кто и получше возьметъ. Все-таки не съ какой-нибудь шустрой породнишься, что потомъ отбоя не будетъ отъ однихъ просьбъ. Ну, и по дому дѣвочка на что-нибудь годится: вонъ дѣтей учить....

Супруги совѣщались еще долго относительно всѣхъ подробностей задуманнаго плана, и однимъ изъ результатовъ этой бесѣды было, между прочимъ, извѣщеніе Софьи Николаевны о бо-лѣзни Вѣры.

VI.

Ничемный.

Софья Николаевна вернулась домой только на другой день, блѣдная и измученная. На нѣсколько минут зашла она къ отцу и къ матери, рассказать имъ что дѣлается съ Вѣрой, которую тарихи очень любили, и затѣмъ сейчасъ же отправилась въ кабинетъ къ брату.

Андрей Николаичъ, сидя передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ, по привычкѣ напѣввалъ что-то, и когда на шумъ шаговъ обернулся къ сестрѣ, то не только брови его были нахмурены и губы сжаты, но въ глазахъ замѣчалась какая-то тусклость, а блѣдное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго. Софья Николаевна, озабоченная своими мыслями, не замѣтила этихъ признаковъ, которые въ другое время выдавали ей безсонныя ночи брата, проведенныя за работой.

— Здравствуй, Аня! почти не глядя на него, опустилаась она, скорѣе, упала она въ кресло.

— Здравствуй. Ну что? какъ Вѣра Александровна?

— Худо.

Онъ искоса посмотрѣлъ на сестру.

— А я встрѣтилъ Котинскаго и... за исходъ нельзя ручаться.

— Знаю. Я съ нимъ говорила.

— А! гм...

— Я къ тебѣ по дѣлу.

— Ну?

— Нещенный, Никаноръ Сергѣичъ, просить у тебя денегъ, десять тысячъ, подъ залогъ дома.

— Нещенный! А зачѣмъ?

— У него есть въ виду вѣрная операція: хочетъ открыть чайную торговлю, и имѣетъ для этого какой-то случай, который, по его словамъ, не скоро повторится.

— Я не могу дать.

— Вѣдь ему только на полгода.

— Все-таки не могу.

— Почему же?

— Потому, что нѣтъ причины давать. Я дѣйствительно могъ бы взять свои деньги у Ховалкина, и Нещенный конечно далъ бы мнѣ тѣ же проценты. Но зачѣмъ я буду затруднять Ховалкина, зачѣмъ выну капиталъ изъ полезнаго предпріятія, и навязу еще себѣ новыя хлопоты на шею?

— А все-таки, Аня, надо дать! мягко сказала Софья Николаевна. Надо, потому что для Нещенного это—вопросъ о спасеніи. Понимаешь ты? У него еще на дняхъ срокъ векселю въ пять тысячъ.

Андрей Николаичъ какъ-то присвистнулъ, и безнадежно махнулъ рукой.

— Ну, такъ дашь?

— Нѣтъ.

— Однако это странно, и даже... на тебя не похоже! Пойми, что здѣсь дѣло идетъ о помощи человѣку, который легко можетъ погибнуть, а тебѣ стбѣть только руку ему протянуть.

— Больно ужъ много такихъ людей.

— Такъ это и резонъ махнуть на нихъ?

— Смотря по человѣку. А на всѣхъ одного не хватить. Софья Николаевна какъ-то метнулась впередъ, хотѣла что-то сказать, но видимо переломила себя.

— Такъ ты рѣшительно не дашь? спросила она сдержаннымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Рѣшительно.

— А если я прошу? Я обѣщала сдѣлать все возможное.

— Ты меня только напрасно измучаешь.

Софья Николаевна покраснѣла до ушей.

— Такъ я тебѣ скажу..... я должна тебѣ сказать кое-что очень жесткое.

— Скажи.

— Ты говоришь, надо помогать, смотря по человѣку. И что же? Ты помогъ этому Рылейщикову—я вѣдь знаю, что ты далъ ему три тысячи—а Нещенный, добрый и честный—у тебя не человѣкъ, заслуживающій помощи. Хочешь знать, почему? Да просто потому, что Рылейщиковъ тебѣ льститъ, пресмыкается предъ тобою, а Нещенный для этого слишкомъ гордъ и благороденъ. Поглядишь-ка въ зеркало: хорошъ ты?

— Не очень.

— Ну?

— Чтò ну?

— Такъ ты дашь?

— Нѣтъ.

Софья Николаевна молча пошла къ двери.

— Куда-жъ ты?

— Теперь ужъ я такъ и буду знать, что ты даже не удостоиваешь объясниться со мною.

— Соня! Соня! торопливо остановилъ ее Андрей Никола-

ить. Такъ не уходить отъ человѣка, который готовъ душу за тебя отдать.

Это было сказано горячо, любящимъ, мягкимъ голосомъ, и изъ того выходило изъ привычекъ Андрея Николаевича, что Соня становилась, совсѣмъ пораженная.

— Такъ что же ты, Аня? проговорила она сконфуженнымъ юномъ. Объяснись, по крайней мѣрѣ, почему ты такъ дѣлаешь?

— Эхъ, Соня! Разсказать въ двухъ словахъ не легко, а жизни читать—и не охотникъ я, да и время ли теперь? Ты помотри-ка на меня, хоть и безъ зеркала—онъ улыбнулся слабо—хорошъ я тебѣ покажусь?

— Ахъ, Боже мой, и въ самомъ дѣлѣ! всплеснула руками Соня Николаевна, теперь только взглянувъ въ брата. Ты мать, Аня...

— Ну, ну, небольшая важность. Такъ слушай, я съ тобой объяснюсь коротко и, можетъ быть, тебѣ не совсѣмъ непонятно, только чтобъ ты видѣла, что у меня во всякомъ случаѣ есть другіе резоны, кромѣ лести Рылейщикова. Рылейщиковъ, какъ бы то ни было, очень сметливъ въ дѣлахъ; да не по дѣдушкину примѣру, а самъ, своимъ умомъ сметливъ. Онъ надуетъ, это правда, если только представится случай; но въ то же время онъ и дѣло сдѣлаетъ, съумѣетъ одной копѣйкой повернуть за двѣ, и бесполезную вещь сдѣлать полезной. Вотъ хоть теперь: ему удалось за ничто купить огромное болото, и за самыя ничтожныя, сравнительно, деньги прекратить это болото въ прекраснѣйшую землю. Болото, кромѣ вреда, никому ничего не приносило; теперь же оно сотни лѣтъ будетъ кормить хлѣбомъ сотни людей. Сегодня, положимъ, владѣетъ имъ недостойный Рылейщиковъ, а завтра болото, можетъ быть, станетъ кормить самаго добродѣтельнаго героя... Да и сегодня оно уже броситъ на рынокъ новую массу хлѣба, которая хоть сколько-нибудь удешевитъ этотъ продуктъ для многихъ добродѣтельныхъ и полуголодныхъ людей. Рылейщикову я себя надуть не дамъ; мои три тысячи совершенно обезпечены. Помочь *хорошему дѣлу*, кто бы его ни дѣлалъ, дрянной или достойный человѣкъ—я считаю своей обязанностью, если только могу... Теперь, что же такое Нещенный? Ужъ именно Ничѣмный, какъ прозвалъ его Борисъ. Онъ, да, честный человѣкъ, но за свою жизнь только и сдѣлалъ, что разбросалъ на вѣтеръ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ—то-есть такую сумму чужого труда (не самъ же онъ ее заработалъ), которой хватило бы на пропитаніе десятковъ бѣдныхъ семействъ. И хоть бы онъ самъ насладился при этомъ! Гадко бы это было, недостойно развитаго человѣка, но до известной степени оправ-

дывалось бы страстью, неодолимостью влечения, передъ которыми спасовалъ слабый умъ. Нѣтъ! Твой Никаноръ Сергѣичъ просто пустил димомъ значительныя деньги, разбросалъ ихъ ни себѣ, ни людямъ на пользу; цѣнность, накопленную кровавымъ трудомъ и лишениями многихъ рабочихъ силъ—превратилъ въ никуда негодное тряпье, забракованное пріемщиками и сгнившее потомъ въ кладовыхъ, въ никому ненужныя машины, которыя такъ и пошли на дрова да на желѣзо въ ломъ, и т. п. Вѣдь онъ тоже надуваетъ всѣхъ для удовлетворенія своего самодурства? На что деньги Нещенному теперь? Сдѣлаетъ онъ на нихъ что-нибудь полезное, нужное людямъ? Онъ, видите ли, еще одинъ чайный магазинъ откроетъ. Мало ихъ, должно быть, у насъ въ городѣ, чаю купить негдѣ! И еслибъ еще можно было ожидать, что онъ своимъ появленіемъ въ чайной торговлѣ хоть на гривенникъ съ фунта сбавитъ цѣнность товара—ну, другое дѣло. Но, скажи сама: можно ждать этого отъ Ничемнаго.

Софья Николаевна молчала.

— Ну, Соня, я не знаю, ясно ли ты меня поняла; тутъ конечно слѣдовало бы сказать еще очень многое. Но во всякомъ случаѣ ты видишь, что я поступаю вовсе не изъ пустого упрямства. Съ твоей стороны даже не хорошо было подумать, что я рѣшусь огорчить тебя безъ надобности, въ такое время когда ты и безъ того огорчена.

— Ради Бога, Ана! не работай по ночамъ, сказала вдругъ Соня, чтобъ покончить съ дѣломъ Нещеннаго.

— Ничего, ничего! Сегодня я надѣюсь все кончить.

— Ну, прощай.

— Прощай. Пришлешь сказать, если тебѣ тамъ что-нибудь понадобится.

— Да.

VII

Залутанное положеніе.

Въ болѣзни Вѣры Александровны случился крутой переломъ. Нѣсколько дней сряду считали ее безнадежной. Анна Федоровна совсѣмъ растерялась, и даже самъ господинъ Сивонинъ смутился.

— Все таки оно... того... неловко вышло, говорилъ онъ Любови Александровнѣ въ супружескомъ tête-à-tête. Неловко... какъ бы то ни было, сестра... дѣвушка молодая... у самихъ дѣти есть.

Любовь Александровна хотя исполняла свои обязанности относительно больной сестры, какъ слѣдуетъ, то-есть положила ее въ удобной, теплой комнатѣ, даже потѣснила ради этого Петра Васильевича, не пожалѣла и нѣкоторыхъ расходовъ, пригласивъ самаго извѣстнаго изъ городскихъ врачей, Котинскаго — но затѣмъ оставалась совершенно спокойной и холодной, нисколько не смущаясь какими бы то ни было соображеніями.

— Все отъ насъ зависящее сдѣлано, утѣшала она своего супруга. А затѣмъ какъ Богу угодно.... Даже, можетъ быть, и лучше, если Онъ ее приберетъ.

— Гм... приберетъ! возражалъ господинъ Сивонинъ. Все-таки поводъ, такъ сказать... Ну!

Онъ махалъ рукой и начиналъ говорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

Однако въ самый разгаръ болѣзни, и во время наибольшаго смущенія домочадцевъ Вѣры Александровны, когда дѣло казалось уже окончательно потеряннымъ — болѣзнь вдругъ отлынула съ такою же внезапностью и стремительностью, съ какою когда-то начиналась. Послѣ ужасныхъ, почти судорожныхъ припадковъ бреда и изступленія, продолжавшихся двое сутокъ къ ряду, и раза три прерванныхъ только совершеннымъ истощеніемъ силъ, и то не надолго — вдругъ наступилъ пятинадатичасовой, спокойный сонъ. Больная проснулась въ испаринѣ, очень слабая, но въ полномъ сознаніи. А затѣмъ Вѣра Александровна начала оправляться такъ быстро, что это скорѣе походило на чудо, чѣмъ на естественный исходъ тяжелой болѣзни. Одно только явленіе оказывалось неблагопріятнымъ, и даже съ каждымъ днемъ становилось все значительнѣе: чѣмъ больше крѣпла Вѣра Александровна физически, тѣмъ больше какъ-то путались и затемнялись ея мысли. Не то, чтобы это можно было назвать помѣшательствомъ, или даже отупѣніемъ; нѣтъ, но дѣвушка стала отличаться нѣкоторыми странностями, разбѣянностью, неожиданными скачками мысли, а иногда и совсѣмъ заговаривалась.

Софья Николаевна просидѣла у своей подруги почти безвыходно двѣ недѣли, отлучаясь только въ случаяхъ самой крайней надобности и на самое короткое время.

Послѣ одной изъ такихъ отлучекъ, больная, которой дозволялось уже посидѣть иногда въ спокойномъ креслѣ — встрѣтила Софью Николаевну стоя посреди комнаты, въ необыкновенномъ волненіи, съ какимъ-то сіяющимъ и вмѣстѣ таинственнымъ ви-

домъ. Быстро схватила она Соню за руку, отвела въ уголокъ, хотя въ комнатѣ никого не было, и тамъ шепнула:

— Я ему пишу!

— Кому?

— Ты ушла, а я написала!

— Да кому же?

— Кому? Ну, разумѣется, Борѣ. Смотри!

Вѣра Александровна вынула изъ кармана нѣсколько сложенных листикъ почтовой бумаги.

— Читай, и скажи, когда намъ лучше выѣхать.

Письмо начиналось:

«Милый, дорогой, безцѣнный Боря!

«Не стоить ждать. Пока тамъ вздумаютъ дать тебѣ хорошее мѣсто, или я не знаю, чего ты еще хочешь—можетъ пройти очень долгое время, и вдругъ я тѣмъ временемъ умру! Не глупо ли это? Ужасно глупо, просто смѣхъ беретъ! Я тебя люблю, ты меня любишь—и умереть! Ты знаешь, я вѣдь чуть-было и въ самомъ дѣлѣ не умерла? Воть бы хорошо вышло! Впрочемъ мнѣ грѣшно надъ этимъ смѣяться, даже низко: мнѣ бы слѣдовало подумать, каково тебѣ узнать о моей смерти. Бѣдненькій! Ахъ, слава Богу, что я еще жива! И какіе мы съ тобой странные люди, Боря: придумали же такой вздоръ! Всѣ станутъ смѣяться, если узнаютъ. Но никто не узнаетъ, потому что зачѣмъ рассказывать? Ты ко мнѣ не пріѣхалъ, тебя вѣрно не пускаютъ; но это тоже вздоръ; я сама къ тебѣ пріѣду, вмѣстѣ съ Соней. Сивониныхъ я знать не хочу. Что мнѣ Сивонины? Они меня обидѣли. Я теперь не помню чѣмъ, только очень-очень обидѣли. А ты меня любишь. Какое же сравненіе!» и т. д.

Письмо было написано безъ всякихъ точекъ, запятыхъ, или иныхъ знаковъ препинанія; вмѣсто нихъ вездѣ употреблены были только длиннѣйшія тире.

— Ну, что ты думаешь, когда намъ лучше выѣхать? затопилась Вѣра Александровна, когда Соня, дочитавъ, опустила руки, нѣсколько ошеломленная. — Я ему припишу объ этомъ въ письмѣ. Видишь, я нарочно мѣсто оставила.

— Вѣрочка! Ты вѣдь мнѣ ничего не рассказывала о своихъ отношеніяхъ къ Борису.

— Онъ не хотѣлъ; онъ ни за что не хотѣлъ... Но теперь это все глупости. Когда же мы поѣдемъ? Чтобы намъ видѣться, часто видѣться, каждый день, для этого надо жить въ одномъ городѣ... Ну, Соня, Соня, Соня! Когда же мы поѣдемъ? Скорѣе!

— Ты сама говоришь, что не надо умирать; а хочешь ѣхать больная.

— Я? Развѣ я больная? Смотри...

Вѣра Александровна стала танцовать, подпѣвая себѣ слабымъ голосомъ.

— Сумасшедшая! кинулась-было къ ней Соня.

Но въ эту минуту кто-то осторожно постучалъ въ дверь, и оба разомъ остановились.

— Котинскій! вскрикнула Вѣра Александровна. Ну, вотъ мы его сейчасъ спросимъ.

Въ комнату дѣйствительно вошелъ Котинскій.

— Э, госпожа образцовая сидѣлка! шутиливо обратился онъ къ Софѣ. Начинаете портиться. Пациентѣ еще рано разгуливать по комнатѣ. Въ кресло, сударыня! А еще лучше на диванъ, приляжете-ка да отдохните.

Онъ осторожно, но настойчиво уложилъ Вѣру Александровну, которая вздумала-было отговариваться, и набросилъ ей на ноги большой шерстяной платокъ, встати случившійся подъ рукою.

— Такъ, сударыня! Извольте лежать.

— Сергѣй Александрычъ, когда мнѣ можно будетъ пуститься въ дорогу? то-есть въ большую дорогу, верстъ за тысячу?

— Въ дорогу? Ну, о дорогѣ еще погодите разговаривать.

— Значить, не скоро? Черезъ педѣлю, а?

— Да куда вы собрались-то въ такую пору? Вѣдь теперь мартъ мѣсяцъ; черезъ два-три дня, можегъ быть, и по Сыр-дольску проѣзда не будетъ, оба моста сорветъ. А вы въ большую дорогу собираетесь!

— Такъ когда же можно?

— Въ маѣ, въ июнѣ.

— Въ маѣ?!...

Вѣра Александровна повернулась лицомъ къ стѣпѣ и замолчала.

— Это Люба его подбучила! догадалась она про себя. Она ему за визиты деньги даетъ.

Котинскій внимательно разспросилъ у Софьи Николаевны, какъ чувствовала себя больная со вчерашняго дня, далъ подробныя наставленія на счетъ пищи, запятій, температуры и освѣженія воздуха въ комнатѣ, и наконецъ отклапаясь.

Софья Николаевна, какъ-бы провожая доктора, вышла за пень въ сосѣднюю комнату.

— Сергѣй Александрычъ! Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! Что прикажете?

— Вы конечно замѣтили, что Вѣра... не можетъ привести

въ порядковъ свои мысли.... Она даже какъ будто все больше путается..

— Замѣтилъ-съ.

— Что же это... временное слѣдствіе болѣзни, или... она такъ и останется?

Котинскій сдѣлалъ серьезное лицо.

— Изволите видѣть, Софья Николаевна... Я очень радъ между прочимъ, что вы сами рѣшились завести рѣчь; иначе, я думалъ, по обязанности врача... Ну, да теперь не въ томъ дѣло. Такъ изволите видѣть: покуда это явленіе временное, по крайней мѣрѣ я такъ надѣюсь, и черезъ мѣсяцъ или два болѣзнь оправится во всѣхъ отношеніяхъ. Но все-таки я беру смѣлость попросить васъ, чтобы вы *серьезно* посовѣтовали братцу на будущее время поосторожнѣе выражаться въ письмахъ. Если въ самомъ дѣлѣ обстоятельства вынуждаютъ его отложить свадьбу на такое неопредѣленное время, такъ пусть ужъ онъ лучше обманываетъ Вѣру Александровну ложными обѣщаніями. Пусть тянетъ съ мѣсяца на мѣсяцъ, даже съ недѣли на недѣлю.... Мало ли найдется предлоговъ! Но писать такъ прямо, что о свадьбѣ, молъ, и помышлять еще нечего — это, при крайней впечатлительности субъекта, очень рискованно. Впрочемъ вы и сами могли убѣдиться. Я только долгомъ своимъ почитаю объяснить вамъ, что въ излеченіи Вѣры Александровны я не при чемъ; природа вылечила; я же напротивъ твердо былъ увѣренъ въ неблагоприятномъ исходѣ.

Софья Николаевна слушала, совершенно сбитая съ толку.

— Про какія письма вы говорите?

Котинскій улыбнулся.

— Извините, Софья Николаевна! Настъ, медиковъ, поневогѣ приходится иногда посвящать въ семейныя тайны. Это ужъ такъ водится, и мы часто даже сами наставляемъ на своемъ правѣ, повѣрьте, не изъ празднаго любопытства. Долженъ же я былъ узнать истинную причину болѣзни Вѣры Александровны, тѣмъ болѣе, что и болѣзнь-то, явное дѣло, была только слѣдствіемъ сильнаго моральнаго потрясенія... Ну, Петръ Васильичъ былъ такъ добръ, что объяснилъ мнѣ всѣ обстоятельства, и даже показалъ послѣднее письмо вашего братца... Вы знаете, докторъ и священникъ — одинаково молчаливы.

— Ради Бога, Сергѣй Александрычъ! Какія обстоятельства? какое письмо? вѣдь я рѣшительно ничего не знаю.

— Не знаете? Въ самомъ дѣлѣ не знаете? удивился Котинскій. Это очень странно... А я, признаться, думалъ, что и ваше усердіе, какъ образцовой сидѣлки, между прочимъ объяс-

нется... гм! да! Ну... Однако объ отношеніяхъ вашего брата
къ Вѣрѣ Александровнѣ вы вѣдь все-таки знаете?

— Не знаю.

— Ааа!... протянулъ докторъ. Ну, въ такомъ случаѣ... Все-
таки я не думаю, что дѣлаю нескромность, говоря съ вами; на-
конецъ я долженъ просить васъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ,
написать братцу, предупредить его... Видите ли, Софья Нико-
лаевна: свадьба Бориса Николаича и Вѣры Александровны рѣ-
шена, такъ сказать, только въ принципѣ; но на дѣлѣ осуще-
ствленіе ея встрѣчаетъ, кажется, весьма серьезныя препятствія.
По крайней мѣрѣ Борисъ Николаичъ въ письмѣ своемъ даетъ
понять, что не только нѣтъ возможности назначить какой-ни-
будь опредѣленный срокъ, да и вообще-то дѣло затягивается
еще очень надолго. Это извѣстіе было ближайшею причиною бо-
лѣзни Вѣры Александровны, или по крайней мѣрѣ толчкомъ къ
развитію того, что, можетъ быть, и прежде давно уже крылось
въ ея организмѣ. Пожалуйста, не думайте, будто я обвиняю
вашего брата; въ письмѣ его нѣтъ ничего жестокаго или гру-
баго, и всякая другая дѣвушка, я увѣренъ, можетъ быть, по-
плакала бы, да и только. Что же дѣлать въ самомъ дѣлѣ? Нельзя
и нельзя. Но Вѣра Александровна такъ предрасположена къ
болѣзненной воспримчивости нервовъ... Гм! гм!.. Вы знаете ис-
торію ея отца?... Съ нею нужна особливая, чрезвычайная остро-
рожность. Даже именно всѣ настоящія обстоятельства показы-
ваютъ, до какой степени необходима эта осторожность. Я по
крайней мѣрѣ, по праву врача, положительно совѣтую вамъ на-
писать къ Борису Николаичу.

— Сергѣй Александрычъ, вы сами видѣли письмо?

— Самъ-съ. Мнѣ показывалъ Петръ Васильичъ, съ согла-
сія Любови Александровны.

— Не пишеть ли братъ, по какимъ причинамъ онъ откла-
дываетъ свадьбу?

— Опредѣленнаго ничего нѣтъ... Пишетъ, сколько помню,
о своей полной зависимости отъ службы... Даже именно о свадь-
бѣ не упоминаетъ ни слова — извините, это и мнѣ показалось
немного страннымъ — а говорить только о свиданіи. Не это
ли и поразило Вѣру Александровну до такой степени?... Вообще
по письму всего вѣроятнѣе, что братецъ вашъ не считаетъ себя
достаточно обезпеченнымъ службой, для того, чтобы рискнуть
на женитьбу.

— Ну-съ, еще одинъ вопросъ: съ Вѣрой Александровной
можетъ случиться то же, что случилось съ ея отцомъ?

— Можетъ, конечно... Да вѣдь этому болѣе или менѣе вся-

кій подверженъ... Никто не застрахованъ... Но безъ какихъ-нибудь особенныхъ, наталкивающихъ причинъ обыкновенно не бываетъ... Вообще сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ труденъ...

Докторъ схватился за часы.

— Имѣю честь кланяться. Извините меня, пожалуйста: сегодня очень много работы.

— Прощайте, Сергѣй Александровичъ.

Котинскій уже успѣлъ выдти въ переднюю, надѣть шубу, сѣсть въ сани и уѣхать—а Софья Николаевна все еще стояла на томъ же мѣстѣ и даже въ той самой позѣ, раздумывая о слышанномъ.

Соню вывело изъ забытья только появленіе Ликови Александровны.

— А что сказалъ докторъ? Вы какъ будто разстроены?

— Нѣтъ, ничего. Все, слава Богу, Вѣра поправляется.

И она, опустивъ голову, поплелась въ комнату больной.

Тамъ уже ее съ нетерпѣніемъ ожидала Вѣра Александровна.

— Соня! Соня! это онъ все вретъ. А мы лучше не будемъ ждать, пока растаетъ. Поѣдемъ завтра, а? Ъдемъ?

— Постой... дай опомниться... Ну, куда ты поѣдешь?

— Въ Оренбургъ. Я уже все придумала, не беспокойся. Чтобы не простудиться—послѣ болѣзни все-таки рискъ—я возьму свой ватный бурнусъ. А если окажется мало, можно по дорогѣ тулупъ купить, просто овчинный тулупъ. Чтожъ такое? У тебя много денегъ, Соня? Однако, главное, когда мы выѣдемъ? Рѣшай поскорѣе. Вѣдь мнѣ еще приписать надо. Да ну же, Соня! Когда?

— Ты слышала, что сказалъ докторъ?

— Докторъ? Какой докторъ? Ахъ да, Котинскій! Въ маѣ или въ іюнѣ! Стану я ждать до мая! А знаешь что? Я сама рѣшила. Мы выѣдемъ во вторникъ. Вторникъ для меня дорогой день. Во вторникъ я съ нимъ первый разъ встрѣтилась, и во вторникъ же узнала, что онъ меня любитъ. Отлично! Я сейчасъ припишу.

И она вскочила съ дивана.

— Да лежи ты, сдѣлай милость! бросилась къ ней Соня.

— Отчего?

— Оттого, что этакъ тебѣ и въ маѣ не удастся поѣхать, не то что во вторникъ.

— Ну, такъ нѣ, припиши сама. Постой, я тебѣ продиктую.

Софья Николаевна почувствовала, что ей надо собраться съ мыслями и повнимательнѣе обсудить положеніе дѣлъ. Какъ себя

вести относительно Вѣры, Бориса и особливо своихъ стариковъ? Смолчать передъ стариками, или рассказать всѣ подробности? И вообще что предпринять? Потому что предпринять что-то слѣдуетъ, это очевидно; но что именно? Все это были вопросы, точно выросшіе изъ-подъ земли, и однако настойчиво требовавшіе немедленнаго разрѣшенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому немедленному разрѣшенію надо было приступать съ большой осторожностью.

Уговоривъ кое-какъ Вѣру снова лечь на диванъ, и взявши съ нея слово не вставать до вечера, она чуть не бѣгомъ отправилась домой.

Аня въ эту пору должно быть дома. А у нея въ послѣднее время вошло въ привычку во всѣхъ сколько-нибудь затруднительныхъ случаяхъ адресоваться прямо къ Анѣ.

— Гдѣ братъ? на ходу окликнула она горничную, отворившую ей дверь.

— Они-съ въ кабинетѣ у стараго барина.

Еще за двѣ комнаты до кабинета, Софья Николаевна услышала взволнованный, сердитый говоръ отца, оханья матери и обычно-спокойный голосъ брата.

— Господи! Тутъ еще что творится? подумала она.

— А, Соня! Вотъ очень кстати! встрѣтилъ ее отецъ. Хотя ты, можетъ быть, сумѣешь объяснить намъ, что это за исторія.

-- Какая исторія?

— Представь себѣ, идя я сегодня по Московской, вдругъ на встрѣчу мнѣ Срывинъ, Иванъ Сергѣичъ. А что, говорить, тебя, кажется, можно поздравить?—Съ чѣмъ это?—Хе, хе, хе! Вишь, какой агнецъ невинный! А съ новой-то дочкой?—Съ какою такой повой дочкой? Кажется, говорю, моя Настасья Андревна... — Ну, съ невѣстушкой, коли хочешь. Да полно тебѣ скрываться-то! Вѣдь я, кажется, не кто другой, довольно знакомы, лѣтъ должно быть двадцать съ хвостикомъ набѣжить. Такъ ужъ грѣшно бы! — Да ей-Богу же, говорю, даже не могу понять, о чемъ ты толкуешь! Онъ разсердился.—Не можешь понять? говорить.—Не могу.—Ну, такъ мнѣ Сивонинъ самъ и письма показывалъ отъ Бориса Николаича къ Вѣрѣ Александровнѣ. А тебѣ стыдно! Я какъ Ашеньку свою за Пукатова выдавалъ, такъ съ тобою съ первымъ подѣлился. А ты.... Ну, и Богъ съ тобой. Прощай. Впередъ умнѣе будемъ.—Да постой! кричу, Иванъ Сергѣичъ! Постой же!—Нѣтъ, съ тѣмъ и ушелъ. А теперь вотъ Андрей говоритъ, что онъ тоже нѣсколько дней тому назадъ слышалъ, будто Сивонинъ какія-то Борины письма показываетъ и

тутъ не открыто называетъ его женихомъ Вѣры Александровны. Что-жъ это все значить? Объясни, ради Бога, если можешь.

— Кажется, Борисъ дѣйствительно сдѣлалъ Вѣрочкѣ предложеніе...

— А ты молчишь и ни слова не скажешь! Старикъ даже побагровѣлъ.

— Какъ было сказать, если до сихъ поръ я и сама не знала.

— Не знала? Ну? Да говори же ты толкомъ: какъ? что? когда? откуда?

Софья Николаевна подробно передала всѣ сообщенія Вѣры Александровны и свой разговоръ съ Котинскимъ. Затѣмъ она сѣла и, сложивши руки, молча стала наблюдать, что изъ этого выйдетъ.

— Прекрасно! разразился старикъ, весь багровый и съ дрожащими губами.—Этого еще не доставало! Господи! Чего я всегда опасался, о чемъ предупреждалъ, молилъ...

— Ох-хо-хо! вздыхала Настасья Андреевна.

— Нѣтъ-таки, не послушалъ! Нашелъ подругу жизни! и вдобавокъ полоумную! Да нѣтъ же, вздоръ! не бывать этому! Онъ-то вѣдь еще не полоумный! Я напишу ему, объясню; все-таки я отецъ... Я наконецъ просто не позволю ему, не дамъ благословенія, прокляну его...

— Что ты, что ты! опомнись! вскрикнула Настасья Андреевна. Что ты такое говоришь? Христось съ тобой!

— Впрочемъ, не безпокойся, до этого не дойдетъ. За нѣсколько мѣсяцевъ онъ тамъ въ Оренбургѣ вѣрно поохладился и пойметъ резонъ... Я увѣренъ, самъ будетъ радъ случаю отвязаться. А тутъ родители не позволяютъ — чего же лучше? Отличнѣйшій предлогъ! Не ссориться ему въ самомъ дѣлѣ съ нами, стариками, изъ-за полупомѣшанной дѣвчонки! Всякій пойметъ.

— Папа, вы забываете, какъ Вѣра Александровна любитъ Бориса! тихо вступился Андрей Николаичъ. Она вонъ чуть не умерла только отъ того, что свиданіе съ нимъ пришлось отложить на неопредѣленное время.

— Не свиданіе, а свадьбу. Это разница. И наконецъ, чѣмъ же тутъ виноватъ Борисъ? Сумасшедшей взбредетъ въ голову сумасшедшая фантазія—а Борисъ отвѣчай? Толи карьеру, связи, спокойствіе, все на свѣтѣ — только женись на Вѣрѣ Александровнѣ Траумъ, потому что имъ такъ угодно! Этакихъ то охотницъ, пожалуй, много найдется.

— Не одной Вѣрѣ Александровнѣ угодно. Предложеніе сдѣ-

лать Борисъ, вѣроятно не по ея требованію, а по собственному желанію.

— Почему я знаю! грубо отвѣчалъ старикъ. Можетъ быть, и по ея требованію. Всяко бываетъ.

— А если по ея требованію, спокойно возразилъ Андрей Николаичъ, мелькомъ взглянувъ на сестру, — то Борису тѣмъ болѣе необходимо жениться, и о разрывѣ даже думать нельзя.

— Что-о? Нельзя? И какая это такая «необходимость тѣмъ болѣе». Конечно, то братъ женится, это легче, чѣмъ на собственный счетъ великодушничать. На собственный счетъ мы даже рады, когда сестра можетъ три лишніе копѣйки заработать, и ради этого готовы всѣмъ ея дуростямъ поблажать... Что это за «тѣмъ болѣе» проклятое, спрашиваю я тебя? Въ свѣтъ забрешутъ, что ли? Такъ это вздоръ. Во-первыхъ, Борису на сиродольскій брехъ наплевать, по вѣтру разнесетъ: а во-вторыхъ, чѣмъ ты докажешь, что онъ къ чему-нибудь обязывался? Можетъ быть, Вѣра Александровна, съ большого-то ума, сами все изволили выдумать? Да я прямо буду объявлять всѣмъ и каждому, что напротивъ, все наше семейство всегда считало Вѣру Александровну вѣтренной, пустой и даже ненадежной дѣвчонкой; слѣдовательно, о сватовствѣ никакого разговора никогда не было, да и быть не могло. Вотъ всякій будетъ знать, что ему думать объ этой исторіи.

Андрей Николаичъ улыбнулся и спокойно возразилъ:

— Но во-первыхъ, Сивонинъ показываетъ письма; а во-вторыхъ, эта «ненадежная» уже три года чуть не живетъ въ нашемъ семействѣ, и даже теперь, въ самое послѣднее время, Соня просидѣла надъ нею двѣ недѣли, какъ надъ родной сестрою.

— Кто тебя проситъ туда шлеться? накинулся Николай Николаичъ на дочь. И что это за глупая дружба, скажи пожалуйста?

Соня раскрыла-было ротъ.

— Позвольте, папа! опять вступился Андрей Николаичъ. Мы всѣ здѣсь толкуемъ, горячимся — и забыли самое главное. Мнѣ кажется, прежде всего надобно спросить Бориса: дѣйствительно ли онъ сдѣлалъ предложеніе? желаетъ ли, несмотря на ваше несогласіе, жениться? и, въ виду разнесшихся по городу слуховъ, мотивированныхъ его собственными письмами, какъ прикажетъ поступать намъ? А до полученія отвѣта, не лучше ли оставить все по прежнему, какъ было? Такимъ образомъ мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ сами, безъ надобности и ничего напрасное не зная, увеличивать непріятную сплетню.

Николай Николаичъ, взволнованно ходившій по комнатѣ, даже остановился на мѣстѣ, такъ поразила его эта мысль.

— А въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ онъ. Кто мнѣ поручится, что Сивонинъ не вретъ? что все это не подвохъ какой-нибудь? Если даже и есть пѣчто подобное, то развѣ долго сдѣлать изъ мухи слона? Почему Сивонинъ даже показывать письма Бориса, слѣдовательно имѣть ихъ въ рукахъ, а я не знаю ни пол-слова? Правда твоя, Андрюша, и большое тебѣ спасибо! Непожжо утѣшилъ старика... Прежде всего надо написать къ Борису, а потомъ посмотримъ... Но если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился на такую глупость, тайкомъ рѣшился (видио понимаетъ же, какъ это гениально!) я его...

— Николай Николаичъ! опомнись! Что ты въ самомъ дѣлѣ, рехнулся что ли? вскинулась Настасья Андреевна.

— Ну... рехнешься, матушка, поневолѣ.

На порогѣ явилась горничная.

— Баринъ! вотъ-съ, почтальонъ письмо припесъ.

— Отъ Бориса! воскликнулъ Андрей Николаичъ, мелькомъ взглянувъ на адресъ. — Вотъ кстати.

— Отъ Бориса? Ну, слава тебѣ, Господи! Читай скорѣе, авось хоть узнаемъ что-нибудь, разъяснится...

Всѣ жадно насторожились.

Андрей Николаичъ сталъ читать, со значительными разстановками, такъ какъ Борисъ писалъ крайне перазборчиво:

— «Милые рара и татап!»

«Спѣшу извѣстить васъ о важной перемѣнѣ въ моей жизни...»

— Ну, такъ и есть! воскликнулъ старикъ, ударивъ себя руками по бедрамъ.

— ...«перемѣнѣ, которая конечно васъ очень порадуетъ».

— Порадуетъ! Слышите? порадуетъ! Удружилъ!

Онъ махнулъ рукой, и безнадежно опустился въ кресло.

— «Смѣло могу сказать, что я сдѣлалъ такой удачный шагъ, который не только послужитъ залогомъ всѣхъ моихъ будущихъ успѣховъ, но даже и въ настоящее время до извѣстной степени гарантируетъ мнѣ счастливое, спокойное существованіе».

Николай Николаичъ развелъ руками.

— «Въ двадцать пять лѣтъ отъ роду не всякому удастся такъ себя устроить».

— Ужъ именпо! Не всѣ дураки.

— «Однимъ словомъ, меня назначаютъ NN—снимать...» бернаторомъ, съ производствомъ въ чинъ коллежскаго ассессора».

— Что-о? чуть не закричалъ Николай Николаичъ, вскаки-
валъ съ мѣста.

Андрей Николаичъ невозмутимо повторилъ послѣднюю фразу.

— Не можетъ быть!

— Посмотрите сами.

Съ минутой всѣ помолчали.

— Однако объ Вѣрѣ Александровнѣ онъ все-таки не упоми-
наетъ ни слова, посиѣшилъ замѣтить старикъ.

— Не беспокойтесь, не женится! усмѣхнулся Андрей Ни-
колаичъ.

— А ты почему знаешь? вдругъ разсердился отецъ. Самъ-
то ты что за св. Тихонъ? На словахъ можно пересудачить кого
удобно. Только не зависть ли дѣйствуетъ? Конечно, сыродоль-
скій приващикъ купца Петрова и NN-скій вице-губернаторъ....

Старикъ закашлялся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Во всякомъ случаѣ, силовкой замѣтилъ Андрей Нико-
лаичъ:— Борисъ такой человѣкъ, который очевидно самъ знаетъ,
какъ ему быть, и едва ли послушается чьихъ-нибудь увѣщаній.
Слѣдовательно все-таки самое лучшее написать ему обо всемъ
подробно, да и ждать отвѣта.

Дверь еще разъ отворилась.

— Любовь Александровна! доложила горничная.

Въ комнату влетѣла расфранченная и сіяющая madame де
Савоппина.

VIII.

Визитъ.

— Здравствуйте, Николай Николаичъ! Здравствуйте, Настасья
Андреевна! Здравствуйте! Здравствуйте! перецѣловалась она со
старухой и Соней, крѣпко до боли сжала руку Андрея Нико-
лаича, и чуть не бросилась на шею къ старику Смурову.

Она порхала, смѣялась, что называется, ногъ подъ собою не
слышала.

— Вѣроятно, я первая успѣю поздравить васъ съ великой
радостью. Какъ только принесли съ почты — я, даже не пере-
одѣвшись, въ чемъ была, такъ къ вамъ и полетѣла.... Ахъ, вы,
дорогіе мои!...

Силоппина опять кипулась цѣловаться.

— Съ какой радостью, Любовь Александровна? степенно и
улыбаясь Николай Николаичъ

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вы, можетъ быть даже не знаете еще.... Я сама только-что прочла въ газетахъ... Борисъ Николаичъ назначенъ NN-скимъ вице-губернаторомъ.

Любовь Александровна сказала это эффектно, съ нѣкоторымъ даже трескомъ.

— Такъ ужъ объ этомъ есть и въ газетахъ?

— Знаютъ! подумала она съ досадой.

— Какъ-же! Какъ-же! Вотъ я и листокъ съ собой захватила.

Старикъ торопливо взялся за газету и напаялилъ очки.

— Ну-съ, Настасья Андреевна! обратилась между тѣмъ Сивонина къ старухѣ. Это для насъ всѣхъ большой праздникъ. Теперь наконецъ и моя бѣдная Вѣрочка будетъ счастлива; нѣтъ больше препятствій.

— Какъ такъ? покраснѣла и растерялась Настасья Андреевна.

Николай Николаичъ разомъ опустил газету и насторожился.

— Вы меня ужъ извините, что я такъ прямо брякнула! весело, почти по-дѣтски разсмѣялась Любовь Александровна. Право, отъ радости иной разъ дурѣешь. Притомъ же мы скоро будемъ такими близкими родными.... Не стоить секретничать и таиться, когда всѣ препятствія устранены. Надѣюсь — ха, ха, ха! — что NN-скій вице-губернаторъ достаточно обезпеченъ, чтобы не бояться женитьбы.... Позвольте же мнѣ безъ лишнѣхъ церемоній обнять васъ, дорогая Настасья Андреевна! И васъ, голубчикъ Николай Николаичъ!

Совершенно смущенные неожиданностью и откровенною смѣлостью объясненій Любови Александровны, старики, почти безъ всякаго протеста съ ихъ стороны, были обняты и расцѣлованы. Николай Николаичъ проговорилъ правда что-то въ родѣ «позвольте....», и даже хотѣлъ-было уклониться отъ объятій, но восторженная Сивонина этого не замѣтила.

— Борисъ вѣрно раньше писалъ къ вамъ о своемъ назначеніи вице-губернаторомъ? совершенно спокойнымъ тономъ вступился Андрей Николаичъ.

— Ахъ, нѣтъ! Это такой пріятный сюрпризъ! Я только сейчасъ вычитала изъ газеты.... А вы развѣ давно знали?

— Мы тоже только сейчасъ получили письмо съ этимъ извѣстіемъ.... Но Петръ Васильичъ уже болѣе недѣли тому назадъ рассказывалъ по городу о предстоящей свадьбѣ Бориса и Вѣры Александровны; такъ вотъ я и полагалъ, что ему раньше было извѣстно объ устраненіи препятствій.

— Ахъ, знаете, насъ такъ поразила внезапная болѣзнь Вѣрочки, что передъ близкими знакомыми мы даже не сужили

скрыть настоящую ея причину. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда опасность велика, поневолѣ теряешь голову.... Впрочемъ теперь, такъ какъ вы говорите, что препятствія уже устранены....

— Позвольте! улыбнулся Андрей Николаичъ. Я ничего не говорю, я только повторяю ваши слова. Мы вѣдь, знаете ли, вообще находимся въ престранномъ положеніи. Борисъ почему-то не вздумалъ удостоить насъ такимъ же довѣріемъ, какъ вы, и мы—подобно другимъ—только по слухамъ знаемъ, что Вѣра Александровна сдѣлала ему честь принять его предложеніе.

— Неужто?

— Совершенно такъ.

— Каковы скрытныя! Значить, еслибъ не болѣзнь Вѣрочки—до сихъ поръ никто ни о чемъ бы не догадывался.... Мы вѣдь тоже, представьте себѣ, и не воображали!

— Какъ же потомъ объяснилось?

— Ахъ, знаете, это было ужасно! вдругъ сдѣлала серьезное лицо и закатила глаза Любовь Александровна. До сихъ поръ не могу вспомнить, такъ сердце и сожмется.... Приноситъ почтабонъ письма, одно къ Вѣрочкѣ. Вдругъ слышимъ: «Опять, опять откладываніе! Онъ меня не любитъ, онъ меня не понимаетъ! Я этого не перенесу!» (Сивонина даже взвизгнула на последнемъ словѣ, изображая чувства Вѣрочки.) «Не перенесу! Не перенесу!»—и бацъ на землю, безъ памяти! Мы повскакали: что такое? что такое? Въ рукѣ письмо.... Ну, тутъ эта страшная болѣзнь, бредъ.... Все объяснилось.... Сознаться однако, неостороженъ-таки вашъ братецъ. Мужчины не понимаютъ женскаго сердца! Да, много, бѣдная, она выстрадала. За то теперь узнаетъ и счастье!... Ну-съ, пишетъ же онъ, когда думаетъ приѣхать къ намъ?

— Нѣтъ! вступился Николай Николаичъ. И вообще о Вѣрѣ Александровнѣ не пишетъ ни слова.

— Ахъ, вѣтренникъ! Вѣрно хочетъ поразить насъ неожиданностью. Ну, не удалось!... А вѣдь я, признаться, къ вамъ съ просьбою, Настасья Андреевна, и къ вамъ тоже, Софья Николаевна.

— Что-жъ такое?

— Надѣньте-ка шубы, да поѣдѣте со мной.

— Куда?

— Секретъ. По дорогѣ скажу. Предупреждаю только, что задержу васъ не мало. А отсюда поѣдемъ прямо ко мнѣ обѣдать. Вотъ отличная мысль! Пожалуйте и вы, Николай Николаичъ, а вы, будущій свать. Обѣдъ-то у меня не Богъ-знаетъ

какой, будничной; ну, да надѣюсь, теперь вы позволите быть съ вами безъ церемоній. Одѣвайтесь, одѣвайтесь, Настасья Андреевна! Вы мнѣ поможете! Сама-то я, по этой части, еще не очень смекаю.

— Некогда бы мнѣ сегодня....

— Ну, для такого случая!... Ъдемъ приданое невѣстѣ выбирать! шепнула Любовь Александровна. Только не говорите имъ, мужичинамъ.

— Приданое! Какъ, приданое! громко воскликнула растерявшаяся Настасья Андреевна. Да я не знаю.... вотъ, Николай Николаичъ....

— Ну, выдали меня!

— Позвольте, Любовь Александровна! опять вступился Андрей. Тутъ выходитъ, кажется, маленькое недоразумѣіе.... Я вамъ говорилъ уже, что Борисъ не сообщилъ намъ ровно ничего о своихъ отношеніяхъ къ вашей сестрицѣ. Слѣдовательно мы—ровно ничего и не знаемъ. А въ такихъ обстоятельствахъ, согласитесь, матушкѣ пеловко было бы какъ бы признать Вѣру Александровну невѣстой Бориса. Пеловко и вообще всѣмъ намъ, въ виду разпесшихся, къ сожалѣнію, слуховъ и ничего не зная навѣрное, поддерживать слишкомъ дружескія, какъ бы родственныя отношенія къ вашему семейству. Что если какъ-нибудь произошла ошибка, недоразумѣіе?... Вообще позвольте спросить васъ: на какомъ основаніи полагаете вы несомнѣннымъ, что Вѣра Александровна и Борисъ связали другъ друга словомъ?

— Какъ, на какомъ основаніи! На словахъ Вѣрочки, на собственныхъ письмахъ вашего брата, да на всемъ, Господи! Что-жъ, я развѣ сумасшедшая!... Вообще, извините, мнѣ немного странны ваши сомнѣнія. Послѣ того какъ.... Впрочемъ, если вы сами не замѣчаете пеловкости и даже.... безтактности....

Любовь Александровна приняла оскорбленно-высокомѣрный видъ. Она ожидала, что Смуровы будутъ смущены, станутъ извиняться, послѣдуютъ примиреніе, и тогда вѣчно легко будетъ все устроить по желанію. Но Андрей Николаичъ очень хладнокровно попросилъ:

— Еслибъ вы потрудились показать намъ эти собственно-ручныя письма?

— Показать письма? вспыхнула Сивопина. Вы сомнѣваетесь? Да что же это такое наконецъ, позвольте васъ спросить? Николай Николаичъ, Настасья Андреевна, вамъ тоже угодно видѣть письма? Или это только господинъ молодой человѣкъ.... Впрочемъ, извольте-съ, съ удовольствіемъ! перебила она сама себя, замѣтивъ, что старшій Смуровъ готовится отвѣтить

что-то съ довольно холоднымъ видомъ. Вотъ-съ, послѣднее письмо даже случайно при мнѣ. Если вашъ братецъ—честный человекъ, то, кажется ясны отношенія его къ дѣвухѣ, которой онъ пишетъ *ты*, и которая заботѣвается нервной горячкой при одномъ извѣстїи, что не скоро удастся свидѣться. Вотъ письмо. Извольте прочесть вслухъ; потому что все-таки, я полагаю, не мы, а родители ваши тутъ старшіе.... Хотя, признаться, можно подумать совсѣмъ другое....

— Хорошо, что вы успѣшили прїѣхать къ намъ не переодѣвшись! улыбнулся Андрей Николаичъ. А то вѣрно въ торопѣхъ забыли бы письмо въ карманѣ платья.

Сивонина покраснѣла и гнѣвно вскинула глазами, соображая колкость замѣчанія и собственную оплошность. Она вообще начала теряться. А Андрей Николаичъ окончательно убѣдился, что во всемъ дѣлѣ «что-то не такъ, есть странности». Любовь Александровна—разсуждалъ онъ—съ самаго появленія своего очевидно играетъ заранѣе придуманную роль, такъ какъ въ новомъ своемъ восторженномъ видѣ она ни капельки не похожа на прежнюю, давно знакомую Любовь Александровну. Кромѣ того, зачѣмъ ей торопиться покупкой приданого, когда срокъ свадьбы во всякомъ случаѣ никому не извѣстенъ, даже хотя приблизительно? Къ чему въ особенности понадобилось ей пригласить на помощь мать и сестру? Сама она несравненно больше знаетъ толкъ въ нарядахъ, умѣетъ и торговаться поуморѣе.... Зачѣмъ же? Скупая Сивонина могла бы разчесть, что при матери и сестрѣ жениха ей все-таки придется покупать щедрѣе. Если же она рѣшается на лишній расходъ—она, скупая и, какъ извѣстно, очень нерасположенная къ сестрѣ—то что это значитъ? Не ясно ли, что такой покупкой приданого, такимъ семейнымъ приглашеніемъ на обѣдъ, ей только хочется подтвердить распространенные ею же, или ея мужемъ слухи, выставить на видъ доброе соглашеніе двухъ семействъ, и придать всему дѣлу видъ, такъ сказать, окончательно порѣшеннаго. Но если ей это нужно—значить, сама-то она еще сомнѣвается, точно ли дѣло рѣшено? А письмо Бориса, это «вещественное доказательство», такъ кстати оказавшееся въ карманѣ? И предупредительное объясненіе Сивониной, что Борисъ пишетъ Вѣрѣ Александровнѣ на *ты*? Можетъ быть, усиленнѣе и показательнѣе этого *ты* ничего въ письмѣ и не имѣется?... Хотя конечно самое *ты* уже довольно экстраординарно....

Всѣ эти мысли, съ быстротою именно мыслей, промелькнули въ головѣ Андрея Николаича, въ то время, какъ онъ полубессознательно прочитывалъ первыя строки поданнаго ему листка:

«Милый и сердитый другъ! Получилъ я три твоихъ письма съ такими горячими упреками....»

— Надо быть осторожнѣй, да хорошенько сообразить всѣ обстоятельства, думалъ въ это время Андрей Николаичъ, и уже затѣмъ сталъ читать съ полнымъ вниманіемъ.

Чтеніе не прервано было ни однимъ словомъ, ни однимъ замѣчаніемъ съ чьей-либо стороны. Звучалъ только густой голосъ Андрей Николаича, произносившаго какъ-то особенно вразумительно, медленно и отчетливо, точно взвѣшивая каждое слово.

— «Прощай же, моя милая, милая Вѣрочка!» дочиталъ онъ наконецъ: «и не жалуйся на то, что письмо этотъ разъ нѣсколько короче прежнихъ: я очень усталъ, не совсѣмъ здоровъ, а тутъ еще дѣлъ—по уши. Всегда твой Б. Смуровъ!»

Онъ даже такъ и произнесъ: Б, а не Борисъ Смуровъ.

У всѣхъ вырвался вздохъ, какъ это обыкновенно случается, когда вниманіе, слишкомъ напряженное, заставляетъ бессознательно сдерживать дыханіе.

— Это и есть послѣднее письмо, вслѣдствіе котораго заболѣла Вѣра Александровна? спросилъ Андрей.

— Да-съ. Изволили вы теперь убѣдиться?

— Я совершенно убѣдился, что былъ правъ, совѣтуя матушкѣ и сестрѣ быть осторожнѣе, хладнокровно, какъ бы ничего не замѣчая, пояснилъ Андрей Николаичъ. Въ этомъ письмѣ—прошу извинить меня, Любовь Александровна—я не вижу ничего, что бы оправдало ваши предположенія. Конечно, въ немъ очень ясно выражены дружескія отношенія Вѣры Александровны и Бориса; очень вѣроятно, что дружба эта можетъ превратиться, или даже превратилась уже въ болѣе сильное чувство; очень вѣроятно и то, что изъ такихъ отношеній выйдетъ современемъ счастливый супружескій союзъ; можетъ быть, онъ даже порѣшенъ уже; можетъ быть, онъ осуществится на дняхъ.... Но *мы-то съ вами* все-таки ничего покуда не знаемъ; приданое покупать все-таки слишкомъ рано.... Впрочемъ, кромѣ этого письма, у васъ, можетъ быть, есть какія-нибудь другія основанія такъ утвердительно предполагать, что Вѣра Александровна и Борисъ дали другъ другу слово?

— Мнѣ кажется, и этого письма очень достаточно! гнѣвно возразила она. Развѣ нарочно закрыть глаза да не хотѣтъ понимать.... Наконецъ мы слишкомъ горды и благородны, чтобы навязываться и утверждать, чего не было... Сестра моя лгать не станетъ, да и къ чему ей лгать?

— Вѣра Александровна сама говорила вамъ, что Борисъ сдѣлать ей предложеніе?

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ отецъ и матушка вѣроятно попросятъ ее лично передать имъ всѣ подробности дѣла... Хотя—не могу скрыть отъ васъ—при настоящемъ болѣзненно-возбужденномъ состояніи Вѣры Александровны и собственное ея подтвержденіе едвали можетъ считаться вполне доказательнымъ.

— А кто виноватъ въ этомъ болѣзненно-возбужденномъ состояніи? запальчиво вскинулась Любовь Александровна.

— Да вотъ тутъ есть еще одно маленькое недоразумѣніе, которое пріятно было бы уяснить, холодно усмѣхнулся Андрей Николаичъ. Вѣра Александровна заболѣла 24-го февраля, письмомъ помѣчено девятымъ числомъ января; если предположить, что оно, вмѣсто обычныхъ трехъ недѣль, даже цѣлый мѣсяцъ находилось въ дорогѣ—все-таки Вѣра Александровна должна была получить его недѣли за двѣ до болѣзни.

Сивонина даже покраснѣла.

— Что-жъ, я лгу по вашему? Кажется, извѣстна исправность нашихъ почтъ... Впрочемъ я теперь очень хорошо понимаю, въ чемъ дѣло. Пусть такъ! Но пусть же господа Смуровы знаютъ и то, что такія штуки не пройдутъ имъ даромъ. Честность и благородство ихъ поступковъ мы постараемся разблаговѣстить по всему городу.

Старикъ Смуровъ, весь красный, поднялся съ мѣста.

— Мы только-что рѣшили, сударыня—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ—написать Борису о распущенныхъ вами слухахъ, и спросить его, должны ли мы принимать Вѣру Александрову, какъ его невѣсту. Честнѣе и благоразумнѣе поступить нельзя. Если слухи—вздоръ, пусть бѣдная дѣвушка пеняетъ на тѣхъ, кто поторонился распустить ихъ.

Сивонина попыталась—было возражать, но Андрей Николаичъ вѣжливо, но рѣшительно попросилъ ее удалиться.

— Имѣю честь кланяться! проговорилъ онъ, притворяя за нею дверь.

IX.

Конецъ начала.

Зима ушла. По грязнымъ улицамъ Сыродольска текли потоки мутной воды, и только кое-гдѣ, словно оазисы, выглядывали изъ всеобщей грязи небольшія пространства просохшей мостовой. Солнце весело сіяло съ неба, чувствительно пригрѣвая спину сквозь легкое, весеннее пальто. Всѣ и все высыпало на улицу, на вольное солнышко. Тутъ народъ движется гуще обыкновеннаго; тутъ же и кошка усердно моется, сидя на заборѣ, лохматый дворовый пёсъ съ наслажденіемъ растянулся на припекѣ, стаи голубей и галокъ выказываютъ непомѣрную оживленность. На Сырчиѣ носило мосты, какъ бы слѣдуетъ, и заходили середь города паромы.... Словомъ, было десятое апрѣля.

Но несмотря на солнце, на живительное вліаніе ранней весны и на ласковый вѣтерокъ, пропивавшій въ комнату, вѣстѣ съ уличнымъ шумомъ и звономъ колоколовъ, сквозь въ первый разъ открытое окно—Андрей Николаичъ уныло сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, положивъ локти на письменный столъ, и подперевъ голову обѣими руками.

— Аня! можно въ тебѣ? постучалась въ дверь Софья Николаевна.

Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, и разомъ, точно по волшебству, съ лица его исчезло всякое выраженіе задумчивости; губы сложились въ обычныя строгія, но спокойныя складки; глаза какъ-то вдругъ померкли, и стали глядѣть своимъ невеселымъ, нѣсколько холоднымъ взглядомъ.

— Можно, отвѣтилъ онъ, самъ отворяя дверь сестрѣ.

— Аня! знаешь что? стремительно пачала-было Софья Николаевна. Но встѣдъ за нею, почти по ея слѣдамъ, рбѣжала Вѣра.

— Вѣрочка! Вѣра Александровна! въ одинъ голосъ вскрикнули Смуровы.

— Она и есть. Здравствуйте. Здравствуй Соня.

Послѣ неудачнаго визита Любови Александровны, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и въ ожиданіи письма отъ Бюрна, ни Софья Николаевна не была ни разу у Сивопиныхъ, ни Вѣра у Смуровыхъ. Софья Николаевна уступила въ этомъ случаѣ положительному требованію отца и совѣтамъ брата; а Вѣру не пустили Пётръ Васильичъ и Любовь Александровна, учредившіе за

ней самый строгій надзоръ. Послѣднимъ обстоятельствомъ впро-
чемъ Смуровы остались крайне довольны, такъ какъ первое время,
опасаясь посѣщеній Вѣры Александровны, они рѣшительно не-
доумѣвали, какъ имъ слѣдуетъ держать себя относительно бѣд-
ной дѣвушки. Положеніе являлось тѣмъ болѣе щекотливымъ, что
Вѣра Александровна, судя по слухамъ и по записочкамъ, кото-
рыми она успѣвала украдкой мѣняться съ Софьей Николаевной—
совершенно оправилась не только въ физическомъ, но и въ ум-
ственномъ отношеніи, поступала и говорила совершенно созна-
тельно, знала притомъ всѣ подробности о визитѣ Любви Алек-
сандровны въ Смуровыхъ, о послѣдовавшемъ затѣмъ разрывѣ—
и все-таки ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не по-
желала распутать дѣло. Въ своихъ довольно многочисленныхъ
запискахъ она не называла себя невѣстой Бориса, даже не упо-
минала о немъ, но и не говорила, что претензія Любви Алек-
сандровны — чистѣйшій вздоръ. Сохранялось, однимъ словомъ,
условленное молчаніе, довольно необыкновенное для характера
Вѣры. Молчаніе это могло казаться тѣмъ болѣе загадочнымъ,
что Сивопины добросовѣстно исполнили свою угрозу, и ругали
всѣхъ Смуровыхъ чуть ли не на всѣхъ перекресткахъ, расска-
зывая дѣло съ приличными случаю украшеніями. Николай Ни-
колаевичъ, съ своей стороны и въ огражденіе, встрѣчному и по-
перечному, кто только слушать хотѣлъ, рассказывалъ, какъ было
дѣло въ дѣйствительности. И вышла, разумѣется, колоссальная
городская сплетня, служившая нарочитой потѣхой всѣмъ досу-
жымъ любителямъ зубоскальства. Внести свѣтъ въ это темное
дѣло могла только Вѣра. Софья Николаевна, взволнованная и
встревоженная натянутымъ положеніемъ, посоветовала-было сво-
имъ прямо спросить Вѣру, давала ли она слово Борису Нико-
лаичу; и сколько вообще правды въ заявленіяхъ ея сестрицы.
Старый Смуровъ и согласился-было на это предложеніе. Но
Андрей Николаичъ поставилъ ему на видъ, что потерпѣть до
полученія отвѣтнаго письма отъ Бориса уже не долго; а между
тѣмъ можетъ выдти совсѣмъ чортъ знаетъ что, если Вѣра Алек-
сандровна отвѣтитъ утвердительно, будетъ принята въ домъ, какъ
будущая невѣстка, а Борисъ объявитъ, что ничего-моль подоб-
наго у него и въ головѣ не было. Соображеніе Андрея Нико-
лаича подѣйствовало на всѣхъ, и рѣшили до времени предоста-
вить все судьбѣ.

Послѣ этого понятно то удивленіе, съ которымъ встрѣтили
вошедшую Вѣру.

Андрей Николаичъ даже смутился.

За то Вѣра смотрѣла такъ, какъ будто ничего особеннаго и не случилось: развязная и сіяющая, какою бывала въ прежніе безмятежные дни.

— Соня, я совсѣмъ къ тебѣ. Ты ужъ, какъ хочешь, пріюти меня.

— То-есть, какъ совсѣмъ?

— Такъ! Я наконецъ послушала твоего совѣта. Помнишь? Ну, вотъ я бросила господъ Сивонинныхъ, и надѣюсь нога моя никогда больше не будетъ въ ихъ домѣ. Пріюти же меня хоть на первое время.

— Вѣра! могла только сказать Софья Николаевна.

И она, и братъ ея были поражены окончательно.

— Какъ же тебя отпустили?

— Просто ушла, не сказавшись.

Вѣра Александровна усмѣхнулась какой-то недоброй улыбкой.

— Впрочемъ я теперь много измѣнилась, Соня, ты меня не узнаешь; и повѣрь, никакая Любовь Александровна въ свѣтѣ не удержитъ меня тамъ, гдѣ я не захочу.

— Вы разошлись по какому-нибудь особенному случаю? спросилъ Андрей Николаичъ, со слабой надеждой, что, можетъ быть, тутъ еще все уладится, Вѣру Александровну сыщутъ, и она дастъ себя уломать.

Но лицо дѣвушки вдругъ приняло такое, повидимому невозможное для него, выраженіе дикой, неумолимой ненависти, и все оно такъ исказилось, что Софья Николаевна съ испугомъ бросилась впередъ. Ей представилось, будто Вѣру надо поддержать, будто ей дурно.

— Что ты? осадила ее пріятельница уже холоднымъ и спокойнымъ взглядомъ. — Разошлись, потому что давно пора было, договорила она, обращаясь затѣмъ къ Андрею Николаичу.

Тотъ понялъ, что дѣло безповоротное.

— Впрочемъ, коли хотите, и стычка была.

Андрей Николаичъ и Соня слушали, опустивъ руки.

— Вѣра! не выдержала наконецъ Софья Николаевна. Скажи ты мнѣ, ради Бога, давала ты слово Борису?

— Нѣтъ. Да и зачѣмъ? Онъ безъ словъ знаетъ.

— Значитъ, между вами ничего рѣшительнаго не было?

— То-есть, какъ?

— Ахъ, Боже мой! Ну, однимъ словомъ, что ты такое Борису? въ какихъ вы отношеніяхъ? невіста ты, или нѣтъ?

Вѣра Александровна усмѣхнулась.

— Какъ ты спрашиваешь! Ну, разумѣется, Борисъ мнѣ не

говорила: «Я на васъ, сударыня, женюсь безпремѣнно»; и я ему не отвѣчала: «А я за васъ, сударь, выйду замужъ». Дня и часа другъ другу не назначали, и даже кольцами не обручались. Да и какое-жъ давать слово, если Борисъ даже не зналъ, что и когда будетъ возможно! Но что мы любимъ другъ друга — объ этомъ мы давно другъ другу сказали, а, кажется, это только и нужно для брака.

Соня посмотрѣла на Андрея Николаича. Тотъ молча пожалъ плечами.

— Я не помѣшала ли вамъ? Можетъ быть, вы были чѣмъ-нибудь заняты? спросила Вѣра послѣ нѣкоторой паузы.

— Нѣтъ.

— А то я, пожалуй, пойду въ твою комнату, Соня; вы здѣсь кончите....

— Вѣра Александровна! рѣшился наконецъ заговорить Андрей Николаичъ. Не примите, ради Бога, въ дурную сторону того, что я вынужденъ сказать вамъ. Повѣрьте, только странное стеченіе обстоятельствъ, въ которое мы всѣ поставлены...

— Ну-съ? и она недоувѣрчиво и съ какимъ-то вызывающимъ взглядомъ окинула ихъ глазами.

— Вы конечно знаете о томъ, какого содержанія письмо послано нами къ Борису, послѣ извѣстныхъ выходовъ Любви Александровны?

— Знаю.

— Ну-съ, извините меня.... отецъ съ матушкой, какъ ни рады были бы принять васъ у себя при всякихъ другихъ обстоятельствахъ — на этотъ разъ, до полученія извѣстій отъ Бориса, едва ли могутъ позволить себѣ это.... Не говоря уже о скандалѣ, на который очень способны рѣшиться Сивонины, выѣхавъ въ дѣло полицію, — вы вѣдь, по закону, несовершеннолѣтняя... Да и для васъ самихъ подобное гостепріимство можетъ имѣть очень непріятныя послѣдствія.

— Это почему? То-есть, для меня-то?

— Представьте себѣ — замаялся Андрей Николаичъ — что какія-нибудь неизвѣстныя намъ обстоятельства заставятъ Бориса надолго отказаться...

Вѣра Александровна вспыхнула, какъ порохъ.

— Какое же право имѣете вы говорить подобныя вещи? На родного брата! Стыдитесь!

— Впрочемъ позвольте! вдругъ схватила она за руку Андрея Николаича, сверкнувъ глазами. Надѣюсь, вы описали ему всѣ случившіяся здѣсь гнусности, какъ слѣдуетъ? Вы объяснили

ему, на сколько я въ нихъ участвовала? Соня, ты мнѣ ручаешься?

Андрей Николаичъ хладнокровно подошелъ къ своему письменному столу.

— Съ подобныхъ очень важныхъ писемъ я всегда сохраняю копии, объяснилъ онъ, подавая Вѣрѣ Александровнѣ книгу довольно большихъ размѣровъ.

Она быстро пробѣжала глазами открытую страницу.

— Вы позволите мнѣ, Вѣра Александровна, похлопотать для васъ о квартирѣ, куда? Развязки ждать во всякомъ случаѣ теперь уже не долго, не больше недѣли.

— Сдѣлайте милость, мнѣ все равно. Лишь бы я была уверена, что Борисъ знаетъ всю правду. А если онъ найдетъ, что вы поступили со мною не такъ—это ваше дѣло.

Андрей Николаичъ рассчиталъ вѣрно. Ровно черезъ недѣлю получено было письмо отъ Бориса, слѣдующаго содержанія:

«Спѣшу отвѣтить вамъ, любезные друзья мои въ Сыродольскѣ, еще не совсѣмъ опомнившись отъ изумленія, которое вы произвели во мнѣ послѣднимъ письмомъ съ допросными пунктами. Ради самого Создателя, что у васъ тамъ дѣлается? Помѣшались все достопочтенное семейство Сивоняныхъ съ Вѣрой Александровной во главѣ — или я самъ рехнулся? Что-нибудь одно изъ двухъ, такъ какъ я рѣшительно ничего не понимаю. Чего такого отъ меня хотятъ? Кому, когда и какія я дѣлалъ предложенія? Ради Аллаха, попросите пылкую Вѣру Александровну найти такое мѣсто въ моихъ четырехъ или пяти письмахъ, гдѣ бы я просилъ ее осчастливить меня своей рукой. Спросите ее по совѣсти: дѣлалъ-ли я ей подобное предложеніе хоть на словахъ? Что я пользовался дружескимъ расположеніемъ Вѣры Александровны (безуворизненно платоническаго свойства!) и что я старался заслужить это расположеніе—нисколько не спорю. Кто изъ молодыхъ людей не дѣлалъ того же? И неужели я обязанъ жениться на всѣхъ пылкихъ дѣвицахъ? Слуга покорный! Говорю вамъ по совѣсти: не только я никогда не рассчитывалъ жениться на достойной Вѣрѣ Александровнѣ, но даже во всей исторіи, которая у васъ разыгралась, рѣшительно ничего не понимаю. Это какое-то безуміе, женихобѣсіе! Если у васъ тамъ еще не образумились и не опомнились, то прошу васъ, сообщите это письмо всякимъ претендентамъ и претенснткамъ. Авось оно по-

дѣйствуетъ, и на будущее время мономаны оставить меня въ покое. Мнѣ право не до нихъ, дѣлъ и такъ много»...

Прочтя письмо, Андрей Николаевичъ взглянулъ пристально на отца, но тотъ нахмурился, быстро отвернулся и сталъ пачать по комнатѣ въ раздумѣ, а за тѣмъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, самъ отправился на квартирку Вѣры Александровны, занятую для нея Андреемъ, и умолялъ ее сдѣлать ему честь, поселиться въ его домѣ, на правахъ родной дочери.

Содержаніе письма хотѣлъ онъ — было передать ей на словахъ, какъ можно мягче. Но съ Вѣрой Александровной стало трудно ладить. Дрожащимъ голосомъ, она вытребовала подлинникъ, прочла — и только молча закусилъ губы.

Старикъ такъ и ушелъ отъ нея, не добившись ни слова.

Но черезъ три часа какой-то мальчикъ принесъ ему короненькую записку.

«За предложеніе жить у васъ — благодарю: я принимаю ваше предложеніе, принимаю. И нищая, и церемониться не-его — ни со мной, ни мнѣ. В. Т.»

Ө. Ронквѣръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

30-го мая, 1872

Государственные идеи Петра Великаго и ихъ судьба.

Россія празднуетъ двухсотлѣтній юбилей одного изъ величайшихъ событій своей исторіи; она празднуетъ годовщину 30-го мая 1672-го года, день рожденія Петра Великаго. Преклоняясь предъ торжествомъ этого знаменательнаго дня, мы не можемъ сказать большинству нашихъ читателей ничего такого, что могло бы увеличить ихъ уваженіе и удивленіе къ величайшему изъ дѣлъ Петра: преобразованію, обновленію Россіи. Какую перемѣну произвелъ въ Россіи Петръ, чѣмъ онъ представляется въ нашей исторіи сравнительно со своими предшественниками—хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Но большинству гораздо менѣе извѣстенъ онъ съ другой стороны, а именно, какъ первый правитель европейской Россіи, какъ организаторъ ея системы управленія, однимъ словомъ — по сравненію не съ предшественникомъ ему, а съ послѣдовавшимъ послѣ него періодомъ, съ тѣмъ періодомъ, который по времени продолжалъ дѣло реформы, но притомъ, собственно въ развитіи учреждений государства, сдѣлалъ немаловажныя отступленія отъ первоначальныхъ мыслей преобразователя.

Мы хотимъ взглянуть на Петра съ этой именно стороны, взглянуть, какія учрежденія думалъ онъ заложить у насъ, и поставить его лицомъ къ лицу не съ его предшественниками, а съ его преемниками.

Геніальная личность Петра отмѣчаетъ собою въ нашей исторіи рубежъ между полуазиатскою и европейскою жизнью. Рубежъ этотъ намѣченъ Петромъ, и его личность стоитъ на этой грани, какъ мѣжевой знакъ, какъ нѣкій богъ Терминъ, величественный памятникъ, отмѣчающій рубежъ и перепутье. Здѣсь Петръ стоитъ одиноко, рѣзко отличаясь и отъ предшественниковъ, и отъ преемниковъ своихъ. Чѣмъ

Онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ—это достаточно ясно и каждому; онъ отличается отъ нихъ именно тѣмъ, что сталъ преобразователемъ. Но и отъ преемниковъ своихъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ, Петръ отличается не менѣе рѣзко. Отъ нихъ онъ отличается тѣмъ, что былъ истинно-народнымъ *человѣкомъ*, *человѣкомъ своего народа* и *человѣкомъ всего народа*. Вотъ источникъ громадной его силы, громадной его популярности въ свое время, несмотря на непопулярность его мѣръ. Такое невѣроятное усиліе надъ самимъ собою, какое дѣлалъ русскій народъ въ лицѣ Петра и по его знаку, было бы совершенно невозможно, еслибы представителемъ и орудіемъ великой формы явился човѣкъ чужой русскому народу, или хотя бы човѣкъ чуждый всему народу, живущій и замыкающійся въ одной высшей средѣ. Лицо, извѣстное подъ именемъ перваго Самозванца, погибло при первыхъ попыткахъ коснуться однихъ только наружныхъ обычаевъ, не потому только, что Самозванецъ не имѣлъ генія Петра, но потому, главнымъ образомъ, что русскій народъ чуялъ въ немъ чужого. Петръ III, за пристрастіе къ иноземцамъ и реформистскія попытки, проявленныя въ несравненно слабѣйшей степени, и когда старина уже была сокрушена могущественной рукою Петра Перваго, утратилъ власть, потому что не имѣлъ всенародной силы, жилъ и замыкался въ придворномъ кружѣ.

Петръ I могъ предпринять небывалое въ исторіи преобразование потому, что геній его указывалъ ему необходимость такого переворота для Россіи въ тотъ моментъ исторіи; но совершить это преобразование онъ не могъ бы, еслибы не былъ свой човѣкъ народу, коренной русскій човѣкъ по рожденію, образованію, вѣрованіямъ, правамъ и привычкамъ, и еслибы не былъ одинаково близокъ всѣмъ слоямъ народа, и боярамъ, и крестьянамъ, и духовенству, и солдатамъ. И вотъ, въ этомъ-то заключается весьма рѣзкое отличіе его отъ преемниковъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ. Онъ не былъ отчужденъ отъ Россіи образованіемъ, фамиліными преданіями и нравами; а этикетъ, церемоніалы, формы, даже династическія предусмотрѣнія, однимъ словомъ, все, что могло отдѣлять его отъ народной массы, все, что дѣлало бы его обыкновеннымъ властителемъ, а не мастеромъ великаго строительства на пользу народа, онъ ломалъ, отбросилъ, уничтожилъ. Вѣстому, чтобы царствовать, по восточному, онъ сталъ *служить*: пошелъ въ солдаты, бомбардиры, шкипера, плотники. Онъ до такой степени исключительно былъ преданъ своей службѣ, своему народному строительству, что отрицалъ все, становившееся преградой на этомъ пути, въ томъ числѣ и самое династическое начало, будущность своей династіи. „Я за отечество и за подданныхъ моихъ“, писалъ онъ сыну, „жизни не жалѣю и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный.“ И вотъ, укажемъ 1721-го

года, Петръ возвелъ въ законъ прямое отрицаніе династическаго начала, объявивъ, что російскій государь имѣетъ право назначать своимъ наследникомъ того ему угодно, и однажды назначеннаго наследникомъ отрѣшати отъ престола въ случаѣ его неспособности, — неспособности къ *службѣ* конечно, ибо неспособности къ пользованію династическимъ правомъ не можетъ быть при законности наследника. До такого самопожертвованія, до отрицанія самого династическаго права не доходилъ ни одинъ владѣтель, и вся жизнь, вся дѣятельность Петра Великаго показываетъ намъ въ немъ настоящаго *народнаго диктатора*, человека изъ народа, облеченнаго неограниченной властью, и неуступающаго ни на волосъ этой власти, а напротивъ пользующагося ею даже деспотически, но не для личныхъ или династическихъ цѣлей, а единственно для того, чтобы вести народъ къ однажды сознанному идеалу, чтобы осуществить идею блага народа, независимо отъ какихъ-либо преданій и отсталыхъ желаній самого народа, въ силу одного личнаго убѣжденія, угадавшаго истинный смыслъ исторіи и ту высшую волю всѣхъ поколѣній этого народа, которая выразилась во всей совокупности его историческихъ стремленій. Петръ насильно въ привычки своего народа, это правда; но всѣ великіе моменты нашей исторіи до Петра вели именно къ тому, чтобы явился наконецъ такой дѣятель, какъ онъ, и потому можно сказать, что не онъ насильно волю русскаго народа, а самъ народъ русскій, въ лицѣ Петра, совершилъ великое усиліе надъ самимъ собою, воспрянулъ отъ сна и невѣжества, обусловленныхъ причинами второстепенными, и пошелъ за нимъ туда, куда звали его величайшія изъ собственныхъ прежнихъ дѣлъ его: принятіе христіанства, разрушеніе бича Европы — монгольства, zaloженіе Кіева, Новгорода, Юрьева, дѣла Владиміра, Ивана III, Рюрика и первыхъ его потомковъ въ восточной и западной Руси.

Упомянувъ о различіи между Петромъ и ближайшими его преемниками, въ его личномъ взглядѣ, въ его сознаніи, мы вскорѣ найдемъ важныя различія и въ томъ, какихъ принциповъ онъ держался въ устройствѣ управленія. Несомнѣнно, что Петръ, какъ и они, не думалъ ограничивать своей власти. Петру болѣе, чѣмъ кому-либо изъ ближайшихъ преемниковъ, нужно было именно полновластіе; для преобразования всей жизни государства ему необходимъ былъ размахъ власти даже болѣе широкій, чѣмъ тотъ, какой былъ достаточенъ для продолженія московской внутренней политики. Но изъ дѣлъ Петра мы усматриваемъ, что онъ, дѣйствуя самымъ неограниченнымъ, даже деспотическимъ образомъ, какъ настоящій диктаторъ, собственно для совершенія преобразования, вовсе не заботился о томъ, чтобы въ учрежденіяхъ, какія онъ считалъ пригодными для Россіи, систематически стянуть все къ одному источнику, устраняя все, что могло бы получить жизнь само тѣлѣющую. Иными словами, нисколько не поступаясь своимъ полновластіемъ,

необходимымъ для преобразователя, Петръ вовсе не хотѣлъ, даже и смѣлъ дѣлать все исключительно одинъ, быть единственнымъ источникомъ всего, а напротивъ, охотно призывалъ себѣ въ помощь весьма самостоятельныя, по его мысли, учрежденія. Тѣмъ менѣе думать онъ подготавливалъ для ближайшихъ своихъ преемниковъ такую систему, въ которой бы они являлись единственнымъ источникомъ всего происходящаго въ государствѣ, однимъ словомъ, нисколько не предназначалъ для Россіи системы централизаціи и всепоглощающей бюрократіи, которая и образовалась впоследствии, совершенно даже вопреки наставленіямъ Петра, прямо въ противоположность тѣмъ учрежденіямъ, къ какимъ онъ уже въ свое время считалъ Россію способною.

Послѣ-петровскій періодъ не разъ называли у насъ бюрократическимъ, централизаторскимъ, „петербургскимъ“ періодомъ русской исторіи. Въ этомъ опредѣленіи есть доля правды, насколько „петербургскій періодъ“ противоположается древней, вѣчевѣй Руси, а отчасти даже и московскому государствѣ, заглушившему вѣче, но сохранившему еще преданіе о земскомъ выборномъ началѣ. Но въ этомъ смыслѣ несправедливо вѣсть „петербургскій періодъ“ отъ Петра и видѣть именно въ немъ творца централизаціи и бюрократіи, какъ то дѣлали нѣкоторые старовѣры. Введеніе системы централизаціи и поглощеніе земскаго элемента бюрократіею были не послѣдствіями учрежденій Петра, а напротивъ—уклоненіемъ отъ нихъ, и видѣть въ водвореніи у насъ послѣдствій такихъ началъ—именно результаты петровской реформы, можно развѣ на основаніи правила: *post hoc, ergo propter hoc*. Это уклоненіе произошло впоследствии, при преемникахъ Петра, и явилось какъ подражаніе французскимъ *формамъ*, при значительномъ различіи духа, какой влагался въ эти формы во Франціи и у насъ. У насъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, въ эти формы безусловной централизаціи и всепоглощающей бюрократіи влилъ тотъ духъ военно-экзерцирной команды и плацпараднаго „единообразія“, который былъ заимствованъ уже при Петрѣ III изъ первыхъ дней жизни прусскаго королевства, и затѣмъ въ Пруссіи давно уже захватился въ свою надлежащую сферу—казарму, когда у насъ при дальнѣйшихъ преемникахъ Петра III онъ составилъ мало-по-малу коренной принципъ всего внутренняго управленія, проникая всюду, господствуя и во всѣхъ отрасляхъ администраціи, и въ самой школѣ. Однимъ изъ крайнихъ выраженій этого духа былъ Аракчеевъ. Понятно, во что должна была обратиться французская форма централизаціи при такомъ духѣ. Во Франціи централизація и могущество бюрократіи никогда не могли получить такое значеніе уже потому, что духъ, воплощавшійся тамъ въ этой системѣ въ разныя времена, былъ весьма различенъ. При послѣднихъ Людовикахъ централизація, установленіе всемогущества, всеобъемлемости королевской власти представля-

яло не что иное, какъ побѣду въ борьбѣ съ феодализмомъ. Въ эту революціи, централизація обратилась въ могущественное орудіе духа общественнаго переворота. При Наполеонѣ—завершителѣ и окончательномъ законодателѣ централизаціи, тотъ же духъ всепроникающаго милитаризма, какой мы видѣли у себя, быть можетъ и установился бы во Франціи, если бы Наполеонъ царствовалъ долѣе и оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, которые бы непрерывно поддерживали его дѣло. Но этого не случилось, и начиная съ реставраціи до второй имперіи централизація и полновластіе бюрократіи были все-таки подчинены земскому выборному элементу въ важнѣйшихъ, законодательныхъ, парламентскихъ дѣлахъ. У насъ же эти заимствованныя изъ Франціи начала прочно прониклись тѣмъ духомъ, который наконецъ выразился въ Аракчеевѣ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія Аракчеева система продолжала существовать, даже развиваться, и вела насъ уже совершенно въ сторону отъ Европы, назадъ, въ направленіи прямо противоположномъ исходной точкѣ Петра Великаго; мы уже переставали учиться, начинали отрицать пользу ученія у Европы, начали провозглашать ее „гнилою“, и воздвигать китайскую стѣну, чтобы заложить знаменитое Петровское „окно въ Европу“.

Положить начало такой системѣ не могъ желать Петръ Великій: она была отрицаніемъ основного его принципа, и если „петербургскій періодъ“ разумѣть въ смыслѣ развитія этой системы, то очевидно, что никакъ не Петръ былъ инициаторомъ этого періода. Онъ совсѣмъ не предпринималъ централизаціи; въ его время и во Франціи централизація еще только-что установилась. Но Петръ—и это замѣчательно—не хотѣлъ ничего заимствовать отъ Франціи. Его нисколько не соблазнилъ примѣръ страны, гдѣ царствовалъ *le roi - soleil*, источникъ жизни своихъ подданныхъ: онъ обратился за примѣрами къ такимъ странамъ, въ которыхъ не было ничего подобнаго системѣ Людовика XIV—къ Голландіи, Англіи, Даніи, Швеціи, и изъ этихъ странъ выписывалъ не только мастеровъ и учителей, но и самихъ членовъ и „шрейберовъ“ для своихъ коллегій. Уложеніе, т.-е. гражданскіе законы онъ хотѣлъ перенять у Швеціи; а изъ Даніи выписывалъ чиновниковъ, снабжая ихъ толмачами.

Петръ дѣйствовалъ иногда совершенно деспотически; но деспотическій характеръ имѣли его чрезвычайныя мѣры, а не его законоположенія; крутую реформу онъ не могъ совершить иначе, какъ дѣйствуя деспотически; но это былъ деспотизмъ въ смыслѣ временной необходимости, деспотизмъ диктатора, спасающаго отечество, а не система, подготовляемая для будущности страны. Многочисленныя казни, устраненіе сына отъ престола и мѣры, предшествовавшія преданію царевича суду, способъ заселенія и построенія Петербурга, да и всѣ мѣры во внезапной „европеизаціи“ государства по наружности, — были

менно деспотическаго, диктаторскаго свойства. Насильственный наборъ молодыхъ дворянъ для „смотра“ и отсылки въ ученіе, наборъ мастеровыхъ для постройки Петербурга, переселенія, повинность, возложенная на сановниковъ, дворянство и купечество строиться въ Петербургѣ, а на купечество еще специальная повинность по постройкѣ мота, запрещеніе бороды и пошлина на нее при въѣздѣ въ города, запрещеніе русскаго платья, — всѣ такія мѣры относятся къ этой же категоріи. Мѣры эти были не только диктаторскія по самому существу, но и деспотическія по наказаніямъ, положеннымъ за ихъ нарушение. Слишкомъ медленно, для нетерпѣливаго дѣятеля, идетъ постройка Петербурга! Чтѣ же дѣлаетъ Петръ, чтобы ускорить ее? Онъ запрещаетъ производить какую бы то ни было каменную постройку во всемъ государствѣ! Указъ 9-го октября 1714-го года гласитъ: „понеже здѣсь каменное строеніе зѣло медленно строится“.... „того ради запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ (пока здѣсь удовольствуются строеніемъ) всякое каменное строеніе, каковаго-бъ имени ни было, подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкой“. Русское платье же еще держится, и вотъ Петръ вновь запрещаетъ торговать русскимъ платьемъ, „подъ жестокимъ наказаніемъ и каторгою“, и конфискаціею имѣній виновныхъ. И изъ указа 29 октября 1714-го года мы узнаемъ, что такіе люди, которые торговали русскимъ платьемъ въ противность прежнему указу, въ Петербургѣ, дѣйствительно были биты кнутомъ и посланы въ каторгу.

Сверхъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ по особымъ случаямъ, необходимо оговорить еще, что вообще Петръ не думалъ нисколько поступаться своей верховной властью. Полновластіе ему было совершенно необходимо, и потому понятно, что онъ даже озаботился устранить всякую возможность оппозиціи себѣ, съ той именно стороны, откуда она могла направиться противъ главнаго его дѣла, то-есть противъ реформы. Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, онъ не назначилъ патріарха, закрѣпивъ самое учрежденіе патріаршества учрежденіемъ синода. Въ духовномъ регламентѣ 25 января 1721 года, онъ открыто высказалъ свою мысль, т.-е. опасеніе совмѣстнаго существованія въ глазахъ народа двоихъ владыкъ или государей, одного—свѣтскаго, другого—духовнаго, говоря, что народъ мнитъ, будто патріархъ есть „второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако уствовать обыкълъ. Что же егда еще и плевелиныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хвастію огонь подложатъ?“

Итакъ, Петръ прозорливо оберегалъ свое полновластіе, хотя, какъ мы видѣли, и не былъ династическимъ политикомъ, и это естественно: онъ предпринималъ при помощи этого полновластія переродить по своему убѣжденію все государство. Но нисколько не поступаясь своей

верховой властью, онъ вовсе не думалъ осуществлять ту систему исключительной бюрократической централизаціи, по которой монархъ долженъ поглотить собою все, быть единственнымъ источникомъ всего происходящаго въ государствѣ, не допуская вѣи своей власти никакихъ жизни, ни независимыхъ общественныхъ учрежденій, и не давая тѣмъ самостоятельности даже и какому-либо изъ органовъ правительственныхъ. Несмотря на свое самовластіе, даже деспотизмъ, Петръ и не предпринималъ ввести ничего подобнаго. Онъ вовсе не думалъ сдѣлаться единственнымъ источникомъ всего сущаго, единственнымъ животворящимъ центромъ, однимъ словомъ, не считалъ себя королемъ-солнцемъ, какими признавалъ себя Людовикъ XIV. Напротивъ, его убѣжденіе было прямо противоположно пресловутому—*l'Etat c'est moi*. Онъ за все брался своими руками потому, что иначе все осталось бы лежать въ прежнемъ, полуазиатскомъ видѣ, но принимался за всякое дѣло онъ не такъ, чтобы тотчасъ поглотить его собою и чтобы въ этомъ дѣлѣ затѣмъ ничего и не дѣлалось иначе какъ имъ самимъ, а напротивъ такъ именно, чтобы служить этому дѣлу, чтобы двинуть его, а тамъ пусть само идетъ. Онъ съ радостью встрѣчалъ помощниковъ себѣ, одѣлывалъ ихъ полнымъ довѣріемъ, всегда признавалъ ихъ заслуги, никогда не завидовалъ ихъ успѣхамъ. Великій монархъ, онъ любилъ около себя людей умныхъ, а не окружалъ себя ничтожествомъ, наконецъ сносилъ противорѣчіе и уважалъ прямодушныхъ совѣтниковъ, чему примѣромъ служить Долгоруковъ. Въ ошибкахъ своихъ онъ сознавался публично въ указахъ. Такъ, опредѣливъ сперва президентамъ коллегій быть членами сената, который за ними же наблюдать, онъ, 12-го января 1722-го года, объявляетъ что такое постановленіе „учинено было неосмотря“; онъ хотѣлъ, чтобы члены сената „смотрѣли-бъ надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нинѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?“

Выше всего онъ ставилъ самое дѣло; лишь бы дѣло дѣлалось, строеніе строилось, устанавливался порядокъ, развивалась жизнь — онъ готовъ былъ принести этому всякую жертву, даже и династическій интересъ; тѣмъ менѣе могъ онъ преднамѣренно готовить „бюрократическій петербургскій періодъ“ русской исторіи. Напротивъ, Петръ былъ человѣкъ одинаковаго воспитанія со своимъ народомъ, и преданія, хранившіяся еще въ душѣ народа, не могли быть ему чужды. Въ дѣтствѣ Петръ съ учителемъ своимъ, дьякомъ Зотовымъ, ничему болѣе и не учился, какъ чтенію св. писанія и смыслу историческихъ „книгъ съ кунштами“, въ коихъ, по словамъ Крекшина, изображено было: „блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыхъ ихъ и военныхъ дѣла и дальние нужные походы, бои, взятые городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тѣлоту больше простого народа, и тѣмъ великія благополучія государствъ“

пріобрѣли и государство російское распространили... дѣла в. князя Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владимира и Александра Невскаго и прочихъ." До знакомства съ иностранцами Петръ и учился, кромѣ св. писанія, только русской исторіи. Живя одной жизнью съ народомъ, онъ помнилъ и выборныя преданія, державшіяся еще и въ московскомъ государствѣ. Да и могъ ли онъ не помнить этихъ преданій, когда самъ дѣдъ его былъ избранъ на престолъ выборнымъ земскимъ соборомъ. Еще при Иванѣ IV была созвана земская дума для разсмотрѣнія судебника; при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ Романовыхъ земскій соборъ созывался въ случаяхъ особой важности, напр. для дарованія чрезвычайныхъ денежныхъ средствъ на войну. При Михаилѣ созывались въ Москву изъ каждаго города по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по два изъ посадскихъ людей, для приведенія въ ясность обидъ, претерпѣваемыхъ гражданами и для совѣщанія о мѣрахъ къ устройству государства послѣ разоренія. При Алексѣѣ былъ созванъ земскій соборъ для разсмотрѣнія „уложенія". При Федорѣ на усмотрѣніе земскаго же собора былъ внесенъ вопросъ о мѣстничествѣ.

Проектъ новаго уложенія, которымъ Петръ хотѣлъ замѣнить уложеніе своего отца, не былъ оконченъ, и потому неизвѣстно, предложилъ ли бы Петръ новое уложеніе земскому собору, или воздержался бы отъ такой мѣры. Очень могло быть, что онъ и не принималъ бы ея, потому что новое уложеніе составлялось при немъ по шведскому образцу, и стало быть могло не встрѣтить сочувствія со стороны народнаго собранія. Но приведенные сейчасъ факты должны были обусловливать взглядъ самого Петра на систему правленія, и дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ дѣлъ и многихъ начинаній его мы убѣждаемся, что хотя съ уничтоженіемъ царской думы отиѣнилась и формула указовъ: „великій государь указалъ и бояре приговорили", однако Петръ не только допускалъ самостоятельность учреждаемыхъ имъ „правительствъ", но и весьма дорожилъ земскимъ выборнымъ принципомъ, что совершенно отдѣляетъ его отъ всѣхъ его преемниковъ, за исключеніемъ настоящаго царствованія.

Деспотическій въ своихъ временныхъ мѣрахъ, Петръ является у насъ первымъ европейскимъ государемъ уже потому, что первый признаетъ нѣчто высшее своей воли, а именно—законъ. Правда, онъ самъ утверждаетъ этотъ законъ, но весьма важно уже то, что въ законѣ, однажды состоявшемся, онъ видитъ уже не свой указъ, свою волю, а именно законъ, связующій его самого, ограничивающій и его волю. Къ закону онъ исполненъ уваженія и старается вселить это уваженіе во всѣхъ слугамъ государства, которые еще привыкли видѣть въ законѣ только ярлыкъ, указъ, обходимый мпlostью и силою. На столахъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ онъ кладетъ указы о точномъ и непремѣнномъ

соблюденіи законовъ: „понеже все есть законы писать, если ихъ не исполнять“. Верховнымъ принципомъ онъ ставитъ законъ, а о себѣ Петръ понимаетъ, что онъ *служитъ* государству. Уже это одно возрѣніе рѣзко отдѣляетъ Петра, какъ отъ его предшественниковъ, идѣвшихъ въ государствѣ свою вотчину, такъ и отъ нѣкоторыхъ его преемниковъ, проникнутыхъ системою произвола, принципомъ Людовика XIV—*l'Etat c'est moi*.

Въ такомъ же смыслѣ Петръ понималъ и самостоятельность учрежденнаго имъ „правительствующаго“ сената. Правда, сенаторовъ онъ назначалъ самъ, и сенатъ издавалъ указы отъ его имени. Но сенатъ по мысли Петра, былъ уже нѣчто болѣе самостоятельное, чѣмъ прежняя царская дума. Дума была не болѣе какъ совѣтъ, въ который цари вносили дѣла по своему усмотрѣнію; самостоятельнаго значенія и собственной дѣятельности дума—исключая чрезвычайныхъ случаевъ, какъ-то несовершеннолѣтія царя или междоусобицъ—не имѣла. Сенатъ же Петра былъ постоянно наблюдающее, собственной своей властью, за всѣмъ управленіемъ государства, учрежденіе, высшее правительство, законодательное мѣсто и верховный судъ, однимъ словомъ, самодѣйствующая государственная власть. Учредивъ первоначально сенатъ при отъѣздѣ за границу, Петръ далъ ему, указомъ 2-го марта 1711-го года, почти царскую власть, повелѣвъ повиноваться указамъ сената, какъ указамъ самого государя, подѣ страхомъ жестокаго наказанія, даже смерти; но оставилъ право челобитья на сенатъ. Въслѣдствіи, въ 1722-мъ году онъ учредилъ должность генераль-прокурора при сенатѣ, „яко ооо наше и страпчато о дѣлахъ государственныхъ“; но Петръ тѣмъ не менѣе сохранилъ до конца свой взглядъ на сенатъ и свое уваженіе къ этому учрежденію. Онъ запретилъ даже и челобитье на рѣшенія сената, указомъ 22-го декабря 1718-го года: „въ случаѣ же, который можетъ выше чаянія припасть, что оные-жъ неудовольствованные челобитчики отъ своей неразумной пререкливости и онаго Сената правосудіемъ не удовольствуются, потому имъ уже больше нигуда своего челобитья не имѣтъ; понеже тотъ вышній Сенатъ отъ Его Царскаго Величества высокоповѣреннымъ есть, и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не только челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть, и кто дерзнетъ о томъ Его-жъ Величеству бить челомъ, и тотъ смертному осужденію будетъ повиненъ“.

Даваа сенату такой высокій авторитетъ въ государствѣ, Петръ тѣмъ самымъ удостовѣрялъ, что взгляды его на нормальный способъ управленія государствомъ, на лучшія основы для устройства будущности государства, были свойства иного, чѣмъ тѣ временныя диктаторскія мѣры, какія онъ принималъ противъ всего, что стояло преградой его реформѣ. Какъ послѣднія носили очевидно деспотическій

характеръ, такъ первыя, наоборотъ, были прямо противоположны деспотизму, были направлены къ ограниченію произвола и къ устройству прочнаго порядка въ государствѣ на основаніи закона, уважаемаго и самой верховной властью. Уваженіе Петра къ сенату истекало изъ того же взгляда, какъ и уваженіе его къ закону, и по мысли Петра, выраженной въ указѣ 1718-го года, главная обязанность сената и состояла въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ: „ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ рознится съ измѣною, и не точію равномѣрно бѣду принимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ сего еще вѣщще, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ почувствуетъ, но мало по малу все разорится и люди въ непослушаніи останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ то о греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ.“ Современные французы свою вторую имперію, царство произвола, неуваженіе къ закону, фаворитизма, прозвали *empire byzantin*, *Vas-Empire*. Любопытно, что Петръ Великій указывалъ прямо на византійскую имперію, какъ на такой примѣръ, которому никакъ подражать не слѣдуетъ.

Такъ и въ учрежденіи коллегій, вмѣсто прежнихъ приказовъ, вообще въ самой мысли о коллегіальномъ устройствѣ мѣстъ управленія высказалось убѣжденіе Петра, что соблюденіе законности, устраненіе произвола въ дѣлѣ постоянного управленія важнѣе даже, чѣмъ быстрота дѣйствія и строгая дисциплина въ административной арміи. Что каждый членъ даже высшихъ управленій есть только орудіе, вполне зависящее отъ своего начальника, что губернаторъ есть *зона* губерніи, что всѣ сословія народа должны быть только тѣнями предъ всемогуществомъ бюрократіи, не имѣя ни легальныхъ средствъ защиты даже противъ ея злоупотребленій, ни возможности привлекать ее къ отвѣтственности, хотя бы передъ высшимъ начальствомъ — все это такіе принципы, которыхъ не только не раздѣлялъ Петръ, но которые установились впоследствии, прямо въ противоположность всѣмъ его начинаніямъ. Онъ именно заботился не о дисциплинѣ и безотвѣтственности бюрократіи, а напротивъ хотѣлъ окружить ее условіями отвѣтственности и съ этой цѣлью ввелъ учрежденіе „фискаловъ“, то-есть областныхъ прокуроровъ, которые должны были тайно слѣдить за дѣйствіями администраціи и обличать виновныхъ передъ сенатомъ. Притомъ такихъ фискаловъ онъ хотѣлъ имѣть не полицейскаго свойства, а именно изъ мѣстныхъ жителей, пользующихся общимъ уваженіемъ, какового бы ни было чина, то-есть сословія, а въ особенности изъ купечества; онъ много заботился объ этомъ учрежденіи и нѣсколько разъ предписывалъ, чтобы при выборѣ фискала прежде всего руководствоваться присканіемъ „добраго“ человѣка. Въ какой мѣрѣ

позднѣйшая практика управленія отступила отъ основныхъ мыслей Петра—это видно хотя бы уже изъ того, какой смыслъ общество должно было придать слову „фискаль“ впоследствии, между тѣмъ какъ первоначально это названіе (отъ *fiscus*, казна) означало только блюстителя государственнаго интереса. Онъ заботился создать въ государствѣ сословія самостоятельныя: дворянство посредствомъ майоратовъ, и въ особенности купечество и городское сословіе, посредствомъ дарованія этому сословію собственнаго управленія и суда, и полного изъятія его отъ власти бюрократіи не только по дѣламъ сословнымъ, какъ то допустила и Екатерина II-я, но по всякимъ гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ. Управление и провинціей, и городами Петръ хотѣлъ отдать въ руки этихъ сословій: благоустройство провинцій—въ руки дворянства, благоустройство городовъ—въ руки городского сословія, предоставляя ему самому учреждать городскую полицію и вполнѣ ею завѣдывать.

Вотъ тѣ основанія для нормальнаго управленія государствомъ, какія Петръ считалъ пригодными для Россіи уже въ свое время. Совокупность ихъ не только не представляетъ системы централизаціи и бюрократіи, но напротивъ, заключаетъ въ себѣ многія сѣмена сознательно-подготовляемой прямо-противоположной системы. Людямъ, которые имѣютъ только смутное понятіе о дѣлахъ Петра и его намѣреніяхъ, разумѣется, достаточно вспомнить про казни и про учрежденіе табели о рангахъ, чтобы Петръ являлся имъ представителемъ деспотизма и основателемъ бюрократизма. Но кто сколько-нибудь вникалъ въ дѣятельность преобразователя, тотъ усматривалъ въ ней двѣ стороны: одну временныхъ мѣръ, внушенныхъ необходимостью и суровостью правовъ, другую—мѣръ постоянныхъ, организаторскихъ, которыя съ бюрократизмомъ не имѣли ничего общаго. Табелю о рангахъ сама по себѣ не создавала сословія. Напротивъ, предполагалось, что служить будутъ преимущественно дворяне, которые и были обязаны вѣчною службой, а сословіе дьяковъ, подъячихъ и т. д. существовало и прежде. Табелю о рангахъ была съ одной стороны послѣднимъ ударомъ мѣстничеству, а съ другой—она только освѣщала прежнее начало, что нѣтъ знатности наслѣдственной, знатности внѣ службы и приобретаемаго ею почета. И боярская знатность давала дѣтямъ бояръ только право на приобретеніе въ свою очередь почта службою; а тѣ роды, которые переставали служить „молодали“ и „худали“, и обращались въ массу народа. Табелю о рангахъ не вводила иного принципа, какъ только этотъ же самый, пригодившійся Петру именно для созданія образованнаго служилого сословія. Дворяне обязаны были учиться грамотѣ, счету и геометріи и служить; кто не учился и стало быть не могъ быть годнымъ на службу, тому прямо запрещено было жениться, такъ чтобы внѣ службы и образованія

дворянство совсѣмъ не могло и существовать. Все новое, что заключалось въ табели о рангахъ, было установленіе почетныхъ. титуловъ гражданскихъ, морскихъ и горныхъ, соотвѣтственныхъ военнымъ и придворнымъ, то-есть единственнымъ существовавшимъ до того времени. А между тѣмъ, табель о рангахъ давала возможность нѣсколько ограничить фаворитизмъ въ раздатѣ мѣстъ, о чемъ Петръ также заботился, грозя въ генеральномъ регламентѣ коллегій „гажерной работою“ за назначеніе изъ дружбы и корысти недостойнаго или неискускаго чловѣка на „упалое“, вакантное мѣсто. Съ этой цѣлью, Петръ при помощи табели о рангахъ, могъ ввести къ намъ шведское начало, еще теперь отчасти дѣйствующее въ Финляндіи о баллотированіи чиновниковъ. Въ чины онъ позволилъ производить безъ баллотировки только до коллежскаго совѣтника, а выше не иначе какъ баллотировкою въ сенатѣ. А такъ какъ чину первоначально строго соотвѣтствовало опредѣленное мѣсто, то развитіемъ такого порядка назначенія можно было достигнуть многого, что совершенно устранилось при послѣдующихъ ближайшихъ царствованіяхъ, когда все было основано на фаворитизмѣ.

Итакъ, Петръ впервые создалъ у насъ такой высшій правительственный авторитетъ въ государствѣ, который, будучи подчиненъ самодержавной власти, дѣйствовалъ и внѣ ея, какъ самостоятельный, высшій органъ управленія, соединяя въ себѣ атрибуціи нѣмнѣйшихъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и судебного сената. Своему сенату Петръ поручилъ самодѣятельную власть, каковой не имѣла царская дума, велѣлъ только важнѣйшія дѣла представлять на утвержденіе государя, съ мнѣніемъ, а прочія рѣшать окончательно, и въ этомъ смыслѣ называлъ его „правительствующимъ“; запретилъ жаловаться на рѣшенія сената и предоставилъ сенату обсужденіе и обнародованіе утвержденныхъ государемъ законовъ и указовъ, какъ государевыхъ, данныхъ сенату, такъ и сенатскихъ, даваемыхъ всѣмъ прочимъ мѣстамъ, повелѣвъ сенату печатать и разсылать указы. Такимъ образомъ, законодательство впервые становилось гласнымъ. Въ прямомъ подчиненіи сенату находились всѣ отрасли управленія; во главѣ каждой изъ нихъ стояло коллегіальное мѣсто. Послѣ Петра, какъ сейчасъ увидимъ, сенатъ вскорѣ утратилъ это всеобъемлющее значеніе и никогда не получилъ его вновь. А въ свое время учрежденіе такого органа въ государствѣ представляло такой шагъ, съ которымъ не можно сравниться ни одно изъ послѣдовавшихъ когда-либо послѣ Петра преобразованій въ сферѣ высшаго управленія государствомъ. Правда, императоръ Александръ I-й учредилъ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ, съ министерствами, подчиненными этимъ установленіямъ, что, отчасти, соотвѣтствовало мысли Петра. Но, во-первыхъ, этотъ шагъ, въ началѣ XIX-го столѣтія, не былъ уже такъ

новъ и такъ значителенъ, какъ шагъ, сдѣланный Петромъ цѣлымъ вѣкомъ раньше, въ учрежденіи сената. Во-вторыхъ, совокупность учреждений императора Александра все-таки существенно отступала отъ мысли Петра: государственный совѣтъ, правда, сталъ подчиненнымъ государю законодательнымъ собраніемъ, каковъ былъ сенатъ Петра; сверхъ того, государственному совѣту поручено было разсматривать смѣты высшихъ управленій и финансовыя отчеты, что тоже соответствовало мысли Петра. Но этимъ и ограничивается сходство. Государственный совѣтъ не получилъ никакой самодѣйствующей власти, ему не было предоставлено полагать никакихъ собственныхъ рѣшеній, а только представлять мнѣнія на утвержденіе верховной власти; сенату Петръ прямо подчинилъ коллегіи, и хотѣлъ, чтобы сенатъ наблюдалъ за ними и судилъ ихъ дѣйствія, не только вслѣдствіе обжалованія частными лицами, но въ видѣ постоянного административнаго надзора, въ смыслѣ не судебномъ только, но и правительственномъ; однимъ словомъ, онъ устанавливалъ отвѣтственность коллегій передъ сенатомъ. Государственному же совѣту такой власти вовсе предоставлено не было, и дѣйствія министровъ вовсе не были подчинены ему, за исключеніемъ внесенія проектовъ законовъ и годовыхъ финансовыхъ отчетовъ и бюджетовъ. Правда, въ случаѣ возбужденія вопроса объ отвѣтственности министра, вопросъ этотъ, по волѣ верховной власти, можетъ быть переданъ въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, на основаніи учрежденія этого мѣста. Но самъ государственный совѣтъ такого вопроса возбудить не можетъ, и законъ, исчисляя способы, какими можетъ открыться незаконное дѣйствіе министровъ, именно о государственномъ совѣтѣ и не упоминаетъ. Административнымъ надзоромъ государственный совѣтъ обложенъ не былъ, и высшимъ административнымъ мѣстомъ сдѣланъ былъ не онъ, а другое учрежденіе, именно комитетъ министровъ. Но и комитетъ министровъ, по отношенію къ министрамъ, поставленъ былъ совсѣмъ въ иное положеніе, чѣмъ сенатъ Петра къ его коллегіямъ: комитету министровъ не было дано инициативы въ возбужденіи вопросовъ о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ управленій, развѣ только при разсмотрѣніи отчетовъ, и сверхъ того, комитетъ министровъ былъ составленъ изъ самихъ же министровъ, между тѣмъ какъ сенатъ, по мысли Петра, долженъ былъ состоять изъ лицъ свободныхъ отъ дѣлъ управленія, а не изъ главъ его, потому что—вопросалъ онъ: „какъ могутъ сами себя судить?“ Правда, Петръ дважды приказывалъ все-таки президентамъ коллегій сидѣть въ сенатѣ, но именно только „за малолѣдствомъ“, и это было только отступленіемъ, которое нисколько не нарушало весьма ясно выраженной имъ мысли о томъ, чѣмъ сенату слѣдовало быть. Наконецъ, и самый составъ министерствамъ былъ данъ не коллегіальный, а бюрократическій; коллегіальный принципъ въ учре-

дѣян министерствъ является только на второмъ планѣ и въ полномъ подчиненіи принципу бюрократическому. Итакъ, учреждая нѣсколько менѣе полноправныхъ, менѣе самостоятельныхъ учреждений, и раздѣляя между ними тѣ атрибуты, какія имѣлъ сенатъ при Петрѣ, императоръ Александръ I и въ началѣ XIX-го вѣка не создавалъ учрежденія равносильнаго, равнозначущаго тому, какое создалъ Петръ въ началѣ XVIII-го столѣтія.

Присмотримся теперь ближе къ той организаціи, какую Петръ I-й имѣлъ въ виду для управленія мѣстнаго, и посмотримъ, въ какое отношеніе онъ предпринялъ поставить органы этого управленія къ обществу. Здѣсь, въ этой сферѣ, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо выказывается полнѣйшее различіе взглядовъ Петра со взглядами всѣхъ его преемниковъ, до настоящаго царствованія исключительно. Для устройства мѣстнаго управленія Петръ въ весьма значительной степени рассчитывалъ на общественный, т.-е. на сословный элементъ; преемники же его, не исключая и Екатерины II-й, къ управленію государствомъ этотъ элементъ не привлекали вовсе. Это различіе можетъ быть объяснено уже тѣмъ, что Петръ былъ геній, произведенный русскою землею, а не умъ, воспитанный на понятіяхъ, чуждыхъ народнымъ преданіямъ.

Быть можетъ, видя участіе выборнаго, земскаго элемента въ провинціальномъ управленіи въ нѣкоторыхъ странахъ на Западѣ, Петръ и не возмѣнилъ бы мысли перенести въ нашу губернію шведскую ландратскую коллегію. Но такъ какъ преданіе объ участіи земскаго элемента въ мѣстномъ управленіи еще держалось въ московскомъ государствѣ, такъ какъ еще Грозный до нѣкоторой степени воскресилъ древнее славянское начало въ губныхъ управленіяхъ, старостахъ и дѣловальникахъ, то тѣмъ ближе могла быть Петру мысль объ устройствѣ мѣстнаго управленія именно на этомъ началѣ. Въ томъ видѣ, какъ онъ это первоначально сдѣлалъ, онъ не только не отступалъ назадъ отъ мысли Ивана IV-го, но, напротивъ, давалъ ей болѣе общее и широкое примѣненіе. Въ самомъ дѣлѣ, выборное губное управленіе ограничивало власть воеводъ собственно только по судебнымъ и денежнымъ дѣламъ; Петръ же основалъ все управленіе губерніею на выборномъ началѣ. Учреждая губерніи, раздѣленныя потомъ на провинціи, Петръ поставилъ во главѣ губерніи ландратскую коллегію, которая и должна была рѣшать всѣ дѣла, такъ что губернаторъ безъ нея не могъ рѣшать ничего, точно также какъ президентъ коллегіи не могъ ничего рѣшать безъ коллегіи. Указомъ 20-го января 1714-го года онъ велѣлъ „ландратовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи *всами дворяны* за ихъ руками“. По указу 24-го апрѣля 1713, велѣно было „учинить ландратовъ въ большихъ городахъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; дѣло ихъ то, что они всѣ дѣла

съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ *не яко властитель*, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и *никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать*. При этомъ, дѣла посадскихъ людей, т.-е. собственно городского сословія, были съ самаго начала изъяты изъ вѣдѣнія ландратской коллегіи, и оставлены въ вѣдѣніи выборныхъ бурмистерскихъ управлений. Вотъ какое устройство Петръ первоначально хотѣлъ дать губернской администраціи. Но учрежденіе это не удалось, оттого ли что Петръ „не нашель людей“, какъ вообще думаютъ, или оттого, что его взглядамъ на лучшее, нормальное устройство управления должно было мѣшать исполненіе главной его задачи—реформы и государства и общества. По убѣжденію, въ теоріи, Петръ склонялся къ привлеченію общества въ дѣло управления и, какъ видно изъ учрежденія ландратскихъ коллегій, хотѣлъ дать губернскому управленію выборный, хотя и сословный характеръ. Но какъ авторъ реформы, которая въ обществѣ встрѣчала сопротивленіе или хотя бы только апатію, онъ долженъ былъ на практикѣ убѣждаться, что еще нельзя было разсчитывать на содѣйствіе реформѣ со стороны того общества, которое было нерасположено къ ней, было до нѣкоторой степени даже возмущено ею. Достаточно указать на одинъ примѣръ: какъ могли ландраты, выбранные дворянами, исполнять приказаніе о перенесеніи молодыхъ дворянъ п о высылкѣ ихъ на смотръ, для отправленія въ ученіе, а потомъ на службу, когда сами дворяне смотрѣли на отправленіе молодыхъ людей за границу, какъ на обреченіе ихъ душевной и тѣлесной погибели? Правда, ландратами могли быть только такіе дворяне, которые сами бывали на службѣ; но бывъ избранны своими сословіемъ, они все-таки должны были отражать въ своихъ дѣйствіяхъ расположеніе этого сословія.

Вотъ почему въ губернскомъ учрежденіи, съ 1720-го года, губернаторъ является уже безъ коллегіи, и начальнигъ провинціи, воевода, вмѣстѣ съ губернаторомъ являются обыкновенными намѣстниками верховной власти; затѣмъ элементъ земскій заключенъ былъ только въ сферу сборовъ податей, и такимъ образомъ ограничивъ губернаторовъ и воеводъ только въ сферѣ финансовой—земскими камергерми и рентмейстерами, и въ сферѣ судебной—учрежденіями нижнихъ и надворныхъ судовъ, а въ остальномъ сдѣлавъ ихъ полновластными. Петръ возвратился въ сущности къ той самой организаціи, какая существовала, хотя и въ иной формѣ, но съ тѣмъ же смысломъ, уже до него въ московскомъ государствѣ. Впрочемъ, такъ какъ суды онъ не успѣлъ ввести вездѣ, то губернаторы во многихъ мѣстностяхъ сохранили и судебную власть. Но такое отступленіе отъ первоначальной мысли нисколько не измѣняетъ факта, что, по убѣжденію Петра,

идеаломъ мѣстнаго управленія должно было служить управленіе выборное, хотя и сословное.

Еще съ большею ясностью и полнотою это убѣжденіе Петра проявилось въ его стараніяхъ создать независимое городское сословіе и въ его попеченіяхъ о томъ, чтобы предохранить это сословіе, которому онъ придавалъ великое значеніе, отъ произвола административныхъ властей. Съ этой цѣлью онъ рѣшился изъять купеческое и вообще городское сословіе вовсе изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ, и образовать изъ него настоящій *status in statu*, при чемъ первое *status* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ сословія совершенно самостоятельнаго и самоуправляющагося. Въ 1720 году Петръ учредилъ въ наиболѣе значительныхъ городахъ магистраты, изъ избранныхъ городскихъ сословіемъ членовъ (бурмистровъ) и президентовъ. Но этого было мало; Петръ хотѣлъ сплотить все городское сословіе государства въ одно цѣлое, и съ этой цѣлью подчинилъ всѣ магистраты другихъ городовъ главному магистрату, въ Петербургѣ, который былъ вмѣстѣ и петербургскій магистратъ и состоялъ наполовину изъ иностранцевъ. Петръ, очевидно, надѣялся, что такимъ образомъ принципъ городской сословной независимой дѣятельности привьется русскимъ городамъ именно при участіи этихъ иностранцевъ. Оберъ-президента главнаго магистрата, то-есть, какъ бы предводителя всего средняго въ государствѣ сословія, назначалъ самъ государь, и первымъ такимъ оберъ-президентомъ былъ назначенъ кн. Трубецкой. Этотъ главный магистратъ былъ необходимъ уже какъ высшая инстанція суда для городскихъ жителей, такъ какъ магистраты вѣдали городское сословіе во всѣхъ отношеніяхъ, т.-е. и въ промыслахъ, и въ городскомъ благоустройствѣ, и въ гражданскихъ и уголовныхъ судебныхъ дѣлахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ городское сословіе было совершенно изъято изъ-подъ власти коронной администраціи, и подчинялось въ высшей инстанціи центральному городскому учрежденію, именно главному магистрату, который принималъ мѣры для развитія промысловъ и торговли и разсматривалъ приговоры прочихъ магистратовъ и вообще наблюдалъ за ихъ дѣйствіями. Главный магистратъ не былъ подчиненъ даже и коллегіямъ а непосредственно сенату. Регламентъ главнаго магистрата, изданный 16-го января 1721 года, повелѣвалъ, чтобы главный магистратъ „вѣдалъ всѣхъ людей купеческихъ судомъ и о ихъ дѣлахъ доносилъ сенату, и сію (всего русскаго купечества) разсыпанную хранину паки собрать“. Главный магистратъ долженъ былъ учредить магистратъ во всѣхъ городахъ, снабдить его уставомъ, учредить добрую полицію, размножить купечество и мануфактуры. На первый разъ, въ Петербургѣ, члены магистрата были опредѣлены правительствомъ, а потомъ велѣно постепенно въ магистраты выбирать изъ гостей и граждан; выборы про-

изводились созваніемъ во всякомъ городѣ бурмистровъ и первыхъ мірскихъ людей. Такимъ образомъ, городъ самъ избралъ магистратъ, который былъ и судъ городского сословія, и вмѣстѣ „начальство, правленіе“ города.

Мотивъ къ изытію всего городского сословія отъ власти воеводъ и вообще коронной администраціи, вполне ясно высказанъ въ томъ же регламентѣ при опредѣленіи судебного значенія магистратомъ: „хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и вѣденіи подлежатъ въ Юстицъ-Коллегіи; однакожъ понеже купечіе и ремесленные тѣлые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ призрѣніи, но паче ото всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній несносныхъ едва не всѣ разорены, отъ чего онихъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ важнаго государственнаго вреда. Того ради, милосердую его царское величество объ оной, яко разсыпанной хранилѣ, указалъ: всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ дѣлахъ судомъ и расправою и татинными, и разбойными и убивственными дѣлами вѣдать (кромя великихъ государственныхъ дѣлъ) въ главномъ магистратѣ“. Благоустройство въ городахъ, то-есть полиція въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова поручалась магистратамъ, и только для установленія новыхъ порядковъ или правилъ имъ предписывалось сноситься съ подлежащими коллегіями. Всѣмъ и въ настоящее время извѣстно опредѣленіе полиціи, сдѣланное Петромъ I, именно, что она всякіе порядки устраиваетъ, всякіе безпорядки отсѣкаетъ или отгоняетъ, но далеко не всѣмъ извѣстно, что въ этомъ опредѣленіи Петръ разумѣлъ полицію не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ слова; это опредѣленіе существа полиціи находится въ регламентѣ главнаго магистрата, и означаетъ вовсе не то, что Петръ всѣ порядки отдавалъ въ распоряженіе полицейскихъ чиновъ, состоящихъ въ вѣдѣніи администраціи; опредѣленіе полиціи онъ сдѣлалъ тамъ въ смыслѣ благоустройства, а все попеченіе о благоустройствѣ въ городахъ онъ поручилъ магистратамъ, которые сами должны были учредить полицію и завѣдывать ею—поставленіе чрезвычайно важное, которое послѣ Петра исчезло безслѣдно, и не было восстановлено никогда. Только въ обѣихъ столицахъ Петръ учредилъ коронную полицію, подчиненную полицмейстерскимъ канцеляріямъ. Вообще же власть магистратовъ опредѣлена была такъ: „понеже магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству, то онаго должность состоитъ въ томъ, еже судить гражданъ, содержать въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы собирать и отдавать по указамъ и учреждать всю экономію города“. Магистраты относились только къ главному магистрату, и губернаторамъ и воеводамъ въ городскихъ дѣлахъ и городскомъ хозяйствѣ и судѣ подчинены не были. „Такожъ не подлежитъ“, говоритъ регламентъ, „ни

гражданскому, ни военному начальнику гражданина къ своему суду (въ канцелярію) позывать; но надлежитъ на такого (мѣщанина) въ магистратъ бить челомъ“.

Итакъ, вотъ общія черты управленія государствомъ по первоначальной мысли Петра Великаго: подъ верховной властью самостоятельный высшій правительственный авторитетъ въ государствѣ, представитель закона — сенатъ; центральныя управленія съ коллегіальнымъ устройствомъ подъ прямымъ и постояннымъ надзоромъ сената; выборной принципъ отчасти уже на высшихъ степеняхъ администраціи предоставленіемъ сенату баллотировать кандидатовъ въ чины, начиная съ коллегіи совѣтника; все управленіе губерніями въ рукахъ коллегіи, избранной дворянами, съ президентами отъ правительства; наконецъ, городское управленіе въ рукахъ выборныхъ городскихъ магистратовъ, съ подчиненіемъ ихъ особому высшему мѣсту, главному магистрату, и съ изъятіемъ всего купеческаго и ремесленнаго сословія отъ вѣдѣнія бюрократіи, для сохраненія его „яко разсыпанной храминны“ и соединеніемъ въ одно цѣлое въ государствѣ. Это ли творецъ системы централизаціи и бюрократіи? Замѣтимъ еще, что началу выборному, общественному, Петръ давалъ такую цѣну, что вносилъ его въ сферу наименѣе доступную этому началу, а именно — въ армію. Онъ установилъ производство въ оберъ-офицерскіе чины не иначе какъ по выбору и засвидѣтельствованію всѣхъ офицеровъ полка, а въ штабъ-офицерскіе чины — по выбору и засвидѣтельствованію генераловъ и штабъ-офицеровъ всей дивизіи, „что той шаржи достоинъ“. При томъ же (указъ 14 апрѣля 1714 г.) предписывалось, чтобы выбирали ни для какой страсти, но правдою“.

Дворянство Петръ принуждалъ служить, но все-таки хотѣлъ, чтобы въ этого, прошедшаго службу, а стало быть пріобрѣтшаго начальное образованіе, дворянства образовалось самостоятельное сословіе, для чего и придумалъ ввести учрежденіе майората, но не въ видѣ особыхъ разрѣшеній нѣкоторымъ родамъ, по особой милости, а въ видѣ общей мѣры съ тою именно цѣлью, чтобы облегчить тягость крѣпостныхъ, и чтобы создать самостоятельное сословіе вліятельныхъ дворянъ. Мысль эта, правда, была весьма нераціональна; но во всякомъ случаѣ и она свидѣтельствуетъ, что Петръ вовсе не былъ расположенъ ко всеуравнивающей, всеглаживающей системѣ бюрократіи, а ожидать развитія государства отъ созданія въ немъ крѣпкихъ, самостоятельныхъ сословій. Такая мысль не могла придти ни Павлу Петровичу, ни Александру I, не потому одному что была нераціональна, но потому, что не подходила подъ тотъ взглядъ, который уже установился въ ихъ время.

Правда, среди великихъ преобразованій Петра является важный пробѣлъ; онъ ничего не сдѣлалъ для освобожденія массы народа, для

отмѣны крѣпостного права. Напротивъ, онъ неоднократно дѣлалъ распоряженія о возвращеніи бѣглыхъ въ ихъ помѣщикамъ, и такіе распоряженія сопровождались обычной его суровостью; бѣглецы были наказываемы вѣнцомъ и возвращаемы подѣ воинскимъ конвоемъ. Но отмѣна крѣпостного права, освобожденіе народа было бы само по себѣ такимъ радикальнымъ переворотомъ въ установившихся уже условіяхъ народной жизни, что едва ли Петръ и могъ предпринять его одновременно со всѣми другими преобразованіями. Чтобы только приступить къ тому что онъ сдѣлалъ, онъ долженъ былъ подавить нѣсколько матежей, рискуя жизнью. Возможно ли было ожидать, чтобы онъ усложнилъ свою непосредственную задачу такимъ дѣломъ, которое очевидно должно было стать задачею будущаго, и это когда же: въ то время, когда и во Франціи и въ особенности въ Германіи крѣпостная зависимость крестьянъ еще существовала. Вспомнимъ, что Пруссія окончательно покончила съ этимъ дѣломъ не ранѣе, какъ послѣ наполеоновскаго погрома. Въ оправданіе Петра можно по крайней мѣрѣ сказать, что онъ не расширилъ вѣровъ области, въ которой уже существовала жва рабства, между тѣмъ какъ Екатерина II ввела крѣпостное право въ Малороссію, и тысячи вольныхъ людей обратила въ крѣпостныхъ въ изъясненіе своей милости къ разнымъ лицамъ. Но что Петръ лично не считалъ наше „домашнее учрежденіе“ чѣмъ-либо неприкосновеннымъ, что онъ понималъ его злоупотребленія и желалъ облегчить положеніе несчастнаго народа, это видно изъ фактовъ. Въ указѣ 1714-го года объ учрежденіи майоратовъ говорится, что „фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе дома“, а младшіе сыновья „не будутъ празны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, морями и прочимъ“. Первымъ мотивомъ приведенъ тотъ, что крестьяне особенно отягощены именно у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и что тотъ сынъ, которому по избранію отца оставлено будетъ все имѣніе нераздѣльно „можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять“. Указомъ же 1721-го года Петръ принялъ такую мѣру, которая осталась вполнѣдствіи неисполненною, и была осуществлена не ранѣе, какъ въ прошлое царствованіе, и то только рядомъ постепенныхъ ограниченій; онъ повелѣвалъ „продажу людей пресѣчь; а если нельзя ужъ совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, чего во всемъ свѣтѣ не водится“.

Ломка учрежденій, предначертанныхъ великимъ преобразователемъ, началась очень скоро. Она не потребовала много времени, такъ какъ Петръ, имѣя на рукахъ громадную работу по всѣмъ отраслямъ жизни государства, не успѣлъ дать надлежащей прочности учрежденіямъ, и въ томъ, что касалось губернскаго управленія, какъ мы видѣли, самъ уклонился отъ первоначальной своей мысли. Первое, что не по-

правилось преемникамъ Петра это было именно полновластіе сената, который, находясь въ подчиненіи у одной только верховной власти, рѣшалъ всѣ государственныя дѣла, частью самостоятельно, частью съ утвержденія государя, но соединяя всѣ эти дѣла въ себѣ. Ближайшіе преемники Петра отнимали у сената участіе именно въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, сосредоточивая ихъ въ придворномъ, чисто-совѣщательномъ учрежденіи, которое напоминало отчасти прежнюю царскую думу, и стояло выше сената. Уже Екатерина I-я учредила въ этомъ смыслѣ верховный тайный совѣтъ. Сенату она уже указала дѣлать по опредѣленнымъ дѣламъ „представленія“ въ верховный тайный совѣтъ. Анна Іоанновна сперва возстановила права сената, но затѣмъ учредила для вѣдѣнія всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ верховной власти, „кабинетъ ея величества“. Елисавета опять возвратила сенату прежнее значеніе, при чемъ неодобрительно отзывалась о предшествовавшемъ ограниченіи его правъ, говоря, что это сдѣлалось „вслѣдствіе происка нѣкоторыхъ“, но вскорѣ и сама сдѣлала тоже самое, учредивъ „конференцію при высочайшемъ дворѣ“. Петръ III отменилъ эту конференцію, и передалъ административныя дѣла ея въ сенатъ, но тотчасъ учредилъ „совѣтъ при высочайшемъ дворѣ“, которому и поручилъ важнѣйшія дѣла. Екатерина II также возстановила сенатъ въ правахъ, дарованныхъ ему Петромъ I, но учредила опять „совѣтъ при высочайшемъ дворѣ“ и далеко не имѣла того уваженія къ сенату, какое имѣлъ Петръ, чему въ примѣръ можно привести указъ 1763-го года. Наконецъ, съ образованіемъ при императорѣ Александрѣ I государственнаго совѣта, комитета министровъ и министерствъ, сенатъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ оставался до преобразованія его отчасти въ кассационный судъ, судебными уставами. Что государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и сенатъ, существуя совмѣстно, не были сдѣланы и въ совокупности своей равносильными петровскому сенату, это уже объяснено выше.

Всѣ великія мысли Петра I: предоставленіе полной самостоятельности городскому сословію и врученіе мѣстной администраціи коллегіямъ изъ выборныхъ лицъ, были совершенно устранены его ближайшими преемниками, а Екатериною II были осуществлены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ, въ то самое время, какъ она ввела новое положеніе о губерніяхъ, которое устанавливало именно систему всемогущества бюрократіи и подготовило государство къ той полной системѣ бюрократической централизаціи, какую создалъ императоръ Александръ I учрежденіемъ министерствъ. Уже при Екатеринѣ I, верховный тайный совѣтъ, возникнувъ самъ въ противность мысли Петра о высшемъ управленіи государствомъ, предпринималъ сломать все его дѣло въ устройствѣ мѣстнаго самоуправленія и самоуправленія городского сословія. Подъ предлогомъ обременительности для народа слишкомъ боль-

шого числа присутственнымъ мѣстъ, конторъ и канцелярій, верховный совѣтъ съ утвержденія императрицы отмѣнилъ, конечно не себя, хотя стоилъ государству дороже всѣхъ конторъ и канцелярій, но именно всѣ тѣ присутственные мѣста въ губерніяхъ, которыя ограничивали власть губернаторовъ и воеводъ; весь судъ и расправа были предоставлены губернаторамъ и воеводамъ, а городскіе магистраты были подчинены имъ. Итакъ, вмѣсто такой независимости для городского сословія, что воевода на мѣщанина „билъ челомъ“ въ магистратъ, а у магистрата былъ высшій заступникъ въ Петербургѣ въ лицѣ главнаго магистрата, подчиненнаго только сенату, тотъ же воевода сталъ прямымъ и безусловнымъ повелителемъ городскихъ выборныхъ властей, причемъ и полицейская власть въ городѣ, разумѣется, отошла въ полное вѣдѣніе воеводы. Меншиковъ, глава верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, при Петрѣ II уничтожилъ и главный магистратъ въ Петербургѣ.

Екатерина II была основательницею нашего сословнаго самоуправленія, въ томъ размѣрѣ, какъ оно существовало до земскихъ учрежденій. Какъ извѣстно, она издала учрежденіе о губерніяхъ и городское положеніе, въ которыхъ допущенъ былъ въ извѣстной мѣрѣ элементъ выборный; сверхъ того, и до сихъ поръ большинство не безъ нѣкотораго самодовольства вспоминаетъ, что Екатерина созывала выборныхъ отъ всего государства для участія въ составленіи уложенія. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что Екатерина II именно и разрушила окончательно тѣ выборныя преданія, которыя существовали еще въ московскомъ государствѣ, и въ основаніе своего мѣстнаго управленія положила систему совершенно несходную съ мыслями Петра. Древнія выборныя преданія у насъ и согласныя съ ними убѣжденія Петра Великаго разумѣли выборное начало въ примѣненіи не къ тѣсному кругу внутреннихъ сословныхъ дѣлъ, но именно къ государственному мѣстному управленію, въ смыслѣ прямого участія въ немъ и ограниченія власти агентовъ администраціи. Екатерина же въ учрежденіи о губерніяхъ учредила систему бюрократіи, то-есть поглощенія всего мѣстнаго управленія коронными чиновниками, а выборное начало заменила въ сферу внутреннихъ дѣлъ сословій, подчинивъ его и тамъ опять-таки бюрократіи. Притомъ же и въ самой коронной администраціи Екатерина старалась усилить дисциплину, единоличное начало, въ ущербъ коллегіальной самостоятельности членовъ. Екатерина отдѣлила судъ отъ коронной администраціи, но это и было единственное раздѣленіе властей, которое она признавала. Все, кромя суда, она сосредоточивала въ строго-дисциплинированной бюрократической іерархіи. По ея убѣжденію, управленіе губерніею должно было отражать въ себѣ управленіе всего государства верховной властью. Такимъ образомъ, въ необходимости самодержавія для Россіи выводился тотъ

принципъ, что губернаторъ есть „хозяинъ“ своей губерніи—принципъ уже прямо противоположный принципу Петра: „не яко властитель, но яко президентъ.“ По учрежденію о губерніяхъ 1775-го года, при губернаторѣ положено губернское правленіе, но члены его уже имѣютъ только совѣщательный голосъ; это не „ландраторы“; екатерининскіе совѣтники губернскаго правленія только „разсужденіемъ своимъ уважаютъ дѣло, а потомъ исполняютъ положенія губернаторскія“. Надъ губернаторомъ, „хозяиномъ губерніи“, поставленъ былъ для болъшей централизаціи еще генералъ-губернаторъ или „намѣстникъ“, который, будучи довѣреннымъ лицомъ императрицы и совершенно держа въ своихъ рукахъ губернатора, давалъ всѣму мѣстному управленію характеръ непосредственнаго управленія самой верховной власти: императрица, генералъ-губернаторъ, губернаторъ и исправникъ — вотъ та сильно дѣйствующая и совершенно самостоятельная нить, которою шло управленіе даже мелкими дѣлами. Губернаторъ, безусловно подчиненный „намѣстнику“, въ свою очередь былъ сдѣлать намѣстникомъ въ собственной губерніи. Въ полицейскихъ управленіяхъ, „нижнихъ земскихъ судахъ“ сосредоточена вся полицейская власть и исполненіе судебныхъ рѣшеній. Въ эти суды дворянству предоставлено было выбирать исправниковъ и членовъ; вотъ куда снизошелъ уже выборный земскій элементъ въ государственномъ управленіи. Въмѣсто того, чтобы избирать „ландраторовъ“, равныхъ губернатору членовъ управленія всею губерніею, отвѣтственнаго передъ сенатомъ, дворянству было предоставлено избирать исправниковъ и членовъ въ полицейское уѣздное управленіе, находящееся, въ лицѣ исправника, въ совершенномъ подчиненіи у губернатора, совершенно подчиненнаго намѣстнику, который подчинялся прямо императрицѣ, и отъ самихъ коллегій не очень зависѣлъ. Полицейская власть въ городахъ предоставлена комендантамъ, полиціймейстерамъ и городничимъ. Такимъ образомъ, именно Екатериною мѣстное управленіе установлено на полной, сознательной системѣ безусловнаго бюрократизма.

Судебную власть Екатерина отдѣлила отъ административной: она учредила по двѣ инстанціи сословныхъ судовъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ. Всѣ эти суды не рѣшали и въ высшей инстанціи такихъ дѣлъ, которыя рѣшаются теперь мировымъ судьей; всѣ важнѣйшія дѣла подлежали гражданской и уголовной палатамъ, мѣстамъ правительственнымъ. О той же сферѣ, какая предоставлена была Екатериною выборному земскому элементу грамотою дворянству и городовымъ положеніемъ, мы говорить не будемъ: за исключеніемъ раскладки повинностей, имъ предоставлены были только дѣла сословныя, а вовсе не участіе въ мѣстномъ государственномъ управленіи.

Для составленія уложенія Екатерина II вызывала депутатовъ отъ всего государства. Но не говоря уже объ исходѣ этой коммиссіи, за-

мѣтимъ, что она и не представляла ничего дотогѣ невиданнаго: еще при Екатеринѣ I въ комиссію уложенія были призваны по два чело-вѣка изъ сословій, въ томъ числѣ и изъ магистратовъ; при Елисаветѣ Петровнѣ вѣдѣно было вызывать къ слушанію уложенія изъ каждой провинціи выборныхъ отъ дворянства и купечества.

Учрежденіе о губерніяхъ, данное Екатериною II, въ существенныхъ чертахъ продержалось до новѣйшихъ реформъ. Самой характеристической чертой его было именно установленіе „намѣстниковъ“ или генералъ-губернаторовъ, которое представляло принципъ строгой дисциплины, полнѣйшаго подчиненія всѣхъ мѣстныхъ учреждений всецѣльному лицу. Эта мысль прочно принялась; ее оставилъ и еще развилъ императоръ Александръ, и окончательное опредѣленіе положеніемъ 1837-го года, она примѣнялась строго до настоящаго царствованія. Все время реакціи, со второй половины царствованія Александра, заботливо сохраняло именно екатерининскую мысль о генералъ-губернаторахъ, какъ самыхъ надежныхъ органахъ исключительнаго господства бюрократіи. Но при Александрѣ I сдѣланъ былъ важный шагъ дальше, уже собственно въ смыслъ централизаціи. Полновластіе генералъ-губернатора представлялось желательнымъ по отношенію къ подчиненному ему краю. Но по отношенію къ высшему правительству самое это полновластіе генералъ-губернаторовъ, дѣлавшее ихъ почти независимыми отъ коллегій, казалось, еще чѣмъ-то „нестройнымъ“, какою-то формою какъ бы „самоуправленія“ мѣстнаго. Съ цѣлью ввести полнѣйшую, строго-разсчитанную централизацію, императоръ Александръ перенесъ къ намъ французское учрежденіе министерствъ, при чемъ конечно не могъ позаимствовать изъ Франціи тѣхъ учреждений и того духа, которые тамъ хотя не ограничивали неогорды централизаціи, но направляли ее ближе къ общественнымъ потребностямъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто соединенія высшаго государственнаго управленія наверху въ одно, полноправное мѣсто — сенатъ, и устройства управленія областнаго на началѣ самостоятельности, съ участіемъ выборнаго элемента, — какъ то впервые было предположено Петромъ I, Россія окончательно пришла къ системѣ совершенно противоположной: высшее государственное управленіе было раздѣлено между нѣсколькими учреждениями, а областное управленіе было объединено въ порядкѣ чисто-бюрократическомъ и на началѣ строгой централизаціи.

При этомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію нашихъ учреждений, мы ограничились именно тою стороною дѣятельности Петра, которая представляетъ въ немъ организатора государственнаго управленія. Мы все не касались его великой роли преобразователя русской жизни, и внѣ рамки этого бѣглаго очерка лежитъ величественная картина всеобщаго введенія Россіи въ число первостепенныхъ европейскихъ дер-

жизнь, внезапнаго созданія въ странѣ, которая не знала ни промышленности, ни школы, всѣхъ силъ потребныхъ для исполненія ея новаго призванія. До Петра, Россія не имѣла съ Европою почти ничего общаго; при смерти Петра въ ней, правда, еще только на поверхности, но уже весьма реально кипитъ жизнь, соединяющая ее съ Европою: флотъ, регулярное войско, европейскія учрежденія, въ пять разъ увеличенные финансы даютъ ей могущество равное сильнѣйшимъ изъ сосѣдей, а надъ развитіемъ силъ внутреннихъ работаютъ школы провинціальныя и архіерейскія, и 230 фабрикъ и заводовъ, созданныхъ какъ бы волшебствомъ. Въ Россіи есть уже Академія наукъ, Россія вскорѣ по смерти Петра уже снаряжаетъ ученую экспедицію. Нынѣ же, возвращаясь отчасти и въ учрежденійхъ на тотъ путь, который впервые былъ указанъ Петромъ, отрѣшаясь отъ поглощенія и земства и суда одною бюрократіею, видя пробужденіе выборнаго земскаго элемента, видя въ государствѣ самостоятельную власть судебную, отдадимъ же должное родоначальнику, инициатору всего нашего развитія, Петру Великому, и будемъ помнить, къ чему онъ уже 150 лѣтъ назадъ считалъ способною Россію.

Россія не мало ушла впередъ съ того времени и недавно была свидѣтельницею, какъ совершилось то великое дѣло, за которое не могъ приняться Петръ, а именно освобожденіе и надѣлъ крестьянъ. Но еще весьма многое показываетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы сдѣлали успѣхи менѣе быстрые, чѣмъ можно было ожидать. Прошлый мѣсяцъ какъ разъ представляетъ намъ два такихъ факта, напоминающихъ, что работа и самага первоначальнаго свойства у насъ еще далеко не додѣлана. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано утвержденное министромъ народнаго просвѣщенія положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ, при учебныхъ округахъ. Образованіе въ массѣ народа — вотъ область, въ которой мы со времени Петра меньше всего подвинулись впередъ. Правда, теперь хотятъ, наконецъ, приняться за приготовленіе учителей для массы народа, между тѣмъ какъ Петръ озабочивался приготовленіемъ такихъ же первоначальныхъ учителей для самага дворянства. Но собственно въ сферѣ образованности массъ мы и теперь стоимъ очень не далеко отъ того времени. Въ какомъ положеніи находится у насъ хотя бы самая грамотность въ народѣ: всего десятій человѣкъ изъ числа молодыхъ людей умѣетъ разбирать письмо! Еще очень не давно, само министерство народнаго просвѣщенія полагалось въ дѣлѣ распространенія грамотности почти исключительно на духовенство и земство. Но земство, какъ бы велико ни было въ немъ сознаніе потребности образованія въ народѣ, по самой недостаточности средствъ далеко не вездѣ могло взяться за созданіе такихъ учреждений, какъ учительскія семи-

наріи. Когда намъ случилось въ первый разъ упомянуть объ этой очевидной, настоятельной потребности страны, намъ возразили, что само министерство не въ состояніи осуществить значительнаго числа столь дорого-стоющихъ учреждений, какъ эти семинаріи. Въ настоящее время рѣшено однако учредить пять такихъ семинарій при учебныхъ округахъ петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, одесскомъ и казанскомъ, что съ двумя семинаріями, уже существующими въ округахъ виленскомъ и дерптскомъ и съ подобными же учреждениями, основанными на частныхъ и земскія средства, дастъ Россіи около десятиа школъ для приготовленія народныхъ учителей. Семинаріи, нѣтъ предполагаемыя, будутъ заведенія открытыя, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть 50 казенныхъ стипендіатовъ и принимать, бесплатно, стипендіатовъ земства и своекоштныхъ воспитанниковъ. При этихъ семинаріяхъ будутъ состоять начальныя училища. Курсъ въ семинаріяхъ положенъ трехгодичный и обнимаетъ законъ Божій, основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, арифметику, основанія геометріи, землемѣріе, черченіе, русскую исторію съ понятіемъ объ исторіи всеобщей, географію Россіи и краткую всеобщую географію, главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы, чи-стописаніе, пѣніе, ремесла и огородничество съ садоводствомъ, по мѣрѣ возможности. Въ положеніи повторяется правило объ освобожденіи какъ воспитанниковъ этихъ семинарій, такъ и народныхъ учителей, пока они состоятъ въ такой должности, отъ всѣхъ личныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ рекрутства, что вѣроятно служитъ признакомъ оставленія въ силѣ относящагося сюда закона и въ предстоящей военной реформѣ.

Относясь съ сочувствіемъ къ этому совершенно необходимому предпріятію, позволимъ себѣ указать въ новомъ положеніи только на два условія, представляющія едва ли не излишнія стѣсненія. Казенные стипендіаты обязаны по окончаніи курса прослужить не менѣ четырехъ лѣтъ въ должности учителей начальныхъ школъ, а тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ оставить семинарію до окончанія курса, обязываются возратить всю сумму, выданную имъ въ видѣ стипендій. Неизвѣстно, какимъ же образомъ будутъ поступать съ тѣми, которые не кончивъ курса по неспособности, не возратятъ этой суммы по недостатку средствъ? Оставлять учениковъ въ одномъ курсѣ допускается не болѣе двухъ лѣтъ, и то только однажды въ теченіи всего срока ученія. Стало бытъ, уволенныхъ за неспособностью, и противъ своей воли будетъ не мало; неужели же съ нихъ будутъ взыскивать сумму за неоконченное ученіе точно такъ, какъ вообще взыскиваются съ крестьянъ недоимки? И почему служить именно 4 года за курсъ 3-хъ-годичный? Другое стѣсненіе касается исповѣданія директоровъ и наставниковъ въ семинаріяхъ; положеніе безусловно требуетъ, чтобы всѣ они были православнаго исповѣданія; для чего нужно это правило,

которое прямо устранить отъ этого дѣла родившихся въ Россіи нѣмцевъ? Сколько намъ извѣстно, это будутъ первыя свѣтскія учрежденія въ Россіи, гдѣ директоръ будетъ обязательно принадлежать къ одному исповѣданію. Еслибы Петръ Великій держался такого принципа, до котораго мы доросли теперь, чрезъ 200 лѣтъ послѣ его рожденія, то вѣроятно образованность у насъ не сдѣлала бы и тѣхъ успѣховъ, какіе мы видимъ. По мнѣнію Петра В., „чужой добрый лучше своего негоднаго“.

Другой фактъ, о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ, фактъ прискорбнаго свойства, это — такъ-называемая „харьковская исторія“. Что изъ-за вздорнаго повода нѣсколько человѣкъ лишились жизни, а нѣсколько десятковъ человѣкъ изранено—это представляетъ само по себѣ плачевное обстоятельство. Но въ немъ обнаруживается еще и заслуживающая строгаго порицанія наклонность нашихъ низшихъ представителей власти: считать себя уполномоченными на всякое насиліе, хотя бы вызванное ихъ же виною, въ силу того преданія, унаслѣдованнаго ими отъ долгаго господства „бюрократической непогрѣшимости“, что всякъ носящій мундиръ есть прежде всего лица карающее и усмиряющее безъ всякой отвѣтственности. Этотъ частный приставъ, даващій толпу, гдѣ были женщины и дѣти, своими пожарными повозками, эти солдаты, стрѣляющіе безъ команды, одинаково олицетворяютъ въ себѣ это давнишнее преданіе, что при малѣйшей возможности представить своихъ противниковъ въ видѣ бунтовщиковъ, а себя въ видѣ возстановителей „порядка“, наши низшіе агенты считаютъ себя уполномоченными на всякое насиліе, на всякій безпорядокъ, полагаясь вполнѣ на безотвѣтственность.

На этотъ разъ они обманулись—и это представляетъ утѣшительную сторону харьковского дѣла. Въ публикѣ при первыхъ извѣстіяхъ о немъ слышалось опасеніе, что высшее управленіе приметъ подѣ за щиту своихъ агентовъ, какъ бы они виновны ни были, и такое опасеніе, надо сказать правду, объяснялось тою долговременною у насъ административною практикою, которая на всякое сопротивленіе, хотя бы незаконному дѣйствію какого-нибудь пожарнаго, смотрѣла какъ на бунтъ противъ государства. Какъ бы ни была велика вина низшихъ агентовъ въ происхожденіи безпорядковъ, достаточно было, чтобы безпорядки произошли, и тотчасъ же къ дѣлу примѣнялись пріемы чрезвычайныя, взгляды „высшаго свойства“, точно какъ въ послѣ-петровскій періодъ, когда кто-нибудь прокричалъ „слово и дѣло“. Но правительство отнеслось къ харьковской исторіи совсѣмъ иначе. Оно взглянуло на нее хладнокровно, и счѣло низвести „безпорядки“ до настоящаго ихъ значенія, увидавъ въ нихъ именно то, что они въ дѣйствительности представляли, то-есть простую драку между полицейскими и толпою, драку, въ которой и по официальному изложенію, напечатанному въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, были виновны оба сто-

роны. Чрезвычайныхъ мѣръ, къ счастью, принято не было, и глупой свалкѣ не было придано характера политическаго, а наоборотъ, объявлено было, что ничего политическаго въ ней не было, не было и агитаторовъ, о которыхъ успѣли сообщить „Московскія Вѣдомости“, вѣрныя своему почетному призванію.

Въ печати, по поводу этого дѣла, было высказано нѣсколько взглядовъ на составъ и положеніе нашей полиціи. Одни находили, что слѣдовало бы позаботиться объ улучшеніи состава полиціи въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, и это совершенно справедливо, такъ какъ извѣстно, что полиція, даже въ Одессѣ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію, а въ нѣкоторыхъ богатыхъ и многолюдныхъ городахъ, какъ, напр., Ростовъ-на-Дону, полиціи почти нѣтъ. Другіе высказывали мысль, что содержаніе, даваемое у насъ полицейскимъ чиновникамъ, такъ недостаточно, что „за эти деньги“ нельзя имѣть лучшихъ людей, и что стало быть надо увеличить содержаніе. Быть можетъ, и это справедливо. Но намъ кажется, что еслибы въ настоящее время стали доказывать наиболѣе безпристрастнымъ жителямъ города Харькова, что городъ долженъ сдѣлать такой опытъ, а именно отпускать на полицію сумму вдвое большую противъ нынѣшней, въ надеждѣ, что та полиція, болѣе дорогая, не станетъ обливать горожанъ водою и топтать ихъ колесницами, то харьковцы на это покачали бы головами.

Вопросъ объ устройствѣ полиціи въ городахъ, какъ намъ кажется, можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно только болѣе общимъ и болѣе сильнымъ приемомъ. Образъ и приемъ эти указаны намъ тѣмъ же Петромъ Великимъ полтора столѣтія тому назадъ: учредивъ коронную полицію для государственной безопасности въ столицахъ, Петръ обыкновенную городскую полицію, наблюдающую за благоустройствомъ города, предоставилъ въ полное распоряженіе городскихъ управленій, магистратовъ. На такую полицію всякій городъ найдетъ достаточно средствъ, потому что она будетъ и по численности и по характеру своему соотвѣтствовать наиболѣе практическимъ нуждамъ города. Такая полиція не будетъ видѣть въ каждомъ будочникѣ начальника всѣхъ прохожихъ не одѣтыхъ въ мундиръ,—начальника, съ другой стороны, занятого, прежде всего, тѣмъ, чтобы отдавать честь всѣмъ проходящимъ въ мундирѣ. Для заботы же о государственной безопасности совершенно достаточно жандармскихъ командъ, и нѣтъ никакой нужды соединять двѣ совершенно различныя заботы въ одномъ полицейскомъ сословіи, и ставить какихъ-нибудь Шмелевыхъ на стражу государственныхъ интересовъ, болѣе прочно оберегаемыхъ у насъ преданностью народа.

НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ВЪ РОССИИ.

САМАРСКАЯ И ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНІИ.

Статистическія таблицы Самарской губерніи. Отдѣлъ I: 1) Составъ народонаселенія по племенамъ. 2) По вѣроисповѣданіямъ. 4) По возрасту. 5) По семейному составу и рабочимъ силамъ. Отдѣлъ II: 4) Скотоводство. 6) Жилища. Изданіе Самарск. губер. Статистическаго Комитета. Шесть выпусковъ. 1869—1871.

Результаты произведенной 3 марта 1867 г. въ городахъ Лифляндской губерніи народной переписи, составленные и изданные съ дозволенія Лифляндскаго Статистическаго Комитета секретаремъ Р. Экгардтомъ. Рига, 1871.

Въ послѣднее десятилѣтіе, одновременно съ внутренними преобразованіями, у насъ оживились статистическія работы, какъ бы въ отвѣтъ на возникающіе отовсюду вопросы пробуждающагося отъ сна государственнаго и народнаго хозяйства. Въ 1861 году были реформированы всѣ старыя статистическія учрежденія, эти своего рода маяки, назначеніе которыхъ слѣдить за всѣми приливами и отливами въ экономіи человѣческой жизни. Результатомъ такого преобразования было появленіе цѣлой массы такъ-называемыхъ памятныхъ книжекъ губерніи; ихъ количество однако мало соотвѣтствовало качеству. Во-первыхъ, такія памятные книги болѣе походили на справочныя книги и набивались въ буквальный смыслъ этого слова всякой всячиной, всѣмъ, что попадало подъ руку изъ мѣстной географіи, топографіи, исторіи, а статистическія цѣли отходили на задній планъ. Во-вторыхъ, и это самое важное, статистическія работы велись по старому способу чрезъ уѣздныя полицейскія управленія, становыхъ приставовъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые не обинуясь поочередно рубрики цифрами произвольными и отвѣчали храбро на всякій вопросъ, какъ тотъ солдатъ, котораго спросили: сколько на небѣ звѣздъ? Когда кто усомнится-моль, могла разсуждать уѣздная полиція, такъ пусть самъ повѣритъ; и еслибы кто сдѣлалъ рубрику съ вопросомъ: сколько воробьевъ въ уѣздѣ,—то, безъ сомнѣнія, и въ этой графѣ обезался бы самый обстоятельный отвѣтъ до десятковъ и единицъ включительно.

Такимъ образомъ, статистическимъ комитетамъ предстояло рѣшить двѣ задачи: очистить свои труды отъ напыляема посторонняго матеріала и отыскать средства къ добыванію подлинныхъ цифръ. Дѣйствуя въ

этомъ новомъ направленіи, Самарскій Статистическій Комитетъ достигъ, по нашему мнѣнію, блестящихъ результатовъ, и своимъ трудомъ доказалъ, что при энергіи и любви къ своему дѣлу въ Россіи возможно вести всякое дѣло не хуже любой европейской страны. Исключить изъ круга своей дѣятельности все постороннее — это довольно легко; но какъ поставить себя въ независимое положеніе отъ всезнанія уѣздной полиціи, станowychъ приставовъ и т. д., какъ, наприм., въ цифрѣ скота уличить фантазію, а иногда и умыселъ сельскихъ старостъ и старшинъ? Какъ при этомъ сдѣлать въ самыхъ краткихъ предѣлахъ одновременную, если невозможно одностороннюю перепись сельскаго населенія губерніи, и притомъ такой губерніи, какова Самарская, напоминающая своимъ племеннымъ разнообразіемъ Ноевъ ковчегъ? Для достиженія этихъ цѣлей необходимо было поставить комитетъ въ возможность провѣрки сообщаемыхъ ему цифръ, а для того необходимо было получить изъ cadaго селенія не итогъ, но опись cadaго двора, cadaго домохозяйства въ отдѣльности. Только въ такомъ случаѣ можно было бы сдѣлать опытъ отдѣльныхъ провѣрокъ на выдержку. Исходя изъ такого рациональнаго положенія, Самарскій Комитетъ составилъ себѣ слѣдующую программу исполненія подворной описи сельскаго населенія своей губерніи:

„1. Подворная опись должна заключать именной списокъ всѣхъ лицъ, проживающихъ въ селеніи, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ сельскому обществу. Относительно крестьянъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу, волостныя правленія должны руководствоваться очередными и семейными списками, въ которые вписывается все наличное населеніе и которые провѣряются передъ каждымъ рекрутскимъ наборомъ. Эти списки должны быть провѣрены, исправлены и дополнены опросами всѣхъ жителей. Показанія въ подворныхъ описяхъ относительно лицъ, проживающихъ въ селеніяхъ, но не принадлежащихъ къ самому обществу, должны быть основаны исключительно на разспросахъ тѣхъ лицъ.

„2. Списокъ лицъ долженъ быть составленъ посемейно съ отмѣкою противъ cadaго лица, въ соотвѣтственныхъ графахъ, возраста, племени, вѣроисповѣданія, званія и степени грамотности.

„3. Противъ cadaго домохозяина должна быть отмѣтка, въ соотвѣтственныхъ графахъ, о числѣ жилыхъ и не-жилыхъ зданій, промышленныхъ заведеній, о числѣ скота (отдѣльно лошадей, рогатаго, овецъ и свиней) и ульевъ.

„4. Противъ лицъ, имѣющихъ какое-либо другое занятіе, кромѣ земледѣлія, должна быть сдѣлана въ соотвѣтственной графѣ особая отмѣтка. Въ той же графѣ должны проставляться отмѣтки и противъ лицъ, владѣющихъ землею на правахъ собственности или снимающихъ оброчные участки, съ обозначеніемъ числа десятинъ земли и съ объясненіемъ какой мѣры десятина, т. е. казенной или хозяйственной.

„5. Перепись должна быть произведена сельскими старостами по возможности одновременно по всей губерніи, въ теченіи марта 1867 года.

„6. Въ теченіи апрѣля волостныя правленія должны провѣрить оставленные въ сельскихъ обществахъ подворныя описи.

„7. Въ маѣ провѣренные подворныя описи должны быть доставлены волостными правленіями прямо въ Комитетъ“.

На основаніи такой программы были изготовлены бланки формъ для подворной описи и разосланы по селеніямъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше: въ концѣ марта 1867-го года начали поступать подворныя описи обратно въ Комитетъ, а къ концу мая были всѣ налицо. Вслѣдъ за тѣмъ помощникъ предсѣдателя Комитета г. Рихтеръ и секретарь г. Анучинъ сдѣлали провѣрку во многихъ селеніяхъ на мѣстѣ и были удивлены точностью показаній, даже и относительно скота, что всегда считалось до сихъ поръ гадательнымъ. Цифра раскольниковъ (весьма деликатная) превысила цифру, добытую полицейскимъ путемъ, почти на 10,000 чел. Только въ отношеніи вопроса о возрастѣ встрѣтились затрудненія, такъ какъ въ деревняхъ каждый опредѣляетъ свой возрастъ на глазъ; но все же Комитетъ нашелъ возможнымъ составить таблицу возраста, если не по-годно, что невозможно, то по 5-ти и 10-ти-лѣтнимъ періодамъ, и сдѣлать такимъ образомъ первый у насъ опытъ возрастныхъ таблицъ на цѣлую губернію.

Недоставлены были свѣдѣнія отъ землевладѣльцевъ, духовенства и всѣхъ, проживающихъ за чертою сельскаго общества, такъ какъ у насъ частныя владѣнія не причисляются къ волостямъ. Не ожидая такихъ свѣдѣній, Комитетъ приступилъ немедленно къ разбору добытаго имъ богатаго матеріала, и кончилъ эту работу къ январю 1869 года.

Для опубликованія всей работы положено было составить слѣдующую программу изъ пяти отдѣловъ: I) Составъ и движеніе народонаселенія; II) Сельско-хозяйственная статистика; III) Финансовая статистика; IV) Статистика народнаго здравія, и V) Статистика народнаго образованія и нравственности.

Въ теченіи трехъ лѣтъ, до настоящей минуты, вышло въ свѣтъ всего шесть выпусковъ; изъ нихъ четыре принадлежатъ къ первому отдѣлу (составъ народонаселенія: 1) по племенамъ; 2) по вѣроисповѣданіямъ; 4) по возрасту, и 5) по семейному составу и рабочимъ силамъ) и остальные два по второму отдѣлу: 4) скотоводство и 6) сельскія жилища. Послѣдніе три отдѣла, и нужно сказать, самые интересные и важные, остаются пока не изданными.

Какъ ни обстоятельно выполнена часть программы, но все же нельзя не выразить сожалѣнія, что недостаточность средствъ Комитета была причиною слишкомъ медленной работы, и можно опасаться, что къ концу выполненія всей программы значеніе цифръ, собранныхъ

съ такимъ тѣснѣемъ и такъ удачно, утратится къ тому отдаленное время.

Познакомимъ теперь читателей съ главнѣйшими выводами работъ Самарскаго Статистическаго Комитета.

Племенной составъ Самарской губерніи весьма разнообразенъ какъ то видно изъ слѣдующихъ цифръ. Изъ общаго итога сельскаго населенія, въ семи уѣздахъ Самарской губерніи, 1,639,670 обоего пола (809,647 м. п. + 830,023 ж. п.), на каждые 10,000 человѣкъ приходится

1. Великоруссовъ	6328 чел.
2. Морды	1080 "
3. Нѣмцевъ	830 "
4. Татаръ	590 "
5. Малоруссовъ	410 "
6. Башкиръ	400 "
7. Чувашъ	250 "
8. Вотляковъ	7 "
9. Эстовъ	4 "
10. Поляковъ	1 "
	<hr/> 10,000 ¹⁾

Населеніе великорусское самое густое въ Бузулукскомъ уѣздѣ (8,380 ч. на 10 т.); нѣмецкое—въ Новоузенскомъ (4,310 ч. на 10 т. при 3,290 великоруссовъ); башкирское—въ Бугульминскомъ (2,290 ч. на 10 т., при 3,120 великорус.); въ этомъ же уѣздѣ и самое густое татарское населеніе (2,170 ч. на 10 т.); мордовское—въ Бугурусланскомъ (2,360 ч. на 10 т. при 5,520 великорус.). Изъ этого видно, что инородцы преобладаютъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ, гдѣ оказывается потому самое слабое населеніе великоруссовъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ преобладаютъ нѣмцы, элементъ великорусскій пополняется значительно элементомъ малорусскимъ (1,930 на 10 т.), такъ что въ 10 т. на 4,310 нѣмцевъ приходится 5,220 вообще русскихъ, и затѣмъ инородцевъ 470 чел.

Вотъ картина, какую представляетъ это же самое населеніе по различію вѣроисповѣданія, а именно, на каждые 10,000 человѣкъ приходится:

1. Православныхъ	7750 чел.
2. Магометанъ	1010 "
3. Евангел.-лютеранъ	550 "
4. Раскольниковъ	390 "
5. Католиковъ	230 "
6. Реформатовъ	40 "
7. Идолопоклонниковъ	20 "
8. Меннонитовъ	7 "
9. Кальвинистовъ	3 "
	<hr/> 10,000

¹⁾ Чтобы получить приблизительную цифру для каждого изъ упомянутыхъ племенъ на всю губернію, нужно помножить каждую сумму на 164.

Выводы изъ сравненія вѣроисповѣдной таблицы съ таблицею племенной не особенно для насъ выгодны; великорусское и малорусское племена, вмѣстѣ взятая, какъ то видно изъ племенной таблицы, составляютъ 6,738 чел. на 10 т., а православныхъ оказывается 7,750; глѣдовательно, изъ инородцевъ обращено съ небольшимъ 1,000 чел.; татаръ же всего 590 ч., а магометанъ 1,014 ч., т.-е. магометанская пропаганда увеличила почти вдвое своихъ послѣдователей изъ тѣхъ же инородцевъ. Съ другой стороны, процентъ „идолопоклонниковъ“ для европейской губерніи въ XIX-мъ вѣкѣ можно назвать огромнымъ: 20 идолопоклонниковъ живутъ бокъ-о-бокъ съ 7,750 православными, и остаются идолопоклонниками, между тѣмъ какъ мы устраиваемъ отдаленныя миссіи на крайній Востокъ.

Возрастные таблицы сельскаго населенія Самарской губерніи замѣчательны, какъ первый опытъ исчисленія у насъ сельскаго населенія на основаніи возраста, который въ деревняхъ наблюдается съ чрезвычайнымъ трудомъ. Между тѣмъ, цифры передвиженія народонаселенія по возрастамъ и ихъ процентное отношеніе служатъ мѣрикомъ для обсужденія вопроса: правильно ли развивается народонаселеніе и не слишкомъ ли много гибнетъ въ младшемъ возрастѣ?

Въ Самарской губерніи сельское населеніе распределяется по возрастамъ обоихъ половъ такъ, что на каждые 10,000 населенія того и другого пола приходится:

	м. п.	ж. п.	жен.
Отъ 1 до 5 лѣтъ	1773	1762	— 11
» 6 » 10 »	1299	1277	— 22
» 11 » 15 »	1190	1123	— 67
» 16 » 20 »	1066	1034	— 32
» 21 » 30 »	1572	1718	+146
» 31 » 40 »	1189	1262	+ 73
» 41 » 50 »	933	933	0
» 51 » 60 »	570	546	— 24
» 61 » 70 »	296	254	— 42
» 71 » 80 »	85	69	— 16
» 81 » 90 »	17	15	— 2
» 91 » 100 »	4	3	— 1
Всѣхъ 100 лѣтъ	6	4	— 2
	10,000	10,000	

Принимая въ соображеніе общій законъ о рождающихся обоого пола, въ силу котораго мужескій полъ всегда имѣетъ нѣкоторый перевѣсъ надъ женскими рожденіями, мы видимъ, что въ сельскомъ населеніи Самарской губерніи въ 5-ти-лѣтнему возрасту погибаетъ незначительный процентъ женскихъ рожденій, такъ что на каждые 10,000 число дѣвочекъ на 11 ниже числа мальчиковъ. Но убыль женскаго пола возвышается въ каждое слѣдующее пятилѣтіе до 20-ти-лѣтняго возраста, какъ бы предвидя рѣзкій переворотъ въ отношеніи половъ,

между 21 и 30-ти-лѣтними, когда на каждые 10,000 женское населеніе перевѣшиваетъ мужское на 146, вслѣдствіе, конечно, рекрутскаго набора и удаленія молодыхъ людей на промыслы; но къ 50 годамъ оба пола достигаютъ равновѣсія. Начиная съ пятидесятилѣтняго возраста мужское поколѣніе становится болѣе долговѣчнымъ.

Чтобы понять значеніе цифръ возрастной таблицы сельскаго населенія Самарской губерніи, сравнимъ главнѣйшіе его пункты съ такими же таблицами нѣкоторыхъ западныхъ государствъ: въ Самарск. губ. при 1773 дѣтей м. п. до 5-ти лѣтъ отъ роду живетъ 1189 чел. отъ 31 до 40 лѣтъ отъ роду, т.-е. *меньше* на 584 человѣка; въ Пруссіи при 1510 дѣтяхъ т. ж. возраста,—1445 чел. т. ж. возраста, т.-е. *меньше* на 65 человѣкъ; въ Англіи, при 1306 дѣт.—1308, т.-е. *больше* на 2 человѣка; въ С.-Америк. Штатахъ,—при 1482 ч.,—1237, т.-е. *меньше* на 245 человѣкъ. Если же сравнить Самарскую губернію съ среднимъ отношеніемъ возрастовъ всей Россіи, то получится также невыгодный для нея результатъ: по среднему отношенію возрастовъ въ Россіи на каждые 10,000 приходится 308 дѣтей до 5-лѣтняго возраста и 132 ч. отъ 31 до 40 лѣтъ, т.-е. послѣднихъ меньше на 176 человѣкъ. Итакъ, Самарская губернія, превосходя средній выводъ пропорціональнаго отношенія дѣтей до 5-лѣтняго возраста для всей Россіи, спускается гораздо ниже такого же вывода пропорціональнаго отношенія мужчинъ отъ 31 до 40-лѣтняго возраста.

Ненормальное распредѣленіе населенія по возрастамъ отражается весьма вредно на численности рабочихъ силъ въ странѣ, и это какъ нельзя болѣе ясно видно на сельскомъ населеніи Самарской губерніи. Изъ таблицъ семейнаго состава и рабочихъ силъ видно, что въ Самарской губерніи, на каждые 10,000 человѣкъ приходится всего работниковъ, т.-е. людей отъ 18-ти до 60-ти лѣтъ, всего 4832 чел. м. п., т.-е. изъ общаго числа мужскаго населенія 812,624 ч.—рабочихъ силъ только 392,275 человѣкъ.

Имѣя въ виду такіе результаты отъ рабочей статистики населенія, мы не можемъ ожидать много хорошаго во второмъ отдѣлѣ, въ сельскохозяйственной статистикѣ Самарской губерніи. Комитетъ, какъ мы видѣли, издалъ до сихъ поръ таблицы только по двумъ пунктамъ: жилищамъ и скотоводству.

Конечно, цифра жилыхъ домовъ говоритъ не много, когда дѣло идетъ о томъ, что у насъ называется избыю, которая такъ часто бываетъ на курьихъ ножкахъ и еле-еле держится, но все же въ Самарской губерніи насъ поражаетъ весьма еще выгодное отношеніе деревянныхъ сельскихъ домовъ къ каменнымъ и глинянымъ, а именно, деревянныхъ домовъ около 262,000, а каменныхъ и глиняныхъ почти 20,000. Это обстоятельство объясняется очень просто: въ одномъ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ каменныхъ и глиняныхъ домовъ

около 19,500, и во всѣхъ остальныхъ съ небольшимъ 300; а тѣ два уѣзда сплошь заселены нѣмцами, какъ то видно изъ названій ихъ поселеній; Шафгаузенъ, Гларусъ, Базель, Цюрихъ, Золотурнъ, Цугъ, Люцернъ, Унтервальденъ (думаешь быть въ Швейцаріи, а это—Панинскій округъ Николаевскаго уѣзда), или: Нейбауеръ, Мариенбергъ, Эренфельдъ, Лангенфельдъ, Экегеймъ, Катариненталь и т. д. въ Ерусалимскомъ округѣ Новоузенскаго уѣзда.

Отношенія общаго числа жителей къ общему итогу жилыхъ зданій таково: 1,645,771 человекъ, составляющихъ 257,336 семей, живутъ въ 273.793 домахъ, такъ что на каждое жилье приходится среднимъ числомъ 6 человекъ. При ближайшемъ же процентномъ вычисленіи отношенія жилья къ общему числу семействъ оказывается, что на 10,000 домовъ приходится:

1. Вовсе не имѣющихъ домовъ . . .	640 семействъ.
2. Имѣющихъ по 1 дому	8,200 »
3. » » 2 »	1,070 »
4. » » 3 » и болѣе	90 »

10,000

Замѣчательно при этомъ, что высшій процентъ неимѣющихъ вовсе домовъ представляютъ Николаевскій и Новоузенскій уѣзды (820 и 1,060 сем. на 10,000)—очевидный знакъ преобладанія элемента арендаторовъ и батраковъ.

Состояніе скотоводства выражается въ Самарской губерніи слѣдующими цифрами, а именно, почти на 1 м. 650 т. населенія приходится:

1. Лошадей	809 тыс.
2. Коровъ	628 »
3. Овецъ	1,886 »
4. Свиней	171 »

Такимъ образомъ, на 10 человекъ приходится 3 лошади, 4 коровы, нѣсколько менѣе 6-ти свиней, и немного болѣе 10-ти овецъ.

Такое отношеніе почти равняется средней цифрѣ для западной Европы, гдѣ на 10 человекъ приходится 3 коровы, 1½ свиньи и 7 овецъ. Только въ Соединенныхъ-Штатахъ считаютъ на 10 человекъ 7½ коровъ, почти 10 свиней и 9½ овецъ. Отношеніе лошадей къ населенію въ Самарской губерніи стоитъ весьма низко по сравненію съ среднимъ выводомъ для всей Россіи, гдѣ приходится почти на 4 человека 1 лошадь; но оно выгоднѣе многихъ странъ западной Европы, гдѣ, напр., въ Австріи считаютъ 1 лошадь на 12 человекъ; почти такое же отношеніе во Франціи; въ Англіи 1 лошадь на 11 человекъ, а въ Германіи на 21 человекъ 1 лошадь.

Самарскому Статистическому Комитету осталось еще много работы, и самой важной; но и въ томъ, что имъ сдѣлано, обращаетъ на

себя вниманіе не количество, а качество работы: не многіе могутъ въ такой степени ручаться за реальность добытыхъ цифръ, какъ то имѣетъ право сдѣлать Самарскій Комитетъ. Говоря вообще о статистическихъ комитетахъ, нельзя также не пожелать имъ полной самостоятельности и независимости въ изданіи своихъ работъ: такія учрежденія по нашему мнѣнію, заслуживаютъ одинаковыхъ правъ съ учеными обществами и учреждениями, которыя пользуются правомъ безцензурнаго изданія, между тѣмъ на изданіи работъ Самарскаго Статистическаго Комитета мы читаемъ: „Печатано съ разрѣшенія Самарскаго губернатора“. Какое можетъ это имѣть значеніе въ статистической работѣ? Цифры бываютъ вѣрны или невѣрны; проверить ихъ губернатору невозможно, слѣдов. онъ рискуетъ разрѣшить невѣрныя цифры. Но, это правда, цифры могутъ быть пріятны или непріятны для мѣстной администраціи, и тогда цензура губернатора можетъ быть только невыгодна для высшей администраціи; вотъ почему мы и думаемъ, что даже съ точки зрѣнія выгодъ высшей администраціи статистическіе комитеты должны пользоваться совершенною независимостью на мѣстѣ своего дѣйствія.

Перейдемъ теперь отъ восточной окраины европейской Россіи къ одной изъ ея западныхъ окраинъ, — отъ Самарской къ Лифляндской губерніи. Почти одновременно съ Самарскимъ Статистическимъ Комитетомъ, а именно 3-го марта 1867 г., Лифляндскій Статистическій Комитетъ произвелъ народную перепись въ 10-ти городахъ своей губерніи, а въ концѣ прошедшаго года, „съ согласія Лифляндскаго Статистическаго Комитета“, были изданы въ свѣтъ результаты этой переписи. Задача Лифляндскаго Комитета, ограничившаяся городскимъ населеніемъ, конечно легче задачи Самарскаго Комитета, но независимо отъ того нельзя не признать работу Лифляндскаго Комитета образцовою по обстоятельности и по подробности наблюденія. Количество городского населенія въ Лифляндіи исчислено по семейному составу, по полу, національностямъ, по роду занятій, по возрасту и по вѣроисповѣданіямъ; притомъ, всѣ эти исчисления сдѣланы подробно для каждаго города въ отдѣльности и по губерніи. Мы могли бы указать только на одинъ недостатокъ, а именно, недостаетъ процентныхъ вычисленій, по крайней мѣрѣ, для общихъ перечней.

Вотъ главные результаты народной переписи, говорящіе намъ о силѣ городского населенія Лифляндіи и о качествѣ и характерѣ этой силы.

Общее населеніе 10-ти городовъ Лифляндіи — 148,743 обою пола (на г. Ригу изъ этого количества приходится 102,590 об. пол.); въ этой цифрѣ: 73,973 муж. п., и 74,770 жен. п.; 139,756 лицъ гражданскаго званія, и 8,987 лицъ военнаго званія (въ гражданскомъ званіи

6,776 муж. пол. и 72,980 жен. пол.; въ военномъ званіи: 7,197 муж. пол. и 1,790 жен. пол.).

По семейному состоянію, города Лифляндіи представляютъ слѣдующую картину: 1) холостыхъ обоого пола 88,124 (изъ нихъ—47,032 муж. пола, и 41,092 жен. пол.); 2) женатыхъ и замужнихъ 47,995 (изъ нихъ—25,128 муж. п., и 22,867 жен. пол.); 3) вдовыхъ 12,179 (1,673 муж. пол., и 10,506 (sic!) жен. пол.); 4) разведенныхъ 445 (140 муж. пол., и 305 жен. пол.). Итакъ, значительный перевѣсъ жениховъ сравнительно съ невѣстами, и женатыхъ—съ замужними; перевѣсъ же вдовъ сравнительно съ вдовцами и разведенныхъ женъ сравнительно съ разведенными мужьями огроменъ.

Особенно любопытна та же картина по національностямъ: 1) нѣмцевъ 63,297 (30,210 муж. пол., и 33,087 жен. п.); 2) русскихъ 30,067 (17,007 муж. п. и только 13,059 жен. п.); 3) латышей 28,831 (14,281 муж. пол., и 14,550 жен. пол.); 4) эстовъ 17,986 ¹⁾ (изъ нихъ 7,798 муж. пол., и 10,188 жен. пол.); 5) евреевъ 5,858 (3,105 муж. пол., и 2,753 жен. пол.); 6) разныхъ націй 2,705 (1,572 муж. п., и 1,133 жен. п.). Итакъ, въ городахъ Лифляндіи на 63 тысячи нѣмцевъ живетъ 85 тысячъ не-нѣмецкаго населенія, изъ котораго почти половину составляетъ русское населеніе, съ весьма невыгоднымъ впрочемъ отношеніемъ мужского пола къ женскому.

Самую интересную картину населенія составляетъ выраженіе его внутреннихъ отношеній по профессіямъ и занятіямъ; въ то же время и собраніе данныхъ для такой картины самое трудное. Роспись, составленная Лифляндскимъ Комитетомъ, по нашему мнѣнію, можетъ считаться образцовою, по тѣмъ подробностямъ, съ которыми указаны самыя мелкія профессіи, и все это вмѣстѣ расположено ясно по группамъ. Оказывается, что изъ общей цифры населенія городовъ Лифляндіи (почти 149 тысячъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ) считается рабочихъ силъ въ дѣйстви всякаго рода 79 тысячъ слишкомъ (52 тысячъ муж. пол., и 27 тыс. жен. пол.),—пропорція очевидно выгодная, а количество — вообще говорящее въ пользу богатства силъ интеллектуальныхъ и промышленныхъ. Вотъ общія рубрики:

	мужск. пола.	женск. пола.
1. Полевое лѣсное хозяйство съ садоводствомъ	1,867	89
2. Рыболовство.	188	7
3. Промыслы:		
а. Фабричное дѣло	823	1,106
б. Стропильное искусство.	3,096	7
в. Домашнее хозяйство	4,514	46

¹⁾ Изъ нихъ въ одной Ригѣ 17,114 обоого пол.

d. Промыслы для продовол. . .	1,599	45
e. " " одежды . . .	4,231	897
f. Разные промыслы (красиль- щики, переплетчики, кожев- ники, баньщики, трубочни- сты и проч.	1,265	26
4. Техническ. и машинное дѣло . . .	342	—
5. Торговля	5,190	655
6. Извозъ и почта	861	6
7. Морское и рѣчное судоходство . . .	419	—
8. Гостиницы и трактиры	452	76
9. Личная служба	13,409	15,196
10. Общественное здравіе	401	215
11. Воспитаніе и преподаваніе	449	629
12. Искусство, литература и печать . .	1,031	43
13. Церковь	270	6
14. Администрація и юстиція	1,529	1
15. Военные	6,497	—
16. Безъ постоянныхъ занятій (нахлѣб- ники, Rentiers, заключенные и проч.)	2,750	4,259
17. Необъясненныя занятія	943	3,960
	<hr/> 52,068	<hr/> 27,419
		79,487

Всматриваясь въ эту таблицу мы видимъ, что на первомъ планѣ стоитъ личная служба, гдѣ преобладаетъ притомъ женскій элементъ; затѣмъ слѣдуетъ военная служба; послѣ того наибольшее число рукъ занято торговлею, издѣліями домашнего хозяйства и пригото-вленіемъ одежды. Женскій трудъ, кромѣ личной службы, преобла-даетъ въ воспитаніи и преподаваніи и въ фабричномъ дѣлѣ.

Въ отдѣлѣ занятій мы встрѣчаемъ также рубрику подъ заглавіемъ: Pseudogewerbe (мнимые промыслы), куда отнесены содержатели пу-бличныхъ домовъ и проститутки: общее ихъ число для всей Лифляндіи 2 муж. пол. и 160 жен. пол.; изъ нихъ приходится на одну Ригу 2 муж. пол. и 137 жен. пол.

Въ заключеніе, приведемъ картину населенія Лифляндіи по воз-растамъ, а именно по пятилѣтнему періоду жизни:

	мужск. пол.	женск. пол.
Отъ 0—5 лѣтъ	9,180	9,163
" 5—10 "	6,295	6,449
" 10—15 "	6,756	6,100
" 15—20 "	6,870	6,841
" 20—25 "	7,354	6,466
" 25—30 "	7,599	7,178
" 30—35 "	6,499	5,561

„ 35—40	„	6,215	6,341
„ 40—45	„	4,570	4,368
„ 45—50	„	4,177	4,540
„ 50—55	„	2,627	3,081
„ 55—60	„	2,255	3,087
„ 60—65	„	1,358	1,926
„ 65—70	„	1,082	1,906
„ 70—75	„	489	860
„ 75—80	„	315	617
„ 80—85	„	92	199
„ 85—90	„	58	129
„ 90—95	„	8	22
„ 95—100	„	7	13
Свыше 100 лѣтъ	„	—	3
		<u>73,978</u>	<u>74,770</u>
		148,748	

Изъ этой таблицы видно, что въ первыя 10 лѣтъ число дѣвочекъ рождающихся и выросшихъ имѣетъ перевѣсъ; но отъ 10 до 15-ти лѣтъ дѣвицы умираетъ гораздо больше, а отъ 15 до 20-ти лѣтъ смертность преслѣдуетъ болѣе молодыхъ людей, такъ что къ 20-ти годамъ мужское и женское населеніе совершенно сравнивается. Отъ 20 до 35-ти лѣтъ преобладаетъ мужской полъ; но съ 35-ти лѣтъ женскій полъ получаетъ все болѣе и болѣе перевѣса, и къ 75-ти годамъ превышаетъ мужской полъ вдвое, а позже — даже и втрое.

М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Возстаніе карлистовъ въ Испаніи. — Маршалъ Серрано и новый кабинетъ. — Прежніе дон-Карлосы и нынѣшній дон-Карлосъ. — Герцогъ Омальскій. — Герцогъ Одиффрѣ-Пакѣ и военное хозяйство второй имперіи. — Руэ и Гамбетта. — Судъ надъ генералами. — Князь Бисмаркъ. — Элебемское дѣло. — Банкетъ англійскаго литературнаго фонда. — Національная агитація нѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи. — Проектъ реформы уложенія швейцарскаго союза.

Послѣ тридцатилѣтнихъ замѣшательствъ, всяческихъ безпорядковъ и неустройства, поддерживаемыхъ и постоянно вызываемыхъ вновь господствомъ безнравственной системы ханжества, эксплуатирующаго невѣжество, подкупа и насилія, извращающихъ либеральныя учрежденія, фаворитизма, развѣдающаго все управленіе, Испанія, наконецъ, казалось, могла вздохнуть свободно. Неисправимая династія была изгнана; блестящій интригантъ Примъ палъ подъ пулями убійцъ; остальные временщики, Серрано и Топете, должны были ступеваться, уступивъ мѣсто свѣжему, молодому человѣку, призванному избраніемъ народнаго собранія, члену честнаго и либеральнаго царственнаго дома. Дон-Амедей Савойскій явился въ Испанію съ наилучшими намѣреніями, свободный отъ солидарности со взаимно враждебными элементами, порожденными долговременной внутренней борьбой. Казалось, теперь могъ и долженъ былъ, наконецъ, установиться порядокъ въ этой богатой всѣми благами природы, но тѣмъ не менѣе несчастной странѣ.

И что же мы видимъ: всего полтора года, какъ царствуетъ король Амедей, и вотъ въ Испаніи опять междоусобіе, и ежемѣсячныя министерскіе кризисы приводятъ снова къ такому положенію, что власть фактически переходитъ, какъ прежде въ руки временщиковъ, Серрано и Топете. Расколъ въ прогрессистской партіи, вызванный интригами Сагасты, и новое возстаніе карлистовъ приводятъ къ неизбѣжному результату: образуется новое министерство, во главѣ котораго становится

подъ де-ла-Торре по имени своему—генераль Серрано-Домингесъ coronel bonito—„хорошенькій полковникъ“ время Изабеллы. Давно же въ Испаніи не было такого великолѣпнаго урожая, какъ предвидѣтся нынѣшнимъ лѣтомъ; давно уже не было въ ней правителя, который бы пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ дон-Амедей, и когда, можно навѣрное сказать, большинство народа такъ сильно желало отдохнуть отъ волненій, приняться за серьезную работу, какъ теперь. А между тѣмъ въ Наваррѣ и Бискай происходятъ кровопролитныя схватки, и между народомъ и королемъ становится приключеніе зловреднаго прошлаго, Серрано, бывшій регентъ,—Серрано уже не простой президентъ министерства, каковымъ онъ былъ при началѣ арствованія Амедея, но какъ бы спаситель короны, человѣкъ фактически не менѣе вліятельный, чѣмъ самъ король.

Происхожденіе раскола въ большой партіи прогрессистовъ и союзаніе партій въ Испаніи вообще были изложены въ особой статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы“. Тамъ говорилось, что авторъ этого раскола, Сагаста, увлекаетъ короля на опасный путь, стараясь убѣдить его, что всѣ противники Сагасты — враги династій, и дѣйствуя на выборахъ въ этомъ пменно смыслѣ, то-есть обращая самымъ неопозволительнымъ образомъ всѣ средства государственной власти на достиженіе такого результата, который былъ бы благопріятенъ данному кабинету, данной партіи. Выставивъ принципъ, что оппозиція противъ того кабинета есть оппозиція противъ самого короля, пустивъ въ ходъ и подкупъ, и фальсификацію избирательныхъ списковъ, Сагаста произвелъ этимъ коалицію противъ себя и карлистовъ, и радикаловъ и республиканцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ партій, кромѣ сагастинскихъ прогрессистовъ, слабыхъ силами, и уніонистовъ (консерваторовъ), съ которыми онъ заключалъ союзъ, и которые рано или поздно, должны были, очевидно, столкнуть его, потому что они гораздо его сильнѣе.

Избирательныя дѣйствія Сагасты сдѣлали его крайне непопулярнымъ въ странѣ. Однако народъ до такой степени желалъ спокойствія, что когда вопросъ былъ поставленъ между сохраненіемъ кабинета Сагасты или низверженіемъ самого короля, избраніемъ кандидатовъ коалиціи, то народъ предпочелъ послѣднему исходу даже сохранить самого Сагасту. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что выборы дали ему и уніонистамъ такое большинство, котораго правительство никогда не могло получить въ виду коалиціи всѣхъ прочихъ партій,—значительное большинство не только въ селахъ, гдѣ многого можно было достигнуть средствами искусственными, но и во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ ни подкупомъ, ни устрашеніемъ не возможно добыть въ самомъ дѣлѣ замѣтнаго результата.

Такой исходъ показывалъ, какъ сильно въ странѣ желаніе спо-

койствія, и свидѣтельствовали о здоровомъ смыслѣ въ большинствѣ городского сословія. Одинъ Мадридъ составилъ исключеніе; онъ былъ слишкомъ озлобленъ противъ Сагасты и рѣшился избрать кандидатовъ хотя бы анти-династическихъ, лишь бы только нанести пораженіе ненавистному Сагастѣ. Но партіи не высказали столько патріотизма, сколько народъ. Пораженные на выборахъ, онѣ не хотѣли подчиниться своему положенію, а стали посягать на самую сущность конституціонной жизни, отрицая законность выборовъ, отказываясь принять участіе въ правильной парламентской дѣятельности, угрожая выйти изъ кортесовъ и искать удовлетворенія инымъ путемъ, такъ какъ путь законный былъ сдѣланъ непроходимымъ обманными дѣйствіями Сагасты. При этомъ партіи, враждебныя ему, сочли нужнымъ учредить каждая въ себѣ диктатуру, какъ бы готовясь къ борьбѣ уже не парламентскаго свойства. Карлистская партія предоставила диктатуру своему вождю Кандидо Носедалю, и Носедалъ, тотчасъ послѣ открытія кортесовъ, рѣшилъ, что карлистскіе депутаты должны удалиться изъ кортесовъ. Они и удалились, такъ какъ для нихъ уже „пробилъ часъ“ иной борьбы, борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. Республиканская партія избрала диктаторомъ своимъ Пи-и-Маргалля, предоставивъ ему опредѣлить моментъ, когда республиканцы должны будутъ оставить кортесы. Затѣмъ республиканцы издали манифестъ, въ которомъ отрекаются отъ участія въ карлистскомъ возстаніи, объявляя, что съ карлистами они не хотятъ имѣть ничего общаго, но въ то же время возвѣщаютъ, что они не станутъ поддерживать и Амедея, а напротивъ, будутъ ожидать удобной минуты, чтобы выѣшаться въ борьбу монархическихъ партій и „окончить дѣло революціи 1868 г.“ Манифестъ этотъ подписали Пи-и-Маргалля, Кастеларъ, Фигерасъ и др. И такъ, республиканцы не применили къ карлистскому возстанію, чего правительство наиболѣе опасалось. Говорятъ, что противъ возстанія высказался особенно Кастеларъ. Но утѣшительнаго въ этомъ мало, такъ какъ они всетаки объявляютъ возможнымъ современно прибѣгнуть къ силѣ. Въ свою очередь и радикалы избрали диктаторомъ Руиса Сориалью. Радикалы, то есть прогрессисты и демократы, признающіе Амедея, и враждующіе собственно противъ уніонистовъ и отщепенцовъ изъ своей собственной среды—сагастинцевъ, также угрожаютъ выйти изъ кортесовъ. Если такимъ образомъ вся оппозиція оставить законодательное собраніе, то значить она провозгласитъ невозможность уживаться съ нынѣшнимъ порядкомъ и намѣреніе искать исхода такъ или иначе, но уже не конституціоннымъ путемъ. Вотъ куда привелъ короля Амедея Сагаста, и привелъ въ такое положеніе, поколебавъ королевскій авторитетъ для поддержанія самого себя, онъ и самъ удержаться не могъ. Когда онъ потребовалъ перенесенія кредита на секретные расколы въ 700 т. песетовъ (франковъ) изъ сѣбѣ

министерства колоній въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, то съ печати уличили Сагасту, что онъ равную этой сумму издержалъ въ кредитовъ министерства колоній на „неизвѣстное назначеніе“, то-сть на подкупы во время выборовъ. А такъ какъ сагастинцевъ въ юнцѣ концовъ въ палатѣ гораздо меньше, чѣмъ союзниковъ ихъ уніонистовъ (консерваторовъ), то достаточно было этого скандала для паденія Сагасты и для замѣны его кабинета министерствомъ уніонистскимъ, во главѣ котораго находится Серрано. Этотъ новый кабинетъ образовался 26 мая (н. с.). Серрано въ немъ — президентъ совѣта и военный министръ, Топете — морской министръ и временно заступаетъ мѣсто Серрано, который умиряетъ карлистовъ; Ульоа — министръ иностранныхъ дѣлъ, Балагеръ — публичныхъ работъ, Аяла — колоній, Кандау — внутреннихъ дѣлъ, и т. д. Изъ новыхъ министровъ только двое — Балагеръ и Кандау — сагастинцы; но Сагасты самого нѣтъ. Всѣ же остальные — уніонисты, то есть консерваторы, которые не прочь въ уступокъ настоящимъ клерикаламъ.

Но хуже всего то, что власть такимъ образомъ переходитъ въ руки Серрано, человѣка прошлаго царствованія, фаворита Изабеллы, героя междоусобныхъ войнъ, и нынѣ какъ бы охранителя престола короля Амедея. Этотъ человѣкъ будетъ теперь пользоваться тѣмъ вліяніемъ, какое принадлежитъ „побѣдоноснымъ генераламъ“ въ эпоху междоусобныхъ войнъ.

Побѣдоносный генералъ Серрано.... „Еслибы побѣдоносными называли только такихъ генераловъ, которые поражали враговъ отечества“, говоритъ корреспондентъ „Temps“, то маршалъ Серрано не имѣлъ бы права на такое названіе уже потому, что онъ никогда не дрался противъ внѣшнихъ враговъ. Къ нему можно бы въ этомъ смыслѣ пригнѣнить испанскую пѣсню:

Ilustre general jamas vencido,

Porque nunca se ha battido.

Но Серрано *se ha battido* не одинъ разъ, противъ своихъ согражданъ. Чинъ полковника онъ заслужилъ именно въ войнѣ съ карлистами до 1840-го года, и съ тѣхъ поръ отличія его были такого рода, что, уже будучи и генераломъ, онъ въ народѣ все прозывался „хорошенькій полковникъ“. Серрано теперь глава уніонистовъ, и это слово будетъ означать консерваторовъ, хотя первоначально оно означало Union liberal, то-есть возстаніе Леопольда О'Доннелля противъ министерства Сарториуса въ 1854-мъ году. Серрано въ то время присталъ къ О'Доннеллю, и вмѣстѣ съ нимъ сражался въ 1854-мъ году за „свободу“ противъ ретрограднаго кабинета, а въ 1856-мъ году, то-есть когда власть уже перешла въ руки О'Доннелля, вмѣстѣ съ нимъ дрался противъ кортесовъ и національной гвардіи. Отправляемый въ

ссылку въ 1868-мъ году, виѣстъ съ другими генералами, навлекшими на себя подозрѣніе двора, въ томъ числѣ и съ Топете, Серрано воспользовался возстаніемъ нѣсколькихъ полковъ, которое было подготовлено Примомъ, и ранѣе, чѣмъ Примъ успѣлъ прибыть въ Испанію, разбилъ, при Альколеѣ, армию Изабеллы, вслѣдствіе чего сталъ въ правительствѣ, созданномъ революціею, регентомъ, между тѣмъ какъ Примъ былъ только военнымъ министромъ, хотя вслѣдствіи своей популярности и талантовъ, Примъ все-таки имѣлъ болѣе значенія, чѣмъ Серрано. Послѣ смерти Прима, когда король Амедей пріѣхалъ въ Испанію, Серрано былъ главою перваго его министерства. Остается только пожелать для блага Испаніи, чтобы, ставъ теперь снова министромъ-президентомъ, этотъ человѣкъ по усмиреніи возстанія карлистовъ не сдѣлался такимъ же диктаторомъ при новомъ королѣ, какимы при Изабеллѣ были поочередно Нарваэсъ и О'Доннелль.

Обратимся теперь къ возстанію карлистовъ и къ самому дон-Карлосу. Чтѣ такое карлисты и чтѣ такое дон-Карлосъ. Европа уже почти сорокъ лѣтъ слышитъ эти имена. Карлисты и теперь тоже, чтѣ были: это испанскіе легитимисты, фанатики династическіе и релігіозные, клерикалы и реакціонеры. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ Наваррѣ и Бискаѣ, господство этой партіи наслѣдственно. Эти провинціи — испанская Вандея, и многочисленныя, иногда жестокая усмирения, не только не уменьшили тамъ карлистскаго фанатизма, но напротивъ укрѣпили его на долгое время, создавъ почти въ каждомъ семействѣ какую-нибудь свою легенду, говорящую о подвигахъ, казни и мести.

Семейство испанскихъ Бурбоновъ, со своимъ дворомъ, проживая нѣсколько десятковъ лѣтъ то въ Англіи, то въ Италіи, то въ Швейцаріи, представляетъ группу вѣчныхъ, неутомимыхъ заговорщиковъ, которые эксплуатируютъ неразумныя, но безкорыстныя чувства горцовъ испанскаго сѣвера. Карлисты все тѣже, даже главный вождь ихъ все еще тотъ же — старикъ Рамонъ Кабрера, котораго все еще ждутъ на сѣверѣ Испаніи, хотя онъ на этотъ разъ и не явился.

Но самъ дон-Карлосъ уже не тотъ, чьиими мало-похвальными подвигами интересовалось предшествующее намъ поколѣніе. Нынѣшній дон-Карлосъ — внукъ того, перваго дон-Карлоса, которому теперь, еслибы онъ дожилъ до нашихъ дней, было бы 84 года. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія карлистовъ и ихъ претендентовъ. Фердинандъ VII, отмѣнивъ въ Испаніи салическій законъ въ пользу своей дочери Изабеллы и въ ущербъ своему брату Карлу, умеръ въ 1832-мъ году. Воцарилась малолѣтняя Изабелла, то-есть, въ дѣйствительности, ея мать Христина. Дон-Карлосъ самъ сперва бѣжалъ изъ Испаніи, но когда знаменитый карлистскій генералъ Сумалакареги одержалъ нѣсколько побѣдъ, тогда дон-Карлосъ возвратился и жилъ въ Бискаѣ.

издалеку отъ французской границы. Когда Сумалаварегі были убиты, главнымъ вождемъ сдѣлался Кабрера, который систематически разстрѣливалъ всѣхъ плѣнныхъ и продолжалъ борьбу до 1840 года. Наконецъ, Эспартеро подавилъ возстаніе. Дон-Карлосъ бѣжалъ гораздо дальше. Въ 1845 году, карлисты сдѣлали новую попытку возстанія, послѣ которой дон-Карлосъ *первый* „отрекся отъ престола“ въ пользу своего сына, дон-Карлоса *второго*, извѣстнаго подъ именемъ графа Монтемолина. Кабрера въ 1846-мъ году сдѣлалъ новую мятежную попытку, и борьба продолжалась нѣсколько мѣсяцовъ. Въ 1849-мъ году, самъ графъ Монтемолинъ пробрался было въ Испанію, но былъ схваченъ вскорѣ французскими властями на границѣ. Въ 1860-мъ году, графъ Монтемолинъ, съ младшимъ братомъ своимъ Фернандомъ, сдѣлалъ высадку на восточный берегъ Испаніи, съ Балеарскихъ острововъ, при помощи генерала Ортеги, тамошняго губернатора. Но онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ братомъ; Ортега былъ разстрѣлянъ, а дон-Карлосъ и дон-Фернандъ получили свободу, только давъ обязательство, что откажутся отъ всѣхъ своихъ притязаній.

Тѣмъ самымъ легитимность окончательно уничтожалась. Но дон-Карлосъ второй или графъ Монтемолинъ, когда уѣхалъ за границу, тотчасъ объявилъ, что вынужденное его отреченіе недѣйствительно. Въ 1861-мъ году, онъ и дон-Фернандъ оба умерли, и минимы „права“ ихъ перешли къ другому брату графа Монтемолина, дон-Хуану. Дон-Хуанъ издалъ манифестовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ претендентовъ, но за оружіе не брался, и „права“ свои впослѣдствіи уступилъ своему сыну, который называется Карломъ, какъ его дядя и дѣдъ. Это и есть нынѣшній дон-Карлосъ *третій*, носящій титулъ герцога мадридскаго. Онъ родился въ 1848-мъ году. Графъ Монтемолинъ считался королемъ Карломъ VI-мъ. Дон-Карлосъ нынѣшній, третій *претендентъ* этого имени, называется король Карлъ VII.

Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ, въ которое Сагаста поставилъ съ одной стороны короля Амедея, а съ другой—оппозицію, карлистскій дворъ рѣшился сдѣлать новую попытку. Въ концѣ апрѣля начался мятежъ, какъ только Кандидо Носедалъ подалъ ему знакъ, удаляясь изъ собранія со своими приверженцами. Носедалъ самъ былъ такъ догадливъ, что, выйдя изъ собранія, тотчасъ оставилъ Испанію. Но другіе депутаты-карлисты не были такъ догадливы, и какъ только начался мятежъ, ихъ тотчасъ арестовали по подозрѣнію въ измѣнѣ, не ожидая и обычнаго разрѣшенія палаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ они объявили, что не будутъ участвовать въ дѣятельности собранія, то они уже не депутаты. Возстаніе вспыхнуло одновременно на всемъ сѣверѣ Испаніи: въ Бискаѣ и Наваррѣ его главныя силы, по шайки инсургентовъ появились сперва въ Кастильяхъ, и въ Леонѣ, и въ Аррагонѣ, и даже въ Каталоніи. Въ прежнія времена карлисты

обыкновенно сосредоточивали свои силы въ нѣсколькихъ пунктахъ, чтобы способствовать отпаденію цѣлыхъ отрядовъ правительства и цѣлыхъ городовъ. Теперь же они приняли иную систему, а именно стали появляться небольшими шайками въ разныхъ мѣстахъ, и не нападая на войска правительства, стали портить желѣзныя дороги и телеграфы, захватывать чиновниковъ правительства и т. п. Впрочемъ, хотя возстаніе нигдѣ не произвело значительной вооруженной силы, всѣ корреспонденты согласно показываютъ, что въ Бискай и Наваррѣ, по крайней мѣрѣ огромное большинство населенія—карлисты. Это провинціи наименѣ образованныя и наиболѣ преданныя духовенству, которое считаетъ священнымъ дѣломъ борьбу за „законнаго“ короля и противъ богоотступниковъ либераловъ, какіе бы они ни были, изабеллистскіе или савойскіе, хотя разница между тѣми и другими довольно велика, и вѣроятно противъ Изабеллы духовенство не выступило бы такъ рѣшительно, какъ противъ сына „похитителя владыки св. Петра“.

Возстаніе продолжалось уже дней десять, когда наконецъ самъ король Карлъ VII перешелъ Пиренеи въ костюмѣ погонщика ослонъ—„хорошая иллюстрація для его партіи“, замѣчаетъ „Кельнская“ газета. Начать возстаніе было поручено генералу Рода, и всѣ манифесты претендента были обращены къ „Любезному Рода“. Но вотъ донъ-Евстацій-Діасъ-де Рода двинулся навстрѣчу своему королю, и кого же увидалъ онъ при немъ: заклятаго врага своего Агирре, котораго донъ-Карлосъ назначилъ надъ нимъ главнокомандующимъ. Рода, послѣ такой обиды, разумѣется, не сталъ особенно стараться.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о возстаніи, герцогъ де-и-Торре, Серрано, отлично понимая свой интересъ, торжественно предложилъ королю Амедею „свой мечъ“ на „защиту конституціонныхъ учрежденій“. Отказать ему было просто опасно; такой человекъ какъ Серрано могъ рѣшиться на все. И вотъ, онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ королевскихъ войскъ, посланныхъ для подавленія возстанія. Опытный въ такихъ дѣлахъ, Серрано повелъ усмиреніе карлистовъ весьма практично: онъ раздѣлилъ свои силы на небольшіе отряды въ 1,200 чел. пѣхоты и 200 чел. кавалеріи каждый, и направилъ ихъ такъ, чтобы сгонять всѣ шайки карлистовъ съ разныхъ сторонъ въ одинъ уголъ, къ границѣ. Генералу Ривера онъ велѣлъ двинуться съ запада, изъ Санъ-Себастіана, чрезъ Гипускоа къ Бидассо; генералу Моріонесу идти къ границѣ изъ Памплонны, а самъ, итъа при себѣ генераловъ Летона и Паласіо, пошелъ на карлистовъ съ юга. Генераль Ривера достигъ границы и занялъ пограничный пунктъ Вера, а въ это время генераль Моріонесъ, встрѣтивъ отрядъ карлистовъ, подъ начальствомъ самого Агирре, при Орокіетѣ, одолѣлъ его послѣ 9-ти часоваго боя, взявъ приступомъ прикрывавшую его деревню Ка-

раса. Моріонесъ взялъ въ плѣнъ 750 человекъ, и этимъ возстанію былъ нанесенъ существенный ударъ. Войска Серрано, продолжая сосредоточиваться къ сѣверной границѣ, гнали передъ собой карлистовъ. Агирре былъ разбитъ, а Рода еще раньше: при первомъ приближеніи войскъ законнаго правительства, онъ распустилъ свой отрядъ и перешелъ за французскую границу; карлисты, разумѣется, объявили Рода измѣнникомъ. Между тѣмъ судьба младшаго брата донъ-Карлоса, донъ-Альфонса остается неизвѣстною. Онъ, въ сопровожденіи карлистскаго генерала Тристани, сперва появился на востокѣ, въ Каталоніи, но по извѣстіямъ министерскихъ газетъ, онъ возвратился потомъ къ главнымъ силамъ карлистовъ, и въ сраженіи при Орокіетѣ былъ убитъ.

Послѣ перваго успѣха королевскихъ войскъ, въ Мадридѣ разнесся было слухъ, что маршалъ Серрано былъ затѣмъ совершенно разбитъ карлистами. Но этотъ слухъ оказался ложнымъ, и произошелъ вѣроятно отъ того факта, что карлистамъ удалось окружить два батальона пѣзъ колонны генерала Летоны, который однако во время подоспѣлъ на помощь съ большими силами и выручилъ своихъ. Другая, значительная шайка карлистовъ, подъ начальствомъ Рекондо, была разбита при Сальватіеррѣ, и дѣло возстанія уже было проиграно. Серрано между тѣмъ подошелъ самъ къ городу Вильбао и застигнулъ тамъ нестройную толпу бискайскихъ инсургентовъ тысячъ въ 4 или 5; этотъ отрядъ 25-го мая положилъ оружіе при Бильбао, городѣ, который теперь въ исторіи карлизма будетъ дважды отмѣченъ гибелью ихъ дѣла, такъ какъ при осадѣ Вильбао былъ убитъ въ 1835 году знаменитый Сумалакареги, который одинъ могъ съ самого начала дать торжество первому претенденту. Затѣмъ, послѣ капитуляціи 25-го мая при Вильбао, у карлистовъ осталась въ Испаніи еще только одна шайка генерала Караса; но и та вступила уже въ Ласъ-Амаскуасъ, то-есть приближалась къ переходу чрезъ границу. Караса уже раньше хотѣлъ распустить свой отрядъ, но подчиненные пригрозили ему смертью, и онъ такимъ образомъ остался генераломъ по неволѣ, послѣднимъ вождемъ нынѣшняго возстанія карлистовъ. О судьбѣ самого донъ-Карлоса мы теперь еще ничего не знаемъ, но по всей вѣроятности, и по примѣру своего дѣда, онъ ушелъ за границу ранѣе храбрѣйшихъ. Что будетъ съ Испаніею далѣе—предвидѣть нельзя. Единственное спасеніе для короля Амедея и для монархіи въ Испаніи—а можетъ быть и для самой Испаніи—было бы, еслибы король Амедей сумѣлъ сломить нынѣшнюю организацію арміи, ввести общую воинскую повинность, придать арміи народный характеръ, освободиться мало по малу отъ Серрано, Топете, Кончи, Лерсунди и всѣхъ этихъ кондотьеровъ прежнихъ временъ, и стать королемъ народной, или хотя бы только буржуазной (въ смыслѣ болѣе образованнаго, городского класса) Испаніи. Но возможно ли это теперь, когда герцогъ

де-ла-Торре только что разыгралъ прежнюю роль Эспартеро—герцога де-ла-Витторія?

Французское національное собраніе приступило, наконецъ, къ разсмотрѣнію военнаго закона, въ которомъ положены въ основаніе общезобязательность военной службы, отмѣна и допущеніе одностороннихъ волонтеровъ, включаемыхъ въ ряды арміи. Передъ этимъ національное собраніе разсматривало проектъ объ учрежденіи государственнаго совѣта, и большинство настояло, чтобы членовъ этого совѣта назначало не правительство, а собраніе, надѣясь такимъ образомъ повліять въ консервативномъ духѣ на самое приготовленіе проектовъ законовъ. Между тѣмъ, герцогъ Омальскій разыгрываетъ въ Парижѣ роль короля—покажѣсть правда только на гуляньяхъ. Русскій посланникъ князь Орловъ съ супругою сидятъ въ его ложѣ на скачкахъ въ Шантильи, и онъ везетъ ихъ потомъ, самъ правя лошадьми. За обѣдомъ же у герцога Омальскаго въ этотъ день сидятъ и принцъ и принцесса уэльскіе. Несмотря на очевидную холодность къ нему народа, орлеанизмъ напрашивается на престолъ, и кто знаетъ—быть можетъ, прилежаніе его будетъ вознаграждено.

Коммиссія, назначенная національнымъ собраніемъ для разсмотрѣнія контрактовъ и вообще обязательствъ, заключенныхъ во время приготовленій къ войнѣ, представила докладъ со своими заключеніями. Президентъ коммиссіи, герцогъ Одиффрѣ-Пакѣ, произнесъ, по этому случаю, въ засѣданіи собранія 4-го мая, рѣчь въ высшей степени интересную, такъ какъ она обнаруживаетъ, на какую степень именно вторая имперія низвела французскую администрацію, и подаетъ весьма основательный способъ полагать, что Франція вступила въ послѣднюю войну, не имѣя военныхъ запасовъ, потому именно, что ежегодныя суммы, ассигнованныя на ихъ пополненіе, въ дѣйствительности шли на покрытіе громадныхъ издержекъ мексиканской экспедиціи, въ которыхъ не хотѣли сознаться передъ законодательнымъ корпусомъ. Коммиссіею уже прежде было представлено нѣсколько докладовъ о закупкахъ и поставкахъ аммуниціи и о контрактахъ по приобрѣтенію оружія, заключенныхъ въ Америкѣ и Англіи. Нынѣшняя рѣчь президента коммиссіи характеризовала общность дѣйствій особой „коммиссіи по вооруженію“, существовавшей при имперіи. Въ совокупности, коммиссіею разсмотрѣно дѣлъ по закупкамъ и поставкамъ на 360 милл. франковъ. Коммиссія успѣла возвратитъ государству до 11-ти милл. франковъ неправильно выданныхъ и нынѣ взысканныхъ ею.

Выводы, къ какимъ пришла коммиссія, указываютъ огромныя злоупотребленія, совершенныя при управленіи маршала Лебѣфа и генерала Монтобана (Паликао). Военное министерство не соблюдало никакихъ требованій закона, не требовало отъ подрядчиковъ никакихъ гарантій, выдавало огромныя суммы подъ личную отвѣтственность ка-

нѣхъ-то привилегированныхъ людей, которые не имѣли въ торговомъ мірѣ никакого кредита, но почему-то считались военнымъ министерствомъ необходимыми агентами или посредниками между нимъ и производителями, такъ что оно предпочитало платить дороже, лишь бы имѣть дѣло именно съ ними, а не съ производителями и конкуренціею открытою для всѣхъ торговцевъ. Напримѣръ, является нѣкто Шолле, проторговавшійся овощный торговецъ и предлагаетъ ставить оружіе. Узнавъ о предложеніяхъ поступившихъ въ военное министерство отъ англійскихъ фабрикантовъ, узнавъ „неизвѣстно откуда“ съ совершенной точностью объявленныя ими цѣны, Шолле отправляется въ Англію и заключаетъ съ этими фабрикантами контракты по объявленнымъ ими цѣнамъ, а самъ беретъ подрядъ на такое количество оружія въ французскомъ военномъ министерствѣ. Разница его цѣнъ съ цѣнами англійскихъ фабрикантовъ такова, что онъ кладетъ въ карманъ 750 тысячъ франковъ.

Этого мало. Фабриканты требуютъ уплаты наличными деньгами по мѣрѣ подготовки, а у Шолле нѣтъ денегъ. Онъ требуетъ у генерала Монтобана миллионъ задатковъ, и министръ выдаетъ ему миллионъ, безъ всякихъ гарантій. Такимъ образомъ, Шолле безъ всякаго капитала получаетъ тотъ громадный барышъ, который представляется разницею его цѣнъ съ цѣнами фабрикантовъ, а фабриканты и не думаютъ обличать его, полагая съ самаго начала, что имѣютъ дѣло съ чиновникомъ военнаго министерства. Затѣмъ, постепенную уплату ему производить такимъ образомъ, что онъ на одномъ курсѣ выигрываетъ (а казна теряетъ) 56 тысячъ франковъ. Приемъ оружія, если его поставитъ прямо фабрикантъ, напр., Джэксонъ, заключившій контрактъ непосредственно, производится весьма строго. Если же ставить Шоллѣ, то весь приемъ основанъ на довѣріи, до такой степени, что Шоллѣ безпрепятственно ставитъ и ружья, и патроны несходные съ образцами, а чтобы повѣрка была окончательно невозможна, то ружья ему велятъ ставить въ одномъ портѣ, а патроны въ другомъ, такъ чтобы невозможно было удостовѣриться, ставитъ ли онъ именно по 400 патроновъ на каждое ружье, согласно условію.

Подобнымъ способомъ Шоллѣ исполнилъ поставокъ на 10 милл. фр., на которыхъ, по расчету сдѣланному комиссіею, онъ нажилъ, не имѣя самъ капитала, 2 милл. 800 тысячъ фр. Когда комиссія уличала его въ этомъ, вотъ что онъ отвѣчалъ ей: „Я иногда терялъ въ своихъ дѣлахъ; справедливость требовала, чтобы я поправился тамъ, гдѣ могъ“. Герцогъ Одиффрѣ-Пакѣ объясняетъ, что какъ ни спѣшны заказы и коротки сроки ихъ исполненія, какъ ни вздорожали, вслѣдствіе того, предметы поставки, но все-таки военное министерство имперіи могло приобретать ихъ гораздо дешевле, и въ доказательство приводитъ фактъ, что правительство національной обороны, впослед-

ствіи, обходясь безъ посредниковъ, постоянно прибрѣтало тѣ же предметы на 30, 40, даже 50% дешевле императорскаго министерства, которое обращалось къ присканнымъ имъ посредникамъ. Для чего же были прискиваемы эти посредники, если не прямо для возвышенія цѣны?

Другой посредникъ Гедли, заключаетъ контрактъ на поставку патроновъ по 100 франковъ. Потомъ, ему приходитъ въ мысль, что эта цѣна мала. Онъ обращается въ военное министерство съ просьбою надбавить эту цѣну, а именно установить ее въ 180 франковъ. И что же?—военное министерство тотчасъ соглашается. Такимъ образомъ, этому Гедли платятъ по 180 фр. за патроны, которые англійскіе заводчики предлагали ставить по 87 франковъ, которые самъ Шолѣ, при всей своей надбавкѣ, ставилъ въ то же самое время по 120 франковъ! Военное министерство дѣйствовало такъ, что его же чиновники писали ему изъ Лондона: „Что вы дѣлаете, вы поднимаете цѣны; мы покупаемъ патроны по 150, а вы платите по 170, 180 и даже 190 франковъ; это сумасшествіе“.—„Итакъ, кто былъ причиною возвышенія цѣны?“ спрашиваетъ Одиффрѣ-Пакъѣ; и отвѣчаетъ: „само военное министерство“.

Еще примѣръ. Нѣкто Фрэръ, американецъ, беретъ подрядъ на патроны; подрядъ этотъ онъ переуступаетъ французу Ларивьеру, безъ вѣдома военнаго министра. Посланникъ увѣдомляетъ военнаго министра, что контрактъ переданъ; министръ не обращаетъ на это вниманія. Приходитъ срокъ, а патроновъ нѣтъ. Но вотъ Ларивьеръ является въ военное министерство, имѣя въ рукахъ свидѣтельство, выданное ему чиновникомъ этого министерства, въ томъ, что 1½ миліона заказанныхъ патроновъ отправлены на пароходѣ Bertha, въ чемъ этотъ чиновникъ лично удостовѣрился. По этому свидѣтельству, Ларивьеръ получаетъ часть подрядной суммы, а именно 240 тысячъ франковъ. Но Bertha приходитъ и патроновъ на ней не оказывается; говорятъ—они перегружены на Vigilant. Но приходитъ Vigilant, и на немъ оказывается грузъ не патроновъ, а табаку. Въ дѣйствительности патроны вовсе отправлены не были, ихъ совсѣмъ не было заготовлено. Что же дѣлаетъ военное министерство? Отдаетъ ли оно подъ судъ чиновника Буланже, виновнаго въ выдачѣ ложнаго удостовѣренія и самаго Ларивьера? Вовсе нѣтъ; военное министерство молчитъ, а впоследствии, уже въ маѣ 1871-го года, когда война была кончена, позволяетъ Ларивьеру очистить себя подготовкою послѣ срока негодныхъ патроновъ, которые секретно доставляются имъ въ Блэ и тамъ нарочно помѣщаются въ погребу, гдѣ и хранятся въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Когда потомъ ихъ вынимаютъ оттуда, сырость уже уничтожила ихъ до такой степени, что совершенно невозможно удостовѣриться какими они были поставлены, годными или негодными!

Еще примѣръ. Когда рѣшено было вооружить армію ружьями системы Шасспѣ, то императоръ усомнился, чтобы французскіе заводы были въ состояніи изготовить въ данное время все нужное количество ружей. Шасспѣ получилъ привилегію на свое изобрѣтеніе, но самъ состоялъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ окончательно рѣшено было принять для перевооруженія арміи систему Шасспѣ, является нѣкто Кагенъ-Ліонъ, который, неизвѣстно какъ, „угадываетъ“, что принято будетъ ружье Шасспѣ и покупаетъ у него привилегію. Впрочемъ, такъ какъ по условію привилегіи Шасспѣ оставляла государство совершенно свободнымъ заказывать ружья его системы, гдѣ бы то ни было признано нужнымъ, то-есть и на казенныхъ заводахъ, и за границей, то и Кагенъ-Ліонъ, приобретая привилегію Шасспѣ, не получалъ тѣмъ рѣшительно никакого исключительнаго права на поставку ружей. Иностранные заводы, въ Бэрмингемѣ, Литтихѣ, Брешии, Піаченцѣ сдѣлали вызовы на эту поставку, по цѣнамъ 71, 72, 75 франковъ ружье. Между тѣмъ, военное министерство предпочло дать заказъ 100 тысячъ ружей Шасспѣ Кагену-Ліону, по цѣнѣ 85 франковъ. На 100 тысячъ ружей это и составило переплату по меньшей мѣрѣ въ миллионъ франковъ. Спрашивается, за что? Кагенъ предоставилъ исполненіе заказа тѣмъ же иностраннымъ заводамъ въ Брешии, Піаченцѣ и Литтихѣ, по ихъ же цѣнамъ, и военному министерству это было извѣстно. Участіе Кагена въ поставкѣ было совершенно мнимое, такъ какъ для надзора за фабрикаціей и для пріема ружей командировались чиновники военного министерства и артиллерійскіе офицеры. Кагенъ являлся только для полученія денегъ, и на деньгахъ, имъ полученныхъ, заработалъ безъ труда миллионъ. Вотъ къ чему вела система „посредниковъ“, безъ которыхъ военное министерство не дѣлало ни шагу. И такъ всесильно сдѣлано во Франціи второй имперіею чиновничество, что съ нимъ никто ничего не можетъ сдѣлать, даже самъ министръ, даже самъ императоръ. Тогдашній военный министръ маршалъ Рандонъ и императоръ на просьбу Кагена отвѣчали резолюціею: „отказать“. А между тѣмъ, въ концѣ онъ все-таки получалъ поставку.

Г. Одиффрѣ привелъ еще примѣры безсилія самыхъ высшихъ властей противъ чиновничества. Такъ, самъ Маршалъ Лебѣфъ, военный министръ, при началѣ войны, убѣдившись лично въ недобросовѣстности одной торговой фирмы по исполненію подрядовъ съ высшими министерствами, далъ приказаніе, чтобы эта фирма навсегда была устранилена отъ подрядовъ по военному вѣдомству. „Что же вы думаете, господа“, сказалъ г. Одиффрѣ: „до сихъ поръ съ этой фирмою заключались новыя условія, и ей дано было вновь до тридцати подрядовъ“. Просматривая подлинныя дѣла, коммиссія нашла слѣдующую резолюцію *нынѣшняго* военного министра: „отдать этого человѣка подъ судъ“;

пусть знаютъ наконецъ, что нареканія на военное министерство часто не заслужены имъ; пора дать ходъ правосудію.“ За этой резолюціею, слѣдуетъ докладъ управленія, съ заключеніемъ въ смыслъ снисхожденія къ виновному—и вотъ онъ не подвергается преслѣдованію. Но коммиссія сама потребовала, чтобы дѣло объ этомъ лицѣ было передано министру юстиціи, для начатія судебного разслѣдованія; тогда лицо это тотчасъ возвратило 210 тысячъ фр.

Въ рѣчи г. Одиффрѣ находится еще нѣсколько примѣровъ той деморализаціи и отсутствія, какъ соблюденія уставовъ, такъ и контроля, которыя водворились въ военномъ вѣдомствѣ при второй имперіи. Напр., офицеръ генеральнаго штаба занимаетъ у подрядчика 500 фр.; нѣкій капитанъ, наблюдавшій за поставкою, оказывается неблагонадежнымъ по мнѣнію коммиссіи, и она сообщаетъ объ этомъ его полковому начальству; тогда начальникъ беретъ его себѣ въ адъютанты. Впрочемъ, надо замѣтить, что докладъ коммиссіи обличаетъ прямо въ злоупотребленіяхъ только лица мелкія; высшихъ же онъ обличаетъ только въ томъ смыслѣ, что обличаетъ систему, установившуюся при имперіи, но не обвиняетъ ихъ самихъ въ злоупотребленіяхъ. Относительно завѣдывавшихъ артиллерійскимъ снабженіемъ генераловъ Сюзанъ и Тумъ, и Одиффрѣ даже прямо выразилъ убѣжденіе, что личная ихъ добросовѣстность вѣдъ сомнѣнія.

При господствѣ такой системы, императорскому правительству легко было не только обманывать страну насчетъ дѣйствительнаго состоянія запасовъ, но и обманываться въ томъ самому; тѣмъ болѣе, что контроль матеріальной части существовалъ только по имени. Г. Одиффрѣ поставилъ представителямъ имперіи слѣдующую дилемму вопросовъ: или вы безумно бросились въ войну не будучи готовы, но утверждая что все было въ готовности; или, если утверждать, что вы говорили правду, то куда же дѣвались и деньги и запасы? Военному министерству ежегодно ассигновывалось по 400 мил. фр. на общіе расходы, а на перевооруженіе было особо ассигновано 440 милліоновъ. Докладъ коммиссіи наводитъ неизбежно на мысль, что деньги эти въ значительной части употреблялись не по назначенію, потому что того количества оружія и припасовъ, которые официально показывались въ наличности, не было никакой возможности отыскать въ дѣйствительности. Впрочемъ, и сами официальные свѣдѣнія, доставленные лицами стоявшими въ главѣ военнаго министерства передъ началомъ войны, взаимно-противорѣчивы: такъ, генералъ Сюзанъ сообщаетъ, что орудія было въ наличности 10 тысячъ, а генералъ Тумъ, что ихъ на дѣлѣ никогда не было болѣе 2058; почти 8 тысячъ пушекъ недостигаются! Ружей, по официальному свѣдѣнію, состояло 3 м. 350 тысячъ, въ числѣ которыхъ 1 м. 58 т. шасспó, 358 т. американской системы и 1 м. 400 т. наръзныхъ ударныхъ. Теперь артиллерійское управленіе

объясняетъ, что это количество ружей пошло во время войны, еще при имперіи, на вооруженіе армій рейнской и шалонскаго лагеря, а также парижскихъ мобилей и національной гвардіи въ разныхъ мѣстахъ. Но по повѣркѣ, оказывается, что за вооруженіемъ всѣхъ этихъ частей, по ихъ численному составу, должно было, изъ вышеприведеннаго количества, остаться на лицо два милліона ружей. Гдѣ эти 2 милліона ружей, гдѣ эти восемь тысячъ пушекъ? Неизвѣстно. Г. Одиффрѣ на основаніи самихъ официальныхъ данныхъ, а именно переписки въ то время, когда война уже началась, доказываетъ непреложнымъ образомъ, что не было готово ничего для начатія войны, такъ что митральёзы вводились съ поля сраженія потому, что имъ не чѣмъ было стрѣлять, и отправлялись за припасами въ резервный паркъ, гдѣ припасовъ оказывалось также мало; въ цѣломъ корпусѣ, ни въ артиллеріи, ни у инженерныхъ войскъ не оказывается миннаго пороха, когда потребовалось взорвать мостъ!

Заключенія комиссіи, которой предсѣдателемъ былъ герцогъ Пакъё (г. д'Одиффрѣ) слѣдующія: назначить особую комиссію для приведенія въ извѣстность дѣйствительнаго состоянія военной матеріальной части къ 1-му іюля 1870-го года, и для произведенія точнаго учета ея расходованію во время войны; затѣмъ поручить комиссіямъ по преобразованію арміи рассмотреть предложеніе нынѣшней комиссіи о необходимости учредить *гражданскій* контроль надъ хозяйствомъ военнаго министерства. Собраніе единогласно одобрило предложеніе комиссіи и единогласно же рѣшило, что упомянутое изслѣдованіе поручается нынѣшней же комиссіи, въ томъ же составѣ. Сойдя съ трибуны, г. д'Одиффрѣ былъ встрѣченъ всеобщими привѣтствіями со всѣхъ сторонъ собранія; это было нѣчто въ родѣ триумфа. Собраніе постановило еще напечатать его рѣчь въ большомъ количествѣ экземпляровъ и разослать ее во всѣ общины Франціи. Бонапартизму рѣчь эта и докладъ комиссіи нанесли тяжкій ударъ. „Темра“ рѣшается даже утверждать, что эти изобличенія окончательно и навсегда сокрушили имперіалистскую легенду.

Отставной вице-императоръ г. Руэ предпочелъ не присутствовать въ томъ засѣданіи, гдѣ произнесено было это осужденіе родной его системѣ. Онъ пропустилъ двѣ недѣли и только 21-го числа явился въ собраніе съ защитою. Рѣчь Руэ не была изложеніемъ фактическимъ, какъ рѣчь обвинителя второй имперіи. Его рѣчь была рѣчь адвоката, то-есть содержала въ себѣ не новые факты, а только новые взгляды. Впрочемъ, въ ловкости ей отказать нельзя. Одиффрѣ обвинялъ вообще военное управленіе, созданное второю имперіею, его духъ, нравы и систему. Съ исторической точки онъ былъ совершенно правъ. Но съ юридической точки, разумѣется, можно обвинять не цѣлое управленіе, а только тѣхъ лицъ, чьи подписи находятся подъ осуждаемыми доку-

ментами. На эту точку сталъ Руэ и защищать составъ военнаго управленія, объявляя, что за распоряженія отвѣтственность должна быть личная; что графъ Паликао долженъ отвѣчать за свои распоряженія, и г. Гамбетта вѣроятно не откажется отвѣчать за свои. Все это очень ловко, и можетъ поддержать популярность бывшаго вице-императора въ средѣ французскаго чиновничества; но во всемъ этомъ нѣтъ, да и не могло быть ни одного дѣльнаго возраженія, противъ тѣхъ убійственныхъ фактовъ, которыми г. Одиффрѣ клеймилъ тѣхъ, кто деморализировалъ французскую администрацію, грабилъ Францію, повергъ ее въ бездну мексиканской войны, и обративъ послѣдующіе ресурсы на ликвидацію дѣлъ по этой войнѣ, бросилъ Францію недостаточно вооруженную, въ новую, безумную войну, не имѣвшую никакого оправданія. Г. Руэ попробовалъ еще въ своей рѣчи польстить правой сторонѣ собранія сказавъ, что распушеніе его въ настоящее время было бы бѣдствіемъ для страны. Но это уже было „слишкомъ ловко“ и подготовило только легкій успѣхъ Гамбеттѣ, когда взойдя на трибуну послѣ Руэ, онъ уличилъ его въ намѣреніи разрознить партіи въ пользу бонапартизма, и увѣщавъ собраніе къ единодушію.

На другой день, Одиффрѣ заключилъ это преніе новой рѣчью, въ которой сказалъ, что обвиненіе его касалось не правительства національной защиты, а только второй имперіи, и что слѣдовательно большая часть рѣчи вовсе не шла къ предмету, а та часть, которая къ нему относилась, ничего не опровергла. Затѣмъ, повторивъ свои доказательства, что при началѣ войны не было ни достаточно снарядовъ, ни интендантскихъ и врачебныхъ запасовъ, сказалъ: „Вы ничѣмъ не можете оправдаться отъ той вины, что не будучи готовы къ войнѣ, легкомысленно вовлекли въ нее страну. Франція обращается къ вамъ теперь со словами Августа къ Вару: „возврати мнѣ мои легіоны!“.... „Вы говорите объ обращеніи къ народу, вы ссылаетесь на мнѣніе народа; погодите, дайте этой палатѣ исправить то, что вы погубили своими ошибками“. Въ заключеніе, Одиффрѣ высказалъ надежду, что не доживетъ до той минуты, когда по словамъ Руэ, бонапартизмъ одержитъ свою „окончательную побѣду“. Руэ и Гамбетта вновь говорили въ этомъ засѣданіи, при чемъ Гамбетта сказалъ: „если оружіе у васъ было, то чѣмъ же объясните вы ту поспѣшность заказовъ, которою теперь хотите оправдаться? Если же оружія у васъ не было, и вы тѣмъ не менѣе начали войну, то вы — измѣнники!“

Объ измѣнѣ во Франціи опять стали говорить чаще прежняго по поводу рѣшеній „слѣдственнаго совѣта“, который пересматривалъ дѣйствія начальниковъ войскъ по сдачѣ крѣпостей. Нѣсколькихъ комендантовъ, этотъ совѣтъ подвергъ просто порицанію, другихъ опредѣлилъ отдать подъ судъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся два весьма различныхъ человѣка: генералъ Юрікъ, защитникъ Страсбурга,

и маршаль Базенъ, сдавшій Мецъ. Объ Юрікѣ можно быть того мнѣнія, что хотя оборона Страсбурга и была уже безнадежна, но онъ сдалъ крѣпость все-таки ранѣе, чѣмъ наступила послѣдняя крайность. Но о Базенѣ можно быть и такого мнѣнія, что онъ просто предалъ Мецъ, въ заранѣе условленное время, въ надеждѣ, что пруссаки отпустятъ его съ арміей подъ Парижъ для ниспроверженія республики и восстановленія императора.

Говорятъ, Тьеръ и военный министръ—противъ отдачи подъ судъ генерала Юрика. Генераль Троши избѣгаетъ суда по довольно странной причинѣ, а именно потому, что сложилъ съ себя командованіе, за нѣсколько дней до сдачи Парижа, и что сдача эта затѣмъ совершена не имъ, а правительствомъ національной обороны. Это—удобный способъ избѣгнуть отвѣтственности за сдачу крѣпости: довести ее, рядомъ ошибокъ, до невозможности защищаться долге, и потомъ сложить съ себя командованіе и предоставить дѣло сдачи кому угодно. Что касается маршала Базена, то онъ, наконецъ, отданъ подъ судъ и арестованъ въ Версали, то-есть живетъ въ прекрасной квартирѣ, въ паркѣ, гдѣ расположенъ стерегущій его караулъ. Правительство допустило нѣкоторое послабленіе въ пользу Базена: въ декретѣ объ отдачи его подъ судъ, сказано: „согласно собственной его просьбѣ“. Между тѣмъ, Базенъ подалъ просьбу только тогда, когда узналъ, что слѣдственный совѣтъ уже постановилъ, что онъ долженъ быть судимъ. Подлинное постановленіе совѣта по этому предмету, какъ бы скрытое правительствомъ, появилось въ печати, и слѣдствіе, произведенное для дознанія, какимъ образомъ это могло случиться, виновныхъ не открыло, а между тѣмъ привело къ удостовѣренію, что напечатанный въ газетахъ текстъ постановленія совершенно сходенъ съ оригиналомъ.

Очень можетъ быть, что военный судъ не рѣшится признать Базена виновнымъ, хотя бы въ томъ, что онъ сдалъ Мецъ „не исчерпавъ всѣхъ средствъ защиты“, потому что иначе его придется осудить на смерть; таковъ законъ. Но независимо отъ приговора суда, исторія скажетъ о Базенѣ, по меньшей мѣрѣ, что онъ выказалъ полную неспособность. Полагаемъ не лишнимъ справиться при этомъ съ мнѣніемъ извѣстнаго нѣмецкаго военного писателя, г. Викаде, котораго критическія статьи о войнѣ 1870 года, помѣщаемыя въ „Кельнской“ газетѣ отличались безпристрастіемъ. Г. Викаде говоритъ, что желая „засудить“ Базена за сдачу Меца, французы очевидно руководствуются тѣмъ неисправимымъ самолюбіемъ, которое погубило ихъ въ прошлую войну, и теперь требуетъ себѣ очистительной жертвы. Въ числѣ причинъ несчастій французовъ во время послѣдней войны, самолюбіе, по словамъ Викаде, играло не послѣднюю роль; онъ отчасти объясняетъ тѣмъ самоувѣренность ихъ, несмотря на то, что они не были готовы, и беззаботность ихъ въ развѣдкахъ непріятельскихъ силъ — они были

убѣждены въ своей непобѣдимости, — и то обстоятельство, что отступая, они не разрушили желѣзной дороги отъ Страсбурга на Нанси и Нантейль, ни туннелей въ вогезскихъ горахъ. Они не *сдѣлали* этого потому, что самолюбіе увѣрило ихъ, что они еще могли перейти къ наступленію, и что эти сообщенія имъ самимъ пригодятся. Между тѣмъ, только оставленіе этихъ сообщеній и сдѣлало возможною осаду Парижа и доставленіе къ нему того громаднаго матеріала, безъ котораго она бы ни къ чему не привела. Такъ и въ требованіи, чтобы Базенъ былъ признанъ измѣнникомъ, по мнѣнію Викаде, выражается все то же самолюбіе, никакъ не мирящееся съ мыслью, что французы могли быть побѣждены и безъ измѣны. Базенъ, въ то время, когда онъ сдалъ Мецъ, по убѣжденію Викаде, не могъ уже держаться въ немъ; Викаде самъ убѣдился въ этомъ, вѣхавъ въ Мецъ въ то время. Голодъ и болѣзни, наконецъ, совершенное отсутствіе дисциплины дѣлали дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ; войска разграбили бы городъ. Но высказывая такое убѣжденіе, нѣмецкій писатель въ то же время отзывается, что еслибы Базенъ 16-го августа, имѣя предъ собою всего 80 тысячъ нѣмецкаго войска, въ 6 часовъ вечера, вывелъ въ сраженіе *все свои силы*, то-есть именно гвардію, которую онъ оставилъ въ резервъ, то онъ по всей вѣроятности *пробился бы съ рѣшительнымъ успѣхомъ*; и что Базену именно *слѣдовало это сдѣлать* (dies wäre das entschieden Richtige gewesen). Если же онъ не сдѣлалъ этого 16-го числа, то затѣмъ ему не слѣдовало повторять свою попытку 18-го числа, какъ онъ это сдѣлалъ. Тогда противъ него стояло уже болѣе, чѣмъ двойное число нѣмецкихъ войскъ, а его силы умножились несущественно. Затѣмъ и вся послѣдующая оборона Меца, по мнѣнію Викаде, должна была, рано или поздно, окончиться капитуляціей. Намъ кажется, что и этотъ приговоръ безпристрастнаго врага достаточно тяжелъ для Базена: оказывается, что вслѣдствіе его неспособности, нерѣшительности или чего-нибудь еще хуже, онъ, имѣя полную возможность пробиться на соединеніе съ Макъ-Магономъ, позволилъ слабѣйшему, утомленному непріятелю задержать себя въ цѣпи, и оставшись тамъ, погубилъ свою армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и армію Макъ-Магона; впослѣдствіи же принужденъ былъ сдать Мецъ, какъ разъ въ пору, чтобы Фридрихъ-Карль, освободясь отъ его осады, успѣлъ прибыть во-время къ сраженію при Вонъ-ла-Роландѣ, и обратить побѣду Орелля, наступавшаго на Парижъ, въ пораженіе.

Генераль Вимпфенъ, подписавшій седанскую капитуляцію, подвергнутъ слѣдственнымъ совѣтомъ порицанію за то, что онъ отдѣлилъ участь офицеровъ отъ участи солдатъ. Впрочемъ, самъ экс-императоръ счелъ необходимымъ выступить въ настоящее время, чтобы принять на себя всю „отвѣтственность“ за сдачу Седана. Генераламъ, командовавшимъ корпусами подъ Седаномъ, Наполеонъ III прислалъ

письмо въ этомъ смыслѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было напечатано въ бонапартистскомъ органѣ „Gaulois“. Какая могла быть пѣль этой выходки императора? Объявляя, что „такъ какъ честь арміи была охранена выказаннымъ ею мужествомъ“, то онъ самъ, „пользуясь своимъ правомъ монарха“, отдалъ приказаніе выставить парламентскій флагъ, дабы спасти 60 т. человекъ отъ напрасной гибели. Людовикъ-Наполеонъ не могъ надѣяться возстановить такимъ объявленіемъ популярность въ народѣ. Болѣе чѣмъ когда либо за нимъ упрочивнется теперь прозвище „седанскаго героя“, который говоритъ, что седанское дѣло „разбило его сердце, но оставило спокойною (!) его совѣсть“. Рыцарства особеннаго тоже нѣтъ въ томъ, что Наполеонъ принимаетъ всю „отвѣтственность“ на себя, такъ какъ лицо, принимающее на себя отвѣтственность, въ настоящемъ случаѣ находится за границей, гдѣ судебная власть не можетъ его достигнуть, а хочетъ снять отвѣтственность съ тѣхъ людей, которые, находясь во Франціи, могутъ въ самомъ дѣлѣ подвергнуться ея послѣдствіямъ. Нужно, пожалуй, особеннаго рода мужество, чтобы еще и въ настоящее время повторять фикцію объ отвѣтственности императора передъ народомъ: „будучи, въ силу учрежденій имперіи, отвѣтственъ передъ страной, я признаю только тотъ приговоръ надъ собою, который произнесла бы вся нація, правильнымъ образомъ спрошенная“. Какія же это отвѣтственность, которая никакъ не возбуждена быть не можетъ? Ясно, что нынѣшняя выходка главы бонапартизма разсчитана не на народъ, а именно только на генераловъ, на армію, которыхъ онъ старается прикрыть собою (а самъ онъ сидитъ за границей). Въ ней еще разъ выражается тотъ фактъ, что наполеоницы всегда и во всемъ разсчитывали собственно на армію, а что до народа имъ не было дѣла, какъ ни пышны ихъ фразы о „волѣ народа“, „народномъ избраніи“, „отвѣтственности передъ народомъ“ и т. д.

Въ Германскомъ сеймѣ важнѣйшимъ дѣломъ послѣдняго времени было принятіе резолюціи, которая уполномочиваетъ имперское правительство на принятіе мѣръ для охраненія мира и правъ гражданъ отъ злоупотребленій духовной власти и на представленіе закона, налагающаго кары на опасныя для государства дѣйствія религіозныхъ конгрегацій, и въ особенности именно іезуитскаго ордена. Изложенію этого предмета посвящена наша корреспонденція изъ Берлина, которую читатели найдутъ ниже. По окончаніи этихъ преній, князь Бисмаркъ уѣхалъ въ отпускъ на шесть мѣсяцовъ, передавъ свои обязанности министру Дельбрюку.

Правительства Англіи и Соединенныхъ Штатовъ нашли исходъ изъ пререканія по элемебскому дѣлу, какъ оно было поставлено отказомъ

Англіи допустить требованіе о косвенныхъ убыткахъ въ обсужденіи третейскаго суда. Лордъ Гренвилль предложилъ вашингтонскому кабинету проектъ дополнительной статьи въ вашингтонскому трактату. Вотъ текстъ этой статьи: „Такъ какъ великобританское правительство въ новѣйшей перепискѣ съ Соединенными Штатами утверждало, что непрямые требованія по національнымъ убыткамъ, которыя, согласно запискѣ представленной сѣверо-американскимъ правительствомъ третейскому суду въ Женевѣ, произошли отъ приведенія собственно американскихъ торговыхъ судовъ подъ защиту британскаго флага, отъ возвышенія страховой премии, отъ продленія войны и увеличенія расходовъ по ней и на подавленіе возстанія,—во первыхъ—незаключались въ содержаніи вашингтонскаго трактата, а—во вторыхъ—не должны быть и въ принципѣ разсматриваемы какъ исходящія изъ (growing out of) дѣйствій, совершенныхъ опредѣленными судами;—и такъ какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя и остается при убѣжденіи, что помянутыя требованія въ трактатѣ включены были, однако присоединяется ко второму изъ изложенныхъ британскимъ правительствомъ принциповъ, въ томъ смыслѣ, что и правительство Соединенныхъ Штатовъ впредь въ свою очередь будетъ сообразоваться съ нимъ, слѣдовательно оба правительства въ этомъ отношеніи пришли къ соглашенію. Поэтому, президентъ, по совѣту и съ согласія сената, извѣщаетъ согласіе, чтобы отъ имени Соединенныхъ Штатовъ не было предъявляемо третейскому суду въ Женевѣ никакихъ подобныхъ требованій“.

Вашингтонскій сенатъ, какъ извѣстно, принялъ эту статью, но сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя „маловажныя“, какъ сообщалось, измѣненія, остающіяся пока неизвѣстными. Однако эти измѣненія, несмотря на свою маловажность, вызвали новую ноту графа Гренвилля, вслѣдствіе которой теперь телеграммы изъ Нью-Йорка сообщаютъ, что сенатъ уже ни въ какомъ случаѣ не перемѣнитъ своего послѣдняго рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, обоимъ правительствамъ придется просить третейскій судъ объ отсрочкѣ производства дѣла, такъ какъ къ 15-му іюня, то-есть первоначально назначенному сроку, едва ли поспѣютъ они формулировать новыя свои предложенія.

Элебемскій вопросъ въ общественномъ вниманіи Англіи рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми другими. Изъ числа этихъ другихъ дѣлъ, мы только упомянемъ о ballot-биллѣ, который былъ внесенъ министерствомъ въ палату общинъ, такъ какъ въ прошлую сессію онъ не прошелъ вслѣдствіе оппозиціи верхней палаты. О нынѣшней судьбѣ этого билля пока еще нельзя сказать ничего. Онъ прошелъ теперь въ нижней палатѣ большинствомъ 58 голосовъ. Еслибы большинство было болѣе значительно, то лорды принуждены были бы уступить, но уже судя по довольно замѣтному пораженію, какое недавно

истеріяло министерство въ биллѣ о народномъ образованіи въ Шотландіи, можно было сомнѣваться, что правительству удастся провести ballot внушительнымъ большинствомъ.

Въ началѣ мая (н. с.) съ большимъ торжествомъ отпразднована была годовщина англійскаго литературнаго фонда (Royal-Literary-Found). Вообще празднованіе годовщины этого учрежденія въ Англіи происходитъ далеко не въ такой скромной обстановкѣ, какъ у насъ, гдѣ для массы общества оно проходитъ, можно сказать, незамѣтно ¹⁾. Сильная общественная жизнь Англіи придаетъ великое значеніе своему постоянному органу—печати, придаетъ ей большую цѣну, и на годовой праздникъ печати собираются знаменитѣйшіе люди Англіи, а въ числѣ ихъ и стоящіе во главѣ ея правительства, и во главѣ оппозиціи. Государственные люди Англіи видятъ въ печати своей страны не нѣчто въ родѣ чужаднаго растенія, которое недостойно иного признанія и иной опеки, какъ только признанія его „безполезности“ и опеки въ смыслѣ ограниченія его роста. Нѣтъ, и правители Англіи, также какъ ея радикалы, любятъ и уважаютъ свою свободную печать, несмотря на неизбежныя вездѣ злоупотребленія, уважаютъ и любятъ ее какъ родное, великое учрежденіе. Да, именно „великое національное учрежденіе“! Такъ называли-бывало печать, на годовичныхъ праздникахъ фонда, и Кобденъ, и Пальмерстонъ; такъ теперь называютъ ее и Гладстонъ, и Дизраэли, и Брайтъ, и принцъ уэльскій, наслѣдникъ престола.

На этихъ годовичныхъ банкетахъ литературнаго фонда обыкновенно предсѣдательствуетъ первый министръ Англіи. На нынѣшній разъ должность эту принялъ на себя членъ общества литературнаго фонда—король бельгійцевъ. Въ рѣчахъ произнесенныхъ за банкетомъ, политика, какъ то обыкновенно бываетъ въ Англіи, стояла на первомъ планѣ. Послѣ обычныхъ тостовъ, въ честь королевы, принца уэльскаго, арміи, флота и волонтеровъ, король предложилъ тостъ въ честь литературнаго фонда. „Въ Англіи, сказалъ при этомъ король, все носитъ на себѣ отпечатокъ и размѣры величія: искусство, наука, политика, торговля, ремесла, однимъ словомъ, всѣ области человѣческой дѣятельности. Многочисленны и труженики на благородномъ полѣ литературы, но заработокъ ихъ часто бываетъ невѣренъ и недостаточенъ. Это—достойное славы ристалище, но на немъ иногда нѣболѣе мужественные и самые побѣдоносные борцы именно и подвергаются самымъ тяжкимъ ранамъ. Помогать имъ, исцѣлять ихъ раны, возвращать имъ силу и здоровье, простирая имъ руку дружеской помощи въ дни несчастія—такова высокая цѣль нашего общества... И сколько великихъ произведеній остались бы неоконченны безъ такой помощи!“

¹⁾ См. ниже, въ Извѣстіяхъ, годовой отчетъ нашего литературнаго фонда.

Король при этомъ выразилъ свое уваженіе къ президенту фонда, историку, лорду Стэнгопу, который затѣмъ въ отвѣтъ своему на рѣчь короля, хвалилъ конституціонныя учрежденія Бельгіи. Тостъ въ честь короля, по приглашенію лорда Стэнгона, провозгласилъ Дизраэли. Знаменитый глава консервативной оппозиціи Англіи припомнилъ нѣкоторыя черты изъ исторіи новаго бельгійскаго королевства, хвалилъ его государей сдѣлавшихъ проникнуться духомъ времени и заслужить привязанность народа, и шутили благодарить председательствующаго на банкетѣ за то, что онъ, король, явился занять на часъ мѣсто президента въ литературной республикѣ. Затѣмъ, католическій архіепископъ Маннингъ произнесъ рѣчь объ англійской, а лордъ Гоутоу объ иностранной литературѣ. Этотъ ораторъ съ прискорбіемъ указывалъ на перерывъ умственной связи между народами французскимъ и германскимъ. „Когда появится второй Генрихъ Гейне“, сказалъ онъ, „великій германскій поэтъ, проникнутый живостью французскаго духа? когда появится новый Сентъ-Бёвъ, чтобы истолковывать французамъ весь смыслъ и всѣ красоты нѣмецкой литературы? Надо желать, чтобы самая необходимость умственной связи и сочувствія между двумя столь великими народами превозмогла горькую ненависть, погрябшую и залечила разочарованія, какъ растительная сила изглаживаетъ слѣды войны, покрывая ихъ травой и цвѣтами“.

Прекрасныя, благородныя слова лорда Гоутона (писатель Монтоп-Мильнсъ) показываютъ намъ, къ какимъ высокимъ задачамъ считаетъ себя призванною печать, на которую уваженіе къ ней и всего общества, и самихъ правителей, налагаютъ возвышенныя обязанности. Не въ такомъ духѣ, далеко не съ такимъ достоинствомъ высказывалась и англійская печать въ то время, когда еще и въ Англіи на писателя, смѣло провозносящаго независимое слово объ общественныхъ дѣлахъ, правители смотрѣли какъ на пасквилянта. Достаточно обратиться въ прошлому столѣтію, чтобы указать и въ Англіи, въ печати неополноправной, непризнанной, духъ такого же полнаго отрицанія правъ общественныхъ личностей и такого же непризнанія заслугъ ихъ. Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ печать въ Англіи нынѣ, когда министры, далекие отъ мысли, что имъ стыдно было бы пользоваться поученіями печати, на годовичныхъ праздникахъ ея (какъ-то не разъ дѣлали и Пальмерстонъ и Гладстонъ) объявляютъ, что печать „облегчаетъ имъ управленіе“.

Бѣдственный принципъ „національный“, то-есть стремленіе къ перестройкѣ существующихъ государствъ такимъ образомъ, чтобы каждая національность жила совершенно особо отъ другихъ національностей, соглашаясь жить съ другими не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы подчинять ихъ себѣ, но тѣмъ самымъ вызывая и противъ себя борьбу и

этот же національный принцип съ ихъ стороны—этотъ бесплодный принципъ розни, грозящій въ будущемъ нескончаемыми раздорами, вносится въ настоящее время отчасти уже и въ федеративныя государства. Носителями его являются нѣмцы, которые, вслѣдствіе объединенія своего въ могущественное государство, „окрѣпили самознаніемъ (in ihrem nationalen Selbstbewusstsein gehoben)“, какъ они это называютъ и въ такихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты и Швейцарія, гдѣ такое „національное самосознаніе“ ихъ вовсе не имѣетъ смысла. Въ Америкѣ нѣмцы въ прежнія времена гордились болѣе всего названіемъ американцевъ, нисколько не заботясь о томъ „отечествѣ“, которое они имѣютъ въ Европѣ, но которое они сами оставили ни отцѣ ихъ. Теперь, вслѣдъ за германскими побѣдами 1870 года, въ Соединенныхъ Штатахъ возникла „нѣмецкая партія“. Партія эта проявляетъ признаки самостоятельной жизни; она имѣетъ своего вождя Шурца, котораго провела въ сенатъ; она стала въ рѣшительную оппозицію къ Гранту, обвиняя его уже не за какое либо внутреннее американское дѣло, а именно за „общегерманское отечество“, обвиняя его въ томъ, что онъ допустилъ продажу французамъ ружей во время войны. Когда въ Нью-Йоркѣ открыты были въ прошломъ году важныя злоупотребленія въ городскомъ управленіи, то нью-йоркскіе нѣмцы, которые прежде дѣлились на республиканцевъ и демократовъ, выступили въ своихъ газетахъ и въ своихъ рѣчахъ на митингахъ, какъ „нѣмцы“, и притомъ „честные нѣмцы“, объявляя, что нѣмецкая честность не позволяетъ имъ болѣе питать довѣрія къ демократамъ, которые произвели изъ своей среды такое мошенническое управленіе. Нѣмцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ огромное число, и эмиграція туда изъ Германіи и теперь нисколько не уменьшается, не смотря на объединеніе Германіи. Легко представить себѣ, какъ вредна можетъ сдѣлаться сильная партія въ государствѣ, руководящаяся не естественными его интересами, а интересами искусственными, иностранными, совершенно чуждыми этому государству.

Въ Швейцаріи нѣмцы составляютъ огромное большинство. Доселѣ они вовсе не заботились о какомъ-либо преобладаніи въ союзѣ въ смыслѣ національномъ. Но теперь, изъ нѣмецкой, и притомъ либеральной среды въ Швейцаріи возникло стремленіе подвергнуть уложеніе союза пересмотру въ такомъ смыслѣ, чтобы, во-первыхъ, усилить власть центрального правительства, поручивъ ему исключительное заведеніе войсками; это, по мнѣнію нѣмцевъ, необходимо для Machtstellung союза. Во-вторыхъ, они считали необходимымъ дать союзу преобладающій голосъ въ такихъ гражданскихъ дѣлахъ, которыя теперь предоставлены кантонамъ, какъ то именно въ дѣлахъ *церковныхъ* и *училищныхъ*. А такъ какъ большинство въ союзѣ безспорно принадлежитъ нѣмцамъ, то изъ этого могло произойти то, что швейцарскіе

нѣмцы, дѣйствуя союзной властью, стали бы передѣлывать училищные или церковные порядки во французской Женевѣ, или въ итальянскомъ Тессинѣ. Весьма важное постановленіе проекта реформы уложенія представлялось въ особенности тѣмъ, что онъ окончательно отмѣнилъ голосованіе всѣхъ представительствъ по кантонамъ, которое болѣе благопріятно автономіи ихъ, и сохранилъ только одно поголовное голосованіе населенія всей Швейцаріи.

Проектъ реформы въ смыслѣ такой централизаціи подвергнуть былъ 12 мая всенародному голосованію, при чемъ голоса считались двоякимъ способомъ: безусловно во всей странѣ и отдѣльно голоса представительствъ кантоновъ. Результатъ не соответствовалъ ожиданіямъ «либераловъ» — централизаторовъ. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 261,096 голосовъ противъ 255,585, и большинствомъ представительствъ 13 кантоновъ противъ 9. Уже изъ этой разницы видно, какъ важно было для централизаторовъ вычеркнуть изъ конституціи голосованіе всѣхъ представительствъ по кантонамъ; въ пользу централизаціоннаго проекта поголовная подача голосовъ дала немножко менѣе половины всего числа вотированныхъ, а голосованіе представительствъ кантоновъ дало въ пользу этого проекта всего 9 изъ 22. Главныя нѣмецкія газеты приняли эту централизаціонную попытку нѣмецкихъ либераловъ въ Швейцаріи подъ рѣшительное свое покровительство, и неудачу ея «Кельнская газета» приписываетъ теперь союзу «ультрамонтановъ, вельшей», упрямыхъ консерваторовъ (Stock-Conservativen). Объясненіе, совершенно сходное съ тѣмъ, который князь Бисмаркъ характеризуетъ всякую оппозицію себѣ, если только вмѣсто «консерваторовъ» поставить «соціалистовъ». Но внѣ Германіи объ этомъ дѣлѣ судятъ иначе, и намъ достаточно остановиться на мнѣніи „Times“, что усиленіе посредствомъ централизаціи вовсе не нужно Швейцаріи, такъ какъ существенная сила ея состоитъ именно въ ея нейтральности.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Великая борьба между Римомъ и Германіей.

24 (12) мая, 1872.

Еслибы вмѣсто нѣсколькихъ страницъ былъ предоставленъ въ мое распоряженіе цѣлый томъ, то и тогда я не исчерпалъ бы всѣхъ перипетій того новаго движенія, которое страшно развилось у насъ въ послѣдніе два мѣсяца. Тогда это движеніе только что начиналось, но я

иеръ никто не скажетъ, чѣмъ оно кончится. Хотя положеніе обѣихъ юющихъ сторонъ, и Рима, и Германіи, таково, что исходъ борьбы е долженъ былъ бы казаться сомнительнымъ, но никогда нельзя редвидѣть всѣхъ случайностей, и люди, вступающіе въ борьбу съ вердой вѣрой въ побѣду, часто обманываются въ своихъ расчетахъ, лагодаря собственнымъ ошибкамъ или благодаря такимъ обстоятель- гвамъ, которыхъ не предвидѣли.

Въ обиденной жизни говорятъ о человѣкѣ, у котораго послѣ боль- ого движенія явился сильный аппетитъ, что моціонъ пошелъ ему въ рокъ; а противное считается доказательствомъ того, что напряженіе ревысило силы, что человѣкъ надорвался. То же самое можно ска- атъ и о народѣ. Величайшее напряженіе, которое ему приходится ѣлать въ дни войны, можетъ также или оказаться ему по силамъ ли же истощить его силы, причемъ рѣшительно все равно, счастливо ли несчастливо окончилась война. Дважды, напримѣръ, при Людовикѣ IV и при Наполеонѣ I—длинные, частію счастливыя, частію несчаст- нивыя войны, до того напрягали силы націи, что только даровитая натура, да необыкновенное богатство естественныхъ силъ благодат- наго края давало возможность французской націи оправиться. Но слѣды истощенія остались ощутительными даже до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (такъ, напр., въ медленномъ ростѣ населенія) Войны противъ Наполеона также истощили весь континентъ, и за чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ въ 1813 — 1815 гг. послѣдовалъ періодъ неописаннаго зстоя. Теперь стало уже тривіальной истиной, что деспотическая, подавлявшая всякую умственную и политическую свободу правительственная система того періода стала возможной лишь вслѣдствіе политѣйшаго изнеможенія силъ народныхъ.

Но какъ бы то ни было, въ новѣйшія времена народы все же оправлялись отъ истощенія; а въ древности можно найти не мало примѣровъ даже совершеннаго паденія націй, вслѣдствіе истощенія, и паденіе Рима главнымъ образомъ объясняется именно воинствен- нымъ духомъ этого народа. Гердеръ совершенно основательно замѣ- чаетъ по поводу Рима: „Теперь мнѣ предстоитъ подвести итогъ всему сказанному и показать, какъ, въ силу великаго закона природы, по- нимо роскоши, поимно плебса, сената и рабовъ, *одного воинственнаго дуза Рима* достаточно было, чтобы погубить Римъ и обратить его мечъ противъ его самого, тотъ самый мечъ, которымъ онъ такъ ча- сто каралъ невинные города и націи; но тутъ вмѣсто меня говорить сама исторія. Чтѣ было дѣлать легіонамъ, которые, не насытятся гра- бежомъ, не находили больше добычи, чтѣ было дѣлать имъ, какъ не обратиться противъ своей матери.... Имперія была добыта мечомъ, она должна была быть и защищаема мечомъ или пастъ. Если римлянамъ (время паденія) заблагоразсудилось погрузиться въ дремоту, то оби-

женныя или оскорбленныя ими націи не дремали; онѣ хотѣли мести и отомстили, когда пришло ихъ время. Въ римской имперіи императоръ всегда оставался главнымъ полководцемъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ забывали о своей обязанности, то войско жестоко напоминало имъ о ней. Имперія пала: соперничающіе императоры занимались раздорами, народы тѣснились къ имперіи и приходилось принимать враговъ въ войско, чтобы сдерживать другихъ враговъ. Такимъ образомъ, провинціи были раздроблены и опустошены; гордый вѣчный Римъ палъ наконецъ, покинутый и преданный своими собственными властелинами—ужасающій примѣръ того, какъ завсегодешній духъ большихъ и малыхъ государствъ, въ особенности же, какъ деспотическій солдатскій духъ карается естественными законами. Не было военного государства крѣпче и сильнѣе римскаго, но ничье паденіе за то не было такъ ужасно⁴.

Разница въ положеніи современныхъ народовъ и въ особенности тѣхъ, которые дѣйствуютъ въ настоящемъ столѣтіи, безъ сомнѣнія заключается не только въ лучшей организаціи государства, но и въ распространенности образованія, въ великихъ открытіяхъ новѣйшаго времени, въ мощномъ развитіи торговли и обращенія, которыя производятъ то, что даже самыя тяжелыя потери вознаграждаются въ довольно короткое, сравнительно, время.

Какъ ни тяжела и ни кровопролитна была послѣдняя война, но уже теперь можно сказать безошибочно, что она не истощила силъ обѣихъ націй, и обѣ онѣ оправляются довольно замѣтно, хотя, конечно, въ различной степени. Во-первыхъ, что касается Франціи, то убыль въ населеніи весьма незначительна и при бывшемъ составѣ ея войска гораздо менѣе чувствительна, чѣмъ такая же убыль въ Германіи. Не слѣдуетъ никакъ упускать изъ виду, что дѣйность умственныхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ арміи, при существованіи общей воинской повинности, является слабой стороной нашей системы, и въ Германіи она умѣряется только тѣмъ, что научное образованіе чрезвычайно распространено.

Въ Пруссіи, въ сферѣ научнаго образованія существуетъ даже избытокъ силъ. Во всѣхъ ремеслахъ спросъ превышаетъ предложеніе, и вслѣдствіе этого всѣ стачки обыкновенно увѣнчиваются успѣхомъ. Только въ научныхъ сферахъ предложеніе превышаетъ спросъ, — разумѣется, я говорю не про корифеевъ науки, которымъ вездѣ честь и мѣсто, но про среднюю степень образованія, какую даютъ гимназіи и университеты. У насъ ловкій и прилежный наборщикъ, не получившій, конечно, высшаго образованія, можетъ заработать до 80 талеровъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ корректоръ, отъ котораго требуется высшее образованіе, получаетъ всего какихъ-нибудь 30 талеровъ, и даже помощникъ редактора не всегда получаетъ 1000 талеровъ въ

дѣ. Это, очевидно, есть слѣдствіе отношенія между предложеніемъ спросомъ, или лучше сказать, такъ какъ спросъ довольно равномерно повышается, — слѣдствіе увеличивающагося предложенія.

Какъ еще мало были истощены силы Франціи и Германіи въ послѣднюю войну видно также и изъ того, что опустошительныя болѣзни, спутники войны, почти совсѣмъ не проявлялись, а жатва во Франціи почти повсемѣстно (за весьма незначительными исключеніями) огла быть убрана, такъ какъ двѣ трети страны остались свободными отъ непріятельскаго нашествія. Весьма значительна убыль въ военномъ матеріалѣ, но Франція обладала въ этомъ отношеніи почти неистощимыми богатствами, и въ числѣ утраченнаго ею есть много нигда негоднаго. Затѣмъ идетъ военная контрибуція. Когда впервые въ Франціи потребованы были пять миллиардовъ, то, какъ извѣстно, французскіе уполномоченные вести переговоры объявили, что эта сумма непомѣрна. Между тѣмъ $\frac{2}{3}$ ея уже уплачены и операція далась сравнительно довольно легко. Никакъ нельзя утверждать, чтобы финансы Франціи очень разстроились, и при благоразумномъ управленіи возможно будетъ уплатить все остальное, не вызывая этимъ никакой катастрофы. Финансовыя операціи, вызванныя послѣдней войной между Франціей и Германіей, по своей грандіозности, далеко превышаютъ всѣ прежніе подобныя обороты и также поразительны въ своемъ родѣ, какъ Монъ-Сенискій туннель или желѣзная дорога къ Тихому Океану; только въ позднѣйшее время и развѣ какой-нибудь замѣчательной головѣ удастся изслѣдовать ихъ вліяніе, потому что до сихъ поръ всѣ дѣлаемые выводы оказывались ошибочными. Ни Франція не обнищала деньгами, ни Германія не страдаетъ отъ ихъ наплыва, потому что если деньги здѣсь и обильны, какъ выражаются на биржѣ, если цѣны значительно поднялись, то все это отнюдь не въ ужасающихъ размѣрахъ. Словомъ, деньги, пришедшія изъ Франціи, поглотились общественнымъ организмомъ безъ всякаго видимаго вреда.

Что касается, теперь, нравственныхъ слѣдствій войны, сказывающихся во Франціи, то тутъ факты до того ярки, что легко исправить всякое ложное заключеніе. Само собой разумѣется, что я не намѣренъ вторить тѣмъ нѣмецкимъ шовинистамъ, которые ничего не усматриваютъ во Франціи, кромѣ признаковъ паденія. Образованные нѣмцы воздерживаются отъ такихъ неосновательныхъ сужденій. Они отдають полную справедливость блестящимъ качествамъ французовъ. Но, оставаясь безпристрастнымъ и объективнымъ, всякій прежде всего замѣтитъ, что наполеоновская система, существовавшая въ теченіи 20-ти лѣтъ во Франціи, успѣла оказать самое развращающее вліяніе. Даже въ лучшихъ умахъ Франціи укоренилась странная идея, будто эти двадцать лѣтъ ничего не измѣнили въ положеніи Франціи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности отношенія ея къ другимъ государ-

ствамъ совѣмъ уже не тѣ. Отсюда происходило наивное требованіе, чтобы нѣмцы удовольствовались въ началѣ паденіемъ Наполеона, и въ возраженіяхъ, которыя шли тогда со стороны нѣмецкаго правительства, это послѣднее, заявляя, что каждый народъ отвѣтственъ передъ другими народами за дѣйствія своего правительства, такъ сказать признало принципъ народнаго самодержавія. Любопытно прослѣдить всѣ фазисы, пережитыя общественнымъ мнѣніемъ во Франціи со времени 4-го сентября 1870-го года: умѣренную республику Жюль-Фавра и Трошю, крайнюю республику Гамбетты, взрывъ анти-республиканскихъ и монархическихъ симпатій, которыя проявились на февральскихъ выборахъ 1871-го г. и продуктомъ которыхъ является версальское собраніе, наконецъ — если только это не оптический обманъ — „упроченіе“ республики въ послѣднее время. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ только два чувства оставались неизмѣнными, во-первыхъ, желаніе возмездія относительно Германіи и ненависть къ Наполеону. Въ послѣднее время ненависть эта проявилась съ особенной силой въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ противъ генераловъ и командировъ и достигла своей апогеи въ процессѣ противъ Базена. Какъ мнѣ кажется, только результатъ можетъ показать, разумны ли всѣ эти мѣры или нѣтъ. Необходимо было бы кромѣ того знать мнѣніе французскаго офицерства, и въ особенности генералитета. Отдѣльныя личности могутъ конечно радоваться, что ихъ соперники или начальники притянуты къ суду, но другіе навѣрное (и по всей вѣроятности такихъ большинство) недовольны. Прежде же всего является вопросъ: могутъ ли эти мѣры вызвать больше энергіи со стороны начальниковъ и создать больше дисциплины между солдатами, въ случаѣ новой войны?

Многія другія явленія быть можетъ еще болѣе опаснаго свойства, но они являются вездѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ великихъ катастрофъ, и Найзверг говорилъ о „безпардонности настроенія“, которое проявилось въ Пруссіи, послѣ Іенской катастрофы. Какъ бы то ни было, но въ тогдашней Пруссіи поворотъ къ лучшему наступилъ быстрѣе, чѣмъ въ теперешней Франціи. Уже зимою 1807 — 1808 г. Фихте говорилъ свои рѣчи къ нѣмецкой націи, рѣчи, составившія эпоху. Главнѣйшее же преимущество тогдашней Пруссіи заключается въ томъ, что она обладала нѣсколькими замѣчательными государственными людьми, между тѣмъ какъ во Франціи еще не выдвинулось до сихъ поръ ни одного, а Тьеръ человекъ, слишкомъ старыхъ понатій, чтобы прозвѣсти глубокое преобразование. Самымъ же опаснымъ симптомомъ является то, что сами либералы пасуютъ. Даже свободомыслящій Ренанъ объявилъ, что Франція должна заключить союзъ съ ультрамонтанами, а парижскія газеты чрезвычайно какъ радовались неустѣху пересмотра швейцарской конституціи, о которомъ глубоко сожалеютъ швейцарскіе патріоты.

Въ Германіи, которая также ревностно, какъ и Франція, преда-
лась мирной работѣ, производительному труду, первымъ слѣдствіемъ
войны, проявившемся еще въ разгаръ самой войны, оказалось стрем-
леніе къ единству, и это движеніе постоянно усиливается. Тамъ и
здесь прорывается иногда старый духъ партикуляризма, но однѣ раз-
нѣ чрезвычайныя катастрофы смогутъ остановить это движеніе и раз-
рушить его результаты. Опасенія, какъ бы военный элементъ не по-
лучилъ преобладанія въ государствѣ, такъ же мало оправдались, какъ
и въ іюль, что вслѣдствіе войны восторжествуетъ реакція. Прогрессъ,
правда, не идетъ особенно быстрыми шагами, но не было еще ни од-
ной мѣры, которую можно было бы назвать дѣйствительно реакціон-
ной. Всего основательнѣе жалобы прессы; налогъ на газетные штем-
пеля еще не отмененъ, и новый, давно обѣщанный законъ о печати
не будетъ внесенъ въ рейхстагъ въ настоящую сессію. Но не одно
правительство виновато въ томъ, а также и безучастіе парламента къ
прессѣ.

Совсѣмъ тѣмъ судебная власть на практикѣ стала гораздо мягче,
тѣмъ была прежде, и процессы противъ печати сравнительно довольно
рѣдки, за исключеніемъ процессовъ противъ социалистовъ - демокра-
товъ. Большимъ недостаткомъ является до сихъ поръ безнаказанность,
которой пользуются служащіе. Очень трудно порицать дѣйствія ка-
кого-нибудь чиновника безъ того, чтобы не придти въ столкновеніе
съ судомъ, а между тѣмъ пресса именно въ этомъ самомъ отношеніи
можетъ оказать существенныя услуги обществу. На этомъ пунктѣ
трудно будетъ побѣдить сопротивленіе правительства, такъ какъ оно
бояться потрясенія чиновничьяго авторитета. Это опасеніе высказалось
также и въ новомъ имперскомъ законѣ о должностныхъ лицахъ, ко-
торый былъ внесенъ въ рейхстагъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля и
причинилъ такой раздоръ, что его пришлось вернуть обратно въ ком-
миссію, гдѣ онъ обрѣтается до сихъ поръ. Вернуть въ этомъ самомъ
засѣданіи предложилъ такую поправку въ законопроектъ, чтобы сдѣ-
лать имперскихъ чиновниковъ отвѣтственными передъ закономъ за
ихъ дѣйствія: „Если же чиновникъ дѣйствовалъ по приказанію своего
начальника, которое не выходило за предѣлы компетентности послѣд-
няго и дано было въ законной формѣ, тогда гражданская и слу-
жебная отвѣтственность падаетъ на распорядителя“. Но противъ
этого представители правительства возстали изъ всѣхъ силъ, и Дель-
брюккъ, усмотрѣвъ опасность для дисциплины, объявилъ, что союз-
ный совѣтъ не согласится на такую поправку. Ласкеръ основательно
сослался при этомъ на законы Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, отвѣт-
ственность должностныхъ лицъ существуетъ въ самомъ широкомъ
объемѣ. Отвѣтственность низшихъ чиновниковъ, жандармовъ, ночныхъ
сторожей и пр. въ сущности гораздо важнѣе для общественнаго по-

ряда, чѣмъ отвѣтственность министровъ. Въ Пруссіи эти чиновники почти неуловимы для закона. Въ Лондонѣ, гдѣ полиція рѣшительно лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, полицейскій отвѣтственъ не только передъ гражданскими законами, но и со стороны служебной. Лондонскій предсѣдатель полиціи, которымъ по обычаю бываетъ прокуроръ, немедленно увольняетъ отъ службы всякаго полицейскаго, который навлекаетъ на себя своими неосторожными поступками гражданскій процессъ. Въ Англіи даже судебныя преслѣдованія противъ чиновниковъ сопровождаются немедленнымъ арестомъ, чтобы пресѣчь путь къ неяве на судъ, а между тѣмъ дисциплина тамъ вовсе не распатана. Дельбрюкъ приводилъ въ примѣръ, во время преній, государственныя желѣзныя дороги, причеъ ему казалось невозможнымъ, чтобы чиновники могли нести гражданскую отвѣтственность, на что Микель справедливо возражалъ ему, что на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ чиновники отвѣтственны передъ закономъ и что служба отъ этого нисколько не страдаетъ.

За то правительство дало доказательство либеральнаго настроенія блистательнымъ устройствомъ Страсбургскаго университета. Даже во Франціи это признается, хотя и неохотно. Основаніе университета и въ особенности празднество 1-го мая, по случаю его открытія (всѣ расходы принялъ императоръ на свой собственный счетъ) слѣдуетъ признать данью наукъ. Нѣмецкое юношество приняло живое участіе въ празднествѣ; а число студентовъ для начала весьма значительно.

Если изображать обстоятельно современное состояніе Германіи, то нужно сознаться, что въ массѣ народа послѣдствія великихъ событій 1870-го и 1871-го годовъ выражаются сильнымъ утомленіемъ и большимъ безучастіемъ въ политической и особенно парламентской жизни, и что движеніе главнѣйшимъ образомъ ведется правительствомъ и высшимъ образованнымъ кружкомъ. Совершенно несправедливо было бы утверждать, что счастливая война осталась безъ невыгодныхъ послѣдствій для нѣмецкаго народа; склонность къ матеріализму, стремленіе къ обогащенію, эгонизмъ — значительно усилились послѣ войны, хотя я не думаю, чтобы въ этомъ заключалась большая опасность, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Малое участіе толпы въ политикѣ не есть несчастье, потому что она сравнительно мало подготовлена къ занятіямъ политикой и, находясь въ политическомъ возбужденіи, позволяетъ собою руководить людямъ, приводящимъ ловкіе доводы. Безучастіе это высказывается какъ въ политикѣ, такъ и въ политико-церковныхъ вопросахъ. Большинство протестантовъ относится вполнѣ индифферентно къ поступкамъ ультрамонтанской партіи, которая господствуетъ въ высшемъ церковномъ совѣтѣ, въ консисторіяхъ и на лучшихъ церковныхъ должностяхъ, и все старокатолическое движеніе между католиками есть мертворожденный во-

прось. Однако это движеніе дало поводъ другому болѣе сильному, и потому имѣетъ значеніе. Въ своихъ прежнихъ письмахъ, въ теченіи послѣдняго года, я часто и подробно обсуждалъ религіозный вопросъ: уже давно этотъ вопросъ былъ на очереди, въ настоящее же время онъ столь важенъ, что отъ разрѣшенія его зависить вся будущая политика Германіи. Невозможно даже говорить о политикѣ, не начавъ съ великой борьбы, возникшей въ наши дни между Римомъ и Германскою имперіей.

Еще въ началѣ прошедшаго года произошелъ рѣшительный разрывъ съ клерикалами по поводу адреса, въ которомъ рейхстагъ одобрялъ политику невмѣшательства по папскому вопросу, заявленную императоромъ въ тронной рѣчи. На дняхъ, въ брошюрѣ одного ультрамонтана ¹⁾ было высказано, весьма откровенно, значеніе этого памятнаго адреса и того измѣненія, котораго требовали въ немъ клерикалы ²⁾. Въ этой брошюрѣ говорится, что клерикальная партія должна противоdѣйствовать установленному большинствомъ положенію, „потому что считаетъ принципъ невмѣшательства, въ той формѣ, въ какой онъ одобренъ большинствомъ, противорѣчащимъ принципу народнаго права; потому что должно считать эту фразу (адреса) направленной противъ требованій католическихъ подданныхъ имперіи, противъ поддержки, которую слѣдуетъ оказывать ихъ главѣ; потому что она никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы первый принципъ, установленный парламентомъ, предоставлялъ полную свободу революціонной политикѣ Италіи“. Немного далѣе слѣдуетъ: „фракція не смѣла допустить, чтобы въ Германской имперіи былъ нарушенъ неоспоримый политическій принципъ: *международнаго характера римскаго вопроса*“. Съ тѣхъ поръ „международный характеръ римскаго вопроса“ выяснился, и для правительства стало вполне ясно, что въ этомъ *международномъ характерѣ* заключается весьма большая опасность для *государства*. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, во время обсужденія въ прусскомъ ландтагѣ закона о надзорѣ за училищами, высказалъ весьма откровенно причины, заставившія его измѣнить свои отношенія къ ультрамонтамъ. По возвращеніи изъ Франціи его испугало вліяніе, оказанное клерикалами на выборы. Съ тѣхъ поръ канцлеръ сталъ заниматься ультрамонтанскимъ вопросомъ и при этомъ узналъ множество фактовъ, до того времени ему неизвѣстныхъ. 1-го апрѣля (прошлаго года) происходили

¹⁾ Die Sünde des Liberalismus im ersten Jahre des neuen deutschen Reichs, von einem rheinpreussischen Juristen. Leipzig. F. E. C. Leuckart.

²⁾ Въ адресѣ было сказано: „Дни *вмѣшательства* во внутреннюю жизнь другихъ народовъ не вернутся ни *подъ какими предлогами* и ни *въ какой формѣ*“, и значеніе этой фразы было особенно ясно, потому что передъ тѣмъ около 60-ти членовъ прусской палаты депутатовъ обращались къ императору съ цѣлью обратить его вниманіе на положеніе нами.

дебаты объ основныхъ правахъ, причемъ центръ предлагалъ, чтобы въ имперскую конституцію былъ внесенъ, на ряду съ свободою прессы, правомъ собраній и сходовъ, параграфъ, обеспечивающій самостоятельность церкви и свободу религиозныхъ убѣждений. Предложеніе звучало необыкновенно либерально, но депутатъ Трейчке обратилъ вниманіе на обратную сторону его, заключающуюся въ томъ, что составители не взяли изъ прусскихъ основныхъ законовъ самаго лучшаго положенія: „наука и ея ученія свободны“, а двадцатилѣтній опытъ такъ прекрасно научилъ, что ультрамонтаны всякую свободу, предоставляемую государствомъ *всѣмъ*, употребляютъ на то, чтобы подавить свободу *всѣхъ*.

Большинство рейхстага не попало на этотъ разъ въ западню и отклонило предложенія ультрамонтановъ. Это двойное пораженіе ультрамонтановъ ожесточило ихъ въ высшей степени, и правительство стало за неприязнь платить имъ тою же монетою. Три дня спустя по окончаніи дебатовъ объ основныхъ правахъ, въ офиціозной газетѣ „*Provincial-Correspondenz*“ появилась статья, въ которой выражено сожалѣніе, что первыя пренія рейхстага переполнены конфессіональной борьбой, отъ которой здравомыслящіе политики должны ограждать нашу политическую жизнь. Во время сессіи князь Бисмаркъ сдѣлалъ замѣчательный шагъ: онъ пожаловался въ Римъ на поведеніе ультрамонтанской фракціи, и кардиналъ Антонелли отвѣчалъ представителю германскаго правительства, что не одобряетъ ихъ поведеніе въ рейхстагѣ, но, какъ кажется, въ то же время отвѣчалъ самимъ ультрамонтанамъ совершенно въ другомъ смыслѣ. Дѣло это такъ вполне и не разъяснилось. Прежде всего было опубликовано письмо князя Бисмарка къ одному силезскому графу Франкенбергу, принадлежащему къ свободно-консервативной партіи, въ которомъ князь сообщаетъ графу, что онъ написалъ посольству германской имперіи въ Римъ убѣдиться въ томъ, соответствуетъ ли поведеніе партіи центра папскимъ предписаніямъ, и что кардиналъ - государственный секретарь Антонелли отвѣчалъ положительно графу Тауфкирхену (германскому послу), что „поведеніе партіи не одобряется высшимъ духовнымъ постомъ въ Римѣ“. Вслѣдствіе опубликованія этого письма майнскій епископъ Бетлеръ, руководитель центра, обратился къ Антонелли, который заявилъ, что съ его стороны не было никакого неодобренія поступковъ центральной фракціи, и гласящее въ этомъ смыслѣ сообщеніе графа Тауфкирхена основано на заблужденіи кардинала на счетъ намѣреній центральной фракціи, заблужденія, въ которое онъ былъ введенъ отчасти недостаточностью газетныхъ извѣстій, особенно же офиціальнымъ объясненіемъ въ Римѣ съ посланникомъ Германской имперіи, по порученію имперскаго канцлера князя Бисмарка, а именно, что парламентское вліяніе центральной фракціи стремится къ восстановленію въ Германской имперіи управленія на основаніи законовъ.

Это двусмысленное положеніе разжигало вражду, и 8-го іюля появился королевскій приказъ, по которому сокращалось католическое отѣленіе въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и бывший директоръ его, беръ-регірунгсратъ Кретцигъ, оставался за штатомъ,—мѣра, не оставившая болѣе сомнѣнія въ ультрамонтанахъ, что правительство *не цулитъ*. Еще въ апрѣлѣ прошлаго года ультрамонтаны основали въ Берлинѣ свой органъ „*Germania*“, занявшій въ короткое время первое мѣсто между католическими органами Германіи и въ настоящее время насчитывающій до 7,000 подписчиковъ. Слѣдуетъ отдать справедливость ультрамонтанамъ, что они умѣютъ цѣнить значеніе печати, „*Germania*“ весьма много способствовала организаціи ультрамонтанской партіи. Подобный центральный органъ въ высшей степени важенъ для партіи, разбросанной на столь большомъ пространствѣ. Недавно къ нумеру „*Germania*“ былъ приложенъ списокъ подписчиковъ, дающій вѣрную картину ея распространенія или, что то же, распространенія ультрамонтанства въ Германіи. Понятно, что „*Germania*“ насчитываетъ наибольшее число подписчиковъ въ Берлинѣ (600), не потому, чтобы ультрамонтанская партія была здѣсь особенно многочисленна, а потому, что „*Germania*“—берлинская газета и получается многими изъ ея противниковъ. Въ Мюнхенѣ—142 подписчика, въ Кѣльнѣ—132, Мюнстерѣ—108, Ульмѣ—101; въ Штутгартѣ—87, Аугсбургѣ—86, Регенсбургѣ—66, Ахенѣ—62, Кобленцѣ—58, Оснабрюкѣ—57, Падерборнѣ—51, Липштатѣ и Вюрцбургѣ—45, Трирѣ и Тюбингенѣ—41, Везелѣ—40, Данцигѣ—39, Бреславлѣ—36, Нюрнбергѣ—35 и т. д. Такъ какъ каждое изъ этихъ мѣстъ имѣетъ, сверхъ того, свою мѣстную ультрамонтанскую прессу, то изъ этого можно видѣть, какъ велико рвеніе этой партіи.

Все это гнѣзда ультрамонтанства. Но не менѣе важно распространеніе въ среднемъ числѣ экземпляровъ, такъ что въ 159 мѣстъ (я далъ себѣ трудъ сосчитать) посылается по два экземпляра, а въ 340 мѣстъ по одному. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ у ультрамонтановъ есть два агента или по меньшей мѣрѣ одинъ. Но рядомъ съ большимъ центральнымъ органомъ не забывается также и мѣстная пресса. На Рейнѣ и въ Вестфалии ультрамонтанскія газеты и газетки растутъ, какъ грибы послѣ дождя, а въ Верхней Силезіи маленькая польская печать, усерднѣйшимъ образомъ распространяемая духовенствомъ между населеніемъ, исключительно ультрамонтанская.

Одинъ либераль изъ Бонна писалъ недавно: „Въ провинціи, которая съ 1830 г. шла во главѣ свободнаго движенія, трубы которой вѣчно дымятся, а фабрики никогда не бездѣйствуютъ; на свободномыслящемъ, просвѣщенномъ, либеральномъ Рейнѣ царствуетъ *ночь*. Кто слѣдитъ внимательно за отношеніями, кто наблюдаетъ за посто-

мно растущимъ числомъ ультрамонтанскихъ депутатовъ ¹⁾, за массовъ
нетицій въ пользу іезуитовъ, тотъ при фразѣ „просвѣщенный Рейнъ“
только горько улыбнется. За исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ го-
родовъ почти вся провинція находится въ рукахъ ультрамонтановъ.
Да и въ самомъ Кельнѣ, Крефельдѣ и т. д. только высшіе бюргеры
стоятъ за національный флагъ: низшіе классы все болѣе и болѣе тяготѣ-
ютъ или къ социалистамъ, или къ іезуитамъ. Какъ въ эпоху борьбы между
Гвельфами и Гибеллинами выступаетъ *ecclesia militans* передъ мелкими
собственниками, крестьянами, рабочими, ремесленниками маленькихъ
городковъ, съ одной стороны обѣщая имъ всевозможныя вольности,
освобожденіе отъ воинской повинности, освобожденіе отъ подавляю-
щихъ налоговъ, отъ тягостной государственной организаціи, хотя съ
другой стороны награждаетъ школой строго-поповской, безусловнымъ
церковнымъ бракомъ, іерархическимъ порядкомъ съ непогрѣшимымъ
папой во главѣ. Къ этому состоянію мы пришли частію по винѣ пра-
вительства, которое въ союзѣ съ католической партіей усматриваетъ
вѣрнѣйшую поддержку существующаго порядка вещей, частію благо-
даря поверхностному либерализму, который воображаетъ, что дѣло
подвигается отъ „страшныхъ“ словъ, въ родѣ „народная свобода“
и т. п. или отъ „зажигательныхъ“ рѣчей о свободномъ развитіи на-
рода, сказанныхъ на стрѣлковыхъ или гимнастическихъ торжествахъ,
и не имѣетъ никакого понятія о могуществѣ ультрамонтанской ага-
таціи, объ ея безумной энергіи и адской хитрости, объ ея живучести
и рѣшимости“.

Самыми главными и настоящими зачинщиками этого могучаго дви-
женія были іезуиты. Когда въ 1869 г. іезуитскій вопросъ поднятъ
былъ въ палатѣ депутатовъ, королевское правительство сообщило,
что въ настоящее время (то-есть въ ту эпоху) правительству извѣст-
но о существованіи 14-ти общинъ ордена іезуитовъ, насчитывающихъ
221 члена и 29 послушниковъ, въ цѣломъ же 826 различныхъ общинъ
и братствъ мужскихъ и женскихъ съ 5826 членами и 1564 послуш-
никами и послушницами, но что оно не можетъ ручаться за полную
своихъ свѣдѣній. Официальный документъ іезуитовъ, *Catalogus Socio-
rum et officiorum pro 1871*, напечатанный въ Регенсбургѣ у Фрид-
риха Пустера, содержитъ слѣдующія данныя о числѣ *немецкихъ* чле-
новъ іезуитскаго ордена. Существуютъ: въ Ахенѣ 22 патера, въ Бон-
нѣ 9, въ Крейцбургѣ 4, въ Кельнѣ 16, въ Кобленцѣ 7, въ Эссенѣ 7,
въ Фельдкиршѣ 17, въ Фридрихсбургѣ въ Вестфалии 9, въ Горлемиѣ
11, въ Маріа-Лаахѣ 40, въ Майнцѣ 9, въ Мюнстерѣ 12, въ Падер-
борнѣ 35, въ Регенсбургѣ 13, въ Римѣ 4, въ Швейцаріи 7, въ Бель-
гін 8, во Франціи 21, въ Англіи 2, въ Бомбей 35, въ Бразиліи 18,

¹⁾ Изъ 35-ти депутатовъ рейнской провинціи, 23 пристали къ фракціи центра.

въ Нью-Йоркѣ 3, въ Буффало 12, въ Толедо (Ohio) 6, въ Мерилэндѣ 4, въ Миссури 5, въ Калифорніи 3, въ Квито 2, въ Чили 4, въ Парагваѣ 5 (въ итогѣ 341). По всей вѣроятности эта цифра ниже настоящей. Но какъ бы то ни было іезуиты доказали на Ватиканскомъ соборѣ, что они владѣютъ римской церковью и вліяніе ихъ сказывается повсемѣстно. Всего болѣе оскорбилось правительство симпатіями, которыя ультрамонтаны выказали съ одной стороны интернационаламъ (отсюда происходитъ часто употребляемое выраженіе *красныхъ и черныхъ интернационаловъ*), съ другой стороны къ враждебнымъ движеніямъ противъ единства Германіи. Совсѣмъ тѣмъ лѣто и осень прошли совсѣмъ спокойно. Распущеніе католическаго отдѣленія министерства духовныхъ дѣлъ казалось повидимому крайнимъ усиленіемъ со стороны правительства, только въ Баваріи случилось важное событіе: графъ Брай, который хотя и былъ человекомъ умѣренныхъ воззрѣній, но въ душѣ склонялся къ баварской „патріотической партіи“, вышелъ въ отставку и на его мѣсто назначенъ былъ министромъ-президентомъ графъ Гегенбергъ-Дуксъ; но душой новаго министерства былъ тогдашній министръ юстиціи, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Лутцъ, энергическій и рѣшительный противникъ ультрамонтанства, который прежде всего указалъ на опасность для государства, заключающуюся въ догматахъ о непогрѣшимости папъ, и много содѣйствовалъ тому, что прусское правительство рѣшилось наконецъ принять дальнѣйшія мѣры. Вамъ извѣстно, что министръ духовныхъ дѣлъ ф.-Мюлеръ выработалъ, по настоянію всего министерства, проектъ закона о надзорѣ за училищами, и что ему не пришлось предстать передъ прусской палатой со своимъ проектомъ, потому что тѣмъ временемъ онъ былъ замѣненъ Фалькомъ. Фалькъ провелъ законъ о надзорѣ самымъ блестящимъ образомъ. Когда законъ вступилъ въ силу, то были экстренныя ревизіи школъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ ультрамонтаны особенно сильны, и порядочное число духовныхъ лицъ, скомпрометтированныхъ поддержкою ультрамонтанскихъ стремленій, были удалены отъ должностей инспекторовъ. Законъ о надзорѣ за училищами возбудилъ чуть ли не большее негодованіе ультра-лютеранъ, чѣмъ ультра-католиковъ. Въ то время какъ эти послѣдніе были настолько осторожны, что рѣшились преклониться предъ грозой, въ надеждѣ что придетъ время, когда они снова будутъ въ состояніи поднять голову, и каждое духовное лицо рѣшилось спокойно продолжать надзоръ за училищами, пока онъ не будетъ у нихъ отнятъ правительствомъ (участь, которая можетъ постигнуть только *некоторые* изъ нихъ, во-первыхъ потому, что правительство не пожелаетъ понапрасну наживать себѣ враговъ между католическимъ духовенствомъ, а во-вторыхъ, что часто нѣтъ на лицо лучшихъ инспек-

торовъ ¹⁾ — евангелическое духовенство и слышать не хотѣло, чтобы должность, по выраженію нѣкоторыхъ гессенскихъ духовныхъ лицъ, дарованная имъ самимъ Іисусомъ, была у нихъ отнята. Нѣкоторые изъ высшихъ церковныхъ сановниковъ, особенно ихъ провинціальныхъ консисторій, выразили свое неудовольствіе по поводу закона въ весьма жесткихъ посланіяхъ, и президентъ провинціальной консисторіи въ Бранденбургѣ, Гегель (сынъ знаменитаго философа), былъ настолько неумѣренъ въ своихъ выраженіяхъ, что получилъ выговоръ отъ министра просвѣщенія. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на другія консисторіи, не успѣвшія еще высказаться, и заставилъ ихъ умѣрить свой тонъ.

Нѣсколько сложнѣе была такъ-называемая *браунсбергская исторія*. Извѣстно, что многіе католическіе епископы считали себя вынужденными *отлучить отъ церкви* тѣхъ католиковъ, которые не вѣрятъ въ догматъ непогрѣшимости папы, установленный на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ. Такое отлученіе воспрещало вѣрующимъ всякое общеніе съ отлученными. Отлученіе было любимымъ средствомъ, къ которому прибѣгала церковь въ средніе вѣка, чтобы заставить себя повиноваться, но оно совершенно вышло изъ употребленія, и всякій „просвѣщенный человѣкъ“ смѣялся надъ громомъ, исходящимъ изъ Рима, и ставилъ его на одну доску съ громовыми стрѣлами Юпитера и театральнымъ громомъ, что однако не помѣшало ультрамонтанамъ вытащить это орудіе изъ стараго чулана и придти къ убѣжденію, что оно еще можетъ отлично послужить имъ.

Кѣльнская газета разсказала недавно одинъ весьма печальный случай, подтверждающійся документами и случившійся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ: одинъ зажиточный купецъ былъ совершенно разоренъ вслѣдствіе отлученія его отъ церкви и доведенъ этимъ до такого отчаянія, что наконецъ лишилъ себя жизни. Легко понять, что въ маленькихъ католическихъ мѣстечкахъ отлученіе ставитъ въ весьма непріятное положеніе. Но нельзя назвать также пріятнымъ недавній случай на Рейнѣ, бывший съ двумя профессорами, отлученнымъ

¹⁾ По конституціи право надзора принадлежитъ исключительно государству (парагр. 23 прусск. конст.), ближайшая же организація этого надзора представлена закону объ учебномъ дѣлѣ, который и по настоящее время еще не выработанъ, такъ что теперешній способъ надзора основывается на *обычныхъ правахъ страны* и обычаяхъ. Высшій надзоръ надъ всей учебной частью принадлежитъ министерству просвѣщенія. Учебными дѣлами въ провинціяхъ заведуетъ председатель *провинціальныхъ школьныхъ комитетовъ*. Специальному надзору этихъ комитетовъ подлежатъ классическія и реальныя школы. Элементарныя и бюргерскія школы подвѣдомственны правительству. Мѣстный надзоръ надъ народными школами порученъ *школьнымъ управленіямъ* въ деревняхъ, *школьной депутаціи* въ городахъ и мѣстному духовенству; надзоръ за школами цѣлаго округа принадлежитъ *школьнымъ инспекторамъ*. Должность эта не оплачивается и вознаграждаются только расходы по проѣзду и т. п.

епископѣ, которыхъ капелланѣ выгнали изъ церкви. Право, когда читаешь о подобныхъ вещахъ, то невольно отдаешь справедливость древнему Лукрецію, хотя онъ и азычникъ, и эпикурецъ и атеистъ:

Tantum religio potuit suadere malorum!

Въ браунсбергской исторіи столкновение между церковью и государствомъ, по поводу подобнаго церковнаго наказанія, вышло весьма рѣзкимъ. Назначенный правительствомъ учитель въ браунсбергскую гимназію, докторъ Вольманъ присоединился къ партіи, непризнающей непогрѣшимости, и вслѣдствіе этого епископъ эрмландскій, въ округѣ котораго находится Браунсбергъ, лишилъ его церковнаго полномочія заниматься преподаваніемъ (такъ-наз. *missio canonica*), не спросивъ даже о томъ предварительно правительство. Министерство постановило (29 іюня прош. года) по этому поводу неудачное рѣшеніе. Оно рѣшило, что по закону тѣ ученики браунсбергской гимназіи, которые не желаютъ посѣщать уроки закона Божія доктора Вольмана, должны вѣдти изъ гимназіи (что совершенно вѣрно, потому что уроки закона Божія *обязательны*). Рѣшеніе неудачно, потому что оно необходимо должно было повлечь за собой результатъ, несогласный съ желаніемъ министерства. Правительство ни подъ какимъ видомъ не желаетъ стѣснять совѣсть, ему совершенно все равно, вѣрить ли католикъ въ непогрѣшимость, или нѣтъ, и поэтому оно совершенно справедливо, если не видитъ основанія въ ватиканскомъ рѣшеніи устранять учителя закона Божія, назначеннаго до постановленія собора, но оно поступаетъ непоследовательно, требуя отъ гимназистовъ, чтобы они точно также думали. Многие изъ нихъ вѣрятъ, или выдаютъ себя за вѣрующихъ въ то, что спасеніе ихъ душъ пострадаетъ отъ преподаванія имъ закона Божія человекомъ, невѣрующимъ въ непогрѣшимость, и вслѣдствіе этого оставляютъ гимназію. Разумѣется, клерикалы употребили всѣ усилія, чтобы по возможности болѣешииство пришло къ такому рѣшенію, и дѣйствительно, насколько я помню, около 60-ти гимназистовъ вышли. Правительство увидѣло свою ошибку и перенесло споръ на другую почву. Докторъ Вольманъ продолжалъ учительствовать и не измѣнилъ своего взгляда относительно ватиканскаго рѣшенія. Тогда епископъ отлучилъ его отъ церкви и оповѣстилъ великое отлученіе. „*Pastoralblatt für Ermland*“ публиковалъ сверхъ того статью о значеніи отлученія, въ которой значилось: „вѣрующимъ строго вмѣняется въ обязанность прерывать *всякія* сношенія съ удаленными изъ церкви, въ чемъ бы она ни выражались, въ *посѣщеніяхъ, поклоняхъ, занятіяхъ обученіемъ* и т. д. Кто продолжаетъ свои сношенія съ отлученными, тотъ подвергается малому отлученію“.

Вслѣдъ затѣмъ министръ просвѣщенія Фалькъ отправилъ къ епископу посланіе, въ которомъ просилъ его устранить противорѣчіе, за-

иѣченное между иѣрами, имъ принятыми, и законами страны (общее право страны опредѣляетъ, что исключеніе изъ прихода, насколько оно связано съ невыгодными послѣдствіями для гражданской чести исключеннаго, нуждается въ предварительномъ одобреніи правительства) и довести до свѣдѣнія своей паствы, что противорѣчіе это устранено. Если же это не будетъ исполнено, то довѣріе правительства къ епископу пошатнется и оно прекратитъ officialныя сношенія съ управленіемъ епархіи, подвѣдомственной епископу.

Въ своемъ отвѣтѣ епископъ Кременцъ оспариваетъ прежде всего то, что отлученіе отъ церкви наносить ущербъ гражданскимъ правамъ отлученнаго, и приводитъ затѣмъ, что онъ строго держался предписаній католическаго церковнаго права. Если же въ церковномъ правѣ существуютъ противорѣчія, то это до него не относится, устранять подобныя противорѣчія дѣло высшаго государственнаго и церковнаго начальства.

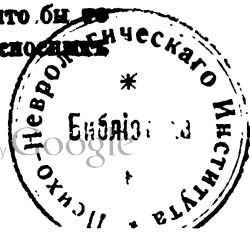
Отвѣтъ епископа Кременца написанъ 30-го марта, и правительство, при несложности дѣла, могло бы полтора мѣсяца тому назадъ выражать на него, однако оно промолчало весь апрѣль. Причина его молчанія заключалась въ томъ, что князь Бисмаркъ имѣлъ въ головѣ мысль сдѣлать послѣднюю попытку примиренія съ папой, посредствомъ назначенія посланникомъ германской имперіи при папскомъ престолѣ кардинала принца Гогенлоэ. Чтобы слѣдить за фактами въ хронологическомъ порядкѣ, я остановлюсь на этомъ назначеніи. Объ немъ было такъ много говорено, что критика всего высказаннаго не лезла. Не ручаясь за полную достовѣрность всѣхъ сообщаемыхъ мною подробностей, я могу только завѣрить, что почерпалъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ и, насколько было возможно, провѣрялъ ихъ.

Желалъ ли Бисмаркъ, посредствомъ назначенія Гогенлоэ, дѣйствительно достигнуть примиренія съ папой, или рассчитывалъ на то, что послѣдовало — рѣшить трудно, но я полагаю, что цѣлью его было дѣйствительно установить дружественныя отношенія съ куріей. Конечно, въ настоящее время разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ только историческій интересъ. Бисмаркъ дѣлаетъ видъ, что отклоненіе, сдѣланное папой, случилось для него совершенно неожиданно, а поступаетъ такъ, какъ будто давно былъ къ нему готовъ.

Кардиналъ принцъ Гогенлоэ происходитъ изъ фамиліи Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ. Одинъ изъ его старшихъ братьевъ, принцъ Клодвигъ, старшій въ родѣ, живетъ въ Баваріи, въ 1867-мъ до 1870-го года былъ баварскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ настоящее время вице-президентъ германскаго рейхстага; второй братъ, герцогъ Викторъ фонъ-Ратиборъ (принцъ фонъ-Корвей и принцъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ) владѣетъ фамильными помѣстьями въ Верхней Силезіи. Несмотря на знатное имя, фамилія Гогенлоэ не богата, и

третій братъ вступилъ въ духовное сословіе, которое ему обещало блестящую карьеру. Уже въ 1860-мъ году онъ былъ духовникомъ папы и пользовался особенною милостію его свѣтѣйшества; своимъ удаленіемъ онъ обязанъ іезуитамъ. На ватиканскомъ соборѣ онъ принадлежалъ къ противникамъ догмата непогрѣдимости, но не подаль голоса противъ этого догмата, потому что при подачѣ голоса не присутствовалъ. Послѣ вѣрія Рима италинцами, онъ переселился въ Германію, гдѣ и остался жить. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ отъявленный врагъ іезуитовъ, и ходитъ даже слухъ, что его сестра, вступившая въ монастырь, была поднесена однажды ядъ, отъ котораго она съ трудомъ была спасена. Такимъ образомъ, кардиналъ представлялъ собою личность, въ какой здѣсь нуждались противники ультрамонтановъ, личность не некрѣпкая для папы, вѣснотри на случившіяся между ними недоразумѣнія, и можно было надѣяться, что назначеніе его установитъ сносіимъ отношенія между германскимъ государствомъ и куріей. Въ прежнія времена кардиналы часто бывали представителями иностранныхъ державъ при папскомъ дворѣ, и такое назначеніе могло быть для папы только лестно. Когда назначеніе состоялось, папа былъ увѣдомленъ о немъ нѣмецкимъ правительствомъ и письмомъ самого кардинала. Письмо кардинала опубликовано римскимъ корреспондентомъ «Times». Онъ высказываетъ въ немъ положительно, что при берлинскомъ дворѣ желаютъ мирныхъ отношеній съ папой, и его назначеніе посланникомъ есть заявленіе этого мирнаго настроенія умовъ. Отвѣтъ папы остался неизвѣстенъ, но все дѣйствіе видно, что папа въ общихъ выраженіяхъ отвѣчалъ, что не можетъ раздѣлять мнѣній кардинала. Неуваженіе, оказанное папой нѣмецкому правительству, хуже самаго отклоненія посольства Гогенлоэ.

Увѣдомленіе правительства о послѣдовавшемъ назначеніи оставалось еще безъ отвѣта, а ультрамонтанскія газеты въ Парижѣ, Мюнхенѣ, Оснабрюкѣ и другихъ главныхъ центрахъ ультрамонтанства, уже возмѣщали объ его отклоненіи. Вслѣдствіе этого римскому позвѣренному въ дѣлахъ предписано было по телеграфу потребовать отвѣта отъ кардинала Антонелли; отвѣтъ былъ таковъ, что папа не можетъ разрѣшить кардиналу принять на себя подобную должностъ. Такой отвѣтъ, конечно, вполне неудовлетворителенъ, потому что въ прежнія времена кардиналы такъ часто бывали посланниками. Насколько здѣсь извѣстно, вначалѣ папа склонялся признать выборъ Гогенлоэ, но іезуиты и приверженцы ультрамонтано-легитимистской партіи въ Италіи, Франціи, Бельгій и Германіи употребили все свое вліяніе, чтобы убѣдить папу принять противоположное рѣшеніе, такъ какъ они во что бы то ни стало стараются мѣнять установленію сколько-нибудь сносіимъ

отношеній между Римомъ и Германіей и всѣ ихъ надежды сосредоточены на войнѣ между обоими государствами.

Отклоненіе, сдѣланное папой, поразило, какъ ударъ грома. Двое сутокъ официальные органы были въ затрудненіи, что имъ говорить, и отдѣлялись одними общими мѣстами. Наконецъ, единогласно заявили, что такъ какъ папа не принялъ примиряющаго предложенія императора, то отказъ его есть оскорбленіе для императора. При томъ уваженіи, которымъ пользуется императоръ, большинство нѣмецкаго народа приметъ сдѣланное императору оскорбленіе за оскорбленіе самой націи. Ничто не возбудило такъ воинственнаго пыла нѣмецкаго народа, лѣтомъ 1870 года, какъ требованіе императора Наполеона, чтобы король Вильгельмъ далъ письменное обѣщаніе относительно гогенцоллернской кандидатуры, и затѣмъ все поведеніе Бенедетти въ Фмсѣ, признанное оскорбительнымъ для короля. Это понятно для всякаго простолюдина и не пройдетъ безслѣдно и на этотъ разъ.

Поступокъ папы подоспѣлъ какъ нельзя болѣе во время, потому что рейхстагу предстояло разрѣшать предложенія, внесенныя по вопросу о іезуитахъ. Предложенія эти оставались неразрѣшенными (насколько видно изъ совѣщаній коммиссіи и частныхъ обсужденій вопроса), разрѣшить же ихъ малымъ большинствомъ значило бы нивелировать рейхстагъ и доставить триумфъ ультрамонтанамъ. Превосходною подготовкою къ парламентской борьбѣ послужило также внимательное изученіе іезуитскихъ органовъ: *Correspondance de Genève*, *Voce delle Verita*, особенно же *Civiltà cattolica*. Нѣмецкія іезуитскія газеты, какъ напримѣръ здѣшняя *Germania* и даже вѣнская *Vaterland*, сравнительно осторожны и занимаются прославленіемъ своего благородства; итальянскія же проповѣдуютъ совершенно открыто подчиненіе государства римской церкви. Далѣе другихъ пошла въ этомъ отношеніи вышеупомянутая газета *Civiltà cattolica*. Главнѣйшія положенія собранія и недавно изданы іезуитомъ *Либераторе* (подъ заглавіемъ: *La chiesa e lo stato*), и на нихъ можно послѣдовательно изучить всю систему. Основанія ихъ заключаются въ слѣдующемъ.

Государство подчинено церкви (само собою разумѣется римской). Папа поставленъ самимъ Богомъ во главѣ всѣхъ владыкъ; въ немъ сосредоточивается духовная и свѣтская власть; государь не перестаетъ, даже какъ государь, быть подданнымъ папы. Церковь имѣетъ право измѣнять и отмѣнять гражданскіе законы и рѣшенія суда, если они нарушаютъ духовное благо. Всякій государь подчиненъ папѣ даже относительно употребленія своей свѣтской власти, настолько, что папа можетъ приказывать или запрещать государю поступать такъ или иначе, смотря по тому, чего требуетъ божественный законъ и спасеніе душъ. Папа не допускаетъ злоупотребленія оружія и силы и, напротивъ, предписываетъ употребленіе этихъ средствъ, если это требуется для

защиты христіанской религіи. Пій IX исполнѣ уполномоченъ *отмѣнять* различные законы, постановленные современными парламентами, что онъ уже и дѣлалъ. Власть папы распространяется не только на католическихъ государей и католическіе народы, но на всѣхъ *крещеныхъ*.

Эти чрезмѣрные, или вѣрнѣе, безсмысленныя претензіи во всякомъ случаѣ не скоро будутъ удовлетворены; но въ другой сферѣ доктрина іезуитовъ исполнѣ *практична*. Извѣстно, что іезуиты вездѣ, гдѣ католики составляютъ меньшинство, являются самыми яркими поборниками свободы совѣсти и религіи; тамъ же, гдѣ большинство католики или правительство католическое, не хотятъ и слышать о свободѣ.

Послѣдній случай есть, конечно, нормальный для іезуитскихъ воззрѣній. Государство должно служить церкви, доставлять ей помощь противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но папѣ Либераторе дѣлается еще шагъ впередъ и говорить: миръ и народное развитіе только въ томъ случаѣ могутъ быть названы полезными для государства, если они находятся въ рукахъ истинной, т. - е. католической религіи. Если же это не такъ, то приходится поступать по словамъ Христа: *„Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ“*, потому что *народная рознь есть безъ сравненія меньшее зло, чѣмъ настойчивое пребываніе въ религіозномъ заблужденіи*.

Это послѣднее положеніе есть корень всѣхъ іезуитскихъ воззрѣній, корень всей іезуитской политики и въ то же время истинная причина раздора между Германіей и іезуитами, такъ какъ цѣль германской политики есть политическое объединеніе, несмотря на различіе вѣроисповѣданій. Ставя религіозное единство не только выше политическаго, но желая его достигнуть даже насчетъ послѣдняго, іезуиты признаютъ въ принципѣ то, отъ чего отрываются на практикѣ, и желаютъ въ душѣ побѣды католической страны, Франціи или Австріи, надъ еретической Германіей.

Знакомство съ іезуитской литературой произвело сильное впечатлѣніе. Они не пропускали безъ вниманія извѣстій, которыя заставляли считать шаткимъ положеніе имперскаго канцлера, и несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ какъ канцлеръ началъ борьбу съ ультрамонтанами, противъ него послѣдовалъ рядъ интригъ, принимавшихъ иногда весьма грозный характеръ. Раздражительныя нападки канцлера въ парламентѣ противъ бывшаго ганноверскаго министра и коновода клерикаловъ Виндгорста, съ множествомъ личныхъ намековъ, служатъ тому подтвержденіемъ, и всякому извѣстно, какъ далеко простираются связи и вліяніе клерикаловъ. Есть люди, хорошо знакомые съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, которые завѣряютъ, что не разъ являлась возможность неожиданной перемены декораціи, и нѣмецкое правительство было на волосокъ отъ заключенія мира съ Римомъ — мира, равнозначущаго при настоящихъ обстоятельствахъ паденію Бисмарка.

Таково было положеніе до отклоненія Гогенлоэ папю. Бисмаркъ не появлялся въ рейхстагѣ, и его органы возвѣщали, что онъ не можетъ принимать участія въ парламентскихъ работахъ. Въ одинъ моментъ все измѣнилось. 14/2 стояло на очереди обсужденіе бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, и либералы хотѣли вычеркнуть изъ него 15,000 талеровъ на содержаніе посланника при папскомъ дворѣ, но имъ вскорѣ сообщили, что подобная демонстрація не входила въ программу Бисмарка, и такимъ образомъ докладчикъ *Беммисенъ*, знающій — между членами парламента — лучше всѣхъ цѣли Бисмарка, уладилъ утвержденіе этой суммы; но самъ *Бисмаркъ* сказалъ рѣчь, которая не то чтобы устраняла всякую возможность соглашенія съ куріей, но выражала непоколебимую рѣшимость не уступать требованіямъ ультрамонтановъ. Эту рѣшимость Бисмаркъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „будьте покойны, мы не пойдемъ въ Каноссу, ни тѣломъ ни духомъ“, — весьма удачное выраженіе, потому что въ Германіи каждому школьнику извѣстно, что путешествіе Генриха IV въ Каноссу означаетъ величайшее униженіе нѣмецкаго народа передъ папой. Ультрамонтаны вели свое дѣло недостаточно ловко, и Виндгорстъ возбуждалъ всеобщее неодобреніе, выступивъ съ личными нападеніями на кардинала Гогенлоэ.

Рѣчь Бисмарка имѣла цѣлью подготовить почву для дебатовъ слѣдующаго дня, объ іезуитахъ, и это ему вполне удалось.

Докладчикъ комиссіи, профессоръ Гнейстъ, представилъ отчетъ объ ея совѣщаніяхъ болѣе обстоятельный, чѣмъ обыкновенно, въ которомъ петиціи подвергнуты весьма строгой критикѣ, доводы же противъ іезуитовъ изложилъ весьма сжато и сильно. Критиковать петиціи было легко, потому что за іезуитовъ было около 2500 — въ общей сложности онѣ вѣсили 2 центнера — подписанныхъ большею частью крестами, для такихъ людей, которые не умѣютъ писать — и составленныхъ по образцу, данному попами. Доводы противъ іезуитскаго ордена гласятъ слѣдующее:

Вѣрнаго сужденія о значеніи іезуитскаго ордена нельзя составить ни на основаніи отдѣльныхъ пунктовъ его правилъ, конституцій и сочиненій, ни на свидѣтельствѣхъ отдѣльныхъ современниковъ или старѣйшихъ авторитетовъ, ни на доказательствахъ его настоящей, мѣстной дѣятельности. Трехсотлѣтняя исторія показываетъ неизмѣнно тождественный образъ дѣйствія этого монашескаго ордена. Первоначальное учрежденіе этого ордена папскою буллою извѣстно, равно какъ и подчиненіе его генералу ордена, проживающему въ Римѣ, обиліе въ немъ обѣтовъ и степеней, развѣтвленіе ордена по провинціямъ, его коллегія, раздѣленіе его членовъ на послушниковъ, учителей, схоластиковъ, коадьюторовъ и професовъ. Точно также принадлежитъ исторіи вліяніе ордена на церковь и государство съ начала его основанія

до его упраздненія папскимъ декретомъ, его восстановление и существованіе по сіе время. Исторія великой религіозной борьбы и религіозныхъ войнъ въ Европѣ, судьба великихъ династій, въ особенности бурбонской, бесчисленные изгнанія ордена изъ предѣловъ Франціи и другихъ странъ свидѣтельствуютъ о чрезвычайной, могучей дѣятельности, которая не имѣетъ себѣ равной въ другихъ монашескихъ орденахъ римской вселенной церкви. Исторія соборовъ, Тридентскаго, или Ватиканскаго 1870 года, производить такое впечатлѣніе, что могущество ордена гораздо значительнѣе, нежели могущество всего германскаго епископата. Съ удивленіемъ ли относиться къ этой дѣятельности или со страхомъ, во всякомъ случаѣ приходится признать ее за могучую организацію, съ строго замкнутой монархической конституціей, съ централизаціей, въ которой современная германская имперія составляетъ одну изъ двадцати или болѣе провинцій. Возраженіе, что іезуитскому ордену воспрещена ихъ правилами всякая дѣятельность въ кругу внѣшней государственной политики, будетъ пустымъ словоприемъ; орденъ всегда настолько признавалъ необходимымъ участіе церкви въ внѣшнихъ дѣлахъ, что въ кабинетахъ монарховъ, въ министерскихъ управленіяхъ, равно какъ и на вліятельныхъ мѣстахъ церковнаго управленія всегда имѣлъ своихъ представителей при спорныхъ вопросахъ между церковью и государствомъ.

Орденъ (официальное выраженіе прусскаго правительства собственно не орденъ, а *конгрегація*) опирается на *свободномъ правѣ обществъ* и на *правѣ, даруемомъ конституціей, правѣ самостоятельности религіозныхъ обществъ*, но онъ не подходитъ подъ эту категорію. Это не частное общество, „не сообщество для дозволенныхъ цѣлей“ (такъ опредѣляетъ конституція право обществъ), но онъ состоитъ изъ членовъ іерархически организованной корпораціи, связанныхъ вѣтвомъ,—корпораціи, распространенной на владѣніяхъ католической церкви всей вселенной и имѣющей за границей своихъ высшихъ представителей. Разсматривать этотъ орденъ въ данномъ мѣстѣ, какъ „соединеніе въ общество частныхъ лицъ“, противорѣчитъ дѣйствительности: это суть члены *замкнутой, государству подобной организаціи*, составляющей всемірное церковное государство. Общество, состоящее, какъ говорятъ, изъ частныхъ лицъ, состоитъ въ дѣйствительности изъ людей, пользующихся всѣми привилегіями католическаго духовенства и величайшимъ авторитетомъ, стоящихъ подъ защитой святости и неприкосновенности церкви. Укажетъ ли правительство ордену на законныя границы, обуславливаемыя кругомъ дѣйствія церкви, ея правилами и отношеніемъ къ государству, іезуиты укажутъ ему на свободу общества; сошлется ли правительство на законныя границы права обществъ, іезуиты сошлутся на самостоятельность и автономію церкви. Они *неуловимы и неуязвимы*.

Въ этомъ вся суть. Государство не можетъ ничего сдѣлать противъ организаціи ордена іезуитовъ, и еще вопросъ, удастся ли формулировать какой-нибудь законъ, который привелъ бы къ положительнымъ результатамъ на практикѣ. Двухдневныя дебаты въ рейхстагѣ мало подвинули вопросъ впередъ. Наиболѣе выдающимся было предложеніе депутата Вагнера, который вѣроятно говорилъ по внушенію Бисмарка, и который имѣлъ въ распоряженіи матеріалъ, доставленный ему правительствомъ. Депутатъ Вагнеръ въ рейхстагѣ играетъ роль *persona grata*, тѣмъ не менѣе его аргументы нашли одобреніе. Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело его сообщеніе о попыткахъ, сдѣланныхъ въ Вестфалии, примѣнить на практикѣ ватиканскіе декреты. „Мнѣ извѣстенъ случай,—сказалъ онъ,—который, какъ я слышу, будетъ разбираться законнымъ порядкомъ, что въ Вестфалии прусскимъ чиновникамъ было предложено высказать откровенно, какъ они относятся къ ватиканскимъ рѣшеніямъ. Одинъ прусскій чиновникъ, получивъ подобное требованіе, возражалъ, что онъ не можетъ признавать ватиканскихъ рѣшеній, потому что тѣмъ самымъ нарушитъ свою присягу и вѣрнопопданство; на это католическій священникъ замѣтилъ, что всякая присяга дается съ *reservatio mentalis* относительно служебныхъ обязанностей, которыя настолько обязательны, насколько не противорѣчатъ *вышимъ обязанностямъ церковнымъ*“.

Понятно, что въ основаніи подобныхъ разсказовъ лежатъ факты, а потому ультрамонтанамъ приходилось только отмалчиваться.

Предложеніе противъ іезуитовъ было принято 205-ю голосами противъ 84, и рейхстагъ постановилъ возложить на имперскаго канцлера: „1) изыскать средства для установленія въ имперіи порядка, который бы гарантировалъ общественныя права, религіозный миръ, свободу вѣроисповѣданій и защиту гражданъ отъ посягательства на ихъ права со стороны духовенства; 2) пригласить канцлера представить проектъ закона, которымъ бы, на основаніи вступленія 13 и 16 параграфовъ 4 статьи имперской конституціи, точно опредѣлялась законность и условія существованія духовныхъ орденовъ, братствъ и ассоціацій, и подвергалась бы наказанію *вредная для государства дѣятельность ихъ, особенно же дѣятельность іезуитскаго братства*“.

Союзному совѣту предстонтъ теперь задача выработать подобный законъ,—задача нелегкая, если желать, чтобы законъ былъ *применимъ на практикѣ*. Во время дебатовъ не разъ было высказано мнѣніе, что простое запрещеніе іезуитскаго ордена ни къ чему не приведетъ, такъ какъ изгнанные іезуиты вернутся, и ни у кого на лбу не написано, іезуитъ онъ или нѣтъ.

Въ то время какъ рейхстагъ былъ занятъ вопросомъ о іезуитахъ, прусское министерство совѣщалось о томъ, что ему предпринять относительно епископа эрmlandскаго Кременца, и пришло наконецъ къ

заключенію, дать епископу предписаніе, чтобы онъ въ официальномъ заявленіи загладилъ оскорбленіе чести отлученныхъ имъ лицъ и объявлялъ правительству впредь безусловно подчиняться государственнымъ законамъ.

Взгляды на этотъ поступокъ министерства раздѣлились. Одни вполне съ нимъ согласны, другіе же считаютъ его за доказательство слабости правительства, которое, разъ епископъ показалъ неповиновеніе, должно было поступить съ нимъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній. Одинъ умѣренно-либеральный органъ, состоящій въ хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ, но въ то же время вполне независимый, передаетъ свое воззрѣніе, ясно адресованное „кружкамъ депутатовъ рейхстага“, слѣдующимъ образомъ:

„До чего мы дожили, когда прусскій подданный дерзаетъ заявлять правительству короля, что онъ *только условно повинуется законамъ страны!* До чего мы дожили, когда правительство считаетъ себя вынужденнымъ, *писать бумагу изъ государственнаго министерства прусскому подданному, въ которой требуетъ отъ него обещанія повиноваться законамъ, что и безъ того должно быть для всякаго гражданина?* Если подобное дѣяніе правительства въ Пруссіи необходимо, то это служить только неоспоримымъ доказательствомъ въ пользу того, что, вслѣдствіе многолѣтней уступчивости и небрежности, авторитетъ правительства потрясенъ въ корнѣ. Его слѣдуетъ возстановить и быть увѣрену: прусскій и нѣмецкій народъ съ радостью встрѣтитъ всякую мѣру, подтверждающую, что въ Пруссіи не остается неказаннымъ тотъ, кто сопротивляется повиновенію законамъ страны“.

Занятія политикою все еще охлаждають у насъ интересы къ литературѣ и искусствамъ. Бѣдная Пруссія всегда покровительствовала монументальному искусству, и Берлинъ, по богатству своихъ памятниковъ, можетъ соперничать съ любой изъ столицъ. Я предполагаю, что императоръ Вильгельмъ не особенный почитатель искусствъ, за исключеніемъ развѣ ваянія и военной живописи, гдѣ дѣйствующія лица—портреты; несмотря на то, король умѣетъ цѣнить значеніе искусствъ, что подтверждается назначеніемъ кронпринца покровителемъ музеевъ, постъ, которому этотъ послѣдній удѣляетъ много вниманія. Времена, когда Мюлеръ самодержавно распоряжался дѣлами искусства, миновали, слава Богу, и министерство просвѣщенія (которому подвѣдомственны всѣ дѣла, касающіяся искусствъ) пригласило недавно превосходнаго художника, профессора Эггера. Вниманіе образованнаго класса столицы обращено въ настоящее время на выставку проектовъ будущаго зданія для парламента, которая устроена на Королевской площади, передъ Бранденбургскими воротами, близъ памятниковъ въ честь побѣдъ 1866 и 1870 годовъ. Болѣе 100 проектовъ было прислано изъ разныхъ странъ—даже изъ Франціи!—и залы выставки ежедневно пе-

реполюненіи ностітителями. Поразительная превратность судьбы! Въ теченіи десятиа лѣтъ паролемъ *правительственной* партіи было: парламентаризмъ долженъ быть уничтоженъ! вдругъ зданіе для парламента германской имперіи должно быть красой народнаго искусства!

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ АЭНИНЪ.

11 апрѣля, 1872 *).

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ И ОТКРЫТІЕ ПАЛАТЫ.

Кто въѣзжалъ въ первый разъ въ стѣны такихъ городовъ, какъ Римъ, Аѣны, — тотъ никогда не забудетъ того впечатлѣнія, какое производятъ на каждаго эти волибели новой цивилизаціи. Къ чарамъ сѣдой древности присоединяется еще и великолѣпная картина, когда случится подъѣхать въ Аѣнамъ изъ Пирея въ какую-нибудь дневную, прозрачную аттическую ночь. Предъ вами у подошвы голой скалы Ликабета толятся съ міриадами огоньковъ дома новаго города; ихъ близина рѣзко выдается на темномъ фонѣ Гиметта и Парнесса, которыхъ спокойно-величественныя гряды замикаютъ горизонтъ съ двухъ сторонъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ сирава одиноко стоитъ храмъ Тесея. Вамъ не вѣрится, что столѣтія прошли надъ его стройной колоннадой, что его нетронутыя стѣны навсегда мертвы и пусты. Ржавчина, наложенная на него временемъ, исцѣла; облитый свѣтомъ, онъ оживъ предъ вами, какъ въ золотые дни Кимона и Перикла. Еще далѣе направо чертѣютъ пустынные скалы. Ничто, кромѣ ихъ громкихъ именъ, не напоминаетъ вамъ, что здѣсь когда-то кипѣла бурная, общественная жизнь, развивалась богатѣйшая въ исторіи цивилизація. Эти скалы — Ареопагъ, Пниксъ и Музей. Посреди ихъ, наконецъ, въ какомъ-то волшебномъ сіяніи возвышается Акрополь. На его угнчанной вершинѣ, ряды величественныхъ колоннъ Пареснона ослѣпительной близкою отлѣняютъ темно-синюю лазурь. Вдали серебрится Фалерскій заливъ, а на крайнемъ горизонтѣ изъ свѣтлаго тумана выступаютъ вутые утесы Эгейскихъ острововъ.

Насколько я могъ замѣтить, финансиру на другой день по городу,

*) Корреспонденція, предназначенная для майской книги, оставалась слишкомъ долго въ пути, и потому нѣсколько опаздываетъ своимъ появленіемъ въ печати.

его выѣшность мало чѣмъ измѣнилась со времени моего перваго посѣщенія. За исключеніемъ 3—4 болѣе застроенныхъ улицъ, Аэнини все такъ же напоминаютъ планъ города, скорѣе чѣмъ настоящій городъ. Безчисленныя стѣны и заборы отдѣляютъ мѣста, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ и на которыхъ предполагается строить дома; но дома тѣмъ не менѣе плодятся туго. Въ постройкѣ публичныхъ зданій по прежнему свирѣпствуетъ манія подражать классическимъ образцамъ, породившая между прочимъ такія жалкія каррикатуры, какъ королевскій дворецъ или зданіе университета. Надо сознаться впрочемъ, что самое послѣднее произведеніе въ античномъ стилѣ, а именно академія, несравненно удачнѣе предшествовавшихъ построекъ этого рода. Она еще не готова. Работы производятся подъ руководствомъ нѣмецкаго художника Цислера на счетъ вѣнскаго банкира Синны. Какъ Паренонъ и храмъ Тезея, она построена изъ цѣльнаго пентелийскаго мрамора; богатый іоническій фронтонъ украшаетъ фасадъ главнаго корпуса, отъ котораго съ обѣихъ сторонъ отдѣляются подъ прямымъ угломъ два флигеля безъ оконъ, освѣщенные сверху и поддерживаемые пиластрами. Прекрасно разсчитанные размѣры всего зданія, его изящная простота составляютъ разительный контрастъ съ стоящимъ рядомъ университетомъ. Къ несчастію, двѣ колонны, поставленныя предъ фронтономъ и далеко превосходящія его вышиною, нарушаютъ гармонію цѣлага и портятъ впечатлѣніе; на нихъ, говорятъ, будутъ поставлены статуи. Изъ строящихся въ настоящее время общественныхъ зданій, можно упомянуть еще новый музей и политехническую школу; ничего особеннаго въ наружной архитектурѣ, но внутри просторныя и свѣтлыя залы, какъ нельзя лучше приспособленныя къ своему назначенію.

Въ общемъ, Аэнины очень напоминаютъ южные города Италіи, ихъ веселенькій видъ и свѣтлыя домики съ черепичными крышами. Главныя улицы очень чисты; въ болѣе отдаленныхъ закоулкахъ, въ особенности же въ обстраивающихся кварталахъ, безъ всякой церемоніи сваливаютъ посреди улицы разныя строительныя матеріалы, какъ-то камень, мусоръ, а подъ часъ и хуже, такъ что не только нельзя проѣхать каретѣ, но и пѣшеходу не мудрено сломать себѣ шею, тѣмъ болѣе, что газъ заведенъ очень недавно и далеко не вездѣ. Характеристическая черта Аэнинъ, бѣдность зелени, мало-по-малу начинаетъ исчезать. Не говоря уже о королевскомъ садѣ и нѣсколькихъ скверахъ, посаженныхъ королевой Амаліей, многіе сады, разбитые съ ея легкой руки разными владѣльцами, въ настоящее время разрослись и придаютъ городу болѣе оживленную фیزیономію. Кстати о бывшей королевѣ; современнымъ аэнинянамъ не разъ пришлось бы вспоминать ее добромъ, если бы они, какъ и предки ихъ, не отличались неблагодарностью. Всякимъ вустомъ, на которомъ теперь отди-

хаетъ ихъ взглядъ, они обязаны ей. Нельзя не замѣтить въ особенности прекрасныхъ, обсаженныхъ деревьями дорожекъ, опоясывающихъ Акрополь и ведущихъ на самую вершину его, куда прежде приходилось взбираться по голой и крутой скалѣ. Почва оказывается далеко не столь неблагоприятною, какъ долго предполагали. Кромѣ оливковаго дерева и прекраснаго аттическаго тополя, здѣсь хорошо принимаются апельсинное и лимонное дерево, алоэ, кактусы, перцовое дерево и даже пальмы, выписанныя королевой Амаліей изъ Египта.

Что сами афиняне, впрочемъ, не чувствуютъ большой потребности въ зелени, можно заключить изъ того, что любимымъ мѣстомъ для ежедневныхъ прогулокъ они выбрали шоссе, ведущее изъ города въ д. Патиссію,—продолженіе Золотой улицы. Это длинная лента пыльной дороги безъ малѣйшаго признака тѣни, на которой весь мѣстный фешенебельный людъ приходитъ каждый день отъ 4 до 6 часовъ жариться на палящемъ зноѣ. Прежде, во времена Оттона, сюда являлись по воскреснымъ днямъ и военная музыка; теперь же она играетъ гдѣ патается менѣе взысканный народъ. Въ загородныя же, болѣе отдаленныя прогулки, мѣстные жители не рѣшаются пускаться со времени мараеонской драмы, которая надолго поселила здѣсь всеобщій страхъ. Несмотря на то, что о разбойникахъ уже давно не слышно въ окрестностяхъ, полиція, боясь попасть въ новую передѣлку съ дипломатическимъ корпусомъ, предпочла разъ навсегда вмѣнить въ обязанность и иностранцамъ, и туземцамъ, отправляющимся куда бы то ни было за городъ, брать съ собою военный конвой. Подобныя предосторожности, очень естественно, только могутъ увѣрнить и безъ того господствующую панику, такъ что безъ всякой видимой опасности афиняне осуждены жить взаперти въ своихъ стѣнахъ, какъ въ осажденномъ городѣ.

Что касается до меня, то цѣлью моей первой прогулки было, конечно, свиданіе съ старымъ другомъ Акрополемъ. На его классическую скалу можно взобраться съ разныхъ сторонъ, но всего удобнѣе по широкому бульвару, который тянется вдоль королевскаго сада, выйти къ развалинамъ Юпитера Олимпійскаго, а оттуда, минуя Адрианову арку и небольшое предмѣстье, прекрасная дорога, обсаженная деревьями, о которой я упоминалъ выше, приведетъ васъ къ самымъ воротамъ венеціанской цитадели. Выборъ этого пути выгоденъ въ особенности для путешественника, остановившагося въ Афинахъ на короткое время, такъ какъ онъ сразу можетъ окинуть бѣглымъ взглядомъ наиболѣе замѣчательные остатки древняго искусства.

Уже за королевскимъ садомъ его встрѣчаетъ картина, предъ которой онъ долженъ невольно остановиться. Въ глубинѣ—спокойныя воды Фалерскаго залива; за ними въ три уступа плавно тянутся гористыя берега Эгины, Гидры и отдаленнаго Пелопоннеза; слѣва — величавый,

вѣчно-зеленый Гиметтъ, у подножія котораго живописно раскинулась долина Иллісса. Здѣсь-то, въ этой очаровательной рамкѣ, на широкой вспланидѣ, которая какъ-бы нависла надъ долиной, гордо рисуются на бирюзовомъ фонѣ безоблачнаго неба 12 колоссальныхъ іоническихъ колоннъ; нѣкоторыя изъ нихъ еще соединены архитравомъ, тринадцатая лежитъ на землѣ, разбитая, кажется, землетрясеніемъ. Вотъ все, что осталось отъ одного изъ величайшихъ въ древности святилищъ: храма Юпитера Олимпійскаго.

Идите далѣе, мимо развалинъ Адриановой арки, которая, кромѣ известной надписи съ двухъ сторонъ ея, не заключаетъ ничего замѣчательнаго. Поверните направо, въ грязный переулочекъ предмѣстья, пройдя нѣсколько шаговъ до небольшой площади, вы увидите передъ собою оригинальное, но чрезвычайно граціозное зданіе. Вокругъ легкой, крошечной ротонды возвышается рядъ мелкихъ и стройныхъ полуколоннъ; вдоль карниза барельефы, а надъ остроконечной крышею какое-то причудливое украшеніе, въ родѣ распустившагося цвѣтка. Это памятникъ Лизикрата, какого-то хорегія (капельмейстера), одержавшаго во II вѣкѣ побѣду на музыкальномъ конкурсѣ. Получивъ за то премію, золотой треножникъ, онъ поставилъ этотъ памятникъ, чтобы увѣковѣчить свою славу. Ротонда Лизикрата не была въ древнихъ Аѣинахъ исключительнымъ явленіемъ; отъ самаго Акрополя, мимо театра Вакха тянулся цѣлый рядъ подобныхъ же построекъ, свидѣтельствовавшихъ объ одержанныхъ въ разное время артистическихъ побѣдахъ. — такъ-называемая улица Треножниковъ.

Пройдя предмѣстье, вы уже у подножія Акрополя. Дорога огибаетъ его, оставляя влѣво музей съ памятникомъ еракійскаго царя Филопатпа. Справа же къ самой скалѣ лѣпятся театръ Вакха и одеонъ Региллы, иначе называемый театромъ Ирода Аттика. Оба замѣчательны превосходнымъ сохраненіемъ, но первый гораздо любопытнѣе. Внутренность его, отдѣланная пентелискимъ мраморомъ, представляетъ одинъ изъ полнѣйшихъ и богатѣйшихъ образцовъ древней архитектуры этого рода. Ряды высѣченныхъ изъ мрамора мѣстъ для публики расположены амфитеатромъ и раздѣлены широкими и удобными воми-торіями. Первый рядъ креселъ, болѣе изящной отдѣлки, присвоенъ былъ различнымъ жреческимъ и гражданскимъ сановникамъ; имя каждаго изъ нихъ высѣчено на принадлежащемъ ему мѣстѣ. Здѣсь помѣщался жрецъ покровительницы города, Паллады Аѣины. Тамъ же далѣе сидѣлъ жрецъ Вакха, который въ зданіи, посвященномъ его богу, конечно, пользовался особеннымъ почетомъ; за то и кресло его отличается отъ прочихъ какими-то особенно замысловатыми украшеніями. Среднія мѣста заняты были архонтами, и во главѣ ихъ красовался архонтъ базилевсъ, первый сановникъ города. Внизу полукруглая площадь, отдѣленная отъ перваго ряда креселъ невысокой загородкой;

на ея мраморномъ полу два большихъ круга. Здѣсь когда-то помѣщались хоры, безъ которыхъ не могла обойтись древняя трагедія; въ этихъ кругахъ мы видимъ единственные слѣды устроеннаго для нихъ возвышенія. Впереди сцена — широкая платформа, украшенная богатыми барельефами. Сюжетъ ихъ, разумѣется, выбранъ въ угоду мѣстному божеству: Фавны, Силены, виноградныя лозы и прочіе вакхическіе атрибуты. Театръ Вакха, кажется, древнѣйшій въ Афинахъ, но отдѣлка его въ настоящемъ видѣ принадлежитъ позднѣйшей, римской эпохѣ; орнаментация и вообще скульптурныя детали изобличаютъ упадокъ искусства. Поэтому, я совѣтовалъ бы всѣмъ путешественникамъ посѣщать его на пути въ Акрополь, а не по возвращеніи. Послѣ божественныхъ обломковъ золотого вѣка, разнища слишкомъ ощутительна и несприятно поражаетъ глаза.

За одеономъ Региллы немедленно начинается подъемъ на Акрополь; дорога вьется зигзагами между колючими кустами кактуса. У воротъ старой венеціанской цитадели, сторожъ изъ солдатъ спрашиваетъ у васъ билетъ, безъ котораго запрещено пропускать кого бы то ни было за ограду. Впрочемъ запрещеніе это совершенно номинально; видъ австрійскаго цванцигера имѣетъ для простолюдина слишкомъ сильное обаяніе и всегда откроетъ вамъ доступъ куда и когда угодно.

Вотъ вы наконецъ миновали уголъ крѣпостной стѣны и вторыя ворота, и предъ вами открывается грандіозная колоннада Пропилей.

Развалины Акрополя, а въ особенности Пропилей и Пареенонъ настолько знакомы всякому образованному читателю изъ многихъ превосходныхъ описаній и безчисленныхъ рисунковъ, что не будучи специалистомъ и не надѣясь прибавить чего-либо новаго къ запасу общеизвѣстныхъ свѣдѣній, я ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ: самыя полныя и художественныя описанія кажутся вамъ сухи и безжизненны, когда, въ безоблачное весеннее утро, сидя на обломкахъ ротонды, когда-то посвященной Риму и Августу на восточной окраинѣ Акрополя, вы однимъ жаднымъ взглядомъ охватываете и священныя портны Пареенона, и граціозныя очертанія кариатидъ Эрехтеума, и ту чудную панораму, въ которой художественное чутье грековъ удачно достойный пьедесталъ для безсмертныхъ произведеній своего искусства.

Въ теперешнее посѣщеніе на мою долю однако выпало исключительное счастье любоваться вблизи однимъ изъ лучшихъ деталей Пареенона, а именно единственной удѣлѣвшейся частію знаменитаго фріза, которая, по высотѣ своего положенія, въ обыкновенное время недоступна для подробнаго осмотра. Въ цѣломъ своемъ видѣ, фризъ, украшавшій наружную стѣну цѣллы (святилища), какъ извѣстно, представлялъ громадную рельефную картину процессіи Панатеней.

По сѣверному и южному карнизу танулись ряды жрецовъ и гражданъ, аэтинокъ и метековъ (иностранокъ) съ различными дарами; за ними слѣдовали эфебы (воины) верхами. Съ обѣихъ сторонъ процессія направлялась къ общему центру, къ группѣ боговъ Олимпа на восточной стѣнѣ. Всѣ эти части фриза находятся въ настоящее время въ лондонскомъ музеѣ, кромѣ немногихъ обломковъ, выставленныхъ внутри Партеона, и между прочимъ одного, приписываемаго Фидію, изображающаго группу изъ трехъ фигуръ — 2 мужскихъ и 1 женской. Нептунъ ли это, Аполлонъ и Діана, какъ думаютъ иные, или же полубоги: Тезей, Агравлъ и Пандроза, какъ предполагаютъ другіе, по отсутствію божескихъ атрибутовъ, — я не берусь рѣшить, да, признаюсь, эта сторона вопроса и не представляетъ для меня большого интереса. Но что это не люди — почувствуетъ всякій, взглянувъши въ нихъ: такимъ неземнымъ величіемъ дышатъ ихъ дивныя черты и безстрастный взоръ, погруженный въ спокойное созерцаніе. На западной сторонѣ фриза, неизвѣстно почему пощаженный англичанами, сохранился въ своей неприкосновенности; съ него-то, благодаря счастливой случайности, директоръ британскаго музея, Ньютонъ, желая пополнить пробѣлъ въ находящихся у него частяхъ фриза, выпросилъ у греческаго правительства разрѣшеніе снять гипсовые слѣпки съ остающейся части; на устроенныхъ съ этой цѣлю подмосткахъ, я могъ въ малѣйшихъ подробностяхъ разсмотрѣть произведеніе, надъ которымъ трудились лучшіе художники Греціи.

Западный фризъ представляетъ задніе ряды процессіи, гдѣ порядокъ не успѣлъ еще исполнѣ установиться. Легко понять, насколько эта чисто-реальная программа давала художникамъ болѣе простора, чѣмъ связанная строгостью гіератическихъ традицій и обреченная на формально-благочинное однообразіе сцены сѣвернаго и южнаго карнизовъ. Здѣсь и не думаютъ о богахъ Олимпа и о священномъ покрывалѣ. Воины верхами поправляютъ доспѣхи, лошади горячатся. Одна изъ нихъ поднявшись на дыбы, какъ видно, сбросила своего всадника, который бѣжитъ за нею, стараясь удерживать ее за уздцы. Тамъ и сямъ оторопѣлые начальники кричатъ на безпорядочную толпу и отчаянно машутъ руками. Налюбовавшись на цѣльный эффектъ этой картины, полной жизни и движенія, надо взглянуть въ художественное совершенство отдѣлки. Въ каждой фигурѣ, сквозь изящный обще-эллинскій типъ, проглядываютъ индивидуальныя, характеристическія особенности. Съ какой тщательностью переданы малѣйшія подробности, украшенія шлемовъ и латъ; какая анатомическая точность видна въ ничтожнѣйшемъ мускулѣ рвущейся сквозь ряды лошади. Какъ не почувствовать благоговѣйнаго удивленія, когда подумаешь, что эти чудеса искусства потрачены на изображенія, которыя снизу едва замѣтны для невооруженнаго глаза.

Въ послѣднее время много занимались новыми открытіями вокругъ Пареемона, а именно остатками древняго храма Минервы, на мѣстѣ котораго построенъ Перикломъ настоящій храмъ. Большая часть найденныхъ обломковъ сохраняются въ сторожевомъ домикѣ противъ Эрехтеума и въ бывшей турецкой гауптвахтѣ. Они носятъ на себѣ очевидные признаки полихроміи; всѣ подробности орнаментаціи, которыя въ храмахъ Кимоновой и Перикловой эпохи переданы рѣзцомъ, изображены здѣсь различными красками. Что и на Пареемонѣ нѣкоторыя детали были позолочены или выкрашены въ синій и красный цвѣтъ — не подлежитъ въ настоящее время никакому сомнѣнію; но врядъ ли, какъ полагаютъ ярые полихромисты, онъ весь представлялъ пестрое соединеніе самыхъ яркихъ красокъ. Остатки древняго Пареемона представляютъ, мнѣ кажется, новый аргументъ въ опроверженіе этой догадки; краска, такъ хорошо на нихъ сохранившаяся, конечно не могла бы не оставить подобныхъ же слѣдовъ и на мраморныхъ стѣнахъ новѣйшаго храма. Рядомъ съ этими остатками перваго святилища Паллады Аѣины, въ упомянутомъ выше сторожевомъ домикѣ, показываютъ тѣмъ глиняной посуды той самой формы и рисунковъ, которыя долго считались этрусскими. Въ разныхъ мѣстахъ Атики, и, между прочимъ, на Акрополѣ, находятъ теперь большое количество этихъ вазъ. Самая богатая коллекція ихъ собрана въ временномъ музеѣ (Варвакионѣ).

Нельзя покинуть Акрополя не взглянувъ на одинъ изъ хранящихся въ маленькомъ храмѣ Безкрылой барельефовъ, извѣстный подъ именемъ Побѣды, снимающей съ ноги сандалію. Недостаётъ, къ несчастію, головы и большей части лѣвой руки; но и этотъ обезображенный обломокъ надолго остановитъ васъ въ нѣмомъ обаяніи. Воздушныя складки какой-то прозрачной ткани тщетно слятся скрыть отъ васъ очаровательныя очертанія стройнаго, нѣжнаго тѣла, которое такъ и просится наружу. Сколько непринужденной, цѣломудренной граціи въ этомъ простомъ, даже прозаическомъ движеніи! Не даромъ это чудо древняго ваянія приписываютъ Фидію.

Разстанемся наконецъ съ Акрополемъ. На возвратномъ пути, чтобы окончить бѣглый осмотръ аѣинскихъ древностей, всего лучше сойти по направленію къ храму Тезея, вскарабкавшись по дорогѣ на неприхотливый утесъ Ареопага; лишь нѣсколько высѣченныхъ въ скалѣ ступенекъ еще свидѣлствуютъ о древнемъ его величіи. Храмъ Тезея, какъ и Пареемонъ, былъ описанъ тысячу разъ, и я нахожу лишнимъ утомлять вниманіе читателя тысячу первымъ изданіемъ знакомыхъ всѣмъ подробностей. Но, въ двухъ-стахъ шагахъ отъ него, производятся въ послѣднее время розысканія, которыя русской публикѣ мало извѣстны и о которыхъ, поэтому, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Раскапывая землю въ окрестностяхъ дебаркадера пи-

рейской желѣзной дороги, напали на слѣдъ древней афинской *Via mistra*, которая, какъ и въ Римѣ, окружена была надгробными памятниками. Дальнѣйшія работы, начатія на счетъ греческаго археологическаго общества, дали сразу самые богатые результаты. Многіе памятники уже разрыты и розысканія продолжаются. Изъ найденныхъ остатковъ всего замѣчательнѣе, по извѣстности исполненія—группа изъ трехъ фигуръ на неизбѣжную для древняго надгробнаго ваянія гиратическую тему рувопожатія; и, еще, колоссальный быкъ, котораго, за немнѣніемъ ногъ, какъ-то отбитыхъ, попросту свалили навзничъ на голую землю, но который, по совершенству работы, достоинъ былъ бы лучшей участи.

Некрополисомъ можно закончить нашу археологическую экскурсію; осмотрѣвъ его, путешественникъ можетъ смѣло вернуться въ городъ; онъ видѣлъ все, что изъ афинскихъ древностей стоить какого-либо вниманія. Для очистки совѣсти, онъ пожалуй можетъ, пробираясь на возвратномъ пути по грязнымъ переулкамъ базарнаго квартала, взглянуть на развалины Адриановой гимназіи, занимающія обширную площадь, но скрывающіяся за жалкими лачужками и заборами. Тутъ же въ двухъ шагахъ онъ увидитъ колоннаду, открывавшую когда-то входъ въ Агору, торговую часть города, съ камнемъ, на которомъ высѣчена установленная Адрианомъ такса на сѣстные припасы; да, въ концѣ, на краю Золовой улицы,—такъ-называемая башня Вѣтровъ, осмугульное строеніе, въ которомъ помѣщались водяные часы.

Казалось бы, что современное греческое искусство, согрѣтое двойнымъ вдохновеніемъ: восхитительной обстановки и божественныхъ памятниковъ славнаго прошедшаго, должно производить чудеса. Руководствуясь этой мыслью, я зашелъ въ здѣшнюю *Ecole des arts et métiers*, гдѣ можно познакомиться съ артистическими опытами праправнуковъ Фидія и Праксителя. Боже! что за жалкая, ничтожная бездарность! По отдѣлу скульптуры одни плохіе слѣпки; что же касается до живописи, то самый лучшій изъ образцовъ ея едва былъ бы принятъ для вывѣски надъ нѣсколькимъ порядочнымъ магазиномъ. Нѣтъ, видно священный огонь древнихъ художниковъ угасъ вмѣстѣ съ ними; напрасно современные Попандаки и Попандопуло наряжаются въ классическія имена Перикловъ и Алкивиадовъ, имъ не воскресить золотыхъ дней эллинскаго искусства. Они наслѣдовали отъ знаменитыхъ предковъ только коммерческія ихъ способности, ихъ непомѣрное тщеславіе, да государственное непосѣдство. Въ двукратное мое посѣщеніе, кромѣ специалистовъ на жалованьи, мнѣ не случалось встрѣтить въ Афинахъ человѣка, который бы искренно интересовался памятниками, составляющими его національное достояніе. Всякій мало-мальски образованный иностранецъ не устаетъ любоваться ими, жадно выискиваетъ въ малѣйшія ихъ подробности. Грекъ же видитъ въ своихъ раз-

валинахъ лишь истонненъ безконечнаго самодовольства, и, наконецъ, аргументъ для политическаго ниспроверженія: вотъ, молъ, каковы мы были, а дайте намъ Критъ, Θεσσαλίю и Константинополь, мы вамъ много еще покажемъ! Но безкорыстно увлекаться ихъ изученіемъ, или даже понять подобное увлеченіе, грекъ рѣшительно неспособенъ. Притомъ ему и некогда: онъ слишкомъ поглощенъ болѣе практическими заботами. За успѣхъ парламентской интриги или торговой спекуляціи онъ отдастъ всевозможные храмы и барельефы. Мой пріятель П**, какъ и большинство кое-гдѣ понатершихся грековъ, притворялся или воображалъ себѣ, что горячо любитъ и цѣнитъ произведенія отечественной старины. Онъ изливалъ потоки благороднаго негодованія на лорда Элгина, такъ нагло похитившаго у Греціи ея лучшее сокровище—фризъ Пареннона. Но я ни разу не могъ уговорить его, выйдя съ нимъ, взглянуть на уцѣлѣвшую часть этого самаго фриза, о которой я упоминалъ выше и которой онъ никогда не видалъ, да и не увидитъ, потому что подмостки скоро снимутся.

Если съ художественной стороны новѣйшіе эллины мало чѣмъ пользовались отъ славныхъ своихъ предковъ, за то въ политическомъ отношеніи между ними существуетъ разительное сходство. Теперь, какъ и въ древности, всякій общественный вопросъ затрагиваетъ не одни только верхніе слои, принадлежащіе къ официальной средѣ, а волнуетъ цѣлую массу населенія. Тѣ же личныя, необузданныя страсти, та же, увы! неурядица, та же завистливая жажда отвлеченнаго равенства. Нѣсколько семей, переселившихся изъ константинопольскаго Фанара, тщетно старались образоватъ нѣчто въ родѣ мѣстной аристократіи. На здѣшней почвѣ она рѣшительно не принимается. Единственнымъ результатомъ этой неудачной попытки было возбужденіе всеобщей ненависти въ замкнутому кружку фанаріотовъ, ненависти на столь сильной, что за послѣднее двадцатилѣтіе рѣдкому изъ нихъ удавалось добиться въ Греціи какого-либо политическаго вліянія, или даже проскользнуть въ депутаты. Многіе фанаріоты начинаютъ, впрочемъ, уже сами убѣждаться въ безплодности своихъ олигархическихъ мечтаній и, покинувъ свое изолированное положеніе, стремятся сблизиться съ народомъ, поступаютъ на службу и берутъ жонъ изъ среды мѣстнаго населенія.

Чтобы убѣдиться, какъ глубоко демократическій духъ сохранился не только въ государственнѣхъ учрежденіяхъ, но и въ нравахъ новой Греціи, стоить только пошататься по улицамъ Афинъ, гдѣ вы встрѣтите министра подъ руку съ поселяниномъ въ фуставеллѣ,—или зайти въ одну изъ безчисленныхъ кофеенъ, гдѣ люди самаго разнообразнаго званія и положенія собираются толковать о политикѣ. Прислушайтесь въ ихъ разговоръ: богатый gentleman и мастеровой говорятъ другъ другу „ты“, одинаково горячатся и подъ часъ обмѣниваются крупными сло-

ми. Ничѣшняя весна выдалась особенно бурная; много за разъ возбужденныхъ вопросовъ тревожили общество; нтому и собранія на улицѣ и въ кофейняхъ попадались чаще обыкновеннаго. Еще въ началѣ этого года упало грекамъ, какъ снѣгъ на голову, извѣстіе о болгарской демонстраціи 6-го января, въ которой они съ неописаннымъ страхомъ увидѣли, ни болѣе, ни менѣе, какъ объявленіе войны панславянскаго альянса пропагандѣ. Аѣнинскія газеты кликнули еличѣ по всему греческому міру, поднимая брошенную, будто бы, перчатку и провозглашая славенную войну противъ ненавистнаго славянства и, во главѣ его, злокозненной Россіи, которую, какъ водится, считали виновницей всѣхъ бѣдствій. Кофейни не остались глухи на этотъ призывъ и важнѣе дикородочнымъ оживленіемъ. Послѣдовавшія извѣстія о ходѣ примирительныхъ переговоровъ между константинопольскимъ патриархальнымъ престоломъ и избраннымъ болгарамъ ексархомъ успокоили разгорѣвшіяся національныя страсти, или лучше сказать, дали имъ другое направленіе. Случай же, встати, не замедлил представиться. Французское правительство, собирая всевозможныя крупныя для поправленія своихъ истощенныхъ финансовъ, обложило пошлиною суда всѣхъ тѣхъ державъ, которыя не были ограждены трактатами отъ подобнаго ибора. Эта мѣра, между прочимъ, пала и на Грецію и поразила ее въ самое живое мѣсто, такъ какъ торговля съ Франціей составляетъ самую существенную статью ея баланса. Опять заиграло благородное негодование, полились потоки краснорѣчія. Но, какъ ни старалась здѣшняя пресса разжалобить французоевъ, взывая въ нихъ рыцарскими чувствами и эстетическимъ воспоминаніемъ, не уможолженій Пуе-Кертъ не подался на аргументы подобнаго рода и, чтобы избѣжать разорительной пошлины, греки уже начинаютъ, гдѣ возможно, посылать свои суда подъ нашимъ или турецкимъ флагомъ; это не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, въ благодарность за оказываемую услугу ругать и насъ, и турокъ елико возможно. Но, помимо этихъ временныхъ заботъ, главнымъ вопросомъ, возбуждающимъ всеобщее участіе и безконечныя толки, долго не переставало все-таки быть пресловутое дѣло о Лауриумѣ.

Многимъ изъ читателей вѣроятно случалось встрѣчать въ европейскихъ газетахъ телеграммы и корреспонденціи, касавшіяся Лауриумскаго вопроса, но врядъ ли многіе изъ нихъ могли по этимъ отрывочнымъ извѣстіямъ составить себѣ ясное понятіе о сущности его. Постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ передать тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось почерпнуть здѣсь отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, и изъ безчисленныхъ брошюръ по этому предмету.

Въ 1864-мъ году, греческое правительство уступило итальянскому коданному Серпіери и приставшей къ послѣднему французской компаніи Ру-Фрессине эксплуатацию Лауриумскихъ серебро-свинцовыхъ

присковъ, извѣстныхъ еще въ древности и упоминаемыхъ Страбономъ. Серебро, по большей части, истощено еще древними рудокопами, но за то свинецъ, которымъ они пренебрегали, находится въ большомъ количествѣ. Кромѣ собственно руды, правительство разрѣшило ассоціаціи Серпіери-Ру разрабатывать и остатки прежней эксплуатаціи (scories) разсѣянныхъ всюду кругомъ присковъ за недостаточность примовъ рудосканія. Черезъ два-три года въ афинскомъ обществѣ началъ ходить слухъ, будто бы иностранная компанія, не довольствуясь вышеозначенными источниками и пользуясь неопредѣленностью въ редакціи концессионнаго акта, извлекаетъ сверхъ того неслыханныя выгоды изъ обильной металломъ земли, которую древніе считали негодною и которая покрываетъ громадную площадь въ нѣсколько квадратныхъ миль. Такія рудоносныя земли, всегда находимыя въ окрестности богатыхъ присковъ, называются на техническомъ языкѣ гальдами (Halden). Подъ этимъ-то послѣднимъ именемъ эти рудники сдѣлались здѣсь предметомъ безконечныхъ и страстныхъ сужденій. Подъ влияніемъ тревожно-настроеннаго общественнаго мнѣнія, Замнись, глава тогдашняго министерства, принужденъ былъ въ 1869-мъ году назначить комиссію для разсмотрѣнія дѣйствій компаніи Серпіери-Ру и оцѣнки производительности гальды. Комиссія составила по этому предмету отчетъ, которымъ, казалось, вполне оправдывала ходившіе въ обществѣ толки: доходъ, извлекаемый иностранными эксплуататорами съ рудоносныхъ земель, оцѣненъ былъ ею въ баснословную сумму, слишкомъ въ 120 милліоновъ драхмъ (около 30 милліоновъ рублей). Вся Греція вскипятилась. Насколько права была компанія, считая гальды уступленными ей по условіямъ правительственной концессіи—до того обществу не было никакого дѣла; но надо было, во чтобы то ни стало, *per fas et nefas*, оттягать у пришлыхъ спекулянтовъ драгоценный источникъ доходовъ, которымъ такъ удобно было заткнуть многочисленныя щели государственнаго бюджета. Напрасно Серпіери, въ отвѣтномъ мемуарѣ, старался опровергнуть доводы комиссіи, доказывая законность своихъ правъ на гальды по смыслу условія, и предлагая за $\frac{1}{4}$ приведенной выше суммы уступить греческому правительству не только самую эксплуатацію, но и всѣ выстроенныя имъ въ Лауриумѣ промышленныя заведенія. Никто ему не повѣрилъ. Распаленная жадность грековъ не могла такъ легко отказать отъ взлѣблянной ими мечты; воображаемые милліоны слишкомъ сладко звучали въ ихъ ушахъ. Эти милліоны *in partibus infidelium* сдѣлались наконецъ для нихъ какой-то національной *idée fixe*, въ родѣ теперешней тоски французовъ по Эльзасу и Лотарингіи. Словесныя и печатныя ругательства отовсюду сыпались на голову несчастнаго Серпіери. При подобномъ настроеніи общества ясно было, что кто изъ политическихъ дѣятелей первый рѣшится перенести вопросъ о Лау-

ріумскихъ прискахъ изъ области народной фантазіи и платоническихъ воздыханій на болѣе реальную почву, тѣмъ самымъ приобрѣтеть громадную популярность. Это очень хорошо понялъ Делигеорги и, въ 1871-мъ году, постыѣшилъ произнести это магическое имя съ парламентской трибуны; въ его смѣлой инициативѣ и заключается, главнымъ образомъ, разгадка теперешняго его вліянія на массы. Кумундурось былъ тогда первымъ министромъ. Онъ скоро почувствовалъ, что ему не совладать съ оппозиціей, если онъ не успѣетъ выхватить изъ ея рукъ опасное орудіе. Чтобы склонить общество на свою сторону онъ сталъ кричать громче Делигеорги о необходимости свести счеты съ компаніей, и предложилъ палатѣ обложить добываемый въ Лауриумѣ свинецъ пошлиною чуть ли не въ 30%. Но и эта мѣра показалась недостаточною. Руководимая Делигеорги палата приняла слѣдующее рѣшеніе: 1) признать всякія претензіи Серпіери-Ру на разработку рудоносныхъ земель лишенными основанія, такъ какъ правительство, будто бы, не имѣло права ими распоряжаться; 2) объявить гальды государственною неотчуждаемою собственностью; и наконецъ 3) въ видѣ временной мѣры до окончательнаго разрѣшенія вопроса, наложить секвестръ на ихъ разработку. Противъ этого постановленія, въ которомъ палата такъ безцеремонно присвоила себѣ судебныя права, Серпіери и Ру протестовали предъ своими правительствами. Италія и Франція вступились, начались дипломатическіе переговоры, обмѣны нотъ и мемуаровъ. Между тѣмъ, палата была распущена и дѣло приостановилось до нынѣшней сессіи, которой предстоитъ дать ему какой-либо исходъ. Новая палата, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ отстаивать прежнія требованія, и если министерство только поддастся на иностранныя внушенія и зайкнется о миролюбивой сдѣлкѣ, то оно тѣмъ самымъ наложитъ на себя руки.

Совпаденіе столькихъ животрепещущихъ для Греціи вопросовъ придадо нынѣшнимъ выборамъ особенный интересъ.

Чтобы уяснить себѣ борьбу партій въ этой странѣ, необходимо прежде всего забыть принятыя на обще-европейскомъ политическомъ языкѣ стереотипныя клички и хитрыя подраздѣленія. Демократы и аристократы, монархисты и республиканцы, консерваторы и радикалы, — вотъ, по нашимъ понятіямъ, рубрики, подъ которыя укладываются всевозможные оттѣнки партій. Никакихъ подобныхъ различій въ здѣсь не встрѣтите. Поговорите поочередно съ людьми, принадлежащими къ самымъ враждебнымъ между собою лагерямъ, и вы замѣтите въ ихъ убѣжденіяхъ и политической программѣ замѣчательное тождество. Демократизмомъ здѣсь удивлять некого: вслѣдствіе грекъ, уже въ силу національнаго склада, родится демократомъ, кромѣ той небольшой и лишенной значенія горсти фанаріотовъ, о которой я уже сказалъ нѣсколько словъ. Надъ формою правленія никто и не задумывается: монархическая власть такъ слаба

въ Греціи, что никого не стѣсняетъ, и, съ другой стороны, не настолько популярна, чтобы кому-либо пришло въ голову серьезно хлопотать объ ея усиленіи. Что же касается политическихъ desiderata, то они такъ мало осмыслены и такъ неопредѣленны, что не могутъ сами по себѣ создать существенныхъ различій. Вотъ почему въ Греціи не существуетъ, да и не можетъ, при этихъ условіяхъ, существовать партіи съ извѣстными принципами, съ опредѣленной программой. Всѣ сражаются подъ безцвѣтными знаменами. Вотъ также почему здѣсь легче, чѣмъ во всякой другой странѣ, пользующейся представительными учреждениями, общественные дѣятели перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой. Имъ не предстоитъ необходимости жертвовать для этого прежними убѣжденіями: новыхъ имъ никто не навязываетъ. За отсутствіемъ коренныхъ принциповъ, партіи группируются исключительно изъ совокупности частныхъ честолюбій или корыстолюбій, и отличаются другъ отъ друга лишь именемъ того политическаго вождя, которому каждая изъ нихъ вѣрила осуществленіе общихъ надеждъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для опредѣленія даннаго политическаго момента въ Греціи нѣтъ нужды вдаваться въ изученіе различныхъ партій, спорящихъ за власть: можно ограничиться характеристикой тѣхъ трехъ или четырехъ личностей, которыя собрали около себя наибольшее число адептовъ.

Такую роль вождей въ настоящую минуту играютъ Булгарисъ, Кумундурось и Делигеорги.

Первые два принадлежатъ къ числу политическихъ ветерановъ; они постоянно были соперниками и лишь въ прошломъ году, чуя въ Делигеорги общаго и наиболѣе опаснаго врага и не располагая притомъ, каждый въ отдѣльности, достаточнымъ большинствомъ, они рѣшились, къ общему удивленію, забыть десятилѣтнюю вражду и сплотить въ одно свои такъ долго разрозненные силы. И дѣйствительно, соединенная партія булгари-кумундуристовъ легко могла бы, не боясь усилий какой бы то ни было оппозиціи, распоряжаться по произволу судьбами страны, еслибы между вождями ея не таилось сѣмя взаимнаго недвѣрія, которое уже неоднократно успѣло выразиться и которое, мнѣ кажется, должно вскорѣ разрѣшиться неминуемымъ распаденіемъ.

Но, даже помимо новыхъ силъ, которыхъ они искали въ своей коалиціи и по числу лично имъ преданныхъ приверженцевъ, Булгарисъ и Кумундурось занимаютъ наиболѣе видныя мѣста въ ряду здѣшнихъ государственныхъ людей.

Имя Булгариса тѣсно связано со всѣми главными событіями, ознаменовавшими политическую жизнь Греціи за послѣднее десятилѣтіе. Революція 10-го октября 1862 года была его личнымъ дѣломъ. По изгнаніи баварской династіи въ его рукахъ очутилась почти диктаторская власть и оставалась въ нихъ, несмотря на соперничество

Булундурса, почти до самаго вступленія Георга I на греческій престолъ. Новая династія, очевидно, должна была считаться съ подобною ей и не разъ пришлось ей принимать снова Булгариса въ верховному управленію. Онъ посѣдѣлъ въ парламентскихъ борьбахъ, никто лучше его не изучилъ искусство политическихъ маневровъ, никто такъ ловко не знаетъ лавировать посреди затруднительныхъ обстоятельствъ. Это даетъ ему большое преимущество предъ его соперниками; къ тому же, не скупясь на подачки своимъ приверженцамъ, когда власть находится въ его рукахъ, онъ сумѣлъ создать себѣ сильную и безусловно преданную ему партію. Но съ другой стороны, слишкомъ уже безцеремонное обращеніе съ выборами настроило противъ него общественное мнѣніе; сверхъ того, его двусмысленная роль въ послѣднихъ эпизодахъ критскаго дѣла не могла не нанести большого ущерба его популярности. Призванный управлять министерствомъ, когда бесплодность послѣднихъ усилій возстанія сдѣлалась для греческаго правительства очевидною, онъ, говорятъ, самъ снарядилъ извѣстную экспедицію Петропулаки, которою волонтеры надѣлали въ Аѣинахъ много шума, но, высадившись въ Кандін, немедленно сдались туркамъ. Въ то же самое время знаменитый корсарь „Эноссиъ“, такъ долго и успѣшно провозившій провіантъ и поддержаніе инсургентамъ сквозь цѣпь турецкихъ блокадныхъ судовъ, былъ схваченъ въ Сирѣ и командиромъ Гобартъ-пашей. Это совпаденіе неудачъ возбудило въ Аѣинахъ всеобщее негодованіе противъ Булгариса и приписано было тайному уговору его съ англійскимъ и турецкимъ правительствами, съ цѣлью убѣдить націю въ бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія. Напрасно онъ потомъ прикинулся партизаномъ отчаянной борьбы, требовалъ поголовнаго вооруженія, налога на всѣ состоянія въ размѣрѣ 10-ти, кажется, процентовъ съ дохода, и даже расхищенія государственнаго банка въ пользу священной войны: это напускное бѣснованіе никого не разубѣдило, и на имени его осталось невзглядимое пятно.

Не менѣе значительную роль играть въ здѣшнемъ политическомъ сирѣ постоянный соперникъ Булгариса, Кумундурсъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ они оспаривали другъ у друга первенство вліянія, и мало-по-малу перевѣсъ склонился на сторону послѣдняго такъ, что въ минувшую парламентскую сессію онъ даже успѣлъ создать въ палатѣ безпримѣрное здѣсь единогласіе. Хитрый и проницательный умъ, его финансовыя способности, а въ особенности высказавшійся во время критскаго возстанія горячій патріотизмъ, придали его имени большой вѣсъ и сгруппировали вокругъ него партію, безспорно первую по численности и личному составу. Слѣдующій эпизодъ изъ бурной карьеры Кумундурса можетъ дать понятіе о громадномъ авторитетѣ, которымъ онъ пользуется въ странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о рѣшительности, составляющей отличительную черту его характера. Въ 1868 г.

Бугарисъ, будучи главою министерства и желая отдѣлаться отъ блестящаго предводителя оппозиціи, отдалъ подъ какиѣ-то предлогомъ приказъ объ его арестованіи. Кумундурсъ, ни мало не задумываясь, удалился въ свои помѣстья въ Лаконіи, собралъ своихъ приверженцевъ и, поднявъ всю окрестную страну, объявилъ, что будетъ сопротивляться вооруженной рукою. Въ виду такого неожиданнаго оборота, Бугарисъ принужденъ былъ отмѣнить свой приказъ. Впрочемъ въ послѣднее время обнаружилось въ лагерѣ Кумундурса несогласіе, грозящее значительно ослабить его партію; часть кумундурисовъ почти совершенно отпала отъ своего бывшаго вождя и сгруппировалась вокругъ Зантскаго демагога Ломбардо. Говорятъ, будто Кумундурсъ, забывъ, что партія въ Греціи не что иное, какъ торговая ассоціація à forfait, въ послѣднее свое министерство не удовлетворилъ акціонеровъ, поддерживающихъ его фирму, достаточнымъ дивидендомъ. *Inde irae!*

Въ народномъ собраніи, послѣдовавшемъ за переворотомъ 10 октября, въ первый разъ упоминается въ рядахъ оппозиціи имя Делигеорги. Молодой, никому до тѣхъ поръ неизвѣстный адвокатъ неожиданно разразился рядомъ громовыхъ рѣчей, которыя сразу упрочили за нимъ славу перваго въ Греціи оратора. Съ того времени популярность Делигеорги постепенно росла. Можно смѣло сказать, что вся юная Греція въ немъ одномъ видитъ своего Мессію, призваннаго исцѣлить всѣ отечественныя язвы. Неподкупная честность убѣждений, признаваемая за нимъ даже отъявленными его врагами, составляетъ такое рѣдкое явленіе въ здѣшнихъ политическихъ нравахъ, что она, конечно, должна, въ глазахъ молодежи, придавать личности Делигеорги особенное обаяніе. Прибавьте къ этому увлекательное краснорѣчіе, умѣнье подлаживаться подъ тонъ народныхъ страстей, какъ, напр., въ дѣлѣ о Лауриумѣ, и вы легко поймете, почему съ его именемъ многіе связываютъ будущія судьбы Греціи.

Я старался обрисовать личности трехъ наиболѣе крупныхъ и рѣзко выдающихся въ настоящую минуту дѣятелей; затѣмъ остаются лишь компарсы, осужденные на второстепенную роль, какъ-то: Занмисъ, Трикупи и многіе другіе, о которыхъ нѣтъ необходимости распространяться.

Министерство находится съ прошлаго года въ общемъ владѣніи коалиціи Кумундура-Бугариса. Друзья-соперники раздѣлили между собою различныя вѣдомства; но не трудно было замѣтить, что Бугарисъ присвоилъ себѣ львиную часть, посадивъ своихъ намѣстниковъ въ важнѣйшія министерства и сохранивъ для себя портфель иностранныхъ дѣлъ. На долю-же Кумундурса остались одни лишь отребья, *le fond du sac*, какъ-то: юстиція, народное просвѣщеніе и, кажется, публичныя работы. Онъ не могъ скрыть своей досады, занявъ свои

подъими предоставленныя въ его распоряженіе министерства, но отказался отъ личнаго участія въ управленіи.

При такихъ-то условіяхъ открылись настоящіе выборы. Ясно было для всякаго, что кромѣ официальной битвы правительства съ оппозиціей, идетъ рядомъ другая, затаенная борьба между двумя враждебными фракціями въ средѣ самого правительства. Никогда выборы не представляли такого оживленія, никогда не являлось столько кандидатовъ на депутатство. Слухи о подкупахъ, подлогахъ, насиліяхъ всякаго рода приходили отовсюду; во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до вооруженныхъ схватокъ, и мѣстныя войска играли не послѣднюю роль въ успѣхахъ правительственныхъ кандидатовъ.

Результатъ выборовъ былъ блестящій для правительства въ официальномъ его составѣ: они дали ему 115 голосовъ, т.-е. значительное большинство. Оппозиція старалась прикрыть свое пораженіе шумными демонстраціями, въ 50 каретахъ отправилась на встрѣчу. Делигеорги при въѣздѣ его въ АѢнны, пустила даже въ честь его нѣсколько ракетъ, но вся эта трескотня никого не обманула.

24-го марта король торжественно открылъ палату.

Какія судьбы ожидаютъ ее? Въ какія отношенія станетъ она къ правительству и какъ разрѣшить стоящіе на очереди щекотливые вопросы? На все это отвѣтить заранѣе довольно трудно. Но стоитъ только ближе взглянуть въ приведенную выше цифру обезпеченныхъ правительствомъ голосовъ, чтобы убѣдиться въ недолговѣчности настоящаго порядка вещей. Изъ 115-ти голосовъ около 70-ти принадлежатъ кумундуристамъ; Булгарисъ же располагаетъ только 45-ю. Изъ этого ясно, что Кумундурсъ, приносящій въ коалицію сильнѣйшій контингентъ, не можетъ удовлетвориться въ ней второстепенной ролью и направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы изгнать булгаристовъ изъ министерства, или по крайней мѣрѣ удалить ихъ на задній планъ. Но онъ можетъ достигнуть своей цѣли только въ томъ случаѣ, если, помирившись съ отставшей отъ него фракціей и сманивъ на свою сторону блуждающіе голоса, которыхъ во всякой палатѣ не малое количество, обезпечить такимъ образомъ за собою большинство.

Въ симптомахъ же разрыва покажутся нѣтъ недостатка. Еще до открытія палаты, министръ юстиціи, Метакса, принадлежащій къ партіи Кумундурса, опубликовалъ циркуляръ, въ которомъ обвинялъ военныя и административныя власти въ противузаконномъ вмѣшательствѣ въ выборы и предписывалъ слѣдственнымъ судьямъ произвести по этому предмету строжайшее розысканіе. Этотъ циркуляръ очевидно направленъ былъ противъ министерствъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, находящихся въ рукахъ булгаристовъ. Военный министръ отвѣчалъ на этотъ вызовъ другимъ циркуляромъ, гдѣ благодарилъ войска за

спокойствіе и безпристрастіе, соблюденныя ими во время выборов. Такимъ образомъ, война уже завязалась и конецъ, повидимому, близокъ.

В. М — овъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вопросы народнаго образованія во Франціи.

Quelques mots sur l'instruction publique en France, par *Michel Bréal*, professeur au Collège de France. Paris, 1872. (*Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи. Мишеля Бреала*).

L'Instruction républicaine, par *Amédée Guillemin*. Obligation—Gratuité—Laïcité. Paris, 1872. (*Республиканское образованіе, Амедея Гильемена*).

Les Crimes de l'éducation française, par *M. Laurentie*. Paris, 1872. (*Преступленія французскаго воспитанія, М. Лорантти*).

Франція, очевидно, начинаетъ заниматься вопросами народнаго просвѣщенія: въ первые три мѣсяца нынѣшняго года она дала три сочиненія объ этомъ вопросѣ, между тѣмъ какъ въ продолженіи всего царствованія Наполеона III, продолжавшагося слишкомъ двадцать лѣтъ, не насчитаютъ и двухъ десятковъ сочиненій о народномъ образованіи. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ сочиненій, вопросъ народнаго просвѣщенія затрогивается и разбирается почти во всѣхъ книгахъ и брошюрахъ, касающихся, такъ или иначе, современнаго положенія Франціи. Въ настоящее время, однимъ словомъ, французы снова настраиваются на тотъ ладъ, въ которомъ они находились послѣ революціи 1830 года и который принесъ хорошіе плоды въ законѣ Гизо о народномъ образованіи. Французы понимаютъ, что въ ихъ пораженіяхъ и бѣдахъ 1870—71 годовъ много виноваты невѣжество и полуобразованность ихъ собственнаго народа; жаль только, что среди нихъ все еще недостаточно распространено убѣжденіе въ полуобразованности не только низшихъ слоевъ народной массы, но и высшихъ, богатыхъ классовъ. Между тѣмъ, низшее, сравнительно съ Германіей, умственное и нравственное состояніе Франціи едва ли не обусловливается именно дурнымъ образованіемъ французской интеллигенціи, паденіемъ серьезной науки во Франціи. Народное образованіе въ Германіи бьетъ въ глаза только численностью грамотныхъ людей, но такъ какъ эта грамотность не имѣетъ себѣ лучшаго употребленія, чѣмъ во Франціи, то ей никакъ нельзя приписывать столь крупнаго нравственнаго значенія, какое обыкновенно придаютъ ей люди, приписывающіе нѣмцамъ

нѣя побѣди главнымъ образомъ „школьному учителю“. Школьный учитель въ Германіи почти также плохо живетъ и недостаточно подготовленъ къ своей важной дѣятельности, какъ и во Франціи, и отъ его уроковъ, слѣдовательно, получались и тамъ и тутъ одинаковые результаты; въ этомъ вопросѣ превосходство Германіи только въ томъ, что въ ея школахъ сравнительное число учениковъ крупнѣе — превосходство чисто численное, а не нравственное. Только въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ народныя училища устраивались не въ духѣ „прусскихъ регулятивовъ“, въ дѣлахъ рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ мастеровыхъ школа развила не механику грамотности только, но также умъ и сердце и страстную охоту къ знаніямъ, и именно въ этихъ государствахъ мы видимъ широкія улучшенія во всѣхъ отрасляхъ промышленности и сельскаго хозяйства. Но въ военномъ дѣлѣ, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ находчивости и умѣнья начальниковъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, программа народной школы имѣетъ лишь второстепенное значеніе; здѣсь все зависитъ отъ образованности офицеровъ и вообще высшаго слоя общества, то-есть отъ процвѣтанія солиднаго обученія и серьезной науки въ странѣ и главнымъ образомъ, слѣдовательно, отъ устройства средняго и высшаго образованія.

Большая часть французскихъ писателей, касающихся вопроса народнаго образованія, почти совершенно забываютъ значеніе средняго и высшаго образованія въ общемъ нравственномъ состояніи страны, и только кричатъ на всѣ голоса о необходимости вѣщать всѣхъ дѣтей во Франціи въ народныя школы. О плохомъ состояніи высшаго образованія, особенно по филологическимъ наукамъ и естествознанію, говорятъ, правда, весьма часто, но среднее образованіе—лицей—принадлежитъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Даже такой прогрессистъ, какъ Гильеменъ, авторъ извѣстнаго иллюстрированнаго сочиненія: „le Ciel“, и проповѣдникъ особаго „республиканскаго образованія“, находитъ лицейскую систему преподаванія на высотѣ своего назначенія: — „главное дѣло не въ немъ“ — утверждаетъ онъ. Это заблужденіе очень печальнаго свойства, и оно тѣмъ печальнѣе, что въ немъ проявляется старый порокъ французовъ: тщеславіе, не позволяющее имъ признать того факта, что именно главная часть ихъ образовательной системы, сама основа французской цивилизаціи, не прочна и не сулитъ ничего хорошаго въ будущей выработкѣ національнаго характера. Это самое тщеславіе мѣшало имъ видѣть недостатки своего лицейскаго образованія въ продолженіи всей новѣйшей исторіи Франціи, начиная съ Наполеона I. „Мы такъ прекрасно и художественно пишемъ, мы такъ краснорѣчиво рассуждаемъ въ нашихъ собраніяхъ и бесѣдахъ; вся Европа читаетъ и слушаетъ насъ съ величайшимъ удовольствіемъ, — посредствомъ нашихъ книгъ и рѣчей мы

цивилизуемъ весь міръ, мы идемъ во главѣ образованныхъ странъ, — ясно, слѣдовательно, что наши лица, въ которыхъ мы научаемся нашему искусству писать и говорить, — учрежденія образцовыя, и что измѣнять ихъ, преобразовывать, значить только портить“. Такъ, или почти такъ разсуждали о своемъ основномъ образованіи всѣ французы; Гамбетта еще недавно увѣрялъ своихъ республиканскихъ слушателей, что во время войны вся Европа скучала, и скучала оттого только, что у нея не было подъ руками новыхъ французскихъ книгъ! Только этимъ тщеславнымъ заблужденіемъ можно объяснить почти полное отсутствіе во французской литературѣ педагогическихъ сочиненій о среднемъ образованіи. Правда, Ренанъ и двое-трое другихъ ученыхъ, знакомыхъ съ нѣмецкой педагогической литературой, пытались возбудить въ своихъ соотечественникахъ нѣкоторый интересъ къ вопросамъ среднего и высшаго образованія, но и они не рѣшались требовать существенно преобразованія лицеевъ, и заявляли лишь въ мелкихъ журнальныхъ статейкахъ, что нѣмецкая метода среднего образованія заслуживаетъ серьезнаго изученія. Эти ученые понимали, что французское образованіе неладно устроено, но отчасти увлекаясь всеобщимъ тщеславіемъ и отчасти дорожа своею популярностью, они сдерживали свои ученые порывы, и даже пускались въ ненужныя сомнѣнія касательно справедливости своихъ собственныхъ выводовъ, неблагоприятныхъ лицейской системѣ. Въ такихъ же недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ пребывалъ, повидимому, Мишель Бреаль, прежде чѣмъ рѣшился обнародовать свои „Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи“. Онъ самъ на первой же страницѣ говоритъ, что эти „слова“ собирались имъ уже съиздавна, и что, не случись войны, они такъ бы и оставались въ его портфель, а между тѣмъ замѣтки этого почтеннаго профессора, извѣстнаго въ ученомъ мірѣ своимъ изслѣдованіемъ по восточной и классической филологіи, — замѣтки прекрасныя, дѣльныя, заслуживающія занять весьма видное мѣсто во французской педагогической литературѣ; въ нихъ высказано гораздо болѣе солидныхъ и серьезныхъ педагогическихъ соображеній о всей французской системѣ народнаго просвѣщенія, чѣмъ во всѣхъ циркулярахъ, брошюрахъ и статьяхъ, появившихся по этому предмету во Франціи въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Книга Бреаля всего больше занимается лицейскою системою обученія, но не упускаетъ изъ виду и народной школы, и университетскаго преподаванія. Нѣтъ ни одного важнаго вопроса, касающагося вліянія школы на образованіе національнаго характера, который бы не служилъ предметомъ внимательнаго обсужденія почтеннаго автора. Повидимому, весь его 20-лѣтній опытъ преподавательской дѣятельности былъ посвященъ наблюденіямъ надъ отношеніями между разными методами преподаванія и воспитанія съ одной стороны, и развитіемъ

нравственной личности воспитанниковъ съ другой. Авторъ такъ увѣ-
 ренъ своими наблюденіями въ этомъ смыслѣ, что объясняетъ всѣ
 дурныя стороны ума и сердца французовъ тѣмъ, либо другимъ недо-
 статкомъ образовательной системы и официальной педагогики во Фран-
 ціи. Хотя всѣ его замѣчанія этого рода весьма остроумны и имѣютъ
 за себя много фактическихъ и логическихъ данныхъ, однако ихъ
 можно принять лишь съ тою оговоркою, что школа съ ея дурнымъ
 методомъ оттого такъ рѣзко отпечатѣлась на французскомъ націо-
 нальномъ характерѣ, что во всей остальной жизни французовъ не
 только не было отпора дурнымъ вліяніямъ школы, но напротивъ эти
 вліянія находили тамъ плодородную почву для своего развитія. Не-
 сомнѣнно, конечно, что учебная система въ странѣ, какъ всякія
 другія государственныя или общественныя учрежденія, находится въ
 непосредственной зависимости отъ даннаго историческаго момента, пе-
 реживаемаго тою или другою націею; но учебная система одна не мо-
 жетъ обуславливать весь историческій моментъ, вопреки всякимъ дру-
 гимъ условіямъ народной жизни,—и не ею одною, слѣдовательно, со-
 здается національный характеръ. Она даетъ извѣстное направленіе
 умственной дѣятельности, она пролагаетъ путь къ нравственному со-
 вершенствованію или паденію, но она достигаетъ всего хорошаго и
 дурного, въ ней заключающагося, лишь въ томъ случаѣ, если осталь-
 ныя условія жизни такъ или иначе способствуютъ или просто допу-
 скаютъ, развитіе въ національномъ характерѣ этихъ хорошихъ или
 дурныхъ вліяній школы. Очень можетъ быть, поэтому, что съ исправ-
 леніемъ всѣхъ недостатковъ французской учебной системы, француз-
 скій національный характеръ все-таки измѣнится лишь въ незначи-
 тельной стѣпени; въ Германіи превосходно устроено и среднее и выс-
 шее образованіе, однако и въ нѣмцахъ живетъ нѣсколько самыхъ от-
 вратительныхъ сторонъ французскаго національнаго характера, напр.,
 шовинизмъ, ярая вражда политическихъ партій, и т. п.

Какъ бы то ни было, никто не станетъ оспаривать громаднаго зна-
 ченія школы въ образованіи національнаго характера, и потому всегда
 интересно наблюдать за нравственными вліяніями того или другого
 условія въ учебной системѣ какаго-либо народа; книга Бреэля въ
 этомъ отношеніи представляетъ драгоцѣнный сводъ педагогическихъ
 выводовъ изъ опыта Франціи. Многіе изъ этихъ выводовъ могутъ на-
 вести на важныя соображенія каждаго мыслящаго человѣка въ Рос-
 сіи, особенно теперь, когда мы только-что начинаемъ устранивать сред-
 нее образованіе и подумываемъ основать на твердыхъ началахъ на-
 родную школу.

У насъ очень много говорили о томъ, что классицизмъ способ-
 ствуетъ будто бы распространенію въ обществѣ политической благо-
 намѣренности, въ особенности если въ классической школѣ будетъ

примѣнена строгая дисциплина въ уходѣ за учениками. Редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, съ особеннымъ усердіемъ проповѣдывающій эту идею, даже рѣшился на опытъ доказать справедливость своей мысли, и правительство вооружило въ этихъ видахъ ихъ „лицей“ самыми широкими привилегіями и всевозможными льготами. Что изъ этого лицей выйдетъ — пока неизвѣстно. Но опытъ съ французскими лицеями, гдѣ классицизмъ развитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и совсѣмъ подавленъ естественныя науки, и гдѣ къ воспитанникамъ примѣняется строгая дисциплина, даетъ результаты какъ разъ противоположныя: эти лицеи, утверждаетъ Бреаль, именно развиваютъ во французской молодежи „духъ возмущенія“ — *l'esprit de révolte*, и развитіе этого духа совершается именно вслѣдствіе строгой дисциплины въ закрытомъ заведеніи, при чемъ вліяніе классицизма остается безъ всякихъ послѣдствій. Главный порокъ лицеевъ въ этомъ отношеніи заключается, по мнѣнію нашего автора, именно въ томъ, что лицеи — закрытыя заведенія: *internat*. Замѣчательно, что и Гильеменъ говоритъ о вліяніи интерната на развитіе „духа возмущенія“ то же самое, да еще приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія мемуаръ одного весьма извѣстнаго ученаго, Сентъ-Клеръ Девилля, читанный въ прошломъ году во французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. А между тѣмъ большая половина лицействова въ Франціи: 18,000 изъ 32,000 — состоятъ полными пенсіонерами и видятся съ своими родителями лишь по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Бреаль утверждаетъ, что подобный порядокъ отношеній между сыновьями и ихъ родителями установился не потому, чтобы родители пренебрегали своими обязанностями, а изъ предразсудка, укоренившагося въ богатыхъ классахъ усиліями французскихъ правительствъ, старающихся забрать всѣ молодыя силы Франціи въ свои руки. Родители думаютъ, что ихъ сыновья могутъ лучше и успѣшнѣе учиться въ казенномъ лицей, подъ постояннымъ присмотромъ начальства, чѣмъ дома, въ обстановкѣ болѣе или менѣе свободной. При маломъ распространеніи педагогическихъ знаній во Франціи, родителямъ и въ голову не приходитъ, что въ воспитаніи не количество, а качество приобретаемыхъ знаній создаетъ характеръ молодого человѣка, и что въ созданіи нравственной натуры юноши чуть ли не главную роль играетъ матеріальная и нравственная обстановка, среди которой развиваются и крѣпнутъ личныя свойства и особенности его нравственной дѣятельности. Самый актъ сожителства юношей въ лицей считается превосходнымъ средствомъ для подготовленія дѣтей къ общественной жизни. Лицей — это „мѣсто-пробываніе прочныхъ добродѣтелей, грубой откровенности, искренности и неизмѣнныхъ привязей; это дѣйствительная школа общественной жизни“. Все же страннѣе то, что интернатъ — „это наследіе ордена иезуитовъ и первой имперіи“ — находилъ въ свое время сильную под-

держку со стороны либеральной партіи, которая усматривала въ лицейской жизни „какое-то сходство съ Римомъ и Спартою“. Теперь говорятъ, что лицей есть смѣсь монастыря съ казармою; по мнѣнію Бреаль, это смѣсь всего дурного, что есть въ казармѣ и монастырѣ. „Время военной дисциплины—говорить онъ—налагается здѣсь на *дѣтей*, которыя не въ силахъ переносить его, а лишенія монастыря не вознаграждаются сознаниемъ добровольной жертвы своею свободою“. Эта общая жизнь, поэтому, никакъ не можетъ воспитывать въ дѣтахъ ту высокую идею равенства, къ которой такъ привыкли стремиться образованные французы. Здѣсь создается равенство іезуитское или наполеоновское—„равенство въ рабствѣ“, какъ говоритъ Бреаль: индивидуальныя наклонности дѣтей подавляются ради сохраненія „порядка и спокойствія“ въ лицѣ; здѣсь обращаются не къ идеальнымъ побужденіямъ дитяти, а къ его эгоистическимъ инстинктамъ, здѣсь воспитаніе замѣнено дисциплиною. И въ самомъ дѣлѣ всѣ кары и награды, изъ которыхъ и состоитъ каждая лицейская дисциплина, должны непремѣнно имѣть въ своемъ основаніи интересъ прежде всего самаго лица, его разъ заведеннаго порядка, и поэтому въ назначеніи ихъ главнымъ образомъ фигурируютъ соображенія о вліяніи каръ и наградъ на массу учениковъ, а не на отдѣльнаго индивидуума, къ которому примѣняется та или другая кара или награда: интересъ нравственный такимъ образомъ приносится въ жертву интересу политическому. Лицейское воспитаніе, слѣдовательно, не хлопочетъ о вызовѣ нравственныхъ силъ, дремлющихъ въ каждой личности, и о направленіи ихъ къ добру, но стремится лишь такъ приурочивать нравственныя силы дѣтей къ однажды заведенному порядку, чтобы сохранялся прежде всего этотъ порядокъ, который, какъ бы хорошъ онъ ни былъ самъ по себѣ, вліяетъ на дисциплинируемыхъ крайне разнообразно, но всегда отзываясь въ ихъ сознаніи безцѣльнымъ давленіемъ на развитіе ихъ нравственной личности. Представьте себѣ теперь, что гувернеры, тьюторы — *maitres d'étude*, въ лицѣ которыхъ воплощается лицейская дисциплина, какъ бы основательно ни были они подготовлены къ воспитательной дѣятельности, неспособны заслужить довѣренность воспитанниковъ, по той простой причинѣ, что сами они, исполняя полицейскія обязанности надзора всюду и вездѣ, должны руководствоваться въ своей дѣятельности ничѣмъ инымъ, какъ недоверіемъ къ ученикамъ. Такимъ образомъ, вся лицейская жизнь обращается въ систему обоюднаго недоверія воспитателей и воспитанниковъ,—какой же нравственный результатъ можетъ дать подобная система? „Только одно довѣріе возвышаетъ души“, — говоритъ совершенно справедливо Бреаль: „постоянно на виду у гувернера, ученикъ кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ его за своего врага. Все, что скрываютъ отъ его надзора, считается просто военною уловкою. Между

лицеѣствомъ и лицеѣемъ создается тайная война, въ которой одна сторона удваиваетъ свою хитрость по мѣрѣ того, какъ другая умножаетъ свои предосторожности. Переводя на опредѣленный языкъ то чувство, которое связуетъ между собою воспитанниковъ лицеѣя, придется назвать его потребностью бороться съ властью (*le besoin de faire face à l'autorité*)... Такъ наши юные лицеѣсты привыкаютъ къ борьбѣ между закономъ и ихъ волею, и они чувствуютъ себя свободными въ первый разъ, когда имъ приходится встать въ оппозицію съ постановленіями... Нечего изумляться тому, что наши дѣти, разъ выйдя изъ лицеѣя, походятъ на убѣжавшихъ коней, бросаются чрезъ всѣ преграды, и вмѣдываютъ всякія шалости. Возрастъ разсудка искусственно замедленъ въ нихъ на пять-шесть лѣтъ. Именно маленькія силы, если находятся подъ долгимъ давленіемъ, производятъ самые гибельные взрывы. Многіе родители и гувернеры обвиняютъ въ этихъ взрывахъ распущенность нашего времени, а между тѣмъ имъ слѣдовало бы прежде всего обвинить самихъ себя, такъ какъ имъ пріятнѣе было скрывать свободу своего сына или воспитанника, чѣмъ руководить ею, и такъ какъ они допустили мальчика стать мужчиною, не давъ ему предварительно случая испытать свой личный починъ и силу своего отпора¹⁾.

Что касается до взаимнаго вліянія воспитанниковъ другъ на друга, то оно также способствуетъ портѣ характера лицеѣстовъ, такъ какъ каждому воспитаннику приходится въ этой закрытой жизни волею-неволею подчиняться общему мнѣнію того или другого кружка, составляющагося около „сильныхъ“ школьнаго міра: это „демократія, живущая кружками“, или „собраніе олигархій.“ Здѣсь не сильные и свободные поступаютъ своими правами въ видахъ общей пользы, но напротивъ слабые поступаютъ всею своею личностью въ пользу сильныхъ, обѣщающихъ имъ свое покровительство. Подобныя основанія общей жизни, не имѣющія въ себѣ ничего возвышеннаго, могутъ развивать и въ сильныхъ и въ слабыхъ только эгоизмъ самаго узкаго свойства: пріучать однихъ къ безконтрольному деспотизму, а другихъ къ смиренію раба. Эти два качества французовъ постоянно проявляются во всѣхъ крупныхъ событіяхъ новѣйшей Франціи, — на нихъ-то всего удобнѣе было строиться цезаризму.

Классическіе языки, которымъ дается теперь такое преобладающее значеніе въ русской системѣ народнаго просвѣщенія, и которые служили также главнымъ, почти единственнымъ предметомъ 8-лѣтняго курса французскихъ лицеѣевъ, оказываются, по изслѣдованіямъ Бреалъ, орудіемъ обоюдоострымъ. „Они могутъ дѣйствительно возбудить въ юношествѣ интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, но могутъ и не

¹⁾ Стр. 306—308.

возбудить его, могут даже поселить отвращеніе къ наукѣ на всю жизнь. Они могут способствовать развитію правильнаго, серьезнаго мышленія, но могут развивать и легкомысленное отношеніе какъ къ наукѣ, такъ и къ жизни. Таковой или другой результатъ обуславливается личными способностями учителей и методами преподаванія. Если у васъ нѣтъ подъ руками дѣльныхъ наставниковъ, или если цѣли преподаванія, вами избранныя, не имѣютъ научнаго характера, то ваша классическая система образованія создастъ только верхоглядъ и пустыхъ болтуновъ, то-есть какъ разъ то, противъ чего именно предназначались у насъ, въ Россіи, классическіе языки. Таковы выводы нашего автора изъ его наблюденій надъ вліяніемъ классицизма во Франціи. Бреаль рѣшительно порицаетъ всѣ методы преподаванія латинскаго языка въ лицейхъ и приписываетъ имъ крупныя недостатки въ умственномъ развитіи французской интеллигенціи. Забудьте, что самъ Бреаль, какъ классикъ, глубоко вѣритъ въ важность классическаго образованія вообще, но эта вѣра нисколько не возмущаетъ его противъ естествознанія; къ сожалѣнію, онъ признаетъ себя недостаточно компетентнымъ въ вопросѣ реальнаго образованія, чтобы пуститься въ серьезное обсужденіе его, и потому только мимоходомъ жалуется, что естественная исторія, физика и химія преподаются въ лицейхъ лишь въ концѣ курса, несмотря на то, что наблюдательность не можетъ быть возбуждена ни слишкомъ рано, ни слишкомъ многими способами, и что въ устройствѣ лицейскаго курса слѣдовало принять въ соображеніе учениковъ, которые по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ жизни не въ состояніи довести своего ученія до конца лицейскаго срока (стр. 259—260). Онъ желалъ бы и исторію такъ распредѣлить въ лицейскомъ курсѣ, чтобы дѣти, прешедшія только полкурса (4 года), вышли бы оттуда съ хорошимъ знаніемъ всей исторіи, а не только древней и средней, какъ теперь. Бреаль прямо говоритъ, что есть много учениковъ, которые физіологически неспособны изучать классическіе языки и потому повпадаютъ въ лицей до окончанія полнаго курса; — нужно, чтобы и они выносили оттуда тѣ или другія полезныя знанія и не имѣли такимъ образомъ серьезныхъ причинъ сѣтовать потомъ на напрасно потраченные годы и трудъ.

О методахъ преподаванія классическихъ языковъ Бреаль пишетъ весьма много, и входитъ въ большія подробности, но всѣ его соображенія сводятся къ тому, что необходимо обращать вниманіе не на простую передачу или переводъ съ этихъ языковъ и обратно, но на строеніе ихъ, на постановку и употребленіе словъ въ рѣчи. Бреаль требуетъ, чтобы обученіе шло научнымъ способомъ, чтобы ученики сами открывали и наблюдали грамматическіе факты, чтобы — однимъ словомъ — въ ученикахъ возбуждалась любознательность, чтобы они брали не памятью, а разсудкомъ, и т. д. Но такіе методы выработки

ваются въ школѣ лишь при самодѣтельности и педагогической самостоятельности учителей, а учебная система во Франціи какъ разъ создана такъ, что учитель лишентъ всякой самостоятельности въ преподаваніи: тамъ существуютъ оффиціальныя методы, оффиціальныя руководства, оффиціальныя программы преподаванія, и всѣ эти оффиціальныя воздѣйствія на лицей идутъ изъ особаго комитета, который по закону 1850-го года составленъ изъ сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, администраторовъ, епископовъ и небольшого числа (меньшинство) лицейскихъ профессоровъ, назначавшихся туда, впрочемъ, не въ силу ихъ педагогическихъ знаній, а по политическимъ соображеніямъ. Указывая на этотъ составъ комитета, Бреаль ядовито замѣчаетъ, что отчего бы флотъ не поручить управленію какого-нибудь музыканта, а оперу не отдать въ руки военнаго генерала. Въ чемъ же спрашивается онъ — можетъ проявляться здѣсь дѣятельность администраторовъ, какъ не въ устраненіи всякихъ нововведеній, которыя могли бы повести къ принципательствамъ, а эти послѣднія пришлось бы непремѣнно разъяснять, при чемъ разъясненія могли бы направиться высшему начальству. Такимъ образомъ, учителя обратились въ чиниковъ, и многіе изъ нихъ преподавали вовсе не то, что сами считали наилучшимъ и наиболѣе полезнымъ. Такъ какъ учителя одного и того же лицея могли сдружиться между собою и рискнуть вмѣстѣ на что-нибудь противъ-оффиціальное, то было принято за правило перемѣщать ихъ съ мѣста на мѣсто возможно чаще. Уже въ 1848 году слышались жалобы на рутинныя пріемы лицейскаго преподаванія, и несмотря на то, во времена Наполеона III-го только за тѣмъ и слѣдили, чтобы учителя оставались въ своихъ старыхъ понятіяхъ и привычкахъ. Оффиціальная опека, однимъ словомъ, убиваетъ педагогику. Гдѣ нѣтъ свободы преподаванія, гдѣ въ школу вторгается политика, тамъ не можетъ быть и дѣльныхъ методовъ преподаванія, тамъ господствуетъ рутинная и подавляется наклонность къ педагогической наблюдательности и къ ученымъ занятіямъ вообще. Вотъ почему лицейскіе бакалавры словесности или наукъ, несмотря на то, что употребляютъ на изученіе латинскаго языка большее число часовъ, чѣмъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, знаютъ латынь хуже нѣмецкихъ гимназистовъ, да еще пытаются не только въ классицизмъ, но и вообще къ наукамъ, даже къ книгамъ и профессорамъ рѣшительное отвращеніе ¹⁾).

Такимъ образомъ, ясно, что искать въ обученіи классическимъ языкамъ какой-то панацеи противъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ золъ могутъ лишь люди, одностороннимъ образомъ заинтересованные въ успѣхахъ подобной пропаганды. Классическіе языки, при отсутствіи свободы преподаванія, *Lehrfreiheit*, и при дурномъ составѣ учителей,

¹⁾ Стр. 301.

могутъ принести обществу и государству только одно зло. А можно ли то же самое сказать про реальную систему образованія—этого еще никто не доказалъ. Военное превосходство Германіи надъ Франціей можетъ служить лишь доказательствомъ въ пользу реализма, такъ какъ во Франціи *научнаго* реального образованія вовсе нѣтъ, а существуетъ одно — профессиональное.

Нѣтъ во Франціи и университетскаго образованія въ нѣмецкомъ смыслѣ. Лицейскій курсъ образованія — курсъ совершенно полный и законченный: выше его только *École normale*, которая готовитъ учителей для лицеевъ, да *Collège de France*, гдѣ преподаютъ науку во всѣхъ ея отрасляхъ знаменитые ученые Франціи, но въ *Collège de France* нѣтъ студентовъ, нѣтъ экзаменовъ, а *École normale*—такое же закрытое заведеніе, какъ лицей, съ трехлѣтнимъ курсомъ. Затѣмъ, все остальное такъ-называемое *высшее образованіе* представляется въ видѣ специальныхъ школъ или коллегій, именуемыхъ *факультетами*: есть факультетъ законовѣдѣнія, медицины, словесности, наукъ (т.-е. естествознанія), богословія. Изъ нихъ только первыя двѣ категоріи: законовѣдѣніе и медицина, отличаются, по мнѣнію Бреали, научнымъ характеромъ своего преподаванія; факультеты богословія существуютъ лишь для не-католическихъ исповѣданій, а факультеты словесности и наукъ пробавляются изложеніемъ своихъ предметовъ популярнымъ образомъ, такъ какъ доступъ въ эти факультеты весьма легокъ, да и въ нихъ самихъ можно слушать тѣ лекціи и держать тѣ экзамены, которые наиболѣе по сердцу. Лицей, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ полный курсъ, и лиценція вовсе не нуждается въ продолженіи курса въ соответствующихъ его высшимъ классамъ факультетахъ словесности и наукъ. Какъ эти факультеты, такъ и всѣ другіе приспособлены главнымъ образомъ для потребностей государственной службы, и экзамены въ нихъ на *лиценціата* не даютъ экзаменующимся никакихъ болѣешихъ правъ для поступленія на службу, какія приобрѣтаются всѣми лицейскими бакалаврами наукъ или словесности. Эти бакалавры идутъ иногда въ факультеты приобрѣтать степень доктора той или другой науки, но ради *licence* они держатъ лишь тотъ или другой экзаменъ, даже ни разу не присутствуя на тѣхъ лекціяхъ, по курсу которыхъ приходится держать экзаменъ. Но сами факультеты въ экзаминаціонномъ отношеніи тоже дробятся на нѣсколько отдѣловъ; напримѣръ, факультетъ наукъ выпускаетъ лиценціатовъ трехъ разрядовъ: математическихъ наукъ, физическихъ и естественныхъ. Сообразно съ этими экзаменами частные люди устраиваютъ свои подготовительныя училища. Разные факультеты никакихъ сообщеній между собою не имѣютъ, да и сами экзамены такъ устроены, что юношамъ невозможно слушать курсы какихъ-либо другихъ факультетовъ кромѣ своего, такъ какъ на окончаніе курса въ факультетахъ назна-

чается опредѣленный срокъ и возрастъ. Всѣ эти постановленія ясно показываютъ, что государство главнымъ образомъ заботилось не объ интересахъ науки, которая требуетъ свободы и для профессоровъ и для студентовъ, но объ интересахъ государственной службы: ему нужны спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, и вотъ оно старается всѣми силами, чтобы учащіеся не отклонялись отъ разъ принятаго ими назначенія своей будущей карьеры. Такимъ образомъ, въ умѣ молодыхъ людей господствуетъ идея карьеры, и они заботятся лишь о томъ, какъ бы ловчѣе и скорѣе сдать свои экзамены, которые и составляютъ главную цѣль факультетскаго преподаванія: даже въ образованной публикѣ во Франціи установилось мнѣніе, что главное значеніе въ факультетахъ составляютъ экзаминаціонные комитеты, и всѣ родители весьма интересуются именами лицъ, избираемыхъ въ эти комитеты. Наука до такой степени спеціализировалась въ факультетахъ, что даже въ факультетѣ словесности (филологическомъ) курсы философіи, литературы и исторіи превратились въ какія-то популярныя лекціи. Вообще говоря, философія и исторія лишились во Франціи научнаго преподаванія; политическую экономію преподають лишь въ факультетахъ законовѣдѣнія, да и то лишь съ 1864-го года! Бреаль много жалуется еще, что между студентами и профессорами нѣтъ никакихъ сношеній, кромѣ официальныхъ, и это обстоятельство онъ объясняетъ тѣмъ, что во французскихъ университетахъ не допускаются вольные доценты, что тамъ нѣтъ ни библіотеки, гдѣ бы студенты могли сходиться съ профессорами, ни періодическихъ изданій, для которыхъ студенты могли бы, при помощи профессоровъ, готовить ученыя работы, и что, наконецъ, французскіе профессора получаютъ свой гонораръ исключительно отъ одного правительства. Однимъ словомъ, Бреаль признаетъ необходимымъ, для возрожденія науки во Франціи, создать изъ факультетовъ нѣчто такое, что имѣло бы всѣ атрибуты нѣмецкихъ университетовъ. Вотъ какъ онъ описываетъ духъ, господствующій въ нѣмецкихъ университетахъ:

„Около каждаго университета группируется болѣе или менѣе значительное число молодыхъ людей, будущихъ профессоровъ, *поэа приват-доцентовъ*, для которыхъ наука представляется великимъ и единственнымъ дѣломъ. Они честолюбивы, такъ какъ ихъ толкаетъ потребность завоевать себѣ репутацію, добыть катедру. Но въ то же время они ученые, ибо они не теряли бесполезно ни одного часа въ своей жизни, и послѣдній изъ нихъ, какъ самый юный, пользуется трудами своихъ предшественниковъ, пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущество надъ ними. Въ этомъ кругѣ профессоровъ царитъ страсть къ открытіямъ, потребность познанія, суровость критики, о которой мы можемъ составить себѣ понятіе, если сравнимъ ее съ дѣятельностью, встрѣчающеюся у насъ въ другой умственной

оферъ: среди юныхъ живописцевъ въ нашихъ крупныхъ студіяхъ (atelier). Тутъ та же жажда ко всему новому, то же презрѣніе къ пошлости, къ средствамъ легкимъ и рутиннымъ; тутъ создаются и развиваются научныя репутаціи; тутъ читаютъ, оспариваютъ, судятъ каждое новое сочиненіе, откуда бы оно ни являлось. Духъ, господствующій въ этихъ кружкахъ не имѣетъ въ себѣ ничего показнаго, — это критика сухая, краткая, безцеремонная; но здѣсь не боятся никакого труда, и нѣтъ такого затрудненія, передъ которымъ могла бы остановиться эта дѣятельность. Здѣсь выучиваются иностранному языку, чтобы прочесть одну книгу; и предпринимаютъ путешествія для присутствія при чтеніи какой-нибудь рукописи. Каждое сочиненіе, дающее новый фактъ или какое-нибудь наблюденіе, принимается радушно; парадоксы же обсуждаются холодно и сводятся къ своей настоящей стоимости; глубокое презрѣніе встрѣчаютъ здѣсь пересказы и декламация. Вотъ этотъ-то духъ передается студентамъ. Въ бесѣдахъ историческихъ, филологическихъ, педагогическихъ, въ которыхъ студенты принимаютъ участіе, ихъ пріучаютъ не вѣрить учителямъ на-слово, все по-мѣрять, ни въ чемъ не полагаться ни другимъ, ни себѣ. Суровость офицера, исправляющаго невѣрное движеніе солдатъ, встрѣчается иногда у профессоровъ, когда они слышатъ невѣрный фактъ, неосновательный взглядъ, или просто недостаточно точное выраженіе. Тотъ же тонъ царитъ и въ разговорахъ между студентами. Они, напримѣръ, не понимаютъ нашихъ литературныхъ преній, гдѣ индивидуальное чувство призывается какъ высшее доказательство. Они не могли бы безъ изумленія видѣть, какъ сто разъ заводятъ рѣчь все о тѣхъ же неразрѣшенныхъ вопросахъ. Они приняли бы съ насмѣшками дебютантовъ, которые, чтобы проявить силу своего ума, рѣшаются разрушить все, что существовало до нихъ самихъ. Университетъ—это центръ, откуда постоянно распускается въ націю духъ строгаго мышленія и изслѣдованія, ибо не слѣдуетъ думать, что эти великія корпораціи остаются безъ воздѣйствія на народную массу“ (стр. 394—396).

У насъ же, въ Россіи, находится довольно много людей, мнящихъ себя либералами, которые не видятъ въ гимназическомъ и университетскомъ образованіи никакихъ элементовъ, дѣйствующихъ благотѣльнымъ образомъ на умственное состояніе народныхъ массъ. Отчасти эта слѣпота зависитъ отъ желанія порисоваться своимъ оригинальнымъ демократизмомъ; отчасти же она исходитъ, по всей вѣроятности, отъ столь дурного положенія нашей народной школы, что оно заставляетъ отчаяваться въ возможности хоть какъ-нибудь поднять нравственный уровень русскаго человѣка. У насъ есть университетское образованіе, есть и гимназіи, и все это существуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, и тѣмъ не менѣе вародъ нашъ находится въ варварскомъ состояніи, и невѣжество его служитъ только

предметомъ подчасъ самой безсовѣстной эксплуатаціи со стороны этихъ же людей, получившихъ гимназическое и университетское образованіе; — вотъ что могутъ говорить наши либералы, приходя въ напускное демократическое отчаяніе. „Не нужно намъ вашихъ университетовъ и гимназій — могутъ продолжать они въ своемъ отчаяніи — дайте намъ прежде всего народную школу, иначе нѣтъ никакой возможности прекратить эту отвратительную эксплуатацію народного невѣжества!...“ Но всѣ эти разсужденія и вопли — не что иное, какъ дешевый покровъ демократическаго чванства самихъ вопиющихъ и взывающихъ, или болѣзненный крикъ искренняго, но неразумнаго отчаянія. Еслибъ эти господа спросили себя прежде всего: откуда же, изъ какихъ нравственныхъ источниковъ исходить въ нихъ самихъ эта страсть къ просвѣщенію своего собственнаго народа, какъ не изъ того же самаго высшаго, научнаго образованія, которое они сами получили? Если мы являемся дѣятельными, безкорыстными сторонниками распространенія образованія въ народныхъ массахъ, то не потому, конечно, чтобы только доставить тому или другому рабочему, или крестьянину, новое средство къ улучшенію ея матеріальнаго благосостоянія, или къ приобрѣтенію въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ полезнаго для насъ избирателя и т. п., но потому главнымъ образомъ, что мы сами преданы дѣлу научной истины и увлекаемся этою страстью, стремимся распространить эту преданность всюду и во всѣхъ, ибо только въ истинѣ, достигаемой путемъ научнаго знанія, мы находимъ высшую общую пользу всего нашего народа и, пожалуй, всего человѣчества. А такая страсть къ народному образованію — и только она одна плодотворна и велика — можетъ развиваться лишь въ людяхъ, которые сами прошли школу научнаго образованія, которые привыкли уважать и любить науку.

Говорить поэтому, что среднее и высшее образованіе аристократично, значить не понимать даже главной сущности образованія: это самое „аристократическое“ образованіе и есть главный источникъ не только *демократическаго* образованія, но и трезваго демократизма вообще. Среднее и высшее образованіе можно, разумѣется, такъ устроить, что они станутъ воспитывать въ своихъ ученикахъ преданность не къ научнымъ истинамъ и — черезъ нихъ — къ народнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ, но къ однимъ научнымъ приложеніямъ и — черезъ нихъ — къ культу матеріальнаго благосостоянія и своего личнаго въ особенности; — между тѣмъ, среднее и высшее образованіе не специально предназначены къ этому послѣднему культу. Бреаль совершенно справедливо приписываетъ неудачу народной школы во Франціи именно утилитарнымъ основамъ средняго и высшаго образованія: главная цѣль ихъ была не преслѣдованіе научной истины, но одни интересы государственной службы и казны. „Многіе французы, даже между самими

либеральными, носили въ себѣ — нѣкоторые сознательно, большинство бессознательно — ложную идею. Признавали, что народная громада погружена въ невѣжество, но полагали, что фактъ этотъ не имѣетъ большой важности, если во главѣ страны находится достаточное число людей образованныхъ и просвѣщенныхъ. Многие были увѣрены, что такъ даже лучше, и что на націю въ сорокъ милліоновъ людей довольно одного милліона такихъ, которые умѣютъ обсуждать и мыслить. Но эта эгонистическая теорія — прибавляетъ нашъ авторъ — оказалась несостоятельною по всѣмъ пунктамъ: мы не только побиты въ борьбѣ съ націей, которая выказывала менѣе насъ свое презрѣніе къ знанію, но намъ пришлось еще перенести вмѣстѣ съ цареніемъ всѣхъ непріязней цареніе всѣхъ невѣществъ“ (стр. 150).

При такомъ эгонистическомъ направленіи просвѣщенныхъ и образованныхъ людей сама задача народной школы извращается и — главное — благосостояніе народной школы отдается въ руки разныхъ наемниковъ, которые находятся въ распоряженіи у административной власти. Во Франціи былъ очень хорошій законъ о народномъ образованіи: законъ 1833 г., но онъ удался далеко не вполне просто потому, что ему недоставало поддержки со стороны образованныхъ классовъ. Да и что сдѣлаетъ самый принципъ обязательности — спрашиваетъ Бреаль — если нѣтъ этой поддержки? „Если ученый держится въ сторонѣ отъ первоначальнаго образованія, если учебное вѣдомство (l'Université) пренебрегаетъ имъ, если собственникъ полагаетъ, что съ его стороны сдѣлано все, разъ онъ принялъ участіе въ постройкѣ училищнаго дома, если фабрикантъ ждетъ, чтобы особый указъ обязалъ его давать работающимъ у него дѣтямъ достаточное время для обученія грамотѣ, если вліятельные люди въ странѣ никогда не являются передъ юношествомъ, если городскія думы боязливы и нерадивы, если, наконецъ, законъ о народномъ образованіи долженъ входить въ жизнь самъ собою, не встрѣчая ни откуды поддержки, — то понятно, что онъ можетъ дать результаты и скудные и непрочные. Нужно, чтобы такой законъ встрѣтилъ со стороны высшихъ классовъ не только повиновеніе, но еще непоколебимое рвеніе, горячую преданность, неутомимый духъ пожертвованія“ (стр. 148).

Но откуда же возьмутся и этотъ неутомимый духъ пожертвованія, и эта горячая преданность, и это непоколебимое рвеніе въ высшихъ классахъ, если образованіе, которое они сами получаютъ, не возбуждаетъ въ нихъ интереса къ научнымъ изслѣдованіямъ, — то-есть безкорыстную преданность къ наукѣ и свѣту, ея распространяемому? Бросьте серьезно-научное образованіе, то-есть, образованіе въ интересахъ научной истины, въ сторону, и вы не устроите у себя никакаго образованія, потому что въ вашей странѣ не будетъ нигдѣ мѣста духу изслѣдованія и критики, который одинъ развиваетъ страсть къ знанію вообще и къ распространенію знаній повсюду. Въ этомъ смыслѣ можно съ по-

ложительностью утверждать, что молодой человекъ, серьезно занимающийся только одною наукою, дѣлаетъ для народнаго образованія гораздо больше, чѣмъ какой-нибудь клерикаль-министръ, сочиняющій законъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ и отдающій народную школу въ руки людей, враждебныхъ самой мысли о превосходствѣ научной истины надъ всѣми другими интересами школы. Этотъ законъ, если окажетъ какое-нибудь вліяніе на умственное и нравственное развитіе страны, то непременно вредное, такъ какъ онъ можетъ убить духъ изслѣдованія, страсть въ открытіямъ или просто обыкновенную любознательность, которая такъ часто встрѣчается среди необразованныхъ людей; между тѣмъ человекъ, внимательно и серьезно занимающийся наукою, непременно проникается страстью въ открытіямъ и изслѣдованіямъ, и эта страсть, разъ развившись, никогда не дастъ угаснуть въ немъ той вѣры въ величіе и общепользность научнаго знанія, которая побуждаетъ образованнаго человека, на какое бы ни прище онъ ни вступилъ, дѣлательно заботиться объ интересахъ образованія вообще и о всякомъ распространеніи научныхъ сокровищъ во всѣ слои общества. Чѣмъ, какъ не недостаткомъ этой вѣры въ правительствахъ и образованныхъ людяхъ Франціи, объяснить ихъ апатію даже въ такомъ дѣлѣ, какъ сочиненіе книгъ для народнаго чтенія, или дѣльныхъ руководствъ для изученія той или другой отрасли науки? А между тѣмъ на эту апатію жалуется и Бреаль и Гильемень.

Существуетъ мнѣніе, что апатія образованныхъ классовъ въ дѣлѣ народнаго образованія обусловливается ослабленіемъ въ нихъ религіознаго настроенія, которое способствуетъ развитію въ людяхъ духа самопожертвованія; это мнѣніе съ особеннымъ стараніемъ распространяютъ во Франціи клерикалы, и въ числѣ ихъ Лоранти, который всѣ бѣды Франціи приписываетъ именно „преступленіямъ французскаго воспитанія“, основаннаго будто бы на революціонныхъ началахъ. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, клерикалы и ихъ единомышленники приводятъ обыкновенно процвѣтаніе народной школы въ Германіи, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и отчасти въ Англіи. Во всѣхъ этихъ странахъ духовенство, правда, всегда играло важную роль въ дѣлѣ устройства и распространенія народныхъ школъ, но что побуждало его къ этому: религіозныя ли, догматическія ли интересы религіи, или какіе-нибудь другіе? — вотъ въ чемъ весь вопросъ. Всѣ эти страны протестантскія, а въ чемъ сущность первоначальнаго протестантизма, какъ не въ свободѣ совѣсти или свободѣ изслѣдованія въ области религіи и нравственности? „Вѣрь мнѣ, — говорилъ Лютеръ своимъ послѣдователямъ — заботы о хорошемъ воспитаніи своихъ дѣтей — гораздо болѣе необходимы, чѣмъ о приобрѣтеніи разрѣшенія отъ грѣховъ, о молитвѣ, объ отправленіи на поклоненіе и объ исполненіи твоихъ обѣтовъ.“

Протестантскій реформаторъ говорилъ такъ, разумѣется, потому — что считалъ интересы серьезнаго, критическаго чтенія Библии выше всякихъ другихъ интересовъ: имъ всегда руководилъ *научный духъ* изслѣдованія, требующій для своего развитія полной свободы критической мысли. Въ тѣ далекія времена это протестантское воодушевленіе вышло прямо изъ результатовъ научной критики надъ тяжелымъ состояніемъ церковныхъ дѣлъ въ католическомъ мірѣ. И теперь протестантизмъ, куда бы онъ ни проникалъ, непремѣнно несетъ съ собою народную школу, потому что въ ней онъ видитъ главную опору своего существованія; только тамъ, гдѣ опора его обезпечивается государственною властью, замѣтно въ протестантскомъ духовенствѣ ослабленіе рвенія къ распространенію народнаго образованія и даже возстаніе противъ научнаго направленія въ школахъ. Что же касается до католицизма, то въ немъ никогда не замѣчалось особеннаго рвенія къ народному образованію, да оно и не могло возникнуть по той простой причинѣ, что интересы догматизма всегда противоположны интересамъ науки, какъ независимы ни отъ какихъ авторитетовъ знанія. Науку скорѣе можно признать непогрѣшимою, чѣмъ римскаго папу, а потому папа и всѣ его послѣдователи никакъ не могутъ примириться съ научными истинами и признать ихъ своими. „Мы не хотимъ сказать — добродушно объясняется Бреаль — что католическая церковь непремѣнный врагъ школы. Но можно утверждать безъ всякихъ опасеній быть опровергнутымъ, и въ случаѣ нужды сама исторія готова подтвердить это — что католицизмъ не требуетъ школы и не предполагаетъ ея. Католическая вѣра не только господствовала среди насъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ, не думая вовсе объ основаніи народнаго образованія, но даже тогда, когда прогрессъ въ общественномъ сознаніи, примѣры сосѣднихъ націй и обязательныя условія демократической системы побудили государство создать школы въ нашихъ общинахъ, духовенство лишь слабо послѣдовало за этимъ движеніемъ, подобно человѣку, присутствующему при громадномъ опытѣ, необходимости въ которомъ онъ не видитъ, и отъ котораго онъ, собственно говоря, еще не знаетъ, чего ожидать“ (стр. 20). То же самое можно сказать и о рвеніи вообще духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, тамъ, гдѣ господствуетъ еще мистическое уваженіе передъ „святимъ невѣдніемъ“, которое точнымъ языкомъ называется: „грубое невѣжество“.

Въ книгѣ Бреалья сказано много и другого, что вызываетъ на размышленіе, но мы полагаемъ, что и того, что мы заимствовали изъ нея, достаточно рекомендуетъ ее всякому мыслящему читателю. Прибавимъ еще нѣсколько словъ объ его возвышенномъ идеалѣ народнаго учителя. Бреаль хотѣлъ бы создать изъ него „мудреца своей волости“ — *le savant de canton*, при чемъ онъ съ особенною настоячивостью напиралъ на необходимость въ нормальной школѣ учредить

каедру исторіи французскаго языка, которая должна научить кандидатовъ въ народныя учителя научному изслѣдованію народнаго говора—*patois*—въ той мѣстности, гдѣ придется работать учителю. Бреаль сильно порицаетъ пренебреженіе народнаго говора въ нынѣшнихъ школахъ и требуетъ, чтобы, напротивъ, *patois* сталъ основой изученія французскаго языка, причемъ вмѣстѣ съ исторіей развитія французскаго языка изъ разныхъ говоровъ и сравненія мѣстнаго говора съ французскимъ языкомъ можно было бы удобно излагать и исторію самой провинціи и самой общины, въ которой находится школа. Только при такомъ преподаваніи въ народной школѣ, народный учитель станетъ „истиннымъ представителемъ своей общины“, а „не иностранцемъ среди крестьянъ и представителемъ оффиціальной образованности, всегда находящейся въ подозрѣніи“. „Посмотрите на Эльзась“ — говоритъ Бреаль въ другомъ мѣстѣ: „если онѣ преданы душою намъ, то между прочимъ и потому, что мы никогда не пытались лишить его роднаго языка. Предоставимъ націямъ, говорящимъ болѣе насъ объ уваженіи къ языку, объявлять войну всему, что не составляетъ ихъ собственнаго идеала. Онѣ достигнутъ этимъ путемъ только ненависти къ ихъ власти.... У насъ были религіозныя войны, гражданскія войны, но племенная ненависть никогда не находила доступа въ наши сердца. Во Франціи нѣтъ ни герцогства Познани, ни Сѣвернаго Шлезвига“ (стр. 65). Эти гордыя и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасныя патріотическія слова мы выписываемъ для нашихъ обрусителей-филологовъ; пусть помнятъ они, что ихъ высказываетъ Бреаль, самъ филологъ и серьезный ученый.

Книжка Гильемена составлена довольно старательно и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе: въ ней приводятся и историческія и статистическія данныя; но авторъ ея, какъ показываетъ самое заглавіе его сочиненія, не обнаруживаетъ научнаго взгляда на тотъ предметъ, о которомъ говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „республиканское образованіе?“ — и отчего „обязательность, бесплатность и свѣтскость школы“ суть именно республиканскія качества ея? неужели республика можетъ ввести у себя эти принципы училищнаго устройства, а монархія не можетъ, и какъ будто всѣ республики непременно заботятся о развитіи народнаго образованія, а всѣ монархіи хлопочатъ только о приниженіи и подавленіи его? Если бы Гильемень говорилъ объ устройствѣ народной школы по образцу сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то можно было бы понять, чего онъ собственно хочетъ, но вѣдь и въ Канадѣ, которая существуетъ подѣ монархическою властью, въ устройствѣ народныхъ школъ положены въ основу тѣ же принципы. Однимъ словомъ, связывать свою систему народнаго просвѣщенія съ какою бы то ни было системою правленія—дѣло нелѣпное: школы не должны зависѣть отъ правительственныхъ формъ и политики вообще; напротивъ — важнѣйшіе, самые серьезные интересы

образованія заставляютъ желать, какъ мы объясняли выше, чтобы школа пользовалась полною свободою въ своей дѣятельности и чтобы ей не навязывали ни республиканскихъ, ни монархическихъ, ни политическихъ стремленій вообще, и что именно только при этомъ условіи онѣ въ состояніи отправлять всѣ свои функціи на общую пользу всего народа. Онѣ должны, разумѣется, разрабатывать и политическія знанія и распространять ихъ въ народныя массы, но онѣ не должны становиться ареною политической агитаціи—политическимъ орудіемъ той или другой партіи. Наука выше политики, и если школа превращается въ политическое орудіе, то она перестаетъ служить интересамъ истиннаго знанія—этой общей пользѣ *всего* народа и человечества, и тѣмъ унижаетъ свое нравственное достоинство. Сочиненіе Гильмена—сочиненіе, слѣдовательно, партіознаго свойства, и потому имѣетъ значеніе лишь для политической пропаганды во Франціи; это проекты и предположенія, преподносимыя французской публикѣ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и интересные, слѣдовательно, лишь для французовъ. Въ такомъ сочиненіи всегда не маловажную роль играетъ система умолчанія, а также декламація въ похвальныхъ и неодобрительныхъ отзывахъ. Книга Гильмена не составляетъ исключенія.

За то нестерпимо декламаціоннымъ тономъ отличается брошюра Лоранти, написанная въ клерикальномъ духѣ. Въ ней и факты приводятся лишь для того, чтобы какъ можно сильнѣе подекламировать. Даже само заглавіе есть не что иное, какъ декламація. Лоранти плачется исключительно на то, что вся система народнаго просвѣщенія во Франціи находится не вполне еще въ рукахъ духовенства, и что духовенство будто бы стѣснено въ своихъ усиліяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія. И въ доказательство такой рѣшительной неправды онъ не приводитъ ничего, кромѣ разныхъ, нельзя сказать, чтобы пріятныхъ духовенству, рѣчей французскихъ республиканцевъ и нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ пользу неосуществившихся проектовъ разныхъ французовъ объ исключеніи религіи изъ предметовъ преподаванія, или просто объ уничтоженіи самаго духовнаго сословія. Мы понимаемъ, по себѣ, на что разсчитываетъ Лоранти во французскомъ обществѣ, но ничего убѣдительнаго въ его „московитской“ аргументаціи не находимъ.

Anthropologie der Naturvölker, von Dr. Theodor Waitz, Professor der Philosophie zu Marburg. Mit Benutzung der Vorarbeiten des Verfassers fortgesetzt von Dr. Georg Gerland, Oberlehrer am Stadtgymnasium zu Halle. *Sechster Theil.* Leipzig, 1872. Friedrich Fleischer. (Антропология природныхъ народовъ. Соч. Теодора Вайца, продолжаемое Георгомъ Герландомъ. Шестая часть).

Этимъ шестымъ томомъ заканчивается замѣчательный трудъ, принятый марбургскимъ профессоромъ философіи Вайцемъ, умершимъ

въ 1864-мъ году. Весь шестой томъ и вторая половина пятого, и шедшая въ 1870-мъ году, составляютъ уже полную собственность ученика Вайца, Герландъ, состоящаго теперь учителемъ въ городской гимназiи въ Галле. Каждый изъ этихъ ученыхъ трудились по семъ лѣтъ, и имъ удалось составить сочиненiе, заслуживающее вниманiю во всѣхъ отношенiяхъ. Честь первоначальной концепцiи труда принадлежитъ, конечно, Вайцу, который предпринялъ его съ философскими цѣлями, такъ какъ ему хотѣлось въ основу всей философиі положить психологiю, чтобы, такимъ образомъ, снова примкнуть философію къ учениамъ Канта. Герландъ рассказываетъ, что Вайцъ хотѣлъ разрѣшить проблемму объ антагонизмѣ, который существуетъ, какъ въ настоящее время полагаютъ, между естественными науками и религіозною вѣрою; Вайцъ думалъ разрушить этотъ антагонизмъ. И дѣйствительно, въ первомъ томѣ, появившемся еще въ 1859-мъ году, Вайцъ, нускаясь въ разныя общія соображенiя, проявляетъ эту тенденцію въ сильной степени и приписываетъ людямъ такія природныя качества, которыми они, кажется, не обладаютъ. Всѣ послѣдующіе томы „Антропологiи“ должны были фактически подтвердить общія соображенiя Вайца. Можно было опасаться, что Вайцъ станетъ подгонять факты къ подтвержденiю его теорiй, и тогда весь трудъ его принялъ бы крайне одностороннее направленіе. Къ счастью, Вайцъ оказывается однимъ изъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые дорожатъ научною истиною гораздо больше, чѣмъ своими личными предразсудками. Онъ написалъ антропологiю негритянскихъ, американскихъ и малайскихъ племенъ съ полнымъ безпристрастiемъ, и не утаилъ въ ней фактовъ, которые могутъ служить превосходнымъ орудiемъ для разрушенiя его же собственныхъ теорiй. Въ томъ же научномъ духѣ работалъ и Герландъ надъ антропологiей океанiйскихъ племенъ: полинезiевъ, меланезiевъ, австралiевъ и тасманiевъ. Всѣ эти племена и составляютъ то, что Вайцъ разумѣлъ подъ выраженiемъ: „природные народы“. Герландъ—филологъ, преслѣдующій вмѣстѣ съ лингвистическими интересами и естественно-историческіе, и онъ видитъ въ его общахъ съ Вайцемъ трудѣ самое значительное и рѣшительное подтвержденіе и дополненіе основанiй Дарвинова ученiя со всѣми его важнѣйшими и вѣскими выводами (5-й томъ, стр. VI), причемъ, однако, вполне соглашается съ слѣдующими разсужденiями Вайца, которыя отлично характеризуютъ философскій взглядъ автора на человѣческое бытіе, по которымъ едва-ли можно выводитъ изъ „Дарвинова ученiя со всѣми его важнѣйшими и вѣскими выводами“:

„Однимъ изъ самыхъ удивительныхъ заключенiй, къ которымъ приводитъ насъ изученіе человѣка, является то, что изъ всѣхъ побужденiй человѣка самыми сильными являются матеріальная нужда, тщеславiе и честолюбіе, эти могущественнѣйшіе рычаги для дѣйствительно важныхъ

дѣйствій. Неразуміе сѣтуеъ на существованіе зла въ мірѣ, и философи полагали необходимымъ опровергнуть это обвиненіе, направленное какъ бы противъ божественной мудрости. Правда, что масса зла и злого чудовищна, но мало думаютъ о томъ, что ошибки и слабости людей служатъ основными условіями бѣльшей части прогресса, который дѣлаетъ общество. Даже самъ наслѣдственный грѣхъ человѣческаго рода—лѣность, существенно необходимъ для прочности всякой культуры, ибо безъ нея не могъ ни возникнуть, ни удержаться никакой авторитетъ ни въ церкви, ни въ государствѣ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ,—безъ нея позднѣйшія поколѣнія не подготовлялись бы усвоивать традиціоннымъ путемъ образованіе предыдущихъ, и низшій классъ былъ бы склоненъ подрывать во всякое мгновеніе порядокъ и прочность всего общества. Это обстоятельство, конечно, не можетъ и не должно примирять насъ съ человѣческими недостатками, но оно можетъ возбуждать въ насъ догадки о существованіи болѣе высокой мудрости въ развитіи человѣческаго рода, чѣмъ мудрость самого человѣка, и внушительно напоминаетъ намъ, что хотя исторія міра движется людьми, однако ея направленіе и цѣль вовсе не тѣ, какими они то себѣ представляютъ" (5-й томъ, стр. XV).

Въ этомъ выводѣ Вайца вѣрныя мысли перемѣшаны съ ложными. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣческіе пороки могутъ играть и прогрессивную роль въ исторіи человѣчества, и можетъ быть они даже необходимы для прогресса, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они должны входить въ планы „высшей мудрости“, которые одни даютъ направленіе и цѣль міровой исторіи. Герландъ самъ дѣятельно отрицаетъ торжество моральной силы въ исторіи; онъ не разъ останавливается тамъ и самъ въ своемъ разсказѣ, чтобы бросить какую-нибудь замѣтку о ничтожности нравственнаго вліянія въ жизни народовъ. Такъ (на стр. 120), говоря объ умственныхъ способностяхъ полинезійцевъ и указывая на страшныя затрудненія, какими обставлено у нихъ движеніе европейской цивилизаціи, онъ приводитъ въ числѣ этихъ затрудненій и недоброжелательство военныхъ крейсеровъ и самихъ правительствъ цивилизованныхъ странъ: англійскую надменность, французское легкомысліе и американскую алчность. „Припоминая эти явленія—говоритъ онъ—не слѣдуетъ закрывать глазъ передъ декламаціями Гохштеттера, а именно, „что не физическая сила рѣшаетъ вопросъ о борьбѣ за существованіе, но нравственная сила и твердость духа“, ибо встрѣча цивилизованныхъ народовъ, именно англичанъ съ полинезіями, и особенно съ маорисами, доказываетъ, что не нравственная сила, то-есть бѣльшая нравственная чистота и нравственное право рѣшаютъ борьбу за существованіе, но единственно физическая сила и сила разума... Исторія научаетъ насъ тому же, ибо и въ ней побѣждаетъ только физическая и умственная сила, а не нравственность.

Нравственная сила—это цѣль, къ которой стремится человѣчество сознательно или безсознательно, и будь она широко распространена и высоко развита среди цивилизованныхъ народовъ, природные народы подвергались бы болѣе правильному суду и обхожденію*. Это сужденіе совершенно справедливое и вполне подтверждается не только сношеніями цивилизованныхъ народовъ съ природными, надъ которыми они производятъ всякаго рода насилія, но и въ сношеніяхъ самихъ цивилизованныхъ народовъ между собою. Нравственность важна для каждаго народа въ отдѣльности, такъ какъ она, устанавливая довѣріе между отдѣльными личностями, скрѣпляетъ націю въ одно цѣлое, болѣе или менѣе плотное; но такъ какъ уровень нравственности зависитъ отъ разныхъ направленій и силы умственного и матеріальнаго развитія народа, то понятно, что во всѣхъ столкновеніяхъ народовъ между собою не тотъ будетъ брать верхъ, который правъ съ точки зрѣнія высшей морали, а тотъ, у котораго больше умственныхъ и матеріальныхъ силъ, и у котораго эти силы лучше сплочены между собою и ловче приноровлены къ условіямъ борьбы. Но о такой побѣждающей націи можно говорить также, что ея нравственный уровень выше, хотя побѣды ея противны принципамъ нравственности. Большая высота нравственнаго уровня въ этомъ случаѣ признается въ силу того мнѣнія, что побѣдитель заключалъ въ самомъ себѣ болѣе нравственной стойкости и единства, чѣмъ побѣжденный. Но это сужденіе можно прилагать лишь къ врагамъ, которые имѣли *все шансы* бороться при равныхъ условіяхъ, но никакъ не къ сношеніямъ англичанъ съ маорисами или французскаго капитана Лапласа, бомбардировавшаго столицу Гавайскихъ острововъ за то только, что тамошній правитель запретилъ ввозъ спиртныхъ напитковъ въ свои владѣнія и издалъ строгіе законы противъ проституціи. Даже въ войнѣ между Германіей и Франціей верхъ одержала не та нація, которая заключаетъ въ себѣ большую нравственную чистоту, если подъ этой чистотой разумѣть чувство справедливости, челоѣколюбіе, честность и любовь къ правдѣ. Нѣмцы одержали побѣду надъ французами не этими *нравственными* свойствами своего характера, но своимъ умственнымъ превосходствомъ: благоразуміемъ, суровымъ расчетомъ, техникою дѣла, вообще реальнымъ взглядомъ на вещи. Даже въ грубыхъ статистическихъ цифрахъ преступленій, позаконныхъ рожденій или проституціи нѣмцы не обнаруживаютъ болѣе нравственной чистоты, сравнительно съ французами, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что чувство справедливости, челоѣколюбіе и честность гораздо болѣе развиты и распространены среди французовъ, чѣмъ у нѣмцевъ. Укажемъ на одинъ замѣчательный фактъ, который мы вынесли изъ чтенія множества брошюръ, французскихъ и нѣмецкихъ, по поводу послѣдней войны. И въ тѣхъ и въ другихъ гос-

подстывает національная ненависть, но французская ненависть ограничивается по большей части разными остротами надъ нѣмцами и въ своей мести дальше хорошей потасовки и возвращенія Эльзаса не идетъ, между тѣмъ какъ нѣмцы-шовинисты стараются постоянно представить французовъ какими-то извергами рода человѣческаго, исчадіемъ всяческаго разврата, которыхъ необходимо окончательно и навсегда стереть съ лица земли; для нѣмецкой мести французы перестаютъ быть человѣческими существами, между тѣмъ какъ для француза нѣмецъ все остается нѣмцемъ, съ которымъ онъ готовъ и подраться и помириться, но не ради уничтоженія другъ друга, а просто изъ тщеславія, изъ честолюбія.

Но мы отвлеклись отъ нашей книги. Кромѣ нравственной чистоты вообще, изученіе природныхъ народовъ можетъ освѣщать намъ чуть-ли не всѣ общественные вопросы. Мы, цивилизованные народы, такъ далеко стоимъ отъ нашего первоначальнаго природнаго состоянія, что во многихъ отношеніяхъ совершенно утратили способность отличать въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ природное отъ наноснаго, сбившеюся съ нормальнаго хода культурою. Среди насъ живетъ много такихъ дикихъ понятій и обычаевъ, которые признаются нами натуральными, между тѣмъ какъ въ этомъ натуральномъ нѣтъ ничего природнаго, какъ показываетъ исторія и быть дѣйствительно природныхъ народовъ. Возьмемъ, напримѣръ, такъ-называемый женскій вопросъ, то-есть вопросъ о гражданской и политической равноправности женщинъ. Мы, въ Европѣ, все никакъ не можемъ понять, что гражданская и политическая равноправность женщинъ дѣло совершенно естественное; мы все толкуемъ о какомъ-то несоотвѣтствіи нѣжности женскаго сердца съ грубыми будто бы требованіями гражданской и политической жизни, а на океанійскихъ островахъ женщина всегда пользовалась голосомъ во всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ. Въ Новой Зеландіи онѣ принимаютъ участіе даже въ военныхъ совѣтахъ, даже выходятъ на поле битвы, но не драться, а воодушевлять своихъ мужей. Онѣ держатъ рѣчи въ народныхъ собраніяхъ, инны изъ нихъ пользуются столь высокимъ положеніемъ, что съ ними совѣтуются сами государи въ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ. На островахъ Гавайи (Сандвичевы) онѣ достигли даже верховной власти. У тогитіевъ, до появленія христіанскихъ миссіонеровъ даже родъ считался въ женской линіи и всѣ наслѣдственные права опредѣлялись по матери.

Наши кавалеры и селадоны нѣжнаго женскаго сердца много опасаются, что политическая и гражданская равноправность убьетъ будто бы любовныя страсти въ женщинѣ. Но и это напрасно: „въ Полинезіи встрѣчается также чистая, страстная любовь. Новозеландки, имѣвшія дѣло съ европейцами, охотно желали вступать съ ними въ бракъ,

по заключеніи котораго онѣ не становились любострастными, но отличались вѣрностью въ высшей степени. Многіе маорисовъ, собранные Греемъ, представляютъ весьма часто изображеніе чистѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ любовныхъ отношеній. Меланхолія, даже самоубійство отъ несчастной любви случаются тоже въ Новозеландіи и на Ниве. Также въ Тагити такіе случаи часты, и Эллисъ представляетъ примѣры, изъ которыхъ одинъ привелъ къ крайне несчастному браку... Весьма романтическую любовную исторію на Тонгѣ рассказываетъ Маринеръ, который увѣряетъ положительно, что на Тонгѣ браки заключаются по любви. На Самоа люди, чувствуящіе страстную любовь, наносили своимъ рукамъ ожоги, чтобы образно выразить пылъ своей страсти" (стр. 125).

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельстве въ этомъ „женскомъ вопросѣ“. Женщины у полинезійцевъ употребляются лишь на легкія работы, и такое страшное употребленіе женскихъ силъ, какое производится, напримѣръ, на нашихъ фабрикахъ или на нашихъ поляхъ во время жатвы, полинезійцы вѣроятно сочли бы варварствомъ. И относительно обхожденія съ дѣтьми океанійскія племена могутъ служить примѣромъ для европейцевъ. Любовь къ дѣтямъ распространена всюду; среди тасманцевъ и австралийцевъ она доходитъ до того, что „наказываніе дѣтей считается жестокостью, отцы принимаютъ сторону дѣтей противъ матерей“ (стр. 782), а у полинезійцевъ, на нѣкоторыхъ островахъ, дѣти тотчасъ послѣ рожденія считаются уже главами семейства, а родители считаютъ себя только представителями ихъ и подчиняются всякому желанію своего ребенка (стр. 135). Само собою разумѣется, что подобная любовь уже заходитъ за всякіе предѣлы, но намъ важны эти факты тѣмъ, что они указываютъ, что варварское обращеніе съ дѣтьми вовсе не въ природѣ человѣка, и что какія-нибудь полинезійскія племена умѣютъ гуманно обращаться съ своими дѣтьми и не употребляютъ въ воспитательныхъ видахъ хотя бы розогъ, пріобрѣвшихъ столь великое реоимѣ въ европейскихъ семьяхъ.

Еще одинъ интересный и поучительный фактъ. Мы празднуемъ теперь двухсотлѣтній юбилей великаго преобразователя Россіи. Такимъ же преобразователемъ явился на островахъ Гавайи, въ концѣ прошлаго вѣка, царь Тамегамега I, съ котораго и начинается быстрая цивилизація этихъ острововъ. Въ 1850-хъ годахъ тамъ было уже 12 высшихъ школъ съ 335-ю учениками и 543 народныхъ съ 15,308-ю учениками. Три четверти всего населенія умѣютъ читать. Сдѣлали ли мы столько для своего народа въ наши двѣсти лѣтъ европейской цивилизаціи?... Надъ этимъ вопросомъ стоить подумать.

Въ изложеніе Герланда-Вайца входятъ всѣ стороны быта описываемыхъ народовъ: физическая природа ихъ, культурная и исторія. Въ

культурномъ отношеніи описываются одежда, пища, земледѣліе, техническое искусство, опредѣленіе времени, торговля, искусства, танцы, поэзія, нравственный характеръ, семейная жизнь, война, сословія и законы, міеологія, религіозный культъ.

Albert Delpit.—Les Prétendants.—Les Bourbons.—Les D'Orléans.—L'Empire.—La commune.—La République. Paris, E. Lachaud, 1872. (*Претенденты. Соч. Альбера Дельпи*).

Пора личныхъ оправданій и взаимныхъ обвиненій въ политической несостоятельности, которую обнаружили французы во время войны съ Германіей, быстро проходитъ, быть можетъ, потому только, что грязное бѣлье уже все вымыто передъ публикою, и всѣ выболтались и наговорились въ публикѣ и печати достаточно подробно и въ полное свое удовольствіе. Какъ бы то ни было, появляются, наконецъ, политическіе памфлеты, ставящіе себѣ болѣе или менѣе серьезную задачу; иные ищутъ въ прошломъ уроки для настоящаго, какъ разбираемая нами книга Альбера Дельпи, другіе стараются написать болѣе или менѣе безпристрастно исторію послѣднихъ временъ, какъ книга неизвѣстнаго, но талантливаго писателя: „Le dernier des Napoléon“, о которой мы дадимъ подробный отчетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Эти памфлеты требуютъ отъ авторовъ не личныхъ впечатлѣній только, но и кое-какого критическаго таланта и нѣкотораго знакомства съ историческими трудами.

Дельпи—уроженецъ Соединенныхъ Штатовъ и другъ извѣстнаго Франсиска Сарса, которому онъ и посвящаетъ свою книгу. Вы догадываетесь уже, что онъ республиканецъ—да, онъ таковъ; но его республиканизмъ совершенно особаго свойства: онъ ставитъ отечество, выше республики, онъ считаетъ 4-е сентября „мятежемъ передъ лицомъ непріятеля“, и увѣряетъ, что будь онъ въ тотъ день въ Парижѣ, онъ предложилъ бы свою „республиканскую шпагу“ бѣжавшей императрицѣ, „какъ изъ уваженія къ женщинѣ, такъ и потому, что это была царица, и при томъ павшая“ (стр. 278). Эти рыцарскія заявленія, которыми императрица Евгенія едва-ли интересуется, и которыя она, пожалуй, не счѣтетъ по достоинству оцѣнить, тѣмъ не менѣе хорошо характеризуютъ автора и тонъ его книги. Онъ постоянно декламируетъ, то обращаясь къ республикѣ, то къ Франціи, то къ коммунѣ, и всѣмъ онъ высказываетъ свои личные симпатіи или антипатіи, упрекъ и угрозы даже.

Дельпи полагаетъ, что возстановленіе Бурбоновъ невозможно во Франціи, и что поголовная подача голосовъ должна рѣшить вопросъ между бонапартизмомъ и республикою. Онъ не сомнѣвается, что народъ выскажется за республику, но если нѣтъ, если возстановится

бонапартизмъ, Дельпи преклонится передъ народною волею и станетъ „охранять Наполеона“,—„республиканецъ не станетъ оттого бонапартистомъ“—увѣряетъ нашъ авторъ—„нѣтъ, онъ будетъ только хорошимъ французомъ; *voilà tout!*“ (стр. 381). Еслибъ Дельпи сказалъ, что слѣдуетъ охранять Францію и при Наполеонѣ,—съ нимъ можно было бы согласиться, но „*défendre Napoleon*“ значитъ совсѣмъ другое, такъ какъ „охранять Наполеона“, напримѣръ, 4-го сентября, значило жертвовать интересами Франціи въ пользу ни на что неспособнаго правительства, и тотъ, кто охранялъ бы его въ то время, никакъ не могъ быть не только республиканцемъ, но и вообще патриотомъ французскимъ; только честные бонапартисты могли бы стоять тогда за Наполеона, и если заступникомъ императрицы въ этотъ моментъ явился лишь одинъ иностранецъ—американскій дантистъ, то это доказываетъ только, что среди бонапартистовъ, находившихся тогда въ Парижѣ, не было ни одного честнаго человѣка; всѣ же другіе граждане просто пользовались своимъ правомъ свергнуть прочь неспособныхъ и безчестныхъ правителей. Что республиканецъ въ монархіи, какъ монархистъ въ республикѣ, долженъ стоять за свою страну, когда она находится въ опасности—это само собою разумѣется; но чтобы тотъ или другой изъ нихъ стоялъ въ то же время за своихъ случайныхъ правителей, оказавшихся совершенно неспособными спасти страну—да вѣдь такая преданность просто противна здравому смыслу всякаго патриота. Патриотъ любитъ отечество, которое находится въ опасности; правители оказываются неспособными и добровольно не желаютъ передать власть въ другія руки, а патриотъ все будетъ „охранять своихъ правителей!“ Такимъ патриотомъ былъ во Франціи лишь маршалъ Базенъ, но его не высоко цѣнятъ не только французы, но и общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра.

Свое предположеніе о невозможности возстановленія Бурбоновъ Дельпи основываетъ на невозможности примиренія между Орлеанскимъ домомъ и графомъ Шамборомъ, а эту невозможность онъ доказываетъ тѣмъ, что Луи-Филиппъ жестоко оскорбилъ мать графа Шамбора и измѣнительно поступилъ съ Карломъ X, и что Орлеаны всегда отличались вѣроломствомъ относительно старшей линіи Бурбоновъ. Такія родственныя воспоминанія, конечно, непріятны, но графъ Шамборъ едва ли такъ простъ, чтобы сталъ взыскивать грѣхи Луи-Филиппа на потомкахъ его, и изъ-за глупаго мщенія лишать себя самого поддержки монархистовъ орлеанской линіи. Странно также, что, подробно рассказывая о родственныхъ передрагахъ Бурбоновъ, Дельпи ничего не говоритъ о такихъ же передрагахъ и вѣроломствѣхъ среди Бонапартовъ, а вѣдь между ними происходило то же самое, что и между Бурбонами. Не слѣдовало, во всякомъ случаѣ, забывать извѣстнаго героя, Пьера Бонапарта, и можно было бы вовсе не говорить про замѣча-

тельнаго историка Ланфрэ, написавшаго безпристрастную исторію Наполеона I, что своимъ сочиненіемъ онъ будто бы далъ пощечину Франціи и справедливости! Всѣ эти „республиканскія“ заявленія, несмотря на цѣвистую и пламенную декламацію, достаточно обнаруживаютъ, къ какой категоріи республиканцевъ слѣдуетъ причислить автора „Претендентовъ“, и какую цѣну слѣдуетъ дать его книгѣ.

Manuel Républicain, par Jules Barni. Paris, Germer Baillière, 1872. (Республиканское Руководство. Соч. Жюль Барни)

Барни не Дельпи; это дѣйствительный, честный республиканецъ, но онъ слишкомъ философъ, чтобы писать популярныя руководства, и притомъ по такимъ труднымъ вопросамъ, каковы политическіе. Большая половина его „Республиканскаго руководства“ была написана, по желанію самого Гамбетты, для оффиціального изданія: „*Bulletin de la République*“, чрезъ посредство котораго должно было происходить „просвѣщеніе престопадаря въ деревняхъ и городахъ не только относительно дѣятельности правительства народной обороны, но также относительно республиканскихъ учреждений“. Такъ, глава за главой, строкъ въ 30—50 каждая, составлялось то руководство, которое издано теперь съ значительнымъ дополненіемъ. И чего только въ немъ нѣтъ! Тутъ вамъ и республиканскіе принципы, и республиканскія учреждения, и республиканскія права, и социальный вопросъ, и международныя права,—и все это на какихъ-нибудь 4—5 печатныхъ листахъ! Очевидно, что по этому руководству, дающему вмѣсто важныхъ или интересныхъ свѣдѣній—какіе-то обрывки изъ государственнаго права, политической экономіи, нравственной философіи, и почти всѣхъ отраслей jurisprudence, никто ничему выучиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что слогъ автора далеко не отличается тою живою образностью, которая одна возбуждаетъ умъ простолюдина; даже значительная часть мелкой буржуазіи не пойметъ главной сущности республиканскихъ идей и проектовъ автора.

Направленіе брошюры Барни не вызываетъ серьезныхъ возраженій, и она можетъ принести нѣкоторую пользу всѣмъ французскимъ республиканцамъ, которые привыкли больше выкрикивать разныя громкія слова: „свобода, равенство, братство, поголовная подача голосовъ“ и т. п., не придавая однако этимъ словамъ никакого опредѣленнаго значенія. Руководство Барни можетъ дать болѣе или менѣе вѣрное и полное содержаніе этимъ громкимъ словамъ.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1872 года.

Окончаніе *).

IV. *Храненіе дѣлъ Общества.* Дѣла и бумаги Общества хранились у секретарей и казначеевъ Общества. Но какъ за 12 лѣтъ архивъ Общества значительно увеличился, то оказалось необходимымъ прискаты для него приличное постоянное помѣщеніе. Въ этихъ видахъ сначала предполагалось испросить право помѣстить шкапъ съ дѣлами и бумагами Общества въ библіотекѣ Академіи Наукъ; но за недостаткомъ въ ней мѣста, комитетъ обратился съ такою же просьбой къ директору Императорской Публичной Библіотеки, и по полученіи его согласія, дѣла и бумаги Общества хранятся въ одной изъ залъ означенной Библіотеки, въ особомъ шкапу.

V. *Содѣйствіе сотрудникамъ періодическихъ изданій въ полученіи слѣдующаго имъ гонорара.* По случаю частаго полученія комитетомъ просьбъ объ оказаніи такого рода содѣйствія, возбужденъ былъ по этому предмету общій вопросъ, разрѣшеніе котораго предполагено представить на усмотрѣніе общаго собранія. Обсужденіе подробностей дѣла и выработка проекта правилъ возложены на предсѣдателя, помощника предсѣдателя и члена комитета А. С. Суворина. Составленный проектъ обсуждался въ комитетѣ и принятъ съ измѣненіями. Докладъ по этому предмету будетъ представленъ вамъ, мм. гг. сегодня.

Въ заключеніе, комитетъ считаетъ своею обязанностью упомянуть, съ глубочайшею признательностію, о тѣхъ пожертвованіяхъ, которые поступили въ прошломъ году.

Ихъ Императорскія Величества и члены Императорской фамиліи почтили Общество своими вкладами 1,900 р.

Г. министромъ народнаго просвѣщенія отпущено 1,000 р.

Отъ частныхъ лицъ поступили слѣдующія пожертвованія: Я. Я. Фейгина—200 р.; неизвѣстнаго, гонораръ за сочин., напеч. въ «Вѣсти Европы»—183 р.; типографія А. И. Мамонтова—100 р.; А. М. Симонова—50 р.; Н. А. Вормсъ—30 р.; неизвѣстнаго (черезъ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей») —27 р. 50 к.; неизвѣстнаго—24 р.; отъ 8 неизвѣстныхъ—16 р. 35 к.; Н. Х. Бунге—10 р.; А. Θ. Веймарна—10 р.; неизвѣстнаго черезъ П. В. Анненкова—10 р.; отъ С. Д. Арсеньевой—5 р.; Процентныя деньги отъ редакцій за 1870 годъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — 100 р.; «Отечественныхъ Записокъ» —59 р. 10 к. За 1871 годъ: «Вѣстникъ Европы» — 74 р. 20 к.

А. А. Потѣхинъ читалъ публично въ пользу Общества. Книгопродавцы: Вазуновъ, Исаковъ и Кожанчиковъ продавали безвозмездно би-

*) См. выше: май, 455 стр.

леты на чтенія въ пользу Общества А. Н. Островскаго; они же и книгопродавецъ Звонаревъ безвозмездно продавали билеты на чтеніе А. А. Потѣхина.

Комитетъ с.-петербургскаго Собранія Художниковъ предоставилъ бесплатно залу собранія для чтенія А. Н. Островскаго.

С.-петербургское купеческое собраніе предоставило бесплатно залу собранія для публичнаго чтенія А. А. Потѣхина.

Докторъ А. Г. Биршенкеръ изъявилъ готовность пользоваться бесплатно больныхъ въ своемъ лечебномъ заведеніи, по требованію Общества.

Отчетъ казначея. А. По кассѣ литературнаго фонда. I. Состояніе кассы въ началѣ года. Къ 1-му января состояло въ кассѣ 52,044 руб. Въ томъ числѣ: 1) Процентными бумагами—51,600 р. 2) Денъгами—444 р. Итого—52,044 р.

II. Приходъ. а) поступило дѣйствительнаго дохода 14,419 р. 83 к. Въ томъ числѣ: 1) Отъ высочайшихъ особъ—1,900 р.; а именно: изъ кабинета Его Императорскаго Величества—1,000 р., отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы—300 р., отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ: Государыни Великой Княгини Елены Павловны—200 р., Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Государыни Великой Княгини Александры Іосифовны—100 р., Государя Великаго Князя Владиміра Александровича—200 р., Государя Великаго князя Алексѣя Александровича—100 р., итого—1,900 р. 2) Взносы 271 члена Общества—5,414 р. Въ томъ числѣ: наибышіе годовые взносы поступили отъ: Демидова П. П.—500 руб.; Фейгина, Я. Я.—300 руб.; пожизненно по 100 руб. внесли: Баймаковъ Ѳ. П., Гротъ Я. К., Корніани, графиня А. Н., Остряковъ А. П., Сазиковъ В. И. и Сазикова Е. П. Наименьшій годовой взносъ определенъ уставомъ Общества въ 10 руб. 3) Отъ министерства народнаго просвѣщенія—1,000 рубл. 4) Единовременныя пожертвованія 20-ти лицъ—736 р. 25 к. Въ томъ числѣ внесли: Арсеньева С. Д.—5 р., Бунге Н. Х.—10 р., Веймартъ А. Ѳ.—10 р., Вормсъ Н. А.—30 р., Мамонтова и К° въ Москвѣ типографія—100 р., неизвѣстный, черезъ редакцію „Вѣстника Европы“—183 р., неизвѣстный, черезъ редакцію „С.-Петерб. Вѣдомостей“—97 р. 50 к., одиннадцать неизвѣстныхъ въ сложности—50 р. 75 к., Симоновъ Л. Н.—50 р., Фейгинъ Я. Я.—200 р., итого—736 р. 25 к. 5) Процентныя деньги отъ 3 редакцій—233 р. 30 к., а именно: За 1870 г. отъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—100 р., отъ „Отечественныхъ Записокъ“—59 р. 10 к. и за 1871 г. отъ „Вѣстника Европы“—74 р. 20 к. 6) Сборъ съ 2 литературныхъ чтеній—289 р. 76 к. а именно: А. Н. Островскаго—260 р. 50 к. и А. А. Потѣхина—29 р. 26 к. 7) Проценты по купонамъ и текущему счету—3,041 р. 52 к. 8) Уплата по 7 ссудамъ—1,575 р. 9) За смертью 3 лицъ возвращены 2 третныя пенсіи и 1 пособие—230 р., итого—14,419 р. 83 к. 6) Сверхъ того, записано на приходъ по оборотнымъ операциямъ—15,121 р. 33 к. Въ томъ числѣ: 10) Деньги, вырученныя продажою 52 акцій главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ—7,081 р. 33 к. 11) Вновь купленныя процентныя бумаги по нарицательной цѣнѣ: 22 консолидированныхъ облигаціи 2 выпуска—7,040 р., 8 облигаціи Николаевской желѣзной дороги—1,000 р.—8.040 р., итого 15,121 р. 33 к. Всего записано на приходъ—29,541 р. 16 к.

III. Расходъ. а) *Дѣйствительно израсходовано* — 12,891 р. 14 к. Въ томъ числѣ: 1) На пенсій 18 семействамъ — 3,700 руб., 2) Продолжительное пособіе 1 лицу — 100 руб., 3) Единовременныя пособія 81 лицу — 6,090 р. 50 к., 4) Пособіе на воспитаніе 26 лицъ — 1,421 р. 34 к. 5) Ссуды 7 лицамъ — 1,575 р. 6) Государственному Банку, за храненіе бумагъ — 4 р. 30 к., итого — 12,891 р. 14 к. 6) По оборотнымъ операціямъ выписано въ расходъ — 14,346 р. 63 к. Въ томъ числѣ: 7) *Проданныя* 52 акціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, по нарицательной цѣнѣ — 6,500 р. 8) *При покупкѣ* процентныхъ бумагъ заплачено банкару: За 22 консолидированныя облигаціи, съ процентами за 25 дней и комиссій — 6,980 р. 72 к., за 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги, съ процентами за 70 дней и комиссій — 862 р. 91 к.; итого 7,846 р. 63 к.; всего 14,346 р. 63 к. Всего выписано въ расходъ 27,237 р. 77 к.

IV. Состояніе кассы къ концу года: къ 1-му января 1871 г. состояло въ кассѣ — 52,044 р., въ 1871 году записано на приходъ — 29,541 р. 16 к.; итого 81,585 р. 16 к. Въ 1871 г. выписано въ расходъ — 27,237 р. 77 к., къ 1-му января 1872 г. состоитъ въ кассѣ — 54,347 р. 39 к. Въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами — 53,140 р., 2) деньгами — 1,207 р. 39 к.; итого 54,347 р. 39 к. Сумма эта превышаетъ наличность кассы къ началу года (52,044 р.) на 2,303 р. 39 к. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ числовыхъ данныхъ видно, что въ теченіе года изъ суммъ литературнаго фонда отпущено: 1) пособій на воспитаніе — 1,421 р. 34 к.; 2) пособій продолжительныхъ и единовременныхъ — 6,190 р. 50 к.; 3) ссудъ на — 1,575 р.; 4) пенсій — 3,700 р.; вообще разныхъ пособій оказано на сумму — 12,886 р. 84 к. Противъ 1870 г. болѣе на 1,769 р. 84 к., противъ 1869 г. болѣе на — 3,379 р. 26 к. Изъ числа семействъ, которымъ производились пенсіи въ 1871 году, имѣли жителство: 1) въ С.-Петербургѣ 6, получившія — 1,240 р., 2) въ Москвѣ и Московской губерніи 8 — 1,840 р., 3) въ разныхъ губерніяхъ 4 — 620 р. Въ средней сложности пенсій и пособій выдается болѣе 1,000 р. ежемѣсячно.

В) *По стипендіи, учрежденной въ память бывшаго председателя Общества, Е. П. Ковалевскаго.* Въ началѣ года состояло на лицо — 6,680 р. 49 к. Въ томъ числѣ: пятипроцентныхъ 26 акцій Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на 3,250 р., четырехпроцентныхъ 23 облигаціи Николаевской желѣзной дороги на 2,875 р., деньгами — 555 р. 49 к.; итого 6,680 р. 49 к. Въ теченіе года поступило дохода 1,281 р. 3 к. Въ томъ числѣ: пожертвованій — 976 р. 75 к., процентовъ на капиталъ — 304 р. 28 к.; итого 1,281 р. 3 к.; всего въ приходѣ 7,961 р. 52 к. Въ теченіе года выписано въ расходъ — 355 р. 32 к. Въ томъ числѣ: 1) выдана стипендія на учебный 1871 — 72 г. одному студенту харьковскаго университета — 300 р. 2) При обмѣнѣ четырехпроцентныхъ на пятипроцентныя бумаги заплачено — 51 р. 97 к. 3) Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ — 3 р. 35 к.; итого 355 р. 32 к. Къ 1-му января 1872 г. состоитъ на лицо — 7,606 р. 20 к. Въ томъ числѣ: 1) пятипроцентныхъ консолидированныхъ облигацій 2 выпуска на 7,040 р., 2) четырехпроцентныхъ облигацій Николаевской желѣзной дороги на 500 руб., 3) деньгами — 66 р. 20 к.; итого 7,606 р. 20 к. При настоящемъ устройствѣ капитала стипендій, съ него будетъ получаться доходъ въ нижепоказанномъ размѣрѣ: а) съ 7,040 металл. рубл. консолидированными

облигаціями по 5⁰/₀—352 м. р., б) съ 500 металлич. руб. облигаціями Николаевской желѣзной дороги по 4⁰/₀—20 м. р.; итого 372 м. р. или примѣрно кредитными рублями около 400 руб.

Затѣмъ былъ прочитанъ нижеслѣдующій журналъ ревизіонной коммисіи:

Разсмотрѣвъ доставленный Комитетомъ отчетъ казначея и секретаря и просмотрѣвъ ихъ по денежнымъ книгамъ и документамъ, по журналамъ и дѣламъ Комитета, ревизіонная коммиссія нашла, что счеты и дѣла велись правильно, а дѣлопроизводство отличается особенною тщательностью.

По содержанію же дѣлъ представляется безошибочнымъ заключеніе, что дѣйствія комитета въ истекшемъ 1871 году выражаютъ неусыпную его заботливость о расширеніи благотворной дѣятельности Общества. Такимъ образомъ, въ 1871 году, независимо отъ оказаній 7 лицамъ ссудъ въ количествѣ 1,575 р., которыя нынѣ возвращены своѣмъ, отъ Общества было выдано пенсій и пособій—11,311 р. 84 к., болѣе противъ 1870 г. на 319 р. 84 к. и противъ 1869 г. на 1,804 руб. 25 к., и въ то же время капиталъ Общества увеличился противъ 1870 г. на 2,303 р. 39 к., а именно: въ 1871 г. въ капиталѣ Общества состояло: процентныхъ бумагъ по нарицательной ихъ стоимости—51,600 р. и наличныхъ денегъ—444 р.; всего 52,044 р.; къ 1872 же году состоятъ: процентныхъ бумагъ въ той же стоимости—53,140 р. и наличныхъ денегъ—1,207 р. 39 к.; всего 54,347 р. 39 к.

Представляя свое заключеніе о дѣйствіяхъ комитета въ общемъ числовомъ выводѣ, коммиссія считаетъ однако необходимымъ сдѣлать нѣсколько указаній, которыя, быть можетъ, будутъ признаны не безполезными для дѣла и со стороны комитета.

1) Хотя по счетамъ комитета и показывается приращеніе суммъ Общества въ процентныхъ бумагахъ на 1,540 р. и въ деньгахъ на 863 р. 39 к., всего на 2,303 р. 39 к., но въ дѣйствительности капиталъ увеличился въ процентныхъ бумагахъ на 719 р. 88 к., пбо въ 1871 г. вновь куплено процентныхъ бумагъ только на сумму 858 р. 14 к., изъ которыхъ слѣдуетъ исключить 138 р. 26 к., полученныхъ наличными деньгами при обмѣнѣ 52 акцій Гл. Общ. Рос. жел. дор. на консолидированныя облигаціи 2 выпуска; слѣдовательно, съ превышеніемъ въ наличныхъ деньгахъ на 863 р. 39 к., капиталъ увеличился только на 1,583 р. 27 к.

2) На основаніи предыдущаго вывода едва-ли можно признать показаніе комитетомъ денежныхъ средствъ Общества, оставшихся къ 1872 году въ суммѣ 54,347 р. 39 к., *точнымъ*, такъ какъ въ дѣйствительности процентныя бумаги приобрѣтены только за 46,946 р., и слѣдовательно, истинная цифра капитала Общества составитъ только 48,153 р. 39 к., изъ которыхъ 46,946 р., будучи обращены въ процентныя бумаги по нарицательной ихъ цѣнѣ на 53,140 р., приносятъ ежегодно дохода 1,870 талеровъ, 852 металлическихъ и 10 кредитныхъ руб., или перевода все это, по современному курсу, въ кредитные рубли, Общество отъ содержанія своихъ суммъ въ процентныхъ бумагахъ получаетъ дохода болѣе 3,000 р., котораго въ 1871 г. оно и получило 3,041 р. 52 к., т.-е. болѣе 6¹/₂%.

3) Способъ принятія процентныхъ бумагъ въ номинальной ихъ цѣнѣ, безъ показанія, въ прежнее время, стоимости ихъ по приобретенію при покупкѣ, лишаетъ комиссію возможности получить свѣдѣніе о выгодности обмѣна 52 акцій Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на консолидированныя облигаціи 2-го выпуска 1871 года, по той причинѣ, что изъ дѣлъ и счетовъ комитета за 1871 г. не видно, по какой цѣнѣ были приобретены, въ прежнее время, 52 акціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, обмѣненные въ отчетномъ году.

4) Вслѣдствіе чего комиссія хотя и убѣдилась по счетамъ комитета, что совершенныя въ отчетномъ году операціи по обращенію различныхъ суммъ въ процентныя бумаги были выгодны, не менѣе того находить, что показаніе въ счетахъ комитета состоянія денежныхъ средствъ Общества по дѣйствительной стоимости Обществу процентныхъ бумагъ, съ объясненіемъ ихъ нарицательной цѣны было бы болѣе точнымъ и что для избѣжанія какихъ-либо случайностей въ будущемъ желательно бы было разрѣшить вопросъ: не слѣдуетъ ли постановить точнаго опредѣленія, въ какихъ именно % бумагамъ долженъ состоять капиталъ Общества.

5) Въ отношеніи же суммы, собранной на стипендію въ память покойнаго предсѣдателя Общества Е. П. Ковалевскаго, въ количествѣ 7,532 р. 91 к., пожертвованій и 496 р. 88 к., полученныхъ въ 1871 г. процентовъ, всего 8,029 р. 79 к., а за произведеннымъ расходомъ составляющей 7,722 р. 99 к., комиссія не можетъ не признать прямой необходимости, чтобы приобретенныя на эти деньги $\frac{1}{100}$ бумаги не подвергались видоизмѣненію, подобно бывшему въ теченіи 1870 и 1871 года, когда, какъ оказывается по счетамъ, комитетъ сдѣлалъ нѣсколько перемѣнъ бумагъ, пока не приобрѣлъ въ мартѣ 1871 г. консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска и въ октябрѣ 4 облигацій Ник. жел. дор. на сумму по нарицательной цѣнѣ 7,540 мет. руб. и по дѣйствительной стоимости на 7,656 кр. р. 77 к.

Обращаясь къ разбору частныхъ распоряженій комитета, комиссія останавливалась на всѣхъ родахъ его занятій, и хотя въ составѣ ея возникали особыя мнѣнія по предмету назначенія вновь пенсіи одному лицу, перевода права на пенсію послѣ смерти одного пенсионера на другое родственное ему лицо и продолженія пенсіи одному лицу, а также и въ отношеніи размѣра всѣхъ этихъ пенсій и одного случая выдачи единовременнаго пособия въ размѣрѣ 150 р.; но при полученіи на особыя мнѣнія личнаго разъясненія фактическихъ основаній, комиссія пришла къ единственному заключенію о правильности и цѣлесообразности распоряженій комитета.

Сверхъ того, комиссія получила изъ провѣренныхъ ею дѣлъ свѣдѣніе о стремленіи комитета къ точному охраненію интересовъ Общества; изъ дѣлъ и журналовъ видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обращавшіяся къ Обществу лица не имѣли права на покровительство Общества, по специальности его назначенія, но дѣйствительно нуждались въ пособіи и его заслуживали, то имъ оказывалась помощь частною благотворительностью.

Изложивъ результатъ своей ревизіи, комиссія полагаетъ предложить Обществу выразить комитету полную благодарность.

Выѣстъ съ этимъ журналомъ было доложено и особое мнѣніе членовъ ревизіонной комиссіи, В. П. Буренина, А. Ѳ. Жохова и В. Ѳ.

Корша, слѣдующаго содержанія: по прочтеніи, въ засѣданіи 23-го января, настоящей статьи журнала ревизіонной комиссіи, 3 члена оной: В. П. Буренинъ, А. Θ. Жоховъ и В. Θ. Коршъ заявили, что они не видятъ основанія возбуждать вопросъ объ опредѣленіи того, въ какихъ именно бумагахъ долженъ быть номѣщенъ капиталъ Общества. Такое опредѣленіе стѣснило бы безъ всякой пользы комитетъ въ его распоряженіяхъ и лишило бы возможности выгодно помѣщать капиталъ Общества, сообразно временному положенію денежнаго рынка. Нельзя не признать, что общее собраніе не можетъ заранее предугадать, какія именно бумаги будутъ выгодноѣ приобретать въ теченіи года. Если же предоставить рѣшеніе этого вопроса самому комитету, какъ объ этомъ заявляло большинство комиссіи въ засѣданіи 29-го января, то здѣсь можно предположить два условія: или комитетъ, въ теченіи извѣстнаго времени, обязанъ будетъ подчиняться своему рѣшенію, и тогда это точно также стѣснитъ комитетъ безъ всякой надобности, или онъ будетъ имѣть право отступать отъ этого рѣшенія, и тогда оно не будетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Высказывая это мнѣніе, три члена комиссіи считаютъ долгомъ заявить, что для возбужденія настоящаго вопроса не представляется, по ихъ мнѣнію, достаточнаго повода, такъ какъ изъ самаго журнала комиссіи видно, что совершенныя въ теченіи года операціи замѣны однихъ бумагъ другими были выгодны для Общества. Вообще для оцѣнки результатовъ подобныхъ операцій необходимо уяснить: во-1-хъ, какое отношеніе между затраченнымъ на покупку бумагъ капиталомъ и нарицательной стоимостью этихъ бумагъ; во-2-хъ, какой процентъ приноситъ этотъ капиталъ, и, въ 3-хъ, представляютъ-ли купленные бумаги достаточную прочность. Что касается первыхъ двухъ условій, то изъ отчета ревизіонной комиссіи видно, что результаты операцій комитета весьма благоприятны, такъ какъ разница между затраченнымъ капиталомъ и нарицательной цѣной купленныхъ бумагъ доходитъ до 85%, и капиталъ этотъ приноситъ 6½%. Что же касается прочности бумагъ, то комитетъ, какъ видно изъ его журналовъ, остановился на покупкѣ гарантированныхъ металлическихъ бумагъ, которыя несомнѣнно имѣютъ наибольшую устойчивость.

По этимъ основаніямъ, названные члены комиссіи полагаютъ бы предоставить комитету и впредь руководствоваться принятыми уже имъ правилами, не дѣлая обязательныхъ для него постановленій.

Послѣ того были прочитаны слѣдующія объясненія комитета по журналу ревизіонной комиссіи:

Ревизіонная комиссія, одобливъ сущность распоряженій комитета въ 1871 г., и въ то же время засвидѣтельствовавъ о правильности счетоводства и особенной тщательности дѣлопроизводства, признала не безполезнымъ возбудить нѣкоторые вопросы относительно приобретения и способа учета процентныхъ бумагъ, въ которыхъ устроены капиталы литературнаго фонда и стипендій Е. П. Ковалевскаго.

Считая долгомъ своимъ разъяснить возбужденные ревизіонною комиссіей вопросы, комитетъ, не ограничиваясь 1871 годомъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ предшествовавшими годами, имѣетъ честь пред-

ставить слѣдующія объясненія о постепенномъ образованіи капитала Общества.

Въ первый отчетный годъ существованія Общества, т.-е. съ 8-го ноября 1859 г. по 2-е февраля 1861 г., поступило всего на приходъ 36,012 р. 15 к., изъ коихъ 22,200 р. были обращены въ 5-ти-процентные банковые билеты.

По приходо-расходной книгѣ Общества билеты эти были записаны на приходъ въ ихъ нарицательной цѣнѣ, по порядку, принятому для счетоводства во всѣхъ учрежденіяхъ.

Въ теченіи слѣдующихъ семи лѣтъ нарицательный процентный капиталъ Общества увеличился на 15,050 р., т.-е. къ 1-му января 1868 г. составлялъ 37,250 р., въ томъ числѣ 5% банковыхъ билетовъ на 32,000 руб. и другихъ процентныхъ бумагъ на 5,250 руб.

Такъ какъ съ 1860 г. по 1868 г. наша кредитная валюта подвергалась постояннымъ колебаніямъ, то комитетъ призналъ въ началѣ 1868 г. полезнымъ принять за правило на будущее время: свободныя деньги Общества устроить въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, съ металлическою валютою, чтобы тѣмъ дать капиталу надлежащую устойчивость и обезпечивать Обществу возможно высшій процентъ съ онаго. При этомъ было положено подобныя процентныя бумаги, выпущенныя на металлическіе рубли или талеры, безразлично считать по отчетности за рубли по ихъ нарицательной цѣнѣ.

Въ то же время было рѣшено, независимо отъ устройства денегъ въ процентныхъ бумагахъ, открыть для кассы литературнаго фонда текущій счетъ, котораго до того времени не было. Постановленіе это исполнено въ февралѣ 1868 г. и съ того времени касса литературнаго фонда пользуется текущимъ счетомъ въ одномъ изъ банковыхъ учреждений.

Первое примѣненіе правила о покупкѣ процентныхъ бумагъ съ металлическою валютою состоялось въ апрѣлѣ 1868 г., когда 21 облигація Николаевской желѣзной дороги нарицательной цѣною на 2,625 р. были приобрѣтены по курсу 93½ р. за 125 р.

Въ томъ же году были куплены еще облигація на 4,000 талеровъ, по курсу 83 и 85 кред. руб. за 100 талеровъ, и затѣмъ въ 1869 г. было признано выгоднымъ обмѣнить всѣ 5% банковые билеты, нарицательной цѣною на 32,000 руб. на металлическія 5% облигація, нарицательной цѣной на 33,600 талеровъ, съ приплатою лишь 161 кред. рублей.

Съ 1868 г. комитетъ держался постоянно вышеозначеннаго правила, такъ-что, за исключеніемъ 2 билетовъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ на 200 руб., весь капиталъ Общества устроенъ нынѣ въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, приносящихъ проценты, опредѣленные въ металлической валютѣ; поэтому паденіе курса бумажной валюты не можетъ имѣть невыгоднаго вліянія на доходъ, получаемый Обществомъ съ его капитала.

Результаты распоряженій комитета усматриваются изъ слѣдующихъ числительныхъ данныхъ, относящихся къ исполненію главной цѣли Общества — благотворительной, и одновременно съ этимъ къ приращенію капитала, проценты съ коего имѣютъ назначеніемъ содѣйствовать обезпеченію обязательныхъ расходовъ Общества, преимущественно по производству пенсій и пособій на воспитаніе.

Въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ израсходовано на пенсіи: въ

1867 г. — 2,900 р., въ 1868 — 3,160 р., 1869 — 3,020 р., въ 1870 — 3,460 р., въ 1871 — 3,700 р.; на воспитаніе въ 1867 г. — 600 р., въ 1868 — 900 р., 1869 — 1,360 р., въ 1870 — 1,740 р., 1871 — 1,421 р.; на единовременныя пособія въ 1867 г. — 3,450 р., въ 1868 — 6,180 р., въ 1869 — 5,050 р., въ 1870 — 5,700 р., 1871 — 6,190 р.; на ссуды въ 1867 г. — 750 р., въ 1868 — 200 р., въ 1869 — 100 р., въ 1870 — 125 р., въ 1871 — 1,575 р.; итого въ 1867 г. — 7,700 р., въ 1868 — 10,440 руб., въ 1869 — 9,530 руб., въ 1870 — 11,115 руб., въ 1871 — 12,886 р.

Нарицательнаго процентнаго капитала Общества состояло къ 31-му декабря: въ 1867 г. — 37,250 р., въ 1868 — 45,030 р., въ 1869 — 46,130 р., въ 1870 — 51,600 р., въ 1871 — 53,140 р.

Вслѣдствіе такого увеличенія *нарицательнаго* капитала и помѣщенія его въ болѣе выгодныхъ процентныхъ бумагахъ, съ него поступило *дѣйствительнаго дохода*: за 1867 г., 1,670 р., за 1871 г. — 3,041 р., т.-е. доходъ съ капитала почти удвоился за 5 лѣтъ, несмотря на то, что къ *нарицательному* капиталу въ 37 т. р. прибавилось *нарицательно* меньше 16 т. р.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что *нарицательный* капиталъ Общества составлялъ: къ концу перваго отчетнаго года — 22,200 руб., затѣмъ прибавилось въ 7 лѣтъ до 1-го января 1868 г. — 15,050 руб., и въ послѣдніе 4 года до 1-го января 1872 г. — 15,890; итого нынѣ состоитъ на лицо *нарицательнаго* капитала болѣе 53,000 р., отъ котораго получается ежегодно *дѣйствительнаго* дохода болѣе 3,000 рублей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, указывающихъ на взглядъ комитета, и на результаты, достигнутыя примѣненіемъ правила, усвоеннаго комитетомъ въ началѣ 1868 г., комитетъ считаетъ долгомъ перейти къ нѣкоторымъ поясненіямъ, относящимся къ оборотамъ процентными бумагами въ теченіи собственно 1871 года.

I. По ЛИТЕРАТУРНОМУ ФОНДУ.

Ревизіонная комиссія находитъ *неточнымъ* показаніе годоваго отчета о томъ, что *процентный* капиталъ увеличился на 1,540 р., но указываетъ исчисленіемъ, что онъ увеличился только на 719 р. 88 к.

Здѣсь, очевидно, только недоразумѣніе въ выраженіяхъ; въ сущности же оказывается слѣдующее:

Въ теченіи 1871 г. комитетъ сдѣлалъ два распоряженія относительно устройства капитала: въ мартѣ онъ обмѣнялъ 52 акціи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, *нарицательной* цѣною въ 6,500 р., на 22 облигаціи консолидированныя желѣзныхъ дорогъ, *нарицательной* цѣною въ 7,040 р., а въ декабрѣ онъ купилъ за наличныя деньги по биржевому курсу 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги, *нарицательной* цѣною въ 1,000 руб.

Такъ какъ и акціи Главнаго Общества и консолидированныя облигаціи приносятъ обѣ по 5% металлическихъ, но первыя оказалось возможнымъ продать по 11½ р. *выше* *нарицательной* цѣны, а послѣднія при выкупѣ ихъ изъ первыхъ рукъ, приобретены 1½ *ниже* *нарицательной* цѣны, Николаевскія же облигаціи, приносящія 4% металлическихъ, куплены по 107 кредитн. руб. за 125 руб., то на оба оборота потребовалось уплатить изъ наличныхъ денегъ *дѣйствительно* только 719 р. 88 к., какъ подробно исчислено ревизіонною комиссіей.

Употребленіе этихъ 719 р. 88 к. дало слѣдующій результатъ:

Обмѣнъ акцій Главнаго Общества на консолидированныя облигаціи возвысилъ *нарицательный* капиталъ на 540 р., которые даютъ ежегоднаго дохода металлическаго—27 р., вновь купленныя 8 николаевскихъ облигацій даютъ процентовъ металлических—40 р., итого процентовъ прибавилось на—67 р. металлическихъ, т. е. около 80 руб. кредитныхъ.

Слѣдовательно, употребленіе изъ кассы литературнаго фонда 719 р. 88 к. дало возможность, увеличивъ *нарицательный* капиталъ на 1,540 р., какъ сказано въ отчетѣ, получать съ этихъ 719 р. 86 к. ежегодно до 80 р. дохода. Это равняется устройству капитала изъ 110%.

Приобрѣтеніе консолидированныхъ облигацій оказалось вообще вполнѣ удовлетворительнымъ. Онѣ куплены по 98 1/2, а нынѣ стоятъ по 103.

II. По стипендіи Е. П. Ковалевскаго.

Со времени открытія подписки на стипендію, всѣ поступающія пожертвованія употреблялись безъ промедленія на покупку процентныхъ бумагъ, въ ожиданіи накопленія суммы, достаточной для образованія стипендіи.

Къ началу 1871 г. капиталъ стипендіи былъ помѣщенъ въ акціяхъ Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и въ николаевскихъ облигаціяхъ.

Въ февралѣ 1871 г. была открыта подписка на консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ 12-го выпуска.

Комитетъ воспользовался возможностью получить облигаціи изъ первыхъ рукъ и рѣшилъ устроить капиталъ стипендіи изъ этихъ бумагъ, дающихъ 5 металлическихъ процентовъ и представляющихъ условія особенной прочности.

Въ этихъ видахъ, 12-го марта состоялся обмѣнъ 31 николаевской облигаціи и 26 акцій Главнаго Общества на 22 консолидированныя облигаціи, съ незначительною приплатою изъ наличныхъ денегъ.

До обмѣна получалось дохода металлическими рублями: съ николаевскихъ облигацій 155 р., съ акцій Главнаго Общества 162 р. 50 к., итого 317 р. 50 к. *Послѣ обмѣна* получается дохода: съ консолидированныхъ облигацій 352 р., болѣе на 34 р. 50 к.

Устроивъ такимъ образомъ окончательно еще въ мартѣ 1871 г. капиталъ стипендіи въ самой прочной процентной бумагѣ, комитетъ совпалъ съ желаніемъ ревизіонной комиссіи, выраженнымъ нынѣ, о томъ, чтобъ капиталъ стипендіи былъ оставленъ и впредь въ этихъ облигаціяхъ.

Представивъ на обсужденіе общаго собранія всѣ эти объясненія, комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что, по его мнѣнію, въ приходо-расходныхъ книгахъ Общества и въ извлекаемыхъ изъ нихъ казначейскихъ отчетахъ процентныя бумаги и впредь должны быть показываемы въ *нарицательной* цѣнности, какъ это принято во всѣхъ учрежденіяхъ, обязываясь присовокупить, что при дѣлахъ казначея и въ рукахъ предсѣдателя нѣтъ вѣдомость процентныхъ бумагъ Общества, съ особой графой, въ которой показана дѣйствительная цѣна, по которой приобрѣтены означенныя бумаги. Эта вѣдомость всегда въ виду комитета при сужденіяхъ его объ обмѣнѣ однихъ бумагъ на другія и можетъ быть во всякое время представлена гг. членамъ Общества во время общихъ собраній.

Изъ вѣдомости видно, что на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ, нарицательною цѣной въ 53,140 руб.,— дѣйствительно израсходовано 46,946 руб.

Получаемый Обществомъ доходъ съ капитала (3,041 р.) составляеть около 6½, процентовъ съ дѣйствительно употребленной на покупку процентныхъ бумагъ суммы.

Въ заключеніе, комитетъ счтаетъ долгомъ представить общему собранію о выраженіи искренней признательности ревизіонной комиссіи за ту примѣрную внимательность, съ которою она вошла въ разсмотрѣніе не только существующихъ распоряженій комитета, но и во всѣ подробности дѣлопроизводства и отчетности.

Указанія ревизіонной комиссіи имѣють существенно полезное значеніе.

Разъясненіе возбужденныхъ комиссіею вопросовъ возложило на комитетъ обязанность строго провѣрить свои дѣйствія не только за 1871, но и за предшествовавшіе годы, и представить ихъ на судъ общаго собранія гг. членовъ Общества.

Въ заключеніе, послѣ преній по этому предмету, на обсужденіе общаго собранія былъ предложенъ вопросъ: одобряеть-ли оно объясненія комитета? Вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Послѣ того произведенъ былъ выборъ членовъ комитета, причемъ оказалось, что избирательныхъ записокъ было подано 38 и что большее число голосовъ получили: Г. К. Рѣпинскій (32), А. П. Заблоцкій-Десятовскій (29), В. Ѳ. Коршъ (26) и А. Н. Пыпинъ (23), которые и признаны членами комитета.

Комитетъ, въ новомъ составѣ, избралъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдателемъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, помощникомъ предсѣдателя—К. Д. Кавелина, секретаремъ—Г. К. Рѣпинскаго и казначеемъ—В. И. Утина.

Наконецъ, по баллотировкѣ, приняты въ члены Общества: Федоръ Николаевичъ Мѣдниковъ, Иванъ Дмитріевичъ Вѣловъ, Михаилъ Андреевичъ Соминъ и Оскаръ Ильичъ Квистъ.

Чрезвычайное собраніе членовъ Общества 2-го февраля 1872 г.

Собраніе было созвано для разрѣшенія: 1) вопроса объ учрежденіи при с.-петербургскомъ университетѣ стипендій на сумму, отпускавшуюся прежде въ уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами; 2) вопроса объ употребленіи суммы, собранной на стипендію Е. П. Ковалевскаго; и 3) предложенія комитета о порядкѣ печатанія журналовъ по недоразумѣніямъ, возникающимъ между издателями или редакторами повременныхъ изданій и ихъ сотрудниками.

По первому вопросу, выслушавъ справку изъ дѣлъ Общества и отзывъ ректора с.-петербургскаго университета, отъ 31-го декабря 1871 г. за № 5439, одобрило предложенія комитета и постановило: 1) отпустить въ прежнее время 500 р., въ уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами с.-петербургскаго университета, обратить на образованіе четырехъ стипендій, каждая въ 125 р., *исключительно* для 1-ю курса названнаго университета, и 2) выборъ стипендіатовъ предоставить комитету Общества по сношенію съ университетскимъ начальствомъ.

Затѣмъ, хотя четырьмя членами и было предположено учредить не 4, а 3 стипендіи, но предложеніе это большинствомъ членовъ не принято.

По второму вопросу. Собраніе, принявъ во вниманіе, что деньги на стипендію Е. П. Ковалевскаго продолжаютъ еще поступать, положило предоставить комитету представить будущему годовому собранію соображенія о порядкѣ употребленія суммы, собранной сверхъ капитала, нужнаго для производства стипендій въ 300 руб.

По третьему вопросу. По докладѣ предположенія комитета, прежде всего на обсужденіе общаго собранія былъ предложенъ вопросъ: принимаетъ ли оно предложеніе комитета? Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ голосовъ.

Затѣмъ были сдѣланы слѣдующія предположенія:

- 1) распространить проектированныя комитетомъ правила и на издателей книгъ и книгопродавцевъ,
- и 2) печатать имена спорящихъ сторонъ не иначе, какъ по просьбѣ лица, обратившагося къ содѣйствію комитета.

Оба эти предложенія приняты большинствомъ членовъ собранія.

Въ заключеніе было принято единогласно предложеніе, чтобъ имена спорящихъ сторонъ подвергались опубликованію какъ по просьбѣ лица обратившагося къ содѣйствію комитета, такъ и противной стороны.

На этомъ основаніи утверждены слѣдующія правила:

- 1) Будучи только посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣніяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями книгъ или журналовъ, книгопродавцами или редакторами повременныхъ изданій съ другой, и совершенно устраниая отъ себя роль судьи или рѣшителя споровъ, на которую, по своему учрежденію, не имѣетъ никакого права, комитетъ Общества всякую жалобу на неисполненіе одною изъ указанныхъ выше сторонъ послѣдовавшаго между ними соглашенія, препровождаетъ, въ выпискѣ, къ тому лицу, на которое жалоба принесена, и ожидаетъ его разъясненій.

- 2) Получивъ отвѣтъ, комитетъ сообщаетъ его, въ выпискѣ, просителю, и если получить отъ него возраженіе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику, для надлежащаго разъясненія дѣла.

- 3) По спорамъ, неоконченнымъ сторонами миролюбно въ теченіе мѣсяца со дня послыжки послѣдней бумаги, комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой онѣ найдутъ болѣе удобнымъ.

- 4) Въ случаѣ неполученія отвѣта на послѣднее сообщеніе, или непрекращенія дѣла миролюбно, комитетъ публикуетъ, въ извлеченіяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора, съ означеніемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ.

- 5) Распоряженіе это можетъ быть сдѣлано комитетомъ не иначе, какъ только при условіи, если онъ въ просьбѣ хотя бы одной изъ спорящихъ сторонъ будетъ прямо уполномоченъ на это, или если въ теченіе возникшаго уже дѣла получитъ заявленіе хотя бы одной изъ сторонъ о желаніи ея дать дѣлу именно этотъ ходъ.

- 6) Споры, оконченные миролюбно, вовсе не публикуются, а упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ Общества, безъ означенія именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣній.

Записка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.

Въ годовомъ общемъ собраніи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2-го февраля, председателемъ Общества избранъ Андрей Пареевичъ Заблоцкий-Десятовскій (Васильевскій Островъ, 8-я линія, собственный домъ); помощникомъ председателя Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ (Вас. Остр., 7-я линія, домъ № 60); секретаремъ—Григорій Козьмичъ Рѣпинскій (Артиллерійская улица, д. Никитиной); казначеемъ—Борисъ Исаковичъ Утинъ (Галерная, домъ № 20), къ которымъ и слѣдуетъ обращаться по дѣламъ Общества.

Члены комитета: Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ (у ц. Спаса Преображенія, д. Никитиной).

Викторъ Павловичъ Гаевскій (Литейная, 48).

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (Бассейн., 8).

Валентинъ Федоровичъ Коршъ (Вас. Островъ, 8-я линія, 37).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Вас. Остр., Большой просп., д. Вундерлиха).

Михайлъ Евграфовичъ Салтыковъ (Фурштатская, 33).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (Вас. Островъ, 15-я линія, д. князя Вяземскаго).

Николай Николаевичъ Тютчевъ (Малая Итальянская, 14).

Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя председателя Андрея Пареевича Заблоцкаго-Десятовскаго (Вас. Остр., 8-я линія, собств. домъ), или же на имя Общества, по съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: *Въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ С.-Петербургѣ.* Неточный адресъ неоднажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ Общества, Борисомъ Исаковичемъ Утинымъ (Галерная, № 20), со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія Обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ многороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ Чертковской библіотекѣ, члену Общества, Петру Ивановичу Бартеневу. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова и въ Чертковской библіотекѣ, книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи, и жертвователей будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ, въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

Первое засѣданіе 2-го февраля 1872 г.

1) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, потерявшему мѣсто и обремененному семействомъ.

2) Отклонено ходатайство одного лица о выдачѣ ему ссуды, такъ какъ никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности ея возвращенія.

Второе засѣданіе комитета 14-го февраля 1872 г.

1) Выдано 100 р. дочери писателя, для окончанія ея образованія.

2) Выдано 75 р. въ пособіе писателю, лишенному теплаго платья, большому и поставленному въ затруднительное положеніе смертью его ребенка.

- 3) Выдано одному писателю въ ссуду 300 р.
- 4) Отклонено ходатайство одного лица о выдачѣ пособія, впродъ до представленія имъ точныхъ свѣдѣній о его положеніи.
- 5) Отклонено ходатайство одного писателя о ссудѣ, такъ какъ никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности ея возвращенія.
- 6) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ назначаются пособія.
- 7) Выслано 50 руб. въ пособіе престарѣлому и крайне бѣдному сыну писателя.

Третье засѣданіе комитета 28-го февраля 1872 г.

- 1) Приняты, съ глубочайшею благодарностью, пожалованные имъ императорскими высочествами государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и государынею великою княгинею Александрою Іосифовною 100 руб.
- 2) Выдано 75 руб. въ пособіе неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни автору статей по статистикѣ.
- 3) Выдано 300 руб. въ пособіе извѣстному писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи по случаю переезда жительства.
- 4) Выдано 30 руб. молодому писателю, лишенному средствъ къ жизни.
- 5) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ Общество выдаетъ пособіе.
- 6) Выслано 120 руб. въ харьковскій университетъ, для выдачи пособія двумъ бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ.

Четвертое засѣданіе комитета 13-го марта 1872 г.

- 1) Отклонено ходатайство одного просителя о пособіи, такъ какъ онъ пользуется постояннымъ пособіемъ съ стороны другого учрежденія.
- 2) Выдано 80 руб. въ пособіе семейству покойнаго писателя, находящемуся въ крайней бѣдности и существующему только незначительными заработками одного изъ своихъ несовершеннолѣтнихъ членовъ.
- 3) Выдано 25 руб. на похороны одного писателя.
- 4) Выдано 400 руб. въ пособіе извѣстному писателю, разбитому параличемъ, на поѣздку въ теплый климатъ и на леченіе.
- 5) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ Общество выдаетъ пособія.
- 6) Выдано въ ссуду одному писателю 300 руб.
- 7) Объявлена благодарность Общества Т. И. Музыкантову за содѣйствіе его комитету.

Пятое засѣданіе комитета 26-го марта 1872 г.

- 1) Выдано 35 р. въ пособіе писателю на уплату слѣдующихъ съ него податей и на другіе расходы по содержанію его семейства.
- 2) Выдано 75 р. въ пособіе находящемуся въ крайней бѣдности автору спеціальнаго сочиненія.
- 3) Выдано 100 р. вдовѣ писателя, лишенной, со смертію мужа, всѣхъ средствъ къ жизни.
- 4) Выдано 25 р. на похороны одного писателя.

5) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель, по своимъ трудамъ, не имѣетъ права на частую помощь Общества.

II. ПОДПИСКА НА ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНА.

(отъ высочайше учрежденнаго комитета)

За время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 года дѣйствій комитета по 1-е февраля 1872 г. пожертвованій поступило ¹⁾ 23,060 р. 92 к. Затѣмъ въ теченіе февраля и марта доставлено:

а) Наличными деньгами. 2,647 р. 63½ к.

б) Квитанціями главнаго, губер-
скихъ и уѣздн. казначействъ. 5,706 „ 35½ „

8,353 р. 99 к.

Итого. 31,414 р. 91 к.

По подпискѣ 1860 г. прежде собраны и находятся въ государственномъ банкѣ съ процентами. 18,254 р.

Всего по 1-е апрѣля 1872 г. 49,668 р. 91 к.

По сборнымъ книжкамъ въ февраль поступило ²⁾:

Отъ управляющаго архангельскою казенною палатою и акцизными сборами Архангельской губерніи—10 р. 32 к.; отъ директора варшавскихъ гимназій—16 р. 35 к.; отъ директора училищъ Саратовской губерніи—24 р. 35 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Виленской губерніи—226 р. 95 к.; въ томъ числѣ: отъ А. А. Дихеуса—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами въ прибалтійскихъ губерніяхъ—50 р. 45 к.; отъ С. А. Костливцова—70 р.; въ томъ числѣ: отъ С. А. Костливцова—10 р., отъ А. Бняжевича—10 р. Отъ К. П. Ротаста—12 р.; отъ управляющаго ломжинскою казенною палатою—20 р.; отъ управляющаго государственными имуществами Московской губерніи—18 р.; отъ смотрителя училищъ нижеудинскаго округа—20 р.; отъ управляющаго харьковскою контрольною палатою—17 р. 75 к.; отъ лифляндскаго губернатора—19 р. 35 к.; отъ управляющаго московскою складочною таможеню—75 р.; отъ управляющаго минскою казенною палатою—64 р.; въ томъ числѣ: отъ Л. А. де-ла-Гарли—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами Вологодской губерніи—43 р. 30 к.; отъ попечителя московскаго учебнаго округа—125 р. 95 к. въ томъ числѣ: отъ князя Ширинскаго-Шихматова—25 р., отъ князя Н. Мещерскаго—25 р., отъ Дмитріева—25 р. Отъ петровскаго губернскаго воинскаго начальника—1 р. 24 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Черниговской губерніи—8 р. 73 к. Отъ директора 3 московской гимназій—121 р.; въ томъ числѣ: отъ Воронцова—20 р.; отъ Н. Авашева—10 р. Отъ нерчинскаго коменданта—11 р.; отъ И. П. Корнилова—55 р.; въ томъ числѣ: отъ служащихъ въ гатчинскомъ николаевскомъ сиротскомъ институтѣ—53 р. 80 к. Отъ директора горнаго департамента—31 р.; отъ начальника рижскаго таможеннаго округа—128 р. 60 к.; въ томъ числѣ: отъ О. Трефурта—10 р. Отъ управляющаго омскою контрольною палатою—7 р.; отъ управляющаго радомскою

¹⁾ Въ спискѣ пожертвованій за январь, при означеніи суммы, доставленной изъ Тьері А. К. Жизневскимъ, пропущено: «отъ О. Н. Глинки 50 руб.».

²⁾ См. выше: апр. 922 стр.

казенною палатой—54 р. 90 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Петрова—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами Тульской губерніи—20 р. 23 к.; отъ управляющаго подольскою казенною палатой—417 р. 43½ к.; въ томъ числѣ: отъ Г. М. Кулпковскаго—10 р. Отъ тверскаго губернскаго воинскаго начальника—27 р. 88 к.; отъ бессарабскаго губернскаго воинскаго начальника—25 р. 49 к.; отъ управляющаго ярославскою контрольною палатой—19 р. 70 к.; отъ царскосельскаго коменданта—9 р.; отъ управляющаго московскою конторой Государственнаго Банка—85 р.; въ томъ числѣ: отъ М. Попова—10 р.; отъ Васрушина—10 р.; отъ М. Лиле—10 р.; отъ А. Стефани—10 р.; отъ Боршовскаго—10 р. Отъ инспектора замостскихъ гимназій—25 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Пермской губерніи—31 р. 60 к.; отъ предсѣдателя бессарабской областной земской управы—634 р.; въ томъ числѣ: отъ И. Аснашъ—15 р.; отъ М. Аснашъ—15 р.; отъ отъ А. Бодиско—25 р.; отъ К. Бузня—15 р.; отъ П. Броеко—10 р.; отъ И. Вибери—20 р.; отъ Г. Гойлова—10 р.; отъ А. Гринберга—15 р.; отъ А. Инглези—15 р.; отъ И. Катаржи—10 р.; отъ Н. Катаржи—10 р.; отъ К. Кушъ 10 р.; отъ К. Казиміръ—10 р.; отъ А. Казиміръ—10 р.; отъ Н. Кассо—14 р.; отъ К. Кристи—10 р.; отъ К. Леонардъ—15 р.; отъ П. Леонардъ—10 р.; отъ П. С. Леонардъ—20 р.; отъ К. Леонарди—15 р.; отъ кн. К. Мурузи—15 р.; отъ И. Панаютти—10 р.; отъ Б. Питкисъ—10 р.; отъ К. Писаржевскаго—10 р.; отъ Е. Рышканъ—10 р.; отъ бар. А. Стуртъ—15 р.; отъ Хр. Сикардо—10 р.; отъ Н. Семирадова—10 р. отъ И. Феодосіу—10 р. Отъ Н. Н. Харламова—15 р.; отъ новгородскаго губернскаго воинскаго начальника—35 р. 45 к.; отъ тульскаго городского головы—76 р.; въ томъ числѣ: отъ Добрынина—25 р.; отъ братьевъ Лялиныхъ—10 р. Отъ управляющаго акцизными сборами области войска донскаго—403 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ Ф. Е. Вабицкаго—10 р.; отъ Дехтяревскаго—25 р.; отъ Харламова—10 р. Отъ инспектора Восточной Сибири—22 р. 77 к.

Помимо сборныхъ книжекъ въ февралѣ поступило: отъ ливонскаго губернатора—4 р. 5 к.; отъ владимірскаго губернатора—94 к.; отъ надзирателя V акцизнаго округа Западной Сибири—49 р.; отъ смотрителя снинскаго уѣзднаго училища—3 р. 95 к.; отъ П. В. Анненкова—25 р.; по текущему счету с.-петербургскаго учетнаго банка %, по 1 января 1872 г., на внесенныя въ банкъ деньги, 160 р. 74 к.; отъ управляющаго Тульскою казенною палатою—3 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Пермской губерніи 253 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ С. Мысловскаго—10 р.; отъ П. Злоказова—25 р.; отъ П. Вилесова—25 р.; отъ Паносова—10 р.; отъ Саларевыхъ—10 р.; отъ Полевскаго—25 р.; отъ И. В. Вроцкаго—25 р. Отъ начальника Бобруйской военнопсправительной роты—4 р. 35 к.; отъ командира 104 пѣхотнаго устьжскаго полка—4 р. 12 к. Итого—3,588 р. 74½ к. Всего по 1 марта 1872 года собрано—44.903 р. 66½ к.

По сборнымъ книжкамъ въ мартѣ поступило:

Отъ коменданта крѣпости Днѣпбургъ—3 р.; отъ городническаго губернскаго воинскаго начальника—15 р. 18 к.; отъ попечителя влѣнскаго учебнаго округа—42 р. 77½ к.; отъ московскаго оберъ-полицеймейстера—1,449 р. 53 к.; въ томъ числѣ: отъ Ив. И. Мочалова—10 руб., отъ А. Пороховникова—25 р., отъ А. В. Андреева—10 р., отъ Корнѣево-Горшанова—10 р. Отъ инспектора народныхъ училищъ Ся-

бирской губерніи—5 р. 65 к. Отъ Х. Х. Мейнъ—191 р. 36½ к.; въ томъ числѣ: отъ В. А. Бабина—10 р., отъ Коровина—10 р., отъ Гарина—25 р., отъ Захарова—25 р., отъ Байдикова—10 р., отъ Ремизова—17 р. 35 к., отъ Николаева—13 р. 50 к., отъ П. Митрофанова—12 р. 90 к., отъ Зинаиды Поляковой—100 р., отъ А. Епишкина—25 р., отъ Адена—25 р., отъ Мусорина—13 р. 46 к., отъ Вальдери-Моде—10 р. Отъ директора училищъ Псковской губерніи 40 р. 66 к. Отъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера—43 р.; въ томъ числѣ: отъ графа Берга—25 р. Отъ директора ларинской гимназіи—16 р. 70 к. Отъ председателя сумскаго окружнаго суда—53 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Золотницкаго—10 р., отъ Н. Кондратьева—10 р., отъ П. Болотова—10 р. Отъ инспектора классовъ московскаго Николаевскаго института—84 р.; въ томъ числѣ: отъ Стоюнина—10 р. Отъ инспектора классовъ казанскаго института—32 руб.; отъ инспектора классовъ полтавскаго института—26 р.; отъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора—125 р.; въ томъ числѣ: отъ Павла Кодебу—25 р., отъ С. Бутурлина—10 р., отъ Θ. Леонтовича—10 р., Отъ управляющаго курляндскою казенною палатою—34 р. 50 к.; въ томъ числѣ отъ барона Кампенаузенна—10 р. Отъ председателя бѣлозерскаго окружнаго суда—18 р. 45 к.; отъ управляющаго тамбовскою казенною палатою—91 р. 62½ к.; отъ виленскаго губернскаго воинскаго начальника—15 р. 63 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Киевской губерніи—23 руб. 5 к.; отъ директора училищъ С.-Петербургской губерніи—42 руб. 73 коп.; отъ начальника Эстляндской губерніи—9 руб. Отъ тамбовскаго губернатора—55 руб.; въ томъ числѣ: отъ А. Н. Чичериной—10 руб., отъ С. Федорова—10 р.; отъ А. Чичерина—10 руб. Отъ управляющаго ставропольскою контрольною палатою—17 р. Отъ московскаго коменданта—60 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ М. Рихтера—10 р., отъ А. Ганъ—10 р. отъ управляющаго государственными имуществами Архангельской губерніи—41 р. 55 к. Отъ М. Н. Похвиснева—160 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Баратынскій—10 р.; отъ В. Языкова—25 р.; отъ А. Назимовой—15 руб., отъ Ф. Хомякова—25 р.; отъ М. Похвиснева—50 р.; отъ Юліи Залѣцкой—20 р. Отъ В. А. Дашкова—100 р.; въ томъ числѣ: отъ Ю. Губера—10 р., отъ Θ. Губера—15 р., отъ Б. Гилартовскаго—10 р.; отъ В. А. Дашкова—25 р., отъ С. Дмитриева—10 р. Отъ И. Х. Бреверна—11 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Екатеринославской губерніи—66 р.; отъ слонимскаго уѣзднаго предводителя дворянства—3 руб.; отъ управляющаго государственными имуществами Пермской губерніи—47 р. 55 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ въ мартѣ доставлено:

Отъ командира 3-го понтоннаго полубаталіона—6 р. 28 к.; отъ директора училищъ С.-Петербургской губерніи—23 р. 7 к.; отъ инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи—26 р. 39 к.; отъ смотрителя вознесенскаго женскаго училища—10 р.; отъ командира 110 пѣхотнаго камскаго полка—4 р. 70 к.; отъ начальника 5-й стрѣлковой бригады—9 р. 54 к.; отъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора—119 р. 55 к.; отъ тверскаго губернатора—63 руб. 85 к.; отъ директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ—213 р. 59 к.; отъ Θ. П. Корнилова—1,285 р.; въ томъ

числѣ: отъ В. Н. Карамзина—1,000 р. Отъ динаминдскаго коменданта—1 р. 73 к.; отъ редакціи журнала „Русская Старина“, собраніе учителями мѣстечка Волочиска,—30 р. 60 к.; отъ командира 113-го пѣхотнаго старорусскаго полка—4 р. 50 к.; отъ начальника рижскаго таможеннаго округа—42 р. Итого—4,765 р. 24 $\frac{1}{2}$ к. — Всего по 1-е апрѣля 1872 г. собрано—49,668 р. 91 коп.

III. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей.

Сослуживцы и друзья покойнаго статсъ-секретаря Милютина, желая какиѣмъ-либо общепользнымъ дѣломъ почтить его память на поприщѣ государственной дѣятельности, собрали между собою сумму денегъ, съ цѣлью употребить ее на усиленіе способовъ народнаго обученія посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ стипендій имени статсъ-секретаря Милютина въ семинаріяхъ, приготовляющихъ сельскихъ учителей.

Такъ какъ пожертвованная доселѣ сумма оказалась еще недостаточною для образованія капитала, проценты съ котораго могли бы служить вышеозначенной цѣли, то и было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе, отъ 14-го апрѣля сего года, на публикацію объ открытіи подписки на стипендіи статсъ-секретаря Милютина при существующихъ семинаріяхъ для приготовленія сельскихъ учителей.

Для дальнѣйшихъ распоряженій, какъ по сбору денегъ на образованіе капитала для означенныхъ стипендій, такъ и для употребленія собранныхъ денегъ по ихъ назначенію, образована особая коммиссія въ числѣ шести членовъ изъ среды первоначальныхъ жертвователей, а именно: статсъ-секретари Гротъ и Заблоцкій, тайные совѣтники графъ Стенбокъ, Домантовичъ и Ламанскій, и дѣйст. статскій совѣтникъ Семеновъ.

Желающіе принять участіе въ пожертвованіяхъ на образованіе вышеупомянутаго капитала вносятъ деньги въ Государственный банкъ и во всѣ его конторы и отдѣленія на текущій счетъ капитала стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.

Гг. иногородные могутъ высылать деньги по почтѣ въ редакцію „Вѣстника Европы“ (Спб. Галерная, № 20), откуда полученная сумма передается въ Государственный Банкъ, съ извѣщеніемъ о томъ жертвователей въ ближайшемъ номерѣ журнала.

Отъ 15-го апрѣля по 15-е мая получено въ редакцію и сдано на текущій счетъ въ Государственный банкъ: 1) А. Н. Пыпинъ—3 руб. 2) Н. С. Левашевъ (Верея)—2 р. 50 коп.

М. СТАСОВИЧЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXV-й ТОМЪ.

МАЙ — ЮНЬ, 1872.

Книга пятая. — Май.

СТР.

О старомъ землемъ дворца и палата, въ коихъ скончался государь императоръ Петръ Великій. — Съ двумя рисунками. — Записка 1834 года А. И. МЕЙЕРА.	5
Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великаго. — 1707-1715 гг. — По ея неизданнымъ письмамъ. — В. И. ГЕРЬЕ	19
Малороссійскіе эмигранты при Петре Великомъ. — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ	63
Дилеттанты. — Романъ. — Половина первая. — Строители — Часть первая. — IX. XII. — Ф. Ф. РОМЕРА	93
Характеристики литературныхъ мнзній, отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. — Историческіе очерки. — IX. — А. Н. ПЫПИНА	145
Современныя желанія. — Стих. ЕВГ. МАСЛОВА	207
Восточная политика Германіи и оуговніе. — X-XII. — Окончаніе. — М. Т-ОВЪ.	210
Экспедиція на островъ Тинирифе. — ИЛ. ИЛ. МЕЧНИКОВА	254
Записки жандарма. — Съ 1837-го 1843-й годъ. — VI. — Окончаніе — А. И. ЛОМА- ЧЕВСКАГО	296
Десять лтъ реформъ. — 1861-1871 гг. — V. Присяжные засѣдатели. — VI. Объ от- вѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства. — Заключеніе. — Г.	327
Внутреннее оустройство. — Распространеніе судебной реформы на царство поль- ское. — Цѣли политическія и юридическія. — Основанія русской политики въ царствѣ. — Национальность, какъ новое орудіе въ «борьбѣ за сущест- вованіе». — Земскія сельско-хозяйственныя училища. — Земское училище въ Вяткѣ. — Дирекуляръ г. управляющаго морскихъ министерствомъ. — Письмо г. Громницкаго въ редакцію	363
Иностранное оустройство. — Международный вѣдѣдѣе С.-А. Штатовъ съ Англіею	391
Корреспондентъ изъ Парижа. — Поворотъ въ общественномъ мнзніи Франціи. — И.	408
Новѣйшая литература. — Точка зрѣнія политики и экономической критики у К. Маркса. — Капиталъ. — Соч. Карла Маркса, въ русскомъ переводѣ. — И. И. Е-НЪ	427
Новыя книги. — Общественное оустройство въ Соединенныхъ Штатахъ. Сост. Гипод. Швейцарія и швейцарцы Соч. Диксона. — Станиславъ-Августъ По- нятовскій въ Гроднѣ и Лтвѣ. Соч. М. де-Пуле. — Историческіе этюды, С. С. Шанкова.	486

Заметка.—Мрачный публицистъ женскаго вопроса.—«Намъ женскій вопросъ», статьи кн. В. Мещерскаго.—ВАР. МАРИИ ЮРФЪ . . .	Стр. 449
Извѣстия.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Годовое собраніе общества 2 февраля.—II. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей . . .	456
Библиографическій листокъ.	

Книга шестая. — Июнь.

Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго. — 1707—1716 гг. — По ея неизданнымъ письмамъ.—II-III.—Овоччаніе.—В. И. ГЕРБЕ . . .	461
Великоросская народная пѣсенная поэзія. — Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ. Часть первая. Н. И. КОСТОМАРОВА . . .	535
Воссожденіе уни.—Историческій очеркъ.—Ш.—М. Я. МОРОШКИНА . . .	588
Михаил Семеновичъ.—Былина.—В. П. БУРЕНИНА . . .	649
Швейцарскіе города Крыма.—Путевыя впечатлѣнія.—I.—ЕВГ. Л. МАРКОВА . . .	654
Дѣтство и молодость Диккенса.—The life of Charles Dickens, by John Forster. 1, 2 vols.—Л. П. . . .	685
Дилеттанты.—Романъ.—Часть вторая.—I-IX.—Ф. Э. РОМЕРА . . .	709
Внутреннее Овозраженіе.—Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба.—30-го мая 1672 г. 30-го мая 1872 г. . . .	770
Новыя статистическія труды въ Россіи.—Самарская и Лифляндская губерніи.—Статистическія таблицы Самарской губерніи. 1869-71.—Результаты народной переписи въ городахъ Лифляндской губерніи. 1871.—М. . . .	797
Иностранное Овозраженіе.—Восстаніе карлистовъ въ Испаніи.—Маршалъ Серрано и новый кабинетъ.—Прежніе дон-Карлосъ и нынѣшній дон-Карлосъ.—Герцогъ Омальскій.—Герцогъ Одифре-Паэль и военное хозяйство второй имперіи.—Рузъ и Гамбетта.—Судъ надъ генералами.—Князь Висмаркъ.—Элебенское дѣло.—Банкетъ англійскаго литературнаго фонда.—Национальная агитація нѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи.—Проектъ реформы уложенія Швейцарскаго Союза . . .	806
Корреспонденція изъ Берлина.—Великая борьба между Римомъ и Германіей. — К. . . .	830
Корреспонденція изъ Аѳинъ.—Политическіе дѣатели и открытіе палаты.—В. М-ОВЪ . . .	852
Иностранная литература.—Вопросы народнаго образованія во Франціи.—Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Bréal.—L'Instruction républicaine, par Am. Guillemin.—Les Crimes de l'éducation française, par M. Laurentie . . .	868
Новыя книги.—Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waita.—Les Prétendants: Les Bourbons, Les d'Orléans, L'Empire, La Commune, La République. Par Alb. Delpit.—Manuel républicain, par Jules Barni . . .	885
Извѣстия.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину.—III. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей . . .	894
Библиографическій листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

ОС-
НОВА-
НІЕ ТОР-
ГОВЛИ
1811.

Въ маѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

К. КАВЕЛЛИНА.

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ.

Спб. 1872. — Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ князя Якова Петровича Шаховскаго, полиціеимейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кримъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елизаветы, и сенатора при Екатеринѣ II 1705—1777. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

МЕНЬЯНЪ. Миръ и первообытныи челоѣкъ по ученію библии. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

КРАЕВИЧЪ, К. Очеркъ спектральнаго анализа. Со многими политипажами въ текстѣ и хромотитрографированной таблицей спектровъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 40 к., вѣсов. за 2 ф.

БУВЬЕ, А. Отчаянные бойцы, романъ въ двухъ частяхъ I) Баррикады въ 1848 г. II) Франція въ 1871 году. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ТОЛСТОЙ, Ю. Списки архіереевъ и архіерейскихъ каеадръ Іерархіи все-россійской со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода. (1721—1871). Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

БАВСТЪ, И. Изложеніе началъ народнаго хозяйства. Т. 1-й. М. 1872 г. Ц. 1 р., вѣсов. за 2 ф.

ВЯЛЕЦКІЙ, А. О значеніи международнаго права и его матеріаловъ. Варшава. 1872 г. Ц. 2 р., вѣсов. за 2 ф.

ШИМАНОВСКІЙ, Н. Кредитъ и общественные банки. Часть 1-я. Варшава. 1872 г. Ц. 2 р., вѣсов. за 2 ф.

ГЮВЕНЕТЪ. Франко-Германская война 1870—1871 г. и Русская интернаціональная миссія для помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, съ 12 политипажами и 1 географическою картою. Кіевъ. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

АЛЫМОВЪ, И. Вопросы изъ механики корабля. Катающіяся кривыя отдѣльныхъ стѣенъ судна. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., вѣсов. за 1 ф.

ВОДОВОЗОВЪ, В. Древняя русская литература отъ начала грамотности до Ломоносова. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., вѣсов. за 2 ф.

БАРСОВЪ, Е. Причитанья сѣвернаго края. Ч. 1-я. М. 1872 г. Ц. 1 р. 75 к., вѣсов. за 2 ф.

ЛИНДЕ, Ю. Промислы Охтенскаго пригорода. Спб. 1872 г. Ц. 50 к., вѣсов. за 1 ф.

АЛЪВЬЕВЪ. Далекая Россія, Уссурійскій край, съ картою и рисунками. Спб. 1872 г. Ц. 80 к., вѣс. за 1 ф.

ЭМАРЪ, Г. Бѣгучая вода. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 75 к., вѣсов. за 2 ф.

ГЕНЪ, В. Италия, взгляды и бѣглыя замѣтки. Спб. 1872 г. Ц. 75 к., вѣсов. за 1 ф.

ИВАНОВЪ, Н. Историческое описаніе Москвы. М. 1872 г. Ц. 75 к., вѣсов. за 1 ф.

Томъ III.—Іюль, 1872.

Въ книжномъ магазинѣ Черкесова (Невскій пр., № 54) поступилъ
въ продажу новая книга:

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Книга I. Процессъ производства капитала.

~~~~~  
Цена 2 р. 50 к.  
~~~~~

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“.

Съ цѣлю содѣйствовать большему знакомству нашего общества съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, съ 1872 года, Редакціей «Филологическихъ Записокъ» будетъ издаваться, по одному тому въ годъ, особый сборникъ (совершенно отдѣльное изданіе отъ журнала), подъ редакціей А. Н. Чудинова, а именно: «Сборникъ классическихъ иностранныхъ писателей въ переводахъ русскихъ поэтовъ», содержаніе котораго составятъ избранные поэты Швеціи и Даніи, Франціи, Германіи, Италіи и пр.

Произведенія каждаго поэта будутъ снабжены объяснительнымъ историко-критическимъ этюдомъ о его литературной дѣятельности и библиографическимъ указателемъ лучшихъ о немъ изслѣдованій въ иностранной и русской литературѣ.

Въ составъ 1 т. «Сборника» за 1872 г. войдутъ «Избранные поэты Даніи и Швеціи въ переводахъ русскихъ писателей». Содержаніе его: 1) три руководящія статьи: о скандинавской поэзіи; 2) стихотворные переводы 2-хъ сагъ и отрывковъ изъ Эдды; 3) біографія шведскаго поэта Н. Тенера и переводъ слѣдующихъ его произведеній—поэмы «Фритіофъ», повѣсть—«Аксель» и стихотвореніе «Первое причащеніе»; 4) біографія датскаго поэта Эллислегера, драма и нѣсколько его стихотвореній; 5) біографія датскаго поэта Андерсена, нѣсколько его стихотвореній и романъ «Импровизаторъ». Въ виду родственной связи нашей поэзіи съ скандинавской и совершеннаго незнакомства русской публики съ послѣдней, мы полагаемъ, что I-й томъ «Сборника» восполнитъ собою довольно крупный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ. Со стороны редакціи приняты будутъ всѣ мѣры относительно возможно тщательной обработки какъ содержанія этого изданія, такъ и его внѣшняго вида. Объемъ тома, приблизительно, будетъ состоять изъ 20—25 печатныхъ листовъ. Каждый томъ будетъ продаваться особо по 2 р. за экземпляръ. Подписчики «Филологическихъ Записокъ», желающіе приобрести этотъ «Сборникъ», пользуются уступкой 20%.

«Филологическія Записки» издаются въ ВОРОНЕЖѢ; выходятъ безсрочными выпусками ШЕСТЬ вышекъ въ годъ.

Подписная ЦѢНА—ШЕСТЬ руб. въ годъ съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель А. Хованскій.

BULLETIN

de la librairie de **CARL RICKER** (Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

- BIERMANN, Baden-Baden. — 1 r. 40 c.
 F. A. BROCKHAUS Leben I. — 1 r. 50 c.
 BRUGSCH, Hieroglyphische Grammatik 12 r.
 CARNÉ, Voyage en Indo-Chine et dans l'empire Chinois. — 1 r. 60 c.
 COURNOT, Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes 2 vol. — 4 r.
 DÜNTZER, Homerische Abhandlungen. — 4 r. 80 c.
 • EBERTY, Geschichte des preuss. Staates VI. — 3 r. 75 c.
 FOGLAR, Grillperger's Aussichten über Literatur, Bühne und Leben. — 80 c.
 TORRENS, empire in Asia. How we come by it. A. Book of confessions. — 7 r. 70 c.
 GLENZION, De la poterie gauloise, étude sur la collection charvet. — 4 r. 80 c.
 GOLTZ, Die sociale Frage. — 40 c.
 GOUFFÉ, Die feine Küche-Enthaltend gründliche Anleitung zur höheren und bürgerlichen Kochkunst geb. — 11 r. 25 c.
 ГРАХОВЪ, Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь. — 4 p
 GROSSE, Das Mädchen von Capri. Owaja. geb. — 2 r. 25 c.
 HAMERLING, Teut. Ein Scherzspiel in 2 Akten. — 1 r.
 HOFFMANN, Des Studium der Philosophie. — 75 c.
 KALISCH, Heitere Stunden, 2 bde. — 2 r. 50 c.
 KREYENBERG, Mädchenerziehung und Frauenleben. — 2 r.
 LINNG, Dunkle Gewalten. Lyrische dichtungen. — 1 r. 90 c.
 MEYER, Stadtbuch von Augsburg. — 5 r.
 MEYER, Weltelend und Weltschmerz. Eine Rede gegen Schopenhauers und Hartmanns Pessimismus. — 25 c.
 PETZOLDT, Fabrication, Prüfung und Nebernahme, von Eisenbahn. Material. — 6 r.
 PFLEIDERER, Moral und Religion. — 1 r. 80 c.
 PRUSKER, Lexikon der bedeutenderen Schlachten, Belagerungen und Gefechte. — 1 r.
 RAABE, Geschichte und Bild von Nero, I Hälfte. — 2 r. 25 c.
 RICHEMONT, Studien über römische Katacomben. — 2 r.
 SCHWEGLER, Römische Geschichte III. — 3 r.
 VOLCKMANN, Rhetorik der Griechen und Römer. — 5 r. 90 c.
 COLBURN, Locomotive engineering and the mechanism of railways 2 vol. — 27 r. 50 c.
 SACKEN, Die Antiken Bronzen des L. L. Muns und Antiken Cabinets in Wien. — 30 r.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

А. И. Тургенева. Лейпцигъ. 1872.

Большой томъ писемъ А. И. Тургенева въ его руку Николаю составляетъ только незначительную часть ихъ переписки, отъ 1826 до конца 1828 г., иной изъ Россіи, а также и въ перепечаткахъ редакцій. Письма А. И., вышедшаго тогда въ свѣтъ, сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о дѣлѣ его осужденнаго брата и о настроеніи общества въ ту эпоху; съ другой же стороны, они наполнены массою интереснѣйшихъ подробностей о европейской жизни, политической, общественной и литературной, такъ какъ А. И. Тургеневъ, человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, былъ въ знакомствѣ со множествомъ замѣательныхъ людей въ Германіи, Франціи и Англіи. Продолженіе этого изданія, и еще болѣе, въ можетъ, напечатаніе писемъ самого Николая Ивановича несомнѣнно было бы драгоценнымъ приобретеніемъ для нашей исторической литературы.

В. Н. Шимановскаго. Ч. I. Варшава. 1872. Стр. 355.

О кредитѣ можно сказать тоже, что Езонтъ залъ о языкѣ: это и величайшее благо, и величайшее зло, смотря потому какъ имъ пользоваться. За извѣстными предѣлами и при нарушеніи оныхъ кредита, онъ вырождается, по справедливому выраженію нашего автора, въ опасную и губительную утопію, потому-то его трудъ и поощряется главнымъ образомъ опредѣленію прѣдела кредита и уясненію его сущности, изъ ко-го вытекаютъ самые законы кредита. Затѣмъ, вышедшей первой части, авторъ разсматриваетъ главное орудіе кредита и останавливается на изученіи характера его перваго агента, а именно банка, при чемъ приводятся историческія свѣдѣнія о важнѣйшихъ европейскихъ банкахъ. Содержаніе второй части составить обзоръ различныхъ банковыхъ институцій, начиная съ поземельныхъ и оканчивая государственными банками, — тогда и мы возвратимся къ подробному разбору этого труда, столь важнаго и полезнаго въ наше время.

К. Кавелина. Спб. 1872. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Намъ остается только объявить объ отдѣльномъ изданіи труда, который печатался у насъ статьями, потому хорошо знакомъ нашимъ читателямъ, и въ тѣхъ съ авторомъ пожелать, чтобы критика отнеслась къ нему также свободно и искренно, какъ свободно и искренно отнесся авторъ къ предмету своего изученія. Настоящій трудъ К. Д. Кавелина находится въ связи съ извѣстными его очеркомъ юридическаго быта древней Россіи, гдѣ онъ 25 лѣтъ тому назадъ указывалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности. Теперь ему пришлось указать на ея нравственное ничтожество, — фактъ, съ которымъ согласятся, вѣроятно, и противники автора, какъ бы ни было велико ихъ разногласіе относительно коренной причины такого неутрагивающаго явления, которую К. Д. Кавелинъ ищетъ въ ошибочномъ пониманіи

психической жизни и ея значенія посреди окружающаго матеріальнаго міра».

Малайскій Архипелагъ. Страна орангутана и райской птицы. Соч. Уэлласа. Пер. съ 2 англ. изд. Спб. 1872. Стр. 622. Ц. 3 р.

Къ многочисленнымъ и весьма тщательнымъ изданіямъ «Весмирнаго Путешественника» присоединяется теперь появившееся описаніе Малайскаго архипелага, который служить какъ бы мостомъ между южными берегами материка Азіи и Австраліи. Авторъ посвятилъ свой замѣчательный трудъ, — результатъ 8-ми-лѣтняго пребыванія на мѣстѣ, Чарльзу Дарвину. Онъ вывезъ съ собою огромныя коллекціи въ 125,060 видовъ различныхъ животныхъ и растеній. Но самое сочиненіе исполнено интереснѣйшихъ бытовыхъ подробностей и картинъ цивилизаціи первобытныхъ людей; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны главы, относящіяся къ оо. Борнео и Явъ.

Многострадальные. Очерки быта кантонистовъ. В. Н. Никитина. Спб. 1872. Стр. 255.

Настоящее отдѣльное изданіе статей, помѣщенныхъ прежде въ одномъ изъ періодическихъ изданій, сопровождается послѣсловіемъ автора, изъ котораго видно, что многіе нашли невѣроятнымъ его рассказы объ ужасахъ жизни кантонистовъ прежняго времени, за 14 лѣтъ тому назадъ, а прошедшіе лично эту школу уверявали его въ пропускѣ многихъ гораздо худшихъ фактовъ, какъ напр., обращеніе мальчиковъ-евреевъ въ православные чрезъ обливанье ихъ зимой на дворѣ, или леченіе отъ «куринной слѣпоты» не менѣе курьезнымъ и равно варварскимъ способомъ. Читая это, можно только радоваться, что бытъ кантонистовъ сдѣлался теперь достояніемъ исторіи, и невѣроятное въ словахъ автора свидѣтельство объ одномъ, а именно, что мы отошли далеко отъ эпохи кантонистовъ и способны отнестись недо-вѣрчиво даже и къ самой истинѣ.

Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь. Составл. Я. Граховымъ. Первая часть: А—Д. Спб. 1872. Стр. 481. Ц. 4 руб.

При начинающейся у насъ потребности въ научномъ знакомствѣ съ вѣдѣннею природою, и при весьма неопредѣленной терминологіи, авторъ этого огромнаго труда оказалъ весьма существенную заслугу, помимо возможныхъ недосмотровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. По его плану, въ составъ словаря вошли: 1) Горнозаводскія и Лѣсныя науки; и 2) вспомоgetельные ихъ предметы: Минералогія, Геогнозія, Химія, Физика, Механика, Ботаника, Технологія, Зоологія, Орнитологія, Энтомологія и предметы Сельскаго хозяйства. Мы думаемъ только, что авторъ вытравилъ много бы мѣста, еслибы онъ не писалъ русскими буквами тѣ названія, которые непереводимы; наприм. Krokait—Крокалитъ; Krokeit—Крокеитъ; Krokoiit—Кроконтъ. Такой способъ почти удвоиваетъ объемъ книги съ пользою только для тѣхъ, которые не знаютъ латинскаго алфавита. Есть также не мало словъ, неидущихъ въ спеціальный словарь; напр.: Halten—держать; Distinkt—отличительный; Actiſciel—искусственный и т. п.; всѣ такіе слова принадлежать общимъ лексиконамъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

НА 1872-ой ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫМЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВАМЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ПЛОГОГОДНЫХЪ ГОДИ ПОЧИСЛЕНІЙ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 100 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для многорядныхъ подписчиковъ, книги едутъ въ зетскую Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трамвая. Журналъ доставляется на почту съ адресомъ подписчика, въ своей упаковке и съ двойною бандеролью, бумажною и персочною.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы успѣли своевременно до сдачи книги въ Гласную Экспедицію. За невозможностью известить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправления журнала, а редакцію известить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса необходимо указывать мѣсто отправления журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примечаніе. — По почтовымъ преданіямъ, городскіе подписчики переходя въ вторые, приплатаютъ 1 р. 50 к., а иностранцы — въ среднемъ 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, производится только въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы съ нѣмпежи. По полученіи такой жалобы Редакція немедленно представляетъ въ зетскую Экспедицію дубликаты для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Гласная Экспедиція должна будетъ предварительно спросить Почтовую Контору, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея ответа.

Примечаніе. — Жалоба должна быть отпрямлена не позже послѣдней слѣдующей за номеромъ журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Пески пруса, 30.

OCKER
NOV 20 1980

